АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XXXI

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1956

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. ТОКАРЕВ

Е. Э. БЛОМКВИСТ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСТРОЙКИ РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ

(ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ)

ВВЕДЕНИЕ

Восточнославянское крестьянское жилище, распространенное на громадном пространстве от Карпат до Тихого океана и от Ледовитого океана до Памира, представляет огромное разнообразие форм, часто по внешнему виду не имеющих ничего общего.

Что́, казалось бы, можно найти сходного между огромными деревянными хоромами северных районов и убогой низенькой избушкой черноземной полосы дореволюционного времени? И может ли быть какое-нибудь сходство между закарпатской хыжей, с ее высокой крутой крышей, и саманной хаткой русских селений Казахстана, с ее почти плоской кровлей? И тем не менее, несмотря на бесконечное как будто бы разнообразие форм, на всей обширной территории, заселенной восточными славянами, их жилища имеют множество общих черт, что́ выражается в характере самих построек, в их планировке и технике возведения, в назначении отдельных частей и в терминологии. В то время как на противоположных окраинах восточнославянской области жилища резко отличаются друг от друга, между соседствующими типами жилищ резких границ не существует, все они связаны обилием переходных форм, в которых разнообразно сочетаются признаки основных видов.

Отсутствие резких границ между типами построек на восточнославянской территории, постепенный переход от одного типа к другому дают возможность рассматривать их — в любом направлении от края и до края нашей страны — в виде непрерывной цепи, звенья которой тем сильнее отличаются одно от другого, чем далее они отстоят друг от друга. Общие черты в жилище восточных славян обусловлены общностью происхождения, длительным развитием в сходных исторических, социальных и физико-географических условиях, постоянными взаимосвязями русских, украинцев и белорусов в течение ряда столетий.

Различия объясняются этнической традицией отдельных групп населения, разницей в исторических судьбах и в конкретных социальных и экономических условиях в известные периоды, а также неодинаковостью климатических и почвенных условий, рельефа местности и характера речной сети, знакомством с той или иной техникой, наличием тех или иных материалов и т. д.

Под воздействием всех этих факторов в течение ряда веков складывалось жилище великорусов, белорусов и украинцев; в результате возникли очень сложные культурные комплексы с разнообразными вариантами.

Настоящая работа имеет своей целью дать сводку основных сведений о русских, белорусских и украинских крестьянских постройках в том виде, в каком они сложились ко времени Великой Октябрьской социалистической революции, с попыткой некоторых обобщений.

В работе рассмотрено исключительно крестьянское жилище, так как оно сохранило гораздо больше национальных особенностей, чем жилища других классов населения. Автор пытается проследить его вглубь веков, насколько позволяют имеющиеся источники. При этом использованы археологические материалы, летописи и другие письменные памятники, миниатюры и иные изображения. С конца XVIII в. все больше и больше говорят за себя и сами дошедшие до нас постройки, в XIX в. появляются и этнографические работы на интересующую нас тему. В настоящем исследовании рассматривается крестьянское жилище преимущественно конца XIX— начала XX в., но в отдельных случаях учитывается и материал, который дает современное крестьянское жилище, сохранившее старые формы и детали.

Географические рамки исследования определяются основной областью давнего обитания восточных славян в пределах Восточно-Европейской равнины, дополнительно кратко охарактеризованы жилища и поселения на всей территории современного расселения русских, украинцев и белорусов.

Многообразие форм народного жилища выдвигает задачу выделения основных его элементов и их анализа. С учетом этой задачи вся работа построена таким образом, что, по выделении основных комплексов жилища (точнее — крестьянской усадьбы), рассматриваются поочередно и составляющие его элементы.

Данное исследование построено на следующих основных источниках: 1) соответствующая литература по археологии, этнографии, изобразительному искусству и архитектуре; 2) фотоархивы и музейные коллекции; 3) экспедиционные материалы автора.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА [1]

Данные истории и археологии говорят о том, что уже в I тысячелетии н. э., а возможно — до нашей эры, в стране, занятой восточнославянскими племенами, существовали два типа жилого дома: в лесной полосе преобладала наземная срубно-бревенчатая постройка, в лесостепной и степной полосах господствовало жилище типа полуземлянки с деревянными, плетеными или глинобитными стенами.

Традиции низкого жилища-полуземлянки в степной и лесостепной зонах Восточной Европы прослеживаются вплоть до III тысячелетия до н. э., когда пространство между Дунаем и Днепром было покрыто так называемыми трипольскими поселениями, располагавшимися вдоль небольших речек. Опыты реконструкции раскопок за многие годы дают возможность установить, что в III тысячелетии до н. э. это были круговые поселения, в отдельных случаях располагавшиеся двумя концентрическими кругами, с центральной площадью, свободной от построек; эта площадь служила местом для загона скота, на ней могли также происходить различные сборища, празднества, обрядовые пляски. Такое круговое расположение поселения давало лучшую возможность для обороны [2].

Площадь жилищ,— прямоугольных удлиненных домов 10—30 м в длину, углубленных в землю,— достигала размера 150 м^2. Они имели вход, обращенный к центру поселения, тщательно приготовленный пол (деревянно-глиняный настил), обожженный кострами, плетеные, обмазанные глиной стены и два ряда столбов, поддерживавших двускатную крышу.

В некоторых домах жила одна семья. Такие дома делились на две части: в одной хранилось и обрабатывалось зерно, в другой находилась глиняная печь; имелись дома и на несколько семей, из четырех-пяти и больше камер. Одни из этих камер использовались коллективно — они были или «амбарными» помещениями, или простыми сенями. В других жили отдельные парные семьи; в каждой из таких комнат имелась своя печь («печные» камеры). Этот тип жилища примитивно-земледельческих неолитических племен был распространен на всей территории Днестровско-Днепровского бассейна (он доходил на севере до верховьев Южного Буга и Тетерева, на востоке переходил на левобережье Днепра, на юге доходил

---

[1] В «Исторической справке», предпосылаемой описанию жилища восточных славян XIX—XX вв., указаны лишь основные вехи развития жилища на восточнославянской территории, поэтому археологический материал исчерпывающе и детально не рассматривается. Наиболее полно материалы по древней восточнославянской культуре, в том числе и по жилищу, обобщены в коллективном труде «История культуры древней Руси. Домонгольский период», тт. I и II. М.— Л., 1948, 1951.

[2] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). МИА, № 10, 1949, рис. 71.

до берегов Черного моря). Повидимому, это были родовые поселения, состоявшие из нескольких десятков жилых построек, главным образом многоочажных домохозяйств. По наслоениям пола и приемам постройки этих «длинных домов» можно проследить, как постепенно расширялась площадь большого многосемейного жилища, что указывает на разрастание населявших его родовых коллективов и выделение парных семей [1].

Огромное значение для установления типа жилья того времени имеют находки глиняных моделей трипольских жилищ, на которых воспроизведены все детали. Например, одна из моделей изображает жилище, состоящее из сеней и жилья, разделенных невысоким порогом. В жилой части находится на возвышении печь, за нею — лежанка. У стены против печи стоят сосуды для хранения припасов. Около них помещена фигурка женщины, растирающей зерно на зернотерке, стоящей на небольшом возвышении; рядом — углубление, куда ссыпается зерно. Бóльшая часть моделей — без крыш, но одна из них имеет двускатную крышу [2].

Со времени трипольской культуры прочно вошла в жизнь традиция строительства углубленного в почву прямоугольного жилища с печью. Таковы жилища среднеднепровской группы племен «шнуровой керамики» (II тысячелетие до н. э.), живших уже в эпоху меди и бронзы. Близки к ним и жилища оседлого населения среднего Приднепровья в последних веках до нашей эры, применявшего железо и занимавшегося пашенным земледелием. Здесь возникали большие поселения, как, например, поселение на Пилипенковой горе под Каневом, площадью более 1,5 га, состоявшее из небольших (16—36 м²) жилищ с каменными очагами и глинобитными печами, со стенами из прутьев, обмазанными глиной.

Этот же тип жилища характерен и для первых веков нашей эры, о чем можно судить по остаткам жилищ культуры «полей погребений», распространенной от Прикарпатья до Днепра.

Памятники культуры «полей погребений» зафиксированы на территории Украины (главным образом в лесостепной части между реками Днестром и Донцом) более чем в 400 пунктах, причем в трех четвертях из них выявлены поселения [3]. Пока исследована лишь незначительная их часть, но и то, что уже сделано советской археологией, дает о них кое-какое представление. Жилища были, повидимому, двоякого типа: полуземлянки и наземные. Строились они на деревянном каркасе из нетолстых столбиков, оплетенных ивняком; плетень с обеих сторон обмазывался глиной; пол выкладывался глиняными вальками или просто утрамбовывался. Печи были очень разнообразны: круглые, овальные, четырехугольные в плане. Это были очаги из мелких камней, связанных глиной, сводчатые печи, сложенные из плоского плитняка, глиняные сводчатые печи на деревянном каркасе. В одном из раскопанных селищ Киевской обл. (Обуховский район) удалось для обнаруженных там четырех типов печей установить определенную хронологическую последовательность: от I—II до VI—VII вв. н. э. [4].

---

[1] Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 1, 38, *б*, 72. О длинных полуземляночных домах раннего триполья, см. также: С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая, МИА, № 38, 1953, глава I.

[2] Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 33, 68, 69—4; см. также С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 202—203.

[3] Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 77.

[4] Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі (Розкопки 1945—46 рр.). «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 159 и 175.

Аналогичный материал дают раскопки селищ «полей погребений» и на левобережье Днепра [1], и в Житомирской обл. [2], и на Днестре в Каменец-Подольском районе [3], и в Львовской обл. [4].

Теперь можно считать решенным, что эти жилища принадлежали многочисленным славянским племенам, известным историкам первых веков нашей эры под названием венедов; позднее же, в IV—VI вв., их называли антами и склавинами [5]. Анты и склавины были оседлыми земледельческими племенами; они жили в лесостепных и степных областях и устраивали свои небольшие поселения по берегам рек, ручьев и озер [6].

Значительно более обильный материал дает археология для суждения о славянских жилищах VIII—X вв. Поселения этого времени в зоне лесостепи известны в литературе под названием городищ роменского или роменско-боршевского типа. Название это они получили от двух групп городищ: Роменской, расположенной по р. Ромен в Сумской обл. [7], и Боршевской близ с. Боршево на Дону в Воронежской обл. (Гремяченский район) [8].

Классический пример селения этого периода представляет городище Монастырище близ г. Ромны, называемое так в народе вследствие того, что здесь, по преданию, во времена казачества находился монастырь; ранее на городище стоял идол, изображавший Перуна [9].

---

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (по материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). СА, XIII, 1950, стр. 7—32.

[2] Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань», стр. 164—176.

[3] М. Тиханова. Розкопки верхніх горизонтів поселення в с. Лука-Врублевецька. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, стр. 177—183.

[4] М. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 1, стр. 189—205.

[5] Не следует понимать этого так, что традиция постройки подобных жилищ обязательно обусловливается генетической непрерывностью линии развития племен; данных для подобного утверждения пока не имеется. Возможно, что выработавшаяся культура жилища усваивалась пришедшими извне народами, ассимилировавшимися с прежним населением. Высказывание ряда исследователей на эту тему см. в Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953 (статьи А. Д. Удальцова, П. Н. Третьякова, Т. С. Пассек); С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, 1953.

[6] Русский археолог А. С. Уваров считал, что тип раннего славянского жилища можно видеть среди изображений, высеченных на колонне, которая была воздвигнута в Риме по повелению императора Траяна в честь победы над даками, в войнах 101—102 и 105—106 гг. н. э. (барельеф, воспроизводящий отдельные эпизоды завоевания Дакии, расположен спирально по всему 27-метровому стволу колонны; общая длина барельефа 200 м). Известно, что дакийские племена, жившие на территории современной Румынии и Трансильвании, были поглощены славянами и в какой-то части вошли в их состав (см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953, стр. 111; Н. С. Державин. История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 86—89). Уваров так описывает жилище даков: «Славянская изба видна на той части Траяновой колонны, где изображаются подвиги императора в Дакии: это — два сруба, соединенные друг с другом под углом и обнесенные тыном из заостренных кольев... Один из срубов поставлен на высоких столбах. Может быть, это — сени, о которых пишет летопись в рассказе о первых варягах, мучениках» (А. С. Уваров. Материалы для археологического словаря. «Труды Моск. археол. об-ва», т. II, вып. I. М., 1869).

[7] Исследована впервые в начале XX в. Н. Е. Макаренко (см. Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. «Известия Археологической комиссии», вып. 22, 1907, стр. 55—88; его же. Городище Монастырище. Киев, 1925).

[8] Исследована П. П. Ефименко в конце 1920-х — начале 1930-х годов (см. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948).

[9] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях, стр. 55.

Жильем для обитателей городища служили квадратные в плане полуземлянки с отвесными стенками, площадью 18—20 м², врезанные в землю на глубину 0,5—1 м; деревянные стояки поддерживали крышу, вероятно, односкатную. У стенки помещалась глинобитная печь куполообразной формы с дымовым отверстием; в грунте вырезали предпечную яму, чтобы не нагибаться во время приготовления пищи. В грунте же вырезали у стен лавки и широкие нары для спанья. Каждая землянка служила, повидимому, жилищем отдельной брачной пары. Снаружи располагались ямы для хранения хозяйственных припасов, что отмечал у антов-славян в VI в. «Псевдо-Маврикий» [1], говоря, что они продукты закапывают в землю [2]. Это городище по хозяйственному инвентарю относят к VIII—IX вв. [3].

Городище у с. Боршева (или Борщева) на Дону (VIII—X вв.) состоит из многочисленных квадратных полуземлянок, выбитых в меловой толще на 1 м ниже уровня почвы. Благодаря консервирующим свойствам мела в некоторых постройках уцелели остатки деревянных стен. Стены камер отвесны, пол хорошо выровнен. Сохранились остатки очагов или печей, ямы от столбов, остатки самих столбов и иногда нижние части деревянной облицовки. Незначительная глубина высеченных в мелу камер указывает, что они служили лишь основанием жилищ, которые должны были значительно возвышаться над поверхностью земли. Бо́льшая часть землянок представляла собой один из вариантов столбового жилища, весьма распространенного, начиная с эпохи неолита, по всей территории Европы: по углам и у середины стен были врыты дубовые стояки, поддерживавшие облицовку из закладываемых за них дубовых досок (она сохранилась в отдельных землянках на высоте до трех досок). В нескольких же ямах были обнаружены хорошо сохранившиеся венцы сруба из тонких дубовых бревен, почти не обработанных, с остатками коры на них. Бревна на углах сруба соединены «в обло» [4]. Пространство между срубом и стенами ямы было плотно забутовано меловой щебенкой: нижние венцы лежали в специально вырубленных в дне ямы канавках, очевидно для большей устойчивости сруба [5].

На стояки или на верхние венцы поперечно укладывались перекладины, на которых держалась кровля. Верхняя наружная часть стен, вероятно, забиралась для тепла плетнем. Стены и кровля снаружи засыпались землей.

---

[1] Это имя получил в науке неизвестный автор «Стратегикона» — военного трактата VI—VII вв., так как раньше написание его ошибочно приписывалось византийскому императору Маврикию.

[2] Ямы для хранения продуктов характерны и для более поздних поселений; в так называемом Донецком городище X—XI вв. близ Харькова вся поверхность покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Около 80 таких ям было раскопано украинскими археологами в 1929 г. Стенки ям тщательно выровнены, кое-где сохранились следы глины и извести, которыми вымазывали ямы изнутри, и остатки бересты и сосновой коры, которыми выстилали их когда-то. О таких хлебных ямах упоминает и летопись, и «Русская Правда» (XI в.): «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун» (см. «Памятники русского права». Вып. I. Русская Правда пространной редакции. М., 1952, стр. 112).

[3] Зарисовки землянок городища Монастырище см. Н. Макаренко. Городище Монастырище. «История культуры древней Руси», т. I, рис. 124.

[4] «В обло» — выражение, взятое из древнерусского языка и принятое в нашей литературе для обозначения наиболее простого способа поперечного соединения бревен врубкой с остатком. Теперь же этот способ чаще называется «в чашку», или «в угол» (см. ниже, стр. 68—69).

[5] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., рис. 5—10 (планы землянок).

Бóльшая часть жилищ отапливалась печью — «каменкой», сложенной без глины, но встречались и печи из камней, скрепленных глиной. Печь устраивали всегда в левом заднем углу жилища [1]. В двух землянках в стене, прилегающей к очагу, удалось заметить выемку,— ее следует рассматривать как остаток окна, служившего для освещения жилища и для выхода дыма. Кое-где вдоль стен сохранились остатки деревянных нар.

Роменско-боршевские городища, состоящие из прямоугольных полуземлянок описанного типа, известны на обширной территории, включающей Среднее Поднепровье и Подонье. С каждым годом советские археологи открывают их все больше и больше. Лучше всего в этом отношении обследована Левобережная Украина, где по правым берегам рек Сулы, Псла, Ворксльı, Десны и Сейма и верхнего течения Северного Донца выявлено около 70 поселений этого типа [2]. Последние исследования советского археолога И. И. Ляпушкина показали, что область их распространения значительно шире. На основании этих исследований археологи уже могут считать несомненным, что волынцевская культура Поднепровья одновременна роменско-боршевской культуре и является лишь ее локальным вариантом [3].

До недавнего времени в советской археологии существовало убеждение, что полуземлянки в поселениях роменско-боршевского типа соединялись между собой внутренними переходами, как бы коридорами, так что они имели вид не отдельных жилищ, а целого улья скученных помещений, лежавших одно возле другого,— получалась картина настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда. Впервые это предположение сделал П. П. Ефименко для городищ воронежской группы [4], потом оно было распространено на Монастырище и другие роменские городища и подкреплялось сведениями из Псевдо-Маврикия, указывавшего, что склавины и анты в своих жилищах устраивали много выходов, дававших им возможность спасаться в случае приближения врагов.

Это представление о роменско-боршевских городищах как о родовых «ульях» настолько утвердилось в науке, что перешло и в ряд обобщающих и научно-популярных работ [5]. Отдельные археологи до недавнего времени даже связывали роменские городища с антами, относя основные слои городищ к VI—VII [6] или VI—IX вв. [7]. Но теперь уже окончательно установлено, что эти городища значительно моложе антского времени и датируются VIII—IX вв. [8].

---

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., рис. 15.

[2] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 7—39. В приложении — список населенных пунктов, близ которых расположены раннеславянские поселения VIII—X вв. (стр. 39—41) и карта раннеславянских поселений с нанесенной на ней границей лесостепи; М. Воєводський. Городища Десни. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, стр. 105—111; И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей (с картой). Вестник ЛГУ, 14—15 (находится в печати).

[3] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа (по материалам Битицкого городища). СА, XXIX (готовится к печати).

[4] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону. «Сообщения ГАИМК», № 2, 1931, стр. 8.

[5] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 204; В. Мавродин. Древняя Русь. [М.], 1946, стр. 105.

[6] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», т. I, 1939, стр. 322.

[7] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 94.

[8] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 121—136. Б. А. Рыбаков также отказался от защищаемой им прежде да-

Советские археологи в последних своих работах взяли под сомнение и наличие внутренних переходов в роменско-боршевских городищах. С этой точки зрения за последние годы был заново пересмотрен весь материал по городищам этого типа. Внутренних переходов не было обнаружено ни в одном из городищ: то, что считали переходами, представляет собой разновременно выкопанные землянки, пересекающие одна другую. Поэтому никакого разговора о существовании в это время сложных общинных сооружений с переходами и многими выходами быть не может (принимая во внимание также и то, что Псевдо-Маврикий сообщает лишь о выходах, но ничего не говорит ни о переходах, ни о землянках) [1].

Таким образом, принимая точку зрения И. И. Ляпушкина, приходится признать, что роменско-боршевские полуземлянки являются индивидуальными жилищами отдельных семей сельской общины, а сами городища — поселениями сельского типа раннекиевского общества.

Роменско-боршевские полуземлянки ставят вне сомнения достоверность исторических сведений о славянском жилище, относящихся к IX—X вв. Так, арабский географ Ибн-Русте пишет: «В земле Славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянной остроконечной крышей, какие мы видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, их поливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны» [2].

Здесь уже вплотную подходим к племенам «Повести временных лет»: археологи полагают, что раннеславянские поселения роменско-боршевского типа на Суле, Псле и Ворксле, на Десне и Сейме могли принадлежать северянам [3], а на Дону — вятичам [4]. Северянские жилища отличались от вятичских лишь тем, что вместо деревянных стен они имели стены из глины, а вместо печей-каменок — глиняные сводчатые печи.

Для этих жилищ характерен постепенный переход к инвентарю, типичному для культуры Киевской Руси.

Ближайшую аналогию древним славянским жилищам Среднего Поднепровья и, в частности, жилищам северян «Повести временных лет» можно видеть в землянках придунайской Болгарии, широко распространенных еще в XIX в. и удерживающихся в отдельных селениях до наших

тировки. В своей работе «Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина» («Вопросы истории», 1952, № 9) он говорит: «Городища роменского типа VIII—X вв., возникшие на антской земле, нельзя приводить в связь с антами в силу значительного хронологического разрыва» (стр. 55).

[1] И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, 69 (готовится к печати).

Следует добавить, что специалисты в области греческого языка переводят в тексте Псевдо-Маврикия употребленный им термин не как жилище, а как «местообитание», «местожительство».

[2] Д. А. Хвольсон. Известие о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 32—33. (В настоящее время установлено, что имя этого арабского ученого следует читать Ибн-Русте).

[3] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI — VII, 1947, стр. 95, карта 5.

[4] П. Н. Третьяков. Анты и Русь. СЭ, 1947, № 4, стр. 74, карта. Спорным вопросам славяно-русской археологии и этногенеза посвящены статьи: Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 61—82; Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии АН УССР. СА, XXII, 1955, стр. 257—272.

дней [1]. Эти болгарские жилища-землянки состоят из нескольких помещений с печами и очагами и имеют двускатные кровли, покоящиеся на сохах-столбах с развилками наверху. Кроме землянок, состоящих из трех отделений — одного холодного и двух отапливаемых, встречались и многокамерные полуподземные жилища, в которых помещались задруги по 15—20 человек. Полуземлянки в Добрудже носили то же название «бурдей», или «бурдель», под которым жилища этого типа известны в Бессарабии. Это обстоятельство следует рассматривать как еще одно свидетельство в пользу восточнославянского происхождения землянок придунайской Болгарии [2].

Совершенно иным был тип жилища северной группы восточнославянских племен — ильменских славян и кривичей VII—IX вв. Для этих лесных племен, сохранявших гораздо долее архаичные формы жизни, не знавших до VI—IX вв. пашенного земледелия, характерно рубленое из бревен жилище, с печкой-каменкой у задней стены. Традиции возведения этого жилища не удается проследить так далеко вглубь времен, как жилища южных племен, но все же имеются основания считать, что бревенчатое жилище восходит здесь ко II тысячелетию до н. э., т. е., что оно существовало задолго до того, как часть зоны со срубными сооружениями была захвачена процессом славянского этногенеза и срубное жилище стало одним из характерных признаков слагавшейся славянской культуры [3].

Основанием для такого утверждения может служить археологический материал по лужицкой культуре. Носителями ее были раннеславянские лужицкие племена, жившие в бассейне Вислы и Одера около 1300—500 гг. до н. э. и на юго-востоке своей территории достигавшие верховьев Припяти и Днестра.

Особенно поучительно Бискупинское городище (VI—V вв. до н. э.), открытое близ г. Познани. Торфяник, образовавшийся на месте поселения, хорошо сохранил остатки деревянных оборонительных сооружений, жилищ, всевозможные орудия труда и многое другое. Обитатели поселения, занимавшиеся земледелием, скотоводством и знакомые с обработкой металлов, жили в «длинных домах», построенных каркасной техникой: в углах дома были установлены круглые сосновые столбы, по линии стен — четырехгранные дубовые стояки; стены были набраны из коротких бревен, оструганных на обоих концах в виде клиньев и вставленных в продольные пазы, выдолбленные в столбах и стояках.

---

[1] П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту придунайских болгар. СЭ, 1948, № 2, стр. 170—183.

[2] Там же, стр. 179.

[3] Ценный материал по древним срубам на территории восточных славян дали срубные погребения различных периодов, например памятники срубной культуры бронзового века (около середины II тысячелетия до н. э.), встречающиеся на огромной территории от Днепра и Азовского моря до Оки и Урала, с центром на среднем течении Дона (Воронежская обл.). Носители этой культуры, исследованной наиболее детально в Харьковщине и Заволжье, хоронили своих покойников в срубах, покрытых сверху плахами и бревнами. Широко известны срубные погребальные камеры скифов (VI в. до н. э.). Особенно интересны курганные погребения славянских племен, находимые в земле древлян и полян, дреговичей и частью волынян, со срубами, повидимому, воспроизводившими жилище живых, с деталями вплоть до двускатной крыши (например, гробницы IX—X вв. в Киеве, срубленные «в обло» из дуба; срубы в курганах XI—XIII вв. на Волыншине и др.). Эти рубленые дома для мертвых назывались *одын*, т. е. постройка; ср. вышедшее из употребления великорусское *буда* — склеп для покойников (Даль), затем *будка* — отдельная небольшая постройка, современное украинское *будинок* — строение, избушка; ср. также *домовина* — гроб у северных великорусов (устарелое).

«Длинные дома» разделялись на однотипные секции, что́ свидетельствует об общинном быте древних лужичан [1].

В лесной полосе Восточной Европы — на Оке, верхней и средней Волге — к этому времени (I тысячелетие до н. э.) относятся городища «дьякова типа» [2]. Древнейшее из них — Каширское, близ г. Каширы на Оке, датируется VII—V вв. до н. э. Эти укрепленные поселения обычно сооружали на отрогах высокого коренного берега реки, с крутыми склонами; со стороны поля строители перерезали береговой мыс рвом и из вынутой земли насыпали с наружной стороны вал; кроме того, вокруг всего селения ставили тын из толстых дубовых столбов, нижние концы которых заострялись и обжигались. Жилища дьяковской культуры представляли собой четырехстенные низкие срубы, пол которых углублен в землю на 35—55 см; внутри у стен — нары, покрытые деревянными плахами; посредине каждой такой полуземлянки помещался очаг (в некоторых случаях очаги были обложены камнями) или печь-каменка. Поздние дьяковские городища археологи датируют IV—V вв. н. э. [3].

В лесной полосе землянки раньше, чем на юге (уже к середине I тысячелетия н. э.) начали уступать место наземным срубным постройкам. Но местами в лесной полосе долго еще бытовало и наземное жилище столбовой конструкции. Так, например, в городищах по верхнему течению Днепра и Десны в первых веках нашей эры дома представляли собой удлиненные многоочажные столбовые постройки, напоминающие «длинные дома» Бискупинского городища древних лужичан [4].

Близко по типу к поздним дьяковским городищам известное городище IV—V вв. н. э. у дер. Березняки на Волге, в 20 км ниже устья Шексны, исследованное П. Н. Третьяковым в 1934—1935 гг. Это городище, находившееся на границе тогдашних славянских земель и владений угро-финских племен Поволжья, служит чрезвычайно ярким и своеобразным примером комплекса построек большесемейной общины на Севере [5]. Центр городища занимал большой общественный дом с очагом в середине помещения. Вокруг располагалось шесть жилищ площадью по 15—20 м² каждое — это были бревенчатые дома, рубленные в обло, с земляным полом и каменным очагом у задней стены; левую половину жилища занимали мужчины — здесь найдены топор, ложкарь, стрелы, ременная узда с медными бляхами; правая половина принадлежала женщинам — здесь стояла посуда, приготовлялась пища [6]. Около общественного дома

---

[1] Иллюстрации к лужицкой культуре см. М. Воеводский. Остатки торфяного поселения лужицкой культуры в Польше. «Вестник древней истории», 1938, № 2(3), стр. 224—237, рис. 7—11. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, рис. 15 и 16; БСЭ, изд. 2, т. 5, стр 256 («Реконструкция Бискупинского городища»); «Всеобщая история архитектуры», т. I. М., 1944, табл. 5. Однако на археолого-этнографической сессии Академии наук СССР в апреле 1954 г. чехословацкий ученый Иосиф Поулик в своем докладе высказал мнение о том, что лужицкая культура — не славянская («Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 165).

[2] От сел. Дьяково, на правом берегу Москвы-реки, в 10 км от Москвы.

[3] Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 113—125. Городище расположено в 25 км к западу от Москвы.

[4] В. Г. Тарасенко. Раскопки на городище Барсучья Горка. КСИИМК, XV, 1947, стр. 102—105. (Приведен план городища III—IV вв. н. э., расположенного на Днепре, в 8 км вверх от Могилева. На плане хорошо видны два ряда очагов, сложенных из камней, с переходами от одного очага к другому, вымощенными плоскими камнями); Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 148—156. (Городище на левом берегу Десны).

[5] Репродукции городища Березняки помещены во многих современных изданиях: «История культуры древней Руси», т. I, 1948, стр. 207; «По следам древних культур. Древняя Русь» [Б. м.], 1953, рис. между стр. 16 и 17.

[6] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 207—208.

помещался амбарчик для хранения и размола зерна (в нем найдены две зернотерки и три каменных песта); рядом с ним — обширная кузница. Напротив, по другую сторону площадки, находилась постройка с очагом, внутри которой было найдено много пряслиц от веретен, шилья, иглы и другие вещи, свидетельствующие о том, что это было помещение для женских работ. Был в селении и погребальный домик, в котором хранились остатки умерших, сожженных на огне где-то за пределами поселка.

Селение со стороны крутых берегов р. Сонохты, в излучине которой оно располагалось, было укреплено бревенчатой оградой, лишь со стороны перешейка ограда состояла из двух параллельных плетней, пространство между которыми было забито землей, взятой из рва, выкопанного снаружи. Посредине земляной стены помещались ворота. В конце V в. этот поселок погиб от пожара.

Таким образом, уже в I тысячелетии н. э. существовало различие между типами жилища северной и южной групп восточнославянских племен, а именно: бревенчатые срубные постройки на севере в лесной полосе и постройки полуземляночного типа на юге, в лесостепной полосе. Это различие привело в дальнейшем к сложению устойчивых типов рядового жилья — бревенчатой избы в среднерусских областях и хаты-мазанки на Украине. Но в то время как на севере этот устойчивый тип срубно-бревенчатого жилища выработался уже к концу I тысячелетия н. э., а, может быть, и раньше, на юге долго еще преобладающим типом жилища оставалась полуземлянка.

В самом деле, как показали раскопки в Киеве и других древних русских городах (Шаргород, Княжа-Гора, Витичев), жилища XI—XIII вв. по конструкции почти не отличаются от полуземлянок VIII—IX вв. Таким образом, основным жилищем Киевской земли XI—XIII вв. была полуземлянка, вырезаемая в материковом грунте на глубине до полутора метров, площадью около 12 м^2; в грунте же вырезались и ступени входа, а также лежанки, площадки для печи, а порой и сама печь. Судя по сохранившимся остаткам надземных частей, техника возведения стен столбового жилища была та же, что и в Боршевском городище; промежутки между столбами заполнялись глиной или же забирались досками, врубленными в пазы вертикальных столбов; на эти же столбы опиралась и двускатная кровля. Деревянный каркас, как и стенки землянки, обмазывался глиной (толщина обмазки — до 10 см), пол был хорошо утрамбован [1].

Совершенно исключительное научное значение имеет одна из восьми раскопанных в Киеве землянок XIII в., так называемая «землянка художника». В ней на небольшой возвышенной площадке (около 20 см высотой) помещалась глинобитная печь куполообразной формы, топившаяся по-черному. Под печи состоял из слоя черепков глиняной посуды, покрытого сверху глиняной обмазкой. Свод печи сделан из глины на каркасе из прутьев, следы которых хорошо видны внутри печи; верхняя часть свода обвалилась. В соседнем с печью углу были обнаружены четыре небольшие и неглубокие ямки с остатками истлевших деревянных столбиков; повидимому, это остатки от ножек стола. В углу между печью и столом была обнаружена нижняя часть еще одного столбика, большего

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, фото и планы землянок. Любопытная реконструкция углубленных в землю жилищ X—XI вв. на крайнем юго-западе восточнославянской территории, относимых археологами к славянскому племени тиверцев, дана в кн. «По следам древних культур. Древняя Русь» в статье Г. Б. Федорова «Славяне Поднестровья» (стр. 121—154, рисунки между стр. 144 и 145. План, внешний и внутренний вид).

диаметра, вероятно, связанного конструктивно с печью. На полу были найдены многочисленные предметы хозяйственного и ремесленного инвентаря, сохранившего, как и части постройки, следы сильного огня. Землянка сгорела и обрушилась в отсутствие хозяев, о чем свидетельствует сохранившийся замок, висевший на петле со скобой, и обнаруженный под обвалом полуобгоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего запертого жилища [1].

Из богатейшего бытового инвентаря землянки следует упомянуть несколько предметов, непосредственно связанных с темой нашей работы: 1) железные предметы — три трубочных замка, два ключа, значительное количество кованых гвоздей, скоба и петля, 2) совершенно целый глиняный светильник и несколько обломков таких же светильников; 3) раздавленная корчага, которую удалось полностью восстановить; она содержала внутри больше пуда обгорелого зерна пшеницы, отверстие ее было прикрыто плиточным кирпичом; корчага стояла в углублении, вырытом между четырьмя ножками стола; 4) различная глиняная посуда, служившая для варки или хранения пищи; в одном из горшков сохранились запекшиеся от сильного жара комки разварившегося пшена; 5) остатки обгорелой деревянной кадушки, найденной у одной из стенок, с перегоревшей рыхлой массой внутри, оказавшейся мукой; 6) фрагмент деревянного ведра, обитого железными обручами. Следует отметить также набор из пяти деревообделочных инструментов: топор, сверло с втулкой для горизонтальной деревянной ручки, скобель для очистки коры с бревна, орудие в виде обоюдоострой кирки с круглой втулкой посредине, служившее, повидимому, для раскалывания дерева, и небольшой инструмент в форме ложки, служивший для выдалбливания дерева [2].

Все это свидетельствует о довольно сложной культуре жилища, хотя и не поднявшегося еще из земли.

Но в то время как в сельской местности Юга еще безраздельно господствовала полуземлянка, в самом Киеве, куда стекались люди со всех концов Руси, наряду с землянками строились и наземные срубно-бревенчатые жилища, о чем свидетельствуют как исторические источники, так и раскопки. Наземные срубные постройки были необходимы в приречном районе древнего Киева — Подоле, где вследствие низменной и болотистой местности полуземлянки были бы нецелесообразны [3]. Возможно, что в нагорной части города такие жилища принадлежали более зажиточной прослойке городского населения.

Однако дальше на север — на границе леса и лесостепи — кое-где долгое время еще наряду со срубно-бревенчатой наземной постройкой существовала и полуземлянка. Это, в частности, подтверждают раскопки на верхней Оке, где близ устья Угры были обнаружены полуземлянки, остатки огромного поселения XI—XIII вв. н. э. Размеры полуземлянок 4×4 м; они имели сруб, опущенный в землю на глубину 1 м, деревянный пол и печку-каменку на глиняном основании, расположенную в центре у середины задней стенки; надземные части постройки и крыша были густо обмазаны глиной. Такие постройки обнаружены и на средней Оке, в городище Старой Рязани, где в XI—XIII вв. жили и в бревенчатых избах и в полуземлянках такого же типа, какой был обнаружен в Киеве,

[1] М. К. Каргер установил, что эта землянка, как и все соседние, сгорела во время разгрома Киева татарскими полчищами в 1240 г. (см. его работу «Землянка-мастерская киевского художника XIII века». КСИИМК, XI, 1945, стр. 5—15).

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, рис. 3, 8, 11, 12, 14, 19, 20, 26 и 29.

[3] «Археологічні пам'ятки УРСР». Т. III, Київ, 1952, стр. 72.

с той же облицовкой из тесаных или колотых досок, концы которых были вставлены в пазы вертикально стоящих бревен. Но здесь, в богатом лесом районе, полы землянок выстланы горбылями, плоской частью кверху, смазаны глиной и сверху покрыты вторым слоем досок; досками покрыты нары; из досчатого настила, смазанного глиной, сделан под печи; деревянная перегородка отделяет северную часть землянки, в которой выкопаны для хранения продуктов ямы, от собственно жилого помещения с печью [1].

То же можно наблюдать и еще севернее, за Клязьмой, в Суздале, где раскопки в центре кремля обнаружили небольшие по площади древние постройки, нижняя часть которых углублена в материк, стенки забраны стояками и укреплены плетнем; несмотря на тесноту, в жилье помещался открытый очаг и иногда хозяйственная яма — подполье [2]. Наиболее раннее жилище этого типа (X—XI вв.) характеризуется значительной, по сравнению с позднейшими жилищами, площадью с криволинейными очертаниями; жилища же XII—XIII вв. имеют почти прямоугольную форму.

Очень интересный реликтовый материал, воспроизводящий облик раннего жилища восточных славян, дают временные жилища, устраивавшиеся еще в 1930-х годах у рыбаков, лесорубов, охотников, перевозчиков и др. Ярким примером подобного жилища могут служить *лесные избушки* (Архангельская обл., Карелия), *зимóвки* или *зи́мницы* (Костромская, Владимирская, Горьковская области), *чадóвки* (Кировская обл.), устраивавшиеся крестьянами- «боровщиками», когда им приходилось по нескольку недель жить в лесу на различных работах. Это — небольшие рубленые избушки, опущенные на несколько венцов в землю, со сводчатым потолком из круглого накатника, на который наваливали землю, и двускатной кровлей из жердей, покрытых еловыми ветвями. В передней стене — низенькая дверь, через которую можно было пролезать только на четвереньках. Против двери устраивался очаг из квадратного ящика, набитого землей (на нем и разводили огонь); в потолке, ближе к задней стене, оставлялось отверстие, от которого вверх вела деревянная труба для выхода дыма. В передней стене над дверью и в задней стене прорубали крохотные оконца. У задней стены настилали полати или нары, у боковых стен — лавки. Замечено, что более древние зимовки были углублены в землю до метра и более (на две трети высоты), так что над землей приходилось всего два-три венца; зимовки же недавнего времени были опущены в землю всего на два-три венца, так что бóльшая часть жилища находилась над поверхностью земли [3]. Аналогичное жилище — *зимовку*, или *истопку*,— строили себе охотники в Вологодской обл.

В Архангельской обл. известно временное летнее жилище — *шалашка*, или *станок*, из колотых пластин — *плах*, с односкатной крышей;

---

[1] Ценное исследование о рядовом жилище древнерусского города, базирующееся в основном на материале раскопок в Старой Рязани, с привлечением обширного сравнительного археологического и исторического материала, представляет работа А. Л. Монгайт «Древнерусские жилища XI—XIII вв.» (СЭ, 1948, № 4, стр. 54—69). Необычайно яркий и выразительный материал, многосторонне характеризующий древнерусский город — жилища и хозяйственные сооружения, хозяйственную деятельность и прочее, а также быт его обитателей, дает талантливо написанная сводка по многолетним археологическим исследованиям на известном Райковецком городище в окрестностях г. Бердичева (Житомирская обл. УССР) В. К. Гончарова «Райковецкое городище» (Киев, 1950).

[2] «История культуры древней Руси», т. I, рис. на стр. 210.

[3] К. Завойко. Временные жилища крестьян Костромской и частью Владимирской губ. «Костромское научное общество по изучению местного края», вып. XV. Кострома, 1920, стр. 130—131; Э. Рудольф. О лесном заделе, сплаве и прочих лесных заработках в помещичьих лесах Костромской губ. «Журнал Министерства гос. имуществ». 1842, V, стр. 132—134 (о зимницах).

временные летние полуземлянки перевозчиков, вырытые в крутом речном берегу, с односкатной крышей, известны по р. Вычегде (Архангельская обл. и Коми АССР), по р. Сухоне (Вологодская обл.), и во многих других местах. Любопытно, что вход в такое временное жилище на Севере называют *лазейкой* и то же название «лазейка» сохраняет в этих местах входная дверь с крыльца в сени избы.

В южных районах временные жилища — *курени* — встречались еще совсем недавно. Так, П. П. Ефименко приводит описание и зарисовки двух таких куреней, которыми в 1929—1930 гг. пользовались рыбачьи артели. Он видел их в эти годы на берегу Дона в окрестностях с. Боршева и на берегу Деркула, впадающего в Урал: это — полуземлянка, отдельные детали которой и расположение столбов в точности сходны с землянками древних городищ. Особенно интересно в куренях вытяжное оконце с плетеным щитком, углубленное частично в грунт, как в Боршевском городище [1].

Известно, как долго курень служил жильем на степных окраинах Русского государства — в казачьих станицах на Дону и в Запорожье [2].

К этому же типу жилищ относятся землянки или полуземлянки новопоселенцев в царской России как в новых местах поселения, так и в своих деревнях после пожара.

Дают представление о раннеславянском жилище также черные бани с печью-каменкой, сохраняющиеся еще местами на Восточно-Европейской равнине и в точности воспроизводящие известный нам по раскопкам план древнеславянской полуземлянки, как бы подтверждая правильность свидетельства арабских географов X в. (см. стр. 12).

Должно было пройти еще несколько веков, прежде чем полуземляночное жилище Юга поднялось («вылезло») из земли, «выбралось на свет», и превратилось в поземную хату-мазанку. Переходные типы жилища — от полуземлянок к хате, в виде углубленной в землю хаты, не раз отмечались в степной полосе в XIX в. Еще недавно такие переходные формы встречались у русских переселенцев в Средней Азии.

Как указывалось выше, на Севере, богатом лесом, этот процесс преобразования типа жилища совершался значительно быстрее.

Ценнейший материал, по которому можно установить типовые особенности северного древнерусского жилища IX—XI вв. и некоторых типов хозяйственных построек того же времени, дают раскопки городища Старой Ладоги [3]. Жилая изба в Ладоге IX—XI вв. представляла собой квадратную в плане постройку, размером в среднем 4×4 — 5×5 м, срубленную из бревен, с проконопаченными болотным мхом и промазанными в пазах глиной стенами, с обложенными бревнами завалинками, с тесовой крышей, с полами двух типов: земляным или глиняным и дощатым, настланным из тесанных топором половиц на балках-лагах или подмостках (в последнем случае под полом иногда находилось неглубокое подполье). В одном из задних углов помещалась печь-каменка, со сводом из крупных валунов, промежутки между которыми заполнялись мелкими камнями; под печи выстилался плитами или промазывался глиной. Входная дверь помещалась рядом с устьем печи, окна были волоковые. К избе пристраивались сени шириной около 2 м, с бревенчатыми или досчатыми полами. Часто они служили и хлевом, тогда площадь их увеличивалась;

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 10—11, 26, 29 и рис. 13—14.

[2] Следует отметить, что слово «курень» (вместо «хата», «дом») удержалось еще до наших дней в разговорной речи жителей многих украинских и придонских районов.

[3] Сб. «Старая Ладога». Л., 1948; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, XI, 1945, стр. 30—41; его же. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 5—54; XII, 1950, ч. II, стр. 7—40.

в отдельных случаях сени превращались в крытые дворы, служившие одновременно сенями, хлевом и сеновалом. Вокруг бревенчатых настилов дворов сохранились остатки вкопанных столбов перекрытия. Поблизости располагались бревенчатые клети и житницы.

Строительные приемы, применявшиеся в Старой Ладоге, были, повидимому, характерны для всего деревянного строительства Новгородской земли того времени и в основных своих чертах сохранялись и в течение последующих столетий. Так, например, сруб XI—XII вв., открытый в Новгороде, был срублен в обло, проконопачен мхом (сохранилось 14 венцов, общая высота 2,08 м); на всех бревнах на верхней стороне имелись продольные пазы для более плотного примыкания бревен, которые для утепления затыкались мхом [1]. Этот способ строительства был очень неэкономным, так как вода затекала в пазы и ускоряла загнивание бревен (при современном способе кладки бревен паз делается на нижней стороне бревна). На одной из стен снаружи были нанесены вертикальные насечки на бревнах в порядке венцов (I, II, III и т. д. до самого верха). Как известно, этот прием применяется плотниками еще и в наши дни, если сруб рубится на стороне и перевозится к месту постройки в разобранном виде. На дне сруба был обнаружен пол из толстых (6—7 см) гладко стесанных досок.

Такого же типа срубные постройки жилого и хозяйственного значения раскопаны на Славенском холме в Новгороде, где из обнаруженных трех ярусов остатков построек особенно хорошо сохранился средний, датируемый XII в. Здесь внутри избы из сосновых бревен найдены нижние части 11 столбиков (стоек), диаметром 15—35 см, вбитых в три ряда: одни из них представляют, повидимому, ножки от лавок, другие связаны с печью, от которой посредине избы сохранилась лишь груда обожженной глины. От входной двери, расположенной у юго-восточного угла, уцелели лишь железные части — дверная накладка, крюк и др. В этом же углу, на расстоянии 1,30 м от южной стены, были прослежены остатки стенки, ограничивавшей сени. В избе и вокруг нее найдено несколько тысяч обрывков кожи и кожаной обуви; у западной стены находился зольник, т. е. ящик для удаления волоса со шкур (дно его покрыто толстым слоем шерсти и извести); из этого ясно, что хозяин этой избы XII в. был и сапожником и кожевником. У южной стены была расположена конюшня (об этом свидетельствует толстый слой конского навоза). Двор был обнесен частоколом (от него сохранились основания 13 столбов) [2]. Среди найденных при раскопках железных вещей особенно интересен топор, аналогичный топору X—XI вв., найденному в кургане близ г. Олонца [3].

Эти же черты носят и жилища XII в., раскопанные в г. Дмитрове; интересен, например, сруб размером 6×6 м, с прирубленными к нему сенями шириной в 2 м. Глинобитная печь (2×2 м) в углу избы располагалась на деревянном помосте, укрепленном на четырех столбах *(опечек)*, под опечком имелась неглубокая яма — *подпечье*. Между печью и стеной был сделан настил из плах размером 2×2 м, на столбах, поднятый над полом на высоту 1 м. Деревянный пол в избе лежал на перерубах, положенных на невысокие сваи так, что уровень пола был выше поверхности почвы

---

[1] См. А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, рис. 6—8.

[2] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 119—151, рис. 5.

[3] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. Л., 1934, стр. 8, табл. II, рис. 2.

на 40 см. В углу, наискосок от печи, находилось небольшое подполье. В двух жилищах печи были сложены из квадратного плиточного кирпича [1].

Особенности, характерные для северной срубно-бревенчатой техники X—XII вв., сохранялись и в последующие века. С каждым годом советская археология все больше и больше расширяет наши знания об этом далеком прошлом восточнославянского жилища. Остатки срубной техники XI—XII вв. имеются и на территории Белоруссии (в Давид-Городке Пинской обл. и на Минском Замчище). Особенно ценны материалы, касающиеся конструкции изб XII—XIII вв. из Пронска и Рязани, XIV—XVI вв. из Новгорода, XVII в. из селища на берегу Белого моря [2]. Размеры сруба за все это время также оставались более или менее постоянными, так как определялись длиной бревен, достигавшей 6,5—8,5 м; но чаще всего срубы бывали 4×4 и 5×5 м.

Исторические источники сохранили нам и название рядового жилья древнерусской народности — это *ыстба, истьба, истба, истобъка, истопка,* что подчеркивает отопляемость этих помещений (от глагола «истопити»). Древняя «истопка», представлявшая небольшое отапливаемое помещение, местами удержалась в пережиточной форме у всех трех восточнославянских народов до настоящего времени. Так, по всей Белоруссии, на северной Украине и на Псковщине «истопка» обозначает кладовую для зимнего хранения овощей, отапливаемую во время сильных морозов; в западнобелорусских областях — это крохотная хатка, в Новгородском и Вологодском краях — маленькая избенка без сеней, но с печью. В Вологодской обл. «истопкой», или *«истёпкой»,* называют также лесные избушки, устраиваемые охотниками в дальних лесах для житья в них зимой во время охотничьего сезона. В XIX в. в великорусской деревне сохранялось еще выражение «на истопке», означавшее все место под крышей — на избном срубе поверх потолочного наката, соответствующее нашему «на чердаке». У северных великорусов это выражение было отмечено в Тверской, Ярославской, Симбирской, Вятской губерниях, у южных великорусов — в Воронежской, Орловской и Рязанской губерниях. Возможно, что оно бытовало и гораздо шире.

Слово «истба» преобразовалось в «изба». Происхождение слова «изба» долгое время служило предметом ожесточенного спора в науке: известный историк И. И. Забелин первым обратил внимание на тождество слов «изба» и «истьба» в русских летописях, на употребление там же их синонимов «истобъка» и «истопка» и указал, что характерной чертой всех этих построек являлась отопляемость; так выяснилась несомненная связь слова «изба» с глаголом «истопить». В противоположность этому взгляду немецкие исследователи (К. Рамм и др.), а также сторонники так называемой норманской теории приписывали возникновение отопляемого жилища у славян германскому влиянию и выводили слово «изба» из немецкого «Stube» (древнескандинавское «stofa») — отопляемая комната, возводя это слово к латинскому «estufa» — печь [3]. Древнерусские формы «истобъка», «истопка» норманисты считали появившимися по народной этимологии из «истьба» под влиянием «топить», «теплый» [4]. Термин «изба»

[1] Повидимому, печи из кирпича клались в более богатых жилищах, что наблюдалось в жилищах Пронска, Старой Рязани, Ольгова на Проне того же времени [см. Н. П. Милонов. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). СА, 1937 IV, стр. 161].

[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, 1949, XI, стр. 27—31.

[3] L. Niederle. Slovanské Starožitnosti. Odd. Kulturni. Život starých slovanů, d. 1, sv. 2. Praha, 1913, str. 738; его же. Rukověť slovanských starožitnosti. Praha, 1953, str. 268, 270.

[4] См. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 4. М., 1911, стр. 265—266.

в близких значениях имеется во всех славянских языках, и в настоящее время можно считать установленным, что это слово имеет славянское происхождение (равно как и обозначаемое им понятие) [1]. Не исключена возможность, что термин этот вначале связывался с жильем обеих конструкций — как срубным, так и полуземляночным. Предполагают, что теплая истобка на княжеском дворе в Киеве (1095 г.) [2] была полуземлянкой.

В исторических источниках встречается и отрывочное описание черных печей того времени (для Киева). В верхнем своде этих печей имелось отверстие для выхода дыма в помещение, откуда он шел через окна и дверь наружу; чтобы дым скорее выходил, печь ставили ближе к двери, ведшей в сени. По окончании топки отверстие закрывали доской. «Горести дымные не терпев, тепла не видати»,— говорит об этом отоплении в своем «Слове» Даниил Заточник (XII в.).

Окна в жилищах были волоковые: узкое продолговатое отверстие в двух смежных бревнах задвигалось («заволакивалось») доской (стекло в X—XI вв. и позднее применялось лишь в княжеских дворцах и церквах). О небольшом размере окон говорит и то, что исторические источники того времени слово «окно» применяли только к окну церковному, а говоря о жилье, употребляли всегда уменьшительную форму «оконце». Вероятно, слюду вставляли в окна уже и в те отдаленные времена, так как ее часто находят в древнерусских городищах, но в письменных источниках о ней не упоминается ни разу.

Письменные источники этого времени (X в. и позже) говорят также о том, что среди срубных построек, наряду с однокамерным жилищем (изба-истопка), было и двухкамерное (теплая изба и смежные с ней сени) и трехкамерное (теплая изба, сени, холодная клеть). Холодная клеть, связанная с избой сенями, служила и кладовой для имущества и летней спальней; известны для нее также названия *одрина, ложница.*

Большой интерес представляет вопрос о происхождении клети. Слово «клеть» известно уже в русских письменных памятниках X в. и с тех пор встречается очень часто, причем значение его различно: дом, комната, келья, кладовая, амбар. С XI в. встречается уменьшительное слово «клетка», оно означает и комнату, и келью, и небольшую постройку вообще. В XV в. слово «клетка» в городском обиходе означало лавку («клетки мясные»), в XVI в.— в клетку сажали арестованных. Клеть-жилище в древности представляла собой, повидимому, летнее неотапливаемое жилье: известно, например, что князь Владимир Святой в Берестове (селе под Киевом, служившем летним княжеским местопребыванием) жил в клетях. При сравнении письменных источников ряда веков становится очевидным, что постепенно клеть теряла значение жилья и, начиная с XV в., как и в настоящее время, это слово обозначало уже повсюду хозяйственное неотапливаемое помещение.

Известный исследователь славянского жилища Алексей Харузин предполагает, что клеть могла быть землянкой, со временем вышедшей из-под земли и развившейся в наземную постройку [3].

Слово «клеть» известно всем славянским народам. У одних оно сохранило значение жилого помещения (поляки, хорваты, сербы) наряду с хозяйственным, у других означает лишь хозяйственное помещение

[1] О распространении слова «изба» в славянских языках и о вариантах его значения см. А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 123.

[2] Полное собрание русских летописей, т. I. Изд. 2, Л., 1926, стр. 228.

[3] А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае, стр. 105—114.

(болгары, словенцы), у третьих утратило свое первоначальное значение и употребляется в смысле клетки (чехи, словаки). Из этого можно предположить, что клеть представляла собой вид примитивного неотапливаемого жилья, относившегося к периоду общности славянских племен; это жилище было частично заменено новыми формами (истопка, истба), частично приспособлено для хозяйственных целей.

Но если когда-то клеть и представляла собой жилье, то уже в XVI в. большинство крестьян жило в избах, а не в клетях. Разбирая описи русских селений Тверской губ. по писцовым книгам XVI в., известный русский историк Н. Д. Чечулин убедился, что среди крестьянских дворов были такие, где изб не было, а жили в клетях: из 317 дворов десятка полтора были с клетями, но без изб. В остальных дворах были избы часто с несколькими клетями [1]. Сложные же постройки богатых классов XVI—XVII вв. состояли из изб, клетей, горенок и других помещений, но весь комплекс в целом назывался клетями; это указывает, что в то время сохранялось еще первоначальное наименование жилища — клеть.

Очевидно, замена клети избой происходила медленно — сначала у высших классов, затем у горожан и, наконец, у сельского населения [2].

Таким образом, к концу I тысячелетия н. э. деревянное строительство лесной полосы пережило уже длительную и глубокую эволюцию. Уже в начале XI в. воины киевского князя Святополка, переругиваясь с новгородцами, пришедшими к Киеву с Ярославом, кричали им: «а вы плотницы суще, а приставим вас хоромы рубити» [3] (занесено в летопись под 1016 г.). О том же говорит и указание летописи на первый храм Софии в Новгороде, срубленный в 989 г. «из дуба о 13 верхах»; он представлял собой группу из 12 высоких деревянных срубов, окружавших центральный сруб. Об этом же свидетельствуют и замечательные деревянные строения в Киеве: княжеский дворец, хоромы феодальной знати, о которых мы знаем только из литературных источников [4].

Таким образом, вполне справедливо высказанное в советской литературе мнение о том, что «уже в конце X и начале XI в. русское деревянное зодчество имеет давнюю и определенную художественную традицию. Русские плотники и артели древоделей держат в своих руках жилищное, крепостное и культовое зодчество, чем обусловливается известное художественное и техническое единство всех трех отраслей строительного искусства. С другой стороны, работа северных плотников на юге способствует выработке общих для всей Киевской Руси архитектурных принципов и

---

[1] Н. Д. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки в XVI в. «Записки Русского археологического общества», т. VI, вып. 3—4, новая серия, 1893, стр. 300.

[2] В этой связи является несомненным древнее происхождение слов подклеть (ж. рода), подклет (м. рода), подклетье (ср. рода), широко распространенных в прошлом и в настоящем для обозначения нижнего подвального этажа дома в северных и средневеликорусских районах, в Сибири (ср. известное лишь в немногих районах более позднее подызбица).

Следует напомнить, что в технической терминологии древности слово «клеть» обозначало также четырехугольный сруб. Различали, например, клетские церкви — «древяна клецки», в основе которых лежали четырехугольные срубы, и шатровые церкви — «древянные вверх», у древнейших видов которых главная часть представляла восьмигранник. Так оно нередко понимается и в настоящее время, как, например, в Воронежской обл., где во дворе для каждой невестки устраивается отдельная небольшая постройка, в которой хранится личное имущество и где спят летом: если она рубленая, деревянная, то это — клетка, если плетеная — то поветка, если каменная — то каменуха.

[3] Вспомним, что один из пяти концов Великого Новгорода носил название Плотницкого.

[4] См. «История русской архитектуры. Краткий курс». М., 1951, глава «Архитектура Киевского государства».

приемов» [1]. Работали эти плотники, надо полагать, только для города. В деревне, по всей вероятности, каждый смерд сам строил для себя избу и все нехитрые хозяйственные пристройки. Учитывая сильные пережитки родовых связей, можно думать, что для крупных работ вроде постройки избы, кладки печи приглашались родичи-соседи, организовывавшие общественную помощь — толоку [2].

Городища и курганы того времени сохранили нам и инструменты (орудия) для плотничьих работ, а именно топор, тесло, долото, скобель, сверло. Употребление пилы в плотничьем деле было тогда еще неизвестно, плотники «рубили города» [3]. На одном бронзовом игольнике (из костромского кургана XI—XII вв.) имеется интереснейшее изображение дома с двускатной кровлей и дверью посередине. Б. А. Рыбаков, указывая на этот образчик, считает его древнейшим изображением славянского дома [4].

Весь рассмотренный материал показывает, что уже в период раннего феодализма (IX—XIII вв.) вместе с консолидацией древнерусской народности складывались и основные характерные черты древнерусского жилища у сельского населения и рядовых горожан.

В то время как для I тысячелетия н. э. основным источником для суждения о характере восточнославянского жилища служат археологические данные, начиная с X в. большое значение приобретают письменные источники, а именно, русские летописи, писцовые книги и произведения древнерусской литературы. Довольно много для нашей темы можно извлечь также из древнерусских миниатюр, представляющих ценнейший исторический источник, несмотря на условность их иконографии [5]. Здесь можно найти изображение рубки леса, сооружения заборов и возведения срубов (иногда в обло, иногда «в лапу»), постройки мостов и оборонительных сооружений и др. Очень многочисленны в строительных сценах изображения рабочих топоров, резко отличающихся от современного плотничьего топора. На большей части изображений это орудие имеет изогнутые верхнюю и нижнюю грани и длинное дуговое лезвие, длинный обух и прямую рукоять. Топоры этого типа часто находили в новгородских и владимирских курганах. Многочисленны изображения и топоров основного курганного типа — с прямой верхней гранью и сильно изогнутой нижней гранью, с резким выгибом возле длинного и тонкого обуха [6]. Реже

[1] Н. Н. Воронин. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV столетий. «Известия Академии наук, серия истории и философии», 1944, № 4, стр. 164.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 184.

[3] Интересные соображения о терминологии древнего строительства встречаем мы в коллективном труде «История русского искусства» (т. I. М., 1953): «В лесах Новгородской или Кривичской земли архитектора называли плотником, от слова *плот* — связка бревен. Не случайна и смысловая связь понятий «строить» и «стройное». Постройка воспринималась как «стройное», т. е. изящное, гармоническое целое. На степном юге не «строили», а «созидали». Архитектурная терминология ведет к основному строительному материалу, который господствовал здесь со времен глинобитных трипольских домов,— к глине. Глина — «зьд», «зъд», отсюда «здание» — глиняная постройка, «зодчий», или «здатель»,— мастер глинобитного дела и лишь впоследствии — строитель вообще» (Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян, стр. 79—80). «...Еще в XI веке деревянное зодчество языческого прошлого и христианского настоящего отличали термином «сограждать» (капище, город или храм) от нового, кирпичного зодчества, определявшегося термином «зьдати» — созидать от «зьд» — глина, из которой изготовляли кирпич» (Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси, стр. 114—115).

[4] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян, стр. 80.

[5] См. А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; его же. Миниатюры Кенигсбергской летописи. «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 2, 1932, стр. 9, 22.

[6] О древнерусских топорах см. Б. А. Колчик. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). МИА, № 32, 1953, стр. 102—108.

изображаются топоры, близкие к первому типу, но с более прямым лезвием и с коротким и очень толстым обухом [1].

Наиболее бедны сведениями о жилище материалы времени развитого феодализма (XIV—XV вв.), т. е. как раз периода образования трех восточнославянских народностей, когда происходила дифференциация жилища (как и всей культуры) и складывались характерные особенности великорусского, белорусского и украинского жилища.

Из письменных источников эпохи позднего феодализма (начиная с XV в.) полезны для изучения истории жилища документы, по которым «поряжались в крестьяне», т. е. крестьянские «порядные», сохранившиеся от отработочной барщинной системы в Московской Руси XV—XVI вв. Так как часто крестьянин получал пустошь, то в порядной подробно перечислялись усадебные постройки, которые он должен был возвести, точно указывались длина, ширина и высота клетей или хором, служб при них, материал строений. По окончании срока порядной все эти постройки поступали в пользу владельца земли, поэтому специально оговаривалось, чтобы «двор, хоромы и огороды около пашен отдати прикасчику сполна» и «хором во дворе не опустошати» [2].

Начиная с XVI в., появляется еще один источник, содержащий сведения о жилых сооружениях и поселениях нашей страны,— это описания иностранцами (преимущественно членами посольств) их путешествий в Московию. Наиболее ранний источник этого рода — «Записки о делах Московитских» Сигизмунда Герберштейна, дважды посетившего Россию (1517 и 1526 гг.). На его перспективном плане Москвы наряду с Кремлем, дворцовыми зданиями и церквами изображены жилища рядовых горожан в виде изб на подклети, стоящих на улице сплошными рядами, с крыльцом, ведущим во второй этаж, водяные мельницы с подливными колесами на р. Неглинке и др. [3] Гравюры Олеария (1634—1636 гг.) передают виды улиц Москвы с высокими, большей частью двухэтажными, бревенчатыми домами с волоковыми окнами и деревянными трубами [4].

Особенно ценен знаменитый альбом Мейерберга (XVII в.) с изображениями сел и деревень, дающими яркое представление о северной деревне XVII в., которая, можно полагать, мало чем отличалась по своему внешнему виду от селений предшествующих веков [5]. Зарисовки были сделаны по пути из Вены в Москву (через Псков, Новгород и Тверь и обратно — через Смоленск) в 1661—1663 гг.

От XVII в. дошли до нас и русские источники, содержащие планы монастырей, интересные тем, что имеющиеся на них здания нанесены в виде перспективных изображений, хотя и очень условных, но дающих ясное представление об изображаемом здании. Самый ценный источник подобного рода — план Большого Тихвинского монастыря (в г. Тихвине

---

[1] А. В. Арциховский, подсчитав число изображений топоров на миниатюрах Никоновской летописи, нашел, что для первого типа оно равняется 245, для второго 63 и для третьего 28 («Древнерусские миниатюры», стр. 82—83).

[2] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [М.], 1950, стр. 241.

[3] МИА, № 7, 1947, стр. 42—43.

[4] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

[5] А. Мейерберг. Виды и бытовые картины России XVII века. Альбом. СПб., 1903. Австрийский дипломат Мейерберг описал свое путешествие на латинском языке в 1663 г. и издал его (без указания места и времени), затем оно было издано на французском (1688) и итальянском (1697) языках. На русском языке впервые напечатано в «Русском зрителе» (1828, № 3—6); см. также Г. Громов. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. СЭ, 1955, № 1, стр. 164—171.

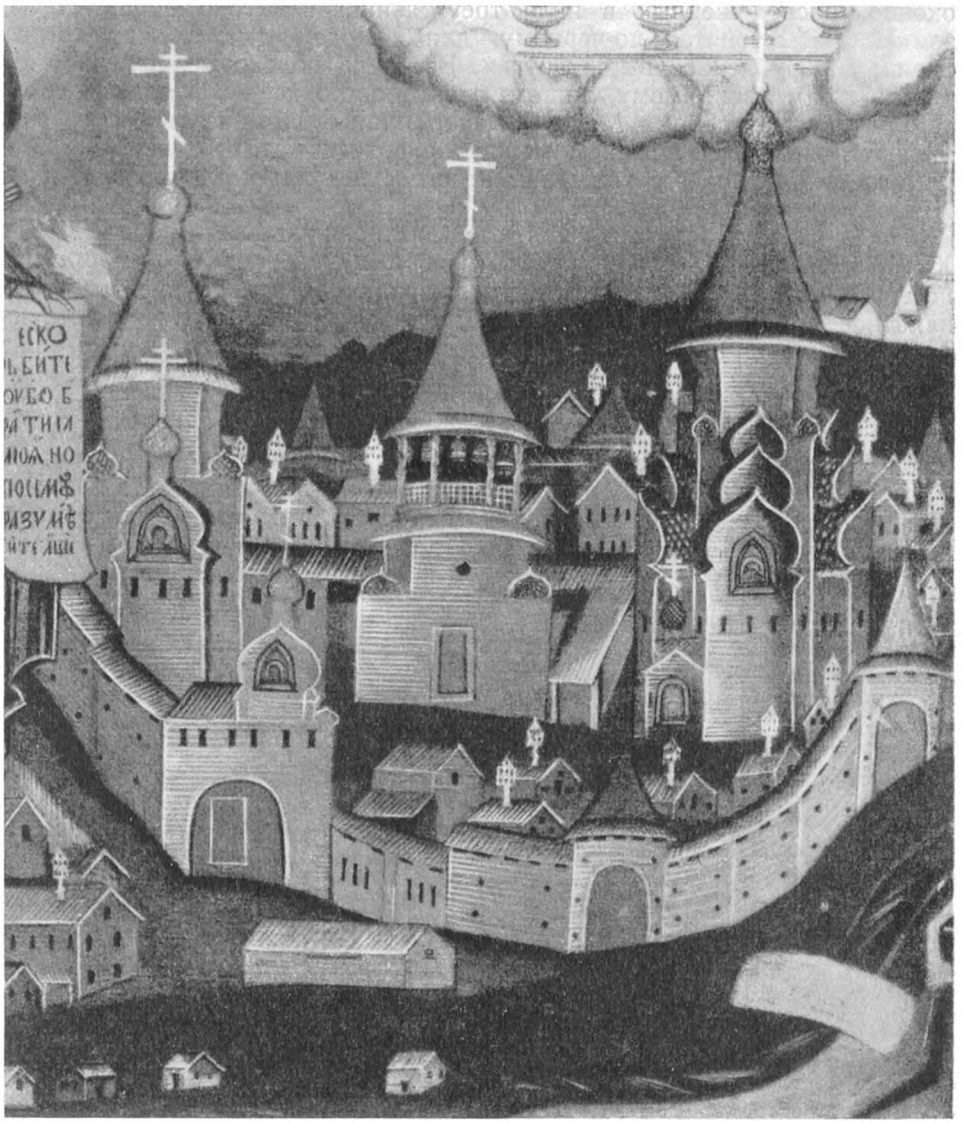


Рис. 1. Палатное письмо XVIII в.: Александро-Свирский монастырь

Ленинградской обл.); составленный в 1679 г.[1] «Знаменщик» изобразил здесь, помимо храмов, высокие бревенчатые избы с двускатной крышей, состоящие из одного или двух срубов (избы и клети), или двух срубов, соединенных сенями или двором; у всех изб по фасаду — три небольших оконца, расположенных в виде треугольника и высоко поднятых над землей. Избы топятся по-черному, для выхода дыма служит среднее оконце, прорубленное выше других. Все окна волоковые, красное окно (косящатое), повидимому, лишь в одной постройке — в холодных сенях.

Рисунки из альбома Мейерберга и планы Тихвинского монастыря являются ценнейшим звеном между археологическими данными XIII—XVI вв. и хорошо известным нам этнографическим материалом XVIII—XIX вв.[2].

Не менее поучительным является «палатное письмо» на иконах XVII—XVIII вв., довольно реалистически изображающее церкви и монастыри, построенные в честь изображенного на иконе святого. Таково, например, палатное письмо с иконы XVIII в., изображающее Александро-Свирский монастырь (рис. 1). Жилые строения отапливаются еще по-черному — хорошо различимы резные деревянные трубы для выпуска дыма.

Таким образом, мы можем восстановить, по крайней мере для среднерусской полосы и новгородчины, основную линию развития срубно-бревенчатого жилища; но многие детали ждут еще своего разъяснения.

Гораздо менее ясно обстоит дело с типом жилища степной и лесостепной полос. До сих пор пока трудно датировать время перехода от полуземлянки к поземной хате, особенно вследствие того, что еще недавно в ряде районов были констатированы промежуточные формы.

---

[1] См. С. Забелло, В. Иванов и П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, рис. 129—131.

[2] Репродукции гравюр из книг Мейерберга и Олеария и фрагменты плана Тихвинского монастыря см. С. Забелло и др. Указ. соч., стр. 49 и рис. 127—133; М. Красовский. Деревянное зодчество. Пг., 1916, рис. 48—60, 66—71.

II. ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Типы и формы поселений зависят от условий географической среды, от уровня развития и характера производительных сил, от экономической структуры общества (особенно от форм земельной собственности), от плотности населения. Вместе с ростом производительных сил, с изменением экономики меняются тип и форма поселений. Однако при этом важна и роль этнической традиции, которая иногда задерживает изменение типов поселений данного народа.

Поселения изучают и классифицируют с разных точек зрения [1]. Представляют большой интерес типы заселения, т. е. распределение поселений на земной поверхности, группировка его применительно к ландшафту: сюда относятся долинный, приозерный, высокогорный и другие типы заселения. Далее различаются типы поселений: однодворный и многодворный с разновидностями каждого из них (город, местечко, поселок, деревня, станица, заимка, хутор и пр.). Наконец, в этнографии особенно принято изучать и классифицировать поселения с точки зрения их формы: так, для сельских многодворных поселений устанавливаются кучевая, линейная, круговая и другие формы.

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Селения первой половины I тысячелетия н. э. (относящиеся к культуре «полей погребений»), расположенные в полосе лесостепи, представляли собой большей частью неукрепленные селища. Они располагались обычно на солнечных склонах, у рек и ручьев, иногда на речных надпойменных террасах. Анты, которые жили в этих селениях, не знали укрепленных городищ: легко передвигавшиеся с места на место племена, все мужчины которых являлись воинами (что́, как известно, типично для племен эпохи военной демократии), не нуждались в укреплениях; защитой им служили густые леса, спускавшиеся по берегам рек до самой воды.

Ряд исторических и археологических данных говорит о том, что в этот период происходила ломка первобытно-общинного строя.

В течение VI—VIII вв. постепенно усиливалось имущественное расслоение, выделилась правящая верхушка и появилась регулярная военная организация — дружина. В VII в. объединения антских племен распались, антский дофеодальный период в истории восточных славян постепенно сменился переходным периодом, начался процесс сложения

[1] См. М. В. Витов. О классификации поселений. СЭ, 1953, № 3, стр. 27—37.

Киевской Руси, наступила эпоха феодализма. К этому времени открытые неукрепленные селища лесостепи начали сменяться укрепленными городищами, появление которых служит показателем участившихся войн. Городища старались устраивать на труднодоступных местах — высоких мысах — останцах, круто обрывающихся к реке; с напольной стороны городища огораживались рвом и земляным валом. Огромное большинство роменско-боршевских городищ расположено именно на высоких мысах речного берега. Нередко к укрепленному городищу примыкало открытое неукрепленное селище. Как и поселения людей «полей погребений», иначе говоря антов, роменско-боршевские городища располагались всегда среди едва проходимой лесной чащи и были защищены, помимо оврагов и обрывов высокого берега, также болотистыми низинами, озерами и топями пойменной части долины. В безлесных местах городища, как правило, не встречаются [1].

Городища очень различны по величине занимаемой ими площади (Монастырище — 500 м², Новотроицкое городище — 3500 м² и т. д.). По существу, они представляли собой поселения сельского типа, характерные для феодального строя [2].

На Севере, в лесной полосе, ранние поселения были несколько иными. Уже рассматривавшийся выше древний поселок в Верхнем Поволжье, существовавший в III—V вв. н. э. (городище Березняки), представлял собой гнездо, в котором жилые дома стояли отдельно, хозяйственные же постройки располагались вокруг большого общественного дома и служили местами общинного производства. Коллективный погребальный домик свидетельствует о том, что население поселка состояло из кровных родственников. Это была патриархальная родовая группа, числом 50—60 человек, на общинных началах ведшая свое хозяйство и имевшая общие запасы.

К концу I тысячелетия расположение поселков компактными родовыми группами постепенно исчезло. Сформировалась территориальная сельская община, возросла роль труда каждой отдельной семьи. Поселения увеличились в размерах, изменилась планировка поселков и их общий облик.

Селения ильменских славян и кривичей VII—IX вв. располагались обычно на сравнительно невысоких, ровных и удобных для жизни местах по берегам рек; бревенчатые избы ставили нередко в ряд, вдоль берега, фасадом к озеру или реке. Таким образом, «в конце I тысячелетия н. э.,— пишет П. Н. Третьяков,— уже начали складываться основные черты, присущие старорусской северной деревне. Селения такого характера окончательно вытеснили к этому времени более древнюю форму поселка — патриархальное гнездо, поселок патриархальной общины, очень небольшой и иначе планируемый, восходящий к типу городища у дер. Березняки» [3].

---

[1] Хорошо сказал в XI в. о славянских городищах арабский автор аль-Бакри в своем сочинении «Книга путей и государств»: «И таким образом строят славяне бо́льшую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши ее досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту» («Известия аль-Бакри о славянах и их соседях». «Записки Академии наук», т. XXXII, 1878, № 2, ч. 1, приложение, стр. 48).

[2] См. реконструкцию городища тиверцев IX—XI вв. на Днестре в кн. «По следам древних культур. Древняя Русь», рис. между стр. 128 и 129.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 284.

Нередко древние поселения при исследовании их оказываются «многослойными»: под отложениями «великокняжеской поры» X—XIII вв. обнаруживается селение роменско-боршевского типа, т. е. VIII—IX вв., под ним находят остатки культуры «полей погребений» (первая половина I тысячелетия), в свою очередь возникшей на месте укрепленного поселения скифского времени.

Еще в «антский период» (т. е. во II—VII вв. н. э.) постепенно развивались гончарное ремесло, ткачество, обработка металла. Мало-помалу ремесло начало выделяться из сельского хозяйства в самостоятельную отрасль, появились торговые связи, создавались экономические предпосылки для возникновения городов. Можно предполагать, что городские поселения, т. е. сосредоточения ремесленников и места торжищ, имелись уже у антов; по крайней мере еще Птолемей (II в. н. э.) говорит о шести городах на Днестре [1]. Но уже во второй половине I тысячелетия на базе больших поселений дофеодального периода в результате длительного процесса стали возникать многочисленные славянские города, представлявшие к IX—X вв. средоточия многих и разнообразных ремесел [2].

Расположенный на возвышенном месте и обнесенный рвами, валами и деревянным тыном, славянский городок отныне превратился в неотъемлемую черту ландшафта не только Среднего Преднепровья, но и северных восточнославянских земель. И недаром скандинавские саги называли страну восточных славян «Страной городов» — Gardariki [3].

Города служили местом убежища для окрестного населения на случай военной опасности. Известный рассказ летописи об осаде княгиней Ольгой древлянского города Искоростеня сообщает о наличии у древлян многочисленных «городов», в которых «затворилось» население земли при вторжении войск Ольги. Из слов Ольги, что осажденным в Искоростене древлянам грозит голод, так как они не могут «делать нивы своя и земле своя», ясно, что внутри искоростенских укреплений укрылось все окрестное земледельческое население. Эти «грады» Древлянской земли, т. е. области к востоку от р. Тетерева и к югу от Припяти, оставили по себе многочисленные, пока еще мало изученные городища.

В условиях города, где распад старых общественных форм совершался гораздо быстрее, начиная с IX в., а, возможно, и с более раннего времени, уже нельзя было обнаружить никаких следов патриархального большесемейного уклада. Например, Ладога в IX и X вв. состояла частично из обособленных дворов, представлявших крестьянские хозяйственные гнезда, т. е. сочетания избы, клети, хлева, житницы и т. д., приспособленные

---

[1] «История Молдавии», т. I. Кишинев, 1951, стр. 38.

[2] В. А. Богусевич. Походження і характер древньоруських міст Наддніпрянщини. «Археологія», V, 1951, стр. 34—49; «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры, посвященном итогам археологического изучения древнерусских городов (8—11 января 1951 г.)». КСИИМК, XLI, 1951, стр. 30—68; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Реконструкцию и план древнерусского городка Вщижа см. Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 106, 107. (Вщиж — древнерусский город на р. Десне, центр небольшого княжества XII в., подчинявшегося черниговским князьям; разрушен в 30-х годах XIII в. при татарском нашествии на Русь. См. также БСЭ, изд. 2, т. 9, стр. 411. В настоящее время — село Жуковского района Брянской обл.).

[3] Не следует некритически воспринимать эти скандинавские сказания, равно как и свидетельства арабских писателей о древней Руси как стране городов. В действительности оказывается, что подавляющее большинство городов Киевской Руси никогда городами не было; они представляли собой княжеские и боярские замки — детинцы; количество их исчислялось тысячами, в то время как подлинных городов с большим ремесленно-торговым населением было значительно меньше (В. А. Богусевич. Указ. соч., стр. 48—49; П. Н. Третьяков. Древлянские «грады». В сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 64—68).

к задачам сельского хозяйства; в другой же части города жилые постройки располагались двумя правильными параллельными рядами, вполне согласно друг с другом, при этом со строгой ориентировкой по странам света. Однако это еще не улица, потому что избы каждого ряда обращены к избам другого ряда не передними, а задними фасадами и пристройками к ним. Постройки в рядах скучены. Между ними наблюдаются лишь узкие проходы, закоулки и задворки. На некоторых участках обнаружены дворики между постройками с развалившимися поленницами и даже с особыми пнями для колки дров [1].

Нам пока еще очень мало известно о типе сельских поселений с XI—XII вв. и вплоть до XVII в., так как археологический материал пока характеризует лишь отдельные постройки и, в лучшем случае, усадьбы за эти пятьсот лет; тип северной деревни наметился только для лесной полосы. Наряду с типичными деревнями, для Севера уже в то время были характерны села, погосты, заимки и другие типы поселений (см. ниже). Что касается южных поселений этого периода, то, изучая этот вопрос, не следует забывать о так называемом запустении степи и отливе отсюда русского населения (в XIV—XV вв.), вызванном набегами кочевников, и о том, что вторичная колонизация русскими степного края началась лишь с XV—XVI вв.

ТИП ЗАСЕЛЕНИЯ (РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ НА МЕСТНОСТИ)

Обратимся теперь к обзору типов заселения в сельской местности, исторически сложившихся у восточных славян. Городские поселения здесь, как и в дальнейшем, не рассматриваются.

Известный географ В. П. Семенов-Тян-Шанский различал три основных старейших типа заселения Восточно-Европейской равнины, в зависимости от физико-географических условий [2].

1. Северный долинный тип заселения — в полосе хвойного леса (тайги) — промысловый по преимуществу и лишь в слабой степени земледельческий (рис. 2, *1*). Небольшие селения сосредоточены исключительно в долинах крупных рек (например, Северной Двины) четкообразно [3] по их берегам. По болотным (торфяниковым) водоразделам и в долинах небольших речек поселений нет. Этот тип соответствует сети сплавных рек.

Данное определение нуждается в существенном уточнении: так как в западной части северной полосы значительное количество селений расположено не только по рекам, но и по берегам озер (что признавал и Семенов-Тян-Шанский), то этот тип заселения правильнее было бы назвать прибрежным, с подразделением его на два подтипа — приречный и приозерный. Причиной прибрежного расположения селений, характерного для всего севера, являются три основных фактора: роль рек и озер как основных путей сообщения, значение их для рыбного промысла и наличие по берегам рек наиболее пригодных для земледелия почв. Заболоченные же водоразделы были неудобны для заселения.

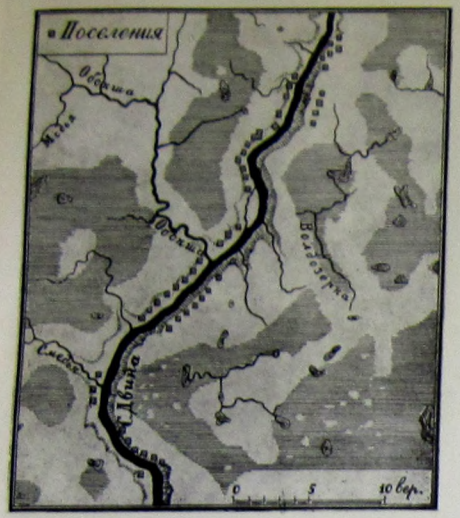
2. Центральный нечерноземный и северо-западный водораздельный тип в полосе разреженных лесов — земледельческий по преимуществу, определяемый расположением наиболее удобных

---

[1] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, XI, 1945, стр. 35—38.

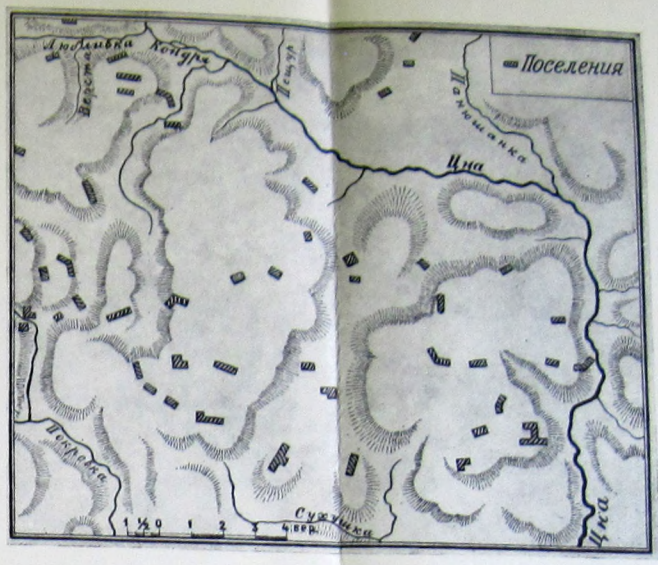
[2] В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. «Записки РГО по отделению статистики», т. X, вып. 2, 1910, стр. 13 и сл.

[3] Т. е. одно за другим вдоль реки.



1

2а



2б

3а

3б

Рис. 2. Расположение поселений в зависимости от физико-географических условий (по В. П. Семенову-Тян-Шанскому)

1 — северный долинный тип заселения; *2* — водораздельный тип заселения: *а* — моренный подтип Псковской обл., *б* — увалистый подтип на севере Рязанской обл.; *3* — южный долинный тип заселения: *а* — долинноовражный подтип на юге Рязанской обл; *б* — чисто долинный подтип Воронежской обл.

почв на водоразделах, при равномерном орошении территории поверхностными и грунтовыми водами. В. П. Семенов-Тян-Шанский различает здесь еще два подтипа: в западной части (Псковская обл., рис. 2, *2а*) — моренный подтип, когда мелкие деревни разбросаны почти исключительно в области сильного развития моренного ландшафта (конечной морены, тянущейся с юго-запада на северо-восток), а на слабо волнистых равнинах селений почти нет; на востоке отмечается увалистый подтип (Рязанская обл., рис. 2, *2б*), при котором небольшие деревни разбросаны по увалам, долины же рек почти лишены их.

3. Южный долинный черноземный тип — исключительно земледельческий, жмущийся к речным долинам как единственно надежным источникам питьевой воды. Южный тип делится в свою очередь на два подтипа. Первый из них — долинно-овражный, распространенный в местах наибольшего сгущения населения и развития оврагов (южная часть Рязанской обл., рис. 2, *3а*). Довольно крупные в полосе лесостепи селения ютятся по речным долинам и по балкам (при наличии в них родников или близких к поверхности грунтовых вод); водоразделы, вследствие своей сухости, почти лишены селений. Огромное значение в распределении здесь поселений имело крепостное право в XVII—XVIII вв., когда помещики выселяли часть своих крепостных из долинных селений на балки и даже овраги — для большего удобства в распахивании водораздельной целины. Некоторую роль сыграло и устройство в головных частях оврагов русских сторожевых пунктов, превратившихся впоследствии в селения. Вторым подтипом является чисто долинный, в особенно типичных формах развитый в степи (Воронежская обл., рис. 2, *3б*). Большей частью весьма крупные слободы и села, перемежаясь с деревнями, занимают речные долины. Сухие степные водоразделы не заселены.

Из приведенной характеристики типов поселений ясно, что они являются зональными и, следовательно, можно наметить более или менее определенные границы их распространения (рис. 3). Мы видим, что для первого (северного долинного) типа южная граница проходит в общем по 58-й параллели, в зависимости от местных условий, уклоняясь то к северу, то к югу. Обращают на себя внимание два больших выступа к югу: юго-западный, в виде длинного языка, захватывающий часть Новгородской и Великолукской областей, с озером Ильменем и р. Ловатью; средний — по р. Шексне, захватывающий Пошехонье (северо-восточная часть Ярославской обл.) и, в восточной половине, широкое значительное уклонение к югу — по рекам Унже и Ветлуге. Объясняется это наличием в этих местах протянувшихся к югу мощных водораздельных торфяников и обширных влажных лесов. Четко видны границы обоих подтипов второго, водораздельного, типа — моренного и увалистого. Гораздо сложнее установить границу между двумя подтипами третьего, южного долинного, типа. Она имеет в настоящее время настолько запутанный контур (в результате московской правительственной колонизации и распоряжений помещиков), а переходы от долинно-овражного к чисто долинному подтипу (ограниченному с юга берегами Черного моря, горами Крыма и Кавказа) настолько постепенны, что проведенная на карте граница является лишь ориентировочной, совпадая с южной границей развитой овражной сети и северной границей ковыльной степи.

Чтобы охватить поселения всех восточнославянских групп, сюда следовало бы добавить, по предложению советских исследователей С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова [1], еще следующие типы:

[1] Устные высказывания названных исследователей.

4. Долинно-предгорный тип, к которому относятся некоторые области Западной Украины, затем поселения кубанских и терских казаков, отдельные районы русских поселений на Алтае, в Средней Азии и Западной Сибири.

5. Горный (высокогорный) тип. Он охватывает селения карпатских славянских групп, русские селения Закавказья, частью Алтая и др.

Тут же следует заметить, что большая часть селений Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока может составить своеобразный вариант долинного типа.

Семенов-Тян-Шанский, кроме основных трех типов, различает еще пять позднейших, дополнительных типов более или менее густого русского заселения, распространенных на сравнительно меньших пространствах:

южный садоводческий зональный тип — характерный для южных горных склонов к морю и наиболее развитый в Крыму и на черноморском побережье Кавказа;

и азональные типы:

рыболовный азональный тип — связанный с направлением крупных речных долин, морских и озерных берегов и наилучше развитый по нижней Волге и р. Уралу, а отчасти на крайнем Севере (Мурман, побережье Белого моря) и на озерах северо-западных районов СССР;

горнозаводский азональный — развитый на Урале, в Донецком бассейне и отчасти в бассейне Оки, всецело определяющийся расположением месторождений полезных ископаемых, и следовательно, не зависящий от почв, речной сети и растительности;

трактовый азональный — временно применявшийся главным образом при заселении в целях обороны (сторожевые линии, полосы, граничившие с территориями кочевников и др.); например, русское заселение Ергеней, главного Сибирского тракта и т. д.;

железнодорожный азональный — новейший тип, вызванный к жизни во второй половине XIX в.

Характер заселения отражается на средней частоте селений и их средней величине, что можно видеть на таблице (см. стр. 33) [1].

Несмотря на некоторую формалистичность, обусловливаемую стремлением втиснуть в пределы данных типов все многообразие русских селений Европейской России начала XX в., схема В. П. Семенова-Тян-Шанского представляет значительный интерес. Эта схема вносит систему в рассматриваемый материал, хотя и берет его несколько односторонне. Расширенная и конкретизированная советскими исследователями, она может служить основой для дальнейшей разработки вопроса.

К сожалению, более полно и широко подобного рода исследование еще никем проведено не было. В советской литературе имеются отдельные попытки изучения типов заселения, преимущественно для XIV—XVII вв. (Н. Н. Воронин, С. Б. Веселовский, М. В. Витов) [2]. Автору известны лишь две работы, представляющие опыт изучения современного озерного и речного типа расселения на примере небольших северных районов [3]. Кроме

---

[1] В. П. Семенов-Тян-Шанский. Указ. соч., стр. 35.

[2] Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935; С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936; М. В. Витов. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. как предмет этнографического изучения (Автореферат кандидатской диссертации). КСИЭ, XIX, 1953.

[3] И. И. Сорокина-Горюнова. Типы населенных пунктов восточного Приладожья. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 78, вып. 2, 1946, стр. 183—192, с 9 крупномасштабными картами; И. И. Тенсина. География населенных пунктов Приветлужья. «Вопросы географии», сб. 5. 1947, стр. 159—198.

КАРТА РАЗМЕЩЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

(по Селикову—Тян-Шанскому)

Рис. 3

Типы и подтипы заселения	Средняя плотность населения на 1 кв. версту	Средняя частота селений. На 1 селение приходится кв. верст пространства	Средняя людность одного селения	Пространство, занятое типом или подтипом заселения, по отношению к площади всей Европейской России без Финляндии и зауральских уездов в %	% составляемый населением типа или подтипа заселения ко всему населению Европейской России без Финляндии и зауральских уездов
Зональные:					
1. Северный долинный	3	35	101	30	4
2. Центральный и северо-западный водораздельный	40	3	134	26	43
а) моренный	36	2	58	7	10
б) увалистый	42	5	229	19	33
3. Южный долинный	32	11	426	37	49
а) долинно-овражный	47	9	414	16	32
б) чисто долинный	21	14	461	21	17
4. Южный садоводческий	26	9	224	1/2	1/2
Азональные:					
5. Горнозаводский	10	30	291	6	3
6—8. Остальные мелкие	Разбросаны мелкими спорадическими пятнами по территории распространения основных типов и не изменяют взаимоотношений основных типов и их подтипов				

того, имеются статьи, посвященные методологии географического изучения сельских поселений [1].

ТИПЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Для восточных славян характерно большое многообразие как типов и видов сельских поселений, так и их названий. Еще в XVIII в. это отметил автор «Описания всех обитающих в Российском государстве народов»: «Жилища Россиян суть: города, предместия, крепости, волости, местечка, села, деревни, погосты, сельцы, хуторы, усадьбы... загородные дворы, дачи, остроги» [2].

Самые распространенные названия, применяемые у нас для сельских поселений,— «село» и «деревня». Оба термина за время своего исторического существования, равно как и соответствующие им исторически слагавшиеся виды поселений, пережили длительную эволюцию.

Деревня

Одним из древнейших типов поселения является у восточных славян деревня. Но тип этот, как и самый термин «деревня», менялся в ходе истории.

Слово «деревня», повидимому, исключительно восточнославянское, в частности великорусское. В Белоруссии слово «дзярэўня» употребляется преимущественно в восточных областях; в других местах Белоруссии слово

[1] В. В. Покшишевский. А. И. Воейков и вопросы географии населения. «Вопросы географии», сб. 5, стр. 33—40; Ю. Г. Саушкин. Географическое изучение сельских населенных пунктов Советского Союза. Там же, стр. 53—66.

[2] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. IV. СПб., 1799, стр. 132.

«деревня» понимается, но не употребляется, хотя несколько столетий назад оно бытовало на всей территории, заселенной белорусами [1]. В русском языке термин «деревня», в смысле поселения без церкви, встречался уже в XI в. и был широко распространен в обиходе летописного и актового языка в XIV в. Первоначально под деревней понималась ячейка волостной общины — однодворный или двух-трехдворный поселок, вместе с пашней, покосами, лесом и рыбными ловлями; в XV—XVI вв. деревня — это поселок или двор на господской земле. На Севере деревня очень долго — до XVII—XVIII вв.— представляла собой малодворный, даже однодворный поселок, в котором обитала, видимо, обычно патронимическая группа. В Заонежском крае среднее число дворов на одну деревню составляло 3,5—5, в некоторых погостах даже менее двух дворов. По мере заселения Севера шло укрупнение среднего размера деревень. Лишь постепенно появилось общеизвестное значение слова «деревня» — многодворное крестьянское поселение без церкви, владеющее известным количеством земельных угодий.

Весь

В XI—XIV вв. для обозначения небольшего селения встречалось, преимущественно на территории Новгородчины и Белоруссии, общеславянское слово «весь». В дальнейшем великорусами и украинцами оно было утрачено (лишь кое-где в Новгородской обл. еще изредка можно услышать *весь* и уменьшительное *весцá*, да в Сибири отмечено *вèслина*). Но у белорусов это слово бытует до сих пор: в форме «весь» — преимущественно в Гродненской обл., в форме «вёска, уёска» — в Минской, Молодечненской, Гродненской и других областях [2]. В белорусском языке уцелели еще старорусские слова «весня́к», «веснянка» в смысле крестьян, уроженцев веси — деревни; «весняцкий», «веський» — означает деревенский.

Погост

Одним из самых ранних видов сельского поселения, упоминаемых в летописях, писцовых книгах, древних актах и других письменных источниках, был погост. С 947 г., когда великая княгиня Ольга «устави погосты» для сбора дани, и до 1775 г., когда погост как юридическое понятие перестал существовать, в течение 800 с лишком лет, это слово имело двоякое значение: сельского податного округа и, в то же время, главного селения этого округа с церковью, кладбищем при ней и дворами церковного причта. Во избежание путаницы в научной литературе пользуются терминами «погост-место» и «погост-округ». Само слово связано со словом «гостить». В погостах (в значении место) происходили мирские сходы и съезды, здесь устраивались общественные пиршества, сюда приезжали «торговые гости» — купцы, здесь же возникали постоялые дворы. По погостам-округам правительство вело счет жителей, земель и вообще имуществ частных и казенных. В общежитии название «погост» уцелело до сих пор и имеет в разных местах различные значения, чаще всего связанные с церковью и кладбищем: отдельно стоящая церковь с домами для духовенства и кладбищем; кладбище с церковью; всякое кладбище; церковный двор; село, выросшее вокруг церкви; деревня, образовавшаяся

[1] См. Л. А. Молчанова. Из истории развития сельских поселений и усадеб у белорусов. СЭ, 1956, № 1, стр. 29—30.

[2] Слово «весь» широко распространено в славянских языках: wieś, wioska — у поляков, ves, vesnice — у чехов, ves — у словаков и у хорватов, vas — у словенцев и вас — у сербов (см. А. Харузин. Указ. соч., стр. 144).

из села, по упразднении церкви; сельский приход, несколько деревень одного прихода; волость; станция, постоялый двор, перепутье.

Слово погост — составная часть многих наименований населенных пунктов: Новый Погост (построенный в XV в.), Загородский Погост, Заречный Погост (Белоруссия), Андомский Погост (Вологодская обл.), Отовозеро-Погост (Карелия) и др.

В XIX в. погост как особая единица поселения почти везде исчез. Как синоним «деревни» слово «погост» сохранялось, повидимому, только в обозначении поселений лопарей (саами) Кольского полуострова [1].

Слобода

Погост, хотя он в целом и представлял собой многодворное поселение, распадался обычно на целый ряд однодворок (собственно «погостов», «деревень», «починков», «выставок» и пр.) и исторически развивался, вероятно, именно из однодворного типа. Другой архаический тип поселения — слобода всегда была многодворным поселением.

Слободой обычно называлось подгородное селение, жители которого занимались неземледельческим трудом (ямская, торговая, кузнецкая, гончарная, пушкарская, стрелецкая, сокольничья, солдатская, матросская слободы); так же называли иногда и большое село, имевшее более одной церкви и ярмарку, или промышленное, фабричное село, где крестьяне почти не пахали. Термин этот очень старый, выражение «слобода — свобода» употребляется с XII в., но, как указывают источники, уже с этого времени и позже он имел два значения. Это или поселок городского непашенного характера, населенный ремесленниками, выходившими из общины (различные промышленные поселки колесников, рыбаков, бондарей, кузнецов и т. п. [2]), или это «поселок рабов на господской земле», т. е. рабов, посаженных на землю и превращенных в крепостных с временным или постоянным освобождением их от несения всех или некоторых феодальных повинностей [3]. Слободы второго рода могли быть как земледельческими, так и главным образом ремесленными — сельскими и городскими. В Белоруссии слободами называли вообще деревни, где жило крепостное население.

Особое значение получил термин «слобода» на Украине, где он имеет различное происхождение в Правобережье и Левобережье. В Правобережной Украине во времена польского владычества поляки-помещики для заселения своих крупных земельных владений привлекали украинцев из-за Днепра, обещая «слобожанам» льготы и освобождение от всех повинностей и налогов. Наряду с этим с начала XVII в. происходила единичная и массовая эмиграция украинцев, бежавших от гнета Польши в пределы Московского государства: московское правительство селило их на южной границе — на Белгородской черте, освобождая от всех повинностей, кроме военной. Заселенная таким образом область получила название Слободской Украины, а переселившиеся украинцы — слободских казаков. Таково происхождение слобод Харьковщины (теперь Харьковская область и прилегающие районы областей Сумской, Сталинской и Ворошиловградской).

В некоторых, преимущественно южновеликорусских, районах слободами называют отдельные части селения, тогда как на Севере и в средней полосе они носят название улиц или концов.

[1] См. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 19, 49, 76—79 и др.
[2] Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 38.
[3] Там же, стр. 40.

Хотя в настоящей работе мы не рассматриваем собственно городских поселений, но коснемся коротко одного вида поселений, который исторически составлял как бы переходную форму от города собственно к внегородскому поселку — посаду.

Посад

Посад — исключительно великорусский термин (от «посадити» — поставить, устроить). Это преимущественно поселение, состоявшее из лавок и дворов торгово-промышленных людей, группировавшихся вокруг «города» (вокруг кремля, вокруг городских стен). Русские города начали обрастать посадами с конца X — начала XI в. Примером может служить первичное поселение Китай-города в Москве: в XIII в. это был Посад, построившийся под стенами Кремля и ниже по течению реки (главной и основной частью его был Торг — базарная площадь и ряды), позднее это Великий посад, в отличие от других, малых посадов; в XVI в. он обносится стеною и известен под названием Китай-города. Таково же происхождение Сергиевского посада вокруг Троице-Сергиевой лавры, в настоящее время г. Загорска. На Севере, как и в древнерусском языке, слово «посад» означало также городское поселение без укреплений, торговый город без кремля. Посадские люди составляли в Московском государстве главную массу городского населения; в разговорном языке просто «посадские» — обыватели, противопоставлявшиеся дворянам, крестьянам, купцам, — название, вытесненное впоследствии термином «мещане» [1]. В некоторых говорах (например, во Владимирской обл.) посад — ряд изб, например, деревенская «улица в два посада».

Для торговых селений или слободок с лавками известен и термин *ряды, рядки* (иногда *рядок*), от ряда лавок.

Село

До сих пор мы говорили по преимуществу о типах поселений в северной лесной полосе восточнославянской территории, т. е. главным образом у русских и белорусов. Здесь основной тип сельского поселения — деревня, село, в большинстве средней величины или даже малодворное.

В южной степной полосе господствующее название для поселений, особенно у украинцев, — село.

Термин «село» — один из самых древних, встречающихся во всех славянских языках. На страницах русской летописи слово «село» появилось в X в. и обозначало княжеское загородное имение с княжеской челядью и двором; позднее под селом понималось центральное селение, к которому «тянут» деревни. В современном русском языке (XIX—XX вв.) оно в большинстве случаев означает сравнительно крупное сельское поселение, в котором есть (или была) церковь. На Украине и в Белоруссии слово «село» обозначает сельское поселение вообще (с церковью или без нее).

Украинские и южнорусские села — в большинстве крупные; нередки села по нескольку сот дворов. Встречаются села с числом дворов более тысячи.

Станица

Еще больше по размерам казачьи поселения на юго-востоке страны — станицы.

[1] Ср. названия улиц в Ленинграде: Большая и Малая Посадские в старой части города, на Петроградской стороне, близ домика Петра I и Петропавловской крепости, и Мещанские улицы в позднее возникших частях города. Слово «посад» сохраняется еще в названиях отдельных населенных пунктов: Павловский Посад (Московская обл.), Гаврилов Посад (Ивановская обл.), Опеченский Посад (Новгородская обл.) и др.

Термин «станица», как известно, живет до сих пор на огромных пространствах, населенных бывшими казачьими войсками, на Дону и Кубани, в областях Грозненской, Астраханской, Куйбышевской, Западно-Казахстанской, Гурьевской, Акмолинской, Семипалатинской, Барнаульской, Иссык-Кульской, Читинской, Амурской и в Приморском крае.

Околица. Застенок. Место. Торг

Гораздо более ограничены локально несколько терминов для многодворных поселений, встречающиеся лишь в Белоруссии и на Украине. Из таких терминов надо указать «околицу» и «застенок» для сельских поселений, «место» и «торг» — для городских.

Околицей в Белоруссии называли деревню, если она была заселена шляхтой (мелкопоместным дворянством). «Околица» — общеславянское слово того же значения, что у великорусов, и означает как окрестность, округ, так и изгородь вокруг деревни (глагол «околити» в древнерусском языке XI в. означал окружать, ограждать, в других славянских языках — обносить кольями и т. п.); повидимому, название «околица» закрепилось за шляхетским поселением или потому, что оно было некогда окружено изгородью, или потому, что оно располагалось около деревни.

То же значение имеет и старый белорусский термин «застенок» — поселение хуторского характера, принадлежавшее шляхтичу, однодворок, окруженный когда-то изгородью; возможно и иное объяснение: это был одинокий поселок вне общей крестьянской межи (по-польски sciona — межа), расположенный за нею («за стеной»).

Поселение городского характера, небольшой городок, называют в Белоруссии «место»; для крупного сельского поселения применяется термин «местечко» («мясточка»); у украинцев город называется «місто»; «передмістя» по-украински соответствует великорусскому слову «посад» или «предместье», «пригород». Из русского «предместье» можно заключить, что и в русском языке «место» употреблялось в ныне утраченном значении «город» (и действительно: в памятниках XII в. слово «место» употреблялось в качестве городского поселения; древнерусское «местич», «местыч» означало жителя места, города; отсюда же — и мещанин). В смысле города слово «место» употребляется и у остальных славян (в языках польском, чешском, словацком, сербском, хорватском, словенском). В этом смысле надо понимать и название частей г. Варшавы — Staro и Novo Miasto, т. е. Старый и Новый Город. Равным образом, слово «предместье» употребляется в польском, старочешском, словенском языках.

Слово «торг» в смысле ярмарки, базара известно в старом русском языке, в белорусском и украинском и во всех славянских языках. В современном языке это слово задержалось в старых географических названиях — как Торжок, Торговица, Торговище.

Общеизвестна распространенность древнего общеславянского слова «город», «град» [1]. Следует указать только на особое значение слова «город» в Белоруссии. В обычном русском значении это слово здесь, конечно, понимается, но до недавнего времени не употреблялось. На белорусском языке оно означает огород. Из производных слова «город» можно отметить «городóк» — распространенное во Владимирской, Ивановской, Ярославской областях название для большого богатого села, и «городчик» — так кое-где называют свой огород и плодовый сад украинцы.

[1] См. А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае, стр. 147—149; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 555—556; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 3. М., 1910, стр. 148—149.

Однодворные поселения. Заимка. Починок. Хутор

Типы многодворных поселений в своем большинстве исторически рано возникли и непрерывно существовали до наших дней, чего нельзя сказать об однодворных поселениях. Под этим, в сущности формальным, обозначением скрываются типы поселений, исторически совершенно различные: с одной стороны, очень древние, восходящие к временам первичного заселения страны, и в дальнейшем развитии превратившиеся в многодворные (таковы древние «деревни» на Севере); с другой — хутора новейшего происхождения, выделившиеся из деревни (села) в связи с развитием капиталистического уклада. Разумеется, эти два глубоко различных типа поселений нельзя смешивать. Между ними нет прямой исторической преемственности.

Древние поселения — однодворки сохранились к началу XX в. лишь местами на окраинах страны, где тогда еще не закончился процесс колонизационного освоения.

Можно считать несомненным, что уже на рубеже I и II тысячелетий н. э., наряду с укрепленными городками, в которых укрывалось в случае опасности земледельческое население окружающих открытых селений, существовали многочисленные *заимки* — однодворки отдельных семей, выжигавших участки леса для пашни. На окраинах Русского государства в период после временного запустения степи (в XIV—XV вв.) землевладение на Дону и в слободских полках (составивших впоследствии Харьковскую губ.) складывалось главным образом по праву заимки (так называемые старозаимочные земли).

Термин «заимка» в настоящее время чаще всего встречается в Сибири и на Алтае. Так называли здесь большей частью отдельные хозяйства, обосновавшиеся где-либо в стороне от селения (в лесу, в горах), избудвор вместе с угодьями. Слово «заимка» означает занятие и присвоение бесхозяйственной, пустопорожней земли (т. е., в сущности, государственной земли).

Кое-где, в смысле заимки, уцелел еще старинный термин «починок» (известный из писцовых книг XVI—XVII вв.), но в старину в него вкладывался нескольно иной смысл: обозначение не занятия земли, а основания нового поселка («почин», «начинать»)[1].

Совершенно иной исторический возраст и иное происхождение имеют хутора, также причисляемые частично к «однодворному» типу поселений. Хутором, в противоположность деревне, называется обособленное крестьянское хозяйство, сосредоточенное на отдельном участке вместе с усадьбой владельца. Хуторская система особенно распространена была у украинцев, в великорусских же и белорусских районах начала распространяться лишь в годы усиленного проникновения капитализма в деревню, главным образом со времени столыпинского закона о выделении на

[1] Образование починков в предреволюционное время на великорусском Севере, где отдельные семьи, выискивая новые и лучшие места, выселялись из деревень, хорошо изображено М. М. Пришвиным. Он отмечал конкретное явление: «Впрочем, связь с деревней не разрывается: там его родственники и вообще все ближние. Он даже и не считает, что отделился от деревни; его починок называется тем же самым именем... Малопомалу возле его дома появился другой, третий, возникла деревенька с тем же названием Вот, например, деревня Кайбасово на Выг-озере, подальше от него есть еще Кайбасово а если поискать в лесу хорошенько, то наверно найдется еще Кайбасово; это уже будет починок, один дом. Так расселяются на Севере, и потому там часто встречаются деревни в два-три дома. Однако между всеми этими деревнями на Выг-озере крепкая связь» (М. Пришвин. В краю непуганных птиц. Онего-Беломорский край. М.— Л., 1934, стр. 109—110).

хутора, или отруба, и вызванного им усиленного насаждения хуторов [1]. Переход на отрубное, или хуторское, владение происходил преимущественно в западных великорусских и белорусских губерниях [2] (Псковской, Смоленской, Петербургской, Витебской, Могилевской) и, хотя в меньшей степени, в губерниях, граничивших с подворной Украиной.

Местный вариант значения слова «хутор» надо отметить у донских казаков, которые обозначают так целое селение; это может быть однодворная и многодворная деревня. Такое же значение имеет слово «хутор» у уральских, оренбургских и кубанских казаков. Хутора появились у казаков сравнительно поздно: донские казаки в XVII в. хуторов не знали и жили в станицах, в которых было от нескольких десятков до нескольких сот дворов, обведенных деревянными или земляными укреплениями. Казачьи избы, называемые *куренями,* строились рядом, одна возле другой, надворных и хозяйственных строений почти не было, так как при военном быте казаки, особенно низовые, покупавшие хлеб выше по Дону, хозяйства не вели. Появление с начала XVIII в. земледелия вызвало новую форму расселения — хутора. Отдельные станичники занимали в пределах станичных владений землю под пашню по праву первого захвата и строили хутор. Захват земли под хутора производили главным образом старшины и богатые казаки. Некоторые имели по нескольку хуторов; и, наоборот, были хутора, которые разрастались в многодворные поселения. Часто возникали неудовольствия и распри между хуторянами (обыкновенно более богатыми) и станичниками. В 1797 г. был воспрещен самовольный захват войсковых и станичных земель под хутора [3]. Хутора имели свои управления, подчинявшиеся станичному управлению.

* * *

Чтобы исследовать всесторонне типы поселений восточных славян, следует применить к этой проблеме и метод количественного анализа. К сожалению, можно указать лишь на одну, притом дореволюционную, работу, автор которой попытался поставить вопрос о людности, т. е. о размерах селений Восточно-Европейской равнины и количестве их жителей. Это статья А. И. Воейкова, выдающегося русского географа и климатолога [4]. Исследователь, однако, применил упрощенный, характерный для буржуазной и мелкобуржуазной народнической науки метод «средних величин», которые дают, как известно, лишь приближенное, а порой даже ложное представление о предмете. Вычислив среднюю людность населенных мест (по уездам и губерниям), за исключением городов, он нанес эти данные на карту Европейской России, обрезав ее на севере и востоке — несколько севернее Белоозера и восточнее р. Вятки. При рассмотрении карты видно, что в общем людность селений увеличивается

[1] «Столыпинская аграрная реформа... имела целью создать царизму прочную опору в деревне в лице кулачества. 9 ноября 1906 [г.] был издан указ, дававший возможность каждому крестьянину требовать выделения и закрепления в личную собственность земельного надела с вытекающим отсюда правом продавать его, закладывать и т. д. Кулаки получили при этом возможность скупать по дешевой цене у маломощных крестьян их землю. Аграрные законы от 14 июня 1910 и 29 мая 1911 [г.] предусматривали осуществление принудительного землеустройства в интересах кулаков. Ответом на столыпинскую аграрную реформу были массовые крестьянские выступления в 1907—13» (Энциклопедический словарь, т. 3. М., 1955, стр. 330).

[2] За 1906—1915 гг. в Белоруссии возникли сотни тысяч хуторов.

[3] См. С. Т х о р ж е в с к и й. Рабочие и крестьяне на Дону в 18 в. «Труд в России», кн. 2. Л., 1924, стр. 60.

[4] А. И. В о е й к о в. Людность селений Европейской России и Западной Сибири, «Известия РГО», 1909, т. 45, № 1-3, стр. 21—71.

от севера к югу от запада к востоку. Но есть, однако, и крупные исключения, например:

1) малая людность селений в ряде губерний (мы приводим только великорусские губернии) по сравнению с лежащими на север и запад от них: в Ярославской (по сравнению с Новгородской, Тверской и Вологодской), Астраханской (по сравнению с Саратовской и Самарской губерниями и Донской обл.) и в Донской обл. (по сравнению с Воронежской и Саратовской губерниями);

2) бо́льшая людность селений в следующих губерниях по сравнению с лежащими на восток и юг от них: Пензенской (по сравнению с Симбирской и Саратовской) и Самарской (по сравнению с Астраханской и Оренбургской).

А. И. Воейков разбирает природные, исторические и этнические условия и пытается найти объяснение вышеуказанным отступлениям от общей картины.

В качестве образчика выводов А. И. Воейкова можно привести его рассуждения об исключениях первой и второй групп. Так, малую людность селений в Ярославской обл. он объясняет следующим образом: губерния «Ярославская населена давно русским народом, но малое плодородие почвы и другие условия повели к развитию отхожих промыслов. Огромный процент мужчин молодых и средних лет подолгу в отсутствии. Преобладают малые деревни. Малы средние даже в таком уезде со многими большими фабричными селениями, как Ярославский...» [1]. Наоборот, о большей, сравнительно с предыдущей, величине селений в Новгородской губ., говорится так: «...после присоединения Новгородской обл. к Московскому государству там были большие перетасовки населения. Иоанн Грозный опустошил Новгород и окрестности, перевел многих жителей в московские области и пожаловал большие земли в Новгородской обл. московским боярам. Последние населяли эти земли своими людьми. Самая большая людность в Новгородском уезде, где большие торговые селения на Волхове и округ бывших военных поселений. В них селения вообще бывали крупные, начальство заботилось о том, чтобы поселенцы были под надзором, а в очень мелких селениях он был бы труден. На северо-востоке Новгородской губ., в глухих лесных уездах, сохранилось древнее расселение, малыми деревнями.

В Тверской губ. на судоходных реках и на пути между Петербургом и Москвой уже давно были многолюдные промышленные и торговые селения, которые повышают средние» [2].

Работу Воейкова, представляющую известный интерес, как уже сказано, в значительной мере обесценивает увлечение автора методом «средних величин». Эти «средние», как указывал В. И. Ленин в своей полемике против реакционного народничества, зачастую скрывают подлинный характер фактов и дают искаженное представление о действительности. В данном случае, например, убывание людности селений в направлении с востока на запад в одних местах объясняется действительным уменьшением среднего размера деревень (сел), в других — тем, что наряду с селами в западных областях (Белоруссия, Литва) довольно многочисленны были однодворки-хутора — совсем иной тип поселения.

К сожалению, серьезных марксистских исследований распределения поселений восточных славян по размерам этих поселений у нас еще нет.

---

[1] А. И. Воейков. Указ. соч., стр. 37.

[2] Там же, стр. 36. О работе А. И. Воейкова см. В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 33—40.

ТИПЫ ПЛАНИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ

Вопрос о типах планировки восточнославянских селений в науке совершенно не разработан; археологи, этнографы, архитекторы и другие специалисты, изучавшие крестьянские постройки великорусов, белорусов и украинцев, мало уделяли внимания этому вопросу, ограничиваясь большей частью лишь беглыми замечаниями на эту тему. Исключение составляют две интересные работы последних лет. Одна из них о типах планировки селений Рязанской обл., выполненная совместно этнографом и археологом, на основании богатейших материалов, изученных ими в рязанских архивах, и с использованием данных по археологии и этнографии края [1]. Другая — о системах планировки селений Волго-Окского района, проделанная архитектором на основании изучения картографического материала центральных архивов, обширной литературы и собственных полевых обследований данной территории [2].

Лишь большое количество аналогичных работ по различным областям страны могло бы дать возможность набросать полную картину типов планировки восточнославянских поселений.

В буржуазной науке давно уже установилось мнение, что существуют два специфически славянских типа сельского поселения — это круговая, или круглая, деревня (Rundling и Runddorf немецких этнографов, okolnica и wieś okrągła польских исследователей) и «уличная» деревня (Stassendorf первых и ulicówka вторых). Но эти формы планировки, во-первых, нельзя считать исключительно славянскими, во-вторых, они далеко не охватывают всего многообразия типов застройки селений, как у славян вообще, так и у восточных славян, в частности. Совершенно несомненно, что круговой план на восточнославянской территории весьма древен и известен, как мы видели выше, уже со времен трипольской культуры III—II тысячелетий до нашей эры. Но преемственная связь современных «круговых» (в условном понимании) планов с этими древними селениями не установлена, и данных для того, чтобы говорить о такой связи их между собой, наука не имеет.

Кучевая, или гнездовая, деревня

Наиболее древней формой восточнославянского поселения является, повидимому, кучевая, или, правильнее, гнездовая (немецкий термин Haufendorf), для которой характерно беспорядочное расположение строений группами, кучками и нередко на порядочном расстоянии одно от другого. Археологические данные говорят о том, что этот тип господствовал у восточных славян в древнейший период, когда земледельческие патриархальные общины жили обособленно и разрозненно, образуя родовые компактные поселки гнездами. Каждая община тогда представляла собой деревеньку из нескольких дворов, поставленных без всякого порядка; вокруг нее разбросаны были огороды, пашни, выгоны и луга, а по полянкам окрестных лесов рассеяны однодворные заимки.

Древность этого типа подтверждается также последними исследованиями советских этнографов, установивших наличие у восточных славян

---

[1] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области (По документам Рязанского областного архива и Научного архива Рязанского краеведческого музея). СЭ, 1950, № 4, стр. 107—132 (12 планов и одна карта).

[2] И. И. Иконников. О планировочных традициях русского народного зодчества (Планировка русских селений Волго-Окского района). Л., 1954 (Кандидатская диссертация. Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР. Рукопись — с большим количеством планов, фотографий и зарисовок).

в прошлом патронимии. Патронимия — группа семей, происшедших от разделения одной большой семьи, сохранявших хозяйственное, общественное и идеологическое единство [1]; патронимия образовывала отдельное поселение либо отдельный квартал в более крупном селении. Экспедиция Института этнографии АН СССР обнаружила в 1946 г. пережитки патронимии (формы, свойственной патриархату), стойко сохраняющиеся до сих пор среди украинцев Закарпатской обл. [2]. Здесь в ряде сел имеются группы семей, ведущих происхождение от одного предка, их усадьбы сконцентрированы компактной массой (по 23 двора, по 35 дворов и т. д.). Эти родственные группы характеризуются коллективным пользованием земельными угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах, в постройке жилища, экзогамией, участием всей группы в брачном обряде и другими особенностями.

Следы патронимической организации можно обнаружить и в старых белорусских деревнях, где в центральной части селения сконцентрированы гнездами жилища однофамильцев, имеющих общее происхождение.

На примере закарпатских украинцев можно ясно проследить, как из соединения ряда патронимических поселков образовались более крупные поселения гнездового типа. Вероятно, так же отдельные родовые гнезда древних славян объединялись в сельскохозяйственную территориальную (соседскую) общину.

В связи с вопросом об объединении мелких патронимических поселков в группу селений возникает еще один аспект, в котором следовало бы рассмотреть классификацию поселений, а именно, тип расселения, т. е. взаимное расположение поселений, их группировку. Но с этой точки зрения поселения восточных славян не изучались, и поэтому соответствующим материалом наука не располагает [3]. Относительно данной категории селений можно указать, что обычно такие гнезда, или группы, поселений носят общее собирательное название, сохраняющееся в отдельных районах до настоящего времени; это особенно типично для нашего Севера. Так, на р. Пинеге селения состоят из нескольких деревушек — *околов*, разбросанных иногда вдоль реки на расстоянии 2—3 км; каждый окол, или *околок*, носит отдельное название. Например, Карпова-Гора состоит из пяти околов — Кобылина, Новинчины, Запо́лина, Кондра́тьицы и Верноко́ны; Шотова-Гора — из десяти околов, Ваймуши — из четырех и т. д. [4] Эта особенность наблюдается и в Прионежье, где собирательными названиями являются Великая Нива, Великая Губа, Фоймогуба, Космозеро и другие, охватывающие по нескольку селений [5].

Чрезвычайно важно, что собирательные названия гнезд поселений имеют часто патронимические окончания на «ичи», «ицы» или «ане», как, например, поселения Юрьевичи (или Верговичи по древнейшей писцовой

---

[1] М. О. Косвен. Программа для собирания сведений о патронимии и структуре рода. КСИЭ, XIII, 1951, стр. 20.

[2] И. Ф. Симоненко. Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области. СЭ, 1947, № 1, стр. 75—83.

[3] Исключение составляют работы молодого советского ученого М. В. Витова, обследовавшего в 1948, 1953, 1954 и 1955 гг. поселения в ряде районов Архангельской, Вологодской, Костромской и Ленинградской областей и в Карело-Финской ССР. Свои наблюдения М. В. Витов обобщил в упоминавшейся выше кандидатской диссертации «Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. как предмет этнографического изучения», защищенной им в 1952 г. (в ней теме о типе расселения отведено одно из главных мест) и в статьях «О классификации поселений» (СЭ, 1953, № 3, стр. 27—37) и «Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение» (СЭ, 1955, № 2, стр. 27—40).

[4] К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги. В кн. «Крестьянское искусство СССР», 2. Л., 1928, стр. 9—11.

[5] «Крестьянское искусство СССР», 1. Л., 1927, Предисловие, стр. 8.

книге) или Онежане в древнем Заонежье. Сопоставляя это с некоторыми древними актами XV в., в которых выступают какие-то крупные семейные коллективы, М. В. Витов предположил, что эти северные гнезда и представляют собой пример тех особых звеньев в структуре патриархального рода, которые выделены М. О. Косвеном под названием патронимий [1]. И весьма вероятно, что значительная часть столь распространенных в Ленинградской и Новгородской областях и особенно в Белоруссии названий селений с указанными окончаниями (Войсковицы, Югостицы, Молосковицы и др. в Ленинградской области; Дедовичи, Любавичи, Юровичи, Ярковичи, Силичи и бесчисленное множество других в БССР) свидетельствует об их патронимическом происхождении.

Кучевой тип особенно характерен для старых селений бывших государственных крестьян. «У семи домов восемь улиц» говорят о таких селениях в Ярославской обл.; «Шут ее в решете нес, да и растрес», — смеются над своими деревнями жители селений такого типа в Воронежской обл.; «вразбитную» — называют такие селения в Горьковской обл. и «каменицей» — на архангельском севере. У Гоголя мы встречаем выражение: «избы... были выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы» [2] (деревня помещицы Коробочки в «Мертвых душах»); советский исследователь И. И. Иконников в своей диссертации, упомянутой выше, говорит о бессистемном расположении построек.

Но генезис кучевого плана современных селений может быть совершенно не связан с патронимией. В местах старого заселения, как, например, в средней полосе, в прикарпатских районах, в северной Украине, это может быть результатом древних традиций, идущих от застройки поселения родовыми патронимическими гнездами. В лесостепной же черноземной полосе, заселенной вторично после известного запустения степи в XIV—XV вв., это — результат разрастания семей первопоселенцев, строившихся как им было удобно, «безо всякой указки». Таковы селения, расположенные в районе бывшей Белгородской оборонительной черты Московского государства, шедшей в XVII в. от Белгорода через Воронеж на Тамбов: значительная часть их заселена бывшими государственными крестьянами — потомками военно-служилых людей, известными под названием однодворцев. Среди крупных однодворческих селений, расположенных в долине рек, сохранилось большое количество сел беспорядочного кучевого типа, что особенно характерно для селений, возникавших самостоятельно в промежутках между укрепленными пунктами или под их прикрытием.

Селениями кучевого, или гнездового, плана являлись также деревни, население которых принадлежало к различным категориям: в южновеликорусских районах, например, известны смешанные селения, где жили однодворцы и крестьяне — государственные, удельные и помещичьи. Понятно, что эти группы, — надо учесть, что они зачастую оседали не в одно время,— при застройке образовывали отдельные, более или менее компактные гнезда (слободы, концы). То же явление наблюдается в селениях бывших помещичьих крестьян: в том случае, если одно селение принадлежало нескольким помещикам, возникало несколько концов из крестьянских построек, носивших каждый, как и в случае смешанных селений предыдущего типа, свое особое название.

Селения кучевого плана достигают большого разнообразия: часто кучки построек разбросаны без всякого порядка [3], в других случаях они

[1] М. В. Витов. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв., стр. 83.
[2] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1951, стр. 48.
[3] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 5 и 6.

размещены по отдельным буграм, в третьих — расположены в виде дуги [1], в четвертых стремятся объединиться в круг.

Кучевой разбросанный план селения особенно типичен для лесостепных районов Украины [2]. Долинный тип расселения при сложном рельефе, запутанной сети рек, речек и балок, при обычной ориентировке жилья по странам света, создает особенно сложную планировку украинского села с хатами, разбросанными по склонам и холмам. В лучшем случае в селе имеется более или менее выраженный центр, площадь или главная улица, от которой расходятся проезды, улицы и переулки, пересекающиеся и разветвляющиеся, с закоулками и тупиками. Для украинского села, в отличие от великорусского, характерно большое количество зелени: хатки утопают в садах, много плодовых деревьев, группами стоят пирамидальные тополя, ивы, белая акация. Раскиданность построек и наличие большого количества зелени делали пожары в украинских селах значительно менее опустошительными, чем в центральных и южных великорусских районах. По данным Центрального статистического комитета, за 50 лет (1860—1910) на каждый сельский пожар приходилось в среднем следующее количество сгоревших дворов:

Центральная нечерноземная область	3,9
Центральная черноземная область	4,6
Украина	2,3
Кубань	1,3

Круговая, или кольцевая, деревня

Очень слабо разобран в литературе вопрос о деревнях, имеющих круговой план. Определенный круговой план селения, типично славянский, по мнению многих исследователей, в сущности характерен лишь для селений полабских (живших по р. Лабе, т. е. Эльбе, в далеком прошлом) славян. Эта форма селения с центральной площадью, куда на ночь загоняли скот, существовала еще в IX в.; вызвана она была необходимостью защиты славянских селений от частых нападений германских племен [3]. Такая же круговая форма характерна и для древних селений западнолитовского племени пруссов [4]. В настоящее время даже у западных славян круговая деревня встречается крайне редко: так, польский этнограф Б. Заборский, занимавшийся вопросом о формах славянских поселений, насчитал в Польше всего 30 круговых деревень [5].

Настоящие круговые деревни подобного типа, связанные с военным бытом (мы не говорим о старых городах с их детинцами, острогами, кремлями и другими видами укреплений), у восточных славян как будто отсутствуют. Некоторое исключение составляла Запорожская Сечь — главное селение запорожских казаков на Днепре. Сохранившаяся от XVIII в. зарисовка изображает окруженное оградой круглое селение, в котором

[1] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 4.

[2] Селениям Украины посвящена статья: Г. Ю. Стельмах. Дорадянські типи сільських поселень на території Української РСР «Наукові записки Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР», т. III, 1954, стр. 107—139.

[3] Общий вид западнославянской круговой деревни см. А. Мейтцен. Формы расселения (Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков). СПб., 1899, рис. 6 на стр. 296.

[4] Изображение круговой деревни у древних пруссов см. G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde. Bd. II. Europa. Stuttgart, 1926 (рис. 1 на стр. 25); сб. «Крестьянские постройки». М., 1929, стр. 24.

[5] B. Zaborski. O kształtach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu. Kraków, 1926, стр. 38, 101.

центральная площадь с церковью обставлена вокруг казацкими куренями [1].

В так называемом в русской литературе круговом [2] плане, известном во многих местах восточнославянской территории, постройки размещаются вокруг какого-либо центра: выгона, пашни, озера, церкви, базарной площади [3]. Большое количество подобных круговых селений (до 115) выявлено на территории Рязанской обл. [4], не считая прилегающих к ней районов, где также отмечен данный тип селений.

Исследованиями Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова о поселениях Рязанской области, а также ряда археологов устанавливается, что место расположения кругового селения совпадает нередко со славянским городищем XI—XII вв.; в отдельных случаях эти городища восходят и к VII—VIII вв. Анализ инвентаря из древнерусских селений и городищ дает возможность уточнить, что традиция устройства круговых селений такого типа совпадает территориально главным образом с областью оседлости восточнославянского племени вятичей, в меньшей степени — с областями распространения радимичей по р. Сожу, древлян по Днепру, а также, повидимому, с областями распространения кривичей, восходя к VII в. н. э. Преобладающее число круговых селений Рязанской обл., как показали исследования [5], расположено вокруг пашни, конопляников и огородов, между которыми или остается выгон, или получается сплошь распаханное пространство [6]. При этом возможны два варианта: первый — один круг или ряд строений с огородами и конопляниками, окаймляющий общинный выгон или пашню, с пахотной землей за ним; второй — как на рис. 8 в указанной работе Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова: два концентрических круга усадеб, получившихся в результате семейных разделов, когда на огородах возник второй ряд строений. Повидимому, круговой план с пашней или озером посредине является более древним, чем селения, расположенные вокруг церкви, хотя в той же Рязанской обл. некоторые из селений вокруг церкви могут быть датированы XI в.

Среди круговых селений исследователи выделяют погостный план, т. е. расположение домов вокруг площади, на которой имелись церкви, лавки, общественные амбары и сараи, иногда кузницы и мастерские [7]. По писцовым книгам XVI—XVII вв., на территории Рязанской обл. насчитывалось около 50 погостов, одни из которых были главным образом религиозными центрами округи, другие — торговыми, базарными центрами [8]. Погосты, как мы видели выше, ведут свое начало от X—XI вв., когда их возникновение связано было с установлением оброков и даней. Впоследствии погосты становились административными и торговыми центрами и в ряде случаев центрами религиозными; нередко позднее они теряли значение

---

[1] «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. Собрано и составлено чрез труды... Александра Ригельмана, 1785—86 года». М., 1847, рис. 27.

[2] И. И. Иконников (Указ. соч., стр. 56) справедливо отмечает: «Следует заметить, что термин «круговое» селение, принятый в этнографической литературе, условен, так как форма плана большинства этих селений ничего общего с геометрической формой круга не имеет».

[3] См., например, К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края (Северная часть Московского округа). Дмитров, 1930, рис. 1 и стр. 12—13.

[4] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 10 (карта круговых селений).

[5] Там же.

[6] Там же, рис. 8.

[7] Там же, рис. 9.

[8] Там же, стр. 116.

религиозных центров, но планы застройки сохранялись. Как пережиток, погостные планы дошли и до наших дней и, повидимому, встречаются на большей части восточнославянской территории.

В Волго-Окском районе отмечены селения с «кольцевым» планом [1]. Изучение И. И. Иконниковым картографических материалов 1801 г. по Владимирской губ. выявило в ней 252 селения с «центрической планировкой». Немало таких селений оказалось в Нерехтском уезде Костромской губ. и на правобережье Нижегородской. Оказывается, что кольцевые селения сосредоточены главным образом в местах наиболее древнего заселения; их много, например, среди безлесных пространств, окружавших древние города Углич и Переславль-Залесский. В лесистых же частях обследованного района, где многодворные селения складывались в более позднее время, кольцевые планы почти не встречаются. И. И. Иконников составил «схематическую карту селений, имеющих центрическую планировку, на территории Волго-Окского междуречья» [2]: наибольшая густота кольцевых селений приходится между реками Клязьмой и Нерлью, т. е. на территории самого ядра Суздальской Руси. Повидимому, наиболее древни селения, окружающие водоем, а наиболее многочисленны и разнообразны — окружающие площадь. Социальную основу традиции кольцевого расположения составляли сохранявшиеся остатки крестьянской общины. Автор привел несколько очень хороших планов кольцевых селений различного типа.

О распространении кольцевых селений в древней Руси говорится в одной из последних работ по истории русских городов. Автор ее, архитектор Л. М. Тверской, в главе VIII «Возникновение радиально-концентрической системы в русском градостроительстве» говорит: «В наиболее ранних топографических документах России... в межевых атласах губерний и наместничеств конца XVIII и начала XIX в. встречаются села центрического типа...» и приводит около десяти характерных кольцевых планов селений от 1801—1837 гг. из губерний Ярославской, Нижегородской, Владимирской и Тамбовской [3].

Радиальная, или лучевая, деревня

Круговые (а, возможно, и кучевые) планы дали начало столь распространенным в наше время так называемым радиальным, или лучевым, планам, в которых несколько улиц неправильными радиусами расходятся от общего центра — базарной площади, церкви [4]. Радиальный план особенно характерен для крупных селений лесостепной и степной полосы, возникавших в XV—XVII вв. на южной окраине Московского государства вокруг укрепленных пунктов; радиальные улицы обеспечивали населению быстрый доступ к укрепленной части в случае военной тревоги. Эта планировка характерна для селений военно-служилых людей, поселенных вокруг острожков, укрепленных монастырей и т. п. Позднее, с развитием торговых сношений, в XVIII—XIX вв., радиальные планы характеризуют торговые села средней полосы, крупные хлеботорговые пункты черноземных районов, многие украинские села (ср. план старой Москвы,

[1] И. И. Иконников. Указ. соч., стр. 56—105.

[2] Там же, рис. 10.

[3] Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. Л.— М., 1953, стр. 102; см. также рис. 74—82.

[4] Это расположение селения называют также «звездообразным» (см. В. П. Семенов и О. П. Семенова. Распределение населения Среднерусской черноземной области по территории, его этнографический состав, быт и культура. В кн. «Россия», т. 2. СПб., 1902, стр. 174).

где радиальное направление улиц определялось военным и торговым факторами; план Новгорода, где улицы «внешнего города» радиусами сходятся к детинцу [1], и др.).

Линейная, или рядовая, деревня

Специфически славянским типом считается селение уличного плана, т. е. расположенное вдоль улицы или дороги. Данный тип правильнее определить термином «линейный», или «рядовой», так как далеко не всегда такое селение связано с наличием улицы. В лесной полосе тип этот можно проследить с очень давних времен: уже в VIII—IX вв., как отмечалось выше, когда у восточнославянских племен начался интенсивный распад патриархально-родового строя, изменился и характер их поселений, как известно, всегда точно отражающий общественную структуру населения. В это время и начал слагаться тип русской (точнее — великорусской и белорусской) деревни, с фасадами изб, обращенными к реке или озеру, т. е. тот тип вытянувшейся в виде длинного ряда изб деревни, который принято было подводить под категорию «уличного» типа. Применение последнего термина, несмотря на наличие рядового расположения построек, неправильно, так как улица здесь совершенно ни при чем. Это, по существу, первично-рядовое береговое поселение, линейность которого обусловлена фактором физико-географического порядка, а не заранее задуманным планом. При расположении северных селений по реке наблюдалось два противоположных приема постановки изб и дворов. На высоких, обрывистых берегах избы лицевой стороной обращались к воде, и улица, если она была, проходила между ними и краем берега; такой тип селения много выигрывал в красоте. На широких же, полого спускающихся берегах избы были обращены лицевой стороной от реки, улица проходила по материковой, напольной стороне селения, а на отлогом берегу за избами, спускаясь к реке, располагались огороды.

В старых рядовых поселениях нередко наблюдается несколько рядов домов, обращенных фасадами на «красную сторону», т. е. к солнцу, или ориентированных к реке, к озеру, к оврагу. В таком многорядном селении с прибрежно-рядовой или овражно-рядовой планировкой, а также в старых селениях с планировкой на южную сторону, все фасады смотрят в одну сторону, например, к реке, т. е. окна второго ряда выходят на зады усадеб первого, окна третьего ряда — на зады усадеб второго и т. д.

С развитием торговли и возрастанием значения проезжих дорог крестьянские дворы выстраивались вдоль них, образуя, таким образом, один, а иногда два-три параллельных ряда, или порядка, обращенных фасадами изб к дороге, т. е. друг к другу. Это, если можно так выразиться, стихийно-рядовое расположение, приспособлявшееся к рельефу, ориентировавшееся на солнце и воду, связанное с направлением водных и сухопутных дорог и торговых путей, расположением тех или иных угодий, то скученное, то разбросанное, в случае многодворных селений — с кривыми узкими проулками и прогонами, продолжало сохраняться в течение ряда столетий [2].

В связи со стихийным возникновением и в зависимости от перечисленных выше условий, ряды построек редко располагались по прямой линии — чаще это были кривые, дуговые линии. Издревле у великорусов эти ряды построек называли «концами»: концы могли отходить от общего

[1] Схематический план Новгорода см. А. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде..., рис. 12, *б*.

[2] См. А. Мейерберг. Указ. соч. (зарисовки XVII в.).

центра, например, от площади; могли образовываться пересечением двух рядов или разветвлений одного ряда [1]. Многие из так называемых круговых планов являются, в сущности, слиянием двух или более первичных рядовых застроек, изогнутых в зависимости от рельефа местности или по каким-либо другим причинам.

Во всех этих планах для великорусской и белорусской рядовой деревни издревле характерна сплошная застройка двора к двору, ставшая чуть ли не национальной традицией. В значительной степени традиция эта может быть объяснена, с одной стороны, суровым климатом Восточно-Европейской равнины: снежные заносы заставляли располагать постройки вплотную одна к другой; с другой стороны, несомненно, большое значение имели разрастание и последующий раздел семей, вследствие чего, при отсутствии свободных земельных участков, особенно в средней полосе, новые избы приходилось пристраивать рядом.

Уличная деревня

Настоящий уличный тип селений — разбивка их по заранее намеченному плану, раньше всего появится в Белоруссии, когда бóльшая часть ее входила в состав Великого Литовского княжества. В XIV—XV вв. в белорусской деревне преобладала бессистемная кучная застройка. В середине XVI в. при короле польском и великом князе литовском Сигизмунде II Августе был издан специальный закон — так называемая «Устава на волоки»; с этого времени (1557 г.) деревни должны были строиться в центре своих земель — в среднем поле, располагаясь в одну улицу: по одну сторону ее стояли жилые дома, по другую — гумна с хозяйственными строениями. Эта реформа проводилась и в королевских и в помещичьих владениях, охватив, таким образом, огромное количество селений. «Уставные» села были широко распространены в XVI—XVIII вв., но уже в XIX в. этот тип считался древним и исчезающим, хотя, как исключение, попадался кое-где еще и в XX в. Постепенно отдельные хозяева переносили свои хаты на сторону гумен, и селение мало-помалу превращалось в типичную деревню с избами по обе стороны улицы [2].

В Великороссии селения, разбитые по намеченному плану, с обязательной улицей, появились сравнительно поздно, лишь в XVIII в. Скученность и теснота деревень XVII в. (см. указанные выше рисунки из альбома Мейерберга), страдавших от опустошительных пожаров, обратили на себя внимание передовых людей той эпохи. Известный экономист-самоучка петровского времени И. Т. Посошков предложил линейный план расселения крестьян, со смежными участками двух крестьянских дворов, отделенных промежутками от других таких же групп [3]. После проекта

[1] Вспомним, что в древнем Новгороде было пять концов (Гончарский, Плотницкий, Загородский и др.); во главе каждого из них стоял староста. Аналогичное устройство было и в древнем Пскове, имевшем свои концы, кончанские веча и кончанских старост.

[2] Для изложенного материала использована рукопись Л. А. Молчановой «Типы поселений и жилищ периода формирования и развития белорусской народности», гл. 1 (Академия наук БССР. Институт истории, сектор этнографии и народного творчества. Минск, 1954). См. также АГО, ф. IV, рукопись 6. Этнографические описания Ошмянского уезда [Виленской губ.]. Середина XIX в.

[3] И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951 (фотокопия чертежа — на стр. 169). Эта работа написана ок. 1713 г.

Те же мысли И. Т. Посошков высказал в позднее написанном завещании сыну своему Николаю, оконченном около 1719 г.; «Аще ти случится поселить, где деревня внове, то ты дворы им розмеряй не по прежнему обыкновению, узки и тесны, но сделай их шириною сажен по осми, иль по десяти; да и строй их вместе толко по два двора, гнездами; да отступя от тех дворов сажен дватцать или и болши, другие два двора поставь; и паки и от тех дворов толикое же число отступя, поставь два же двора. И аще случитца тебе хотя сто дворов поставить, то ты все ставь неизменно по два двора вме-

И. Т. Посошкова был объявлен 7 августа 1722 г., как мера борьбы с пожарами, указ Петра I о перепланировке деревень. Указ регламентировал размеры крестьянских дворов, смежность гнезд по два крестьянских двора с обязательными интервалами между гнездами, однотипность участков, ширину дорог и интервалов и линейность расположения деревни.

С этого времени началась борьба за внедрение предусмотренной указами планировки селений, главным образом для предохранения их от хронического выгорания. С 1722 по 1856 г. было издано 19 специальных законов и постановлений, касающихся перепланировки и перестройки деревень [1].

Все эти законы в течение почти столетия лишь повторяли первый петровский указ. Но линейность планировки деревень по указу 1722 г., прогрессивная для своего времени, в дальнейшем теряла уже положительные стороны, так как селения растягивались в длину на несколько верст, что́ создавало большие неудобства для населения. Данное обстоятельство было одной из причин непопулярности указов среди крестьян, которые неохотно строились по новым планам: царское правительство вынуждено было неоднократно возобновлять свои распоряжения.

Подготовка и проведение реформы 1861 г. отодвинули на задний план вопросы сельского строительства. Однако указанные постановления сыграли известную роль, внеся некоторую упорядоченность в планы разбивки деревень, так что к середине XIX в. русская деревня в основном приобрела свой «типичный вид» селения, вытянутого в длину по одну или по обе стороны дороги (рис. 4). Это преобразование происходило медленно и с трудом. Естественно, что в центральной России, издавна и довольно плотно заселенной, строиться заново согласно правительственным распоряжениям могли почти исключительно лишь выгоревшие деревни [2]; погоревшие селения и застраивались по официальным планам.

Строились и перестраивались по планам главным образом деревни помещичьих крестьян, так как помещики или их приказчики и управляющие стремились использовать преимущества плановой застройки в проти-

---

сте, а между ими простые бы места были, шириною по дватцати сажен или и болши. И те порожжие места вели разгородить надвое, чтобы тут были два огорода к обоим дворам сумежным; и на тех порожжих местах вели насадить яблоней, или и овощи вели садить тем крестьянам, коим они смежны будут... И кая деревня сидела на полуверсте, а по тому розмеру аще протягнетца на версту, или и на полторы, то о том тужить не о чем. Земля та, коя меж дворов, не туне пролежит: буде кой крестьянин не похочет овощу садить, то хотя жито, или конопли сей. А строенья бы на тех порожжих местах отнюд никакова и малого не строили. А проежжие улицы вели делать шириною сажен тритцати, или и больши...

И аще по сему розмеру кои деревни построишь, то та деревня, или село никогда все не згорит, но больши дву дворов не будет гореть. Разве гораздо будет ветрено, то дворов пять-шесть згорит, и то развее когда дома людей не изгодитца; а как люди станут на кровлях с водою, то и в ветренную пору болши дву дворов не згорит...

И егда увидят и уразумеют, что полза есть от такова манера, то и сами крестьяня будут владелцов своих просить, дабы дворы им такожде построить гнездами; а тебя будут блажить и Бога молить. У нас в России ни от чего так люди не разоряются, яко от огненного запаления». К этому наставлению прилагалось два чертежа с подробнейшими объяснениями (И. Т. Посошков. Завещание отеческое. СПб., 1893, стр. 272—275).

[1] Этому вопросу посвящена прекрасная работа А. Г. Введенской «К истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в.» («Труды ГИМ. Вып. XV Сборник статей по истории СССР XIX в.» М., 1941, стр. 77—120), ее же. Из истории планировки русской деревни средней полосы России и рабочих поселков на Урале в XVIII и XIX вв. Автореферат диссертации. МГУ. М., 1949, стр. 1—12.

[2] Еще в начале XX в. в русских и белорусских деревнях, выстроенных на 97% из дерева и соломы, ежегодно сгорало около 200 тыс. крестьянских дворов (например, в 1910 г. сгорело 205 тыс. дворов).

вопожарных целях (генеральное межевание помещичьих земель проводилось еще в 1773—1774 гг.). Прежде всего перестраивались деревни, находившиеся в непосредственной близости к усадьбе. Зачастую перестройка деревни производилась сообразно с положением помещичьей усадьбы. Например, если дом помещика стоял на берегу речки или пруда, то деревню размещали в линию на противоположном берегу, если на возвышенности — деревню выстраивали у ее склона и т. п.

Особенно усиленная перестройка селений средней полосы происходила после Отечественной войны 1812 г., когда помещикам пришлось заняться восстановлением своих разоренных усадеб и деревень. Развитие в то время в России товарно-денежных отношений вызывало расслоение крестьянства и зарождение капиталистических отношений в деревне, росли и развивались селения, втянутые в торговый товарооборот страны. Это повлияло на изменение характера законов о перепланировке деревень. Закон 1817 г. уже предписывал при перестройке селений отводить место под площадь с торговыми рядами, лавками, церковью и разными общественными зданиями. Новая планировка также была использована помещиками при перестройке ими своих деревень.

Когда в 1837 г. было основано Министерство государственных имуществ и в его ведение поступили государственные крестьяне и их поземельное устройство, то особенное внимание было обращено на перестройку и их селений. В связи с этим в отдельных случаях перепланировка сел казенных крестьян предшествовала перепланировке селений помещичьих крестьян. Так, в Рязанской обл. перепланировка селений началась в 1830—1840 гг. в селах казенных и коннозаводских крестьян и лишь после реформы 1861 г. — в селениях бывших помещичьих крестьян. Согласно строительному уставу, были проведены параллельные и перпендикулярные улицы, переулки (так называемые *прожоги*), нарезаны усадебные места для дворов, хозяйственных построек и риг и т. д. [1] То же относится и к удельным крестьянам, разряд которых был образован еще в царствование Павла (1797 г.) в количестве 467 тыс. душ мужского пола, живших в 35 губерниях; больше всего их было в Костромской, Смоленской и Вятской губерниях. В 1830 г. были выпущены даже специальные планы для удельных деревень. Как общее правило, власти прежде всего обращали внимание на перестройку деревень, лежавших у больших дорог и почтовых трактов; во вторую очередь перестраивались селения, хотя и лежавшие в стороне, но видные с больших проезжих дорог.

В связи с планировкой селений следует упомянуть также о недоброй памяти военных поселениях времени Александра I, спроектированных и насаждавшихся Аракчеевым. Эти поселения, устраивавшиеся по особым планам, были организованы в губерниях Новгородской, Могилевской, Екатеринославской, Херсонской и на Слободской Украине (Харьковской губ.). Местный автор Словский пишет: «Устроив дороги, Аракчеев начал перестраивать деревни на свой госпитально-голландский лад. Ни одна деревня не осталась цела и на своем месте: все они перестраивались без всякого соображения в отношении к хозяйству крестьян, но для вида, чтоб все было симметрично, прямо и гладко. Со старых мест, удобных для хозяйства и по земле и по близости реки, деревни переносились на прямую дорогу, на низкое болотистое место, в отдалении от воды, но зато на ровное расстояние от смежных деревень...» [2]. Общеизвестно, что аракчеевские поселения себя не оправдали ни с какой стороны и, просуществовав около

[1] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 107.

[2] Словский. Рассказы о былом. Времена военных поселений. Новгород, 1865, стр. 336—337.

1

2

Рис. 4. Деревенская улица

1 — белорусская деревня-двусторонка: избы расположены перпендикулярно к улице (дер. Б. Белевичи Быховского уезда Могилевской обл.); *2* — южновеликорусское село: избы расположены вдоль улицы (с. Рамза Кирсановского уезда Тамбовской губ).

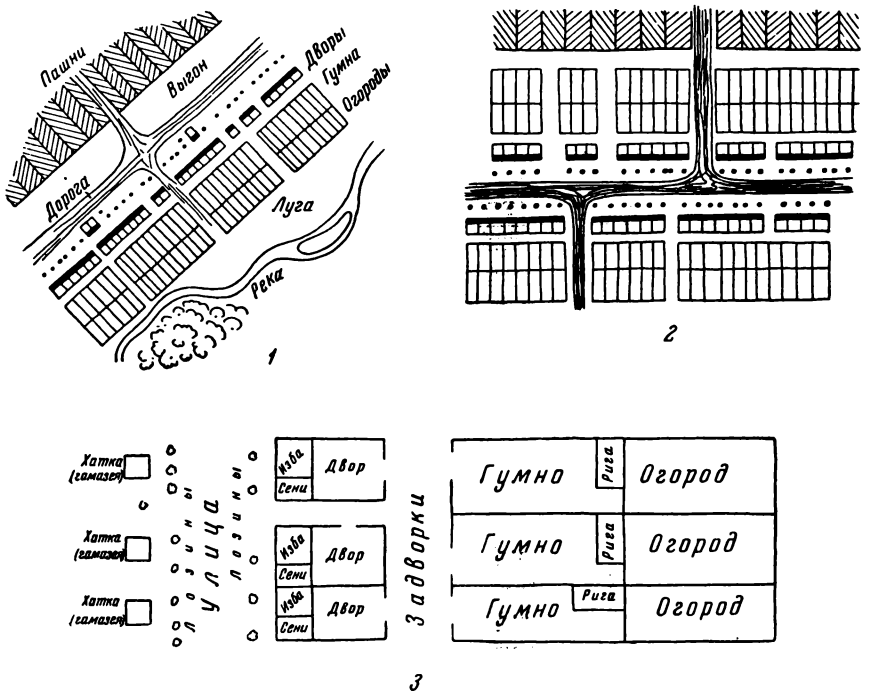
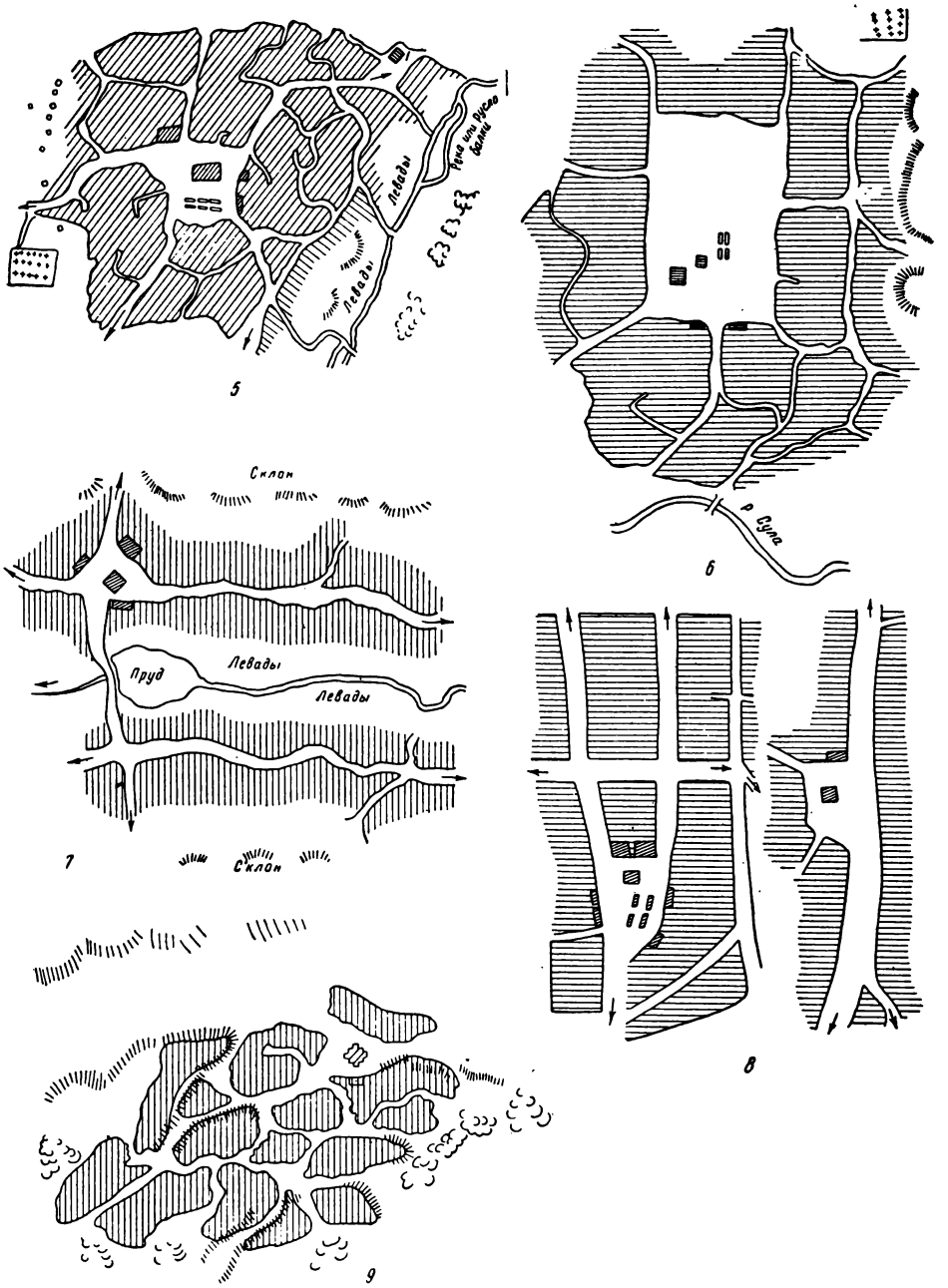


Рис. 5. Схематические

1 — деревня-односторонка; *2* — деревня-двусторонка; *3* — планы крестьянских усадеб (цент-
5 — радиальное, или звездообразное, расположение; *6* — круговой тип с выгоном посре
9 — скученно-беспорядочный тип



планы селений

ральная черноземная полоса); *4* — двусторонка в Верхнем Поволжье. Планы украинских селений: дине; *7* — расположение села по обоим склонам пологой балки; *8* — линейный тип степных сел; (на холмах и по ярам)

40 лет, были в 1857 г. упразднены и переданы Министерству государственных имуществ, но тем не менее известный след в планировке селений определенных районов они оставили [1].

Последними по времени распоряжениями царского правительства о планировке селений были строительные правила, изданные на основании «высочайших повелений» 1873, 1877 и 1879 гг.: крестьянские жилища располагались гнездами по два дома в каждом гнезде [2]. Гнездо от гнезда отделялось переулком в 6 саж. (12,8 м), через 2—3 гнезда проводился проездной переулок в 8 саж. (17 м) шириной, через 40 дворов, или 20 гнезд, устраивался «прогал» в 50 саж. (106,7 м).

В Воронежской обл., вплоть до периода коллективизации и социалистического переустройства деревни, можно было отличить селения бывших государственных крестьян и однодворцев от селений бывших помещичьих крестьян. Среди первых, наряду с селениями линейного типа из нескольких параллельных улиц, что́ является результатом перестроек XVIII—XIX вв., сохранялось огромное количество крупных сел со старой планировкой двух видов: кучевой, или гнездовой, и радиальной, или звездообразной. Селения обоих эти видов с первого взгляда производили впечатление совершенно беспорядочных, запутанных и разбросанных, построенных безо всякого плана, с большим количеством концов, слободок, отдельно стоящих усадеб и улочек, идущих во всех направлениях. Совершенно иной вид имеют здесь селения бывших помещичьих крестьян, которые начали появляться в крае лишь с конца XVII в.; в это время здесь происходила раздача земель помещикам центральных районов, и они переводили сюда своих крестьян из подмосковных сел; значительная часть этих селений возникла уже после первых указов (начала XVIII в.), и они «расположены по плану, как барин поселил»,— как объясняют старики.

«Порядок» — так называют ряд домов, стоящих вдоль улицы (этот термин широко распространен во многих великорусских районах). Если дома расположены по одну сторону улицы, то деревню называют односторонкой; если дома идут по обе стороны улицы, то двусторонкой. Двусторонки, почти как правило, являются более поздним типом планировки, и часто известны примеры, когда после пожаров рядовые деревни-односторонки перестраивались в двусторонки. При односторонке очень часто по одну сторону улицы идут избы, а против них, через нешироκий проезд стоят амбары и «пуньки», служащие для хранения хлеба и добра; это делается из соображений безопасности от пожаров. Если деревня — двусторонка, то в том же порядке, но в обратной последовательности, по другую сторону улицы идут все строения: ряд амбаров и пунек, проезд, за ним ряд изб с примыкающими дворами и усадьбами (рис. 5). Переход от рядовой деревни к уличной, выстроенной вдоль проезжей дороги, связан также с развитием дорожной сети (рис. 4, 5, 6).

Большие селения нередко по расположению представляют собой соединение нескольких различных типов планов. Хорошим примером служит большое торговое село Тырново б. Спасского уезда Рязанской губ., образовавшееся от слияния нескольких отдельных поселков на берегу Оки [3]. Тут круговые (точнее, квадратные) небольшие поселки по буграм,

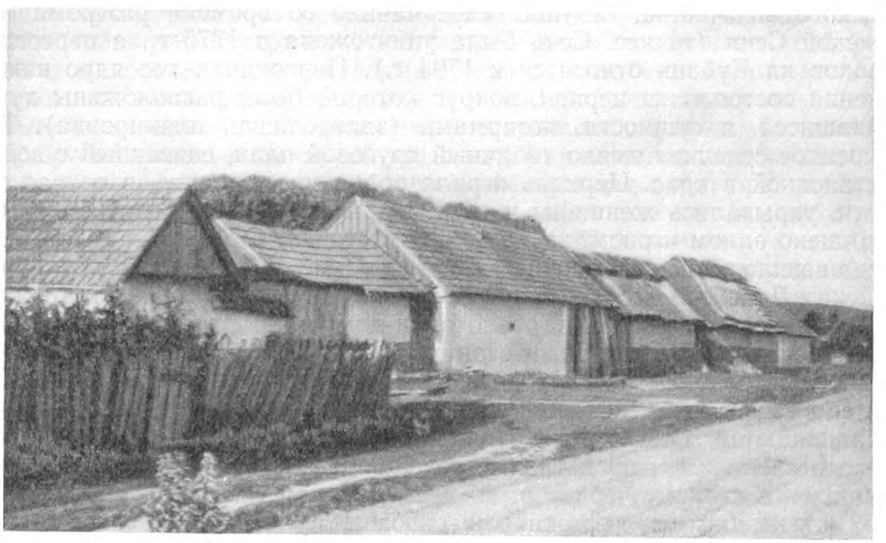
---

[1] А. С. Лыкошин. Поселения военные. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 48, стр. 663—672.

[2] А. Г. Введенская считает, что смежность двух дворов является, повидимому, данью национальной традиции (А. Г. Введенская. К истории планировки..., стр. 2).

[3] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 11 (план с. Тырнова, 1882 г.).

1



2

Рис. 6. Улицы украинских селений

1 — местечко Яреськи Миргородского уезда Полтавской губ.; *2* — с. Черче Станиславской обл.

в осыпях которых обнажаются культурные слои XI в., и длинная слобода казенных крестьян, и несколько небольших правильных деревенек-двусторонок помещичьих крестьян, построившихся на лугах; все эти порядки и слободки объединены базарной площадью в середине селения, от которой они разбегаются во все стороны.

Со второй половины XIX в., когда началось широкое проникновение капитализма в деревню, участились разделы больших семей с выделением женатых сыновей. Это сопровождалось строительством на окраинах селений и образованием концов, носивших характерные названия: Выселочная улица, Безотцовщина, Непочётчина и т. п.

Правильная линейная планировка селений особенно характерна для областей сравнительно поздней колонизации, заселявшихся уже тогда, когда действовали законы о правилах застройки. Поэтому в южной Украине, в Предкавказье (Краснодарский и Ставропольский края), в Средней Азии и Казахстане подавляющее большинство селений имеет широкие прямые улицы, пересеченные прямыми переулками, так что нередко можно даже говорить о квартальном, или шахматном, плане селений. Известное значение имеют и благоприятные топографические условия; так, в равнинной степной Украине прямые улицы селений имеют определенную, явно выраженную ориентацию по странам света, в связи с чем и положение жилых зданий по отношению к улице носит более постоянный характер, чем в холмистой лесостепной Украине.

Из селений, перестроенных согласно административным распоряжениям, интересный местный вариант представляют станицы бывшего кубанского казачества, ведущие свое начало со времени разгрома Запорожской Сечи (точнее, Сечь была уничтожена в 1775 г., а переселение казаков на Кубань относится к 1794 г.). Первоначальное ядро каждого селения состояло из церкви, вокруг которой были расположены курени, являвшиеся, в сущности, казармами (запорожская планировка). Такое «куренное селение» имело типичный круговой план, связанный с военной обстановкой в крае. Церковь играла роль цитадели, где, в случае опасности, укрывались женщины и дети; при этом все поселение с юга было защищено валом и рвом, по валу шел частокол. С 50—60-х годов XIX в., когда вышло общее положение об организации казачьих войск по образцу Войска Донского, куренные селения были наименованы станицами. В каждой станице было устроено один-два плаца для обучения молодых казаков верховой езде. Сами станицы продольными и поперечными улицами были разбиты на кварталы. При рассмотрении плана станицы бросается в глаза, что некоторые из поперечных улиц, идущих с юга на север, заканчиваются тупиками, сворачивающими под углом. Это так называемые «люльки» [1], представлявшие собой некогда ловушки для прорывавшихся в станицу черкесов: во время их набегов (что имело место до 1862 г.) казаки перегораживали сквозные улицы, вытаскивая на них плуги, бороны и устраивая баррикады; при этом свободными для проезда оставлялись только «люльки», вражеские всадники мчались по ним, а в конце тупика на них нападали казаки [2].

Планировка сибирских поселений. Поскотина

В Сибири селения очень разнообразны и по величине и по планировке. Для первых русских поселенцев типичны были заимки, или починки в один-два дома, возникавшие по берегам рек и озер; небольшие селения,

[1] Слово «люлька» по-украински означает курительную трубку.
[2] Сообщено кавказоведом Л. И. Лавровым.

состоящие из одного-пяти дворов, и до сих пор характерны для русских поселений в сибирской тундре. Заимки-однодворки постепенно разрастались в большие деревни и села: как и в европейской части России, селения таежной лесной полосы состоят из нескольких десятков, редко одной-двух сотен дворов; в лесостепной и степной полосах — это нередко огромные селения, в тысячу дворов и больше, растянувшиеся на несколько километров [1]. В старых сибирских селениях обычно наиболее удобная часть занята старожилами, предки которых пришли сюда большей частью еще в XVII в.; менее удобные места — склоны к болотам, косогоры и пр.— занимали новоселы, приходившие сюда в большом числе из внутренних губерний России во второй половине и особенно в конце XIX— начале XX в. Вокруг старых селений располагалась сеть заимок и выселков. Как и в европейской части Союза ССР, здесь часто можно встретить свободную группировку дворов около мелких речек и ручьев или однорядные селения, вытянувшиеся вдоль реки, с фасадами домов, обращенными к воде. Такая планировка типична главным образом для старых селений. Особенное распространение в Сибири получили селения с уличной двусторонней застройкой, расположенные преимущественно вдоль больших дорог и трактов; деревни и села этого типа либо вытянуты в одну линию, либо состоят из нескольких параллельных улиц, пересеченных переулками и заулками. Подобная планировка характеризует селения, возникавшие или разраставшиеся с XVIII в., когда уже действовали законы о застройке деревень. Для сибирских селений и при свободной беспорядочной застройке и при уличной планировке характерна разбросанность в расположении построек, отсутствие тесноты и скученности, свойственных многим селениям центральной России. Другая особенность сибирской деревни в дореволюционное время заключалась в крайнем разнообразии построек в отношении добротности и благоустроенности усадеб; в этом сказывалась резкая классовая дифференциация деревни: богатые, нередко двухэтажные, с тесовыми крышами, украшенные резьбой дома кулаков, обнесенные прочным забором с массивными воротами, перемежались с недостроенными (и, может быть, на долгое время) избушками бедняков, без сеней, с плоской земляной кровлей, стоявшими за плохонькой жердяной изгородью или совсем неогороженными. Совершенное отсутствие всякой зелени — деревьев, садов, палисадников — также характерно для старой сибирской деревни. Лишь небольшие «капустники», как называют в Западной Сибири огороды для капусты и картофеля, располагались за дворами, на задах усадеб.

Для сибирских селений было особенно характерно наличие *поско́тины* — огромного огороженного выгона для скота. Поскотина всегда примыкала к деревне или даже окружала ее на расстоянии нескольких километров от деревни. Если имелась поскотина, то обходились без пастуха: коров выгоняли утром, и они сами возвращались вечером. Скот пасся в поскотине с весны и до уборки хлебов; в это время ворота поскотины стояли запертыми, каждый прохожий и проезжий обязан был запирать их за собой [2]. Если селение стояло на проезжем тракте, то общине приходилось держать при воротах особых людей, на обязанности

[1] О закономерности убывания размера селений в направлении с юга на север, в связи с хозяйственной обстановкой и естественными условиями, на примере Тобольской губ. см. А. Кауфман. Сибирь (население). Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 58, стр. 768—769.

[2] Автору настоящей работы вспоминается надпись, виденная в 1920-х годах у въезда в поскотину на севере Ярославской губ.: «Имейте совесть закрывать воротца» (на европейском Севере также есть обычай устраивать поскотину вокруг селения, но он не так универсален, как в Сибири).

которых лежало открывать и закрывать их за проезжающими. Такой сторож («воротник», «приворотник», «поскотник»), большей частью хилый старик-бедняк, живший в хибарке около ворот, получал от общества обыкновенно в лето, в среднем за время с 1 мая по 1 октября (ст. ст.), 10—15 руб. в Западной Сибири, 25 руб. в южной Якутии. В исключительных случаях нанимали поскотника даже помесячно, с платой 4—8 руб., в зависимости от близости страдного времени и, следовательно, от цен на рабочие руки. Хлеб поскотник получал натурой от каждого домохозяина по очереди.

Когда хлеб был уже убран, то ворота в поскотине снимали, проезд был открыт для всех, а скот мог бродить повсюду по полям. Иногда на весну и осень, пока ворота поскотины были отворены, нанимали пастуха.

Содержание в порядке изгороди поскотины лежало на обязанности всех хозяев, причем вся длина изгороди была поделена на число голов скота. Следил за этим избранный от общества «поскотный староста» (Западная Сибирь, Амурская обл.), «опекун» (Томская обл.).

Иногда от поскотины отгораживалась отдельно небольшая часть поближе к селению, для пастьбы молодняка и рабочих лошадей — «телятник» (Западная Сибирь). Но в Забайкалье в телятниках большей частью не телят пасли, а оставляли подрасти траву для скашивания ее телятам.

Полную противоположность сибирской деревне представляют огромные русские селения Южного Казахстана и Узбекистана, также разбитые по уличному плану. Так как они расположены в районах земледелия с искусственным орошением, то в них по обеим сторонам широкой улицы вдоль домов прорыты арыки, обсаженные обычно с одной или с обеих сторон сплошным рядом пирамидальных тополей. Высокие густые тополя на улицах, фруктовые сады в самих усадьбах придают много живописности этим южным русским селениям.

ОРИЕНТИРОВКА ЖИЛИЩ ПО СТРАНАМ СВЕТА

Естественно, что крестьянин всегда старался поставить свое жилище окнами на юг — на «лето», на «красную», или «полдённую» сторону. В Вятской губ. избу, построенную окнами не на юг или юго-запад, даже называли тюрьмой. Во многих северных селениях, сохранивших наиболее древний, свободный характер планировки, окна зимней жилой части обращены на юг, юго-восток, юго-запад; окна летних помещений выходят обычно на берег реки, озера и обращены на восток, юго-восток, северо-восток. Если зимнее и летнее жилье помещались рядом, то нередко оба основных направления — к солнцу и воде — совпадали.

Ориентировка домов фасадом на юг в многодворных селениях иногда обусловливала рядовую (однорядную и многорядную) форму деревень.

Ориентировка жилья по странам света до сих пор является руководящим требованием при застройке селений у украинцев, которые всегда хату свою обращают на южные румбы [1]. Поэтому в одном и том же се-

[1] Материалы Северно-Украинской экспедиции 1945 г., работавшей под руководством С. А. Токарева в Черниговской обл., подтверждают это: излюбленным является положение хаты или фасадом или окнами жилой части на юг. Была отмечена ориентировка по странам света для 164 хат (с. Мнёво Михайло-Коцюбинского района). Из них 39 хат (24%) обращено точно или приблизительно фасадом на юг, 33 хаты (20%) — на запад и 28 хат (17%) — на восток; в обоих последних случаях жилая сторона хаты обращена всегда, без единого исключения на юг и никогда на север. 12 хат (7,4%) смотрят фасадом на север (см. КСИЭ, II, 1947, стр. 34); см. также П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, стр. 8.

лении нередко по одну сторону улицы все хаты стоят окнами во двор, а по другую — наоборот, лишь бы длинный фасад дома выходил на юг. В отдельно стоящих усадьбах или в хуторах украинцы для этой цели нередко ставили хату по диагонали двора. У белорусов «всякий хозяин, строя для себя дом, всеми силами старается, чтобы солнце весь день светило в окна его дома; это — страсть, которая сопровождается нередко беспорядочным расположением домов в деревнях» [1]. Нередко это стремление поставить дом окнами к югу вызывает постановку хат под некоторым углом к улице — получается характерное для многих белорусских селений расположение «ў ёлачку».

Аналогичное расположение изб «уступами, по ступенчатой черте» известно и в старых великорусских деревнях, например во Владимирской обл.; правда, по словам местных жителей, строились так для того, чтобы каждый хозяин мог в боковое окно наблюдать за своими воротами и видеть, кто стучится в них, а также мог глядеть вдоль всей улицы, оберегая все селение.

Ориентировка домов фасадами на юг, к солнцу, позднее, особенно в средней полосе, сменилась, как мы видели выше, ориентировкой фасадами на улицу. При этом, естественно, лишь одной стороне селения удавалось совместить оба принципа, и эта «красная» сторона обычно длиннее другой; если же деревня построена на один «порядок» (односторонка), то он всегда выходит на «красную», или «полденную», сторону: «Линии селений всегда почти имеют одинаковое направление: одна на полдни, и называется полденная, другая на полночь, и называется полночная. Полденная линия почитается веселою; потому что солнце более освещает и сильнее согревает ее. От этого при перестройке вновь селений из-за мест крестьяне бросают жеребей» [2].

Своеобразный локальный вариант ориентировки жилища в зависимости от природных условий наблюдается у украинцев-переселенцев в Южном Казахстане. Положение хаты во дворе здесь зависит от направления господствующих зимних ветров. Окна устраиваются лишь на подветренной стороне [3]. Тот же прием отмечен у донских казаков, у которых северо-восточная стена, обращенная в сторону господствующих ветров, почти всегда делалась глухой [4].

---

[1] АГО, ф. V, рукопись 5. Г. Клодницкий. Этнографические сведения о жителях Лепельского уезда (Витебской губ.). 1850 г.

[2] АГО, ф. XLI, рукопись 46, Лебедев. Этнографическое описание крестьян Тверской губ., Тверского уезда. 1854 г.

[3] Т. В. Станюкович. У русских переселенцев в Средней Азии. КСИЭ, IV, 1948, стр. 88.

[4] К. И. Куликов. Архитектура народного жилища Дона. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси — Новочеркасск, 1954, стр. 10.

III. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ КОМПЛЕКСОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ЖИЛИЩ И ДВОРОВ (УСАДЕБ)

Основные черты старого жилища великорусского, украинского и белорусского крестьянства наметились уже, как мы видели выше, много веков назад. Еще задолго до сложения древнерусской народности на Восточно-Европейской равнине выделилось два основных типа жилища: полуземлянка в степной и лесостепной полосах и наземное срубное жилище в лесной полосе. Но с течением времени древний тип поземного[1] жилища в северных условиях перестал удовлетворять предъявляемым к жилищу требованиям: зимой низкую избу заваливало снегом, так что нельзя было открыть двери; весной ее заливало талыми водами и трудно было выбираться из дома из-за непролазных луж. Приходилось поднимать жилое помещение выше уровня снежных заносов и весенних паводков, подальше от холодной влажной земли. Рубленая постройка — *клеть* — была поднята на *подклеть*. В подклети можно было держать домашнюю скотину и птицу, а в сухом теплом *верху* жить самим. Так появилась в лесной полосе изба с деревянным полом, поднятым над землей, которую строили на более или менее высоком нижнем нежилом этаже (*подклет*, *подклеть*, *подполье*, *подвал*, *подъизбица*), который часто использовался как кладовая или как помещение для скота. Таким образом выделились области распространения основных двух типов дореволюционного восточнославянского жилища: один — изба на подклете, другой — поземное жилище (изба или хата с земляным или глинобитным полом). Между этими основными типами существует ряд переходных форм.

Более или менее с этими областями совпадают и названия жилища: изба — почти у всех великорусов, кроме самой южной полосы южновеликорусской территории, и хата — у белорусов и украинцев. Совпадение это, однако, далеко не полное; так, например, в Рязанской обл. название «изба» распространено и в районах с поземными жилищами без подполья; в Курской обл. крестьянин называет свой дом и избой и хатой, а в Черниговщине и Белоруссии слово «хата» применяется без разбора ко всякому жилью, хотя бы и с подпольем. Следует отметить, что слово «изба» представляет общеславянский термин (его не употребляют лишь

[1] Слово «позе́мный» имеет более узкое значение, чем «наземный»; это — у самой земли расположенный (ср. поземка — метель с завихрениями у самой земли); поземная изба — стоящая непосредственно на земле, не имеющая подвала. (См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. Изд. 2, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора, стр. 238. Все дальнейшие ссылки даются только на это издание 1880—1882 гг.).

белорусы и украинцы), слово же «хата» имеет локальное распространение: оно известно лишь украинцам, белорусам и западным славянам.

Граница распространения южной формы — поземной избы (великорусы) или хаты (белорусы и украинцы) и северной формы — избы на подклете проходит в центральной части страны по современным областям Смоленской, Калужской, Тульской и Рязанской. Она не представляет четкой линии: если передвигаться в пределах этих областей к северу, то можно наблюдать, как земляной или глиняный пол постепенно сменяется деревянным настилом, уложенным на лежащие на земле бревна — клади; чем дальше к северу, тем этот настил выше и выше поднимается над землей, и поземная изба превращается в избу на подклете. Приблизительно можно считать, что в пределах Калужской обл. эта граница проходит несколько севернее р. Оки и притока ее Угры, в Рязанской обл.— южнее Оки, в основном следуя изгибам течения реки и отходя от нее в восточном направлении в том месте, где Ока резко поворачивает на север к Касимову. Отклонения от основного зонального типа встречаются по обе стороны границы. Так, изба на невысоком подклете к югу от этой границы встречается в северной части Тамбовской обл. Поземная изба к северу от границы распространена в пределах Владимирской обл.— в так называемой Опольщине [1], т. е. в наиболее древних земледельческих районах Ростово-Суздальской земли между верхним течением Волги и Клязьмы. Наблюдателя всегда поражал контраст между низенькими избушками с глинобитными или деревянными полами без подклета и подполья в Опольщине и высокими избами, с теплым помещением для скота под ними, вокруг Владимира. Белоруссия же и Украина целиком входят в зону распространения поземной хаты. Исключение составляют те болотистые районы Белоруссии, где очень древнее явление представляют не только деревянные полы в хатах, но и настоящие постройки на сваях (например, в XIX в. в Пинском полесье). В старинных селах Минской обл. до сих пор еще отдельные улицы называются лавами, что́ ведет свое происхождение от того времени, когда улицы представляли собой, действительно, лавы, т. е. длинные мостки на сваях.

В пределах зоны избы на подклете наблюдается большая разница между северными и южными ее районами: постепенно к северу нижний ярус, подклет, как уже упоминалось, становится все выше, и в Архангельской и Вологодской областях распространена даже двухэтажная изба — «двужирная», как часто называют ее, или «двужилая», «о двух жи́лах» (им. пад. ед. числа — «жило»).

Генетически, так как в избе на подклете жилым является верхний этаж, то и в двухэтажной избе второй этаж представляет не надстройку, а основную часть жилья; нижний же этаж, развившийся из подклета, представляет вторичное явление.

Наиболее типичная форма восточнославянского жилища уже с глубокой древности — двухкамерная, т. е. состоящая из двух основных частей: собственно жилого отапливаемого помещения — избы или хаты, и холодных неотапливаемых сеней. Снаружи входят в сени и уже через них попадают в избу (хату).

Изба на подклете, как и поземная хата, представляет собой квадратное или почти квадратное помещение, отапливаемое так называемой русской печью, стоящей в одном из углов жилища. По диагонали против

[1] Опольщиной издревле называлось безлесное плодородное пространство между Владимиром-на-Клязьме, Юрьевом-Польским и Переславлем-Залесским (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.», ч. 1, М., 1953, стр. 322).

угла с печью расположен передний, или красный, наиболее почетный угол, в котором висят иконы и стоит стол. По стенам, начиная от входа, идут неподвижные лавки для сиденья и спанья; над ними, на высоте человеческого роста или несколько выше, тянутся полки для разных предметов домашнего обихода. В старой русской и белорусской избе необходимой частью неподвижного убранства избы были также полати — деревянный настил, идущий на высоте человеческого роста от боковой стенки печи до противоположной стены.

Сени представляют собой помещение, пристроенное к избе во всю длину ее дверной стены. Большей частью они у́же избы, так что типичной формой их в плане является продолговатый прямоугольник; реже они равны избе по площади.

Сени служат подсобным помещением, где держат разные хозяйственные вещи, стоит крупная домашняя утварь, хранятся кое-какие пищевые продукты, которые удобно иметь под рукой, и пр. Благодаря сеням холод снаружи не проникает непосредственно в избу, и, таким образом, они играют известную роль в утеплении жилища. Пол сеней устраивается всегда на том же уровне, что и пол избы (хаты), но их разделяет высокий порог; назначение его — препятствовать волнам холодного воздуха вкатываться в избу. По той же причине «однополотная» дверь, ведущая из сеней в избу, делается низенькой, так что входящий в избу человек должен сильно нагнуться, чтобы не стукнуться головой о притолоку. В противоположность этому входная дверь с улицы, устраиваемая в узкой стене сеней (под углом к двери, ведущей в избу), так же как и приходящаяся против нее на противоположном конце сеней дверь, выходящая во двор, делаются в полный человеческий рост.

Наряду с двухкамерным очень рано (с X—XIII вв.) появилось у восточных славян трехкамерное жилище, состоящее из жилой избы, сеней и клети, или горницы, по другую сторону сеней, имеющей, так же как и изба, вход только из сеней. Что третье помещение служило для хранения семейного имущества, летом — для спанья, для приема гостей и пр., не имело ни печи, ни традиционной обстановки избы. С течением времени, с целью увеличения жилой площади, выявилась тенденция заменять эту нежилую клеть (холодную горницу) теплой избой с печью. Таким образом, трехкамерная постройка получила новый вариант: две избы или две хаты, связанные сенями. Из двух древних типов, двухкамерного и трехкамерного, в течение ряда столетий выработалось огромное разнообразие видов жилищ, особенно в зоне избы на подклете.

Жилище, взятое с надворными хозяйственными постройками (помещение для скота, для хранения имущества семьи, средств передвижения и пр.), составляет усадьбу [1]. Характер усадьбы у восточных славян, способ использования усадебного места — застройка его жилищем и надворными строениями, т. е. план расположения последних на усадьбе и тип примыкания их к жилью,— очень разнообразен. Планировку и характер усадьбы определяет ряд факторов: климатические условия, этническая традиция, историческая обстановка, степень экономического развития района.

Эти разнообразные типы крестьянских усадеб можно объединить в три большие основные группы, повидимому достаточно древние:

1) усадьбы с крытым двором, тесно примыкающим к жилищу и объединяющим в себе все надворные постройки;

[1] Усадьбой называют часто не только дом и двор, но также и весь земельный участок, примыкающий к дому. Здесь слово «усадьба» взято в его более узком значении, т. е. дом и надворные постройки, без приусадебного участка.

2) усадьбы с центральным открытым сверху, замкнутым в плане двором, окруженным жильем и сплошным рядом надворных строений;

3) усадьбы с незамкнутым, т. е. открытым, двором, по которому разбросаны отдельно стоящие надворные постройки.

Приняв во внимание эти три основных типа застройки усадьбы, в сочетании их с жильем того или иного вида (избой на подклете или поземной хатой, или избой), мы можем выделить основные жилищные комплексы, характеризующие различные географические районы и группы восточнославянского населения.

УСАДЬБА С КРЫТЫМ ДВОРОМ, ВПЛОТНУЮ ПРИМЫКАЮЩИМ К ЖИЛЬЮ

Севернорусский комплекс жилища распространен от берегов Ледовитого океана до южной окраины лесного Заволжья. Наиболее типична здесь постройка, в которой в одно целое (дом-двор) объединены рубленная из бревен изба на подклете, иногда довольно высоком, и крытый двухэтажный двор: в нижнем этаже двора — помещения для скота, в верхнем — для хранения сена, средств передвижения и пр., в нижний этаж ведут ворота в стене двора, на верхний этаж двора поднимаются снаружи по наклонному бревенчатому помосту — взвозу, или взъезду. Внутри все помещения усадьбы сообщаются между собой. Наличие жилищ подобного типа в значительной степени определяется длинными суровыми зимами Севера: здесь создана возможность очень многие из хозяйственных дел — обслуживание скота и другие работы — производить внутри крытой усадьбы, не выходя наружу. Вся постройка имеет обычно двускатную тесовую крышу. Такой дом-двор (на Севере называют его «хоромы») представляет собой массивное, срубленное в одно целое бревенчатое сооружение, требующее для своего возведения большого мастерства строителей-плотников. В Архангельской и Вологодской областях, в Карелии, на севере Кировской и Молотовской областей еще сохранилось немало таких рубленых хором, представляющих собой непревзойденное чудо плотничьего искусства. Севернорусский комплекс жилища дополняют высокий «верховой» овин, нередко двухэтажный амбар, баня. Обычно небольшие поселения расположены вдоль рек.

Среднерусский комплекс жилища распространен к югу от зоны дома-двора, от Псковщины до Среднего Поволжья и Вятско-Камского края. Это — усадьба в виде рубленой избы на невысоком подклете с примыкающим к ней крытым одноэтажным двором. Одноэтажный двор реже, чем двухэтажный, рубится с домом в одно целое, нередко он просто ставится сразу же за избой или рядом с ней. Часто крыша его ниже крыши дома. Как и в типе северного дома-двора, здесь изба через сени сообщается внутри с помещениями двора. Дом стоит перпендикулярно по отношению к улице; на улицу выходит изба, к ней сзади пристроены сени с выходом сбоку, с заулка. Если постройка представляет связь из двух изб, то она нередко ставится вдоль улицы, с выходом прямо с улицы.

Как и в севернорусском типе, здесь при доме нет открытого двора, его заменяет заулок возле избы и крытого двора; как и на Севере, ворота устраиваются в стене крытого двора. Древний тип крыши в этой полосе — двускатный, но во многих районах он вытеснен позднейшей четырехскатной крышей. Основным материалом покрытия здесь прежде служили дрань (т. е. колотые доски) и солома, с конца XIX в. появилась лучинка (щепа), на редких домах — железо.

Среднерусский комплекс дополняет низкий «ямный» овин, одноэтажный амбар и обычно баня. Более крупные, чем на Севере, поселения

расположены по рекам и на водоразделах. Новгородская, тверская, ярославская деревни наиболее типичны для данной зоны.

УСАДЬБА С ОТКРЫТЫМ СВЕРХУ, ЗАМКНУТЫМ В ПЛАНЕ ДВОРОМ

Далее к югу от северной Белоруссии и Московской обл., через автономные республики Среднего Поволжья на восток за Волгу простирается зона усадеб с открытым сверху двором: к рубленой избе на невысоком подклете примыкает открытый двор, обставленный надворными строениями; во двор с улицы ведут распашные тесовые ворота, часто под отдельной узенькой двускатной крышей. В северной части зоны — полоса переходных форм усадьбы: крытые надворные строения лишь слегка отставлены от жилой избы, открытая часть двора очень невелика, иногда это лишь небольшая щель между сходящимися скатами крыш, нередко прикрываемая на зиму легким съемным щитом — *плоскушей* (Московская область, Среднее Поволжье). По мере продвижения на юг открытая часть двора увеличивается, вся усадьба имеет вид четырехугольника, стороны которого состоят из рубленой избы на подклете, служб, навесов и ворот, ведущих в центральную открытую часть двора. Обычно одна боковая сторона усадьбы занята избой, вторая — хозяйственными строениями; в передней стороне — ворота с улицы, в задней, занятой навесами и службами,— выход на огород и гуменник или на задний, скотный двор. Этот тип застройки носит название покоеобразного двора [1]. Таким образом, и здесь наиболее типично положение избы перпендикулярно к улице. Как и в зоне одноэтажного крытого двора, здесь исконной формой крыши является двускатная, а с конца XIX в. во многих районах входит в употребление четырехскатная крыша с небольшими полуфронтонами и залобками. Материал покрытия в древности —дрань; ее сменила лучинка на двух- и четырехскатных крышах жилья, солома — на надворных строениях. Дополнительная характеристика комплекса покоеобразного двора (овин и пр.) та же, что для среднерусского комплекса. Зона покоеобразных дворов проходит от северной Белоруссии через Смоленщину, север Калужской обл., Московскую обл., север Рязанской обл., Владимирскую и Горьковскую области и далее к низовьям Камы и Вятки.

Южнее этой зоны, от Брянского полесья на восток, охватывая всю черноземную область РСФСР, в полосе лесостепи господствует четырехугольный открытый двор в сочетании с поземной избой или хатой, поставленной вдоль улицы. Вокруг большого открытого двора расположены навесы и надворные строения; все крыто соломой; издревле форма крыши была четырехскатной. Посреди двора иногда стоят отдельно клети для хранения имущества. В старину здесь основным строительным материалом было дерево — различные лиственные породы; бревна по пазам и трещинам обмазывались глиной. С начала XIX в., за оскудением лесов, дерево вытеснили разнообразные строительные материалы — глина, камень, мел, кирпич, прутья, камыш, солома (см главу IV «Техника крестьянского строительства...»). Это как раз наиболее бедствовавшие районы дореволюционой России. Низенькие подслеповатые избушки; куда ни глянешь — кругом всё солома; крестьянская усадьба представляла собой готовый вспыхнуть костер — эти деревянно-соломенные деревни страдали от пожаров и выгорали массами.

Для южновеликорусского комплекса характерно отсутствие бань и овинов. Крупные селения располагаются в речных долинах.

[1] Т. е. имеющего в плане форму буквы П (в церковно-славянском алфавите название этой буквы — «покой»).

УСАДЬБА С ОТКРЫТЫМ СВЕРХУ И НЕЗАМКНУТЫМ В ПЛАНЕ ДВОРОМ

По южной окраине лесостепи и на степном юге Восточно-Европейской равнины (большая часть Украины, районы по нижним течениям Дона и Волги, по р. Уралу, Северный Кавказ и южный Урал) распространен открытый незамкнутый двор, окруженный невысокой изгородью, чаще всего плетнем. Здесь главным строительным материалом служит глина во всех видах: жилище — мазанки различного типа (с остовом из разнообразных материалов), глинобитные и саманные хаты с четырехскатной крышей, крытой соломой или камышом. Хата может составлять любую сторону открытого двора (чаще — боковую), по которому разбросаны надворные строения и навесы, не связанные между собой и крытые отдельными крышами. Для украинских районов, как общеизвестно, характерны беленые мелом хаты с высокими соломенными крышами, утопающие в зелени садов. У великорусов наружная побелка обмазанного глиной жилища встречается значительно реже.

Несколько особняком стоит белорусский комплекс жилища. Не укладываясь полностью ни в один из перечисленных выше зональных типов, белорусский комплекс несет в себе признаки, роднящие его в том или ином отношении со всеми рассмотренными комплексами, кроме севернорусского. Крайнее своеобразие белорусского жилища дает возможность выделить его в особый тип (о нем см. ниже, в главе VI «Основные типы крестьянских усадеб...»).

* * *

Бо̀льшая часть комплексов восточнославянского жилища, несомненно, сложилась еще в феодальную эпоху и, повидимому, отражает культурные особенности существовавших тогда областных групп русской народности. Севернорусский комплекс жилища сложился в пределах средневековой Новгородской земли, в более восточных ее частях, и распространился при новгородской колонизации по всему Северу; он связан с областью распространения северновеликорусских диалектов. Среднерусский комплекс формировался на территории Тверской, Ярославской, Ростовской, Суздальской, Московской и других земель (княжеств) северо-восточной Руси XII—XIV вв.; он связывается с областью средневеликорусских (переходных) и с верхневолжскими районами северновеликорусских диалектов.

Южновеликорусский комплекс жилища сложился в пределах южных русских земель — Рязанского, Черниговского, Новгород-Северского княжеств, в области преобладания южновеликорусских диалектов.

Комплекс покоеобразного двора развивался, по всей вероятности, по восточной окраине северо-восточной Руси, в пределах Городецкого и Муромского княжеств, а, возможно, и в северо-восточной части Рязанской земли. По мере роста территории Московской Руси и продвижения московской колонизации на восток, этот тип жилища распространялся по Среднему Поволжью, по Каме и по Вятке, развиваясь и давая все новые варианты.

Украинский комплекс, сохраняя многие особенности жилища древнерусской народности, развивался на территории Киевского и Переяславского княжеств и Галицко-Волынской Руси. С XVIII в., с присоединением к России черноморских степей и Покубанья, украинский комплекс распространился по всему югу страны.

Белорусский комплекс жилища, формировавшийся в пределах Полоцкой и Турово-Пинской земель на большом протяжении с севера на юг,

естественно, характеризуется многими элементами, общими с соседними русскими и украинскими жилищными типами.

Все эти комплексы, по всей вероятности, корнями своими уходят в глубокую древность, к периоду расселения в Восточной Европе основных племенных групп восточного славянства. Так, севернорусский комплекс связывается с областью расселения ильменских славян, среднерусский и покоеобразный — с землями, заселенными в прошлом главным образом кривичами, южновеликорусский — с территорией преимущественного расселения вятичей. Украинский комплекс, повидимому, можно связывать с союзом племен VI—VII вв. (главным образом полянами) и более западными — волынянами и другими юго-западными племенами. Культура белорусского жилища, повидимому, восходит к племенам бассейна верхнего Днепра (дреговичи, радимичи, древляне). Все эти соображения, конечно, очень условны и требуют дальнейшего исследования и уточнения, в особенности потому, что существует и противоположное мнение, а именно, что типы застройки крестьянского двора не сложились еще даже в середине XVII в. [1].

[1] Г. Г. Громов. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. СЭ, 1955, № 1, стр. 164—171.

IV. ТЕХНИКА КРЕСТЬЯНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

СРУБНАЯ ТЕХНИКА

Строительная техника восточных славян почти на всей занимаемой ими территории, кроме южных степей и предгорной полосы, связана с деревом как основным строительным материалом. «Деревянная Русь» — так называли нашу страну в старину, и это было довольно верным определением, относившимся не только к селам, но и к городам. Многочисленные города целиком рубились из дерева; крепостные сооружения, церкви, жилища рядовых горожан, княжеские хоромы — в основе состояли из различных деревянных срубов.

Техника возведения сруба была доведена до высокой степени совершенства еще в X—XI вв. Можно смело сказать, что ни один народ в мире не создал таких замечательных памятников деревянного зодчества, как восточные славяне. Вспомним хотя бы изумительные деревянные церкви русского Севера и Западной Украины или сложнейшие крепостные стены детинцев и острогов, от которых до нашего времени уцелели башни в Кеми, Якутске и Илимске. Однако о высоком мастерстве строителя-плотника — великоруса, украинца, белоруса свидетельствуют не только древние оборонительные и культовые сооружения, но и современные жилые избы и хозяйственные постройки дают неповторимые образцы самобытного стиля «деревенской» срубной архитектуры. Достаточно посмотреть несколько последних работ советских исследователей о русском и украинском народном зодчестве, чтобы найти множество ярчайших примеров, подтверждающих это положение [1].

Главным орудием производства при выполнении самых разнообразных работ по дереву всегда служил топор (или секира), который был известен уже в X—XI вв., что явствует как из археологических материалов, так и из древнерусских миниатюр (см. выше, стр. 23). В летописи вместо слова «построить» употребляли слово «срубить», плотников называли рубленниками; рубили не только избы, хоромы и церкви, но целые

---

[1] С. Забелло и др. Русское деревянное зодчество. М., 1942; П. Г. Юрченко. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1949; Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. [Б. м.], 1950; его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953; И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952; его же. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954; его же. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955; И. М. Бибикова, Н. А. Ковальчук. Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья. М., 1954; Н. А. Ковальчук. Деревянное зодчество. Горьковская область. М., 1955; «Архитектурное наследство», № 5, М., 1955, и другие работы.

города («рубленый город»). Отсюда же и название основного элемента обычной деревенской постройки — «сруб».

В отдельных сельских районах, где развита обработка дерева, распространены различные виды топоров (не говоря уже о двух основных общерусских типах — колуне и топоре). Ярким примером может служить набор топоров, до сих пор бытующих среди населения Закарпатской области («планка́ч», «плинкач» для отески бревен; «соки́ра» для колки дров, «ба́лта» для рубки дров, «побива́ч» для прибивки драниц на крыше и др.) [1].

Пила известна в русской деревообрабатывающей промышленности с очень давних пор. Обломки полотен двуручных лучковых и одноручных (типа ножовок) пил найдены в раскопках Старой Рязани, Старой Ладоги, Княжей-Горы, на Райковецком городище, во Владимире и Новгороде и датируются IX—XIII вв. [2]. В строительстве же пилу стали применять очень поздно; она появилась в наиболее крупных царских и монастырских хозяйствах лишь с XVI—XVII вв., и не только отдельные хозяева, но и огромное большинство плотничьих артелей не употребляло ее до конца XVIII, а местами даже до середины XIX в. [3].

Основой всех построек был четырехугольный сруб, состоящий из венцов (белор.— «венков»), т. е. горизонтально положенных четырехугольников из бревен, связанных в углах врубками. Благодаря горизонтальной укладке, верхние бревна надавливают на нижние и при дальнейшей усушке бревен не остается щелей между ними, весь сруб уплотняется, стягивается и становится со временем еще более крепко связанным, чем вначале.

Восточные славяне издревле врубали одно бревно в другое, отступя от концов бревен, так что концы выступали за стены сруба (р у б к а с о с т а т к о м). Это имеет большое значение при суровых зимах Восточной Европы, так как со стороны среза бревна промерзают вдоль волокон древесины быстро и глубоко, а поперек ствола — гораздо слабее. Поэтому промерзают выпущенные наружу концы бревен, а угол дома остается теплым; иначе дом начал бы промерзать прежде всего с углов.

Наиболее древним способом рубки с остатком, т. е. сцепления бревен с выпуском концов, является рубка *в угол*: «в простой угол», «в чашу», «в чашку» (старинное «в обло»), у украинцев «у зруб», «у цівки» (рис. 7), когда в одном бревне на расстоянии около 20 см от конца вырубается полуцилиндрическое углубление, соответствующее соединенному с ним под прямым углом другому бревну. Более древний прием, когда чашку вырубали в нижнем бревне и в нее опускали верхнее бревно, хорошо известен по археологическим материалам. Несомненно, что к этому приему относится название в старых письменных источниках рубки в обло. Много позднее появился более совершенный прием, когда чашку вырубали в верхнем бревне и нахлобучивали его этой чашкой на цельное нижнее бревно: при этом вода не задерживается в чашке и углы дольше предохраняют-

[1] Изображения этих топоров см. И. Ф. С и м о н е н к о. Быт населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 1, стр. 78.

[2] О древнерусских пилах и изображения их см. Б. А. К о л ч и н. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси... МИА, № 32, 1953, стр. 115—118. Наиболее ранние продольные пилы найдены на западе восточнославянской территории в слоях XIV—XV вв. (Н. Н. В о р о н и н. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932—1949). МИА, № 41, 1954, стр. 164—165 и рис. 87), но в Московской Руси эти пилы появились, по мнению Н. Н. Воронина, повидимому, в XVII в.

[3] Об этом см. обстоятельную работу: П. Г. Л ю б о м и р о в. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», 10, 1941, стр. 222—249.

ся от гниения [1]. Почти все крестьянские строения на протяжении веков рубились в угол, с выпуском концов — «зауголков», «заугольников». Наряду с этой техникой применяется много других способов рубки с выпуском концов: «в замок», «в крюк», «в иглу», «в охряпку», «в о́хлуп», «в присе́к»,

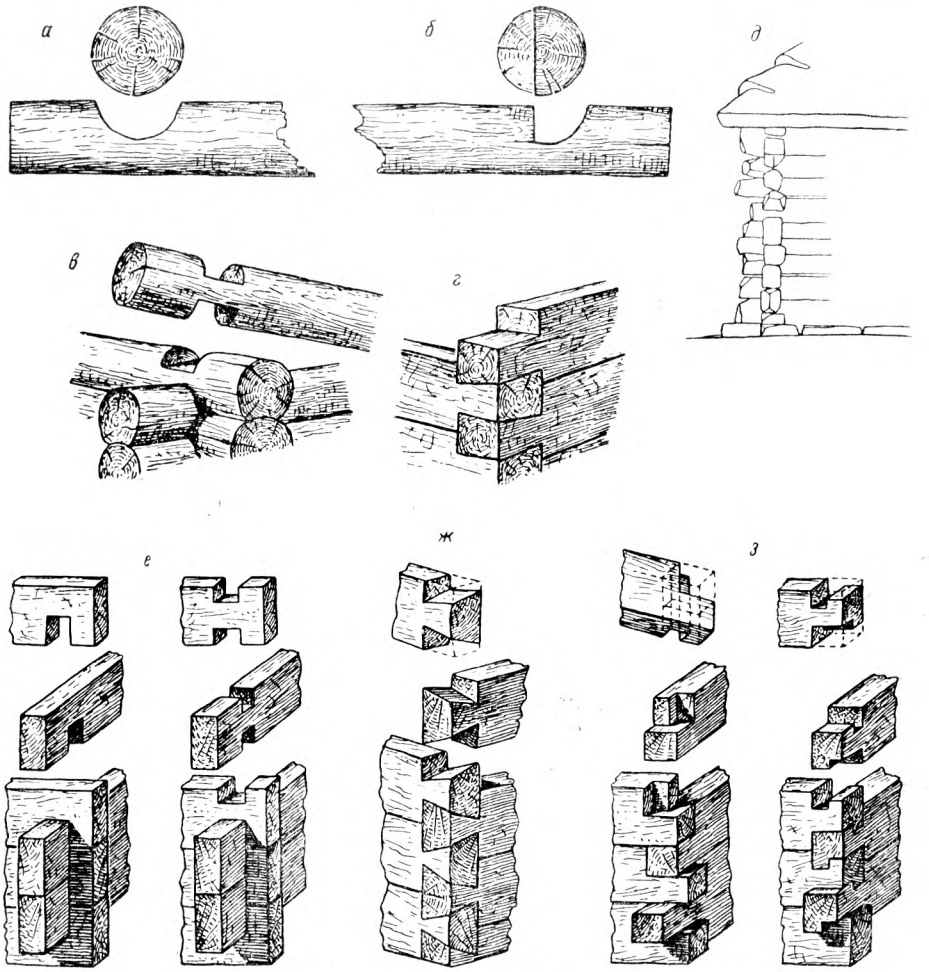


Рис. 7. Способы рубки углов и соединения бревен

1 — способы рубки у великорусов: *а* — в угол, в чашку, в обло, *б* — в крюк, *в* — в охряпку, *г* — в лапу; *2* — у украинцев: *д* — рубка угла с неодинаковыми остатками; *з* — способы рубки толстых пластин у украинцев: *е* — простой замок, *ж* — «нимецький» замок (рибячий хвист), *з* — канюки

«в ряж», «сковоро́днем» и др. Часто по внешнему виду угла трудно сказать, какой из способов применен. Каждый из этих способов имеет те или иные преимущества: рубка в простой угол является наиболее быстрой и, следовательно, наиболее дешевой; при рубке в крюк углы дольше не перегнивают и т. д. [2]. Распространена также рубка на самых концах бревен —

[1] Первый способ, с вырубом в нижнем бревне, называют «рубкой в подкладку»; второй — с вырубом в верхнем бревне — «рубкой в накладку», «в охлуп».

[2] О способах рубки и преимуществах того или иного способа (с рисунками) см. М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. В кн. «Крестьянские по-

рубка без остатка, *в лапу*; она удобна для устройства небольших внутренних срубов, например для опечка, для срубчиков крыльца, хлева и т. п., так как при ней нет торчащих концов бревен и, следовательно, возле срубчика получается больше простора; издавна использовалась рубка в лапу для четырехугольных и шестиугольных срубчиков у придорожных часовен (такие часовенки изображены на планах Тихвинского монастыря 1679 г.) [1]. Кроме того, рубка в лапу увеличивает размер избы при одинаковой длине бревен и, наконец, облегчает обшивку сруба снаружи тесом. Эту рубку применяли и в крупном строительстве с целью дольше сохранить углы сруба от гниения. Так, например, башни Якутского острога срублены в лапу, на Алеутских островах, с их влажным океаническим климатом, русские поселенцы рубили избы всегда в лапу и т. д.

Перечисленные сложные способы рубки (в крюк, в замок, в лапу) стали проникать в крестьянское строительство сравнительно поздно — в XIX в. Притом некоторые из них (например, рубка в крюк) из-за своей дороговизны были доступны лишь зажиточной верхушке деревни [2]. Этот факт, равно как и распространенное среди украинцев название одного из этих способов — «немецкий», дал повод немецким ученым говорить о заимствовании указанных способов с Запада. Однако последними археологическими исследованиями установлено, что бóльшая часть этих способов была хорошо известна древним восточнославянским плотникам; в качестве примера можно привести обнаруженные при раскопках на Минском Замчище остатки строения XIII в., рубленного в замок. «В старинном русском зодчестве насчитывалось до 50 способов врубки при связывании венцов в постройках сложных форм» [3].

Со временем произошло также изменение способа накладывания бревен верхнего венца на нижние. Продольный паз вырубали прежде на верхней поверхности нижнего бревна, но постепенно перешли к вырубанию паза на нижней поверхности верхнего бревна; это было мерой предохранения бревен от затекания в пазы воды. При окончательной сборке срубного жилища пазы для тепла прокладывали жгутами пакли или высушенным мхом; это называлось *мшение* сруба (белор.— *мшенне*) [4]; в черноземной полосе применялась и прокладка пазов соломой, укладываемой поперек бревен (она известна и в Горьковской обл.).

Размеры срубов зависели от строительного материала (употребляя архитектурный термин, «модулем служило бревно»). Длина бревен определяла площадь внутреннего помещения сруба, а число венцов — высоту избы. Древнерусский плотник не применял наращивания бревен, не увеличивал длины бревна, а употребление приемов сращивания бревен соединением в зуб, повидимому, стало применяться очень поздно. По крайней мере ни археологические материалы, ни древнерусские миниатюры, ни рисунки XVII в. не содержат ни одного указания на подобный прием. Если же надо было построить крупное здание (например, для купеческих, боярских или княжеских хором), то приставляли срубы («лепили клети») один

стройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, стр. 5—7; В. И. Смирнов. Свайные постройки Костромского района (По материалам обследования 1926 г.). СЭ, IV, 1940, стр. 153; К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 42.

[1] М. Красовский, Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916, рис. 60.

[2] См., например, Е. П. Бусыгин. Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР. СЭ, 1953, № 2, стр. 66.

[3] БСЭ, изд. 2, т. 7, стр. 439 (статья «Венец»).

[4] Отсюда — «мшаник», «омша́ник», «омше́нник», т. е. проложенный мхом сруб, теплое помещение. В одних районах — это зимний хлев для овец, в других — кладовка для зимнего хранения овощей, в третьих — помещение, куда составляют на зиму ульи с пчелами.

к другому или соединяли их сенями. Эта конструктивная особенность древнерусской деревянной архитектуры, заключавшаяся в сложении клетей, соединенных между собой без планирования общей пространственной композиции, позволяла возводить огромные хоромы, а также расширять существующее здание в любой момент, в зависимости от возникавшей потребности в добавочном помещении. Таким образом, слагаясь из отдельных срубов, имевших каждый особую кровлю, нередко разновременно пристроенных, строение не имело (и не могло иметь) единого композиционного плана, что было характерно для всех крупных жилых построек древней Руси.

Ярким примером подобного многосрубного деревянного здания могут служить палаты купцов Строгановых в Сольвычегодске (построенные в 1565 г. и разобранные в 1798 г.) [1], а также загородный дворец московских царей в с. Коломенском под Москвой, перестроенный в последний раз в конце XVII в. и разобранный по указу Екатерины II в 1767 г. Сохранившиеся подробные чертежи и модель «осьмого чуда мира», как называли дворец современники, дают наглядное представление о способе использования односрубной клети для возведения многокомнатного здания [2].

Образчиком каменного здания, повторяющего древнерусский принцип приставления одной клети к другой, являются известные Поганкины палаты в Пскове, построенные не позднее середины XVII в., когда они впервые упоминаются в документах. При первом же взгляде на фасады этого древнего здания заметно отсутствие системы в расположении окон, сгруппированных по два-три на разной высоте, по мере возведения смежных помещений [3].

Срубное жилище почти безраздельно господствует у великорусов в северной и средней полосах Восточно-Европейской равнины, по северной окраине южновеликорусских районов (области Брянская и Орловская, северные части областей Курской, Воронежской и Тамбовской), у белорусов, в северной Украине (Волынское и Черниговское полесье) и в горных районах Карпат. Срубное жилище характерно также для прибалтийских, финских и тюркских народов этой зоны; срубнобревенчатая техника является древней и для значительных частей лесной зоны Западной Сибири. В настоящее время область распространения срубнобревенчатого жилища продолжается и дальше на восток, через всю Восточную Сибирь, до берегов Тихого океана, куда этот тип жилища проник только с русской колонизацией.

Основными строительными породами служат на севере срубной полосы хвойные деревья, на юге — лиственные. В Архангельской и Вологодской областях на жилые постройки идет преимущественно мелкослойная «кондовая» сосна, южнее (Верхнее Поволжье) — мелкослойная ель, на севере Белоруссии — «смоляк», т. е. сосновые или еловые деревья. Далее на юг начинает преобладать чернолесье — лиственный лес; в центральной черноземной полосе на стройку раньше шли дуб, осина, верба, липа, ольха, но с конца XIX в. в этих местах, покрытых когда-то дремучими дубравами, дуб начал становиться недоступным по дороговизне для строительства. Зажиточные крестьяне стремились возводить постройки из привозимого с севера хвойного леса. На Украине к перечисленным лиственным породам прибавляется в Правобережье граб, в западных

[1] Изображение их см. М. Красовский. Указ соч., рис. 83.

[2] Большой иллюстративный материал по Коломенскому дворцу с пояснениями см. М. Красовский. Указ. соч., рис. 77, 84—86 и стр. 71—74; С. Забелло и др. Русское деревянное зодчество, стр. 49—52 и рис. 454—461; «Русское зодчество», вып. 3. М., 1953, табл. 8.

[3] «Русское зодчество», вып. 3, табл. 13; «История русской архитектуры. Краткий курс», М., 1951, стр. 341.

областях — бук (ср. Буковина — страна бука), на Карпатах — хвойные породы (сосна, ель, пихта). На северо-востоке, в бассейнах рек Мезени и Печоры, употребляются также пихта и лиственница, в Сибири и на Алтае стремятся ставить дома (сруб и толстые половицы) из лиственницы как наиболее прочного дерева, а всю отделку избы — лавки, полки и пр. — производят из сибирского кедра [1].

Та или иная древесная порода влияет на вид сруба. Хвойный лес дает ровные прямые стволы, почти одинакового сечения, из него рубят правильные плотные срубы. Для того чтобы получился ровный сруб, чередуют в углах комлевые и верхушечные части стволов, т. е. более толстые и более тонкие концы бревен, что в готовом срубе почти незаметно для глаза. Лиственный лес не дает таких ровных стволов, их приходится обтесывать, и часто, в связи с этим, в лесостепной полосе срубы делают из брусьев; при дороговизне леса здесь распространены также срубы из пластин, т. е. из расколотых вдоль (так делали прежде) или распиленных по длине (так делают теперь) пополам бревен, причем пластины ставят ребром, плоской стороной внутрь, горбом наружу. Неровность сруба, наличие щелей между недостаточно ровными бревнами, брусьями или пластинами вынуждают украинцев и южновеликорусов обмазывать сруб глиной. В лежащих к северу районах глиной промазывают снаружи только щели между венцами, а самые бревна оставляют в их естественном виде или белят, в южных же покрывают обмазкой сплошь всю стену, нередко предварительно хату клинцуют («клинцюють») или тинкуют. Клинцовкой (клинцюванием) называется забивание в естественные щелочки и в выдолбленные в бревнах углубления маленьких деревянных клинышков, а тинкуванием — обивка стены узкой дранкой крест-накрест в виде решетки, поверх чего мажут смесью глины с навозом и потом белят. На Украине лишь в лесистой части Карпат сруб вяжут из особенно аккуратно пригнанных брусьев дуба, ольхи или липы и не обмазывают стен ни внутри, ни снаружи.

В средней полосе (Московская, Владимирская, Ивановская, Костромская области) и в черноземных губерниях в старину избы из плохого леса на зиму «пележили» («опележивали»), т. е. укутывали соломой. Для этого вокруг избы на расстоянии 20—30 см от стен ставили длинные колья, на них набивали две-три горизонтальные жерди и пространство между временной загородкой и стенами забивали соломой. Есть указания, что для этого применяли также омялье от льна и гороховину.

В поисках наилучшего способа закрепления сруба из неровного лиственного леса строительная практика восточных славян выработала своеобразные приемы. Так, у белорусов отмечено скрепление стен при помощи «лисичек»: поперек стены в двух местах при возведении сруба закладываются короткие доски с прорезями на концах так, чтобы один конец доски приходился с наружной стороны стены, другой — с внутренней. Через прорези доски по обе стороны стены сверху вниз забиваются ровные жерди, которые и служат для скрепления бревен, чтобы «лес не бунтовался» [2].

---

[1] Сибирский кедр — общепринятое название для кедровой сосны (Pinus sibirica или P. cembra L.), относящейся к тому же роду, что и обыкновенная сосна (P. silvestris), но, в отличие от последней, имеющей хвою по пяти иголок в пучке. Не следует смешивать с настоящим кедром (род Cedrus), виды которого растут в Средиземноморской области и на Гималаях.

[2] Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929, стр. 60. Термин «лисица» в русской народной технике применяется для обозначения длинной жерди с креплениями на концах, служащей для соединения двух или более отдельных частей. Так, лисицей называется жердь, связывающая переднюю и заднюю оси или подушки телег и повозок; лисицей называют поперечину, связывающую бревна плота, укрепленную при помощи прутьев; в старинной тюремной практике

На том же принципе основан широко распространенный способ укрепления обветшавших срубов при помощи установки парных вертикальных брусьев (один с наружной, другой против него, с внутренней стороны стены), стягиваемых железными креплениями. Этот способ отмечен и на севере (например, стянутые между собой железными болтами массивные вертикальные брусья у наружной и внутренней стен огромных рубленых соляных амбаров XVII в. в Соликамском районе [1]) и на юге страны (например, крепление покосившихся хат из низкокачественного лиственного леса в Воронежской обл. при помощи нетолстых стояков, связанных винтами с гайками; это так называемые «хаты на винтах» [2]). Такое крепление представляет собой поздний способ сохранения покосившихся срубов, типичный для XIX в.

Для старой срубнобревенчатой техники восточных славян характерно применение многоугольных срубов. Особенной точности и красоты достигали плотники отдельных районов в рубке шести- и восьмиугольных шатровых церквей (Север и Украина) и оборонительных башен. При одинаковой длине бревен площадь восьмигранного сруба получалась значительно большей, чем в четырехгранном; к тому же для получения здания с определенной площадью при восьмиугольнике годились более короткие бревна, чем при четырехугольнике. Вероятно поэтому и был так распространен тип деревянных церквей «осмерик на четверике», при возведении которых для подъема на верхние ряды шли более короткие, а следовательно, более легкие и удобные для подъема бревна. Кроме того, восьмигранные срубы были устойчивы и не опрокидывались при самых сильных северных ветрах, почему деревянные крепостные башни и рубились чаще восьмиугольными. Поздними сооружениями последнего типа являются крепости, возводившиеся русскими на Аляске, когда она принадлежала России (в первой половине XIX в.).

В наше время принцип многоугольных срубов применяется еще кое-где в хозяйственных и временных постройках. Так, в Белоруссии, наряду с четырехугольными крытыми гумнами, встречаются гумна, имеющие удлиненные пяти-, шести- и восьмиугольные срубы (пример такого гумна см. рис. 64, *1*), что объясняется желанием построить гумна наибольшей вместимости [3]. У гуцулов рубщики и сплавщики леса в горах устраивали себе на зиму *колыбу* (*колиба*) [4]. Это — шести-, восьми, или двенадцатиугольный сруб, срубленный на мху, с пирамидальной крышей из драниц или

лисичкой назывался толстый железный прут, к концам которого прикреплялись ручные и ножные кандалы (известно, что Пугачев был закован в «лисичку». См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 42, СПб., 1897, стр. 824).

[1] И. В. Маковецкий. Памятники древней промышленной архитектуры в Прикамье. «Сообщения Института истории искусств», 4-5. М., 1954, стр. 142.

[2] Наблюдения автора в 1920-х годах.

[3] Планы, разрезы и внешний вид многоугольных гумен белорусского Полесья см. Н. И. Лебедева. Указ. соч., рис. 74—77. Необходимо сделать оговорку, что в белорусских многоугольных гумнах нередко лишь среднее звено переднего и заднего концов связывается с соседними стенками по типу сруба, а те соединяются с боковыми стенами способом закладной техники (о ней см. ниже, стр. 83).

[4] План и внешний вид восьмиугольной колыбы гуцульских лесорубов см. Ф. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, рис. 4,*а, в*. Слово «колиба», неизвестное в русской и белорусской речи, употребляется во всех украинских диалектах в значении шалаша: в Измаильской обл. и Молдавской ССР (на территории б. Бессарабии) колибой называли и зимнее шалашевидное жилье пастухов с очагом или даже печью, и сторожку на бахче. В смысле шалаша, лачужки слово «колыба», «колиба» известно у всех западных и южных славян; в болгарском языке слова того же корня образуют целое гнездо слов (см. А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 241—244, 291. Там же, фото бессарабской колыбы — рис. 196).

луба, с отверстием наверху для выхода дыма. Входная дверь ведет в небольшие сени — *хорімці*; в них держат воду, на стенах вешают разные принадлежности для работы, а на верх сенного срубчика внутри складывают пилы. Из сеней вторая дверь ведет внутрь колыбы; пол ее выстлан лубом или деревом, в центре находится очаг, а вокруг него в радиальном направлении стоят *підложа* — низенькие топчаны для рабочих [1].

В русской народной технике известны и трехгранные, или трехстенные, срубы. В виде трехгранного сруба рубили иногда ряжи и быки в речных плотинах и мостах с целью предохранения их от ударов льдин во время ледохода [2].

Срубнобревенчатая техника, совершенствуясь в течение веков, дала много остроумных решений использования венцов сруба для всевозможных строительных целей. Часть этих решений и приемов существует и в крестьянском строительстве, образцы их сохранились на старинных деревянных зданиях. Сюда относятся прежде всего так называемые *повалы* стен, столь излюбленные в деревянном церковном зодчестве Севера, т. е. увеличивание ряда за рядом верхних венцов сруба, благодаря чему прямые стены здания как бы развертывались («разваливались») воронкообразно, в виде плавного раструба, расширяя сруб вверху. Этим образовывался вынос карниза под самым свесом крыши, что предохраняло низ здания от стекающей с крыши воды. Сейчас это уже забытый прием, лишь изредка такое уширение сруба можно встретить на старинных северных амбарах [3].

Гораздо шире распространен прием выпуска концов бревен от венцов для различных целей. Особенно часто практикуется выпускание концов бревен от верхних венцов сруба избы или хаты в качестве кронштейнов для поддержания крыш с большим свесом, защищающим стены постройки от действия дождя и снега; при этом самое верхнее бревно берется длиннее лежащего под ним, а это — длиннее нижнего. У великорусов их называют *вы́пуски*, *про́пуски*, *по́мочи*, *пова́лы* [4]; у украинцев — *ви́пусті*, *остру́бини*; у белорусов — *прави́ла*, *правки*. В старых хозяйственных постройках выпускали концы верхних бревен для устройства нависающих частей сруба, с целью создания бревенчатого навеса над приемочными площадками (предамбарье у обычного крестьянского амбара, балкончик с воротом для приемки зерна на старых ветряных мельницах и т. п.). Не менее широко применяется выпуск концов бревен на разной высоте сруба соответственно различным целям — для поддержания крылец, обходных галерей, различных балконов (о них см. в этой же главе соответствующий раздел). Особенно большой длины (4 м) достигают выпуски бревен на амбарах XVII в. для хранения соли (близ г. Усолья Молотовской обл.), поддерживающие широкий и длинный причальный помост (или галерею), который устраивали вдоль всей стены здания со стороны реки. К этому помосту в половодье приставали специальные ладьи, на которые выгружалась из амбара соль [5].

Интересно применение выпусков бревен в самых нижних венцах сруба. Выпуски, лежащие на земле, выступают далеко за основание стен, посте-

---

[1] Краткое описание таких пастушьих рубленых колыб (в которых «было удивительно тепло, даже жарко») встречается в современной советской литературе (см., например, А. Авдеенко. Над Тиссой. М., 1955, стр. 233, 235—236, 237).

[2] В. В. Данилевский. История гидросиловых установок России до XIX в. М.— Л., 1940, стр. 50. Нос среднего быка златоустовской плотины, построенной в 1761 г.

[3] Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, рис. 73.

[4] В дальнейшем изложении, чтобы избежать путаницы в терминах, слово «повал» в этом смысле не употребляется.

[5] И. В. Маковецкий. Памятники древней промышленной архитектуры, стр. 137—139.

пенно сходя кверху на нет. Они придают бо́льшую устойчивость срубу, это как бы бревенчатые контрфорсы, поддерживающие здание. Как примеры, можно привести внутренние «перерубы» в огромных бревенчатых комплексах севернорусского дома-двора, наружные бревенчатые опоры у углов двухэтажных северных изб, рубка «с карасем» в крестьянских свайных постройках в затопляемых ежегодно весной районах в низовьях р. Костромы [1], бревенчатые контрфорсы у деревянных четырехстенных башен XVII в. над соляными колодцами близ г. Усолья [2] (они способствуют большей устойчивости высоких башен во время сильных ветров, обдувающих их со всех сторон). На Севере иногда на одной избе можно видеть два-три яруса пропусков: верхние поддерживают крышу, средние выпускаются под окнами (на них настилается обходный балкон или галерея), нижние служат упорами для всего здания.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ПОСТРОЙКИ СРУБНОГО ЖИЛИЩА

В прежнее время материал для построек крестьяне заготовляли обычно сами, своей семьей, или пользовались для этого помощью родственников и соседей: устраивалась помочь — обычай, связанный с общинными традициями. Помочью рубили деревья осенью и зимой, помочью же и вывозили бревна по санному пути из леса в селение, где их складывали в «костры». Здесь они лежали до весны, обычно до марта, когда их окоривали, т. е. соскабливали оттаявшую кору при помощи скобеля [3]. Для рубки избы в XIX—XX вв., да и раньше, во многих районах нанимали плотников (лишь хозяйственные постройки рубили большей частью сами, иногда устраивая помочь). Плотничество среди других отхожих промыслов было развито во многих районах лесной зоны. Артели плотников в поисках заработков расходились по многим губерниям северной и средней полосы. Особенно известны плотники отдельных районов Новгородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской губерний. Плотники вносили в строительство свои вкусы и навыки, и их влияниями нередко объясняются различия в отдельных деталях, во внешнем убранстве домов, при сохранении общего плана и типа, характерного для данной местности.

В организации работ при постройке жилища — своими силами с помощью помочан или путем найма плотников — была известная закономерность. Наем плотников производился в промышленных районах с развитыми отхожими и кустарными промыслами, где крестьянин имел определенный заработок, дававший ему возможность нанимать рабочую силу для постройки жилища. В земледельческих, экономически отсталых районах крестьяне этой возможности не имели, нужды в найме рабочей силы не испытывали (так как мужское население находилось дома) и обходились путем организации помочи. Эти два способа строительства обусловливали собой и различия в технике постройки.

Опишем порядок возведения типичной русской избы — избы крестьянина-середняка дореволюционного времени.

При постройке избы сначала рубят временный сруб. Обычно весной бревна, предназначенные для избы, рубят в сруб на любом свободном месте, без прокладывания их мхом. При этом, когда срубают 5—7 венцов,

---

[1] В. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 166. В. И. Смирнов считает, что рубка с карасем — это, повидимому, рубка «тарасами» древности.

[2] И. В. Маковецкий. Памятники древней промышленной архитектуры, стр. 141 и 143.

[3] Заготовка леса, помочи, техника распиловки бревен продольной пилой (два пильщика — «вершник» и «нижник») подробно описаны в кн. «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, стр. 2—5.

то верхний венец снимают на землю и дальше на нем «заводят» новый сруб, так как продолжать первый сруб неудобно — слишком высоко; на 5—7-м венце опять снимают верхний ряд и заводят третий сруб. Затем бревна перемечивают, начиная снизу, зарубками I, II, III и т. д. на каждом венце, причем каждая сторона сруба помечается различно.

В этих трех-четырех срубах постройку оставляют, пока просохнет дерево, до осени или до следующей весны. Затем сруб «разваливают» и начинают «собирать избу» на предназначенном для нее месте.

Наиболее древний способ — укладка сруба прямо на землю, без всякого фундамента. Но еще в XI — начале XII в. у восточных славян практиковалась постановка сруба «на стулья» [1]: под углы дома и под середину бревен первого венца врывают в землю коротыши, чурбаны — обрубки толстых бревен до 1 м высотой (*стулья*). Для предохранения от гниения их обжигают или засмаливают. Для зимней избы стулья врывают вровень с землей, чтобы первый венец лежал плотно на земле. Для летней избы стулья выдаются над землей от 10 см до полуметра и выше. Иногда под углы ставят *стулья копаные,* или *лапы* (выкорчеванные древесные пни, корнями вниз). Для нижних венцов выбираются самые толстые и смолистые бревна (в Сибири стремятся всегда использовать для этого «листвяг», т. е. лиственницу, лучше других древесных пород противостоящую гниению). Первый, основной венец носит название *окладно́го, закладно́го, кладников, нижника.*

Несколько нижних венцов, укладываемых до высоты пола, называют «подвальными», или «подпольными». Уложив их, устраивают подполье. Для этого внутри сруба на земле рубят срубик, высотой в три-четыре венца, из тонких бревен, отступя от стен на 0,75—1 м, в середине его землю выбирают и засыпают ею промежуток между внутренним срубиком и срубом избы; получается кругом внутренняя завалина, а посредине — большая яма, подполье, «колодезь» для хранения картофеля и овощей; иногда яму роют не во всю величину срубчика. *Нутренная завалинка,* защищая подполье (а следовательно, и внутренность избы) от ветра, служит в то же время полкой, на которую ставят крынки с молоком, кадки с кислой капустой и т. п. Иногда на ней осенью рассыпают картофель. Следует различать подполье и подвал. Подполье устраивают под зимней избой; это — теплое помещение, дно его углублено в землю и пол в нем земляной; в него можно попасть только из избы через внутренний спуск около печи. Подвал помещается под летней избой; в средней полосе России подвал в большинстве случаев не углублен в землю. Завалин в нем нет; пол его на уровне земли, часто настилается. Подвал имеет наружный вход с улицы (реже также и внутренний). Это помещение используется как хозяйственная кладовая, иногда в нем держат ручные жернова, иногда устанавливают сновальню. Зимой в нем холодно, летом прохладно, так что он может заменять погреб. Высокий подвал в некоторых районах, например в Архангельской обл., в Верхнем Поволжье, называется *подызбицей,* в Среднем Поволжье — *подызбьем;* иногда в подызбье держат мелкий скот и птицу [2]. Иногда подызбица приспосабливалась под жилье, а в районах кустарных

[1] Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 40; его же. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь». [Б. м.], 1953, стр. 118.

[2] Н. В. Гоголь, изображая в «Мертвых душах» поездку Чичикова к Манилову, пишет: «Попадались вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями, в виде висячих шитых узорами утиральников... бабы... смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок или высовывала слепую морду свинья! Словом, виды известные».

промыслов (например, в б. Пермской губ.) в подызбицах оборудовались небольшие мастерские.

В южных районах распространения сруба с невысоким подпольем завалинку для тепла устраивают и снаружи. Для этого вокруг стен избы на расстоянии от них около полуметра вбивают невысокие колья, закладывают за них бревна, жерди или доски и набивают получившийся промежуток землей; иногда (особенно у белорусов) предварительно насыпают омялье от льна и сверху забивают его землей. В некоторых районах (например, в Молотовской обл.) завалинку делают большею частью тогда, когда изба начинает приходить в ветхость, так как нижние бревна подгнивают и пропускают холод. Завалинка удерживает тепло и способствует более равномерному сгниванию нижних бревен, а следовательно, и равномерному оседанию избы. Завалинка особенно важна в поземном жилище, так как земляной пол очень холоден, а при завалинке в избе теплее и не сквозит. На Украине ей соответствует *при́зьба* (*при́зба, при́спа;* по всей вероятности от глагола «сыпать»), в Курской обл. называют ее *при́стьба.*

Роль завалинки в деревенском быту достаточно известна из художественной литературы (в свободное от работы время любят посидеть на завалинке, посудачить, обсудить свои дела и т. п.).

После устройства подполья продолжают возводить сруб. На третьем венце, если подполье намечается невысокое, или на четвертом-пятом и выше, в зависимости от желаемой или принятой в данной местности высоты подполья, врубают в стены «переводы» (это слово известно в муж. и жен. роде: «перево́да» и «перево́д», также «перево́дина», «перево́день») — толстые балки, служащие опорой для пола. Их кладут параллельно входной (задней) и фасадной сторонам избы, иногда врубая «в полдерева», т. е. в потайные гнезда, до половины толщины стен, для чего делают вырубки в двух соседних бревнах примерно до середины их толщины, иногда пропуская концы их через стены насквозь.

В обычной избе было четыре, реже три переводины: две ближе к стенам, отступя от них на четверть метра, и две рядом, посредине избы. На первых двух от входа переводах утверждается опечек (иногда под переводины, чтобы они не прогибались под тяжестью печи, в этих местах ставят дополнительные стулья).

На переводины настилается пол. Для защиты от продувания снизу делают пол двойным — черный и чистый, с земляной засыпкой между ними. Черный пол кладут из бревенчатого наката или толстых горбылей, горбами вверх, притесанных друг к другу, а сверху настилают чистый пол из гладко выструганных толстых 2—$2^1/_2$-дюймовых (5—7,5 см) досок — половиц [1]. В течение веков выработались разнообразные способы скрепления половиц между собою: пригонка их «в притык» друг к другу, соединение «в закрой», или «в причерт» (когда по краю половиц вырубаются прямоугольные выемки, так что каждая половица своим краем прикрывает край соседней с ней половицы), связывание «на шпунтах» (когда прямоугольный выступ вдоль ребра одной половицы входит в паз, выдолбленный по ребру другой) или сцепление деревянными шипами [2]. Половицы кладут во всю избу поперек переводин, т. е. в направлении от двери к фасадной

[1] Двойной пол — очень древняя особенность жилища северных великорусов. По крайней мере, он обнаружен в жилищах VIII—X вв. в Старой Ладоге: верхний пол здесь был настлан из колотых сосновых плах, старательно пригнанных одна к другой, а черный пол состоял из еловых жердей, также уложенных вплотную друг к другу (см. Н. И. Репников. Раскопки в городище Старой Ладоги. В сб. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 33 и рис. 23, 46 и 47).

[2] См. В. И. Смирнов. Указ соч., рис. 18.

стене. Крестьяне объясняют это тем, что так удобнее мести пол и он меньше снашивается (крошится). Обычно двойной пол устраивают над подвалом, а простой — над подпольем, с целью проникновения в подполье избного тепла (для хранения картофеля, овощей и прочих продуктов).

С первого же венца «собирают дом на моху», «мшат» сруб, т. е. прокладывают продольные пазы заранее высушенным болотным мхом «мокришником» (Sphagnum). Для добротной стройки мох «подвивают куделей»; для этого на нижнее бревно кладут тонким слоем кудель (т. е. вычесанные и приготовленные для пряжи волокна льна или конопли), на нее — мох, который затем при помощи небольшой деревянной лопаточки завертывают и подтыкают куделью с обеих сторон, а затем уже накладывают пазом верхнее бревно.

Число венцов в срубе очень различно; оно зависит от толщины бревен, от намеченной высоты избы, наконец, от достатка хозяина и большей или меньшей доступности леса в данной местности. В среднем на одноэтажную избу с невысоким подпольем идет 15—17 венцов бревен.

Доведя избу до желаемой высоты, укладывают *подгнётный* (*череповдй*, *черепндй*) венец из более толстых бревен, чем нижележащие, и в эти *череповые дерева* врубают параллельно переводинам пола *матицу* (местами ее называют «маткой», «матницей»), служащую опорой для потолка. Это — толстый, отесанный с четырех сторон брус, который обычно не выпускают концами за плоскость стен, а врубают в полдерева [1]. При плохом лесе, т. е. при тонких бревнах стен, матицу приходится пропускать концами наружу за плоскость стен, как это описано выше на примере переводин [2]. На матицу настилают потолочины — толстые доски или чаще горбыли (*горбачи*), т. е. распиленные пополам вдоль бревна, кладя их плоской стороной вниз, предварительно очистив ее фуганком; в очень старых избах, как большую редкость, можно встретить потолок из наката, т. е. из круглых бревен. Потолочины кладут длинные во всю избу или от задней стены до матицы и от матицы до передней стены, врубая их одним концом в гнездо в череповом бревне, другим — в матицу. Потолочины скрепляют друг с другом одним из трех способов: «в паз», когда *горбаки*, или *кругляки*, притесываются один к другому, как бревна в срубе, с полукруглой выемкой; в закрой, или в причерт, когда одна потолочина своим краем прикрывает край соседней потолочины; «в рейку», или в шпунт (наиболее поздний способ).

Набранный потолок оставляют сохнуть до осени, когда его «пережимают», т. е. сдвигают разошедшиеся потолочины. Щели между потолочинами густо промазывают глиной и сверху, для утепления помещения, заливают глиной с песком, а поверх потолочин натаскивают сухих листьев, сухого мху, льняной кострики и наваливают слой земли. Различают верхний черный потолок (горбыли или бревенчатый накат), настилаемый сверху на матицу и засыпаемый землей, и чистый потолок, который подшивают снизу гвоздями к стенам и матице, так что получается достаточная воздушная прослойка, защищающая избу сверху от остывания. При этом

[1] Чтобы избежать провисания (прогиба) матицы, местами на Севере плотники стесывали нижнюю ее сторону по вогнутой кривой, обратной возможному прогибу. В полосе лесостепи, где нередко для матицы приходилось брать недостаточно толстые бревна, под матицу, чтобы она не прогибалась, посредине избы, близ печного угла, ставили специальный столб — подпору; в Воронежской обл. такую подпору с двумя откосинами наверху называли «крест». Число матиц зависело от их толщины и от размеров помещения и колебалось от одной до трех.

[2] К такой матице относится загадка, записанная в Саратовской губ.: «Барыня в избе, рукава на дворе» (АГО, ф. XXXVI, рукопись 18. А. Леопольдов. Загадки. 1848 г.).

сравнительно позднем способе — он доступен был зажиточным крестьянам — матица не видна, и внутренний вид избы несколько теряет своеобразие, хотя само жилье выигрывает в комфорте.

В ряде диалектов сохраняется старый термин, обозначающий потолок,— *по́дволока* (подволока; «подвола́кивать», «подволочи́ть избу» — говорят о подшивке потолка; более позднее выражение — «потолочить избу»). Иногда подволокой называют также чердак (на Севере, в Калининской обл.). Поверх череповых бревен для закрепления потолочин кладут еще *охлу́пные* (или *охлобу́тные*) бревна, которыми обвязывается сруб под крышу.

С матицей в старину были связаны различные обычаи. Матица как бы членила избу на две половины, и войти за матицу посторонним без приглашения считалось неудобным. Нищий или незнакомый, войдя в избу, присаживался у входа и только по особому приглашению проходил вперед и садился на лавку близ переднего угла. Нехристианин вообще не имел права переступить за матицу (особенно у старообрядцев) [1]. Сесть под матицу означало прийти сватать невесту. На Псковщине была известна примета: если новобрачная, входя после венца в первый раз в избу свекра, прежде всего посмотрит на матицу, то ее будет любить вся мужнина семья. Отправлявшийся далеко из дому должен был подержаться за матицу для удачи своего предприятия и т. д. Если старик перед смертью долго мучился, то это означало, по поверью, что он колдун и нечистая сила не хочет, чтобы он умер, и отгоняет от него смерть; тогда родственники старались приподнять на вершок матицу (или же верхние бревна переднего угла), чтобы нечистая сила улетела в щель и больной спокойно умер. Приподымали матицу и в случае трудных родов. К матице и потолочинам относятся загадки: «Сорок братьев на одном зголовье спят» (Вологодская обл.) или «Четырнадцать братив на одной подушке спят — что то е?» (Станиславская обл. УССР).

Приемы устройства потолка у белорусов те же, что и у великорусов. Потолок называется у них *столь* («сто́литца до́шкыми» — настилается досками). Они так же закладывают потолок мхом, кострикой, усыпают слоем земли и сверху снова засыпают кострикой. Разница в том, что матица кладется вдоль избы и потолочины настилаются параллельно входной двери и фасадной стене.

У украинцев матица (*сво́лок*) может быть положена и вдоль и поперек хаты. Потолок (*стель*) по конструкции наката зависит от материалов, имеющихся в данной местности. Это могут быть доски или жерди, пучки или настил из камыша, или тонкие жерди, обмотанные соломой и окунутые в жидкую глину; все это густо обмазывается глиной.

В некоторых районах, наряду с обычным горизонтальным потолком, бытуют древние формы сводчатого или двускатного потолка. Так, в некоторых местностях Белоруссии в старых хатах (а чаще в надворных и хозяйственных строениях) изредка отмечен «неровный» потолок, называемый так в противоположность «ровному» (горизонтальному). Неровный потолок, составляющий одновременно и крышу, бывает двух видов: один — сводчатый, когда в концы фронтонных бревен (самцов [2]) врублено сплошное покрытие из продольных слег (сволоки); на последние настилается и решетчатый остов соломенной крыши [3]; этот сводчатый потолок называется здесь *повалуш* и чаще встречается в клетях и истопках;

[1] Например, казах или шорец, входивший в избу алтайских кержаков.

[2] Самцы — общераспространенное название бревен фронтона; кверху они постепенно делаются короче и концы их срезаются наискось (см. примеч. на стр. 97).

[3] Н. И. Лебедева. Указ. соч., рис. 24, 26.

другой вид: вдоль хаты укрепляются на бревнах фронтона три балки, средняя — выше боковых, поперек них накладываются доски потолка.

Сводчатый потолок сохранился до сих пор в постройках южных великорусов Рязанской обл., где таким образом кроют срубные полуземлянки («выходы»), в которых хранят имущество на случай пожара. Потолок является одновременно и крышей, точнее — потолком служит нижняя поверхность крыши из сплошных слег.

Этого же типа потолок, нижняя часть которого около стен совпадает со склонами крыши, известен в Архангельской обл., в Карелии. Здесь в старинных черных избах две потолочные матицы врублены в самцы фронтона выше уровня верхнего венца сруба, на них параллельно входной двери настланы потолочины. Таким образом, матицами, перпендикулярными к фронтону, потолок расчленен на три части: среднюю — горизонтальную и боковые — наклонные [1].

Слегка покатый двускатный потолок, являющийся одновременно и крышей (иначе — бесчердачная пологая крыша), характерен также для русского жилища многих районов Средней Азии. Центральную балку (матицу) кладут по гребню постройки выше боковых стен, на нее и на стены укладывают с легким уклоном в разбежку поперечные круглые жерди; на них настилают кроющий материал (камыш или специальные цыновки); все смазывают глиной, а внутри белят вместе со стенами. Белый ребристый потолок, с игрой света и тени на округлых белых жердях и матице, придает своеобразный уют русскому жилищу на далекой окраине нашей страны.

После сборки избы и устройства крыши (о крыше см. в этой же главе специальный раздел) приступают к отделке дома, к «наряду». «Нарядить избу», «нарядить нутро» означает отделать избу начисто, сделать всю чистую плотницкую отделку внутри. Для наряда дома иногда приглашают («рядят») плотников особо, так как среди плотников есть специалисты, славящиеся чистотой и красотой такой работы. К наряду относится настилка пола, устройство окон и дверей (о них см. в этой же главе, ниже). В прошлом сюда относилось также устройство всего «неподвижного наряда» избы. Неподвижный наряд представляет, в сущности, как бы меблировку избы. Сюда входит, прежде всего, вся сложная деревянная конструкция, связанная с печью: *опечек* — основание русской печи; связанная с опечком пристройка сбоку печи, различной высоты в различных районах (*гóлбец, кàржина, казёнка, ленúвка, лежанка*), внутри которой устраивают спуск в подполье, ее верхняя поверхность служит для спанья; у свободного угла печи — печной столб, на нем сходятся под прямым углóм два бруса, один из которых служит опорой для полатей, а другой — полкой; у печного столба — скрепленный с ним висячий (обычно на передней стенке голбца) или стоячий высокий шкафчик, с дверками или без них, для столовой посуды; около печи вдоль стены — низкий стоячий залавок (столшкаф) для разной посуды. Вдоль стен — лавки для сиденья и спанья, над окнами — длинные полки, кое-где — короткие *полúчки,* а в переднем углу — божница и т. д. Нередко печь с углом против нее отделена от остальной избы переборкой, с которой иногда скреплены стоячие шкафы.

В договор с плотниками о наряде избы входит и обтеска стен внутри. Для этого в поставленной уже избе скалывают топором «горбушки» бревен, затем сглаживают стену топором, насаженным на специальное кривое топорище, или теслом [2]. При обтеске внутренние углы сруба в среднерусской полосе обычно закругляются, так как стеска к углу сходит на нет

[1] Р. М. Габе. Указ. соч., рис. 41.

[2] Тесло — род топора с лезвием, направленным перпендикулярно к топорищу, как носок молотка

(это «круглые», или «чистые» углы); на Севере же, наоборот, предпочитают не стесывать углы, чтобы они не промерзали (это — «простые» углы). После обтески стругают стены большим «двоерушным» стругом. К этой отделке сруба внутри относится старинная загадка: «На улице — краюшка, в избе — ломоток» (круглое бревно снаружи и стесанное внутри). Обычно отделывают так лишь среднюю часть стен; вверху же над полками и внизу под лавками, а иногда и за печью, часто бревна оставляют нестесанными.

Мастерство русских плотников и высокий уровень организации крестьянских плотничьих артелей проявились в своеобразном стандартном строительстве домов для городского населения, которое практиковалось в Древней Руси (русские города, как уже говорилось, в большей своей части состояли из деревянных строений). В архивных источниках XVI—XVII вв. имеются обильные данные об этой стороне народного деревянного строительства. В лесистых районах к северу и западу от Москвы население многих деревень было занято лесозаготовительными работами специально для московского рынка. По рекам Истре и Москве сплавляли на плотах к столице под Дорогомилово лесоматериалы большого разнообразия видов и наименований, начиная от «черемхового прутья» для крепления подвязей в строительных лесах до готовых зданий со всей внутренней отделкой.

На Лубяном торгу в Москве у стен Белого города, на месте нынешней Трубной площади, продавалось множество разнообразных готовых рубленых домов; в них все бревна были пригнаны одно к другому, оставалось лишь собрать их на новом месте и законопатить щели мхом, что занимало не более двух дней. Этот вид древнерусской строительной промышленности и торговли всегда приводил в изумление иностранцев, попадавших в Москву. Описание Лубяного торга (1634—1636 гг.) мы находим у Олеария [1]. Француз де Бруин, побывавший в Москве дважды (в 1702 и 1707 гг.) и проживший в ней в общей сложности около полутора лет, пишет: «Относительно зданий, ничто мне не показалось здесь так удивительным, как постройка домов, которые продаются на торгу совершенно готовые, так же как и покои и отдельные комнаты. Дома эти строятся из бревен или древесных стволов, сложенных и сплоченных вместе так, что их можно разобрать, перенести по частям куда угодно и потом опять сложить в очень короткое время. Продаются они в таком виде по 100 и по 200 руб. за сруб (каждый рубль стоит 5 голландских гульденов), отдельные же комнаты продаются по цене соразмерно с этой же стоимостью целых домов» [2]. О торговле разборными домами на рынке у стен Скородома (см. ниже) и об удобстве этого в связи с частыми пожарами в городе пишет подробно и голландец Стрейс, нанявшийся парусным мастером в Москву и живший в ней в 1668—1669 гг. [3]. О продаже крестьянами зимой с саней целых домов, заготовленных в разобранном виде, пишет и немец Айрманн, участник шведского посольства в Москву зимой 1669—1670 гг. [4].

Мох для конопачения срубов, измерявшийся «ношницами» (связками), «елками» и возами, продавался тут же, на Лубяном торгу. Здесь же можно было приобрести и отдельные части зданий — желоба, дверные колоды,

---

[1] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 150. См. также акварель Ап. М. Васнецова «Лубяной торг на Трубе» (Музей истории и реконструкции Москвы).

[2] «Путешествие Корнилия Де-Бруина через Московию». «Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, разд. IV, 1872, стр. 84.

[3] Я. Я. Стрейс. Три достославных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Финляндии, Московии... М., 1935, стр. 158—159. (Впервые издано в Амстердаме в 1676 г.).

[4] Н. Р. Левинсон. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666—1670 гг. «Исторические записки», 17, 1945, стр. 295.

окончины и пр. В Лесном ряду, кроме бревен для срубов, так называемых сосновых хоромных, продавались бревна связные, тыновые (или заборные), стропильные, решетные (для обрешетки крыш), переводины, брусья, отесанные на 4 канта, сваи дубовые и много других сортов. Продавался различный тес от 2 до 4 саж. (сажень равна 2,13 м) длиной (кровельный, мостовой и др.), продавались доски от 1 до 7 саж. длиной, различной ширины — столовые, лавочные, коничные [1], для обшивки «нутра» избы; продавался мелкий лесной материал — луб, скàла (береста) и драница (простая и «струговая») для покрытия крыш. Различный «щепной товар» от деревянной ложки и кадки до небольшой церквушки в разобранном виде продавался также недалеко от места выгрузки сплавленных лесных материалов — близ Смоленской площади (в этой связи становится понятным название древней церкви у Дорогомиловского, ныне Бородинского, моста— «Никола на щепах»). Все это давало возможность москвичам, несмотря на частые и опустошительные пожары, которые распространялись особенно из-за деревянных мостовых, быстро восстанавливать свой город [2].

О высоком уровне организации плотничных работ — результате длительного развития — свидетельствует также распространенное в Древней Руси скоростное строительство «обыденных» церквей, т. е. церквей, строившихся по обету «во един день», а также быстрота строительства деревянных оборонительных сооружений. Ярким примером этой древней формы сборности и стандартизации строительства может служить постройка во время войны с Казанским ханством г. Свияжска, длившаяся один месяц. Для этого зимой 1550/51 г. в лесах вблизи г. Углича была произведена заготовка и пробная сборка крепостных стен с воротами, семи башен, церквей и других построек для целого деревянного города-крепости; все части, тщательно перемеченные, в разобранном виде, общей массой около 21 тыс. м^3 леса были весной сплавлены на плотах вниз по Волге за 1000 км с лишним от Углича к устью р. Свияги. Здесь, на площадке в 150 га, расчищенной на высоком берегу, в течение четырех недель, совершенно неожиданно для татар, были воздвигнуты свияжские укрепления, с засыпкой стен 20 тыс. м^3 земли, и собраны внутрикрепостные постройки. Свияжск послужил опорной базой для наступательных операций русских войск при взятии Казани. Строительными работами руководил русский «градоделец» Иван Григорьевич Выродков, опиравшийся в своей деятельности на старинный русский опыт заготовки, перевозки и быстрой сборки деревянных строений на месте. В 1552 г. он же построил тайно от противника трехсрубную пятиярусную орудийную башню, которая была потом разобрана, доставлена к воротам Казани и за одну ночь собрана и вооружена. Она сыграла большую роль в осаде Казани [3].

Через несколько лет после взятия Казани этот же градоделец построил три деревянные крепости около устья р. Наровы. Московская летопись указывает, что летом 1557 г. менее чем в три месяца «поставлен город от немец усть Неровы реки, на Розсеке, у моря, для пристанища морского корабленого, а оставил его Петр Петров да Иван Выродков» [4].

[1] Для коника — короткой лавки у двери.

[2] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. «Известия ГАИМК», вып. 92, стр. 150, 1934.

[3] Д. Жеребов. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. «Военно-инженерный журнал», 1949, № 8, стр. 31—42. Здесь приводится рисунок из «Царственной книги» XVI в., изображающий эту «башню шти сажен в верх» (рис. 8), и дана реконструкция ее (рис. 9).

[4] В. В. Косточкин. Русские военно-оборонительные сооружения XVI в. у устья реки Наровы. КСИИМК, 52, 1953, стр. 29. См. также статью в БСЭ, изд. 2: «Выродков, Ив. Гр.», т. 9, стр. 459. Но существует и другое мнение об этом лице: М. К. Каргер в своей статье «Крепостные сооружения Свияжска» («Известия Общества археологии,

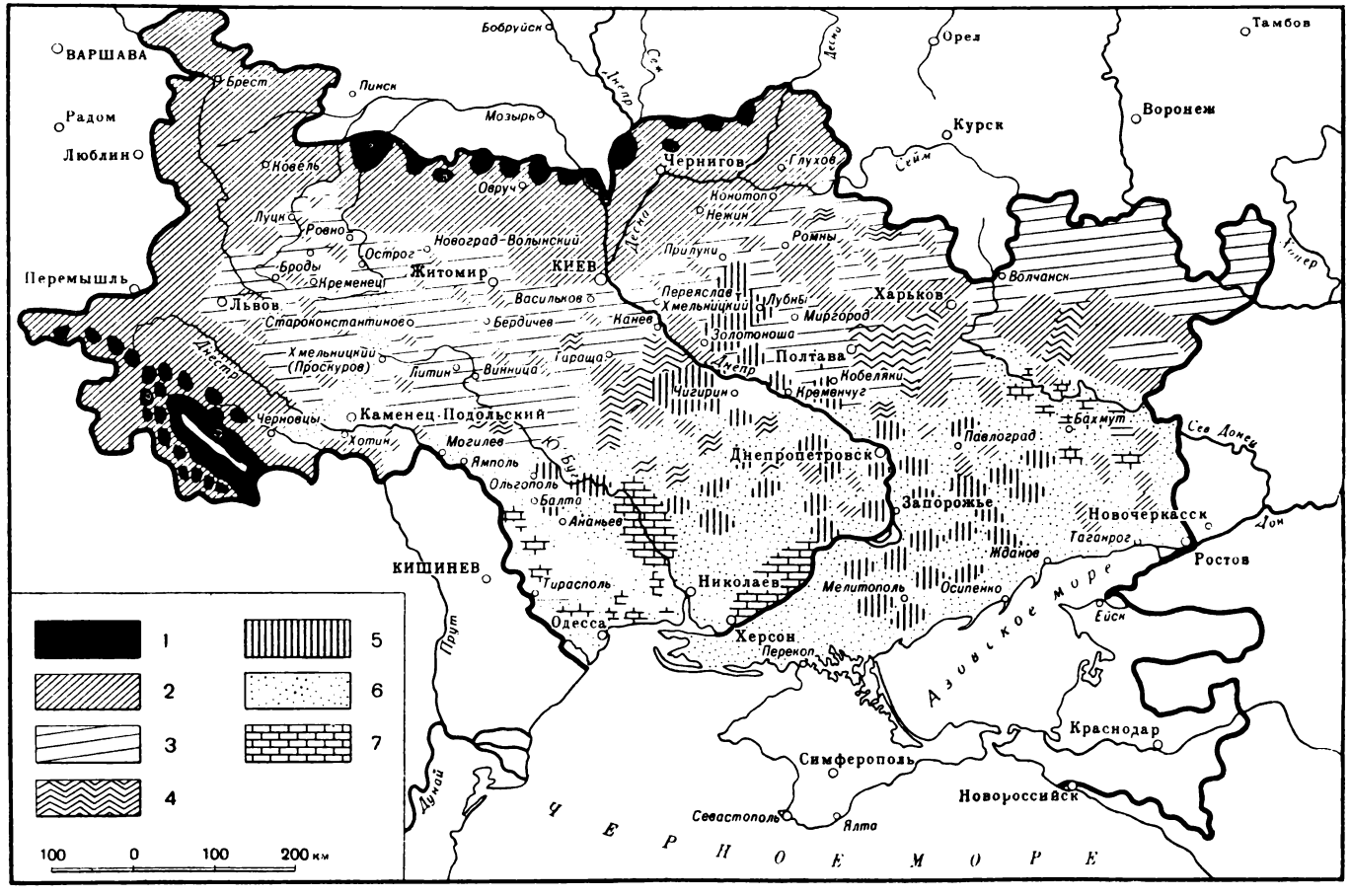


Рис. 8. Распространение крестьянских хат на Украине по технике и материалу (по Ф. К. Волкову)

1 —деревянные рубленые небеленые; *2* — деревянные рубленые; *3* — деревянные в закладку; *4* — плетеные из хвороста; *5* — камышовые; *6* — глинобитные; *7* — каменные из песчаника, ракушечного известняка, мела и пр.

История сохранила нам известия и о других случаях грандиозного сборного деревянного строительства, как, например, о постройке в 1591 г. в Москве гигантской деревянной крепостной стены с многочисленными башнями и воротами по линии нынешнего Садового кольца. Это сооружение получило в народе название Скородома, потому что было собрано за одно лето из заранее заготовленных частей [1]. Несомненно, что практика скоростного строительства у русских плотников выработалась в значительной степени под влиянием климатических условий — сравнительно короткое северное лето вынуждало строиться быстро и вырабатывать соответственные технические и организационные приемы.

В Западной Европе методы сборного строительства стали применяться значительно позже [2].

СТОЛБОВАЯ ТЕХНИКА

Столбовая техника возведения стен, еще более древняя, чем срубная, распространена как в лесной зоне, так и в зонах лесостепи и степи. Она заключается в том, что основу стен составляют столбы, врытые в землю на равных расстояниях один от другого, а промежутки между столбами заполняются различными способами, причем как материал, так и техника заполнения и крепления варьируют, можно сказать, до бесконечности.

В лесной зоне наиболее распространен способ горизонтальной закладки бревен (также брусьев, горбылей, досок) в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах или стояках, поставленных один от другого на меньшем расстоянии, чем длина взятых бревен; это расстояние (10—15—20 см) соответствует глубине двух пазов; концы бревен стесываются с двух сторон для вставления в паз. Закладная техника была известна раннеславянским племенам задолго до начала нашей эры [3].

У великорусов этот способ называется чаще всего «в паз», также «закладной», «по-заборному»; у белорусов — «с шу́лой» («шу́ла» — столб). В настоящее время великорусы и белорусы применяют его в строительстве бревенчатых крытых скотных дворов и гумен, при возведении дощатых заборов, при устройстве различных пристроек к срубам (например, сени к избе приставляют в паз). Техника в паз применяется в том случае, если надо возвести стены, превосходящие своим протяжением длину бревна. Для вынимания пазов служит «пазник» — род плоского, слегка согнутого долота с обухом, насаженным на рукоятку [4].

В строительстве основного жилого помещения этот способ используется только на Украине. Хаты, выстроенные из дерева с применением закладной техники, распространены полосой через всю Украину, южнее области бытования сруба, от Львова и до Дона (рис. 8). Такие хаты называются

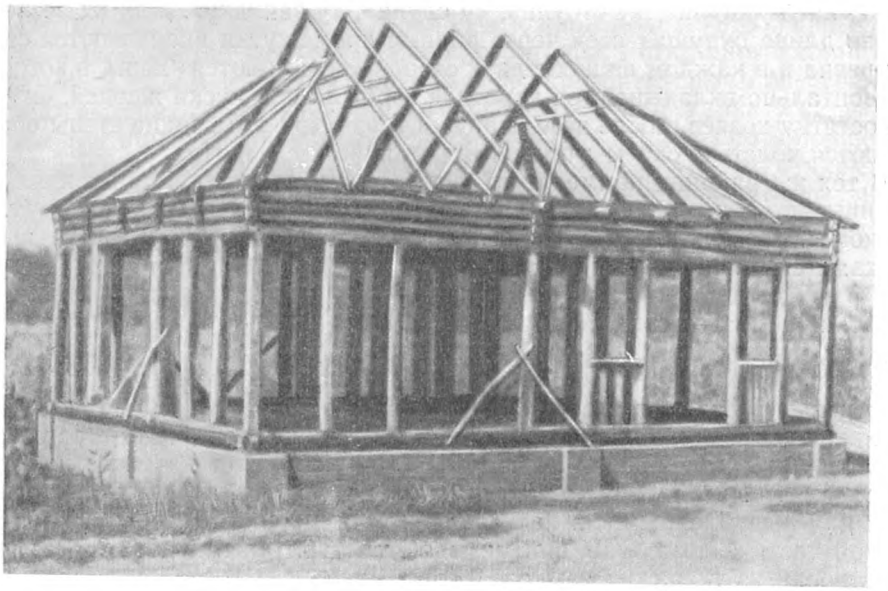
истории и этнографии при Казан. гос. университете», т. 34, вып. 3—4, 1929) пишет, что И. Г. Выродков «был, повидимому, лишь полномочным представителем правительства, следил за выполнением заранее (и не им) составленных проектов, имел лишь общее наблюдение за ходом работы. Имя Выродкова нужно вычеркнуть из списка «городовых смышленников» (стр. 137). Однако все это нисколько не меняет дела.

[1] См. рисунок «Ворота и часть стены деревянного Скородома по плану Москвы, гравированному в 1610 г. Лукою Килианом» в кн. В. Л. Снегирев. Московское зодчество. М., 1948, стр. 102. Подлинник чертежа хранится в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

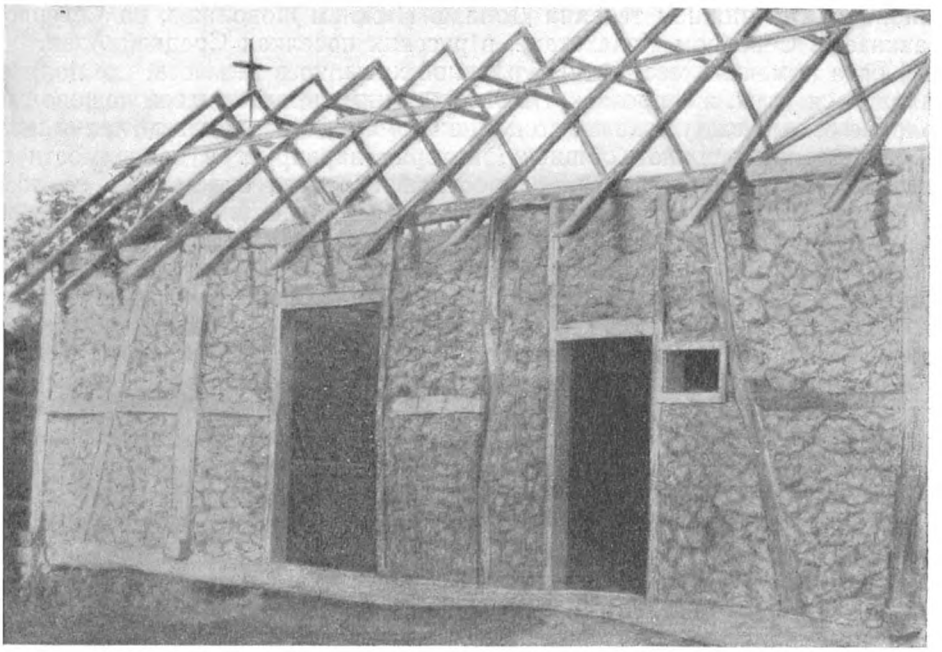
[2] О сборном и скоростном строительстве на Руси в старину см. В. Косточкин. Строительные традиции древнерусских зодчих. «Архитектура и строительство», 1949, № 1, стр. 22; Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество, 1950, стр. 7—8; БСЭ, изд. 2, т. 14, стр. 79—80, «Деревянные конструкции».

[3] Выше уже отмечалось, что этой техникой строили свои длинные дома древние лужичане в I тысячелетии до н. э. (М. Воеводский. Остатки торфяного поселения лужицкой культуры в Польше. «Вестник древней истории». 1938, № 2 (3), рис. 10).

[4] Фото пазника см. К. А. Соловьев. Указ. соч., рис. 22.



1



2

Рис. 9. Столбовое жилище (каркасные или турлучные постройки)

1 — остов турлучной хаты в Левобережной Украине (с. Засулье, Полтавщина); *2* — фахверковая постройка в западных районах Украины; стены заполнены вальками (с. Черче Станиславской обл.)

здесь «хати у шу́ли», «у стоу́пи́», «у слу́пи», «у заки́дку». Для их возведения по длине будущих стен через равные промежутки вкапываются стоймя бревна и в каждом из них с двух сторон «вынимаются» пазы, в которые горизонтально вкладываются короткие горбыли или куски жердей, смотря по достатку хозяев, после чего снаружи и изнутри эти тонкие стены обмазываются толстым слоем глины, перемешанной с навозом.

В тех же районах применяется и другой способ устройства тонких деревянных стен хаты, который называется *в торчь*, или «в сторчь» (т. е. торчком): промежутки между основными столбами и дополнительными стойками стен заполняются досками, которые вкапывают стоймя («сторчмя») в землю и закрепляют поперечными (горизонтальными) жердями — *латами,* прибиваемыми к столбам.

Для строительства жилищ южной лесостепи и для степной полосы с древнейших времен наиболее характерно заполнение стен между столбами разнообразным материалом (главным образом плетнем различной техники, камышом и даже соломой) и обмазывание стен с двух сторон толстым слоем глины. Украинцы издревле эти постройки называют *хатами на сохах*, т. е. на столбах из бревен с развилинами наверху, естественными или вырубленными; в настоящее время широко по всему югу европейской части Союза ССР они называются турлучными хатами (термин заимствован из тюркских языков [1]) (рис. 9).

Наиболее древни традиции устройства хат на сохах в безлесной южной части восточнославянской территории, т. е. в южной и средней Украине; далее на восток турлучные постройки распространены по всем безлесным районам — на нижнем течении Дона, в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, в Северном Казахстане, в русских поселках Средней Азии.

Когда намечено место для турлучной хаты, то в те места, где должны находиться углы, и в промежутках между ними вбивают в землю довольно толстые сохи; между сохами, по длине будущих стен, вбивают колья и затем к ним прикрепляют обшивку, которая варьирует в зависимости от местных условий. Наиболее распространены хаты, сплетенные из лозы или хвороста, т. е. из гибких прутьев ивы или орешника, которые заплетают между кольями совершенно так, как это делается при устройстве плетневых изгородей. В развилины сох укладывают один-два венца бревен; это — *зруб*, или *ощѐп*, связывающий наверху опорные столбы всего каркаса. На зрубе укрепляется стропильная конструкция крыши, вся тяжесть которой, таким образом, покоится на опорных столбах каркаса стен.

В некоторых местах на Украине, например на Полтавщине, известны *хаты на подплете*, т. е. комбинированные постройки, стены которых только на нижние две трети выполнены плетневой техникой на столбах, а выше окон кладется уже срубная обвязка из венцов.

В отдельных районах Украины плетень, обмазанный глиной, употребляется лишь для возведения стен холодных хозяйственных построек. Стены же строений, предназначенных для жилья, представляют *зага́ту*, т. е. два ряда плетня, заплетенных по ряду параллельных столбов и кольев, установленных по наружной и по внутренней плоскостям стены; узкое пространство между ними набивают землей или глиной с соломой, и оба плетня обмазывают глиной.

[1] Основа термина — «тур», «тура» и производные — «турлук», «турлак», «туралик» распространены в тюркских языках в нескольких значениях, так или иначе связанных с жилищем: это — дом, строение, жилище (алтайцы, шорцы, тобольские татары), стоянка, место жительства (башкиры), кошмы, которыми покрывается нижний ярус кибитки (казахи), пучок, связка, жгут (османские турки). (См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1911. См. также В. Даль. Толковый словарь... т. 4, стр. 455 и 459).

В местностях, ближайших к Днепру, в южной половине Украины делают хаты из очерета [1] (из камыша, т. е. тростника, Phragmites communis, см. рис. 8). К сохам и кольям прикрепляют горизонтальные поперечины, тростник связывают в тонкие пучки и приставляют их к каркасу стен как снаружи, так и изнутри, привязывая к поперечинам в шахматном порядке: каждый пучок должен приходиться в промежутке между двумя пучками с противоположной стороны, чтобы не было щелей. Постройка очеретяной хаты требует меньше труда, чем плетеной, и при обилии тростника на южных реках обходится гораздо дешевле.

Раньше распространен был еще один вид хат — из соломы: из ржаной соломы свивали длинный и довольно толстый жгут (*перевесло*) и им переплетали колья и сохи; этот способ постройки называли «*скрýтнювання*»; при тщательности работы хаты, выстроенные этим способом, получались очень прочными [2]. В первой четверти XX в. соломенные хаты встречались еще на Херсонщине, в южной части Подолии и в украинских поселениях Бессарабии.

Способы заполнения стен каркасных хат очень разнообразны, и нет смысла все их перечислять [3].

Следует только указать, что преимущественно к этим хатам применяется широко распространенный на юге термин «мазанка».

ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ И СПОСОБЫ ВОЗВЕДЕНИЯ СТЕН

Кирпичные дома

Кирпич на Руси был впервые применен в строительном деле еще в X—XI вв. для возведения церквей и крепостей, причем в некоторых древних сооружениях можно видеть смешанную каменно-кирпичную кладку. В XII в. в деревянных домах горожан встречались печи с высокими кирпичными дымоходами (городок Вщиж на территории Брянской обл.). Квадратный кирпич употреблялся в XII в. в Киеве; широко был распространен кирпич в XIV—XV вв. в Новгороде, Пскове и других древних городах. Уже в XII в. для большого строительства, предпринятого смоленскими князьями и купцами, работали специальные корпорации кирпичников, знаки и клейма которых часто встречаются на кирпичах смоленских зданий. Со второй половины XV в. в Москве, Ростове, Угличе, Сольвычегодске и в других городах продолговатый кирпич стал употребляться и для строительства стен жилых домов. Известно, что в начале XVII в. кирпичники, выделывавшие кирпичи, составляли в Туле особое «сословие», лишь в начале XIX в. причисленное к мещанам [4].

Размер кирпича очень разнился по местностям: в Москве, в стене Белого города, кладка которой, по летописи, происходила в 1586—1593 гг., обнаружены кирпичи необычайно крупного формата, больше чем в 10 раз

---

[1] По В. Далю, очерéт — не только тростник или камыш, но и близкие к ним по виду растения: ситник, рогоз, вейник и др. (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 804).

[2] Известный украинский этнограф Ф. К. Волков говорит об одной хате на Херсонщине, построенной по этому способу, которой еще до первой мировой войны было уже около 200 лет и которую, по преданиям, когда-то «палили» еще татары. Ф. Волков. Указ. соч., стр. 520.

[3] См. П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, рис. 49—56.

[4] Тульские кирпичники грамотой 1587 г., подтвержденной в 1662 г., освобождались от налогов и постоя, могли беспошлинно копать глину, имели право варить пиво и брагу для собственного потребления. Судить их мог только Каменный приказ в Москве. (См. В. Берх. Царствование царя Михаила Федоровича. СПб., 1832, ч. II, стр. 82).

превышающие современные (55,6×28,9×15,6 см). Кирпичи такого размера неизвестны ни в Западной Европе, ни на Востоке [1]. Лишь при Петре I была введена новая единая мера кирпича [2].

Однако в деревнях еще лет сто-полтораста назад во всех великорусских районах знали почти исключительно срубные избы. Но в связи с вырубкой лесов и обезлесением лесостепи, а также благодаря развитию отхожих промыслов и появлению у сельского населения денежных средств, с начала XIX в. южнее Москвы для строительства начали применять и иные материалы, в частности кирпич.

В распространении кирпичных изб большую роль сыграли помещики средней полосы России, начавшие вводить кирпичные избы в своих деревнях с конца XVIII в. Хотя лес в то время был сравнительно недорог, но кирпич являлся для помещиков более выгодным строительным материалом — и благодаря даровому труду крепостных крестьян, и вследствие меньшей опасности в случае пожара. Первые крестьянские кирпичные избы появились в помещичьих подмосковных имениях и в северных частях Тульской и Рязанской губерний, на что есть указания в литературе начала XIX в. [3]. Многие помещики в целях экономии тепла и материала строили для крестьян длинные постройки на несколько семейств из примыкавших одна к другой изб, имевшие вид безобразных казарм или сараев. После отмены крепостной зависимости крестьяне разбирали эти длинные казармы и перестраивали их на свои обычные 7—8-аршинные избы.

В пореформенное время, по мере удорожания лесных материалов, жженый кирпич все шире и шире стал входить в сельское строительство центральных и южновеликорусских губерний, распространяясь по направлению с севера на юг. Известную роль в распространении кирпичных изб сыграли льготные условия страхования, установленные земством при взаимном страховании по добровольной оценке строений для каменных построек вследствие большей их огнестойкости. «Хорошая засыпь потолка совершенно предохраняет каменную избу от выгорания внутри: во время пожара сгорает, конечно, вся легкая соломенная крыша, а внутренность избы остается совершенно целой, и крестьяне говорят, что прежде они во время пожаров тащили все из избы, а теперь тащат все в избу» [4]. Во многих местах кирпич изготовлялся самими крестьянами. Они собирались по нескольку десятков человек и сообща устраивали все необходимые приспособления. Распространены были также бродячие артели по выделке кирпича, малочисленные и большие (до 15—20 человек). В большой артели намечалось четыре категории участников: подрядчик, работники, порядовщики и иногда особые мяльщики глины; артель держала женщину-стряпуху — «матку». В качестве примера можно привести кирпичный промысел в б. Костромской губ.; костромские артели рабо-

[1] А. В. Филиппов. Древние циклопические кирпичи у р. Неглинной. В кн. «Древние строительные материалы». М., 1930, стр. 29—30.

[2] П. П. Максимов. Кирпич в древнерусском зодчестве. «Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры СССР [при Академии архитектуры СССР]», вып. 3. М., 1943, стр. 31—34; его же. Многоцветность в русской архитектуре. «Архитектура СССР», 1941, № 3, стр. 55—60; И. Ковельман. Лицевой и облицовочный кирпич. «Архитектура СССР», 1940, № 1, стр. 62—67. В последней работе на стр. 65 приведена таблица с размерами старинного кирпича из разных областей и современного.

Вопросами, касающимися кирпичного строительства в нашей стране вообще и в деревне в частности, занимались: Институт жилища, Институт сельского строительства и лаборатория архитектурной керамики Академии архитектуры СССР, а также институты Академии архитектуры УССР.

[3] А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, ч. 5. М., 1807, стр. 471; там же, ч. 6. М., 1808, стр. 402—403.

[4] В. П. Семенов и О. П. Семенова. Распределение населения Среднерусской черноземной области... В кн. «Россия», т. 2. СПб., 1902, стр. 177.

тали не только у себя, но и в соседних губерниях (преимущественно в Вятской, Вологодской, Ярославской и Владимирской, меньше в Тверской и Московской). Выделывался кирпич также на небольших кустарных заводах, отпускался покупателям «клетками», т. е. столбами, по 250 штук в каждом. Клетка в основании имела 10 кирпичей, плотно уложенных в квадрат, а в высоту равнялась 25 рядам. Цена на кирпич в конце XIX в. колебалась в различных местностях от 5 до 15 руб. за тысячу. На постройку кирпичной избы вместе с печью требовалось от 7 до 9 тыс. кирпича, причем число тысяч в среднем соответствовало длине фасада в аршинах.

Класть избу нанимали специальных мастеров (кладчики, каменщики, порядовщики); за кладку избы на три окна, 8 × 8 аршин (5,7 × 5,7 м) платили 25—30 руб. В целом такая изба (без сеней) обходилась крестьянину в Воронежской и Тамбовской губерниях в конце XIX в. 60—165 руб., в Калужской губ. в начале XX в. — около 300 руб.

С целью удешевления строили стены двуслойные, с пустотами внутри *на засыпах* (золой) или *на заливе* (известью), общей толщиной в два кирпича. Это давало, при обычном старинном русском формате кирпича 6 × 3 × 1,5 вершка, близком к современному общесоюзному стандарту кирпича (25 × 12 × 6 см по ГОСТу), толщину стены около 12 вершков (53 см). Обычно из кирпича в южновеликорусских губерниях складывали только избу и к ней пристраивали сени из дешевого леса; часто сени бывали и плетневые и сложенные из плитняка; целиком всю постройку из кирпича делали значительно реже. Многосемейные крестьяне строили две кирпичные избы, связывая их деревянными сенями. Строили и кирпичные пятистенные избы, т. е. длинные избы с поперечной (пятой) стеной, делящей помещение на две части; особенность их заключалась в наличии деревянных сеней по бокам, с отдельным ходом для каждой половины (так строились при разделе отцовской семьи женатые братья); этот способ был и экономнее (такая двойная изба обходилась в 500 руб.), и теплее (благодаря примыканию изб друг к другу).

Прошло несколько десятков лет, прежде чем к началу XX в. выработался в южной половине страны тип кирпичной избы, по своим тепловым и гигиеническим качествам почти не уступающей добротному срубному жилищу. Крестьяне, жившие в кирпичных избах, постоянно жаловались на тяжелый, угарный и сырой воздух, на промерзание стен и сырость на них [1]. Постепенно народ приспособился к новому материалу и научился класть кирпичные избы без таких недостатков, но даже еще в 1920-х годах автору приходилось слышать в Калужской и Брянской областях от

[1] Очень красочное описание такой избы дано в воспоминаниях о своем детстве советского писателя Демидова, выросшего в деревне Тульской губ. близ верховьев Дона (с. Екатерининское Епифанского уезда, 1890-е годы): «Пришли кирпичники и стали класть избу. Перед избой вырыли яму и заварили известку, чтобы ею заливать пустые пространства внутри стены между кирпичей... Приглядевшись к работе кирпичников, засыпáвших внутрь стены мусор и обильно поливавших его водой, а сверху известкой, Гаврила сказал:

— Ох, я думаю, дадим мы маху — сырая изба будет. Зачем мы делаем заливную?

— А какую же?

— Да хоть бы песком засыпать.

— Много ты знаешь. Вот если бы цемент был, то другое дело, а от песку проку не будет, он осыпется и ветер будет через стену дуть...».

«Наступили большие холода... Стали жарче топить печку, и начались у них ежедневные ужасные угары. Сначала все ждали, что вот-вот попровянет изба, и угары прекратятся, но чем холоднее становилось на улице, тем сильнее они угорали... С наступлением крутых морозов, на стенах, вместо обычной плесени, появилось что-то вроде инея — мороз промораживал сырые стены и в избе боролся с теплым воздухом...» (Ал. Демидов. Жизнь Ивана. М., 1923, стр. 166, 199).

крестьян, что хорошую деревянную избу они предпочтут любой кирпичной. И наиболее состоятельные хозяева стремились поставить избу из дорогого привозного леса. Так или иначе, к концу XIX в. число кирпичных изб в Тульской, Рязанской, Воронежской и других губерниях постепенно увеличивалось, и к началу первой мировой войны (когда вообще вся строительная деятельность деревни на время замерла) встречались уже селения, где количество кирпичных и смешанных (кирпичная изба с деревянными сенями) домов доходило до 80% (Калужская обл.).

Кирпичная изба все же обходилась дорого и была доступна далеко не каждому середняку. Строительный лес во многих местах сделался совсем недоступным, и население стало изыскивать более дешевые способы строительства, где и материал обошелся бы дешевле и в работе можно было бы обойтись своими силами, без найма специалистов.

Дома из мела, песчаника и известняка

В отдельных районах, где были выходы пригодных горных пород, стали применять их для постройки как жилых домов, так и различных хозяйственных помещений; из таких пород можно назвать мел, песчаник, плитняк (известняк), «дикий камень» (так называют песчаник и известняк).

Из этих материалов прочнее всего вошел в быт мел; постройки из него характерны для бассейна Дона и Донца, в большом количестве встречаются в Нижнедевицком, Коротоякском районах Воронежской обл., в Валуйском районе Белгородской обл., в Ворошиловградской и северной части Ростовской обл., где имеются значительные выходы меловых пород. Наличие построек из мела отмечено уже в середине XIX в. *Мелавки*, как называют меловые хаты на местах, строились вплоть до Октябрьской революции (см. рис. 10, *2*). Для их возведения выламывали большие глыбы в меловых обнажениях, вытесывали из них топором крупные блоки и клали из них хаты и *выходы*, т. е. погреба; чтобы получить небольшие куски нужной формы, например для выкладывания свода, распиливали большие глыбы поперечной пилой. Из мелких обломков в некоторых районах выжигали известь; для скрепления меловых блоков служили известь и глина.

Постройки из плитообразных кусков известняка отмечены в крестьянском строительстве также в середине XIX в.[1]: сени и клети, надворные постройки и погреба, молотильные сараи, овины и кузницы выкладывались из этого материала на глиняной связке в пределах областей Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской и Ростовской (см. рис. 10, *1*). В этих же местах рано стали ставить срубные постройки на каменные фундаменты.

Каменные хаты из песчаника на связке из извести имеются в Воронежской обл., из плитняка — в Тульской обл., из дикого камня — в Калужской обл., из плитняка и дикого камня — в Ростовской обл. Строения из дикого камня преобладают в северной части Сталинской обл., а известково-мергелевые — в южной части Ворошиловградской. Каменные хаты из песчаника, ракушечника (или раковистого известняка) и мела

[1] Повидимому, впервые постройку крестьянских жилищ из камня осуществил Н. И. Новиков по освобождении своем из Шлиссельбургской крепости (1796 г.) и возвращении в принадлежавшее ему именье Авдотьино (Бронницкий уезд Московской губ.). Избы строились из местного камня, добывавшегося на берегах небольшой речки; стены клали в два ряда камней, пустоты между ними засыпали углем (подробнее см. А. А. Ярцев. Поездка в родовую вотчину Н. И. Новикова. «Исторический вестник», 1894, № 11, стр. 476 и рис. на стр. 481).

1

2

Рис. 10. Крестьянские постройки из камня и мела

1—кузница, сложенная из плитняка, перед ней станок для ковки лошадей (с. Нижняя Залегошь Новосильского уезда Тульской губ.); *2*—мелавка — хата из мела (с. Мастюгино Острогожского уезда Воронежской губ.).

встречаются и в южной части Украины: на правобережье Днепра в пределах Херсонской обл., по берегам Южного Буга в смежных районах Николаевской и Одесской областей и по западной границе Одесской обл. вдоль нижнего течения Днестра.

Следует отметить, что рядом, за Днестром, в центральной Молдавии широко используется в народной архитектуре с середины XIX в. ракушечник. Из него кладут хаты, погреба, столбы ворот и ограждения усадеб. Детали различного размера и формы (блоки, плиты, колонки и пр.) заготовляют на месте выломки камня, так как влажный свежедобытый камень легче режется; при этом употребляются пила, топор и другие плотничьи инструменты. Для сохранности пористого камня от выветривания и вымораживания применяются побелка его известью и покраска [1].

Употребление камня в крестьянском строительстве известно местами и на Севере. Так, на западе Архангельской обл. по р. Онеге, где столетиями производились рубка и сплав леса, и к середине XIX в. давал себя знать недостаток леса — крестьянам приходилось строить из плетня амбары, хлевы, дворы и сени. Но в 1870-х годах по инициативе одного из крестьян сначала в одной деревне, а потом и во многих местах стали применять для хозяйственных построек сланцы, полевой шпат, песчаник и другие горные породы, носящие собирательное имя «серый камень», а на берегах р. Онеги выламывали из береговых откосов известняк, так называемую белую плитку. Первоначально складывали из камня хлевы, потом гумна и бани. Камни подбирались по величине и форме один к другому, причем старались выбирать плоские камни. Их иногда прослаивали мхом, но чаще связкой служила насыпаемая слоями глина или просто земля. Предпочитали белую плитку и по форме и потому что постройки из нее были гораздо прочнее и теплее. В 1890-х годах каменные постройки распространились уже в шести волостях, и кучи серого камня и белой плитки на деревенских улицах, как заготовленный строительный материал, стали заурядным явлением в этой стороне Каргопольского уезда [2].

Постройки из глины

По всему югу Украины, от северных границ Днепропетровской и Херсонской областей до Черного моря, в степном Крыму, в кубанских степях и далее на восток, в степях Северного Казахстана, проходит полоса, где преобладающим типом построек являются глиняные хаты, главным образом вальковые и саманные.

Для вальковых построек разрыхляют глину, наливают на нее воды и месят ее — либо ногами, либо гоняют по ней лошадей, заставляя их топтаться по глине, в которую подсыпают мякины и рубленой соломы. Из получившейся вязкой массы скатывают руками вальки уплощенно-цилиндрической формы и лепят из них стены, накладывая вальки один на другой. При этом наблюдаются два приема. Первый принят в центральной Украине, где вальки делают длиннее, чем толщина возводимой стенки, и укладывают их плашмя поперек стены, а свешивающиеся с обеих сторон концы вальков с силой прижимают при помощи короткой доски, чтобы избежать щелей и выровнять стену; поэтому вальки как бы надеваются один на другой, что хорошо видно в разрушенных старых вальковых стенках. Другой прием (в Подолии, в Воронежской обл. и др.)

[1] А. И. Захаров. Камень в архитектуре народного жилища Молдавии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955, стр. 3—16.

[2] Р. Ж. Крестьянские постройки на севере. «Мир божий», апрель 1894, стр. 207—208.

состоит в том, что глину замешивают очень круто, вальки скатывают более или менее правильной овальной формы и укладывают стену «в елку», т. е. поочередно один ряд кладется наискось с наклоном вправо, другой — влево. При этом стен часто снаружи не обмазывают и, таким образом, сохраняется своеобразный рисунок кладки. Возведя стены до высоты около полуметра, оставляют их подсохнуть, после чего продолжают постройку опять на такую же высоту. Иногда эти вальковые постройки называют *землянками, земляными хатами.*

В Западной Украине, например в Станиславской обл., вальковый способ строительства комбинируют с фахверковым [1], т. е. возводят деревянный каркас стен из стоек, поперечин и раскосов и заполняют промежутки глиняными вальками (см. рис. 9, *2*). Этим достигается большая связность стены, которая вследствие этого может быть сделана значительно тоньше, чем чисто вальковая.

Саманные постройки кладутся из самана, или саманного кирпича (от тюркского слова «саман» — измельченная солома [2]), т. е. глиняного кирпича с примесью, для связности, мелко нарубленной соломы; этот кирпич высушивают на воздухе, не подвергая обжигу (отсюда еще одно его название — «воздушный кирпич»). Называют его также сырцом, сырцовым кирпичом; на Украине распространено название — *лемпáч, лимпáч,* в Воронежской обл. известно название *содунцы*, или *валухи.* Заготовляют его обычно сами хозяева, переминая свежевыкопанную глину ногами при постоянном поливании ее водой, одновременно с этим примешивая к ней солому или мякину, а местами и навоз. Глина считается готовой, когда она легко отстает от ног и от лопат. Изготовляют кирпичи в особом «станке», представляющем собой невысокий ящик без днища, сбитый из двух пар досок, с ручкой, вставленной в выступающие концы более длинной пары [3]; для ускорения формовки иногда делают двойной станок. Размер кирпича колеблется от 8 × 4 × 2 до 10 × 5 × 3 вершка (т. е. от 36 × 18 × 9 см до 44 × 22 × 13 см). Кирпич сушат на воздухе, переворачивая его дня через два-три другой стороной; еще через два-три дня кирпичи ставят на ребро в клетки, что необходимо для лучшего их проветривания.

Саманные стены кладут толщиной в 35—60 см, заливая щели жидкой глиной. На саманных — как и на глиняных — постройках делают большие свесы крыши для защиты стен от дождя. Только в более сухих восточных районах подобные свесы не нужны. Тщательно сделанная саманная постройка, при хорошей крыше, отличается большой прочностью: на Украине встречаются саманные хаты, выстроенные более полутораста лет назад. В Закарпатской обл., в южных районах которой распространены саманные хаты, саман при кладке часто чередуют с обожженным кирпичом [4].

[1] «Фахверк» (с нем. Fachwerk) — архитектурный термин, обозначающий каркасную систему строений рамного типа. Фахверковые сооружения особенно характерны в прошлом для раннесредневековых городов Центральной Европы. В настоящее время они часто еще встречаются в сельских местностях и даже городах Германии и Чехословакии.

[2] Слово «саман», «сомон» означает в тюркских языках и солому, и мякину (см. К. К. Юдахин. Краткий узбекско-русский словарь. Ташкент, 1927, стр. 350; Т. Н. Кары-Ниязов и А. К. Боровков. Русско-узбекский словарь. Ташкент, 1942, стр. 243; J. Th. Zenker. Dictionnaire turc-arab-persan. Leipzig, 1836. S. 492, и др.).

[3] Совершенно такой же формы, как бездонная рамка,— «пролетка», употреблявшаяся прежде при ручной формовке кирпича до введения механизации на кирпичных заводах.

[4] Применение кирпича-сырца известно было восточным славянам еще в эпоху Киевской Руси. В укреплениях, возводимых при князе Владимире на южных окраинах Киевского государства, основу крепостных валов составляли дубовые трехстенные срубы, плотно забитые землей, а промежутки между ними со стороны противника

Распространены на юге и собственно глинобитные (или глиномятные) постройки, *чаму́рные, чаму́ровые* хаты [1], как называют их в южной Украине, например, в районе Измаила, в Молдавской ССР (см. рис. 8). Для возведения глинобитных стен делают передвигаемую по вертикали форму: это — бездонные ящики из двух дощатых щитов (длина их соответствует длине стены, 4,5—6 м, высота — около полуметра), скрепленных несколькими поперечными брусками так, чтобы ширина ящика равнялась толщине стены. При изготовлении стены ящик ставится на намеченное место (или на фундамент), его засыпают доверху сырой глинистой массой (глиной с соломенной резкой), которую уколачивают трамбовками. Когда готовая часть стены уплотнится и отвердеет, бруски из ящика выбивают, снимают щиты, снова собирают форму и наставляют ящик на подсохшую часть, возводя таким образом стену выше и выше. Иногда для увеличения прочности глину прокладывают хворостом. Отверстия, остающиеся от вынутых брусков, оставляются на первое время незаделанными, чтобы стена лучше просыхала, а затем их плотно забивают глиной.

Применение в сельском строительстве всех перечисленных строительных приемов и материалов (кирпича, камня, мела, глинобитных строений и пр.) несколько сократило огромное количество пожаров в селах и деревнях, что и было отмечено статистикой середины XIX в.

Как вариант глинобитного строения в безлесных частях черноземной полосы (Воронежская, Курская области) в XX в. стали появляться так называемые *столбя́нки.* Для устройства столбянки врывают в землю по длине будущих стен двойной ряд столбов и кольев, определяющий собой толщину стены; получается каркасный остов, похожий на остов украинской турлучной хаты (см. рис. 9, *1*). Затем с обеих сторон стены прибивают по длинной доске, так что получается форма в виде бездонного длинного ящика. Начинают от земли; получившееся пространство плотно набивают сырой глиной и дают ей немного подсохнуть; затем перебивают доски выше и набивают следующий слой глины, и так до самого верха.

С последних десятилетий XIX в. в черноземной полосе появились *литу́шки, литухи* — глинобитные (соломенно-глиняные) хаты. Для их возведения делали особый станок, размером соответствующий площади намечаемой постройки, состоявший из двух досчатых рам, вставленных одна в другую: поставленные ребром доски связывались на углах веревками; станок делался почти квадратный, например 8 × 9 аршин (5,5 × 6,5 м). Для того чтобы промежуток между рамами, равный желаемой толщине стены (обычно около аршина), оставался постоянным, применяли бруски-распорки с вырезками на нижней стороне, насаживаемые на доски рам. Станок устанавливали на земле, весь промежуток заполняли, насколько возможно плотнее, соломой, лили на него жидкий раствор глины с песком и утаптывали ногами. Вода при этом переливалась через края и в простенке между досками оставался плотный слой соломы, пропитанный и склеенный глиной. Когда один ярус заполнялся, обе рамы поднимали кверху и повторяли то же самое, т. е. настилали солому, лили раствор глины и возможно сильнее утаптывали солому, пропитанную этим раствором. Чтобы поднятые рамы не сползали вниз

заполнялись сырцовым кирпичом, закрепленным снаружи столбовой конструкцией (валы Переяслава-Хмельницкого и других древних поселений) (П. А. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки. КСИИМК, 52, 1953, стр. 17—24; его же. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, 52, 1956, стр. 79—90).

[1] От общетюркского čamur — глина, грязь.

по отстроенной части, под доски станка подкладывали поперечные палки, которые лежали на стене постройки и удерживали станок от сползания; по окончании закладки яруса их вынимали, оставленные ими в сырой стене отверстия затягивались сами собой.

Чтобы получить проемы для окон и дверей, отверстия для балок и пр., вставляли досчатые рамы и чурки; при окончательной отделке подсохшей литушки нужные отверстия расширяли и обтесывали топором. По окончании работы неровные из-за торчащей соломы стены либо выскребывали железной лопатой, причем все концы соломы срезались, либо затирали глиной с песком и навозом. В 1880-х годах литушки встречались в южной части Тульской, в Орловской, Симбирской губерниях; в начале первой империалистической войны они появились в Рязанской губ. Простота, легкость и доступность постройки привели к быстрому распространению литушки в этот период: крестьяне ломали и продавали на дрова свои старые деревянные постройки и заменяли их литушками.

В Воронежской обл. попадаются изредка *соломя́нки* (первое упоминание о существовании их относится к 1911 г.). Для устройства соломянки берут пучки ржаной соломы, вымачивают их в жидкой глине и скручивают из них жгуты определенной длины (равной длине ящика, в котором производится вымачивание); затем возводят стену, выкладывая пучки плотными рядами, крест-накрест. Старую соломянку, хотя и густо обмазанную глиной, всегда можно отличить по неровным углам и несколько выпученным стенам от хат-мазанок, при возведении которых была применена другая техника.

В тех районах Средней Азии, где имеется коренное оседлое население, для построек в селах переселенцев (великорусов и украинцев) применяется местная техника. Так, в русских селениях Узбекистана широко распространены постройки из пахсы: глину хорошо перемешивают с водой, пока она превратится в однородную массу; после перемешивания глине дают подсохнуть, загустеть до степени крутого теста, и затем ее уминают ногами до тех пор, пока она будет в состоянии выдерживать человека. Тогда начинают кладку стены, пришлепывая комья глины с размаху один к другому, отчего они слипаются очень плотно. Сложив стену на высоту 50—70 см, срезают лопатой (или кетменем) неровности стены и дают ей окрепнуть в течение нескольких дней; после этого продолжают возводить стену, снова по частям такой же высоты. Для устойчивости нижняя часть стены делается толще, чем верхняя.

При всех видах построек в работу не годится глина, содержащая соли (например, взятая с солончакового места); стены, сделанные из такой глины, быстро становятся сырыми, так как большое количество поваренной соли или других гигроскопических солей впитывают влагу из воздуха; как говорят, «соль разъедает стену», и последняя разрушается. Там же, где селения расположены в районах солончаковых почв, соленые грунтовые воды разъедают фундамент и делают глиняные жилища чрезвычайно недолговечными. В первое время во многих переселенческих поселках Средней Азии незнание этой особенности сильно мешало строительству, но постепенно переселенцы нашли способ бороться с этим злом. Так, жители русско-украинских сел Мирзачульского района Узбекской ССР употребляют особые технические приемы с целью предотвратить разрушительное действие соли, например применяют особый тип каркасного жилища на просмоленных столбах и камышовом фундаменте [1].

[1] Т. В. Станюкович. У русских переселенцев в Средней Азии. КСИЭ, IV, 1948, стр. 88.

Глиняные хаты различных районов отличаются друг от друга по внешнему виду не только вследствие различной техники возведения стен, но также благодаря различной окраске их. Так, общеизвестно, что украинские хаты всегда белят снаружи (как и внутри) мелом (не говоря уже о росписи); побелка характерна и для большей части великорусских жилищ юга европейской части Союза ССР (Курская, Воронежская области, на Дону). В Саратовской обл. мазанки «белят» местной ярко-желтой глиной. В Средней Азии жилища русских переселенцев сохраняют серо-желтый цвет местных лёссовых глин.

КРЫША

Говоря о конструктивных особенностях восточнославянского жилища, следует остановиться на характере крыши, которая в настоящее время отличается огромным разнообразием как форм и конструкций, так и кровельных материалов и способов накрепления последних на остов [1].

Конструкция крыши

Наиболее простой и, возможно, наиболее древней формой крыши является односкатная. Для нее одна стена срубной постройки рубится несколько выше остальных и обе идущие от нее поперечные стены срубаются наверху по наклонной линии, понижаясь по направлению к четвертой стене. В скошенные верхи боковых стен, параллельно более высокой стене, врубаются средней толщины бревна, составляющие *обрешетину* — остов крыши. В настоящее время односкатную крышу можно видеть на небольших отдельно стоящих строениях — сарайчиках, погребах, банях, на различных временных жилищах типа лесных избушек и зимовок и т. п. Односкатная крыша делается также на крытых дворах и на разных пристройках к дому — крыльцах, галереях, балконах, навесах для дров и т. п. Особенно часто односкатной крышей покрывают часть двора (в зоне крытых дворов, см. ниже), примыкающую сбоку к избе; это — *отполок, открылок, подкрылок, отлив,* а если сзади избы — то *однокрылок* (Московская обл.). Если односкатная крыша и встречается на жилой избе, это объясняется либо бедностью, либо какой-нибудь неудачей владельца [2]. Для получения ската на жилом срубе по одной стене ставят иногда невысокие подставки. На Севере для такой крыши распространено название лабаз [3].

Типичными для восточных славян формами крыши являются двускатная и четырехскатная, причем определенно можно сказать,

[1] Слово «крыша» есть только в русском языке, тогда как слово «кровля» известно всем восточным славянам (в литературных памятниках слово «кров» встречается с XI в., «кровля» — с XV в.). Для обозначения крыши украинцы употребляют слова «покривля», «стріха» (преимущественно соломенная), белорусы — «страха». Наряду с этими исконными названиями в правобережной Украине бытует термин «дах» (от нем. Dach — крыша), заимствованный из польского языка; производные от этого слова «піддáшок», «піддáшшя» употребляются для обозначения односкатного навеса, примыкающего к покрытию здания (например, над крыльцом, над галерейкой).

[2] Односкатная крыша широко употребляется у коми-зырян.

[3] «Лабáз» (или «лéбаз») — термин, распространенный в русском языке в нескольких значениях. Не говоря уже об употреблении его в литературном языке (мучной лабаз), следует отметить его бытование на европейском Севере и в Сибири в смысле амбарчика на трех-четырех высоких столбах, служащего для сохранения на охотничьем промысле припасов и добычи от диких зверей. В Вятско-Пермском крае лабазом называют и временные дощатые шалаши, и навес на дворе, под которым ставят телеги и сани, а прежде сваливали также сохи, бороны и пр. Повидимому, все эти понятия связаны с представлением о навесе.

что двускатная крыша «конём», «на коня» господствует в северо- и средневеликорусских и белорусских районах, четырехскатная «по-круглому» — в южновеликорусских и украинских. За последние сто лет наблюдается вытеснение одной формы другою: в средней полосе четырехскатная крыша, появившаяся в деревне под влиянием городской техники, заменяет местами двускатную, а в Белоруссии и на Украине происходит обратное явление — нередко четырехскатная крыша сменяется двускатной.

Одна из наиболее древних конструкций и двускатной и четырехскатной крыши — крыша «на со́хах», «на столбах», общая в прошлом для жилища всех славянских народов. В настоящее время у восточных славян она удерживается в покрытии двора (у северных и южных великорусов) и в конструкции крытых токов для молотьбы (у белорусов, украинцев и южно-великорусов) [1].

Для двускатной крыши жилого дома основными разновидностями являются следующие конструкции: 1) крыша на самцах, т. е. на опорных фронтонных бревнах; 2) крыша на стропилах; 3) некоторые мало распространенные разновидности.

Четырехскатная крыша известна в двух основных видах: 1) крыша на сложенных кострообразно постепенно укорачивающихся бревнах; 2) крыша на стропилах.

Помимо двускатной и четырехскатной, встречаются еще переходные, более поздние формы крыши, например трехскатные крыши с залобком, вытесняющие местами в средней великорусской полосе и в Белоруссии обе исходные формы.

Двускатная крыша на самцах представляет собой одну из архаичных форм и сохраняется преимущественно на лесистом Севере у великорусов, у белорусов (главным образом в восточной Белоруссии) и кое-где на северной Украине (Черниговщина).

Для этой формы крыши при постройке избы поверх потолка кладут еще один венец из бревен, которым и заканчиваются боковые стены; передняя же и задняя стены возводятся в виде треугольника вплоть до верха будущей крыши, причем бревна, притесанные друг к другу и скрепленные деревянными шипами (гвоздями), постепенно рубятся короче и короче; их называют почти повсеместно «самцы» [2], а весь бревенчатый фронтон у великорусов носит название *по́руб, лобя́к, зало́бник*; у белорусов — *покат, закат*. Оба фронтона связываются между собой продольными *слегами* (рус.) или *сволоками* (белор.), врубленными через один-два самца симметрично по обе стороны крыши. Верхнюю одиночную слегу называют на севере *конём, или князевой слегой,* а верхнее ребро покрытия — *коньком,* или *князьком* [3]. Чем больше здание — тем большее число слег приходится на скат крыши (не больше двух между князевой слегой и продольным бревном сруба в небольших постройках и до семи в больших северных избах). Все слеги составляют *обрешётку* крыши. Концы слег на фасадах выпускаются далеко за плоскость поруба для устройства сильно выступающего навеса крыши, называемого великорусами *свес, относ,* белору-

[1] Способ ее постройки рассмотрен в главе XII (стр. 306 и 307).

[2] В Костромской обл. зовут их «сомцы», далее к северо-востоку «самки́» (ед. ч. «само́к», в Новгородской обл.— «барандыши»; встречается также название «коротыши», белорусы называют их «лемеги». Способ скрепления их см. В. И. Смирнов. Указ. соч., рис. 17.

[3] О древности этого термина свидетельствует то место в «Слове о полку Игореве», где описывается тревожный сон Святослава Киевского; Святослав видит, что «уже дъскы безъ кнеса в моемъ тереме златовръсемь», т. е. доски без князька в его златоверхом тереме) (см. «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 23).

сами — *навес, выступ, стро́ха, застрешок*. Концы свеса крыши поддерживаются кронштейнами, которые образуются путем постепенного напуска концов боковых бревен от двух-трех верхних венцов сруба избы (упоминавшиеся выше великорусские выпуски, пропуски, помочи, белорусские правила). В старой северной избе выпуски часто бывали резными (см. рис. 81). Большой свес защищает стены постройки от дождя.

Для небольших построек, например для крестьянских амбаров и даже для старых односрубных изб Белоруссии, Поволжья, Новгородской обл., такой вид слеговой конструкции достаточно прочен и долговечен. При увеличении размеров здания, например в большом северном доме-дворе, для большей прочности фронтона последний связывается поперечной ему стенкой высотой в 5—8 бревен, врубленной по срединной линии. В очень широких северных избах, например составленных из двух срубов, получившийся большой фронтон скрепляется двумя такими бревенчатыми врубками, расположенными симметрично по обе стороны от князька. Эти врубки представляют собой или короткие концы, выходящие в чердачное помещение, или длинные бревна, выложенные от потолка избы до крыши и служащие боковыми стенками светелки. В последнем случае нередко от потолка светелки до князевой слеги делают еще одну (третью) врубку. В Сибири, даже при больших размерах избы и большой плоскости фронтона, последний не закрепляется поперечными стенками, а имеет особое устройство шипов-вставок, врубленных обычно на одну треть ширины в смежные бревна [1].

Двускатная крыша на стропилах [2] (на Севере вместо «стропила» говорят «быки», у белорусов и украинцев — «кроквы») является на Севере более поздней формой и связана с меньшей затратой леса, что́ существенно при возрастающей ценности лесных материалов. В среднерусской полосе (например, в Верхнем Поволжье) стропила стали широко применяться не раньше 1880-х годов; недаром до недавних пор в Калининской обл. крышу на стропилах называли сделанной «по-поповскому», а не «по-крестьянскому» [3]. В настоящее же время здесь уже почти повсюду эта форма вытеснила крышу на самцах. Последняя, если и сохраняется еще, то преимущественно на хозяйственных постройках (амбары, сенные сараи и пр.), которые, с одной стороны, более долговечны, а с другой — вообще сохраняют, и при более поздней стройке, многие архаические черты и технические приемы.

Для установки стропил известно два приема. В небольших постройках стропила врубаются в самое верхнее бревно сруба — *подстропильное* (*про́тяг, вытяжное бревно*), иногда затесанными концами (*усы* [4]); иногда для образования свеса нижние концы стропил скалываются на половину толщины длиной около 70 см и выпускаются наружу, а *заплечиком* (выемкой)

---

[1] Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири, стр. 117 и рис. 92.

[2] Слово «стропило» и родственные ему слова известны издавна во многих славянских языках. В древнерусском языке слово «строп» в значении крыши употреблялось уже в XII в., в значении опоры для крыши — в XIII в. (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 557). «Строп» означает потолок и чердак в западных районах европейской России (Псковщина, многие местности в Белоруссии) и у многих славянских народов — у поляков, чехов и словаков, у хорватов и словенцев; «стро́почка» — матица в Саратовской обл., «стропница» — матица у словенцев. В ряде великорусских говоров известны выражения: «стропи́ть, стропи́лить дом, крышу» — ставить стропила на дом; «стропильник» — лес на стропила (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 351).

[3] М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 11.

[4] «Ус» в некоторых говорах обозначает мыс, косу, клин (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 531—532).

упираются в *башмак* (углубление в подстропильном бревне). Верхними концами своими каждая пара стропил сходится; для скрепления их на одном стропиле выдалбливаются *у́ши*, на другом *шип*, и этот шип вкладывается в проушину противоположного стропила. Кроме того, каждая пара стропил скрепляется еще поперечной *перевязкой* приблизительно на половине высоты. В крупных постройках укреплять стропила непосредственно в стенах срубов нельзя, так как стены могут не выдержать распора тяжелой крыши. Поэтому в широких постройках устанавливают сначала опору для стропил: поперек дома, в местах, где должны быть поставлены стропила, врубают толстые ровные бревна (аналогично тому, как укладывают переводы для пола) — *свя́зи*, *свя́зины* (Вологодская обл.), или *связны́е дерева́*, *башма́чные дерева́* (Верхнее Поволжье), и уже в их концы врубают стропильные *ноги*, или *пя́тки*.

В обычном крестьянском жилище средней величины устанавливается пять стропил: три над избой и две над сенями. Стропила эти обрешечиваются горизонтально положенными, до 12 с каждого ската крыши, слегами (у белорусов — *латами*, в соединении с *крокваами* дающими *поплёт* — белорусский термин для обрешетки). Расстояние между слегами различно и зависит от того, чем кроется крыша: если тесом, то 8—10 вершков (35—45 см), если соломой, то 6—7 вершков (26—31 см), если лучиной, то 3—4 вершка (13—18 см).

При распространении стропильной конструкции научились делать крыши с карнизом. Для этого выпускают наружу на нужную длину (1—$1^3/_4$ арш., 70—125 см) за линию стен концы башмачных дерев, которые обшиваются тесом снизу и с боков. Кроме того, обшивают тесом и два верхних венца бревен стены.

Разница между старой формой крыши со свесом и новой с карнизом, кроме обшивки, заключается еще в том, что крыша со свесом (и самцовая и стропильная) лежит непосредственно на стенах постройки, а крыша с карнизом несколько отстоит от стен благодаря выступанию концов башмачных дерев.

При стропильной технике остается свободным фронтон — его зашивают тесом (*щит, лбище*, рус.; *щит, защит, защиток, лоб, чело*, белор.); при этом наиболее распространена крыша «с козырем» (*козырек, окоп, причелье, застрешок*, белор.), т. е. карниз по фронтону сверху прикрыт узким скатом из дощечек, камыша, соломы, чтобы не заливало переднюю стену. В щите обычно имеется прорез или слуховое окно (продуха, белор.) для освещения чердака. Избы с фронтонами, зашитыми тесом, при прочих равных условиях, холоднее, нежели избы с самцовыми фронтонами.

Нередко встречаются и комбинированные самцово-стропильные крыши. Если, например, на фасадной стене избы есть самцовый фронтон, а на задней его нет, тогда там устанавливаются стропила; или в длинной постройке с самцовыми фронтонами устанавливают стропила по середине длины, чтобы не прогибались слеги обрешетки.

У белорусов известен еще один очень древний способ устройства крыши, а именно на дедка́х, или ко́злах и ключа́х. Для этого на верхний венец сруба посредине каждой из двух фронтонных стен хаты ставится дубовый *дедо́к* — короткое бревно с развилкой наверху; где не хватает дуба, устанавливают ко́злы. В развилки дубков или в перекресты козел укладывают продольную *кладь*, на нее сверху надевают *ключи́*, или *клечи́*,— длинные жерди, навешиваемые на кладь при помощи гвоздя на верхнем конце или соединяемые попарно деревянным гвоздем; они образуют двускатный остов крыши. На дедках давно уже не строят, способ на козлах изредка еще применяется на хатах. В XIX — начале

XX в. оба способа еще часто встречались на жилых постройках, с конца XIX в. их начала вытеснять стропильная техника. Иногда и до сих пор еще хату строят на кровках, а крыши сеней и надворных построек — на ключах.

На Севере и в Сибири встречается двускатная крыша лабазом — форма до некоторой степени близкая к предыдущей. Для нее на невысоких подставках, утверждаемых по средней линии дома, на верхнем венце сруба, а иногда и на связинах, укладывается продольная балка, вроде князевой, а иногда параллельно ей, на более низких подставках, еще слеги по бокам. Это остов для крыши с очень отлогими скатами на обе стороны. О таком способе устройства крыши говорят, что «дом закрыт лáбазом». На европейском Севере укрытие лабазом при двух скатах считается недоделкой в доме [1], но в Сибири дома с такой крышей и у старожилов и у недавних переселенцев часто стоят по многу лет [2].

Четырехскатная крыша в архаической своей форме, известной под названием крыши *костром*, *епанчой*, *горшком*, *порубом* (рус.) или *чубом* (белор.), на жилых постройках уже не встречается, но еще попадается кое-где на хозяйственных строениях в Белоруссии и в среднерусской полосе. Так, например, в 1930 г. была описана конструкция старинных костровых крыш в Московской обл., устраиваемых прежде над овинами, над дворами, даже над избами [3]. Эти крыши возводились следующим образом: сначала по длине крыши клали связные дерева, или *погонины,* на них поперек врезали три бревна — самцы (средний самец связывал погонины в середине); отступя несколько внутрь, врубали второй ряд — из двух погонин покороче, на них — три самца, тоже короче первых самцов. Так пирамидальная конструкция, образованная погонинами и самцами, постепенно суживалась кверху; последний, самый верхний, самец назывался *князьком*; таким образом, вся обрешетина состояла из 10 постепенно уменьшающихся рамок или рядов, связанных из 50 слег, общей высотой около 3,5 м.

Крыши подобного типа на хозяйственных постройках (банях, дворах и др.) можно было изредка встретить даже в 1950—1951 гг. в Среднем Поволжье [4]. В середине XIX в. такие крыши возводили и на избах (например, в Пензенской губ. [5]).

Четырехскатная крыша на стропилах — единственная конструкция этой формы крыши, применяющаяся в жилище южновеликорусов и украинцев; для поземной хаты, как рубленой, так и мазанки, этот вид крыши очень стар, он появился много раньше, чем на Севере. Возможно, что в зоне поземной хаты четырехскатная стропильная крыша сменила старую общеславянскую крышу на сохах [6].

---

[1] М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», 1913, вып. I-II, стр. 64.

[2] Покрытие лабазом, повидимому, имеет здесь свои основания. Так, в Сибири среди русского населения местами распространены постройки даже совсем без крыши: на потолочный накатник насыпается толстый слой земли и этим ограничивается все покрытие. Причину этого надо видеть в необыкновенной прочности лиственничного леса, массивный потолок из лиственничных бревен прекрасно противостоит гниению в течение многих десятилетий.

[3] К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края (Северная часть Московского округа). Дмитров, 1930, стр. 48, 169—170 и рис. 68, 70 и 130.

[4] Материалы Средне-Волжской экспедиции Института этнографии АН СССР, 1950 г. Альбом фотографий; см. также Г. С. Маслова. Русские постройки Среднего Поволжья. СЭ, 1953, № 1, стр. 103.

[5] В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 134 (слово «самцы»).

[6] А. Н. Харузин считает для белорусов первичной формой четырехскатную крышу, а двускатную — развившейся позднее (А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае, стр. 41—45).

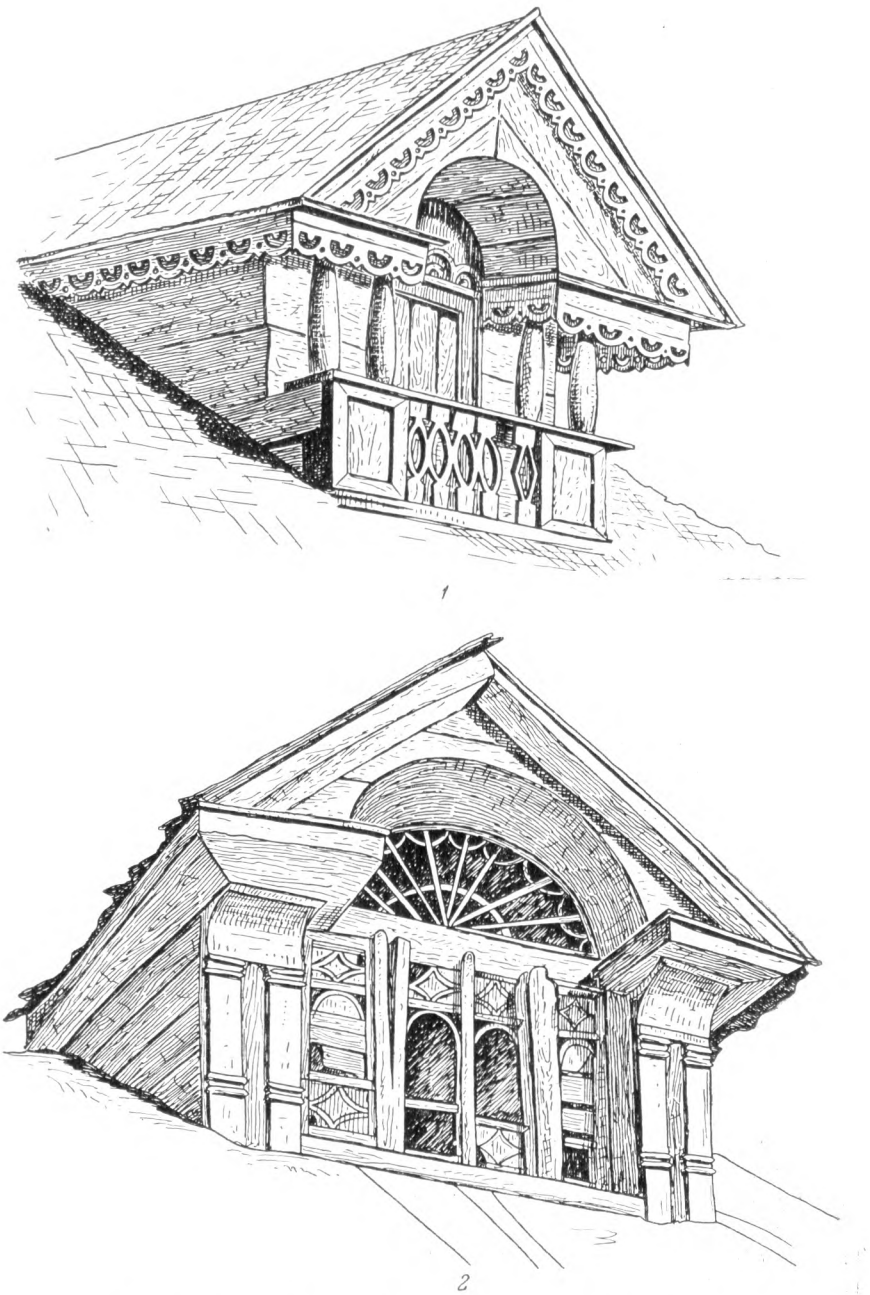


Рис. 11. Светелки на крестьянских домах (Ярославская губ.)

1 — с. Романово Пошехонского уезда; *2* — с. Угодичи Ростовского уезда

При сооружении крыши этой формы крайние стропила устанавливают не на линии передней и задней стен, как при устройстве двускатных крыш, а отступив от углов на 3—4 аршина (2—2¾ м); с углов же ставят наклонные к середине хаты угловые стропила или откосы, соединяя их в князьке с крайними из основных стропил. Поверх стропил кладут горизонтальные слеги (укр. *лáти*), и на эту обрешетку уже накладывается кровельный материал.

Для поддержания далеко выступающего свеса четырехскатной крыши (*підстрешье*, *піддáшок*, *піддáшшя*) украинцы по углам «припускают оструби́ны», т. е. рубят верхние венцы сруба или верхнюю обвязку турлучной хаты с постепенным напуском бревен кверху, причем делают это на всех четырех стенах, а не на двух, как русские и белорусы. Термин «остру́бины» распространен преимущественно в западных областях Украины; в Правобережье чаще говорят *вúпусті*, а в Левобережье бытует термин «коник».

Кроме старых широко распространенных почти зональных типов двускатных и четырехскатных крыш на селе распространены и поздние азональные формы стропильных четырехскатных и трехскатных крыш.

Гладкая, так называемая «шатровая» (четырехскатная) тесовая крыша, или крыша епанчой, типична для старого русского города лесной полосы. Она проникла в деревню из города в XVIII в. и сохранилась кое-где в пригородных селениях и небольших городах [1]. Делали ее на своих домах лишь очень зажиточные хозяева. Дальнейшего распространения эта форма не получила. Большее применение шатровая крыша получила на Урале и в Сибири, где ее нередко можно видеть на старых домах [2].

С конца XIX в. в средней полосе начинают распространяться четырехскатные стропильные крыши, по-круглому, «колпаком», близкая к предыдущей и даже называемая — под епанчу, в которых длинные боковые скаты делаются гладкими, а поперечные состоят из небольшого полуфронтона наверху и большого ската (*залобка*) внизу. В полуфронтоне устраивается окошечко для освещения чердачного помещения. Нередко полуфронтон разрастается в мезонин, светелку или вышку (рис. 11).

Наряду с четырехскатной крышей распространяется также и трехскатная стропильная, имеющая, кроме двух скатов с обеих длинных сторон, еще и третий — с узкой стороны дома, тогда как на противоположной узкой стороне делается обычный прямой фронтон с тесовым щитом, как у двускатной стропильной крыши. При этом различаются два приема расположения трехскатной крыши: в Белоруссии третий скат обращен во двор, а на улицу выходит зашитый тесом фронтон, нередко дополнительно украшаемый. В среднерусской же полосе и в Верхнем Поволжье на улицу обращен третий скат с полуфронтоном или светелкой, а четвертый, где должен быть фронтон, примыкает к стоящему за избой крытому двору, так что скаты крыши над двором нередко составляют продолжение боковых крыш избы.

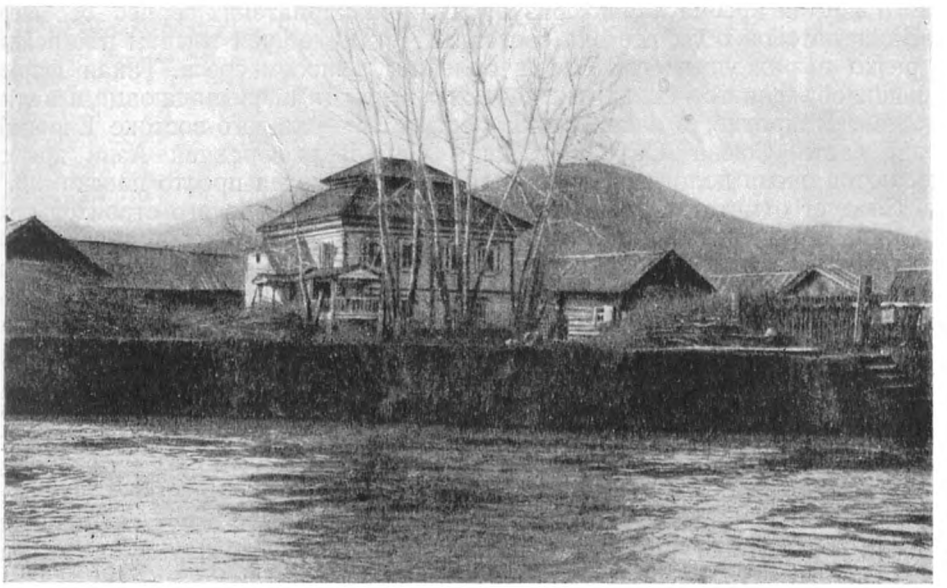
Таким образом, трехскатная крыша над избой при открытом дворе (в Белоруссии) является законченной крышей с закрытым чердаком а в Поволжье она примыкает к крытому двору — она как бы не закончена, чердак открыт со стороны двора.

---

[1] С. Забелло и др. Указ. соч., рис. 125 и 126 (дома XVIII в. в г. Угличе Ярославской области).

[2] Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 52, 54, 58, 63, 64, 66, 67, 69, 70, 90.

1



2

Рис. 12. Поздние формы крыш в крестьянском строительстве

1 — трехскатная луианковая крыша на избе с мезонином и балконом; сзади примыкает низкий крытый двор; на переднем плане ворота с двускатной крышей, крытой тесом (с. Никольское Колпинского района Ленинградской обл.); *2* — двойная крыша колпаком у русских старожилов Алтая (дер. Тургусун Бийского уезда Томской губ.)

Многие формы крыши можно рассматривать как переходные, промежуточные между четырехскатным и двускатным типами. Особенно много их в Белоруссии. К таким относятся, например, крыши, у которых фронтон и залобок равны по высоте; или у которых в качестве рудимента ската остается наверху фронтона небольшой скат — *вальма* [1], называемый *лобя́к, залоб, пристре́шек*. В редких случаях можно встретить дом, на фронтоне которого имеются обе эти формы: сверху щита лобяк, а снизу козырек. Подобная же крыша с большим залобком появляется и в северной части зоны распространения старой четырехскатной стропильной крыши, местами вытесняя ее (рис. 12).

Таким образом, в областях распространения зональных типов крыши происходит на наших глазах массовая замена одних форм другими, создающая очень пеструю картину. В зоне распространения двускатной крыши эти перемены особенно разительны в среднерусской полосе, например в Верхнем и Среднем Поволжье, в Московской обл., где четырехскатная крыша вытесняет двускатную, и, наоборот, на Украине и местами в Белоруссии нередко двускатная крыша или крыша с залобком вытесняет четырехскатную.

Крыша очень варьирует по своей высоте в различных районах, что зависит и от материала крыши, и от местных природных условий, и от традиций населения данного района. Так, например, на Украине, крутизна скатов крыши возрастает по направлению к западу: на Полтавщине крыша занимает около половины высоты всей постройки, а в Подолии высота крыши — более половины высоты постройки. Чрезвычайно высокая и крутая крыша характеризует жилища карпатских горцев, особенно в Закарпатской обл., где она составляет $^2/_3$, $^3/_4$ общей высоты постройки, с резко выраженным гребнем и большим выносом свеса. Такая форма крыши объясняется сильными и частыми дождями, выпадающими в этих местах. Напротив, в засушливых местностях — на юго-востоке Европейской части Союза ССР, в Южной Сибири, в Средней Азии крыши делаются очень пологими, почти плоскими, а иногда просто плоскими.

Следует отметить также и в этой детали крестьянского строительства наличие определенных традиций у отдельных этнических подразделений и культурно-исторических групп русского народа. Так, например, для старинных изб в местности по нижнему течению Оки (Владимирская, Горьковская области) характерны очень высокие двускатные крыши (угол наклона значительно больше 45°). Крышу с таким крутым уклоном давно уже перестали строить в этих местах.

Крутизна крыши зависит также и от материала: в среднерусской полосе наиболее крутыми делаются соломенные крыши (угол ската 50—60°), несколько ниже тесовые и лучинковые (40—50°) и самые пологие — железные (30—40°). С одной стороны, здесь учитывают быстроту скатывания воды с крыш из различного материала, с другой — площадь крыши зависит от цены покрытия (на пологую крышу идет меньше материала).

Материал и техника покрытия

Главными кровельными материалами у восточных славян являются дерево и солома. Способы использования того и другого крайне разнообразны и по территории распространения и по времени бытования.

[1] «Вальма» — архитектурный термин, означает короткий треугольный скат четырехскатной крыши, приходящийся над поперечной стороной дома и не доходящий до низа крыши.

Для полосы хвойного леса характерно в прошлом покрытие жилища настоящим тесом, всегда связанное с двускатной крышей на самцах. Для получения настоящего теса, т. е. вытесанных топором толстых массивных досок, дерево раскалывали пополам при помощи забиваемых в торец клиньев и из расколотых половин вытесывали *тесни́цы*, или *теси́ны*.

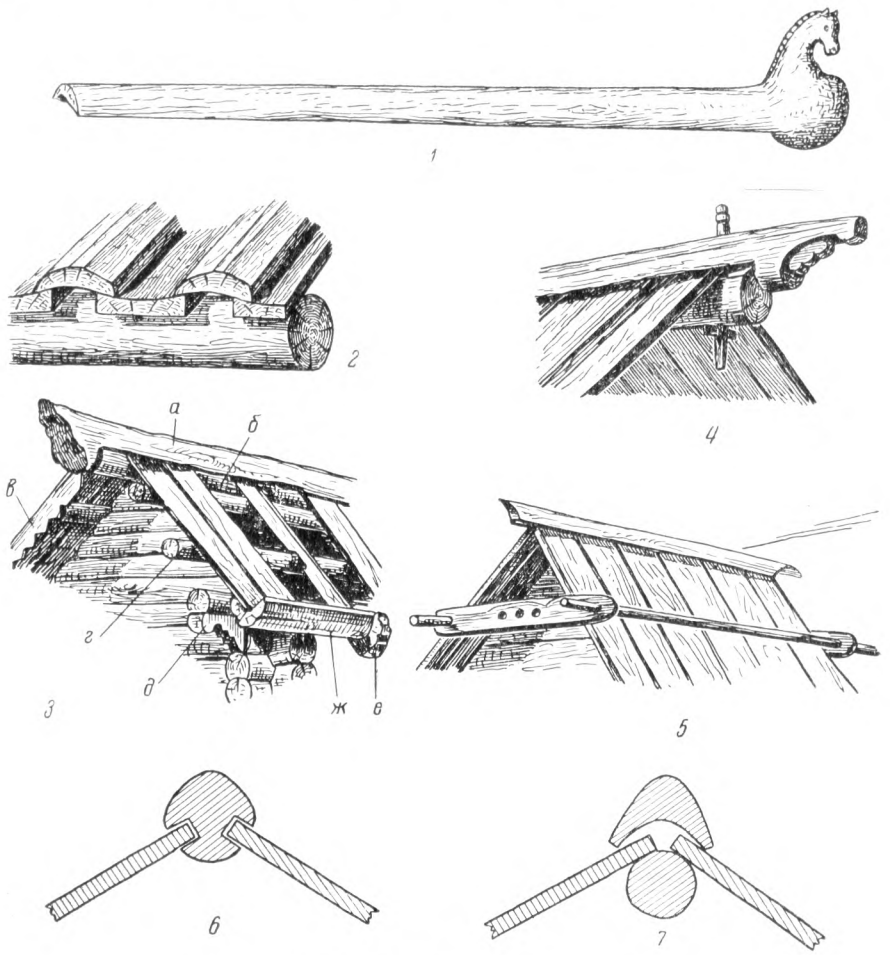


Рис. 13. Старая двускатная крыша на самцах

1 — охлупень; *2* — конструкция тесовой кровли; *3* — конструкция старой крыши на потоках и курицах (Южный Алтай дер. Язовая Бухтарминского района): *а* — охлупень-конек, *б* — князевая слега, *в* — причелина, *г* — обрешетка, *д* — пропуск (кронштейн), *е* — курица, *ж*— застреха, водотечник, поток; *4* — способ скрепления охлупня (или шелома) с князевой слегой (коньковым брусом); *5* — крыша с гнетами и схватками (с огнивом) (дер. Усть-Сосновское Томской обл.); *6* — заделка концов пиленого теса в толстую князевую слегу; *7* — покрытие пиленым тесом под охлупень.

Одно бревно при теске топором давало не более двух тесин (лишь очень толстые стволы можно было расколоть на четыре тесины). Со стороны раскола эти тесины делались в виде неглубокого желоба, с другой — плоскими; это *желоби́ны, желобова́тый, желоба́стый, желоблённый тес, желобни́к*. Сначала на слеги укладывались наиболее широкие тесины желобом кверху: на эти тесины, *желобови́цы*, укладывался второй ряд досок,

желобом книзу, прикрывающий щели первого ряда (рис. 13, *2*), это — тесины-*нащилки*.

Для удержания тесин на скате еще в глубокую старину была выработана остроумная конструкция (рис. 13, *3*) — в нижние слеги врубаются крюки, вырубленные из нетолстой ели с корнем (рус. *курицы*, белор. *како́шки*, *како́шины* — отсюда и нижние слеги иногда называются *подкуре́тниками*, примеры такой конструкции см. на рис. 79). На курицы накладывается *пото́к* (*потоко́*, *водоте́чник*, *водоспу́ск*) — род желоба, в который упираются концы тесин, положенных на слеги и ничем к последним не прикрепленных (см. на рис. 80). Прямоугольный в сечении желоб потока удерживает тесины и отводит воду [1]; у белорусов его заменяет толстая доска — *закры́лина* (см. рис. 14, *б*, *2* и 43, *2*).

На щель, образуемую сходящимися наверху тесинами обоих скатов, насаживалось сверху толстое бревно с угловатым желобом снизу; это — *о́хлупень*, *шело́м* (см. рис. 13, *1, 7*). Своей тяжестью он зажимал тесины кровли и удерживал их от сноса ветром. Переднюю, комлевую часть охлупня, прикрывающую с фасада стык тесин и торец [2] князевой слеги, часто обтесывали в виде коня или птицы, как показано на рис. 78. Иногда охлупень стягивался дополнительно с князевой слегой при помощи вертикальных стержней — затычек, просунутых через продолбленные в обоих бревнах отверстия и закрепленных под князевой слегой деревянными клиньями. Верхняя часть затычек обычно фигурно обрабатывалась; называли их *стамики* (ед. ч. *стами́к*), *солдатики*, *шарики* (см. рис. 13, *4*). В отдельных случаях, если не было уверенности в том, что охлупень может сдержать тесины от срывания их сильным ветром, их прижимали сверху параллельными охлупню толстыми бревнами, по одному на каждом скате — это *гнеты*, или *крепила*; концы гнетов на каждом фронтоне были «схвачены» (т. е. скреплялись друг с другом) резной доской — *огни́вом* [3], или *схва́тками* (рис. 13, *5*).

Таким образом, покрытие топорным тесом, возникшее еще в глубокой древности, все производилось без единого гвоздя, толстые тесины держались собственной тяжестью, увеличенной весом массивного охлупня. Это — старая безгвоздевая конструкция двускатной крыши, крытая «в желоб».

Теперь гораздо чаще можно видеть крыши, крытые «в гвоздь», т. е. пиленым тесом. Они начали появляться на селе в первой половине XIX в., а к концу века, с распространением продольной пилы и ростом количества лесопильных заводов, топорный тес в большинстве районов уже был вытеснен пилеными досками. Есть два способа покрытия кровли пиленым тесом: в два теса и в один тес. При первом способе, более дорогом и прочном, на обрешетку набивается два сплошных слоя досок равной ширины, вплотную доска к доске, причем верхние доски приходятся над щелями, образуемыми двумя смежными нижними досками. Способ в один тес осуществляется двумя приемами. Один называется «с подтесинами» (Ярославская обл.), «с подщельником» (Тюменская обл.), «с поднащельником» (Алтай), когда верхний слой сплошной, внизу же под *спа́и* (щели) верхнего слоя кладут доски, значительно у́же верхних

---

[1] Подставляемая для стока воды с потока кадка называется на Севере «пото́чница».

[2] «То́ре́ц» — поперечный отрез бревна (отсюда — торцовая мостовая); бревно со стороны своего поперечного разреза (см. В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 432).

[3] Огниво, наряду с прямым своим значением, в старой народной технике означало поперечную нахлестку с отверстиями на концах, насаженную на столбы, поперечный набой на речных судах, по которому ходит якорный канат, поперечину — у рукояти сабли и меча, у креста и др. (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 666).

(часто это *сго́рбки, горбыли́*, которые кладут *обли́вом вниз*). Другой прием называется «в разбе́жку», когда доски верхнего слоя также кладут не вплотную одна к другой (в этом случае верхние и нижние доски имеют одинаковую ширину). При использовании пиленого теса, который много тоньше топорного, стык обоих скатов закрывается различно: охлупнем, как на старых тесовых крышах; двумя сколоченными под углом досками, наложенными сверху́, называемыми по-старинному *шеломе́ц* (Ярославская обл.), или заделкой в шпунт, когда концы досок врубаются в князевую слегу, для которой выбирается в этом случае особенно толстое бревно (рис. 13, *б*).

В то время как для двускатной тесовой крыши великорусского жилища обязательно наличие охлупня или князевой слеги, закрывающей стык склонов, у белорусов тесины или доски на гребне ничем не прикрываются, причем доски одного ската длиннее другого и, нависая над ним, защищают щель на гребне крыши, чтобы ее не заливало водой; все доски имеют разную длину. Этот способ покрытия («в нахлестку») придает крыше своеобразно-живописный вид (см. рис. 14, *б*, *2*, 43, *2* и 75, *1*).

Между двумя слоями теса нередко прокладывалась береста, по-северному *скала́*, отчего нижний слой теса называли еще *подскальником*, а самый способ покрытия — «в два теса со скало́й» [1]. Тонкий пиленый тес, дополнительно обструганный, прибивается к обрешетке гвоздями. Применение гвоздей вызывает к жизни целый ряд новых деталей двускатной деревянной кровли, значительно более поздних, чем курицы, поток, пропуски и охлупень. Прежде всего на выступающие концы обрешетин каждого ската набивается доска (всего две), оберегающая торцы от загнивания; это *причели́на* (также *подкры́лок*, *коси́ца*). Обрамляя наклонные стороны фронтона, резные причелины составляют один из существеннейших элементов внешнего убранства северно- и средневеликорусской избы (образцы такого убранства даны на рис. 87—89). В Сибири причелины называют *платочком*, уподобляя их головному платку, окаймляющему лицо. Стык двух причелин на торце князевой слеги или оставляют открытым, или закрывают прорезной доской, прибитой вертикально — это *ве́трениця* [2] или *кисть*; на ней нередко помещают дату постройки дома. Иногда еще подшивают досками и нижнюю поверхность свеса кровли, в некоторых районах ее украшают росписью. Торцы пропусков тоже иногда закрываются вертикально нашитыми досками; это *серёжки, приба́сины, малые подкрылки*. Вертикально спущенные резные доски (ветреница, сережки) в некоторых районах по сходству зовутся *полотенцами*.

Пиленый тес особенно широко распространен на Севере и в лесной полосе Сибири на крышах различных конструкций — двускатных, трехскатных и четырехскатных.

Для среднерусской полосы в прошлом характерно покрытие жилищ дором, *долгой дранью*, или *драньём*, т. е. наколотыми («надранными»)

---

[1] Выстилка берестой для предохранения от влаги — прием древний; известны курганные погребения в бересте, перекрытие берестой пола в древних погребах и др. (Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения во Владимире XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 237).

[2] Термин «ве́трениця» широко распространен в русских говорах; им обозначаются весьма разнообразные предметы, так или иначе имеющие отношение к ветру: флюгер; ветряная мельница; переметина, придерживающая солому на кровле; причелина; свисающая с крыши резная доска; волоковое окно; доска, составляющая обшивку бортов ладьи (у поморов) (В. Даль. Толковый словарь, т. 1, стр. 344; А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 28).

из отрезков древесных стволов *дранúцами* — дощечками в 2 м и больше длиной и 9—18 см шириной [1].

В 1920-х годах в Московской обл. старики еще помнили это старинное покрытие: «Покрывали избу вперед еловым лубом, а сверху луба — дрань; дрань семиаршинная, как есть крыша, а крыша на самцах» [2]. Долгая дрань, как и топорный тес на Севере, упиралась внизу в желоб, поддерживаемый курицами. Перед началом приготовления драни сосновые и еловые кряжи распаривали в *парýшке* — срубе из 4—5 венцов, помещенном над ямой с топливом. Для расщепления бревен на драницы употреблялся «драч» — заостренный спереди прямой топор [3].

Можно считать, что к началу XX в. дрань во всех более северных районах лесной полосы была вытеснена почти полностью пиленым тесом, в более южных — *лучинкой,* более дешевым и менее трудоемким материалом. Еловый и сосновый дор продолжает еще применяться в западнорусских районах (Смоленская, Великолукская области). Раньше его нарезали длиной до 2 м (3 аршин) и толщиной меньше 1 см. Когда не было гвоздей, дор скреплялся *лотком* — поперечным брусом, положенным посредине крыши, в пазы которого входили концы дора. С начала XX в. дор делают тоньше и короче (до 1 м), кладут его в три ряда и прибивают к слегам гвоздями [4]. Вообще же крыши с дранью сохраняются лишь изредка на очень старых постройках среднерусской полосы и кое-где у карпатских горцев. В районах, подверженных сильным ветрам, драницы на гуцульских хатах укреплялись несколькими продольными жердями, положенными по скату крыши параллельно гребню и краям; зажиточные гуцулы крыли дома тесом и *гонтом.*

Покрытие *лучинкой* (щепой, дранкой [5]) появилось на селе лишь в 90-х годах XIX в., но в наши дни, в среднерусской полосе и в Белоруссии оно наиболее употребительно. Щеплют лучинку из свежесрубленной сосны, ели, осины, распиливая ствол предварительно на чурки длиной 35—50 см (8—12 вершков); выбираются малосучковатые деревья. Первое время лучинку щепали большим ножом — «косарём», «косырём» [6]; вскоре начали появляться самодельные станки, механизировавшие процесс щепания. Основную часть станка составляет *«вáга»* (или «руль») — деревянный рычаг со вделанным в него ножом [7]; одним концом рычаг подвижно

[1] Известно, что в Москве в XVII в. крыли крыши и тесом со скалою и дранью со скалою, т. е. с берестой. На употребление драни в XVII в. есть указания и в архивах подмосковных монастырей.

[2] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 53.

[3] Изображение драча см. М. Синозерский. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. «Живая старина», 1899, № 4, рис. 4, *2.*

[4] Материалы Западного отряда Русской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР 1953 г.

[5] Не смешивать современную кровельную дранку (лучинку около 40 см длиной) со старинной долгой дранью (длиной около 2 м и больше).

В западных областях нашей страны (например, в Псковской и Ленинградской областях, в Западной Белоруссии) для кровельной щепы распространено название «гонт» (взятое с польского); оно же употребляется и в лесоторговле. С конца XIX в. до первой мировой войны много кровельного гонта выделывалось машинным способом в Финляндии и Польше и шло в белорусские и русские губернии.

[6] Косáрь, или косы́рь, делали часто из обломка косы.

[7] Вáга, собственно, и означает в русской народной технике рычаг: например, вагой называют длинное тонкое бревно, которым выворачивают корчуемые пни (у великорусов лесной полосы); ваги — жерди, которыми прижимают коноплю, вымачиваемую во вкопанном в землю срубе, врубая их одним концом в стену сруба, а другим заводя в прорубы в противоположной стене (черноземные области); вагами называют и всякие брусья, служащие для поднятия значительных тяжестей на небольшую высоту, например телег для починки и смазки, судов при их спуске и т. д.

укреплен болтом, на другом его конце устроены ручки. Чурку плотно заклинивают в специальный *козелок* (похожий на гимнастическую «кобылу»), и два-три дранщика, взявшись за ручки на ваге и качая ее взад и вперед, откалывают лучины от верхней горизонтальной плоскости чурки. Нож на ваге, посредством особых клиньев, может устанавливаться с различным захватом, чтобы получить ту или иную толщину лучин (не толще 1 см) [1]. Наиболее употребительна 40-сантиметровая (9-вершковая) лучина,

Обрешетка стропил под лучинку — *пáлоба* — должна состоять из жердей обязательно одинаковой толщины. На них уже наколачивают лучинку специальными «драночными» гвоздями, машинными (двухдюймовыми). Набивать начинают с нижнего края крыши, располагая лучинку «чешуей», т. е. чтобы лучины второго ряда закрывали края лучины первого, лучины третьего ряда — края второго и т. д.

Способы выкладки лучинки очень разнообразны: 1) «по прямой», т. е. прямыми рядами; 2) косыми рядами, когда лучины в ряду кладутся наискось, а следующий ряд тоже наискось, но в обратную сторону; если при этом выпускаются концы в форме квадрата, то получается узор «в шашку», или «шашельницей»; такая же выкладка, но с выпуском наружу концов в форме прямоугольника, дает узор «в елочку», причем различают «елку простую» и «елку оборотную»; 3) «по-круглому», или «зонтами», кроют обычно *ендову,* т. е. место, где сходятся два ската крыш (например, если крытый двор примыкает к дому, или светелка выступает из ската крыши). При различной комбинации и чередовании этих приемов, благодаря атласистому отливу лучинки по волокну, получается своеобразная узорочность и нарядность лучинковых крыш.

Конек крыши кроют или перегнутой поперек лучинкой, или досками, поверх лучинки. Для прочности обмакивают иногда концы лучины в кипящую смолу. Сами кровельщики во время работы держатся на *катке* — жерди, укрепленной на веревках, как на трапеции. Лучинковые крыши легки и при повторяющейся через несколько лет смазке дегтем могут простоять 15—20 лет [2].

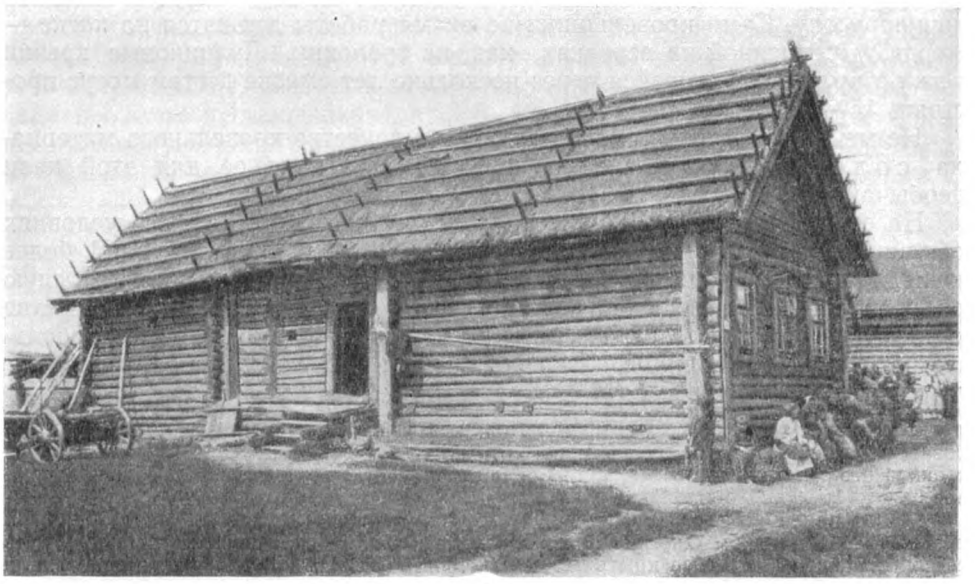
Не менее чем дерево распространена в качестве кровельного материала с о л о м а. Технические способы использования ее для этой цели необычайно разнообразны.

На севере страны (Архангельская, Вологодская области), в условиях обилия лесного материала, соломенные крыши крайне редки. В более южных районах, по мере того как скуднее становятся леса и бóльшую роль играет земледелие, возрастает и употребление соломы в качестве кровельного материала. Соломенные крыши появляются, сначала в небольшом количестве, в Ленинградской обл., на юге Вологодской, далее на юг

[1] Верхне-Волжской этнологической экспедицией Гос. Академии истории материальной культуры (теперь Институт истории материальной культуры АН СССР), работавшей в Ярославско-Тверском крае в 1920-х годах, зафиксировано несколько таких станков различного устройства, в том числе один довольно сложный, с колесным приводом.

[2] Этот прием покрытия известен в русском народном зодчестве издавна, но он применялся лишь для покрытия крыш, имевших кривые поверхности, например глав северных церквей, которые крыть тесом было бы невозможно. Для этого изготовляли *лемех:* тонкий и узкий осиновый тес разрубали на короткие дощечки и один конец их отделывали в форме полукруга, острия, городков. Дощечки прибивали плотно одну рядом с другой последовательными рядами, начиная с низа крыши, причем каждый последующий ряд закрывал стыки дощечек нижележащего ряда. Кровли, сделанные из лемеха с полукруглыми концами, казались покрытыми рыбьей чешуей, почему и появились выражения «крыть в чешую» и «по чешуйному обиванию». Покрытие лемехом отличалось большой прочностью и сопротивляемостью влаге (М. К р а с о в с к и й. Указ. соч., стр. 8 и рис. 1).

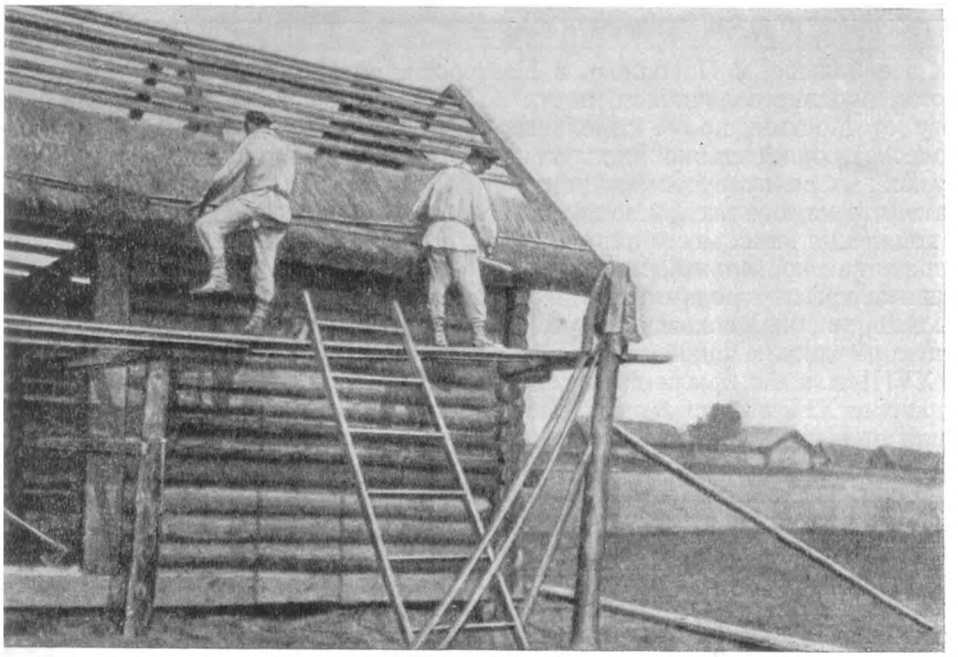
1



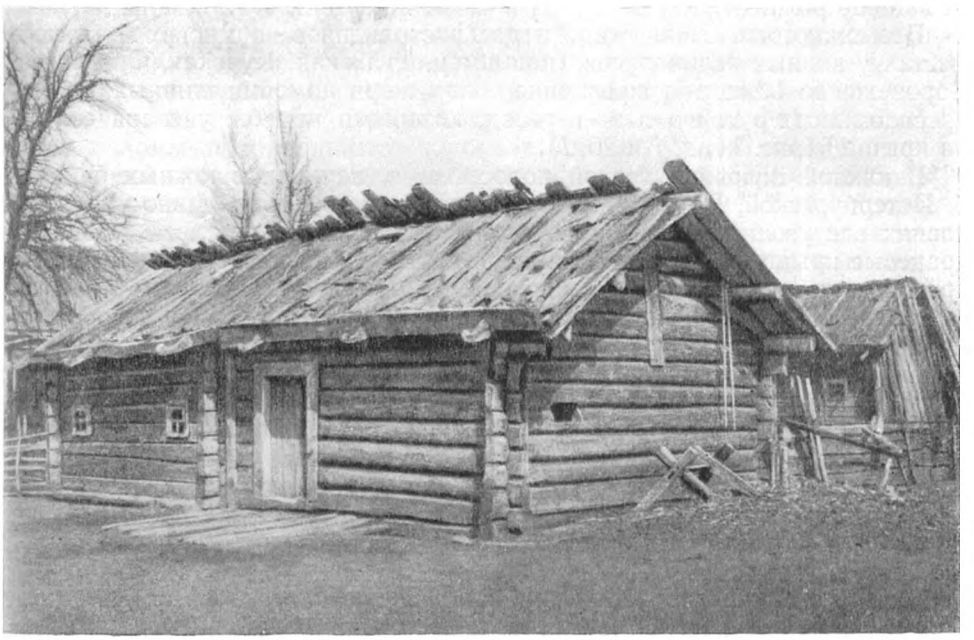
2

Рис. 14 *а*. Виды старинной соломенной кровли у великорусов

1 — четырехскатная соломенная кровля, увязанная соломенными же жгутами — перевяслами (дер. Кудряевка Тульской губ.); *2* — покрытие двускатной крыши соломой под жердь (на спишниках) на однорядной связи (с. Куликово Дмитровского уезда Московской губ.).



1



2

Рис. 14, *б*. Виды старинной кровли у белорусов

1 — покрытие двускатной крыши на хате соломой «под стрехоўку» (с. Капланцы Игуменского уезда Минской губ.); *2* — двускатная деревянная крыша с закрылиной на старой хате (с. Чучевичи Мозырского уезда Минской губ.)

их все больше; в Поволжье, в Новгородской обл., в средней полосе солома, наравне с лучинкой, почти полностью вытеснила тес и дрань, а к югу от Москвы, кроме отдельных лесистых районов (вроде Брянского полесья), она издавна являлась единственным кровельным материалом (у южных великорусов и украинцев). С уверенностью можно также сказать, что на юге лесной зоны и в зоне лесостепи, по мере вырубки лесов и появления на их месте пашни, с ростом дороговизны лесных материалов, дерево как кровельный материал постепенно заменялось соломой и соломенные крыши продвигались все дальше на север. Не говоря уже о Поволжье, о б. Московской губ., где раньше господствовали драневые кровли,— даже в такой типичной «соломенной» губернии, как Тамбовская, в XVIII в. избы крыли преимущественно дранью [1], и лишь постепенно к середине XIX в. дешевые соломенные кровли во многих районах вытеснили дрань. Даже в городах черноземной полосы в середине XIX в. значительная часть построек городской бедноты крылась соломой.

Один из наиболее древних способов (а может быть и самый древний) соломенного покрытия у великорусов — это покрытие соломой «в натруску», т. е. путаной соломой, распространенное в настоящее время преимущественно у южных великорусов. Насыпанная из ометов толстым слоем солома от озимых хлебов придерживается жердями, скрепленными попарно верхними концами, или срубленными под корень молодыми деревцами, связанными вершинками попарно и перекинутыми через гребень крыши; это — *перемётины*, или *повязник*. Иногда две жерди скреплены спицей отступя от концов, так что последние торчат над гребнем крыши наподобие рожков.

Возможно, что очень старо и распространенное во многих безлесных местах у южных великорусов (например, Тульская, Курская, Орловская, Воронежская области) укрепление соломы при помощи длинных, свитых из соломы перевясел — веревок, которыми как бы увязана солома на крыше [2] (рис. 14, *а*, *1* и 20, *1*).

В южной половине лесной полосы, т. е. начиная с южных районов б. Петербургской, Вологодской губерний и далее к югу, давно уже в условиях все увеличивавшейся дороговизны строительного леса тесовые и драневые крыши сменились лучинковыми и соломенными, причем солома представляет собой более раннюю замену теса и драни, чем лучинка. Наиболее распространенный в этом районе в прежнее время способ соломенного покрытия — «под жердь», или «на спи́шниках», связан исключительно с двускатной крышей (рис. 14, *а*, *2*). При этом способе в нижнюю слегу врубают курицу, *курочку* (как в тесовом покрытии с курицами, но гораздо тоньше и легче), верхний конец которой привязывают к *завертке* — жерди, пропущенной под слегами параллельно курице. На курицы кладут доску или горбыль — *застрешину*, затем на слеги, поперек ската, укладывают спишники, т. е. жерди с вдолбленными в них по всей длине спицами (в таком случае и все покрытие в Московской обл. называется *спи́шней*).

Имелся и более старый прием: клали *суковёдни*, *суковитни*, изготовленные из ели, у которой сучки с трех сторон обрубались до ствола,

[1] «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим», т. 3. СПб., изд. «Русской старины», 1873, стр. 79.

[2] Этот прием укрепления соломы напоминает увязку кошм на юртах кочевников при помощи волосяных арканов. Интересно указать следующий факт: в Риме, на колонне, воздвигнутой в честь императора Марка Аврелия (конец II в. н. э.), высечены рельефные изображения жилищ «карпатских варваров», т. е. придунайских племен, с которыми вел войны этот император; крыши жилищ как бы увязаны перевитыми жгутами (изображение их см. L. Niederle. Указ. соч., рис. 107).

а с четвертой — только концы их [1]. Отсюда и все покрытие называлось иногда «под сквитню» (Московская обл.).

Затем всю крышу кроют ржаной соломой, начиная снизу. Первый ряд кладут комлями книзу («вниз гузо́м»), упирая в застрешину; следующие же ряды — комлями вверх («вниз маковками»). Чтобы солома не прогибалась, под нее прежде подкладывали еловую кору, надранную весной во время брожения сока в дереве; теперь чаще между слегами, параллельно им, укладывают тонкие жерди — *просле́жины*. Ряды соломы сразу же пригнетают жердями, горизонтально наложенными на спишники. Обходятся иногда и без спишников: скрепляют концы жердей с концами слег, надевая на них кольца из распаренных и закрученных ивовых веток.

Во многих районах на фасадной стороне такой двускатной соломенной крыши, как и на тесовой кровле, набивают широкие причелины. Распространенное их название *вѐтреницы* указывает на их назначение — закреплять соломенную покрышку, чтобы ее не растрепал ветер.

Похожим способом крыли в среднерусской полосе и старые четырехскатные крыши костром; так же как на двускатную крышу, накладывались спишники или скове́дни, так же расстилалась солома и каждый ряд прижимался *прикладинами, прикладками*. Поверх соломы клали также «переме́тник» (собирательн.), «переме́тины» (отдельные предметы), т. е. мелкую березку, ветки осины, рябины, черемухи и пр., связанные вместе и перекинутые через крышу, чтобы ветер не срывал соломы.

Более новым способом соломенного покрытия у великорусов является покрытие «под щётку» или «в причёску». При этом покрытии застрешиной служит тонкая жердь вместо доски. Первый ряд соломы кладут из снопиков, насаживая их на застрешину. Затем настилают ряды соломы комлями вниз, колосьями вверх и пригнетают каждый ряд тонкими жердями, привязывая их к слегам; жерди закрывают следующим рядом соломы. Комли соломы подравнивают, подбивая их снизу при помощи *щетки* (называемой также *колотушка, гребенка, ласкарь*). Это деревянный обрубок с ребристой поверхностью, насаженный на ручку [2]. Князек покрывается соломой, в перегиб, а концы ее пригнетаются с обеих сторон жердями — *пригнётками*. Такая крыша и красивее и прочнее, чем крытая под жердь, так как по ней вода, не задерживаемая жердями, свободно стекает вниз и потому солома дольше не гниет.

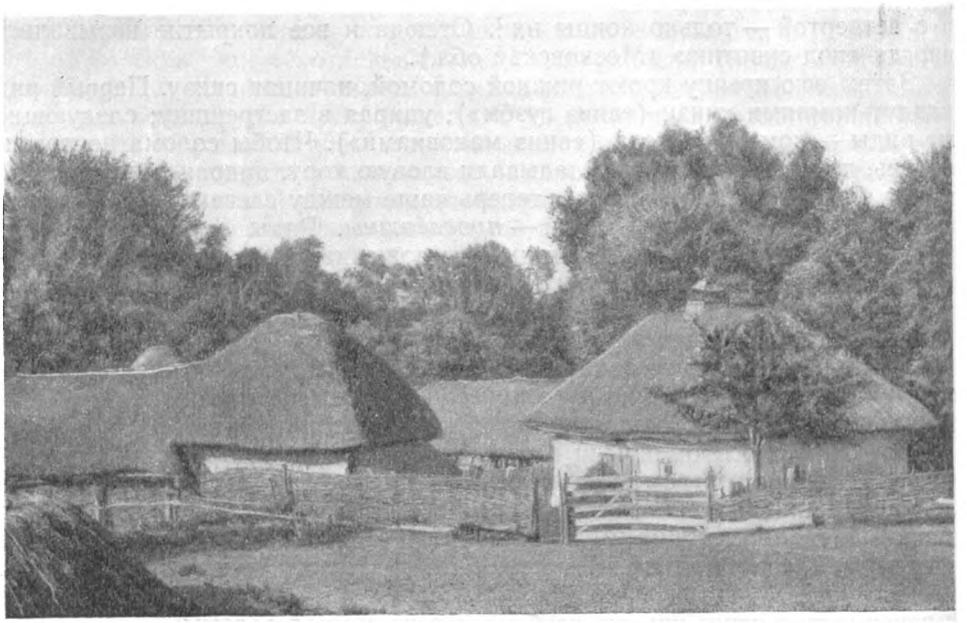
При способе покрытия соломой «в привязку», «в подвязку», «под вязь» на каждую жердь обрешетки навязывают маленькие снопики; они захватываются бичевкой около пояска, комлями кверху; получается толщина крыши до полуметра. Первый, нижний ряд снопиков, как и в предыдущем способе, насаживают на застрешину комлями книзу и подравнивают щеткой. На конек берут снопы потолще, разделяют надвое и са́дят верхом, а концы их прижимают жердями. Привязывают при помощи иглы — *клёшки* (наподобие иглы для плетения сетей). Этим способом кроют главным образом четырехскатные крыши-колпаки в Верхнем Поволжье, Московской, Владимирской и соседних областях.

Повидимому, техника соломенных покрытий находится в известной связи со способом молотьбы, т. е. с качеством получаемой после обмолота соломы.

---

[1] В термине «суковедни» можно видеть доказательство древности покрытия соломой под жердь (Б. А. Куфтин. Типы и элементы жилища. В кн. «Крестьянские постройки». М., 1929, стр. 13—14; см. также В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 386 слово «суковѣтни»).

[2] Зарисовку щетки см. Л. И. Песселеп. Постройки Бежецкого уезда. В кн. «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края», рис. 96.

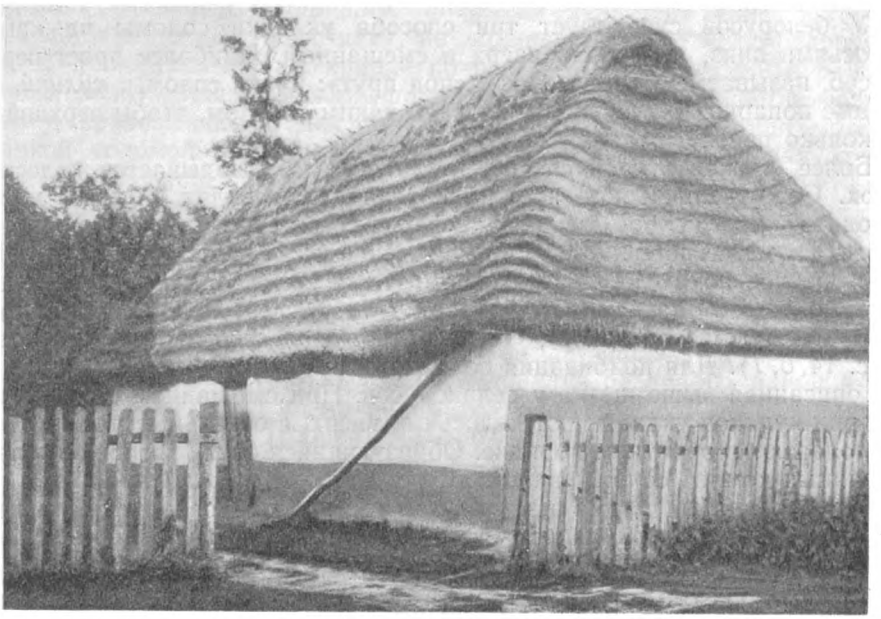


1

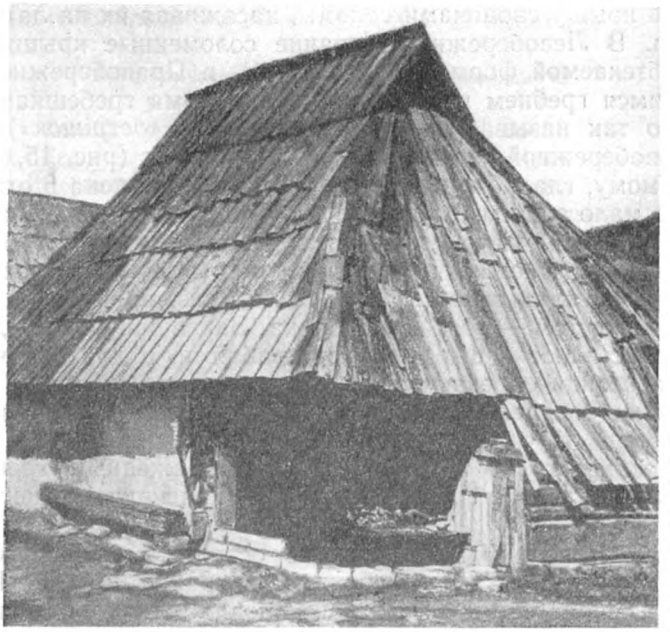
2

Рис. 15, *а*. Виды кровли на украинских хатах

1 —гладкая соломенная крыша Левобережной Украины (м. Яреськи, Миргородского уезда, Полтавской губ.); *2*—соломенная крыша с остришками Правобережной Украины на трехкамерной хате с призьбой; вокруг всей хаты, на уровне призьбы, идет подводка желтой глиной (Подолия)



1



2

Рис. 15, *б*. Виды кровли на украинских хатах

1 **— ступенчатая соломенная крыша Подолии и б. Галиции, стены постройки подведены желтой глиной (с. Черче Станиславской обл.);** ***2*** **— покрытие хаты длинными драницами (Закарпатье)**

У белорусов существует три способа укладки соломы на крышу: колосьями вниз, колосьями вверх и смешанный. Наиболее прост первый способ, называемый «под колос», «под прут»: пучки соломы, *куликй*, связанные попарно, накладывают на латы таким образом, чтобы верхний ряд несколько перекрывал нижний.

Более сложен второй способ, когда солома укладывается колосьями вверх. Сооружение такой кровли, которое производит обычно мастер, доводится иногда до большого совершенства, крыши такого рода во многих случаях свободно служили в течение нескольких десятков лет. При этом способе покрытия крыши солома тоже связывается в кулики (если попарно, то это *двойчаки*, если по три — *тройчаки*). Такой способ кладки называется «под стреховку», «под щетку», «под гребенку», «под лопату» (рис. 14, *б*, *1*). Для подбивания соломы снизу служит *стреховка* — то же, что описанная выше щетка у великорусов. При смешанном способе нижний ряд куликов укладывают колосьями вверх, а остальные ряды куликов располагают в обратном порядке. Образующийся снизу гребень из гладко срезанных комлей соломы называют *острішанки, острешованники.*

Сверху, чтобы солома не разлеталась, кладут соединенные попарно короткие жерди, скрещивающиеся над гребнем,— *козлы, козлики, ключи, острокол.*

Таким образом, основное различие великорусского и белорусского способов покрытия двускатной крыши соломой — это свободная настилка соломы при первом и укладывание ее снопиками при втором способе, а также — применение горизонтальных гнетов при первом и отсутствие их при втором.

На Украине (как и в Белоруссии) в большинстве случаев предпочитают крыть крышу снопиками соломы, насаживая их на латы и привязывая к ним. В Левобережной Украине соломенные крыши совершенно гладкие, обтекаемой формы (рис. 15, *а*, *1*), в Правобережной их делают с выдающимся гребнем наверху и ступенчатыми гребешками по ребрам крыши; это так называемые *острішки* (ед. ч. «*острішок*»), придающие хатам Правобережной Украины характерный вид (рис. 15, *а*, *2*).

Повидимому, гладкая форма крыши распространена в открытых местностях, где мало защиты от ветра, так как сильный ветер задирает соломенные выступы и часто срывает их совсем. Для сооружения гладкой крыши применяют снопики из мятой соломы (она лучше ложится на изломах крыши) и укладывают их колосьями вниз, прикрепляя к обрешетке соломенным жгутом — пояском снопика. Закончив укладку, поверхность крыши причесывают и выравнивают граблями, а для получения ровной линии низа крыши обрезают концы первого ряда снопиков. Для получения остришков употребляют другой вид снопиков — *кйтицi;* их связывают около колосьев и укладывают колосьями вверх. Китици образуют и ровную нижнюю грань кровли, и резко выраженный гребень крыши; раскладываемые веерообразно, они дают красивую ступенчатую форму углов.

В Левобережной Украине хаты с остришками сооружаются лишь в редких случаях. В Правобережной Украине и в б. Галиции они являются господствующей формой кровли жилища, причем в Подолии, затем в областях Станиславской, Дрогобычской, Львовской, Тернопольской (б. Галиция) очень часто вся крыша делается ступенчатой (рис. 15, *б*, *1*). К северу, в Волынской, Ровенской областях, остришки исчезают и наблюдается постепенный переход к крыше белорусского типа. Кроют соломой крыши и в Закарпатской области, но остришков не делают.

Распространенным материалом покрытия является также камыш (Phragmites communis, тростник), по-украински «очерет», по-белорусски «черет», применяемый на Украине по рекам и в Белоруссии в районах Пинских болот. Снопы из камыша распределяют по обрешетке ровным слоем и привязывают к ней тонким ивняком, шпагатом или молодой неломкой соломой. Камыш режут обычно зимой. Камышовая кровля отличается большой прочностью; в начале XX в. ее стали применять кое-где и в южновеликорусских районах.

Из новых кровельных материалов, сравнительно мало распространенных в XIX в., надо отметить железо. Под влиянием города железо применялось для покрытия крыш в подгородных районах во всех зонах, но крайне редко, преимущественно на домах кулацкой прослойки, и то главным образом в центральной части России да вдоль торговых трактов и железных дорог. Статистические обследования различных районов первой четверти XX в. дают возможность проследить распространение железных кровель по стране. Процент железных крыш на селе к общему числу построек значительно колеблется: от 2—6% в различных уездах Московской губ.[1] до 22—32% в великорусских уездах Воронежской губ. Характерно, что в уездах той же губернии, заселенных украинцами, процент железных крыш много меньше (8—15) [2].

На юге значительно чаще встречаются черепичные кровли нескольких типов, на внедрение которых в противопожарных целях обратили серьезное внимание многие земства в конце XIX — начале XX вв.; можно указать Саратовскую, Ульяновскую, Воронежскую, Харьковскую и некоторые степные области. В Западной Украине распространена цементная черепица, в остальных — из обожженной глины.

Любопытные статистические данные о распространении различных видов кровельного покрытия в 70-х годах XIX в. приводит А. Н. Харузин для Белоруссии.

Материал покрытия	Число обследованных хат	
	абс.	в %
Солома	596 183	85,3
Тес	102 795	14,6
Черепица	705	0,1
Железо	15	0,002
Всего	699 698	100

По отдельным губерниям эти цифры сильно варьировали. Так, в Витебской губ. крытые тесом хаты составляли 15%, в Могилевской 18%, а в Минской 43% [3].

Интересный пример изменений в материале покрытия дало обследование, произведенное сотрудниками Ростовского государственного музея в Ростовском уезде Ярославской губ. в 1925 г. Обследовано было 2104 дома в 52 деревнях Карашской вол.; в 295 домах, построенных до 1900 г., материал покрытия: солома — 66%, лучинка — 34%. В 1156 домах постройки 1900—1917 гг.: солома — 10%, лучинка — 63%, железо — 26%, тес — 1% [4].

Процесс «переодевания» крыши в более прочный и менее опасный в пожарном отношении материал подробно обследовал в 1920-х годах

[1] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 57.
[2] Т. Я. Ткачев. Воронежская деревня в социально-гигиеническом отношении. Воронеж, 1928, стр. 16.
[3] А. Харузин. Указ. соч., стр. 40.
[4] «Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области». М., 1927, стр. 20.

в Дмитровском уезде Московской губ. К. А. Соловьев. Ряд цифровых таблиц наглядно выявляет тенденцию смены соломенных крыш драночными, железными [1].

Новым типом покрытия, но с применением старого материала, является особенно заметно распространившаяся в южной части страны с конца XIX в. глиносоломенная кровля различных типов. Наиболее простой вид ее — это крыша, покрытая соломенными снопиками, вымоченными в жидкой глине, а затем залитая жидкой глиной. Для подачи снопов и ведер с глиной на крышу устраивают журавль, подвешивая его на жердь, подсунутую под крышу. Кое-где на юге прием покрытия глиносоломенными пучками появился довольно давно; например, в Волынской обл. УССР покрытие «каляницей», как там называли этот способ, был привычным уже в начале 1890-х годов, а особенно широко распространился к началу XX в. Автору настоящей работы довелось наблюдать его в 1920-х годах в Воронежской обл., в 1940-х годах в русских селениях Кара-Калпакии.

Из всех видов глиносоломенных крыш наиболее сложна и потому менее распространена соломенно-ковровая. Это — крыша, покрытая соломенными цыновками, пропитанными глиной. С 80-х годов XIX в. земства много сделали для внедрения в быт обоих этих более огнеустойчивых типов крыши.

* * *

Тип крыши на крестьянских постройках в значительной степени зависит от социально-экономических условий, которые были различны для разных социальных групп, а также изменялись по географическим районам. Стоимость материала, идущего на покрытие и опорную часть крыши, необходимость для многих типов крыш приглашать специалистов-кровельщиков — все это определяло и стоимость крыши, и возможность для той или иной социальной группы крестьянства выбрать для своей постройки тип крыши. Наиболее простые по конструкции формы крыши и наиболее дешевы, а всевозможные свесы и карнизы, вышки и мезонины, балконы и выходы значительно удорожают постройку. В лесной полосе (Белоруссия, европейский Север, Сибирь) на постройках бедноты не редкостью было временное покрытие в виде ската на подставках, служившее до тех пор, пока хозяин не заготовит леса на стропила и тесовое покрытие. Также совершенно очевидным представляется, что наиболее дорогим материалом для всех районов было железо (хотя стоимость его, в зависимости от транспорта, варьирует в различных местностях). Поэтому железные крыши на постройках старого времени можно было встретить обычно только в кулацких хозяйствах; лишь в районах с развитыми отхожими промыслами процент железных крыш был относительно высок: если удавалось хорошо заработать, то отходник стремился поставить себе дом получше и покрыть его кровлей попрочнее.

Следует учитывать, что один и тот же материал, в зависимости от места и времени, мог быть и дорогим и дешевым и, следовательно, характеризовать либо кулацкие, либо середняцко-бедняцкие постройки. Так, в более северных районах лесной полосы настоящий тес (колотый) являлся материалом, доступным для всех слоев крестьянства. В более южных районах лесной полосы такую же роль играла дрань, упоминаемая для подмосковных районов уже несколько столетий назад и сменившаяся на середняцких избах пиленым тесом со времени распространения продольных пил. По мере вырубки лесов и удорожания древесины, тес

[1] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 54—57.

и дрань на крышах в середняцко-бедняцких хозяйствах постепенно заменялись соломой, и тесовые кровли начали становиться уже показателем зажиточности хозяина; можно проследить, как соломенные кровли в пределах лесной полосы с годами постепенно продвигаются на Север.

Иначе обстоит дело на Юге, в полосе лесостепи и степи. Здесь солома была единственным кровельным материалом и в великорусских и в украинских областях, и для дореволюционного времени показателем бедности крестьянского хозяйства в черноземной полосе было не наличие соломенной крыши, а, скорее, наоборот — отсутствие на дворовых покрытиях к весне соломы, скормленной скоту за нехваткой другого корма.

ОКОННЫЕ И ДВЕРНЫЕ ПРОЕМЫ

Окно как смотровое и световое отверстие в стене жилья имеет свою долгую историю. Уже в моделях трипольских жилищ мы видим небольшое круглое отверстие в верхней части стены, несомненно являвшееся световым, а, может быть, одновременно и дымовым отверстием. Следы окна, находившегося на уровне поверхности земли, обнаружены в полуземлянках Боршевского городища. Для современных жилищ — землянок (полуземлянок) временного типа характерно наличие небольшого окошечка на уровне земли.

Повидимому и крохотное оконце, прорезаемое в украинских хатах высоко над печью (небольшое отверстие в стене, в которое вмазано стеклышко, даже без рамы), можно рассматривать как пережиток того времени, когда мазанка лишь немного поднималась над уровнем земли, так как нижняя ее часть была подземной.

Для старого срубного жилища восточных славян характерны небольшие волоковые оконца; они прорубались в двух соседних бревнах в половину толщины каждого бревна и изнутри задвигались («заволакивались») деревянным щитком — *волоком,* ходящим по горизонтальным прибойкам [1]. В настоящее время волоковые окна можно встретить в старых банях, в подвальных помещениях, в скотных дворах — это так называемые *про́духи, ве́треницы* [2].

Уже в глубокую старину для пропускания света в оконце вставлялась рамка, затянутая *пузырем* или *брюховицей* (т. е. бычьим мочевым пузырем или пленкой, снятой с брюшины животного). В древней Руси (повидимому, преимущественно в городах) встречались также *паюсные (паисные)* окна, затянутые рыбьим пузырем [3]. Для той же цели употреблялся кусок промасленного холста, тонкая дощечка из смолистого дерева, а иногда и просто пластины речного льда.

В центральных великорусских районах (и на Севере) по фасаду избы прорубали три волоковых окна, из которых среднее располагалось выше других и служило для выхода дыма из жилища, топившегося по-черному.

---

[1] Помимо упоминавшихся выше рисунков А. Мейерберга и А. Олеария XVII в., любопытные изображения волоковых окон с выглядывающими из них горожанами можно видеть на зарисовках уличных сценок в Москве (битье батогами, наказание кнутом), сделанных шведским военным инженером Пальмквистом, участником шведского посольства в Россию 1673—1674 гг. (E. Palmquist. Någre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren of Muscou... Anno 1674. Stockholm [фототипическое изд., 1898]).

[2] Изображения сохранившихся еще до наших дней волоковых окон в старых избах см. Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 157; И. М. Бибикова, Н. А. Ковальчук. Указ. соч., рис. 44—46; Н. А. Ковальчук. Указ. соч., табл. 34.

[3] Па́юс — прозрачная мешкообразная оболочка, в которой лежит икра в рыбе. (В. Даль. Толковый словарь, т. 3, стр. 23; Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка, т. 3. М., 1939, стр. 75).

Это отверстие носило название *дымоволок*; пережиток его (и по назначению и по названию) сохраняется еще в черных банях Севера.

Довольно рано, насколько можно судить по старинным изображениям (не позже XVII в.), среднее волоковое окно стали заменять красным, или косящатым [1], окном (можно предположить, что одновременно дым стали выпускать в сени через дымоволок в потолке или в задней стене избы, а из-под крыши сеней он выводился наружу через длинную деревянную трубу — *ды́мник*, или *ды́мницу*).

Для косящатого окна в проем в стене закладывалась массивная *колода*, срубленная из четырех обтесанных брусьев: верхний — *вершни́к*, или *при́толока*, по бокам два стоевых косяка, или стояка, внизу — подоконная подушка; сверх последней укладывали подоконник (также *подоко́нок*, *подоко́нье*, *подоко́нница*, *подлоко́тник*) — толстую доску, выступающую наружу и внутрь жилища [2]. Под подоконник клали скалу (бересту), для предохранения подушки от сырости гниения. В колоду вставляли *оконницу* (раму), переплет которой был заполнен *око́нчинами*; в богатых домах древней Руси окончины были слюдяные или паюсные.

Вначале в избе только среднее из окон по фасаду делалось косящатым; еще в первой четверти XX в. можно было в глухих углах русского Севера видеть кое-где старинные избушки, в которых лишь среднее окно по фасаду было обычным, косящатым, а окна по бокам его оставались волоковыми (рис. 16, *1*).

Первые красные окна были невелики, в два-три венца высотой, квадратные или почти квадратные; такая форма кое-где еще уцелела в старых избах.

Большую редкость в наши дни представляют древние слюдяные оконца с узорным железным переплетом, сохраняющиеся от глубокой старины в старых церквах и избах (рис. 16, *2*) [3]. Основу переплета составляли перекрещивающиеся железные прутья, образующие разные геометрические фигуры. Окно называлось *образчатое*, если для ячеек переплета нужны были четырехугольные кусочки слюды, *репьястое*, если округлые очертания ячеек напоминали розетки («репей»). Мелкие кусочки слюды сшивались нитками (в старинных северных документах часто упоминаются слюдяные окончины «нитми шитые»). Являясь покупным материалом, слюда редко встречалась в деревнях. Исключение составляли местности, близкие к месторождениям слюды; это главным образом русский Север, затем Прикамье и Приуралье и отдельные районы Восточной Сибири (Енисейская, Иркутская губ. и Забайкалье, где прежде были слюдяные ломки, например, Слюдяная гора на юго-западном побережье Байкала, р. Слюдянка в Нерчинском округе и др.) [4].

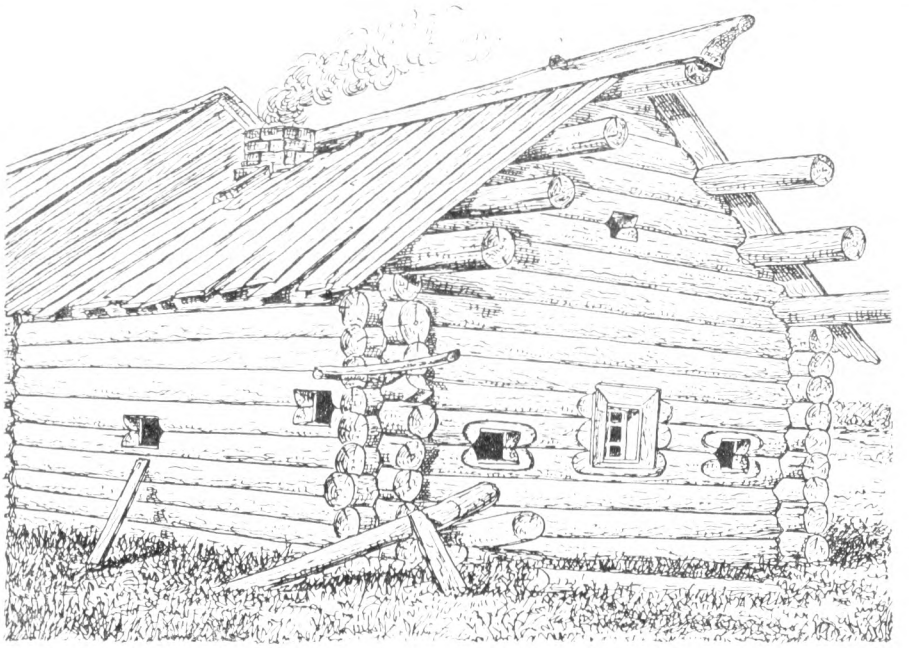
---

[1] От слова «косяк»: окно, обрамленное косяками.

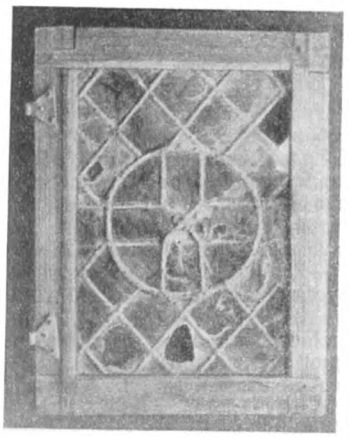
[2] Существовало старинное выражение «обоконить избу» — прорубить окна и врубить «обоконье», «обоконку», «обоконник», т. е. косяки (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 629).

[3] См. также И. И. Серебренников. Памятники старинного деревянного зодчества Иркутской губернии. Иркутск, 1915, рис. 17, 20—22.

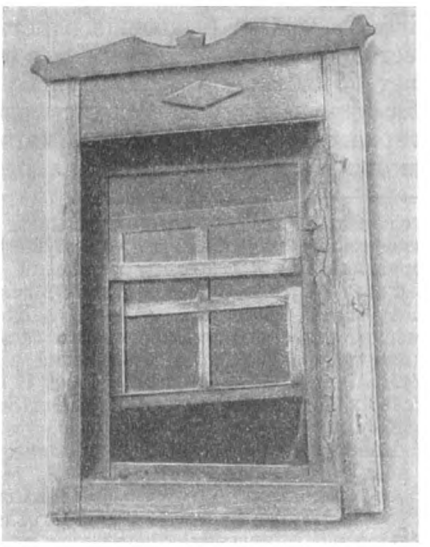
[4] В XVI—XVII вв. Московская Русь («Московия») была главным поставщиком слюды на европейском рынке, откуда и вошедшее в минералогию из торгового обихода название светлой слюды — «мусковит» (в то время русских называли «московитами»). В сочинении И. Ф. Кильбургера, участника упоминавшегося шведского посольства 1673—1674 гг., слюда стоит в списке товаров, «которые Россия имеет в таком изобилии, что снабжает ими другие государства», и указывается, что «слюда добывается между Архангельском и морским берегом у Вайгача на морском выступе и открывается в утесистых высоких горах» (Б. К. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 104). О добывании «оконнич-



1



2



3

Рис. 16. Старинные окна великорусских изб

1 — старинная изба с одним красным (косящатым) и остальными волоковыми окнами (с. Спас-Варака, Карелия); *2* — слюдяное оконце (Приозерный район Архангельской обл.); *3* — подъемное окно в старой избе (с. Рассошки Урывского района Воронежской обл.)

Оконное стекло вошло в употребление прежде всего в Новгороде, куда оно доставлялось коробками из-за границы еще во времена торговли с Ганзейским союзом [1]; известно из летописи, что в 1259 г. «римские стекла» были в холмской церкви св. Иоанна: «Окна три украшена стеклы римьскими» [2]. Привозилось листовое стекло из Ливонии и Украины [3]. С конца XVI в. стекло стало поступать от английских купцов через Архангельск в Москву (в северных народных песнях стекло часто называется «аглицьким»). Как большая редкость, появилось оно в теремах знатнейших бояр, причем сначала небольшими кусочками вставлялось в свинцовые переплеты окон.

Собственное производство листового оконного стекла появилось в России лишь при царе Михаиле Федоровиче в 1635 г. [4] и после некоторого упадка начало снова развиваться при Петре I с первых же лет XVIII в.

Во второй половине XVII в. косящатые окна со стеклами стали делать у себя в домах москвичи среднего достатка: к концу века это перестало быть диковинкой в Москве, а с начала XVIII в. уже широко применялось и в Петербурге, и в провинциальных русских городах, и в помещичьих усадьбах.

С распространением оконного стекла в городе и усадьбе, оно начало понемногу проникать и в деревню, войдя в широкое употребление среди крестьян не ранее начала XIX в. [5]

Иными путями распространялось стекло на Украине. Здесь рано вошли в употребление в качестве оконного стекла привозимые с Запада небольшие толстые, почти непрозрачные зеленые кружки. Об этих зеленых круглых, «як тарилочки», окнах неизменно говорят писатели и путешественники по Украине XVIII — начала XIX в. Мы находим описание их в записках проезжего врача-иностранца фон Гунна [6]. В середине XIX в. их можно было еще видеть в старинных хатах запорожского казачества, уцелевших после разгрома Сечи в 1770-х годах [7]. Н. В. Гоголь пишет об окнах в хате Тараса Бульбы: «Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, которые встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло».

ной слюды» на севере России и о вывозе ее в другие страны на запад и восток пишут многие иностранцы, отмечая преимущества слюды (бо́льшую прозрачность и др.), по сравнению со стеклом того времени (см. Б. К. Курц. Указ. соч., стр. 284—285; Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. Изд. 2, СПб., 1889, стр. 230—231). Даже в середине XIX в. в русских колониях в Америке широко пользовались для оконных рам слюдой (см. Л. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная в 1842, 1843 и 1844 годах. СПб., ч. I, 1847, стр. 164; ч. II, 1848, стр. 77—78. См. также «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке, 1842—1844 гг.». М., 1956).

[1] Известно, что Иван IV выписывал в 1556 г. из Новгорода оконные стекла разных цветов (Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 334).

[2] Цит. по кн. Н. Аристов. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866, стр. 110.

[3] Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства, стр. 258.

[4] О первых русских стекольных заводах под Москвой и их работе в XVII в. см. Б. К. Курц. Указ. соч., стр. 118—119, 323—325.

[5] В изданных карманных записных книжках Н. В. Гоголя, в разделе о крестьянском жилище, записано: «В окна вставляются слюдяные, стеклянные, холщевые, вымазанные древесною смолой, иногда же бумажные, а зимою для теплоты брюшинные оконницы» (Полн. собр. соч., т. IX, 1952, стр. 433).

[6] О. Гунн. Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию в октябре 1805 г. М., 1806, стр. 42.

[7] Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, т. 1. Изд. 2. М., 1900, стр. 201.

Об этих окнах в старых церквах говорит Т. Г. Шевченко в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали»: «Солнце вступило в свои права, и свет огня бледнел, как трус, в круглых оболонках темной старинной церкви... Солнечные лучи трепетали розовым огнем на ее круглых оболонках...» [1].

Таким образом, к началу XIX в. стекло вошло во всеобщее употребление в русской и украинской деревне. Сначала делали подъемные окна в два стекла [2], затем — как редкость — начали появляться удвоенные окна («на чотырі шибки», как говорили на Украине, например на Полтавщине). В своем офорте «Судна рада» Т. Г. Шевченко запечатлел хату с окном переходного типа, в котором из четырех стекол сохранились еще два старинных круглых стеклышка [3]. Исключение составляла Восточная Сибирь, что объяснялось отдаленностью ее от фабрично-заводских районов. Здесь еще в середине XIX в. употребляли для окон преимущественно брюшину, холстину и слюду, и лишь в 1850-х годах слюда постепенно сделалась дороже стекла и начала выходить из употребления [4].

Распашные, или *растворные,* окна, т. е. с деревянными рамами на металлических петлях, появились в деревне сравнительно недавно [5], в старину же рамы либо вставлялись наглухо (в Сибири это и сейчас нередко делается), либо для открывания обходились без петель: рама состояла из двух половинок — наглухо закрепленной верхней и подвижной нижней, которая по специальным боковым пазам поднималась вверх и поддерживалась в таком положении короткой палочкой [6] (рис. 16, *3*). Кроме подъемных рам, устраивались и задвижные, сдвигавшиеся вбок по горизонтальным пазам.

Двойные рамы до последнего времени в деревне не применялись; поэтому, во избежание сильного охлаждения, зимой окна закрывались снаружи соломенными матами (укр. *матка),* часть их на день снималась или поднималась; обычай закрывать окна, а иногда и стены, на зиму соломой («припелёживание», «опелёживание») был известен у всех трех восточнославянских групп.

До сих пор оконный переплет в старых избах состоит большей частью из четырех или шести одинаковых окончин, или звеньев, в зависимости от величины окна. Иногда два нижних звена делаются ниже остальных

---

[1] Т. Г. Шевченко. Повести. Киев, 1952, стр. 457. Оболóнка в западных русских районах означала окончину, облонóк — кружок, диск. (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 613).

[2] Изображение таких окон в украинской хате см. И. Грабарь. Серов и Репин (Поездка в Запорожье, 1880 г.). «Ежегодник Института истории искусств». М., 1952, стр. 10 и 11 (Зарисовки И. Е. Репиным и В. А. Серовым внутреннего вида старинной хаты в Грушевке).

[3] Репродукция этого рисунка приведена в кн. «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1953, стр. 457. Вообще можно указать ряд рисунков Т. Г. Шевченко, изображающих крестьянское жилище, как-то: «Хата Шевченко», «Вдовина хата», «Хата с клуней» и др.

[4] «Быт крестьянина Восточной Сибири». «Журнал Министерства внутренних дел», т. XXXIV, отд. III, февраль, 1859, стр. 32. В 1870 г. инспектор иркутской врачебной управы доктор медицины Н. И. Кашин писал о крестьянских жилищах Иркутской губ.: «Для окон в домах обыкновенно служит слюда, брюшина и в весьма редких домах можно встретить окна из стекла, что составляет уже особенную роскошь и указывает на безбедность хозяина» («Медико-топографический сборник». СПб., 1870, стр. 261)

[5] «Где окошки растворные, там богатые живут»,— так пелось в частушке на Ярославщине еще в 1920-х годах.

[6] См. в стихотворении А. С. Пушкина «Утопленник»: «И ленивою рукою подымает он окно». Или у Н. В. Гоголя в повести «Ночь перед рождеством»: «Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи... высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога» (Полн. собр. соч., т. I, 1940, стр. 220).

из хозяйственных соображений, так как их часто разбивают сидящие на окне маленькие дети. Но наряду с этим уже в конце XIX в. можно было видеть в русской деревне оконные переплеты новейшего рисунка, с цельной верхней фрамугой.

Для стока воды при оттаивании окон зимой в подоконнике делался *порожек* — гребень или желобочек; для той же цели, при наличии зимней рамы, к ее нижней части прибивали небольшой желобок — *корытце*.

Число окон и размеры их в крестьянском жилище очень разнообразны: для великорусских изб Севера и средней полосы наиболее обычно наличие трех окон по торцовому [1] фасаду односрубной избы: «переднее» — у красного угла, «середнее», или «красное», и третье «судное», приходившееся против печи и угла стряпухи. У сибиряков очень часты старинные двухоконные избы; можно даже встретить старинные постройки с одним окном на главном фасаде. То же наблюдается и в белорусском жилище и в старых жилищах западных великорусских областей (Псковщина, Смоленщина).

Украинская хата обычно имеет два окна по главному фасаду (длинной стороне всей постройки) и одно — на узкой стороне хаты. При этом на Украине долго сохранялся обычай ставить окна различных размеров: окна, освещающие передний угол (*пóкуття*) — *покутное* на фасаде и *причíльне* на узкой стороне — делались больше, чем окно главного фасада, приходящееся против устья печи; небольшим было и окно *припíльне*, выходящее на задний фасад хаты.

С распространением пилы массивные колоды, вставлявшиеся в оконные проемы, сменились легкими оконными коробками (укр. *лутка*), сбитыми из пиленых досок. Возникла необходимость заделывать щели между оконной коробкой и стеной. Для этой цели внутри избы стали делать над коробкой небольшой карниз — *бровку*. Снаружи же сперва появилась верхняя карнизная доска, а потом и целый наличник; первоначально наличник представлял собой гладкую обкладку без всяких украшений. Мало-помалу наличники становятся главным украшением избы (см. главу XIII «Украшения на крестьянских постройках»). Постепенно выработался тип наличника со ставнями, которые, повидимому, первоначально вставлялись в окна [2] и лишь позднее стали навешиваться снаружи на металлических петлях. Более примитивный вид — гладкая одностворчатая ставня (ставень), навешенная на петлях с одной стороны окна; поздняя форма, возникшая не без влияния города,— двустворчатые ставни, из двух-трех филенок, соединенных общей обвязкой, укрепленные на петлях по обеим сторонам окна; двустворчатые ставни часто представляют чисто декоративный элемент, утративший свое утилитарное значение.

Одностворчатые ставни сохраняются до сих пор в жилище некоторых областей черноземной полосы (Орловской, Курской и др.), в Белоруссии (*окéйница*, *оканнíца*) и на Украине (*вікóнниця*) [3]; двустворчатые ставни столярной работы, с филенками характерны преимущественно для жилищ лесной полосы и Сибири. При нечетном числе окон по фасаду (три, пять) иногда среднее окно делали с двухстворчатыми ставнями, а боковые — с одностворчатыми, раскрывающимися симметрично в противоположные стороны.

[1] От слова «торец» в значении — узкая (как бы поперечная) стена дома.

[2] Ср. сохранившиеся в говорах «вставень»; в Восточной Сибири (Якутская АССР) еще недавно — небольшую оконную раму со вставленной в нее слюдяной окончиной называли «ставень».

[3] В великорусских говорах для обозначения ставней известны термины «скрывни», «створы», «створки», «дверцы», «дверки», «обоконки».

В XX в. ставни в северной половине страны становятся, повидимому, уже отмирающим явлением. Но в местах с жарким и сухим климатом, как, например, на юге, в Среднем и Нижнем Поволжье и Заволжье, ставни являются совершенно необходимой принадлежностью, защищая от дневной жары и от слишком сильного освещения.

Проемы для дверей (как и для окон) делаются двумя способами. В старину в уже собранном срубе выпиливали (а прежде прорубали) проем нужной высоты и ширины (получавшиеся при этом «вырубы» использовались при устройстве неподвижного наряда избы в качестве *подлавников*, т. е. ножек, подпорок под лавки). В настоящее время этот способ почти не употребляется и для проемов оставляют соответствующие отверстия при сборке сруба. Более экономный в смысле затраты строительного леса, последний прием требует большего искусства плотников и более точного расчета при насаживании коротких бревен и возведении простенков между окнами. Короткие бревна скрепляются между собою штырями (деревянными шипами): штыри вбивают в углубления, высверленные «пёркой» в нижнем бревне, и на них насаживают верхнее бревно. Обрамление двери состоит из двух косяков (в Архангельской обл.— *ободверина*), порога и притолоки (общее название всего обрамления двери у белорусов — *ушак,* у украинцев — *одвірок*).

Повсеместно для крестьянского жилища восточных славян характерна низкая одностворчатая дверь, широкое полотнище которой сколочено из нескольких гладких досок, и высокий порог. Чтобы в избе было просторнее, а также чтобы в случае пожара можно было быстрее выбежать вон, эта дверь открывается всегда из избы в сени; но наружная дверь, ведущая с крыльца в сени, открывается внутрь.

В очень старых постройках уцелели, как большая редкость, двери, не навешенные на покупные металлические петли; такая дверь вверху и внизу имеет по деревянному шипу *(пятни́к, пя́тка);* шипы вращаются в *подпя́тниках,* гнездах, выдолбленных в притолоке и пороге; «отворить дверь на пяту» — означало распахнуть настежь.

В старинных хатах Украины устраивались двери, верхние углы которых были срезаны, так что дверь получала неправильную шестиугольную форму (*шестикутня двірь*); для этого косяки — *одвірки* рубили с особыми боковыми вставками, придающими иногда притолоке и двери закругленную форму [1]. Теперь почти везде на Украине навешивают двери на петлях (*завіса*), а в старину они также делались на *бигунах* (бігу́н — ось, на которой ходит дверь).

В домах зажиточных крестьян можно было видеть на дверях железные кольца — ручки, иногда с завитками, насечками и другими нехитрыми украшениями работы деревенского кузнеца [2]. Обычно же для открывания врезывают деревянные ручки или прибивают простые скобы.

С входной дверью связаны были в старину некоторые обряды и приметы. Молодая, входя после венца в дом мужа, старалась ухватиться за косяк, чтобы ей было легче жить в новой семье. Нельзя было, по поверью, здороваться через порог — во избежание ссоры. У белорусов вынимали ушак, когда в доме лежал покойник, при трудных родах и т. д.

---

[1] См. Ф. Волков. Указ. соч., рис. 11; П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис 88; его же. Дерев'яне зодчество України. М., 1941, рис. 63—67.

[2] Изображения дверных колец см. в работах: В. Воронов. Крестьянское искусство. М., [б г.], рис. 53; Б. А. Колчин. Указ. соч., рис. 145; Д. В. Прокопьев. Художественные промысла Горьковской области. Горький, 1939, стр. 199. Дверные кольца попадаются в раскопках древнерусских городов домонгольского периода.

КРЫЛЬЦА, ГАЛЕРЕИ, БАЛКОНЫ

Характерной принадлежностью великорусского жилища является крыльцо (в некоторых говорах «крыле́ц», «крыльчик»), устраиваемое перед наружной дверью, ведущей в сени [1].

Так как при типичном для северно-великорусов перпендикулярном положении всей постройки по отношению к улице входная дверь в сени выходит на боковой фасад, то и крыльцо здесь — боковая пристройка. Исключение представляет собой лишь крыльцо, ведущее в сени у связи из двух изб, так как связь и у северно-великорусов часто ставится вдоль улицы. Наоборот, в южновеликорусских районах, при планировке всей постройки параллельно улице, крыльцо перед дверью в сени располагается всегда со стороны переднего фасада, выходящего на улицу.

Типы устройства крылец очень различны (рис. 17). Простейшее из них — крыльцо в виде небольшой дощатой площадки перед входной дверью с одной-двумя ступенями; следующее по сложности — крыльцо с лестницей; оба эти типа бывают открытыми и крытыми, с односкатным навесом или двускатной крышей. Крытые крыльца могут быть открыты с боков, имея лишь столбики-колонки, поддерживающие крышу, и перила [2]. Крыльца могут быть также зашиты частично, или их делают совершенно глухими, т. е. зашивают досками (в северной и средней полосе европейской части СССР) или рублеными из бревен [3] (в северной части Молотовской обл., в Западной Сибири, в различных районах Алтая); такое устройство крыльца особенно способствует сохранению тепла в сенях. Наиболее сложны крыльца с лестницей и двумя *рундуками* [4], т. е. с нижней и верхней площадками: эти крыльца всегда делаются крытыми, для защиты всей пристройки от дождя. На верхней площадке большей частью устраивают проемы — окна (в Западной Сибири решетчатое окно крыльца называется «смотрильным»).

Простое крылечко первого типа характерно преимущественно для поземных южновеликорусских построек, реже оно встречается в средневеликорусских постройках; на Севере, при наличии избы на высоком подклете, оно сочетается с внутренней лестницей в сенях.

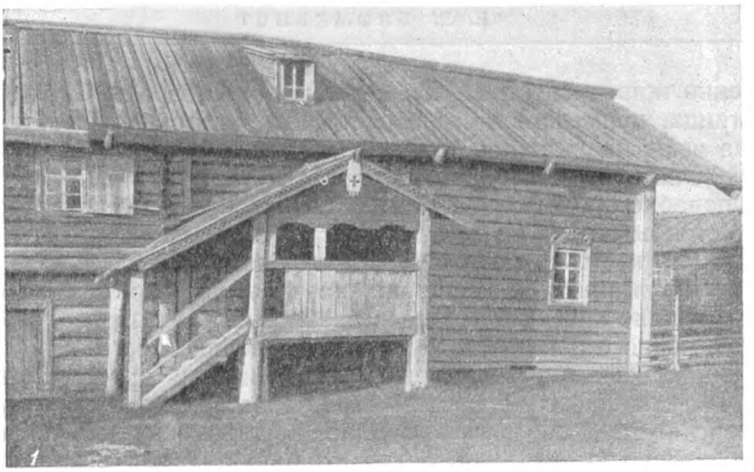
---

[1] Появление крыльца в русском зодчестве относится к глубокой древности: крыльцо упоминается уже в Начальной летописи — в сказании об убиении в Киеве варягов-христиан Феодора и Иоанна.

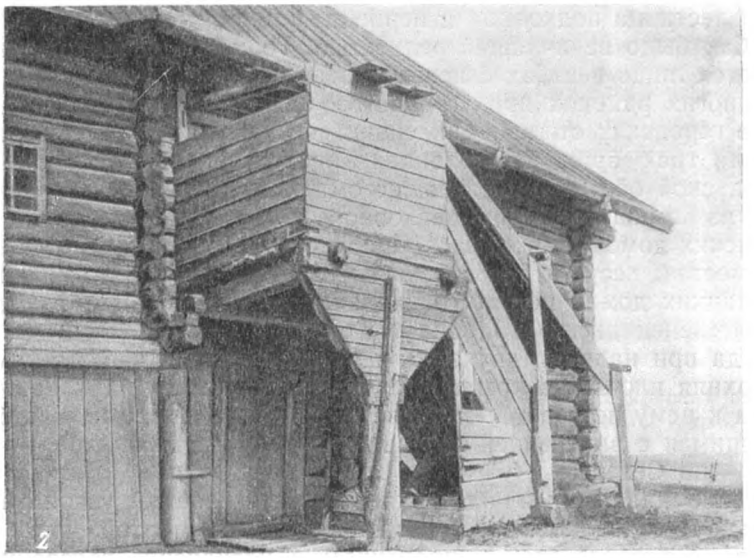
[2] «Перильчатое», или «перёное», крылечко. (В. Даль. Толковый словарь, т. 3, стр. 101).

[3] О рубленых крыльцах см. М. Е. Успенская. Деревянное зодчество коми-пермяков. «Научные труды Ленинградского Инженерно-строительного института», вып. 10. Л., 1950, стр. 88 и 91 (фото).

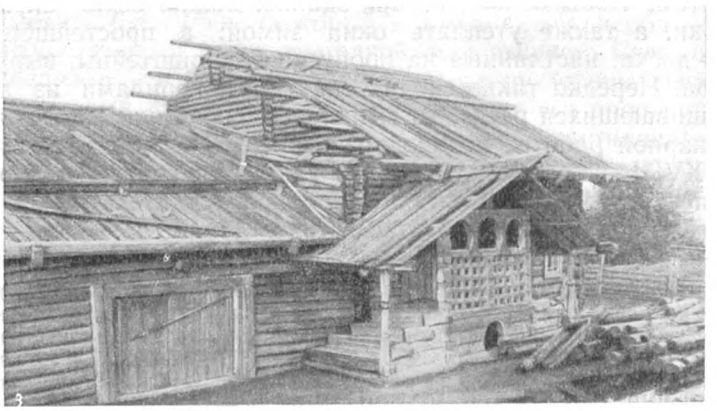
[4] «Рундук» — широко распространенный у великорусов и украинцев термин, обозначающий помост с приступками, ларь с крышкой. У украинцев этим словом обозначают издавна площадку крыльца. Например: «Княгиня зійшла з рундука на зустріч гостям». (П. А. Куліш. Чорна Рада. Хроніка 1663 року. СПб., 1857, стр. 211); «Його мати старая на рундуку стояла, все плакала, ридала» («Труды Этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собр. П. П. Чубинским», т. V. СПб., 1872—1878, стр. 980). Повидимому, этот термин заимствован из татарского языка; по крайней мере, деревянные нары, представляющие широкий дощатый помост во всю стену с помещением под ним для хранения домашних вещей, носящий название «урындык», известен у касимовских татар, у мишарей, у башкир, у казахов. Слово «рундук» легко объясняется из тюркских языков: «урын», «орун» — место (точнее — возвышенное место для сидения), «дык» — суффикс (Б. А. Куфтин. Татары касимовские и татары мишари Центрально-Промышленной области. В кн. «Культура и быт населения ЦПО». М., 1929, стр. 143; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 234 и рис. 180, 185, 191, 197, 200, 208).



1



2



3

Рис. 17. Крыльца в севернорусском жилище

1—крыльцо на столбах, с одним всходом, украшенное резьбой (дер. Верхняя Уфтюга Вологодской губ.); *2*— глухое крыльцо, зашитое тесом, «на одном столбу», с одним крытым всходом (г. Пинега-Овраг Архангельской губ.); *3*—двухсходное крыльцо на рубленом основании, с арочками и решетчатыми перилами (дер. Митинская Вологодской губ.)

Особенно живописны те крытые крылечки Севера и Сибири, в которых лестница, примыкая к стене постройки, круто поднимается на уровень пола избы на высоком подклете или даже непосредственно на второй этаж. Опорой для верхнего рундука служат или выпуски бревен из стены наподобие кронштейнов (так называемое на Севере вислое крыльцо), или столбы-стойки (один, два или четыре), или отдельный сруб. Великорусские крыльца разнообразны и декоративны. Обычно опорные столбы не несут никаких украшений, а резьбой покрываются столбики, поддерживающие крышу крыльца и свес крыши. Крыльца устраиваются преимущественно вдоль южного бокового фасада избы [1].

Крыльца северного типа с крытыми наружными крутыми лестницами широко применялись в церковном строительстве и в архитектуре боярских и царских теремов; но, в отличие от крестьянских изб, там они представляли обычно симметричную композицию с двумя всходами, поднимающимися к верхнему рундуку с обеих сторон вдоль стены; иногда длинная лестница подходила и перпендикулярно к стене, что в крестьянских избах было величайшей редкостью. Торцовое расположение всхода встречается лишь в избах с невысоким подклетом.

Во многих районах при устройстве крылец сказалось сильное воздействие городских стилей. Так, например, крыльца с проемами в виде одной или трех арок на колонках, распространенные в Заонежье, в Архангельской обл. и на Алтае, несомненно, указывают на заимствование их из городской или церковной архитектуры. Многие крыльца крестьянских домов, например в Ярославской обл., Западной Сибири и в других местах, несут на себе некоторые черты русского ампира. В бывших кулацких домах подгородных районов можно видеть крылечки с широким «венециянским» (тройным) окном и т. д.

Иногда при наличии двухэтажной связи из двух изб с сенями посредине верхняя площадка крыльца превращается в род балкона, наружная лестница к нему исчезает и заменяется наружным входом под балконом, сочетающимся с внутренней лестницей в сенях. Это *балхóн* — на Алтае, *галерея* — на Севере.

Особенно живописный вид придает высокой избе род узкой г а л е р е й к и, или крутого балкона, опоясывающего стены жилой части дома на уровне пола второго этажа; практическое назначение галерейки заключается в том, чтобы обходя по ней здание, можно было закрывать оконные ставни, а также утеплять окна зимой; в простейшем виде это *сходни* — доски, настланные на пропуски — кронштейны, выпущенные из стен сруба. Нередко такие сходни снабжены перилами из *крестовулин* (перекрещивающихся реек), из выпильных досок или из «балясок» — колонок токарной работы, появившихся в деревне под влиянием города в конце XVIII — начале XIX в. Это уже «балахон», «галдарея», встречающаяся на больших домах старинной архитектуры в Заонежье, в Архангельской обл., на Алтае [2] (рис. 18). Эта деталь наружного

[1] Большой иллюстративный материал по крыльцам различного типа см. С. З а б е л л о и др. Указ. соч., рис. 15, 28, 40—48; Е. А щ е п к о в. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 206—221; е г о ж е. Русское народное зодчество в Восточной Сибири, рис. 167—195; Р. М. Г а б е. Указ. соч., рис. 174—184; М. К р а с о в с к и й. Указ. соч., рис. 38—46; А. А. Б о б р и н с к и й. Народные русские деревянные изделия, вып. IV. М., 1910, табл. 53, вып. VII, 1912, табл. 90—92.

[2] Изображения круговых балконов — галерей см. С. З а б е л л о и др. Указ. соч., рис. 70, 74, 80; Е. Э. Б л о м к в и с т. Постройки бухтарминских старообрядцев. В кн. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, рис. 11—13. Архитектор К. К. Романов в своей работе «Жилище в районе реки Пинеги» (стр. 24) описывает дом с круговым «балахоном» постройки 1845 г.

убранства избы восходит к традициям древнерусского деревянного зодчества: подобные галерейки — *гульбища* [1] устраивались, например, вокруг теремов на боярских хоромах.

Обводная галерейка устраивалась в старину и на богатых избах донских казаков. У них, на затопляемых весной берегах среднего и нижнего Дона, дома устраивались на высоких подвалах, что вызывало необходимость устройства *ступениц* (лестниц), ведущих к крылечкам, переходящим в галерейки. Эти галерейки охватывают дом с трех сторон на уровне жилого этажа. Они поддерживаются кронштейнами из выпускных бревен

Рис. 18. Двухэтажная связь с балконом и обводной галереей; двухъярусный двор на столбах впритык примыкает сзади (погост Великая Губа Петрозаводского уезда, Карелия)

или столбами-сваями и подходят под свесы соломенной крыши, или же имеют особый навес, представляющий продолжение тесовой кровли дома и поддерживаемый резными столбиками [2].

Из деталей, оживляющих гладь бревенчатой стены северных изб, следует отметить б а л к о н (который в Архангельской обл. называется *выход*), расположенный перед светелкой, или вышкой. Светелку устраивают над *передом* — избой, выходящей на улицу (стены вышки врубаются в бревенчатый фронтон и тем увеличивают его прочность, или, по терминологии архитекторов, жесткость). Балкон настилается на пропуски — кронштейны, которыми служат выпущенные концы нижних бревен боковых стен вышки. Выходы очень разнообразны по конструкции, украшаются резьбой и росписью [3].

Конструктивные детали (балконы, галереи и пр.), оживляющие бревенчатый сруб, совершенно отсутствуют в белорусском жилище.

[1] Термин «гульбище» для балкона сохранялся в начале XX в. еще кое-где, например в Карелии (б. Петрозаводский и Повенецкий уезды), в Костромской обл. (б. Солигаличский уезд).

[2] Изображение донских изб см. М. К р а с о в с к и й. Указ. соч., рис. 6 (по В. Суслову; оба типа).

[3] Изображение разнообразных северных выходов см. С. З а б е л л о и др. Указ. соч., рис. 16—18, 21, 23, 34, 31—35, 70—73, 78; Р. М. Г а б е. Указ. соч., рис. 15, 22; 69; 70, 96, 123, 125, 135—145.

В большинстве случаев в нем нет и крыльца. Вместо этого иногда на землю перед входом кладут плоский камень или старый жернов, широкий брус или одну-две плахи, в северных районах (например, в Витебщине) пристраивают к входной двери небольшой деревянный *помостик, помосток*; в Минской, Могилевской и других областях устраивается в некоторых домах незатейливое крылечко, носящее название *га́нок, га́ныk*. Название это проникло в Белоруссию и Украину из польского языка, в котором оно заимствовано от немецкого Gang.

В противоположность белорусским постройкам, для украинских жилищ многих районов характерно наличие крыльца (называемого также *га́нок*, или *га́нка*), или, точнее, легкой галерейки или крытой террасы, примыкающей к передней, а иногда и к боковым стенам хаты.

Галерейка-ганок образуется большим выносом соломенной крыши, который по переднему фасаду хаты опирается на деревянные столбики, а на боковых стенах поддерживается кониками — кронштейнами, выпускаемыми из верхней обвязки хаты-мазанки (например, в Полтавщине, Харьковщине). Если хата поземная, то столбики врубают в нижний брус, утопленный в грунте вровень с поверхностью земли; если уровень пола хаты выше поверхности земли, то нижний брус укладывают на стулья (обрубки бревен), галерею мостят досками и устраивают к ней деревянную лесенку.

Поверх столбиков, между ними и свесом крыши, кладут верхнюю обвязку в два-три яруса; столбики обычно гладкие, слегка отделывается лишь их верхняя часть; между нею и нижним брусом обвязки иногда помещают прокладку из доски, наподобие примитивной капители [1].

В карпатских хатах ганок почти всегда поддерживается резными столбиками и с пола до середины бывает закрыт.

Наружные крытые галереи, опоясывающие здание кругом, характерны и для церковного деревянного зодчества восточных славян. Это так называемый *нищевник* (от слова «нищий», так как здесь обычно собирались нищие, ожидающие подаяния) старых деревянных церквей русского Севера (преимущественно высоких шатровых) и *опаса́ння* (в значении «опоясывающий», «пояс») в деревянных церквах Украины, главным образом в Правобережной. По технике устройства нищевник и опасання являются формой, однородной с донскими галерейками; низ покоится на деревянных пропусках, выпускаемых из стен здания, или реже на опорных столбах. Такая крытая галерея служит для предохранения низа здания от дождевой воды и для того, чтобы не вмещающиеся в храме или ожидающие начала богослужения прихожане могли укрываться от дождя и солнца.

Опасання южнорусских и прикарпатских церквей и нищевники северных храмов достигают большого разнообразия и придают живописность памятникам древнего деревянного зодчества. Эта архитектурная деталь подтверждает общность архитектурных и плотничьих приемов строительного искусства у всех восточных славян [2].

Интересно отметить, что произведенная польскими исследователями реконструкция контыны (древнего языческого храма поморских славян) во многих деталях напоминает старинные украинские деревянные церк-

---

[1] Фото и чертежи ганка у украинских хат см. П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, 1941, рис. 80—85.

[2] См. фотографии в кн. М. Драган. Українські деревляні церкви, ч. 2. Львів. 1937; М. Красовский. Указ. соч.

ви [1]. К близким выводам о характере древних культовых сооружений восточных славян пришел и советский исследователь Л. А. Динцес, сопоставив данные древних письменных источников, археологии и пережиточных форм народной архитектуры и изобразительного искусства [2].

Рассмотренные детали построек — крыльца, балконы, галереи — в их сложных формах могли сооружаться только специалистами плотниками довольно высокой квалификации; приглашать плотников для отделки изб могли только зажиточные середняки и кулаки, беднякам эти украшения были недоступны.

ОБРЯДЫ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ДОМА

С постройкой нового дома связано было в старину множество примет, обычаев и обрядов. Прежде всего, ряд примет и запретов был связан с самой рубкой деревьев. Так, например, на русском Севере существовало представление о «буйных деревьях», встречавшихся в хвойных лесах: если такое дерево попадет между другими бревнами в стены избы, то оно может без всякой особой причины обрушить все строение и обломками задавить хозяев насмерть. Даже щепка от «буйного дерева», положенная со зла лихим человеком под мельницу или под плотину, разрушает эти сооружения. Молния чаще всего ударяет в «буйные деревья» [3]. У белорусов сохранились смутные предания о «стояросовом дереве», выраставшем будто бы на лесных перекрестках, тоже губительном и опасном. У русских, как известно, выражение «дубина стоеросовая» давно уже превратилось в шуточно-бранное выражение [4].

Древнейшие поверья иногда выступают в комбинации с христианскими верованиями; например, деревья, выросшие на месте, где когда-то стояла церковь, считались неприкосновенными; их можно было употреблять только на постройку новой церкви или часовни; человека, срубившего и использовавшего подобное дерево в других целях, постигало несчастье — смерть его самого или кого-нибудь из его детей [5]. По поверью белорусов, нельзя было рубить дерево, которое скрипит, потому что в нем мучится человеческая душа; срубивший дерево заставлял душу искать новое пристанище, и с ним случалось какое-нибудь несчастье; кроме того, живущие в доме, где употреблено на постройку скрипучее дерево, будут беспричинно кашлять. Если использовано дерево с наростом, то у жильцов будут нарывы и колтуны; если сухостойное дерево — жильцы будут сохнуть от чахотки; если поваленное бурей дерево — строение будет разрушено бурей, и т. п.

Наиболее подходящим временем для рубки строительного леса считался период от зимнего Николы (6 декабря по ст. ст.) до сретения

---

[1] М. Красовский. Указ. соч., стр. 168—171 (с планом и внешним видом контыны). Существовало мнение, что слово «контына» связано со славянским корнем «конец»; на это указывает А. В. Арциховский в своей работе «Городские концы в Древней Руси» («Исторические записки», 16, 1945, стр. 13). В современном польском языке слово «gontyna» означает капище.

[2] Л. А. Динцес. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. СЭ, 1947, № 2.

[3] С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 287; Д. К. Зеленин. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937, стр. 41; его же. Тотемический культ деревьев у русских и у белоруссов. «Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук», 1933, № 8, стр. 596.

[4] Д. К. Зеленин. Тотемический культ деревьев у русских и белоруссов, стр. 596—597.

[5] Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903, стр. 202.

(2 февраля по ст. ст.), когда мерзлая древесина легко поддавалась топору. В пределах этого срока у белорусов предпочитали рубить деревья в новолуние или в первую половину лунного месяца, до полнолуния, и избегали производить рубку, когда месяц был на ущербе.

Большое значение имел выбор места для нового дома. Так, например, нельзя было ставить его на месте, где пролегала дорога, так как в этом случае хозяину, по поверью, грозила скорая смерть. Нельзя было начинать постройку в «тяжелые дни» — понедельник, среду, пятницу и в воскресенье; в эти же дни нельзя было и переходить в новый дом. Можно было все это делать только в «легкие дни», какими считались вторник, четверг и суббота. Хорошо начинать постройку, «когда наполняется месяц», т. е. после новолуния или под этот день.

Повсеместно был распространен обычай при закладке дома в углы окладного венца класть деньги, «чтобы богато жилось» в новой избе, причем в передний угол клали более крупную монету (например, в передний угол — серебряный рубль, в остальные — по двугривенному). Более древняя форма этого обычая отмечена кое-где у южных великорусов; чтобы было довольство в доме во всем, в передний угол клали монету, в остальные три угла — клочок шерсти, горстку зерна и кусок воску. В б. Владимирской губ. в переднем углу клали ладан, в другом углу, жернова́м (против печного устья),— деньги, в заднем углу у входа — шерсть, а в том, где ставится печь, не клали ничего, так как этот угол предназначался для помещения домового [1].

В течение всего времени сборки посреди сруба должно было стоять небольшое деревцо — елочка или березка, с иконкой на нем. Во все ответственные моменты постройки хозяева должны были угощать плотников: хозяин ставил водку, хозяйка варила пиво, стряпала сытный обед. Сговорившись насчет условий, пили «заручное». Самое большое угощение — «окладное», «обложейное», «закладочное» — устраивали после укладки первого венца; плотники пили, приговаривая: «Хозяевам добро здоровье, а дому доле стоять, пока не сгниет». Когда заготовленный сруб был перенесен и собран — опять пили, или «мшили», избу. Затем шло «матошное», или «матичное» угощение, после подъема наверх матицы, с приговором: «Чтобы матица не упала, не задавила хозяев». Нередко матицу втягивали наверх, привязав к ней веревками завернутые в вывороченный наизнанку полушубок [2] каравай хлеба и пирог. Когда матица была поднята, то один из плотников обходил избу по верхнему венцу, рассевая с пожеланиями поданные ему снизу хлебное зерно и хмель. Затем двое разрубали одновременно веревки, вследствие чего полушубок падал на пол. Тогда смотрели, упал ли хлеб верхней коркой кверху или вниз. Если кверху, то в доме будут рождаться мальчики, если хлеб при падании перевертывался нижней коркой вверх,— то девочки. В других местах считали, что в первом случае в новом доме будет удача, во втором — всякие беды и напасти. Если хлеб катился к дверям, то это предсказывало смерть хозяину дома. Известен и другой аналогичный обряд — к матице перед подъемом привязывали завернутую в полушубок бутылку с водкой (у бедных горшок с кашей), затем обрубали веревки и смот-

[1] Н. Добрынкин. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде. Ежегодник Владимирского Губ. Статистического Комитета, т. 1, вып. 1. Владимир, 1876, стр. 106.

[2] Бараний мех, овчина всегда были символом плодородия и всяческого изобилия; на овчину ставили молодых во время благословения (у великорусов); на покрытую овчиной дежу сажали невесту при обряде «посада» (у белорусов) и пр. (См. также настоящее издание, работу Г. С. Масловой).

рели, куда горлышком упала бутылка: если внутрь избы, то в ней будут жить богато, а если к двери, то житье будет бедное.

Когда в самый верхний венец, в подстропильные бревна, врубались стропила, то давалось «стропильное» угощение («Надо стропилам пятки обмыть, чтобы крыша плотнее стояла»,— приговаривали плотники). И, наконец, последнее, самое обильное угощение, называвшееся «замóчка» крыши, происходило перед покрытием крыши, «чтобы крыша не текла до скончания века». Чем лучше хозяин угостит плотников, тем «чище» будет их работа. На Севере было в обычае устраивать «саламатник» — торжественный семейный обед для плотников и родственников. Основными блюдами была саламата нескольких сортов — густая затируха из толокна или муки (гречневой, ячменной, овсяной), замешанная на сметане и заправленная топленым маслом, а также каша из поджаренной на масле крупы.

Существует много рассказов о том, как плотники, если хозяева их недостаточно ублаготворили, в отместку делали так, чтобы при ветре выло и стонало в избе; например, они вставляли в стену бутылочное горлышко, пищалку из тростника, дудочку из липового лубка и т. п.; или прилаживали под коньком длинный ящичек без передней стенки, набитый берестой, и в ветреную погоду слышался плач и вой, вздохи и вскрики. А то засовывали в пазы между венцами во мху щепочки, которые мешали плотной осадке бревен; в этих местах всегда продувало и промерзало и т. д. [1].

При переходе в новый дом также соблюдались некоторые обряды. Прежде чем переселиться в него, вносили туда кошку, и она должна была одна провести там ночь, так как существовало поверье — кто первым переселится в новый дом, тот скоро умрет [2]. Вещи можно было переносить и раньше. Самим к ночи переезжать, как считалось, не следовало, нужно было это делать рано утром, с рассветом или даже «до свету». Первым входил хозяин с квашней и иконой в руках, за ним — хозяйка с курицей, дальше шла молодежь. Счастливыми днями для новоселья считались двунадесятые праздники, в особенности введение во храм богоматери. Считалось удачей переселиться под полнолуние, чтобы жилось полнее. Краевед М. М. Зимин пишет: «Нередко мне самому приходилось слушать совет: «не переезжай на другу квартеру, окромя субботу и овторника, остальные дни тижелые и нещасливы, не уживеси с хозявами» [3].

Перебираясь на новое место, хозяева обязательно приносили дров из старой избы, «чтобы было теплее», захватывали с собой горшок с жаром (с углями из старой загнетки). К порогу приколачивали старую подкову или под порог вделывали старую железную косу, которая была почти незаметна, но каждый входящий в избу задевал ее ногой; это делалось, чтобы зараза не вошла в дом.

---

[1] См. С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 186—192. О том, насколько живучи еще эти обычаи у отдельных отсталых работников (а также у любителей выпить и закусить за чужой счет) см. корреспонденцию П. Иванова из Сталинградской обл.: У новоселов старого хутора. «Литературная газета», 4 июня 1955 г.

[2] В связи с распространенным поверьем, что вообще во вновь выстроенном доме кто-либо из живущих должен умереть, возник обычай не доводить постройку в какой-либо детали до конца: например, белорусы Гродненской обл. оставляли в новой хате хотя бы одну стенку или же крышу незаконченной; у украинцев оставляли небеленым место на потолке над иконами (см. Д. К. Зеленин. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов, гл. 3).

[3] М. М. Зимин. Ковернинский край. «Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края» вып. XVII. Кострома, 1920, стр. 82.

При переселении на новое место, по обычаю, «приглашали» перейти туда также домового и дворового, этих духов-покровителей восточнославянского жилища и двора. «Домовой! Домовой! Пойдем со мной!» .«Дом-домовой, пойдем со мной, веди и домовиху-госпожу — как умею награжу»,— заманивали домового хозяева. Или же хозяин становился перед воротами двора, кланялся три раза в разные стороны и выкликал: «Батюшка домовой и матушка домовая, батюшка дворовой и матушка дворовая, со всем семейством, пойдемте к нам на новое жилище, с нами жить!». При этом брали горсть навозу со старого двора и перегоняли скот на новое место. Местами домового «переносили» в новый дом в горшке с углями на хлебной лопате. Считалось, что если при переезде в новое жилье не «почтить перевозом» домового, то там якобы поселится его соперник, чужой домовой, а прежний домовой будет ходить из старого дома и выть под окнами — напоминать о себе и проситься в новый дом. Дворового и домового, как видно из перечисленных обычаев и поверий, надо было «задобрить». В основе обрядности лежало представление, что иначе они могут «уйти со двора» и дом останется без покровителей [1].

Все эти обычаи давно ушли в далекое прошлое и сохраняются в памяти лишь кое-где у глубоких стариков и старух.

Перебравшись в новое жилище, справляли новоселье (в старом русском языке — «новосе́льщина» «новосе́лица», в вологодском говоре (а также в б. Вятской и Пермской губерниях) — «вла́зины», у белорусов «вхо́дины», «ухо́дзіны». Готовили угощенье, приглашали родных и знакомых. Гости приходили с хлебом-солью, с подарками,— приносили кто что может. Этот обычай, как известно, жив до сих пор.

Исследуя древнерусский орнамент, Б. А. Рыбаков находит среди его мотивов отражение обрядов, выполнявшихся при постройке дома. Так, в квадрате с выступающими концами каждой стороны (очень устойчивой фигуре русского народного орнамента) он видит изображение венца сруба деревянного дома — окладного венца, как бы идеограмму строящегося жилища. Квадрат, разделенный на четыре части, с точкой в центре каждого малого квадрата, он расшифровывает при помощи одного обычая, сохранявшегося еще в Белоруссии в середине XIX в.: когда хозяин ставил новую усадьбу, то очерчивал квадрат, делил его на четыре части (не диагоналями) и в каждый из четырех малых квадратов клал по камню; камни брались с четырех разных полей. Таким образом, эту загадочную фигуру русского орнамента можно рассматривать как идеограмму новой, строящейся усадьбы [2].

---

[1] См. С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 30—48.

[2] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн. «История культуры древней Руси», т. II. М., 1951, стр. 402, 404, рис. 195.

V. РАЗВИТИЕ ТИПОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА

ОДНОКАМЕРНАЯ ПОСТРОЙКА

Наиболее простым по плану типом жилища является однокамерная постройка, т. е. жилище без сеней. Она, бесспорно, представляла основную форму восточнославянского дома уже с VIII—IX вв.

Для более ранних периодов известны большие коллективные жилища, отражающие древние формы патриархально-родового строя, но находки их пока единичны. Для первых веков нашей эры — это упоминавшееся уже городище Барсучья Горка близ Могилева, с длинными наземными многоочажными домами [1].

Для времени, предшествующего сложению древнерусской народности, это — большие коллективные дома, обнаруженные в нижних слоях городища Старой Ладоги. При раскопках установлено, что в VII—VIII вв. обитатели его жили в больших бревенчатых домах площадью 50—100 м², вокруг которых группировались крупные скотные дворы и амбары. В центре дома располагалась печь, вокруг стен — деревянные нары. «В такой печи варилась и жарилась пища для всех, а продукты брались из коллективных запасов. Одна печь обогревала всех обитателей большого дома — до 30—35 человек; а если дать волю воображению, то легко можно представить себе весьма правдоподобную картину, как вокруг такой пылающей печи... собирались в зимние вечера все главы и домочадцы дома и сообща обсуждали очередные, важные для них хозяйственные и другие вопросы. Ведь именно так собиралась у своего очага, например, южнославянская задруга» [2].

В горизонтах же VIII—IX вв. большие дома сменяются небольшими избами в 25—30 м², причем хозяйственные постройки также соответственно сокращаются в размерах. Этот процесс превращения коллективных жилищ в индивидуальные, несомненно, отражает процесс распада большой патриархальной семейной общины. Данные из раскопок Старой Ладоги служат пока единственным источником, отображающим этот процесс на материалах восточнославянского жилища VII—IX вв. Таким образом, большие родовые поселки конца I тысячелетия н. э. слагались, бесспорно, из однокамерных ячеек.

Однокамерными были большей частью и древнерусские жилища XI—XII вв., хозяйственные постройки которых либо примыкали к жилищу, либо располагались в стороне. Повидимому и позднее, в XIV—XVI вв., в бедных северных деревнях преобладало жилище однокамерное.

---

[1] В. Г. Тарасенко. Раскопки на городище Барсучья Горка. КСИИМК, XV, 1947, стр. 102—105.

[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 30.

По крайней мере, перепись, предпринятая в 1571 г. для выявления в погостах Водской пятины брошенных ушедшими крестьянами построек, пестрит выражениями: «хоромешек стоит избенцо да хлев», «хоромишек стоит избенцо да хлевишко», реже попадается «хоромешек избенцо да клетишко» [1]. Однокамерность жилища отмечается и в XVIII в. для Белоруссии и северной Украины [2].

В XIX в. постройки этого типа встречались редко. Исключение составляли такие, например, районы, как низовья Припяти (самый север Киевской обл.), где еще в конце XIX в. преобладали однокамерные хаты без сеней с входом прямо со двора [3]; впрочем, есть указания, что в 1860-х годах и на юге Киевщины встречались селения, где преобладали хаты без сеней [4]. Обычно же это бобыльская лачужка, в которой доживал свой век одинокий старик или вдова, например *хижка* у донских казаков, *келья* на Ярославщине или хижина батрака; избу без сеней можно было видеть в необжитых районах, как первый этап строительства новоселов [5]. В дореволюционное время подобные жилища строили бедные крестьянские семьи, у которых не хватало средств для пристройки сеней, или выделенные из семьи молодые, не успевшие еще обстроиться; во всех случаях сени пристраивались при первой возможности (рис. 19).

ДВУХКАМЕРНАЯ ПОСТРОЙКА

Следующий по сложности тип жилища — двухкамерная постройка: жилое помещение и сени.

Двухкамерное жилище довольно рано появилось на территории, населенной восточными славянами. Изредка оно встречалось в XI—XIII вв. среди полуземлянок южной и средней полосы; известны, например, землянка из двух помещений в Суздале, землянка с деревянной перегородкой в Старой Рязани, такая же в Белгороде. О сенях в городских деревянных домах неоднократно, в связи с разными событиями, упоминают летописи XI—XII вв. Повидимому, пока сени еще не были неотъемлемой составной частью жилого дома, они могли одновременно служить и хлевом [6].

Обычно в южном типе восточнославянского жилища — у южно-великорусов и отчасти у украинцев — сени пристраивали сбоку хаты, вдоль улицы; вход в сени делали спереди, прямо с улицы, или со двора, если изба стояла в глубине двора. Вся постройка стояла параллельно улице. В северном же типе восточнославянского жилища, у средне-великорусов и белорусов, сени пристраивали сзади избы, так что вся постройка стояла перпендикулярно к улице, со входом в сени сбоку, из образовавшегося при этом проулка.

[1] «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв. Сборник документов». М.—Л., 1935, стр. 56—57.

[2] А. Мейер. Описание Кричевского графства 1786 года, вып. II. Могилев-губернский, 1901, стр. 96.

[3] Сообщено этнографом Д. В. Найдич. В соседних районах, на западе Черниговской обл., в междуречье Десны и Днепра, однокамерный тип встречался до последнего времени в количестве от 2,5 до 3,6% в разных селениях (С. А. Токарев. Северно-украинская экспедиция 1945 г., КСИЭ, вып. II, 1947, стр. 30).

[4] П. П. Чубинский. Инвентарь крестьянского хозяйства. «Записки Юго-западного отдела РГО», т. II за 1874 г., Киев, 1875, стр. 177.

[5] Например, «четырехстенка» в Енисейской обл., «одноколок» на Алтае.

[6] В деревнях Пензенской обл. еще в середине XIX в. плетеные сени служили ночью конюшней для лошади (АГО, ф. XXVIII, рукопись 17. В. Рождественский. Описание быта жителей в Наровчатском уезде. 1853 г.).

1

2

Рис. 19. Старый тип однокамерных изб и хат

1 — одноколок русских новоселов (Южный Алтай, дер. Печи Бухтарминского района; *2* — хыжа однокамерная, без сеней, у карпатских горцев на Верховине (Закарпатская обл.)

Среди жилищ беднейшего крестьянства, главным образом среднерусской полосы и Юга, а также в постройках новоселов, в дореволюционное время можно было встретить ряд переходов от однокамерного к двухкамерному жилищу в виде хаты или избы, у которой вместо сеней имелась легкая загородка без навеса, либо легкий навес без стен, либо и то и другое, но непрочного, временного характера.

Таким образом, вопрос о происхождении двухкамерного типа жилища ясен. Несомненно, что развитие сельского жилища шло от примитивного однокамерного типа к двухкамерному, путем пристройки сначала навеса перед входом, а затем холодных сеней к отапливаемому жилому помещению (изба или хата). Следовательно, сени представляют второй по времени происхождения элемент восточнославянского жилища — неотапливаемую пристройку, развившуюся из навеса над входом в жилище и превратившуюся в помещение для хозяйственных целей. Там, где простейшие однокамерные и двухкамерные постройки удержались до наших дней, можно наблюдать воочию этот процесс постепенного усложнения горизонтальной планировки крестьянского дома [1]. Естественно, что отдельно от жилого помещения сени существовать не могли.

ТРЕХКАМЕРНАЯ ПОСТРОЙКА — СВЯЗЬ

Наиболее типичным восточнославянским жилищем принято считать трехкамерный дом со входом, устраиваемым посредине длинной стороны, с двумя жилыми помещениями или одним жилым и одним хозяйственным помещением по обеим сторонам средней части постройки — сеней. У великорусов эти три части следующие: изба, сени и клеть, или зимняя изба, сени и летняя изба, или горница (рис. 20); у украинцев — хата, сени и комора, или две хаты, с сенями посредине. Господствующее название этой постройки у великорусов — *связь* [2]; если оба помещения жилые, то на Севере говорят иногда «дом на две избы»; у украинцев — «дві хати», «дві хати через сіни». У северных великорусов связь ставится и перпендикулярно и параллельно улице, у южных великорусов — всегда параллельно, вдоль улицы. У украинцев, из-за ориентации построек по странам света, о чем говорилось выше, трудно выделить преобладающее направление связи относительно улицы.

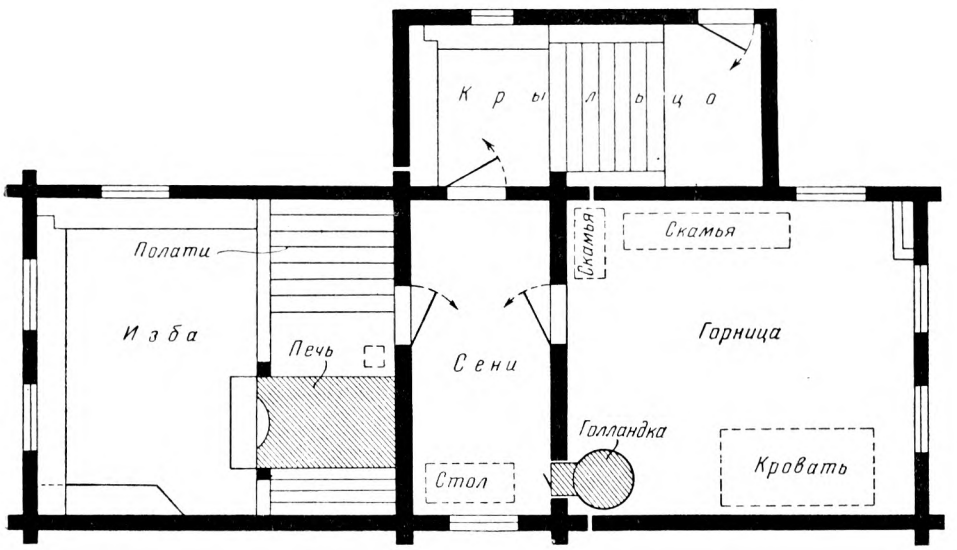
Как в далеком, так и в недавнем прошлом трехкамерное жилище с горницей строили более состоятельные хозяева. Иное дело со связью из двух зимних изб: эта постройка была необходима для многочисленной семьи (особенно для больших неразделенных семей, доходивших до 20—25 человек) и, следовательно, отнюдь не выражала имущественного благосостояния семьи.

Трехкамерное жилище, как тип, известно очень давно. Так, в Суздале (XIII в.) найдено трехчастное жилище, разделенное глиняными перегородками. Судя же по отдельным намекам в летописи, надо полагать, что уже в X—XI вв. сложился тип восточнославянского трехчленного жилья, состоящего из теплой *избы,* или *истобки,* холодной *клети* и связывающих их *сеней.* Холодная клеть служила и кладовой для имущества, и летней спальней (*одрина, ложница*). Сени, как соединительное звено — переход между избой и клетью, получили особое значение в жилищах

[1] В устройстве сеней в западной Черниговщине до сих пор отмечаются все стадии их развития (С. А. Токарев. Северно-украинская экспедиция 1945 г. КСИЭ, II, 1947, стр 30)

[2] Известно и название «связка» (Молотовская обл.).

1



2

Рис. 20. Связь у великорусов (две избы связаны сенями)

1 — рубленая связь черноземной полосы, соломенная крыша увязана соломенными «перевяслами» (Ольшанские выселки близ г.Орла); *2* — план связи у русского старожилого населения Алтая

князей и бояр, которые лишь с большей пышностью и в бóльших масштабах повторяли трехчленную схему русского жилого дома. Истобка и клеть строились в городских жилищах на подклетах, т. е. были подняты на подклетные срубы, а соединявшие их сени опирались на столбы и образовывали род висячего перехода между двумя срубами [1].

Представляя собой крытое пространство между жилыми срубами [2], сени в хоромах феодальной знати служили для приема гостей, для прогулок и для игр. В этом смысле они воспеваются в известнейшей старой русской песне:

Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решетчатые!
Уж и знать, что мне по сеничкам не хаживати.
Мне мила дружка за рученьку не важивати [3].

Для старого крестьянского жилища, как трехкамерного, так и двухкамерного, характерно, что сени обычно не имеют потолка над собой, а лишь накрыты общей крышей с избой или хатой. Из сеней по лестнице-стремянке поднимаются сразу на чердак (еще в 1920-х годах кое-где для этого пользовались бревном с зарубками). Генетически — это лишний раз доказывает, что сени представляют собой позднейшую пристройку к жилью. Исторически — это составляет пережиток того времени, когда жилище отапливалось по-черному и дым из избы выходил в сени и оттуда расходился по чердаку. В бытовом отношении — отсутствие потолка в сенях удешевляет постройку и упрощает связь с чердаком (в русской деревне чердак часто называется *потолок, пóдволóка, на истопке;* у белорусов — *гора, верх;* у украинцев — *гора, горіще;* у последних различается в трехкамерной постройке «гора хатняя» и «гора коморная»).

При рассмотрении восточнославянского трехкамерного жилища типа связи, современного и старинного, встает вопрос об его генезисе. Что послужило исходным пунктом этой формы — однокамерное или двухкамерное жилище? На первый взгляд кажется само собою разумеющимся, что трехчастный тип должен был развиться из двухкамерного путем пристройки к сеням, со стороны, противоположной жилью, хозяйственного помещения (клети, коморы), прежде строившегося отдельно.

Исследуя этот вопрос, польский этнограф К. Мошиньский высказал гипотезу о возможности происхождения трехкамерного жилища непосредственно из однокамерного, а именно: вначале клеть ставилась отдельно от однокамерного жилья, но близко к нему, дверь против двери; со временем пространство между этими двумя постройками стали, для безопасности находящегося в клети имущества, забирать изгородью, а впоследствии и накрывать общей для всей постройки крышей; таким образом этот огороженный промежуток превратился в сени, связывающие

[1] Ср. «мост» — название сеней во многих северновеликорусских говорах.

[2] Слово «сень» в древнерусском литературном языке означало вообще покрытие, навес, балдахин, то же — в церковнославянском языке («надпрестольная сень»), то же — в литературном языке XIX в.: «Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась» (Пушкин). В переносном значении слово «сень» употреблялось в смысле защиты, покрова, убежища: «Таитесь вы под сению закона» (Лермонтов). В смысле помещения слово «сени» употребляется и у западных славян.

[3] О сенях в историческом и этнографическом аспекте см. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 219—220; М. Красовский. Деревянное зодчество. Пг., 1916, стр. 67—68; А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 213—219.

жилье и клеть [1]. Подобного рода постройки, где вместо сеней огорожен промежуток между клетью и избой, Мошиньский сам наблюдал в Белоруссии.

Изучение современного восточнославянского материала приводит к мысли, что такой путь развития вполне возможен: он как бы повторяется при постройке связи. В самом деле, попробуем проследить, в каком порядке ставится трехкамерная постройка во многих районах нашей страны. Ставят в ряд два сруба — для избы и для клети — на расстоянии не большем, чем длина стены клетки (до 5 м), а чаще и меньшем, дверь в дверь и связывают их передние и задние стены, врубая бревна в пазы плотно приставленных к ним столбов. Таким образом, для сеней в трехкамерной связи возводят дополнительно лишь две стены, переднюю и заднюю. Часто для этих двух стен употребляют и более дешевый материал, например, два сосновых или дубовых сруба из цельных бревен связывают стенами из еловых плах или осиновых бревен, из плетня, или кирпичную избу и деревянную клеть соединяют сенями, обе стены которых выложены из плитняка и т. п. Следовательно, сени в связи имеют промежуточное положение, причем в южновеликорусских постройках они иногда настолько узки, что бóльшая часть передней стены занята входной дверью с улицы, а задней стены — дверью во двор.

В противоположность этому сени в двухкамерном жилище имеют три самостоятельные стены, приставленные к жилью или составляющие с ним одно целое, иногда из более дешевого материала (сени в двухкамерном жилище белорусы, в отличие от связи, называют *тристеном*). У великорусов сени всегда несколько у́же избы, у украинцев и белорусов нередко сени двухкамерного жилища по площади равны жилью. Таким образом, в двухкамерном и трехкамерном жилище сени имеют различное происхождение: в двухкамерном они представляют второй по времени появления элемент, в трехкамерном же — третий. Разумеется, это не исключает возможности возведения всей связи одновременно из однородного материала, например рубленной из одинакового леса, выплетенной из хвороста, выложенной из кирпича и пр. Но трудно представить себе именно «пристройку» клети к сеням, хотя бы потому, что клеть сама по себе мыслится как постройка четырехугольная — четырехстенная (*клетка*), и поэтому приходится пристраивать к ней, а не ее к чему-нибудь.

Таким образом, трехкамерная постройка развилась, по всей вероятности, непосредственно из жилища однокамерного.

Трудно сказать, к какому времени относится массовое распространение среди восточных славян трехкамерного жилища, известного еще в эпоху Киевской Руси (IX—XI вв.). Несомненно одно, что к XVI—XVII вв. это уже был выработанный тип дома, встречавшийся как в деревне, так и в городе. Во всяком случае, на плане Тихвинского монастыря (1679 г.) некоторые из изображенных изб носят характер трехкамерных построек.

До XVIII в. жилые дома в городах в массе своей мало отличались от сельских построек. Большинство горожан жило в избах, а каменное жилое строительство было тесно связано с традициями деревянного зодчества [2]. Сохранившиеся в Пскове, Ярославле, Гороховце и других

---

[1] K. Moszyński. Kultura ludowa słowian. Cz. I. Kultura materijalna. Kraków, 1929, st 537.

[2] До нашего времени сохранился яркий пример воздействия деревяннного строительства на древнее каменное зодчество: в обводной галерее храма Василия Бла-

старых городах каменные жилые дома богатых горожан XVII в. имеют планировку, типичную для деревенской рубленой трехкамерной связи лесной полосы; жилой этаж расположен на высоком подклете, в центре дома — сени, к которым ведет крыльцо с лестницей; по бокам сеней — жилые помещения. Таковы известный дом Лапина, или «Солодежня», и дом Трубинского в Пскове, дом Иванова в Ярославле, дома Серина и Сапожникова в Гороховце, дом Зелейщикова в Чебоксарах и др. [1]

Городские дома типа трехкамерной связи, деревянные и каменные, продолжали кое-где строиться еще в XVIII в. Так, в Калуге, в 1874 г. был обмерен и зарисован уже разваливавшийся дом Щукиной — в виде трехкамерной связи, из толстых (около 40 см) бревен, с типичным внутренним планом средневеликорусской избы. Дом этот был построен в первой половине XVIII в. [2]

Трехкамерную связь («две палаты с сенями между ними») представляла небольшая казарма, пристроенная в первой половине XVIII в. к зданию тиунской избы в Москве [3] (здесь жили солдаты, охранявшие имущество пробирной палаты).

По типу трехкамерных связей строились также общежития в монастырях: большие монастырские корпуса состояли из ряда отдельных секций, каждая из которых представляла две жилые кельи, связанные общими сенями с отдельным входом снаружи. Таков сохранившийся до наших дней длинный (350 м) одноэтажный корпус келий Успенского девичьего монастыря в г. Александрове Владимирской обл., основанного еще при Иване Грозном (здесь жили до самой смерти царевны — сестры Петра I, сюда ссылались не угодные царям лица из знатных боярских семей) [4]. Таков же и одноэтажный корпус келий Новодевичьего монастыря в Москве.

Для старого русского помещичьего быта (до XVIII в.) также наиболее обычны усадьбы, состоявшие из двух или нескольких изб, связанных

женного в Москве можно видеть углы четырех больших восьмигранных башен, расписанные кругами в подражание торцам рубки бревен в углах (см. Д. П. Сухов. Архитектура б. собора Василия Блаженного в Москве. В кн. «Русская архитектура». М., 1940, рис. 4). Кроме того, и весь план собора повторяет многосрубную церковь, в которой центральный шатровый храм обставлен срубами по граням и углам. Тем не менее, в древней Руси четко различалась терминология деревянного и каменного зодчества: деревянная постройка была «срублена», «построена» или «поставлена»; кирпичное здание было «заложено» или «создано» и т. д. (см. примеч. на стр. 23).

[1] Планы и внешний вид этих замечательных памятников старинной трехчастной планировки см. В. В. Суслов. Памятники древнего русского зодчества, вып. 1. СПб., 1895, л. 19; П. Максимов. Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре. «Архитектура СССР», 1940, № 1, стр. 68; «История русской архитектуры. Краткий курс». М., 1951, стр. 106—107; «Русское зодчество», под ред. Д. П. Сухова и др. Вып. 3. Памятники архитектуры XVII в. М., 1953, табл. 12, 13, 15.

[2] План и внешний вид см. М. Красовский. Указ. соч., стр. 64.

[3] М. Будылина. Тиунская изба в Москве. «Архитектурное наследство», т. I. М., 1951, стр. 9—13 и рис. 4 (план помещения для военной команды). Заслуживает внимания тот факт, что в течение ряда столетий в русских городах для обозначения различных государственных зданий и помещавшихся в них учреждений широко применялось слово «изба»: приказная (или съезжая), земская, тиунская. В царских дворцах избой называли как некоторые внутренние покои, так и пристройки для разных хозяйственных надобностей, как, например, столовая, постельная, спальная изба в Кремлевском дворце в Москве; там же были избы передняя (в которой царь Михаил Феодорович пировал с боярами), портомойная, стряпущая и др.; избами назывались также караулки для дворцовой стражи — изба воротная, стрелецкая и пр. (см. слово «Изба» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, полутом 24).

[4] См. «История русской архитектуры. Краткий курс», стр. 107, 108; «Русское зодчество», вып. 3, табл. 15.

сенями. Примером может служить описание усадьбы в Серпуховском уезде, относящееся к 1663 г. [1]: «построены хоромы... на потклетах, рублены из краснова лесу; а перед ними горница сталовоя на потклете ж»; «а меж тех хором перед потклетом початы строить сени косячатые». Иначе говоря, здесь можно видеть традицию, восходящую к Киевской Руси. Высказываются даже предположения, что эта архитектура оказала большое влияние на белоколонные усадебные дома XVIII в. и что в них можно найти немало элементов, идущих от старой русской усадьбы. Вот что говорил архитектор А. И. Михайлов, анализируя архитектуру русской усадьбы эпохи Московской Руси, в докладе на декаднике по русской архитектуре, состоявшемся в апреле 1939 г. в Москве: «...Сени были больших размеров и хорошо отделаны. Они представляли собой не только сени, а как бы парадный вход, переднее пространство, группирующее вокруг себя собственно жилые ячейки. Иногда вокруг сеней группировался очень сложный комплекс сооружений, а сени отделывались особенно парадно. Так, в одном описании читаем, что из нижних сеней, группирующих вокруг себя ряд светлиц, имелся всход в средние сени. Всход был «круглый с перилами решетчатыми». Ясно, что именно эти сени и всход с перилами являлись центральным ядром усадьбы. К средним сеням над крыльцом прилегало гульбище... Несомненны черты общности, которые позволяют говорить о преемственности, с одной стороны, и о возможном обращении архитекторов XVII в. к тем типам сооружений, которые возникли на почве русской жизни XVII в.» [2].

Крестьянское трехкамерное жилище типа связи, хотя и известно издавна у всех восточных славян, но далеко не всюду является или являлось преобладающим. Так, например, исследование в начале XX в. в этом отношении б. Полтавской губ. показало, что трехкамерные жилища сосредоточивались здесь на севере и на юге губернии, а посредине ее проходила полоса двухкамерных построек; при этом на севере губернии преобладали хаты с коморой, а на юге — хаты на две половины [3].

Двухкамерный тип еще недавно определенно господствовал в северной Украине [4] и в Белоруссии; повидимому, он преобладает и в большинстве земледельческих районов России.

Если трехкамерная постройка состоит из двух жилых помещений, связанных сенями, то клеть или комора в этом случае ставится отдельно — на отшибе. Второе жилое помещение у зажиточных семей представляло летнюю избу без русской печи, лишь с небольшой отопительной печкой, типа лежанки или голландки. Это помещение носит

---

[1] «Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы». Л., 1930, стр. 94.

[2] А. И. Михайлов. Национальный характер русской архитектуры XVIII и начала XIX в. В кн. «Русская архитектура». М., 1940, стр. 84.

[3] М. А. Русов. Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии. «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 13, 1902, стр. 106.

[4] От 83 до 89% по отдельным селениям. (См. С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 31). По данным обследования 1924 г., на Черниговщине из 583 учтенных одно жилое помещение имели 506 хат, т. е. 86,8%; сюда очевидно, наряду с однокамерными и двухкамерными постройками, могли войти и трехкамерные типа хата + сени + комора; лишь 59 хат (10,1%) имели два жилых помещения. На Волыни было установлено, что 82,6% хат имеют одно жилое помещение. По всей Украине то же обследование выявило 61,7% однохатных жилищ, 32,1% хат с двумя жилыми помещениями и 6,2% с тремя комнатами и более, причем последнее главным образом за счет Донецкого края и Екатеринославщины (А. Н. Марзеев. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины, Харьков, 1927, стр. 37).

у великорусов самые разнообразные названия: чаще всего — это *горница, светлица, чистая изба, белая изба* (в прошлом противопоставлялась «черной избе»); встречаются и такие названия, как *прóтивень* (на Севере), *отхожая изба* (в Псковской обл., если ее используют и как кладовую), *обéдник* (Воронежская обл.) и др. В ней хранится ценное имущество хозяев. Основная особенность состоит в том, что она убрана лучше, чем изба. Окна в ней нередко большие, светлые; во многих районах она обставляется городской мебелью. В горнице принимают гостей. Само появление горницы, или белой избы, знаменовало распространение в деревне более совершенной планировки. В прошлом в ней раньше, чем в черной избе, стали устраивать печь с трубой.

Реже бывает связь из двух зимних изб или хат; такие случаи наблюдались, в частности, при наличии многочисленной семьи. Трехкамерная связь в своем древнем ненарушенном виде, представляющая симметричную постройку из двух помещений, связанных сенями (с постановкой всех трех по одной прямой линии), характерна преимущественно для зоны усадеб с замкнутым открытым двором (украинцы и великорусы).

В области крытого двора, наряду с такой простой связью старинного типа, издревле выработались и сильно видоизмененные ее формы: в них крытый двор как бы вобрал в себя клеть или летнее жилье — горницу, так что в этих случаях она входит в состав уже не дома, а крытого двора, лишь примыкая к дому. Ярким примером служит тот тип старинных усадеб Ярославско-Костромского края, в которых холодная горница расположена под крышей стоящего рядом с избой двора, над въездными в него воротами. Благодаря такому положению, при невысоком подклете избы, пол горницы поднят выше пола избы, так что необходимо устройство нескольких ступенек в горницу, и нижняя линия окон горницы выше нижней линии окон избы. Такая горница вполне оправдывает свое древнее название [1]. В северном двухъярусном доме-дворе горницы также выносятся на второй ярус двора, над проезжей его частью, но при высоком подклете избы они могут быть и на одном уровне с нею.

Развиваясь и совершенствуясь в течение столетий, жилище великорусской, украинской, белорусской деревни вплоть до эпохи капитализма не пошло дальше рассмотренных типов планировки: двухкамерного в основной массе с некоторым процентом трехкамерных построек. Наличие большой семьи в прошлом вызвало, как мы видели выше, лишь превращение нежилой клети трехкамерной связи в жилую избу, да для личного имущества и летнего спанья брачных пар добавлялись отдельные неотапливаемые помещения (клети, горницы, поветки и т. п.): они ставились в ограде открытого южного двора или рубились в одно целое с крытым северным двором.

---

[1] «Горний» — верхний. Первоначальное значение «горницы» — комната верхнего этажа, горняя комната; в таком смысле употреблялось это слово в XI в. Горницы в древности упоминаются преимущественно в домах богатых людей, еще в XVI—XVII вв. в крестьянском быту горницы были редки, но встречались именно как верхнее помещение, поставленное на подклете. За последние столетия слово «горница» повсюду, за исключением зоны северного двухъярусного дома-двора, утеряло былое значение и обозначает либо летнюю избу (во многих районах черноземной полосы), либо чистую половину избы (всюду в центральной России), либо комнату вообще (в старом городском быту; отсюда «горничная» — служанка, в обязанности которой входила уборка комнат и другие домашние работы, но не стряпня).

УСЛОЖНЕНИЕ ПЛАНИРОВКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

С проникновением элементов капитализма в деревню, с расслоением крестьянства и возникновением класса кулачества сильное изменение претерпело и крестьянское жилище. Начала развиваться резкая дифференциация кулацких и бедняцких жилищ, причем старые традиционные формы сохранялись главным образом в средняцких хозяйствах. В бедняцких постройках можно было наблюдать крайнее упрощение строительства и значительное сокращение размеров строений, тогда как жилища кулачества и наиболее зажиточных середняков, наоборот, изменялись по линии усложнения построек и увеличения их размеров; большую роль играло стремление подражать в строительстве городской моде.

Характерный пример дифференциации крестьянского жилища приводит из повременной печати В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»: «...Кто видал и знает современную деревню, да припомнит деревню 40—50 лет тому назад, тот поразится их различием. В старых деревнях дома всех хозяев были однообразные и по наружному виду и по внутренней отделке; теперь же рядом с лачугами стоят расписанные хоромы, рядом с нищими живут богачи, рядом с униженными и оскорбленными — пирующие и ликующие. В прежние времена мы часто встречали такие селения, где не было ни одного бобыля, теперь же в каждой деревне их не менее пяти, а то и целый десяток... («Жизнь», 1899, № 8, цит. из «Сев. Края», 1899, № 223)» [1].

Усложнение крестьянского жилища, т. е. увеличение числа жилых помещений, развивалось по двум линиям: во-первых, происходило разделение, или разгораживание, внутреннего пространства избы на отдельные помещения и, во-вторых, шло расширение жилища путем пристройки снаружи дополнительных срубов.

Во внутреннем разгораживании избного пространства прежде всего выражалось стремление отделить печь со стряпней около нее от остального чистого помещения избы. Для этой цели ставили деревянную перегородку, идущую от свободного угла печи до противоположной стены, отгораживая таким образом пространство и угол против устья печи от «чистой половины». Получалась, в нашем смысле слова, кухня, называющаяся по-разному в различных районах (*кут, куть, бабий угол, стряпная, середа, чулан*). Пожалуй, наиболее распространенным в среднерусской полосе и на Севере, по крайней мере до Октябрьской революции, было название кухни чуланом. Перегородка (носившая название *переборка, заборка*) обычно не доходила до потолка, а закреплялась наверху в перекладине, перекинутой от печи до противоположной стены и носившей местами название *чуланный брус* (например, в Симбирской и Пензенской губерниях). Иногда вместо нее кухню от избы отделял большой занавес [2]. Отделение кухни от избы было широко

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3. стр. 240, примеч.

[2] Этот занавес-перегородка (также «занавесь», «занавеска») в XIX в. сшивался из нескольких полотнищ домотканины (например, из пяти); с конца XIX в. «в моду» для него стал входить «цветастый» яркий ситец. В различных районах шла на занавес домотканина самых различных видов: синяя крашенина, пестрядь, набойка, «браный» холст (плотный или прозрачно-узорный). Особенно красивы были занавесы из белого браного холста, украшенные по верхнему и нижнему краям вышитой каймой: старая форма — вышивка крестом красной нитью по белому фону с традиционными узорами (павы, стилизованная, человеческая фигура, дерево); более поздний вид — вышивка тамбуром по полосе красного кумача с цветами и разводами. По верхнему краю вышивка шла в один ряд, по нижнему — в два, с белой строчкой между

распространено в северной половине нашей страны уже в начале XIX в.; по крайней мере, мы читаем в карманной записной книжке 1841—1842 гг. Н. В. Гоголя: «Изба разделяется на две части: на избу и чулан, который отгорожен перегородкой от печи. Посуда помещается в чулане в низеньком шкафчике, который называется судною лавкою» [1].

Гораздо реже выделялась спальня, причем положение ее зависело от принятого в данной местности плана избы, так как определялось положением печи и переднего угла. В конце XIX в. начали кое-где разгораживать избу на три помещения (о всех этих вариантах см. главу VII «Внутренняя планировка жилища») [2].

Рано стали выделять в сенях перегородками род кладовки для разных вещей и провизии; это помещение тоже называли чуланом — термин широко известный и в городском обиходе [3].

При втором способе усложнения жилища — р а с ш и р е н и и е г о п у т е м п р и с т р о й к и добавочных помещений — творческая мысль крестьянина-строителя находила различные линии разрешения этой задачи. Разными путями шло усложнение двухкамерного и трехкамерного жилища. Естественно, что двухкамерное жилье представляло более удобную и поддающуюся изменениям исходную форму, чем трехкамерная связь из двух изб. Пожалуй, лишь один способ усложнения трехчленного срубного жилища путем пристройки укоренился в крестьянском быту. Это — прирубка длинного коридора, шириной метра три, вдоль всей связи. В такой четырехчастной постройке прежние сени превращались в кладовую или холодную светелку, а прирубленный коридор — в сени (он так и назывался).

Эта комбинированная постройка бывает в двух вариантах. Первый, возможный только при высоком подполье: входят в жилище через подсенье между двумя срубами без крыльца, по внутренней лестнице поднимаясь в коридор; второй: входы устроены на узких сторонах коридора. В первом варианте прорубают окна по одному на узких сторонах и два в длинной стене коридора, отгораживают концы в этих вторичных сенях стеной и занавеской, так что получаются дополнительные прохладные комнатки для спанья и всяких работ по хозяйству летом; тут же стоят и сундуки с добром.

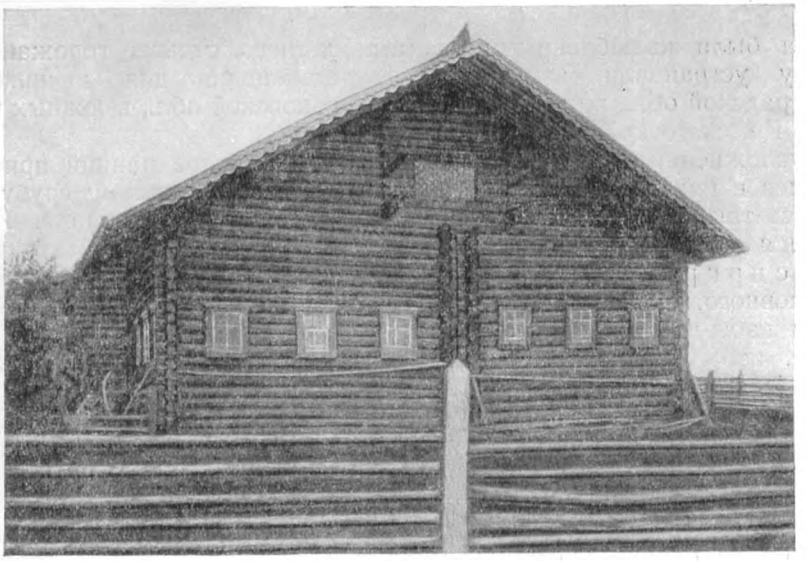
Во втором варианте коридор проходной и более холодный; в нем имеется поперечная стенка, но окон нет; здесь стоят шкафы, лари, сундуки, хранится провизия. Первый вариант был удобен для многочисленной и богатой семьи, второй — с двумя отдельными ходами — строили себе женатые братья. В том и другом случае в длинной стене коридора прорубалась дверь, ведшая к крытому двору. Этот тип усложненной связи особенно характерен для тех районов, которые

ними. Низ оканчивался широким кружевом, вязанным на спицах. Дальнее от печи полотнище делалось короче остальных, чтобы выемка пришлась над лавкой и занавес можно было довести вплотную до стены. Снимок с такого занавеса-перегородки середины XIX в. и детали тканья и вышивки см. С. К. П р о с в и р к и н а. Новгородская историко-бытовая экспедиция Гос. Исторического музея 1936 г. «Труды ГИМ», вып. XV. 1941, рис. 21—24.

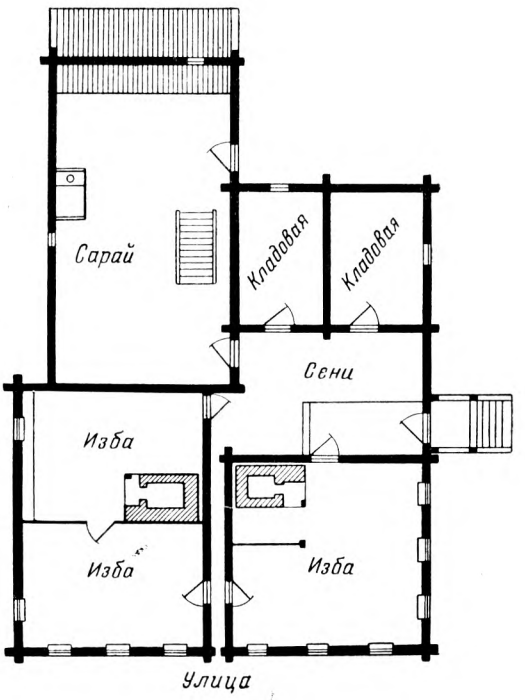
[1] Н. В. Г о г о л ь. Соч., т. 5. Изд. 14, СПб., 1898, стр. 376.

[2] Внешний вид и план постройки, в которой бывшие сени превращены в комнату — «среднюю», «середник», см. А. Д. Б е х м а н. Черты нового в архитектуре русского крестьянского жилища. СЭ, 1955, № 3, рис. 5 на стр. 49.

[3] Название «чулан» в смысле пространства, отделенного перегородкой от основного помещения, встречается в письменных памятниках XVI в. («чюлан дощаной», «чюланец»). У донских казаков чуланом называют сени. Происхождение слова остается невыясненным. Существуют предположения об его северогерманском (Рамм), тюркотатарском (Миклошич) и славянском (Брюкнер) происхождении.



1



2

Рис. 21. Северная изба-двойня (два сруба под одной крышей)

1 — внешний вид (дер. Чупровская Вологодской губ.); *2* — план верхнего этажа старинной двойни

издавна были излюбленными местами летнего отдыха горожан и где поэтому устраивали изолированные помещения для дачников (в Ленинградской обл., во многих местах Горьковской обл., в южных частях Вятско-Камского края и др.).

В усложнении двухкамерной постройки наиболее ранний прием заключался в пристройке второго сруба к основному жилому срубу — получались так называемые «избы с прирубом» и «избы-двойни». Изба-двойня состоит из двух одинаковых срубов под общей крышей; в избе с прирубом, как показывает само название, второй сруб меньше основного. Оба типа получили широкое распространение в XIX в., причем избы-двойни характерны преимущественно для богатого лесом Севера, избы с прирубом — для среднерусской полосы и Поволжья (рис. 21, 22).

Отдельные избы-двойни у кулацкой прослойки населения Севера начали появляться по торговым путям, по крупным судоходным рекам Севера, в торговых селах еще с конца XVIII в.

Следующей стадией по линии освоения новой техники возведения сруба являются пятистенок, крестовик, крестовая связь, не говоря уже о более сложных формах, приближающихся к домам городского типа.

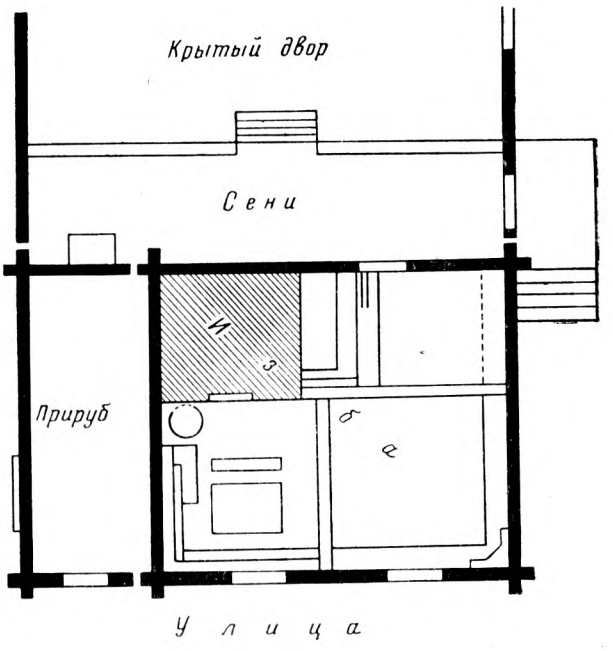
Из перечисленных поздних типов «домов», как называли их в отличие от двухкамерных построек — «изб» и трехкамерных — «связей», особенно широко в конце XIX в. стал прививаться в великорусской деревне средней полосы пятистенок, т. е. изба, разделенная почти посредине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба [1] (рис. 23). Срубить себе пятистенок стало мечтой многих хозяев, но осуществление ее являлось уделом некоторых; только зажиточная прослойка и наиболее благополучные середняки — по крайней мере в средней полосе России — могли позволить себе такую роскошь.

Пятистенок — сравнительно поздняя форма избы, развившаяся, как принято считать в этнографии, из избы-двойни, представляющей поставленные под одну крышу избу и клеть-горницу, стоявшую ранее сзади избы. При последней конструкции в месте касания двух срубов получались две параллельные стены, что не имело никакого смысла и удорожало постройку. Чтобы избежать этого, избу-двойню стали строить по-иному: одна из двух смежных стен рубилась, как обычно, из длинных бревен, а вместо второй рубили из коротышей углы у передней и задней стен избы (такие переходные формы встречаются на Севере). Следующей стадией в развитии данной конструкции жилища явилось уничтожение и этих своеобразных контрфорсов, с заменой парных углов врубкой одной поперечной стены. В Архангельской обл. отмечена противоположная эволюция избы-двойни: здесь встречные концы бревен на передней и задней стенах выпускают несколько длиннее обычного, так что между двумя внутренними стенами получается заулок, чаще всего используемый как проходная кладовая. Заулок бывает и очень тесным (до 85 см шириной) и освещается небольшим волоковым оконцем, а иногда он расширяется до 2 м — получается отдельная комната с одним-двумя окнами и даже с небольшой печкой. Местами такую композицию избы называют *тройней*. Эта тройня по плану близка к связи с прирубленным коридором (стр. 146).

Возможно, правильнее было бы прообраз пятистенка видеть в избе с прирубом, т. е. с прирубленной к основному помещению конструкцией из трех стен (переход от этого типа постройки к пятистенку не был осложнен необходимостью уничтожения лишней стены, в данном случае

[1] Говорят и «пятистенка» (в жен. роде), но реже; это отмечено на Юге и в Сибири

1



2

Рис. 22. Изба с прирубом

1—изба на высокой подызбице; наверху светелка; хорошо виден стык прируба с основным срубом (дер. Кокшеньга Вологодской губ.); *2* — план (дер. Горбовец Бежецкого уезда Тверской губ.)

не существовавшей). Основная трудность перехода в обоих случаях к пятистенку была связана с появлением совершенно новой идеи рубки всего фасада, всей передней стены, из одной серии (или «вереницы») бревен, а не из двух серий, как при возведении избы с прирубом и избы-двойни.

Теории возникновения пятистенка из двух срубов (признающей исчезновение одной из двух смежных стен) советский архитектор М. А. Ильин противопоставляет свою, утверждая, что пятистенок образовался из одного сруба, имевшего внутри неполную перегородку (из нее-то и возникла пятая стена) [1]. Он ссылается на старинные курные избы начала XIX в., сохранившиеся до сих пор в Приозерном районе Архангельской обл. В этих избах боковая часть (за печью) отгорожена длинным шкафом из пяти отделений и носит название *прилуб;* в нее ведет дверка около фасада печи; в прилубе производится вся домашняя работа женщин: в нем стоят ручные жернова, здесь мелют и просеивают муку, месят тесто и пр. Промежуток между шкафом и потолком забран стенкой из четырех бревен, врубленных в стены избы под потолком [2]. Вот эта-то висячая заборка из бревен при своем развитии — опускании до низа всей избы — и дает пятую стену пятистенка; при этом размер прилуба увеличивают, и он превращается в самостоятельное помещение. Такое объяснение появления пятистенка наиболее убедительно (тем более, что сплошная передняя стена из целых бревен тут уже имеется).

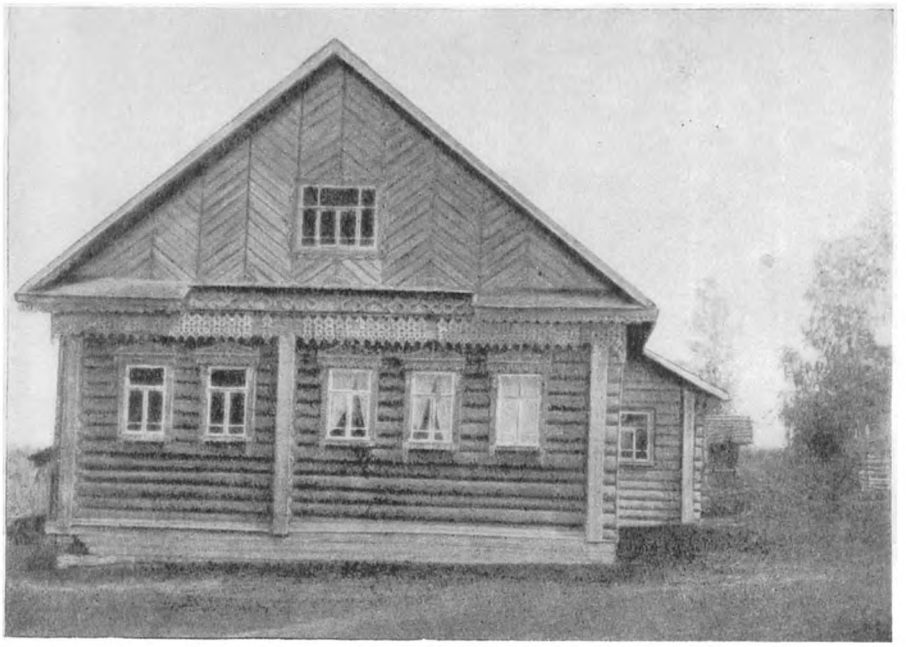
Дальнейшим усложнением пятистенка явилась шестистенная изба крестовик (в Вологодской обл.— «крестоватик»), т. е. дом, разделенный на четыре комнаты двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом (рис. 24). «Крестовые», или «круглые», т. е. квадратные дома с четырехскатной тесовой кровлей встречались гораздо реже, чем пятистенки: их строили обыкновенно самые крупные деревенские богатеи и таких домов, естественно, было немного. Комнаты крестовика имели различное назначение. Например, на Алтае в крестовом доме богатого старообрядца с пристроенного сбоку крыльца входили в *сенки* с *казенкой* (отгороженной кладовкой); из сенок одна дверь вела в избу с полатями, другая в «прихожку», из прихожки входили в горницу. Одна печь обогревала избу, другая — горницу с прихожкой, между избой и горницей непосредственного сообщения не было. На Дону в доме зажиточного казака различали *прихожку* (или «зал»), *стряпуху* (она называлась также «стряпка», «стряпушка», «стряповая», «стряпчая»), «горницу». Редко, но встречаются крестовые дома, в которых одна четвертая часть представляет собой открытую с боков террасу; наружных стен для нее не рубят, а ставят перила с простенькими балясинами из выпильных досок.

Еще реже встречается крестовая связь, т. е., по существу, два пятистенка, связанные общими сенями (рис. 25). Нередко в богатом доме выделялись *спальня, зало, кухня,* причем русская печь оставалась лишь в кухне, остальные комнаты отапливались голландками. В этих комнатах уже не было лавок, полатей и прочих элементов неподвижного наряда избы: все это заменила городская мебель — столы, стулья, кровати, комоды, зеркало и пр.

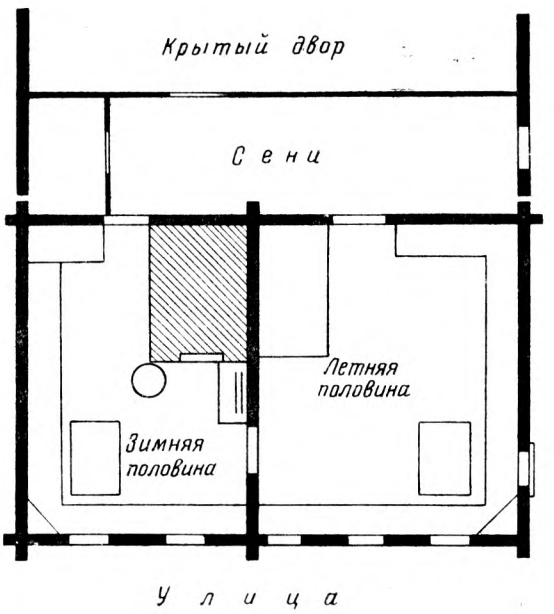
В районе распространения избы на подклете все рассмотренные типы и двухкамерных и многокамерных жилищ могут быть и одноэтажными,

[1] М. А. Ильин. Крестьянская изба Кенозера. «Труды секции археологии РАНИИОН», IV, 1928, стр. 241—256.

[2] Там же, рис. 2 (разрез избы).



1

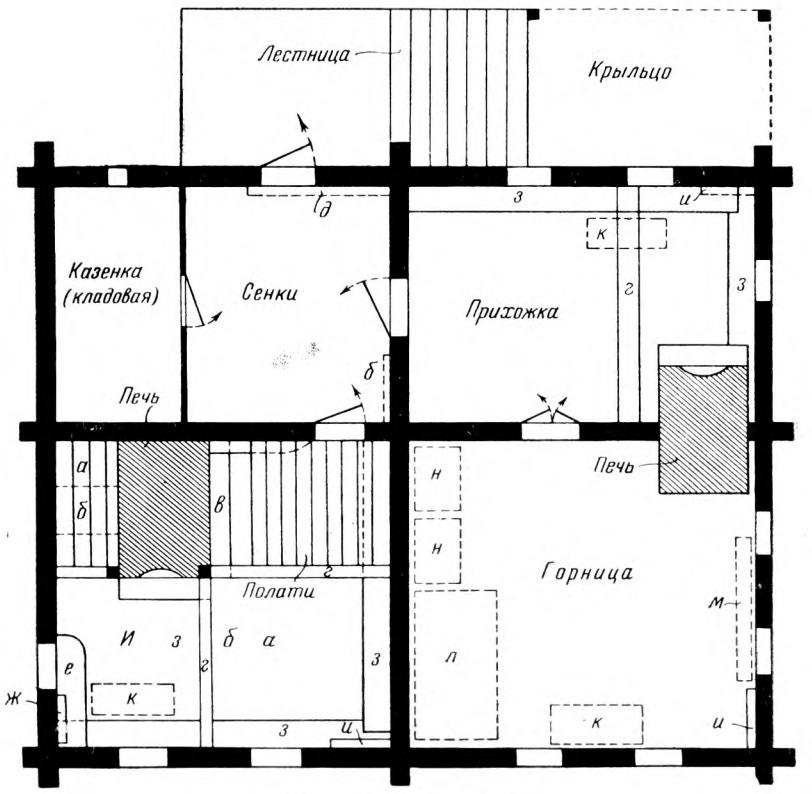


2

Рис. 23. Пятистенок

1 — изба со «щитом» на фронтоне украшена пропильной резьбой (дер. Княжино Моложского уезда Ярославской губ.); *2* — план (дер. Бурачиха Бежецкого уезда Тверской губ.)

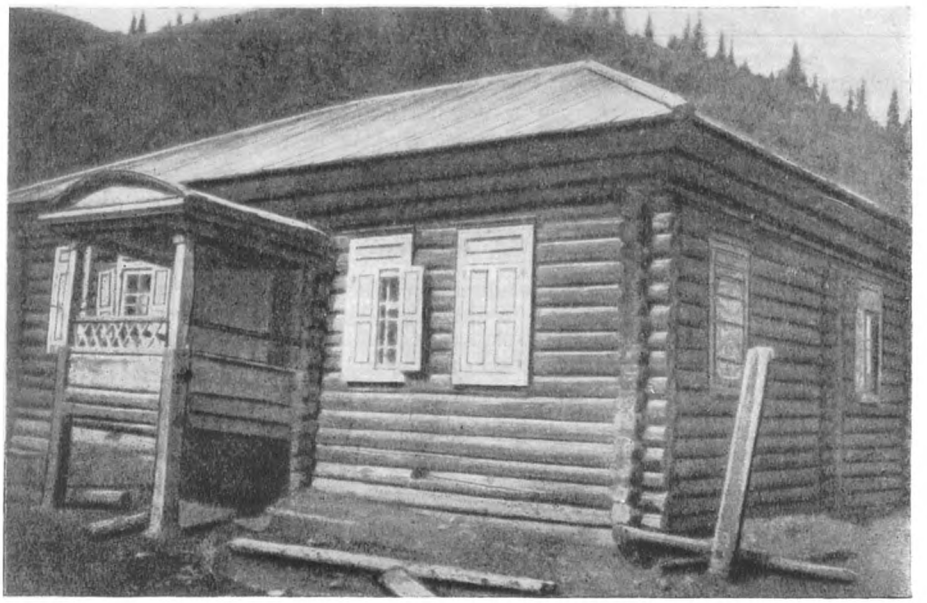
1



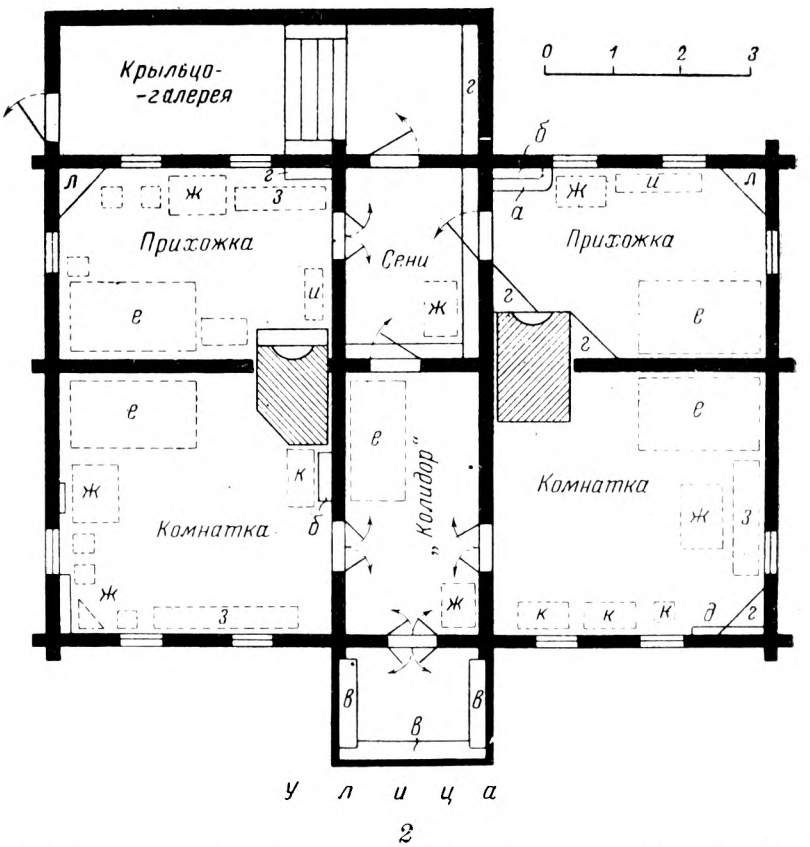
2

Рис. 24. Крестовый дом у русских сибиряков (Южный Алтай, Бухтарминский район)

1 — крестовик под четырехскатной тесовой крышей (дер. Коробиха); *2* — план крестовика (дер. Фыкалка): *а*—запечек и полатцы, *б* — западня (ход в голбец), *в*— голбчик, *г* — грядки, *д*—полки, *е* — залавок, *ж* — шкафик, *з* — лавки, *и* — божнички, *к* — столы, *л* — кровать, *м* — скамья, *н* — сундуки



1



2

Рис. 25. Крестовая связь у русских сибиряков (Южный Алтай, дер. Коробиха Бухтарминского района)

1 — связь с балконом от сеней, выходящим на улицу; *2* — план того же дома: *а* — залавок, *б* — шкафики, *в* — лавки, *г* — полки, *д* — божнички, *е* — кровати, *ж* — столы, *з* — диваны, *и* — скамьи, *к* — сундуки, *л* — угловые полки на высоте стола

с подпольями внизу, и двухэтажными, с жилым нижним этажом. Из богатых двухэтажных построек в зоне крытого двора особенно своеобразны северные двужирные избы — огромные рубленые хоромы, построенные по плану двоен и связей. В зоне покоеобразного двора обращают на себя внимание дома на кладовке, или полудомки, принадлежавшие в прошлом сельским богачам. Такой полудомок состоит из верхнего рубленого жилого этажа и развитого подвала, сложенного из кирпичей (служившего складом товаров у сельских лавочников). Полудомки известны в Горьковской обл., в низовьях Камы.

Таким образом, сложные формы крестьянских построек типичны для полосы срубного жилища, главным образом для северно- и средне-великорусов, в меньшей степени они имелись у белорусов, и еще реже — у южно-великорусов. Пожалуй, ярче всего это можно было наблюдать в средне-русской полосе, а также в Сибири, где кулацкий элемент был особенно силен.

Писатель П. И. Мельников-Печерский дал описание такого сложного дома, принадлежавшего богатому старообрядцу из крестьян: «Дом в два жилья, с летней светлицей на вышке, с четырьмя боковушами, двумя светлицами по сторонам, с моленной в особой горнице. Ставлен на каменном фундаменте, окна створчатые, стекла чистые, белые... На улицу шесть окон выходило. Бревна лицевой стороны охрой на олифе крашены, крыша красным червляком. На свесах ее и над окнами узорчатая прорезь выделана, на воротах две маленькие расшивы и один пароход ради красы поставлены... Внизу стряпущая, подклет да покои работников да работниц...» [1].

В связи с изменениями крестьянского жилища в пореформенное время следует указать еще на один фактор в социально-экономической жизни деревни — это отходничество. В результате ограбившей крестьянство реформы 1861 г. и возросшего малоземелья, огромное значение для крестьян получили всевозможные побочные заработки — кустарные и отхожие промыслы. «Громадные передвижения наших крестьян в поисках за работой по найму отмечены давным-давно нашей литературой» [2]. Известны два основных вида отходничества: первый — земледельческий отход на летние сельскохозяйственные работы по найму, главным образом из черноземных губерний (т. е. из южновеликорусских районов и лесостепной Украины) в Заволжье, Новороссию, на Кавказ; второй — неземледельческий отход на всевозможные летние и зимние заработки из губерний центра и Поволжья в города, индустриальные местности, на пристани и железные дороги и т. д. Неземледельческие отхожие промыслы охватывали гораздо большее количество народа, чем земледельческие. «...неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности...». К этому тексту В. И. Ленин сделал примечание: «Отхожие уезды значительно превосходят земледельческие и лесные местности по благоустройству своей жизни...». «Отхожие деревни резко различаются от оседлых: жилище, одежда, все привычки, увеселения скорее напоминают мещанскую, чем крестьянскую жизнь...» [3]. Это общее повышение культурного уровня отходников и их семей, с одной

[1] П. И. Мельников (А. Печерский). В лесах, кн. 1. М., 1955, стр. 14.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 200.
[3] Там же, стр. 505.

стороны, и высылка денежных средств домой — с другой, сыграли огромную роль в развитии крестьянского жилища центра России и Верхнего и Среднего Поволжья.

В «бабьей стороне», т. е. в северо-западных уездах Костромской губ., откуда был огромный неземледельческий отход, резко выделялись крашеные и резные дома удачливых «питерщиков», стоившие до 5 тыс. руб.

Одноэтажные или двухэтажные дома строились обычно из двух половин: в «чистой половине», с крашеными полами, обоями, мебелью, жили мало; она служила летней спальней, для приема гостей, для свадеб, крестин и поминок и т. п. Остальное время, а особенно зимой, все скучивались в «грязной половине», устроенной по старинке, с голбцем, полатями, лавками. Эти дома, писал один из авторов, «служат для тщеславия и играют такую же роль, как дорогие шубы и шелковые платья, надеваемые 2—3 раза в год... Часто нет средств у наследников для поддержания этих палат» [1].

Таким образом, целый ряд изменений и улучшений в жилище далеко не был связан только с кулацкой средой, а происходил в широкой середняцкой массе крестьянства районов с неземледельческим отходом. Но и в местностях с развитым земледельческим отходом последний оказал свое воздействие на изменения в крестьянском жилище, главным образом по линии усвоения новой техники возведения построек. Так, например, крестьяне из черноземных губерний, уходившие на заработки в причерноморские степи и на Кубань, приносили оттуда навыки наиболее рационального использования глины (для глинобитных, вальковых, саманных построек, глиносоломенных крыш и пр.), т. е., иначе говоря, они являлись проводниками сельского огнестойкого строительства в соломенно-деревянной южновеликорусской деревне.

Если проследить соотношения во времени наиболее распространенных типов жилища, то выясняется, по крайней мере для среднерусской полосы в целом, что со второй половины XIX в. постепенно сокращается число трехкамерных связей и вместо них всё возрастает число двухраздельных построек, в которых увеличивается и усложняется передняя жилая часть (изба с прирубом, пятистенок), сохраняются сени, но отмирает клеть. В центре, в Верхнем и Среднем Поволжье распространяется с конца XIX в. любопытная деталь устройства входа в дом прямо с улицы вместо того, чтобы входить с бокового заулка (при крытом дворе, стоящем сзади) или через ворота (в покоеобразном дворе): сохраняя исконное положение всего жилища перпендикулярно к улице, начали пристраивать сбоку коридор («колидор») вдоль всей постройки (избы и сеней) с выходом прямо на улицу, придающим домику полугородской вид [2].

В настоящее время без специального исследования невозможно получить общую, крайне сложную картину соотношения распространенности различных типов русского крестьянского жилища на тот или иной отрезок времени. Материал в литературе и архивах накопился по отдельным районам огромный, начиная с середины XIX в., но он требует тщательной обработки, сводки и изучения, главным образом в связи с социально-экономическими условиями жизни населения.

---

[1] Д. Н. Жбанков. Бабья сторона. В кн. «Материалы для статистики Костромской губ.», VIII. Кострома, 1891, стр. 61.

[2] Название «коридор», «колидор» закрепилось в отдельных местах и за настоящими сенями, например в некоторых подгородных районах, у донских казаков, у казаков Западной Сибири и др.

В качестве примера можно привести данные (в процентах) из различных источников:

Год	Местность	Изба+сени	Связь из двух изб	Изба с прирубом	Пятистенок	Крестовик
1882	Тульская губ. Одоевский уезд*	89	11	—	—	—
1924	Тверская губ. Ржевский уезд**	63,5	15,5	14	7	—
1927	Русские селения Горного Алтая***	48,5	11,5	—	32,5	7,5
1929	Московская губ. Дмитровский уезд****	61,7	9,0	27,7		1,6

* „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России", вып. VIII. СПб., 1882, стр. 1267 (обследовано 10 деревень).

** Н. П. Гринкова. Постройки юго-западной части Ржевского уезда" В кн. „Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края". Л., 1926, стр. 159 (обследована 31 деревня).

*** Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев. В кн. „Бухтарминские старообрядцы". Л., 1930, стр. 201 (обследовано 5 деревень).

**** К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930, стр. 131 (обследовано 48 селений).

Лишь детальное изучение, сопоставление и картографирование аналогичного материала по всем районам страны даст возможность представить распространенность основных типов жилища во времени и пространстве, причины их смены и преобладания в том или ином районе.

На Украине и вообще в степной полосе усложнение жилища путем увеличения числа жилых помещений (не считая старой общей восточнославянской связи, состоящей из хаты, сеней и коморы) разрешалось несколько иными способами, чем в более северных районах. За редким исключением, сохранялась основная планировка и конструкция жилища в целом, вся постройка несколько увеличивалась, основные помещения разделялись перегородками и, таким образом, получались комнаты разного назначения. Искания нового приема планировки жилья различно отразились на двухкамерном и трехкамерном типах строений. В последнем типе прежде всего стали увеличивать площадь, делая выступ на заднем фасаде для выделения кладовой (рис. 26, *а*) или кухни (рис. 26, *б*). Наряду с этим стали выделять небольшие спальни, отделенные от основной части жилья печью (рис. 26, *в*).

Развитие двухкамерного жилища пошло дальше, так как давало больше возможности варьировать внутреннюю планировку. Прежде всего, здесь появляется кладовая — путем пристройки или выделения ее в сенях (рис. 26, *г*), затем сзади делается пристройка (рис. 26, *д*). Далее, мы видим выделение спальни (рис. 26, *е*); в сенях, наряду с кладовой, имеется особое помещение, в котором зимой держат молодняк скота. И, наконец, появляется значительно усложненная форма (рис. 26, *ж*), где в сенях выделена кладовая, а сама хата разделена на кухню-столовую, спальню и гостиную.

В отдельных районах, например на Полтавщине, усложнение внутреннего плана жилища является довольно давним, так что установилось несколько типов сложной планировки хат с четкими названиями

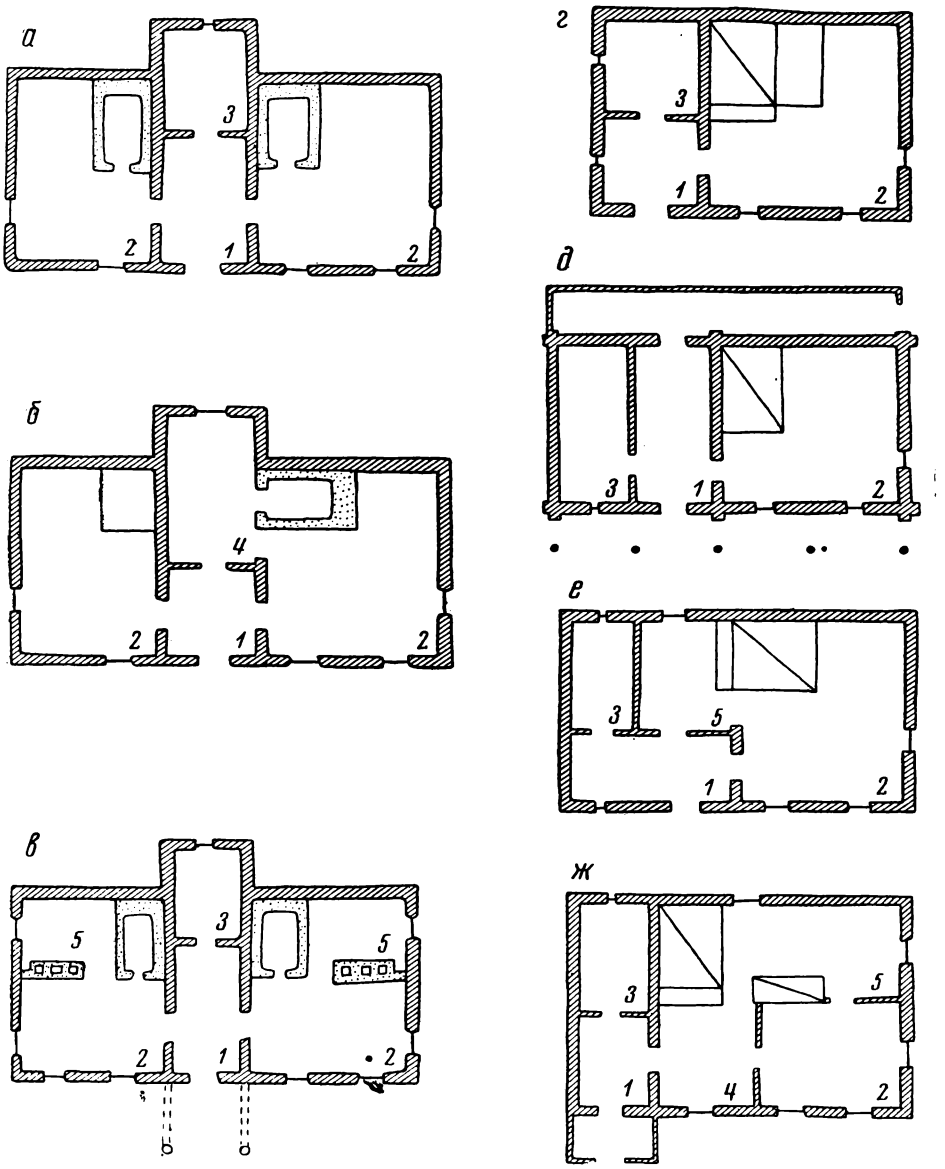


Рис. 26. Усложнение горизонтального плана украинской хаты

I — трехкамерное жилище: *а* — образование выступа с кладовой (Киевщина); *б* — выделение кухни (Киевщина); *в* — выделение спаленок (пригород Винницы); *II* — двухкамерное жилище: *г* — выделение кладовой в сенях (Киевщина); *д* — выделение кладовой и пристройка сзади (Харьковщина); *е* — выделение кладовой и спальни (Киевщина); *ж* — выделение кладовой, спальни и кухни (Подольщина)

1 — сени; *2* — жилое помещение; *3* — кладовая; *4* — кухня; *5* — спальня

отдельных помещений. Так, если холодное помещение, отделенное перегородкой в сенях, служит только для хранения разных домашних вещей, то это чулан; он или остается совсем темным или для освещения делается высоко в стене небольшое «віконце». Если же здесь летом спит молодежь, то в стене устраивают одно-два окна и более плотно убивают пол глиной — это *хижа*. Если нужно получить в сенях добавочное жилое и теплое помещение, то его приделывают непременно к стене, за которой в хате стоит печь, и к задней стене сеней и обязательно снабжают потолком (в то время как сени и чулан потолка не имеют),— это *хати́на*. Иногда из хатыны есть проход прямо в хату в простенке около края печи, обыкновенно без дверей, с занавеской. Для лучшего отепления хатыны кладут иногда дополнительную печку — *гру́бу* и ее топят тогда, когда печь в хате остынет к ночи. Хатына распространена гораздо больше, чем хижа; часто она превращается в кухню и столовую, а в хате спят и принимают гостей. Иногда в сенях устроены и чулан и хатына.

Стремление устроить свое жилье возможно лучше и удобнее выразилось у зажиточных хозяев в создании *домка* с круговым ходом. Домок представляет собой трехкамерную постройку из двух хат с сенями, в которых устроена хатына; все теплые помещения соединены дверями; войдя из сеней в хату с одной стороны, можно выйти в них с другой, обойдя подряд все помещения [1].

В степной полосе Украины издавна распространен еще один тип, в котором две хаты идут подряд с одной стороны сеней и соединены дверями; здесь уже получается удлинение всей постройки путем пристройки дополнительного помещения — *кімна́ти,* это — «хата на дві половини», т. е. состоящая из передней хаты и чистой половины — кімнати [2]. Другое местное название — «из хаты в хату». Эта планировка жилища встречается и у южных великорусов вне зоны срубных построек (автор встречал в 1920-х годах кирпичные избы такого плана в Воронежской обл.).

Повидимому, усложнение плана дома на Украине в меньшей степени отражало на себе зажиточность хозяйства. Так как хату строят большей частью без мастеров-строителей и каждый хозяин почти всегда сам является специалистом несложной техники турлучных построек, то возможность возведения усложненной планом хаты определялась, помимо потребности, наличием нужного количества рабочих рук в семье и возможностью организовать толоку — по́мочь из соседей и родственников.

В соседних и взаимосвязанных районах, населенных великорусами и украинцами (например, в Воронежской обл.), распространена была «хата с прихатником», т. е. с дополнительным помещением в виде выступа, перпендикулярного к оси двухкамерного жилища.

Отдельно следует остановиться на тех видах вертикального усложнения построек, которые обусловливались не социальными или экономическими причинами, а вызывались природными условиями местности.

В пределах Восточно-Европейской равнины особые условия для поселения человека создавались в тех местах, где на берегах рек обширные низины заливались во время весеннего половодья и население вынуждено было так или иначе приспособить свои постройки к этим ежегод-

[1] М. А. Русов. Указ. соч., стр. 104—105.
[2] Там же, стр. 105.

ным подъемам речных вод. Так возникли районы со свайными постройками, представляющими совершенно необычную картину для русской деревни.

Свайные постройки были распространены в междуречье Мологи и Шексны, на той территории, которую в настоящее время занимает Рыбинское водохранилище; они отмечены в г. Макарьеве Горьковской обл., расположенном на левом, низком берегу Волги. Наиболее известны селения в низовьях р. Костромы, весенние воды которой до устройства

Рис. 27. Свайные постройки русского Севера: амбары и пристани для лодок (Сумский посад Архангельской губ.)

Рыбинского водохранилища сплошь заливали всю эту местность [1]. На массивных четырехметровых сваях ставили здесь избы, бани, амбары, овины, даже церкви (сохранилась церковь на сваях постройки XVII в.). Ко всем постройкам с земли вели высокие лестницы, а в половодье сообщение происходило на лодках [2].

---

[1] Н. А. Некрасов в стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы» описал деревню в этой местности:

Нравится мне деревенька его...
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция)...

[2] О свайных постройках в низовьях р. Костромы см. В. И. Смирнов. Свайные постройки Костромского района (По материалам обследования 1926 г.). СЭ, IV, 1940, рис. 1—26; И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, стр. 21—33, рис. 11—17, 102—106; И. Гроздова и Л. Чижикова. Верхневолжская экспедиция по изучению русского народного зодчества. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 14—15, рис. 2.

На среднем и нижнем Дону казачьи дома, во избежание затопления во время разлива рек, возводились на высоких подвалах, что вызывало необходимость устройства лестниц (ступениц), ведущих в жилой этаж [1] (об этих донских домах уже говорилось выше, в связи с обводными галерейками на уровне жилого этажа). Ниже устья р. Медведицы казачьи дома нередко двухэтажные: «верхи́» — чистое помещение, «низы́» заняты кухней, кладовой и пр.; в «низах» живут обычно только летом [2].

Совсем не изучены интереснейшие постройки русских поморов, в которых высокие избы рублены в одну общую конструкцию с поставленными на сваи амбарами и пристанями, например старинные постройки Сумского посада, расположенного по обоим берегам р. Сумы недалеко от ее впадения в Онежскую губу Белого моря (рис. 27).

Наиболее массовое явление в вертикальном членении жилища представляет постепенный переход от поземных изб к избам на подклете. Во многих районах Псковской, Великолукской, южной части Калининской и других областей еще в первой половине XIX в. полы в избах были земляными. Иначе говоря, граница распространения деревянного пола в течение XIX в. значительно продвинулась на запад и на юг.

---

[1] М. Красовский. Указ. соч., рис. 6 на стр. 21.

[2] Известно, что г. Новочеркасск был основан (в 1805 г.) и в него переведено войсковое управление потому, что Черкасск (старинный центр Области Войска Донского и резиденция атамана; впоследствии станица Старочеркасская), построенный на сваях, очень страдал от весенних разливов Дона. См. В. П. Семенов-Тян-Шанский. Россия, т. 14. Новороссия и Крым. СПб., 1910, стр. 69.

VI. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КРЕСТЬЯНСКИХ УСАДЕБ И НАДВОРНЫЕ ПОСТРОЙКИ

(Способ застройки усадебного места)

Несмотря на то, что к XIX в. на восточнославянской территории сложились четкие типы застройки крестьянской усадьбы, стройной классификации их до сих пор не существует [1]. Русская дореволюционная этнография мало интересовалась теоретическими вопросами происхождения и классификации различных сторон народного строительства и лишь после Великой Октябрьской революции стали появляться небольшие статьи, посвященные систематике элементов великорусского жилища [2].

Ввиду сложности и разнообразия причин, определяющих характер застройки крестьянской усадьбы, а также вследствие неразработанности данного вопроса в русской этнографической науке, при классификации этого элемента культуры пока не удается выдержать единства principium divisionis (принципа разделения) и приходится строить схему на основании нескольких близких признаков.

Если за основу классификации крестьянских усадеб (в том виде, в каком они сложились к середине XIX в.) у восточных славян взять в качестве главного признака характер примыкающего к жилищу двора, то схема классификации будет выглядеть так, как она показана на приведенной таблице (стр. 162—163).

СЕВЕРНОРУССКИЙ ДВУХЪЯРУСНЫЙ ДОМ-ДВОР

Двухъярусный дом-двор распространен к северу от верхней Волги — в Карельской АССР, в Архангельской и Вологодской областях, в северо-восточных частях Ленинградской, Новгородской и Калининской, на севере Ярославской, Костромской, Кировской и Молотовской областей. Западная граница преобладания этого типа идет от Ладожского озера западнее Мологи к Волге, захватывая северо-восточные части Новгородской и Калининской областей; восточная граница проходит в

---

[1] Попытка подобной классификации есть в работе К. Рамма (K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Die altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910), который широко использовал русские источники. Но его классификация — три типа соединения крытого двора с домом: Einbau, Zwiebau, Querbau, — не охватывает всего разнообразия форм.

[2] Здесь прежде всего следует указать статью С. П. Толстова «К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России» (в сб. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929) и несколько статей из сборника «Крестьянские постройки» (М., 1929).

Основные группы	Застройка		Преобладающая постановка жилища по отношению к улице	Соотношение жилища и двора	Территория распространения
	тип	подтип			
Крытый двор, вплотную примыкающий к жилью	I. Крытый двухъярусный двор (северно-русский тип)	Связь: 1. Однорядная 2. Двухрядная 3. Слитная 4. Глаголем 5. Поперечная	При рядовом уличном плане — обычно перпендикулярна к улице	Жилище составляет с двором одно целое	Архангельская и Вологодская области, Карельская АССР; северо-восток Ленинградской, Новгородской и Калининской обл.; север Ярославской, Костромской, Кировской и Молотовской обл.
	II. Крытый одноярусный двор (среднерусский тип)	Связь: 1. Однорядная 2. Двухрядная 3. Слитная 4. Глаголем 5. Поперечная	Двухкамерное (изба + + сени) всегда перпендикулярно к улице, трехкамерное — большей частью параллельно улице (вдоль нее)	Крытый двор примыкает к жилищу	Псковская (север и северо-восток), Ленинградская, Новгородская, Калининская, Ярославская и Костромская обл.; север Ивановской и Горьковской обл.; встречается на севере Московской и Рязанской обл.
		6. Трехрядная связь	Перпендикулярно к улице	То же	Псковская, Кировская, Молотовская обл., Западная Сибирь
		7. Двор на отставе	Неопределенно		Спорадически в Псковской, Костромской, Горьковской, Кировской обл.
Открытый сверху двор, окруженный надворными строениями (замкнутый в плане). Жилище составляет часть окружения двора	III. Покоеобразная застройка в среднерусской полосе	1. Московский	Неопределенно	Открытая часть двора очень невелика, изба и надворные постройки почти сходятся крышами в центре двора	Московская, Владимирская и Горьковская обл., юго-запад Калининской обл., север Калужской и Рязанской обл., восток Смоленской и Великолукской обл.
		2. Псковский	Перпендикулярно к улице	Открытая часть двора невелика, постройки расположены в три ряда	Псковская (юго-запад), Великолукская (юг и запад) обл.

Продолжение

Основные группы	Застройка: тип	Застройка: подтип	Преобладающая постановка жилища по отношению к улице	Соотношение жилища и двора	Территория распространения
		3. Волжско-камский (вятский)	Перпендикулярно к улице	Открытая часть двора значительно больше и возрастает по направлению к югу	Кировская, Молотовская, Свердловская, Ульяновская, Куйбышевская обл.; приволжские районы Саратовской и Сталинградской обл.; Удмуртская, Марийская, Чувашская, Татарская и Башкирская АССР
		4. Веночный двор белорусов Двор северных украинцев	То же	Открытая часть двора довольно велика	БССР — восток (Витебская, Могилевская, Гомельская области, Полесье). УССР — север Черниговской и Сумской обл.
	IV. Четырехугольный открытый двор (южновеликорусский тип)	1. Круглый двор южных великорусов (вариант — двор-крепость)	Всегда вдоль улицы	Открытая часть двора представляет значительное пространство	Смоленская, Калужская, Тульская, Брянская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская обл. и юг Рязанской
		2. Гуцульская гражда	Параллельно передней стене усадьбы, в глубине двора		УССР — горная часть Станиславской обл.
Открытый сверху двор, окруженный только невысокой изгородью (не замкнутый в плане постройками)	V. Открытый двор, по которому разбросаны отдельные надворные строения (украинский тип)	Усадьба: 1. Центральной Украины 2. б. Галиции 3. Донских казаков 4. На Кубани 5. Западной Белоруссии	Ориентировано обычно по странам света, обращено фасадом на южные румбы	Хата может стоять в любой стороне двора (местные варианты), но всегда у изгороди или вместо части изгороди	УССР (большая ее часть), Ростовская и Сталинградская обл., Краснодарский и Ставропольский края, заволжские районы Саратовской и Куйбышевской обл., Чкаловская обл.

направлении от Волги к северо-востоку, между Кировом и Котласом, но отдельные случаи бытования дома-двора отмечены и гораздо западнее, вблизи Новгорода [1] (рис. 28).

Яркое описание северновеликорусского дома-двора в дореволюционное время дал известный писатель М. М. Пришвин, отметив при этом различия постройки в бедняцких и кулацких хозяйствах:

«Вот большая прекрасная изба, а рядом с ней жалкая, похожая на кучу дров, избушка с полуразрушенной крышей. Общего между этими избами только их бросающаяся в глаза оригинальная северная архитектура. Под одной кровлей здесь укрыты и жилище человека и все хозяйственные дворы. Но прежде всего бросается в глаза, что даже самая маленькая изба построена в два яруса, причем в нижнем ярусе не живут, а он служит только для тепла, для хранения хозяйственных вещей. Останавливает внимание также мостовой деревянный въезд (в телегах) на верхний ярус к той части, где помещается верхний деревянный двор. Тут на этом дворе хранится хлеб, сено, солома, а внизу помещается скот» [2].

При постройке крытого двора, по тем или иным причинам (форма и размер усадебного участка, тип жилой избы, экономические возможности хозяйства, традиции или «мода» в данной местности, бóльшая или меньшая выгодность того или иного способа, личные вкусы хозяев и т. д.) двор может ставиться в различном положении по отношению к жилищу. В зависимости от соотношения и связи крытого двора и жилья в пределах этого типа можно выделить несколько вариантов, или подтипов, застройки усадьбы:

1) однорядная связь: крытый двухъярусный двор пристроен сзади избы, по одной оси (изба — сени — двор) «под одну связь», как говорят крестьяне; коньки крыш составляют продолжение один другого;

2) двухрядная связь: изба и крытый двор стоят рядом; коньки их двускатных крыш параллельны;

3) слитная (замаскированная, скрытая) двухрядная связь: двор стоит рядом с избой, но покрыт огромной односкатной крышей, примыкающей к коньку крыши избы (над всей усадьбой получается одна, асимметричная двускатная крыша) (см. рис. 18);

4) глаголем: крытые хозяйственные постройки охватывают избу сбоку и сзади [3]. Внешний вид усадьбы, особенно со стороны фасада, может мало отличаться от предыдущего, но планировка усадьбы совершенно иная; это «двор с отливом»;

5) поперечная связь: крытый двор примыкает к длинной стороне трехкамерной постройки, образуя с ней в плане Т-образную фигуру.

Все эти пять подтипов встречаются по всей зоне данного типа.

Наиболее распространена однорядная связь, второе место занимают слитные формы, отмечаемые изредка в Архангельской и Вологодской областях, а главным образом в Карельской АССР и Коми АССР (в Карелии этот тип застройки русские зовут «кошелём»), в Молотовской обл. Реже всего можно встретить северный вариант двухрядной связи: в недавнем прошлом он бытовал на севере Ярославской обл. (северные части

---

[1] В этнографической литературе этот тип крестьянской застройки принято называть «поморским»; это неправильно, так как область распространения его, как мы видим, во много раз шире, чем районы обитания русских поморов.

[2] М. М. Пришвин. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. СПб., [б. г.], стр. 68—70.

[3] Т. е. имеющий в плане форму буквы Г (в церковнославянском алфавите название этой буквы — «глаголь»).

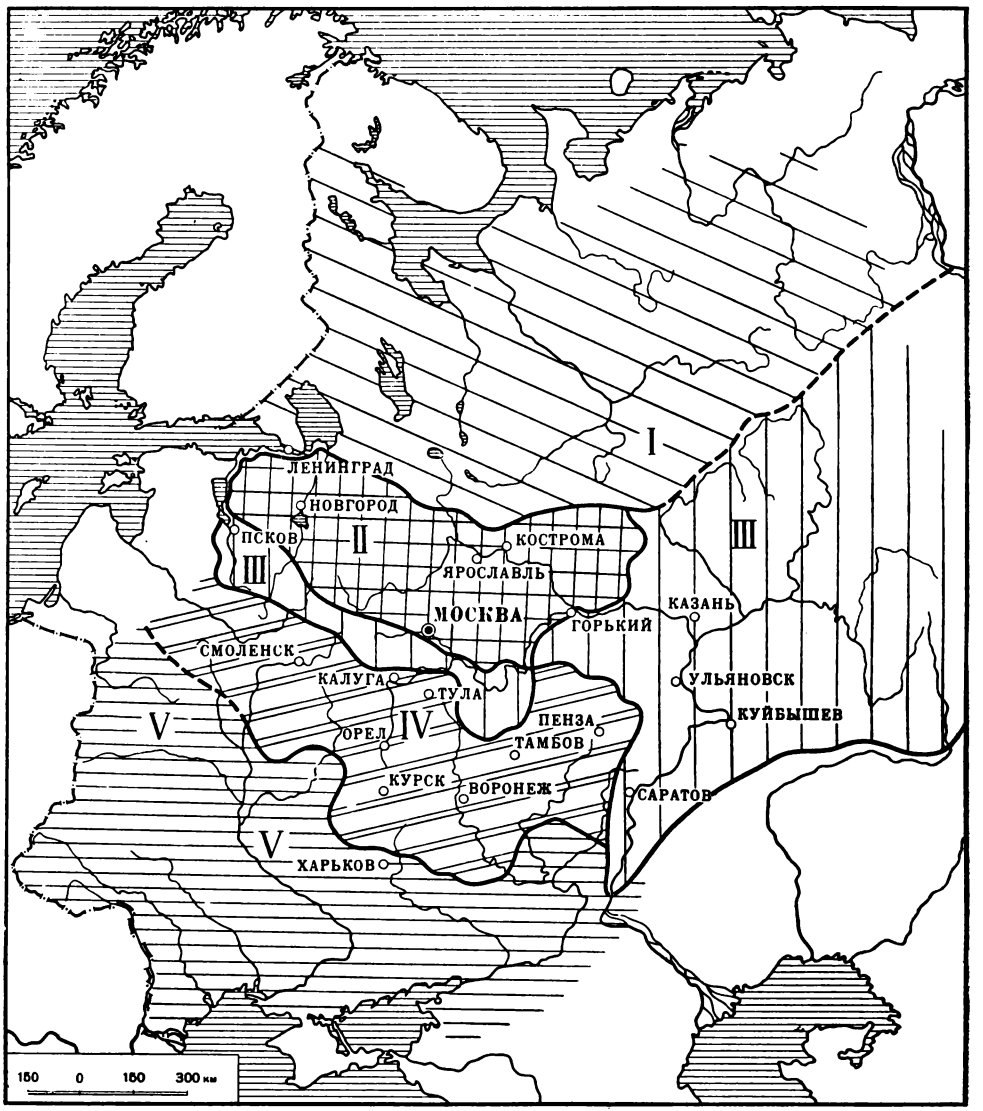


Рис. 28. Схема распространения типов крестьянской застройки

I — район преобладания дома-двора; *II* — район среднерусской застройки; *III* — район покоеобразного двора с избой, поставленной перпендикулярно к улице; *IV* — район четырехугольного замкнутого двора с избой, поставленной параллельно улице; *V* — район незамкнутых дворов

б. Моложского и Пошехонского уездов, теперь занятые Рыбинским водохранилищем), изредка встречается в южной части Вологодской и в северных частях Кировской и Молотовской областей, решительно преобладает у коми-пермяков. В русской северной деревне этот подтип за последние сто лет встречается все реже и реже.

Дом-двор типичной однорядной связи имеет двухкамерную жилую часть — изба и за ней сени, или *мост* (как называют сени на Севере); стоящий за сенями двор связан с ними таким образом, что стены двора составляют продолжение стен жилой части, образуя большое четырехугольное в плане здание, чаще расположенное перпендикулярно к улице или дороге (в Архангельской обл. такой однорядный дом-двор нередко стоит и вдоль улицы).

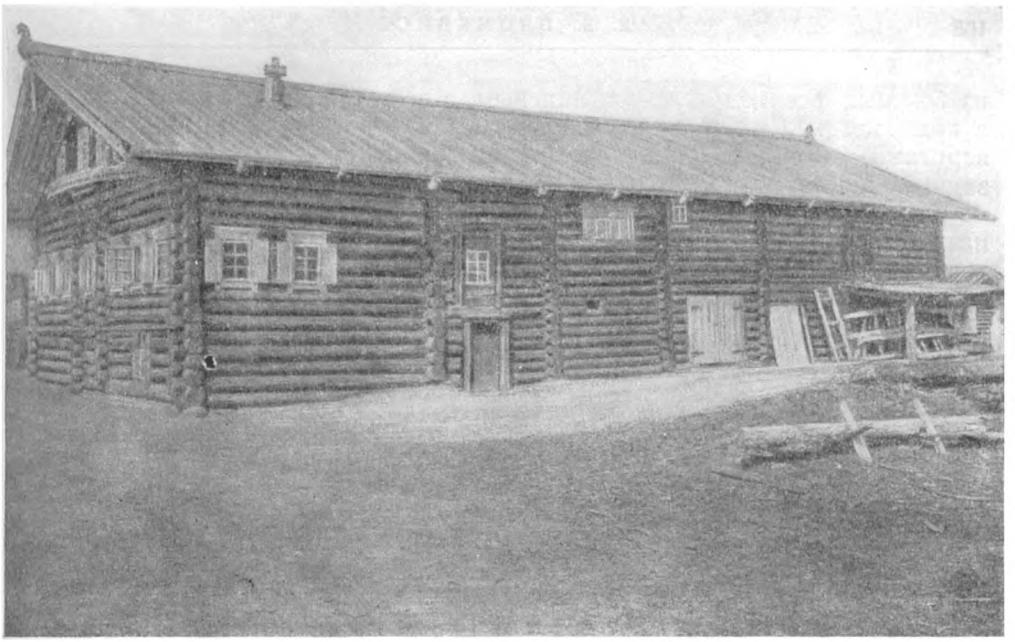
В развитой форме дома-двора жилая часть является трехкамерной; это или связь из двух изб с сенями посредине, выходящая передним фасадом (длинной стороной) на улицу, или изба-двойня, или пятистенок; к этому трехкамерному жилью примыкает сзади двухъярусный двор. Если двор по ширине равен избе, то стены двора и избы находятся в одной плоскости и получается большое прямоугольное в плане здание (дом «брусом», как называют его русские в Карелии; рис. 29, *1*). При односрубной избе в этом случае двор получается нешироким, он не всегда может удовлетворить всем нуждам хозяйства; поэтому двор часто бывает шире избы, подходит к избе сзади и сбоку, под «полóй» двускатной крыши; это «двор с отливом», т. е. план его глаголем. При избе-двойне, а особенно при трехкамерной связи (стоящей вдоль улицы), чтобы двор не получался излишне широким, его строят у́же жилой части и он примыкает сзади по оси сеней, так что весь дом-двор образует в плане Т-образную фигуру (поперечная связь).

Анализ пяти основных подтипов связи дома с двором на Севере приводит к убеждению, что наиболее поздний из них — первый (под одну связь). В то же время, будучи более прочным и удобным во многих отношениях, он уже с XIX в. начал заменять собой другие подтипы и поэтому, к нашему времени, преобладает среди построек русского Севера. Все остальные подтипы большей частью представляют собой остатки старины, в отдельных случаях являясь памятниками XVIII в.

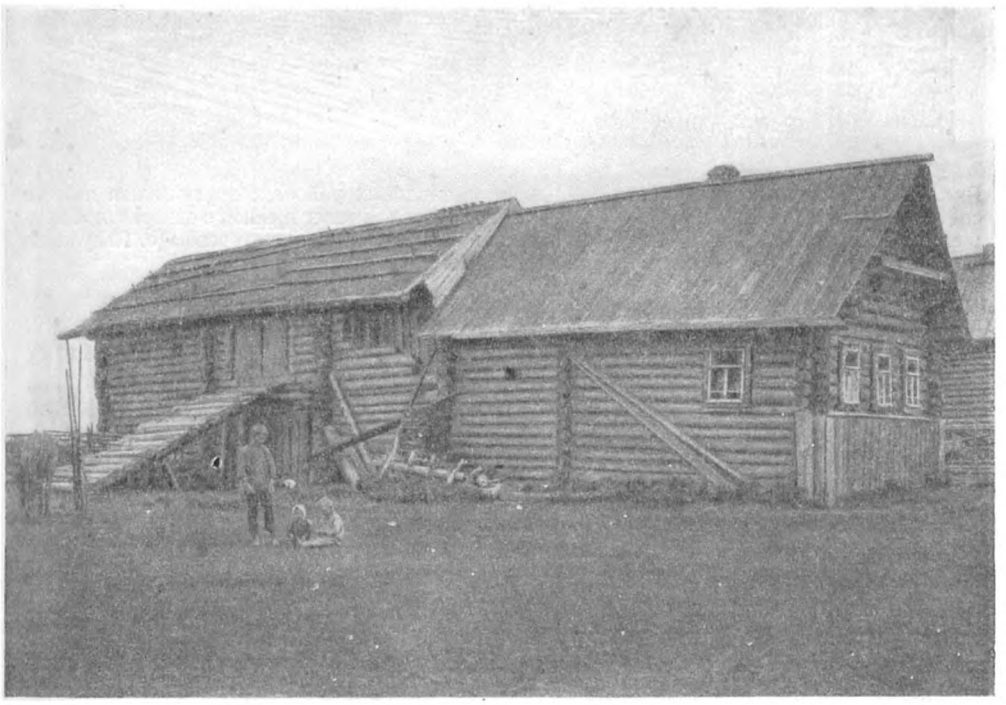
В ряде районов, например по рекам Ваге и Северной Двине, полная форма дома-двора под одной общей двускатной крышей имеет следующие главные части, считая от дороги или улицы селения: *перёд* — летняя изба (большей частью двойня или пятистенок) с сенями, которые называются *летний мост, серёдка* (или *передворье*) — скотный двор с поветью над ним, *озáдок* — зимняя изба с сенями (*зимним мостом*). При одновременной постройке всех этих частей границы между ними совершенно сглажены с внешней стороны и весь дом-двор представляет монолитное строение, разделенное поперек четырьмя стенами на пять отдельных частей. Весь дом-двор в целом называется *хоромы;* сени, середку и все прочее вместе, без передней избы, называют *подворьем*.

Постройка всего дома одновременно была прежде доступна лишь немногим зажиточным хозяйствам; дом большей частью возводился постепенно, причем прежде всего начинали строить зимнюю избу, как основную и наиболее нужную часть дома, после нее — середку и уже последним по времени воздвигали перед. Иногда проходило немало лет, прежде чем хозяйство могло закончить всю стройку.

При разновременном сооружении отдельных частей нередко ширина озадка, середки и переда оказывается различной, и боковые фасады такого дома часто представляют вследствие этого ломаные линии. Один



1



2

Рис. 29. Севернорусский дом-двор

1 — дом-двор брусом, представляющий монолитное сооружение; перед состоит из избы-двойни на высоком подклете, за сенями видны окна горниц на повети; *2* — одноэтажная изба, двор по ширине равен избе, взвоз подходит сбоку, перпендикулярно к оси дома-двора (Карелия)

из боковых фасадов является лицевым, с его стороны устраивают входы с крыльцами в летнюю и зимнюю избы и ворота в скотный двор; над воротами — большие окна горницы или горниц; другой боковой фасад — задний, к нему примыкает взвоз; на нем имеются окошечки клетей.

Зимняя изба обычно делалась ниже переда, на что указывает и ее название в западных районах Архангельской обл.— *позёмка.*

При постройке середки (нижний ярус которой называется *поскотница)* место для нее предварительно выравнивалось и несколько углуб-

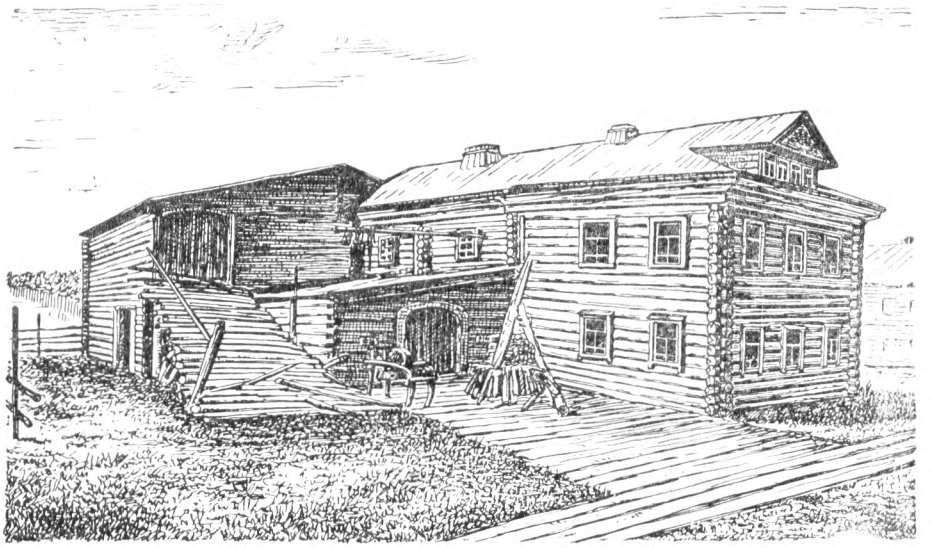


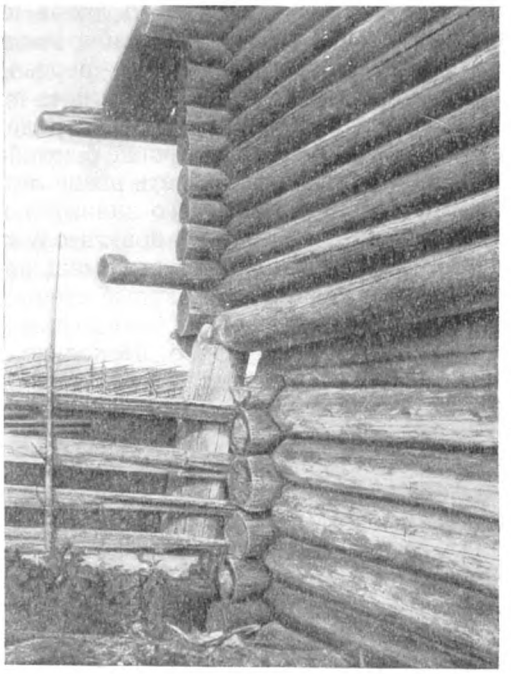
Рис. 30. Вариант севернорусского дома-двора в западных районах; двухэтажная изба со светелкой; в углу между избой и двором — пристройка для телег и саней с односкатной крышей, на которую выходят окна горниц; подъезд к воротам вымощен деревом (с. Подужемье Кемского уезда Архангельской губ.)

лялось, чтобы навозная жижа не вытекала за стены двора наружу. Стены двора возводились без прокладки мхом, все помещение поэтому являлось холодным. Внутри двора строились *стаи* — срубные хлевы, утепленные мхом; от постоянной испарины они сравнительно быстро сгнивали и требовали перестройки, когда остальные части середки находились еще в хорошем состоянии. Поэтому обычно помещения для скота конструктивно не связаны с остальной постройкой, а именно: опорой всего здания служит конструкция из массивных столбов — свай, на которых покоятся толстые прогонные балки, и на этой опоре возведен весь второй ярус. Перепревшие хлевы можно было сменять, не трогая всей конструкции в целом (рис. 31, *1*). Обычно строили малый хлев для мелкого скота, большой хлев для коров, конюшню, также называемую «стаей» (устроена она была обычно в конце двора, рядом с зимней избой), которую ставили без прокладки стен мхом и не конопатили. Иногда конюшню (и изредка даже и хлевы) выносили за пределы середки, но, повидимому, сравнительно редко. И в середке и в стаях пол деревянный, вымощенный накатником или плахами [1].

[1] Бревенчатые настилы полов найдены в хлевах и крытом дворе в постройках X в. в Старой Ладоге (см. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 33 и рис. 27—28).

Рис. 31. Надворные постройки севернорусского дома-двора

1 — угол повети, подпираемый толстым столбом-сваей; внизу — отдельно срубленный хлев (погост Великая Губа, Карелия); *2* — клеть на повети (с. Копорье Моложского уезда Ярославской губ.)



1

2

Второй этаж двухъярусного двора составляет *повѐть* (или *повúть*, реже *сенник, верхний двор*), набираемая из толстых плах — повитниц; повитницы уложены на балки — переводы, составляющие часть общей опорной конструкции двора. Настлана поветь на такой высоте, чтобы под ней могла проехать полная зимняя и летняя упряжка лошадей [1]. Поветь находится почти на одном уровне с летним мостом, так что между ними — ровный переход; иногда поветь выше летнего моста на один «приступок», а с зимнего моста, лежащего значительно ниже повети, на последнюю всегда ведет лесенка. Часть повети служит сеновалом.

Иногда в целях увеличения помещения для сена поветь при постройке удлиняли настолько, что боковые стены приходилось связывать еще третьей, поперечной, стеной (это называется «середка с перерубом»). В конце повети прорублено несколько *окон* — отверстий в настиле для спуска вниз корма скоту, приходящихся над яслями; эти же отверстия служат для вентиляции воздуха в хлевах.

Для взъезда на поветь лошади с возом сена служил *взвоз (звоз, взвозье, взъезд, съезд, съездо, съез)*. Взвоз представляет собой (если употребить архитектурный термин) своеобразный пандус на сваях, т. е. пологий наклонный накат из толстых бревен, уложенных поперек. Чтобы копыта лошади не скользили при подъеме по наклонной плоскости и имели бы прочный упор, его часто делали так: стесывая поверхность взвоза, в средней части его оставляли бревна круглыми, пропуская через бревно; ширина этой своеобразной лестницы равна расстоянию между колесами телеги и полозьями саней. В большинстве случаев взвоз имеет боковые ограждения — перила из одной-двух обтесанных жердей, заведенных в столбы, врытые в землю и являющиеся опорой взвоза [2]. Взвоз может примыкать к любой стене двора и сзади и сбоку, и даже спереди (если двор с отливом). Если взвоз подходит к стене не перпендикулярно, а пристроен сбоку, вдоль стены, то на высоте наката повети он заканчивается площадкой на столбах (называемой на Севере *гýзно)*, чтобы сани или телега могли развернуться. Если же взвоз подходит к стене перпендикулярно, то горизонтальная площадка не нужна и он состоит только из наклонной части (см. рис. 29, *2*). Реже над взвозом устраивали навес [3]. Тип взвоза, придававшего столь характерный вид старому северному дому-двору, зависел от формы усадебного участка, определявшего то или иное направление взвоза, и от установившейся традиции в данной местности. В особо благоустроенных хозяйствах для удобства проезда делали два взвоза на поветь — спереди и сбоку двора [4].

С начала XX в., в связи с ростом селений и уменьшением приусадебных участков, в южной части зоны сплошного бытования дома-двора (например, на юге Вологодской, на севере Ярославской и Костромской областей) взвоз стал постепенно исчезать. При отсутствии взвоза сено метали с земли, стоя на возу, в широкие ворота наверху. Следующая

[1] В отдельных местах зоны бытования двухъярусного дома-двора старое русское название «поветь» забыто и вытеснено широко распространенным словом «сарай», вошедшим в славянские языки из тюркских языков.

[2] Зарисовки и фото взвозов с перилами и со ступенями для лошадей см. Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, рис. 190, 192, 194—196. На последней фотографии можно видеть на взвозе у особо рачительного хозяина ступеньки и сбоку для людей. В богатых домах взвоз иногда делался настолько широким, что по нему въезжала целая тройка. Любопытно, что взвозы известны и в скандинавских крестьянских постройках, например в северной Норвегии.

[3] Фото крытых взвозов см. Р. М. Габе. Указ. соч., рис. 191 и 193.

[4] Такой двор с двумя взвозами можно видеть в кн. «Русское зодчество», вып 3. М., 1953, табл. 4, рис. 1. (Усадьба постройки 1882 г. в дер. Потаповщина Карельской АССР; третий подтип — слитная связь).

стадия — верхние ворота заменило широкое окно, закрывавшееся щитом. За последние 25 лет, со времени социалистического переустройства деревни, в связи с обобществлением лошадей и части крупного рогатого скота стало ненужным хранить в отдельном хозяйстве такое огромное количество сена и другого корма для скота и разные средства передвижения. Поэтому взвозов вновь не строят, а старые разбирают на дрова. Таким образом, в наши дни взвоз — совсем уже исчезающая деталь северных крестьянских «хором».

На повети нередко бывают сооружены надстройки, примыкающие к боковым стенам середки и конструктивно с ними связанные,— это горницы и клети (рис. 31, *2*), которые имели различный вид и величину. Чаще у боковой фасадной стены над дворовыми воротами устраивали горницу, иногда даже во всю длину повети, от летнего до зимнего моста, а к противоположной стене прирубали одну-две клети; входы в эти помещения — с повети. Середина повети между горницей и клетями оставалась свободной, по ней проходили из зимней части дома в летнюю, отсюда вел ход и на конюшню.

Горницы на повети могут быть теплые и холодные; в доме, занимаемом большой семьей, на повети, кроме теплой (зимней) горницы, может быть одна или две холодные (летние) горницы. Зимнюю горницу складывали на мху, утепляли пол и потолок, т. е. накат повети использовали как нижний пол — *подполок,* насыпая на него землю или опилки (как на потолок избы), и сверху настилали второй пол, ставили печь-лежанку. В летней горнице полом служил тот же помост повети, лишь более гладко выструганный; печи не было. Окна в горницах делались, как и в избе, большие с рамами, в которые вставлялись стекла, и иногда со ставенками. Наличие горниц того или иного типа определялось составом семьи и поместительностью зимних или летних основных помещений. В связи с изменениями в составе семьи, горницей иногда не пользуются как жилым помещением; она служит местом, где складывают различные хозяйственные принадлежности и инструменты, а также хранят продукты — муку, пироги, кринки с молоком и т. д.

Клети приспособлены для хранения платья, белья, холстов, ценной посуды, сбруи и всевозможных других хозяйственных вещей. Одна из клетей, при соответствующем внутреннем оборудовании, может быть использована в качестве амбара для хлеба. В клетях делали вдоль стен широкие полки; на свободной от полок стене вбивали большие деревянные гвозди — *спицы* и укрепляли *грядки* [1] (гладкие длинные шесты, протянутые от одной стены до другой). На полках и на полу ставили ящики с разными вещами, лукошки, коробьи, сундуки, корзины и пр.; на грядках, спицах и гвоздях развешивали, праздничное и запасное платье и белье, шапки, рукавицы, кушаки и т. п. В клетях прорубали лишь маленькие окошечки — *вйтреницы* (волоковые окна). Клетей может быть от одной до трех, и даже больше, смотря по количеству женщин в доме, особенно снох; кроме снохиных клетей, могут быть свекровкина клеть, девичья клеть, общая клеть. В отдельных случаях в клетях спали (например, в клеть уводили новобрачных в первую брачную ночь).

В дальнем от входа конце моста (сеней) устраивают обычно отхожие места (нужники, задники) в виде отверстия, прорубленного в полу над двором, реже на повети над хлевом. Иногда это место огораживают

[1] Термин «грядка» для обозначения перекладины под потолком в виде жерди или бруса является общеславянским и в форме (см. примеч. на стр. 214).

заборкой с узенькой калиткой, реже делается сиденье с круглым отверстием — *рундук*.

Иногда на Севере еще можно увидеть крытые одноэтажные пристройки у двухъярусного двора; это *санник* у передней части — для саней и телег и *пàдворок, подворок, придворок* за двором — для хранения соломы (рис. 30).

Как видно из вышеизложенного, на развитие и усложнение плана крестьянской усадьбы в целом сильное влияние оказывала форма семьи. Для большой неразделенной патриархальной семьи, состоявшей из нескольких брачных пар двух и даже трех поколений, было необходимо иметь дополнительные помещения — клети и горницы. Эта же причина (равно как и бóльшая зажиточность семьи) вызывала к жизни трехкамерные постройки, в древности — связи, позднее — избы с прирубом и двойни. Нижний ярус, подклет, превращался в жилую подызбицу, и изба на высоком подклете становилась двухэтажной двужирной постройкой.

СРЕДНЕРУССКИЙ ДОМ С КРЫТЫМ ОДНОЯРУСНЫМ ДВОРОМ

Этот тип по плану близок севернорусскому, но двор здесь одноярусный, без повети, а следовательно, и без взвоза.

Распространен этот тип в Псковской (северная и северо-восточная части — б. Порховский и Холмский уезды), Ленинградской и Новгородской областях, в большей части Калининской, кроме северо-восточного и юго-западного ее углов, в южной части Ярославской и Костромской областей, в северной части Ивановской и в Горьковской области, доходя до р. Ветлуги на востоке, и попадается в северных частях Московской и Рязанской областей.

В доме среднерусского, как и севернорусского, типа очень разнообразны способы присоединения двора к дому и, в связи с этим, разнообразно расположение надворных построек и соотношение их с жильем. Здесь можно выделить пять основных и два дополнительных подтипа, в различной степени распространенных по всей территории данного типа:

1) однорядная связь — *под один конь;*

2) двухрядная связь — *в два коня, под двумя конями, в разноко́нок, с разжело́бком,* или *с разжелобкой,* «крыша с оврагом»;

3) слитная (или скрытная) двухрядная связь — *дом с отполком;*

4) двор глаголем;

5) поперечная связь *в приты́чку,* или *ендово́й*;

6) трехрядная связь — «на три коня»;

7) отдельно стоящий двор — *на отставе.*

Среднерусская однорядная связь распространена преимущественно в западной половине зоны среднерусского типа: она почти безраздельно господствует в Новгородской и Ленинградской областях, значительно распространена в областях Калининской и Ярославской, встречается и южнее в Поволжье до Горького и на всей территории к югу до Оки и Клязьмы, в том числе и в Московской обл.

В прошлом наиболее простым типом среднерусского дома с крытым одноярусным двором был новгородский подтип: двухкамерная постройка (односрубная изба с сенями), за ней одноярусный крытый двор с холодными стенами, служивший для содержания скота летом, и в конце связи — теплое помещение для скота, т. е. отдельный сруб с проложенными мхом стенами и с потолком (хлев, конюшня или то и другое). К. А. Соловьев называет этот вид однорядным одножильным подтипом [1]. Стены двора

[1] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 73.

прирублены к углам сеней и конюшни и как бы продолжают их; в этом случае ширина избы, двора и конюшни одинакова; вход в конюшню или в хлев со двора; ворота во двор большей частью устроены в обеих боковых стенах: это облегчает вывоз навоза во время «навозницы» [1], не надо поворачиваться с телегой.

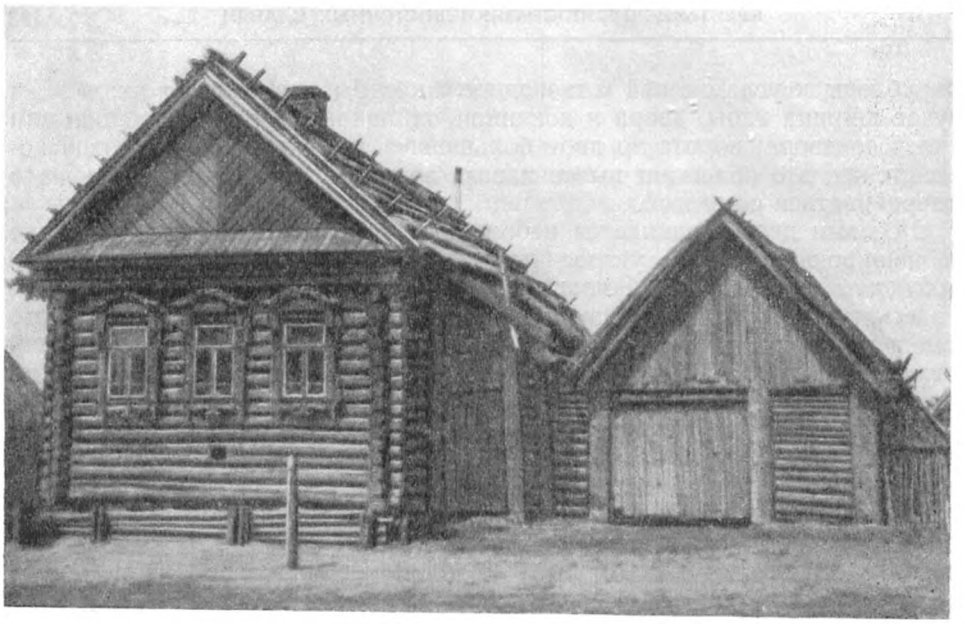
С сенями двор соединяется небольшой лесенкой, иногда ведущей еще на неширокий помост, устроенный на столбах вдоль стены сеней — *маленький мостик, черный мост,* откуда дверь ведет в сени (называемые и здесь мостом). В простейших случаях сени не составляют отдельного помещения, а представляют просто открытые мостки во дворе, прилегающие к стене избы. Такого плана постройки были характерны в прошлом для жилищ преимущественно бедных крестьян.

К тому же типу однорядной относится связь, когда передняя изба является трехкамерной постройкой: как изба с прирубом-кладовкой, изба-двойня, т. е. стоящие рядом зимняя и летняя избы, или дом на две избы с сенями посредине, или пятистенок. Во всех этих случаях жилые постройки и стоящие позади на некотором расстоянии теплые помещения для скота соединены холодным двором, одинаковым по ширине с жилой частью усадьбы или более узким. Для постройки типичной однорядной связи требуется ровная удлиненная площадка, которую нередко трудно бывает выбрать, если местность холмиста.

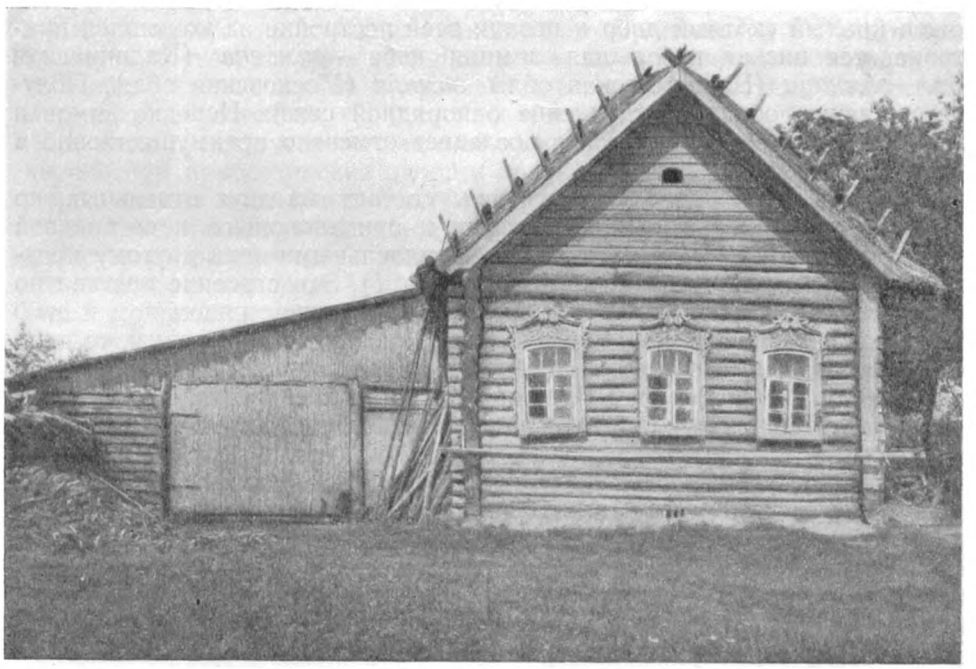
В среднерусской полосе очень часто наблюдается тот же план застройки, что и на Севере: на улицу выходит летнее жилье, за ним расположен крытый скотный двор и позади всей постройки за конюшней пристраивается низкая небольшая зимняя изба — *зимóвка* (Калининская обл.), *зúмница* (Владимирская обл.), *зимня́к* (Московская обл.). Получается, таким образом, удлинение однорядной связи. Нередко зимовка устраивается и сбоку от двора; последнее отмечено преимущественно в Калининской обл.

Типичная двухрядная связь состоит из двух отдельных, но смежных строений — избы на подклете и примыкающего к ее боковой стене одноэтажного крытого двора, с параллельными один другому коньками отдельных двускатных крыш (рис. 32, *1*). Это строение поставлено чаще всего перпендикулярно к улице, так что стоящие рядом дом и двор обращены фронтонами на улицу; но если дом стоит вдоль улицы, то двор расположен за ним, параллельно ему. Двухрядная связь распространена главным образом в Верхнем Поволжье, которое представляло в прошлом район почти сплошного ее бытования. Этот верхневолжский подтип характерен для южных районов Калининской и Ярославской областей, северной части Московской обл., Костромской, Горьковской, частично Ивановской и Владимирской, но спорадически бытование верхневолжского подтипа отмечено гораздо шире. На западе страны он доходит до берегов Финского залива, встречаясь как среди жилищ русского населения, так особенно в селениях финских народностей — ижоры и води. На востоке двухрядная связь попадается в русских селениях Среднего Поволжья (например, в Ульяновской обл.). Она встречается также

[1] Навозницей называли в русской деревне две-три недели «до Петрова дня» в июне, т. е. до 29 июня ст. ст., большею частью «с Федорова дня», т. е. с 8 июня, когда кончился сев и еще не начались покос и вспашка пара под озимь; в это время вывозили навоз на паровые поля. Возка навоза на поля в русской деревне производилась коллективно, толокой; установились определенные приемы этой работы, выработалась специальная терминология; возка сопровождалась различными увеселениями — «играми», сохранившими явные следы магических приемов. Подробно об этом см. Н. Н. Тихоницкая. Сельскохозяйственная толóка у русских. СЭ, 1934, № 4, стр. 80—88 и рис. 1—7.



1



2

Рис. 32, *а*. Типы двухрядной застройки

1 — двухрядная связь с двором уже и ниже избы, из коротких бревен, заложенных в паз (дер. Савино Селивановского района Владимирской обл. Постройка 1924 г.); *2* — скрытая двухрядная связь; дом с отполком (двор под низкой односкатной крышей) (с. Куликово Дмитровского уезда Московской губ.)

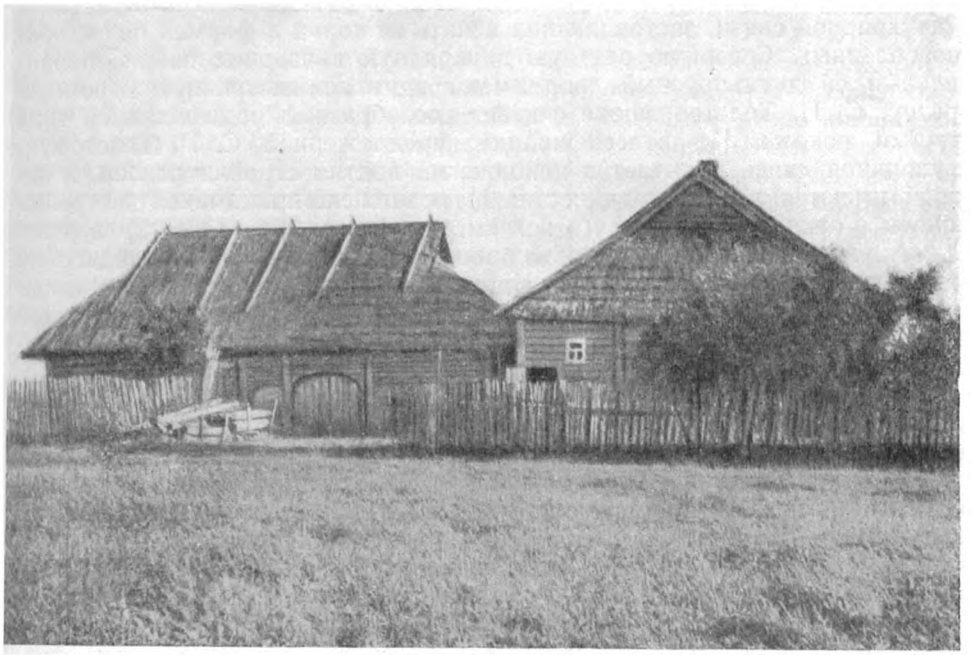


Рис. 32, *б*. Старая крестьянская усадьба с двором на отставе (дер. Петрилово Плюсского района Псковской обл.)

кое-где в районах распространения однорядной связи. В настоящее время двухрядная связь уже не распространена сплошь на территории ее прежнего бытования. В северных районах этой территории она представляет уже редкое явление, но по направлению к югу число строений такого типа увеличивается. Так, например, в Калининской обл., где на севере двухрядная связь прежде была очень распространена, теперь она встречается лишь в старинных постройках и постепенно исчезает. Она считается здесь неудобной по трем причинам: во-первых, в том месте, где сходятся скаты крыш, постепенно скапливается сырость — от этого сравнительно быстро перегнивают смежные стены двора и избы; во-вторых, узкий двор с воротами только с одной стороны неудобен, так как воз в нем не может повернуться; в-третьих, застройка двухрядной связи неэкономична, так как требует много леса. В средней части Калининской обл. она встречается еще повсюду, и в некоторых деревнях в 1920-х годах даже преобладала; в южной же части области половина крестьянских дворов построена по типу двухрядной связи. Отсюда, с юга Калининской обл., начинается зона преобладания застроек двухрядной связи, проходящая через юг Ярославской обл., через Костромскую обл., постепенно переходящая в зону распространения московских подтипов застройки.

В своей этнологической систематике элементов великорусского жилища в средней полосе России С. П. Толстов рассматривает двухрядную связь Верхнего Поволжья как видоизменение — «северную модификацию» — типа стройки покоем, обусловленную воздействием ландшафта. Основной аргумент за это, помимо фактов географического распространения и многочисленных переходных форм, он видит в ее рудиментар-

ности и в крайней нецелесообразности способа объединения избы и двора в двухрядной связи, заставляющих искать ее корни в формах более приспособленных. Северную слитную двухрядную связь, где изба и параллельный ей двухъярусный двор имеют одну асимметричную огромную крышу, С. П. Толстов также считает своеобразной модификацией типа стройки покоем. По классификации, предложенной С. П. Толстовым, двухрядная связь попадает в поволжский подтип стройки покоем, в которой имеются две разновидности: 1) поволжско-прикамская застройка покоем с открытым двором (о ней см. ниже, стр. 184—185); 2) верхневолжская двухрядная связь, объединяющаяся с первой разновидностью рядом переходных форм: а) сближение избы и двора с сохранением сзади между их крышами поперечной перемычки; б) исчезновение поперечной перемычки между крышами, при сохранении узкого, открытого или закрытого, пространства между избой и двором [1].

Слитная двухрядная связь, в которой, как и в предыдущем случае, одну линию составляет жилая постройка, а другую — холодный двор с входящими в состав его теплыми помещениями для скота; кровлей такого двора может быть продолжение ската крыши избы или отдельная односкатная крыша, примыкающая к коньку избы и перекрывающая, таким образом, скат избной крыши (так же, как в слитной связи двухъярусного дома-двора, см. рис. 18). Этот подтип отмечен на окраинах территории двухрядной связи; это *двор с отпóлком*, встречаемый в Московской (рис. 32, *2*), Горьковской и Ульяновской областях [2].

Двор глаголем, или сапогом, пристроенный сбоку и сзади, охватывает избу с двух сторон, закрывая сбоку сени и часть жилого помещения; в глубине двора стояли хлевы, конюшни или омшаник (кое-где здесь так называют теплый хлев для овец). Переднюю часть двора крыли иногда по типу скрытой двухрядной связи (с отпóлком), т. е. одной полóй асимметричной двускатной крыши, в других случаях — по типу настоящей двухрядной связи — глаголем в два коня. Такой двор строили, во-первых, если требовалось сделать его шире избы, и, во-вторых, если за жильем, независимо от того, будет ли это односрубная изба или две избы — зимняя и летняя, ставили сразу же вплотную надворные постройки (клеть, теплый хлев и пр.), так как в этом случае гораздо удобнее и проще было ставить всю холодную часть двора сбоку от этого рода построек. Так как большей частью крыша двора составляет продолжение одной из сторон крыши, покрывающей избу и конюшню (крыша с отполком), то стены двора делали поэтому ниже стен избы и конюшни. Этот тип двора был удобен для тех мест, где селения расположены на склонах холмов; односкатную крышу двора удобно делать, если двор стоит в месте более низком, чем изба: тогда скат крыши будет более крутой, на пологом же скате весной залеживается долго снег, и крыша скоро прогнивает.

При поперечной связи (в притычку, или ендовой, или ендовами) двор стоит перпендикулярно к дому, упираясь в его широкую сторону, так что все строение в целом имеет вид буквы Т. Этот подтип почти всегда встречается в комбинации с пятистенком, крытым четырехскатной крышей. Если пятистенок стоит узкой стороной на улицу, то двор, пристраиваемый впритык к широкой стороне, стоит вдоль улицы; если же пятистенок или жилье другого типа стоит широкой стороной

[1] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 80.

[2] Оба вида слитной (скрытой) двухрядной связи — внешний вид, разрез и планы — в I типе — севернорусском (дом постройки 1882 г.) и во II типе — среднерусском (дом постройки 1842 г.) см. «История русской архитектуры. Краткий курс». М., 1951, стр. 285.

вдоль улицы, то двор стоит перпендикулярно к ней, сзади, в глубине усадьбы.

На юге Калининской и Ярославской областей (а также в некоторых местах на северо-востоке Московской обл.) способ поперечной связи считается наиболее удобным при застройке (в Ржевском уезде, например, в 1920-х годах около 38% дворов было застроено именно этим способом): получается меньше затеков, чем при двухрядной связи, суше двор и крыша выстаивает дольше. По сравнению с однорядной связью, преимущество поперечной связи в том, что при ней удобнее строить большую и просторную избу, потребность в которой все больше и больше чувствуется у современного населения, тогда как при однорядной связи удобно ставить лишь небольшие избы, которыми довольствовались в этих районах в старину.

В южной части зоны среднерусского типа поперечная связь вытесняет двухрядную, а на севере зоны, где она появилась значительно раньше, она сама с конца XIX в. вытесняется однорядной связью. Здесь, при большом распространении в прошлом трехкамерной связи, или дома «на две избы» (зимняя изба, сени, летняя изба), распространен был и двор в притычку, примыкавший к дому сзади. С переходом на систему высокого просторного пятистенка, обитаемого летом, и небольшой низенькой зимовки сзади или сбоку, двор остался на старом месте. Но вследствие изменения типа жилья изменился и тип соединения жилья со двором — получилась однорядная связь; здесь она считается и более прочной, чем поперечная, так как при последней в разжелобках крыши (ендовах) скопляется вода, отчего прогнивает дерево и, следовательно, постройки такого типа скорее ветшают.

Помимо пяти распространенных подтипов среднерусского типа, можно выделить еще два — трехрядную связь и двор на отставе.

Наиболее характерной разновидностью трехрядной связи являются «тройные» дома Приуралья и Западной Сибири: в них двускатные крыши жилища и двух рядов надворных строений обращены фронтонами на улицу, коньками перпендикулярно к ней («на три коня»). При постановке одного из рядов на некотором расстоянии от других образуется так называемый «чистый двор», и этот подтип превращается в вариант открытого двора. По этой причине трехрядная связь рассмотрена ниже, вместе с покоеобразными дворами.

Двор на отставе — это крытый двор, ставился в виде отдельного строения под отдельной, иногда четырехскатной, крышей за избой на небольшом (около 2 м) расстоянии от нее. Двор связан с сенями избы мостками (на уровне пола сеней), которые имеют отдельную крышу и зашиты досками с боков, так что получается неширокий крытый проход. Повидимому, такая форма вызвана гигиеническими соображениями — отделить жилище от помещений для скота. Дворы подобной конструкции отмечены автором на северо-востоке Псковской обл. (рис. 32, *б*). Возможно, что о дворах такого типа говорит одна рукопись из Порховского уезда Псковской губ.— ответ на анкету Русского географического общества 1848 г.: «Рядом с избою очень высокий шатровый двор, на четырех столбах... покрыт сглуха соломою» (тогда как избы «крыты на два ската с большими навесами») [1].

Дворы на отставе, или «относные», как называют в говорах отдельно стоящие дворы, отмечены также на западе Калининской обл., в прикамских районах Кировской обл., в низовьях р. Унжи Костромской обл., в пра-

[1] АГО, ф. XXXII, рукопись 6.

вобережье нижней Оки (между городами Павловом и Горьким) [1]. Время возникновения этого подтипа неясно. В литературе имеются указания на позднее его возникновение и вытеснение им более старых типов [2]. Существует также мнение, что двор на отставе представляет собой реминисценцию восточнофинского культурного подслоя [3], т. е. отголосок культуры древних обитателей Среднего Поволжья и Прикамья. Таким образом, вопрос этот требует дальнейшего изучения.

Характерной особенностью среднерусского одноэтажного двора во всех его семи разновидностях является то, что он строился на столбах. Все покрытие двора (весь «шелом», как называют в Калининской обл. массивную тесовую крышу над двором) покоится на солидной столбовой конструкции (рис. 33) из толстых столбов-свай, которых во дворе средней величины вбито 12: по средней продольной линии четыре и боковые — по четыре с каждой стороны; боковые значительно ниже средних. Расстояния между столбами равны приблизительно 6 м. В верхушке каждого столба вырублено углубление, так что получаются *уши;* в них пропущены горизонтальные толстые бревна, в уши боковых столбов — *иглы*; в уши средних столбов продето коньковое бревно — князек. В иглы и князек врублены наклонно бревна, на них помещены горизонтальные жерди — получается *порешетник* для крыши. Здесь соблюден тот же принцип, что и в севернорусском типе — двухъярусном дворе на столбах-сваях, позволяющий сменять хлевные срубы для скота, не трогая основной конструкции [4]. Все пространство между боковыми столбами двора, за исключением мест, занятых наружными (срубными) стенами хлевов, забрано горизонтальными бревнами, концы которых заведены в вертикальные пазы, выбранные в столбах. Во дворах глаголем и скрытой двухрядной связи односкатная крыша часто устроена «на быках», т. е. на бревнах, перекинутых с боковой наружной стены двора на длинное бревно, лежащее вдоль стен избы и конюшни на особых столбах; эта крыша только примыкает к свесу главной крыши избы. Часто во дворе за сенями построена клеть (или, как называют ее в Калининской и кое-где в Московской обл.,— *сельни́к, сильни́к, сельни́ца, горенка*; в Псковской и Ярославской — *се́льник,* во Владимирской и Ярославской — *сенни́к*). Сельник в Калининской обл. надстраивают иногда над конюшней, тогда на потолок последней ведет лестница. Это холодное полутемное помещение служит кладовой и летней спальней. Термин этот старый, связан со словом «сени» и восходит к древнерусскому зодчеству [5]. В боярских хоромах всегда имелись сенники, т. е. комнаты неотапливаемые, полутемные

---

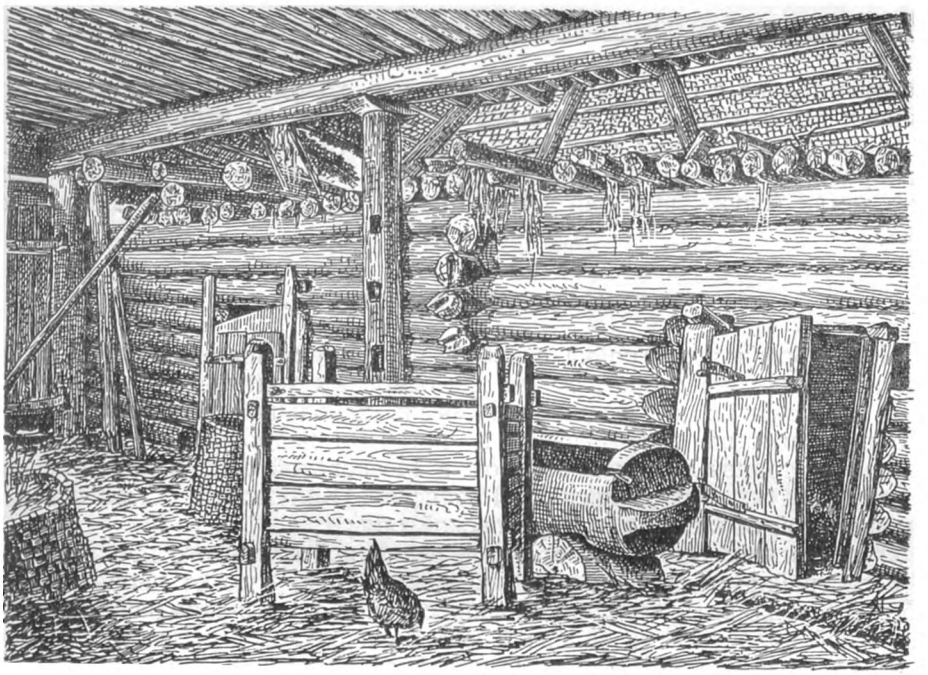
[1] Г. С. Маслова и Л. Н. Чижикова. Архитектурные украшения жилища Владимирской и Горьковской областей. КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 5 (карта).

[2] В. Смирнов. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. «Труды Костромского научного об-ва», вып. XXXIII, 1924, стр. 161; Г. С. Маслова и Л. Н. Чижикова. Указ. соч., стр. 3.

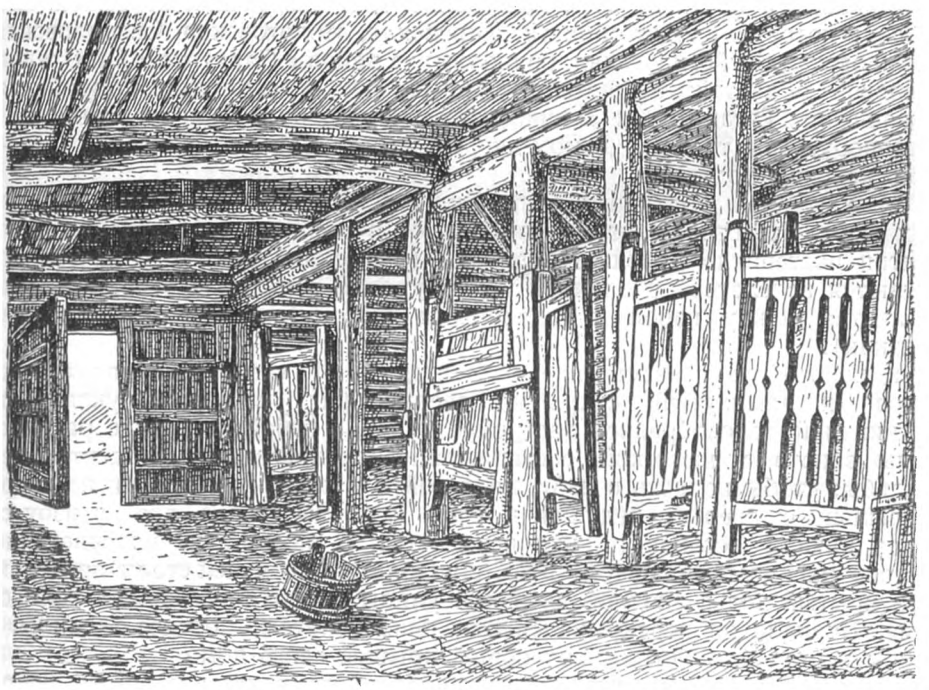
[3] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 80.

[4] Техника стройки на столбах очень архаична и известна с глубокой древности. Любопытно отметить, что уже в Старой Ладоге в постройках X в. покрытие двора, примыкавшего к избе, покоилось на столбах (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, стр. 25).

[5] Не следует смешивать его с одинаково звучащими терминами *сенни́к* (Вологодская, Кировская области), *сенни́ца* (Владимирская обл.), *сельни́ца* (Псковская, Горьковская области), обозначающими сеновал, т. е. поветь (на Севере) или сарай для сена и другого корма скоту (в среднерусской полосе) и, следовательно, связанными со словом «сено». Термин «сенник» в этом смысле также достаточно древен. В одном тексте 1593 г. так описывается крестьянский двор на р. Варзуге: «а на дворе хоромов изба на подклете, да сени с подсением, да повалыша с подклетом, да сенник с двома хлева, да анбар с подклетом, да мыльня» («История русской архитектуры. Краткий курс», стр. 63).



1



2

Рис. 33. Внутренность одноэтажного крытого двора среднерусского типа. Хорошо видна массивная конструкция из толстых столбов и покоящихся на них перекладин, поддерживающая крышу двора

1 — теплые хлевы для скота в дальней части двора; на переднем плане — ясли для корма и колода для пойки скота (дер. Ремчино Бежецкого уезда Тверской губ.); *2* — холодные стаи для скота (с. Угодичи Ростовского уезда Ярославской губ.)

(исключительно с волоковыми окнами) и с холодными потолками; эти сенники использовались как летние спальни. Сенник играл видную роль во время свадеб: в нем (так же как и в клети) устраивали постель для новобрачных, так как по обычаю над этой постелью не должно было быть земли (служившей для устройства потолочной смазки в теплых покоях).

ПОКОЕОБРАЗНАЯ ЗАСТРОЙКА

Покоеобразная застройка с избой, перпендикулярной к улице, и открытым посредине двором, имеет три основных подтипа:

1) московский; характеризуется очень небольшой величиной открытого пространства между избой и крытыми надворными строениями. Он распространен главным образом в Московской обл., в прилегающих к ней районах Владимирской, Рязанской, Калужской, Смоленской и Калининской областей и в Горьковской обл.;

2) псковский; также с небольшой величиной открытого пространства, но с постройками для скота, вынесенными по другую от двора сторону избы (трехрядная застройка). Распространен в юго-западной половине Псковской области и на западе и юге Великолукской области;

3) волжско-камский (называемый иногда вятским); с значительной открытой частью двора, распространен в Среднем и Нижнем Поволжье, в Прикамье и почти во всем Приуралье, т. е. охватывает огромную площадь, в которую входят области: Кировская, Молотовская, Свердловская, Ульяновская, Куйбышевская, приволжские районы Саратовской и Сталинградской областей; автономные республики: Удмуртская, Марийская, Чувашская, Татарская и Башкирская. На северо-западе он граничит с севернорусским типом — домом-двором, на юго-западе в бассейне Оки — с московским подтипом.

Между всеми подтипами застройки наблюдается множество переходных форм. Некоторые из них возникают в процессе перестройки, один подтип постепенно заменяется другим (временной признак), другие получаются вследствие различной конфигурации и размера открытого пространства между избой и надворными строениями (пространственный признак).

К покоеобразной застройке относится и 4) «веночный двор» белорусов и замкнутый, открытый сверху двор северных украинцев. В типичной покоеобразной застройке рядом с избой по улице расположены ворота с калиткой, составляющие композиционный центр всей усадьбы; чтобы попасть в избу, надо войти в калитку и пройти по двору к крыльцу с дверью, ведущей в сени. С конца XIX в. вход в избу со двора начали осознавать, как неудобство, и появилось нововведение, широко распространившееся в XX в.: вдоль избы и сеней стали пристраивать крытый ход с входной дверью с улицы (часто называемый колидором). Вначале он перекрывался отдельным скатом, позднее — слился с домом и стал возводиться под общей крышей всего дома.

Московский подтип[1] покоеобразного типа застройки двора характеризуется тем, что двор расположен под отдельной крышей рядом с избой, параллельно ей, однако примыкает к ней не только сбоку, но и

[1] По классификации К. А. Соловьева этот вид застройки в свою очередь делится на пять подтипов и в них — на 15 основных разновидностей (К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 105).

сзади. «Вся постройка имеет вид буквы П, обращенной к улице своей нижней частью» [1].

Крыши усадьбы сходятся в середине всей постройки. Образующееся здесь пространство бывает различных форм и носит разные названия: *прогля́д, проглея, ендова́, плоску́ша* (последнее название связано с тем, что во многих местах, например в Среднем Поволжье, на зиму это

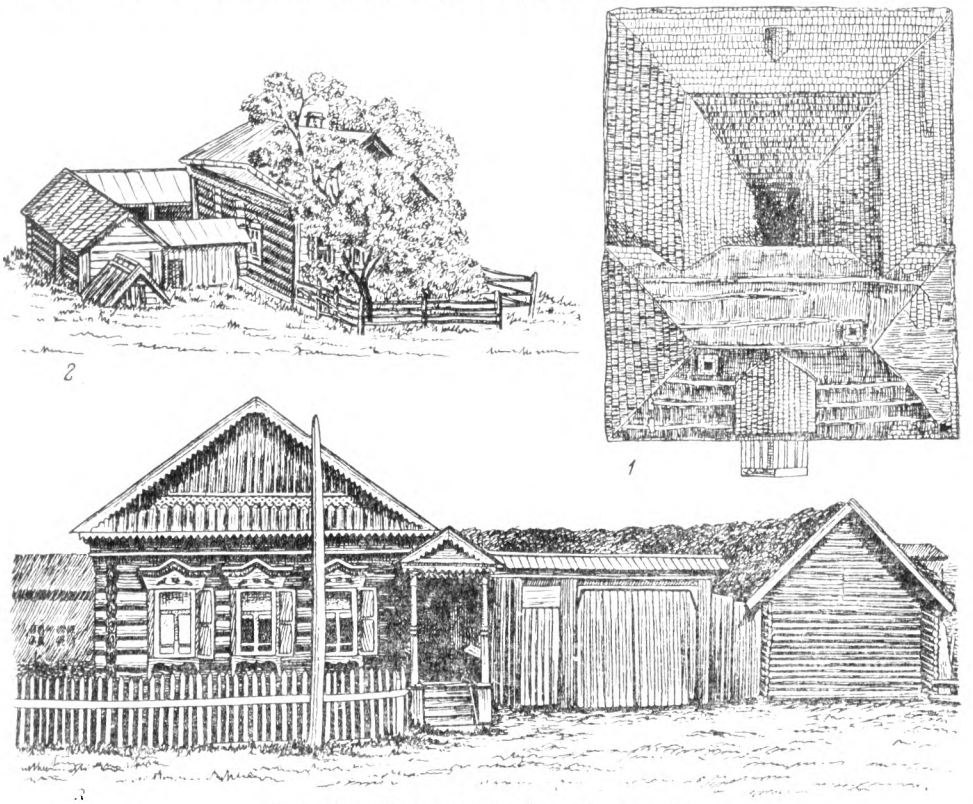


Рис. 34. Покоеобразный тип усадьбы

1 — московский подтип; вид сверху на двор с квадратным проглядом (с. Нерощино Дмитровского уезда Московской губ.); *2* — крестьянская усадьба, представляющая переходную форму от московского подтипа с проглядом к волжско-камскому (дер. Бояркино Бронницкого района Московской обл. Постройка 1895 г.); *3* — волжско-камский тип покоеобразного двора с типичными воротами под отдельной двускатной крышей, справа — хозяйственный сруб (дер. Кислая Дубрава Николо-Черемшанского района Ульяновской обл.)

открытое пространство закрывают от снега плоской крышей плоскушей; эту крышу называют также и *прямо́шкой* и *пове́тью*). Если вся передняя линия усадьбы занята жильем (например, в доме на две избы), то двор примыкает к нему таким образом, что гребень крыши двора образует форму покоя, обращенного к крыше жилья (рис. 34, *1*); в центре получается пространство, называемое *круглой* (т. е. четырехугольной [2])

[1] Н. Н. Чебоксаров. Постройки Волоколамского уезда. «Московский краевед», 1929, вып. 3(11), стр. 57.

[2] Слово «круглый» в древнерусском языке и во многих русских говорах означает «квадратный» (круг = квадрат). Для дворов этого типа К. А. Соловьев предложил термин «каре́»; в военном деле каре (с французского carré) означало строй пехоты в форме квадрата или четырехугольника, незаполненного внутри (см. БСЭ, изд. 2, т. 20, стр. 165, с рис.).

проглеей; название «ендова» употребляется преимущественно в том случае, если прогляд имеет удлиненную форму.

В постройках этого типа дождь и талая вода, скатываясь с крыш, обращенных к внутренней стороне двора, вызывают во дворе постоянную сырость. «Старики крестьяне уверяли нас, что такой двор имеет свои преимущества, так как при нем навоз никогда не пересыхает и количество навоза при этом дворе больше. Последующее поколение, вполне сознавая весь вред мокрого двора, всегда стремилось найти выход из этой традиционной формы жилища. Пути этих исканий сухого двора... и отразились на тех разновидностях крестьянских жилищ, многие из которых сохранились до нас, доживая последние дни своего существования» [1].

В XX в. для северо-западной части Московской обл. этот тип постройки является реликтовым, все реже встречающимся; его заменяют разные улучшенные типы, причем совершенствуется и изменяется главным образом тип покрытия, при сохранении прежнего расположения построек. Интересный пример можно найти в работе К. А. Соловьева: это — старая изба (в с. Кузяеве Дмитровского уезда Московской губ.) с покоеобразным двором, построенным в середине XIX в., проглея которого имела около 2 м ширины и больше 7 м длины: впоследствии обе двускатные крыши были перекрыты одной общей четырехскатной крышей по-круглому [2].

Дворы с проглеей были, повидимому, широко распространены в конце XVIII в. В описании Московской губ. 1811 г. говорится: «Дворы и строения покрываются соломою, а небольшой интервал посредине вдоль двора остается непокрыт для освещения» [3]. В течение всего XIX в. в Московской обл. продолжали преобладать покоеобразные дворы с двумя смыкающимися двускатными крышами с продолженным посредине желобом. По материалам, приводимым К. А. Соловьевым, еще в 1876 г. в Дмитровском уезде 85% с лишним построек приходилось на двухрядное жилище (имеется в виду московский подтип) и лишь 12% с лишним было однорядных жилищ. При этом для северной половины уезда характерны были постройки с продольной ендовой, а для южной — сохраняющийся еще и до сих пор мокрый двор вида карé.

В более позднее время, в 90-х годах XIX в. в южную часть этого района стало проникать двухрядное одножильное жилище с продольной ендовой, но двухрядные двужильные постройки оставались только вида каре. И наконец, сплошное обследование 48 селений в 1929 г. показало, что 72% с лишним дворов относятся к однорядному типу, 24% — двухрядного типа и меньше 1% — типа каре. Таким образом, за полвека произошло огромное изменение в сторону устройства сухого двора, и в строительстве жилищ от двухрядного типа (85% в 1876 г.) перешли к однорядному типу (72% в 1929 г.). В обследовании 1929 г. зафиксировано из 1650 жилищ только 44 мокрых двора (2,7%), в то время как в 1876 г. мокрых дворов было более 82%. Все это подтверждает правильность положения, впервые четко сформулированного К. А. Соловьевым: «В каждом подтипе разновидности составляют отдельные этапы развития крестьянского жилища, что подтверждает и история отдельных крестьянских жилищ» [4].

---

[1] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 75.
[2] Там же, стр. 102—105; см. там же фотографии и чертежи.
[3] С. Чернов. Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М., 1812, стр. 52—53.
[4] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр 105.

Московская постройка покоем, уступающая в нашем столетии место надвигающейся с Севера однорядной связи с *глухим*, т. е. крытым, двором, в прошлом была характерна для областей: Великолукской (юго-восточная часть — б. Бельский уезд Смоленской губ.), Калининской (юго-западная часть — правобережье верхней Волги), Смоленской (северо-западная часть), Московской (Волоколамский, Истринский, Московский, Дмитровский районы), Владимирской и Горьковской, встречалась на севере Калужской и Рязанской областей.

Псковский подтип застройки характеризуется тем, что надворные строения в нем расположены по обе стороны дома, который, таким образом, как бы заключен между хозяйственными постройками. Планировка такова: жилая изба стоит перпендикулярно к улице, как обычно у северно-великорусов. Вдоль боковой стены избы, со стороны крыльца, на расстоянии 6—7 м параллельно ей поставлены в ряд надворные постройки — амбар, поветь, конюшня (*поветь* здесь — навес между двумя срубами, с пристроенной задней стеной, спереди открытый; крыша повети со свободной стороны покоится на столбах; в повети хранились телеги, сани, сельскохозяйственные орудия); открытое пространство между домом и надворными строениями (чистый двор в Псковской обл., заулина в Великолукской) огорожено бревенчатым *заборничком,* с стороны улицы в нем устроены ворота с двускатной крышей и калиткой. С другой стороны избы, к ее боковой глухой стене примыкает крытый двор (как в двухрядной застройке среднерусского типа, с ендовой в месте соприкосновения их крыш); сторону крытого двора, противоположную от дома, образуют теплые (рубленные на мху) хлевы для скота; стропильная основа крыши двора опирается у стены дома на ряд столбов, связанных между собой переводами, с противоположной же — на наружные стены хлевов; свободное крытое пространство между хлевами и стеной дома называется *скотским двором* в Псковской обл., *денником* в Великолукской; с обоих концов скотского двора имеются ворота и калитка. Все три ряда большей частью равны по длине [1].

В тех случаях, когда размер усадебного участка не позволял расположить хозяйственные постройки по обе стороны жилого дома, усадьба застраивалась покоеобразно, приближаясь по виду к московскому подтипу. Но до установления советской власти, по рассказам населения, в крестьянских хозяйствах, где было по нескольку коров и лошадей, и трехрядная застройка имела форму *венца:* два ряда надворных строений (хлевы с одной стороны, амбар и прочие постройки — с другой) продолжались за заднюю стену дома, поворачивали под прямым углом и смыкались друг с другом, образуя в плане П-образную фигуру [2].

Повидимому, трехрядная застройка является, и являлась в прошлом, господствующей на данной территории. По крайней мере, в середине XIX в. она была распространена в Псковском, Островском и Великолукском уездах Псковской губ., что отмечают ответы на анкету Русского географического общества 1848 г. [3] За давность бытования здесь этого типа застройки говорит и то, что он имеет общие черты с застройкой крестьянских усадеб у соседних народов, например с белорусским двухрядным двором (см. ниже), а особенно с усадьбами сету — своеобразной этнической группы эстонцев, живущей в Печорском районе к юго-западу

[1] Трехрядный подтип застройки на Псковщине впервые изучен подробно сотрудниками Западного отряда Русской этнографической экспедиции 1953 г.; ими же предложен данный термин.

[2] Материалы той же экспедиции.

[3] АГО, ф. XXXII, рукописи 12, 15 и 26.

от Псковского озера. У сету до сих пор сохраняется старый тип планировки с расположением построек в три ряда фронтонами на улицу[1] (посредине жилой дом, по одну сторону через небольшой двор — хлев, по другую — клеть). Этот же тип встречается здесь и у латышей[2].

В северных районах прежнего распространения этого типа, например в Середкинском районе Псковской обл. (юго-западные районы б. Петербургской губ.), крестьяне уже давно начали переходить к крытому двору среднерусского типа. Иначе говоря, здесь, как и в Московской обл., крытый двор (в виде однорядной и двухрядной связи) надвигается с Севера, вытесняя старую покоеобразную (или трехрядную) форму.

Целый ряд переходных форм связывает московский подтип с волжско-камским (вятским), характерной формой которого является изба на высоком подклете, стоящая перпендикулярно к улице и соединенная с покоеобразным двором, примыкающим к ней сбоку и сзади (см. рис. 34, *2*, *3*).

Вятский подтип застройки по характеру избы и ее расположению относится к северновеликорусскому, а по форме двора приближается к следующему типу — южновеликорусскому. Вятской подтип, постепенно охватывающий, начиная с восточных районов Горьковской обл., все большее количество дворов, заменяет собой родственный ему московский подтип на территории, начиная от Волги в районе Казани и далее на северо-восток до Урала, а затем и за него, на восток. Так, на юге Кировской обл. и в русских селениях Марийской, Удмуртской и Татарской АССР одну боковую сторону покоеобразной застройки занимают изба с сенями, вход в них всегда со двора; с сенями связана холодная клеть, нередко в два этажа; в верхний этаж ход из сеней, в нижний — со двора. В верхнем этаже стоят сундуки с вещами, по стенам развешена одежда. Иногда верхний этаж представляет собой пятистенную постройку, в ней «глухой чулан» для одежды и горница, или горенка, с тремя окнами (одно в передней стене и два в надворной). В нижнем этаже (подклет) хранятся продукты и различные орудия, утварь. За клетью поставлена двухэтажная же постройка, вверху ее — сеновал, внизу вырыт погреб. Другую боковую сторону покоя занимают навесы, утвержденные на сохах и крытые соломой,— это *поветы,* где раньше стояли телеги, сани и сельскохозяйственные орудия. В глубине двора (составляя как бы перекладину П) были размещены конюшни, теплые хлевы для коров — *дворцы,* или *дворики,* и *овчарник;* между ними — ворота, ведущие на *осырок,* как называют в Кировской обл. усадебный участок. Ворота, ведущие во двор с улицы, расположены между избой и надворными постройками.

В Кировской обл. для въезда на сеновал (поветь) делали звоз, а в нижнем этаже клети в ряде случаев устраивали не погреб, а хлев для овец и телят. По углам покоеобразного двора ставили теплые хлевы — дворики, иногда над ними делали на повети холодные горенки (так называются эти помещения, если они с окнами) или клетушки (без окон), что можно рассматривать как форму, переходную к севернорусскому дому-двору. Погреб, конюшни и житницу устраивали на противоположной дому стороне двора. В северо-западной части области (б. Вятский, Орловский, Яранский, Котельничский уезды) и на севере Молотовской обл., в переходной к зоне севернорусского типа дома-двора полосе, вятская застройка покоем с центральным двором — *оградой* имеет вид

[1] Л. Терентьева, О. Ганцкая. О работе комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году. СЭ, 1953, № 1, стр. 188.

[2] Этот факт также обращал на себя внимание сотрудников упоминавшейся выше экспедиции 1953 г.

слитного строения, которое покрыто одной общей асимметричной крышей с коньком, имеющим перпендикулярное к улице расположение; реже изба и двор крыты двумя двускатными крышами по типу двухрядной связи.

В бедняцких хозяйствах в 1890-х гг. небольшую площадь двора накрывали плоской соломенной крышей. Были и особо захудалые районы, где «дворы все раскрыты и едва огорожены... А у иных кроме избы, пристена [1] к ней, да жердяного двора — и вовсе ничего нет... Только очень немногие живут, как говорят крестьяне, «ровно в огромном сундуке»» [2].

Нередко и в добротных середняцких и кулацких постройках крышу ограды делали менее основательной, чем на жилом строении. Сплошное покрытие покоеобразного двора представляет собой, повидимому, довольно позднее явление, как приспособление к суровым зимам Вятско-Камского края более южной формы двора, принесенной русскими со Среднего Поволжья (при колонизации края, шедшей вверх по рекам Вятке и Каме [3]). Одним из доказательств этого служит не вполне закончившаяся еще редукция крылечек. Кое-где в крытой ограде вятских усадеб встречается пристроенное к сеням избы крылечко обычного севернорусского типа, с крытой лестницей и крышей над площадкой, украшенное узорчатыми окнами и фигурным переплетом. В настоящее время под крышей двора такие крылечки, несомненно, представляют собой пережиток того времени, когда двор сверху был открыт.

Наряду с этими формами застройки в Вятско-Камском крае и Приуралье была распространена и типичная трехрядная застройка, сходная с псковским подтипом. Среднюю ее часть составляла связь из избы и клети, соединенных сенями; к одной боковой стене связи пристраивался крытый двор с хлевами, к другой примыкала ограда, т. е. чистый двор, противоположная сторона которого в зажиточных хозяйствах состояла из амбара (для муки), житницы (для зерна) и каретника (для телег, саней и упряжи), построенных в одной общей связи. Со стороны улицы изба и амбар связаны воротами [4]. Есть указания, что в конце XIX в. трехрядную застройку можно было «довольно часто встретить у лошадных кержаков в Кушвинском и Невьянском заводах и окрестных деревнях» [5].

В Молотовской обл. и далее на восток и на юг четко различают передний двор, забранный бревнами, имеющий навес, с плотными

---

[1] *Пристеном* в Поволжье, в Прикамье, в черноземной полосе называют прируб «о трех стенах», пристраиваемый к четвертой готовой. В Тульской обл. так называют сени.

[2] В. П. Тихонов. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. 69, вып. III, 1891, стр. 60.

[3] Как известно, колонизация бассейна Вятки и Камы шла из Суздальско-Нижегородского великого княжества с XIV—XV вв.; позднее, в XVI—XVII вв., усилилась переселенческая волна из центральных областей.

[4] Это сходство в типах застройки усадьбы на двух противоположных окраинах зоны покоеобразного двора заставляет пересмотреть в дальнейшем классификацию типов последнего. С одной стороны, трехрядная застройка была, несомненно, связана с зажиточностью хозяйства и бо́льшим земельным простором. С другой стороны, ее можно рассматривать как форму, где комбинируется среднерусский тип одноярусного крытого двора (в его варианте двухрядной связи) с покоеобразным двором, т. е. как форму переходную. В этом случае, может быть, и прав С. П. Толстов, соединяя в один подтип покоеобразный двор и двухрядную связь. Возможно, что в основу классификации следовало бы положить совсем не географический принцип (подтипы псковский, вятский и т. д.), а нечто иное, качественно характеризующее самую постройку. Для разрешения этих вопросов необходимо изучение разнообразных вятско-пермских типов застройки, пока еще очень мало освещенных в литературе.

[5] А. В. Копалов. Сельские постройки в Пермской губернии. «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XXIV, 1900, стр. 89 и табл. II, фиг. 10.

тесовыми воротами и калиткой, обставленный хлебным амбаром, погребом и баней, и задний двор, в котором помещались теплые хлевы и сенник, а у некоторых хозяев — и конюшни (Кунгурский район). Некоторые случаи такой планировки отмечены начиная уже с Марийской АССР. Далее на восток (Свердловская обл.) — то же устройство: впереди надворные строения (погреб, амбар и *сарай,* т. е. навесы, где хранились летом сани, зимой — телеги и т. п.), а за ними *пригон* для скота, где были устроены хлевы и конюшни.

В старину в этих районах (а также и дальше на восток, в Сибири) передний двор вымащивался бревнами или толстым тесом. Эта особенность вообще характерна, как мы видели выше, для старой северной застройки (еще в Старой Ладоге все дворы вымащивались бревнами).

То же деление крестьянского двора на передний и задний наблюдалось и в Поволжье, например в Саратовской обл.: в переднем дворе размещались амбары, иногда был устроен колодец, здесь держали телеги и сани; в заднем дворе были устроены навесы для скота.

ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИЙ ЗАМКНУТЫЙ, ОТКРЫТЫЙ СВЕРХУ ДВОР

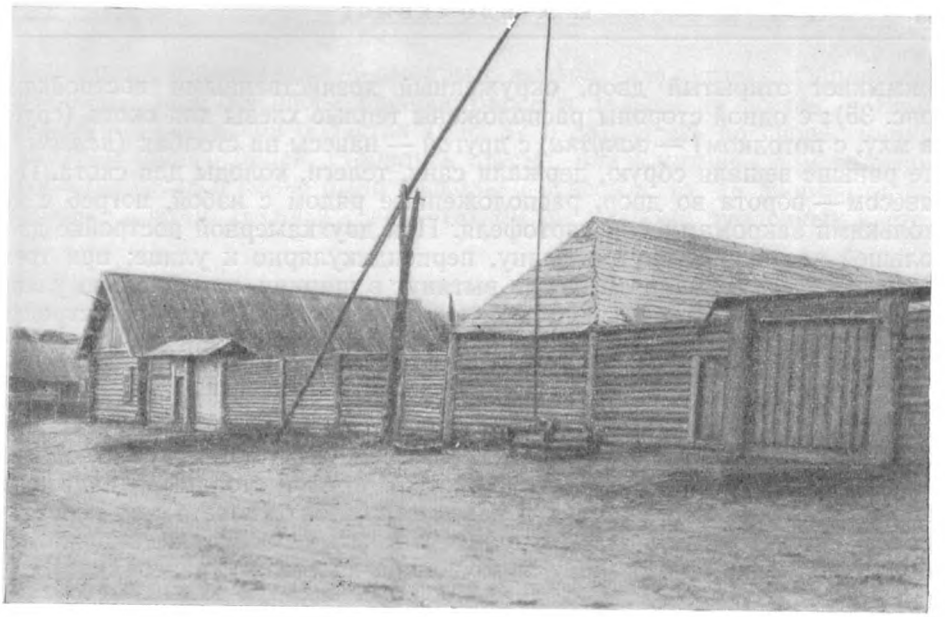
Постепенно по направлению к югу покоеобразный тип застройки сменяется южновеликорусским типом четырехугольного («круглого») двора, характеризующимся поземной избой или хатой южного типа, стоящей параллельно улице, в соединении с замкнутым в плане, открытым сверху двором, с соломенной крышей «кольцом» (см. рис. 37, *3*).

Замкнутый четырехугольный двор характеризует обширную полосу к югу от Москвы. Территория его распространения захватывает все черноземные области — Орловскую, Брянскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, южную часть Рязанской, Пензенскую, на востоке доходит почти до Волги, на севере включает южную часть Московской обл., Тульскую, Калужскую и Смоленскую области. На северо-западе она охватывает окраину великорусской территории, т. е. западные районы областей Великолукской, Псковской и Ленинградской и в небольшом количестве дворов (не более 1%) юго-запад Калининской обл.[1] (Ржевский район); на западе заходит в восточные области Белоруссии (Витебская, Могилевская, Гомельская и Полесье); на юго-западе переходит в покоеобразные дворы севера Черниговской и Сумской областей Украины. Отдельные дворы с ясно выраженным характером замкнутости попадаются изредка и в других частях Украины, кроме указанных выше; так, они отмечены спорадически в Западной Украине, в областях Волынской, Ровенской и Житомирской, на Киевщине и Полтавщине, а также у украинцев в Курской и Воронежской областях[2]. Вариантами этого типа являются двор-крепость южных великорусов и гуцульская усадьба.

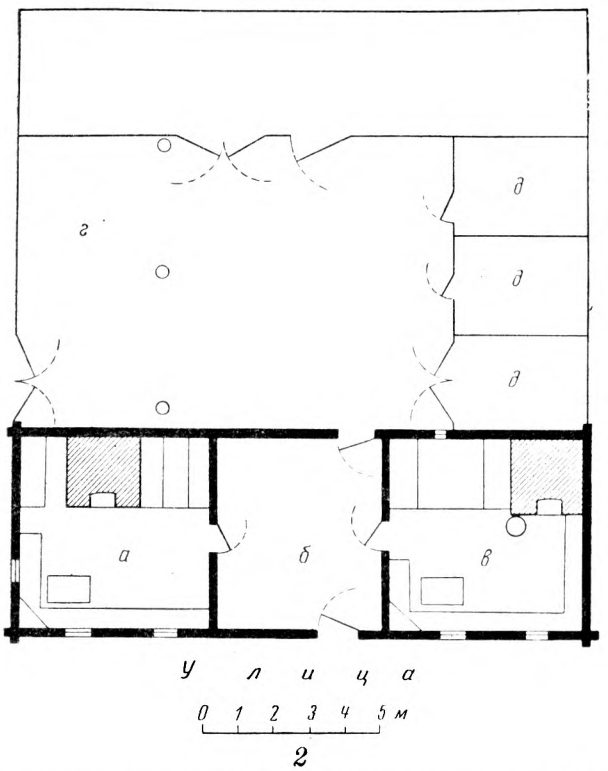
Этот тип застройки, изменяясь в деталях и соотношениях своих отдельных частей, по существу продолжает оставаться одним и тем же на огромном пространстве от верхнего Днепра до южного Урала, в чем можно убедиться, если проследить характер его с запада на восток. Так, для северной части Брянской обл. (Бежицкий район) и юго-западной части Калужской обл. характерна хата, стоящая вдоль улицы; к ней

[1] Открытые дворы, попадающиеся в Ленинградской и Калининской областях, по типу своему больше похожи на покоеобразные дворы средней полосы и поэтому в равной степени могут быть отнесены к предыдущему типу.

[2] В отдельных районах на Волыни в старину все дворы были замкнутые. Ф. К. Волков считает замкнутый двор очень древней формой славянской усадьбы (Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916, стр. 514).



1



2

Рис. 35. Южновеликорусский тип застройки, северная разновидность (Калужская и Брянская области), близкая к покоеобразному двору Среднего Поволжья

1 — внешний вид усадьбы с бревенчатым двором в паз (дер. Полпино Брянского уезда Орловской губ.); *2* — план усадьбы: *а* — летняя изба; *б*— сенцы, *в* — зимняя изба; *г* — навесы на столбах (пеледы), *д* — рубленые теплые (на мху) закутки для скота; вся связь стоит параллельно улице (Жиздринский уезд Калужской губ.)

примыкает открытый двор, окруженный хозяйственными постройками (рис. 35); с одной стороны расположены теплые хлевы для скота (срубы на мху, с потолком) — *заку́тки,* с другой — навесы на столбах (*пеледы* [1]), где раньше вешали сбрую, держали сани, телеги, колоды для скота. Под навесом — ворота во двор, расположенные рядом с избой, погреб с несколькими закромами для картофеля. При двухкамерной постройке двор большей частью вытянут в длину, перпендикулярно к улице; при трехкамерной он или квадратный или вытянут в ширину, параллельно улице; в обоих случаях, как и всюду при южновеликорусском типе застройки, сенцы имеют сквозной проход во двор против входа с улицы.

В Брянской обл., обильной лесом, южновеликорусский тип застройки близок к вятскому (но при наличии южновеликорусской хаты) как по планировке всей усадьбы, так и по внешнему виду типичной для этих мест добротной деревянной стройки. Хата южного типа покрыта, однако, двускатной тесовой кровлей, стоит слева; с правой стороны — надворные строения: амбар, сенной сарай и навес на столбах (поветь); за передним двором идет скотный двор, или *варо́к,* открытый посредине, окруженный помещениями для скота (закуты, конюшни, коровник), навесами («большая поветь») и также амбарами [2].

Калужская область, лежащая между Брянской и Московской, дает еще больше переходных форм застройки усадьбы [3]. Так, если двигаться по Калужской обл. от границы ее с Брянской по направлению к Московской обл., то центральная открытая часть двора становится все меньше и вся застройка все больше приближается к московскому подтипу, в отдельных случаях давая уже не открытый двор, а узкую, около метра шириной щель (*жерло́, жерело́*) между подходящими слева и справа навесами. Но при этом сохраняется южновеликорусское расположение хаты вдоль улицы; однако встречаются и смешанные формы, где вся усадьба застроена по московскому плану, хата южновеликорусского типа, но поставлена она по северному, т. е. перпендикулярно улице, как в районе Брянска [4] (рис. 36).

Для южной части Тульской обл. характерна хата с сенцами, поставленная параллельно улице; за ней — огороженный открытый двор, в нем стояли *свиная закутка*, конюшня, *овчарух*, или *баранья закутка*; ворота выходят в заулок.

В зажиточных крестьянских хозяйствах Курской обл. в XIX в. двор окружали плетнем из орешника, иногда плетень прикрывали еще камышом, чтобы не пробивался снег. По одной стороне двора шли навесы — сараи для различных хозяйственных вещей, по другую — теплые помещения для скота: зимняя конюшня, овчарух, свинарня для откормки, утятник, гусятник, индюшатник, курни́к, в глубине двора навесы для лошади и коровы; перед навесами во дворе — огороженное место, предназначенное для дневного помещения скота,— денни́к [5], с яслями посередине;

---

[1] См. примеч. на стр. 298.

[2] Описание усадьбы крестьянина-середняка здесь, как и в других местах, относится примерно к периоду с конца XIX в. до начала коллективизации.

[3] Виды и планы крестьянских усадеб Брянской и Калужской областей в 1920-х годах см. Е. Э. Бломквист. Крестьянское жилище Калужской губернии. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2. Л., 1927, рис. 3—10, 13.

[4] Уже в первые годы после революции в этих местах начинали строить крытые дворы («скрытной двор, без жерела»), признавая их более удобными, чем открытые дворы старой формы.

[5] «Денни́к» в этом значении широко распространен: кроме южновеликорусских, он известен в западнорусских областях, например в Великолукской, означая там пространство между хлевами и избой в крытом дворе трехрядной застройки; у белорусов —

между домом и денниками — амбары и *пуньки* (кладовые) [1]. Общий южновеликорусский тип двора распространен и дальше на восток, в Воронежской и Тамбовской областях (рис. 37 и 38). Здесь во дворе, наряду с амбаром и погребицей, строились клетки, или *клятушки* для хранения имущества; если в семье было несколько невесток, то на дворе ставили несколько клетей. В связи с недостатком леса, кроме рубленных клеток,

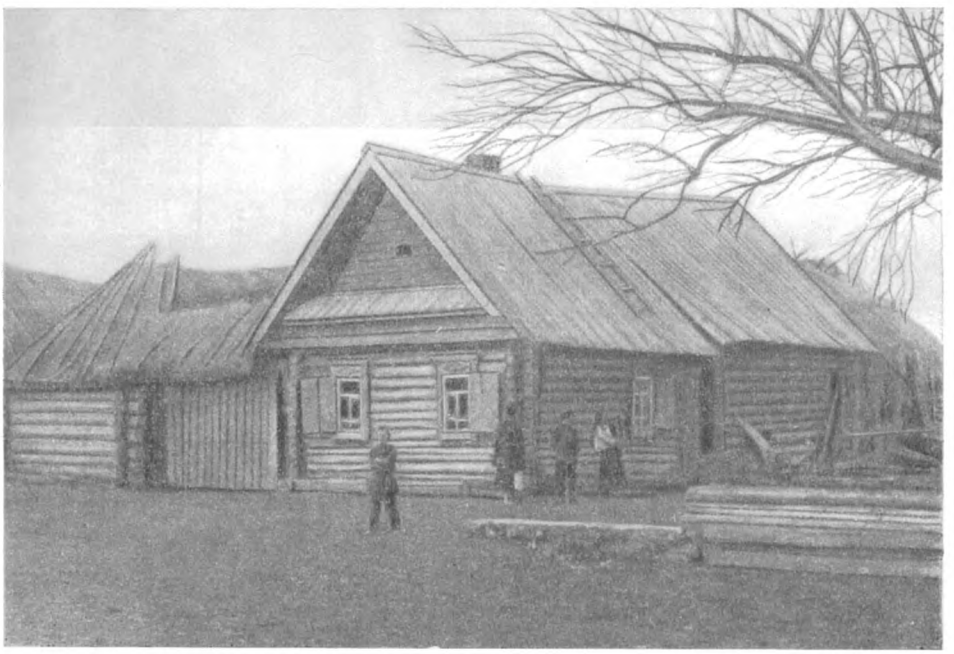
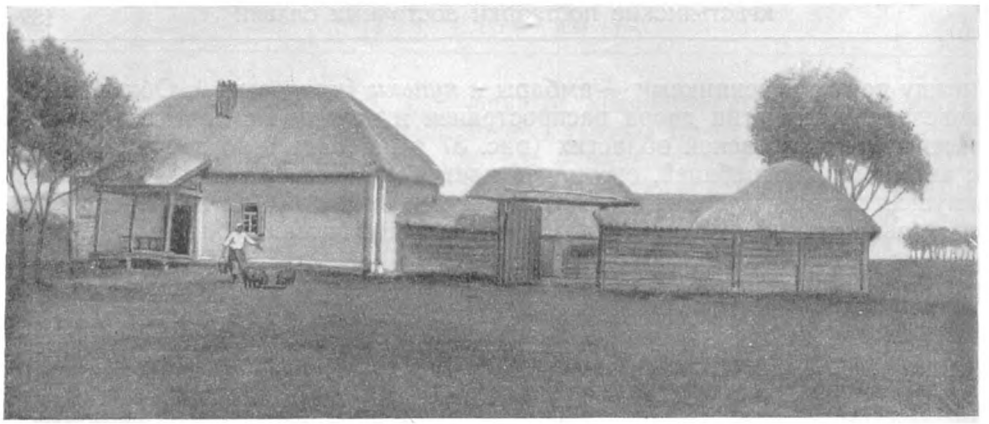


Рис. 36. Южновеликорусский тип застройки, северная разновидность. Изба середняка с замкнутым бревенчатым двором, крыша избы — тесовая, с залобком, у надворных построек — соломенная (дер. Большие Пекселы Касимовского уезда Рязанской губ.

или *думок,* из камня складывали небольшие четырехугольные *каменухи,* или *хатки,* плетеные *поветки,* глиняные *мазанки,* пуньки и т. д., каждая из них с глиносоломенной кровлей, без окон, с окованной железом дверью. Иногда для старшей невестки делали клеть, а для остальных невесток устраивали *пристены.* В таком помещении хранилось личное имущество невестки, ее приданое, не поступающее в распоряжение семьи, одежда ее мужа и детей — все уложенное в сундуки, расставленные вдоль стен,

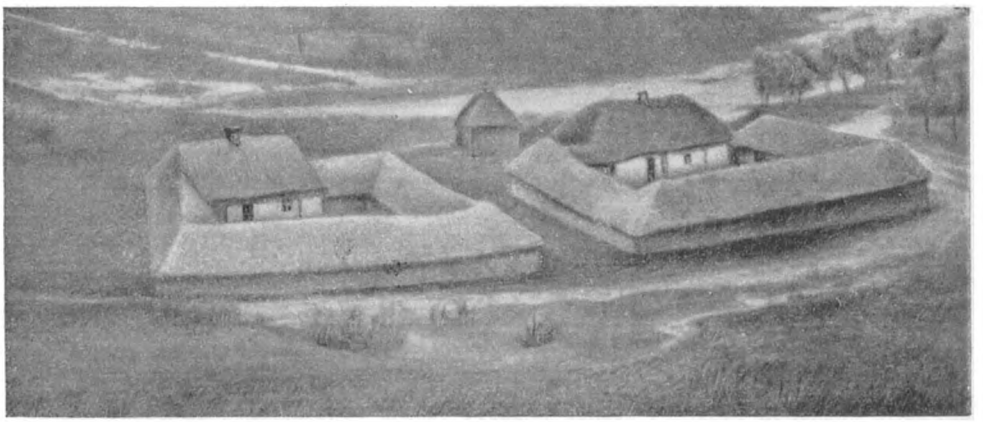
дянник представляет свободное пространство между хатой и хлевами. Здесь скот вылеживался, в летнее время тут доили коров, здесь же скот собирали летом перед выгоном в поле, зимой — на водопой (в тех местностях, где не было обыкновения греть пойло для скота). Летом в Белоруссии было принято в тех случаях, когда скот по тем или иным причинам (вывозка навоза, починка хлевов, отдаленность пастбищ) ночевал или полдневал не дома, устраивать временный денник около пастбища предпочтительно на паровом поле; это — легкая изгородь из жердей, через 3—5 дней переносившаяся на новое место. Если скот находился вне дома длительное время, то денник переносили с места на место несколько раз, благодаря чему хорошо удобрялось все поле.

[1] План такого двора, приведенный у М. Красовского (Указ. соч., стр. 30), взят им из АГО, ф. XIX, рукопись 15. «Этнографические сведения о Русско-Холанской волости, Новооскольского уезда». 1849 г.



1

2



3

Рис. 37. Южновеликорусский тип застройки, южная разновидность

1 — крестьянская усадьба (с. Роговатое Нижнедевицкого уезда Воронежской губ.); *2* — двор-крепость с плетневыми стенами, с избой в глубине замкнутого двора (там же); *3* — замкнутый четырехугольный двор, вид сверху (с. Фомина-Негочевка Воронежского уезда Воронежской губ.)

зимняя одежда, подвешенная к перекладинам; здесь же стояла ее кровать, на которой она спала в летнее время со своей семьей; ключ от клети хранился у ее владелицы, и без ее разрешения другие члены семьи не имели права входить туда.

Если в доме появлялась новая невестка, то строили и новую клетку, поветку, или другую соответствующую постройку.

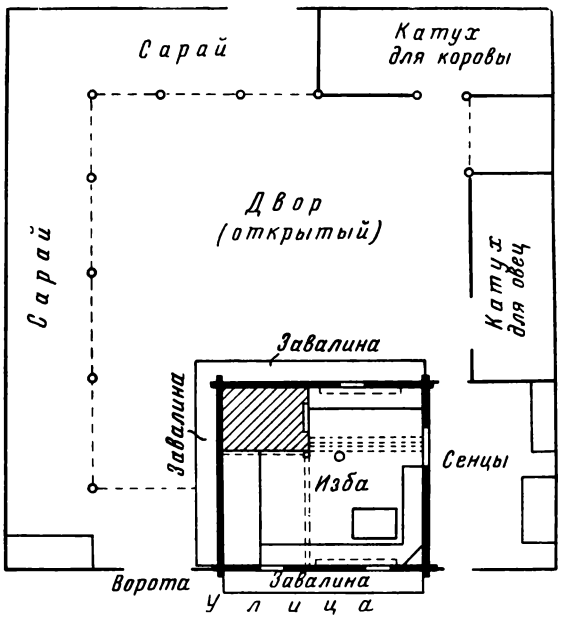


Рис. 38. План южновеликорусской крестьянской усадьбы. Двор середняка (с. Курино Задонского уезда Воронежской губ.)

В районах, где намечается переход к покоеобразному типу двора, как, например, в Рязанской и Пензенской областях, строят против избы через сени холодную горницу, в которой семья спит летом,— это *повалу́ша, повалу́ша, повалу́ха, пова́лыш* [1].

В черноземной полосе и Среднем Поволжье распространены так называемые *выходы* — полуподземные кладовые для хранения одежды на случай пожара; это полуземлянка с прочной дверью и двускатной или односкатной крышей; в Тульской и Орловской областях выход выкладывают из плит известняка, в Воронежской — из меловых глыб, в Рязанской — это сруб, в Поволжье выходы кладут из глины. Ставят их во дворе, нередко выносят на улицу перед окнами избы. Часто порядку из крестьянских дворов соответствует на улице такой же ряд из выходов [2].

[1] Повалуша (и слово и помещение) восходит к древнерусскому жилищу: в хоромах высших классов древней Руси повалуша, повалыш обозначала холодную горницу на подклете, служившую для пиров и приема гостей и использовавшуюся как летняя спальня (см. М. Красовский. Указ. соч., стр. 69). Повалуша в смысле холодной горницы известна и на Севере, в б. Новгородской и Олонецкой губ., прежде и теперь (повалуша на подклете упомянута в купчей 1612 г. из сборника «Карелия в XVII в.». Петрозаводск, 1948, стр. 25).

[2] «Выход» как погреб известен из актов Московской Руси еще в XVI в. В Рязанской области крестьяне объясняют это название тем, что выход образовался из того выхода, который устраивали на улицу из подклета избы, использовавшегося как кладовая (сообщено Н. И. Лебедевой).

Начиная с Воронежской обл. и дальше на восток (Пензенская, Саратовская, Сталинградская области) замечается тенденция разделения двора на передний, охваченный разными службами и навесами, и задний (подворок), где держат скот; со двора на подворок ведут ворота в середине навесов, прямо против избы. На подворке расположены *закуты* (хлевы) и *варки* [1] (загоны) для скота. В южных районах Воронежской и Тамбовской областей, в соседних районах Саратовской, у донских и уральских казаков употребителен термин *баз, базок,* в смысле помещения для скота или отгороженного для этой цели места на дворе и вне его [2]. Наряду с этим, небольшой баз для телят и овец у донских казаков называют *привдрок.* В Среднем Поволжье, на южном Урале для обозначения скотного двора известен термин *ка́лда, ка́лдас, ка́лдус* (Ульяновская, Саратовская, Пензенская области), *ка́рда* (Чкаловская обл.), заимствованный русскими от финноязычных народностей Поволжья.

Из заимствованных терминов в этом районе обращает на себя внимание «лачуга» (от поволжско-татарского ałačuq — хижина): так называют в Куйбышевской обл. поземную кладовую на дворе, сложенную из тонкого леса. Термин «клеть» сохраняется за двухэтажным строением, в котором наверху устраивалась кладовая или сеновал, а внизу — конюшня.

Трудно, почти невозможно провести четкую границу между покоеобразным и южновеликорусским типами дворов. Резко различаясь в своих типичных формах (сравним, например, дворы в Московской и Курской областях), они дают огромное разнообразие переходных форм, многие из которых почти с равным основанием можно отнести и к третьему и к четвертому типу. Как пример, можно привести многие дворы Ульяновской обл. и вообще Среднего Поволжья, а также северной части Калужской, Тульской, Рязанской областей. Это сильно подкрепляет предположение С. П. Толстова о южновеликорусском происхождении покоеобразного двора во всех его вариантах; но трудно согласиться с тем, что и двухрядная связь, как считает С. П. Толстов, имеет южное происхождение: этому противоречат как морфологические черты двухрядной связи, так и область ее бытования.

Своеобразным вариантом южновеликорусского замкнутого двора является тот тип южновеликорусской усадьбы, который справедливо получил в литературе наименование д в о р а - к р е п о с т и: изба (или хата) расположена в глубине двора, вход в нее — со двора. Двор-крепость встречается вдоль всей бывшей засечной черты Московского государства, известен преимущественно по верхнему Дону, до места впадения в него р. Воронежа (южная часть Рязанской и северной части Воронежской обл.), а также в Орловской (в районе г. Орла), Тамбовской и Курской (Рыльский и Суджанский районы) областях. В дворе-крепости, как и вообще в усадьбе южновеликорусского типа, стена, окружающая двор, является в то же время наружной стеной для хозяйственных надворных строений — клети, сараев, закут, поветок, пунек и пр., причем двор объединяет все хозяйственные постройки, кроме риги; изба же помещается в глубине двора, большей частью у задней стены, реже у боковой стены; окнами и входом она, естественно, обращена внутрь двора. Улица, состоявшая из таких дворов-крепостей, особенно если они примыкали один к

[1] «Варо́к», «варки́» (в акающих говорах), «воро́к», «ворки́» (в окающих говорах), широко известный старый термин для обозначения загона для скота, вероятно, одного корня со словами «завóры», «завóрить» и др. (см. в главе X раздел «Изгороди»). Бытует в областях Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской, Калининской и др. Известен и в формах «вару́шка», «вари́нка».

[2] Говорят: скот стоит «на базу́», «на базка́х»

другому, представляла глухую стену с нависшей над ней соломенной кровлей. Однообразие стены прерывалось лишь воротами, ведущими во двор каждой усадьбы. Дворы-крепости в литературе отмечены во многих местах, бывших южной окраиной Московского государства в XVI—XVII вв., в районах, лежавших к северу от тульской, а позднее — от белгородской пограничных линий. Появление двора-крепости в прошлом объясняется неспокойным военным положением края, вследствие чего выработался этот тип усадьбы у военно-служилого земледельческого населения, продвигавшегося постепенно к югу.

По старым источникам видно, что, приходя с севера в тогда еще богатую лесами лесостепь, воины-земледельцы несли с собой и привычную технику срубных построек; усадьбы пашенных людей в XVII в. представляли собой огороженный дубовым тыном (т. е. вертикально врытыми столбами) двор, обставленный хозяйственными постройками, с жилой избой посреди двора. Подобный план наиболее гарантировал безопасность жилья в неспокойной военно-феодальной обстановке. В чистом виде двор-крепость к нашему времени не обнаружен нигде, но еще в середине XIX в. он сохранялся в нескольких селениях по левому берегу р. Воронежа[1]. В начале XIX в. крестьянские усадьбы с избой посреди двора распространены были и в Тульской губ., причем уже тогда отмечалось, что такое «обыкновение строиться — старинное» и что в деревнях, выселившихся на больших дорогах, «самый род строения от обыкновенного русского отступает. В таковых избы не скрыты внутри двора, но стоят окнами на улицу»[2].

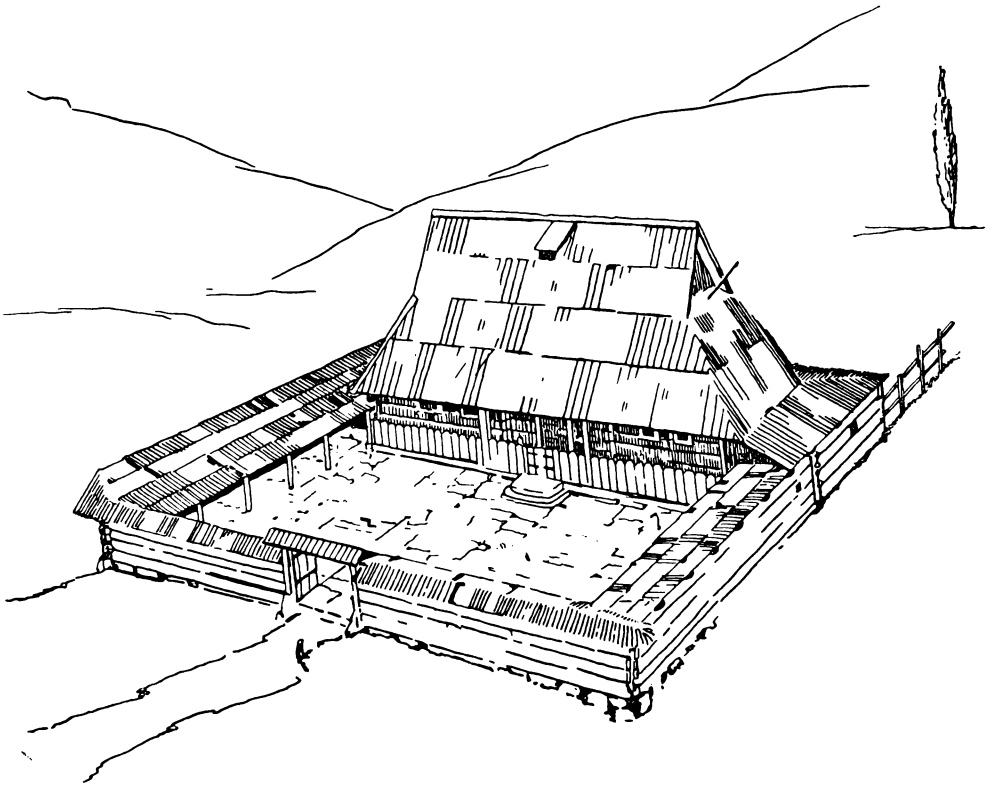
Все сохранившиеся дворы-крепости представляют собой видоизмененный тип, где жилая изба стоит хотя и в глубине двора, но составляет часть ограды; здесь старая традиция приспособлена к новым экономическим условиям, когда земельная теснота и дороговизна строительного материала требовали постановки избы не посреди двора, а в общей связи дворовой стены.

Сложившийся тип двора-крепости, как пережиток давно исчезнувших условий быта, дошел до наших дней в старых селениях бывших однодворцев. Наибольшее количество застроек этого типа сохранилось в придонских районах Воронежской обл. При капитализме этот тип построек держался долгое время по традиции, будучи характерным главным образом для кулацких хозяйств. С начала XX в. с каждым годом дворов-крепостей строили все меньше, заменяя их усадьбами с избой на улицу, так называемыми «на план», а после Октябрьской революции их и совсем перестали строить. В 1920-х годах деревянная ограда дворов-крепостей сохранялась еще на верхнем Дону — в Данковском районе Липецкой обл., сравнительно более лесистой; правда, это была уже не тыновая ограда — дворы были обнесены горизонтально положенными бревнами («венчатые ограды», по терминологии М. Красовского[3]). Значительное число уцелевших дворов-крепостей имеет стены, сложенные из дикого камня — известняка. Стены двора, толщиной не менее пол-аршина (около 35 см), сделаны из переложенного глиной камня. На юге Рязанской обл. даже избы в этих дворах выкладывали из камня, делая их от ½ до 1 аршина (71 см) толщиной. Каменные дворы-крепости идут «по-

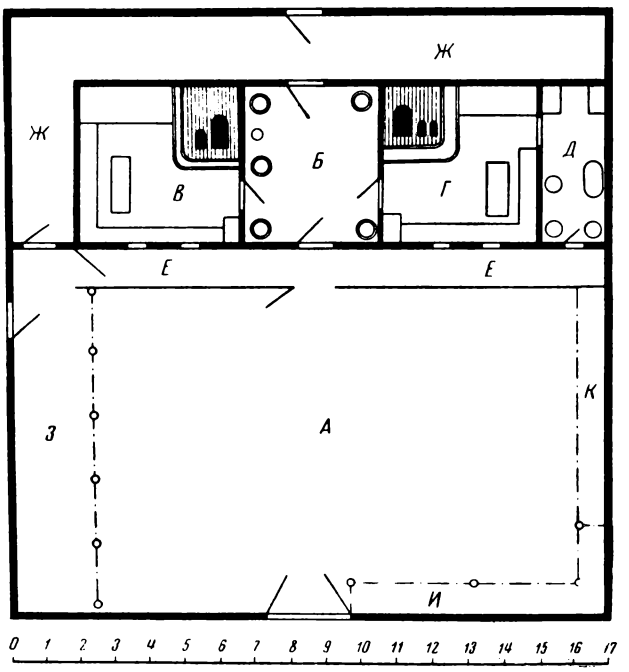
[1] План такой усадьбы, зафиксированный в 1851 г., см. Е. Э. Бломквист. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области (Жилище феодальной эпохи). СЭ, 1934, № 5, стр. 59.

[2] «Описание Тульской губернии, 1811 г.», ЦГИА, Вольное экономическое общество, ф. 91, оп. 1, № 285, л. 172, 175.

[3] М. Красовский. Указ. соч., стр. 88, 89.



1



2

Рис. 39. Гуцульский оседок в Карпатских горах

1 —общий вид сверху, *2*— план: *А* — подвірє (открытая часть двора), *Б* — хороми (сени), *В* — лівачка, *Г* — правачка, *Д* — кліть, *Е* — ганьчик (галерейка перед домом), *Ж* — притулок (глухие навесы); *З* — кошери (помещение для скота), *И* — древоруб (сарайчик для дров); *К*— піддашє (открытые навесы)

над-Доном», начиная с Данковского района Липецкой обл., соответственно выходам известняка на берегах Дона, и вниз по Дону, не доходя до устья р. Воронежа километров на 25, где известняки исчезают. Среди этих старых донских селений встречались такие (по данным 1925 г.), где число дворов-крепостей доходило до 66% от общего числа дворов.

В настоящее время трудно установить, когда в донских дворах-крепостях камень сменил дерево; одно лишь удается выяснить, что некоторые из каменных дворов в 1925 г. насчитывали 150 лет.

В стороне от Дона, где нет выходов известняка, распространены дворы-крепости, обнесенные плетнем (рис. 37, *2*). В тех же местах, но в селениях, населенных бывшими помещичьими крестьянами, т. е. возникших значительно позже, в XVIII—XIX вв., застройка усадьбы носит обычный южновеликорусский характер.

Разновидностью двора-крепости является и г у ц у л ь с к и й о с е д о к, или г р а ж д а, т. е. единый замкнутый комплекс жилищ и хозяйственных сооружений, с небольшим открытым двориком в передней части усадьбы и крытыми надворными строениями за домом. Распространен в южной, горной части Станиславской области УССР (рис. 39).

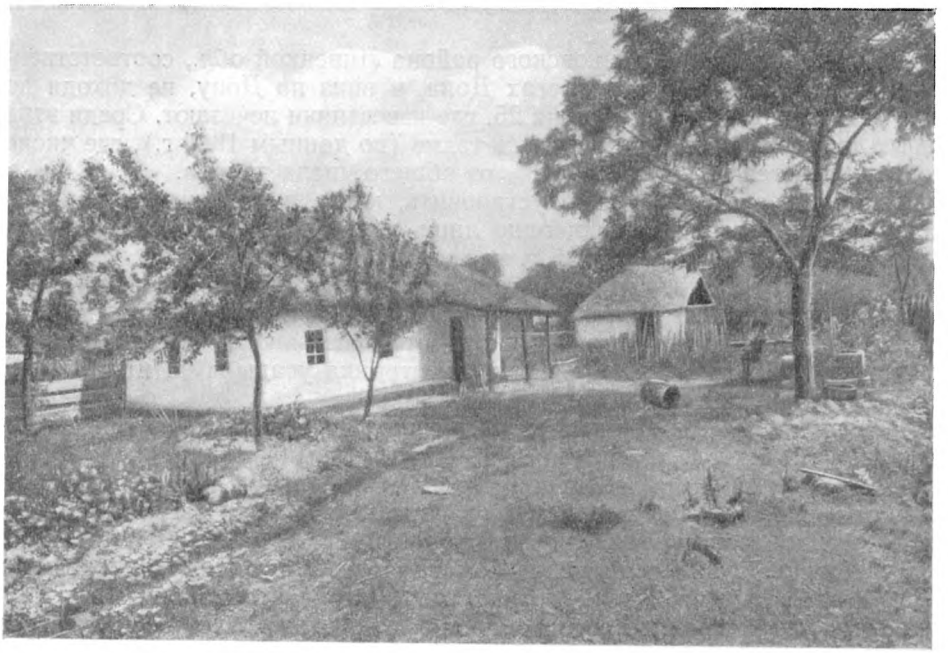
В типичной гуцульской усадьбе хата стоит в глубине окруженного высокой *гра́ждой* (оградой) двора; все пространство между хатой и ближними к ней тремя стенами ограды покрыто продолжением свеса кровли — правый отсек занят клетью (*кліть*), слева и сзади — *притули* (с хлевами) для скота. Передняя открытая часть двора (*подвире*) окружена навесами: слева — помещение для овец (*кошéри*), справа — навесы для хранения сельскохозяйственных орудий и для дров (*древоруб*).

Навесы вокруг хаты утепляют жилище и создают зимой удобную связь с помещениями для скота и со всем двором, что́ особенно важно в горных условиях. Гуцульский тип застройки можно рассматривать, как пример вертикальной зональности жилища, обусловленной физико-географической вертикальной зональностью (температура воздуха, растительные зоны). Большую роль в том, что тип подобного замкнутого двора-крепости вошел в быт гуцулов, играла также и потребность при крайней разбросанности жилищ обезопасить себя от всяких случайностей.

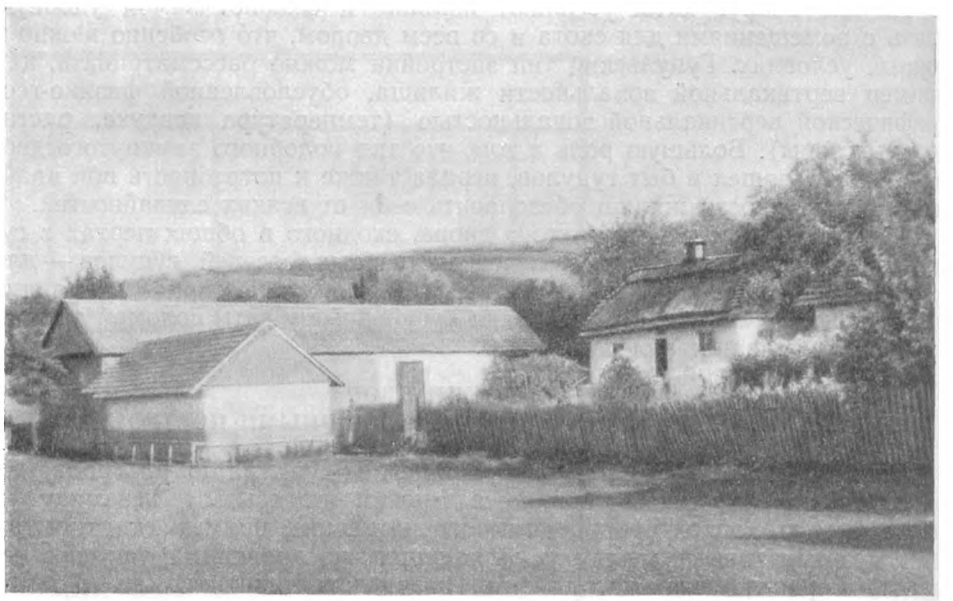
Тот же тип вполне замкнутого двора, сходного в общих чертах с гуцульским, характерен и для непосредственных соседей гуцулов — для «бойков», которые тоже являются верховинцами, т. е. горцами. Разница в постройках только в том, что бойки кроют крышу хаты соломой да притулы носят название *колéшни*.

УКРАИНСКИЙ ДВОР С НЕСОМКНУТЫМИ, НЕСВЯЗАННЫМИ НАДВОРНЫМИ ПОСТРОЙКАМИ

Весь юг Восточно-Европейской равнины, от Днестра до р. Урала, характеризуется украинским типом застройки — открытым незамкнутым двором: к хате, ориентированной по странам света, примыкает открытый двор с не связанными между собой надворными строениями, так как короткая и сравнительно мягкая зима позволяет ставить помещения для скота отдельно от жилья (рис. 40, см. также рис. 6, *1* и 15, *1*). Огороженный двор, в котором все постройки разбросаны по усадьбе и каждая постройка имеет свой самостоятельный сруб или остов и свою законченную крышу, характерен почти для всей Украины, за исключением ее северного выступа (северные районы Черниговской и Сумской областей), где распространена покоеобразная застройка, и районов бытования локальных типов замкнутой застройки (гуцульская гражда и некоторые другие типы жилища Западной Украины).



1



2

Рис. 40. Застройка усадьбы у украинцев

— усадьба кубанского казака-бедняка: незамкнутый двор с разбросанными надворными строениями (станица Славянская, хутор Черкашенко, Кубань); *2* — крестьянские усадьбы украинцев Галиции: хата в глубине двора (с. Черче, Станиславской обл.)

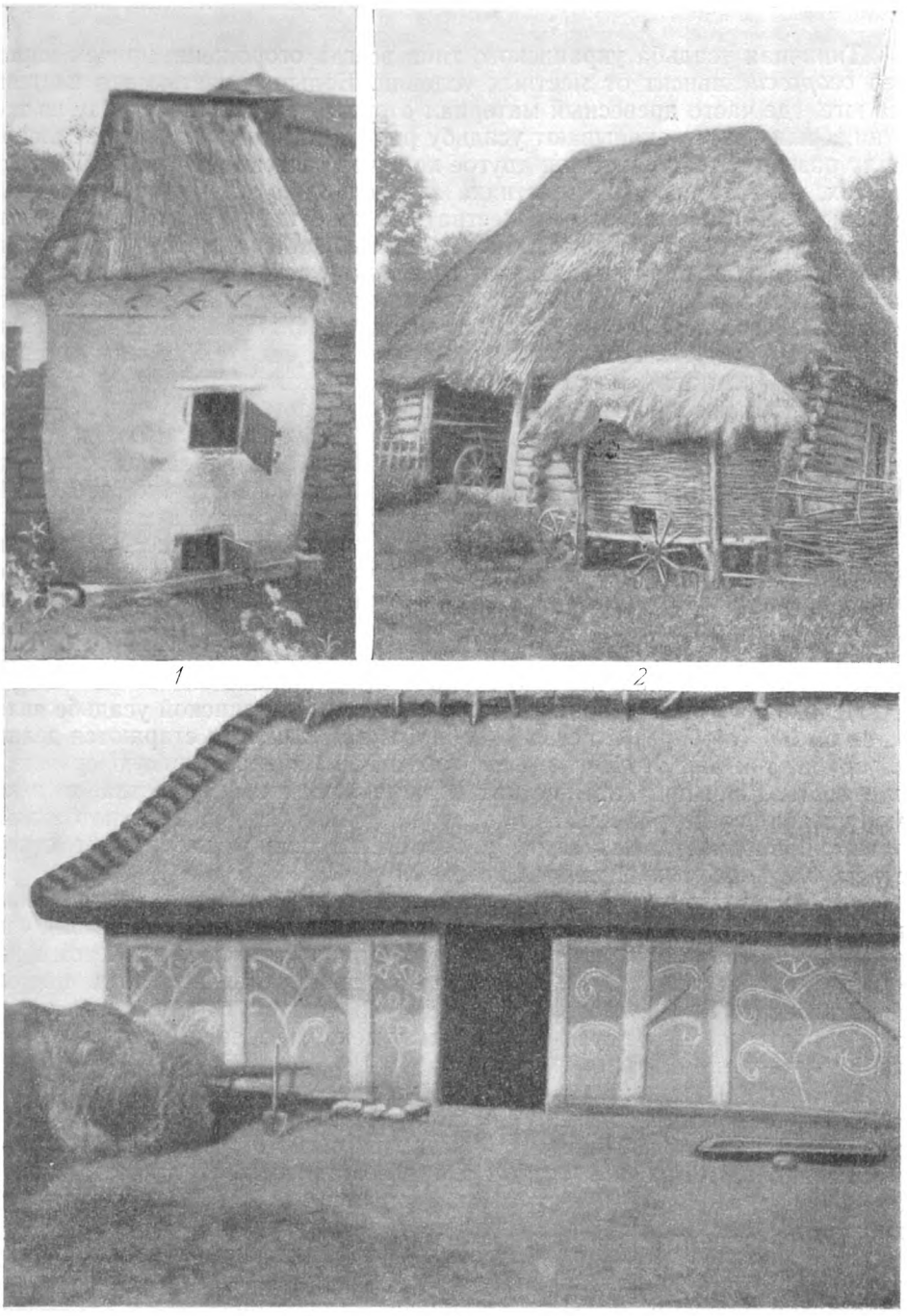


Рис. 41. Украинские надворные постройки

1 — курник: остов плетеный, обмазан глиной, побелен и расписан (Подолия); *2* — плетеный кош для кукурузы, за ним—сарай (Восточная Галиция); *3* — стодоля: стены обмазаны глиной и расписаны, крыша соломенная под щетку, с остришками (Подолия)

Типичная усадьба украинского типа всегда огорожена, причем характер *огорожи* зависит от местных условий. Большей частью это плетень; на юге, где часто древесный материал отсутствует, делают ограду из тростника или просто окапывают усадьбу рвом и на получившемся земляном валу разводят терновник или другое колючее растение. В безлесных местностях, где есть выходы известняка или сланца, складывают каменные ограды (без скрепляющего вещества). В северной Украине «огорожа» представляет даже иногда частокол, дощатый забор или изгородь из горизонтально положенных жердей, как на великорусском Севере. В огороженном дворе, кроме хаты, стоящей в глубине или сбоку и часто имеющей вход со двора, устраивались (до коллективизации) крытые зимние помещения для скота (*кошáры, стáйни, хлівы, загоны*); на севере Украины они бревенчатые, в средней ее полосе — плетеные, в южной Украине — земляные или тростниковые. Только помещение для откармливания свиней — *саж* делается всегда из сруба [1]. Иногда зимние помещения для скота делают из двойного плетня (его называют *загата*), набивая пространство между плетнями землей с навозом. Для кур устраивают курник (рис. 41, *1*) (в б. Галиции курники делали с высоко устроенным над землей круглым отверстием, до которого куры добирались по особой лесенке). Затем, как и в южновеликорусском дворе, строили навесы, открытые и закрытые; это *повітки,* под которыми работали в дурную погоду, где складывали сено и двора, и *возóвні* [2], куда ставили телеги, сани, плуги и прочие сельскохозяйственные орудия. Все эти строения здесь не образуют замкнутого четырехугольника и составляют лишь часть огорожи.

Необходимыми надворными постройками на украинской усадьбе являются амбар (*вінбарь*) и погреб. Амбар по возможности стараются делать из сруба, так как это лучше всего обеспечивает необходимую сухость и прочность. Если при хате нет коморы для хранения имущества, то и комору ставят во дворе; строят ее предпочтительно из дерева, с потолком и полом, приподнятую над землей, без окон, лишь с небольшим отверстием, устраиваемым почти под крышей.

Изредка в северной Украине (как и в Белоруссии) на дворе устраивают *стёбку* («издебка», «истопка») — теплую кладовую для хранения «варева», т. е. квашеной капусты, квашеных бураков, картофеля. Летом в ней хранят молочные продукты. Иногда стебка стоит отдельно, иногда под общим навесом. Это — небольшой сруб с крохотным оконцем или отверстием, почти всегда с печью (бывает и каменка, бывает и русская печь — либо курная, либо с трубой).

В Западной Украине (б. Галиции) на дворе устраивали и помещение для хранения снопового хлеба до обмолота — *стодоля* (рис. 41, *3*). Стены ее возводились с применением той же техники, что и стены жилой хаты,— они вальковые на рамном остове. Обычно хата занимает здесь заднюю стену двора, стодоля — одну из боковых (см. рис. 40, *2*). Кукурузу хранили в плетеных кошах (рис. 41, *2*).

Особенность украинской застройки составляет почти обязательное наличие сада в усадьбе или палисадника на улице перед хатой, с вишнями, сливами и кустами мальвы. На широких просторах южной Украины (б. новороссийские губернии — Херсонская, Таврическая), заселенной сравнительно недавно (основная колонизация происходила в XVIII в.), усадьбы имеют большие размеры, обширные садики, расположенные и

[1] Саж у донских казаков — хлев для одной свиньи, а *свинух* — общее помещение для свиней. Термин «саж» известен также в Псковской, Калининской, Орловской, Курской областях.

[2] На Дону соответствующее помещение называется *завóзня.*

1

2

Рис. 42. Застройка усадьбы у белорусов

1 — покоеобразный (веночный) двор (дер. Шарпиловка Гомельского уезда Гомельской губ.); *2* — незамкнутый двор, справа одрына (дер. Белево Гродненского района Белостоцкой обл.)

перед хатой, и по сторонам от нее, и в глубине усадьбы. Во дворе ставят еще особую летнюю кухню, чтобы не создавать в хате духоты от топки «варистой» печи.

В южной Украине (б. Новороссии) и в Ростовской обл. хата нередко ставится перпендикулярно к улице (хата, за ней сени), как у северновеликорусов, но со входом обязательно со двора.

В горах Западной Украины, для гуцулов, усадьбы которых разбросаны изолированно одна от другой по склонам Карпат, характерен, как мы видели выше, вполне замкнутый, наполовину крытый двор (см. рис. 39). Но уже Ф. К. Волков отмечает, что, по мере того как гуцульские оседки спускаются в долины и начинают группироваться в села, архаический замкнутый характер их утрачивается, гражда исчезает и заменяется простой огорожей, а холодные службы отделяются от хаты и превращаются в отдельные постройки [1].

Отхожие места *(ви́хідки)* в украинском дворе начали устраивать в XIX в.; в прежнее время их роль выполняли помещения для свиней. У донских казаков, на Кубани, в русских селениях Средней Азии отхожее место издавна устраивается где-нибудь в дальнем конце двора: это — яма, с помостом над ней, огороженная довольно высокой изгородью из тычин или плетнем из вертикальных хворостин.

БЕЛОРУССКАЯ УСАДЬБА

Белорусская усадьба (*седзіба*) имеет две разновидности: веночный двор, аналогичный покоеобразному типу, и погонный, приближающийся к украинскому типу. В обеих разновидностях гораздо меньше, чем в застройке украинцев, имеет значение ориентировка по странам света, и хата большей частью ставится перпендикулярно к улице, как у северно- и средне-великорусов.

Национальной особенностью белорусской застройки является п о г о н н ы й д в о р [2]. Он распространен на всей территории Белоруссии. Этот белорусский подтип незамкнутого двора известен в двух основных формах: в однорядном дворе срубы хозяйственных построек стоят в один ряд с хатой, примыкая к ее сеням, в двухрядном они образуют второй ряд, параллельный хате. Иногда погонный двор имеет форму глаголя. С открытой стороны погонный двор огораживают плетнем *(пра́слом)* с воротцами (*ве́шніцами*) в передней и задней стенах двора. Погонные дворы распространены больше всего в Полесье; преимущество их в том, что, стоя перпендикулярно к улице, они занимают меньше места на ней и, таким образом, улица сокращается в длину, что существенно для крупных селений Полесья. Погонные дворы, несмотря на их большое своеобразие, по существу близки к незамкнутым дворам Украины.

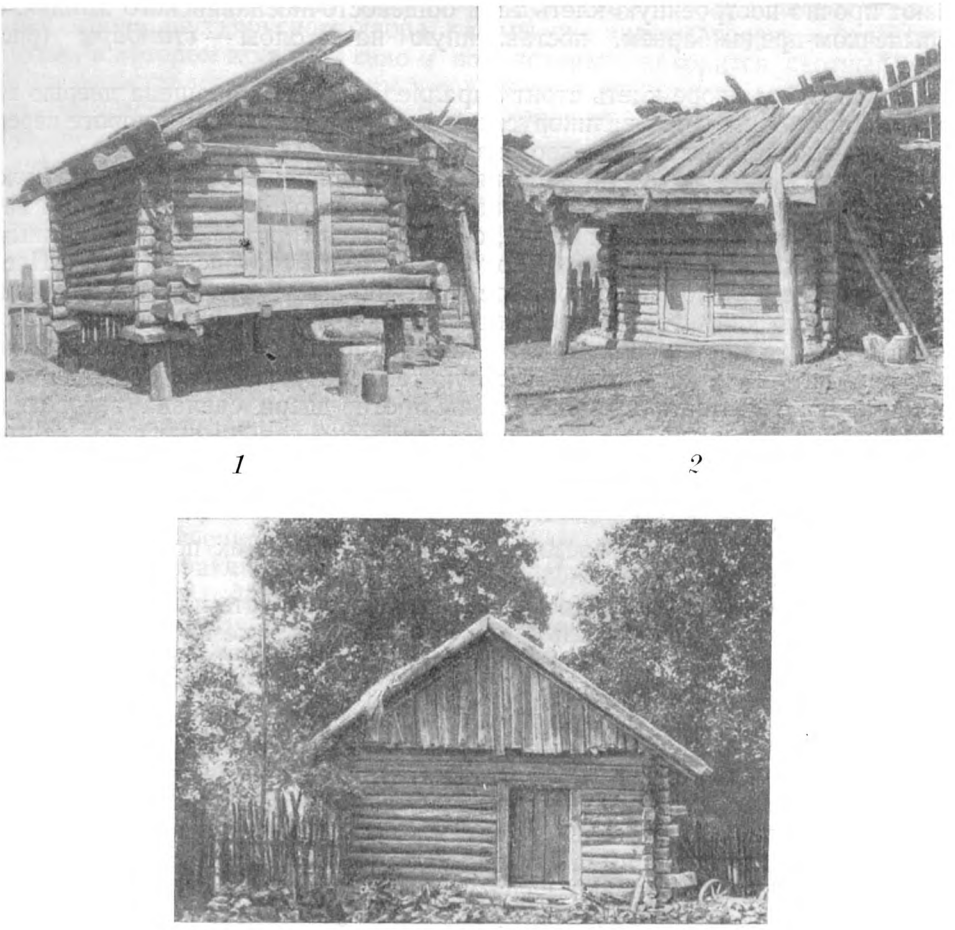
Наряду с этим бо́льшая часть Белоруссии входит в зону распространения покоеобразного двора, в той или иной степени приближающегося к южновеликорусскому типу. Такой двор в Белоруссии называется в е н о ч н ы м д в о р о м (рис. 42, *1*). В белорусском замкнутом дворе на улицу выходят хата (поставленная перпендикулярно к улице) и клеть (или *стопка, стёпка*) — теплая кладовая для хранения овощей, соединенные забором — *плотом* с высокими тесовыми воротами. Боковые стороны двора заняты сараями, хлевами; в прошлом здесь же были навесы для сельско-

[1] Ф. К. В о л к о в. Указ. соч., стр. 513.

[2] Слово «погонный» по смыслу близко к словам «продольный», «вытянутый», «рядовой».

хозяйственного инвентаря, промежутки между которыми забирались плотом. В задней стороне — *вѐшніцы* (также *вéсніцы*) на задворок или на огород. Такой двор характерен в прошлом преимущественно для зажиточных хозяйств. Между погонным и веночным дворами наблюдалось много переходных форм.

Надворные постройки белорусов, не отличаясь в основных своих чертах от других восточнославянских надворных строений, тем не менее имеют



1 *2* *3*

Рис. 43. Белорусские надворные постройки

1 — свирон (с. Чучевичи Мозырского округа, Полесье); *2* — стопка (там же); *3* — истопка, или варевня (дер. Ракини Слуцкого округа Белорусской ССР)

ряд национальных особенностей. В состав белорусских надворных строений входят клеть на столбах для хранения зернового хлеба (иначе амбар, *свúрон*), истопка (иначе *варевня,* белор.— *варивня*), поветь, *одрына* (белор.— *адрына*) — хозяйственная постройка для хранения необмолоченного хлеба и помещения для скота (рис. 42, *2*).

Клеть представляет собою небольшой сруб с деревянным полом и потолком, с двускатной крышей; в одних местах клети кроют тесом на *свóлоках* и *кокóшинах* с *закрылинами* (т. е. крыши, аналогичные старой

русской крыше на самцах и курицах), в этих клетях потолок плоский дощатый. Клети другого вида имеют сводчатый бревенчатый потолок, соломенную кровлю на обрешетине, положенной на кроквы (стропила). В клети хранят одежду, утварь, хлеб, иногда в ней спят летом. Клеть всегда запирается на замок. Очень редко клеть в Белоруссии называют амбаром — лишь в местностях, пограничных с великорусскими районами; значительно шире распространено литовское название «свúрон», «свиронак», главным образом в западных районах Белоруссии. Чаще свироном называют прочно построенную клеть типа общевосточнославянского амбара, с крылечком-предамбарьем, поставленную на столбы — *стандáры* (рис. 43, *1*).

В погонном дворе клеть стоит параллельно хате, обращена дверью во двор. Иногда она, как и великорусский амбар, поставлена на дороге перед хатой, а иногда вынесена за двор на усадьбу близ гумна.

Истопка (стопка или варевня) представляет собой отапливаемую постройку для зимнего хранения овощей и фруктов [1]. Это деревянный наземный сруб с двускатной крышей, с деревянным потолком и земляным полом, иногда с одним-двумя волоковыми оконцами (рис. 43, *2, 3*). Против входа, несколько вправо от середины, на земле огорожено камнями круглое место диаметром больше полуметра — это так называемая *ямка*; сюда в зимние морозы приносят из хаты в горшке горячие уголья, чтобы обогреть истопку и поддержать нужную температуру. Влево от входа ставится кадка с кислой капустой. У стены против двери сделана загородка, высотой пониже метра — это закром, или *засéка* для ссыпки в нее картофеля.

Иногда вместо ямки в истопке устраивали из крупных булыжников печь каменку, без трубы.

В предреволюционное время в кулацких хозяйствах появился новый тип истопки с кирпичной печью и трубой.

Истопка помещается во дворе или параллельно хате или посреди двора. Иногда под истопки используются старые хаты, уже не пригодные для жилья; такая истопка помещается по другую сторону от сеней, образуя с хатой трехкамерную постройку.

Истопки наиболее распространены в районах с болотистым грунтом, где подвалы и погреба рыть невозможно. В более сухих местах для хранения овощей и картофеля служат, как и у великорусов, углубленные в землю погреба, называемые здесь *склепами*. Для устройства склепа выкапывают в земле четырехугольную яму, в которой складывают сруб; иногда он на несколько венцов выдается над уровнем земли; его запотолачивают досками, а сверху устраивают двускатную соломенную крышу. Внутреннее пространство, образуемое крышей, называют *погребней;* в ней складывают бочки, кадки, ушаты и другую посуду. В нижней части погреба хранят картофель, капусту, свеклу, морковь. В сильные морозы погребню согревают угольями в горшках или небольшими кострами.

Поветью в Белоруссии, как и во многих местах среднерусской полосы и на Дону, называют навесы вокруг двора, под которыми хранятся телеги, сани, сельскохозяйственные орудия, дрова и пр. Слово «поветь» широко распространено среди великорусов, белорусов и украинцев.

---

[1] Слово «истопка» связано с глаголом истопить и известно с глубокой древности (см. стр. 20). Слово «веревня» получило свое название от «варево» — то, что приготовлено для варки, в частности овощи. Истóпка в таком же значении известна и у великорусов Псковской и Великолукской областей (здесь она иногда называется и общевеликорусским словом «мшаник»). На юге Калининской обл. маленькая истепка в глубине двора служит для согревания воды на пойло скоту.

В центральных областях и на юге европейской части Союза ССР, в Западной Сибири оно обозначает навес, крышу на дворе, почти всегда на сохах или столбах. В зоне, переходной между покоеобразной застройкой и северным домом-двором (главным образом в Кировской обл., но отчасти и в Костромской), известна поветь в виде помоста на столбах, на котором хранится сено и под которым помещается скот; в зоне переходной между одноярусным и двухъярусным двором, в лесном Заволжье, поветью называют неполный настил для сена под крышей одноярусного двора, т. е. как бы крытый помост, нечто вроде полуторного (по высоте) двора. И, наконец, в зоне двухъярусного двора, как мы уже видели, поветь — это второй этаж, в котором хранится сено и под которым находится скотный двор. При сопоставлении этих форм и если к тому же принять во внимание, что почти всегда поветь в двухъярусном дворе покоится на столбах, не опираясь на расположенные под ней хлева,— становится ясным генезис двухъярусного двора: несомненно, что северная поветь — это тот же общевосточнославянский навес на дворе, который, при продвижении славян на север, в условиях сурового северного климата и обилия строительного лесного материала постепенно стал служить помостом и получил дополнительную надстройку — стены и крышу и превратился во второй ярус дома-двора, сохранив древнее название «поветь» [1].

Кое-где поветь, служившую для хранения в ней средств передвижения, называли возовня и колешня [2]. В белорусском дворе повети обычно занимают свободное пространство между двумя срубными постройками, например между сенями и клетью, между клетью и истопкой, образуя с ними общую линию построек; двускатная крыша повети покоится на столбах — сохах, крыта соломой или тесом. В повети, т. е. под навесами, в теплое время производятся многие работы; например, здесь стоит ножная ступа для толчения конопли и проса, здесь производятся различные деревообрабатывающие работы и стоят разные станки, с ними связанные.

Одрына (*адрына*) — так называют в Белоруссии сарай для телег и саней, а также для хранения корма для скота — сена и яровой соломы. Одрына встречалась далеко не во всех хозяйствах, а лишь в более зажиточных, бедняки обходились без нее. В летнее время одрыны служили и для спанья [3].

Одрына (местами ее называют также *се́нницей*) представляет собой длинную (до 12 м) срубную постройку, с воротами и нередко с бревенчатым накатом в качестве пола, особенно необходимым в болотистых местах для предохранения корма от гниения. Обычно одрыны ставятся во

[1] Термин «поветь», в течение своего многовекового бытования среди различных этнических групп восточного славянства, претерпел различные изменения. В великорусских говорах он известен также как «по́веть», «пови́ть», «пове́тье» и «поветье́», «пове́т», «пове́тка», в украинском языке — «повітка», «повітня» и «поветочка», в белорусском — паве́ць».

[2] Слово «колешня» связано с общеславянским словом «коло» — круг, колесо. В древнерусском языке (X в.) «кола» означало и повозку (ср. в современном русском языке «одноколка», «двуколка»).

[3] Вспомним, что «одрина» — старинное русское название спальни, которую иногда устраивали и отдельно во дворе (слово «одъръ» в значении «ложе» известно в письменности с XI в., употребляется во всех славянских языках). В смысле же сараев разного рода, например для сена, и хлева слово «одрина» встречается в русском языке с X—XI вв. В современной великорусской речи слово «одрина» известно в Калининской обл. в значении большого хлева для рогатого скота. О словах «одр», «одрина» см. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 9. М., 1914, стр. 640—641; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1902, стр. 621—622; Н. П. Гринкова. Из наблюдений над некоторыми устарелыми словами русского языка. «Ученые записки Лен. Гос. педагогич. ин-та им. Герцена», т. 104, 1955, стр. 196—199.

дворе близ помещений для скота, но одрыны для корма строят иногда около гумен.

Обязательной составной частью белорусского крестьянского двора являются (особенно в прошлом) различные срубные помещения для скота: ста́йня — конюшня, *обора* — коровник, кошара (или овчарня), свинушник (свинарник или закута). Это или отдельные помещения, или общий длинный «хлев» или «загорода» с перегородками внутри.

В районах, пограничных с украинскими, в белорусской усадьбе встречалась и *стодо́ла* — большое холодное строение для склада невымолоченного хлеба.

Чем состоятельнее было хозяйство, тем больше надворных строений ставилось на усадьбе. Если почти на каждом дворе имелась клеть, истопка, поветь, то уже свирон, прочно построенная вместительная одрына характеризовали преимущественно кулацкое хозяйство, имевшее большие запасы зерна и корма, несколько телег и т. д. Равным образом, в безлошадных и бескоровных хозяйствах бедняков не было необходимости в отдельных стайнях и оборах, и на бедняцком дворе можно было видеть лишь плохонькие загороды и хлев для мелкого скота.

Мы видим, таким образом, что основные типы застройки крестьянских усадеб на Восточно-Европейской равнине являются зональными.

КРЕСТЬЯНСКИЕ УСАДЬБЫ В СИБИРИ И У РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

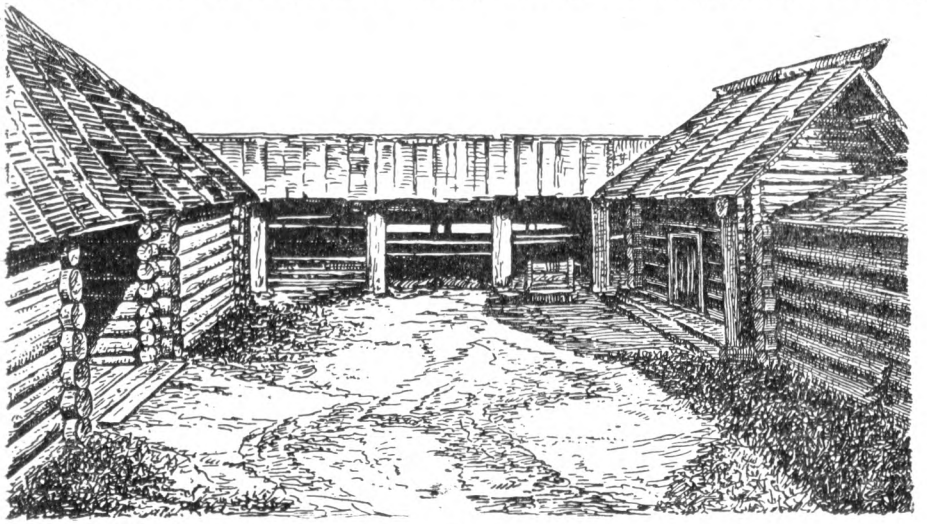
На востоке, за Уралом, также существует зональное распространение типов застройки усадьбы, составляющих как бы продолжение зональных форм Восточной Европы, но измененных в связи с приспособлением к новым условиям. Это дает нам возможность говорить о двух основных группах типов — сибирской и среднеазиатской, с ярко выраженными местными особенностями, образующими в отдельных случаях своеобразные локальные варианты.

Сибирский тип застройки

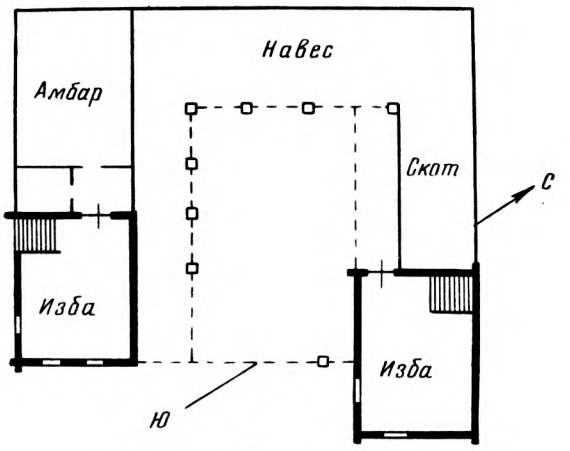
Западносибирский тип застройки, характерный для русских селений лесной зоны Западной Сибири, представляет собой, в сущности, волжско-камский, или вятский, тип, но стоит еще ближе к южновеликорусскому. Это сходство с последним проявляется в том, что высокая бревенчатая изба, или, как здесь часто говорят, «дом», севернорусского типа, стоит нередко вдоль улицы (как в южновеликорусском типе, в противоположность вятскому), рядом с ним — ворота, ведущие в замкнутый глухой двор, обставленный надворными постройками и навесами и называемый *оградой* (рис. 44). В усадьбах старого типа жилой дом ставился в глубине двора, а если он выходил на улицу, то был обращен окнами во двор. Лишь позднее жилой дом стали строить окнами на улицу, а во дворе ставилось *зимовье*, или *зимовьюшка*. Оно служило временным жилищем, когда в главной избе морозили тараканов, когда морили на печи табак (разведению которого на Ангаре научились у ссыльных декабристов), когда на праздник съезжалось много гостей и пр. В зимовье ставили ткацкий стан, валяли сукно и войлок и т. д. [1].

[1] И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. «Восточно-сибирский отдел РГО». СПб., 1896, стр. 116—117.

Обычный двор сибирского крестьянина в дореволюционное время выглядел так. Массивные глухие ворота находились в центре фасадной стороны усадьбы; по одну сторону от них стоял дом, по другую — амбар; кроме амбаров (в Западной Сибири почти всегда входивших раньше в состав надворных построек), по периметру двора стояли погреба, сеновал, *завозня, сушйла* для зернового хлеба, иногда баня. Промежутки между



1



2

Рис. 44. Замкнутые дворы в Сибири

1 — внутренний вид (с. Удинское Иркутской обл.); *2* — план (дер. Батурино Новосибирской обл.)

строениями занимали *крыши, поднавёсья,* или *повйти, повйтки,*— навесы на столбах, примыкавшие к *заплоту,* т. е. забору из горизонтально положенных бревен, толстых плах или досок. Под этими навесами сложены были дрова, поставлены экипажи и сельскохозяйственные орудия, на повитях (если они плоские) сложено копнами сено. Сзади дома пристроено *задво́рье* — закрытое со всех сторон помещение для содержания летом

домашней птицы. Дворы полностью (или, по крайней мере, передняя их часть — *ограда*) вымощены деревом.

В задней части ограды были расположены *приго́ны* — скотский (скотный) двор с бревенчатыми стаями, стайками — помещениями для рогатого скота и овец; иногда скотский двор отделен от ограды изгородью с воротами (получается передний двор и скотский двор). Скотский двор — зимний, так как летом скот почти не бывал дома; если хозяйство имело заимку, то с ранней весны коров угоняли туда и кто-нибудь из семьи жил с ними все лето, возвращаясь в селение лишь осенью.

Нередко связь из избы и горницы была повернута узкой стороной на улицу; сени были сквозные, т. е. вход в них с переднего, чистого двора, где расположены амбары и погреба, а против входа — выход на задний двор, где держали скот и птицу, складывали дрова, сено и солому. Таким образом, передний двор от заднего отделен избой.

В Иркутской обл. и в Забайкалье, где у крестьян было издавна развито свиноводство, в скотном дворе для свиней устроен отдельный небольшой теплый хлев (в Иркутской обл.— *катуш́ок,* в Забайкалье — *мерло́г*). Это —невысокий сруб с дверью, куда свиней загоняли только на ночь [1].

Этот тип сибирского глухого двора, обнесенного высоким забором и обставленного хозяйственными строениями, был характерен в прошлом для русских середняцких и кулацких хозяйств Тобольской, Томской, Енисейской, южной части Иркутской губерний, Забайкалья и южных районов Якутии (по рекам Олекме и Алдану).

В кулацких хозяйствах нередко хозяйственные постройки стояли не только на усадьбе и в селении, но были разбросаны на различных, нередко весьма дальних расстояниях от усадьбы, что было связано с наличием заимок.

Наряду с преобладающим типом застройки — замкнутым открытым двором, в Западной Сибири и реже на Алтае все же встречаются варианты крытого двора — однорядная и двухрядная связи, так называемые двойные и даже тройные дома (рис. 45).

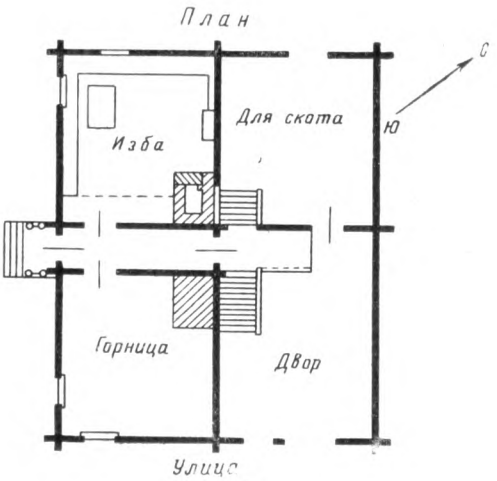
Тройные дома, т. е. три ряда срубных построек, приставленных вплотную одна к другой, представляют своеобразное усложнение двухрядной связи, выработавшееся на огромных пространствах Западной Сибири; это настоящая трехрядная связь [2]. Такие дома в недавнем прошлом строили многие зажиточные крестьянские хозяйства этой обширной территории (Томская, Новосибирская, Омская, Тюменская и Свердловская области). Трехрядная связь (тройная изба, тройня) состоит из избы, крытого двора и третьего — хозяйственного (амбар, сарай) либо жилого (изба, горница) помещения; все три постройки стоят рядом, перпендикулярно по отношению к улице, каждый сруб крыт отдельной двускатной крышей. Особенностью тройного дома является устройство внутренних переходов, площадок и двориков на различном уровне разнообразного хозяйственного назначения, в летнее время служащих также для спанья.

Архитектор Е. Ащепков, впервые исследовавший тройные дома Западной Сибири, дает зарисовки шести домов, с планами и разрезами к четырем из них. Схема расположения помещений в них такова: в четырех случаях крытый двор занимает центральное положение в застройке: по одну сторону его жилая изба, по другую — амбар и остальные службы (два случая) или по сторонам двора стоят жилые помещения (изба и

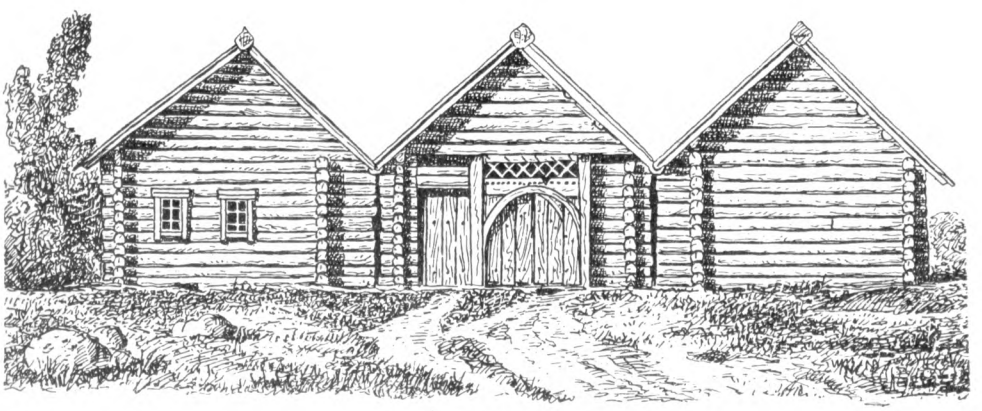
[1] И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Указ. соч., стр. 124.

[2] Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. [Б. м.], 1950, стр. 52—57 и рис. 83—89; см. также «Русское зодчество», вып. 3, табл. 4, рис. 7.

1



2



3

Рис. 45. Сибирские варианты двухрядной связи

1 — «двойной дом», общий вид (дер. Хайдуково Томской обл.); *2* — план; *3* — «тройной дом» (дер. Проскоковское Томской обл.)

изба, или изба и горница). В пятом случае изба занимает центральное положение, по бокам ее — амбар и крытый двор. В шестом — изба и двор стоят по бокам, в середине — связывающие их дополнительные большие сени; последняя планировка более удачна и целесообразна, чем остальные, так как в ней помещения для скота изолированы от людского жилища, поэтому она и наиболее распространена. Если крытый двор соединяет два жилых помещения (3-й и 4-й случаи), то он, естественно, используется, как чистый внутренний дворик, а для скота пристраивают крытый двор позади жилой части, длинной стеной к задней стене трехчастной постройки. При этой планировке помещения для скота также изолированы от людского жилья.

Во всех шести случаях вход в это сложное жилище устроен с улицы; при центральном положении крытого двора входят через калитку и ворота в его передней стене, составляющие центр всей фасадной композиции трехчастной усадьбы; при боковом положении двора в нем делают только ворота, а калитку или прорезают в фасадной стене центральных (дополнительных) сеней (6-й случай), или устраивают между избой и амбаром под крышей последнего (5-й случай). Лишь в первом случае, когда стоявшее сбоку жилье представляло связь из двух изб, оно имело вход с заулка через крыльцо, пристроенное к сеням снаружи усадьбы.

К сожалению, у нас еще недостаточно данных для сближения западносибирской трехрядной связи с трехрядной застройкой вятско-камского подтипа. В своих типичных, известных по литературе формах они разнятся в основном наличием внутреннего двора (ограды), открытого или крытого односкатной крышей у вятско-камской застройки и отсутствием его у западносибирской. При дальнейшем изучении, возможно, найдутся и переходные между ними формы, которые позволят объединить эти два интереснейших и мало изученных вида русской крестьянской застройки в одну группу.

Несколько необычный тип в смысле соотношения жилых и хозяйственных построек представляли собой русские селения по р. Оби ниже впадения в нее Иртыша и до Березова (Ханты-Мансийский национальный округ). Высокие просторные избы в этих деревнях строились без дворов и хозяйственных построек. Загоны для скота, хлевы и конюшни выносили за деревню, в сторону от жилых построек [1].

Своеобразные варианты дома-двора, в котором жилые и служебные помещения тесно связаны в одно хозяйственное целое, типичны для охотничье-рыболовецких промысловых хозяйств русского «затундренного» населения на крайнем севере Сибири — в Таймырском национальном округе. Они рассмотрены в главе VII «Внутренняя планировка жилища».

Значительно распространен в Сибири и открытый незамкнутый двор, обнесенный жердяной изгородью, внутри которой хозяйственные постройки расположены в самом разнообразном порядке, а жилой дом преимущественно выходит на улицу, но помещается иногда и в глубине двора. Этот тип встречается начиная с Иркутской области по верхней Лене, в Забайкалье и дальше на восток до Тихого океана, типичен он и для Южной Сибири и для многих мест Алтая; реже двор бывает обнесен бревенчатым или тесовым забором; в южном Забайкалье, в Читинской обл. встречается и плетень из ивняка. Нередко в прошлом для скота не делали особого помещения, и он всю зиму ходил на дворе под открытым небом; в других случаях устраивали в заднем дворе заплот (забор) со

[1] Н. Н. Абрамов. Описание Березовского края. «Записки РГО», кн. XII, 1857, стр. 360.

стороны господствующих ветров и навес; эта сараюшка открытой стороной обращена на юг. Лишь для телят и новотелых коров делали прокопопаченные хлева. На Алтае молодняк — телят и ягнят — держали в особой «избушке», в которой устроена русская печь для отопления, а также для согревания пойла для молодняка.

В холодных дворах навоз зимой смерзается в твердую массу. Эти так называемые пласты вырубали и глыбами вывозили зимой на поля или сваливали на огород, который расположен обычно за двором. При такой системе содержания скота ему уже не готовили теплого пойла, а всю зиму гоняли на водопой на речку, к проруби.

Содержание скота на открытом воздухе круглый год было широко распространено во многих местах и в Западной Сибири, даже при наличии замкнутого двора. Так, например, в селениях Курганской обл. скотские загоны помещали у самой реки и зимой устраивали *воденики,* т. е. часть реки, с прорубью, обносили легкой, только на зиму, изгородью, примыкающей к загону и соединяющейся с ним воротцами. Особенно типично было зимнее содержание скота под открытым небом для Амурской обл. И у крестьян и у казаков здесь зимние помещения для скота представляли либо навесы с легкой соломенной крышей, с тремя стенами и плетневой загородкой с воротцами вместо четвертой, либо базы́ — плетневые загородки, часто даже без навеса, который защищал бы скот от снега, реже с одной стеной со стороны преобладающего ветра. Но наряду с такими дворами, в которых скот не имеет никакой защиты от холода, снега и вьюги, и здесь в некоторых хозяйствах для рогатого скота ставили мазаные или рубленые хлевы, иногда даже отапливаемые, устраивали настоящие конюшни. Повидимому, это встречалось чаще у переселенцев из европейской части России. Крестьяне и казаки находили, что крупный рогатый скот (взрослый) и лошади лучше, здоровее выстаивают зиму на ветру и в холоде, чем в закрытых или теплых помещениях (от теплой конюшни лошади «хворают и паршивеют») [1].

Встает вопрос, почему же все-таки в лесной зоне Сибири, с ее суровым климатом, основными типами застройки усадьбы стали открытые дворы особых типов (замкнутый и незамкнутый), а не крытый двор северновеликорусского типа, гораздо более приспособленный к долгим северным зимам? Несомненно, что полный ответ может быть получен лишь после тщательного рассмотрения материалов по этому вопросу, мало еще изученному. Но несомненно одно, что немалую роль играла и сила этнической традиции: так как бо́льшая часть переселенцев из европейской России шла из области распространения покоеобразного, а позднее и открытого незамкнутого двора, они и на новых местах приспособили к местным условиям свой прежний, привычный план застройки.

Среднеазиатский тип застройки

Для русских селений Средней Азии характерна застройка украинского типа. Здесь нет определенного положения жилища по отношению к улице, двор огороженный, открытый, надворные постройки не составляют сплошного окружения двора [2].

В Южном Казахстане усадьба переселенца имеет форму четырехугольника и разбивается на две части — *двір и горо́дчик.* Во дворе

[1] «Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области», т. II, ч. 2. СПб., 1913, стр. 51—52.

[2] Наблюдения автора в Узбекистане в 1943—1945 гг.

расположены жилище и все хозяйственные постройки; во второй наиболее обширной части — огород и плодовый сад [1].

Промежуточный характер носят поселения степной зоны Казахстана (например, Семипалатинской обл.). Здесь при жилище южного (великорусского или украинского, в зависимости от национальности переселенца) типа, большей частью вальковом или саманном, имеется двор замкнутый, хотя и не вполне: прежде всего застраивают двор со стороны улицы; затем под прямым углом к этой части строения ставят постройки на границе с усадьбой соседа; в последнюю очередь застраивают дальнюю сторону двора, параллельную улице. В связи с этим дворы имеют различный вид, представляя разные стадии застройки [2].

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Рассмотренная классификация типов застройки крестьянской усадьбы расходится со схемами, принятыми в сборниках — «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области» и «Крестьянские постройки». Там в этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища дается следующий опыт классификации типов застройки [3].

Тип I Севернорусский — однорядная связь		Тип II Южнорусский—замкнутая постройка с открытым центральным двором	
Подтип 1	Подтип 2	Подтип 1	Подтип 2
Северный (развитая двухэтажность двора)	Среднерусский (Влад., Ниж., Ряз.) (редукция двухэтажности двора)	Южновеликорусский	Поволжский
Модификация 1-я—поперечная связь Модификация 2-я—слитная однорядная связь (вологодско-архангельский тип)		Связь дома вдоль улицы; двор, охваченный службами, за ним	Стройка покоем Разновидность 1-я Стройка покоем поволжско-прикамская Северная модификация (слитная стройка покоем Вятской и Пермской губерний) Разновидность 2-я Двухрядная связь (модификация стройки покоем) Северная модификация (слитная двухрядная связь Заонежья)

Приведенная схема не может удовлетворить исследователя по ряду причин.

[1] Т. В. Станюкович. У русских переселенцев в Средней Азии. КСИЭ, IV, 1948, стр. 87.

[2] С. Н. Могилянская. Постройки украинцев — переселенцев южной части Семипалатинской губернии. «Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР». Вып. 16. «Украинцы — переселенцы Семипалатинской губернии», Л., 1930, рис. 3—5, 25 (общий вид и планы усадеб).

[3] С. П. Толстов. Указ. соч. стр. 81.

1. Не выдержан принцип классификации, так как первый тип выделен в ней по признаку топографического соотношения двора с избой, а второй по характеру самого двора.

2. Признаки классификации избраны не по существу: взяв за основу чисто формальный признак — однорядность и двухрядность усадебных строений, автор схемы принужден отнести слитную двухрядную двухэтажную связь, столь характерную для нашего Севера, к южновеликорусскому типу, оторвав ее от остальных типов северной застройки, с которой она неразрывно связана по всему своему внешнему облику и внутреннему устройству.

3. Схема не универсальна, ибо ряд великорусских типов застройки усадьбы остается не охваченным данной классификацией.

4. Не точно определение и разграничение территорий распространения основных типов: в действительности типичная двухрядная связь встречается спорадически во многих местах зоны распространения однорядной связи, а слитная (или скрытая) двухрядная связь по всей этой зоне широко распространена. Кроме того, как мы видели выше, во многих районах, где сосуществуют и однорядная и двухрядная связи, удается установить, что наличие того или иного из этих типов представляет собой явление не территориального, а хронологического порядка, т. е. двухрядная связь — более древняя форма и на наших глазах в течение ряда десятилетий вытесняется, и во многих районах почти вытеснена, однорядной связью, признанной более удобной.

5. Не дана характеристика средневеликорусского подтипа (к тому же понимаемого в слишком ограниченных пределах) — неясно его наполнение. А определение «редукция двухэтажности двора» неудачно, так как несомненно, что двухъярусный двор развивался из одноэтажного при продвижении новгородской колонизации на север и северо-восток, а не наоборот: не двухъярусный двор Севера редуцировался до одноэтажного двора средней полосы.

Несмотря на эти недочеты, схема С. П. Толстова сыграла свою роль и имела большое значение, как единственный теоретически обобщенный опыт классификации типов крестьянской застройки. В настоящее время она уже требует коренной переработки или даже замены ее новой схемой. Выработка такой схемы, с использованием огромного накопившегося в науке материала по крестьянскому жилищу, является задачей советских исследователей.

VII. ВНУТРЕННЯЯ ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩА

Весьма стойким этническим признаком, характеризующим различные группы восточных славян, является внутренняя планировка жилого помещения. Она определяется двумя важнейшими показателями: 1) тем или иным положением диагонали печь — передний угол [1] (т. е. положением печи у входа, а переднего угла наискось от нее, в дальнем от входа углу, или, наоборот, положением переднего угла у входа, а печи в дальнем углу) и 2) тем или иным направлением, в котором повернуто печное устье.

При этой классификации за основу берется типичное двухкамерное жилище данной группы населения или данной местности, не осложненное последующими пристройками или видоизменениями жилища или усадьбы.

Говоря о типе жилища, мы не должны, конечно, представлять его себе, как нечто установившееся в незапамятные времена и неизменное в течение веков. Мы видели и выше, что в поисках наиболее удобной формы жилья наши предки непрерывно изменяли и совершенствовали свое жилище. Многовековый опыт, максимально используя то единое помещение, в котором жила, работала, спала и ела семья, вырабатывал определенный тип жилья, который наилучшим образом удовлетворял бы основным потребностям людей на данной стадии развития. Менялись хозяйство и экономический облик территории, появлялись новые потребности, соответствующим образом изменялось и улучшалось жилище. С такой оговоркой мы и рассматриваем в качестве исходного «классический», «традиционный» тип жилища, каким оно установилось на большей части восточнославянской территории к середине XIX в. в наиболее совершенной своей форме [2]. Таким оно и вошло в научную литературу того времени, характерную для эпохи становления русской этнографии. Но уже тогда этот тип жилища существовал наряду с более сложными формами планировки жилища, которые вводились зажиточными крестьянами [3].

---

[1] Также: «большой», «святой», «красный» угол. Для последнего термина не лишним будет напомнить, что слово «красный» в древнерусском языке и во многих русских диалектах употребляется в значении не только красного цвета, но и понятия «красивый», «хороший», «светлый», «лучший», например «красно солнышко», «красная девица», «красная рыба» и т. д.; сравнительная степень — «краше», имя существительное — «краса».

[2] Так, например, наиболее распространенными в это время в деревне еще были курные, или черные, избы, с топкой по-черному, т. е. с печами без труб. И, однако, уже начали появляться белые избы, сохранявшие традиционную планировку, но с трубными печами. Таким образом, наиболее совершенной массовой формой для этого времени уже является двухкамерное жилище с топкой по-белому.

[3] Вспомним, что с 1860—1870-х годов начиналось проникновение капитализма в деревню, усиливалось ее общение с городом; появилось стремление разграничить жилое помещение на две-три комнаты различного назначения, например отделить чистое помещение от печи, выделить спальню и т. д.

Учтя все это, можно выделить четыре главных типа традиционной планировки крестьянского жилища в середине XIX в.: 1) северно- и среднерусский (или северно- и средневеликорусский), 2) восточный южновеликорусский, 3) западный южновеликорусский и 4) западнорусский, белорусский и украинский.

СЕВЕРНО- И СРЕДНЕРУССКИЙ ПЛАН

Для Севера среднерусской полосы и Поволжья (в основном для изб на подклете) характерен следующий план жилой избы (рис. 46). Изба с сенями стоит перпендикулярно к улице, т. е. сени расположены за избой; поэтому всегда различают «переднюю» (фасадную) стену с окнами, выходящую на улицу, и «заднюю» стену, примыкающую к сеням, в которой прорезана дверь. Крылечко с входной дверью помещается сбоку, вход из сеней в избу — через дверь в задней стене. В избе у входа направо или налево расположена печь[1], устьем обращенная к передней стене; окно против печи, освещающее внутренность печи (чтобы хозяйке было виднее), называется *судним* (или *судным*) *окном*.

По диагонали от печи в переднем углу стоит стол и висят или стоят на особой полке («божница», «киот») иконы. Это было самым почетным местом в избе. Вокруг стен устроены неподвижные лавки: широкая короткая лавка у двери (по другую сторону от входа, чем печь) имеет форму ларя с задвижными дверками и носит название *ко̀ник*. Прежде свободный конец лавки вделывался в стояк — толстую тесину, составлявшую боковую стенку ларя и выступавшую над лавкой, отделяя ее от входа. Верхней части стояка придавалась форма конской головы, откуда, повидимому, и происходит общераспространенное название этой лавки (известны в говорах *ко́нник* и *ко́йник*). Коник — это «мужская» лавка, в нем мужчины держат некоторые из своих инструментов. Ко-

---

[1] Правое или левое положение печи в избе не случайно, в прежнее время оно связано было с процессами домашнего женского труда. Так, изба с печью налево от входа носила название избы-«пряхи», с печью направо — избы-«непряхи». Это название происходит от того, удобно или неудобно прясть в той и другой избе. В избе-«пряхе» окна расположены так, что свет на длинную лавку у боковой стены, куда садятся прясть, падает на прялку удобно, с правой стороны. Такое же освещение бывало и по вечерам, когда пряли при свете горящей лучины: светец с лучиной ставили обычно против печи и свет падал на сторону прялки или гребня, с которого пряли. В избе же «непряхе» надо было или садиться на переносную скамью, или светец переносить под полати — и то и другое неудобно.

Каждый хозяин в старину старался сообразоваться с этим удобством и построить избу-«пряху», с печью налево от входа. Но это удавалось не всегда и не везде, особенно, если усадьбы шли сплошным рядом по улице. При постройке избы на отведенном усадебном месте надо учесть, чтобы окна смотрели на южные румбы, чтобы глухая стена с печью была обращена в сторону чужой усадьбы; при неровности почвы надо учесть микрорельеф усадебного места (при покатом дворе изба ставится в самом высоком углу), а при принятом во многих местах расположении соседних изб парами неизбежно чередование изб с правым и левым планом. Следует отметить, что в трехкамерной постройке типа связи (зимняя изба, сени, летняя изба), строившейся вдоль улицы, печи ставились у стен, обращенных во двор, иначе говоря, в одной избе — направо от входа, в другой — налево. Естественно при этом, что «пряхой» была зимняя изба. А так как в зимней избе бревна скорей загнивают и поэтому эти избы разрушаются скорее летних, то и старинных изб-«непрях» сохранилось гораздо больше, чем изб-«прях». С падением домашнего ткачества и прядения этот вопрос утерял свою остроту и в настоящее время и самый термин исчезает, а во многих местах исчез совсем. Он отмечен в б. Московской, Ярославской, Нижегородской, Тульской губерниях (Б. Куфтин. Изба — «пряха» и «непряха» Московского края. «Московский краевед», вып. 4. М., 1928).

ник — место постели хозяина [1]. Над коником в углу делается треугольная полочка — *косячок*. Лавка, идущая от коника к переднему углу, вдоль боковой стены, называется *долгой*, или *бабьей, лавкой*. Вдоль передней стены, под окнами, расположена *короткая* или *красная лавка*. Над окнами тянутся длинные полки — *по́лицы, поли́цы, пола́вошники, пола́вошницы*. На них кладут всякие предметы домашнего обихода — шапки, рукавицы, прялки, нитки, инструменты (ножи, ножницы, шилья) и пр. Полку вдоль длинной стены дома называют «боковой», а идущую по передней стене — «лицевой».

У свободного угла печи стоит массивный деревянный брус — *печной*, или *опешный*, столб; на его верхнем конце на высоте, несколько превышающей человеческий рост, укреплены горизонтально под прямым углом два плоских широких бруса, или *воронца́*, противоположными концами заведенные в стены [2]. Местами для этих брусьев еще сохраняется старинное название *грядка* [3]. Брус, идущий к стене с окнами (передней), отделяя женскую часть избы около печи, служит полкой для свежевыпеченного хлеба и называется *пирожным брусом*. В старых избах Вятско-Камского края можно встретить пирожный брус, выдолбленный сбоку, со стороны предпечного пространства; повидимому, это пережиток, сохраняющийся со времен черной избы: верхняя плоскость предохраняла вдвигаемые внутрь хлебы и посуду от падающей сверху сажи [4]. Другой брус, параллельный задней и передней стенам, называется *полатным брусом* — на него настилают от двери доски полатей — *полатницы*. Свободный край полатей, параллельный передней стене, ограждают невысокими перильцами — баля́синами (баля́сами), чтобы не могли с полатей упасть дети и не сползали постельные принадлежности.

Место около печного столба, на котором «сутыка́ются» (стыкаются) воронцы, называется *сутычным углом*, или *сутками* [5]; обыкновенно здесь ставят лохань и вешают рукомойник; около столба часто устраивают шкафчик для чайной посуды. Эти два бруса как бы делят свободное от печи пространство избы на три части. Первая — большой (красный, передний) угол под образами, или собственно изба, вторая — *подпорожье* (или задний угол, *кут*) — у входа, под полатями, и третья — печной, или подовый, угол (*середа, середь* [6], *кут, куть*) — перед печью. Печной

---

[1] Еще недавно (отмечено в 1927 г.) в деревнях близ г. Вятки (ныне г. Киров) садиться женщине на коник считалось неприличным. Если же в доме кто-нибудь заболевал или была роженица, то больного помещали на конике и завешивали занавесом. Кое-где, например, в б. Нижегородской губ. под коником, называвшимся здесь также *кутником*, за деревянной решеткой держали зимой кур.

[2] На Севере распространена загадка: «Два ворона летят, да одну голову сдят» (воронцы и печной столб).

[3] Термин «грядка» (для обозначения перекладины под потолком, перекинутой над головами) является древнерусским и в форме «гра́да» встречается в письменных источниках с XIII в. В старых черных избах грядками назывались две жерди, укрепляемые над челом печи для сушки дров и лучины. В старой сказке о бабе-яге говорится: «Сама на печи, груди на грядке» (В. Даль. Толковый словарь, т. 1, стр. 414). Грядкой называли и жердь, привешенную сбоку над печью, на ней вешали связки лука с осени до весны, чтобы лук не прорастал. Именно к такой грядке (а не к огородной) относит В. Даль известную загадку: «Сидит баба на грядках, вся в заплатках, кто на нее ни взглянет, всяк заплачет» (там же).

[4] Из экспедиционных материалов 1954 г. Т. В. Станюкович.

[5] См. примеч. на стр. 221.

[6] Старинный термин «середа» по смыслу своему явно не соответствует обозначаемому им пространству перед печью, занимающему боковую часть избы. В связи с этим можно предположить, что когда-то, наряду со столь характерным для древнерусского жилья угловым положением печи, она могла занимать и иное место в избе. Еще В. А. Городцовым было открыто срединное положение печи в старорязанских жилищах

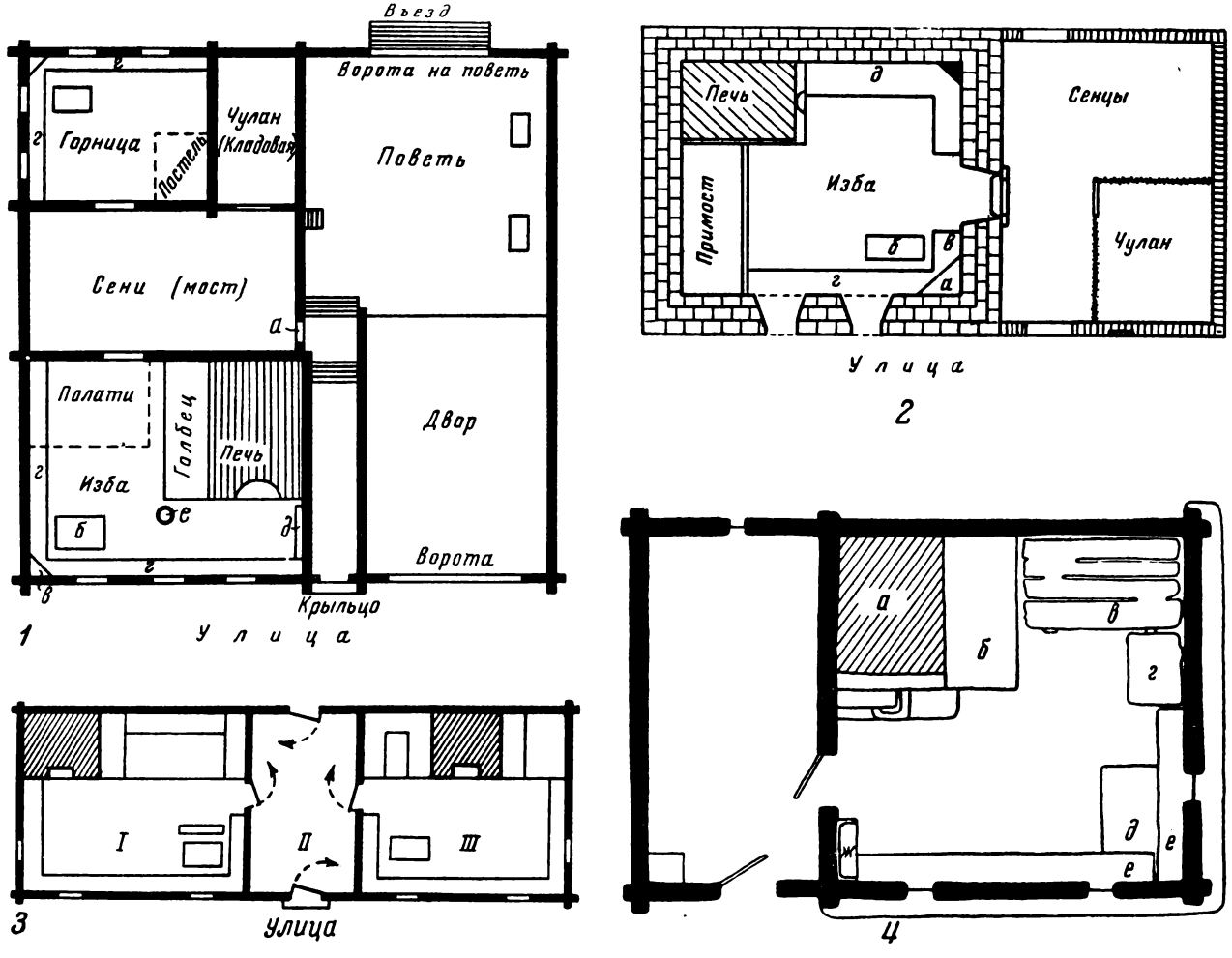


Рис. 46. Внутренняя планировка русского и украинского жилища

1 — севернорусское жилище (Пошехонский уезд Ярославской губ.), *а* — входная дверь, *б* — стол, *в* — божница, *г* — лавки, *д* — посудник, *е* — рукомойник; *2* — южновеликорусское жилище, восточный тип, изба сложена из кирпича (с. Ивлево Богородицкого уезда Тульской губ.): *а* — божница, *б* — стол, *в* — коник, *г* —лавка, *д* — судняя лавка; *3* — южновеликорусское жилище, западный тип (Калужская губ.): в левой от зрителя избе (*I*) святой угол налево от входа, «пол» и печь — направо; в правой от зрителя избе (*III*) обратное расположение; *II* — сени; *4* — план украинской хаты (с. Медвин на Киевщине): *а* — піч, *б* — груба, *в* — піл, *г* — скриня, *д* — стіл, *е* — лави, *жс* — мисник.

угол нередко отделяется от остального помещения занавесом из пестрого ситца или цветной домотканины, а иногда промежуток от пирожного бруса до пола зашит досками — получается комнатка перед печью, отделенная не доходящей до потолка перегородкой [1] и называемая чаще всего «чуланом». Здесь в старину у окна ставили ручные жернова [2]. Длинная палка для вращения жернова вставлялась верхним концом в отверстие *мельных* («малых» или «середных») полатей — широкой полки, которая шла от пирожного бруса к боковой стене печного угла и приходилась против устья печи над судным окном. От печного угла до печи вдоль стены идет судная лавка или же столик-шкаф с дверками — *судни́ца, зала́вок, прилавок* для приготовления пищи, с полками внутри для посуды. Над судной лавкой висят *наблю́дники, блю́дники, блюде́шки* — полки с перильцами, прибитые к стене одна над другой. На них держат блюда, тарелки, чашки, ложки, вилки, ножи; иногда это просто небольшая *поли́чка*. Выше, на уровне остальных полок, идет длинная грядка для кухонной посуды и разных хозяйственных принадлежностей.

Иногда печь ставят не вплотную в угол, а отступя от одной или обеих стен. Пространство между печью и стеной называется *запечье, запечек, заход;* запечье между печью и боковой стенкой иногда имеет дверку. В некоторых северных районах печь ставят много отступя от боковой стены, так что образуется особое помещение — *шо́мныша* [3]. Из

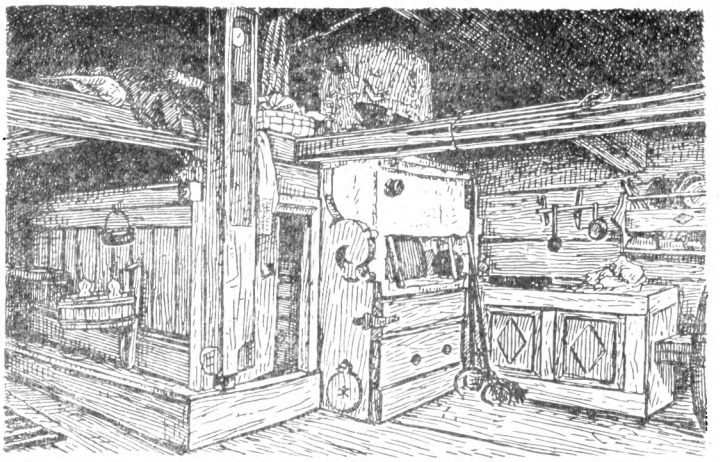
(сделанная им реконструкция старорязанского дома находится в Гос. Историческом музее в Москве). Мнение о том, что древнерусские избы могли иметь печь посреди жилого помещения, мы встречаем и у Д. К. Зеленина (D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, S. 376; об этом осторожно высказываются и некоторые советские археологи (А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. «Исторические записки», № 12, 1941, стр. 78; здесь же (стр. 75) см. общий план реконструкции и план старорязанского жилища).

Вероятнее всего, что в некоторых районах печь помещалась не в углу, но и не посреди избы, а у середины боковой стены, так что перед печным устьем приходилась как раз самая средина избы. Такое положение печи известно в некоторых районах русского Севера (изба с запечьем или «шо́мнышей», в западных южновеликорусских районах и других местах. Срединное положение печи в старых избах было также зафиксировано в русских деревнях в Молотовской обл. и Татарской АССР (материалы Уральского отряда Русской экспедиции Института этнографии АН СССР, 1954 г.).

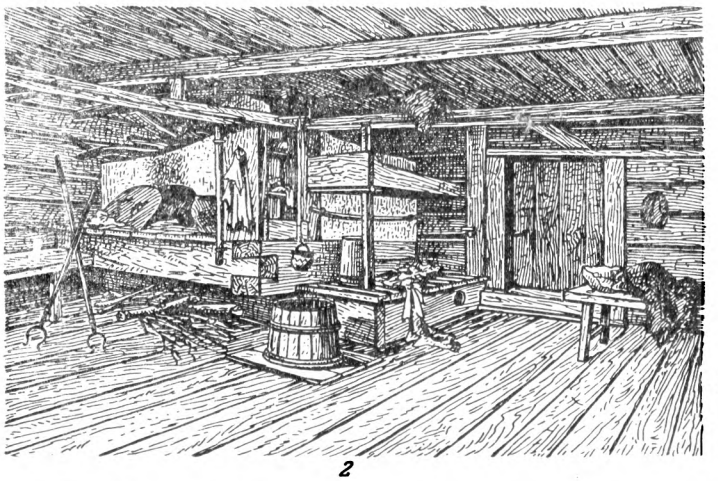
[1] Наиболее распространенное ее название — *переборка*; в Горьковской обл. называют ее *огородка*, в Псковской — *опешник* (от опешного столба), в Сибири — *ку́тная забо́рка*, так как она отгораживает «бабий угол» перед печью, называемый здесь *кутом*. Иногда переборку частично или полностью заменял высокий неподвижный шкаф для посуды; в больших избах Севера эти шкафы бывали двусторонними, т. е. открывались и в сторону, чулана, и в сторону чистой половины. Судя по этнографическим материалам, этапы массового развития переборки были таковы: сначала, чтобы отделить печь и весь угол против нее, стали навешивать занавес по праздникам (сведения от середины XIX в.), потом он постепенно сделался постоянной принадлежностью обстановки крестьянской избы (1870—1880-е годы), в конце века широко начали заменять его деревянной переборкой (см. примеч. 2 на стр. 145).

[2] Изображения ручных жерновов см. D. Zelenin. Указ. соч., рис. 43—45. На жерновах мололи зерно, когда стряпухе требовалась мука для немедленного употребления. Основная же масса зерна смалывалась на ветряных и водяных мельницах и крупорушках, издавна широко распространенных в деревнях (см. главу XII). Жернова и ступы были в большом употреблении до того времени, когда развитие торговли в деревне позволило крестьянам приобретать небольшие количества муки в сельской лавке.

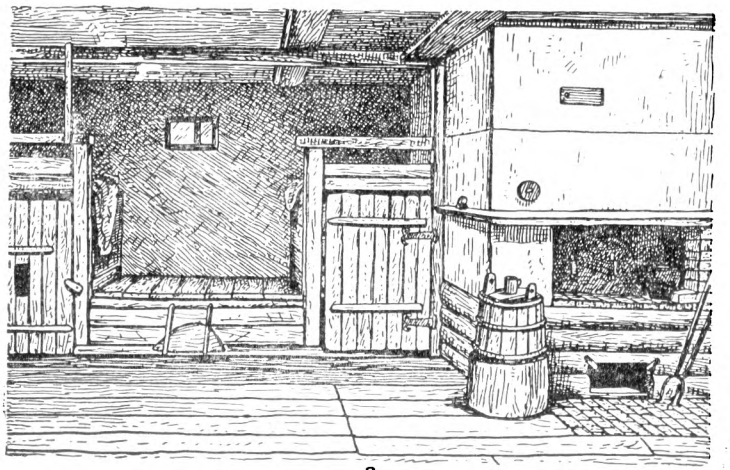
[3] Термин «шомныша», как название отгороженного запечного пространства, распространен в Архангельской, Вологодской областях и в Карелии в разных вариантах: «шо́мныш», «шо́мыша», «шо́муша», «шо́лнуша», «шо́лныш», «шо́ннуша», «шо́вныша», «со́лныша», «со́лныш», «чо́лмуша», «чо́лмыша». Есть предположение о варяжском происхождении этого термина: древнескандинавское svefnhus, старошведское sömpnhus — помещение для спанья, спальня. Местами в указанных районах так называют и все пространство с печью, отгороженное от остальной избы (повидимому, это — более позднее значение термина).



1



2



3

Рис. 47. Внутреннее устройство русского жилища

1 — старинная северная изба (дер. Чупровская Вологодской обл.), неподвижный наряд: общий вид угла с печью, налево от входа — голбец, полати, грядка; у печи — стамик (приголовок), внизу — судница, наверху — посудник; *2* — старинная великорусская изба средней полосы (дер. Глебени Весьегонского уезда Тверской губ.), черная изба, построенная в первой четверти XIX в., разобрана в 1922 г. В потолке квадратное отверстие для выхода дыма; направо от входа, около печи, ящикообразная каржина; в одно целое с опечком и печным столбом, как и каржина, связаны шкафчик для посуды и две грядки; *3* — южновеликорусское жилище, западный тип; (Жиздринский д. Калужской губ.): вид на боковую часть избы: «пол» с казенками по бокам налево от входа

избы есть ход в подполье, помещающееся в подклете и служащее для хранения продуктов, главным образом овощей и картофеля. Для этого в избах Севера и Верхнего Поволжья сбоку вдоль всей печи устраивали род шкафа с дверцей, внутри с лестницей, ведущей под пол,— это *го́лбец,* реже *го́лбчик* (на Севере), *казёнка* (в Рязанской, Кировской и соседних областях). Крыша голбца служит лежанкой, на нее ведут по стенке голбца несколько ступенек (рис. 47, *1*), с голбца уже влезают на печь и на полати. Дверцу устраивали или в передней короткой стенке голбца, открывающуюся внутрь него, или делали ее задвигающейся в длинной боковой его стенке.

Кое-где голбцем называют и самое подполье, различая верхний голбец (в избе) и нижний (под полом) [1]. В среднерусской полосе эта пристройка значительно ниже: она имеет вид большого ларя на высоте лавок, с подъемной крышкой над лазом в подполье; сооружение это, так же как и голбец, служит для спанья. В некоторых районах его называют лежанкой, в Калининской обл. и у тверских карел оно называется *ка́ржина,* в Новгородской — *ка́рзина.* Известна и более сложная форма — внизу ларь с крышкой, а над ним на стойках, на уровне печи,— род помоста; это также называют верхним и нижним голбцем или верхней и нижней каржиной, оба они служат для спанья (рис. 47, *2*).

В новых домах (примерно с начала XX в.) этой характерной архитектурной детали большей частью совсем нет, а для входа в подполье служит прямоугольная подъемная крышка (*западня,* или *твори́ло*) люка, устраиваемого в полу перед печью.

У входа возле печи вбиваются в стену деревянные *спи́цы,* служащие вешалкой. Кое-где доску с такими деревянными спицами, иногда точеными (так называемый *шапочник* — для шапок и кушаков), прибивали к матице со стороны входа. На Крайнем Севере (Архангельская обл.) укрепляют еще под потолком крест-накрест из стены в стену, рядом, по паре жердей, называемых *марами;* на них сушат лес для поделок, рыболовные сети и пр. [2] В тех районах, где избы строили с очень низким подпольем (почти поземными), также делали пристройку подле печи с дверкой, носившую название казенки (рис. 47, *3*), но она имела совершенно другое назначение: здесь зимой держали телят и ягнят или даже свинью с поросятами. Казенка такого назначения характерна для широкой полосы, начинающейся к востоку от Москвы и далее изгибающейся на юго-восток и по направлению к Волге (б. губернии Владимирская, Нижегородская, Пензенская и Саратовская).

В зоне покоеобразного и южновеликорусского двора многим бедняцким и середняцким хозяйствам, которые, несмотря на сравнительно суровые зимы восточной половины страны, не имели теплых помещений для скота, приходилось зимой держать скот в избе. Зажиточные крестьяне, имевшие в своих более благоустроенных дворах различные теплые хлевы в виде скотных изб, омшаников и пр., имели возможность жить в более гигиеничных условиях.

В селениях северных губерний и Верхнего Поволжья в избах поддерживалась большая чистота, с еженедельным мытьем полов и лавок. Для

[1] В этой связи небезинтересно указать, что в старину в некоторых местностях на Севере старообрядцев звали «голбечниками», так как они прятались в голбцах при наездах полиции или православного духовенства.

[2] Внутреннему устройству старинных изб русского севера посвящена интересная статья художника-архитектора Р. М. Габе, написанная им в 1930-х годах, но изданная недавно (через 15 лет после его смерти): Р. Габе. Интерьер крестьянского жилища. «Архитектурное наследство», № 5. М., 1955, стр. 81—100.

уборки огромных хором в б. Архангельской губ. обычно приглашали девушек на помочь «для избомытья» [1] (за что хозяева давали каждой девушке по мотку ниток).

В противоположность северным, крестьянские жилища в тех центрально-промышленных районах, где были развиты кустарные промыслы и практиковалась раздача предпринимателями крестьянам работы на дом, отличались особенно антигигиеничными условиями жизни [2]. В. И. Ленин, в работе «Развитие капитализма в России», достаточно останавливается на этих вопросах: «...Капиталистическая работа на дому неизбежно связана с чрезвычайно антигигиенической обстановкой работы. Полная нищета работника, полная невозможность регулировать какими-либо правилами условия работы, соединение жилого и рабочего помещения,— таковы те условия, которые превращают квартиры занятых на дому рабочих в очаги санитарных безобразий и профессиональных болезней»[3].

Планировка с печью у входа, обращенной устьем к окнам передней стены, и с красным углом в дальнем углу против входа, в прошлом типична для великорусских жилищ на огромной территории: весь европейский Север (за исключением нескольких небольших районов, о которых сказано особо), вся среднерусская полоса (за исключением западных областей, соседящих с Белоруссией, Латвией и Эстонией) и Поволжье, вся лесная зона Сибири. К нашему времени эта планировка удерживается преимущественно в двухкамерных постройках, где изба сохраняет еще старое устройство; в зимней избе трехкамерной связи; в зимовке при наличии пятистенка и иногда в том помещении многокомнатного дома, где стоит русская печь. Обычно все так называемые чистые половины, летние избы, горницы и пр. этот план начали утрачивать еще в XIX в.

Постепенное улучшение крестьянской избы в конце XVIII — первой трети XIX в. дают возможность проследить классики русской литературы. А. Н. Радищев писал в 1780-х годах: «Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило.— Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимой и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется.

---

[1] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 93, 131.

[2] Эта сторона крестьянского быта не раз затрагивалась в прогрессивной литературе дореволюционной России. Из работ нашего времени домашнему быту кустарей уделяет некоторое внимание кандидатская диссертация, защищенная в Горьковском Гос. университете П. П. Плетневым («История деревообделочных промыслов Керженского края до конца XIX в. Автореферат диссертации». Горький, 1952): «Основная масса деревообделочников работала на скупщиков в неимоверно тяжелых условиях. Работа в жилой избе (где в зимнее время одновременно помещался и мелкий скот), грязь, сырость и спертый воздух, дым от лучины, 16—17-часовой рабочий день, хроническое недоедание изнуряли тружеников...» (стр. 12).

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 388.

К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина...» [1].

Спустя 42 года той же дорогой проезжал А. С. Пушкин. Он читал в пути книгу А. Н. Радищева и проверял правильность наблюдений ее автора. И вот, у Пушкина мы читаем:

«Наружный вид русской избы мало переменился со времени Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его *Путешествию.* Ничто так не похоже на русскую деревню в 16 [62 году], как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор... ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства...» [2].

ВОСТОЧНЫЙ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИЙ ПЛАН

Для южновеликорусской полосы, т. е. для поземных жилищ (без подклета), характерно иное расположение печи и переднего угла, называемого здесь «святым». Сразу же при входе в избу из сеней, во многих районах на юге называемых сенцы, между дверью и передней стеной, выходящей на улицу, расположен передний угол — здесь стоит стол; дальний угол, наискось от переднего, занят печью. При положении переднего угла у входной двери окно приходится лишь по одну сторону его, так как угол прилегает к сенцам. В этом основное отличие южновеликорусских изб и хат от всех остальных типов восточнославянского жилища, где почти всегда красный угол освещен с обеих сторон, так как в обеих составляющих его стенах прорезаны окна,— т. е. является действительно «красным». В Калужской обл., где в районе р. Оки проходит граница между более древним южновеликорусским положением переднего угла у двери и более поздним средневеликорусским положением его в дальнем от входа углу, народ издавна охарактеризовал эти планы: здесь (южнее р. Оки) «молятся у порога», там (севернее р. Оки) «молятся на прямую».

В соответствии с тем, куда обращено устье печи, в южновеликорусской планировке жилища четко выделяются два типа — восточный и западный.

Восточный южновеликорусский тип планировки характерен для большей части центрально-черноземной полосы — для областей Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской и для прилегающих районов Тульской и Рязанской областей. Изба, называемая в южных районах Курской и Воронежской областей хатой, расположена параллельно улице, вход в сенцы — с улицы или со двора, если изба расположена в глубине двора. Из сенец, обычно налево, вход в избу; в избе левый ближний от двери угол — передний, святой угол (в нем обычно помещались божница и образа [3]), в углу стоит стол (см. рис. 46, *2*). В дальнем правом углу, наискось от переднего, стоит печь, устьем обращенная к входной двери [4]; дым из нее выводился по проходящему под потолком над самой головой горизонтальному дымоходу, составленному из гончарных труб, уложенных на жерди. Дымоход над дверью выходил в сенцы, где дым перехо-

[1] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952, стр. 199—200.

[2] А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. 11, 1949, стр. 256.

[3] Божница, большей частью украшенная резьбой, состояла из двух ярусов: в нижнем ставились новые иконы, а верхний составляли старые, уже поблекшие.

[4] Это изба, построенная «на правую сторону». Она соответствует избе-«пряхе» средней полосы.

дил в вертикальный *дымáрь* (*кожýх* в южных районах), обмазанный глиной, но имеющий плетеный или деревянный остов. Пол в избе был обычно земляной, редко деревянный; в обоих случаях называли его *земь*. Вокруг стен располагались неподвижные лавки: от двери к переднему углу — коник (как и на Севере в старых избах, коник представляет собой род ларя с откидной крышкой, но здесь в нем держат печеный хлеб, пироги, а иногда и другие припасы); от переднего угла вдоль фасадной стены помещалась долгая лавка; между фасадной стеной и боковой частью печи настилали широкий помост для спанья — *пол*, или *примост* (реже называют его *мост, кут, кутник, кутняя лавка, залавок, задняя лавка, зад;* названия варьируют по местностям), от полуметра до метра высотой над землей. Зимой под ним держали ягнят, поросят, гусей, кур, уток, для чего низ спереди часто заделывали решеткой. Иногда для большей вместительности выбирали под ним землю на глубину 30—40 см. У «пола» привязывали теленка [1].

Над «полом» на высоте человеческого роста или чуть выше устраивали полати; сбоку у печи — небольшая лавочка — *приступок* [2]. С нее поднимались на печь, держась рукой за *задоргу* (деревянную жердь, вмазанную в свободное горизонтальное продольное ребро печи), а с печи — на полати. На полатях и спали и сушили лучину, лен, пеньку. Полати настилали от стен до полатного бруса: последний опирается на массивный четырехгранный печной столб, связанный конструктивно с опечком; верх столба расширен и часто украшен несложной резьбой в виде зубчиков.

Печной столб нередко служил единственным архитектурным украшением воронежской избы. От столба к двери (параллельно дымоходу из гончарных труб) и от печи к передней стене над окнами тянулись массивные полки для посуды. От печки к стене с дверью, под судним окном, была устроена судница — лавка-шкафик с волоковой дверкой; нередко эта была просто «судняя лавка». Для посуды прибивали иногда и полку над коником. Но чаще делали длинные полки — полицы: одну — на стене, прилегающей к сенцам, над дверью, на нее клали шапки, рукавицы и прочую мелочь; другую — от печи к той же стене, над судним окном, на ней держали кухонную посуду и испеченный хлеб.

Когда требовалось разделить избу на отдельные помещения, здесь уже с середины XIX в. прежде всего начали отделять дощатой перегородкой часть против печи, где происходила стряпня; это помещение называлось в Курской обл. *топлю́жкой*, в Тульской — *чуланчиком*. Гораздо позднее стали огораживать место против входа, где находился примост между боком печи и передней стеной. В таком случае примост разбирали, вместо него ставили широкую кровать — выделяли спальню или спальню для молодых (Рязанская обл.).

В прошлом для южновеликорусского бедняцкого жилища черноземной полосы, с его земляными полами и плохонькими стенами, характерна была ужасающая грязь. Даже после перехода от курных изб к белым, совершавшегося в течение XIX в., положение мало улучшилось. В низких тесных избах, в которых, кроме людей, всю зиму жили мелкий скот и домашняя птица (корову для кормежки тоже впускали в избу два раза в день), скверное топливо, раскисающий от мочи детей и животных пол,

[1] Нары, или деревянный помост между печью и стеной, характерны уже для древнеславянского жилища — они найдены в полуземлянках Киева, Суздаля, Вышгорода, Дмитрова (см. выше, стр. 19).

[2] Когда сваты приходят сватать девушку, то садятся на приступок, чем сразу показывают цель своего прихода.

стояло постоянно едкое удушливое зловоние, совершенно невыносимое для непривычного человека. «Идиотизм деревенской жизни» [1] старой русской деревни выступал здесь во всей своей кошмарной неприглядности. Этот убогий быт неоднократно изображался и в передовой русской художественной литературе (главным образом у писателей-народников), ему посвящались публицистические произведения и научные исследования. Из последних здесь следует вспомнить о замечательной работе А. И. Шингарева, в качестве земского врача подробно обследовавшего в начале нашего столетия два селения Воронежской обл.[2] В своей книге А. И. Шингарев дал потрясающую картину разорявшейся и скудевшей пореформенной деревни, основанную на подробнейших статистических данных. Среди прочего ценного материала, для нашей темы особенно важна глава II «Санитарное описание жилищ, дворов и условия водоснабжения», с обмерами, строительной техникой, бытовыми описаниями и т. д.

Восточный южновеликорусский тип планировки считается у этнографов, со времени работы Д. К. Зеленина, характерным для однодворцев [3]. Это верно, повидимому, лишь для Воронежской обл., где подобный тип наблюдается почти исключительно в селениях бывших однодворцев и государственных крестьян; для расположенных там же, но возникших позже селений помещичьих крестьян, такой план не характерен; это объясняется тем, что помещики переводили сюда крестьян из своих имений среднерусской полосы России, и те в новых местах строились по привычной для них планировке жилья. В более же северных районах, например в Тамбовской, Рязанской, Тульской областях, восточный южновеликорусский план характерен как для старинных селений бывших помещичьих крестьян, так и для селений бывших государственных крестьян и однодворцев. Очевидно, что бытование этого плана здесь объясняется старой этнической традицией,— оно характеризует данную территорию за много столетий до появления однодворцев в русской истории, а потому и не связано с отдельными социальными группами крестьян.

ЗАПАДНЫЙ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИЙ ПЛАН

Западный южновеликорусский тип внутренней планировки жилищ характерен для западной части черноземной полосы, т. е. для Калужской и Брянской областей и для западных частей Тульской, Орловской и Курской областей (см. рис. 46, *3*). В домах этого типа печь, стоящая в дальнем углу по диагонали от святого угла, расположенного у двери, устьем обращена к окнам боковой (в то же время фасадной) стены, идущей вдоль улицы; угол против устья печи носит название *подового;* почетное место «под образами» называют *сýтки,* так как тут стыкаются внизу две главные лавки — долгая и коник, а наверху — две полицы [4]. Сред-

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 454—456. Это выражение впервые употребил К. Маркс в «Манифесте коммунистической партии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., 1952, стр. 13).

[2] А. И. Шингарев. Вымирающая деревня. СПб., 1907.

[3] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913, стр. 61.

[4] Слово «сутки» (от «с/у/тыкать» = смыкаться), повидимому, широко было распространено в старом русском языке для обозначения места стыка двух элементов. Словами «сутúчки», «сýточки», «сýтки», «сутки́» называют разные углы в крестьянской избе — передний и печной, место у печного столба, смотря по местности (отсюда выражения: «сидеть в сýтках» = на почетном месте; «деньги, припасы по суткам разошлись» = по углам, по хозяйству, туда-сюда). В Московской Руси сутками называли место, где смыкались два звена пограничной засеки. Наконец, отсюда же и наше «сутки» — смык дня и ночи (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 374).

няя часть пространства от печи до стены с дверью занята дощатым помостом, около 2 м шириной, настланным на срубе из двух венцов толстых бревен, около 0,33 м высотой(бывал и до 0,75 м), это так называемый «пол» [1]; по бокам помоста устроено два дощатых чуланчика (казенки), снабженных дверцами. Верхний настил казенок, возвышающийся над «полом» в виде лавок, служит койками для спанья; они носят название *вышние лавки* (благодаря их положению), ближнюю к двери вышнюю лавку называют иногда *вышним коником, конюшком,* а казенку под ней — *куткóм.* Внутри казенок держат разные хозяйственные вещи и продукты; на время сильных холодов сюда помещают молодых животных (ягнят, телят, поросят), весной здесь сидят выводки гусят и цыплят (поэтому в дверцах делают прорези для воздуха). Над краем казенки устраивают иногда шкафик для посуды. По свободным стенам тянутся лавки; та, которая идет от двери к переднему углу, носит, как и в предыдущих типах планировки жилища, название коника; в отличие от вышнего коника его называют *нижним,* или *святым.* Как и в восточных южновеликорусских областях, в нижнем конике держат печеный хлеб; в некоторых местах Калужской обл. в нем зимой хранят картофель. В Тульской обл. в одном конике держат горшки с молоком и сметаной, хранят яйца и прочие продукты, в другом — рабочую одежду и обувь, веревки, инструменты и пр.

Брус, идущий от свободного печного угла к двери, связан в одно целое с казенками и называется *кýрчина*; на него кладут у двери шапки, рукавицы, у печи — свежеиспеченный хлеб и т. п. Остававшаяся свободной часть хаты в старых постройках имела земляной пол, плотно утрамбованный; это — земь. Кроме того, известно деление хаты на две половины: уличная часть, со святым углом, называется середа, а надворная, с печью, носит название «заполье».

С 1890-х годов начали понемногу застилать (мостить) земляной пол досками, под которые подкладывали балки — переводы, и получался так называемый мост. После Октябрьской революции мостов стали делать больше,— в наши дни хат с земью почти не сохранилось. На территории распространения южновеликорусской избы, во всех южных районах, переводины, на которых укреплен «пол» (мост), лежат непосредственно на земле и высота пола над землей здесь не превышает 35 см; к северо-востоку переводины поднимаются выше, а на севере этой территории высота пола над землей достигает 2 м. Таким образом, поземная хата постепенно сменяется избой на подклете с подпольем, иногда даже с подызбицей (т. е. подвалом, имеющим ход снаружи). Казенки переходят на севере области в голбцы; в них устраивается спуск в подполье.

В южновеликорусской избе (хате) западного типа иногда печь ставят не в самом углу, а отступя от него или даже посредине задней стены, т. е. ближе к двери. В таком случае казенки и «пол» устраивают, как обычно, со стороны печи, обращенной к двери. За печью устраивают койку и на свободном конце ее — шкафик или полки для посуды. Пол около койки сделан на уровне земли или моста. Эта планировка отмечена преимущественно в летней избе, если постройка трехкамерная. Когда печь стоит у середины стены, а высокого «пола» уже не делают, то отделяют перегородками пространство до печи и за печью (если считать от входа), получаются чуланы, или комнатки, для спанья. Подобное видоизменение старого типа планировки отмечают и ответы на анкету

[1] В старинной свадебной песне поется о том, как в один из торжественных моментов невесту сажают «на пол». Про неряшливую хозяйку говорят: «Накопила сору до самого полу».

Русского географического общества (середина XIX в.). Те же материалы свидетельствуют, что изредка в области распространения западного типа южновеликорусского жилища попадаются избы с печью, обращенной устьем к двери, т. е. с планировкой восточного типа.

Необходимо отметить, что западный тип планировки жилища получил распространение преимущественно в той части южной Великороссии, где, несмотря на напор кочевников в XIII—XIV вв., население оставалось в своих селениях, защищенное с юга труднопроходимыми тогда Брянскими лесами и болотами (до сих пор часть этого района носит название Калужского полесья, а население его слывет в народе под именем полéхов) [1].

Граница между западным и восточным южновеликорусскими типами, естественно, не является резкой; существует переходная полоса, где встречаются оба вида планировки. На восточной окраине распространения западного южновеликорусского типа встречались хаты с полатями над «полом»,— возможно, что это — контаминированная форма (в б. Рыльском и Суджанском уездах Курской губ.).

ЗАПАДНОРУССКИЙ, БЕЛОРУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ ПЛАН

Данный тип планировки господствует, как показывает самое название, во всей Белоруссии, на всем пространстве Украины от Северного Донца до западных склонов Карпат и в западнорусских областях Смоленской, Великолукской, Псковской и в юго-западных частях Новгородской и Ленинградской областей (от их границ с Псковской обл. до линии р. Ловать — оз. Ильмень — р. Луга — Лужская губа).

Эта планировка характеризуется тем, что печь расположена в углу у входа из сеней, но повернута челом к боковой стене (как в западном южновеликорусском типе), так что входящий в избу видит сразу сбоку от себя печное устье; передний угол помещается наискось от печи в дальнем от входа углу (как в севернорусском типе); между боковой стенкой печи и дальней от входа стеной устраивается на уровне лавок широкий деревянный помост для спанья — «пол»; над ним у великорусов и белорусов настилаются полати.

Однако, сохраняя одинаковую планировку жилья, западные великорусы, белорусы и украинцы, в силу ряда причин (этническая традиция, социально-экономические различия, природные условия и строительный материал) создали резко отличающиеся один от другого подтипы жилища, поэтому и рассматривать их следует отдельно.

Западнорусский план

Несмотря на сравнительно небольшую площадь, занимаемую великорусским жилищем такой планировки, оно сильно разнится в отдельных районах. Основной причиной служит то, что по рассматриваемой территории проходит граница поземных изб и изб на подклете. Так, например, почти вся Смоленщина находится в пределах распространения поземной хаты и по всему характеру, кроме внутренней планировки жилья, ближе всего стоит к западному южновеликорусскому типу. Как и там, низкие

[1] Любопытно, что при раскопках древнерусского города Вщижа, расположенного в пределах распространения данного типа планировки жилищ (на р. Десне, 50 км выше г. Брянска), обнаружены остатки бревенчатых жилищ XII — XIII вв., с печью у середины стены и какими-то деревянными конструкциями по обе стороны печи (Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, XI, 1945, стр. 16).

избы строятся без подполья, еще недавно в избах широко был распространен земляной пол; деревянный настил пола называется «мост», а во многих домах в сенях и до сих пор сохраняются земляные полы.

Около ста лет назад в жилищах большей части Псковщины, от Пскова до верховьев Западной Двины, были земляные и глиняные полы; но для северо-восточных ее районов (Холмский и Порховской уезды) уже тогда были характерны высокие избы с подпольями и деревянными полами. К концу XIX в. деревянный пол постепенно заменил собой земляные полы по всей этой области, причем, как и повсюду, высота пола над землей увеличивается по направлению к северу: например, в Великолукской обл. переводины для пола врубаются в первый или второй венец сруба, а в Псковской обл.— в третий, четвертый и даже пятый венец. По первому впечатлению, если не считать иного поворота печи, изба этих районов напоминает избы соседних местностей среднерусской полосы — Новгородской, Калининской областей. Основное отличие старых изб Псковщины — это меньшее число окон, чем в жилище центральной части страны. Часто на фасадной стене (на улицу) было только одно окно и второе — на другой стороне переднего угла, реже делали третье окно. Кроме большого окна, в фасадной стене часто прорубали еще волоковое или слуховое оконце. К XX в. и для псковской деревни обычными стали трехоконные избы.

Печь в избе может ставиться и направо и налево от входа, повидимому, чаще налево. Если же жилище является связью из двух изб, то печи в них ставятся у стен, обращенных к сеням; таким образом, план одной избы представляет зеркальную симметрию по отношению к другой. При более высоком подполье — в северо-восточной части района западнорусской планировки — вдоль боковой стенки печи приделывают род деревянного ящика-лежанки, высотой до полуметра; в верхнем настиле его делают люк с подъемной крышкой, через него устраивают ход под пол, где хранят продукты; в Великолукской обл. называют эту лежанку *ленуха,* в Новгородской — *карзень* (ср., карзина, каржина в верхневолжских районах). Шире распространен обычай спускаться в подполье через люк с откидной крышкой, устраиваемый в полу у стены против печи. На севере Псковской обл. часто устраивают и дополнительный наружный ход в подполье (подызбицу) с боковой стороны избы — для удобства ссыпки через него картофеля. В старых избах, по крайней мере еще в 1920-х годах, сохранялся широкий деревянный настил высотой от пола около полуметра — «пол», *задник, мáры* (вместо нары). Он занимал пространство от боковой стенки печи (или от ленухи, если она есть) до передней стены, т. е. дальней и параллельной дверной. На нем спали, подстилая солому и гороховину и покрывая их дерюгой. Под «полом» стояли *кублы* (ушаты с крышками для хранения одежды) и сундуки, зимой здесь иногда держали телят и поросят. Над «полом» делали полати. Опорой для них служила грядка — брус, который одним концом покоился на печном столбе — конике, водружавшемся у свободного угла печи, другим врубался в переднюю стену. Под прямым углом к грядке на том же конике укреплялась полка, перекинутая параллельно двери,— для шапок. Вокруг стен шли неподвижные лавки, в старых избах украшавшиеся *опушкой* (деревянным резным фестончатым подзором; см. рис. 86), кроме лавки у стены с входной дверью. Эта лавка называлась пороговая, на ней женщины стряпали.

Наверху были устроены длинные полки. В дальнем от входа углу, наискось от печи, расположен *перёд,* передний угол, *больший, большой угол;* в нем висел киот с образами. Нередко киот задергивался браным

набожником, или *обвеской*, из двух половинок, чтобы не пылились образа. Стол далеко не всюду стоит в переднем углу; во многих районах Псковской и Великолукской областей его ставят в простенке между окнами — против угла печи. Угол у входа называется *кут,* в нем висит на стенах тройная полка для посуды и висячий шкафик. В районах Смоленской и Великолукской областей, пограничных с Белоруссией, словами «кут» [1], «кутный угол» называют передний угол (как у белорусов).

С конца XIX в. перестали делать и неподвижный «пол» и полати. В старых избах разбирали это исконное убранство избы и вместо него ставили широкие деревянные, а позднее и железные кровати. Это пространство стали отделять либо занавесом, либо досчатой переборкой — получалось два помещения — изба и *чулан,* но назначение чулана, понятно, совершенно иное, чем при среднерусском плане: там — это кухня против печного устья, здесь — это спальня за боковой стенкой печи. Такое разделение избы отмечает анкета Русского географического общества (данные 1849 г.). Для отделения печи и стряпни избу в свою очередь перегораживали пополам перегородкой, идущей параллельно двери от угла печи к боковой стене: получалась кухня, чистая «половинка» и чулан (или спальня). Проход в переборке делался около печи. В углу между переборкой и боковой стеной избы вешали икону и ставили стол для стряпни и еды.

По всей Псковщине в прошлом крайне редко мыли полы, только по большим праздникам (а в литературе XIX в. нередко упоминается, что полов здесь не моют совсем). Это составляет полную противоположность остальным севернорусским районам, где полы поддерживаются всегда в чистоте — их моют каждую субботу (а к большим праздникам моют и бревенчатые стены избы и лавки, все выскабливается ножом до совершенной чистоты). Повидимому, отсутствие этой привычки частого мытья полов можно объяснить тем, что деревянный пол здесь появился сравнительно поздно, тогда как частое мытье пола в районах избы на подклете представляет обычай, выработавшийся в результате многовековой, можно сказать, тысячелетней жизни в жилище с деревянным полом.

Для изб XIX в. характерно наличие клети, которую ставили отдельно. В южных районах Псковской обл. отмечены трехкамерные постройки, состоящие из избы, сеней и так называемого *сельникà,* заменявшего клеть; нередко в нем спали новобрачные. Сельни́к устраивали на столбах, пространство между столбами заплетали хворостом и использовали как хлев для мелкого скота и птицы (например, держали гусей и овец) [2].

Белорусский план

У белорусов бóльшая часть хат расположена, как средневеликорусские избы, перпендикулярно к улице, либо под углом, с одним или двумя окнами, выходящими на улицу, так что вход в сени приходится сбоку жилья, в прежнее время — больше со двора, так как хата располагалась во дворе, окнами во двор. Пол в хате раньше был преимущественно глинобитный — *ток* (его утрамбовывали «чекухами» — деревянными молотками и лопатами, для уничтожения блох и других насекомых часто поливали кипятком) или деревянный, называемый в одних местах *подлóга* (название это происходит от тех деревянных столбов и балок, которые

[1] Отсюда «кутяне» — почетные гости; есть поговорка: «Сидит как поп на пскýти».

[2] Из материалов Западного отряда Русской этнографической экспедиции 1953 г. Института этнографии АН СССР.

поддерживают доски пола), в других — *мосничный пол, мост*, так как он вымощен досками (*мостницами, мосницами, мосничинами*). Деревянный пол в болотистых местах — очень древняя особенность белорусских хат; в последнее время деревянный пол повсеместно и быстро вытесняет глинобитный.

При входе в хату в правом от двери углу находится печь, повернутая устьем к левой от входа стене. Около печи часто устраивали кирпичные лежанки для стариков и старух. По диагонали от печи в левом дальнем углу расположен кут, куток, кутный угол, *покуць*, в котором стоит стол; здесь также висят образа, убранные набожником — вышитым или затканным полотенцем. Кут имеет два окна, прорезанные в двух стенах, составляющих угол; оба они называются *кутние*. Для белорусской хаты характерно наличие двух кутных окон и их несимметричное расположение — не по середине стен, а ближе к углу. Третье окно, налево от входа, против устья печи, называется *прицепечное*. Между печью и дальней от входа стеной (передней) устроен широкий помост для спанья — «пол», окно над ним называется *полным*. В некоторых районах, например у белорусов-сакунов в Полесье, над «полом» никогда не прорубали окна, чтобы было теплее. Здесь в белорусской хате прежде было всего три окна — одно на улицу и два во двор [1].

Подполье (т. е. место под нарами — «полом») и подпечье на зиму отгораживались досчатой загородкой; сюда на время зимних холодов помещали кур и молодых животных; в подпечье сажали и наседок на яйца; этот курятник под печью называли *катýх*. В Западной Белоруссии на зиму в хату брали и овец — для них отгораживали угол против печи.

Над полом делали полати (*палати, палатки* для спанья); для этого у свободного угла печи поставлен печной столб [2], от него к дальней стене параллельно внешнему краю «пола», на высоте человеческого роста идет брус, называемый *било, пересол;* на било помещали доски, другим концом вделанные в стену хаты. Иногда опорой полатей служили специальные столбики. Полатей давно уже не устраивают, и встречаются селения, где их даже не помнят.

По стенам, примыкающим к кутному углу, укреплены неподвижные лавки — *лавы;* лавка, идущая по левой от входа стене к кутному углу, называется *прицепечной лавой,* а идущая от кутного угла до «пола» — кутняя, иногда *полная лава.* Широкие (в среднем 60 см) дубовые лавы считались ценностью и передавались по наследству. В глухих местах сохранялся у входа неподвижный шкафчик — «кóник»; в нем внизу на полке держали воду в горшках, а на верхних трех полках помещалась посуда.

---

[1] Любопытный факт, указывающий на силу традиции, отмечен в жилище западных белорусов (на территории современной Брестской обл.): «Четвертого окна в своей хате сакун ни за что не прорубит. В Ляўках, когда крестьянская хата была отведена под земскую школу, господарь, хозяин избы, прорубил четвертое окно в хате только с благословения священника и разрешения мирского схода» (И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 94, № 1, 1916, стр. 11).

[2] С печным столбом (стоўп, или дзед; у витебских белорусов — *конь*, или *конёвый столб)* в старое время был связан целый ряд поверий и обрядов, лечение болезней заговорами, о нем пели в старинных колядках. Около печного столба благословляли «молодых», здесь во время свадьбы развлекал всех своими шуточными выступлениями (напоминавшими приговоры дружек на великорусской свадьбе) «стаўбовый» — сват или старший дружка со стороны жениха, исполнявший так называемые стаўбовые песни (см. Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья бытья в Витебской Белоруссии, описание предметов обиходности. Витебск, 1895, стр. 240). Обрядное значение печного столба было связано, повидимому, с теми далекими временами, когда он являлся центральным опорным столбом, поддерживавшим крышу жилища.

Но чаще у входа делали лишь неподвижную лавочку, а теперь для ведер с водой ставят *услóнец* — переносную скамейку. Одна скамья (*слон, услон, заслон, пирадóк*) ставится и к столу. Если четыре ножки скамьи соединены продольными и поперечными перекладинами, то это *тыпчáн, тыпчáник*. Иногда имеются в избе еще маленькие скамейки (*слончики*) под ведро, под чугун.

По старому обычаю, во время еды на лавы садились только мужчины, а женщины ели стоя или примостившись на услонах, чтобы удобно было подавать к столу. Над лавочкой или услонцем налево от входа прибивают *ложечник*, в который втыкают ложки, или *заложник, заложешник* с перильцами с трех сторон для складывания тарелок, ложек. Немного повыше ложечника находится *палúчка,* на ней держат соль, тарелки, миски. Некоторые крестьяне прибивают паличку над входной дверью, для складывания мелочей. Вдоль прицепечной лавки, под окном тянется длинная *пóлица,* на ней тоже ставят посуду, некоторые продукты. От печного столба к противоположной стене идет *жéрдка,* на которую все члены семьи вешают на ночь свою одежду. В Полесье в поперечные стены хаты врезают под потолком тонкие балочки, на них кладут жердки — они поддерживают люльку с ребенком, на них развешивают для просушки белье, лен и пр. По стенам вбивают деревянные крюки для шапок, сум и т. п. Угол, образуемый передней частью печи и стеной хаты (у порога, направо от входа), называется *кочерéжником;* здесь стоят кочерга, ухваты — «вилки», сковородник — «чепелá», помело, лопата, веник.

Против устья печи у прицепечного окна на равном расстоянии (около метра) от обеих стен в старых хатах помещался *лучнúк*, служивший для освещения хаты при помощи лучины (см. рис. 56, *а*).

В белорусской деревне, экономически более отсталой, чем деревня многих великорусских районов, гораздо меньше было распространено и трехкамерное жилище, не говоря уже о пятистенке и других более поздних формах. Тем не менее и здесь в чистой хате трехкамерного жилья зажиточной семьи можно было видеть печь-голландку, стулья и табуреты, кровати под пологом вместо нар — «пола» и шкаф (*судник*) для посуды. Иногда в чистой хате перегородкой отделялась *комора* — для спальни и для хранения лучших вещей и одежды.

Сени, вход в которые в белорусской хате устраивается обычно со двора и почти никогда с улицы (ибо дом стоит к улице большей частью узкой стороной), почти всегда имеют ту же величину, что и хата, а иногда превосходят и самоё хату. В некоторых районах особенностью сеней в белорусском жилище, сравнительно с украинским и великорусским, является наличие в них лавок, стола и иконы (в курных избах здесь совсем не было икон). В жаркое летнее время белорусы часто живут в своих прохладных сенях (а сени у них, как и у великорусов, большей частью без потолка). Поэтому в сенях прорезают небольшое оконце. Иногда в сенях отделяется перегородкой небольшая *коморка.*

Таким образом, белорусское жилище вплоть до эпохи социалистической реконструкции оставалось гораздо менее развитым, чем жилище великорусское, что, несомненно, объясняется особенно тяжелым экономическим положением белорусского крестьянства. По существу, белорусское жилище по своей архаической технике, по многим своим формам сохранило почти до наших дней древние общерусские черты, от которых так далеко отошло русское жилище, особенно его северные и среднерусские разновидности.

Украинский план

Внутренняя планировка украинских хат отличается поразительной однотипностью. Ф. К. Волков писал: «В какую бы украинскую хату, начиная с западных частей Курской и Воронежской губерний и кончая западными склонами Карпат, мы ни заглянули, решительно повсюду мы находим одно и то же: вход в хату из сеней, сейчас же возле входа по одну

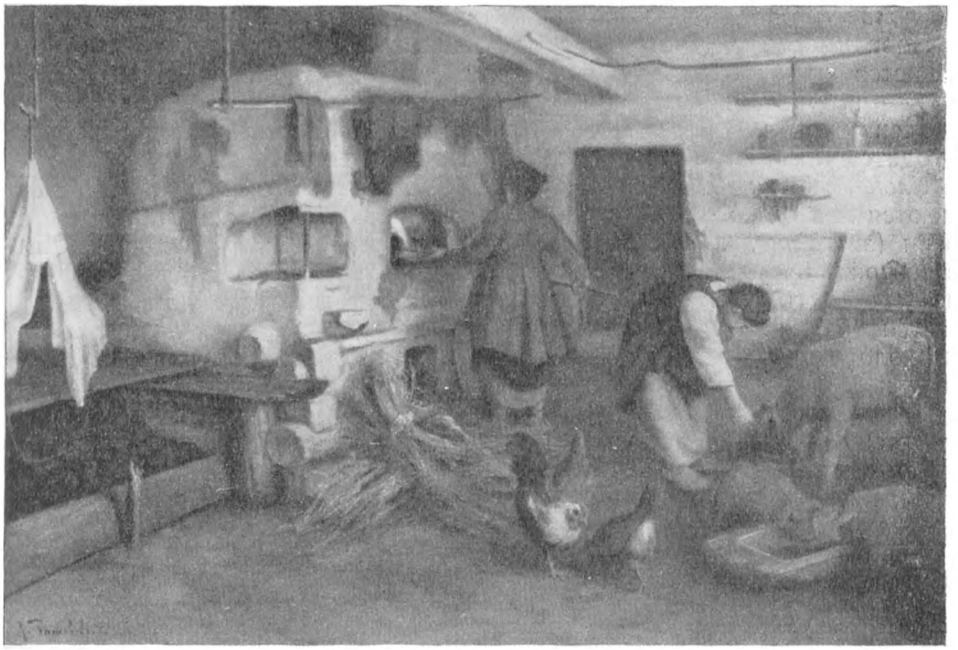


Рис. 48. Зимнее утро в украинской хате (с картины худ. И. Г. Ришевского)

сторону печь в углу, по другую — в другом углу или возле печи — полиция, или «ми́сник», для посуды; между печью и так называемой «причильной», т. е. узкой, стеной хаты находится «піл» (пол), т. е. деревянные подмостки вроде нар (шириной полтора метра и больше.— *Е. Б.*), на которых спят [1], или подвижное «ліжко», т. е. кровать; в так называемом красном углу под иконами помещается «стіл», вдоль стен — «ла́ви» [2], возле стола еще «ослін», или подвижная скамья; в углу между дверью и печкой — кочерги́, в другом углу, возле мисника — «зрізок» с водой

[1] Повидимому, именно такой «пол» имел в виду Н. В. Гоголь, когда писал: «На полу стояли две деревянные миски; одна была наполнена варениками, другая сметаною» («Ночь перед рождеством», Полн. собр. соч., т. I, 1940, стр. 224) или (из болтовни дворни в доме сотника после ужина): «Шепчиха легла... в хате на лавке, а Шептун на дворе». «И не на лавке, а на полу легла Шепчиха», подхватила баба, стоя у порога...» («Ьий», там же, т. II, 1937, стр. 204). Известны на Украине и другие названич «пола»: *по́лик, поло́чок*. Ср.: «У світлиці да на поло́чку ой шие, шие молода дівчина чорним шовком соро́чку» (из украинской песни).

[2] В некоторых местах Украины, например на Полтавщине, деревянные лави (лавы) вдоль стен подпираются глиняными столбиками или подлавниками, на Харьковщине — меловыми.

(если он не в сенях)»[1] (см. рис. 46, *4* и 48). Полатей на Украине не знают. Следует отметить, что стены хаты носят каждая свое название. Та, в которой прорублена дверь, называется *порогова,* против нее расположена *причілкова* (причільна) стена, находящаяся в челе хаты, на узкой стороне; фасадная стена, приходящаяся против устья печи, носит название *передпічня.* Всегда стремятся поставить хату причилковой или передпичней стеной на юг, чтобы возможно больше солнечного тепла и света попадало в хату. Против фасадной стены расположена *напільна,* или *полова́* стена, так как около нее помещается *піл.*

Повидимому, на Украине печь (называемая здесь *вари́ста піч*) помещается чаще в левом углу от входа, а красный угол (*покутье, по́куття*[2]) — в правом переднем углу, т. е. обратно тому, что мы видим в белорусских хатах. В передпечной стене справа от входа против устья печи находится *предпічно вікно́,* далее около покутья — окно *покутне,* или *застільне,* так как против него стоит стол. В причильной стене также имеются два окна: одно — около покутья, приходящееся против входной двери (*застільне, надвірне*), и второе — против «пола» (*припільне*). На четвертой, напильной стене обыкновенно не делают окна, чтобы не охлаждать спального угла; если же здесь иногда и устраивают окно, то очень небольшого размера; его называют *напільне, запільне,* или *полове́ вікно́,* или холодное, так как оно выходит на север (на Полтавщине и Харьковщине к жилью сзади пристраивают иногда во всю длину хаты и сеней узкое помещение для скота, оно утепляет обращенную на север припильную стену) (см. рис. 26, *д*). Нередко делают еще крохотное оконце над печью, «в одну шибку», чтобы можно было шить, сидя на печи, и чтобы детям, проводящим на печи зимний день, было светлее; это — *запічне віконце.*

[1] Ф. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, стр. 531.

[2] Мы видим, что слова «покутье», «покуть», «кут» известны у украинцев, белорусов и великорусов. В древнерусском языке слово «кут» означало угол вообще; в этом смысле оно существует в современном украинском языке (например, «три́кут», «трику́тник» — треугольник). В современный русский литературный язык оно не вошло, но сохраняется во многих великорусских говорах, обозначая тот или иной, в данной местности всегда определенный, угол деревенской избы; словом «кутник» называют лавку, расположенную в соответствующем углу. Если проследить по карте распространение слова «кут», то оказывается, что на всем западе и юго-западе восточнославянской территории у украинцев, белорусов и великорусов западных областей (Смоленщина, Псковщина, западные части Новгородчины и Курской обл.), характеризующихся одинаковой внутренней планировкой жилища, слово «кут» и родственные ему слова «покуть», «куть», «кутник» обозначают передний, самый почетный угол в избе.

У северно-великорусов при северно-средневеликорусском плане жилища в отношении употребления слова «кут» намечаются две зоны: вся центральная часть великорусской территории — Верхнее Поволжье (Калининская, Ярославская, Костромская и Горьковская области) и Приокский край (Владимирская, Ивановская, Рязанская, Тульская области), а также Кировская область этим словом зовет свободный угол около двери (второй здесь занят печью); на всем русском Севере — в областях Архангельской, Вологодской, в восточных частях Ленинградской и Новгородской, а также в Костромской, Молотовской, Свердловской, и далее на восток,— у русского старожилого населения Сибири кутом называют угол перед устьем печи, «бабий угол», пространство за перегородкой или за занавеской, где происходит стряпня. Слово «кут» в значении угла перед печью известно и в некоторых областях черноземной полосы (например, в Воронежской, Курской, Калужской, в части Тульской, Саратовской и Симбирской); правда, в первых двух, с их восточным южновеликорусским планом, при котором печь повернута устьем к двери, кут будет одновременно и придверным углом. Таким образом, две полосы, где кутом называют угол перед печью, северная и южная, смыкаются за Волгой, в районе нижнего течения Камы, отсюда при колонизационных продвижениях такое осмысление кута распространилось и далее на восток, за Урал.

Повидимому, есть какая-то еще не раскрытая пока закономерность в видоизменении у разных этнических групп восточного славянства смысла этого слова, приобревшего три-четыре различных, но родственных значения.

Под «полом» ставят сундуки и складывают кое-какие вещи. Над «полом» под самым потолком висят жердки для развешивания одежды, белья и пряжи, одна или две. Одна идет над краем помоста, вдоль него, другая — поперек, между помостом и лежанкой — *грубкой,* которую часто пристраивают к варистой печи. Жердка привешивается и над печью, на ней висят вязанки лука от осени до весны. На самой печи спят, на ней же сушат зерно. Около печи, недалеко от пола висит колыбель —

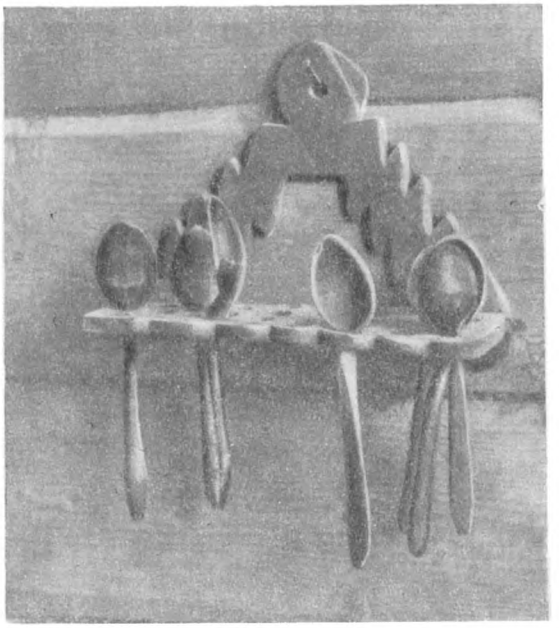


Рис. 49. Жичник (лжичник) в украинской хате (хыже) (Закарпатская обл.)

колúска, которую мать может качать, не вставая с «полу». Посредине хаты около угла печи часто ставят столб, который подпирает *свóлок* (матицу). По стенам прибиваются *полиці* — идущие над мисником и над входной дверью, затем над предпечным окном [1].

Мисник, или судник, представляет собой род открытого шкафчика в несколько полочек для посуды, он бывает украшен резьбой. Возле мисника иногда приделывают еще к стене *ліжник* — маленькую полочку с дырками, в которые втыкаются ложки; у бойков в Карпатах эту полочку называют *жичник,* т. е. *лжúчник,* ложечник (рис. 49). Под мисником стоит ведро или макитра с чистой водой и кружка. Стены, потолок (*стѐля*) и печь обмазываются белой глиной или мелом раза три в год. Глиняный пол всегда содержится в чистоте и порядке, образовавшиеся выбоины и ямки немедленно исправляются и подмазываются глиной; заботливые хозяйки подмазывают пол раза два в месяц. Зимой и в дождливую погоду многие покрывают пол соломой, которую по мере загрязнения употребляют как топливо и заменяют свежей.

[1] Внутренний вид хаты украинского крестьянина на Полтавщине начала XX в., см. Е. Э. Бломквист. Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев. СЭ, 1954, № 4, рис. 6.

Еще в начале XX в. дощатый пол в хатах Украины были редкостью [1]. Такая хата служила признаком богатства, на что указывалось и в песнях. Дощатый пол чаще делали в коморах, где он был необходим, чтобы хлеб не отсырел и не был поеден мышами [2].

Та же планировка хаты, как говорилось выше, характерна и для крайних западных районов Украины. Разница лишь в том, что во многих местах б. Галиции неподвижные лавы сменились переносными *топчанами,* т. е. скамьями со спинками и ручками, типа деревянных диванов, а вместо

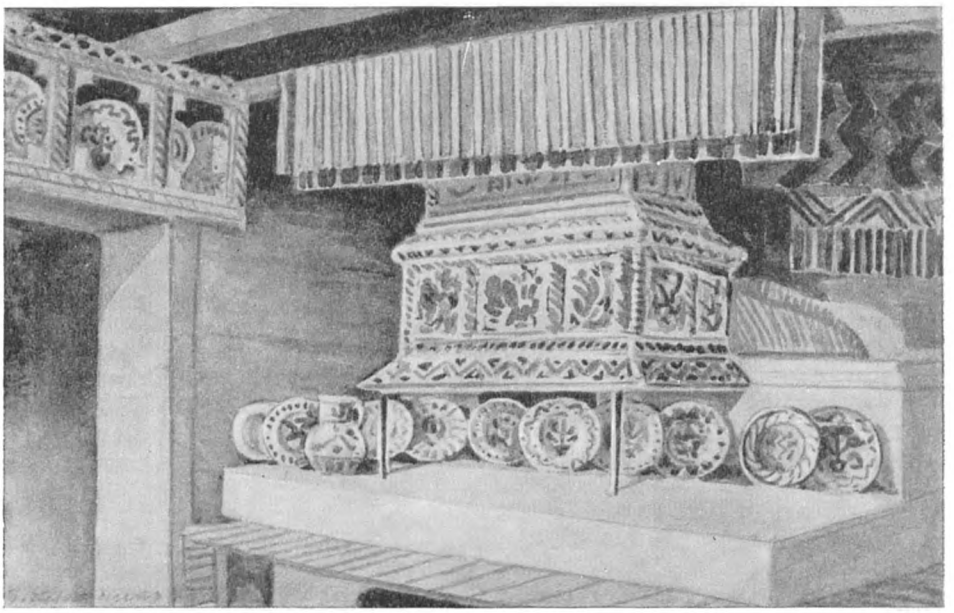


Рис. 50. Внутреннее устройство старинной гуцульской хаты (г. Старый Косов Станиславской обл.): придверная стена, над дверью — намисник, слева от входа — изразцовая печь

«пола» появилась широкая и деревянная кровать «ліжко» (тот же процесс с начала XX в. происходит и в восточных районах Украины).

Чрезвычайно нарядна и своеобразна благодаря богатству декоративного убранства внутренность гуцульской хаты, что́ резко отличает ее по первому впечатлению от любого другого восточнославянского

[1] По данным 1920-х годов около 5% хат на Украине имели деревянные полы (А. Н. Марзеев. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины. Харьков, 1927, стр. 117).

[2] Таким образом деревянный «пол» на высоте лавок, от боковой стенки печи до противоположной стены избы или хаты, устраивали на Украине, в Белоруссии, в западновеликорусских и во всех южновеликорусских районах. Следовательно, высокий «пол» характерен в основном для всей обширной зоны прежнего распространения поземного жилища, устраивавшегося прямо на земле, без подклета, с земляным или глиняным полом. Во всей этой огромной области, охватывающей юг и запад старой восточнославянской территории, на селе слово «пол» в нашем обычном смысле еще недавно не употреблялось: у великорусов земляной пол назывался здесь «земь», а если он вымощен досками, то «мост»; белорусы глинобитный пол называли «ток», а деревянный — «мост», «мосничный пол»; у украинцев земляной или глиняный пол — «діл» и «долівка», а если на него настланы доски, то это «поміст» или «підлога». Лишь для северных и центральных районов восточнославянской территории, с глубокой древности характеризуемых избами на подклете, а далее и для Сибири, слово «пол» имеет то же значение, что в русском литературном языке.

жилища. Но в основе своей и гуцульское жилище имеет обычные композиционные элементы планировки украинской хаты. В самом деле, проходя через двор типичной гуцульской усадьбы — гражды или оседка, мы попадаем через входные двери в сени — *хороми*; по обе стороны сеней расположены хаты — «лівачка» и «правачка» (см. рис. 39).

Войдем в хату-«правачку»: слева от входа помещается на широком деревянном опечке с резными подставками — кронштейнами красивой формы — варистая печь из расписных изразцов — *кахлей* (рис. 50) с горизонтальным дымоходом, выводящим дым в сени. В углу между дверью и печью составлены кочерга и другие печные принадлежности. За печью стоит у стены лижко с постланной постелью. Над ним подвешены две тонкие длинные *грэдцї* (рус. — грядки), покрытые резьбой, на них висят «ліжники» — одеяла. Вдоль *причельной* и *передпечной* стен стоят *лавици,* в покутье — богато украшенный резьбой стол (*писаний стів*), над ним — образа (*образник*). Бросается в глаза отсутствие окна в причельной стене, что связано с конструкцией гуцульской усадьбы: причельные стены хаты выходят к глухим *притулам,* окружающим жилье с трех сторон. Вдоль передней стены над окнами прибивается длинная полиця или подвешивается «така грэдка, як над постелею». У пороговой придверной стены направо от входа стоит резной же шкаф для посуды — *шафка,* над дверью помещается резной намисник (мисник) для поливных мисок (как говорят, он «служит більше для окраси»).

Наряду с великолепными образчиками гуцульской архитектуры жилого дома, сохранявшимися в зажиточных хозяйствах лесистых горных районов, там же нередко встречались хаты бедных хозяев, лишенные художественного убранства. Попадались и совсем бедные хатенки, так называемые бурдеи [1], напоминавшие самые убогие халупки [2] белорусов-полешуков в старину, без хозяйственных построек. Но внутренняя планировка всех этих жилищ остается все той же, однотипной. Исключением является, повидимому, лишь один район Дрогобычской обл., где в старых курных хатах, которым в 1909 г. насчитывалось более 50 лет, отмечено то же положение печи по отношению к входной двери, как у северно-великорусов [3].

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Сравнение рассмотренных основных четырех типов планировки жилища приводит нас к следующим выводам.

1. В связи с тем, что основное различие между типами восточнославянской планировки заключается в расположении печи и переднего угла, важно было бы постараться установить, есть ли какая-нибудь целесообразность в их расположении. Возможно, что в том, где находится в жилище печь, наряду с этнической традицией, известную роль играют

[1] Слово «бурдей» («бурдель») распространено было также на территории Молдавской ССР и в районе Измаила (УССР, б. Бессарабия), где оно обозначало жилую полуземлянку с плетеными, обмазанными глиной, стенами и двускатной крышей. Это слово в смысле землянки (как жилой, так и погреба) известно тоже в болгарском и сербском языках (А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 45 и 69. Там же, рис. 184, 185).

[2] Слово «халупа», «халупка» (в смысле убогой хижины) употребляется не без иронии и выражает более убогость жилья, чем понятие о самом жилье, как таковом, распространено в белорусском и украинском языках, и вообще на Юге; «халупник» — бобыль, безземельный крестьянин. В том же значении слово «халупа» существует и в западнославянских языках. Некоторые исследователи производят это слово от греч. καλυβη и сопоставляют его со словом «колыба» (А. Харузин. Указ. соч., стр. 60, 73 и 242). О колыбе см. стр. 73.

[3] М. Зубрицький. Селянські будинки в Мшанці Старосамбірського повіта, «Матеріяли до української етнольогії», т. XI, Львів, 1909 (рис. 16).

и климатические условия. Так, мы видим, что тип планировки, в котором печь отвернута устьем от двери, характерен для лесной полосы со сравнительно суровыми, долгими зимами. Здесь важно, чтобы стряпуха находилась в куте, где тепло и не дует, а не у двери (восточный из южновеликорусских типов), и не на проходе (украинско-белорусский тип). Кроме того, при таком положении печи тепло во время топки попадает прежде всего в дальнюю часть избы и меньше выдувается через растворяющиеся двери.

Еще в дореволюционной литературе мы находим обсуждение преимуществ украинского типа планировки. Поиски целесообразности приводят к тому, что каждый план находит своих апологетов. Л. В. Даль видит в нем лишь признак того, что в недалеком прошлом хата была курной и дым выходил в дверь [1]. Возражая ему, А. П. Новицкий пишет: «В действительности, такая постановка печи очень рациональна: помещая топку с внешней стороны печи, можно получить больше тепла в комнате, так как согревательная поверхность, обращенная внутрь комнаты, при этом больше. Тот же результат получается и оттого, что печка стоит у самого входа, так как входящий в дверь холодный воздух тут же и нагревается и в комнату поступает уже нагретый воздух» [2].

В этнографической литературе существует и другое мнение: положение печи в восточном плане не менее удобно, чем в западном; даже наоборот, в восточном плане печь поставлена таким образом, что стряпчий угол находится в углу у двери, а не выносится в переднюю часть избы и не загрязняет ее. Все это показывает, что данный вопрос не вполне ясен и требует еще дальнейшего изучения.

Совершенно очевидно, что оба южновеликорусских плана неудобны из-за положения переднего угла у двери, в самом грязном месте избы (или хаты); при сохранении этой планировки трудно, почти невозможно отделить чистую часть избы от грязной, а тенденция к этому давно уже наблюдается. Следовательно, оба эти типа нежизненны при стремлении населения к лучшему, более удобному и более культурному жилищу. Поэтому в селениях, лежащих на границах зоны южновеликорусской планировки, где оба ее типа соприкасаются с другими двумя планами, уже в XIX в. наблюдалась постепенная замена южных планов другими. Новая внутренняя планировка вводилась в горницах или летних избах, в то время как в зимних избах сохранялась старая, традиционная для данного селения южновеликорусская планировка. Благодаря этому за последние сто лет средневеликорусский тип постепенно распространяется к югу, а украинский — к востоку и северо-востоку. Таким образом, медленно, но верно сокращается площадь, занимаемая обоими южновеликорусскими типами.

2. В связи с различием бытовых условий в жилищах, характеризуемых четырьмя рассмотренными планировками, встает вопрос о соотносительной древности этих планировок. Ряд археологических материалов говорит за то, что более древними являются оба южновеликорусских плана; особенно часто в древних полуземлянках прослеживается восточный южновеликорусский план, тесно связанный с топкой по-черному, так как положение печи устьем к выходу способствовало быстрейшей вытяжке дыма через дверь. О древности и распространенности в прошлом обоих этих планов свидетельствуют и этнографические пережитки в области

[1] Л. В. Даль. Материалы для истории русского гражданского зодчества. «Зодчий», 1874, стр. 30.

[2] А. П. Новицкий. Черты самобытности в украинском зодчестве. «Труды XIV археологического съезда», т. II. М., 1911, стр. 70.

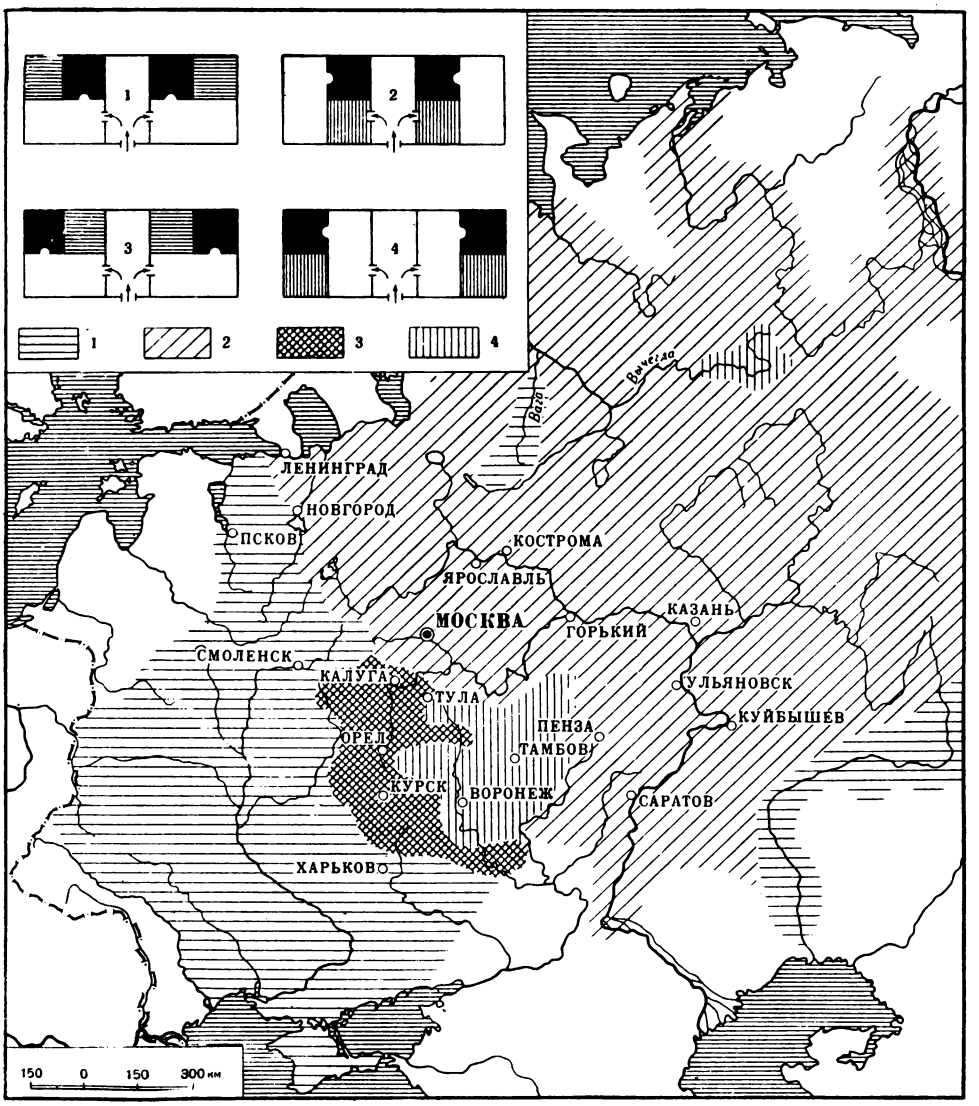


Рис. 51. Обзор основных типов планировки восточнославянского жилища (на примере трехкамерной постройки)

1 — западнорусский, белорусский и украинский план; *2* — северно- и среднерусский план; *3* — западный вариант южновеликорусского плана; *4* — восточный вариант южновеликорусского плана (заливка на планах означает печи, штриховка же — или «пол» [1,3,4] или «полати» [2])

жилища. Так, по восточному южновеликорусскому плану, с топкой, обращенной к выходу, еще недавно строили временные жилища как на севере, так и на юге страны (см. главу I «Историческая справка»). Далее, на Севере и в средней полосе встречаются районы, где наблюдается планировка южновеликорусского типа, с передним углом у двери. На Севере избы с восточным южновеликорусским планом встречаются в селениях по верхнему течению Вычегды [1] (Коми АССР); западный южновеликорусский план с передним углом у двери распространен в верховьях р. Ваги и по притокам ее в этой части [2] (в пределах Вологодской и Архангельской областей) и к востоку от оз. Кубенского [3] (Вологодская обл.).

Восточный южновеликорусский план бытовал в середине XIX в. в старинных избах на севере Владимирской обл.: «Как входить в эту хату, на правой руке обращенная к дверной стене печь... на левой, к дверной же стене в углу иконы и стол»; особенность этих изб составляет примыкающий к передней стене «возвышенный со ступенями полок, на котором вся семья от трудов своих в зимнее время почивает... Вновь же такого расположения изб не строят» [4]. Интересно отметить, что этот южновеликорусский план, в б. Владимирской губ. исчезавший уже сто лет назад, восходит на этой территории к суздальским полуземлянкам X—XII вв.

Вспомним также, что жилища ильменских славян и кривичей VII—IX вв. отапливались печью-каменкой, расположенной у задней стены, т. е. по южновеликорусскому плану [5]. Все это заставляет предположить, что план с устьем печи, обращенным ко входу, был в эпоху раннего феодализма распространен на огромной территории расселения восточнославянских (и финских) народов, но в течение веков постепенно заменялся более совершенными планами; к нашему времени старое направление печного устья к двери сохранилось лишь на сравнительно небольшой территории на юге страны и в виде вкраплений в зону северно- и средневеликорусского плана.

Очень древней является и западнорусская (=белорусско-украинская) планировка. Об этом свидетельствуют археологические материалы и дошедшие до нас старинные русские деревенские бани. Архаические черные бани великорусов, с печью-каменкой, несомненно, сохраняющие план древнего жилища, большей частью (если не всегда) построены по украинско-белорусскому плану [6].

Учитывая все сказанное выше, предлагаем гипотетическую схему развития типов планировки восточнославянского жилища (рис. 51).

Наиболее древней могла быть восточная южновеликорусская планировка (*4*), затем следуют западная южновеликорусская (*3*) и западнорусско-украинско-белорусская (*1*) и наиболее поздней, самой совершенной из всех представляется северно-среднерусская (*2*).

Такая схема, видимо, не противоречит и исторической картине этнического развития восточных славян, а именно: планировка *4* связывается преимущественно с эпохой общности восточнославянских племен (I тысячелетие н. э.); *3* и *1*, повидимому, характеризуют последовательно древ-

[1] Гл. Шипунова. Курные избы в верховьях Вычегды. «Записки Общества изучения Коми Края», вып. 5. Сыктывкар, 1930, стр. 115 (план).

[2] М. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», 1913, вып. I — II, рис. 2.

[3] В. В. Суслов. Памятники древнего русского зодчества, вып. 1. СПб., 1895, л. 20 (план избы).

[4] АГО, ф. VI, Владимирская губ., рукопись 64. «Этнографические сведения о жителях Вязниковского уезда», 1854 г.

[5] См. главу I «Историческая справка».

[6] См. в главе XII раздел «Баня», стр. 345—346.

нерусскую народность в эпоху расселения ее по Восточно-Европейской равнине и, как последний этап, новгородскую колонизацию; *2*, естественно, связывается с эпохой Московской Руси, с освоением Поволжья со стороны Волго-Окского междуречья, с путями московской колонизации, а также отчасти и с поздней новгородской колонизацией, которая не прекращалась после подчинения Новгорода и Пскова Москве, сопровождавшегося постепенным переходом к более совершенному плану жилья [1].

В свете данной схемы те районы Севера, которые характеризуются южновеликорусским планом, представляют реликтовые пятна, сохранившие в планировке жилища древние восточнославянские черты, свойственные быту и культуре носителей отдельных волн новгородской колонизации. Наиболее же распространенный северно- и средневеликорусский план с красным углом против двери представляет уже более поздний тип, выработавшийся в результате приспособления к суровому северному климату. Он распространялся и наслаивался на древние формы преимущественно уже во время московской колонизации, чем и объясняется его широкое распространение на Севере, в Поволжье, в Сибири.

Все это, конечно, лишь гипотеза, так как имеется очень мало археологических данных с одной и той же территории за разные периоды времени; кроме того, раскопки неоднократно обнаруживали печь, расположенную в центре помещения или стоящую у средины одной из стен. Поэтому, за исключением несомненности позднего возникновения севернорусского плана, говорить с полной уверенностью о том, в какой последовательности шла смена одного типа другим и когда происходила эта смена, пока еще преждевременно. Возможно, что в период раннего феодализма печь могла ставиться в различных углах жилья с разнообразным направлением устья к двери, и, следовательно, оба южновеликорусских и западнорусский планы могли существовать одновременно. Ни отрицать этого, ни утверждать это, за недостатком материала, мы не можем.

Рассмотрение предложенной схемы, состоящей из примерных планов трехкамерной связи в районах всех четырех планировок, дает возможность сделать еще несколько любопытных выводов:

1. В трехкамерной связи, благодаря сохранению в обеих избах (или хатах) традиционной для данного района планировки, получается зеркальная симметрия в планах левой и правой изб по отношению друг к другу.

2. При внимательном рассматривании этих четырех пар планов бросается в глаза любопытная вещь: если не принимать временно во внимание входную дверь в избу, то получается единый план жилища (в двух зеркальных симметриях), который при поворачивании можно накладывать один на другой и при наложении все элементы плана совпадают. Таким образом, совпадают планы: первой группы — левые планы *1* и *4*, правые планы *2* и *3*: второй группы — правые планы *1* и *4*, левые планы *2* и *3* (две группы получаются благодаря закону зеркальной симметрии). И, по существу, различие этих планов заключается только в том, в какой стене по отношению к печи прорублена дверь, а именно:

восточный южновеликорусский план (*4*) — в стене против устья печи;

[1] Некоторым подтверждением того, что для эпохи Московской Руси характерен уже северно- и среднерусский план, могут служить рисунки Олеария и на плане Тихвинского монастыря, которые изображают верхнее — дымовое — окно на фасадной стене избы, имеющее смысл при положении печи устьем к окнам (см. стр. 24—26, 256).

западный южновеликорусский план (*3*) — в стене рядом с настилом— «полом»;

западнорусский, белорусский и украинский (*1*) — в стене, к которой печь примыкает своим боком;

северно- и среднерусский (*2*) — в стене позади печи [1].

3. При переходе от восточной южновеликорусской планировки к западной и затем к северной положение печи меняется на 180° (так как при переходе от восточного южновеликорусского к западному южновеликорусскому она поворачивается на 90° и при переходе от западнорусского к севернорусскому — еще на 90°).

4. При переходе от южных планировок к западной или северной печь передвигается из дальнего от входа угла, образованного двумя наружными стенами, в полутемный угол между наружной стеной и дверной стеной, выходящей в сени, благодаря чему освобождается светлый угол для устройства переднего угла.

5. Такое перемещение печи при западном и северном планах целесообразно еще и потому, что при нем достигается лучшее использование печного тепла, а именно: в обоих южновеликорусских планах печь примыкает к наружным стенам избы двумя своими стенками, а в западном и северном — только одной стенкой, другая же обращена к сеням (боковая в западном и задняя в северном плане). Этим достигается известное отепление сеней, сказывающееся, впрочем, только в том случае, если в сенях настлан потолок.

6. Широкие деревянные нары для спанья (называемые преимущественно «пол»), настилаемые между боковой свободной стенкой печи и параллельной ей стеной, фигурируют во всех типах планировки, кроме северно- и среднерусской, что понятно, так как при ней дверь прорезается как раз в той стене, у которой обычно настилается «пол» [1].

Таким образом очевидно, что все четыре плана представляют варианты, хотя и довольно стойкие, единого по существу типа внутреннего устройства восточнославянского жилища с одними и теми же основными элементами. Это внутреннее устройство старого восточнославянского жилища обнаруживает поразительное единообразие на всем огромном пространстве от Карпат до Урала и далее. Составляющие его элементы (печь и передний угол и их соотношение, лавки и вообще неподвижный наряд избы и хаты), несомненно, восходят к периоду общности восточнославянских племен. В результате длительного развития на обширной территории, в различных природных и исторических условиях, эти элементы по-разному разместились в имеющихся четырех вариантах восточнославянского плана жилища.

Тем более неправдоподобными выглядят мнения буржуазных ученых, в том числе К. Рамма, который в работе о древнеславянском жилище [2] также обратил внимание на замечательное однообразие во внутреннем устройстве как русского, так и вообще славянского жилища. Единообразие это основывается, по Рамму, не на общности исторического развития,

---

[1] Это легко понять, если начертить на небольшом квадратике единый план и поворачивать его применительно к разным типам планировок.

[2] В древности деревянный настил между печью и стеной был известен на территории распространения среднерусского типа планировки и, повидимому, задолго до возникновения последнего (жилище XII в., раскопанное в г. Дмитрове Московской обл., см. выше, стр. 19).

[3] K. Rhamm. Etnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Die altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910; см. также рецензии Д. К. Зеленина на работу Рамма в изданиях «Archiv für slawische Philologie», 1910, Bd. 32, S. 594—605; «Живая старина», 1911, вып. 2, стр. 303—307.

а на заимствовании: в древнеславянскую эпоху, когда славяне жили якобы еще в Карпатах (!), славянское жилище подверглось сильному влиянию со стороны германского жилища. Считая, что великорусы, как наиболее удаленные от чужих влияний, лучше всех славян сохранили главные особенности древнеславянского жилища, и, отождествляя на этом основании русское жилище с древнеславянским, Рамм стремится доказать, что все главные особенности русского жилища соответствуют древнегерманским и что, следовательно, внутреннее устройство русской избы обязано своим существованием германскому влиянию. Огромные достижения советской археологии, постепенно восстанавливающей облик жилища у славянских племен на Восточно-Европейской равнине в середине I тысячелетия н. э. и даже более ранние его формы, опрокидывают эти рассуждения, целью которых было доказать пресловутое превосходство германской расы.

ЖИЛИЩЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Относительно типов жилищ Сибири, Средней Азии и других окраин нашей страны было высказано в литературе мнение о том, что «эти области, исторически более новые у нас, еще не имеют определенного сложившегося быта и своеобразных примеров крестьянского строительства... Здесь еще не отстоялось движение, не выработались местные, самостоятельные способы строительства, следуют пока прежним привычкам, принесенным со старых, родных мест. В одном и том же районе здесь наблюдаются самые разнообразные виды застройки...» [1].

В какой-то степени это, конечно, правильно, если говорить о переселенцах, живших на новых местах всего лишь несколько десятков лет (хотя и в данном случае процесс приспособления к новым условиям протекает гораздо быстрее, чем это принято думать). Но утверждение это совершенно неверно в отношении старожилого населения Сибири, предки которого начали заселять этот край с XVI в.; неверно это даже в отношении русского населения Алтая, лишь в XVIII в. начавшего осваивать склоны и долины Алтайских гор.

Везде у старожилого населения (резко отличающегося от переселенцев, хлынувших за Урал в 1890-х годах) здесь выработались свои, местные, самостоятельные способы строительства, свои типы застройки усадьбы, особый вид жилого дома и служебных помещений.

Трудно было бы охарактеризовать русское сибирское жилище в целом: разнообразие природных условий огромной страны, различные этнические традиции переселявшихся в течение трех столетий различных групп восточнославянского, преимущественно великорусского населения, многообразие форм культуры сибирских народов, с которыми вступали во взаимоотношения пришельцы,— все это определило большое разнообразие видов жилища сибирского крестьянина. Распространенное представление о сибирском крестьянском жилище, как о высоком, просторном, светлом доме с наглухо запирающимися на ночь ставнями, с массивными воротами и высоким забором вокруг двора, с добротными надворными строениями,— соответствует в основном сибирскому жилищу лесной полосы б. губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, а также отдельным районам Забайкалья и лесной зоны Алтая [2]. В жилище этих

[1] В. Д. Мачинский. Крестьянское строительство в России. М., 1924, стр. 37.

[2] См. Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири; его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири; Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев. В кн. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, стр. 193—312.

районов сохраняются традиции высокой северновеликорусской бревенчатой избы на подклете, что неизбежно вытекает из суровых климатических условий, а также подкрепляется и этнической традицией, ибо эти районы Сибири заселялись до XIX в. преимущественно северно-великорусами, выходцами из северной лесной половины Восточно-Европейской равнины [1].

В глухих и бездорожных местах, где по небольшим таежным рекам расположены деревни русского старожилого населения, обычное жилище средняка составляла двухкамерная постройка — изба с сенями (*круглая изба*, или *ординарка*, как называют ее на Алтае, или *пятистенка* [2], как именуется она в Енисейской обл.). Новосел или только что отделившийся хозяин начинал обычно с однокамерной постройки — избы без сеней (*четырехстенка* — в Енисейской обл., *одноколок* — на Алтае), затем уже пристраивал сени, превращая, таким образом, свое жилище в пятистенку. В сенях обычно дощатой перегородкой отделяли чулан-кладовку, называемую *казна, казенка,* в которой хранились сундуки с имуществом, одежда и прочее добро хозяев.

В более зажиточных хозяйствах ставили *шестистенку*, как называют здесь связь из двух срубов, соединенных теплыми светлыми сенями (в Тюменской обл. о простой избе говорят «изба в одну стопу», о связи — «в две стопы»). Это были или две избы — одна служила жильем в зимнюю пору, другая в летнюю, или изба и горница; каждая имела два-три окна, но в старину бывало и по одному окну по обеим сторонам красного угла. Еще в середине XIX в. окна были большей частью слюдяные или затянутые пузырем, точнее брюшиной, стекло было редкостью,— для бедноты характерны были также мозаичные окна из осколков стекла, оправленных берестой. В 1870-х годах широко распространены были трехкамерные жилища, где в окна горниц были вставлены рамы со стеклами, а в избах еще сохранялись слюдяные окончины. Но уже к концу века, особенно после проведения Сибирской железной дороги, большие стеклянные окна стали типичны для самой глухой сибирской деревни. Чаще, чем в деревне европейской России, в сибирской деревне применялись двойные рамы. Изба с сенями и связь имеют обычно двускатную крышу, крыты тесом или, в более глухих местах, дранью, применявшейся до последнего времени. Драницы (длиной в 3—4 м, шириной в 15—20 см) укладывались старой техникой, в желоб и под охлупень.

Зажиточные сибиряки нередко строили двухэтажные связи: в кулацких хозяйствах, пользовавшихся наемным трудом, в нижнем этаже помещалась кухня и жили работники, в верхнем этаже — хозяева. Иногда для зимнего жилья строили во дворе особое помещение — *зимовье*.

В таежной полосе встречается и «изба баркой» — обычная изба, но с плоской крышей из горбылей, выложенных сверху дерном и землей.

В местах ближе к сибирскому тракту и к большим городам, где давно уже начали сказываться городские влияния, уже нет такого единообразия в типе жилища, как в глухих таежных районах. Здесь сохранились еще и старые двухкамерные постройки и обычные трехкамерные связи, встречаются пятистенки и крестовые дома и дома вполне городского типа в несколько комнат.

Крупные постройки, начиная с пятистенков, крыты обычно четырех-

---

[1] Возможно, что некоторое значение имело также то, что работали в Сибири главным образом вятские плотничьи артели («Уржумцы» и «кукары»); ими «Сибирь обстроилась» (См. А. Весин. Значение отхожих промыслов. «Дело», 1886, № 7, стр. 140).

[2] Здесь слово «пятистенка» носит несколько иной смысл, чем в европейской части Союза ССР.

скатной крышей на стропилах («шатровая», «круглая», «колпаком»), с карнизом и тесовым покрытием.

Это разнообразие типов жилья, встречающихся одновременно в одном и том же селении [1], как в зеркале отразило процесс резкого классового расслоения сибирской деревни XIX — начала XX в. Наряду с великолепно изукрашенными двухэтажными связями и крестовиками под солидными тесовыми крышами, с глухими заборами и добротными хозяйственными строениями, торчали на открытом месте убогие полуземлянки и саманные избушки бедноты, главным образом новоселов [2].

Планировка и убранство основного жилого помещения с печью в многокамерной постройке кулака, как и планировка единственного жилого помещения в круглой избе середняка, были однотипны и однообразны в большинстве лесных районов Западной Сибири и Прибайкалья. Они похожи на планировку и убранство старых жилищ почти у всех крестьян-великорусов северной и средней полосы России. Налево от входа расположена огромная русская печь; ее ставили так, чтобы она была открыта со всех четырех сторон, на расстоянии 60—80 см от стен (т. е. план этот приближается к архангельско-вологодскому типу, в котором печь отодвинута от боковой стены). Печь делалась настолько широкой, что в зимнее время на ней спали несколько человек; кроме того, на ней же сушили хлеб для помола.

Внизу, в деревянном опечке, нередко устраивалось помещение для кур. Над входом от печи до стены, в 70 см от потолка, устраивались полати, занимавшие почти половину избы. Кроме того, делали еще одни небольшие полати-полку против топки печи. Один конец полки укреплялся в стене, а другой — в балке, идущей от печи к передней стене. На больших полатях ночью спали, а на день складывали ненужную «лопоть» (одежду) и постельные принадлежности. Полати у печи делали из подвижных досок, хозяйки клали на них громоздкую кухонную утварь (квашни, корыта и т. п.).

Вдоль печи со стороны входной двери делалась лени́вка, где отдыхали днем; с нее же лазили на печь и полати. От полатей к передней стене почти посреди избы тянулся брус, на который клали кушаки, шапки и прочие вещи. В кути вдоль стены приделан зала́вок — род невысокого шкафика, над ним — широкая полка для посуды. В Тюменской обл. зимой в залавке устраивали насест для кур.

Вправо от входа обычно ставили большую кровать, на которой спали хозяева. В правом, дальнем от входа углу — стол и лавки, большая резная божница с иконами. В стены (на высоте 1,5 м) вбивали деревянные костыли длиной в 20—30 см, на которые вешали одежду и другие вещи домашнего обихода. По стенам под потолком (на расстоянии от него 10—15 см) делали полки для хранения всевозможных предметов.

В запечье устраивали прежде спуск в голбец, т. е. в подполье. Иногда (например, в Тюменской обл.) спуск в голбец, отделенный от избы дощатым *забором,* устраивали у печи со стороны входа в избу. Дверь в голбец

[1] О чем говорилось в главе V.

[2] По подсчетам автора, произведенным в 1927 г. в русских селениях Алтая на верхней Бухтарме, около 50—56% всех построек приходилось на долю простых двухкамерных жилищ (причем половина этого количества принадлежала переселенцам, составлявшим около 27% населения), 28—34% — на пятистенки, 2—20% — на связи, 6—8% — на крестовые дома (последние встречались не во всех селениях). В наиболее богатом селении старожилов-мараловодов, высокогорной Фыкалке, состоявшей как раз из 100 дворов, было 18 крестовых домов, 12 связей, 41 пятистенок и 29 изб-ординарок (последние, кроме одного старожильческого двора, принадлежали новоселам-переселенцам).

часто помещается не рядом с печью (как на европейском Севере), а внизу, так что лестница оказывалась в комнате. Подобное устройство предохраняет по́дпол от промерзания. В избах более поздней постройки печи поставлены вплотную к боковой стене, а вход в голбец сделан в полу перед печью — в виде люка с откидной крышкой (*западня*) [1]. В алтайских селениях у боковой стены печи устраивали не широкую ленивку, а небольшой, около 25 см и в высоту и в ширину, приступок, называемый *голбчиком;* верхняя доска его — *голбе́шница* — приподнималась и внутрь клали хозяйственные ме́лочи. На голбчик же садились те, кого хозяева не приглашали пройти дальше,— нищий, прохожий.

Печи прежде были почти всегда глинобитные. Но везде в Сибири издавна широким распространением пользовались также и железные печи, которыми отапливали сени, бани; иногда их ставили и в избе — во время сильных морозов.

У сибирского крестьянства давно уже проявилось стремление отделить чистую половину избы от хозяйственной, разделить жилище на несколько разных по назначению помещений. Так, даже в старинных постройках иркутского села, сохранившихся от первой половины XIX в., наблюдается деление избы на куть с печью и чистую половину; в постройках более новых уже имеются куть, горница и спаленки, иногда — *чаевушка.* Появление кутной заборки (переборки, идущей от угла печи к стене) разделило избу на две комнаты — чистую половину, первую от входной двери, и куть с печью, с входом из чистой половины. Обычно чистая половина, с полатями и передним углом, получалась значительно просторнее кути.

Внутренняя отделка стен до середины XIX в. ограничивалась легкой подтеской бревен. Во второй половине XIX в. начали окрашивать дома внутри масляной краской. При этом или красили все мелкие части внутреннего наряда избы (опечек, лавки, двери, переборку у печи, дверные и оконные косяки, подоконники, иногда и полати), или покрывали слоем масляной краски все стены изнутри, предварительно гладко их выстрогав. Снаружи раскрашивались наличники и ставни. Полы в прежнее время красили редко, это делалось лишь в самых богатых «крашеных» домах. Помимо сплошной окраски, широко распространена была и роспись (о росписи см. в главе XIII).

Во второй половине XIX в. начали штукатурить и белить стены и потолок, что, повидимому, в селениях Западной Сибири нашло более широкое распространение, чем в центральной России. Об употреблении же обоев даже в северных районах Западной Сибири упоминается в источниках середины XIX в. [2] Иногда из-за дороговизны оклеивали обоями лишь красный угол.

Традиционная планировка избы удерживалась обычно, как и в великорусской деревне европейской части России, лишь в основном жилом помещении. При наличии же горницы — чистой половины или другогой дополнительного, большей частью парадного помещения (в шестистенке, крестовике, крестовой связи), здесь уже не устраивали русской печи, а ставили печь-голландку; не было здесь ни полатей, ни лавок, ни полок, ни хода в подполье; вся обстановка состояла из мебели городского типа

[1] Как и в европейской части — различают подполье, устраиваемое под полом избы, и подвал, помещающийся под полом горницы; ход в подвал всегда делают со двора. Помещение под полом сеней носит название *подси́нье* (так как выговаривают — «сини»). В домах зажиточных хозяев подполье изнутри часто обивали по стенам плахами или досками, в нем устраивали полки для посуды, внизу вырывали яму для картофеля и овощей.

[2] Н. А. Абрамов. Указ. соч., стр. 360.

(нередко самодельной, с резными украшениями и окрашенной масляной краской), широкой деревянной кровати местной работы с горой подушек в цветных наволочках; обычно на окнах горницы висели занавески. На подоконниках и табуретах были устроены «сады», т. е. стояли комнатные растения в горшках, старых кастрюлях и чугунах: на окнах — бальзамин, герань, фуксия, мирта, плющ, олеандр, китайская роза, столетник (алоэ), на табуретах — фикус, филодендрон и др. Во многих домах горница бо́льшую часть времени стояла нежилая и не отапливалась, а использовалась только в большие праздники, в торжественные семейные дни — во время свадьбы, крестин и пр., когда съезжалось много гостей, и т. д.

Содержалось сибирское жилище в большой чистоте, полы часто мылись; чтобы сохранить некрашеный пол в избе чистым, на него настилали зимой солому, а летом свежую траву, или посыпали чистым мелким песком; в горнице полы застилали половиками — пестрядинными или вытканными из разноцветных лоскутьев. Старообрядцы Забайкалья перед каждым большим праздником мыли дома даже снаружи сверху донизу [1].

Обращают на себя внимание чисто местные детали убранства сибирского жилища: на северо-западе вместо половиков стелили *но́ри* — цыновки, покупаемые у хантов, искусно выплетавших их из травы; на юге употребляли *сырмаки* — узорные войлочные коврики, сшиваемые казахами из войлока, окрашенного в разные цвета. На Алтае среди русского населения распространены покупаемые у казахов сырмаки разных размеров — небольшие насундучные, побольше — употребляемые как половики; большими сырмаками укрывались вместо одеял. Повсюду распространены мохнатые петлевые ковры тюменской работы, главным образом насундучники. В районах, где разводят маралов (на Алтае), на стены, в качестве вешалки-украшения, прибивают оленьи рога.

Среди сибирского крестьянства, в связи с особенностями уклада его жизни, широко были распространены временные жилища, которые в Западной Сибири называют избушками [2]; это — небольшие срубы, в большинстве случаев без окон, предназначенные для защиты от непогоды. Так, в б. Тобольской губ. *пашенные избушки* ставили на дальних «отъезжих» пашнях, куда крестьяне переселялись на время полевых работ, со всем своим добром и скотом, либо заколотив свою избу в селе, либо оставив там часть семьи и имущества. Около избушек заводили полное хозяйство: устраивали огороды, ставили изгороди вокруг поскотин, держали здесь пастухов. Известны случаи, когда эти избушки строились в виде обычных изб и с годами такие временные выселки превращались в постоянные селения, как, например, деревни Хижные избушки, Киевский выселок в Тюменском районе. Во время сенокоса на дальних лугах переселялись туда на неделю, на две или на месяц и жили там в шалашах или балаганах из жердей, крытых сеном; реже ставили более прочные избушки из бревен. В Енисейской губ. эти временные срубные жилища назывались *станками*. Летние станки на дальних пашнях и сенокосах крыли лиственничной корой, кладя куски ее вдоль и поперек ближе к стенам,

[1] А. М. Попова. Семейские (Забайкальские старообрядцы). «Бурятиеведение», 1928, № 1—3, стр. 110. Подробное описание внутренности сибирского жилища см., Н. И. Воробьев. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енисейской губ.). Казань, 1926, стр. 73—75; Б. И. Лебединский. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа. «Сибирская живая старина», 1929, вып. VIII-IX, стр. 115; там же — изображения сибирских изб; К. Д. Логиновский. О быте казаков Восточного Забайкалья. «Живая старина», 1902, вып. 2, стр. 183.

[2] Описание временных жилищ в Сибири относится к периоду до сплошной коллективизации.

так что в середине оставалось квадратное отверстие для выхода дыма. В боковых стенах устраивались окна в виде щелей, вырубленных в двух соседних бревнах, в 6—7 см вышины; их ничем не затягивали, а в случае холодов просто затыкали тряпками. Внутри станка, вдоль стен, отгораживали жердями места для спанья, иногда на них насыпали землю так, чтобы они сантиметров на 10 поднялись над полом. Огонь разводили или просто на земле, или для него делали возвышение из камней и земли, огороженное жердями. Над очагом подвешивался котел на крючьях, укрепленных в балке, которую клали вдоль сруба для поддержания крыши. На стенах делали полки для утвари и вбивали костыли для вешания одежды.

Зимние станки ставились в лесах, куда уходили мужчины на охоту. Первый охотничий сезон продолжался с покрова (1 октября ст. ст.) до Михайлова дня (8 ноября ст. ст.), второй — с конца февраля до распутицы. Зимний станок сооружали крупнее летнего, крыли его накатом из бревен, засыпанным землей и уже сверху покрытым корой. Окна делали крупнее и в них вставляли рамы, затянутые пузырем, реже со стеклами; попадались еще станки и с вставленными вместо рам льдинами. Отопляли такие станки чаще всего железной печкой, но клали и печи без труб; дымовое отверстие делали над дверью или около нее; закрывалось оно деревянной затычкой. Лесные станки-избушки ставили себе на зиму в Западной Сибири и выжигальщики древесного угля.

Рыболовные избушки в Западной Сибири, в системах рек Оби и Енисея, ставили на берегах рек и озер, где производился временный лов рыбы (главным образом весной и осенью). Это также небольшие срубы из бревен, положенных на мху, поверх бревенчатого потолка насыпана земля, сверху которой настлан дерн. Вместо печи в этих избушках часто клали *чувáл* — очаг в виде камина, прямая короткая труба которого сколочена из досок или сплетена из ивняка и обмазана толстым слоем глины. На Енисее на рыбалках ставили иногда и шалаши в виде двускатной крыши: для этого вбивали четыре высоких кола, соединяли их наверху жердями и к ним наклонно ставили толстые драницы, так что наверху оставалась щель во всю длину шалаша; над щелью, для предохранения от дождя, приспосабливали на брусочках доску, и дым выходил по обеим сторонам доски. Задняя стенка забиралась целиком, а передняя так, что оставалось отверстие для дощатой двери. Огонь разводили посредине, спали по бокам, по двое с каждой стороны, подстилая пихтовые ветви. По стенам иногда вбивали костыли и устраивали полки. Как временное жилище у русских сибиряков известны также балаган — конический шалаш из жердей или барочных досок, покрываемой еловой или лиственничной корой, берестой или обкладываемый дерном, и карáма, карамó — полуземлянка, обставленная стояками, с односкатной крышей.

Около любой временной постройки почти всегда для хранения продуктов устраивали так называемый *лабаз* (мн. ч. лабáзья), представляющий собой небольшой четырехугольный сруб, помещенный на 1—2—4 столбах на высоте около человеческого роста над землей. Крыли его чаще лиственничной корой в два слоя, а сверху наваливали камни. В лабазах сберегали продукты и охотничью добычу от собак и от всякого зверя.

Жилища русского старожилого населения распространены также в Якутской и Бурят-Монгольской АССР и на западе Читинской обл.

В Якутии русского сельского населения не много; значительные группы его встречаются главным образом в долине р. Лены выше Якутска. Ряд местных особенностей отличает русское жилище в Якутии. Для него

характерно широкое использование, наряду с тесом, лиственничной коры в качестве кровельного материала на двускатных крышах. Распространены и плоские крыши на избах — в виде наката из бревен, засыпанного сверху землей [1]. Внутри — русская печь стоит нередко посреди основного сруба, который отходящими от печи перегородками делится на три помещения: первая от входа половина, в которую выходит боковая стенка печи, обогревается дополнительно камином (*камельком*), устроенным в углу близ входной двери. Дальняя от входа половина в свою очередь разделена поперечной перегородкой на две комнатушки — в одну из них выходит устье печи (здесь стряпают), другая является чистым помещением. Если в доме почему-либо нельзя было устроить подполье, то его выкапывали в стороне, выкладывали деревом в паз и ставили над ним двускатную крышу. Этот по существу погреб также называют подпольем. Особенно зажиточными, с солидными, добротными постройками, были селения русских сектантов в южной Якутии [2], куда в XIX в. ссылало их царское правительство. Славятся украшенные резьбой и раскраской высокие избы старообрядцев в Бурят-Монгольской АССР, поселившихся здесь в 1760-х годах [3]. Но в этих селениях наряду с двухкамерными и трехкамерными постройками встречаются до сих пор и избы без сеней [4].

Далее на восток по Амуру старожилого населения нет совершенно. Заселение приамурских земель началось с конца 1850-х годов, когда сюда стали переселяться забайкальские казаки с семьями: по левому берегу Амура, от слияния Шилки с Аргунью до впадения Уссури, были основаны казачьи станицы на расстоянии 20 верст одна от другой, а позднее такие же казачьи станицы возникли и по правому берегу Уссури. Впоследствии сюда началось и крестьянское переселение из прибайкальских районов, из различных губерний европейской части России, особенно из Украины [5]. Селились преимущественно по Зее и Бурее с их притоками. С 1883 г., когда была налажена перевозка переселенцев морем, начал заселяться и Южно-Уссурийский край. К концу XIX в. около половины русского населения Приамурья составляли украинцы, а в Уссурийском крае украинцев среди переселенцев было более 90% (главным образом из Черниговщины, Полтавщины и Киевщины). На новых местах, несмотря на обилие леса, они ставили свои мазанки, хотя во влажном климате Приамурья глиняная украинская хатка подсыхала только через несколько лет, а в деревянных избах новоселов пахло сыростью и плесенью. По внешнему виду амурской деревни почти всегда можно угадать происхождение ее обитателей. О том же говорят и названия селений: Черниговка, Новокиевка, Каховка, Тамбовка, Верхне- и Нижне-Тамбовское, Новая Уфа, Елабуга, Малмыж и т. д. Усиленная колонизация края вызвала к жизни в конце XIX в. развитие плотничьего промысла в тех местах, куда направлялся особенно большой поток переселенцев. Плотники из среды ранее поселившихся изготовляли не только срубы, но вполне законченные избы и хозяйственные постройки, которые затем скупались новоселами [6]. Этот

[1] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. «Записки РГО по отделу статистики», т. XII. СПб., 1912, фото между стр. 64 и 65.

[2] Там же, фото между стр. 320 и 321.

[3] А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920, стр. 3—4.

[4] Сообщено С. А. Токаревым.

[5] Яркая картина заселения Амура во второй половине XIX в. и возникновения русских селений на нем дана в книге советского писателя Н. Задорнова «Амур-батюшка» (М., 1954).

[6] «Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области», т. II, ч. 2, СПб., 1913, стр. 342—343.

факт несколько нивелировал различия в типах построек амурских поселенцев и способствовал распространению на Амуре изб с подпольем, более приспособленных к местному климату и грунту, чем поземные хаты тамбовцев, воронежцев и украинцев. Постройка домов для переселенцев в Приамурье и Приморье часто производилась китайцами [1].

Огромные изменения претерпело северновеликорусское жилище в безлесной тундре, далеко за полярным кругом, куда предки современного старожилого населения попадали не только с юга, спускаясь по рекам, но и морским путем с архангельского севера.

Русское население начало проникать сюда с начала XVII в., а к концу XVII в. в низовьях сибирских рек были уже десятки зимовий русских промышленников.

Материалом для построек служил здесь плавник, т. е. стволы деревьев, подмываемых реками на берегах и выносимых ими в Ледовитый океан. Позднее у русского населения низовьев великих сибирских рек — Оби, Енисея, Лены — выработалась также практика покупать для построек (сараев, заборов и пр.) в среднем течении старые барки и карбасы и сплавлять их «на низ».

Ярким примером видоизменения старого русского жилища в суровых условиях Крайнего Севера являлись зимовья — жилища русских промышленников, обосновавшихся в низовьях Енисея для охоты и рыбного промысла [2]. Одно из них, зимовье Малое на берегу Енисейского залива близ о-ва Диксон, было изучено советскими исследователями в 1919—1921 гг. [3] Существовавшее с конца XVII в. и покинутое обитателями в середине XIX в., во время эпидемии тифа, свирепствовавшей в этом крае, зимовье ко времени обследования было полуразрушено, бревенчатый накатник потолка сгнил и обрушился, задерживавшиеся в срубах атмосферные осадки образовали внутри искусственную «вечную мерзлоту», в которой прекрасно сохранилась вся домашняя обстановка, утварь и пр.

Все зимовье, рубленное из бревен и крытое накатником, промазанным глиной, состоит из девяти помещений, расположенных в виде буквы П и окружающих крытый двор. Главную часть зимовья составляла вытянутая с юга на север трехкамерная связь, представлявшая правый — восточный — штрих П [4]. Пол постройки был выстлан толстыми сосновыми плахами, причем на некоторых половицах имелись отверстия, сделанные буравом вершкового диаметра (почти $4^1/_2$ см) и забитые деревянными втулками (несомненно, на пол пошла обшивка деревянного судна). Средняя часть связи служила передней или сенями, вход в нее был снаружи, и, кроме того, она имела три двери: налево — в избу, направо — в кладовую, против входа — в крытый двор; все двери были обиты войлоком, ручки входной двери сделаны из оленьего рога; справа от входа в углу стояла кадка, возможно для воды, слева от входа и в дальнем правом углу по стенам шли широкие лавки, на них стояли разные кадушки и деревянные миски, в дальнем левом углу — наглухо прибитый широкий стол, под ним — деревянная ступа. Над лавкой на высоте человеческого

[1] Н. А. Крюков. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. «Записки Приамурского отдела РГО», т. II, вып. 2, 1896, стр. 25.

[2] П. Третьяков. Туруханский край. «Записки РГО по общей этнографии», т. 2, 1869, стр. 362—363.

[3] Н. К. Ауэрбах. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива (отчет о раскопках). «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 125—146 (зарисовки развалин и отдельных предметов см. стр. 133 и 137).

[4] Там же, стр. 131 (план).

роста была прибита к внутренней стене небольшая полочка для свечи или плошки. В избе — направо от входа — глинобитная русская печь, против входа — единственное крохотное оконце, выходящее на юг, по стенам — массивные лавки, около печи — шкаф в 1,6 м высотой; под лавкой у левой от входа стены — сундук из тонких березовых досок, в нем белье, одежда мужская и женская, всякая мелочь; около печи — медные котлы, сковороды и другая посуда, и вообще в избе — множество разнообразных предметов домашнего обихода.

В кладовой вдоль двух стен — широкие лавки, на них — кадки различной величины; посреди комнаты прибиты наглухо большие деревянные козлы (около 2 м в длину и 1 м в высоту), служившие для сушки шкур.

Остальные шесть помещений имели служебное назначение. К западной стене кладовой примыкала небольшая каморка со входом со двора, в ней помещались собаки. За собачником расположен большой продолговатый сруб с лавками у двух стен, также со входом со двора; в нем четыре длинных корыта (по 3 м длиной каждое) для жира тюленей или медведей; четвертое и пятое помещения составляли перекладину буквы П; в шедших далее двух помещениях (левый штрих буквы П) ничего не было обнаружено; в восьмом помещении лежал длинный узкий желоб для переливания жира; девятый сруб представлял собой баню с печью-каменкой, сложенной из сланцевых плит.

Самым большим помещением зимовья был крытый двор, в одном из углов которого стояла широкая лавка, в углу около избы лежала груда совершенно истлевших оленьих шкур, в различных местах двора валялись сломанные полозья и копылья от собачьих и оленьих нарт.

В двух местах около зимовья стояли штабеля плавника (так заготовляют дрова на зиму и теперь на Диксоне: летом их собирают, а зимой на собаках подвозят к зимовью). Вблизи на берегу найдены остатки ворота для вытаскивания невода из воды и для перетаскивания бревен.

Таким образом, это был дом семьи русских промышленников, живших здесь круглый год и промышлявших песцов и белых медведей. Существенным промыслом служила рыбная ловля. Жители зимовья знали понемногу все ремесла (кузнечное, столярное), могли починить любую снасть и любую нужную в обиходе вещь. Разносторонность промыслов хозяйства и определила большое число служебных помещений.

Обитаемые зимовья такого типа до сих пор разбросаны по берегам Енисейской губы.

Еще дальше на северо-восток — на берегах Таймыра (73° с. ш.) русским людям пришлось в большей степени приспособляться самим и приспособлять свое жилище к суровым географическим условиям. До недавнего времени они жили здесь в просторных рубленых избах, выстроенных из плавника еще их дедами и прадедами. Их жилище представляло своеобразный тип избы-двора, приспособленной к полярному климату и быту рыболовов-собаководов. В единое целое здесь были связаны шесть отдельных помещений жилого и хозяйственного назначения, с плоскими крышами из горбылей, сверх которых была насыпана земля.

Крытые холодные сени, защищавшие жилое помещение от полярных вьюг и снежных заносов, вели во вторые сени; из первых сеней — сбоку вход в коптильню для рыбы (или *поварню*). В ней — глинобитная русская печь без трубы и земляной очаг, с шестами над ним для подвески рыбы (юколы); в потолке над очагом — отверстие для выхода дыма, в дальнем углу — нары; окна коптильни были затянуты кожей налима. Из вторых сеней — ход в собачник — зимнее помещение для ездовых

собак; в нем — «собачья кровать» — земляное возвышение, на которое накладывали мох, чтобы собакам было теплее; в потолке — отдушина для доступа воздуха. Во всех четырех помещениях — земляной пол. За вторыми сенями располагались жилые помещения, с застекленными окнами и деревянным полом; отапливались они железными печками. В передней комнате — стол обычной высоты, во второй — комод, сундук и низенький стол долганского типа, за которым сидели прямо на полу, разостлав оленьи шкуры. Для освещения служили *лейки* — втыкаемые в стену железные светильники с жиром и тряпочным фитилем [1].

В большей или меньшей степени таким же видоизмененным является старое русское жилище по всей северной и северо-восточной окраине Сибири, но всюду в нем появляются те или иные местные особенности. В дельте р. Индигирки на протяжении 500 км было раскидано десятка три мелких селений (от 1 до 6 домов каждое). Их административный центр — Русское Устье — отстоял по реке на 80 км от берега моря. Эти селения были описаны в первые десятилетия XX в. [2] Бо́льшую часть года русские жили здесь в рубленых избах с плоской крышей, с камельком, с деревянным полом и светлыми окнами; в избах имелись столы, табуреты, скамьи. Для защиты от ветра сруб обмазывали глиной или обкладывали дерном, у дверей ставили тамбуры из плавника.

Из деталей постройки интересны в старинных избах слюдяные окна, которые на зиму заменялись льдинами, и оконные задвижки из мамонтовой кости с вырезанными на них узорами. Для освещения в темное время и здесь служила *лейка* — плошка с рыбьим жиром; первую керосиновую лампу привезли сюда политические ссыльные в 1912 г. [3]

В июне, когда начинался рыбный промысел, переезжали на рыбалки и жили здесь вплоть до заморозков. Летнее жилище, заимствованное у местного населения, представляло по форме четырехгранную усеченную пирамиду [4]. Остров ее составляли четыре толстых шеста длиной около 3,5 м (ребра пирамиды), связанных вверху шипами; на высоте 2 м в них врубали горизонтальные клади, представлявшие опору для бревенчатого потолка и для приставленных стоймя вместо стен бревешек; все сооружение обложено дерном; в одной из стен была деревянная дверь, в другой — небольшое окно, в потолке — прорез для дыма. Закрывали его по окончании топки снаружи, для чего влезали на крышу по приставленному сбоку бревну с зарубками. Внутри у стен были устроены деревянные нары — *уруны* [5] (от якутского «орон»). Такое жилье называлось *голомо́*, *холомо* (эвенкийское слово), *голому́шка* [6], или земляная *урусá* [7] (якутское слово). По морскому берегу располагались заимки для охоты на морского зверя. Те же переезды из «зимника» в «летник» и обратно были характерны для жителей русских селений по рекам Колыме и Анадырю. У колымчан зимником также являлась рубленая «ру́сска изба», причем встречались и связи.

[1] А. А. Попов. Затундренские крестьяне (Русские на р. Пясине). СЭ, 1934, № 3, стр. 78.

[2] За последние десятилетия Индигирка сильно размыла берег, поэтому Русское Устье было покинуто, и население перебралось в поселок Полярное на 30—40 км ниже по той же протоке. О современных русских селениях и постройках здесь см. И. С. Гурвич. Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки. КСИЭ, XIX, 1953, стр. 33—36 (есть фото старинного русского зимника и русской летней урасы).

[3] В. М. Зензинов. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. ЭО, 1913, № 1—2, стр. 190 и 210.

[4] Там же, рис. 8, 10, 11, 36, 45, 54, 59—61.

[5] В. М. Зензинов. Указ. соч., стр. 190.

[6] Сообщено А. А. Поповым.

[7] В. М. Зензинов. Указ соч., стр. 133.

Крыши на избах бывали и плоские («крыша устроена сараем»), и двускатные с пологим уклоном («крыша выведена окýпком») [1].

Известны здесь были и *жлудóвы окна* (колымчáне называют слюду «жлýда»), не так давно бытовала и *оконна ледúна*, которую вырубали из речного льда и приморáживали зимою к оконному проему с наружной стороны; для добывания оконных льдин во льду Колымы поддерживалась широкая прорубь — «ердàнь» (т. е. «иордань»).

Внутренняя планировка — северновеликорусская, различается большой угол, куть (бабий угол) за печкой, устраивается в избе забóрка, не доходящая до потолка, но лавка у стены называется *урýн, орýн*. Русскую печь клали лишь в состоятельных хозяйствах, а у большинства русского населения дома отапливались камельком (*комелек*) — деревянный камин, обмазанный глиной изнутри с короткой прямой выходной трубой, называемой *чувáлом* (иногда название «чувал» прилагается и ко всему камельку). Если все сооружение выводилось из кирпича-сырца (обожженного кирпича в этих краях не было), то его называли камином. Труба после топки закрывалась снаружи сверху, для чего служила круглая затычка из оленьих шкур (вместо «закрыть трубу» говорят «закýтать камелек»). На топливо шел сушнúк — сухой плавник, собираемый на нижнем течении Колымы; вместо кочерги служила толстая палка — *óжиг*. «Постель, постеля» — это шкуры крупных животных (оленьи, медвежьи).

Много подробностей о прежнем зимнем жилище колымчан можно найти в дневниках Ф. П. Врангеля, в течение 1820—1824 гг. руководившего экспедицией по исследованию северо-восточных побережий Сибири и проводившего зимы в Нижне-Колымске [2]. Мало изменилось это жилище за 70 лет, прошедших со времен Ф. П. Врангеля до путешествий В. Г. Богораза (1890-е годы). Из отдельных деталей, упоминаемых Врангелем, могут быть отмечены: обивка двери, ведущей в жилье, мохнатой шкурой белого медведя или оленя; в окнах летом — рыбьи пузыри (обыкновенно налимьи), зимой — льдины толщиной в 6 дюймов (15 см), едва пропускавшие дневной свет; стол в переднем углу, покрытый куском сети вместо скатерти, лавки, устланные оленьими шкурами; тонкие стружки дерева («рукотер»), которые употреблялись вместо салфеток; русские печи из битой глины с трубами бытовали уже в его время наравне с чувалами.

В начале лета колымчане из селений кочевали на «лéтовья» у рыболовных тоней; переезжали в больших карбасах («кочевнúк», «карбас кочевнúк»), поднимающих до 60 пудов груза. «Лѐтовали», т. е. жили летом, в «летниках». Летник представляет или небольшую рубленую избушку, или «юрту» того же устройства, как у «индигирщиков»; в центре юрты устроен *шесток* — род очага.

Дальше на восток жилище русских насельников края еще больше отклонилось от общерусского образца. Для жилища (срубная изба) во всем Охотско-Камчатском крае в недавнем прошлом (конец XIX — начало XX в.) характерна крыша из морской травы или древесной коры, преимущественно тополевой; лишь очень зажиточные хозяйства крыли избы тесом. Срубы бедноты даже целиком обшивались древесной корой.

Окна с цельными стеклами встречались редко; обычно в окно вставляли мелкие куски стекла, а чаще всего — раму с натянутыми на ней

[1] В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 98.

[2] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. [Б. м.], 1948, стр. 138—139, 148—152.

полосками из медвежьих или нерпичьих кишок или рыбьей кожей; употреблялась для этой цели и тонкая ровдуга (замша) из кожи молодого оленя (этот материал называют здесь пластинами [1]). Такие окна дают мягкое сумеречное освещение, но в ясный день в жилье все же можно читать. Пластины доставляли много неудобств, так как при сырой погоде они раскисали и сильно хлопали при каждом открывании и закрывании дверей, а в сухую и жаркую погоду лопались, чинить же их трудно, а новый материал не всегда имелся под рукой.

Печи во многих селениях уже давно стали класть из кирпичей, но в некоторых местах они закрывались снаружи, для чего каждый раз приходилось лазить на чердак.

Внутреннее убранство здесь больше приближалось к общесибирскому типу — с русской печью, часто с самодельной мебелью, украшенной резьбой (стулья, скамьи, деревянные диваны), особенно в чистой половине избы. Чаще всего бревенчатая изба обтесывалась внутри; встречаются отдельные указания на побелку стен, на оклейку их обоями и даже на обивку ситцем (в камчатских селениях). В камчатских селениях полы в горницах покрывали самодельными цыновками из крапивы [2].

Своеобразной особенностью северо-восточной Сибири, где селение от селения отстоит нередко на сотни километров, являлись нежилые избушки, устраивавшиеся на переездах через каждые 50—60 км, для ночлега и отдыха проезжающих. На Колыме их называли *повáрнями*. на Охотском побережье — *заезжими избами,* или *ночлежными юртами.* Это — бревенчатый сруб с плоской крышей, без сеней, с нарами по стенам и маленьким окном, закрытым ледяной глыбой; в углу — чувал. Путники спасались в заезжих избах во время пурги и снежных заносов; нередко здесь приходилось отсиживаться целыми неделями. Постройка ночлежных изб, ремонт их и заготовка топлива входили в обязанность жителей ближайших селений [3].

Здесь описано крестьянское жилище различных районов Сибири в основном до 1930-х годов. Несомненно, что за последнюю четверть века, благодаря социалистическому переустройству деревни, в быту сибирского колхозного крестьянства (как и других районов нашей страны) произошли огромные перемены, а с ними изменилось и продолжает изменяться и улучшаться и его жилище. В связи с этим многие из отмеченных выше особенностей уже отжили свой век и постепенно сменяются новыми формами, более соответствующими новым условиям жизни колхозников.

Что касается русского жилища в Южном Казахстане и в других районах Средней Азии, то, несмотря на сравнительно небольшой срок, прошедший со времени присоединения этих территорий к России (середина XIX в.), можно уже говорить о совершенно определенном типе. В основу его лег украинский тип планировки, а техника постройки во многих отношениях близка к технике строительства в степной полосе европейской части Союза ССР. Преобладание украинского типа планировки в известной степени объясняется этнической традицией, так как во многих районах среди переселенцев преобладает украинский элемент. Несомненно также, что огромное значение для распространения и укрепления в быту русских, живших в этих районах, украинского типа плани-

[1] Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900, стр. 452.

[2] А. П. Сидельницкий. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. «Записки Приамурского отдела РГО», т. II, вып III, 1897, стр. 11.

[3] Хорошие фото заезжей избы см. Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 121 («Станционное помещение на Верхоянском тракте», фото конца XIX в.); Н. В. Слюнин. Указ. соч., табл. XXVIII.

ровки имеет бóльшая приспособленность последнего к южным климатическим условиям.

Процессы приспособления к новым условиям типа жилища, характерного в прошлом для определенной этнической группы, для определенной территории, протекают в обеих рассматриваемых зонах на Севере нашей страны и в Средней Азии совершенно аналогично. В лесной зоне Сибири и Алтая, куда, наряду с преобладающей северновеликорусской массой переселенцев, шли люди и из средней и из южной черноземной полосы, куда попадали и украинцы, и мордва, и татары, и другие народности с Волги, Урала, наиболее живучим оказался северный тип планировки жилья. За истекшие столетия он как бы перемолол все остальные и восторжествовал над ними на всем необъятном пространстве от Урала до Тихого океана. Например, тамбовцы, переселившиеся в Томскую губернию в первой половине XIX в., строили вначале свои жилища по привычному для них восточному южновеликорусскому плану, но уже к концу века их избы стали типично сибирскими, со всеми деталями северновеликорусской планировки и внутреннего устройства. Аналогичное явление происходит почти на наших глазах в степной зоне Казахстана и в других районах Средней Азии. Независимо от того, к какой группе восточных славян принадлежит хозяин строящегося дома, будь это даже в тех селениях, где никогда не жили украинцы,— строя дом, он ставит печь на украинский манер, чтобы стряпуха стояла на холодке, а не задыхалась в жарком тупике передпечной кути.

Любопытный пример переходного типа жилища в пограничной полосе между лесной и степной зонами наблюдался в Челябинском округе. Здесь, в одном из селений оренбургских казаков, основанном в начале XIX в. выходцами из Курской губ., т. е. южно-великорусами, преобладающим типом жилища является бревенчатая изба с северновеликорусским типом планировки (вплоть до верхнего и нижнего *голубца,* как называют в Сибири голбец). Но наряду с ним можно встретить и дома, где положение печи явно южновеликорусское западного типа [1].

---

[1] М. Голубых. Казачья деревня. М.— Л., 1930.

VIII. ПЕЧЬ

Происхождение русской печи

Характерную особенность восточнославянского жилища составляет духовая печь, широко известная как русская печь; украинцы называют ее *варúста пíч,* архангельские поморы — *пекарка.*

Русская печь на территории Восточной Европы — очень древнее изобретение: уже в трипольских жилищах, датируемых III тысячелетием до н. э. (рис. 52, *1*), обнаружены глинобитные печи, представляющие прототип простейших из известных нам вариантов русской печи. Начиная с этого времени (III тысячелетие до н. э.), при всех раскопках жилищ последующих эпох в южной половине Восточной Европы неизменно находят печи этого типа (рис. 52, *2*).

В северных районах, вероятно, имелся и свой прототип русской печи. Им могла быть печь-каменка — примитивное куполообразное сооружение из камней, которым местами и до сих пор северно-великорусы и их соседи нагревают бани и при помощи которого сушили хлеб в овинах. Раскопками П. Н. Третьякова на верхней Волге и В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге обнаружены остатки печей-каменок в жилищах, датируемых последними веками I тысячелетия н. э.[1] Возможно, что русская глинобитная печь, постепенно распространяясь с юга на север, вытеснила печь-каменку.

Русская печь распространена и широко на запад за пределы восточнославянской этнической территории: она известна у поляков, словаков, чехов. Далеко на юго-западе печь хорватов и словенцев поразительно напоминает восточнославянскую и по конструкции и по деталям. Повидимому, некогда существовал сплошной пояс распространения такой печи — в ее примитивной курной форме — от Восточной Европы через Польшу, Чехию и Австрию до восточных Альп. Этот сплошной ареал был потом разорван немецкой экспансией, вследствие которой получил распространение камин, и на западе остались лишь островки, главным образом в горных районах[2].

В этнографической науке долгое время держалось мнение, утвердившееся после выхода в свет работы К. Рамма[3], что восточнославянское жилище не знало открытого очага. Изыскания советских археологов с не-

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5. М.—Л., 1941; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 20—22; XII, 1950, стр. 14.

[2] M. Moszyński. Kultura ludowa słowian. Cz. I. Kultura materjalna. Kraków, 1929, стр. 522.

[3] K. Rhamm. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Die altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910.

сомненностью доказали, что в древних жилищах восточных славян имелся открытый очаг для разведения костра (найдены даже котлы, а также и цепи, на которых эти котлы подвешивались над огнем), что он существовал длительно и сохранялся еще в начале X в. Установлено, что, несом-

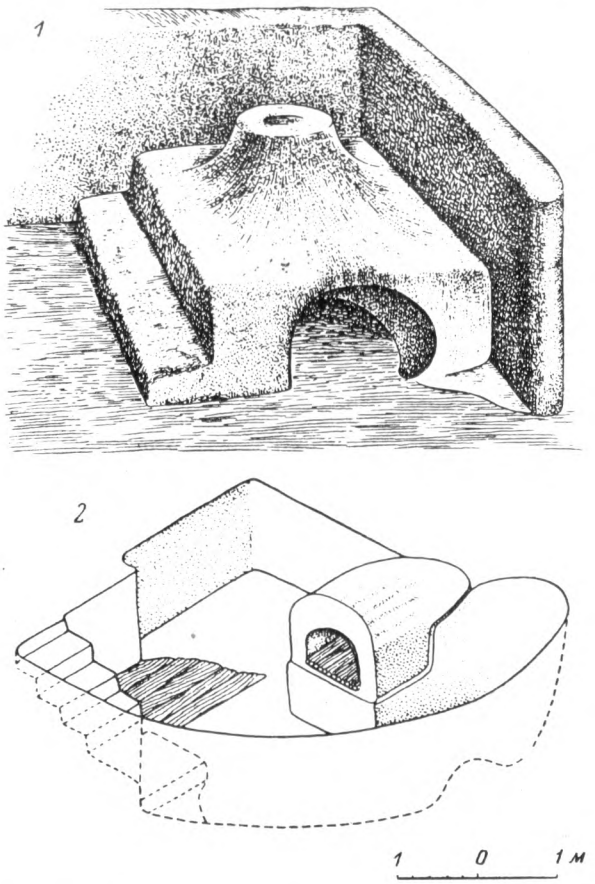


Рис. 52. Древние печи на территории Восточной Европы

1 — печь из глиняной модели трипольского жилища (раскопки возле с. Сушковки Уманского района Черкасской обл.); *2* — реконструкция печи в полуземлянке XII—XIII вв. (раскопки в Старой Рязани)

ненно, очаг сосуществовал с печью даже в период всеобщего распространения печей (очень показательный материал дают рассмотренные выше жилища раннеславянского Боршевского городища [1]).

Шесток русской печи можно рассматривать как рудимент открытого очага, он может использоваться как очаг. Местами (Тульская обл.) он и называется *очажок*. Возможно, что черные печи с подвесными котлами, характерные для финских народностей Восточной Европы (например, карельские, зырянские, пермяцкие), представляют собой не этническую

[1] А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII вв. СЭ, 1948, № 4, стр. 61—62.

особенность, а определенный тип развития печи, свойственный когда-то и восточнославянским племенам северной полосы России, но давно ими пройденный.

Беструбная русская печь

Простейший вид русской печи — черная, или курная, печь, не имеющая трубы для выхода дыма. До середины XIX в. почти на всей восточнославянской территории, кроме южной Украины и отдельных промышленных районов Великороссии, большинство крестьянских жилищ[1] отапливалось по-черному; белых изб было мало: это были большей частью или летние избы в трехкамерном жилище, или избы зажиточных крестьян, или постройки в пригородных селениях. Многочисленные статистические данные по различным районам говорят о том, как в течение XX в. постепенно сокращалось число черных изб, так как они заменялись белыми. Таковы, например, данные для Пинежского уезда Архангельской губ.: в 1838 г. было «дымовых» изб 1373, в 1860 г. оставалось их 425.

По материалам 1864—1869 гг. из Пинежского и Шенкурского уездов[2] видно, что уже в это время черные избы в качестве постоянного жилья встречались преимущественно у бедных крестьян, а у состоятельных хозяев по-черному топились лишь скотные избы, где готовили пойло для скота, куда загоняли коров утром и вечером для поения и дойки; у хозяев среднего достатка эти пристроенные сзади (см. в главе VI первый подтип застройки усадьбы на Севере и в средней полосе России) зимние избы служили для жилья людей и для кормления и дойки скота в зимнее время.

Замена черных, или курных, изб белыми в силу тех или иных причин (экономические условия, близость и влияние города, роль отходничества и т. д.) происходила неравномерно: в одних районах раньше и шла быстрее, в других замена завершилась позднее.

В качестве примера можно привести ряд фактов. В середине XIX в. (по данным анкеты Русского географического общества) были отдельные уезды, где не оставалось ни одной курной избы, например Семеновский уезд Нижегородской губ., Шадринский уезд Пермской губ. Наряду с этим были целые уезды, где еще в 1880-х годах преобладали курные избы, например в Одоевском уезде Тульской губ. в 1882 г. было 66% курных изб; на Псковщине массовая замена печей курных печами с дымоходами происходила уже в начале XX в., причем сразу же стали класть печи из кирпича и пристраивать к ним плиты[3]. Таким образом, хотя во всей стране в целом процесс замены пошел особенно быстро с 1860-х годов, в пореформенное

[1] Дома городских жителей вплоть до XVII в. тоже сохраняли топку по-черному, даже Москва в XVII в. в массе своей состояла из черных изб. Но наряду с этим известны восточнославянские города, где в середине XII в. во всех домах, богатых и бедных, были большие печи с высокими кирпичными дымоходами, например упоминавшийся неоднократно древнерусский городок Вщиж (см. «По следам древних культур. Древняя Русь», рис. на стр. 115: «Кирпичи, из которых строились дымоходы во Вщиже в XII в.»). В XVI—XVII вв. (а, может быть, еще и в XV в.) в Москве в домах зажиточных горожан стали устраивать печи с трубами. В домах представителей высших классов выработалась даже дифференциация печей: в нижних этажах боярских хором клались большие печи с лежанками, а верхние этажи отапливались более легкими круглыми или угловыми печами; устраивали также своеобразное центральное отопление: в подклетах устанавливали специальные печи (вроде калориферов), от которых нагретый воздух проникал в верхние этажи по особым «проводным трубам» с душниками (М. Красовский. Деревянное зодчество. Пг., 1916, стр. 79).

[2] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1. М., 1877, стр. 22.

[3] Материалы Западного отряда Русской этнографической экспедиции 1953 г. Ин-та этнографии АН СССР.

время, все же во многих губерниях перелом наметился лишь к 1880-м годам. Так, в Тотемском уезде Вологодской губ. было в 1880-х годах около 50% черных изб (из 26 домов в деревне 12 топились по-черному) [1].

Несомненно одно, что с повышением материальных жизненных возможностей и культурного уровня крестьяне стремились отделаться от курных печей и переходили к топке по-белому. После реформы 1861 г. прошло сорок лет, прежде чем этот длительный процесс закончился в начале XX в. почти полным вытеснением черных изб [2]. В 1920-х годах, перед началом коллективизации, лишь в некоторых районах изредка можно было встретить печи, топящиеся по-черному,— в очень старых постройках, в бедняцких избах, у бобылей, а также у гончаров.

В отдельных случаях можно было наблюдать в эти годы дальнейшую эволюцию черной избы (при наличии белой) и приспособление ее к новым условиям. Так, в Тотемском районе Вологодской обл. стали пристраивать сбоку «скотнюю избу», или зимовку,— простой сруб с двумя небольшими оконцами, односкатной кровлей, заложенный непосредственно на земле; «скотня» использовалась иногда как жилье или как мастерская для различных работ. Главное ее назначение — быть помещением для скота; поэтому в ней была черная печь у входа, потолочный волок (выход для дыма), не имелось ни голбца, ни полатей, но были устроены кормушки и корыта для скота и отверстия в стене, чтобы удобно было подавать воду [3].

Дым, выходя из беструбной печи, распространялся по всей избе и плотным синим слоем (по́логом) во время топки висел под потолком [4]; поэтому верхние венцы бревен покрывались черной смолистой копотью до того густо, что блестели (см. название брусьев — «воронцы»). Полки, опоясывающие избу над окнами (*полавошники*), служили в черной избе для оседания на них сажи (*сапухи́* или *сыпухи*) и являлись границей между закопченным верхом и белым чистым низом. На передней наружной стенке печи, над устьем, от выходящего из него дыма, всегда образовывалась широкая черная полоса, покрытая толстым слоем сажи; это *чело* печи, или *челесни́к*. По сторонам чела на белой стенке оставались чистые полосы — *за́дороги;* боковые стенки устья (под задорогами) назывались *ногами*. Дым выходил в дверь, которую открывали во время топки, и в небольшое отверстие в потолке или в задней стене избы (в Архангельской обл. оно называлось *дымоволок;* в Ленинградской обл. и Карелии — *трубни́к,* у белорусов — *вершок*). После топки его закрывали деревянным щитком (деревянной вьюшкой); щиток или задвигался по выбранным в бревнах пазам, или подпирался палкой, нижний конец которой упирался в воронец. В южных районах отверстие затыкали тряпками; у украинцев ком из тряпок, свернутый для этой цели, называется *за́ткало*. В северных избах

[1] Д. П. Осипов. Крестьянская изба на севере России. Тотьма, 1924, стр. 14.

[2] Передовые русские люди еще в XVIII в. пытались что-то сделать для уничтожения курных изб. Вольное экономическое общество, возникшее в 1765 г., одной из своих целей ставило «распространение среди народа полезных и нужных для земледелия и домостроительства знаний». В «Трудах» Общества помещались статьи по вопросам благоустройства деревни, из них главным являлся вопрос о недостатках курной избы.

Улучшить на деле быт крестьян пытался и Н. И. Новиков. Вернувшись в 1796 г. после заключения в Шлиссельбургской крепости в свое имение (с. Авдотьино Бронницкого уезда Московской губ.), Н. И. Новиков до самой смерти (1818 г.) почти безвыездно жил там, заботясь главным образом о нуждах своих крестьян. Им были выстроены для них избы из местного камня с железными крышами, устроены печи с дымоходами. Поселок этот существовал еще в 1880-х годах.

[3] Д. П. Осипов. Указ. соч., стр. 9—10.

[4] Есть загадка: «Сидит мужик на полатях, на нем синенький халатик» (дым в курной избе); «серое сукно тянется в окно» (дым, выходящий из курной избы).

над дымовым отверстием потолка устраивали длинную вытяжную деревянную трубу,— *дымник, дымница,* реже *трубница,* верхний конец которой украшался красивой сквозной резьбой (изображена на рис. 1 и 77). Иногда для дымников использовали древесные дупла; этот прием был распространен в Верхнем Поволжье. По всей вероятности, дымники появились позднее, а до их изобретения дым выходил в дверь и в окно. Для этого среднее волоковое окно по фасаду избы прорезалось выше двух других [1]. В некоторых местностях в старину дверь из избы в сени делалась двойной: во время топки курной печи настежь распахивали наружную дверь, оставляя закрытой внутреннюю, которая на одну треть не доходила до притолоки, и дым выходил поверх нее. Таким способом предохраняли избу от излишнего охлаждения, не позволяя холодному воздуху в большом количестве проникать в избу [2]. Во время топки было дымно и холодно; маленьких детей сажали на это время греться на шесток, а в низких избах взрослым приходилось даже садиться на пол, хотя нагревание избы происходило быстро, когда топка заканчивалась и отверстия для дыма закрывались [3].

Недостатки топки по-черному очевидны: сажа оседает на стенах и потолке, во время топки в избе дымно и холодно; дым вызывает болезни глаз и плохо действует на легкие [4]. Вместе с тем, беструбная печь дает больше тепла, на нее идет меньше топлива; изба хорошо проветривается во время топки, в ней почти не заводится сырость; прокопченные дерево и солома дезинфицируются и не гниют. Этим объясняется долговечность курных изб.

Значительный процент *курных хыж* (укр. *хижа*) сохранился до настоящего времени в Западной Украине. Кроме установившегося мнения о большей долговечности курных хыж, это имело и более существенную причину: когда эти области входили в состав Австрийской империи, администрация взимала налог за каждый дымарь (трубу), как и за каждое окно. Экспедиция Института этнографии АН СССР в 1945—1947 гг. в Западной Украине отметила курные хыжи главным образом в горных селениях Закарпатья и у бойков в теперешних Дрогобычской и Станиславской областях.

До недавнего времени существовали черные избы и в Приозерном районе в западной части Архангельской обл. Курные, или *рудные,* избы (здесь черную печь называют *руда*) в Приозерном районе были подробно

[1] См. изображения изб на «палатном письме» XVIII в. (рис. 1); А. Мейерберг. Виды и бытовые картины России XVIII века. Альбом. СПб., 1903, тит. лист и рис. 46—49; А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, между стр. 356—357.

[2] Двери такого устройства, с «полудверкой», известны в прошлом для Московской, Тверской, Новгородской, Ленинградской, Рязанской, Тульской и Горьковской областей, для Тамбовщины и Псковщины. «Полуторная» дверь, состоящая из двери обыкновенной и низенькой половинчатой «полудвери», служившей во время топки печи дымоволоком, характерна и для прежних курных хат литовского населения и для старинных жилых риг («рехетуба») у эстонцев.

[3] Топка печи по-черному производилась и в древних северных деревянных церквах. При отоплении церкви печью, помещавшейся в трапезной, деревянные затворы, имевшиеся в «просеках» с железными решетками (т. е. в продолговатых отверстиях в стене, отделяющей трапезную от средней части храма) во время топки закрывались наглухо. Вследствие этого дым из трапезной не проникал в среднюю часть церкви и в алтарь; когда печь протапливалась и труба закрывалась, затворы в просеках открывали, и тепло, без дыма, распространялось по всей церкви. Отапливались большей частью невысокие «клетские» церкви.

[4] О курной хате, с потолка которой сыплется сажа, поется в украинской песне: «Ой, не літай, мудрагелю, по-під чорну стелю, не пороши милому на білу постелю...» (мудрагель — большая ночная бабочка). См. также очерк Н. С. Лескова «В саже и копоти» («Новости», 1884, № 107).

изучены архитектором М. А. Ильиным в 1920-х годах [1]. В то время число курных изб в районе составляло по отдельным селениям 20—30% общего числа дворов; некоторые из них насчитывали более ста лет существования, и за все это время их ни разу не перестраивали. Ко времени посещения Приозерного района Северной экспедицией Института этнографии АН СССР (1948 г.) число курных изб здесь несколько сократилось, но все же было довольно значительно.

Топка по-черному в домах этого района приносит меньше вреда, чем в описанных выше избах средней полосы России. Высокие сводчатые потолки, характерные для северных изб [2], дают много места наверху для дыма, и он не ест глаз, здесь удобно сушить и прокуривать рыбачьи сети под высоким потолком (см. выше, стр. 216), а благодаря сухому, теплому воздуху, характерному для истопленной черной избы вообще, дышится в этих черных хоромах очень легко. Все это, наряду с долговечностью черных изб, и является причиной того, что они здесь удержались в быту до наших дней.

Переходные типы печи

До сравнительно недавнего времени кое-где сохранялись варианты русской печи, которые можно рассматривать как переходные от беструбной курной формы к русской белой печи с трубой, а избы или хаты с такими печами — как полукурные.

К этой группе переходных форм относятся, прежде всего, *полубелые печи* (как их называет само население), предшествовавшие по времени появления печам с трубой и зафиксированные в 1926 г. в северо-восточной части б. Тверской губ. В описании того времени об этих печах говорится: в них «над шестком устраивается такой же боров или иначе «патрубок», как и у белой печи, но не устраивается дымохода из кирпича с трубой, а над боровом в потолке делается небольшое круглое отверстие, выходящее в деревянную трубу. В это отверстие во время топки одним концом вставляется железная, круглая труба, с одним коленом, похожая на самоварную, но шире; другой конец ее вставляется в отверстие в самом борове. После топки труба снимается и отверстие закрывается» [3].

В качестве переходного типа можно рассматривать и украинскую варистую печь (*піч*), помещающуюся обычно в углу у входа, следовательно, примыкающую к стенке сеней. Над печью устраивается *ко́мин,* из него горизонтальный боковой дымоход *шия* (шея) сквозь отверстие в стене (так называемая *кагла́*) выходит в сени и открывается в дымовую трубу — *бо́вдур, дима́р*, чаще всего сплетенную из ивняка или связанную из камыша, реже, сбитую из досок. Бовдуры бывают короткие и длинные. Короткий доведен до половины высоты сеней, и дым расходится по чердаку и выходит наружу сквозь кровлю или сквозь небольшие отверстия в кровле над входом в хату или по обоим концам гребня крыши. Длинный бовдур выведен поверх крыши иногда на небольшую высоту, иногда очень высоко над ней. Основание бовдура покоится на высоких стойках, врытых в пол сеней (они же большей частью входят и в остов самого бовдура), или же его делают висячим, и тогда он начинается лишь от каглы.

Существовал и более архаичный переходный тип отопления украинского жилища (полукурных хыж Закарпатья). Над устьем печи подвеши-

[1] М. А. Ильин. Крестьянская изба Кенозера. «Труды секции археологии РАНИОН», IV, стр. 241—256.

[2] О сводчатых потолках на нашем Севере см. выше, стр. 80.

[3] М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. В кн. «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, стр. 37.

вался дымоход пирамидальной формы *кіш*, от него отходил горизонтальный дымоотвод *цівка*; все это сооружение, отводившее дым в сени, было сплетено из хвороста и обмазано глиной. В лучшем случае дым выводился на чердак, как в восточноукраинских хатах с коротким бовдуром [1].

Полукурными можно считать те избы восточного южновеликорусского типа, в которых от печи в дальнем от входа углу, обращенной устьем к двери, горизонтальный дымоход идет через всю хату над головами людей и выходит в сенцы над дверью или около нее. Этот дымоход составляется из специальных цилиндрических гончарных труб, вставленных одна в другую и уложенных на две жерди, укрепленные одним концом в печи, другим — в стене с дверью [2]. В сенцах над отверстием дымохода устраивается вертикальный *дымарь*, выводящий дым наружу; в старину его делали из двух выдолбленных и связанных половин древесного ствола, потом — из досок, а при все увеличивавшемся обезлесении края с конца XIX в. его преимущественно плели из ивовых ветвей. Очень своеобразный вид имеют некоторые воронежские деревни с высокими узкими деревянными выводными трубами на крышах изб. Реже встречались избы без дымаря, в которых дым выводился только в сенцы, а оттуда выходил уже сквозь отверстия в крыше, как в закарпатских хыжах.

Возведение печи

При устройстве печи прежде всего делают *опечек* (основание печи). Если это изба на подклете, то опечек утверждается на переводинах пола, под которыми иногда в подполье, как раз под углами опечка в качестве дополнительной опоры, ставили столбы или даже рубили опорный сруб [3]. В лесной полосе опечек делается из вытесанных брусьев или распиленных пополам нетолстых бревен, причем угол опечка рубится в лапу, а концы бревен, если печь примыкает к стене, заводятся в стены, где их укрепляют клиньями в особых гнездах. Верхние продольные бревна опечка нередко выпускаются за сруб, на них устраивают «подшосток». На некоторой высоте от пола внутри опечка врубаются особые переводы, на них сплошным накатом настилаются круглые бревнышки; полученное углубление до краев сруба засыпают землей, замазывают глиной и утрамбовывают; это — *под*. Высота пода от пола варьирует, так как печь делают «по хозяйке», т. е. в соответствии с ее ростом (рис. 53 и 54).

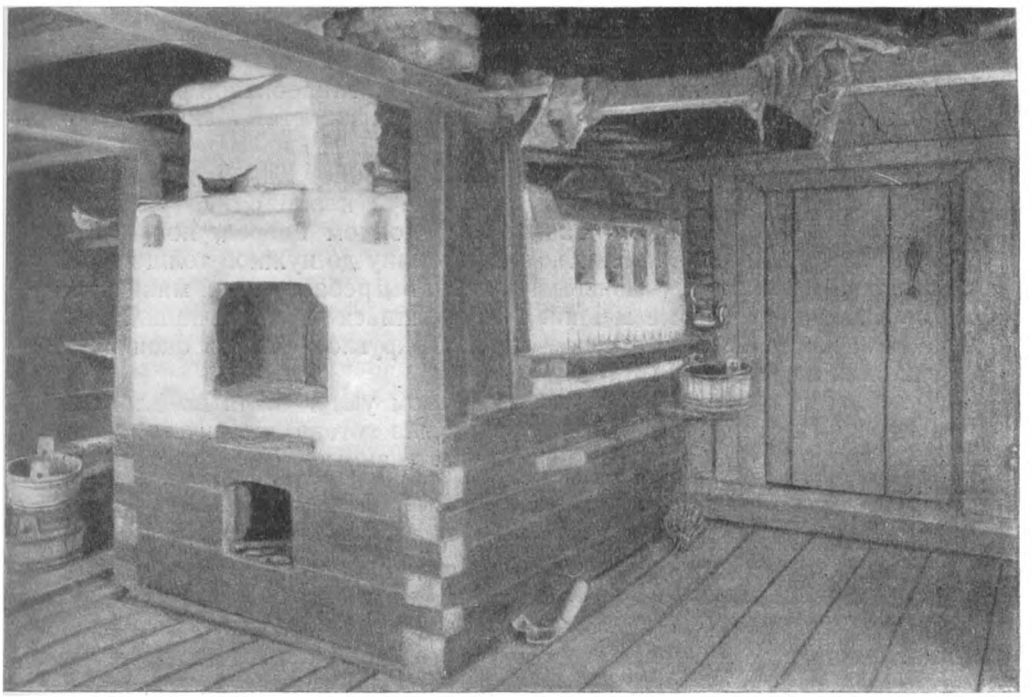
В полосе лесостепи (например в Воронежской обл.) распространено устройство печи на нескольких толстых стойках, врубаемых внизу в крестовины и связанных брусьями, лежащими на земляном полу; стойки на небольшой высоте связываются одним-двумя венцами из брусьев, в них врубаются переводы, на которые настилается накат для пода; подпечье (*опечка*) здесь получается открытое.

В безлесных районах, например в большей части Украины, вместо деревянного опечка вылепливали основание печи из земли и глины или складывали из кирпичей и на нем набивали под. Сверху уже выкладывается сама печь.

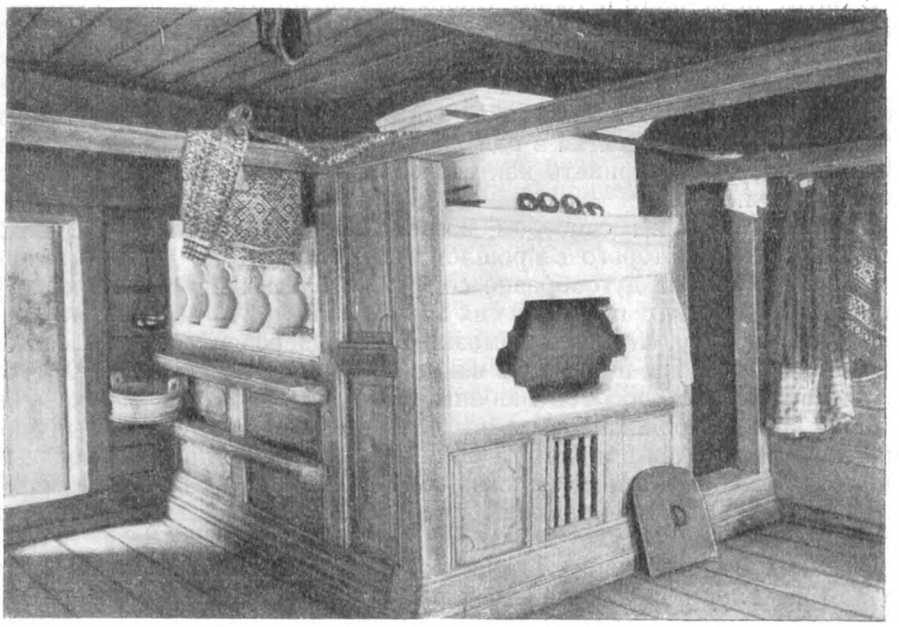
[1] И. Ф. Симоненко. Быт населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 1. Здесь же таблица — восемь типов печей в украинских жилищах Закарпатья (рис. 7).

[2] Трубы, так называемые *горшки*, приобретались крестьянами на ярмарках; от них и сам дымоход назывался *горшки, корчажки*.

[3] Это очень древний способ устройства опечка. Так, во Вщиже раскопками в жилищах XII в. обнаружены печи, ставившиеся на больших бревенчатых срубах, опущенных в подполье. Эта система стройки применяется во Вщиже и до сих пор. Сруб в 10—15 венцов выводят из подполья на поверхность до уровня стола в избе, и тогда сруб покрывают накатом и выкладывают на нем печь (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 66).



1



2

Рис. 53. Виды старой русской (духовой) печи (Архангельская губ. и уезд)

1 — русская печь (направо от входа) с рубленым деревянным опечком, в котором хранятся ухваты, кочерга, лопата для хлеба (видны их ручки); у входа — рукомойник, над входом — полати; сбоку печи — приступки для влезания на печь, а оттуда на полати (с. Яреньга); *2* — русская печь (налево от входа) с опечком столярной работы, отверстие в подпечье закрыто решетчатой ставней; у входа — рукомойник, за печью — вход в подполье (с. Лапшеньга).

Известно много приемов возведения корпуса глинобитной русской печи; разнообразие их свидетельствует о большой изобретательности и богатстве выдумки народа.

Широко применялся в прошлом на территории от Карпат до Урала следующий способ. На под по оси будущей печи клали один, три или пять туго набитых мякиной кулей завязанным концом вперед, покрывали их куском рядна, а дальше набивали сверху глину до нужной толщины печи; когда глина просыхала, развязывали кули, выгребали рукой мякину, а затем вытаскивали и самые мешки. Получившийся свод подчищали и подравнивали изнутри, ровно прорезали полукруглое устье и окончательно досушивали печь уже при топке.

В лесистых местах аналогичным образом укладывали по длине печи длинные круглые поленья и, когда печь была готова, выжигали их. В некоторых горных селах Закарпатья кладут стесанный с одной стороны круглый толстый чурбан, который обкладывают глиной, плотно ее утрамбовывая. Когда глина утрамбована и внешне печи придана нужная форма, чурбан вынимают либо поджигают и он постепенно выгорает. Глина обжигается докрасна и получает хорошую твердость [1].

Более совершенный способ — применение *свинки* (у северно-великорусов), или *кобылы* (у белорусов), *свиньи* (у украинцев — был распространен в XIX в.: основу «свинки» («кобылы») составляли два деревянных полукруга, высотой равных высоте будущего свода печи; на них настилалась опалубка из толстых досок по длине печи. Когда битье печи заканчивалось, «свинку» сжигали [2].

В битые печи часто в толщу глины помещали булыжники, считая, что благодаря камням печь сильнее нагревается и дольше держит тепло. На великорусском Севере булыжный камень средней величины вбивали в глину слоями, так что получалось чередование слоев глины и камней. У белорусов крупные булыжники, около пуда весом каждый, размещали в разных частях печи, до десятка в одну печь. Вбивание булыжников в печь из глины можно рассматривать как своеобразное сочетание печи-каменки с глинобитной печью.

Наиболее древним способом возведения корпуса глинобитной печи, о существовании которого в прошлом можно судить по данным археологии, была установка дугообразно согнутых толстых прутьев и последующая их обмазка (этот прием до сих пор еще бытует в Молдавии). Применялся, повидимому, и способ обмазки глиной деревянного каркаса, который оставляли внутри печи (печи в жилищах Старой Рязани XI—XIII вв.). Из очень древних способов любопытен прием выкладки верхней части свода из комков обожженной глины конусовидной формы. Данный способ характерен для печей в жилищах ранних славян; эти глиняные конусы попадаются обычно в раннероменских городищах VI—VIII вв. н. э. В печах Киевской Руси XIII в. обращает на себя внимание под в виде слоя битых черепков, скрепленных глиной.

В славянских городищах известны и печи, вырезанные в самом грунте: в одном из углов полуземлянки оставляли большую четырехгранную глыбу материковой породы и из нее вытесывали печь; другой способ — печь вырезали в стене полуземлянки наподобие ниши.

В настоящее время шире всего распространен способ кладки белой печи из кирпича-сырца при помощи простейшего кружала — дуги или полу-

[1] И. Ф. Симоненко. Указ. соч., стр. 74.

[2] «Свинкой», «свиньей» называли и самый свод печи, если она не имела сверху горизонтальной площадки, на Дону, в Тамбовской обл., на Украине.

обруча. Способ этот заключается в следующем: ставят дугу, на ней выводят свод; когда один ряд кирпичей сведен, то вынимают из-под него дугу и кладут следующий ряд. Рядом со сводом кладут боковые стенки до высоты свода и пространство между ними забивают глиной, так что верх печи получается плоским и ровным.

Менее распространенной, хотя и давно известной, была кладка печей из обожженного кирпича. В виде редкого исключения печи выкладывали из имевшихся в данном месте горных пород, например из «красной плиты» в Островском уезде Псковской губ.[1] или из дикого камня.

Перед устьем печи, из которого выходит дым, расположен шесток, на нем сделаны с боков стенки, в них расположены *горнýшки* (из вмазанного горшка), или *загнéты* (ед. число «загнéт», «загнёт», «загнéтка»; также *жарни́к*, *жарато́к*, *жара́тка*, *жера́тник*), куда пригребаются угли, благодаря чему сохраняется жар (который в некоторых печах держится до следующего утра), так что всегда можно «вздуть огонька» и затопить печь. Иногда горнушку устраивают в углу внутри печи. Над шестком белой печи выкладывается из кирпича патрубок, собирающий дым, который затем проходит в выложенный на чердаке горизонтально *боров* и оттуда — в вертикальную дымовую трубу. Боров представляет собой существенное усовершенствование конструкции трубы. Он защищает печь от дождя и снега, задерживает тепло, ослабляя тягу и замедляя горение, охлаждает ток воздуха из печи и не дает вылетать искрам (безопасность от пожаров). Но бывает дымоход и не коленчатый (с горизонтальной частью), а прямой, «пролетный».

Простейший вид современной русской печи — с боковой стенкой в один кирпич. В наше время во многих районах научились класть русские печи с так называемыми обогревателями, или щитами, когда боковая стенка выкладывается с дымоходом, состоящим из нескольких колен, и дым, лишь пройдя колена обогревателя, попадает в боров, а затем в выводную дымовую трубу. Обогреватель делается значительно выше печи и выкладывается со стороны, обращенной к избе. Такие печи кладут, например, русские старожилые поселенцы Қара-Қалпакии, причем печь выкладывают не специалисты-печники, а сделать это умеет почти каждая хозяйка. У белых печей нередко в передней стене около горнушки делается круглое отверстие для трубы самовара (*самоварник*).

Нередко можно встретить в белых печах шесток, комбинированный с плитой городского типа; если топка устроена сбоку, то с этой стороны вынимают боковую стенку шестка, подпирая нависший угол кожуха железным стержнем. С конца XIX в. местами начали пристраивать к углу русской печи настоящие плиты, выводя их дымоход в трубу русской печи (рис. 54); в настоящее время подобные печи распространились значительно шире. В передней и боковой стенах печи вырезают небольшие углубления — *печурки* для хранения спичек, для сушки рукавиц и т. п. Если печь выкладывается из кирпичей, то наверху делают карнизы и уступы.

Самые разнообразные формы придают печам украинцы: нередко печь снабжена выступами, припечками, дополнительными топками и лежанками[1] (носящими названия: *груба, грубка, грубочка, пригрýбок*); комин поддерживают резные деревянные столбики. Во многих районах Украины печи, кроме того, расписывают, равно как и стены хаты, разными квитками (см. рис. 104 и 106). Особенно нарядно отделывались печи у гуцулов,

[1] АГО, ф. XXII. Псковская губ., рукопись 11, 1849 г.

[2] «Широкая печь с запечьями, уступами и выступами»,— говорит Н. В. Гоголь о печи в хате Тараса Бульбы (Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 44).

выкладывавших их из изразцов («кахель») с разнообразной росписью, изображающей цветы, животных, бытовые сюжеты, архитектурные мотивы и пр.; печи выкладывались на прочном деревянном опечке с резными ножками.

Назначение русской печи

Функции, выполняемые русской печью, разнообразны: в ней варят пищу (во время топки и после нее), пекут хлеб (когда печь вытоплена и

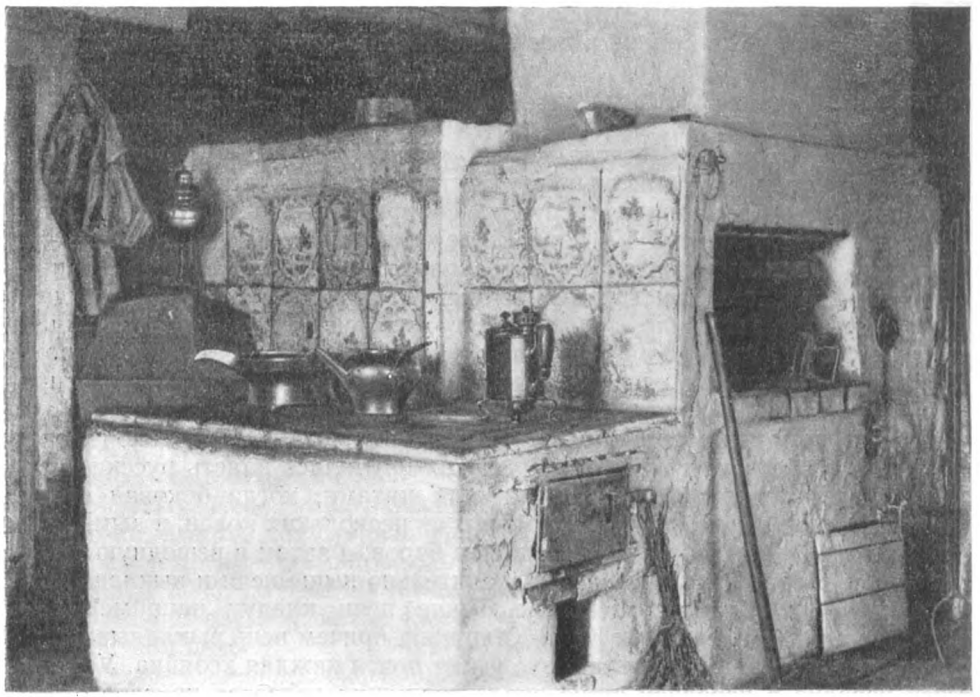


Рис. 54. Поздняя форма русской печи

выложенная изразцами русская печь с плитой сбоку (с. Никольское Колпинского района Ленинградской обл.)

труба закрыта); ею нагревается, вентилируется и просушивается жилище; зимой в ней согревают для скота воду, которую ставят в печь в больших чугунах. На печи спят и греются, под ней и за ней хранят и прячут вещи, на ней сушат зерно и одежду, а зимой под опечком («в подпечье») держали кур, иногда и поросят и пр. В тех районах, где бани были редки или их совсем не было, до строительства общественных бань колхозами, даже иногда мылись и парились в печах. Это было принято преимущественно у южновеликорусов, кое-где у белорусов и в ряде районов с северо- и средневеликорусским населением: отмечено исследователями, например, в б. губерниях Вологодской, Ярославской, Тверской (в уездах Бежецком [1]

[1] «Бани здесь настолько чужды, что даже местный священник не имел бани до самого последнего времени; баню заменяет для теблешанина печь...»,— пишет С. А. Еремин в статье «О теблешанах» («Известия РГО», 1926, т. LVIII, вып. II, стр. 125).

и Краснохолмском), в Московской обл. на территории теперешних Загорского и Бронницкого районов. В старину мытье и па́рение в печах было распространено гораздо шире, в середине XIX в. встречаясь во многих городах и в самой Москве [1]. К XX в. этот обычай почти вышел из употребления, сохраняясь преимущественно лишь в отдельных безлесных районах и у отдельных этнических групп восточнославянского населения. Там, где печи использовались для мытья, их делали особо вместительными: внутри около метра или чуть выше высотой и с «просторным» устьем. Мылись, когда из жарко вытопленной печи уже был вынут хлеб и если горстка муки, брошенной на горячий под, не загоралась; щелок и горячая вода приготовлялись заранее, пока печь еще топилась. Затем устилали под соломой, человек влезал в печь ногами вперед и ложился на солому, головой к устью; за ним задвигали заслонку, и он, окуная пучок соломы или мочалы в небольшую посудину с водой, прыскал им на свод печи, т. е. поддавал себе пару, сколько надо, и «хвоста́лся» распаренным в горячей воде веником. После паренья и мытья окачивались холодной водой в сенях или во дворе; иногда снова лезли в печь, проделывая всю процедуру по два-три раза. Женщины влезали в печь с ребятами; если человек по старости или болезни сам не мог влезть в печь, то его укладывали на доску и вдвигали внутрь, а затем в печь влезал здоровый человек, чтобы парить и мыть больного (так как па́рение в печи считалось радикальным средством против всех болезней). У южно-великорусов ранее существовало обрядовое парение невесты в печи перед венчанием (теперешние Пензенская, Рязанская области). В старину, при па́рении жениха или невесты накануне венчанья, в печь для поддавания пару ставили посудину с квасом или пивом.

Все отрицательные стороны мытья в печах давно уже отмечались деятелями русского земства, указывавшими на вред этого обычая [2]. Кроме того, отмечалось, что «сами крестьяне безусловно признают тот факт, что избы, хозяева которых парятся в печи, сгнивают вдвое скорее, чем те избы, в печах которых не парятся» [3].

Другие виды печей. Летние печи

Наряду с русской, или варистой, печью, характеризующейся своей универсальностью и прежде представлявшей единственный вид печи в восточнославянском крестьянском жилище, применяются разнообразные виды печей, имеющие большей частью одно какое-нибудь назначение.

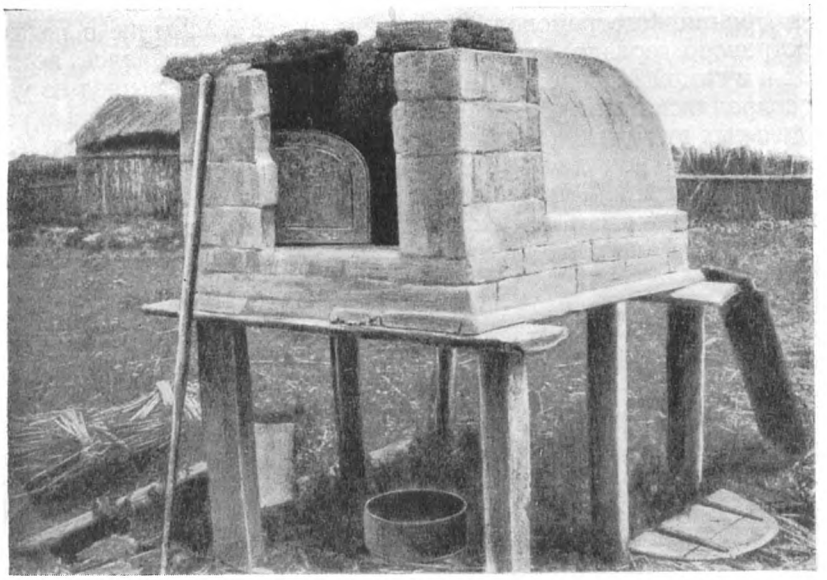
Прежде всего, это украинская *каби́ця* — небольшая глиняная печка, устраиваемая в сенях, большей частью у стены под дымарем (бовдуром); на ней можно что-нибудь сварить, не растапливая варистой печи в хате; она имеет одно или два верхних отверстия, иногда даже небольшую плиту, а изредка и невысокую глиняную трубу.

В домах с трехкамерной планировкой (зимняя и летняя изба, изба и горница), пятистенках и т. п. в чистой половине часто устраивают *голла́ндку* (*голáнка, галáнка, гълáнка*), служащую для отопления. Ее складывают из кирпичей, она имеет разнообразные формы, большею

[1] П. Страхов. О русских простонародных парных банях. «Московский врачебный журнал», 1856, кн. 1-2, стр. 15.

[2] «Вследствие незначительного объема воздуха в натопленной закрытой печи у парящихся происходят постоянно сильные головокружения, влекущие за собою быструю потерю сознания. Вследствие этого в тех местах, где печь заменяет баню, случаи «запаривания себя до смерти» — явление довольно обычное...» (А. В. Балов. Санитарные недочеты нашей деревни (Деревенские письма). «Русская мысль», 1903, № 1, стр. 21).

[3] Там же, стр. 22.



1

2

Рис. 55. Летние печи для выпечки хлеба

1 — «свинья»— летняя печь из кирпичей на деревянных стойках у донских низовых казаков (Ростовский округ Донской обл.); *2* — низенькая глинобитная кабиця на деревянном опечке у украинцев-переселенцев (с. Гоголевка Калининского района Дальне-Восточного края)

частью вертикальную, с тремя (если стоит в углу) или четырьмя гранями, (если она сложена отступя от стен). Наряду с этой сравнительно новой, заимствованной из города формой встречаются старые русские лежанки, имеющие двоякое назначение: ими отапливают помещение и на них спят.

Термин «голландка» распространен преимущественно среди северно- и средне-великорусов; в южновеликорусских районах, особенно в близких к украинским селениям, печи-голландки называются преимущественно *грубами* и *грубками*.

Для дополнительного отопления, в избах с переборкой часто ставят в чистой половине *подто́пок*. Это — печурка временного характера с железной круглой трубой; подтопок сбивают из глины или складывают из десятка кирпичей, иногда на колесиках; нередко подтопком служит опрокинутая корчага или старый чугун.

На юге нашей страны распространены летние печи, устраиваемые во дворе; на них стряпают летом, чтобы избежать жары в хате. Особенно распространены летние печи у украинцев: в южной Украине, на Кубани, в поселениях украинцев-переселенцев на Дальнем Востоке — всюду можно видеть эти печи: и типа кабицы, и большие печи для печения хлеба (рис. 55).

Устройство летних печей во дворе широко распространено и у великорусов в южных районах, например у донских казаков, а также в русских селениях Средней Азии. Здесь эти печи достигают очень большого разнообразия, от небольшой низенькой глиняной плиты с одним верхним отверстием до настоящей высокой русской печи с плитой с одной стороны и вмазанным котлом-казаном с другой; иногда над такой печью устраивается особый навес, защищающий ее от дождя [1].

Печебитье. Обряды, связанные с печью

В старину, когда печи в деревнях были преимущественно глинобитные, с устройством их был связан любопытный обычай, так называемое «печебитье» на Севере, «толока» — на Украине, в Белоруссии и в б. Новгородской и Тверской губ., соответствующая великорусской «помочи» — один из остатков общинных традиций. Обычно хозяином или наемными плотниками (на Севере) заготовлялся лишь опечек из нескольких венцов брусьев, под и форма для печи — в виде чурок, обложенных досками, и дощатой стенки. После этого хозяин приглашал парней и девушек деревни на печебитье, которое устраивалось обыкновенно вечером в ближайшее воскресенье. Молодежь привозила глину и сначала мяла ее тут же, в новой избе, а потом принималась бить печь, вбивая глину в форму ногами, досками, молотками и т. п.; работа шла под такт песен, и часа через два печь была уже сбита (а трубы клались уже потом из кирпича); после этого начиналось веселье, пляска на остатках глины, хозяин угощал парней водкой, а девушек пряниками и булками (угощенье называлось «печно́е»). Помочане расходились только к полуночи.

Таким же точно образом хозяин — белорус или украинец — созывал соседей на толоку бить печь. На под, сложенный заранее из *пала* (так назывался у белорусов обожженный кирпич), укладывали продольно вязанку поленьев или устанавливали «кобылу», вокруг которой размещали дощатые щиты, поддерживаемые бревнами, упирающимися в стены хаты.

---

[1] Наружные хлебные печи известны и среди других славянских народов — словаков, болгар, сербов, а также у неславянских народов степной полосы — башкир, молдаван и др.

В получившийся глубокий ящик насыпали первый слой свеженарытой глины, затем туда забиралось человек восемь хлопцев, которые садились на корточки и начинали работать в такт небольшими долбнями [1]; сверху им понемногу все время подсыпали мелкой сырой глины. Когда «кобыла» покрывалась сверху достаточным слоем глины — в четверть аршина (около 18 см) толщины, то битье печи заканчивали, выравнивали и приглаживали верхнюю площадку печи (белор. *черень*.). Этим работа толочан заканчивалась, и им тут же устраивали угощение; после пляски и пения все расходились по домам.

Все следующие доделки производились уже самими хозяевами. Так как печь били тогда, когда в избе еще не имелось ни окон, ни дверей, а потолок против печи еще не застилался, то через несколько дней новая печь успевала «зачерстветь»; тогда снимали щиты, и еще одну-две недели она подсыхала; для выкладки комина шел кирпич-сырец, боров и трубу клали из жженого кирпича. Удачно сбитая печь отличалась замечательной прочностью и могла пережить несколько поколений.

С печью у восточных славян было связано в старину множество поверий и обрядов. Под печью или за ней жил, по поверью, домовой, этот дух-покровитель семейного очага,— образ, тесно связанный с древним культом огня (у белорусов он и назывался «падпечка»). У украинцев нельзя было говорить ничего плохого в хате, что отразилось в поговорке «сказав би, та піч в хаті». Печь играла особенно важную роль в свадебных обрядах восточных славян: например, у украинцев сваты выламывали из печи кирпичину и держали ее в кармане, чтобы сватовство было успешным; перед печью сажали сватов; выходя замуж молодая брала из дому уголек и т. д. Возвращаясь после похорон в хату, брались за печь, чтобы не бояться покойника.

В южной Белоруссии и северной Украине в конце XIX в. ежегодно 1 сентября (день Симеона Столпника) справляли обряд «женитьбы ко̀мина». В день праздника к вечеру пекли блины и приготовляли сытный ужин; хозяйка опоясывала комин новыми рушниками (полотенцами), а молодежь убирала его цветами. Стол накрывали новой скатертью и придвигали к печи; как только стемнеет, вокруг него собиралась вся семья и начиналось угощение; выпивая по очереди, каждый выливал на комин несколько капель водки и обращался к нему с длинным благопожеланием. После еды хозяйка приносила семечки и другие лакомства, а молодежь пела хором жениху-комину свадебную песню. Этот обряд отмечен и в других местностях Белоруссии [2].

---

[1] «Долбня́» (белор.), «чекма́рь», («чекма́р», «чукма́рь», «чеку́ша», «чекига́»; рус.) — молоток или трамбовка для глины, делается обычно из целого куска дерева (например, чурбан с вытесанной наверху ручкой или отрезок ствола с отходящим от него суком), бывает самого различного вида. Чекмари имеют острое ребро или вершину для прибивания глины и обратную плоскую сторону для ее выравнивания (см. «Древние строительные материалы. Сборник статей». М., 1930, рис. 2).

[2] П. Шейн. «Женитьба ко́мина». ЭО. 1898, т. 38, № 3, стр. 152—160.

IX. ОТОПИТЕЛЬНЫЕ И ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТОПЛИВО

Для русских деревенских печей в пределах лесной и лесостепной зон топливом всегда служили дрова разнообразных древесных пород. Традиция заготовки дров на долгую суровую зиму выработалась на Восточно-Европейской равнине очень давно: при раскопках Старой Ладоги (IX—X вв.) найдены пни для расколки дров и развалившиеся поленницы [1].

Заготовка дров в настоящем смысле этого слова возможна была в XIX — начале XX в. лишь в лесной полосе европейской части России и в Сибири, с их обширными территориями «казенных» лесов. Производилась она обычно зимой, в свободное от полевых работ время; кроме того, у крестьян всегда считалось (что подтверждают и специалисты), что дрова, заготовленные в зимнее время, лучше сгорают, дают больше тепла, они не преют и не гниют. Хороший хозяин всегда старался заготовить дров на будущий год, чтобы можно было топить печь зимой «годовалыми», или «летовалыми», дровами, т. е. пролежавшими уже год или одно лето и потому более сухими. Трудно приходилось хозяйке, если для топки у нее был «новосёк», «новосеченец», «сырни́к», т. е. дрова свежей рубки.

При рубке леса на дрова стволы распиливали на определенной длины бревна, причем различной бывала принятая в данной местности мера; например двойник, тройник, пятерик,— в зависимости от того, на сколько поленьев «швырка», т. е. поленьев в $^3/_4$ аршина (около 50 см) длиной, предстояло распилить такое бревно.

В лесу, до вывозки, срубленный лес складывали в поленницы. Для возки дров и бревен служили дровни — сани без кузова, состоящие из двух полозьев, в которые вдолблено несколько пар «копыльев», соединенных поперек «вязками»; на копылья насажены сверху две продольные «грядки».

В старое время были распространены помочи: для рубки дров — «дровору́бка», для возки дров — «дровяни́цы». Каждый участник помочи привозил из лесу по возу дров, а хозяин угощал всех ужином; угощенье сопровождалось песнями и плясками. Этот обычай — один из пережитков первобытно-общинного строя — позволял зажиточным крестьянам пользоваться бесплатным трудом сельской бедноты.

Распиловка поленьев и колка получившихся кругляков, или круглыша, производится на дворе. Для колки употребляется тяжелый дровокольный топор — колун; толстые чурбаны раскалываются железным клином,

---

[1] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, КСИИМК, XI, 1945, стр. 38.

который вколачивается в торец кругляка деревянной долбежкой («дровокóлкой») или обухом топора. Наколотые дрова складывали несколькими способами: обычно складывали в поленницы, у стены какой-либо хозяйственной постройки или закрепляли их кольями, вбитыми стоймя в землю; для просушки дрова кладут в кладушки или костром; в Калужской обл. и на южном Урале отмечен своеобразный способ: поленья укладывают по радиусам, перпендикулярно к окружности круглого стогообразного сооружения. Для защиты от дождя стараются поместить дрова под свесом крыши или держат их под навесом покоеобразного двора, а в случае необходимости устраивают над ними отдельный односкатный навесик.

При топке дрова в печи укладывают обычно «костром», или клеткой, т. е. в несколько ярусов попеременно вдоль и поперек печи. Охапка дров — количество, которое нужно зараз уложить в печь, чтобы истопить ее, носит названия: «истóпок» (Рязанская обл.), «и́стопок» (Владимирская обл.), «истопье» (Калининская обл.), «и́стопля» (Горьковская и Молотовская области), «истоплё» (Западная Сибирь), «и́стопель» (Архангельская и Тамбовская области).

Как известно, лучшими дровами считаются березовые, дубовые и ольховые, средними — сосна и ель, самыми плохими — осиновые; но последние обязательно стараются добавлять к другим, так как осина дает много пламени, которое способствует очистке труб от сажи.

С годами, по мере вырубки лесов и упорядочения лесного хозяйства, дровяной вопрос для русской деревни становился все острее, тем более, что в средней полосе России крестьянских лесов уже не оставалось, а все леса находились в собственности у помещиков, государства или удельного ведомства. Общеизвестны, хотя бы из художественной литературы XIX в., постоянные столкновения крестьян с лесниками и лесными объездчиками, штрафы, всевозможные утеснения и унижения, которым подвергались застигнутые в лесу порубщики [1].

Раньше всего недостаток в древесном топливе начал ощущаться на юге лесостепной полосы, где давно уже давала себя знать вырубка прежних рощ, боров и дубрав, и дрова стали заменяться другими видами топлива. В среднерусской полосе «дрова» (или «дрóвы», как говорят на Смоленщине) — это, в сущности, не дрова, а разное малоценное топливо, которое собирали в лесах с особого разрешения: валежник, хворост, сучья, мелкий сухостой, все то, что идет под общим названием «сушняк». В великорусских селениях черноземной полосы такими материалами явились озимая [2] (ржаная и пшеничная) и гречишная с о л о м а, стебли и шляпки подсолнечника, гречишная и подсолнечная л у з г а (шелуха семян гречихи и подсолнуха, получаемая от обдирки их при приготовлении гречневой крупы и подсолнечного масла), у украинцев — солома и о ч е р е т (камыш, тростник).

На Украине солома служила основным топливом уже в начале XIX в. [3] О. Гунн, проехавший по Украине в 1805 г., пишет: «Преогромная в избе печь натоплена ссломою и навозом... Дабы нагреть избу, потребно в день соломы 24 фунта, а для печения хлебов вдвое против того...» [4].

---

[1] «Дрова да лучина — первая кручина», гласит старинная русская пословица.

[2] Яровая солома идет обычно на корм скоту, и только в случае ее порчи — на отопление.

[3] В повести «Старосветские помещики» мы читаем: «...сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров» (Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 17).

[4] О. Г у н н. Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию в октября 1805 г., ч. III, М., 1806, стр. 6 и 7.

Отмечена в литературе начала XIX в. топка соломой в отдельных местах и у южно-великорусов. Например, в «Степной стороне» Рязанской губ. (т. е. в южных ее уездах) «за неимением дров крестьяне и однодворцы топят избы соломою» [1].

В конце XIX в. все жилища центрально-черноземных районов отапливались соломой. Обычно предназначенную для топки солому с вечера приносили в избу и расстилали на лавках, а если надо — то и на полу. На ней спала вся семья, а утром эту солому сжигали в печи. На русскую печь в среднем требовалось не менее 60 возов соломы в год.

Гречишной лузгой уже давно топили печи в малолесных местах Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской губерний, употребление ее для этой цели отмечалось в печати в 1830-х годах [2]. Подсолнечная лузга использовалась в качестве топлива главным образом в Воронежской и Саратовской губерниях, где издавна имелись большие посевы подсолнечника; в меньшей степени ею топили в черноземных и украинских областях, на Дону и в Заволжье.

Считается [3], что тепловой эффект сжигания гречишной лузги лишь втрое меньше (при равном весе) теплового эффекта сжигания антрацита и что 100 мер (2,6 м³) подсолнечной лузги заменяют 1 куб. сажень дров (9,7 м³).

Завися в отношении топлива почти целиком от сельскохозяйственных культур, в неурожайные годы крестьянин лишался не только хлеба и корма для скота, но и крова и топлива. Обычное топливо приходилось заменять сухой полынью, татарником и бурьяном, который собирали по межам и дорогам, а также «котяхами», т. е. сушеным пометом скота. В черноземной полосе уже в середине XIX в. отмечалось использование сухого навоза как топлива, но это практиковалось лишь в сухое весеннее и летнее время. «Сухой помет рогатого скота и овец собирают бедняки в тех местах, где скот каждодневно отдыхает (такие места называются тырлы)» [4]. Кое-где собирали навоз рогатого скота и скатывали его в шары для топлива, так называемые «ка́тенья» [5]. Лишь постепенно, чем южнее — тем раньше, а в черноземной полосе, повидимому, лишь с середины XIX в., научились изготовлять из навоза кизяк [6]. Во многих безлесных районах, особенно в степной полосе, кизяк представляет собой единственный вид топлива. Кизяк приготовляется следующим образом. Навоз, накопившийся за зиму в загонах, варках, хлевах, база́х и прочих местах длительного нахождения скота, вывозится ранней весной на свободное место и

---

[1] А. Щекатов. Словарь географический Российского государства..., ч. 5. М., 1807, стр. 473.

[2] «Листки Общества сельского хозяйства Южной России», 1834, № 1; «Журнал Министерства гос. имуществ», 1844, XIII, отд. 4, стр. 27 (о Тамбовской губ. в 1833 г.).

[3] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 18, 1894, стр. 685; 47, 1898, стр. 113.

[4] А. Шмаков. О разных родах топлива в Екатеринославской губернии. «Журнал Министерства гос. имуществ», 1844, XIII, отд. 4, стр. 26. Ты́рло, ты́рлище — загон для скота вдали от селения (место отдыха скота во время дневной жары, или место ночевки его, иногда зимнее пастбище) в областях Тульской, Липецкой, Тамбовской, Чкаловской, на степном юге (укр. «тирло»). В близких значениях известно у южных славян (болгарское «тръло», сербское «трло»). Связывается со словом «тереть», древнерусским «торовати» — долго оставаться на месте, пребывать. См.: В Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 459; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. «Труды Института русского языка», т. 1. М.—Л., 1949, стр. 27; Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 382.

[5] В Воронежской губ. (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 98).

[6] «Слово «кизяк» («кизе́к», «кизя́к», «тизя́к», «тизе́к») заимствовано из тюркских языков.

складывается в кучи, где он «перегорает». Поздней весной, большей частью в мае, его разваливают по земле ровным слоем, 30—35 см толщиной; затем поливают водой и хорошо перемешивают с мелкой соломенной резкой, для чего прогоняют по нему многократно лошадей или волов или сами длительно месят его ногами, пока масса не разомнется до густоты крутого теста. Иногда еще укатывают перемешанный навоз катком. Получившийся слой, толщиной около 3 вершков (13 см), разрубают лопатой или специальной сечкой на полосы, шириной около 35 см, потом их перерубают поперек, так что образуются квадратные плитки. Слегка подсохшие «кизячины» для окончательной просушки складывают разреженно в высокие пирамидальные или конические клетки, наблюдая, чтобы в середину каждой пирамиды «кизякова скирда» непременно имелся приток воздуха. Так кизяк стоит до глубокой осени, когда его складывают на зиму под навесы. В настоящее время «резный кизяк» делают редко, давно уже научились формировать из него продолговатые кирпичи, что легче и скорее; для этого применяется деревянная четырехугольная форма с несколько наклонными стенками — станок (это «станковый кизяк»); автору случалось видеть в воронежских деревнях в 1920-х годах и круглый формовой кизяк, изготовлявшийся в кольце, согнутом из луба, наподобие невысокой обечайки от решета [1].

Заготовка кизячного топлива на одну печь на год занимает в среднем у двух человек около недели весной и недели осенью; заготовляют кизяк преимущественно женщины; особенно тщательно готовят и высушивают кизяк на зиму, для чего идет формованный кизяк; на лето же часто высушивают его прямо лепешками, пришлепывая их для сушки к глиняной стене. Это, по терминологии донских казаков, «ляпанцы» (ед. число «ляпанец»).

Хорошо выделанный и просушенный кизяк — легок и не имеет никакого запаха. Он довольно долго разгорается, смотря по степени его сухости, но, когда разгорится, вполне заменяет дрова. Чтобы вытопить русскую печь, надо 12—15 кирпичей «зимнего» кизяка.

Ни торфом, ни каменным углем в прежнее время в деревне почти не топили. Известны лишь отдельные районы, где крестьяне добывали для собственного употребления эти виды топлива, например кое-где в черноземной полосе [2]. «Каменный, по здешнему «земляной уголь», в Славяносербском и Бахмутском уездах, где он добывается, служит уже для отопления жилищ»,— писал один автор в 1844 г. [3]

ОСВЕЩЕНИЕ

Освещение жилья весною и летом почти не практиковалось. Начиная с благовещенья (25 марта ст. ст.) и до ильина дня (20 июля ст. ст.), местами и до успенья (15 августа ст. ст.), избы не освещались, так как, по старинному поверью, «после благовещенья грех зажигать огонь».

В старой восточнославянской деревне лесной и лесостепной полос до середины, а местами и до конца XIX в. почти единственным видом освещения жилища (как в древности у народов Западной Европы и придунай-

[1] Обечайка — лубочный обод на сите, решете, мельничном жернове и т. п. (см. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 9. М., 1914, стр. 626).

[2] В. П. Семенов и О. П. Семенова. Распределение населения среднерусской черноземной области. В кн. «Россия», т. 2. СПб., 1902, стр. 177. Давнее использование торфа крестьянами в качестве топлива известно, например, в Скопинском районе Рязанской обл. (сообщила Р. С. Липец).

[3] А. Шмаков. Указ. соч., стр. 27. Упомянутые уезды входили в состав Екатеринославской губ.

ских славян) служила л у ч и н а. В захолустных местностях и особенно в бедняцких жилищах этот способ освещения удерживался до Октябрьской революции. На изготовление лучины шли сосна, береза, осина, дуб, клен, ясень. Для получения тонких (около 70 см длиной) лучин полено — «лучево́е», «лучи́нное» — распаривали в печи: клали его поверх ведерного чугуна с кипящей водой или на под истопленной печи, потом надкалывали рядами с одного конца топором в глубину сантиметров на 15 и затем «драли лучинины» руками. Березовые поленья высушивали на печи и в печи и затем щепали лучину большим ножом («коса́рь», «косы́рь», «луче́вник», «лучи́нник») или обломком косы. На Севере щепали лучины шириной в 3—4 см и толщиной до 1 см.

Очень разнообразны приспособления для держания горящей лучины. У великорусов это были *светцы́* разнообразной формы и величины [1] (рис. 56). Простейший светец представлял собой развилку с тремя-четырьмя рожками из кованого железа с острым «пятнико́м» — острием на противоположном конце стержня, согнутого под прямым углом. Светец втыкали острием в щели бревенчатой стены, между рожками развилки вкладывали горящую лучину, на пол под опадающие угольки ставили сосуд с водой; более сложная форма — светец с двумя развилками и одним пятником. Держащая лучину часть светца выковывалась также в форме центрального стержня с двумя изогнутыми крючками по бокам — лучину вставляли между крючком и стержнем. Встречались висячие светцы на несколько лучин — своеобразная примитивная люстра. Их зацепляли за железную скобу, прибитую к *полавошнику* (полка над окнами) [2]. Гораздо удобнее и распространеннее были переносные светцы с деревянной подставкой: это или невысокий столбик, вделанный в донце, чтобы можно было его ставить на лавку (на севере Белоруссии его называют «дед», а железный зажим — «дедовы губы»), или высокие деревянные подставки, высотой в 1 м и выше, которые можно было ставить на пол в любом месте избы. Остроумно устроены раздвижные светцы с тройным столбиком: средний стержень его, в котором укреплена металлическая часть, сделан подвижным и снабжен отверстиями — его можно поднимать и опускать, закрепляя затычками на любой высоте, и таким образом регулировать высоту источника света. Рациональную форму деревянного светца представляла северная его разновидность: деревянный столбик, в верхушку которого воткнута железная развилка, укреплялся на краю неглубокого корытца, поднятого на три-четыре высокие ножки, так что обгоревшие части лучины падали прямо в налитую в корытце воду (рис. 56, *г*) [3]. Особенно разнообразны были высокие стоячие светцы, целиком выкованные и склепанные из железных стержней и полос, на несколько лучин каждый, иногда очень своеобразного рисунка с разными спиралями и завитками. «В формах старинных светцов кузнецы показали большое искусство. Они делали их на манер ветвящегося дерева, хитро закручивая многие завитки, спиралью свертывая «жгутом» стебель, получающий нарядную поверхность. В руках кузнеца железо оказывалось податливым материалом для скульптуры. Он умел расщепать и фигурно

[1] В Кировской и Молотовской областях светец назывался *свети́льна,* в Архангельской обл.— *свети́льно, светильник,* в Новгородской обл.— также *светильник,* на западе великорусской территории — *све́тыч.*

[2] Р. Г а б е. Интерьер крестьянского жилища, стр. 26.

[3] Приспособление, чтобы стены и потолок избы не чернели от дыма лучины, отмечено в середине XIX в. в Пермской губ. в селениях на р. Исети. Здесь над светцом привешивали к потолку *надпыльник* — род зонта на обруче (связано со словами «пыл», «пылать») (АГО, ф. XXIX, рукопись 70. «Домашний быт крестьян Шадринского уезда». 1849 г.).

завить концы железных полос, расслоить целый прут на ажурное плетение, соединить вновь, придать изделию примитивную, но выразительную декоративность» [1]. Большие коллекции таких светцов, представляющие интересную отрасль русского кузнечного мастерства, собраны в крупных музеях нашей страны, например в Государственном Историческом музее в Москве, в Государственном музее народов СССР в Ленинграде и в др.[2] Светцы вообще, а целиком металлические в особенности, были очень долговечной принадлежностью старого русского жилища; многие из сохранившихся образцов, прежде чем исчезнуть из быта, несомненно, пережили много поколений и насчитывают не одну сотню лет своего существования [3].

Украина, где в северной лесостепной части главным освещением также служила лучина (Волынь, Черниговщина, северные районы Киевщины и Харьковщины, почти до самых степей), не знала великорусского светца; здесь втыкали лучину в отверстие в обмазанной глиной стене; вбивали в стену железную «бабку» — нечто вроде подковы, только гораздо тоньше, с расщелиной для вставки лучинок; делали небольшие переносные лучинодержатели: скатывали комок глины, продавливали в нем несколько отверстий для вставления лучины и обжигали; изготовляли *ска́льник* — в деревянный обрубок вставлялась палка с двумя железными крючками, в каждый крючок всаживалось по лучине с таким расчетом, чтобы, когда догорела одна, то зажечь другую. В Белоруссии также втыкали лучину прямо в стену или делали висячий светец — деревянный крюк с железными тисками для вставки *лучиниц*. На севере Черниговщины, в Волынском полесье и во многих местностях Белоруссии вплоть до коллективизации удерживался прибор, называемый *лучни́к, лушни́к, свяце́льник* (белор.) или *свiтник, свiтич, свiточ, свiтач, посвет* (укр.). Он состоял из двух частей: подставки (для лучины), которую ставили на пол сбоку от входной двери, и суживающейся кверху вытяжной трубы над ней (для дыма), проходящей сквозь потолок и крышу; собственно эта вторая часть — труба — и называлась лучником (белор.) и бо́вдуром (укр.). Подставкой служил пень с поставленным на нем черепком или гладким камнем либо шест различной высоты; нижний конец шеста врубали в обрезок доски или обрубок дерева, на верхнем конце имелась железная решетка, на которой горело несколько коротких лучин или смолье, т. е. сердцевина смолистого дерева или расщепленные корни сосны. Иногда вместо подставки под отверстие бовдура вдалбливали ручкой в стену небольшую деревянную лопатку и на нее ставили черепок, на котором жгли смолье. Трубу изготовляли из выдолбленного ольхового ствола; иногда нижнюю ее часть, приходящуюся внутри хаты и имеющую форму раструба, выплетали из лозы или сшивали в виде конусообразного мешка из холста (внизу натягивали на обруч) и приделывали узкой верхней частью к выводной трубе (иногда сколоченной из досок). Все сооружение для безопасности от искр вымазывали глиной снаружи и внутри.

---

[1] Д. В. Прокопьев. Художественные промысла Горьковской области. Горький, 1939, стр. 198.

[2] Изображения деревянных резных и расписных светцов, с коваными железными развилками или крючками для лучины из Московской, Владимирской и Горьковской областей, см. Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, табл. 66. Изображение железных кованых узорных светцов из северного края см. В. Воронов. Крестьянское искусство. М., [б. г.], рис. 52, 55.

[3] Наиболее древние экземпляры железных светцов дали раскопки Старой Ладоги (X в.). Более или менее точно датированным (XVI в.) можно считать светец из дворца царевича Дмитрия в Угличе (изображение его см. А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. I. М., 1910, табл. IV, № 8).

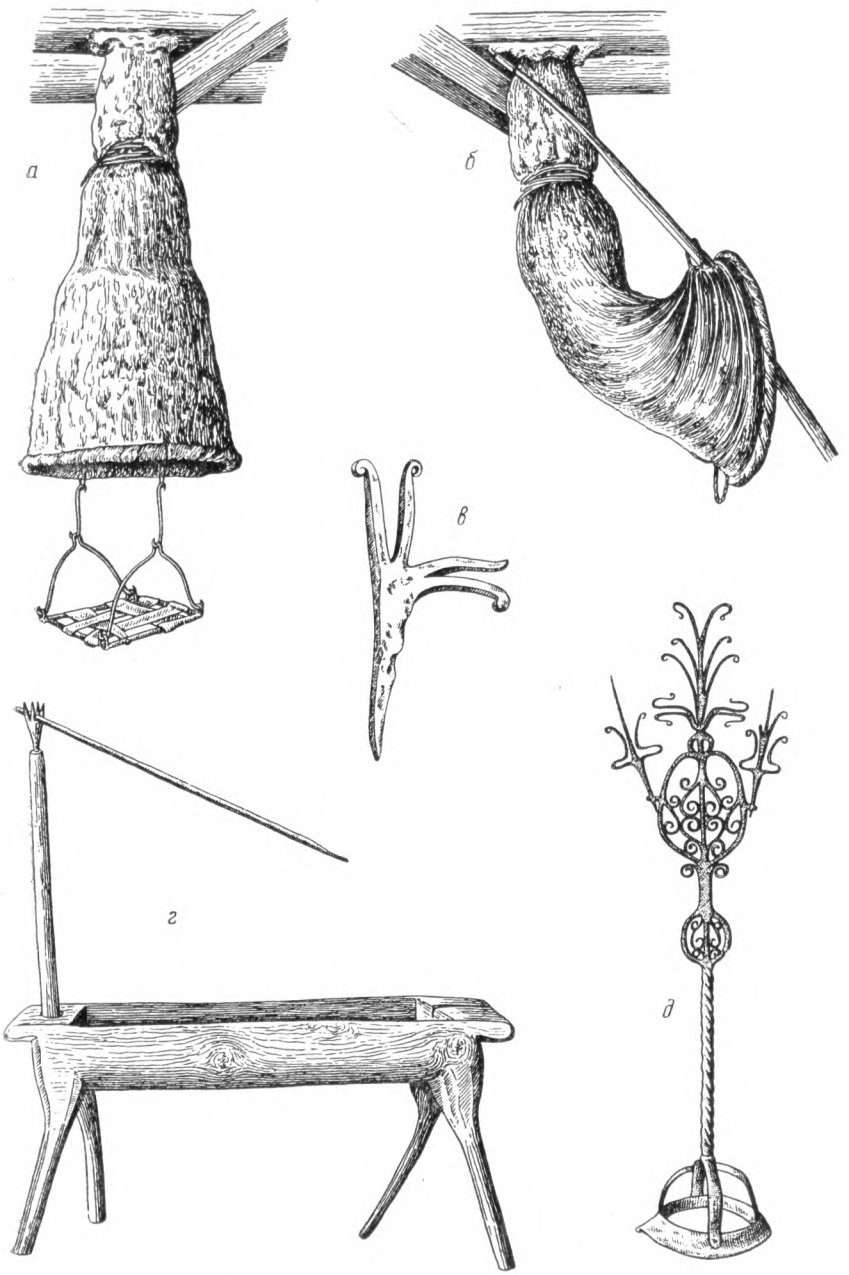


Рис. 56. Приспособления для держания лучины

а — белорусский и северноукраинский свитич (с. Тур Волынской губ.); *б* — лучник в свернутом состоянии (дер. Прудки Мозырского округа Белорусской ССР); *в* — железный светец (Суздаль, XII в.); *г* — светильно с корытом для падающих углей (Сольвычегодский уезд Вологодской губ., XIX в.); *д* — старинный железный светец из северных губерний

Холщовый конус удобен в том отношении, что на день (и на лето) его перекручивали и закидывали за крючок, вбитый в стену или в сволок, и он не мешал стряпухе (рис. 56, *б*). Иногда обходились без подставки, подвешивая железную решетку для лучины (*залізу, посвітку*) к самому раструбу бовдура (рис. 56, *а*). Горевшие разом несколько щепок, особенно от смолистых сосновых корней, давали яркий свет и много тепла, почти ничего не стоили в лесистых районах, что̀, при относительной дороговизне керосина, было причиной долгого бытования лучников. Лучник хорошо вентилировал хату [1].

В районах с земляным или глиняным полом обычно не ставили сосуда с водой для отпадающих от горящей лучины угольков, а делали это̀ только в том случае, если пол был устлан соломенной настилкой (при сильных холодах). Иногда лучину жгли в особой печурке или нише, вырезанной на краю печи и имеющей выход для дыма прямо в печь или печную трубу. Этот способ, называемый в Черниговщине и на Волыни *світля́ч, комінóк*, является, пожалуй, наиболее древним по времени возникновения, так как связан с печью, с очагом. Этот же способ освещения отмечен и в Сибири, в Енисейском крае, где его называли «камином». Камин представлял собой нишу размером 10 × 10 × 15 см, устроенную в углу печи, выходящем в сторону избы. В верхней части ниши имелось отверстие, соединенное с дымовой трубой печи. В нишу, широко открытую в сторону комнаты, клали смолье. Хорошо высушенное смолье горело настолько ярко (и достаточно ровно), что за столом в углу можно было читать. Для присмотра за камином ставили малыша, который время от времени подставлял в камин одно-два поленца [2].

Приспособления для лучинного освещения, впрочем, очень разнообразны. В Белоруссии при молотьбе в гумнах в темное осеннее и зимнее время употребляли *пересвет* — ящик на ножках, обмазанный глиною, в котором жгли огонь. В Иркутской губ. около тока ставили *очаги* — небольшие срубы, набитые землей, на которых жгли дрова или смолу во время ночной молотьбы.

В южной Украине, до широкого распространения керосина, употребляли каганéц, не менее древний, чем лучина. Каганец представлял собой род глиняной плошки, часто на ножке [3]; большой частью в плошке с одной стороны делали рыльце или носик (небольшую выемку) для фитиля — «гнòта», сделанного из скрученной грубой ветошки. Для каганца употребляли жир из свиной брюшины, баранье сало, коровье и конопляное масло и другие виды жиров. Чтобы каганец освещал всю хату, его помещали на высокую подставку — *соху*, которую вбивали в глиняный пол (*долівка*) около печи, как раз под сволоком. С удешевлением керосина каганцы начали быстро выходить из употребления, но еще в 1924 г. из обследованных Санитарной комиссией 10 тыс. хат — 54% освещались каганцами [4].

У великорусов и белорусов каганцу соответствовала плошка, большей частью без ножки (областные ее названия: *жи́рник, жирови́к*,

[1] Если в хате имелся лучник, то в праздник «женитьбы комина» «женили» и комин и лучник.

[2] Н. И. Воробьев. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енисейская губ.). Казань, 1926, стр. 79.

[3] Глиняный светильник на ножке найден в так называемой землянке художника XIII в. в Киеве (изображение его — см. М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, рис. 14).

[4] Р. С. Данковська. Українські народні світильники. «Науковий збірник», ч. VII. Харків, 1924, стр. 1—11.

са́льник, *све́чник*, *ночник*, *лейка* и т. д.). Есть много сведений об употреблении плошек крестьянами Европейской части России, Сибири, Алтая, даже тех районов, где широко пользовались свечами (например, если свечи все вышли или не успели их наготовить). Употребляли и самодельные глиняные плошки, и любую плоскую металлическую посуду — маленькие сковородки, старые эмалированные тарелки. Сала наливали мало, лишь постепенно подливая понемногу, чтобы горящая тряпочка-светильня держалась все время на поверхности.

В сибирском заполярье (по низовьям сибирских рек), в Охотско-Камчатском крае русские старожилы-сибиряки жгли в своих лейках рыбий жир, который в изобилии давало их охотничье-рыболовное хозяйство [1].

Освещение плошками считалось лучше лучинного, хотя и давало много копоти и чада и требовало частой смены светилен. В Белоруссии плошки были в ходу в более зажиточных домах; в постные дни сала в плошках (как и свечей) не жгли.

Напомним, что в царской России до распространения электричества плошками освещали городские улицы. Для иллюминации в праздничные дни, еще в первые годы XX в., зажигали в городах тысячи плошек [2].

В старой русской и белорусской деревне в широком употреблении (в гораздо большем, чем обычно думают) были самодельные с в е ч и. По материалу — это были свечи сальные и восковые, по технике изготовления — ма́каные, ка́таные и литы́е. Больше всего употреблялись сальные свечи — из говяжьего, бараньего и козьего сала (на Алтае русские считали лучшим для этой цели сало маралье, т. е. оленье, а самым плохим — свиное). Со свечой спускались в подполье, выходили в сени, в кладовки, во двор к скоту, со свечами молотили зимой на гумне (иногда вставляя их в слюдяной фонарь). Для освещения собственно жилища самодельные свечи широко применялись у русских в Сибири, на Алтае, где лучина уже давно была забыта. В районах же, где лучиной еще широко пользовались, как, например, в Белоруссии, в б. Архангельской губ., свечи зажигали предпочтительно по большим праздникам, на святки, при съезде гостей. Вставляли их в подсвечники, также большей частью самодельные — из глины или в виде деревянной колодочки с углублением, иногда — в металлические с острием сбоку, для втыкания в щель в бревне или в паз между бревнами; в качестве подсвечников приспосабливали также сырую брюкву или свеклу.

Простейшим видом свечи, с которой в Вологодской обл. выходили в скотный двор, была *нитка* — пучок длинных льняных нитей, пропитанный коровьим («скотинным») или бараньим салом и навернутый на палку. Настоящие сальные свечи изготовлялись, как уже указывалось, двумя способами — литьем и маканьем. В последнее время наиболее распространено было литье. Для этого употребляли металлические формы, называвшиеся *лейками*. Лейка представляет собой цинковую или оловянную «дудку» — трубку длиной 30—35 см, с поперечником в 2—3 см. На одном конце ее — воронкообразное расширение, другой заканчивается конусом (по форме верхушки свечи) и имеет небольшое отверстие. Через трубку пропускали *свети́льно* — скрученный в жгут из кудели и сложенный вдвое фитиль; получившаяся петля удерживалась на воронке при помощи небольшой лучинки, а концы петли, продетые сквозь отверстие

[1] Вытопка рыбьего жира на Камчатке производилась в старых лодках — батах: бат наполняли рыбой, в эту массу опускали раскаленные камни, вытапливаемый жир всплывал на поверхность (М. А. С е р г е е в. Народное хозяйство Камчатского края. М.— Л., 1936, рис. 43).

[2] Р. С. Д а н к о в с ь к а. Указ. соч., стр. 9.

в узком конце лейки, завязывали узлом, концы отрезали и отверстие затыкали. Перетопленное и растопленное сало наливали в форму и, когда сало застывало, свечу вынимали из лейки. Для удобства лейку вставляли в станочек в виде деревянной скамеечки с отверстиями для леек [1]. Некоторое усовершенствование представляет прибор для литья сразу двух свечей и более, еще в конце XIX в. бытовавший в Вологодской обл. (*левóк*), в Прионежье (*льяло*) и в других местностях. Это был плоский жестяной ящичек, в дне которого имелись отверстия диаметра свечи; к отверстиям были припаяны жестяные дудки обычного типа; растопленное сало наливалось в ящичек и оттуда стекало в дудки [2].

Лили свечи в любое время года; для скорейшего застывания дудки опускали зимой в снег, а летом в воду. В жаркое время можно было их ставить в подвал. Из сала, получаемого с одного быка, выходило до сотни свечей.

Домашнее литье свечей возникло довольно поздно, так как формы для литья свечей распространились повсеместно лишь в XVII в. (вначале формы выделывали из жести, впоследствии из олова). В Белоруссии известны формы из дерева и из древесной коры. В Сибири (в русских селениях по р. Лене) известны в качестве форм для литья свечей кишки домашних животных и полые стебли («дудки») зонтичных растений: борщевика (Heracleum dissectum) и дягиля (Archangelica officinalis) [3]. На Украине для этой цели использовались полые стебли болиголова (также из зонтичных), называемого здесь «бугила» (Conium maculata) [4].

Гораздо более древним способом является маканье, которым пользовались преимущественно в холодное время года, когда быстрее стынет сало. При этом способе употреблялся высокий и узкий сосуд — «маканица» (кадка или кувшин). Заготовленный из пряжи фитиль перекидывали через лучинку и обмакивали в маканицу с растопленным салом; после погружения лучинку с фитилем вытаскивали и вешали на холодке, чтобы осевшее на фитиле сало застыло на нем. Затем макали один за другим следующие фитили; когда обмакивался последний, первый застывал, и его можно было макать снова. Каждый фитиль надо было обмакнуть раз 15, чтобы получилась нужная по толщине свеча — «мàканец». При более массовом изготовлении (например, у русских жителей Алтая) в большой сосуд с растопленным салом обмакивали сразу несколько фителей, подвешенных на палку; тут же рядом ставили кóзлы с жердями для раскладывания палок с застывающими маканцами. Маканые свечи отличаются от литых несколько большей длиной и меньшей толщиной, а также тем, что их поверхность не так ровна, так как сало наслаивается неравномерно и, кроме того, у нижнего конца свеча получается толще. Вообще же длина маканцев зависит от глубины сосуда и количества в нем сала.

В районах, где было развито пчеловодство, выделывали и восковые свечи. Наиболее распространены были кàтаные свечи. Для этого воск слегка разогревали (опуская, например, в горячую воду), скатывали ру-

[1] Такие деревянные станки-скамеечки с лейками употреблялись и у некоторых народностей Сибири, заимствовавших у русских (см. «Бухтарминские старообрядцы»). Л., 1930, рис. 43 на стр. 179.

[2] Н. Иваницкий. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. «Живая старина», 1898, вып. 1, рис. 24.

[3] «Медико-топографический сборник». СПб., 1870, стр. 262.

[4] Л. Шульгина. Приклади для освітлення в с. Бубнівці на Поділлі. «Матеріяли до етнології». II. Київ, 1929, стр. 58—59. Здесь же подробно зарисован весь процесс литья свеч (табл. II).

ками в виде длинного валика, затем расплющивали его на гладкой доске в длинную плоскую лепешку, положив на нее по длине фитиль из льняной или пеньковой ссученной пряжи, закатывали его в воск при помощи второй дощечки. У русских Алтая это называлось «скать свечи» [1]. Изготовляли восковые свечи и маканьем. Обмакивая светильню несколько раз, получали не очень ровную свечу, которую затем выравнивали между двумя дощечками. Для увеличения толщины свечи у белорусов маканые свечи подвешивали к особому колесу, надетому на воткнутый в землю шест, и, поворачивая колесо, свечу за свечой обливали расплавленным воском, который стекал в подставленный широкий сосуд [2]. Обливание и катание производили несколько раз, до получения свечи желаемой толщины. Такие восковые свечи состояли из нескольких концентрических слоев, указывающих число обливаний. Их также отделывали катаньем между досками.

Употребление восковых свечей было связано главным образом с религиозной обрядностью — ставили их около икон, зажигали около покойника и во время поминок, брали в церковь и т. п. У белорусов с восковой свечой ходили в хлев для приема новорожденного животного.

Свечным освещением пользовались преимущественно середняцкие и зажиточные слои старой деревни. Изготовление домашних свеч регулировалось количеством сала от убойного скота в хозяйстве или наличием воска; приобретение покупных свеч зависело от покупательной способности населения.

Керосиновое освещение начало распространяться в деревне почти с того времени, как стал входить в разных странах во всеобщее употребление русский (точнее бакинский) керосин, т. е. с середины 1860-х годов. Появляясь первоначально в подгородных селениях, затем в зажиточных хозяйствах районов, более удаленных от городов, керосиновая лампа медленно, но неотступно вытесняла лучину, жирник, каганец, свечи. Первое время лампу употребляли в деревне лишь в торжественных случаях, но постепенно каганец, свечи и пр. уступали ей место и ими пользовались лишь для освещения погреба, клуни, мельницы и т. п. Во многих сельских районах керосин широко употребляли уже в 1870 — 1880-х годах, в 1890-х он распространился повсюду, и к началу XX в. все остальные способы освещения почти сошли на нет [3].

На распространении керосинового освещения сильнейшим образом сказалось классовое расслоение деревни: все зависело от покупательной способности крестьянина, и даже при всеобщем употреблении керосиновой лампы лучина в бедняцких домах держалась очень долго.

Широко были распространены коптилки — *гасник* (рус.), *карасíрница* (укр.) в виде маленькой жестяной лампочки с тонким, круглым фитильком, без стекла. Чуть мерцающее пламя распространяло едкую, удушливую копоть и давало мало света, так что еле можно было различать очертания предметов, но зато на коптилку шло очень мало керосина.

В русской деревне особенно привилась висячая лампа с большим жестяным колпаком-рефлектором сверху, с плоской, 14, 10 или 5-линейной горелкой (с шириной фитиля, обозначаемой этими цифрами, увеличиваются размеры пламени и сила света). Лампа подвешивалась на

---

[1] Термин «скать» употребляется в русских говорах для обозначения раскатывания теста (отсюда — скалка).

[2] А. К. Сержпутовский. Бортничество в Белоруссии. В кн. «Материалы по этнографии России», т. II. Пг., 1914, рис. 25.

[3] Во многих великорусских районах керосин в деревне называли «карасúн», «гас», в украинских — «петрóль»; ламповое стекло называли «пузырем».

крюке, ввинченном в потолок в переднем углу над столом. В меньшей степени были распространены небольшие подвесные стенные 5-линейные лампочки также с плоской горелкой и боковым рефлектором из жести (в городах их называли кухонными лампами); стоячие лампы употреблялись очень редко. Все эти лампы скудно освещали пространство около себя, углы избы оставались в потемках.

У украинцев для подвешивания стоячих ламп в любом месте хаты имеется специальное приспособление — *штевюг;* это длинная деревянная линейка с отверстием вверху для привешивания на гвоздь и с прикрепленной круглой полочкой на нижнем конце для лампы [1]. Керосиновые лампы с круглой светильней, с разнообразными абажурами, принятые в городском быту до введения электрического освещения, в деревне применения не нашли.

Электрического света деревня до революции не знала, его не знали и многие небольшие города. Электрические лампочки стали проникать в деревенский быт только при советской власти. Народ назвал их «лампочкой Ильича».

---

[1] В. А. Бабенко. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905, стр. 28.

X. ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕТАЛИ КРЕСТЬЯНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ВОРОТА

При обзоре крестьянского жилища нельзя пропустить такую яркую деталь народного зодчества, как ворота. Среди огромного разнообразия видов ворот следует выделить две основные группы: одна — ворота в крытом дворе Севера, Верхнего Поволжья и отдельных районов Западной Сибири; другая — ворота в ограде четырехугольного сверху открытого, замкнутого двора.

Ворота в крытых двухъярусных и одноярусных дворах представляют собой широкий проем в бревенчатой стене, ограниченный с боков мощными, вытесанными из толстых бревен столбами — косяками, соединенными сверху массивной перекладиной — притолокой; на каждом столбе подвешено полотнище (щит) двухполотных (т. е. двустворчатых) ворот (рис. 57).

В северном двухъярусном дворе тесовые [1] ворота имеются в каждом ярусе: ворота, ведущие во двор, внизу и ворота, ведущие на поветь, к которым ведет взвоз. Ворота в крытом дворе являются подчиненным элементом и не оказывают существенного воздействия на вид всего здания. Некоторое исключение — ворота в крытых дворах Западной Сибири, очень примечательные в декоративном отношении [2].

Совершенно иное место занимают ворота в открытом дворе, где они составляют часть окружения замкнутого двора и имеют самостоятельное значение, как центральная композиционная часть в лицевой, фасадной стороне всей усадьбы.

В районах распространения замкнутого двора устройству и украшению ворот всегда уделялось много внимания; по качеству ворот судили о зажиточности и исправности хозяина.

Повсеместно распространен асимметричный тип «ворот с обвершкою», т. е. крытых; это собственно ворота, большей частью двухполотные, служащие для проезда, с калиткой сбоку для пешеходов [3]. Основу всей

---

[1] В этой связи любопытно, что в глубокую старину до термина «тесовые ворота», характерного для XVIII—XIX вв. (см. у А. В. Кольцова: «Ворота тесовы растворилися...»), бытовал термин с тем же значением — «чанные ворота», т. е. досчаные ворота (см. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951. стр. 371).

[2] См. Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 84, 86, 89 и 246.

[3] Для обозначения калитки известен ряд местных терминов, например «прикали́ток», «воро́тка» (Вологодская обл.), «фортка» (белор., гуцулы). У донских казаков «калиткой» называется оконная форточка.

конструкции составляют три массивные столба — *верей* [1], связанные между собой бревном — *прогоном*. Если ворота из одного полотна, то они навешены на *верейный столб*, а затворяются на *притворный столб*. Все сооружение перекрыто узкой тесовой крышей, двускатной в старых воротах или четырескатной в более новых; крыша защищает столбы и полотнища ворот от дождя и снега и тем предохраняет их от загнивания. Высота ворот делалась такая, чтобы в них свободно мог проехать воз сена.

В черноземной полосе, при отсутствии дешевого леса, в XIX в. двускатную крышу ворот крыли уже соломой, с сохранением всей композиции ворот, выработанной в условиях изобилия лесного материала в давно прошедшие времена.

Сравнительно редки симметричные ворота с калитками по бокам проезжей части; в таких случаях нередко одна из калиток — декоративная (фальшивая), она лишь уравновешивает композицию ворот в целом; подобные ворота с двумя калитками были особенно характерны для усадеб зажиточных крестьян в Западной Сибири. Изредка калитку устраивают не сбоку, а прорезают ее в полотнище самих ворот.

Ворота запираются обычно толстым деревянным брусом (засов, *поперешник*), закладываемым изнутри поперек обоих полотнищ. Пролаз под воротами — подворотня — закладывается особой доской.

Своеобразный вариант представляют ворота, в которых вместо крыши все три опорных столба связаны наверху одним искривленным толстым бревном с закруглениями на концах, отдаленно напоминающими волюты; естественные изгибы ствола образуют род арок над пролетами калитки и проезжей части. Такие ворота встречаются в Омской обл.

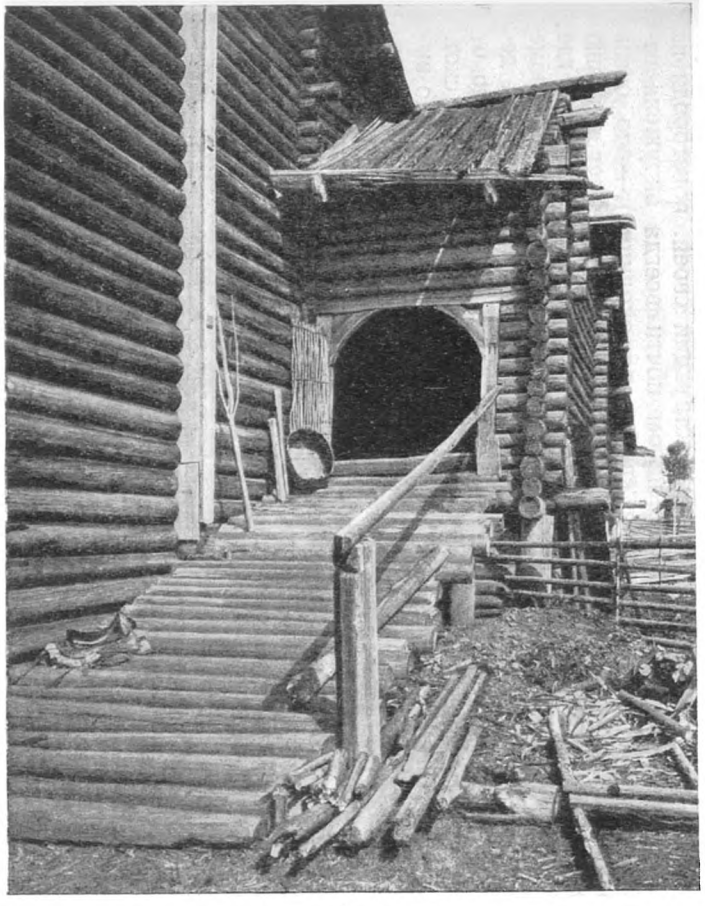
В связи с тем вниманием, которое при постройке двора уделяется воротам как части усадьбы, на них можно встретить все виды украшений, применяемых в сельском строительстве. Вместе с тем, на украшения ворот, наряду с очень древними строительными традициями, оказали сильное влияние церковное зодчество и различные городские стили — барокко, ампир и др. [2]

Слово «ворота» в современном значении является очень древним; оно имеется во всех славянских языках, а у восточных славян было в употреблении уже в X в. Ворота играли большую роль в старинном свадебном обряде [3], а обращение «верея, вереюшка» неоднократно встречается в старинном русском фольклоре. Но тесовые ворота, как сложное, установившегося типа сооружение, композиционный центр всей усадьбы,—

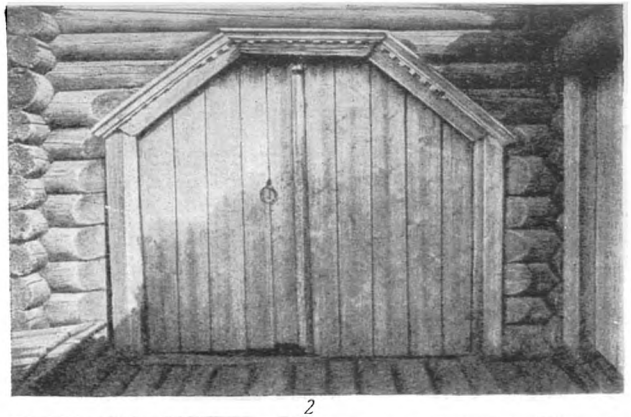
[1] «Верея» — древний славянский термин, известный в памятниках (верiѧ) с XII в. Массивные вереи составляли гордость хозяина; для установки их созывалась помочь, сопровождавшаяся угощением.

[2] Фото и зарисовки разнообразных тесовых ворот и украшений на них приведены в упоминавшихся уже работах: И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, рис. 51—58, 60—62; его же. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, рис. 31—32, 59—67, 69—72; Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 230—254; его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири, рис. 196—219.

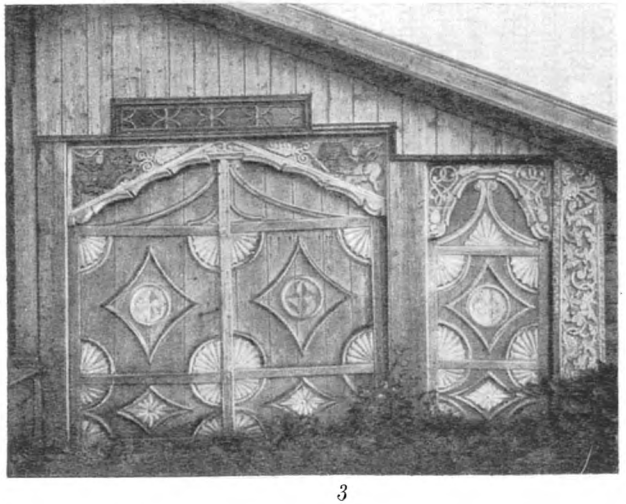
[3] Интересную подробность рассказывали автору в 1920-х годах крестьяне в Ярославской обл.: бывали случаи в старину, что подкатят сани с «молодыми» из-под венца к воротам, надо лихо, со всего разгона вкатить во двор, а кони вдруг остановятся, как вкопанные, храпят и, невзирая на удары и понукания, ни за что не идут в ворота. Это значит, кто-то хотел «испортить» свадьбу и заколдовал вереи. Тогда приходилось приглашать колдуна, он «снимал порчу», и «молодые» въезжали во двор. Любопытнее всего было даваемое рассказчиком рационалистическое объяснение: оказывается, «колдунам надо заработать, вот колдун накануне венчания потихоньку обмазывал вереи медвежьим салом, которое запахом своим отпугивало лошадей; когда же его приглашали, колдун густо смазывал вереи чесноком или луком, перебивавшим медвежий запах, лошади больше не чуяли его и шли!».



1



2



3

Рис. 57. Ворота великорусских дворов

1 — общий вид взвоза и ворот, ведущих на поветь двухъярусного двора (погост Великая Губа Петрозаводского уезда, Карелия); *2* — ворота, ведущие в крытый севернорусский двор (с. Великий Двор Архангельской губ. Постройка 1844 г.); *3* — ворота с глухой резьбой, ведущие в крытый одноэтажный двор скрытой двухрядной связи (дер. Сологузово Городецкого р-на Горьковской обл. Постройка конца XIX в.)

характерны лишь для областей, населенных великорусами, да для восточных районов Белоруссии (главным образом Витебской, Могилевской областей), представляющих во многих отношениях переходную зону между великорусской и белорусской культурой.

В легких изгородях и плетнях украинских и белорусских деревень устроены большей частью лишь несложные жердяные воротца того типа, который характеризует ворота околицы великорусской деревни (см. ниже, стр. 283—285).

Дощатые ворота, ведущие в сарай, клуню, одрину и подобные им постройки, называются у белорусов не воротами, а дверями *(дзвери)*. Такая «дверь» очень часто ходит на во́роте; для этого в верее (последняя называется у белорусов *шу́ла,* т. е. столб) выдалбливается продольный желоб, в который вставляется круглый *сук* от обвязки дверного щита, так что дверь может свободно вращаться в желобе [1].

В тех местах Белоруссии, где встречаются поселения великорусов (например, старые селения старообрядцев в Гомельской обл.), их большие избы, окруженные тесовым забором с традиционными воротами, резко контрастируют с преобладающими в крае белорусскими хатками.

В районе Карпат гуцульская гражда своими массивными воротами под двускатной крышей (местное название их — *бра́ма*) заставляет вспомнить эту характерную особенность построек среднерусской полосы и Сибири.

ИЗГОРОДИ

Виды изгороди зависят от формы поселения и типа застройки двора. Северный двор-дом, сам по себе, по конструкции своей, в изгороди не нуждается. Северная же деревня в целом почти всегда окружена изгородью, околицей (ср. выражение «выйти за околицу»),— это очень заметный след старой общинной традиции. Околица отделяет деревню от окружающих ее угодий, например от поскотины (т. е. выгона, где пасется скот), в большинстве случаев примыкающей к деревне [2]. Кроме того, при трехпольной системе, господствовавшей в старой русской деревне, каждое из трех деревенских полей отделялось изгородью от остальных, так как на паровом поле, пока не убрали хлеб, пасся скот. Лишь после того, как хлеб был убран и свезен с поля, можно было выпустить скотину на «хлебные» поля. Огораживались также и гуменники, иногда и покосы.

Изгороди *(изгоро́да, огоро́да, огоро́дь, осе́ка, осе́к, пря́сло* и другие областные наименования) в северных районах, в сущности, сводятся к двум основным типам: косые изгороди Севера и повсеместно распространенные изгороди из горизонтальных жердей.

Косые изгороди устраивают в лесистых местностях из целых хвойных деревьев, преимущественно из нетолстых елок со всеми ветвями; их наваливают наклонно одну на другую, закрепляя через некоторые промежутки вбитыми попарно с двух сторон кольями, связанными между собой прутьями или корой молодой ели. К ним преимущественно относится название «осека» у великорусов, белорусы называют их *повàловая изгоро́да* [3]. Осеком огораживали поскотину со стороны леса и летнее пастбище в лесу для рогатого скота — так называемое летовище.

[1] Зарисовки см. Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929, рис. 39—40.

[2] О поскотине — см. в разделе о сибирских селениях (стр. 57—58).

[3] Эти старинные изгороди можно видеть в альбоме Мейерберга (Указ. соч., рис. 4 и др.). Еще в конце XIX в. на русском Севере с ними было связано много примет.

Шире распространены изгороди из горизонтальных жердей, очищенных от коры и ветвей. Они укрепляются двумя способами: 1) жерди прокладываются между попарно вбитыми кольями, которые «завичивают», т. е. обвязывают и стягивают «ви́цей». Ви́цу («ви́ча») скручивают из свежесрубленных, иногда слегка распаренных на костре молодых гибких ветвей или прутьев, также называемых ви́цей; на Севере на это идут ель, пихта, можжевеловые корни, в средней части Европейской России — ива, черемуха, береза. На вязки или перевязи из вицы и кладут жерди; 2) толстые столбы вкапывают на определенном расстоянии один от другого, в них продолблены долотом отверстия на одинаковой высоте, в эти отверстия-прорези вкладываются жерди.

Так как в тех местах лесной полосы, где скот выпускали в огороженную поскотину на свободную пастьбу, без специального пастуха, необходимы были исправные полевые изгороди, то обычным правом были выработаны обязанности крестьян по сооружению и исправлению этих изгородей, принципы разверстки расходов между общинниками и пр. Единицей счета при этом было *прясло* — часть изгороди «в полную жердь», т. е. на длину жерди (5—6 м); прясло считалось также звено изгороди от одной пары кольев с подпорами до другой пары (в середине прясла есть два кола, но без подпор). На кольях изгороди общинники ставили свои меты и зарубки, так как каждый отвечал за определенные звенья — прясла (в зависимости от числа голов выпасаемого скота). В старину одного из общинников «наряжали от мира» (т. е. деревенская община поручала ему) следить за исправностью изгородей околицы и полей, его называли «пря́сельный». «Пря́сельником» называли собранный на изгородь лес — колья и жерди из молодых елок, у комля около 9 см, длиной более 6 м. В такой изгороди жерди выдерживают смены три кольев и даже больше.

Юридические обычаи сельского населения в отношении изгородей нашли отражение в таких письменных источниках, как Княжеский судебник 1497 г., Царский судебник 1550 г. и др. Особенно характерны постановления Судебника 1589 г., например: «А огород ставить около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая. А осек ставит 7 хлудин [1] нарочитая. А чия животина через такой огород пакость сотворит, и сыскав на том протрав взяти» [2] (рис. 58, *1*).

Данное постановление любопытно для нас тем, что современные изгороди многих мест, например Новгородской обл., Западной Сибири, Забайкалья, содержат от 6 до 8, а в среднем 7 горизонтальных жердей, в чем можно видеть большую древность этого типа изгороди. В Западной Сибири различают *стеновую изгородь* — прочную, с большим числом жердей, охраняющую пашню от потравы скотом. Более редкая (менее плотная) изгородь называется *боровой* и *луговой,* так как служит оградой для менее ценных угодий — боров и лугов.

Для проезда, для прогона скота в изгороди у околицы, у проезжих дорог устраиваются ворота (*воротца, отвод*), обычно отворяющиеся

Так, например, в Вологодской губ. не сдирали кору с кольев для осека, чтобы медведь «не задрал» скотину; нельзя было начинать «городить осек» в постный день (т. е. в среду и пятницу), чтобы не пришлось из-за зверя остаться без молока и без мяса, т. е. на постной пище и т. п.

[1] «Хлуди́на» — длинная жердь; старинное слово, удерживающееся еще в ряде говоров. Больше известно слово «хлуд» — жердь, которою пригнетают при увязке воз сена или соломы; затем шест, на котором двое несут на плечах ушат, и др. (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 567—568).

[2] В. Седашев. Изгородь северной дервни. ЭО, 1908, № 4, стр. 136.

в сторону деревни; они также состоят из горизонтальных жердей и снабжены запором в виде *оцепа*, т. е. колодезного «журавля» (рис. 58, *2*), или в виде других хитроумных приспособлений [1]. При устройстве ворот широко используют «самородные крюки» («ко̀пань»), т. е. ели, выкопанные вместе с длинными корнями, отходящими от ствола под прямым углом [2] (то же отмечено и у белорусов).

Часто вместо полевых ворот в изгороди устраивают разборные прясла или заворки: вкапывают два столба, метра два высотой; в них на одинаковых уровнях продалбливают дыры, в которые вкладываются жерди *(во̀ры, заво́ры, завòрницы);* когда надо проехать, закладные жерди вынимают. Отсюда — «завòрить», т. е. заложить прясло жердями; *заво́рчатая* городьба — изгородь из горизонтальных жердей. Часто осенью разбирают отдельные участки этой изгороди, для свободного прохода скота на убранные поля, а весной вновь «жердя́т прясла», т. е. вкладывают вынутые осенью жерди.

Начиная со среднерусской полосы и далее к югу, где не было обычая выпускать скот в поскотину, а нанимали настоящего пастуха, оттонявшего деревенское стадо на определенное пастбище,— не устраивали ни полевых изгородей, ни ворот, ни околицы. В области распространения покоеобразной и четырехугольной застройки усадьбы изгородь составляет необходимую часть крестьянского двора. В зависимости от условий, точнее от имеющихся под руками строительных материалов в сочетании с этнической традицией и с экономическим положением, изгороди средне- и южнорусской полос чрезвычайно разнообразны. В зоне лесостепи, не говоря уже о зоне смешанного леса, наиболее древними формами являлись т ы н ы, например дубовые тыны поселенцев у южной границы Московского государства, т. е. ограды из стоймя врытых бревен, окружавшие избы первопоселенцев [3]. Такие ограды давно уже исчезли даже из самой памяти населения (мы узнаем о них из старинных актов и изображений), хотя ограды из стоймя вбитых в землю вплотную друг к другу кольев, под названием «частокол», «острокол», были известны у белорусов и у великорусов, но они уже повсюду отошли в прошлое. Затем были распространены в е н ч а т ы е о г р а д ы, плотно сложенные из бревен, заведенных в пазы вертикальных столбов; в начале XX в. такие ограды дворов сохранялись кое-где в зажиточных хозяйствах лесистых районов северной Черниговщины, Брянского полесья и глухих уголков Вятско-Камского края и Рязанской обл. (см. рис. 35 и 36).

В районе покоеобразной застройки Вятско-Камского края, в Белоруссии, в Сибири — ограда двора часто представляет собой обычный д о щ а т ы й з а б о р; в ряде сибирских говоров забор называют «запло́том» [4], в Белоруссии — «плотом», «заметом», «горо̀жей»; «гаро̀д» у белорусов — огороженное место.

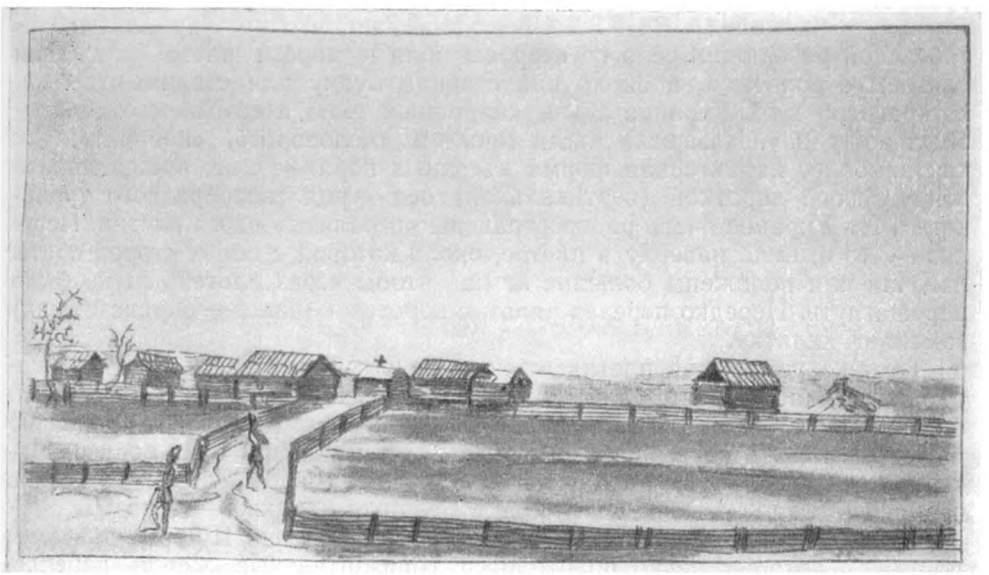
Наиболее распространенным видом изгороди, окружающей усадьбы южно-великорусов и украинцев или применяемой при устройстве разных загородок и закут на дворах, является п л е т е н ь (у смоленских бело-

[1] Д. А. М а к а р о в. Крестьянские полевые ворота. «Краеведение», 1929, т. VI, № 5, стр. 293—296, рис. 1—3.

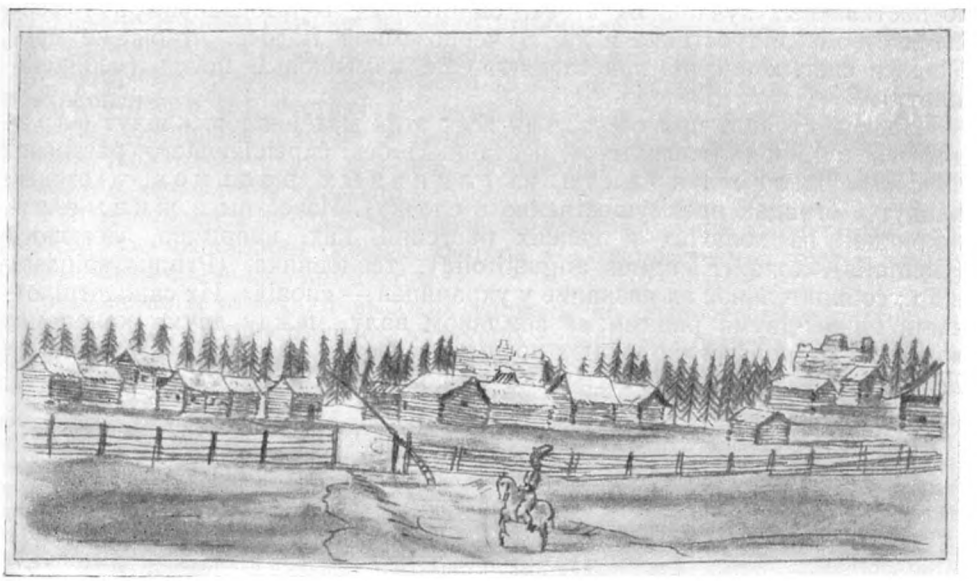
[2] Л. К а з а р и н о в. Изделия из копани в Чухломском уезде. «Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края», вып. 41. 1927, стр. 133—137.

[3] Старое значение слова «тын» в Белоруссии и на Украине утеряно и тыном называют всякий сплошной забор, даже плетень, но в Сибири до сих пор «тыни́на» означает заборный кол.

[4] От слова «запло́т» в Сибири распространены производные: «заплоти́ть двор» — огородить дощатым забором, «запло́тник» — материал для забора, «запло́тчик» — плотник, который ставит заплот.



1



2

Рис. 58. Виды русских деревень XVII в.

1 — дер. Кляпово близ Пскова: на переднем плане — огороженные поля и прогон между ними; *2* — дер. Опоки между Псковом и Сольцами: у околицы — ворота с оцепом

русов даже место на дворе под навесом для сена, огороженное плетнем, зовут «плетневкой» [1]). Ф. К. Волков указывает, что на Украине до Октябрьской революции село со стороны поля и дороги часто ограждали плетнем с воротами, а около них ставили будку для старика-сторожа, которого по всей Украине звали «цàринный дід», а самый въезд назывался «цàрина». Называли въезд также и «кòловорот», «кòворот», так как наиболее характерная форма въездных ворот — щит, вращающийся вокруг своей короткой (вертикальной) оси — род своеобразного турникета [2]. На Украине очень распространены «перелазы» через плетни. Перелаз — это выемка наверху в плетне, около которой с обеих сторон сбиты лавочки или положены большие камни, чтобы через плетень легко было перешагнуть. Нередко перелаз рядом с воротами (чаще — справа от них) заменяет калитку.

Техника устройства плетня и употребляемый материал очень разнообразны. Классический, если можно так выразиться, плетень юга нашей страны — это плетение горизонтальными венками (более правильно было бы сказать косами) вокруг вбитых стоймя одиночных кольев. Материал — гибкие ветви различных видов ивы (вербы, лозы, тальника, чернотала и др.), реже — орешника, в Белоруссии также — березы.

Способ плетения венками наиболее распространен. Широко известны плетни, в которых редко положенные горизонтальные жерди переплетаются вертикально поставленными вплотную друг к другу, срезанными в высоту изгороди тонкими хворостинами. В районах тростниковых зарослей обычны разнообразные «камышовые» изгороди — из вертикально поставленых пучков, из стоек, оплетенных горизонтально положенными стеблями тростника и др. В черноземной полосе, чтобы не пробивался снег, к плетню приставляют еще камышовые щиты («общи́чивают»).

На юге страны, при отсутствии всех этих материалов, кладут ограды из камня (известняка, песчаника) без скрепляющего раствора, из саманного кирпича, из глиняных вальков (которые кладут в оградах преимущественно в елочку). Известны и живые изгороди из колючих и цепких растений, как, например, ломоноса (Clematis), лоха (Eleagnus angustifolia), терновника (Prunus spinosa) и др.; собирательное их название у украинцев — «повій». Их сажают плотными одним-двумя рядами на земляном валу, между двумя канавами; живыми изгородями окружают преимущественно усадьбу и огороды. На Дону огороженное место называют «горожòнки», а огород — «горòд».

---

[1] Плетень — очень древняя деталь строительства: плетневые загородки около бревенчатых хлевов найдены уже при раскопках Старой Ладоги (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, 1950, XII, рис. 22, 23, 28). Слово плетень встречается в памятниках XIII в.

[2] Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, стр. 539—540.

XI. ВОДОСНАБЖЕНИЕ СТАРОЙ ДЕРЕВНИ

КОЛОДЦЫ

В глубокой древности восточные славяне всегда устраивали свои поселения на берегах рек и озер, которые и снабжали население водой. И до сих пор еще многие селения пользуются исключительно речной водой. Не менее тысячи лет известно на восточнославянской территории и добывание грунтовой воды при помощи колодцев. Они являются почти необходимой принадлежностью великорусской, белорусской, украинской деревни, особенно если она расположена на суходоле (т. е. на водоразделе), в стороне от рек и озер.

Наиболее типичная и древняя форма колодца — сруб, опущенный в землю несколько глубже верхнего уровня грунтовых вод. Колодезные срубы найдены при раскопках Старой Ладоги в горизонтах X в. [1]

Наряду со срубными колодцами, в среднерусской полосе, не столь обильной лесом, и в местах, где грунтовые воды расположены неглубоко, известны колодцы, одетые вставленной в землю дуплистой колодой. У белорусов такая кадка без дна, одевающая колодец, выдалбливается из липы и называется «ка́долба» [2].

Рытье колодцев всегда считалось на Руси сложной и ответственной работой. Ее выполняли особые мастера — «коло́дезники», труд которых оплачивался сравнительно дорого [3].

Специалисты отмечают высокий уровень колодезного дела в древней Руси, широкое распространение в городах «тайницких башен» со скрытыми в тайниках, на случай осады, колодцами. В них, наряду с подведением

[1] Сб. «Старая Ладога». Л., 1948, рис. 25. Слово «колодец», «колодезь», известное почти всем славянским языкам, сторонники норманской теории считали заимствованным от древнегерманского kaldingas (холодный). Более убедительным представляется связь слова «колодец» с общеславянским «колода». Само слово «колодец» в форме «колодезь», «колодязь», «кладязь» очень часто встречается в старых русских летописях. Впервые оно упоминается под 997 годом в рассказе о военной хитрости жителей г. Белгорода, при помощи которой они избавились от печенежской осады: они придумали «ископати колодезь и вставити тамо кадь», куда налили «цежу» (жидкий кисель), а в другой такой же колодезь с «кадью» — медовую сыту. Печенеги поверили, что белгородцы достают себе пищу из земли, и сняли осаду (Полное собрание русских летописей. т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2, Л., 1926, стр. 128).

[2] У украинцев и отчасти у белорусов неглубокий колодец в поле (а также и источник, ключ) носит название *крини́ця*. В южной Украине распространено название *ко́пань*.

[3] О высокой расценке колодезных работ может свидетельствовать, например, запись, сохранившаяся в документах Макарьевского монастыря на р. Унже (Костромской обл.) под 1624 г.: уплачено мастеру 2 руб. за то, что выкопал колодец; в том же году куплена корова за 1 руб. Н. И. Фальковский. История водоснабжения в России. М.—Л., 1947, стр. 71.

воды из поверхностных водоисточников, устраивали обычные грунтовые колодцы и, часто, инфильтрационные колодцы в аллювиальных отложениях рек (в этом деле древняя Русь намного опередила Западную Европу [1]).

В дореволюционное время «колóдезничанье» было одним из видов неземледельческого отхожего промысла; «колóдезничали» главным образом костромичи и смоляне. Для точного определения лучшего места для рытья колодца очищали землю в намеченном месте и опрокидывали на нее чугунную сковороду или стакан. Если вода была близко, то через сутки внутренние стенки сосуда отпотевали.

На колодезные срубы идет дерево преимущественно твердых пород, главным образом дуб (почти всегда, когда в старинных документах упоминается порода дерева этих срубов, говорится о дубе); кроме дуба, долго могут лежать в воде, не сгнивая, вяз и ольха, на втором месте — сосна и ель. Лишь в полосе лесостепи на колодцы употребляется дерево мягких пород; так, например, в б. Воронежской губ. в начале XX в. около 25% колодезных срубов было из осины и ивы. Когда была возможность достать дуб, крепкий вяз, ольху, то нижние венцы на метр-полтора делали из этого леса. Весь ствол колодца должен быть срублен плотно из бревен, пригнанных в паз, чтобы земля не могла просыпаться сквозь щели и загрязнять воду. Самый низ делают, напротив, несколько щелистым для более свободного пропуска грунтовых вод. Рубится сруб обычно в лапу, для большей прочности «с потайным шипом» посредине бревен, причем венцы скрепляются шипами через 50—70 см в шахматном порядке.

Издавна уже русские колодезники применяют два способа установки колодезного сруба. При первом способе сруб опускают сверху, наращивая его вверху отдельными венцами. От собственной тяжести сруб постепенно оседает. Это — наиболее распространенный прием, особенно при рытье колодцев глубиной до 15 м. Второй способ заключается в том, что венцы сруба при углублении подводятся снизу и поджимаются рычагами к верхним. Этот способ применяется в плотных глинистых и каменистых породах и при рытье колодцев до 50—60 м глубины. При этом через каждые 5—6 венцов (а иногда и реже) два нижних бревна берут длиннее остальных с каждого конца на 35—50 см (если грунт песчаный, то делают их длиннее, до 1 м, и ставят чаще). Против длинных концов в боках породы делают углубления, которые у колодезников называются *залогами, закладами, печурами*; в эти печуры и заводятся бревна своими длинными концами. При этом способе сруб не подвергается дальнейшей осадке, а впоследствии и ремонт колодца (т. е. замену перегнивших бревен сруба новыми) можно производить с меньшей опасностью обвала.

Для безопасности (чтобы в него не могли упасть люди, в особенности дети, и животные) и во избежание засоренности колодца колодезный сруб всегда выводят на несколько венцов над землей. *Оголовок* колодца (т. е. часть сруба над поверхностью земли) имеет в высоту 0,5—1 м, площадь его обычно 1,5—2 м^2. Более благоустроенной формой является колодец, крытый дощатой крышей, односкатной или двускатной, в одном склоне которой прорезано отверстие, иногда с откидной крышкой на петлях [2] (рис. 59, *1*).

---

[1] Н. И. Фальковский. Указ. соч., стр. 280.

[2] В 1920-х годах в Воронежской обл. Губздравотдел провел выборочное изучение водоснабжения, давшее много поучительных данных. Было обследовано 2662 колодца в 399 селениях. В частности, около 40% срубчатых колодцев были крытыми (Т. Я. Ткачев. Воронежская деревня в социально-гигиеническом отношении. Воронеж, 1928, стр. 50).

В полосе лесостепи встречаются колодцы, устроенные из поставленных одна на другую бочек или кадок бондарной работы, с выбитым дном; верхняя из них, выдаваясь наполовину наружу, образует оголовок колодца. В безлесных районах черноземных областей известны колодцы, одежда которых состоит из плетня (точнее, в которые вставлена огромная, до 1,5 м в поперечнике, круглая плетенная из прутьев корзина без дна).

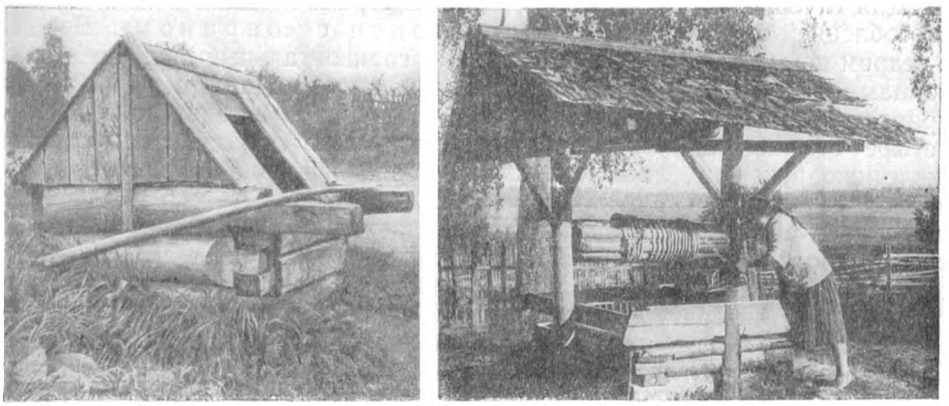


Рис. 59. Колодцы

1 — срубный колодец (с. Которско Плюсского района Псковской обл.); *2* — колодец более позднего типа, с «бараном» для подъема ведра (с. Никольское Колпинского района Ленинградской обл.)

Подъем воды из колодца производится несколькими способами, принятыми по всей территории, заселенной русскими, украинцами и белорусами.

Из неглубоких колодцев воду черпают ведром, привязанным к веревке или надеваемым дужкой на шест с суком или крюком.

У колодцев, поставленных на более глубоких водоносных пластах, для опускания и подъема ведер устанавливают «журавль» (или «журáв», «журавéль», «журавéц», «жаровец», «жеравец», «жеравь», «пóтяг», «потег»). «Журавль» устроен по принципу рычага. Он состоит из высокого столба с развилиной наверху или продолбленной вдоль прорезью, в которой на горизонтальной оси свободно качается длинная толстая жердь — «очеп, оцеп, журав» («колодец с дыбом и оцепом»); на более тонком конце ее на веревке или на цепи укреплена намертво (т. е. неподвижно) бадья или ведро (иногда это лишь крючок с защёлкой для ведра). Точка опоры очепа берется с таким расчетом, что при опускании пустого ведра человек прилагает небольшое усилие, а подъем полного ведра идет за счет утолщенного (комлевого) конца очепа, служащего противовесом. К утолщенному концу иногда приходится добавлять груз — приколачивать обрубки дерева или привязывать камень или чурбан (см. рис. 4, *1* и 35, *1*).

Колодцы с журавлями-водоподъемниками известны очень давно, и до нас дошло много их изображений на миниатюрах и рисунках XVII в.[1] Особенно детально изображены эти приспособления на миниатюрах. В частности, много дают две миниатюры XVIII в., изображающие подачу

[1] См. Альбом Мейерберга (указ. соч., рис. 35, 45, 47). Аналогичные журавли-водоподъемники изображены также на планах Москвы в иностранных атласах XVIII в.: I. Blaeu. Geographia Blaviana, т. II, кн. 4, лл. 17—18; Амстердам, 1662; Matthaei Merians Sel. Erben. Vermehrte Archontologia Cosmica. Франкфурт-на-Майне, 1695, между стр. 436 и 437.

воды в общественные бани [1]. Здесь обращают на себя внимание перекладины на опорном столбе, набитые наподобие лестницы и дающие возможность влезать на столб и менять высоту закрепления рычага-очепа в зависимости от уровня воды в колодце, а также изменять длину плеч рычага. В современных деревенских журавлях точка опоры рычага чаще постоянна и перекладин на столбе большей частью не делают [2].

Для глубоководных колодцев в нашей стране издавна появилось приспособление типа во́рота. Это — колодец с «бараном». Веревка с ведром наматывается на вращающийся горизонтальный вал, заведенный концами в два столба, поставленные по бокам колодца (рис. 59, *2*). Для приведения «барана» в действие либо врубают в вал по радиусам четыре стерженька-ручки, либо приделывают у торца вала согнутую железную рукоятку, либо насаживают на конец вала большое маховое колесо, которое вертят руками; маховое колесо, до 1,75—2,5 м в поперечнике, дает размах и значительно облегчает работу при вытаскивании ведра с водой. Колодцы с «бараном» представляют для деревни, повидимому, более позднюю форму, чем колодцы с «журавлями», хотя в этнографической литературе указания на бытование их встречаются уже в 1870-х годах [3]. Требования устраивать колодцы с колесом и навесом над ним содержатся и в правительственных распоряжениях 1830-х годов об устройстве селений по примерным планам. В старом же русском городе это приспособление было очень распространено. «Колодезный во́рот» широко применяли посадские люди в XVII в. Хорошее изображение такого колодца на Пушечном дворе в Москве, с надетым на вал колесом, можно видеть на чертеже XVII в. [4]. В Вознесенском монастыре в Киеве имелся в XVII в. «большой колодец, снабженный колесом с двумя цепями, которое вращается рукой, одна цепь поднимается, другая опускается», т. е. воду поднимал ворот с колесом и двумя ведрами на цепях [5].

В городах и монастырях древней Руси для подъема воды из колодцев применялись также ступальные колеса, блоки (так называемые «векши») и некоторые другие приспособления, но в деревне распространения они не нашли.

Интересное сообщение середины XIX в. имеется о Тамбовской губ.: там вода из колодцев «достается большей частью бадьями, прежде с журавцами, а ныне просто веревкою руками или лошадью, смотря по глубине колодезя; редко можно встретить колодезь с насосом (помпою), для чего употребляют просверленные длинные сосны (трубы), в жерле коих ходит из такой же долгой жерди поршень с кожаным на конце мешком (ныряла)» [6].

Пользование водой колодцев носит обычно общественный характер, и устраиваются они чаще на улице; водой их пользуются, естественно, жители из нескольких ближайших дворов. Иногда два соседа роют колодец на межнике между своими усадьбами — на дворе или на задах уса-

[1] Н. И. Фальковский. Указ. соч., рис. 46 и 47.

[2] Водоподъемники типа русского «журавля» являются довольно древним человеческим изобретением во многих странах: уже в древнем Египте (во времена Древнего царства) сооружением этого типа, называемым «шадуф», пользовались для подъема воды на более высоко расположенные поля; такое же устройство и назначение имеет «пикота» в Индии, такие же водоподъемники многочисленны в венгерской пуште и т. д.

[3] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1. М., 1877, стр. 25.

[4] Н. И. Фальковский. Указ. соч., рис. 48.

[5] Там же, рис. 49.

[6] Х. П. Козлов. Этнографический очерк Борисоглебского уезда Тамбовской губ. АГО, ф. XL, рукопись 30.

дебных участков — для пользования водою вместе. Сравнительно редко колодец устраивается единолично хозяином на своем дворе.

Обследование Воронежской обл. в 1920-х годах установило [1]:

58,3% являются колодцами общего пользования; из остальных 41,7% в частных дворах расположены 21,9% и на огородах 19,3%, для 0,5% нет данных;

распределение колодцев по числу дворов, обслуживаемых ими:

Число колодцев в %	Число дворов
12,7	1
28,4	2—5
20,1	6—10
31,7	11 и более

При устройстве колодцев на усадебном участке иногда проводят желоб от колодца во двор или к зимовке — для поения скота. Около общественных колодцев для той же цели устраиваются длинные колоды тут же на дороге или на улице.

У колодца — место встреч обитателей селения, в особенности женщин и деревенской молодежи.

Однако далеко не всюду для русской деревенской техники устройство колодцев было по силам. Оно затруднено было на суходолах степи и лесостепи, где уровень грунтовых вод залегает глубоко под водой. Обследование Воронежской обл. показало, что глубина колодцев, т. е. расстояние от поверхности земли до уровня воды в колодце, составляет:

Число колодцев в %	Глубина колодцев в м
39,6	меньше 10
11	10—50
47,8	50 и больше

Максимальная глубина колодца отмечена в 71,7 м.[2] Эта цифра сама по себе говорит о высоком мастерстве русских колодезников, постепенно осваивавших южные степи с их глубоко залегающими водоносными горизонтами.

ПРОРУБИ

С еще бо́льшими трудностями в водоснабжении столкнулись русские люди при освоении сибирских лесных и степных просторов.

В значительной части Сибири устройство колодцев оказалось совершенно невозможным из-за вечной мерзлоты подпочвенных слоев.

В 1684 г., при перенесении Якутска на новое место, воевода Матвей Кровков доносил царям Петру и Иоанну Алексеевичам: «А колодезя, великие государи, в Якутцом сделать никоими мерами не лзя потому что летом толко тает в полтора аршина, а болши дву аршин земли никогда не тает, а в исподи на дне бывает земля всегда мерзла» [3]. И через 220 лет в описании города Якутска начала XX в. говорится: «Питьевая вода достаточными жителями берется из главного русла Лены, а большинство недостаточных людей пользуются водою из протоки, куда сваливаются всякие отбросы. Большинство жителей запасаются из Лены льдом,

[1] Т. Я. Ткачев. Указ. соч., стр. 47.
[2] Там же, стр. 49.
[3] Н. И. Фальковский. Указ. соч., стр. 72.

набивая им свои погреба, и ледяную воду употребляют на чай и на приготовление кушанья»[1]. И только в 1934 г. Центральный проектно-изыскательской конторой Коммунстроя здесь были найдены подмерзлотные воды, которые и питают современный водопровод Якутска[2].

То, что относится к крупному сибирскому центру, дает ясное представление о положении в сибирских деревнях, расположенных в районах вечной мерзлоты и вынужденных довольствоваться водой исключительно из естественных водоемов.

Область сплошного распространения вечной мерзлоты занимает огромные пространства на севере Сибири и Европейской части СССР: южная граница этого обширного района начинается у Ледовитого океана около острова Вайгач, идет мимо Воркуты, захватывает низовья Оби южнее Салехарда (65° с. ш.), низовья Енисея до Туруханска (66° с. ш.), далее проходит южнее Якутска до Станового хребта и у устья р. Анадыря выходит к Берингову морю. К югу от этой линии вечная мерзлота встречается в виде отдельных островов. Южная граница области островного распространения вечной мерзлоты проходит по мурманскому берегу, далее начинается на материке севернее Архангельска, захватывает среднее и нижнее течение р. Печоры, идет на Туруханск, от него поворачивает резко к югу вдоль правого берега Енисея (проходя восточнее реки километров на 150—200), далее проходит западнее Иркутска и Байкала к государственной границе, так что вся восточная Сибирь попадает в эту область. Исключение, где совершенно нет мерзлоты, составляют лишь низовья рек Зеи и Буреи (район вокруг Благовещенска), бассейн нижнего Амура, начиная от Биробиджана, Приморский край, Сахалин и большая часть Камчатки. Следовательно, дальше всего на юг вечная мерзлота заходит в Забайкалье (Бурят-Монголия и Читинская обл.) и Биробиджан, встречаясь там на широте Киева и Харькова (50—51° с. ш.)[3].

В общей сложности область распространения вечной мерзлоты в пределах СССР равна приблизительно 7 млн. км^2, что составляет треть всей территории Советского Союза. Таким образом, на этом громадном пространстве, везде, где существует мерзлота,— сельское население вынуждено пользоваться речной водой или талым снегом и льдом. В связи с этим в сибирских селениях существовал обычай нанимать на зиму «прорубщика» («пролубщика»), обязанность которого состояла в том, чтобы он зимой ежедневно прочищал проруби, которых бывает обыкновенно две или три: выше всего по течению реки — круглая, чтобы черпать воду для питья и домашнего обихода; пониже — другая, длинная и узкая для скота (такой ширины, чтобы только морда могла пройти) и третья — большая круглая для полосканья белья. Прочищают проруби, чтобы они не затягивались льдом, каждое утро и вечер, а в сильные морозы еще третий раз днем. Плата прорубщику в конце XIX — начале XX в. или представляла положенное от общества жалование (12—16 руб. за зиму), или крестьяне платили ему по 5 коп. «со скотины» и по 10—15 коп. «с коромысла» за зиму, или он получал жалованье натурой, например по 5 фунтов муки с человека и по 5 фунтов с каждой головы скота[4].

Этот же обычай отмечен и на русском Севере, где «пролу́бничать»

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 82, 1904, стр. 628.

[2] Н. И. Фальковский. Указ. соч. стр. 72.

[3] См. карты распространения вечной мерзлоты в БСЭ: изд. 1 — т. 10, стр. 582, изд. 2 — т. 7, стр. 605.

[4] «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», вып. 1. СПб., 1888, стр. 302; И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. «Записки РГО по отдел. статистики», т. XII. СПб., 1912, стр. 314.

означало заниматься пробиванием и очисткой прорубей. Работа «пролу́бников» оплачивалась съестными припасами; по воскресеньям и праздничным дням они обходили дома с корзиной в руках и, постукивая палкой под окном, выкрикивали: «Пролубнику! Пролубнику!» [1].

Как в деревне центральной России или Украины у колодца было место встреч населения, главным образом женщин, так в Сибири в зимнее время эту же роль играли проруби [2].

Повидимому, рытье колодцев вообще мало практиковалось в Сибири, заселявшейся первоначально почти исключительно по рекам и речкам. По крайней мере, относительно сибирских городов в раннюю пору колонизации известно, что казна получала доход с прорубей, так как за пользование ими был установлен «пролубной» оброк [3].

СНЕЖНИКИ

С иными трудностями встретились переселенцы в степных районах южной Сибири. Во многих местах здесь нет питьевой воды, так как речная сеть не отличается густотой, а все попытки крестьян дорыться до грунтовых вод, из-за крайне глубокого их залегания, оканчивались неудачей. Но русский человек нашелся и здесь, с честью выйдя из трудного положения. Воду стали запасать зимой, создавая искусственные накопления снега — снежники. Этот способ широко практиковался, например, в прииртышских степях между Семипалатинском и Павлодаром, где он зафиксирован был наблюдателями в конце XIX в. [4]

Для скапливания снега в степи ставили высокие загородки из шестов высотой от 2 до 3,5 м и больше, связанных поперечными жердями и переплетенных прутьями. Загородку эту устраивали в форме дуги с диаметром от 10 до 30—40 м и более. Вогнутой стороной дугу обращали против господствующего ветра. За зиму внутрь загородки наметался огромный сугроб снега, много выше самой загородки. Ранней весной хозяева снежников приезжали на свои заимки и, пока еще не началось дружное таяние снега, заваливали сугроб мятой соломой, сеном, дерном и всякой трухой, плохо пропускающей тепло, а чтобы эту покрышку не снесло ветром, набрасывали сверху жерди. При медленном таянии снега вода, образующаяся на поверхности сугроба, пропитывала всю его рыхлую массу и пушистый, рассыпчатый снег мало-помалу превращался в компактный крупнозернистый лед. Ручьи из медленно тающего льда по специально устроенному ложбинообразному скату стекали в яму; из нее по мере необходимости и брали воду. Для получения совершенно чистой воды откалывали льдины от ледяного бугра и клали для таяния

[1] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 140—141.

[2] Ф. П. Врангель в своей книге «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю...», пишет: «К ежедневным занятиям молодых девушек принадлежит черпанье воды из проруби. Всякая девушка, имеющая хоть несколько притязаний на красоту или молодость и не потерявшая еще надежды выйти замуж, наряжается около полудня в свое лучшее платье и спешит с ведрами на реку к проруби. Там собираются все ее подруги, рассказывают, слушают новости, уговариваются, как провести день, у кого будет вечеринка,— словом, как в других странах колодцы, так здесь проруби служат любимым сборным местом девушек. Нередко являются между ними молодые парни и усердно помогают красавицам черпать воду. Часто подобные встречи на проруби играют не последнюю роль в сердечных делах молодых колымчан» (стр. 149—150).

[3] «Тюмень в XVII столетии. Сборник материалов», М., 1903, стр. 163.

[4] Г. Катанаев. Хлебопашество в Бельагачской безводной степи Алтайского горного округа. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн. XV, вып. II. Омск, 1893, стр. 4—6.

в кадки. Более заботливые и бережливые хозяева собирали снеговую воду в специальные резервуары типа срубных колодцев, около них ставили колоды для поения скота. При обилии воды, помимо колодцев, рыли небольшие прудки для уток и гусей. Тут же, поближе к воде, устраивали иногда и огороды. В этих степях отмечен случай, когда на образовавшемся у двух хозяев болотце-озерке начали останавливаться перелетные птицы.

Снежники некоторых хозяев имели вид небольших гор высотой в несколько метров. Для образования этих холмов хозяева снежников ставили целый ряд жердей и по мере заноса снегом вытаскивали их и ставили все выше. В таких громадных снежниках снег прикрывали обыкновенно только с самой верхушки в виде шапки; бока же оставлялись совершенно открытыми для более обильного скопления тающей воды.

Кроме этого остроумного способа, есть также сведения, что в некоторых областях Сибири иногда даже сносили снег в расщелины гор и утрамбовывали его; медленное таяние этого искусственного ледника давало весной достаточный запас питьевой воды [1].

В настоящее время условия водоснабжения в советской деревне во многих случаях резко изменились к лучшему. Особенно это заметно в засушливых районах степной полосы, где многие селения исстари были плохо обеспечены водой, а у редких колодцев часто создавались очереди. Во многих колхозах на полях устроены пруды и водоемы; в самих селениях вырыты шахтные колодцы, за последние два-три года кое-где пробурены глубоководные артезианские скважины. Некоторые крупные колхозы складывают кирпичные водонапорные башни, оборудуют водопроводную сеть под самотечную подачу воды; на улицах крупных селений установлены водоразборные колонки [2].

---

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 60, 1900, стр. 627.

[2] В. Житников. Водопроводы в тамбовских селах. «Правда», 8 января 1956 г.

XII. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ, БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ С ЖИЛЬЕМ НЕ СВЯЗАННЫЕ

Расположение хозяйственных построек на усадьбе или близ нее (*сторонних*, *вонных* [1]) очень различно. Оно зависит от характера рельефа, от почвы, климата, типа хозяйства и т. д. Часть их, как мы видели выше, более или менее тесно связана с жильем,— это надворные постройки: помещения для скота, для хранения ценного домашнего имущества и хозяйственного инвентаря. Отдельно от двора в прошлом бывали расположены обычно места сушки снопового хлеба (овины и риги), хранения снопового хлеба (клуни, рыги) и зернового хлеба (житницы или амбары), бани и некоторые другие службы (иногда амбары и бани могут быть помещены среди надворных построек — примеры такого расположения указывались выше).

СНОПОСУШИЛЬНИ

Обязательно вне двора устраивались помещения для сушки снопового хлеба (овины и риги) ввиду их большой огнеопасности. Большей частью они были расположены за гумном, лежавшим обычно за двором, но иногда стояли и на самом гумне. В некоторых деревнях, в целях борьбы с пожарами. чтобы огонь с одного горящего овина не перекинулся на другой (так как усадьбы не широки), соседи договаривались ставить овины на гумне не один возле другого, а чередуя их местоположение: один овин — на гумне, соседний — в поле за гумном, следующий опять на гумне и т. д. В некоторых же селениях все снопосушилки выносились за деревню в одно отведенное для них особое место.

Одним из древнейших и наиболее известных приспособлений этого типа является о в и н [2], распространенный прежде почти по всей области расселения великорусов, кроме самых южных районов, а также у белорусов (*ёвня*, *еўня*, *асёть*) и на севере Украины, в Черниговской обл. (*осіть*, *сўшня*).

Вследствие влажного климата и прохладного лета в северной половине Восточно-Европейской равнины, при ручной молотьбе, сушка снопов была совершенно необходимой: непросохшие снопы трудно и несполна вымолачиваются. В то же время самым существенным недостатком овинной

[1] От слова «вон», так называли их в старину. См. М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1909, стр. 165.

[2] Слово «овин» упоминается уже в памятниках XIV в. (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1902, стр 592).

сушки хлеба являлась напрасная затрата значительного количества топлива, которое шло на ненужное высушивание соломы. Когда с появлением молотилок отпала необходимость предварительной огневой сушки снопов и стали молотить зерно сыромолотом, число овинов начало сокращаться. Сохранение их свидетельствует об отсталых формах земледелия. Особенно быстро стали исчезать овины (и вообще все виды снопосушилен) после Великой Октябрьской революции. Коллективизация, принесшая с собой механизацию сельского хозяйства, сделала овины совершенно ненужными, а отсюда массовое их исчезновение к нашему времени.

Исчезновение овинов в отдельных районах обусловливалось и другими причинами. Например, у русского населения на Алтае, сеявшего преимущественно рожь, которая в сыром виде трудно обмолачивается, существовали овины, отапливавшиеся печками-каменками. Но так как в первой четверти XX в. здесь совершенно перестали сеять озимые и перешли на яровую пшеницу, то овины оказались ненужными и были проданы на слом переселенцам. Зерно при зимнем обмолоте, если его не просушить, к весне становилось затхлым; кроме того, зерно бывало заражено головней, поэтому его приходилось перемывать, после чего уже сушить. Для этого у многих домов устраивали *сушила* — высокий помост, на котором расстилали палатку, а на ней — сохнущее зерно [1]. Также и в Забайкалье в каждом селе около казенных амбаров были общественные сушила для просушки хлеба. Это покатые помосты на четырех невысоких столбах: два столба по $2^1/_2$ арш. (1,78 м), другие два по 2 арш. (1,42 м). Покат сделан на юг. Устраивались и частные сушила перед многими домами [2].

Любопытны данные о распространении овинов в б. Дмитровском уезде Московской губ. [3]:

Год	Число обследованных хозяйств	Число овинов	% хозяйств с овинами	Откуда получены сведения
1900	3634	931	25	Карточки страхового агентства
1929	1232	111	9	Обследование селений по программе Центрального бюро краеведения
1929	484	24	4,9	Обследование восьми крупных селений по программе Общества изучения Дмитровского края

Типичный овин — двухъярусное сооружение: нижнее помещение (*подови́н*) служило для топки, в верхнем (*сади́ло*) помещали снопы, подвергаемые сушке. Более просто устроен овин, углубленный в землю, так называемый овин-ямник, или *ямный овин* (рис. 60, *1*). Для такого овина рыли яму, называемую на Севере *загарою*, глубиной до 2,5 м, площадью 3×4 м и больше; стены ямы укрепляли срубом или отвесно поставленными бревнами-стояками; иногда просто закладывали бревна одно

[1] Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев. В кн. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, стр. 95, 97; Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев. Там же, рис. 28.

[2] А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск. 1920, стр. 5, П. А. Ровинский. Материалы для этнографии Забайкалья. «Известия Сибирского отдела РГО», 1873, № 3, стр. 114.

[3] К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края (Северная часть Московского округа). Дмитров, 1930, стр. 171.

на другое за врытые в углах ямы столбы, а для прочности обставляли их круго́м, прижимая к стене ямы, стояками [1]. В зависимости от влажности почвы яма могла и отсутствовать; ее заменял подовин, поставленный на поверхности земли (рис. 60, *2*). Это — верховой овин,

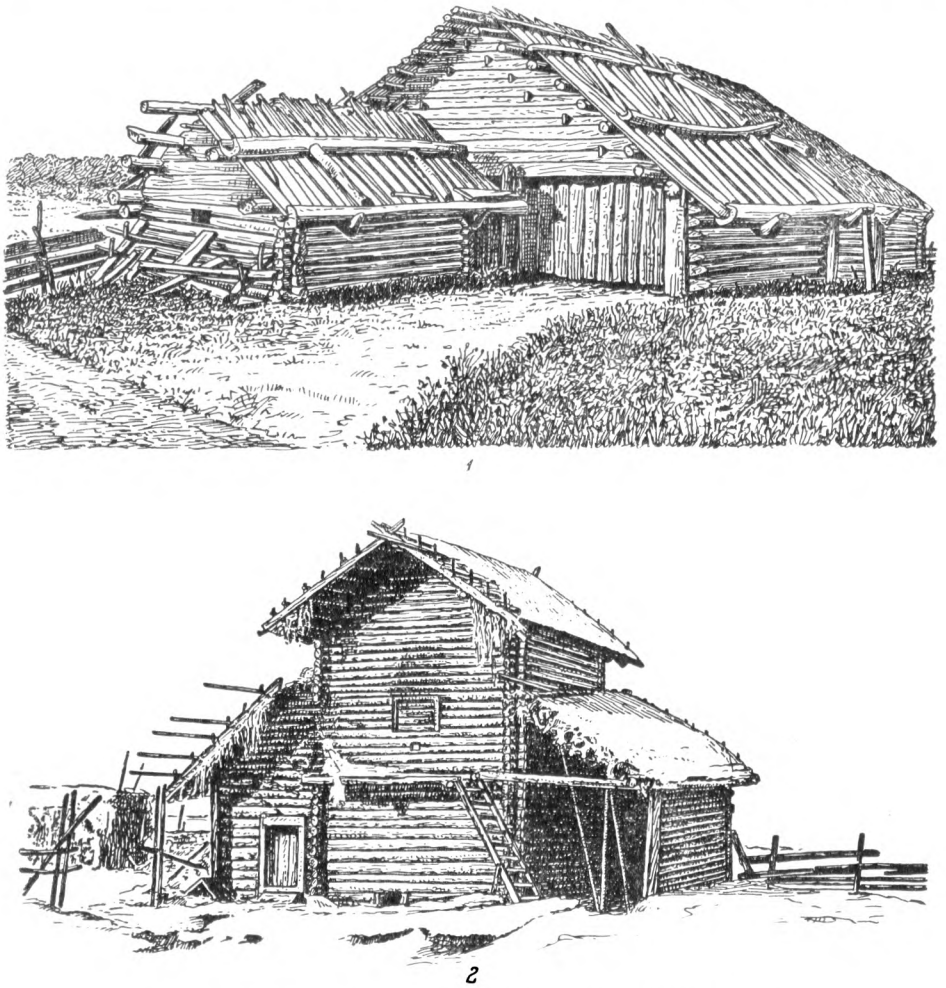


Рис. 60. Основные типы великорусских снопосушилен

1 — овин-ямник, за ним—крытое гумно; на обоих — покрытие тесом старого типа, с курицами и потоками; тесины прижаты тяжелыми желобами-гнетами, которые лежат на упорах, опирающихся на потоки (с. Дымное Бежецкого уезда Тверской губ.); *2* — верховой овин с припеледами (Новгородская губ.)

называемый так в отличие от ямного. Иногда подовин помещался в яме лишь наполовину — это полуверховой овин. Конструкция внутренних частей овина в существенных своих частях при этом не менялась.

Верховые овины были распространены у северновеликорусов и белорусов (*восеть, асеть, осеть, осець, осётка*), ямные — у средне- и

[1] Планы и разрезы овинов см. М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. В кн. «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». М., 1926, рис. 21—27.

южновеликорусов [1]. Над ямой возводили помещение для снопов — садило [2]; в лесной полосе — это сруб, рубленный в угол и на мху; в более южных районах стены садила делались плетневые (мазаные) и глинобитные, редко каменные (в Тульской обл.); обычно садило имело несколько меньшие размеры, чем яма. Над оставшейся сбоку частью ямы ставился *прируб,* или *пелёд* [3] (белор. *присеток*); он служил для входа в подовин или ямник. Стена, отделявшая собственно овин от прируба, не доходила до земли на три-четыре венца, образуя щель высотой около полуметра. Чтобы попасть в ямник, надо было подлезать под эту висячую *красную стену,* отсюда название этой части овина — *подла́з* или *подны́р;* дальше шел спуск по лесенке (иногда просто делали ступеньки в земле). На дне ямника разводили «те́плину» (белор. «тяплынь») — костер; иногда здесь устраивали небольшой очаг или печь-каменку. Пол садила (в ямном овине настилался обычно на уровне поверхности земли) делался из накатника, из горбылей или из толстых досок, причем вдоль стен оставляли щели до 40 см шириной *па́зухи,* или *па́зушины* (белор. *поддува́ла*) — для прохода дыма и жара снизу из подовина; над каждой пазухой на высоте 15 см вставляли в сруб доску такой же ширины, как пазухи, или шире. Это *полка,* или *кожух* (белор. *пали́чка*). Назначение полки — обезопасить верхнее помещение овина от попадания искр, а также чтобы ссыпающиеся зерна не проваливались в ямник. На пол набивали *под* — слой глины или земли толщиной до 20 см. На высоте около 1 м над подом устраивали *колосники* (белор. *ровки*) — жерди толщиной 7—10 см, длиной от стены до стены. Их раскладывали на расстоянии в четверть аршина (18 см) одна от другой на двух переводах, врубленных в сруб. Они ничем не были прикреплены к переводам, и при подметании пода их сдвигали к стенам.

Человек входил внутрь садила и ставил («садил», откуда и название этого помещения) на колосники подаваемые ему через окно снопы — либо «в однорядку», колосом вверх или вниз [4], либо «в сутычь», т. е. попеременно комлями то вниз, то вверх. У белорусов снопы ставили в два ряда: нижний — колосьями кверху, второй — колосьями вниз. Дым проходил сквозь массу снопов и выходил в отверстия крыши. Иногда в садиле устраивали потолок из наката с землей; тогда в нем делали отверстие с крышкой — *западню,* которое закрывали после топки; над ним нередко ставили деревянную дощатую трубу, высоко поднимавшуюся над крышей. Для входа в садило и подачи в него снопов в передней стене на уровне

[1] По крестьянским снопосушильням у восточных славян и их соседей имеются две сводные работы с иллюстрациями и картами: А. Г. Данилин. Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей. «Этнография». 1928, № 2, стр. 68—90; E. Laid. Über den Ursprung der nordosteuropäischen Riege. «Folk-Liv» (Stockholm), t. XVII—XVIII, 1953—1954, p. 17—32.

[2] Во Владимирской обл. отмечены термины: «лог» — помещение для снопов, «подлог» — яма под ним.

[3] «Пелед» — широко распространенное старое восточнославянское слово (известное и у литовцев), с вариантами значений: крытый соломой навес на дворе и на гумне, свес соломенной крыши, плетневая стенка овина, обставленная соломой, и др. Произносится в Вологодской и Костромской областях «пеле́д», в Ярославской — «пе́лед», в Калужской и Владимирской — «пеледа́», в Орловской и Курской — «пелёда», в Вятской — «опеле́ла». Для пристройки у овина известен термин «припелёдок». Ср «пеле́дить», «пеле́жить», «опеле́живать» избу — отеплять ее на зиму соломой (см. выше, стр. 72); ср. также «пела́», «пелёва» — мякина (В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 699—700 и т. 3, стр. 24; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 10. М., 1914, стр. 33).

[4] Более древний способ насаживания снопов — колосом вниз, отчего и произошло название колосников (см. А. Адамов. Краткие географические и этнографические сведения о с. Товоложанце, Землянского уезда Воронежской губ., 1854 г. АГО, ф. IX, рукопись 52, стр. 11; С. Кулешов. Хлебосушильни. «Зодчий», 1875, № 2, стр. 25 и др.)

колосников делалось большое *сажально окно* (белор. *вокно*) с дверцей. Под ним на уровне пода прорубали окошечко меньших размеров для выгребания с пода оставшихся зерен и колосьев. Если овин верховой, то под самым окном находилась узкая в две доски *полица*, на которую становился человек, принимающий снопы с телеги. Насадив садило, окно запирали плотно дверцей (ставнем) [1].

Разновидностью овина, встречавшейся местами и у северно- и у южновеликорусов, был овин, в котором подовин и садило располагались не один под другим, а в двух вертикалях. Таковы, например, старинные овины б. Тульской губ. (1853 г.). Здесь сруб овина ставился у вершины оврага, рядом выкапывалась яма; в стене сруба, прилегающей к яме, вынимали одно-два нижних бревна, в получившуюся щель (называвшуюся в овине пазухой, отсюда — о в и н с о д н о й п а з у х о й) проходил дым из печи, сложенной в яме. Иногда пазуху в нескольких местах перегораживали положенными кирпичами (промежутки между ними назывались *про́духи*). В этом виде овина отсутствовал под из бревен, он заменялся здесь земляным полом [2]. Близок к овину с одной пазухой гуцульский овин для сушки льна, конопли и фруктов — *озни́ця*; для него вырывают на склоне или у обрыва кубическую яму и идущий от нее канал; яму выкладывают плитами — это печь, канал — камнями. И яму и канал присыпают сверху землей; у конца канала кладут невысокий сруб, на него укладывают колосники с таким расчетом, чтобы не проваливались яблоки и сливы: над срубом ставят на четырех сохах односкатную крышу [3].

В Белоруссии овины (*осе́ти, восе́ти*) для просушивания льна и конопли были распространены гораздо шире, чем сушильни для хлеба; в овинах, предназначенных для сушки льна, колосники устраивались в два яруса. Эти овины выносили обычно на общественные выгоны, на неудобные земли, подальше от строений, но старались ставить их у воды — у ручейка, у речки и пр. (рис. 61).

Овины особого назначения отмечены кое-где у великорусов, например в селениях вокруг оз. Неро (Ростовский район Ярославской обл.), жители которых издавна занимались торговым огородничеством. Здесь для сушки крупного репчатого лука вплоть до коллективизации применялись *луковые овины* с частыми колосниками в несколько ярусов. В районах развитого хмелеводства, например в низовьях р. Костромы, имелись овины для сушки хмеля: на колосники клали «чащи́», или «сетки» из шпагата, из посконной или пеньковой бечевы, на них насыпали хмель [4].

Топкой овинов обычно занимались опытные люди, старики, так как пламя должно быть ровное, неперемежающееся и невысокое, иначе просушиваемые солома и зерно сильно прокапчивались, а колосники могли загореться. Для топки овина заготавливали особые дрова — «овинники», или «подовинники», длиной 1—1,5 м; для хранения их служил пелед. Обычно затапливали овин на ночь, и к утру хлеб высушивался. На Севере для просушки ржи или ячменя требовалось истопить три каменки, что называлось «теплить овин».

---

[1] «Голова у него всклокочена, как овин», говорили про человека с растрепанными волосами: так как верховой овин довольно высокое здание, стоящее на юру и покрытое на живую нитку, то соломенная кровля его от зимних ветров бывала растрепана и всклокочена (А. В. Б а л о в. Очерки Пошехонья. «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 207).

[2] А. Г. Д а н и л и н. Указ. соч., рис. 14.

[3] В. Ш у х е в и ч. Гуцульщина. Материали до українсько-руської етнольогії, Львів т. II, 1899, рис. 52.

[4] В. И. С м и р н о в. Свайные постройки Костромского района. СЭ, IV, 1940, стр. 159, рис. 13 и 15.

Овины бывали далеко не у всякого хозяина,— на Севере, при малом количестве пахотной земли и частых неурожаях, на деревню в 80 дворов приходилось с десяток овинов; в Белоруссии в небольшой деревне овины имелись у двух-трех хозяев. В местностях с развитым хлебопашеством число овинов относительно числа дворов значительно возрастало. Нередко владельцы овинов, зажиточные крестьяне, отдавали их в пользование своим односельчанам, за что те должны были отдавать хозяину часть своих снопов, сушившихся в овине, или оказывать какие-либо услуги в сельскохозяйственных работах, помогая жать, молотить и пр. Иногда овин сообща строило несколько соседей (или родственных семей) — «складников», пользовавшихся им по очереди [1].

Риги в крестьянских хозяйствах появились сравнительно недавно; они распространялись из Прибалтики, где представляют собой древний элемент, у эстонцев и северных латышей тесно связанный с жилищем (в больших жилых ригах многие эстонские крестьяне жили еще в конце XIX в.) [2].

В течение XIX и первых десятилетий XX в. (а может быть и раньше?) риги, устройство которых проще и дешевле, начали быстро вытеснять овины. В качестве примера можно привести сообщение одного агронома, что в обследованной им деревне Московской губ. в 1898 г. было 14 овинов и ни одной риги, в 1910 г.— уже 6 риг и 7 овинов, в 1918 г.— 22 риги и 1 овин [3]. В Псковской губ., где и название риг было еще близко к эстонскому первоисточнику (*рей* в Псковском уезде в 1856 г., *рья* в Островском уезде в 1849 г. [4]), русские крестьяне строили риги уже в первой половине XIX в. Ко времени Великой Октябрьской революции риги широко распространились на северо-западе восточнославянского массива и почти вытеснили здесь овины; в других районах они встречались наряду с овинами. В Архангельской обл., в Прионежье закрепилось название *ри́гача, ри́гачь*.

Рига представляет собой однокамерную сушильню без ямы, с печью в том же помещении, где ставятся снопы. Обычно это отдельно стоящий сруб около 3—4 м высотой, с полом и потолком, под двускатной крышей. В Псковской обл. сруб помещают внутри крытого гумна (см. ниже) и своей отдельной крыши он не имеет; в потолке риги — отверстие, закрываемое после топки. Переводы для колосников не врублены в стены, а заведены в столбы, врытые в землю около стен; переводы можно поднимать и опускать, закрепляя на разной высоте, в зависимости от длины насаживаемых на колосники снопов; для озимой ржи — ниже, для невысоких

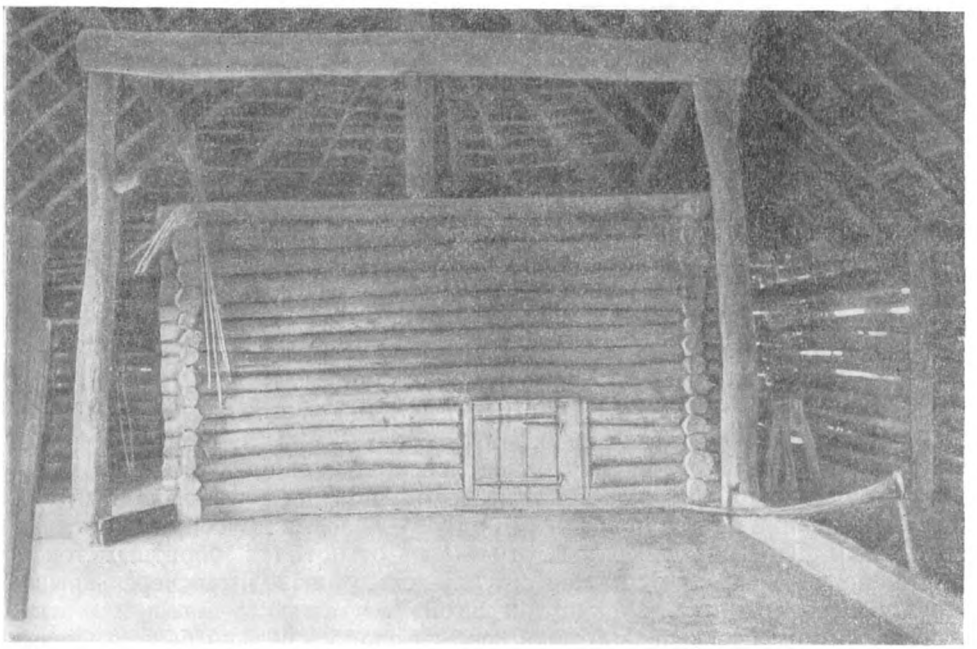
[1] В старой Руси верили в «овинника» (или «подовинника») — духа, живущего в яме под овином (ласкательное «овинушко», в женском виде — «овинничиха»). Предполагалось, что он следит за порядком кладки снопов, наблюдает за временем и сроками, когда и как затоплять овин, не позволяет топить овин под большие праздники, особенно на покров и воздвиженье, когда овины были «именинниками» и должны были отдыхать. За нарушение этих запретов подовинник мог спалить овин, чем и объясняли частые пожары овинов. В «именинные дни» старались задобрить овинника, по поверью, самого злого из всех связанных с постройками духов, и оставляли для него пирог в подлазе. Из-за овинника боялись ночевать в овине в одиночку. Фольклор сохранил немало фантастических рассказов о мести подовинника людям, вздумавшим топить овин в неуказанное время (см. С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 56—60). Вспомним также упоминание летописи о славянах-язычниках: «Иже молятся огневи под овином» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1902, стр. 592).

[2] Самое слово «рига» происходит от эстонского rei, rehi, rihi, riha, в Олонецком крае, возможно, и от финского riihi.

[3] К. К. Дыский. Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда. М., 1923, стр. 131.

[4] АГО, ф. XXXII. Псковская губерния, рукописи № 12 и 26.

1



2

Рис. 61. Различные виды овинов у украинцев и у белорусов

1 — осеть — овин у северных украинцев (хутор Богдановка Черниговского уезда Черниговской губ.); *2* — воседь с током перед ним внутри крытого гумна (дер. Шарпиловка Гомельского уезда Могилевской губ.). На обоих фото видны столбы-сохи, поддерживающие крышу

яровых хлебов — выше. Печь поставлена чаще в одном из углов риги, колосники приблизительно на уровне печи (рис. 62); место под печью и пространство от печи до двери не выстлано полом, тут нет и колосников. В Московской обл. печь складывалась посредине риги, колосники устраивались на высоте около 2 м от земли. Печи бывали и беструбные, но в 1910—1920 гг. в ригах стали устраивать белые печи (с трубой). Тепло от печи, отраженное от потолка, нагревает поставленные на колосники (колосом вверх) снопы.

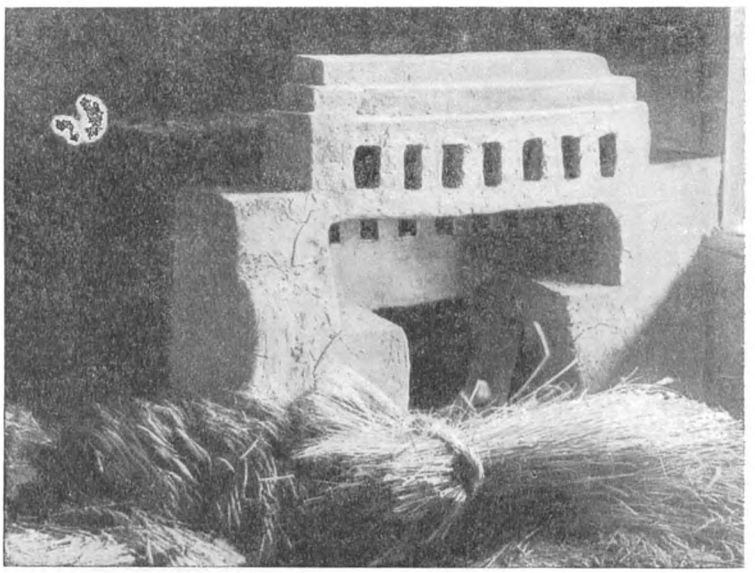


Рис. 62. Печь в крестьянской риге (Карелия)

Очень распространены риги в Белоруссии (их называют, здесь *ёўня, ёуня, ёвинка*) с глинобитной, каменной или кирпичной печью.

Существуют переходные формы от двухкамерной сушилки — овина к однокамерной сушильне — риге; такой переходной формой является однокамерный овин (*евня* у белорусов, в отличие от двухкамерной *асети*; *полурижье* в Ростовском районе Ярославской обл.). В нем подовин заменен небольшой ямой с печью, которая не отделена от садила подом; колосники расположены выше печи, вбок от нее. Другая переходная форма сушильни по внешнему виду сходна с верховым овином, но внутри нет пода и имеется продольная стена, не доходящая до потолка на 1 м; она делит помещение на две половины: в одной — печь, в другой — колосники со снопами. Дым идет кверху и, отражаясь от потолка, обратным током сушит снопы, а затем вытяжной трубой снизу выводится через крышу наружу. Это — овин «с опрокинутой тягой» [1].

Пережитком очень примитивной формы снопосушильни был так называемый ш и ш. Он представлял собой яму, на дне которой разводился костер или устраивалась печь, а по краям устанавливались жерди в виде высокого конуса; дым и тепло от костра, поднимаясь вверх, проходили через массу снопов, сложенных колосьями внутрь или поставленных вокруг конуса, и высушивали их. Шиш был распространен вплоть до сплош-

[1] А. Г. Д а н и л и н. Указ. соч., рис. 16.

ной коллективизации в хозяйстве финских и тюркских народностей Поволжья и Приуралья, существовал и у великорусов, преимущественно в районах со смешанным населением. Так, в середине XIX в. этот вид сноповушильни отмечен в русских селениях на территории не только современных автономных республик Поволжья и Прикамья, но и областей Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Куйбышевской, Чкаловской, а также в южных районах Кировской, Молотовской и Свердловской областей, где русские называли его «татарским овином». *Шишок*, как реликтовая форма, сохранялся вплоть до 1930-х годов в Дмитровском районе Московской обл., где подробно изучен К. А. Соловьевым [1]. Он состоял здесь из ямы с печью, *приямника* (передняя часть ямы, укрепленная срубом), конусообразно расположенных *тычинок* («вверху связаны, а внизу расставлены хороводом», как говорили крестьяне) и покрытия в виде шалаша с костообразно положенным остовом крыши на четырех столбах. К. А. Соловьев установил по расспросам стариков, что шиши применялись прежде и в других районах Московской обл. (в районе Клина, Загорска и к юго-востоку от Москвы до Рязани).

Способ сушки снопов в шишах встречался в конце XIX в. и в Иркутской обл., но лишь у самых бедных крестьян или на небольших, удаленных от гумна участках полей [2].

СНОПОВЫЕ И МОЛОТИЛЬНЫЕ САРАИ

Овин обычно ставился рядом с молотильной площадкой — расчищенным ровным местом, равномерно покрытым плотно утрамбованной глиной или илом, взятым из пруда или болота. Название этой площадки (открытой или закрытой) — гумно, *ладонь* [3]. Открытая площадка (ладонь) встречалась в дореволюционное время преимущественно в хозяйстве бедных крестьян. Но так как молотить при плохой погоде или когда выпадает снег на таком току уже нельзя, то большая часть площадок имела хотя бы крышу на столбах, а чаще их устраивали со стенами (рис. 63, *1, 2*). В Вологодской обл. (Грязовецкий район) гумно — открытая молотильная площадка, гуменник — прикрытая навесом; в Ярославской обл. *нагуменником* назывался самый навес.

Стены для крытого гумна [4] строились чаще всего в паз, т. е. складывались из бревен, врубленных в вертикальные пазы столбов, реже делались в сруб, встречались даже сложенные частично из *ряжей* — бревенчатых

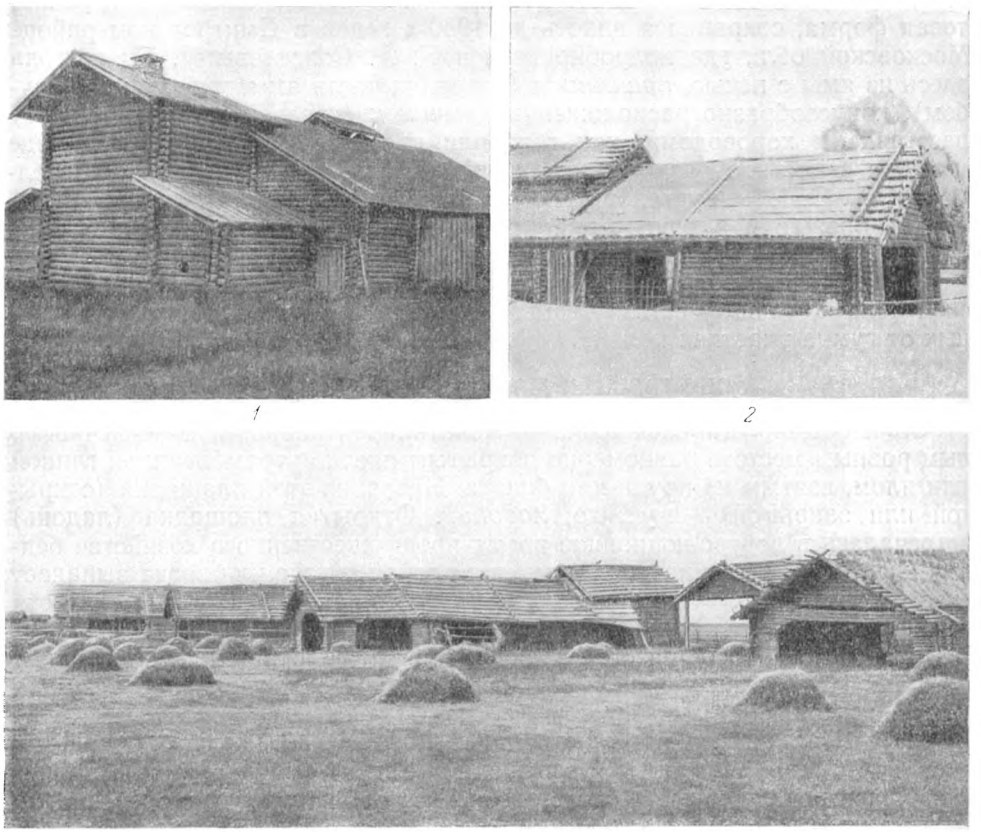
[1] К. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 160—171.

[2] И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии, «Восточно-Сибирский отдел РГО». СПб., 1896, фото 123.

[3] «Гумно» — термин, известный уже в памятниках XI в., употребляется у всех восточных славян: «ладонь», «долонь» (северновеликорус.), «ток» (белор.), «тік» (укр.). Термин «гумно» (в некоторых диалектах «гуменник», «гумнище»; белор. «гуменце» — гумно малого размера) имеет несколько значений: так называют заднюю часть усадьбы, где устроен ток, стоят скирды хлеба и расположен овин, а иногда и сараи для мякины. Иногда сволом «гуменье» обозначают все задворки. зады деревни — с токами, овинами, огородами и пр. В более узком значении — это только молотильная площадка.

[4] Возможно, что крытые гумна существовали уже в X—XI вв. По крайней мере, в Русской Правде мы читаем: «Аже зажьжеть гумно, то на поток и на грабежь дом его, переди пагубу исплатившю, а в проце князю поточити и. Тако же аже кто двор зажьжеть» («Памятники русского права. Вып. 1. Памятник права Киевского государства X—XII вв.». М., 1952, стр. 117). Для XVII в. имеется у Олеария изображение крытого рубленого гумна под двускатной тесовой крышей, с воротами в узкой и широкой стенах здания; к нему сзади примыкает, повидимому, высокий овин с вытяжной трубой (А. Олеарий. Указ. соч., рис. на карте между стр. 360 и 361). Архитектор М. Красовский ошибочно принял эту зарисовку А. Олеария за изображение жилой избы (см. М. Красовский. Деревянное зодчество. Пг., 1916. стр. 43).

клеток, иначе — «костром». Если стены рубились срубом, то при значительной длине и ширине постройки (25 × 10—11 арш., т. е. 17—18×7—8 м) по стенам устраивали перерубы, которые выступали снаружи наподобие контрфорсов, увеличивающих сопротивляемость стен напору тяжелой крыши, аналогично технике постройки верхнего яруса северного крытого двора, внутри которого также имелись перерубы, увеличивавшие жесткость стен.



1 *2*

3

Рис. 63. Крытые великорусские гумна

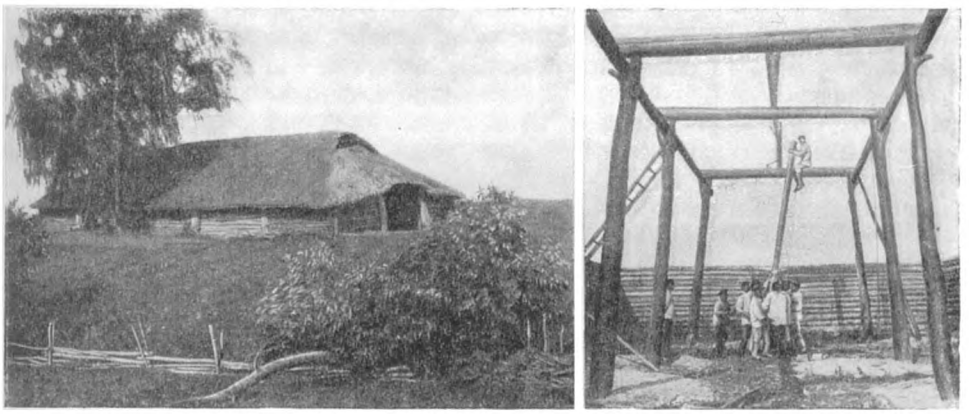
1 — крытый гуменник с рубленными стенами, составляющий одно целое с овином, крыт щепой (с. Борочек, Моложского уезда Ярославской губ.); *2* — гуменник, крытый соломой под жердь; хорошо видны трое ворот (Новгородская губ.); *3* — крытые гумна за деревней (Ярославская губ.)

На Севере и в средней полосе крытое гумно пристраивалось вплотную к овину. В каждой из трех свободных стен гумна во всю высоту стены (3—3,5 арш., т. е. 2—2,5 м) устраивались широкие ворота; благодаря этому можно было при любом направлении ветра создать сквозняк, необходимый при ручном веянии лопатой. Крышу у гумна, как и у овина, делали двускатной; при ее сооружении применялась техника, принятая в данной местности.

Очень живописны эти раскиданные на задах северной и поволжской деревни большие комплексы бревенчатых построек, состоящие из гумна, построенного в притык к возвышающемуся над ним верховому овину,

с пристройками (предовинье и припеледок) по бокам (рис. 63, *3*). Само собой разумеется, что возвести такую сложную постройку было под силу лишь зажиточному хозяйству — середнякам и кулакам.

На западе северновеликорусской территории (б. Псковская и Петербургская губернии), где давно уже распространилась рига, выработался иной тип крытого гумна. Здесь невысокая рига в виде квадратного сруба помещалась внутри гумна, продольные стены которого составляли про-



1 *2*

Рис. 64. Крытые гумна белорусов

1 — многоугольное гумно с крышей на сохах (Смоленская губ., на границе с Могилевской); *2* — постройка гумна: установлено несколько пар высоких столбов-сох и уложены слеги — конструкция, поддерживающая крышу (Клинцовский уезд Гомельской губ.)

должение боковых стен риги [1]. Все сооружение имело вид большого сарая под общей двускатной крышей.

Иной вид имели гумна в Белоруссии (рис. 64, *1*). Здесь в бедных хозяйствах имелось небольшое срубное гумно, служившее лишь для хранения снопового хлеба, а молотьба производилась на открытом току. Для зажиточных хозяйств здесь характерны были большие крытые гумна, иногда даже вмещавшие внутри на одном своем конце ригу с потолком, но без отдельной крыши. Обычно средняя часть белорусского крытого гумна была занята током (также *такóвня, такóуня*), а концы — помещениями для необмолоченного хлеба; иногда по одну сторону складывали снопы (эта часть называлась *сторонá, зáсторона, зáсторонок*), а по другую был расположен сеновал.

Стены белорусского гумна представляли собой большей частью сруб, который мог быть четырехугольным, пяти-, шести и восьмиугольным [2]. Сруб покрывали массивной соломенной крышей, мало связанной со стенами: вся ее тяжесть лежала на сохах — высоких массивных дубовых столбах с развилиной наверху. Гумна делали на четырех и более сохах.

[1] В этом, несомненно, сказалось влияние жилой риги эстонцев, заключенной внутри крытого гумна, которая явилась прообразом для западнорусской разновидности снопосушильни.

[2] Многоугольные гумна отмечены также у эстонцев. Но особенно характерны они для западных славян — чехов и словаков: см. E. Balá š. Organisace výzkumu lidové architektury a několik ukázek z lidového stavebnictvi na Voticku. «Ceskoslovenská Etnografie», 1953, № 4, str. 364—365 (вид сверху, план и два разреза с обмерами восьмиугольного бревенчатого гумна с высокой крышей на двух столбах, osmiboka roubena stodola).

В гумнах средней величины сохи устанавливали по средней линии (оси) гумна и соединяли сверху положенным на развилины бревном — *кладью*, на которую уже сверху навешивали длинные *ключи* (белор. *клечй*), образовывавшие остов крыши. В гумнах большей величины сохи ставились в два ряда (рис. 64, *2*). Парные сохи соединялись между собой балкой, на каждую устанавливались ко́злы или дедок. На козлах или дедках

Рис. 65. Украинская шестисошная клуня (с. Васильевка Александровского уезда Екатеринославской губ.)

укреплялась кладь, на нее навешивались ключи. За неимением дубовых сох крыши этого типа начали сменяться крышами на кроквах, т. е. на стропилах [1].

В некоторых хозяйствах, при отсутствии овина или риги, имелось крытое гумно с глинобитным током, около него мог быть второй сруб — *пригуменник*, служивший для хранения колоса и мякины. Гумно без овина в Минской обл. называют *сыробойней*. Белорусские гумна, как и великорусские, помещаются всегда на дальнем конце усадьбы, но иногда размещаются гнездами, по четыре-пять. В такой группировке гумен и других хозяйственных построек сказывались общинные традиции.

В большей части южновеликорусских и украинских районов овинов не было. Здесь хлеб, благодаря более сухому климату, молотится сыромолотом, а снопы до молотьбы хранятся в больших сара́ях (у южновеликорусов — *рыга* [2], у украинцев *клуня, стодоля*), являющихся в то же время крытым током, т. е. молотильным сараем. Это — относительно крупные постройки, которым невысокие стены и огромная четырехскатная соломен-

[1] Подробнее о крыше на дедках см. в гл. IV (стр. 99).

[2] В сельскохозяйственной литературе их называют также «холодными ригами».

ная крыша придают почти пирамидальную форму. Стены, в зависимости от наличия и стоимости того или иного материала, делаются плетневые у украинцев (рис. 65) и южновеликорусов или каменные (из плитняка в Тульской, Воронежской, Орловской и Рязанской областях). Крыша опирается на врытые по средней оси постройки массивные столбы, поддерживающие коньковое бревно, которое служит опорой всей конструкции кровли (то же устройство, что в белорусском гумне на сохах).

Постройка клуни производилась следующим образом. Сначала вкапывают глубоко в землю дубовые сохи, высотой 7—8,5 м, на них кладут горизонтальные бревна — *сво́локи*. Затем по окружности будущей клуни устанавливают *присо́хи,* более тонкие столбы, не выше 3 м, составляющие остов стены. Потом плетут стены из лозы (ивняка) или мелкого орешника. Со стен на сволоки перекидывают кроквы, составляющие скат крыши. На них располагают горизонтальные латы, и таким образом получается обрешетка, на которую настилают солому. Число сох, поддерживающих крышу, бывает разное, в зависимости от величины клуни, но не меньше двух. Сохи располагаются или в один ряд (клуня на двух, на трех, на пяти сохах) или ставятся в два ряда, четырехугольником (это клуни четырехсошные, наиболее распространенные, и шестисошные, которые строили лишь зажиточные хозяева [1]). Четырехсошная клуня в плане близка к квадрату и имеет округлую, почти конусовидную форму; шестисошная более вытянута в длину и имеет вид удлиненной пирамиды.

На длинных сторонах клуни или рыги устраивают широкие и высокие въездные ворота для нагруженных снопами возов; снопами заполняются боковые концы, а широкая площадь сквозного проезда по окончании сноповозки служит для молотьбы (это пространство подравнивается и утрамбовывается, как обычный ток). Сквозной проезд более удобен и при последующем веянии да и при молотьбе машиной, так как пыль быстрее уносится из клуни [2].

В южной Украине клуни строятся «куренём», т. е. стены их очень низки и крыша почти достигает земли. В некоторых же местностях, например в Тульской обл., в помещении для обмолота зерна стен совсем не делали, а крышу на сохах опускали непосредственно на землю, это — «рыга с земи».

Клуню ставили большей частью сейчас же за двором, на задах усадьбы, часто вплотную к ограде двора.

Клуня была необходимой принадлежностью крестьянского хозяйства. Несмотря на то, что постройка ее обходилась недешево (25—65 руб., средней величины около 40 руб.), в центральной Украине, по обследованиям 1870-х годов, клуни не имел «разве десятый хозяин» [3]. В бедняцких хозяйствах обычно клунь и риг не строили, а молотили где-нибудь на свободном месте, например на улице перед домом, тут же и веяли.

Прообраз клуни, раскрывающий происхождение этой сравнительно сложной постройки, можно видеть в одном из видов временного жилища,

---

[1] В литературе отмечены и двенадцатисошные клуни, они бывали только у помещиков.

[2] Крытые гумна с огромной крутой крышей, соломенной или лучинковой, характерны и для старого сельского хозяйства чехов; см. «Umění Československého Lidu». Praha, 1928, il. 75—76 (стодоли XVIII—XIX вв.). Но, по общему виду напоминая украинские клуни и южновеликорусские рыги, они в то же время близки и к белорусским гумнам, так как невысокие стены их представляют собой многоугольные срубы.

[3] Крестьяне на Киевщине говорили: «у хозяйстві нема нічого первійшого и лучшого як клуня, вона всему голова; хліба дождесся раз в год, а без клуні все пропаде, хліб прорасте» (П. П. Чубинский. Инвентарь крестьянского хозяйства. «Записки Юго-Западного отдела РГО», т. II за 1874. Киев, 1875, стр. 177).

а именно в шалаше белорусского Полесья. Основу его составляют четыре сошки, вбитые по углам четырехугольника, соединенные наверху четырьмя перекладинами; к этой несложной конструкции прислонены наклонно поставленные жерди, сверху набрасывают траву, ветки, солому.

От общераспространенного типа клунь отличается клуня во дворах русских старожилов Алтая. Там она также представляла собой крытый ток для молотьбы, но он имел вид плоского навеса без стен, на массивных столбах, в которые врублены длинные перекладины; поперек них накатаны жерди, а на них уже набросаны хвойные ветки и солома. Клуня состояла большей частью из трех рядов столбов с двумя продолговатыми пространствами между ними; молотили зимой, причем ровную землю поливали водой, получалось ледяное «гумно» [1], на котором расстилали развязанные снопы кольцеобразно, по обеим сторонам среднего ряда столбов; молотили, прогоняя лошадей по снопам.

Крытые токи (гумна, клуни, риги), как обеспечивающие возможность уборки хлеба (молотьбы и веяния) в любую погоду, сохраняют свою необходимость и в условиях современного колхозного хозяйства. Поэтому, наряду со строительством механизированных токов, в правильно организованных коллективных хозяйствах известное внимание уделяется и ремонту прежних крестьянских гумен и постройке новых крытых токов и навесов [2].

АМБАРЫ

Обмолоченное и провеянное зерно хранят в житницах или амбарах. «Житница» — древнерусское слово [3], обозначающее помещение для хранения жита (хлеба) и до сих пор бытующее в северной и средней полосе России. «Амбар» — персидское слово (занесенное к нам при посредстве татар) более широкого охвата, вытеснившее древний термин на большей части восточнославянской территории [4]. В северной и средней полосе (в зоне крытого двора) житница всегда была отделена от жилья и, в целях сохранения хлеба в случае пожара в селении, вынесена за пределы усадьбы. В южновеликорусском и в волжско-камском покоеобразном дворе амбар часто входил в состав надворных построек. В незамкнутой усадьбе украинца *вінбарь* являлся одним из необходимых надворных строений.

Житница на Севере и в среднерусской полосе представляет собой небольшой сруб, площадью в среднем 4×4 м, поставленный для предохранения от почвенной сырости и от мышей на невысокие деревянные столбы с открытым подпольем; нередко прежде вместо столбов ставились еловые пни с обрубленными корнями («избушка на курьих ножках»). Чтобы мыши не проникали внутрь помещения по столбам, на столбах делали глубокие кольцевые вырезки или надевали на них жестяные колпачки. На

[1] На ледяные гумна в России обращали внимание иностранцы еще в XVI в.: «У некоторых знатных устроены для молотьбы гумна; но люди простого звания поливают водой какое-либо ровное место перед теми шалашами, о которых мы сказали [овинами.— Е. Б. и на нем, после того как оно отвердеет от льда, выбивают зерна хлеба» (Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877, стр. 72; эта книга — записи иностранного посла 1576—1578 гг.).

[2] «Правда», 9 августа 1954 (передовая).

[3] Слово «житница» встречается в письменных памятниках с XI в.

[4] Это слово, в форме «онбар», появилось в русской письменности очень поздно, в XVI в.; под ним понималось крупное складское помещение у бояр и купцов; в онбарах торговали разными товарами. Из текста XVII в.: «Два онбара болших, да 17 житниц». Позднее — слово «амбар» вошло и в крестьянский обиход (см. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1, М., 1910, стр. 6).

передней стене житницы внизу устраивали выступающую площадку перед дверью — *прúступень, приклéть, пережúтнище, предамбáрье, рундýк,* а над дверью навес — *кошель, пя́тры (пя́терь, пя́тра)* [1]. Для этого концы верхних и нижних бревен на боковых стенах выпущены вперед на 0,75—1 м и поперек на их концы врублены бревна (старинный народный прием строительства, как мы видели выше: выпуск параллельных бревен сруба для образования разного рода кронштейнов и навесов).

Навес и площадка служили для удобства нагрузки и выгрузки зерна в сырую погоду, а иногда и для проветривания на площадке сыромолотного зерна. Навес служил также для того, чтобы житницу не заметало снегом и чтобы косой дождь не попадал в дверь. Навес часто подпирали два или четыре столбика, врубленные в пол приступня, и, таким образом, перед входом получалась небольшая галерея. Для входа на приступень служила приставная лесенка. Житницы, имеющие двускатную крышу на самцах, крыли двумя приемами. Один, более древний, отличается тем, что пятры прикрыты полой двускатной крыши, конек которой, следовательно, параллелен передней стене (рис. 66, *1*). Гораздо шире был распространен более поздний, обычный тип: фронтон расположен над пятрами и конек, следовательно, перпендикулярен к передней стене (рис. 66, *2*).

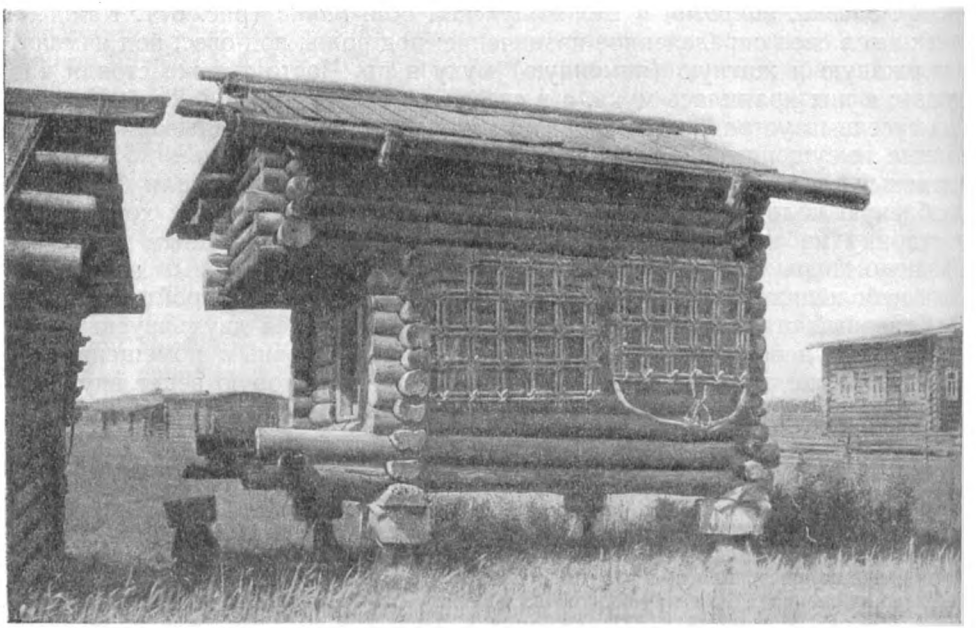
В старинных житницах Крайнего Севера (на Пинеге) и белорусского Полесья встречается архаическая форма потолка — сводчатый потолок из бревен, положенных на самцы фронтонов.

Внутри вдоль стен делали ящики для хранения зерна, называемые *сусеки, засеки, закрома,* в Великолукской обл. *паккс* (рис. 67). Каждый сусек имел свое определенное назначение: под рожь, под овес, под ячмень, под ржаную и житную (ячменную) муку и пр. Часто тут же стояли кадушки; в них хранилась мука, а в сусеках — лишь зерновой хлеб. Иногда над сусеками устраивали полки, на которых рядами укладывали прессованные высушенные сыры (Олонецкая губ.), иногда *палатки* — перекладины, на них в прежнее время в Московской губ. держали большую долбленую колоду для хранения редких семян; в некоторых хозяйствах в старину на полатках стояли лубяные коробьи с приданым девушек. Входную дверь устраивали с высоким порогом, с прорезанным на уровне пола небольшим отверстием для воздуха (и чтобы могла пройти кошка).

Северный старинный амбар, по существу, является двухъярусным сооружением: непосредственно под крышей, над основным помещением и в пятрах, находится второй этаж или вышка, на которую ведет внутренняя лесенка. На вышке хранятся более ценные хлебные продукты: пшеница и пшеничная мука, гороховая мука, толокно и пр., а в прошлом здесь держали запасы зерна, отсыпанного на семена.

[1] Термин «пятры» широко распространен у великорусов, в Новгородской, Ярославской, Кировской и Молотовской областях, в Удмуртской и Татарской АССР и дальше на восток по Алтаю, Сибири. Везде он обозначает нависающий бревенчатый выступ, преимущественно над входом в амбар, а во многих местах — также и выступ под дверью сеновала для приемки сена; у белорусов — это устраиваемый на крытом гумне помост, на который кладут снопы; в Челябинской обл., в Сибири и на Алтае «пятра» обозначает также потолок и чердак. Слово «пятры» представляет интерес в том отношении, что в близком значении является общим для всех славянских народов (например, «петер» у черногорцев и словенцев означает потолок и чердак). У гончаров — великорусов и украинцев слово «пятры» обозначает также переносные жерди или доски, на которых до обжига сохнет выделанная посуда (А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. вып. 12. М., 1916, стр. 166 — пятро́, пя́тра; А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае Вильна, 1907, стр. 200 и 272; В. Василенко. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 13, Харьков, 1902, стр. 179).

1



2

Рис. 66. Севернорусские амбары (дер. Мякушино Вологодской губ.)

1 — городок житниц за деревней: на переднем плане — старинная житница с коньком крыши, параллельным передней стене; *2* — старинная житница с коньком крыши, перпендикулярным к передней стене (вход во фронтовой стене): столбы-сваи — с вырезками, на боковой стене висят деревянные бороны.

Запоры амбара изготовлялись деревянные и железные. Деревянные замки были широко известны всем восточным славянам. Каждый хозяин делал замок сам. Нарезки на ключе и в замке, хотя и несложны, но в каждом случае различны, и поэтому подобрать ключ было почти невозможно. У великорусов замок делался из толстой доски, внутри которой вырезались выемки для вкладывания засова, ключа и пластинок — *снычей*. В запертом замке наружу торчала ручка засова; вставленный ключ

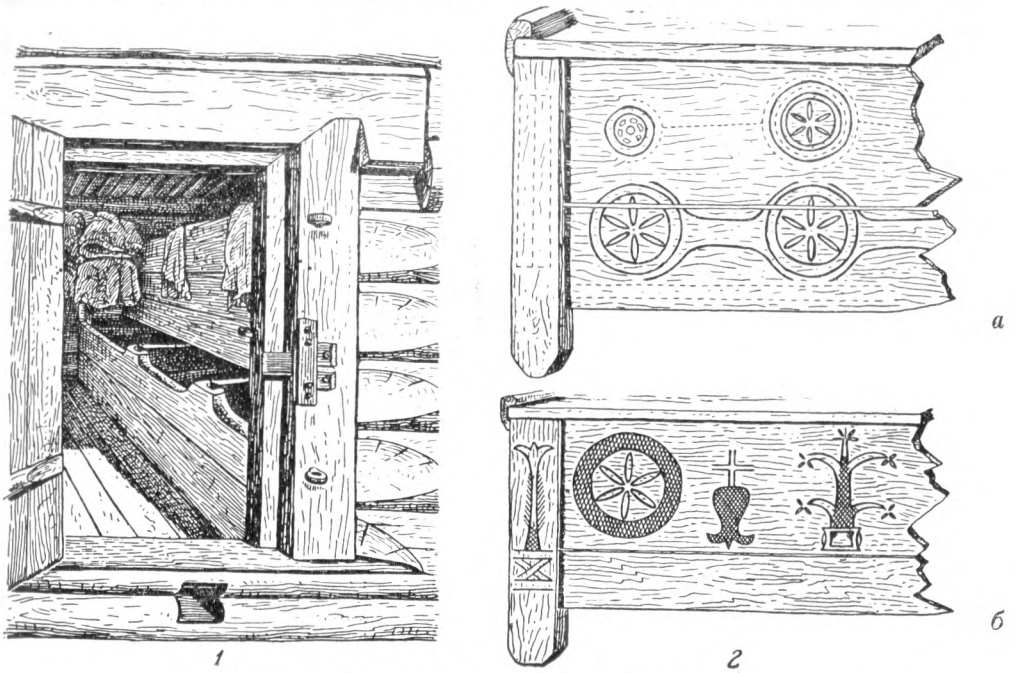


Рис. 67. Сусеки (закрома) для зерна

1 — внутренний вид амбара-житницы северновеликорусов; видны сусеки (Бежецкий уезд Тверской губ.) 2— сусеки для хлеба в Закарпатской Украине (Мукачевский округ), украшены резьбой: *а* — с. Серенчовка, *б* — с. Бобовник (конец XVIII в.)

приподнимал снычи, они освобождали засов, и его можно было выдвинуть из замка. При запирании замка в нижнее отверстие задвигали засов, ключ опускал снычи, и его вынимали: замок заперт. У белорусов и украинцев деревянные замки были гораздо менее массивной конструкции [1].

В центральных областях России житницу запирали солидным кованым железным «нутренним» замком с личиной в виде секиры [2] (рис. 68).

Существовали различные приемы расположения амбаров. Их ставили на улице, каждый хозяин против окон своего дома — «на глазах», во избежание воровства (получался «порядок» изб и «порядок» амбаров)

[1] Деревянные самодельные замки этой конструкции, являющиеся прототипом «французского» замка, широко распространены среди различных народов Европы и внеевропейских стран. Они были известны древним египтянам (около трех тысяч лет до нашей эры) и древним римлянам (последние века до нашей эры). А. И. Сидоров. Очерки из истории техники, вып. I. М., 1925, стр. 17.

[2] Железные замки этого типа имели применение в Московской Руси (см. Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, рис. 117, а также коллекции Гос. Исторического музея).

или помещали их за избами, на усадебной земле. Иногда все житницы бывали вынесены за околицу деревни, образуя по одну или по обе стороны дороги отдельный городок (считалось, что это расположение амбаров также предохраняет от ограбления, потому что «на виду» не так легко забраться в них (см. рис. 66); в такой группировке амбаров и других хозяйственных построек вместе сказывались общинные традиции.

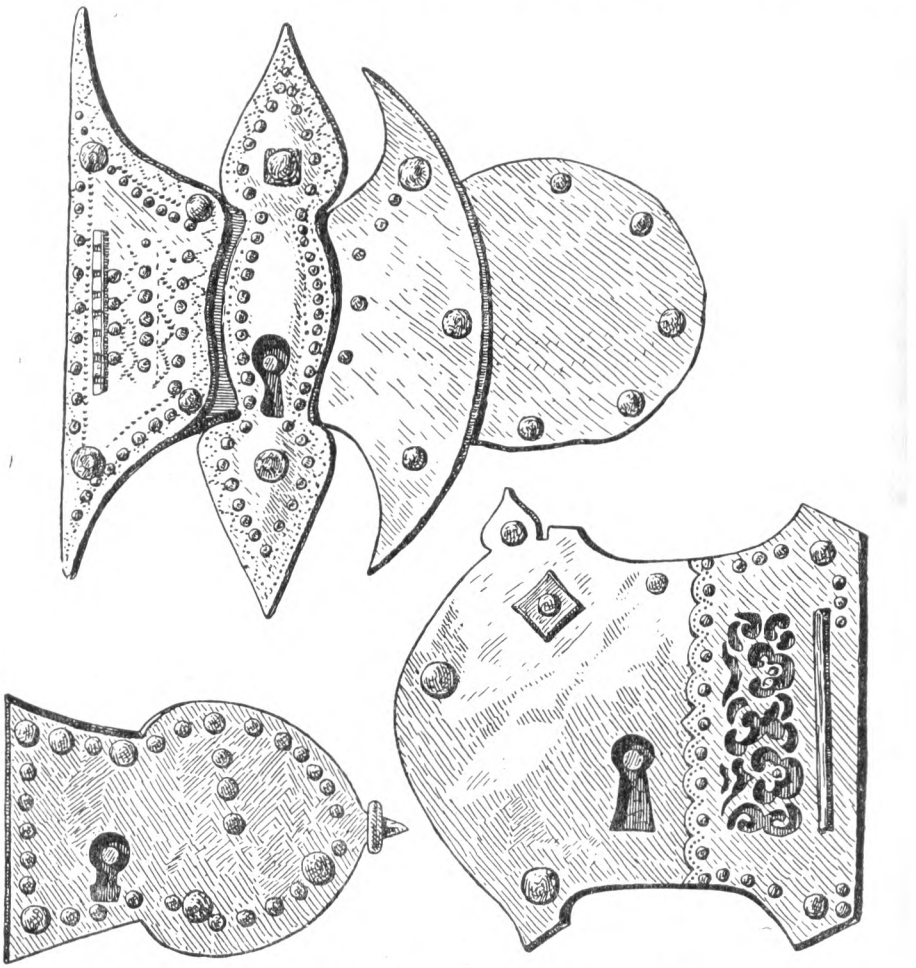


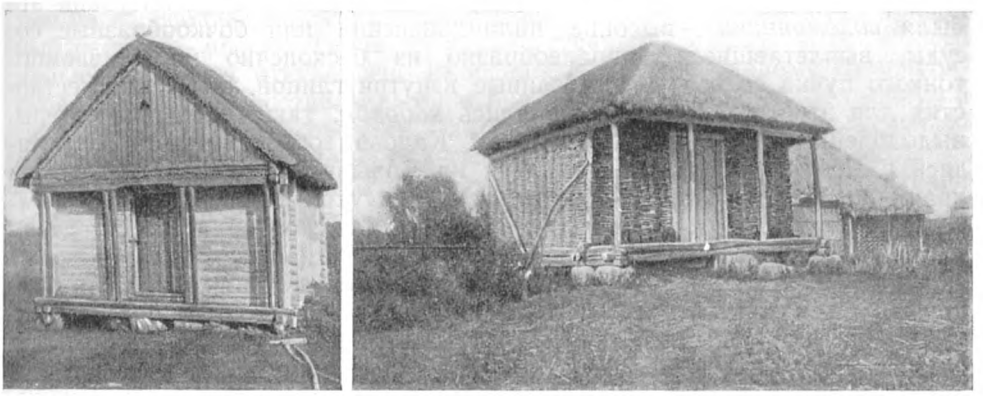
Рис. 68. Личины старинных замков на житницах (с. Копорье и дер. Борочек Моложского уезда Ярославской губ.)

Амбары представляют большой интерес в том отношении, что они нередко значительно старше жилищ по возрасту, так как и меньше снашиваются и, будучи вынесены за околицу, меньше страдают от пожаров; интересны амбары и тем, что при постройке их употребляются старые приемы и навыки. Поэтому в их архитектурном облике сохранилось гораздо больше архаизмов, чем в жилищах, и, таким образом, в той или иной мере они повторяют историю развития жилища, если не в целом, то его отдельных частей.

Амбары составляли необходимую принадлежность каждого двора. Лишь самое захудалое бедняцкое хозяйство обходилось без этого строе-

ния. В кулацких же хозяйствах нередко имелось по два-три амбара с крепкими замками. В кулацких хозяйствах центральных и южновеликорусских районов, как редкость, встречались и кирпичные амбары.

Амбары, как хранилище зернового хлеба, распространены по всей восточнославянской территории — от Архангельской обл. до Северного Кавказа и от Карпат до Восточной Сибири; будет ли это белорусская *клеть* или *свирон* (см. рис. 43, *1*), глинобитная *будка* в южнорусских степях, украинская *комора* на Полтавщине и у гуцулов [1], *вінбарь* украинских переселенцев в Казахстане и других местностях Средней Азии, амбар Енисейской обл., иркутская ли *амбарушка*, имеющая приступень с



1 *2*

Рис. 69. Южновеликорусские амбары (Воронежская губ.)

1 — деревянный, обмазан глиной (с. Роговатое Нижнедевицкого уезда); *2* — плетеный (с. Прилепы Острогожского уезда)

колонками и перильцами, или алтайский амбар с пятрами и предамбарьем [2], — все они при наличии ряда местных особенностей сохраняют те же основные архитектурные черты, характерные и для северных житниц [3]. Основное различие заключается в следующем: для зоны распространения избы на подклете характерна преимущественно житница на столбах, т. е. с открытым подпольем, обеспечивающим лучшее проветривание зерна и предохранение его от грызунов; в зоне, где распространено поземное жилище, преобладает амбар без подполья, стоящий прямо на земле, хотя всегда с деревянным полом, предохраняющим зерно от почвенной влаги и вредителей (рис. 69).

Некоторое отклонение от этого типа отмечено лишь в переселенческих поселках в безлесных степях Казахстана, где постройка деревянных амбаров из-за недостатка леса очень дорога. Здесь украинцы первое время

[1] Зарисовки разнообразных украинских комор см. П. Г. Юрченко. Дерев'яне зодчество України, Київ, 1949, рис. 17—22. Своеобразные двухэтажные коморы Западной Украины см. М. Драган. Українські деревляні церкви, ч. 2, рис. 52—53.

[2] Любопытно, что на Алтае в дальних лесных районах неизвестен обычный, более поздний тип амбара с коньком, перпендикулярным передней стене.

[3] Много авторских зарисовок амбаров в селениях Иркутской обл., Красноярского края и Забайкалья дал архитектор Е. А. Ащепков в своей книге: «Русское народное зодчество в Восточной Сибири» (М., 1953, рис. 63—77). И здесь все амбары сельского населения, кроме одного-двух общественных амбаров, относятся к более старому типу с входом под полóй двускатной крыши.

после переселения хранили зерно в небольших (на 300—500 кг), закромах устраивавшихся обычно в сенях; потом уже стали строить специальные зернохранилища из самана с сусеками — винбари. Любопытно, что у казахов, прежде хранивших свое зерно исключительно в небольших и неглубоких ямах (вместимостью в среднем на 80 кг), уже в 1920-х годах отмечены в их зимниках саманные амбары, устроенные по типу переселенческих вінбарей.

На Украине зерно, сохраняемое в коморах, часто держали не в закромах, а в очень больших сосудах, превышавших иногда рост человека: в центральных районах, например на Екатеринославщине (теперь Днепропетровская обл.), такой *кошиль* сплетали из ивовых прутьев и обмазывали внутри глиной; на юге Украины, на Волыни и на Кубани это были *соло́мьяники* — высокие цилиндрические или бочкообразные сосуды, выплетавшиеся спиралеобразно из бесконечно наращиваемого тонкого пучка соломы и обмазанные изнутри глиной. В лесных местностях для этой же цели применялись *ка́довби,* также большие сосуды, выдолбленные из древесных стволов. Кадовби особенно часто встречались в Черниговщине, в Галиции и на Волыни. Кое-где в Белоруссии хранили зерно в *скрынях* — деревянных сундуках с крышкой.

На Украине, местами в Черниговской и Сумской областях, по рекам Десне и Сейму, а также в Курской обл. (б. Путивльский уезд) недавно еще пользовались архаическим способом хранения зерна в ямах; их выкапывали в глинистом грунте, обыкновенно в форме кувшина, и тщательно вымазывали внутри глиной, затем либо обжигали внутри соломой, сваливаемой в яму в количестве 10—15 кулей, либо обивали стенки ямы берестой при помощи мелких колышков. По заполнении зерном ямы закрывали плотно пригнанной досчатой крышкой и сверху засыпали землей, а иногда делали еще небольшую двускатную крышу для предохранения от дождя. Зерно в такой яме сохранялось, не портясь, десятками лет. Вместимость ям была 150—600 мер, или 250—500 пудов зерна (4—8 тонн).

В XIX в. зерновые ямы встречались и много южнее — на Полтавщине и далее на юг[1]. В Брянской обл. известны я м ы-п о д в а л ы, представлявшие собой дубовый сруб, вкопанный в землю и засыпанный ею; кроме зерна, в этом срубе сохранялась пенька и разное другое добро.

Будучи необходимейшей принадлежностью крестьянского хозяйства в прошлом, единоличные амбары постепенно потеряли свой смысл в системе колхозного производства. На смену им пришли большие колхозные амбары, а прежние индивидуальные постройки этого типа, за редкими исключениями, используются как складские помещения колхоза, сараи, свинарники и пр.

ПОМЕЩЕНИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРОДУКТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Остающиеся при молотьбе хлебных растений отбросы носят общераспространенное название «мякины» (местные названия — «полова», «пелева») и идут на корм скоту. На севере и в средней полосе России для хранения мякины обычно использовались пеледы и припеледки — пристройки у верхового овина. На юге иногда хранили ее в клунях, рыгах и стодолях. Но почти всегда в земледельческих районах, где эти отходы получались в большом количестве, всякое хозяйство стремилось поста-

[1] «На юге зерновой хлеб хранят в ямах: рытых кувшином, выжженных соломой и засыпаемых землею; это хлебные ямы» (В. Д а л ь. Толковый словарь, т. 4, стр. 698).

вить, обычно на гумне и из самого дешевого в данной местности материала, особое строение для мякины: это — м я к и н н и к, *мякинница, мякильница, мекильня, половник, по́лове́нь, поло́вня, пеле́вня* [1], *пуня, гуменник* [2]. Это строение имело вид отдельного сарая, чаще всего с плетневыми стенами и соломенной крышей; часто внутри него делали засеки для мякины, для колосяницы [3].

В зависимости от структуры хозяйства существовали различные другие хозяйственные постройки. Так, в районах, богатых заливными лугами (например, в Верхнем Поволжье), необходимы в хозяйстве с е н н ы е с а р а и, которых у среднего крестьянина имелось два-три. Их устраивали за усадьбой. Рубленные из бревен, они имели широкие и высокие ворота, пол на переводах, поднятых невысоко над землей. К воротам вел наклонный настил — *мостик*. Такие же сараи устраивали иногда на пустошах и дальних покосах, откуда сено вывозилось лишь по санному пути. Пространство между поставленными в ряд сараями, защищенное сверху соприкасающимися их крышами, так называемый *межсарайник,* использовали для хранения соломы; они также имели иногда стенки и дверь.

Характерную особенность многих селений западной части восточнославянской территории (включая Ленинградскую и Псковскую области, западную Белоруссию и Западную Украину) составляют о б о р о г и, или *броги* (укр. *оборіг,* род. пад. оборо́га) — подвижные четырехскатные крыши на четырех столбах для хранения сена возле домов. Крыша надевается на столбы при помощи скрученных из прутьев петель; в незаполненном броге крыша лежит внизу, по мере надобности ее можно передвигать вверх [4].

На севере и северо-западе великорусской территории вплоть до берегов «Студеного моря» издревле культивировали репу (в старых документах можно встретить упоминания о «репище» — репном поле, о рубленом репном погребе) [5]. Хранили репу в особых р е п н ы х п о г р е б а х — полуопущенных в яму срубах с односкатной кровлей; эту хозяйственную постройку и теперь изредка можно увидеть на задах архангельской деревни.

Кроме репных погребов, в местах с сухим песчаным грунтом устраивали и просто репные ямы в стороне от проезжих дорог, вблизи перелеска или кустарников, чтобы зимой их заносило снегом. Репу (так же хранили и другие овощи — редьку, брюкву, картофель) укладывали ранней осенью прямо в песок и пересыпали льняной кострикой, а сверху

---

[1] Древнеславянский термин; ср. болгарское «плѣвник», «плѣвня» (для плѣвы).

[2] Реже, кое-где в черноземной полосе (например, в Орловской и Воронежской областях), «пуня», «пунька» означает клеть во дворе, служащую кладовой для имущества невестки и летней спальней для ее семьи; пуньки эти бывают рубленые, плетеные и глиняные.

[3] Известны районы, где «половень» (Орловская обл.), «пелёвня» (Новгородская обл.) служит для склада соломы, а не мякины. В Саратовской обл. известна загадка: «Стоит баба на току, полна набита табаку» (ответ: половня́). АГО, ф. XXXVI, рукопись 18; А. Л е о п о л ь д о в. Загадки. 1848 г.

[4] Брог — довольно древнее изобретение в этих местах. По крайней мере, известный чешский ученый Любор Нидерле приводит миниатюру из средневековой библии, изображающую укладку снопов в типичный брог. (См. L. N i e d e r l e. Slovanské starožitnosti, d. I, sv. 2. Život starých slovanů. Praha, 1913, il. 128 («Stodola z Bible Velislavovy»).

[5] Репу сеяли поздней осенью по лядам, т. е. по только что выжженным и нераспаханным лесным участкам (откуда название этого сорта «лядинная репа»), прямо в золу и заделывали бороной-суковаткой. Богатые урожаи репы позволяли заготовлять ее в больших количествах на зиму. Ее парили в течение суток в печи и потом укладывали в бочки, пересыпая солью (отсюда старая поговорка «дешевле пареной репы»). Из репы же приготовляли репный квас.

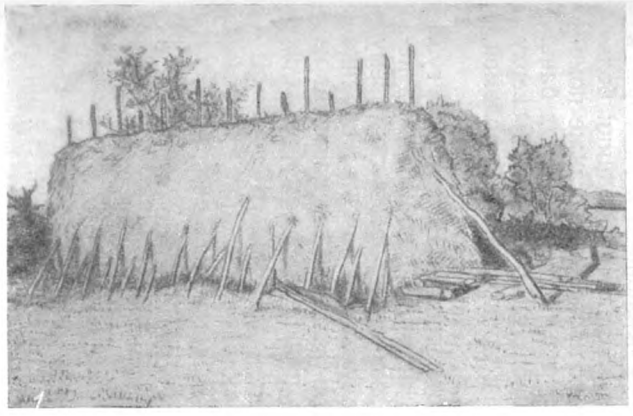
прикрывали соломой, хворостом и землей или дерном. В такой яме овощи отлично сохранялись до весны. Зимою обычно из таких ям запасов не брали, а старались взять их ближе к весне. Если все же было необходимо взять отсюда овощи среди зимы, то выбирали более теплую погоду, чтобы не остудить яму и не попортить остающиеся запасы.

Возле гуменников, иногда на лугах и полях, на Севере и у белорусов можно было видеть разные приспособления для хранения и сушки снопового хлеба, сена, гороха, льна и т. п. Особенно распространены были так называемые з а р о́ д ы, *зоро́ды* (белор. *озеро́ды*). Хлебные зароды устроены так: в землю воткнуты *остро̀ви* — средней высоты елки с сучьями, обрубленными сантиметров на 10; ставят их в прямой ряд длиной 6—10 м, около полуметра одна от другой; на землю кладут для предохранения хлеба от сырости *подме́тины* и *подкла́дины* — старые доски, обломки жердей и пр., настилают на них солому и в «промѐжках» (промежутках) между островями укладывают снопы ярового хлеба (овес, ячмень [1]), по 3—4 в каждый промежуток, колосьями к середине, рядами, по очереди с одной и с другой стороны. Когда уложат довольно высоко, то ставят вдоль зарода *по́ходни* — на сучьях двух толстых островей кладут прочную жердь, ходя по которой укладывают зарод, придерживаясь за него руками (снопы подают с воза с противоположной стороны зарода легкими деревянными двурогими вилами — «подàвальницами»). По мере укладки жердь для укладчика приходится поднимать на более высокие сучья походней. Уложенный зарод кроют соломой, пригнетая ее *гнетами* — по одной жерди с каждой стороны, и подпирают кольями, чтобы зарод не шатало ветром. В зависимости от длины снопов меняется толщина уложенного зарода. Хлеб в зародах остается сухим и не слеживается, так как сучья не позволяют оседать снопам.

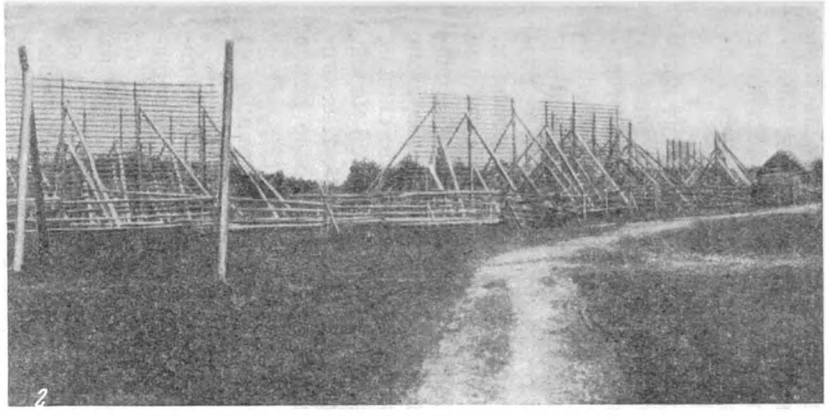
Сенные зароды ставятся несколько иначе: для них вкапывают в землю стеной *стожа́ры* — длинные, гладкие, очищенные от сучьев шесты, несколько дальше один от другого, чем острови в хлебном зароде. Так же называются шест и четыре кола вокруг него, как основа для стога; вбиваются на остожье — месте, где мечут стога. При укладке сена один «мечет» его с воза трехрогими деревянными вилами, другой стоит на зароде, выравнивая и утаптывая подаваемое сено. Кверху зарод «вершат» — делают его у́же, а сверху в каждый проме́жок кладут вицы — связанные верхушками молодые деревца или ветви (ивы, березы, ольхи) около 2 м длиной, чтобы вица свешивалась концами по обе стороны зарода. Эти зароды также подпирают кольями, как объясняют, главным образом для того, чтобы немного приподнять сено, которое бывает в это время несколько «в осырь». В высоту наметанный сенной зарод имеет около 4 м, толщина его в середине — до 3 м (рис. 70, *1*).

Известны огромные зароды Вологодской обл.; это так называемые *обли́тники*, 3—4 м шириной, 5—6 м высотой, заключающие в себе по 200—300 копен сена. В копне считалось сена возов пять; воз сена весил 25—30 пудов. Таким образом, в переводе на метрические меры, количество сена в облитнике могло доходить до 720 тонн. Облитник ставился в деревне или близ нее. Под облитник рубился прочный *вымост* на пятишести венцах бревен; высота помоста зависела от высоты весенних вод на этом месте. Облитники крыли ржаной соломой, по ней вдоль облитника клали жерди-гнеты, укреплявшиеся заостренными палками — *роженьками*. Это — запасное сено, предназначавшееся на продажу скупщикам, когда сено к весне вздорожает. Видоизменением зарода, применя-

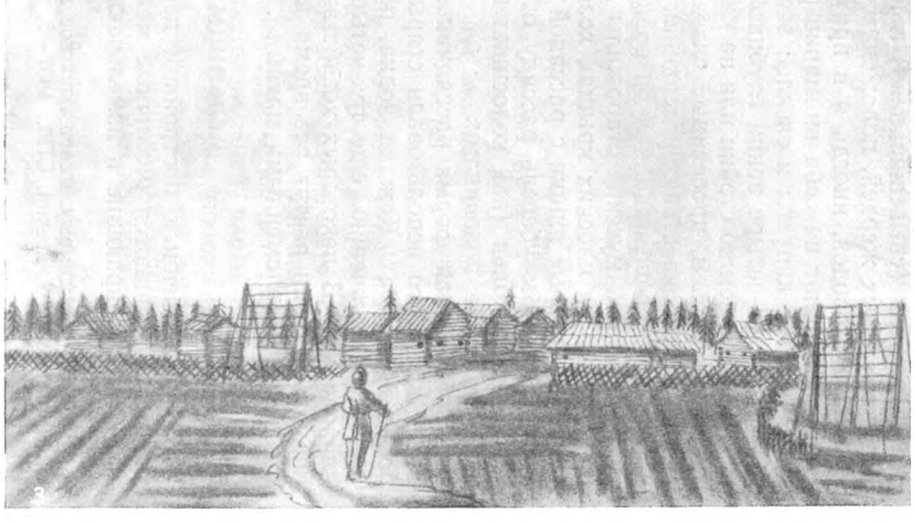
[1] Озимый хлеб (рожь) хранят в скирдах и одоньях.



1



2



3

Рис. 70. Приспособления для хранения и сушки сена и снопов на Севере

1 — зарод, загруженный сеном (с. Вок-Наволок, Прионежского района); *2* — прясла для сушки снопов ржи около деревни (дер. Шапыг Лодейнопольского уезда Ленинградской обл.); *3* — вид г. Зайцева между городами Новгородом и Крестцами в XVII в. (из альбома Мейерберга); видно двое высоких прясел

емым для сушки гороха в Кировской области, является так называемый *шорум* [1]. Это — четыре острови, врытые в землю в ряд, на которые наброшены гороховые плети; под островями устроен досчатый помост (для осыпающегося гороха); помост утвержден на восьми козлах, трех парных и по одному на концах помоста.

Для сушки снопов на Севере ставят специальные очень высокие изгороди, точнее стенки из горизонтальных жердей, укрепляемых одним из двух способов: жерди либо продеты в прорубленные в столбах отверстия — *присóвы,* либо положены на вязы или перевязи попарно вкопанных шестов (рис. 70, *2*). В Архангельской обл. их называют, как и изгородь усадьбы, *пря́сло, пря́сла.* На каждую стенку «пря́слят» т. е. развешивают для сушки снопы зернового хлеба, разделенные пополам, книзу колосьями, а кверху комлем. Для ржи и ячменя делают различные прясла, так как рожь выше ячменя и, следовательно, для длинных снопов ржи требуется большее расстояние между прясловыми жердями (около 70 см), чем для «ячных» снопов. Прясло ржи, т. е. число снопов, умещавшихся на одном прясле для сушки, являлось определенной мерой.

Такие прясла ставились и на полях и в особых «огородах», т. е. огороженных местах, вблизи овинов и гумен, а иногда и возле домов (рис. 70, *3*).

Для сушки («вывешивания») льна делают в е́ ш а л а, состоящие из горизонтальных жердей, положенных на козлы на высоте около 1,5 м.

Возле огородов, иногда и в проулках, возле домов у северновеликорусов обращают на себя внимание р а с с а д н и к и, в которых выращивают рассаду капусты и свеклы; это небольшие срубы, со стороной от 1—2 м, в три-четыре венца глубиной, с бревенчатым дном, поднятые на вкопанные в землю стойки или на клетку из бревен; внутрь кладут навоз, на него чернозем, просеянный сквозь решето. Высота стоек различна. Особенно высоко ставят рассадники в горных местностях, чтобы на них возможно дольше падали лучи солнца, рано скрывающегося за горы в узких долинах. Русские старожилы Алтая устраивают рассадники большей частью на плоских крышах хозяйственных построек, а также помещают переносные ящики с рассадой для тепла на плоских крышах бань. На ночь, чтобы уберечь рассаду от заморозков, на рассадники сверху укладывают колья (как колосники в овине) и прикрывают их соломой, ветвями, даже половиками.

Своеобразная форма рассадников была отмечена в Енисейской губ. Здесь для этого использовали старые лодки, которые поднимали на небольших столбах. Каждая лодка, послужив известное время по своему прямому назначению, еще три-четыре года служила в качестве парника для рассады. В некоторых хозяйствах огурцов так и не высаживают из парников, и они растут все время в лодках; при первых заморозках их прикрывают соломенными матами [2].

МЕЛЬНИЦЫ И ТОЛЧЕИ

К хозяйственным постройкам деревни относятся также строения, в которых помещаются различные механизмы, перемалывающие зерно на муку или обдирающие и измельчающие его в крупу.

[1] Слово, повидимому, имеет тюркское происхождение (см. В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1907—8, т. IV, вып. 3, стр. 958, вып. 4, стр. 1071 и 1099).

[2] Н. И. В о р о б ь е в. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енисейская губ.). Казань, 1926, стр. 103.

Уже много столетий назад восточные славяне для приведения этих механизмов в действие стали использовать силу ветра и силу воды — ручные жернова и ступы сменились ветряными и водяными мельницами и толчеями.

Первое в истории упоминание о ветряных мельницах относится к Западной Европе (XII в.); с XIV в. они уже очень многочисленны на территории современной Голландии, а с XV в. — Германии. В Московской Руси упоминания впервые встречаются в документах XVII в., а самое раннее описание ветряной мельницы с зарисовкой ее — в книге известного естествоиспытателя и путешественника XVIII в. В. Ф. Зуева [1] (рис. 71).

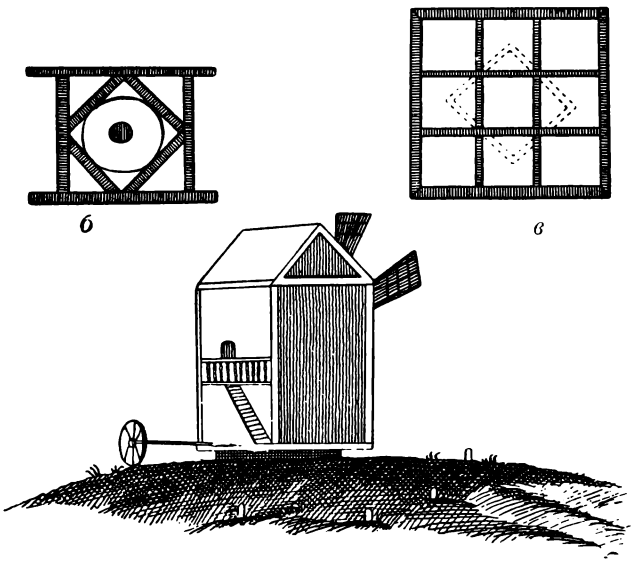


Рис. 71. Мельница-столбовка XVIII в. близ Херсона (зарисовка путешественника Василия Зуева в 1781—1782 гг.)

а — общий вид; *б* — основание всей мельницы; *в* — низ вертящегося амбарчика

Старинные ветряные мельницы, или «ветряки» (укр. *вітряк*, белор. *ветрак* [2]), являлись необходимой принадлежностью многих селений еще в начале XX в. и, сгруппированные по нескольку вместе на открытом пригорке близ деревни, придавали ей особую живописность [3].

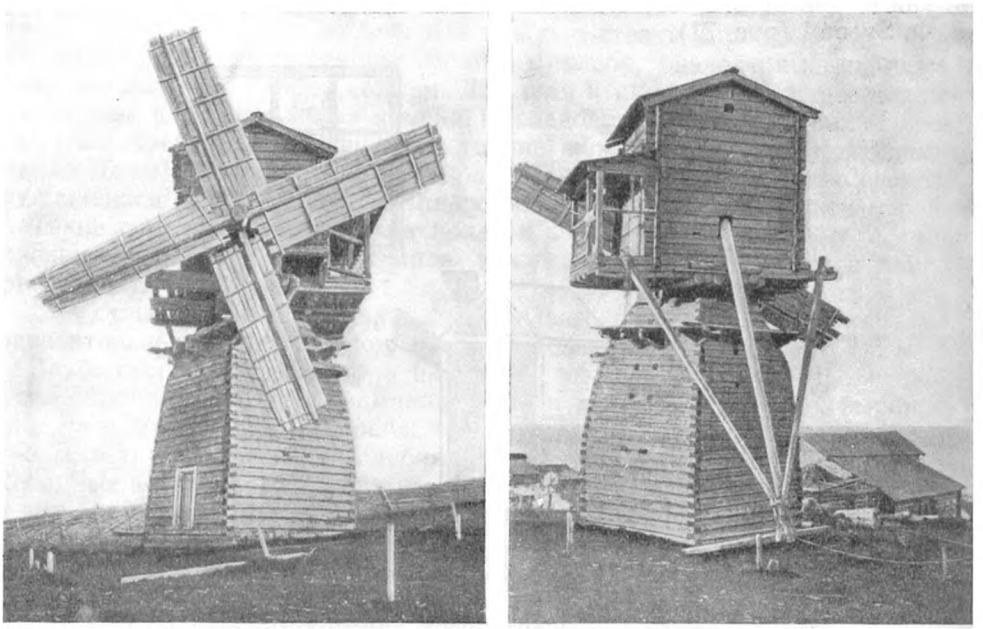
Всякая ветряная мельница состоит из двух основных частей — неподвижного опорного основания и подвижной верхней части с крыльями, которую можно поворачивать в наиболее выгодное положение по отношению к ветру. По соотношению этих двух частей все ветряные мельницы можно разделить на две группы: в одной поворачивается разом весь механизм мельницы, в другой — лишь самая верхняя его часть.

[1] В. Ф. Зуев. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787.

[2] Великорусские областные названия — *ви́трянка* в Вологодской, *ве́треница* — в Горьковской обл.

[3] Вспомним рисунок И Грабаря «Мельницы в Холмогорском уезде» из известной серии «По Северной Двине».

К первой группе — стержневых мельниц — относится бо́льшая часть старинных ветряков, так называемые столбовки. Центральным стержнем, или неподвижной осью, северной мельницы-столбовки служит толстый деревянный столб (на Севере сосновый или лиственничный, на юге — дубовый), прочно вкопанный в землю. Вокруг него сложено основание ветряка, так называемый *городок*, или *баба*,— пирамидка, срубленная в клетку из 10—12 рядов бревен и более, по 4—8 бревен в ряде, внизу длинных, вверху коротких. В бедных лесом местах вместо бревен-



1 *2*

Рис. 72. Ветряная мельница-столбовка

1 — старая мельница, построенная из брусьев, вид со стороны крыльев (с. Лапшеньга Архангельской губ.); *2* — она же со стороны хобота и галерейки для подъема зерна

чатого городка устанавливали козлы, почему столбовки известны также под названием «козловых мельниц». Вокруг столба вращается надетый на него *амбарчик* — четырехугольный сруб, в двух ярусах которого заключен собственно мелющий механизм (рис. 72, *1*). Устройство его следующее. Через верхнюю часть амбарчика пропущен горизонтальный деревянный вал, в комлевой его части, выпущенной наружу, продолблено два взаимно перпендикулярных отверстия; в них закреплены деревянные брусья — *махи́*, служащие для прикрепления крыльев. Крыльев четыре; разборная обшивка их сделана ставенками из драни (они называются также *иглицы)*; уменьшая или увеличивая число ставенок, или щитиков, можно изменять величину поверхности крыла и тем уравновешивать силу ветра. Лопасти крыльев посажены несколько под углом к общей их плоскости; когда крылья повернуты против ветра, под его напором они приходят во вращательное движение. На противоположный (суживающийся) конец вала внутри амбарчика насажено большое колесо с кулаками — выступами (род шестерни), которые, сцепляясь с цевками (вы-

ступами горизонтальной шестерни), передают вращение ей; вертикальная ось горизонтальной шестерни (*веретено*[1], на Севере *веретнò*) скреплена с находящимся ниже жерновом, расположенным сбоку в нижнем ярусе амбарчика; над жерновом находится *тюрик* — деревянный ковш, куда засыпают зерно; рядом с жерновом — ларь для муки.

Вдоль всего механизма из первого яруса во второй ведет внутренняя лесенка. Это — мельница «на один постав», или «на один станок», т. е. с одной парой жерновов. У амбарчика сбоку устроен небольшой балкончик или галерейка, к ней сбоку приделывается маленькая висячая лесенка-стремянка, по которой может подняться один человек без груза. Для подъема мешков с зерном на галерейке установлен небольшой ворот (рис. 72, *2*) — горизонтальный вращающийся вал с вставленными в него по радиусам четырьмя палочками-ручками и навертывающейся веревкой типа колодезного «барана» (укр. *баранец*).

Амбарчик врублен своим основанием в две горизонтальные клади, связанные поперечными брусками. Эту раму поворачивают вокруг центрального столба при помощи скрепленного с ней длинного наклонного рычага, обычно бревна средней толщины; это — *воротило* (на Севере), *хобот*[2] (на Юге и в среднерусской полосе), *ко́ловорот, кобылица, бендю́га* (на Украине). Иногда воротило состоит из двух длинных толстых жердей, верхние концы которых прикрепляются к задней стенке или, как вилы, охватывают корпус мельницы с двух противоположных сторон, а нижние концы связаны между собою деревянным кольцом.

Для закрепления воротила, а следовательно, и крыльев в нужном положении относительно ветра, вокруг мельницы на небольшом расстоянии прочно вбиты в землю по кругу шесть столбиков; в конце воротила имеется сквозное отверстие для веревочной петли, которую и накидывают с воротила на нужный в данный момент столбик.

Чтобы облегчить тяжелую работу поворачивания мельницы, устраивают различные приспособления. На нижний конец воротила надевают колесо и катят его, таким образом, по земле; или устраивают род своеобразного ворота: в отверстие на конце воротила вставляют деревянный навёртыш с четырьмя ручками (как в упоминавшемся выше баране); веревку с петлями на концах закидывают одной петлей за одну из ручек ворота, другой — за нужный столбик и, перебирая ручки, навертывают веревку на этот ворот — так подтягивают мельницу к столбику; если нужно, перекидывают петлю на следующий столбик, подтягивают к нему и т. д.

Реже применяют и настоящий переносный (самодельный, конечно) ворот в виде вращающегося на вертикальной оси барабана с навертывающимися веревками. Чтобы мельницу не сорвало в сильный ветер (что все же случается иногда со столбовками), поворачивают крылья мельницы по ветру (т. е. так, чтобы он дул вдоль плоскости крыльев) и закрепляют воротило в подвижной распялке из веревок, которые надевают на два столбика, приходящиеся по бокам воротила: оно колышется туда-сюда, и таким образом ослабляется давление ветра на крылья.

Для определения направления ветра на северных мельницах часто наверху ставят *ветреницу*, т. е. флюгер.

---

[1] Так в русской народной технике называется в разных механизмах вращающаяся вертикальная ось.

[2] Так в русской народной технике называют рычаг, вставляемый для поворота в различные механизмы, например, в пушку сзади, в нижний конец молотовища кричного молота и др. (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 571).

Ветряки-столбовки были распространены по всей Европейской части России и Сибири [1]. Отклонения от общего типа незначительны: так, например, варьировала высота городка, что связано с рельефом местности и силой господствующих ветров. В черноземной полосе не редкостью было встретить ветряную мельницу с тщательно выполненным основанием из плетня.

Различна в разных местностях форма крыльев. Например, на Киевщине и Полтавщине лопасти их узкие и длинные, на Черниговщине расширенные, почти трапециевидные; встречались мельницы этого типа о шести и о восьми крыльях.

Повидимому, в большем количестве столбовки сохранились на русском Севере [2].

Ко второй группе ветряных мельниц, у которых поворачивается лишь верхняя часть — крыша, где расположен вал с крыльями (что значительно облегчает работу и дает мельнице гораздо бо́льшую устойчивость), относятся шатровые мельницы, появившиеся, несомненно, позднее столбовок, распространившиеся главным образом в среднерусской полосе и на юге России (рис. 73).

Обычная шатровая мельница [3] состоит из следующих главных частей: широкое основание — первый этаж в виде большого прямоугольного сруба — *четверик;* над ним возвышается осмерик — восьмиугольный двухъярусный внутри сруб, суживающийся кверху наподобие восьмигранной пирамиды, обшитый вертикальными досками, и верхний ярус — коническая крыша, крытая тесом,— шатер, или *верхний осмерик.*

Шатер покоится на двух парах перекрещивающихся кладей, продольных и поперечных, концы которых связаны восьмиугольной обвязкой; с кладями скреплен верхний конец длинного, доходящего почти до земли хобота, при помощи которого поворачивают шатер. Все четыре яруса соединены внутри лесенками. Шестилопастное крыло приводит во вращение горизонтальный вал, проходящий через шатер, или верхний осмерик (опорой валу служат поперечные клади); на вал насажено верхнее колесо, передающее движение на горизонтальную верхнюю большую шестерню, насаженную на стояк — центральный вращающийся вертикальный стержень, проходящий через все здание до самого низа, где имеет толщину у основания не менее 60 см. Здесь, в помещении четверика, на этот стержень насажено нижнее колесо с пальцами — боковыми зубцами, сцепленное с двумя цевочными нижними шестеренками, каждая из которых вертит по жернову (верхний жернов — *верхняк,* или *бегун;* нижний неподвижный жернов называют *нижняк,* или *лежняк*). Кроме них в этом же помещении находится *обдергуша,* или *одергуша* — жернов для обдирки (лущения) зерна. От обдергуши отходит в бок *отдувало* с ящиком под ним — по отдувалу ссыпается в ящик и вылетает в боковую пристройку содранная с зерна внешняя оболочка. Зубчатое верхнее колесо имеет 30—40 кулаков, верхняя большая шестерня — 6—7 цевок, поэтому скорость

[1] См. Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. [Б. м], 1950, рис. 40. «Группа ветряных мельниц — тип, распространенный в степных районах Омской области» — хорошо можно разглядеть сквозь городок центральный столб.

[2] Стержневые мельницы характерны и для старой латышской культуры. В Этнографическом парке под Ригой экспонирована такая мельница, построенная в 1814 г. в Елгавском уезде (см. Н. П. Типайнис. Работа Государственного музея народного быта Латвийской ССР. КСИЭ, XII, 1950, стр. 110).

[3] При описании устройства шатровой мельницы использованы экспедиционные материалы Г. М. Василевич, собранные ею во время этнографической поездки в Вятскую губ. (Котельничский уезд) в 1924 г.

вращения центрального стержня, а следовательно, и всего механизма в пять-шесть раз больше, чем скорость оборота мельничных крыльев и горизонтального вала. Такая «мельница на два станка с обдергушей» в зависимости от силы ветра перемалывает в сутки «на оба станка» 10—100 пудов (160—1600 кг).

Нижний ярус шатровой мельницы — четверик разгорожен на три части: в основном помещении сосредоточены мелющие механизмы, в первом от входа стоят лари для хлеба; и в боковом (*чадо́вке*) помещении с печью в период работы живет мельник.

Из четверика надо подняться на 6—8 ступенек, чтобы попасть в нижний ярус осмерика, где над обдергушей и жерновами помещаются три *обе́чки* — ковши или ящики для ссыпки зерна. На 8—10 ступенек выше — *осмерик середний* — в нем механизмов нет, еще на 10 — осмерик верхний с горизонтальным валом. Общая высота мельницы несколько больше 9 м, длина крыльев около 6,5 м, ширина их около 90 см.

Старые шатровые мельницы близки к так называемому голландскому типу, но отличаются от него большей простотой всей конструкции в целом. Судя по литературе, считается общепринятым, что они и источником своим имеют голландский тип с двойной передачей, хотя возможность самостоятельного их появления в России путем усовершенствования древней формы далеко не исключена. Некоторыми предпосылками для

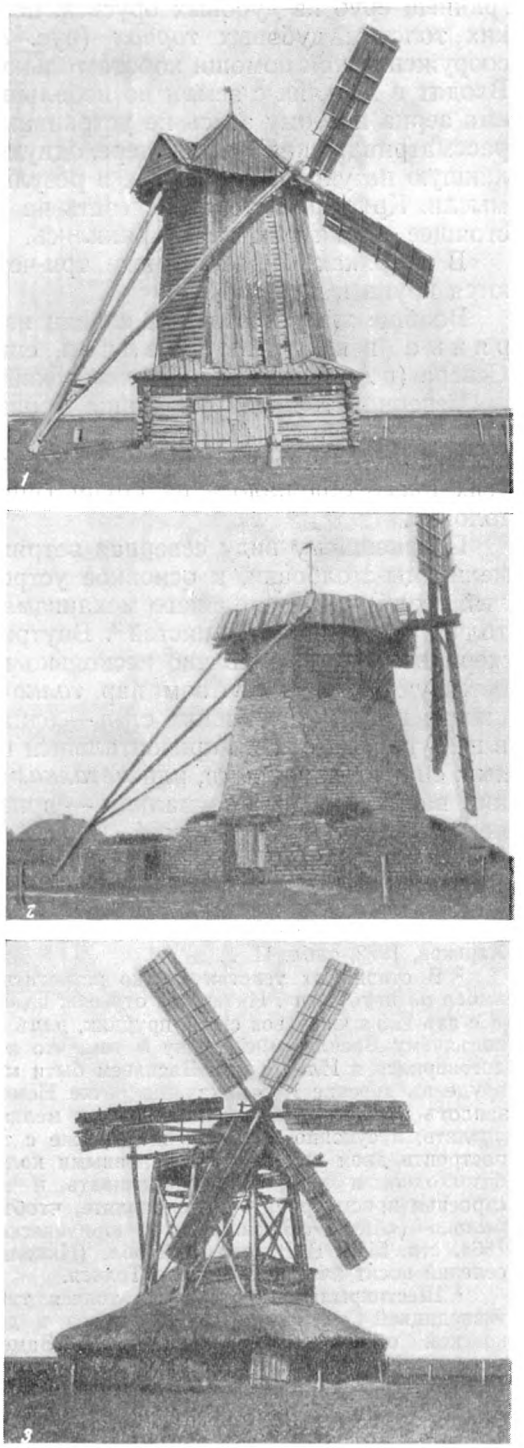


Рис. 73. Шатровые ветряные мельницы

1 — рубленая, обшита тесом (дер. Лепешкина Орловского уезда Орловской губ.); *2* — низ мельницы из известняка, верх — из дерева (с. Донская Негочевка Задонского уезда Воронежской губ.); *3* — шестикрылая мельница с плетеным низом, крыта соломой (с. Даниловка Епифанского уезда Тульской губ.)

такого вывода может служить бытование на Украине в XIX в. так называемых кругляков.

Эта старинная форма ветряных мельниц представляет собой восьмигранный сруб из дубовых брусьев, неподвижно укрепленный на невысоких толстых дубовых *торчах* (рус. *стульях*). Поворачивается в этом сооружении при помощи хобота только крыша с шестилопастным крылом. Входят в кругляк с земли по небольшой лесенке, и галерейку для подъема зерна поэтому здесь не устраивают [1]. Повидимому, кругляки можно рассматривать как форму, переходную к шатровому типу, возможно возникшую на украинской почве в результате работы народной технической мысли. Кругляки начали исчезать на Украине уже к концу XIX в., в настоящее время они не сохранились.

В ветряках бывают также три-четыре ступы, в которых выделываются крупа и толокно.

Вообще же у восточных славян издавна известны и отдельные ветряные и водяные толчеи, еще в начале XX в. работавшие на Севере (в Архангельской, Вологодской и других областях) и в Поволжье [2].

Северная толчея-крупорушка производила «шастанье», «опехивание» или «опихивание» (т. е. обдирку) ячменя и овса, приготовляя из них ячневую и овсяную крупу, толкла овес на толокно. На украинских толчеях просо обдиралось на крупу (пшено), в них же толклось просяное толокно.

По внешнему виду северная ветряная толчея мало чем отличается от мельницы-столбовки, и основное устройство опоры (включая центральный столб) и двигательного механизма (рис. 74) то же самое, лишь крыло толчеи имеет шесть лопастей [3]. Внутри толчеи, естественно, нет мелющих жерновов, но установлено несколько массивных деревянных ступ с соответствующим количеством пар *толкачей* — пестов, окованных железом, иногда вместо нескольких ступ — одна толстая колода с выдолбленными в ней углублениями. Горизонтальный вал, приводимый в движение крыльями, снабжен кулаками, или *металками* — выступами, которые при вращении вала задевают за пальцы — поперечины, насаженные на стержни пестов, и поднимают песты [4].

---

[1] Изображения кругляков см. Н. Ф. Сумцов. Слобожане. Харьков, 1918, стр. 127; С. Таранушенко. Памитки мистецтва старої Слобожанщини. Альбом снимков. Харьков, 1922, табл. II, *2*.

[2] В старинных текстах можно встретить, например, такое выражение: «толченой амбар на пять ступ». Интересен отрывок из «наемной» на водяную мельницу от 1652 г.: «Се азъ Илья Савельев сынъ, прудник, далъ есми на себя запись Севска съезжей избы подъячему Василью Федосееву о том, что въ нынешнем во 160 году маія в 15 день договорился я Илья с ним Васильем быти мне Илье у него Василья не купленом его пруде въ деревне Курганках, на речке Немеде; и будучи мне Илье на томъ пруде заплотъ и скрыни, что не доделано, и мелничной амбар доделать и колеса и толчеи сделать, и суконной валюхъ сделать же с толчеями вместе; а в мелничномъ анбаре построить двои жорновы съ наливными колесы; ...И жить мне Илье на томъ пруде безотходно, и жорновы направливать и колеса починивать и всякое мелничное строенья присматривать и направлять, чтобъ без направки въ мелнице прогулов не было...» («Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, СПб., 1864, стр. 511). В Вологодской обл. (Никольский район) еще в наши дни одно из селений носит название Яшкина Толчея.

[3] Шестикрылая действующая толчея такого типа зафиксирована весной 1949 г экспедицией Гос. Исторического музея в дер. Петухове Городецкого района Горьковской обл. (И. Маковецкий. Заметки о памятниках деревянной архитектуры Поволжья. «Сообщения Института истории искусства», 1. М.—Л., 1951, стр. 45).

[4] Сохранилась поговорка «Какова толчея, таково и толокно» (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 423).

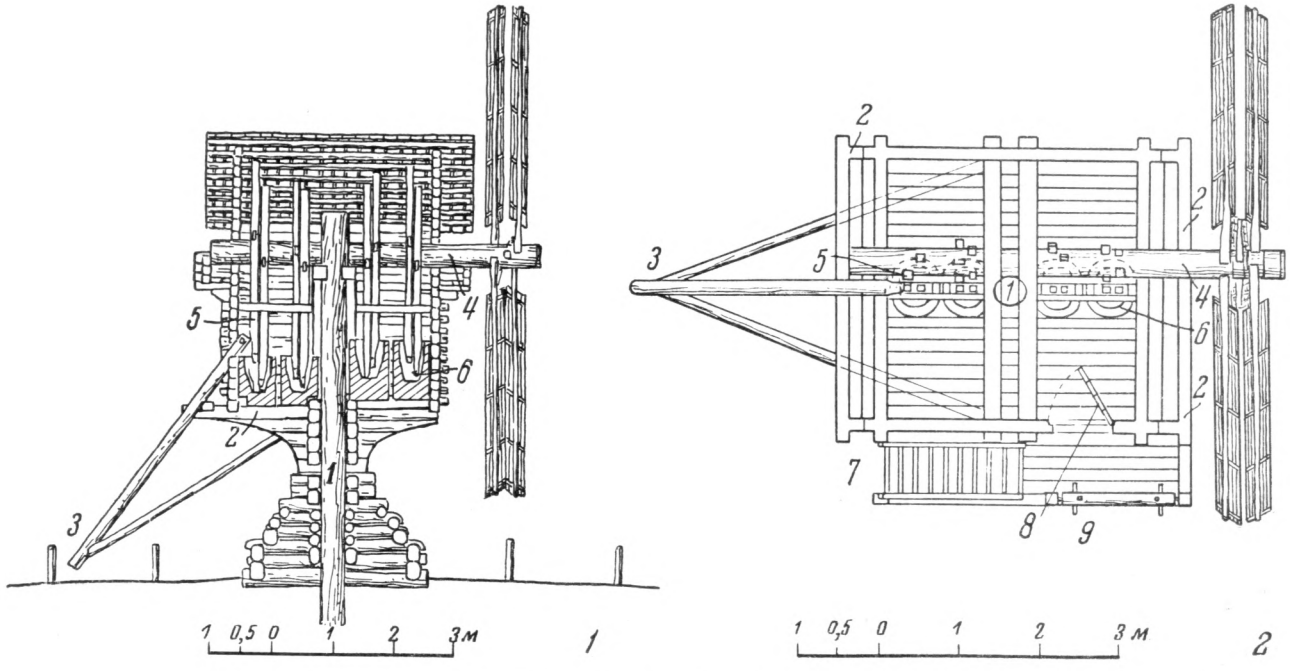


Рис. 74. Толчея-крупорушка на четыре ступы (дер. Чикеево Ермаковского района Ярославской обл.)

1 — вертикальный разрез; *2* — план: *1* — опорный столб, *2* — основание амбарчика, *3* — воротило, или хобот, *4* — горизонтальный вал с кулаками, *5* — толкачи (песты), *6* — ступы, *7* — лесенка, *8* — вход в толчею, *9* — ворот для поднимания мешков с зерном

Пожалуй, наиболее широко распространены были в сельских местностях России водяные мельницы, появившиеся на Руси еще в домонгольский период [1].

Простейшим видом водяных мельниц являются мутовки (также *колоту́хи, колоту́ши, колоту́шки, колото́вки, моталки*) — небольшие мельнички, ставившиеся на быстрых ручьях и речках. Настоящих запруд для них не устраивали, а отводили воду к мельнице по специальному каналу или деревянному лотку (желобу, колоде), выведенному из речки выше мельницы. Мельничками этими пользовались преимущественно в холмистых и горных местностях; так, по литературе они известны в пределах Северных Увалов (Вятско-Камский край), Средне-Русской возвышенности (Тульская обл., где они отмечены в начале XIX в. [2]), на южном Урале (Челябинская обл.), у русских крестьян-переселенцев в Закавказье, у украинцев-переселенцев в Семипалатинской обл., у русского старожилого населения на Алтае и в отрогах Саянских гор. Устройство их крайне несложно и везде более или менее одинаково. Впервые они отмечены и подробно описаны П. С. Палласом [3].

У русского населения Алтая, где автору настоящей работы довелось видеть их в действии в 1927 г. [4], устройство их следующее. Весь механизм, включая и водяное колесо, заключен в небольшом срубе, поставленном над нижним плесом запруженного горного ручья. Сруб не имеет окон, а одну лишь входную дверь, крыт соломой или тесом. В середине сруба проходит вертикальная ось (*стойка, бабка, самец*), с нижней утолщенной частью, вырубаемой из комлевой части дерева; нижний конец оси упирается в ямку на торце сваи, вбитой в дно ручья. В утолщенную часть оси вделаны выдолбленные ложкообразно и слегка изогнутые лопасти (называвшиеся в тульских колотовках *черпалы*), все вместе образующие лежачее, т. е. горизонтальное, колесо [5]. Длина каждой лопасти (или

---

[1] О появлении водяных мельниц в Киевской Руси с XI—XII вв. и о различных исторических свидетельствах о них см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 566—570. Первые сведения о водяных мельницах вообще имеются в трактате римского архитектора Витрувия «De architectura» (16—13 гг. до н. э.).

[2] «Описание Тульской губернии, 1811 г.» ЦГИА, Вольное экономическое общество, ф. 91, оп. 1, № 285, л. 199.

[3] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 2. СПб., 1773—1788, стр. 58—59 (рис. внутреннего устройства такой мельницы, виденной им в селениях Уфимской губ.; копию этого рисунка см. С. И. Руденко. Башкиры, М.— Л., 1955, рис. 85).

[4] Мельницы-мутовки на Алтае известны с 1745 г.

[5] «Колеса такого типа представляли прообраз созданных впоследствии активных водяных турбин»,— пишет В. В. Данилевский в своей книге «История гидросиловых установок в России до XIX в.» (М.— Л., 1940, стр. 187). Любопытно, что в книге «Очерки истории техники докапиталистических формаций» (М.— Л., 1936, стр. 398—399) этому механизму посвящены следующие строки: «Еще в XV в. возникает идея горизонтального водяного колеса, представляющего прототип современной гидротурбины. Зарисовки такого колеса мы имеем в черновых тетрадях Леонардо да Винчи. В середине XVI в. турбинные колеса получили уже, повидимому, широкое распространение во Франции... С начала XVII в. появляется новый тип горизонтального колеса с ковшеобразными лопатками... Все эти колеса применялись, как правило, в мельничных установках...». Есть свидетельства и о более раннем существовании водяных мельниц с горизонтальным колесом — у арабов в XII в., и у кавказских народов в XIV в. Поэтому вполне допустима существующая гипотеза о том, что «эти мельницы были занесены в Европу крестоносцами походов конца XIII в.» (П. А. Козьмин. Мукомольное производство. Киев, 1912, стр. 18 и рис. 20—24). В одном старинном руководстве, переведенном с немецкого издания 1778 г. (Л. Х. Штурм. Описание совершенного строения мельниц... [Б. м.], 1782), мутовки называются: «Турецкого и Французского манера воденые мельницы с горизонтальными колесами», и дается чертеж, «снятый с турецкой мельницы в Боснии» (там же, табл. I и III). Автор руководства говорит, что «подобных мельниц весьма много во французской провинции Провансе на гористых местах».

лопатки) — около 35 см, число их может быть восемь и более; все колесо достигает размера обыкновенного тележного колеса. Когда мельница не работает, то излишек воды из верхнего прудочка, ограниченного двумя-тремя венцами бревен, стекает в боковое *окно* (небольшую выемку в венцах), из которого отводится по желобу в сторону; чтобы привести мельницу в действие, вдвигают сверху в окно деревянный щит; тогда вода устремляется по специальному наклонному желобу в сруб, падает струей вниз, ударяя в черпалы, и все колесо с осью начинает вращаться. Н. М. Васнецов отмечает сходство основного механизма подобной мельнички —«вертикального вала нанизу с крыльями, на которые бьет вода», с мутовкой, которою взбивают тесто, поясняя тем ее народное название [1]. Своей верхней частью ось пропущена сквозь лежащий на помосте неподвижный нижний жернов, а на верхний конец ее наглухо насажен вращающийся с нею верхний жернов. Над жерновами помещен механизм обычного типа: четырехгранный дощатый суживающийся книзу ковш для зерна, дно которого заменяет подвешенное под ним корытце, сотрясаемое деревянным рычажком (*ко́ником*). Коник привязан верхним концом к корытцу и скачет при вращении жернова, на котором коник лежит нижним концом. При сотрясении корытца из него высыпаются зерна и падают в *глаз* (отверстие в центре верхнего жернова), а мука из-под жернова сыплется в большой ларь, стоящий прямо против входа.

Такая мутовка смалывает немного, 2—10 пудов (32—160 кг) зерна в сутки. В Каширском уезде Тульской губ., где небольшие мельницы-колотовки отмечены в середине XIX в., лучшие из них смалывали до 8 мер зерна в сутки. Наибольшее количество муки она мелет весной и в первую половину лета, когда ручьи полноводны; к концу лета ее производительность падает до минимума. Многие мельницы работают круглый год; зимой лишь необходимо ежедневно очищать их от намерзающего льда. В отрогах Саян (по Енисею) зимой мельницы не работают, так как речушки здесь промерзают до дна; в Закавказье же для предохранения мельниц от обледенения вблизи них разводят тлеющие костры соломы.

Устройство мутовок, делавшихся всегда на один постав, обходилось очень дешево. Наблюдение и уход за ними требовались минимальные. Принадлежали они или отдельным крестьянам или нескольким хозяевам на артельных началах.

Обычно хозяин мельницы (мельников по профессии для них не требовалось) приезжал на мельницу, чтобы засыпать зерно или же выгрести муку; засыпав зерно, он уезжал, заперев мельницу и предоставив ей работать без всякого надзора иногда на целые сутки [2].

---

[1] Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного Областного Словаря вятского говора. Вятка, 1907, стр. 136.

[2] В. Даль называет мутовку «плохой», «дрянной» водяной мельницей (Толковый словарь, т. 2, стр. 369). Зарисовки внутренности мельницы-мутовки в собранном и разобранном виде (1911 г.) см. А. Теплоухов. К истории мукомольного производства в западной части Пермской губ. «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии», XII, 1915, рис. между стр. 270—271. Изучив великопермские писцовые книги 1579 и 1623 гг., А. Теплоухов пришел к заключению, что водяные мельницы и с горизонтальными колесами (мутовки) и с вертикальными (колесухи) появились на территории Пермской губ. в конце XVI — начале XVII в. (там же, стр. 273). Копия зарисовки А. Теплоухова приведена в книге D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, Zeich. 46. Внешний вид мутовок на Алтае см. Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев (в кн. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, стр. 98). Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, стр. 227.

К о л е с у х и — сельские водяные мельницы с вертикальным колесом ставят на реках, при искусственных запрудах, устраиваемых при помощи плотин (укр. *гребля, гатка;* белор. *грэбля, гаць* [1]) с целью образования двух уровней воды — верхнего и нижнего. Основной частью механизма служит горизонтальный вал, бо́льшая часть которого находится внутри здания мельницы; на его выступающий наружу за стену конец насажено большое вертикальное колесо, приводимое во вращение падающей на него водой. Это колесо представляет довольно сложное сооружение: к валу спицами прикрепляются на некотором расстоянии один от другого два совершенно одинаковых широких обода (ширина обода сделана в плоскости круга), внутренние окружности которых обшиты (соединены) сплошной опалубкой из досок, образующей род цилиндра; на опалубку между ободьями набиты перегородки высотой в ширину ободьев, расположенные параллельно валу и радиально относительно колеса; это — *лопатки*, или *перья*. Получается, таким образом, ряд сосудов-*ковшей*, расположенных по окружности колеса. Дном этих ковшей служит опалубка, а стенками — ободья и перегородки.

Известно мельничное колесо более простого устройства, состоящее из одного обода, по которому размещены лопатки. Но вряд ли сейчас сохранились где-нибудь мельницы с таким колесом: уже более 100 лет назад они считались старинными, хотя по количеству преобладали на Украине [2].

По способу подведения воды к колесу различают два типа мельниц: один — с так называемыми «пошвенными» (почвенными, подливными) колесами, или колесами нижнего боя, на которые вода действует снизу колеса; другой — мельницы с наливными или верхнебойными колесами, на которые вода падает сверху. К пошвенному колесу вода подводится по искусственному руслу, по которому струя воды с силой бьет в нижнюю часть колеса; напор воды регулируется подниманием и опусканием щита, подвешенного в начале русла. Для подведения воды к наливному колесу устраивают *погонный ларь*, из которого вода вливается в ковши и действует главным образом своей тяжестью. Верхнебойное колесо имеет значительное преимущество перед нижнебойным, так как, используя большее падение воды, оно обладает и большею мощностью [3].

В водяных мельницах передача вращения на жернова, в сущности, та же, что и у ветряных. На оси водяного колеса, т. е. на горизонтальном вале внутри мельницы, надето стоймя зубчатое кулачное колесо; оно сцепляется с горизонтальной цевочной шестерней; на ее оси (веретене) насажен верхний жернов (бегун); нижний жернов (лежняк) неподвижно закреплен на прочной подставке при помощи бревенчатой рамы («хомута») и дополнительной заливки известью.

Водяные мельницы бывают на разное количество поставов. Они мелют муку, обдирают зерно на крупу и выделывают толокно.

---

[1] Слово «гребля» в современном русском языке в этом смысле не употребляется. В близких значениях (вал, насыпь) часто встречается в древнерусских летописях — новгородских, тверских, псковских (см. Г. Е. К о ч и н. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 17).

[2] «Земледельческая механика. Мельницы в России». «Журнал Министерства гос. имуществ», 1845, ч. XVII, стр. 111.

[3] Нижнебойные колеса известны в Европе со времен античности, верхнебойные появились только в XIV в. В XVI—XVIII вв. сфера применения верхнебойных колес была почти универсальна (об этом см. «Очерки истории техники докапиталистических формаций», стр. 394—395). Хорошие чертежи пошвенного и наливного колес даны в книге Л. Х. Ш т у р м а (указ. соч., табл. XV); мы видим здесь ковши с наклонными перегородками, а не радиальными; колеса одинаковы, но установлены различно по отношению к направлению струи воды, т. е. так, чтобы струя, параллельная стенкам ковша, била в его дно.

По внешнему виду сельские водяные мельницы большей частью представляют невзрачные, похожие на простые сараи постройки, хотя и живописно расположенные возле плотины на берегу пруда. В старину с мельницами было связано много поверий, по которым в глубоких омутах около мельницы любит жить водяной (злой дух, враждебный людям, в противоположность домовому). Сохранилась пословица «со всякой новой мельницы водяной подать возьмет» (т. е. утопит человека) [1]; чтобы этого не случилось, суеверные хозяева при постройке мельницы под бревно, где будет дверь, зарывали живым черного петуха, а на мельнице, на случай умилостивления разбушевавшегося водяного, держали животных черной масти (главным образом петуха и кошку) [2]. В старом русском фольклоре водяные мельницы фигурируют очень часто.

Устройство водяных мельниц не требовало обязательного наличия плотины. В холмистой местности и при наличии ручьев горного типа возможна была подводка к колесам воды по желобам так же, как это делалось при устройстве мутовок. Использование водяной энергии таким способом наблюдал на Руси в середине XVII в. антиохийский патриарх Макарий, два раза приезжавший в Москву на поместные церковные соборы (1656 и 1666 гг.). В сочинении, описывающем путешествие его по России, так сказано о Кашире, стоящей на высоком берегу Оки и представлявшей в то время крепость, окруженную валом с палисадом и деревянными башнями: «От этого укрепления идет источник текучей воды по длинным и толстым деревянным желобам, выдолбленным внутри, подобно узкогорлым глиняным кувшинам для воды; желоба обвиты ветвями и спускаются по склону горы; между каждыми двумя желобами небольшая мельница, и таких мельниц, с удивительными приспособлениями, двенадцать от укрепления до реки» [3]. Комментарии здесь не нужны — приведенное описание само по себе говорит о большой изобретательности в использовании энергии текучих вод.

Мельницы этого типа известны и на Орловщине, где залегают известняки, легко размываемые подземными водами. Районы б. Елецкого и Ливенского уездов богаты родниками, которые издавна остроумно используются местным населением: на каменистых склонах балок, отводя воду родников по желобам, крестьяне ставили небольшие мельнички и толчеи, причем один родник ворочал колеса двух мельниц, стоящих на крутом откосе одна под другой на расстоянии 25—30 м. Работа на них может производиться круглый год, так как родники бьют постоянно. Такие мельницы можно еще встретить в действии и в настоящее время [4].

Очень остроумно использовалась на Украине кинетическая энергия рек для устройства передвижных пловучих мельниц [5]. Украинцы называют их *водяки* и *наплавни млини*, в отличие от *гребляних млинов*, т. е. стационарных мельниц, устраиваемых возле гребель (плотин).

Основанием подобной мельницы служил паром (или баржа); его либо прикрепляли канатами к берегу или ко вбитым в дно сваям, либо ставили на якорях, спущенных с носа и с кормы. Поперек парома клали

---

[1] В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 324.

[2] См. С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила, стр. 91—96.

[3] «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским», вып. IV. М., 1897, стр. 138—139.

[4] «Литературная газета», 9 июля 1955 г. (корреспонденция В. Шапошниковой из г. Ливны Орловской обл.).

[5] Пловучие мельницы со спущенным в воду колесом известны были в Италии с VI в. В XVIII—XIX вв. пловучие мельницы были распространены у чехов, словаков и вообще в центральной Европе.

горизонтальный вал, в его выставленном наружу конце продалбливали три сквозные проушины, через них пропускали три нетолстых бревна, под углом друг к другу в 60°, так что концы их, или *стрелы*, образовывали род шестилучевой звезды; на конце каждой стрелы насаживалась длинная лопасть из тонких дощечек, как у ветряных мельниц; так же как крылья ветряных мельниц, лопасти не имели никакого скрепления по окружности. Такое своеобразное мельничное колесо приводилось в действие силой течения. На другом конце вала, внутри парома, насаживали кулачное колесо, которое вращало шестерню с веретеном, скрепленным с жерновом. Весь механизм был заключен в небольшую избушку, возведенную на пароме в защиту от непогоды [1]. Подобную мельницу можно было переводить с места на место, она могла действовать и в половодье, когда водяные мельницы обычно не работают.

Для устройства пловучих мельниц необходимо, чтобы стрежень (или стремя — главное течение реки) проходил близко от берега и чтобы между фарватером и берегом имелось свободное пространство для этих сооружений. Наплавни млини, стоявшие иногда вереницей вдоль берега, придавали весьма живописный вид некоторым украинским селениям (например, на Днепре).

На Украине были распространены и пловучие мельницы с висячим колесом. Горизонтальный вал, на который оно надето, укреплен на двух плоскодонных баржах («байдаках», им. пад. «байдак»), скрепленных наглухо двумя-тремя бревнами, так что колесо приходилось между ними. В этом случае корпус всего механизма устанавливали на барже, поставленной ближе к берегу, а «передняя» баржа (*завідка*), имевшая сравнительно меньшие размеры, служила лишь опорой для вала с колесом. Баржи устанавливались с таким расчетом, чтобы наиболее рационально использовалась быстрота течения реки и чтобы сильнейшая водяная струя устремлялась прямо в *зів*, т. е. в пролет между двумя лодками. Для защиты зіва от плотов, плывущих по реке, ставили предохранительный треугольный плот (*упірка*). Своим основанием он упирался в берег, а острым углом ставился на стрежень, перед млыном. Плоты толкались об упірку и плыли дальше; если же упірки не было, то плот мог быть затянут в зів и потащить за собой все сооружение или даже потопить его. Упірка связывалась из бревен в четыре-пять рядов вышины и сидела в воде на метр в глубину.

Водяной мельницей владели обычно два-три хозяина — «спільники». Они поочередно получали валовой доход и несли расходы по содержанию и ремонту мельницы. В зависимости от изменяющейся быстроты течения (в связи, например, со спадом или подъемом воды) время от времени приходилось «підтягатьця», т. е. переводить мельницу вверх или вниз по течению. Для этого собирали помочь. Особенно необходима была помочь при отливании затонувших мельниц. Хозяева млына устраивали для помочан обед и ужин; если дело происходило в холодное время года, то хозяева ставили котелок с водкой.

На зимовку водяные мельницы заводились в тихие затоны, в стороне от фарватера.

---

[1] Изображение пловучей мельницы см. Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа, табл. VI, *g*. Иначе устроено гребное колесо словацких пловучих мельниц, укрепленное на двух баржах: там на ось насажено три одинаковых маховых колеса, на которые набиты длинные гребные пластины, параллельные оси (несколько напоминает мотовило у жнейки-лобогрейки, служащее для пригибания колосьев) (см. издание «Umění Československého Lidu», составил Zdeněk Wirth, текст написали Lad Lábek и др., рис. 41).

Не меньше чем мелючие млини (т. е. перемалывающие зерно) были распространены на Украине и ступники́ (ед. ч. *ступни́к*), т. е. пловучие передвижные сукновальни. По внешнему виду — это те же пловучие мельницы, но внутри байдака были установлены сукновальные толчеи; обычно они состояли из толстой дубовой колоды с несколькими выдолбленными в ней гнездами-ступами; в каждую ступу закладывался кусок вытканного сукна для валянья, которое производилось попеременными ударами пары *товкачей* (пестов).

Если ступник принадлежал состоятельному хозяину, то он нанимал работником профессионала-сукновала — «ступаря». Ступа́рь обязывался содержать мельницу в порядке и приискивал место для успешной работы мельницы, принимал от хозяина необработанное сукно и сдавал его после валянья в готовом виде.

Пловучие мельницы на Украине упоминаются неоднократно в документах XVII в., но, по всей вероятности, они были известны задолго до этого времени. В самом Киеве в первой половине XVIII в. у крутого берега Днепра работало около 30 водяков, укрепленных каждый на двух «дубах» (так назывались на Днепре большие лодки, длиной 12—20 м и шириной 1—6 м). Но в 1745 г. они, по именному указу императрицы Елизаветы Петровны, были переведены на левый берег, так как, посетив Киев, она нашла, что Днепр течением своим размывает гористый берег, «где угодники божьи в пещерах опочивают», и причину этого почему-то усмотрела в стоявших на воде у берега мельницах. Отведенное место оказалось неудобным для действия этих мельниц, и с этого времени они совсем прекратили свое существование в пределах Киева [1]. Вообще же на Украине этот тип мельниц оставался популярным вплоть до начала XX в. Еще недавно на Днепре в 40 км выше Киева в с. Сваромье водяки производились на продажу.

Вне пределов Украины пловучие мельницы известны по литературе у южно-великорусов на Дону и Сев. Донце, а также на р. Упе, притоке Оки [2].

Есть сведения, что в глубокую старину мельницы аналогичного устройства бытовали и в более северных районах. Так, например, в 1528 г. в Новгороде один «псковитин» устраивал на р. Волхове мельницу пловучего типа. Для этого он делал на Софийской стороне «срубы великие» (ряжи) и топил их камнями на дно у берега с наиболее быстрым течением, чтобы «отняти часть у Волхова, куда быстринам водным течи». Ряжевая плотина псковитина, преграждавшая часть русла реки, представляла собой конструкцию, известную в современной технике под названием буна [3].

В конце XVIII в. Вольное экономическое общество в статьях, посвященных благоустройству сельской жизни, усиленно пропагандировало введение «судовых мельниц» в русской деревне [4].

Водяные толчеи (называемые также *колотовками, колотушками, крупянками*) ставились на быстрых ручьях; особенно часто они встречались в холмистой и горной местности. Устройство обычной толчеи на две ступы следующее. На ручье сооружалась небольшая запруда в

[1] А. Андриевский. Судьба киевских водяных мельниц. «Киевская старина», 1891, т. 34, июль, стр. 131—133.

[2] «Описание Тульской губернии, 1811 г.» ЦГИА, Вольное экономическое общество, ф. 91, оп. 1 № 285, л. 212.

[3] В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 9.

[4] Г. М. Ренованц. О строении прочнейших заплотов вместо дорогих плотин при мельницах, фабриках и рыбных прудах. «Труды Вольного экономического общества», ч. 42, СПб., 1790, стр. 78—82; см. также В. Левшин. Полное наставление о строении всякого рода мельниц... М., 1818, стр. 270—278, рис. 23 и 24.

виде невысокого сруба, образующего пруд глубиной около одной трети метра, с высотой падения воды около 1,5 м; через спуск вода падала на колесо, подобное обычным мельничным наливным колесам, но значительно меньше их величиной. Вращающейся осью колеса служил горизонтальный вал, укрепленный между двух столбов, связанных наверху горизонтальной перекладиной, или между двумя парами стоек. Вал обтесывался на восемь граней; через продолбленные в нем на некотором расстоянии одно от другого сквозные отверстия продевались две доски — «перья», причем они проходили через соседние грани, т. е. под углом друг к другу в 45°. В верхней перекладине, против перьев вала, были прорезаны два отверстия, через которые продеты четырехгранные песты; нижняя часть песта сужена и окована железом; в каждый пест на стороне, обращенной к валу, был вделан поперечный шип; перо вала при вращении задевало за шип и поднимало пест на известную высоту, затем шип и перо расходились, и пест падал. Каждый пест, падая, ударял концом в четырехгранную ступу — пудовку, установленную под ним на камнях или поленьях. Иногда вместо отдельных ступ укладывали большую колоду с выдолбленными в ней углублениями. Все сооружение часто покрывали сверху крышей-навесом, с боков оно обычно оставалось открытым. В пудовку закладывали около пуда (16 кг) ячменного зерна; через некоторое время работы, когда кожура обивалась, пест отнимали от ступы (подняв его над перекладиной, закладывали чурочку в продолбленное в нем отверстие, чтобы он не падал вниз), выбирали ковшом зерно, провеивали его, снова ссыпали в ступу, поливали водой и толкли мокрое зерно — получалась белая ячневая крупа. Когда надо было остановить всю толчею, воду выпускали через боковое окно в пруде — так называемый *вешняк*. Весной и летом при сильной воде работали оба песта и за день успевали сработать 3—4 ступы каждый; в конце лета работал лишь один пест. Во время половодья ступы снимали, а колесо закрепляли колом, чтобы не вертелось. Бывали толчеи и на большее количество пестов. Так, у русских на Алтае в 1920-х годах отмечена толчея в восемь пестов, приводимая в движение довольно сильным потоком [1]. Ставили водяные толчеи и на реках, на самой быстрине, иногда чуть ли не посреди реки, как, например, на р. Подюге (юго-запад Архангельской обл.) [2].

Кому в старой восточнославянской деревне принадлежали все мельницы и толчеи, кто их строил и на каких началах ими пользовались? Установка и ремонт мутовок, водяных толчей обходились недорого [3] и были под силу отдельным хозяевам или двум-трем соседям, сообща владевшим ею. Иное дело было с дорогостоящими ветряками и водяными мельницами на два, три, четыре постава. Устройство их обходилось особенно дорого на безлесном юге, и их могли сооружать лишь крестьянские общества или толстосумы. Например, в черноземной полосе в 1880-х

---

[1] Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Указ. соч., стр. 99. Там же см. фото водяной толчеи на две ступы с двумя пестами на стр. 101. План и разрезы водяной толчеи с 15 пестами (1914 г.) см. А. Теплоухов. Указ. соч., чертеж между стр. 266—267. В Молотовской обл. и в Коми-Пермяцком национальном округе такие толчеи (их называют здесь мельницы-колотовки) служили и для приготовления ячменной крупы и для толчения ивового корья, употреблявшегося в кожевенном производстве. Впервые мельницы-колотовки упоминаются в великопермских писцовых книгах 1579 г. (там же, стр. 265).

[2] А. Шустиков. Тавреньга Вельского уезда. «Живая старина», 1895, № 2, стр. 185.

[3] В конце XIX в. в северном крае устройство водяной толчеи на две ступы обходилось 5—6 руб. (А. Шустиков. Указ. соч., стр. 185).

годах новый ветряк из дубового леса обходился в 400 руб. (300 руб. остов и 100 руб. «снасть») [1].

На русском Севере нередко одна мельница принадлежала нескольким хозяевам, которые сообща нанимали человека для обслуживания ее на время помола — с ильина дня (20 июля ст. ст.) до весны. Помéльщик (так называли его в Олонецкой губ.) жил при мельнице, в специально построенной избушке; его обязанностью, кроме самого помола, было держать мельницу в порядке, чинить и смазывать ее, помогать приезжавшим с зерном совладельцам мельницы при разгрузке и нагрузке возов; за это приезжавший должен был кормить помельщика, пока шел помол, и отдавать ему по совку муки с каждого смолотого мешка. На Украине также многие плотины принадлежали нескольким совладельцам.

В других случаях мельницы были «мирскими» или «общественными», т. е. принадлежали сельской общине или «миру» в целом. Часто общество сдавало в аренду эти мельницы на определенных условиях, но, пожалуй, чаще мельницы принадлежали частным владельцам, а сами владельцы мельниц, имевшие от них значительный доход, были кулаками и ростовщиками, жестоко эксплуатировали крестьян.

В Вятской губ. изба при мельнице, в которой жил мельник и останавливались помольцы, называлась *дербéнь,* а мельник — «дербéнщик», «дербéньшик».

Помощник мельника при больших мельницах также назывался «дербенщиком», «подсыпкой». На Украине, а кое-где и у великорусов (например, в Саратовской губ.), мельники назывались «мирошниками», так как производили помол зерна за «отмир» (от слова «мера»), т. е. за отсыпку определенной части зерна в пользу хозяина мельницы [2].

Распространение ветряных и водяных мельниц и преобладание в данной местности того или иного вида этих сооружений определялось, повидимому, в значительной степени физико-географическими условиями. Наличие развитой речной сети, особенно сопряженной с хотя бы легким холмистым рельефом, представляло благоприятные условия для устройства водяных мельниц; открытые ветрам склоны холмов и равнины давали возможность ставить ветряки. Лишь детальное изучение и картографирование мельниц разных типов позволит объяснить, например, такие различные данные по соседним районам:

В Архангельской губ. в 1842 г. было ветряных мельниц 1116, водяных 264 [3]. По отдельным уездам этой губернии преобладание ветряных мельниц особенно бросается в глаза:

в Архангельском уезде в 1843 г.— 400 ветряных мельниц и 3 водяных [4];

в Мезенском уезде в 1844 г.— 126 ветряных и 12 водяных [5].

То же в Новгородской губ.:

Новгородский уезд — ветряных мельниц 477, водяных 11 [6];

Старорусский уезд — ветряных мельниц 634, водяных 148 [7];

Кирилловский уезд — ветряных мельниц 447, водяных 255 [8];

---

[1] «Курская губерния. Итоги статистического обследования». Курск, 1887, стр. 191.

[2] В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 336.

[3] «Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях», т. 1, кн. II. Состав. И. Пушкарев. СПб., 1845, стр. 55.

[4] Там же, стр. 101.

[5] Там же, стр. 117.

[6] «Описание Российской империи...», т. 1, тетр. 1. Состав. Пушкарев и Гедеонов СПб., 1844, стр. 146.

[7] Там же, стр. 145.

[8] Там же, стр. 127.

Исключительно интересные данные имеются по Тверской губ., где в 1846 г. было проведено обследование и использованы данные за 1783 г. [1]. Оно освещает динамику вытеснения одной формы другой.

Уезд Тверской губ.	Водяные мельницы		Ветряные мельницы	
	1783 г.	1846 г.	1783 г.	1846 г.
Весьегонский	164	180	97	126
Вышневолоцкий . . .	87	12	4	57
Зубцовский	100	36	7	54
Калязинский	26	19	10	145
Кашинский	27	26	21	144
Корчевский	30	26	10	95
Новоторжский . . .	77	84	11	58
Ржевский	61	52	10	62
Старицкий	57	67	8	62
Тверской	61	43	17	79

Таким образом, из десяти обследованных уездов Тверской губ. лишь в трех отмечается за 60 с лишним лет некоторое увеличение числа водяных мельниц, в остальных число их заметно уменьшается, тогда как число ветряных мельниц резко возрастает во всех десяти уездах, причем по отдельным уездам число их увеличивается в 10 (Корчевский уезд) и даже в 14 раз (Калязинский уезд). Резкой противоположностью является б. Вологодская губ., правда, по данным конца XIX в. Здесь в это время решительно преобладали водяные мельницы, например в Никольском уезде было 208 водяных мельниц, 11 водяных толчей и 28 ветряных мельниц [2]; в Сольвычегодском уезде все зерно мололи на водяных мельницах, ветряных совершенно не ставили [3]. Для Тульской губ. в начале XIX в. отмечается резкое преобладание водяных мельниц: 533 водяных и 8 ветряных [4], а для Курской губ. в 1880-х годах, напротив, преобладание ветряков и т. д. [5]

Для Области Войска Донского постаничное описание 1860-х годов дает для обследованных 105 станиц, в которых имелось 1730 ветряных и 723 водяных мельницы, следующую картину [6]:

С преобладанием ветряных мельниц	53 станицы
Только с ветряными мельницами	22 „
С преобладанием водяных мельниц	17 станиц
Только с водяными мельницами	9 „
С равным числом тех и других	4 станицы

[1] «Тверская губерния в 1783 и 1846 годах». «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, ч. XXVII, стр. 57—227.

[3] Гр. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. «Живая старина», 1899, вып. 2, стр. 167.

[3] И. Иваницкий. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. «Живая старина», 1898, вып. 1, стр. 26.

[4] «Описание Тульской губ. 1811 г.», стр. 98 (А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, ч. 6. М., 1808, стр. 423).

[5] «Курская губерния...», стр. 191.

[6] Н. Краснов. Земля Войска Донского. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1863, стр. 483—489.

Эти и подобные им данные пока не позволяют сделать общие выводы. Можно высказать только предварительное соображение, что на Севере водяные мельницы невыгодны из-за длительного ледостава и что, наоборот, в юго-западной части Восточно-Европейской равнины, при сравнительно короткой и мягкой зиме, они гораздо больше оправдывают затраченные на них средства.

О распространении мельниц за Уралом можно сказать, что для всей Западной Сибири более характерны были, повидимому, ветряные мельницы. Так, например, для 1840-х годов имеются такие сведения: в Ишимском округе Тобольской губ. имелось 2127 ветряных и 225 водяных мельниц (из последних 38 было расположено на р. Ишиме) [1], т. е. первых было больше почти в $9^1/_2$ раз. В чисто степных районах Западной Сибири (например, в Омской обл.) ветряные мельницы до сих пор являются непременной принадлежностью селений [2], часто сохраняются еще столбовки. Далее на юг, в районах, заселенных преимущественно украинцами, например, по северо-восточной окраине Казахстана, распространены были в 1930-х годах исключительно водяные мельницы. Они располагались по горным, более или менее быстро текущим речкам; вода подводилась к колесу по рівчаку́ — каналу, выведенному из речки на 50—100 м выше мельницы. Хотя эти мельницы и имеют двойную передачу (т. е. устраиваются с вертикальным колесом), но они гораздо меньше и проще мельниц Европейской части Союза ССР и делаются лишь на один постав [3]. Далее на восток — в Красноярском крае и Иркутской обл., в Забайкалье и т. д. также издавна преобладают водяные мельницы, об одном или двух поставах, а то и просто мутовки [4].

В настоящее время ветряных и водяных мельниц давно уже не строят. Значительная часть сельских мельниц, выстроенных еще до периода коллективизации, совсем развалилась, а многие полуразрушены и работают на половину своей мощности. Можно привести конкретные примеры из газет. В Калужской обл. «раньше было несколько сот водяных мельниц, теперь их остались десятки» [5]. В Воронежской обл. «лет тридцать назад ветряная мельница была неотъемлемой частью деревенского пейзажа. Говорят, в нашей области было тысяч шесть ветряных мельниц...» [6]. Теперь же «в колхозах Воронежской обл... числится 2382 мельницы... Почти две трети мельниц ветряные, одна треть — механические и водяные» [7]. Специалисты сельского хозяйства и деятели колхозной деревни неоднократно высказывались в печати, что колхозному крестьянству нужны разные мельницы, и не только распространившиеся за последнее время механические (с тепловым или электрическим двигателем), но и водяные и ветряные. Благодаря дешевизне постройки и простоте эксплуатации ветряные или водяные мельницы, в зависимости от природных условий местности, долго еще, по всей вероятности, сохранят известное значение для колхозного села.

[1] Н. Черняковский. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. «Журнал Министерства внутренних дел», 1843, ч. II, стр. 212.

[2] Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, стр. 28.

[3] А. С. Бежкович. Земледелие украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ. «Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 16; Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии». Л., 1930, стр. 76—78 (с рис.).

[4] Я. С. Щукин. Земледелие в Даурии. «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, ч. XXVII, стр. 184. Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, стр. 114 и рис. 78.

[5] А. Белянничев. Районная мельница. «Литературная газета», 27 октября 1953 г.

[6] О. Кретова. Продолжим разговор о мельницах. «Литературная газета», 21 ноября 1953 г.

[7] Там же.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ НЕКОТОРЫХ ПРОМЫСЛОВЫХ (ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВНЫХ) РАЙОНОВ СИБИРИ

Совершенно особняком, в смысле отклонения от общих восточнославянских типов хозяйственных построек, стоят хозяйственные строения русского старожилого населения северо-восточной Сибири (на северо-востоке Якутии, на Камчатке и Нижнем Амуре).

Русское оседлое население сосредоточивалось здесь в редких поселках по рекам Индигирке, Колыме и Анадырю, на побережье Охотского моря и на Камчатке. Основой хозяйства являлось рыболовство, в меньшей степени охота. За исключением Камчатки, главным и почти единственным домашним животным служила ездовая собака (лишь у очень немногих хозяев имелись лошади и рогатый скот).

Здесь почти всегда отсутствовал двор, как таковой, не ставили изгородей. К дому примыкали амбар, балаган для запасов рыбы да имелся небольшой загон с конурами, в которых во время жестоких морозов укрывались собаки (обычно они лежали у дома и зарывались в снег).

Для селений всех этих мест, главным образом для летников, характерны были в прошлом разнообразные постройки, связанные с заготовлением и хранением рыбных запасов,— вешала, коптильни и сайбы.

В е ш а л а (*сушила, юкольники* для приготовления юколы — вяленой рыбы) — наиболее распространенное приспособление этого типа. В хорошую погоду юкола вялилась на открытых вешалах, представлявших четыре стойки до 3,5 м высотой, соединенные поперечинами («прогоны»), на которые положены тонкие жерди, или шесты (*карба́сины*); на жерди вешали распластанную рыбу. В каждом хозяйстве имелось двое вешал (в летниках села Марково на Анадыре на 50 семей имелось 112 вешал [1]): одни, меньшие, для «людской» юколы, а другие, бо́льшие, для «собачьей» (при пластании рыбы вырезают позвоночник с головой — это идет на заготовку собачьего корма, две же половины рыбьего туловища, соединенные у хвоста, и составляют собственно юколу для людей). На Колыме небольшие вешала ставили и на плоской крыше жилой избы. Когда начинались дожди или сырые туманы, юколу переносили в крытые вешала или б а л а г а н ы, которые бывали одно-, двух- и трехэтажные (на Камчатке). Это своеобразные свайные постройки на 4—8 столбах, с помостами и перекладинами, защищенные от дождя крышей из травы или древесной коры [2].

В нижнем этаже делали просветы по направлению господствующих летних ветров, остальные промежутки обшивали корьем; в тихую погоду в ямах под балаганами разводили небольшие костры, от которых нагретый воздух проходил через ряды юколы и подвяливал ее. Сначала рыба висела в нижнем этаже, а потом ее переносили наверх и обтягивали этот ярус старыми сетями для защиты юколы от хищных птиц. Влезали во второй этаж по приставляемому каждый раз бревну с зарубками.

На нижнем настиле из карбасин (в двух- и трехъярусном балаганах) хранили также летом нарты (сани), а зимой баты (лодки). Эти балаганы в форме пирамиды на высоких столбах, особенно характерны были для русско-камчадальских селений (острожков) западного побережья Камчатки.

---

[1] Н. А. Г о н д а т т и. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, стр. 83.

[2] Фото юкольника в долине р. Камчатки см. М. А. С е р г е е в. Народное хозяйство Камчатского края. М.— Л., 1936, рис. 42

Рыбы ловилось так много, что приготовить всю добычу для вяления не было возможности; поэтому излишек добычи сквашивали на зиму в специальных ямах (для кормления «скотинки», как на Колыме называют собак) [1].

Менее распространено было копчение рыбы. Оно отмечено на Анадыре, на побережье Охотского моря и на Камчатке. Коптильни для приготовления балыка бывали двух видов. На Камчатке — это столбовое сооружение; на землю положен сруб в два венца, в углы его врублены четыре столба; на высоте плеч человека на них опять положены 3—4 венца, на них уже — жерди для подвешивания рыбы; над ними — коническое покрытие из коры; пустые пространства между верхним и нижним срубами забраны жердями, в одной стенке оставлен вход; в каждой стороне верхнего срубчика прорублено окно для выхода дыма и нагретого воздуха. В земляном полу вырыта квадратная яма, глубиной около аршина (0,75 м) для «дымокура» — костра из гнилых березовых плах, дающих густой дым, который надо поддерживать днем и ночью.

На Охотском побережье, где население приготовляло много балыков на продажу, коптильни устроены иначе: это обыкновенный сруб из 15 венцов с плотно затворяющеюся дверью и четырехскатной пирамидальной крышей из бревен, с отверстием для выхода дыма в ее верхушке; стены и бревна крыши хорошо проконопачены и, кроме того, обшиты двойным слоем коры; над дымовым отверстием приколочен навесик на невысоких столбиках от дождя. Жерди для подвешивания рыбы размещены в три яруса, один над другим, для дымокура вырыта яма в полу; топливо — ивовый плавник, дающий клубы едкого дыма. Такая рыбокоптильня вмещает зараз от $2^1/_2$ до 3 тыс. балыков.

Когда осенью начинались морозы, пойманную рыбу развешивали без всякой предварительной чистки на вешалах, где она промерзала насквозь. Хранили мороженую рыбу в сайбах. Сайба вырыта в земле, преимущественно в песчаной почве, на метр в глубину и 3,5—4 м в длину и ширину. В яму вставлен бревенчатый сруб, который выходит на поверхность; в его стенки внутри вставлены горизонтальные шесты — *рожны*. У рыб прорезали отверстие в хвосте и нанизывали их на эти шесты по 10—20 рыбин на каждый рожон; это называется *грядкой*. В одной сайбе помещалось до 2 тыс. рыбин. Поверх бревен сайбу заваливали землей и травой. Мерзлая рыба из сайбы идет на «строганину», т. е. ее стругают, и тонкую «рыбную стружку», прежде чем она растает, едят сырой.

БАНЯ

Не будучи по существу ни надворной ни хозяйственной постройкой, баня занимает среди элементов восточнославянского жилища особое положение. Наличие бани является одним из основных этнических признаков северновеликорусов, ведущим свое начало с глубокой древности.

Общеизвестно то место в древнерусской начальной летописи, где в легенде о путешествии апостола Андрея Первозванного по русским

[1] В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 132. Богораз приводит нижнеколымское выражение «укочевал со всем скотом», т. е. со всеми собаками. Кроме ям и собачьей юколы, в хозяйстве должен был иметься котел для варки пищи собакам; вместимость его измерялась числом собак, которых можно досыта накормить сваренной в этом котле пищей. Есть котлы на 4, 6, 10 и даже на 14 собак.

Своеобразной хозяйственной постройкой в области вечной мерзлоты был погреб, вырубленная в материковом льду яма, прикрытая срубом.

землям красочно изображено мытье в банях у новгородских славян[1]: «приде въ словени, идеже ныне НовъГородъ, и виде ту люди сущая, како есть обычай им и како ся мыю ти хвощются, и дивися имъ. И иде въ Варяги, и приде въ Римъ, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече имъ: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережьгуть е рамяно[2], и совлокуться[3], и будеть нази, и облеются квасомъ усниянымь[4], и возмуть на ся прутье младое, и бьются сами, и того ся добьють, едва слезуть леживи, и облеются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по ся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье»[5].

Известен также рассказ летописи о мести княгини Ольги древлянам за смерть мужа. Прибывшим к ней древлянским послам «повеле Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшесе придите ко мне». Они же пережьгоша истопку, и влезоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о них истобъку и повеле зажечи я от дверий, ту изгореша вси»[6].

Особый интерес представляет свидетельство летописи о том, что после победы над греками славяне не раз помещали в договорах условия относительно того, чтобы их войска даром пользовались греческими банями[7].

Несомненно, что уже в XI в. при монастырских «заведениях для немогущих» существовали общественные бани: о них упоминает уже устав великого князя Владимира Святого в 996 г. На всем протяжении русской истории баня была во всеобщем употреблении, пользуясь почетом при дворах русских князей и впоследствии царей. Исторические источники очень часто, в разной связи, упоминают о бане, говоря ли о пленении галицкого князя Романа венграми во время мытья его в бане (1225 г.), о церемониале ли мытья в бане великих князей московских, о пышной ли свадьбе Ивана Грозного или Михаила Федоровича. Свадебную баню московских царей подробно описывает Григорий Котошихин в своем повествовании «О России в царствование Алексея Михайловича»[8].

В записках иностранцев, проезжавших по России или проживших в ней некоторое время: А. Олеария и А. Мейерберга, английских послов Д. Флетчера (1588—1589) и Ч. Г. Карлейля (1663), голландца Я. Я. Стрейса (1668—1669), курляндца Я. Рейтенфельса (1670—1672) и др.,— мы находим описание бань в Москве, Вологде, Астрахани, в Ливонии и Ижории, у русских и у «чуди»; все они указывают на любовь русских к бане и купанью.

Олеарий пишет, что у русских в городах и в деревнях много бань общественных и частных; при этом он дает подробное описание мытья в

---

[1] «Повесть временных лет», ч. I. М.— Л., 1950, стр. 12.

[2] Разожгут их докрасна.

[3] Разденутся.

[4] Имеется в виду квас для выделки кож («усние» — кожа).

[5] Рассказ о банях в земле новгородских славян проник в Западную Европу, где он приобрел характер анекдота. Так, один католический писатель XVI в. рассказывает, как братия монастыря Фалькенау под Юрьевом (ныне Тарту) домогалась увеличения доходов от папы, указывая на строгий «аскетический» режим монастырской жизни: каждую субботу братья натапливают помещение, бичуют себя прутьями и обливаются холодной водой. Папа прислал посланца для проверки. Посланец этот едва убежал из монастыря и, прибыв в Рим, рассказывал о необыкновенных аскетических нравах монахов («Повесть временных лет», ч. II, М.— Л., 1950, стр. 218—219).

[6] «Повесть временных лет», ч. I, стр. 41. Там же — миниатюра из Радзивилловской летописи с изображением этого события (между стр. 48—49).

[7] Например, в договоре Олега с греками в 907 г. читаем: «и да творят им мовь, сколько хотят», т. е. «и пусть устраивают им баню, сколько захотят» (там же, ч. I, стр. 21).

[8] Издано в СПб., 1906.

парных банях [1]. Камер-юнкер Берхгольц, живший в России при Петре I (1721—1725 гг.), писал в своем «Дневнике», что «здесь почти в каждом доме есть баня, потому что бóльшая часть русских прибегает к ней по крайней мере раз, если не два раза в неделю...» [2]. Подробно пишет о бане русский историк Н. И. Костомаров: «Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня... сверх того для простонародия и для приезжих везде по городам существовали общественные или царские мыльни, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве ветвь царских доходов. По известию Кошихина [3], каждогодно собиралось таким образом до 2 тыс. руб. со всех мылень, находившихся в ведомстве конюшенного дворца» [4].

Бань было так много, что еще в XVI в. Борис Годунов (при царе Феодоре Ивановиче) получал в свою пользу с общественных бань и купален по одной Москве 1500 руб. [5]

Мытье и особенно пáрение в жаркой бане [6] имело не только гигиеническое, но и лечебное значение; в народной медицине горячая парная баня считалась одним из основных целебных средств против многих болезней. Баня играла большую роль в свадебном обряде: вымыться и попариться в бане считалось необходимым накануне венчания и после первой брачной ночи; баня фигурировала и в обрядах, связанных с рождением ребенка. Предложить усталому путнику истопить для него баньку было необходимым условием гостеприимства.

Баня связана и с обрядностью другого рода. В глубокой древности был обычай топить баню «для покойников», особенно в поминальные дни; в родительскую субботу (в конце октября), в четверг на седьмой неделе великого поста вытапливали баню и вешали в ней полотенце, чтобы души умерших, искупавшись, могли вытереться.

Многовековое бытование бани у русского народа и большая роль ее в повседневном обиходе вызвали к жизни и своеобразные обряды и обильный фольклор. По старым воззрениям, во многих местах баня считалась «поганой». В ней нет икон и живет нечистая сила, поэтому нельзя брать в нее одежду, иначе она опоганится и опоганит надевшего ее. Нельзя также брать в баню никакой посуды, нельзя также «поганую» банную утварь вносить в избу. Поэтому после мытья и пáрения считалось необходимым окатить себя чистой студеной водой, или окунуться в озеро или речку, независимо от времени года, или покататься по снегу, чтобы смыть с себя всю нечисть. Не сделав этого, человек не имел права войти в церковь; вообще в тот же день после бани ходить в церковь не полагалось. Даже банище (место, где раньше стояла баня) считалось нечистым и строить на нем избу не годилось. По древнему поверью, в нетопленой бане всегда живет особый дух, часто вредящий людям («банный», «банник», «байник», «баенник», в женском роде «байниха», «банная бабушка», также «обдериха»). Особенно он не любит рожениц, и их нельзя оставлять в бане одних; опасаются во время мытья стучать и кричать, а то банный невзлюбит. Горячий пар на время выживает его из бани. По старинным

---

[1] А. Олеарий. Указ. соч., стр. 208.

[2] См. И. А. Бич. Очерк истории русской бани и ее физиологическое и терапевтическое значение. «Памятная книжка Гродненской губернии на 1893 г.» Гродно, 1892, стр. 5.

[3] Правильнее Котошихин, Григорий (ум. 1667).

[4] Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860, стр. 98.

[5] Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 34.

[6] В говорах также — «бáйна», «бáйня», «бáенка».

поверьям, после того как в один вечер три очереди людей вымылись в бане, настает черед мыться банному, и человеку в это время оставаться в бане опасно: банный не даст ему мыться; в лучшем случае банный может испугать моющегося, будет плескаться из кадок холодной и горячей водой, швыряться горячими каменьями с каменки или выбежит, хлопнув дверью, за баню и будет бормотать там страшным гробовым голосом; в худшем—сдерет с живого кожу (его представляли с когтистыми лапами вместо рук и ног). Он истязает и замучивает до смерти тех, кто приходит в баню не благословясь или же около полуночи, особенно в ночи под праздники или в святки. В Вологодской губ. верили в банную бабушку — дряхлую добрую старушонку, помогавшую от всех болезней. К ней обращались с заговором, когда мыли больного золотухой ребенка в первый раз по рождении. Для банного оставляли в бане веник, кусочек мыла и немного воды в ушате, благодарили его при выходе. При первой топке новой бани бросали наверх на печь горстку соли.

Сохранилось немало народных сказок о проделках нечистой силы в бане; с баней связано множество пословиц и поговорок [1].

Бани так называемого русского типа распространены по всей северной половине Восточно-Европейской равнины. Среди восточных славян они характерны для северо- и средневеликорусов и для северных и восточных групп белорусов (по Западной Двине, Днепру и Сожу) (рис. 75). До последнего времени баня была редкостью во многих сельских местностях среди белорусов, украинцев и южновеликорусов. Это различие в пользовании баней восходит, повидимому, к глубокой древности, так как уже в приведенной выше записи летописца-киевлянина чувствуется некоторая насмешка над обычаями новгородцев (хотя мытье в банях известно было и в Южной Руси, о чем свидетельствует вышеприведенный рассказ об умерщвлении древлянских послов).

Баня издревле бытовала и у северных и западных соседей восточных славян: латышей, эстонцев, финнов, карел, вепсов, коми (зырян и пермяков) и удмуртов. В чувашско-марийском культурном комплексе она могла появиться под воздействием древних болгар, у которых издавна существовали общественные бани, а у некоторых народов она, несомненно, появилась под русским влиянием в течение нескольких последних столетий [2].

Таким образом, южная граница прежней области распространения крестьянских бань проходила от берегов Балтийского моря, южнее Западной Двины, захватывала северные и восточные окраины Белоруссии, северную часть Черниговщины, Смоленскую губ., северные части Калужской, Тульской и Рязанской губ. (приблизительно по р. Оке), Мордовию, Чувашию и Татарию и проходит по Башкирии южнее городов Белебея и Уфы по направлению к Златоусту. Далее за Уралом бани имелись, повидимому, во всех русских и русско-украинских селениях — как у старожилов, так и у новоселов (Сибирь, Алтай, Казахстан и другие районы Средней Азии).

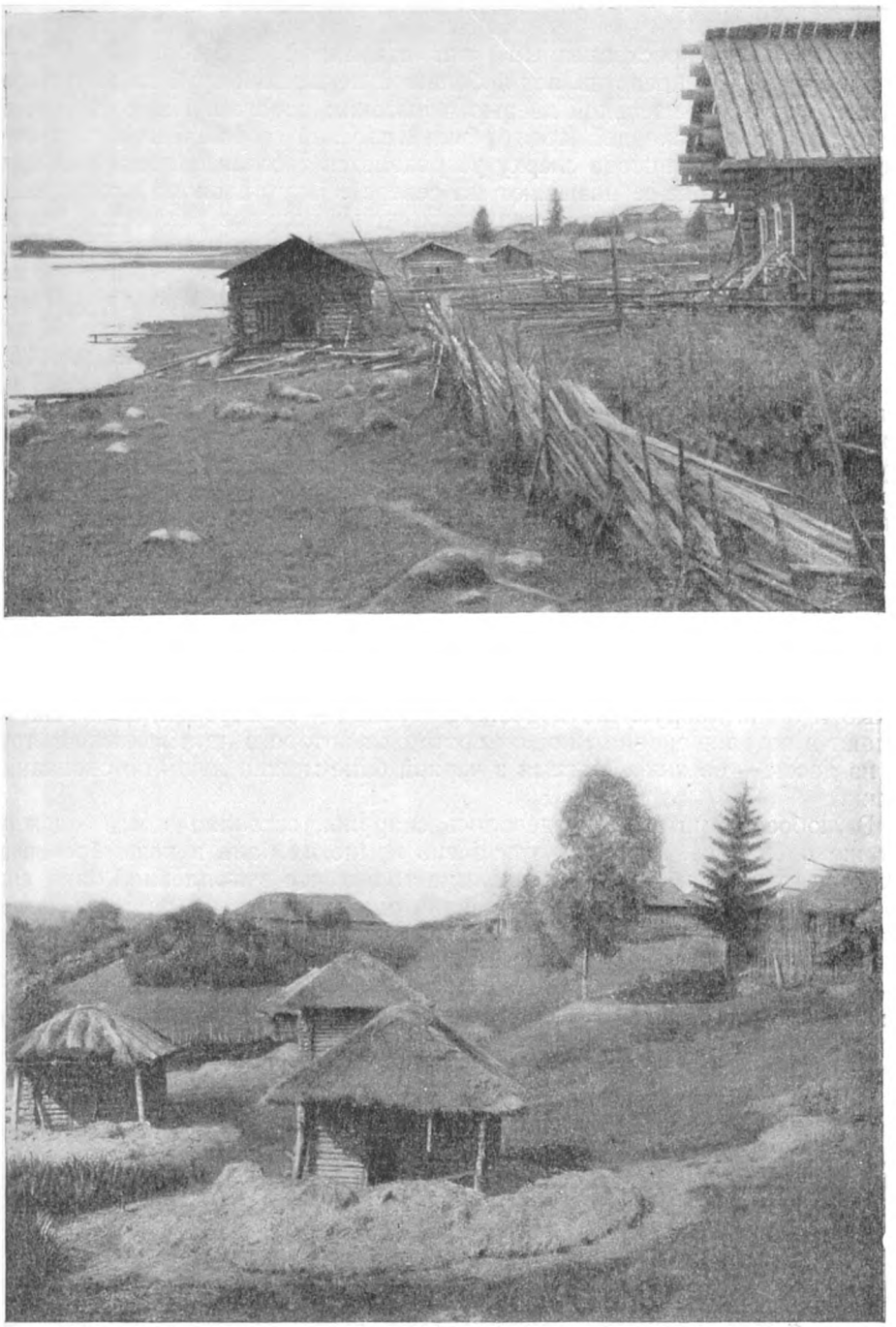
В глухих углах тех великорусских и белорусских районов, где бань не строят, до сих пор сохраняется обычай мыться и париться в печах (см. главу VIII); у украинцев мытье и парение в печах неизвестно [3].

---

[1] См. В. Даль. Толковый словарь, т. 1, стр. 45—46. С. В. Максимов. Указ. соч., стр. 49—55; А. Подвысоцкий. Указ. соч., стр. 3.

[2] См. С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 245—246.

[3] В украинской деревне для купанья ставят в хате на пол большую круглую лохань бондарной работы — «бáлія» (диаметром около 1,25 м и высотой стенок 30—40 см). Воду греют в больших чугунах в печи и моются по очереди; для мытья



2

Рис. 75. Деревенские бани великорусов и белорусов

1 — на берегу озера (Олонецкий уезд, Карелия); *2* — на задворках деревни в низочке; в них же сушат лен — вокруг лежат груды кострики (Смоленская губ., на границе с Могилевской

Наиболее распространенный тип старинной деревенской бани — черная баня представляет небольшой невысокий сруб на мху с крохотным оконцем, низенькой дверью и высоким порогом. На сруб настилается потолок из жердей или горбылей плоской стороной книзу, на него насыпается земля, иногда сверху устраивается тесовая односкатная крыша «лабазом» (так ее называют на севере). Внутри около входа, чаще справа, печь—каменка, сложенная из крупных валунов различных размеров или из «дикого камня»; на верх такой печи наваливают груду мелких булыжников; когда они от топки накаляются докрасна, часть их, для нагревания воды, «садят» железными щипцами в стоящую по другую сторону входа колоду с водой, а оставшиеся камни обливают водой, для поддавания пару. Рядом с колодой — ведро с холодной водой (рис. 76). За каменкой — полóк, на котором парятся. Полок—это широкая (до 1 м) лавка, в рост человека, занимающая все пространство до задней стены; реже — это сооружение в две-три высокие ступени, остовом которого служат сложенные в клетку брусья, выступающие к середине бани уступами, на которые настланы доски. На полке́ парятся вениками. У остальных двух стен — лавки, на которых моются. Чтобы вода не застаивалась на полу, его мостят бревешками; если пол досчатый, то доски кладут редко, со щелями; для той же цели пол под полком, а иногда и под лавками, оставляют незамощенным или настилают пол с легким уклоном к двери, а под порогом прорубают небольшое отверстие для стока воды наружу [1].

В черной бане дым при топке выходит через дверь; лишь иногда над печью в стене прорублено небольшое оконце — дымоволок, еще реже — делают в потолке специальное отверстие, от которого идет вытяжная труба из досок — *дымник*. Мыться в черной бане можно лишь по окончании топки.

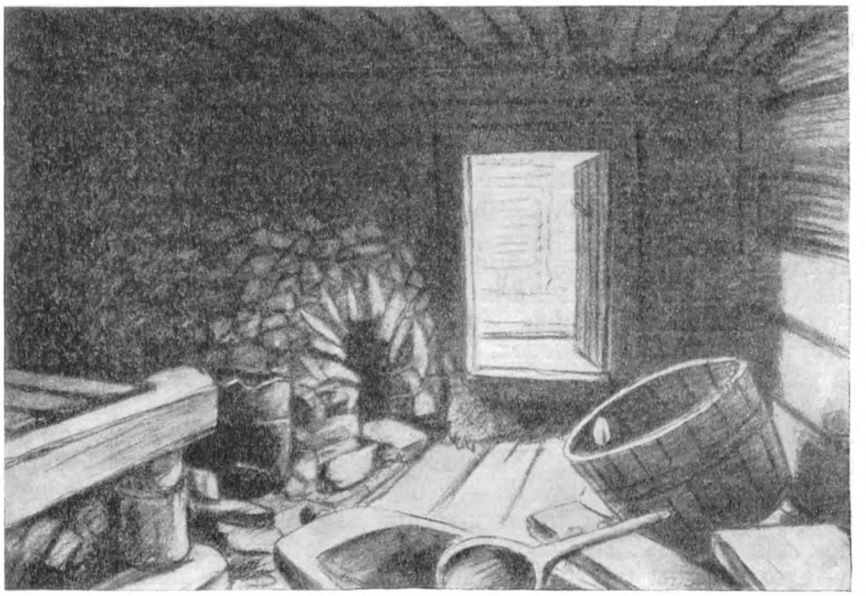
В любое время года раздевались снаружи, оставляя здесь одежду, тут же одевались. Лишь внутри очень немногих бань в пазы бревенчатых стен втыкались жерди — *грядки;* в только что вытопленной бане, еще до мытья, на этих грядках развешивали одежду для выжаривания из нее насекомых; грядки служили также для сушки и согревания белья, надеваемого после мытья.

Для тепла основание бани снаружи заваливали льняной кострикой или пеньковым омельем, т. е. деревянистыми отбросами, остающимися от стеблей льна и конопли после мятья и трепания, которые часто производятся в бане.

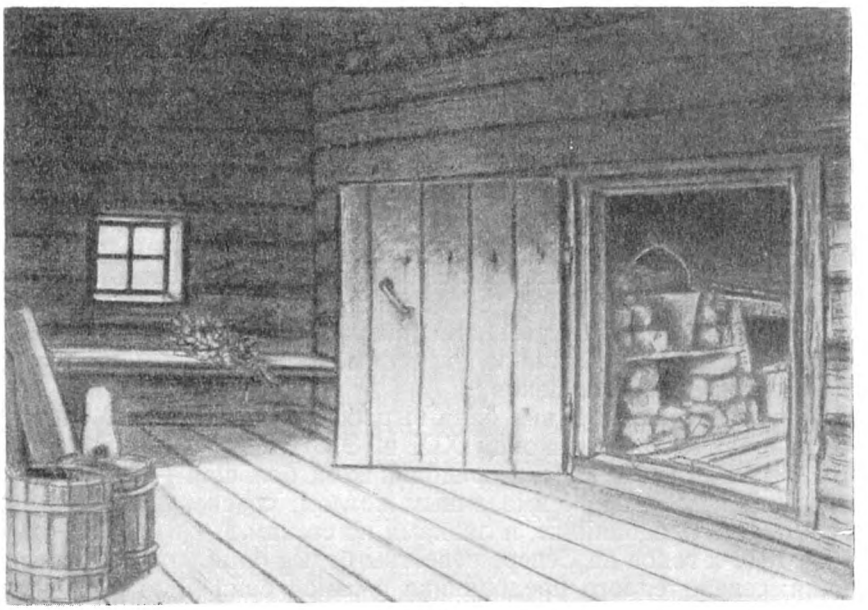
В Карелии, где часто бани устроены на самой воде, на больших валунах или на сваях (чтобы, попарившись, сразу же окунуться в холодную воду), прилагают особые заботы, чтобы баню не снесло сильным прибоем во время бури на озере или весенним половодьем на реке. Для придания бане большей устойчивости, основание ее делают значительно шире сруба и эту

детей ставят балію на лавку и скамейку. Эта же лохань служит для стирки белья (балія известна во всей центральной Украине). В прежнее время воду согревали в огромном горшке, вмещавшем несколько ведер воды («золільник», золíнник», так как в нем же приготовляли щелок из воды с золы), для чего употреблялись глиняные «ку́льки». Кулька — массивный кружок с дырой посредине — бросается в раскаленном докрасна виде в сосуд с водой, которой передается теплота кульки (В. Василенко. Указ. соч., стр. 181, 182). По санитарному обследованию, проведенному в 1920-х годах, 93,9% украинских крестьян мылось в корытах или обрезах (имеются в виду бадьи) (А. Н. Марзаев. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины. Харьков, 1927, стр. 150).

[1] В некоторых говорах недавно еще сохранялся термин «банéва, банéвка» — яма или большая лужа на задворках селения, куда стекала вода из бани.



1



2

Рис. 76. Внутренний вид черной бани в Карелии

1 — вид на входную часть со стороны дальнего угла: слева — полок, у входа — печь-каменка, на переднем плане — корыто для нагревания воды (г. Ухта); *2* — вид внутри предбанника; сквозь открытую дверь видна улучшенная печь-каменка с подвешенным железным котлом (с. Вок-Наволок)

расширенную часть, в три-четыре венца высотой, загружают камнями или землей [1].

В бедных лесом районах (например, местами в Псковской обл., в Среднем Поволжье, кое-где в центральных областях) бани нередко выкапывали в крутых берегах рек или в пригорках.

В безлесных районах наличие бани служило признаком известной зажиточности. Например, в б. Самарской губ. бедняки их не имели и парились в печах [2].

Наряду с наиболее распространенным прежде типом деревенской бани издавна уже начали делаться в ней разные усовершенствования. Одно из них — появление предбанника (также *предбайник, прибайник, передбанье, при́передник, при́передок, се́нцы*). Простейший его вид — загородка под углом с двух сторон, без крыши и двери, или навес на столбах над входом в баню, без стен; иногда на Севере устраивают для предбанника нависший выступ на выпусках верхних бревен боковых стен, как у амбаров. Дальнейшее усложнение — закрытая со всех сторон пристройка, с крышей и дверью; внутри — у одной стены лавка для раздевания; в другую стену вбиты два-три гвоздя или деревянные крючья в качестве вешалок для одежды. Потолка в предбаннике обычно не делают, чтобы во время топки дым быстрее уходил через крышу, но пол всегда стараются настлать. Другое усовершенствование касается самого помещения для мытья; колода заменяется кадкой или ушатами, в печь вставляется или вмазывается чугунный котел для согревания воды. Вместо каменки выкладывается кирпичная печь с трубой, поверх печи наваливается мелкий булыжник для поддавания пару; полок делается выше, к нему ведут одна-три приступки, так что парящиеся, по желанию, могут взбираться выше или ниже (чем выше, тем жарче). Белые бани такого типа отмечены у зажиточных крестьян подмосковных деревень уже в 1802 г.

В деревенских банях иногда можно встретить своеобразные изобретения. В бане рязанского крестьянина, например, толстая полоса железа проведена из каменки в кадку с водой, благодаря чему при топке каменки вода великолепно нагревается [3]. В бане одной из деревень Ленинградской обл. в деревянную бочку, стоящую на некотором возвышении над полом, вделан сбоку открытый конец железной трубы, а другой конец трубы, глухой, вмазан в каменку; при помощи этой трубы вода в бочке может быть доведена до кипения [4].

Довольно совершенный вид бани выработался на русском Севере и в лесных районах Сибири к концу XIX в. Это баня-пятистенок, в котором меньшая часть занята предбанником, большая — собственно баней с топкой по-белому, с вмазанным котлом, со светлыми окнами, по одному в бане и предбаннике, и лавками по стенам.

Уже с 1870-х годов на Севере известны белые бани, состоящие из трех отделений: сеней, теплого предбанника и самой бани. В этих банях прорубают два окна в четыре стекла, баня отапливается печью, которая топится из предбанника, сверху выведена труба из кирпича. Такие бани строили, конечно, лишь зажиточные хозяева.

---

[1] Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 184.

[2] АГО, ф. XXIV, рукопись 16, Самарская губ., Бузулукский и Бугурусланский уезды. 1850-е годы.

[3] Сообщено Н. И. Лебедевой.

[4] Р. М. Габе. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. «Труды КИПС АН СССР, 16. Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 131.

К нашему времени во многих районах примитивные бани однокамерного типа уже исчезли и сменились банями с предбанниками.

На случай пожара бани ставят поодаль от жилья — на задах усадеб, в овраге, у ручья и т. п.; если деревня стоит на берегу озера, речки, пруда, то бани ставят у воды, чтобы не носить ее издалека и чтобы можно было после жаркой бани окунуться в прохладную воду. Обычно бани стоят целыми вереницами или отдельными городками у самого берега.

Если для бани пользуются водой из колодца, то ее ставят иногда и близ дома или даже во дворе.

Баня принадлежит или одному хозяину или нескольким соседям-«складникам», строящим ее сообща или владеющим ею вместе после семейного раздела или выдела; в этом случае устанавливается определенный порядок пользования баней по очереди. «Если бань немного, значит живут ладно, если много, то плохо: друг к другу не ходят в баню» — говорят на Севере [1].

Местами (например, в Поволжье) в банях зимою собирались девушки, по десять человек и больше, на посиделки — пряли лен, пели песни.

В Белоруссии баня распространена в северных и восточных областях республики, граничащих с великорусскими районами; белорусы ее называют *лазня* [2], предбанник — *прилазник, примыльник,* каменку — *кымянок, кыминок.* Лазни служат у белорусов также и для сушки льна; ставятся они чаще поодаль от жилья, но в некоторых районах строят их и во дворе (см. рис. 75, *2*).

Бани лесной зоны в сельских местностях Сибири и Алтая носят тот же характер, что и в Европейской части Союза ССР; это либо однокамерные срубы, нередко с плоской земляной крышей, с печью-каменкой без трубы, в них часто воду нагревают в кадках камнями; либо это чистые светлые бани с предбанником, с топкой по-белому и вмазанным в печь котлом.

В степной зоне Сибири, в Казахстане и в Средней Азии бани, сохраняя свое основное устройство, представляют, как и все строения этих районов, вальковые, саманные или мазанковые (турлучные) постройки, с топкой по-черному или по-белому, с предбанником или без него.

В русских и русско-украинских селениях Сибири, Казахстана и Средней Азии нередко (если селение расположено в стороне от реки) бани устраивают в ограде обширного двора, в дальнем от жилого дома углу. В большинстве этих районов бани имеются в среднем у 50% хозяев.

Слово «баня» существует почти во всех славянских языках (болгарском, сербском, словенском, чешском, польском) в одном и том же значении или близком к нему; его не знают только словаки, у которых оно заменяется словом «купель». Слово «баня» считается заимствованным из среднегреческого языка или через посредство романских языков (лат. balneo, ит. bagno) или непосредственно [3]. Слово «лазня» в смысле «баня» употребляется у украинцев, а также у поляков, чехов и словаков [4].

---

[1] М. Пришвин. В краю непуганых птиц, стр. 109.

[2] «Банного» духа, якобы обитающего в бане, белорусы называли словом «лазьник».

[3] В южновеликорусских городах — в Воронежской, Тамбовской и Саратовской областях, на Дону и на Кубани — употребляется глагол «ба́нить» в смысле мыть, «ба́ниться» — мыться: можно «банить» тело, белье, посуду, «вы́банить» пол; «побаню руки» — помою руки.

[4] Ср. названия известных чешских курортов с минеральными ваннами — Марианске-Лазне и Франтишковы-Лазни (более известных в немецкой их форме Мариенбад и Франценсбад).

Большой интерес представляет вопрос о происхождении самих бань. Учтя всю совокупность материалов, связанных с баней, в настоящее время с уверенностью можно сказать, что парна́я баня представляет собой культурное явление, возникшее на Восточно-Европейской равнине в отдаленные времена в условиях сурового континентального климата. Черная баня с печью-каменкой представляет глубоко архаическую постройку, восходящую к древним полуземлянкам, известным по раскопкам селищ и городищ XI—XII вв. В этом отношении интересно свидетельство арабского географа X в. Ибн-Русте о восточных славянах, в котором явно слились сведения о жилище и о бане [1]. Но и летопись, сообщавшая легенду о мести княгини Ольги, говорит не о бане, а об «истопке» или «мовнице». Поздний летописец называет помещение, где погибли древлянские послы, «избой мовной». Таким образом, не исключено, что полуземляночная или срубная «истопка» — «изба» служила и баней (ср. мытье в печи) [2].

Особенно примечательна устойчивость плана черной бани у великорусов на огромном пространстве — на Севере, в Верхнем Поволжье, в среднерусской полосе. Почти всегда в бане каменка стоит у входа, устьем повернута вбок, чтобы дым сразу мог уходить в дверь, за каменкой расположен полок, по стенам идут лавки; иначе говоря, план бани совпадает с современным западнорусским, украинским и белорусским планом жилища, т. е. повторяет собой одну из древних стадий жилища древнерусской народности [3]. В Среднем Поволжье, наряду с этим планом, наблюдаются в банях и два других плана, которые совпадают с планировкой южновеликорусского жилища; в этих банях печь находится против входа, но в одних случаях она направлена устьем к двери, как в восточном южновеликорусском плане, в других — устьем к боковой от входа стене, как в западном южновеликорусском [4]. Разнообразие планов бани здесь отражает на себе пестроту населения и сложные пути колонизации Среднего Поволжья [5].

Необходимо указать, что у тех народностей, у которых «культура бани», если можно употребить такое выражение, возникла в глубокой древности, огромную роль играет не столько мытье, сколько паренье; топка бани два-три раза в неделю, а в случае болезни и ежедневно, обязательное окачивание холодной водой, катанье по снегу и т. д. отмечается у ряда народностей лесной зоны Восточно-Европейской равнины. Те же этнические группы, которые заимствовали баню сравнительно недавно, берут ее без характерного для нее парения, используя ее лишь для мытья. Это наблюдалось, например, у украинцев, у башкир [6].

---

[1] См. выше, стр. 12.

[2] Н. Н. Воронин. Жилище. «История культуры древней Руси», т. I, М., 1948, стр. 228.

[3] См. планы черных бань: М. Синозерский. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губ. «Живая старина», 1899, вып. IV, рис. 25 и 26. М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», 1913, вып. I—II, рис. 45. В. И. Смирнов. Свайные постройки Костромского района, рис. 11. И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, рис. 12.

[4] Интересно отметить еще одно немаловажное совпадение. В банях кое-где полок называют ку́тью, кутнико́м. В жилых избах некоторых районов в пределах распространения восточного южновеликорусского плана (Борисоглебский район Воронежской обл., Богородицкий район Тульской обл., местами в Пензенской обл.) высокий «пол» зовется кутником, кутней лавкой.

[5] Г. С. Маслова. Русские постройки Среднего Поволжья. СЭ, 1953, № 1, стр. 100—101.

[6] Интересно отметить, что парная баня, как способ очищения тела и лечения болезней, известна была индейцам лесной зоны Северной Америки с незапамятных времен. Они устраивали низенький куполообразный шалашик из ветвей, укрывали его

Широкое знакомство с русскими парными банями народов Западной Европы относится к эпохе Отечественной войны 1812 г. С этого времени, заметив, какую пользу приносят наши бани, немцы и французы начали их устраивать и у себя: сначала парные бани появились в Берлине, потом в Северной Германии, оттуда распространились по Южной Германии, Франции и Швейцарии.

Существует огромная медицинская литература, русская и иностранная, о русской бане; изучение физиологического и терапевтического значения бани производилось преимущественно в России, и основные работы по этому вопросу принадлежат русским исследователям [1].

шкурами и одеялами, внутрь вносили раскаленные камни (разогревали их рядом с шалашом на костре), затем туда забиралось несколько человек, без одежды, усаживались вокруг камней и поливали их водой; воздух внутри наполнялся паром и нагревался до того, что сидящие почти задыхались. После этого часто бросались в реку, а потом, укрывшись, ложились в жилище.

[1] См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 5, стр. 20—22; БСЭ, изд. 1, т. 4, стр. 671—676; изд. 2, т. 4, стр. 13 (имеется библиографический список).

XIII. УКРАШЕНИЯ НА КРЕСТЬЯНСКИХ ПОСТРОЙКАХ

Уже с глубокой старины для восточнославянского зодчества характерно широкое применение украшений как на жилых, так и на хозяйственных постройках. Некоторым исключением, пожалуй, являются отдельные белорусские и южновеликорусские районы, где в силу тех или иных причин (главным образом экономических) украшение жилища, а тем более хозяйственных построек, не получило большого развития, а местами отсутствует совершенно.

Можно сказать, что во всех, за редкими исключениями, районах, заселенных восточными славянами, существует тот или иной вид деревянной резьбы, особенно широко применяющейся, естественно, в лесной полосе; отдельные виды резьбы отражают в себе многовековые традиции. Гораздо меньше распространена роспись; здесь можно выделить две группы: роспись по глине, типичная почти для всей Украины, и роспись по дереву, встречающаяся отдельными очагами во многих великорусских районах.

РЕЗЬБА

Резные украшения построек снаружи и резные украшения жилища внутри можно встретить на всем пространстве, заселенном восточными славянами,— от Белого до Черного моря, от берегов Финского залива и Карпатских гор до Тихого океана. Но, пожалуй, наибольшего развития резьба на постройках достигла на великорусском Севере и в Верхнем и Среднем Поволжье. Старинная резьба отличается целесообразностью, органической связанностью с конструкцией постройки, отсутствием всякой нарочитости и излишней узорчатости. Художественный комплекс северной великорусской избы, каким мы его знаем с начала XIX в., складывался в течение долгого времени; различные его элементы имеют различную древность, так как связаны с развитием типов построек.

Древние изображения строений на миниатюрах и иконах сохранили нам только одну украшенную деталь жилища — резные дымники — длинные деревянные вытяжные трубы на избах, отапливаемых по-черному. Остатки этой седой старины, большей частью в полуразрушенном виде, еще можно видеть кое-где на Севере (рис. 77).

Скульптурная обработка дерева

Несмотря на отсутствие свидетельств в письменных и изобразительных памятниках относительно применения резьбы в древности, можно составить определенное представление о том, какие виды резьбы и на

каких элементах комплекса жилища несомненно идут от глубокой старины. Это, прежде всего, скульптурная обработка дерева при помощи топора. Такова обработка концов бревен, входящих в конструкцию северной двускатной тесовой крыши. Так, скульптурной резьбой, своеобразной круглой пластикой обработаны охлупни. Охлупень — это массивное бревно-желоб с продольной выемкой снизу, накладываемое на конек крыши для пригнетания тесовых досок кровли. Его передняя часть, приходящаяся над фасадом избы, представляет собой комлевую часть ствола с обрубком корня, нередко вырезанную в форме головы коня с передней частью туловища. Иногда использованы два рядом отходящих корня и вырезана

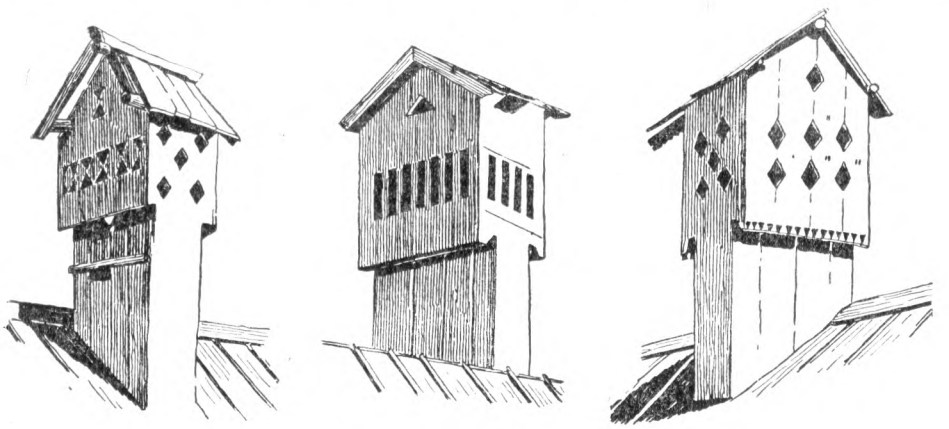


Рис. 77. Резные дымники на черных избах северновеликорусов (с. Ошевенское Приозерного района Архангельской обл.)

двойная конская голова, как исключение — тройная (рис. 78). Это изображение, венчающее собой огромные северные хоромы, многие исследователи считают наследием времен, когда большую роль играл у славян культ коня и изображения этого животного считались оберегом, защищавшим жилище от враждебных влияний. Охлупень со скульптурной обработкой переднего конца можно встретить во всей зоне распространения севернорусского типа жилища, и не только у великорусов, но и у карел на западе и в Коми АССР на востоке. У карел в большинстве случаев конец охлупня обрабатывается простым профилем, без изображения животного. Характерно, что на жилищах коми-пермяков и коми-зырян конец охлупня часто обтесывается в виде передней части тела птицы; объяснение этому можно видеть в большом значении образа утки в древней мифологии, космогонии и верованиях этих, как и многих других, финских народов.

Второй вид обработки концов бревен, также совершенно самобытный, это — орнаментация потоков в крыше того же типа — массивных, часто четырехгранных, бревен-желобов, служащих упором для нижних концов кровельных тесин и покоящихся на курицах-кокорах, врубленных в верхнее бревно боковой стены. В Вологодской обл., например, концы куриц обтесываются в виде птичьих или конских голов (рис. 79), в других местностях, как, например, в Карелии, гораздо большее внимание обращено на украшение потоков. Обычно конец потоков несколько утолщен, и нижняя поверхность бруса близ утолщения орнаментируется плоскостным рельефом самого разнообразного вида (насечки, круги, полуцилиндры и пр.) при помощи топора и ножа (рис. 80).

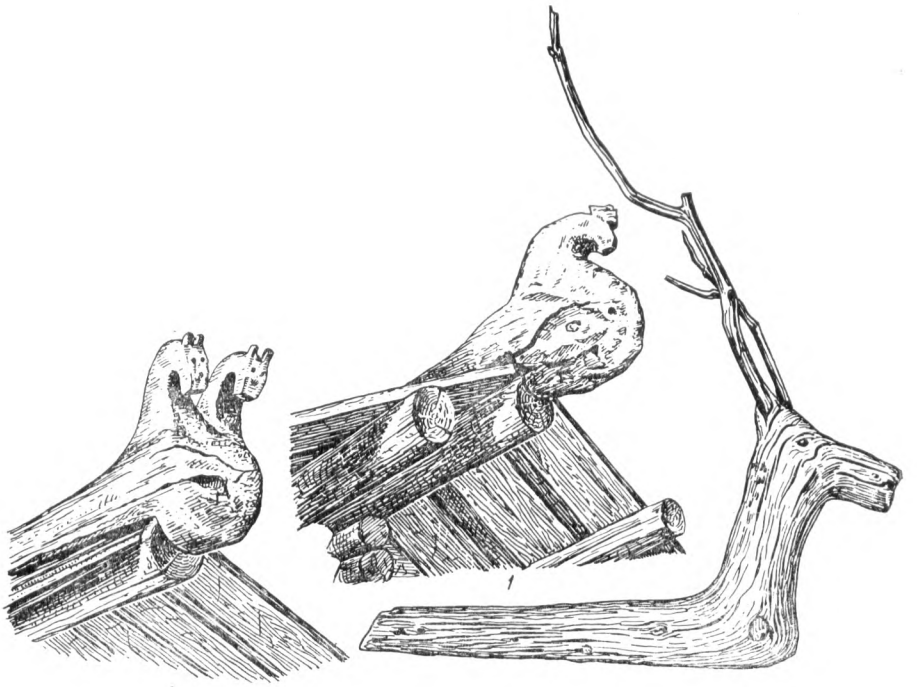


Рис. 78. Охлупни на старых двускатных крышах

1 — в виде птицы (Вологодская обл.); *2* — в виде двухголового коня (Вологодская обл.); *3* — с сучьями наподобие оленьих рогов (Архангельская обл., Печорский край)

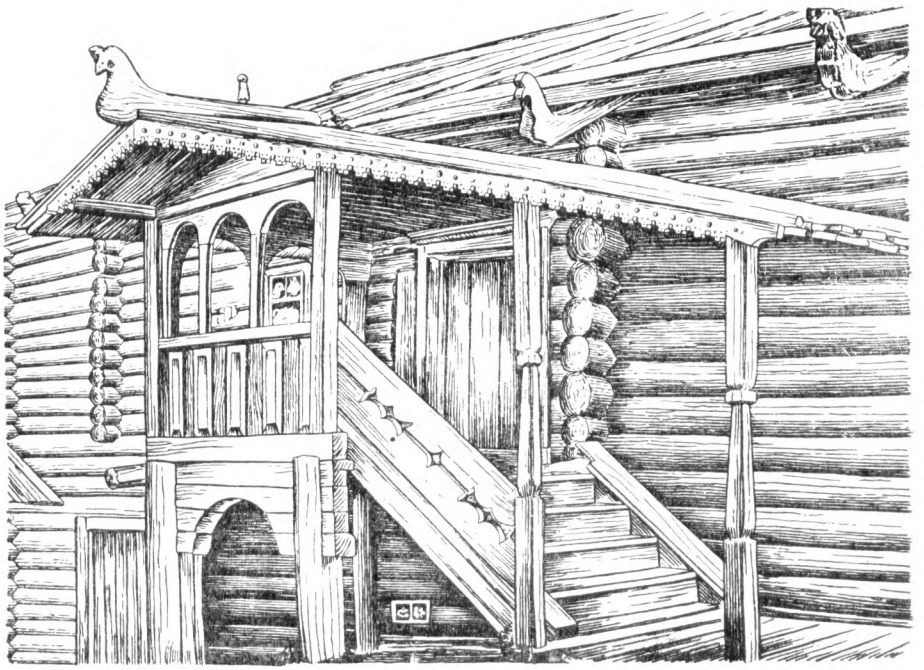


Рис. 79. Охлупень со стамиком на крыльце и «курицы» (дер. Маурино Тарногского района Вологодской обл.)

Третий вид художественной обработки концов бревен — это обтеска пропусков, выпусков, помочей и т. д. (рис. 81), т. е. концов более длинных бревен, выпущенных из двух параллельных стен бревенчатого здания (о них сказано выше, в главе IV в разделах о срубной технике и о конструкции старой двускатной крыши на самцах). Очень разнообразны профили этих массивных северных пропусков, дающие четкий изящный контур перехода от стены сруба к навесу крыши; особенно своеобразны так называемые *крючки* [1]. Иногда на пропусках ставится имя владельца

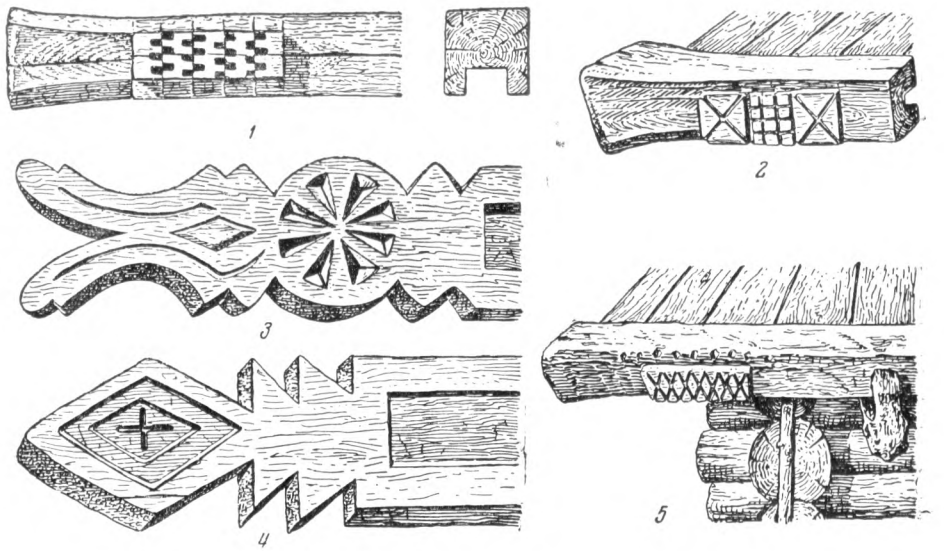


Рис. 80. Резные потоки, или водотечники, на северных избах

1 и *2* — на избах Сямозерского района Карелии; *3* и *4* — на избах дер. Сандрово Приозерного района Архангельской обл.; *5* — на бане Олонецкого района Карелии

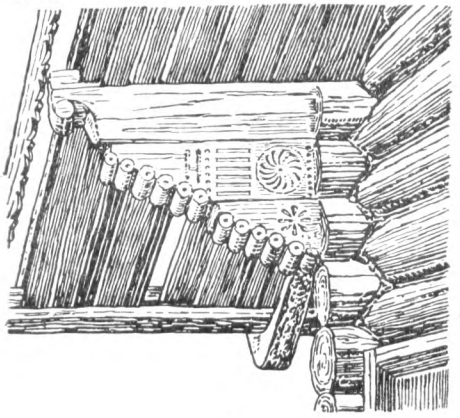
дома или год постройки [2] (рис. 81, 2). Иной вид имеют «выпусті» на Украине, где сруб или верхняя обвязка каркасной конструкции хаты рубятся «в полдерева», т. е. из плоских брусьев. В Правобережной Украине подобный кронштейн сравнительно прост и мало выразителен, но в Левобережной, особенно в Полтавщине и Харьковщине, коник (как здесь называют эту деталь постройки) достигает очень живописных, разнообразно обработанных форм, в отдельных случаях схематически изображающих голову коня.

---

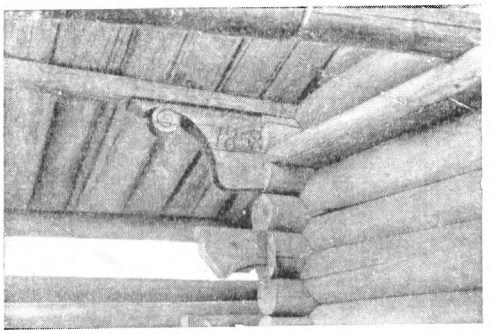
[1] Художник-архитектор Р. М. Габе, много работавший начиная с 1908 г. по исследованию народной архитектуры Севера (см. предисловие Я. О. Свирского к посмертному изданию труда Р. М. Габе «Карельское деревянное зодчество». М., 1941), видит на многих пропусках домов в районе Онежского озера влияние классических форм, усматривая в них сходство с римскими консолями (там же, стр. 92). Но если учесть распространенность, древность и разнообразие применения этого способа, при естественности его возникновения в деревянном зодчестве, то гипотеза Р. М. Габе не кажется убедительной.

[2] Прекрасные изображения резных выпусков на старинных русских избах см. С. Забелло и др. Русское деревянное зодчество. М., 1942, рис. 79, 81—83, 86. Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. [Б. м.], 1950, рис. 118—133. Его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, рис. 85—90.

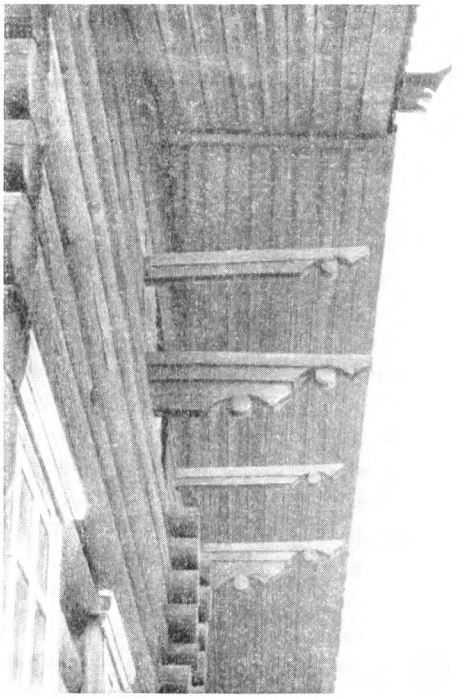
Не менее изящны и оструби́ны, поддерживающие «піддашок» — далеко выступающий свес гонтовой крыши гуцульских хат или западноукраинских церквей [1].



1



2



3

Рис. 81. Помочи, выпуски, пропуски — кронштейны для поддержки двускатной крыши старой формы на избах великорусского Севера

1 — пропуск старинной избы (дер. Толвуйский погост Шунгского района, Карелия); *2* — пропуск с датой «1858» — деталь «скотской стаи» (дер. Чупровская Вологодской губ.); *3* — концы слег под тесовой крышей, обработанные наподобие пропусков (дер. Чупровская, Вологодской обл.)

Сюда же, к группе скульптурно обработанных концов тесин, надо отнести и парные коньки на крышах домов (а иногда и амбаров) в среднерусской полосе и Белоруссии, типичные преимущественно для двускатных соломенных крыш старого времени (рис. 82). Они представляют собой верхние концы досок, которые защищают от гниения торцы слег,

[1] Изображения выпусков-кронштейнов на Украине см. П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, рис. 75—78. М. Драган. Українські деревляні церкви, т. 2. Львів, 1937, рис. 55—59, 240, 256. В. Щербаківський. Українське мистецтво, І. Деревляне будівництво і різьба на дереві. Львів — Київ, 1913, рис. 8 и 19. Д. Щербаківський. Українське мистецтво, ІІ. Буковинські і галицькі деревляні церкви..., Київ — Прага, 1926, рис. 39, 41, 42. П. И. Макущенко, З. А. Петрова Народная архитектура Закарпатья. Киев, 1956, рис. 123, 131—133, 137—140, 166, 167.

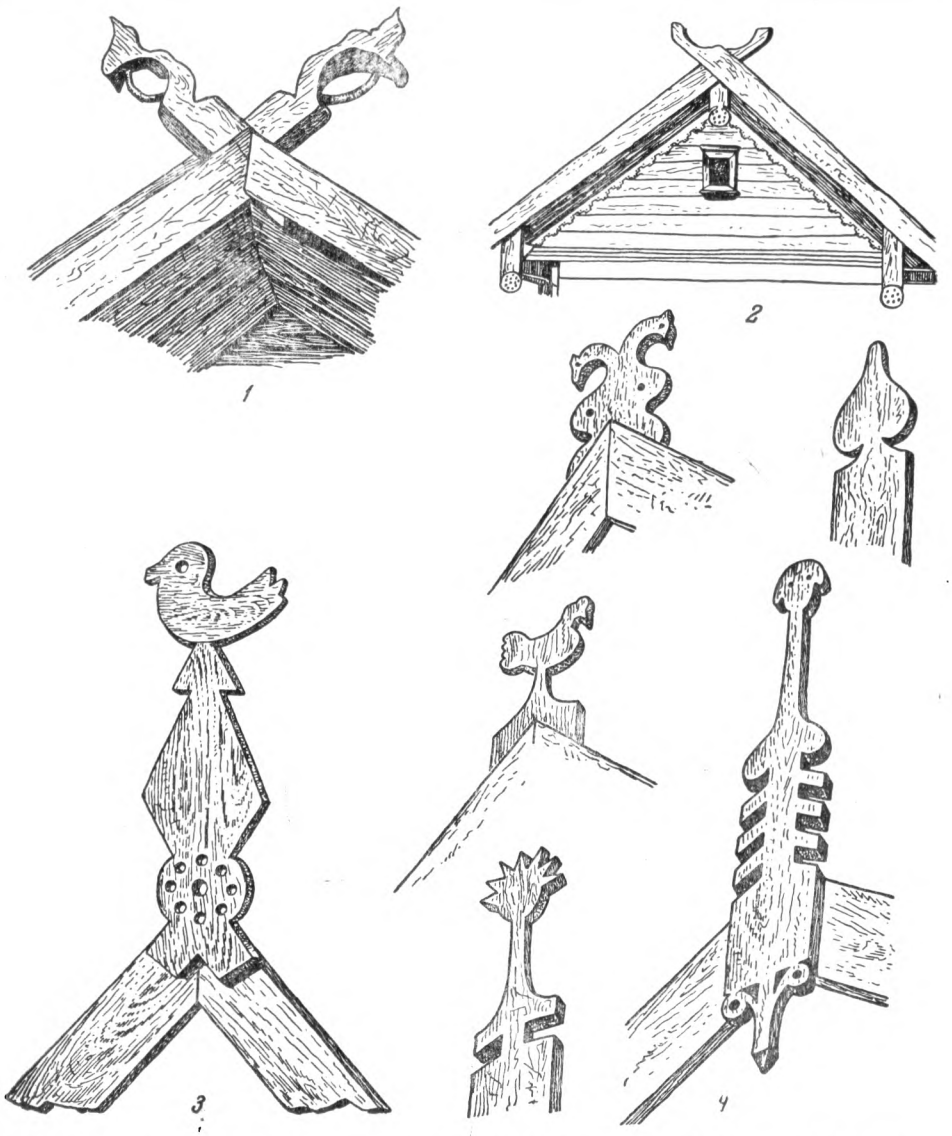


Рис. 82. Коньки на двускатных крышах крестьянских построек и шпили, развившиеся из коньков

1 — с. Угодичи Ростовского уезда Ярославской губ.; *2* — «конік на даху» (Белоруссия); *3* — «птушка на даху» (Белоруссия); *4* — стояки на украинских постройках

составляющих обрешетку крыши; концы этих подзоров (причелин, крыльев) перекрещиваются над фронтоном избы и обрабатываются в форме конских голов, иногда с висящими вниз поводьями; коньки обращены головами в противоположные стороны.

Парные коньки на крышах характерны не только для жилища восточных славян лесной полосы, но и для построек поляков, литовцев и ряда германских народов Западной Европы (коньки на крышах крестьянских домов отмечены повсеместно в Германии, Швейцарии, Бельгии,

Голландии и в скандинавских странах), т. е. распространены на огромной площади литовско-славянского и германского этногенеза [1].

К настоящему времени накопился достаточно обильный археологический материал, свидетельствующий о том, что изображение лошади в предметах искусства появилось в лесной полосе восточнославянской территории еще в I тысячелетии н. э. и постепенно становилось одним из любимейших изображений в народном искусстве. В славянских курганах X—XII вв., в древностях славянизировавшихся финских племен мери, веси и води встречается много предметов, украшенных фигурками целых коньков или их парных головок, например литые медные гребни, подвески-обереги, бронзовые игольники и пр. [2] Многие из них, как две капли воды, походят на коньки с крестьянских крыш.

Наряду с этим нужно указать на значение конского черепа, как оберега, в старой деревне: в 1920-х годах автору настоящей работы неоднократно приходилось видеть конские черепа на пасеках («чтобы пчелы водились»), на изгородях («от дурного глазу») в русских, удмуртских и марийских деревнях Башкирской АССР. Изображение коня и парных коней или конских головок было характерно и для старой русской вышивки вплоть до конца XIX в. Все это дает нам право изображения коня — парные коньки на крышах среднерусской полосы, северный охлупень — возводить к далеким временам языческой древности.

Кое-где в Белоруссии и северной Украине (в белорусско-украинских районах) парные коньки развились в заменяющий их фигурный стоячок или шпиль, укрепляемый над фронтоном хаты и закрывающий торец князевой слеги, иногда сохраняющий еще парность конских голов, но чаще изображающий одну птичку или беспредметное украшение (см. рис. 82, *3* и *4*). Любопытно отметить, что подобный же путь перерождения коньков во фронтонный шпиль наблюдается в южной Польше и в Голландии.

Скульптурная обработка частей постройки применяется также внутри жилища — у великорусов и украинцев. В старой северновеликорусской избе этой обработке подвергался стамик — массивная тесина, врубленная стоймя в печной столб между углом печи и входом в голбец (см. рис. 47, *1*). Обычно ее верхний конец, приголовок, обтесывался или в виде плавного мягкого завитка несложного, иногда прорезанного узора, или в форме одной-двух конских голов, а то и в виде шарика, на котором вешали полотенце. Отсюда часто встречающиеся ее названия: коник (преимущественно на Севере), *бора́нка* (в среднерусской полосе, в Поволжье). Форма конской головы придавалась и вершине доски, поставленной со стороны входа у коника, чем, очевидно, и объясняется это распространенное название — «коник» (рис. 83). В этом же значении (вертикальная доска, отгораживающая короткую лавку от входной двери) известен коник и на Черниговщине; но здесь он значительно выше — от полу до полки, прохо-

[1] Конькам посвящена небольшая статья В. В. Стасова «Коньки на крестьянских крышах» («Известия Археологического об-ва», 1861, т. III, стр. 257—271, с илл.) и дополнение к ней Н. Н. Суворова «О коньках на крестьянских крышах в некоторых местах Вологодской и Новгородской губерний» (там же, 1863, т. IV, стр. 169—171).

[2] Изображения этих древних предметов см. Д. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно находимых в них украшениях и религиозных символах. «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899, табл. IV, №№ 17—20; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, табл. III и IV; его же. Прикладное искусство и скульптура, в кн. «История культуры древней Руси», т. II. М.— Л., 1951, рис. 192 и 194; его же. Искусство древних славян, в кн. «История русского искусства», т. I. М., 1953, фото на стр. 53, 55, 65, 67.

дящей над дверью от передней стены до сволока (рис. 84). Коник здесь бывает и с конской головой и с несложной прорезью или завитком [1]. Облегченная форма коника, скошенная снизу до уровня врубленной в него лавки, при наличии полок над лавкой составляет переход к миснику.

На примере черниговских коников становится ясным происхождение распространенных в центральной Украине полок, украшенных по бокам и на кронштейнах (развившихся из оторвавшегося от пола коника) конскими головками (рис. 85). Упрощенные черниговские коники аналогичны белорусским, встречавшимся в селениях по р. Припяти (см. стр. 227).

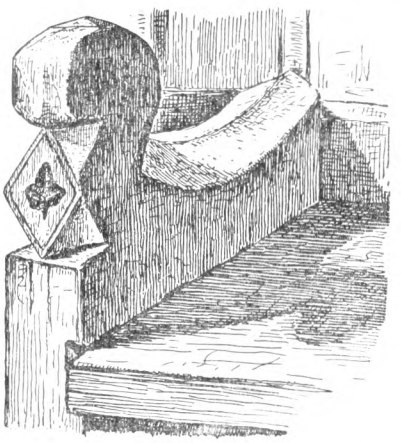


Рис. 83. Коник — лавка у двери в старинной северной избе (в данном случае — налево от входа); вертикальная доска скульптурно обработана топором (Вологодская обл.)

В старинных избах к ребру длинных лавок пришивалась доска, обтесанная снизу мягкими плавными изгибами и свисавшая с лавки наподобие оборки; она называлась *опушкой,* а украшенная таким образом лавка носила название *опушóнной* [2] (рис. 86).

В последние десятилетия старинные опушенные лавки прекрасного рисунка обнаружены во многих местностях, например в северных областях, в Ленинградской, Псковской, Новгородской и Кировской областях, в Верхнем Поволжье. «Опушки» встречаются изредка на старинных полках и божницах [3].

Перечисленными видами резьбы ограничивается традиционное пластическое обтесывание бревен, тесин и досок, составляющих часть самой постройки. Остальными традиционными видами резьбы украшают защитные части строений — доски, прикрывающие те или иные места постройки, которые надо предохранить от проникновения влаги и, следовательно, от гниения. Это:

1) причéлины (или косúцы); пара причелин прикрывает торцы горизонтальных продольных слег, на которые кладутся кровельные тесины (конструкция, отличная от подзоров с коньками. Ср. рис. 82, *2* и 87);

2) полотенце — доска, прикрывающая стык обеих причелин и конец князевой слеги;

3) наличник, закрывающий щели между оконным проемом и рамой.

---

[1] Л. Шульгина. Коник. Прикраса на форму кінської голови та занепад її орнаментальної форми. «Матеріяли до етнології й антропології», т. XXI—XXII, ч. 1. Львів, 1929, стр. 128—130.

[2] В свои записные книжки (заметки о русском крестьянском жилище) Н. В. Гоголь занес: «Под лавки, делаемые вокруг всех стен, чаще с навесами (подзорами) кладут топоры, коты, лапти и всякую другую мелочь» (Полн. собр. соч., т. IX, 1952, стр. 433).

[3] Фото опушенной лавки в Ивановской обл. см. И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, рис. 35. Опушенные лавки и скамьи известны также в обстановке старого скандинавского жилища. Термин «опушить» употребляется в народной строительной технике вообще в значении обшить тесом («опушить избу», «опýшина» — обшивка избы, тес).

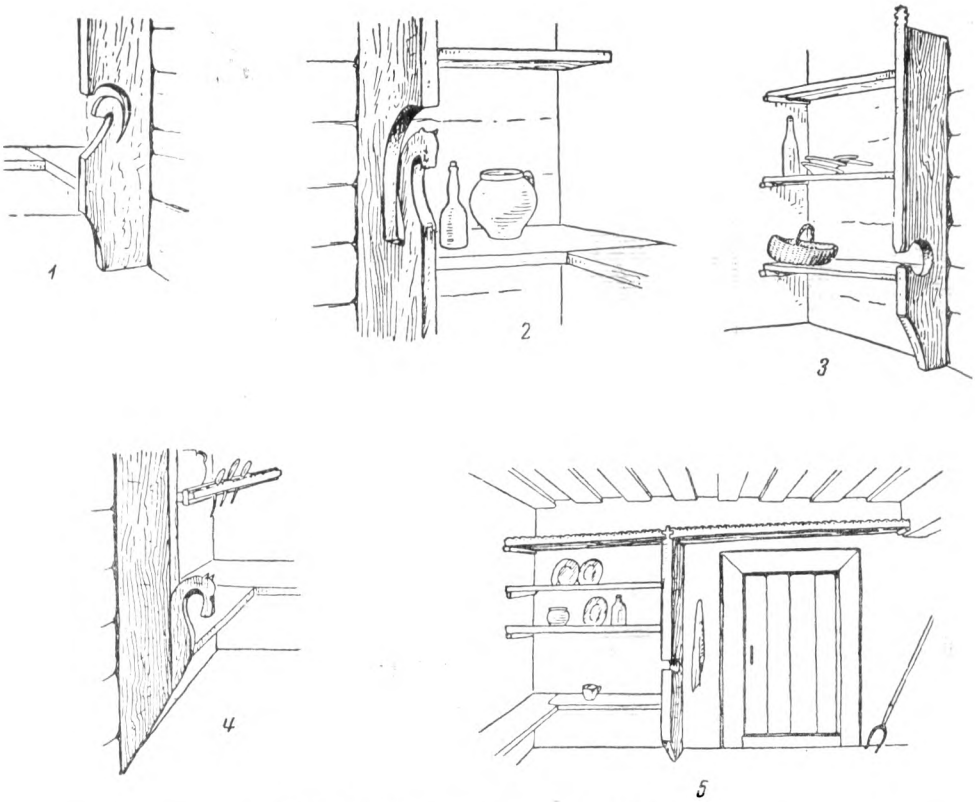


Рис. 84. Коники на севере Украины

1 — отгораживающий короткую лавку от двери (направо от входа); *2* — отгораживающий лавку и полку для посуды (налево от входной двери); *3* — отгораживающий лавку и две полки; *4* — висячий, почти не опирающийся на пол; *5* — общий вид стены с дверью и коником (с. Жукин Черниговской обл.)

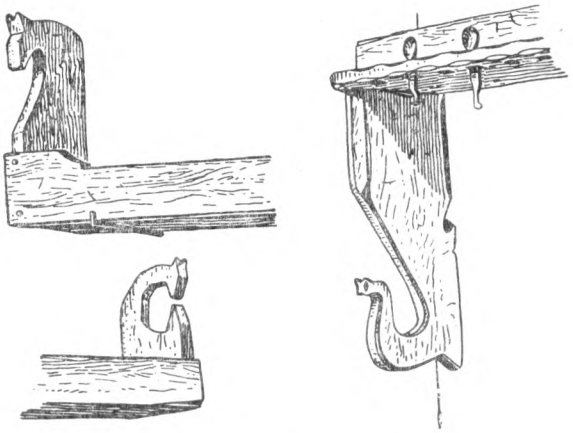


Рис. 85. Резные полки с изображением конских голов (Полтавщина)

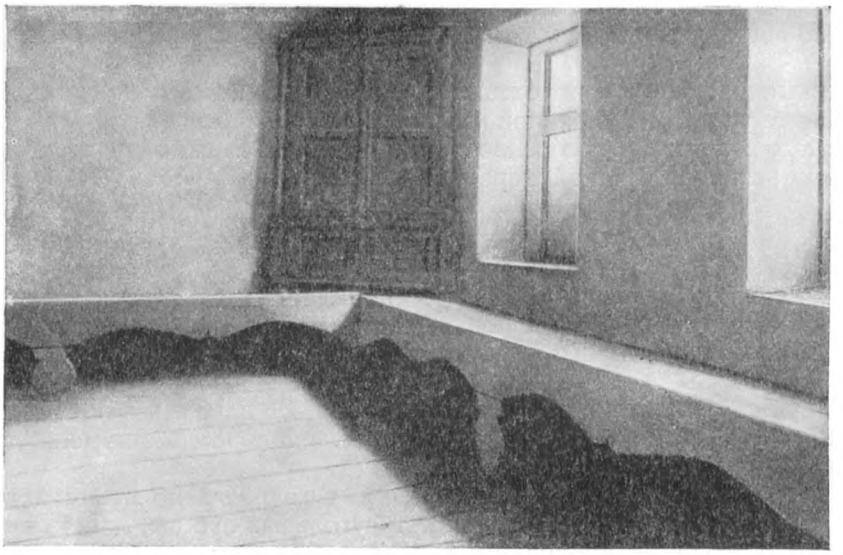


Рис. 86. Опушенные лавки в старинной избе великорусов (дер. Староверский Луг Лужского района Ленинградской обл. Изба построена около 1825 г.)

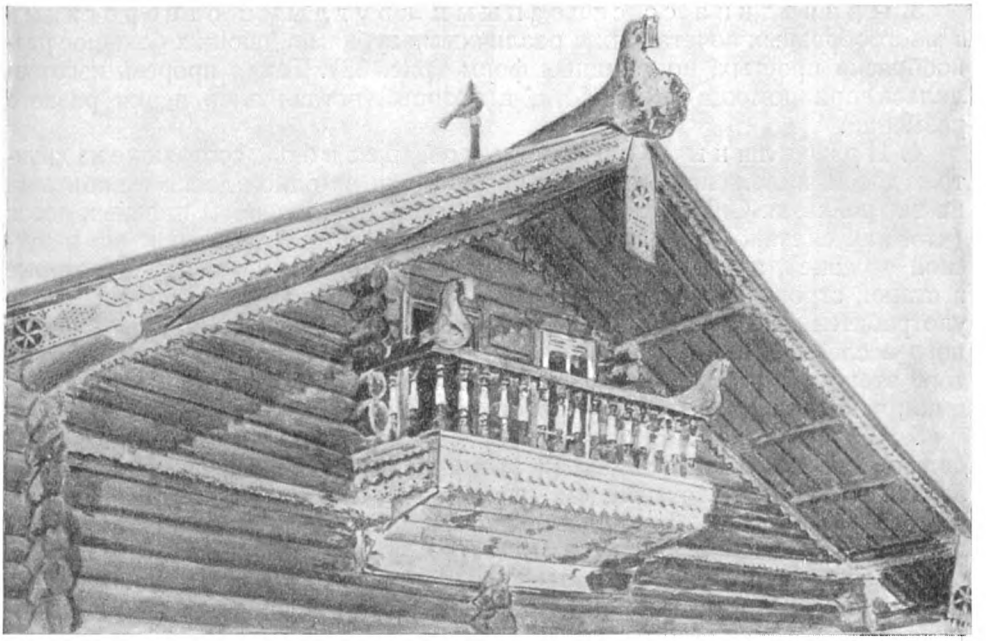


Рис. 87. Верх старинного дома (дер. Рудневская Тарногского района Вологодской обл.): причелины с городковой резьбой, полотенце с прорезью; фронтонный выход украшен фигурами коней, повторяющими очертания охлупня

Виды резьбы на причелинах и наличниках

Резные причелины и полотенца можно встретить на всей огромной территории бытования деревянной избы с двускатной крышей. На этих частях народного жилища, а особенно на наличниках, можно проследить всю историю развития русской народной резьбы [1].

Резьба на причелинах

Резьба на причелинах старых русских северных изб вполне самобытна, почти не несет следов воздействия каких бы то ни было влияний. По степени древности традиции здесь можно наметить целый ряд переходов.

1. Наиболее древний вид причелины — гладко вытесанная доска с несложными стесами на концах, не выступающая за край свеса крыши, могла быть изготовлена топором без помощи других инструментов.

2. Причелина с городковой резьбой по всему нижнему краю доски в виде прямоугольных и треугольных зубцов, простых и ступенчатых полукругов, трапеций и т. п. (рис. 87). Эту резьбу делали долотом и ножом. Применение долота позволяло обрабатывать не только край, но и всю поверхность причелины; распространен был прием ступенчатого сострогивания пластов и дальнейшей орнаментировки получившихся уступов.

3. Причелина со сквозными круглыми отверстиями в многообразных сочетаниях с различными зубцами, дающих большое разнообразие простых, но изящных форм (рис. 88). Такая прорезь изготовлялась при помощи коловорота, в который вставлялись пёрки разного размера [2].

4. Причелины с пропильной резьбой, состоящие из двух-трех досок, наложенных одна на другую, или из одной доски с набитыми на нее рейками. Они могли возникнуть лишь с появлением пиленых досок (что, как сказано выше, представляет довольно позднее явление в русской деревне), а также с началом широкого применения гвоздей, которые в старой строительной технике «деревянной Руси» были вообще мало употребительны (этот, четвертый, тип обработки причелин без тщательного исследования часто бывает трудно отличить от комбинации развитого второго типа с третьим. Подобная комбинация гораздо более трудоемка, чем накладная резьба четвертого типа).

5. Причелины с богатым сквозным орнаментом на далеко выступающих концах (к этому же типу относится и обработка легких ажурных полотенец; см. рис. 88 и 89). Для изготовления резьбы применяется лобзик. Это пропильная резьба, хотя и давно известная в России, но начавшая распространяться в деревне не раньше XIX в. Сквозной узор причелин и полотенец, почти всегда состоящий из кругов и их частей, требует предварительной наметки рисунка при помощи циркуля, хотя бы и самодельного.

---

[1] Мы говорим об истории лишь русской резьбы потому, что для украинской хаты, обмазанной глиной, деревянный наличник представляет сравнительно позднее явление, а белорусская резьба очень плохо изучена, да и сохранилось ее образцов, повидимому, очень мало. В значительной мере это было следствием неоднократных опустошений, которым подвергались земли белорусского народа; во время войн и всевозможных иноплеменных нашествий сжигались и разрушались дотла города и деревни, гибли произведения народного искусства.

[2] Коловорот под названием «оборотенка» был известен русским плотникам в XVI в.

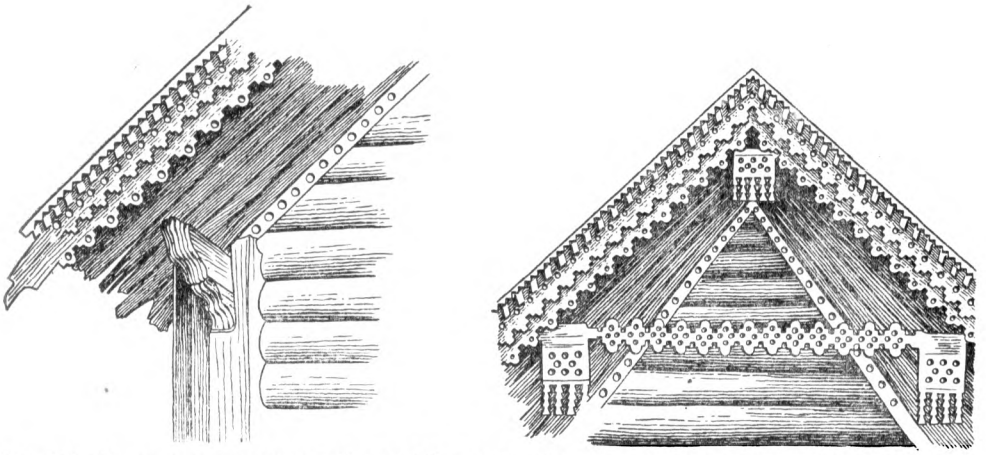


Рис. 88. Причелины с городковой резьбой и отверстиями, сделанными при помощи коловорота, с огнивом (схватками) и полотенцами той же техники (дер. Пальчиха Бежецкого уезда Тверской губ. Изба построена в 1830 г.)

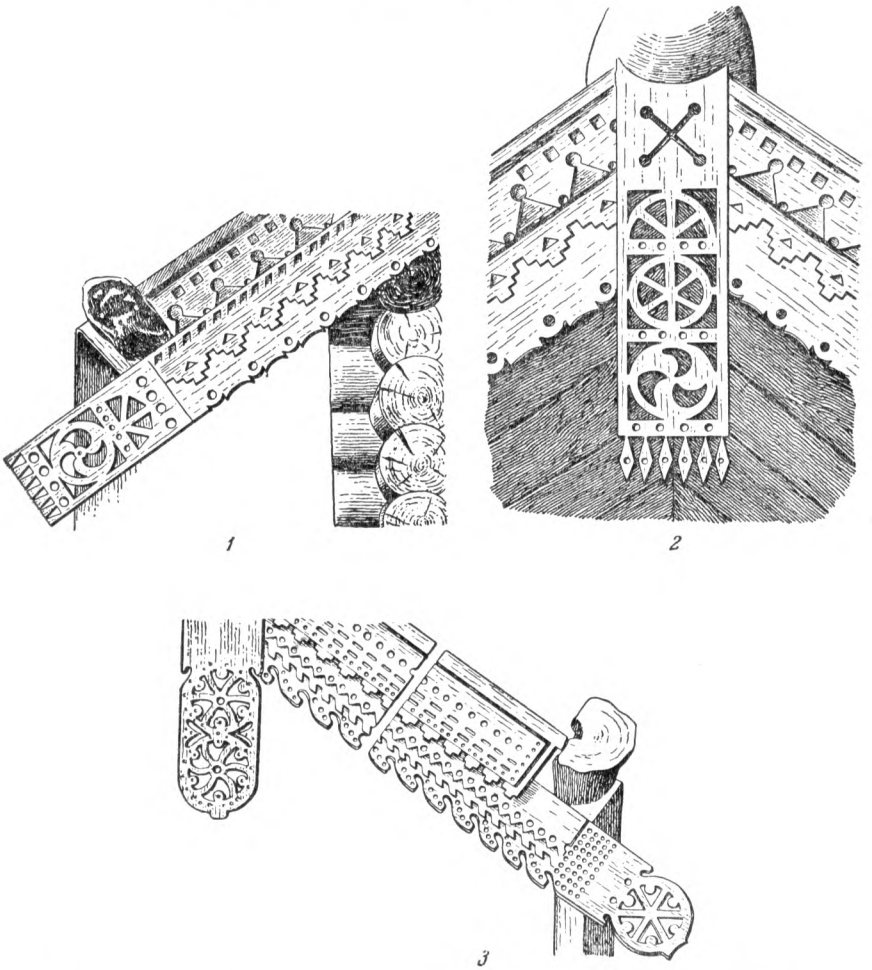


Рис. 89. Причелины со сквозной резьбой на северных избах (Карелия)

1 — с. Сулажгора Прионежского района; *2* — причелины и полотенце (там же); *3* — дер. Мяндусельга Медвежегорского района

Поздние причелины пятого типа превращаются в настоящее резное кружево, обрамляющее край крыши. К этой же группе относятся резные *серьги*, или *подкрылки*, прикрывающие спереди торцы верхних боковых бревен сруба, и резное полотенце, носящее также местные названия *кисьь* (т. е. кисть), *чуска* (рис. 89).

Все рассмотренные украшаемые части избы связаны с определенной конструкцией крыши и могут быть очень древними. Иначе обстоит дело с оконными наличниками.

Мы уже видели, что до XVIII в. не только в крестьянских избах, но и в городских домах средней руки окна были волоковые, из «пузыря» или реже из слюды. Такое окно, по всей вероятности, имело только гладкую обкладку, но могло ее даже и не иметь, как волоковые окна в подвальных этажах изб и в хозяйственных строениях, сохранявшиеся на более поздних постройках. Правда, в наши дни попадаются изредка на старых избах резные наличники и на волоковых окнах, но, скорее всего, они представляют уже вторичное явление и появились на волоковых окнах в позднейшее время уже по образцу стекольчатых окон с наличниками [1]. Во второй половине XVII в. стекольчатые окна, называемые красными, или косящатыми (т. е. состоящими из косяков), стали распространяться и в деревне, причем первоначально на фасаде жилого дома делали косящатым только среднее окно, а боковые еще долго оставались волоковыми (см. рис. 16, *1*).

Следовательно, можно говорить о том, что косящатые окна с наличниками получили в деревне широкое распространение не ранее XVIII в., хотя форма их могла быть выработана плотниками для боярских хором, для церковных и городских зданий много ранее.

В настоящее время резными деревянными наличниками наиболее часто украшают деревянные дома как в деревне, так и в городе по всему Советскому Союзу. За время своего существования (широкое бытование не менее двух, двух с половиной веков) характер наличников, претерпев длинный ряд изменений, дал много самобытных форм и, наряду с этим, впитал в себя в творчески переработанном виде многие формы, заимствованные из гражданской и церковной архитектуры. На эволюции художественной обработки наличников ярче, чем на любой другой строительной детали, отразились все основные декоративные приемы в деревянном зодчестве восточных славян.

Наиболее старой, самобытной формой наличников, сохранившихся на Севере, можно считать гладкие обкладки, лишенные всяких украшений. На Севере, обильном лесом, плотничное искусство достигло большого развития, процесс освоения новой техники и новых форм и стилей проходил гораздо интенсивнее, быстрее и в иных масштабах, чем в бедных лесом лесостепной и степной полосах России, где дольше сохранялись традиционные формы и, возможно, дольше служили и самые наличники. Это объясняется, с одной стороны, бедностью лесом и невозможностью так же часто, как в лесной полосе, заменять наличники новыми, а с другой — и тем, что в сухом воздухе южных районов дерево сохраняется лучше, чем во влажном климате Севера.

Такой внимательный наблюдатель, как Р. М. Габе, отмечает на Севере окна старинной формы почти исключительно на амбарах, в архитектуре которых древние традиции более крепки, и кое-где в старинных церквях.

---

[1] Чудесные крохотные наличники на волоковых окнах изб см. С. Забелло и др. Указ. соч., рис. 56; М. П. Званцев. Домовая резьба. М., 1935, рис. 82; И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, рис. 49—51.

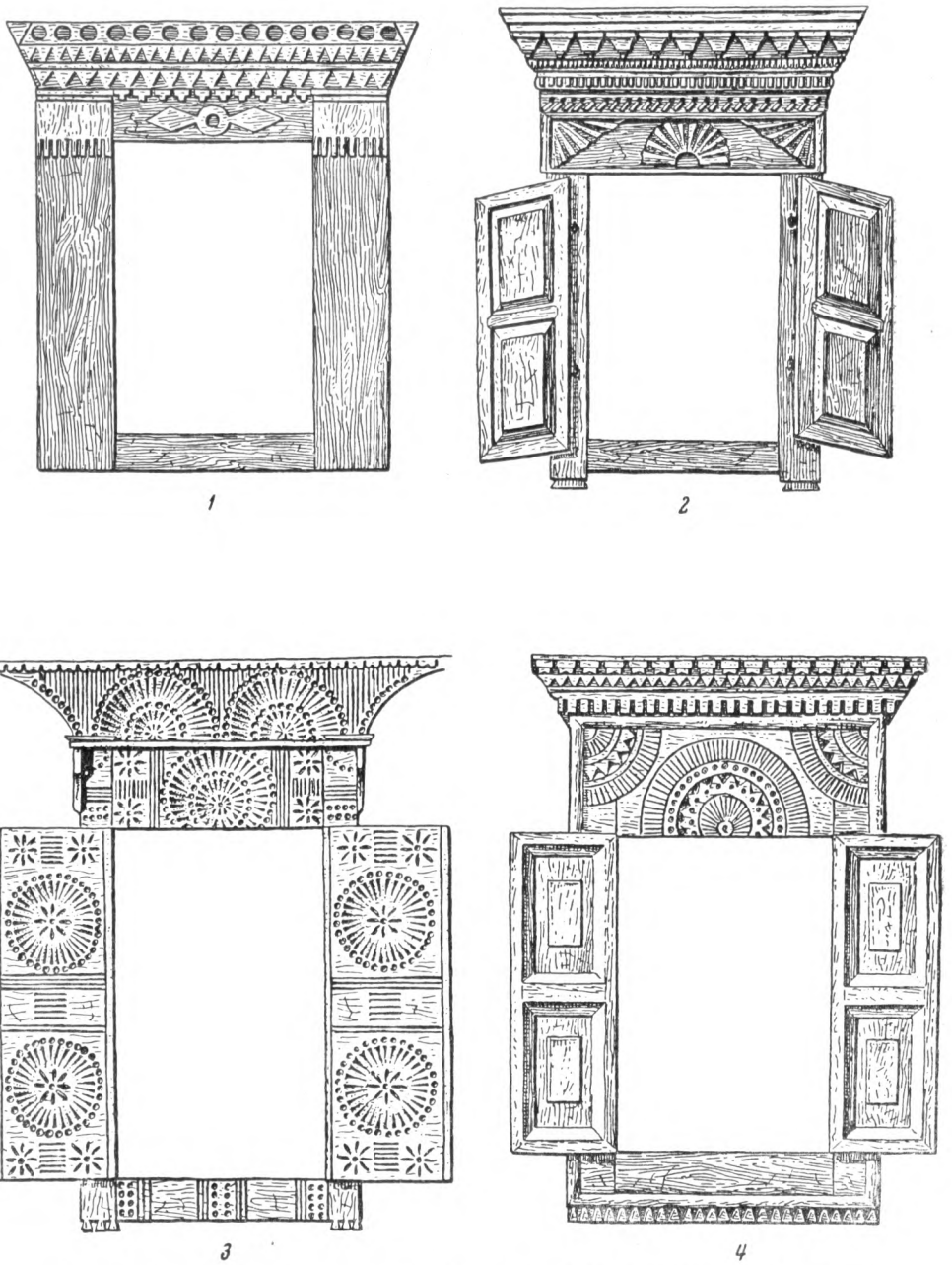


Рис. 90. Старинные наличники с долбленой резьбой (зарисовки 1920-х годов)

1 — дер. Красный Холм Шемелинкинского района Калужской губ.; *2* — узор репьи (дер. Алабузино Бежецкого уезда Тверской губ. Сделан в 1860-х годах); *3* — с. Теблеши Бежецкого уезда Тверской губ.; *4* — с. Еськи Бежецкого уезда Тверской губ.

Это — небольшие квадратные окна, высотой около полуторной толщины бревна (т. е. только в полтора раза выше волоковых окон); боковые косяки наличника под углом врублены в верхнюю подушку, концы которой выпущены для украшения за линию косяков; верхняя доска, прикрывающая подушку, несет на себе очень мало резьбы [1]. Такие окна иногда снабжены одной ставенкой, навешенной сбоку. Этого же, по существу, типа наличники характерны для левобережья Украины [2]: и здесь это — простое оформление оконного проема, закрывающее щели между *луткой* (деревянной коробкой) и стеной; иногда несложной резьбой украшается лобовая часть доски.

Дальнейшее развитие первоначальной, самобытной формы мы можем видеть в наличниках, сохранившихся на старых домах во многих местностях — в Карелии [3], в южновеликорусских районах [4], где простенький легкий наличник украшается мелкой городковой резьбой древнего традиционного типа (рис. 90, *1*).

Раз появившись в крестьянском строительстве, деревянный наличник подвергался разнообразным местным и временным изменениям. Развитие обработки наличника шло по нескольким направлениям, постоянно между собой переплетавшимся. Первое — орнаментация последовательно видоизменялась в связи с постепенно прогрессировавшей техникой обработки дерева; уменьшалась трудоемкость обработки и удешевлялся процесс изготовления наличника. Второе направление заключалось в переработке новых стилей, заимствованных из городского строительства.

Взаимодействие этих направлений дало огромное количество разнообразнейших вариантов, многие из которых представляют непревзойденные образцы народной резьбы по дереву. Необычайно пышного развития достигла резьба на наличниках в постройках лесной полосы. Здесь имеются различные виды: простейший — долбленая резьба, сделанная только при помощи топора, ножа и долота, далее — резьба с применением коловорота, затем — появление пропиловки и всевозможных комбинированных форм и, наконец, все большее и большее преобладание наиболее легкой при современной технике тонкой ажурной пропиловки (лобзиком). В районах, где сохранилось много старинных построек, можно видеть сосуществующими все эти виды резьбы и проследить постепенное вытеснение новыми, «модными» формами всех предыдущих.

Рассматривая первую линию развития обработки наличника, зависящую от техники обработки дерева, для многих районов, главным образом для среднерусской полосы, можно наметить определенную последовательность в способах украшения наличника.

1. Долбленая глухая резьба трехгранно-выемчатого («клинчатого») и желобчатого типов, производившаяся на толстых тесинах при помощи ножа и долота. В этом типе резьбы наиболее распространена фигура круга из радиально расходящихся лучей, помещаемая на лобовой доске наличника в разных комбинациях из целых кругов, полукругов и сегментов в четверть круга. Это *репьи* — термин ряда местных великорусских диалектов, «солярные розетки» — по терминологии искусствоведов и археологов, считающих их олицетворением солнца; Р. М. Габе прямо называет их солнцами, Е. Ащепков — солнышком. Пожалуй, наиболее

[1] Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, рис. 147 и 148 (стр. 129).
[2] П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 89 и 90.
[3] Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, рис. 152—154.
[4] Например, в Калужской и Воронежской областях, по наблюдениям автора в 1924—1927 гг.

часто встречается комбинация из центрального полукруга с двумя сегментами круга в верхних углах[1] (рис. 90, *2—4* и 91).

Особенно хороши старинные избы, на которых все три наличника (обычное число окон по фасаду старой великорусской избы среднерусской

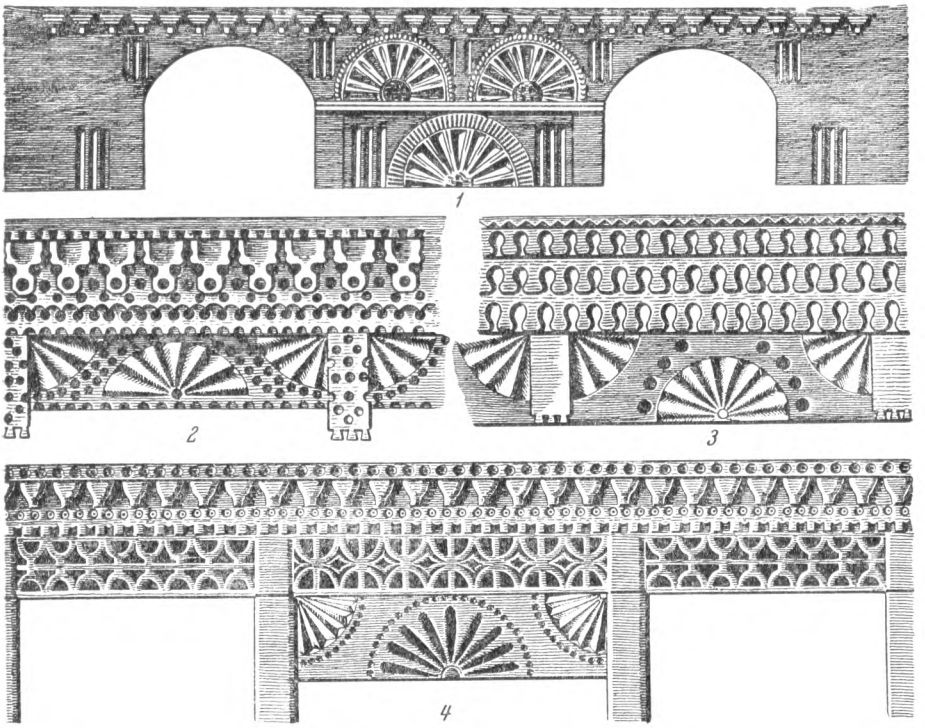


Рис. 91. Старинные резные подзоры под крышей и над окнами, идущие во всю ширину избы (Бежецкий уезд Тверской губ. *1—3*—зарисовка 1920-х годов)

1 — трехгранно-выемчатая и желобчатая резьба (дер. Стрижево); *2, 3* — соединение долбленой и коловоротной техники (с. Усть-Кировское на р. Мологе); *4* — подзор с прорезью (дер. Рюхово. Сделан в 1860-х годах)

полосы) соединены между собой резными же досками, проложенными между лобовыми досками, или у всех наличников верхние части составляют одно целое, или над наличниками, по свесу крыш, проложен резной подзор, в котором полукруги чередуются с желобчатыми ромбами и прямоугольниками. Иногда такая же резьба имеется и на вереях ворот.

Сохраняющиеся экземпляры «налишников старинного завету» в основной массе датируются серединой XIX в., когда, повидимому, их уже переставали делать.

2. Наличники с кружками и отверстиями, просверленными коловоротом. Глухие первоначально репьи проверчены насквозь, появляются разные узоры из просверленных круглых отверстий,

[1] Этот старый излюбленный прием резьбы является доказательством того, что русским плотникам, особенно резчикам, давно был известен род примитивного циркуля, носящего до сих пор у деревенских плотников название «воро́бы». Вороба — деревянная планка; на одном конце ее вбит гвоздь, вокруг которого планка вращается, а на другом прилажен кусок угля или мела, чертящего дугу («воро́бить» — чертить воро́бой окружность).

сердцеобразные «карточные» фигуры, получаемые из двух рядом просверленных отверстий, расширенных при помощи ножа и долота и т. д. Наличники, выполненные этой техникой в комбинации с предыдущей, имеют огромное количество изысканнейших форм (рис. 92).

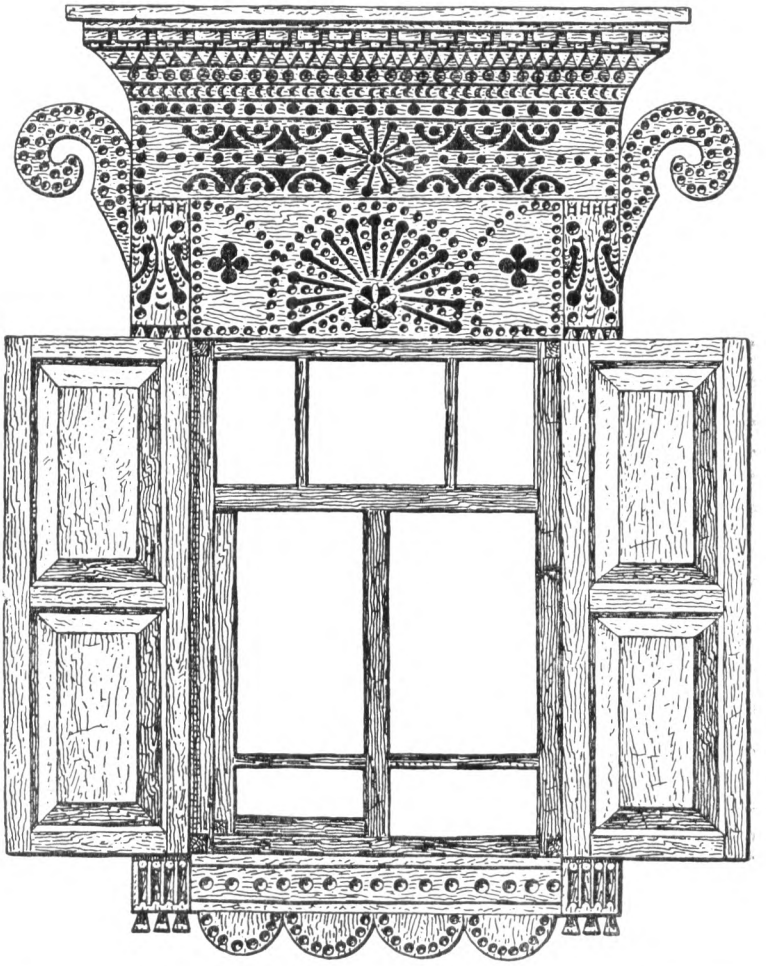


Рис. 92. Старинный наличник с прорезью раннего типа (дер. Решетиха Весьегонского уезда Тверской губ. Постройка 1840-х годов)

Основная масса данной группы наличников относится к середине и второй половине XIX в.

3. Появление лобзика дало возможность делать узоры сквозными и тем усилить разнообразие отделки деревянной поверхности. Значительно меньшая трудоемкость работы способствовала быстрому распространению пропильной резьбы при украшении деревянных построек.

Несмотря на очень давнее применение русскими мастерами-резчиками сквозной резьбы [1], нам известен только один район, где, несомненно, еще

[1] Древнейшие дошедшие до нас образцы сквозной деревянной резьбы — это несколько резных царских врат XV в. из Ярославской обл. (одни из них — начала

в конце XVIII в. на наличниках крестьянских изб бытовала старая сквозная прорезь, или «резьба на проём»: это — южная часть Архангельской обл., расположенная по Северной Двине (б. уезды Шенкурский и Сольвычегодский) (рис. 93.). Пропиловка для украшения крестьянских изб широко начала появляться лишь во второй половине XIX в. [1]

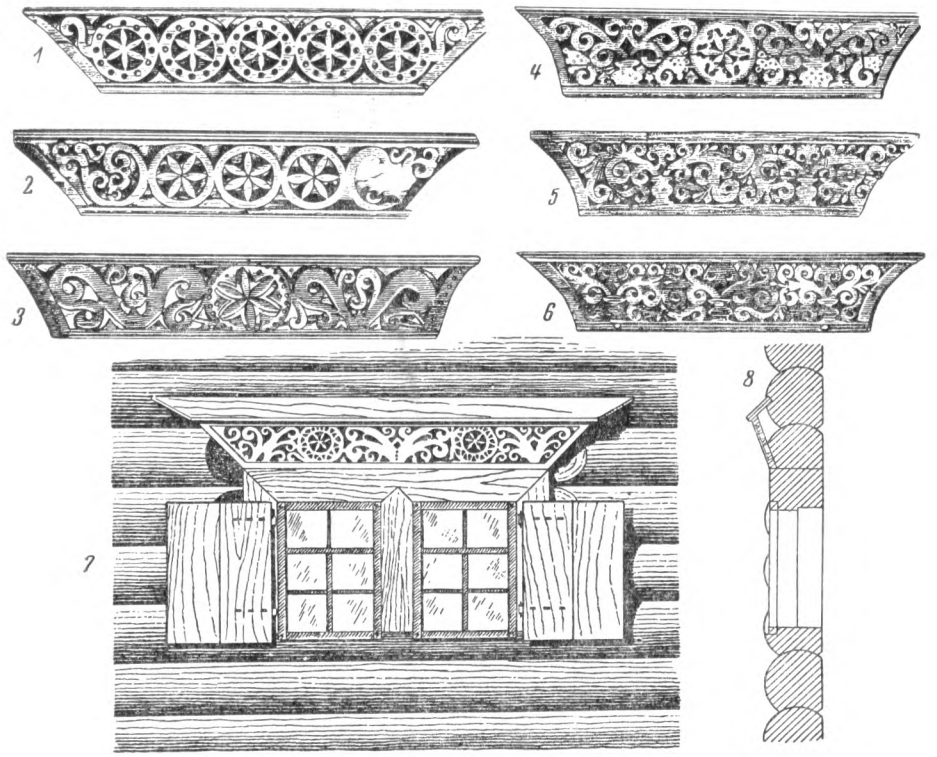


Рис. 93. Старинная сквозная прорезь на наличниках (XVIII в.)

1–6 — верхние карнизы (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.); *7* — старинный двойной наличник (с. Яковлевское Шенкурского уезда Архангельской губ.); *8* — разрез (профиль) этого наличника.

В наиболее старинных образцах пропиловка в комбинации с долотной и коловоротной техникой применяется мало (материалы из Ленинградской обл. и Верхнего Поволжья): первоначально на досках, составляющих наличник, небольшой пропиловкой соединяли просверленные круглые отверстия; впоследствии стали выпиливать несложные узоры, но долго еще сплошной фон преобладал над выпиленными участками (рис. 94, *1* и *2*).

Мало-помалу техника пропиловки усваивается все лучше, все уменьшается площадь непропиленного дерева; наконец, орнамент создается уже

XV в.). Большое количество сквозной прорези сохранилось от XVI в.; особенно известно моленное место (1551 г.) царя Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля (А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. вып XII. М., 1914).

[1] Так, в б. Моложском уезде Ярославской губ., как удалось установить автору, сквозную резьбу коловоротом плотники начали применять для украшения крестьянских изб в конце 1870-х годов, а пилка и лобзик появились в начале 1890-х годов (Е. Э. Бломквист. Постройки Моложского уезда. В кн. «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, стр. 92).

не выпиленным пространством, а оставшимся деревом (рис. 94, *3—8*). Узоры становятся все воздушнее, и постепенно тяжелый деревянный наличник превращается в легкое кружевное обрамление, достигающее наибольшего развития во втором десятилетии XX в. (рис. 95).

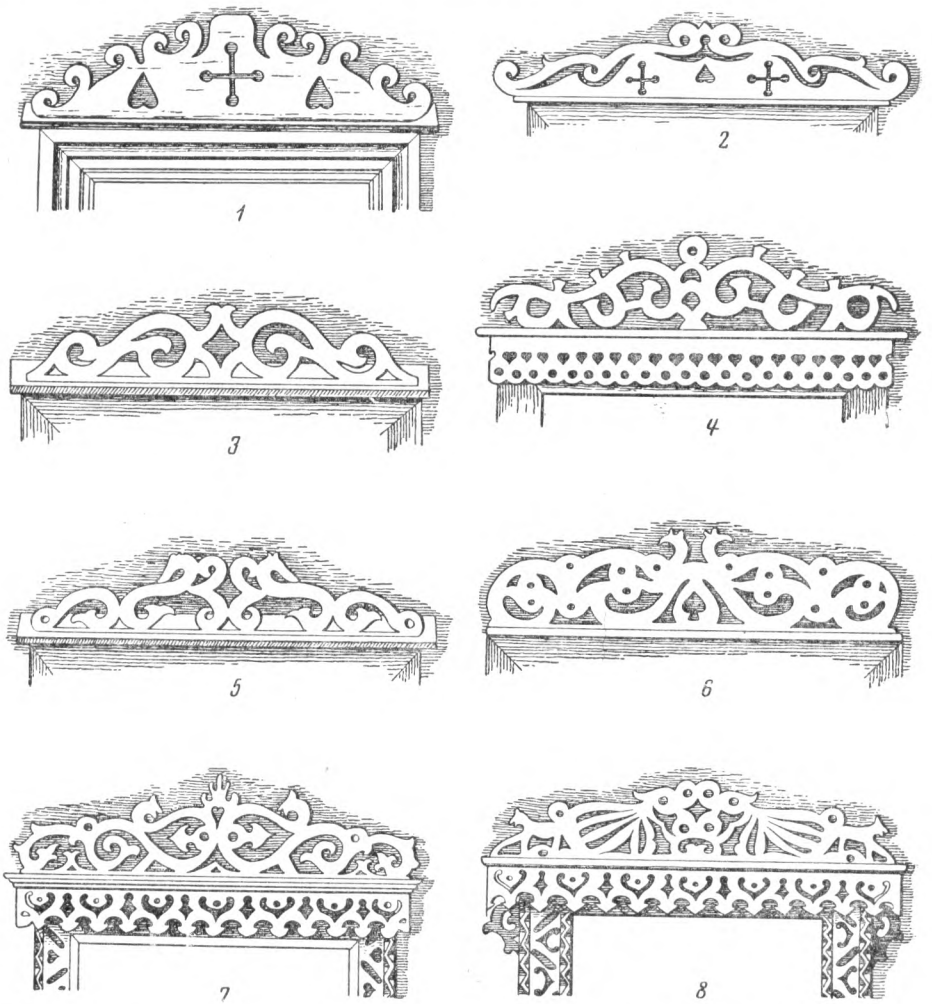


Рис. 94. Простейшие формы выпильных украшений очелий наличников (Моложский уезд Ярославской губ.)

1 — преобладает невыпиленное пространство; узор создается преимущественно отверстиями, просверленными коловоротом (дер. Кетово); *2* — еще преобладает невыпиленное пространство, но узор создается коловоротными отверстиями и выпильными фигурами (там же); *3* и *4* — простейшие завитки с их дальнейшим усложнением (дер. Перепечино); *5—7* — несложные завитки начинают оформляться в форму животных (деревни Кетово и Противье); *8* — четко выделяются формы животных (дер. Перепечино)

За первую четверть XX в. пропиловка быстро распространилась по всей стране, став любимым и «модным» украшением крестьянского жилища во многих районах. При применении обшивки избы тесом появились дополнительные площади для накладывания пропильной резьбы: доска, обшивающая торцы сруба, *пояс* (*поясник*), идущий под окнами вокруг

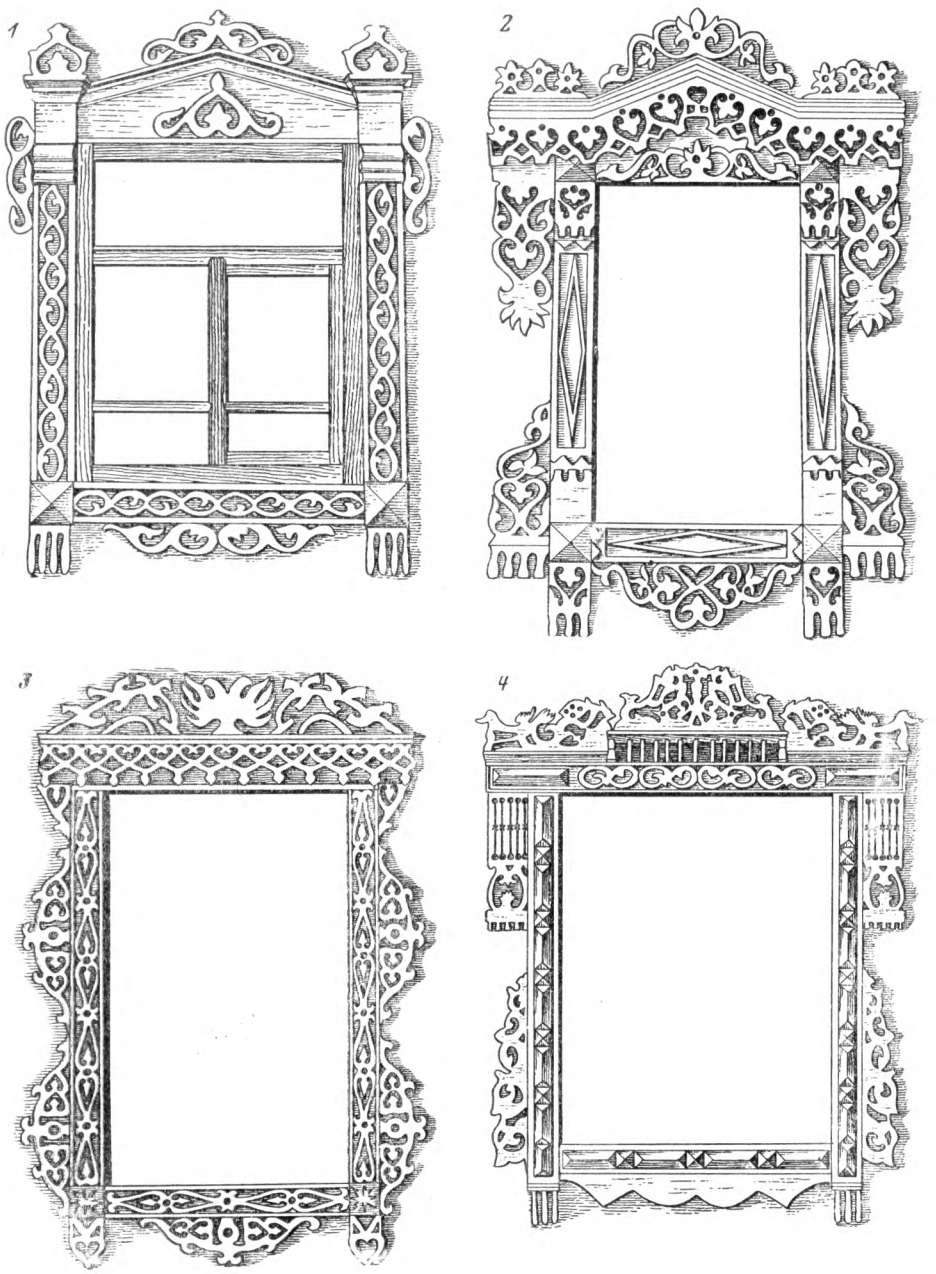


Рис. 95. Наличники, покрытые кружевной пропильной резьбой (Верхнее Поволжье)

1 — с. Теблеши Бежецкого уезда Тверской губ.; *2* — дер. Сидорино (там же); *3* — дер. Стежки Моложского уезда Ярославской губ.; *4* — дер. Корино (там же)

всего дома (рис. 96, *2*). При широком распространении четырехскатной крыши с карнизом и залобками полоса пропильной резьбы устанавливается стоймя по короткому коньку, широкий резной подзор нашивается на нижнюю часть карниза, ажурные *свесы* обрамляют весь свободный край крыши, а легкие *подвески* — края фронтонов крыльца и крыши; с углов крыши и в середине фронтонов свешиваются прозрачные *висляки* (рис. 97).

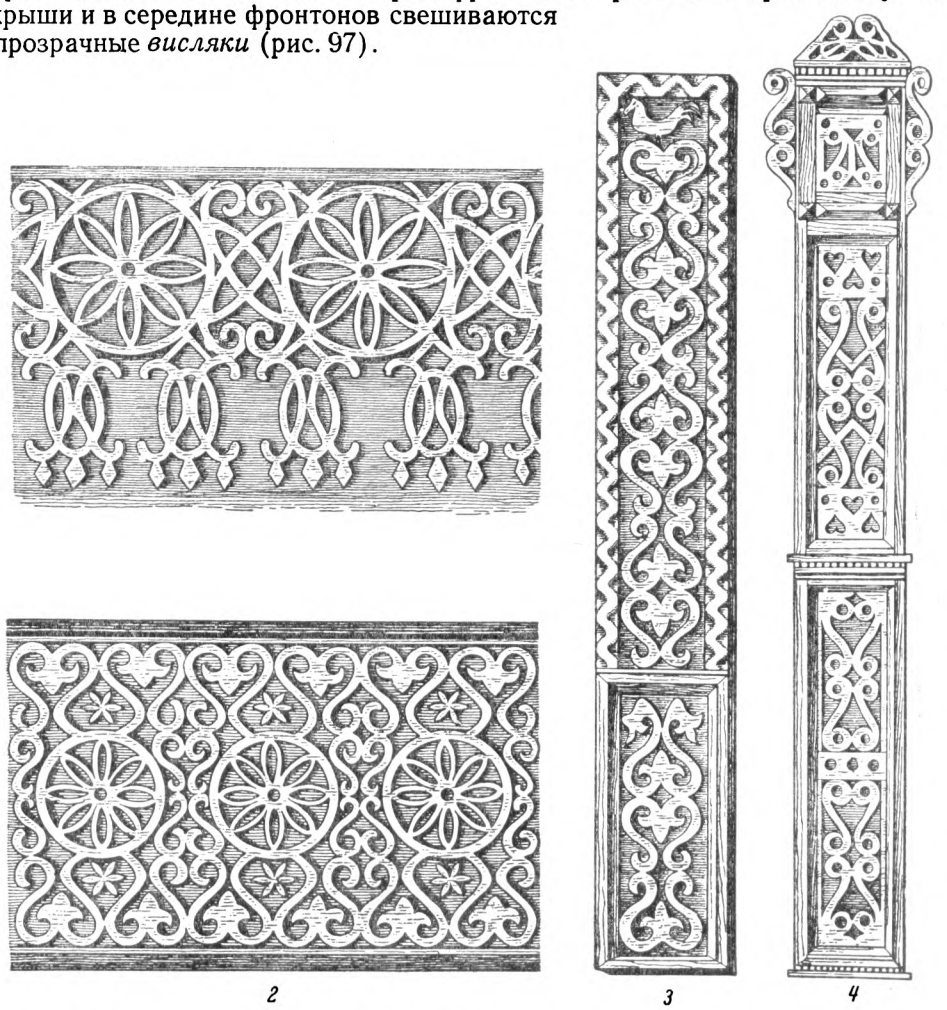


Рис. 96. Выпильные накладные украшения изб (дер. Гаврильцево Моложского уезда Ярославской губ. Постройка первой четверти XX в.)

1 — подзор, нашиваемый на верхнюю часть избы под крышей; *2* — пояс (шириной около 70 см), идущий под окнами вокруг всего дома; *3* и *4* — доски, которыми зашиты торцы бревен сруба снаружи

Для первых трех видов резьбы не могло быть шаблонов. Эти узоры комбинировали из старых традиционных элементов, распределяя их по плоскости доски в зависимости от ее назначения и величины, от вкуса мастера или заказчика. Развитая же пропиловка требует подготовленного узора, который обычно чертят в натуральную величину на простой оберточной бумаге, вырезают и затем уже переносят на дерево. Основные инструменты при черчении — циркуль и линейка. Каждый плотник имеет свой набор узоров; кроме того, узоры постоянно заимствуются одним у другого. Наиболее распространены растительно-геометрические мотивы,

представляющие круги, завитки и волнообразные линии, усложненные дополнительными завитками, листьями и розетками. Иногда добавляются фигуры птичек, реже — животных. По словам плотников, некоторые узоры они брали «с морозу», т. е. с красивых разводов из ледяных кристаллов, образующихся зимой на оконных стеклах. После Октябрьской революции

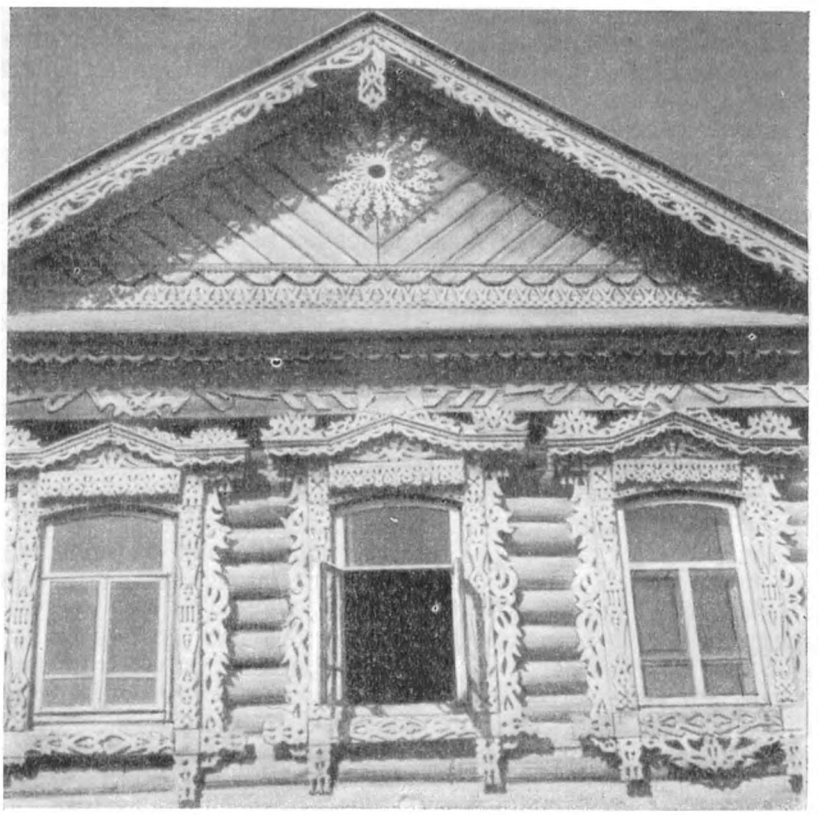


Рис. 97. Изба, обильно покрытая пропильными украшениями (с. Винновка Сосново-Солонецкого района Куйбышевской обл. Постройка 1910 г.)

стали известны случаи использования для пропиловки покупных шаблонов (Кировская обл.).

В научной литературе и среди специалистов (архитекторов, искусствоведов и этнографов) до последнего времени господствовало мнение, что пропильная резьба пришла в деревню из города и представляет собой для русского искусства совершенно чуждое и наносное явление. Из приведенных выше примеров ясно, как органически и постепенно возникала сквозная обработка дерева на местах при усовершенствовании и расширении инструментария [1]. Причина появления глубоко ошибочного взгляда о

[1] Доказательством самостоятельности появления и развития сквозной резьбы — пропиловки в крестьянском зодчестве служит хотя бы развитие сквозной орнаментации наличника из простейших завитков в XVIII в. в пределах нынешнего Сольвычегодского района Вологодской обл.; любопытно, что характер орнамента здесь очень близок к орнаментации спинок простых и перекидных (переметных) скамей XVII — XVIII вв. (ср. рис. 93 и 114; см. также А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. VIII, М., 1912, табл. 109).

городских истоках пропильной резьбы, равно как и отрицательного отношения специалистов к этому виду народного искусства, лежит в том, что его часто путают с распространенной в пригородах и дачных поселках пропиловкой в псевдорусском «петушковом», или «полотенчатом», стиле. Эта пропиловка представляет собой, по выражению советского искусствоведа В. Я. Курбатова, «агломерат форм и деталей византийских, романских и менее всего — русских» [1]. Она культивировалась со времени Николая I в церковной и казенной архитектуре, стала модным стилем украшения жилищ русской буржуазии в 1870-х годах и, как правило, дальше пригородов и дачных поселков не пошла. Ее вычурные, в византийском стиле созданные мотивы не имеют ничего общего с народными традициями; развитие русской народной орнаментики шло своими путями, помимо нее [2].

Конечно, могли быть и отдельные случаи контаминации того и другого стиля, но эти исключения не меняют основной картины.

Победное шествие более «модного», более легкого и дешевого способа деревянной резьбы — пропиловки для украшения жилищ — захватило к началу XX в. и далекие окраины России. Здесь применительно к местным установившимся типам орнаментации пропиловка дала своеобразные варианты. Наиболее яркий пример представляет кружевная пропиловка Забайкалья и юга Иркутской обл., украшающая наличники, подзоры, ворота великорусских изб. В прихотливых изгибах, выпиленных русским сибиряком, ясно проступают причудливые очертания облаков, характерные для буддистских священных изображений, и капризные извивы языков пламени, окружающие изображения Будды и святых в бурятских дацанах (монастырях) [3]. Не менее своеобразна резьба на домах русских переселенцев в Южном Казахстане, включающая в себя элементы казахского орнамента [4].

Наряду с новой техникой резьбы в деревню проникают новые городские стили; в деревне они перерабатываются и в отдельных районах достигают большого развития. Так, для территории б. Олонецкой губ. типично обрамление оконных отверстий резьбой в стиле барокко, уже более 200 лет являющегося наиболее характерным стилем украшений наличников в Карелии. Верх такого наличника состоит из двух обращенных друг к другу крупных завитков, между которыми имеется вставка, напоминающая вазу, в той или иной степени стилизованную, или колонку (рис. 98). Наличник стиля барокко достиг в деревне высокой степени развития и имеет множество разнообразных вариантов верхней части, комбинированной с различными отделками остальных частей наличника. С конца XIX в. наличников стиля барокко уже не производят. Тщательно изучавший их Р. М. Габе установил, что последние по времени постройки дома с такими наличниками относятся к 1880-м годам (см. также рис. 18).

---

[1] В. Курбатов. О русском стиле для современных построек. «Зодчий», 1910, № 30, стр. 311.

[2] Этому вопросу посвящена небольшая, но содержательная работа Т. В. Станюкович «Происхождение русской народной пропильной резьбы». КСИЭ, X, 1950, стр. 3—14. О развитии пропильных архитектурных украшений в Верхнем Поволжье см. Л. Н. Чижикова. Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей. СЭ, 1953, № 3, стр. 61—76.

[3] Д. А. Болдырев-Казарин. Народное искусство в Сибири. «Сибирская живая старина», 1924, вып. II, стр. 12—13.

[4] Т. В. Станюкович. У русских переселенцев в Средней Азии. КСИЭ, IV, 1948, стр. 91.

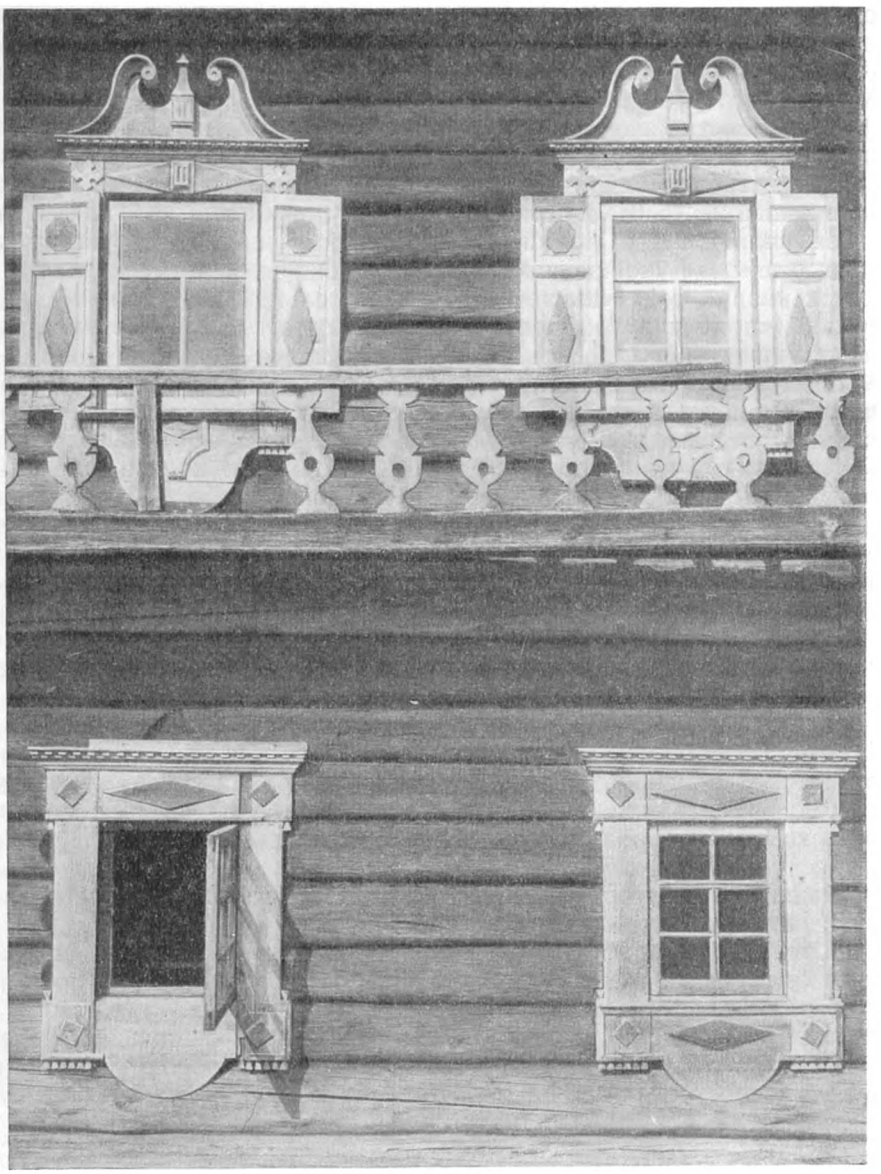


Рис. 98. Старинные резные наличники северновеликорусов с переработкой городских стилей — барокко и классицизма. Деталь бокового фасада дома: вверху — барокко, внизу — классицизм (погост Великая Губа Петрозаводского уезда Олонецкой губ.)

Мотивы барокко в резьбе развились главным образом в районе, тяготевшем к Петербургу (так, по крайней мере, можно судить по существующей литературе). Гораздо более широкий район характеризуется наличием в крестьянском строительстве элементов позднего классицизма (русского ампира), появившихся с конца XVIII — начала XIX в.

Нам неизвестно, где́ так привился русский ампир, как привился стиль барокко в б. Олонецкой губ., но элементы классицизма в крестьянском зодчестве встречаются, можно с уверенностью сказать, почти в каждом уголке нашей необъятной страны. Они — в усложнении профиля верхнего карниза наличника, в украшении поверхности наличника накладными (или вырезными) украшениями в виде уплощенных четырехгранных пирамидок квадратной («шашечки»), прямоугольной («сухарики») и ромбической («прянички» [1]) формы, розеток и иных геометрических или растительных фигур.

Значительный интерес представляет взаимовлияние архитектурных деталей, применявшихся при строительстве зданий из камня и из дерева. Эволюцию отдельных мотивов каменной архитектуры при переходе их в деревянное зодчество проследил Л. А. Динцес по материалам г. Елабуги на Каме [2]. Особенно убедительно он доказал это на таких распространенных в русском ампире украшениях, как венки и гирлянды. Венки, пронзенные жезлом с шишками на концах [3], в деревянном зодчестве превращаются в часто встречающуюся удлиненную фигуру из трех овалов, яйцевидных фигур или ромбов, в дальнейшем заменяясь одним вытянутым ромбом; гирлянда со свешивающимися концами также упрощается и превращается в удлиненную фигуру из двух-трех дуг, выпуклостью обращенных вниз.

Возникновение крестьянского барокко, крестьянского ампира представляет собой вполне закономерное явление, так как их создатели — плотники, работавшие, кроме деревни, по городам и в помещичьих усадьбах, усваивали отдельные черты этих классических стилей, творчески их перерабатывали и применяли при постройке деревенских домов [4].

Элементы классических стилей можно встретить на деревянных наличниках домов русского населения даже в Южном Казахстане [5].

Лобовая доска и испод (т. е. нижняя, подоконная доска) наличника могут нести самые разнообразные украшения, боковые же косяки внизу в подавляющем большинстве случаев оканчиваются *кисточками,* или *капельками* [6], представляющими ряд из трех-пяти небольших трапеций, что напоминает конец полотенца с бахромой. Это любимый прием украшения, распространенный по всей нашей стране и встречающийся на наличниках любого стиля и эпохи.

---

[1] Слово «пряник» известно в говорах для обозначения ромба. Так, в Калининской обл. в старину пряниками называли бубновую масть в игральных картах.

[2] Л. А. Динцес. Елабуга в конце XVIII и XIX в. Рукопись, 1944. Архив Гос. Русского музея в Ленинграде.

[3] Эта символическая фигура изображает тирс, т. е. жезл, Диониса, увитый плющом и виноградными листьями, с навершием в виде сосновой шишки.

[4] Яркий конкретный материал о взаимодействии города и деревни в области архитектуры, о взаимном влиянии городского и усадебного строительства и народного зодчества на примере Костромской обл. см. Т. М. Сытина. Гражданская архитектура Верхнего Поволжья второй половины XVIII — первой трети XIX в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952.

[5] Исследования Т. В. Станюкович (см. обе указанные выше работы).

[6] «Капли» — архитектурный термин для обозначения этого вида украшений.

Архитектурная резьба Поволжья

Несколько особняком от общего пути развития народной резьбы у восточных славян стоит старинная архитектурная резьба Поволжья, представляющая собой барельефные изображения растительного характера, изредка с фигурами животных и мифических существ (рис. 99). Эта резьба носит название глухой резьбы, долóтной резьбы, корабельной рези. Она распространена в приволжских районах б. Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской и Симбирской губерниях, вплоть до Саратовской, а также в Владимирской и Ивановской.

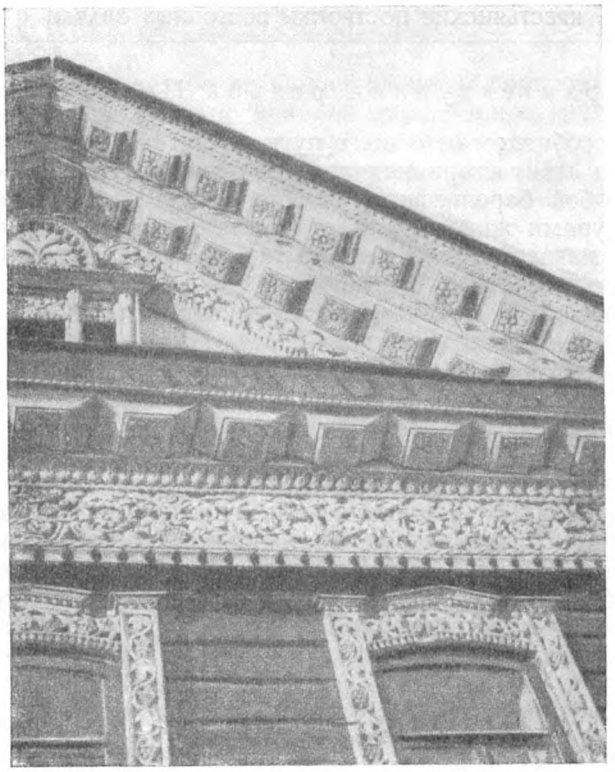
Наличие ее в Поволжье объясняется тем, что, как показывают ее названия — корабельная резь, судовая резь, барочная резьба (в б. Костромской обл.), — резьбой этой издавна принято было украшать расшивы, барки, мокшаны и прочие суда, плававшие по Волге до развития пароходства. Особенно обильно украшались парусные суда — расшивы. Многометровые резные фризы опоясывали борта судна, крупные завитки рельефной резьбой покрывали транец — плоский отвесный щит, ограничивавший надводную часть кормы, острый нос нарядно украшался резными фигурами преимущественно сказочных водных существ — полулюдей, полурыб, на палубе красовалась пестро разузоренная резьбой на стенах и ставнях «казёнка» (рубка) лоцмана[1]. В старинных баржах, служивших для перевозки зернового хлеба, иногда даже закрома и столбы внутри судна покрывались красивой резьбой.

Плотники-резчики в зимнее время работали на многочисленных мелких верфях Костромской и Нижегородской губерний (в Балахне, Городце, Юге, Васильевой слободе, Пучеже и других на Волге выше Нижнего-Новгорода, в сёлах на низовьях Оки), а на лето расходились по округе для постройки изб. По мере удаления от берегов Волги корабельная резь постепенно сменялась традиционным общерусским типом резьбы. Северная граница территории ее бытования доходила до зоны распространения построек северного типа (с высоким подпольем и двором со взвозом), южная — до зоны построек южного типа (с четырехскатной соломенной кровлей), причем южная граница очерчена довольно четко, а северную очень трудно определить, так как местное население могло и самостоятельно использовать этот вид резьбы.

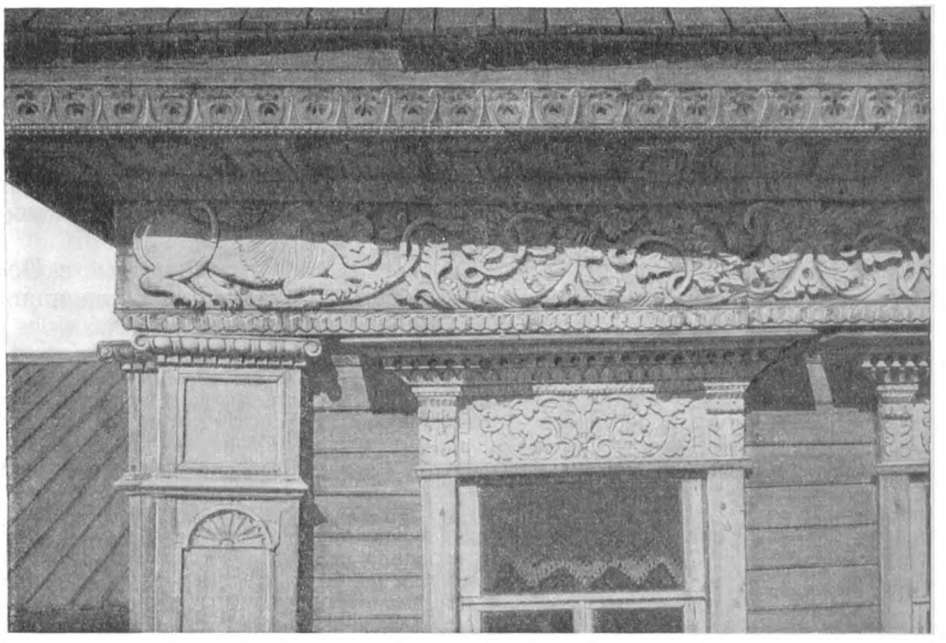
Корабельной резью покрывались причелины избы (называемые в Поволжье крыльями), серьги (называемые здесь подкрылками), наличники; иногда разными досками зашивались торцы сруба.

---

[1] Старинные расшивы с резьбой на транце и бортах запечатлели в своих произведениях художники А. П. Боголюбов, Ф. А. Васильев, И. В. Левитан и И. Е. Репин. Модель расшивы (в 1/40 натуральной величины) работы XVIII в. выставлена в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде. Судя по ней, каждая из четырех резных досок, идущих по бортам от носа и кормы, имела в длину свыше 7 м. Замечательная коллекция деревянной резьбы со старых волжских судов хранится в Гос. Историческом музее в Москве. Цветное изображение бáрочной кормовой доски (раскрашенной) см. Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, табл. 2. Такой же резьбой украшались в старину и грузовые суда (шкоуты), ходившие по Каспийскому морю. Современник описывает эту резьбу так: «Как теперь помню эту корму с двумя деревенскими окнами, украшенными резьбою, наподобие окон постоялых домов в Московской и Владимирской губерниях; под ними две фигуры, с головы человеческие, с открытой грудью, с рыбьими хвостами, с когтями и коронами на головах, держали рог изобилия; цветы, рыбы, животные, всякая дрянь сыпались из него в пространство между окнами; внизу крупными желтыми буквами подписано было: «корабль Мария» (Лейтенант Загоскин. Воспоминание о Каспии. «Сын отечества», 1836, ч. 177, стр. 10—11).



1



2

Рис. 99,*а*. Глухая резьба (корабельная резь) Среднего Поволжья

1 — часть лицевого фасада дома с обилием глухой резьбы (дер. Львово Воротынского района Горьковской обл. Постройка 1866 г.); *2* — угол дома; на лобовой доске — изображение льва; дом крыт «в два теса» (дер. Сологузово Городецкого района Горьковской обл.)

1

2

Рис. 99,*б*. Глухая резьба Среднего Поволжья

1 — верх наличника, лобовая доска (платок) и карниз, на платке изображены полулюди, полуптицы (дер. Старый Юг Горьковской обл.); *2* — светелочное окно с изображением птиц и львов

Переход от самцовой крыши к стропильной, происходивший в течение XIX в., вызывал необходимость устройства карниза, отграничивающего бревна сруба от зашитого досками фронтона. Таким образом, на второй стадии развития глухой резьбы ею стали украшать нижнюю вертикальную часть карниза избы, так называемую лобовую доску, или платок, все более и более усложняя нижнюю часть карниза, превращая ее в ступенчатое сооружение, придающее дому необыкновенно нарядный вид. Третья стадия развития этой резьбы — усиленное украшение фронтона (1800-е годы), начинавшего доминировать над остальными украшенными деталями строения: сначала богато отделывали резьбой наличник окна светелки, иногда имевший своеобразную форму (см. рис. *22, 4*), впоследствии его стали обрамлять резными досками, а иногда и фигурами геральдического характера.

Художники-мастера принадлежали обычно к неимущей части деревни и вынуждены были продавать свой труд. Они украшали поэтому не свои избы, а дома деревенских богатеев. В приволжских местностях наиболее богатые по своей резной орнаментации дома принадлежали чаще всего владельцам белян и других волжских судов, хозяевам бурлацких артелей, а в районах преобладания кустарных промыслов — скупщикам. В этих местах, наряду со старыми избами, украшенными лишь наложенной неширокой резной лобовой доской да несложной резьбой очельев наличников, сохранились еще старые дома богачей, на которых насчитывается более 100 погонных метров резных досок. Стоило это недешево, так как в 1890-х годах резчики брали за глухую резьбу по 90 коп. за погонный аршин доски (т. е. около 1 р. 30 к. за метр). Таким образом, старые украшенные резьбой дома, как в зеркале, отразили социальное расслоение деревни XIX в.

На судах и на жилищах орнаментация поволжской глухой резьбы была, повидимому, почти одинаковой. Основой орнамента служила волнообразная акантовая ветвь [1], покрытая более или менее пышными лапчатыми листьями. Сравнивая образцы этого орнамента на домах различной давности, можно проследить, как в XIX в., из десятилетия в десятилетие, орнамент усложнялся: листья становились все пышнее и разнообразнее, заполняли все большее пространство фона, скрывая стебель. Рисунок постепенно превращался из четкого изображения ветви в сплошное нагромождение листьев, цветов и завитков. Взяв за основной мотив акантовую ветвь (листья аканта резчики называют «листьями петрушки», а закругления при переходе стебля в лист — «вывертышами»), резчики ввели в эту орнаментику и традиционные гроздья винограда и ягоду, похожую на крупную землянику, и излюбленные в народных узорах репьи (цветы-розетки) [2]. Нередко репьи превращались в довольно реалистическое изображение ромашки или подсолнуха, а лапчатые листья аканта заменялись дубовыми. В сложные растительные переплетения включались и старые иконографические сюжеты: птица Сирин с человеческой головой, сирена с рыбьим хвостом, лев. Творческая

[1] Акант (Acanthus) — южноевропейское растение с красивыми сильно изрезанными листьями; листья аканта, как основной мотив, впервые были использованы древними греками для капители коринфской колонны, потом были применены для оформления богатой утвари римлянами и, далее, прошли через все эпохи, входя как орнаментальный мотив в готическую архитектуру, во фризы и карнизы зданий эпохи Возрождения, в барокко, классицизм и, наконец, в русский ампир.

[2] В недавнее время высказано соображение, что прообразом для этого наиболее распространенного растительного орнамента Поволжья послужили листья и гроздья хмеля (И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954, стр. 8, 22, 36).

переработка всех этих мотивов породила совершенно новые стройные и законченные композиции, ни у каких других народов более не встречающиеся.

Из мифологических сюжетов особенно распространены изображения человеческих существ с рыбьими хвостами. Чаще это женские фигуры — «берегини», или «фараонки», но встречаются и мужские фигуры — «фараоны», с усами и эполетами со шнурками или с трубкой во рту. Они получили такое название потому, что их связывали с библейским рассказом о переходе евреев через Красное море и о преследовании их египетским войском: по народному поверью, потонувшее войско фараона обратилось в чудовищ, наполовину людей, наполовину рыб. Обычно фараонкой завершается орнаментальная композиция на концах лобовой доски; она держит в руках либо конечный завиток акантовой ветви, либо рыбу или змею. Другим излюбленным мотивом поволжской резьбы была фигура льва, изображаемого либо с человеческим лицом en face, либо с удлиненной звериной мордой в профиль, почти всегда с хвостом, пропущенным между ног и закручивающимся кверху. Как и фараонки, фигуры лежащих львов заканчивают с боков композицию лобовой доски, но особенно часто можно их видеть на воротах: два льва изображены симметрично по бокам на резном деревянном свесе, спускающемся от верхней перекладины ворот, к которой свес наглухо прикреплен. Львы, свободно вписанные в треугольные пространства, окружены дополнительным орнаментом [1]. Эти львы с поднятыми головами как бы взбираются по склону, тогда как лежащие львы на лобовых досках затиснуты в узкое пространство доски. Львы на воротах являются переходной формой к настоящим геральдическим львам, стоящим на задних лапах, которые изредка встречаются здесь изображенными по бокам фронтонного окна в светлице.

Для всех этих рисунков мастера не пользовались прорисями или шаблонами, рисовали на память. Сначала на бумаге намечали эскизный набросок, по нему четко рисовали узор, который потом прокалывали иглой по контуру и переводили на доску путем легкого похлопывания по рисунку мешочком с угольной пылью («припорха»). Затем производилась «долбёжка», т. е. долотом и деревянным молотком («киянкой») сначала пробивали рисунок, а затем выбирали «землю» (фон) — скалывали лишние куски дерева, чтобы выпукло выступил узор. Потом, также киянкой, производили «отваливание», т. е. стесывание острых ребер с целью моделировки рельефа. Только после этого резчик начинал отделывать детали при помощи набора долот различного сечения [2]. Ранние образцы такой резьбы были очень плоскими, к концу столетия они стали много выше и рельефнее.

Иногда пышную резьбу раскрашивали в несколько ярких цветов, подбирая их натуралистически: листву окрашивали зеленой краской, цветы — розовой и т. д.

В середине XIX в. резьбой украшали даже хозяйственные строения. Пример, относящийся к 1877 г., можно привести из б. Казанской губ.: «Одна из ветряных мельниц, постройки 70-х годов прошлого века, оказалась особенно интересной внутри. Рундук, ларь, карнизы, притолоки, косяки, перила лестниц, все оказалось покрытым хорошей рельефной

[1] Изображения львов в резьбе на воротах см. И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, рис. 56—58, 60—62.

[2] Небезинтересно отметить, что техника этого вида резьбы очень близка к камнетесному делу — в резьбе по камню русские «каменосечцы» также употребляли киянку и долото.

резьбой, от которой маленькое мельничное помещение превращается в какую-то сказочную декорацию» [1].

Мы считаем, что время и пути проникновения глухой резьбы из волжского судостроения в крестьянское зодчество могут быть прослежены довольно отчетливо. Гораздо труднее выяснить пути развития самого типа глухой корабельной резьбы и время появления ее на волжских судах. Очень соблазнительно было бы повести ее от тех древних изукрашенных резьбой ладей и насадов, о которых говорят северные былины, описывая корабли, у которых «нос-корма по-туриному, бока возведены по-звериному», а вместо глаз врезано по самоцветному камешку,— особенно если учесть то обстоятельство, что само судостроение у восточных славян восходит, по крайней мере, к середине I тысячелетия н. э. Однако, судя по всему, хотя поволжская глухая резьба и сама по себе имеет очень глубокие корни в русском народном искусстве, применение ее к украшению волжских судов представляет явление сравнительно позднее и непосредственно с древними изукрашенными ладьями не связанное.

Известно, что вырезание легкого рельефа по дереву, в виде несложных завитков и разводов, применялось на Руси еще в XIV в. (такой резьбой покрыт дошедший до нас деревянный поклонный крест 1357 г. из г. Новгорода, в 1,82 м высоты). От еще более раннего времени дошла до нас «белокаменная резьба», т. е. резьба по белому строительному камню, из которого сложены или которым облицованы многие церкви XII—XIII вв., например соборы во Владимире и в Юрьеве-Польском [2]. Орнаментальные мотивы белокаменной резьбы пышны и разнообразны: здесь можно увидеть разнообразные растительные композиции, изображения птицы Сирина, кентавров, львов (кстати сказать, как две капли воды похожих на волжские изображения XIX в.) [3]. Несомненно, что уцелевшие образцы этой замечательной белокаменной резьбы повторяют формы, созданные древнерусскими резчиками в дереве. Не исключена возможность, что в полуязыческом, полусказочном резном уборе владимирских соборов XII в., несущем на себе явные следы приемов резьбы по дереву [4], в свою очередь сказалась традиция, идущая от деревянных языческих капищ дохристианской поры.

К этому соображению приводят дошедшие до нас скудные известия о языческих храмах славян. Западные миссионеры и летописцы XI—XII вв. (Адам Бременский, Титмар Мерзебургский, Саксон Грамматик и др.), принимавшие участие в походах против полабских и поморских славян и проповедовавшие среди них христианство, упоминают в своих хрониках об украшениях этих храмов. Так, внешние и внутренние стены главной контины (храма) в Щетине [5] были украшены выпуклыми, удивительно вырезанными и раскрашенными изображениями людей, птиц и

[1] См. Н. Ф. Калинин. О русском крестьянском зодчестве (по наблюдениям в с. Красновидове Свияжского кантона Татреспублики). «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете», т. XXXIII, вып. 1, 1925, стр. 103—104.

[2] Как известно, владимирцев их соседи суздальцы и ростовцы в XII в. называли в насмешку «каменосечци», т. е. резчики по камню. Эта побранка (подобно насмешке киевлян над новгородцами-плотниками) обнаруживает, что в древней Руси того времени владимирцы славились своей резьбой по камню.

[3] Н. Н. Соболев. Русский орнамент, рис. 4—11; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн. «История культуры древней Руси», т. II. М.— Л., 1951, рис. 231—239.

[4] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М.— Л., 1945.

[5] Щетин — один из древних городов славянского Поморья, при устье Одера, ныне Щецин (Szczecin) — один из главных портов Польши.

зверей, так живо исполненными, что они как бы дышали. Наружные стены деревянного храма в земле атарей (славянского племени, жившего между нижним течением Эльбы и Одера) были украшены замечательными изображениями богов и богинь [1].

О наличии различных культовых фигур на стенах восточно-славянских языческих храмов можно судить также по тем старинным великорусским вышивкам, которые в сюжетах своих пережиточно изображают эти древние культовые сооружения [2].

Гораздо сложнее фряжская резьба, которой выполнены сохранившиеся в нескольких экземплярах царские врата XV и XVI вв. и царские моленные места XVI в. [3] В конце XVI в. при Иване Грозном в Москву эмигрировали из Польско-Литовского государства резчики-белорусы, которых поставили работать в Оружейной палате; более совершенный инструментарий, привезенный ими, давал возможность делать более выпуклый и свободный рельеф, получивший название «флемского». В мастерских Оружейной палаты обучались новой технике кадры русских учеников, которые, претворяя в жизнь чужие мотивы на свой вкус и лад, создавали свой, местный стиль, в котором трудно было узнать западноевропейские первоисточники. В мастерских резали иконостасы для церквей, мебель для церковных ризниц и монастырей, мебель для царских дворцов, царские кареты, укладки, ларцы и пр.

В период крестьянских войн начала XVII в. деятельность Оружейной палаты прервалась, но после победоносных войн России с Польшей в 1654—1657 гг. из воссоединенных с Русью областей — из Полоцка, Витебска, Вязьмы, Смоленска и других городов — снова стали приезжать в Москву на работу резчики-белорусы со всем своим инструментом. Часть приезжих мастеров по дороге в Москву — в Новом Иерусалиме (Истра) — перехватил патриарх Никон, чтобы использовать их при украшении нескольких монастырей, некоторые же поступили на работу в Оружейную палату. Флемская резьба (известная также под именем «белорусской рези») развивалась все пышнее, растительный орнамент становился сложнее и декоративнее. В качестве образцов начали использовать печатные листы и книги с заставками и концовками и так называемые «лицевые» (т. е. иллюстрированные в лицах) библии с фантастической орнаментацией из архитектурных и растительных мотивов. Широкое строительство, проводившееся патриархом Никоном и московским правительством, требовало большого числа различных мастеров, которых и поставляла Оружейная палата.

Первое письменное свидетельство об использовании резчиков для украшения судов относится к XVI в., когда Иван Грозный строил флот на р. Сухоне. Оказавшийся в это время (1584 г.) в Вологде англичанин видел этот флот и в разговоре с Иваном Грозным упомянул о двадцати судах и барках, отличавшихся «удивительной красотой, величиной и

[1] И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», год II, 1846, № 3, стр. 44—54; А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Исторические записки», 1945, 16, стр. 12.

[2] Об этих сюжетах см. Л. А. Динцес. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. СЭ, 1947, № 2, рис. 23—26; Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян. КСИИМК, XVI, 1947. стр. 97—102 (с рис.); подробно и всесторонне о древнерусской фигурной резьбе, об ее историко-культурных истоках и связях см. интереснейшую статью В. Н. Лазарева «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси» («История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 396—441, с илл.).

[3] См. А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. XII; Н. Н. Соболев. Русский орнамент, табл. 75—80.

странной обделкой»: изображения львов, драконов, орлов, слонов, единорогов, отчетливо сделанных и богато украшенных золотом, серебром, яркой живописью [1]. Через полвека, в 1636 г., балахнинскими плотниками было построено трехмачтовое судно для голштинского посольства, направлявшегося в Иран [2]. Еще через 30 с лишним лет в с. Деднове на Оке было построено несколько судов по заказу царя Алексея Михайловича; самое крупное из них в 1669 г. было отправлено вниз по Волге к Астрахани. В 1695 г. в Балахне строились струги для азовского похода Петра I, на которых армия Петра плыла вниз до Царицына. Почти во всех перечисленных случаях суда эти были украшены резьбой. Итак, по всей вероятности, лишь с XVII в. следует вести появление на волжских судах этого типа резьбы.

После основания Петербурга Петр I перевел туда многих московских резчиков, изготовлявших главным образом украшения для кораблей: это были крупные позолоченные резные фигуры и эмблемы в окружении растительного орнамента [3]. Резчики из Оружейной палаты работали и на архангельских и воронежских верфях [4]. В 1711 г. мастерские резьбы при Оружейной палате были окончательно расформированы и оставшиеся там резчики разбрелись по провинциальным городам, где теми или иными путями стремились найти применение своему мастерству (так, известна основанная в это время мастерская в г. Торопце, выделывавшая мебель для церквей). С сокращением после смерти Петра I масштабов кораблестроения, особенно во время бироновщины (1730—1740 гг.), корабельные резчики, оставшись без работы, естественно, рассеялись по волжским центрам судостроения, которые с этого времени, несомненно, могли широко применять резьбу.

Из волжских судов XVIII в., обильно изукрашенных резьбой, уцелела до нашего времени построенная в 1760-х годах галера «Тверь», на которой Екатерина II плавала в 1767 г. по Волге (галера хранится в Казанском гос. музее). Возможно, что уже в это время глухой резьбой украшали избы, телеги, дуги, предметы домашнего обихода. Широкое применение судовой рези для украшения судов продолжалось до середины XIX в., когда парусные суда начали сменяться пароходами, на которых уже не было места для старинной резьбы (в 1846 г. на Волге плавала тысяча расшив, в 1866 г. число их сократилось до 50, а вскоре самая память о них исчезла у населения). С сокращением применения резьбы в судостроении возрастает ее удельный вес в домостроительстве: домовая резьба буйно расцветает в середине XIX в. и держится так около четверти столетия.

Благодаря тому, что на многих домах встречается дата постройки, вве-

---

[1] «Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея». СПб., 1909, стр. 44. Следует напомнить, что обильное украшение судов рельефным резным орнаментом и фигурами широко было распространено во флотах того времени.

[2] Зарисовку его см. А. Олеарий. Указ. соч. между стр. 356—357 (рис.).

[3] Эти же корабельные резчики резали иконостасы в древнейших церквах Ленинграда: в соборе Петропавловской крепости, в Сампсониевской церкви (построена в память Полтавской битвы), в Пантелеймонской церкви (в память битвы при Гангуте) и в соборе Николы Морского.

[4] Из петровских судов конца XVII в. до наших дней дошли «Агличкий бот» (хранится в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде) и ботик «Фортуна» (находится в филиале музея в г. Переславле-Залесском Ярославской обл., на берегу Плещеева озера). Резьбой украшены как эти ботики, так и некоторые модели русских кораблей XVIII в., имеющиеся в Центральном Военно-Морском музее (модели судов «Принц Александр» 1716 г.,«Андрей Первозванный» 1756 г.). Изображение детали резьбы на петровских галерах (из того же музея) см. Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву, рис. 261.

денная как орнаментальное украшение в концовые части орнамента лобовой доски, исследователи пытаются определить начало распространения данного типа украшений крестьянских изб. На основании этой датировки М. П. Званцев предполагает, что подобная резьба появилась в деревне в 1820—1830-х годах, а Н. Н. Соболев указывает как наиболее раннюю дату 1815 год. Но такой метод, основанный на случайно дошедших образцах резьбы, может привести к неточным выводам, хотя несомненно, что наибольшее применение корабельной рези к украшению изб относится лишь к середине XIX в. и до некоторой степени связано с развитием пароходства [1].

Таким образом, появившись в деревне в первой половине XVIII в., распространяясь все шире и достигнув пышного развития в течение XIX в., дорогая и трудоемкая глухая резьба к концу этого века стала выходить из моды. Прежде всего, в конце 1880-х годов перестали украшать строения в северо-западных районах территории бытования этой резьбы, в 1890-х годах ее постепенно перестали выполнять в Среднем Поволжье. Дольше всего она удержалась на юго-востоке области своего наибольшего распространения, где ее еще применяли в первом десятилетии XX в., почти до начала первой мировой войны. Здесь с конца 1880-х годов был пройден весь тот же путь постепенного вытеснения глухой резьбы сквозной пропиловкой, развивавшейся на месте из старых традиционных форм [2] (рис. 100).

Глухая резьба в Сибири и на Европейском Севере

Глухая рельефная резьба на жилищах была занесена и в Западную Сибирь (главным образом в Омскую обл.), но здесь она не может идти ни в какое сравнение с пышной и разнообразной поволжской резьбой. Сибирская резьба — это бедный по мотивам и разработке растительный орнамент, приближающийся к плоско-рельефной резьбе, известной в некоторых районах Вологодской обл. на бытовых предметах, главным образом на ларцах и ящичках. Сибирской особенностью является непропорционально большой размер подоконной доски или испода наличника, покрытого несложными растительными узорами (рис. 101). Рельефная резьба встречается и на воротах жилищ Западной Сибири, где ею покрывают вереи и верхнюю перекладину ворот (рис. 102).

Совершенно особый вид барельефной глухой резьбы развился в старину на Севере — в старообрядческих селениях б. Архангельской губ. и Прионежья. Это резьба на небольших деревянных (20—21 см высотой) крестах, врезанных над входами в жилище. На крестах изображалось распятие и имелась краткая надпись религиозного содержания.

К этой же группе резьбы, совершенно уже исчезнувшей к началу XX в., относятся и северные старообрядческие резные доски с изображением распятия или стилизованных многоглавых церквей в центре и с различными христианскими молитвенными формулами вокруг

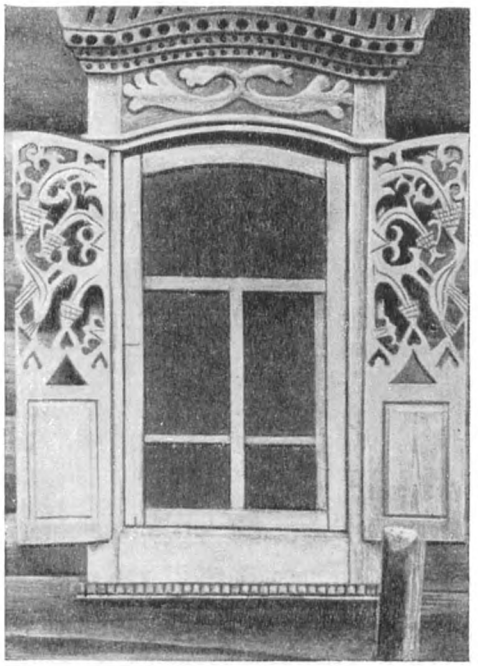
---

[1] См. Н. Ф. Калинин. Указ. соч., стр. 102—103.

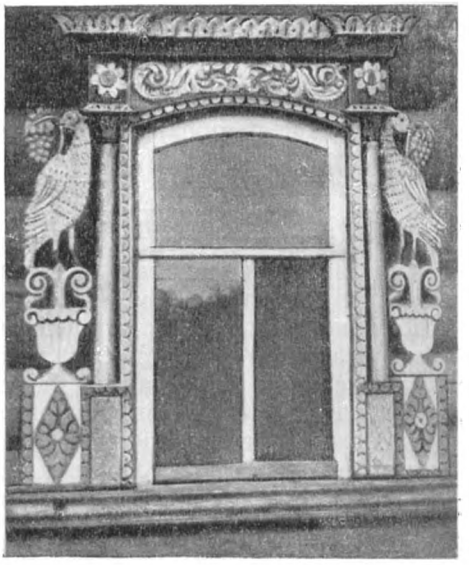
[2] Наиболее полно поволжская рельефная резьба освещена в работах: М. П. Званцев. Домовая резьба. [Б. м.], 1935; И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, рис. 6—9, 33—34, 41—44, 51—83; его же. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, рис. 32—58, 65—73, 78—89; И. М. Бибикова, Н. А. Ковальчук. Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья. М., 1954; Н. А. Ковальчук. Деревянное зодчество. Горьковская область. М., 1955.

1

2



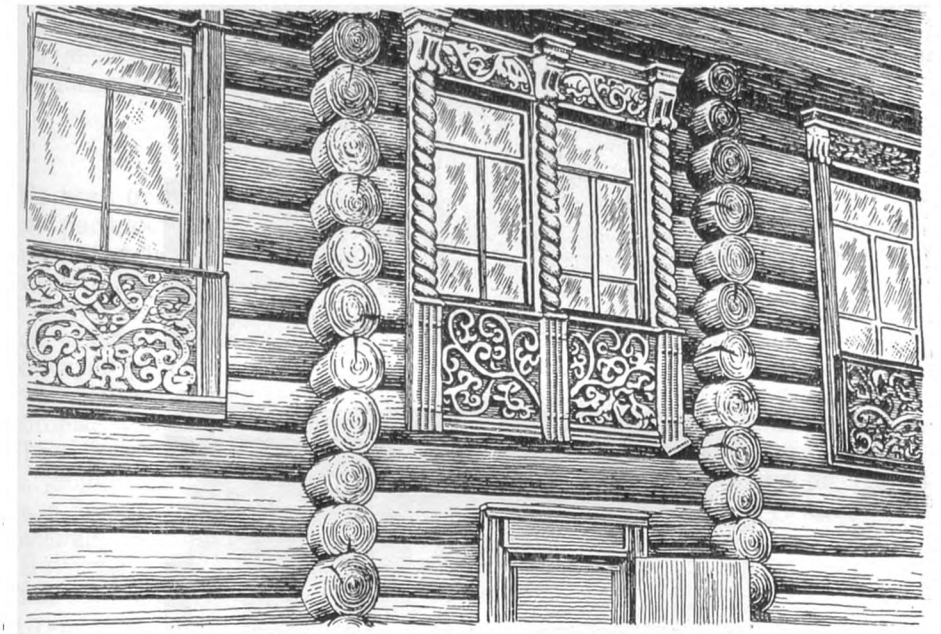
3



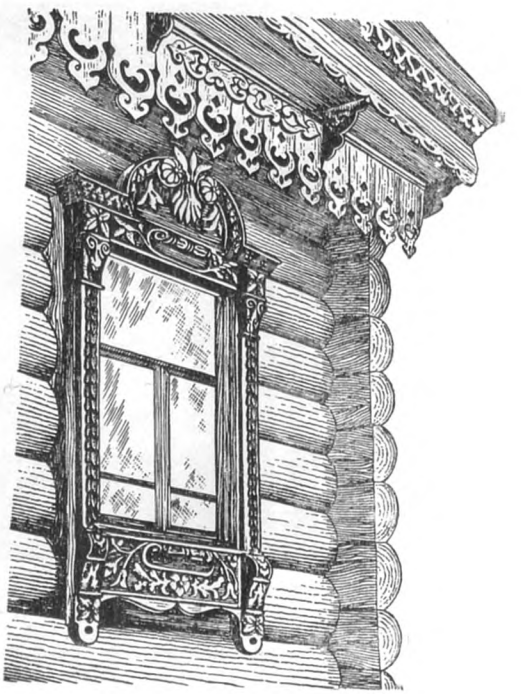
4

Рис. 100. Появление пропиловки в глухой резьбе Среднего Поволжья

1 — наличник со ставнями с глухой резьбой (дер. Львово Воротынского района Горьковской обл.); *2* — наличник со ставнями, прорезанными сквозной резьбой, но сохраняющими свои очертания (с. Чернуха Горьковской обл. Постройка 1890-х годов); *3* — наличник, верхняя часть ставней которого превратилась в типичную пропиловочную, но массивную резьбу; ставни еще сохраняют свое назначение (там же, постройка 1890-х годов); *4* — наличник, ставни которого превратились в легкие выпильные украшения (дер. Верхние Работки Работкинского района Горьковской обл. Постройка 1880-х годов)



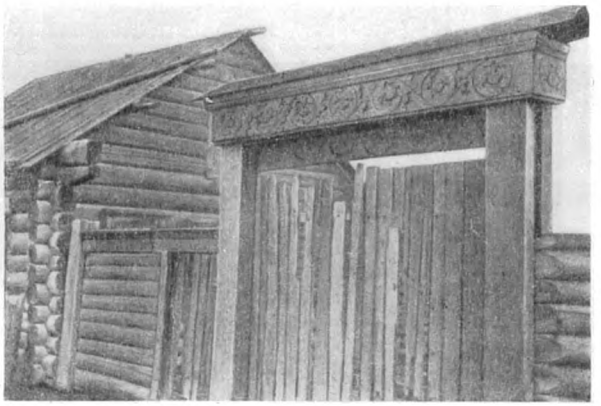
1



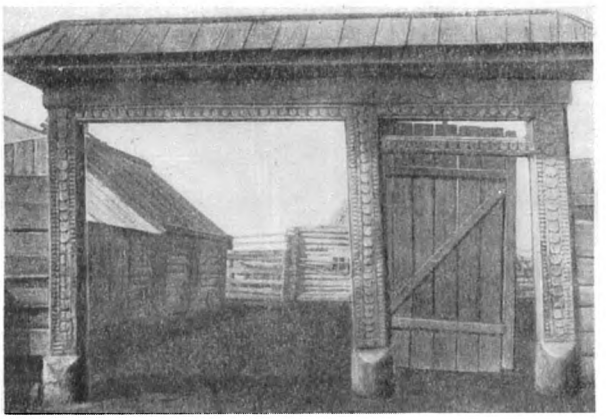
2

Рис. 101. Резьба на жилищах русских сибиряков

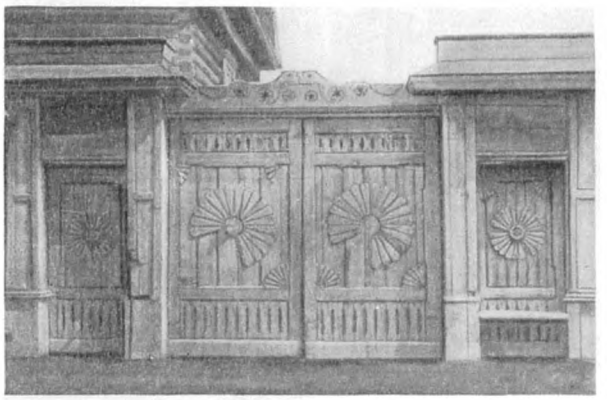
1 — дер. Южаково Омской обл.;
2 — дер. Бараново Иркутской обл.



1



2



3

Рис. 102. Резьба на воротах сибирских жилищ (Енисейская губ.)

1 — ворота без калитки, с рельефной резьбой на верхней перекладине (с. Большой Улуй); *2* — ворота с одной калиткой, с резьбой на перекладинах и вереях (с. Назаровское); *3* — ворота с двумя калитками, с геометрической резьбой на перекладине и накладными розетками на полотнищах ворот и калиток (г. Ачинск)

центрального изображения [1]. Этот тип резьбы получил особенное развитие на намогильных крестах в тех же старообрядческих селениях.

Геометрическая резьба

Из всех рассмотренных видов художественной обработки дерева наиболее распространена плоская геометрическая резьба, представляющая комбинацию неглубоких вырезов, зарубок, надрезов. Это, без сомнения, древнейший вид резьбы, характерный в прошлом для всех восточных славян. В нем выделяются два основных приема: первый — трехгранно-выемчатая резьба по плоской поверхности дерева (см. рис. 90, 91), второй — городчатая резьба преимущественно по краю тесин и досок (см. рис. 88, 89). До нас не дошли очень древние образцы резьбы такого типа, однако некоторые узоры, сохранившиеся на стенах каменных зданий XII и XIII вв., и, несомненно, ведущие начало от деревянного зодчества (например, узорчатые пояски на главах храмов в Новгороде, Владимире, Переяславле-Залесском и других старинных русских городах), могут дать представление об этой древней резьбе по дереву [2].

В постройках конца XIX — начала XX в., помимо рассмотренных выше частей жилища, геометрическая резьба широко применялась на Украине для украшения сволока [3] — матицы потолка (рис. 103). Среди розеток и зубцов на сволоке вырезано иногда изображение распятия, год постройки, имя и фамилия хозяина дома, иногда с благожелательной надписью. В качестве примера можно привести такие надписи на сволоках: «Збодував дом сей рб Іоані АгафѢ Іванило с чадома своїми намногі літа днѢ 15 червнѢ рокѵ 1910»; «збудовал дом сей рб joанй анна дмитрев враз зъ сином своем григорієм и пелагінов дмитрів днѢ 19 маѢ року Божого на многааѢ літа 1903» [4]; «Благослови, господи, дом сей и всех живущих в нем от всякого зла сохрани 1878» [5]. О дубовых резных сволоках с надписью такого рода в сельских домах на Киевщине упоминают Т. Г. Шевченко [6] и П. А. Кулиш [7].

Сволоки с датированными религиозными надписями и резьбой были особенно характерны для хат и куреней запорожского казачества. После разгрома Сечи в 1775 г. некоторые дома были перевезены в Никополь и

---

[1] «При каждом доме, над дворовыми воротами приколочена икона или крест — символ распятия». «В воскресные и праздничные дни кадят утром иконы над воротами дома и в комнатах» (А. Шешенин. Историко-этнографические очерки Сумского посада в Кемском уезде. «Архангельские губернские ведомости», 1866, № 42 и 50). В личном архиве автора хранится снимок, зафиксировавший такой навратный крест in situ в Сумском посаде в 1910-х годах. Фото с северных резных крестов и досок см. А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. V, табл. 69; вып. X, табл. 144; вып. XI, табл. 157, 159.

[2] См. Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву, рис. 13.

[3] Украшение резьбой сволока, одной из важнейших частей хаты, идет из глубокой старины. Так, известно, что в доме Богдана Хмельницкого были резные сволоки (XVII в.).

[4] Селение Черче Станиславской обл. УССР (из записей автора в 1947 г.).

[5] Слобода Котельва на Харьковщине (Н. Ф. Сумцов. Очерки народного быта. Из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду Харьковской губ. «Сборник Харьковского историко-филологического общества», 1902, т. 13, ч. II, стр. 15).

[6] Т. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали. В кн. «Повести». Киев, 1952, стр. 459.

[7] П. А. Кулиш так описывает хату под Киевом в XVII г.: «Світлиця въ Череваня була така жъ, якъ и теперъ бувае въ якого заможного козака... Сволокъ гарний, дубовий, штучно покарбований; и слова зъ святого письма вирізані; вирізано и хто світлицю збудовавъ, и якого року» (П. Кулiш. Чорна Рада, хронiка 1663 року. СПб., 1857, стр. 37—38).

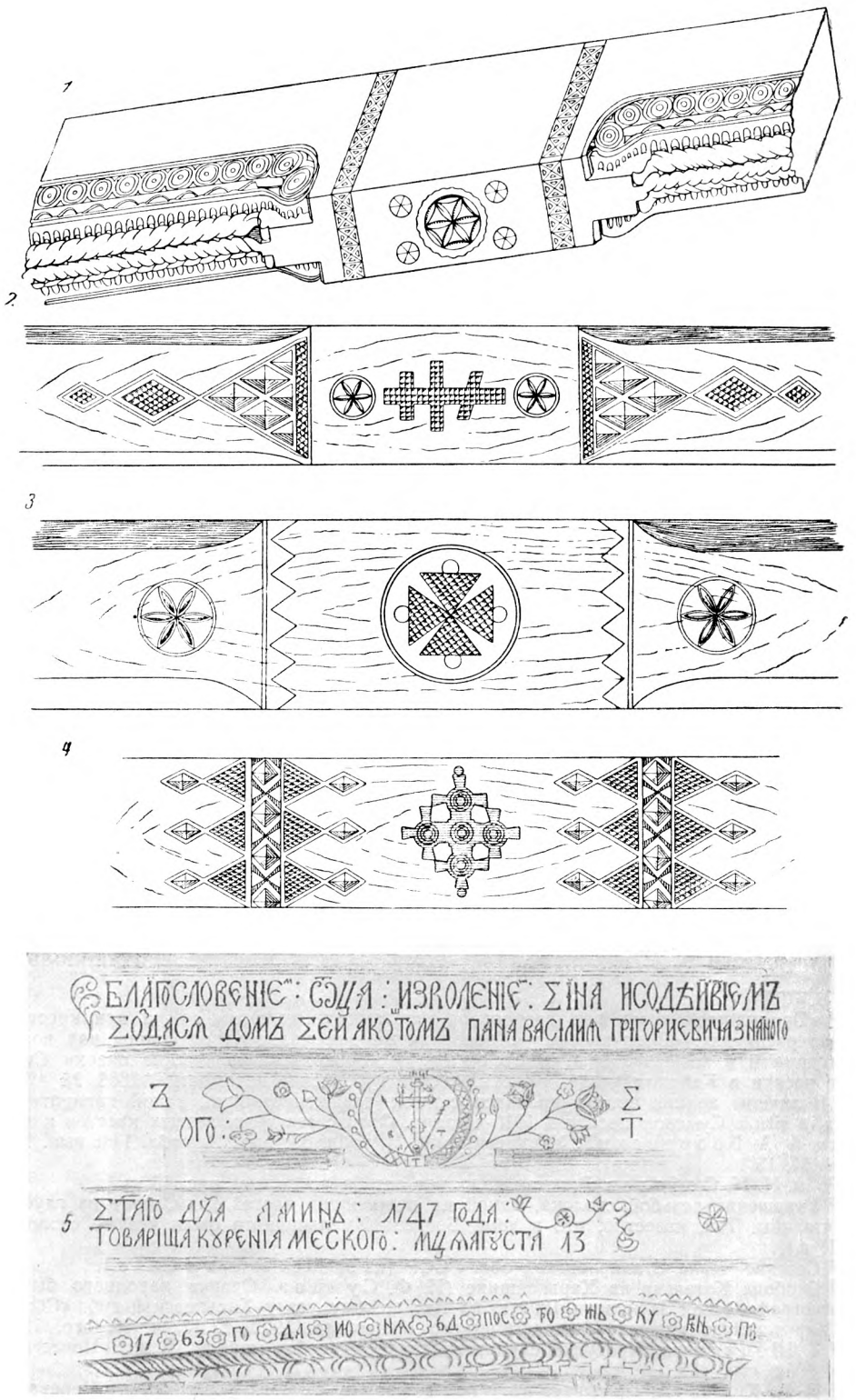


Рис. 103. Резьба на сволоках украинских хат

1 — центральная Украина; *2—4* — Гуцульщина; *5* — «Сволок и лужки запорожского куреня» (зарисовка И. Е. Репина. Резьба 1747 и 1763 гг.)

окрестные села, где эти сволоки существовали еще в XIX в. Вырезанные на них надписи зафиксированы исследователями в 1840-х и 1880-х годах[1], а один сволок был даже зарисован И. Е. Репиным (см. рис. 103, *3*). Несколько казацких сволоков попало в Областной музей в Днепропетровске[2].

Наиболее старая из зафиксированных надписей датирована 24 мая 1710 г.[3]

Разнообразная городковая резьба оживляет нижний край лобовой доски, прибиваемой в украинских жилищах под свесом соломенной кровли по концам стропильных ног[4]; легкая городковая резьба опоясывает печной столб в избах Воронежской обл. Большой тонкости и изящества достигает прославленная плоская гуцульская резьба, особенно на внутренней обстановке жилища — столах, скрынях, намисниках, деревянных образах, всякой мелкой деревянной утвари (см., например, скрыни на рис. 118).

Геометрическую резьбу можно видеть повсюду в великорусских районах — на старинных воротах, на сохранившейся кое-где самодельной деревянной мебели, на многих старинных предметах обихода: прялках, солонках, вальках, рубелях, трепалах для льна, ящичках, ларцах. Этот вид резьбы, один из очень древних приемов украшения деревянных предметов, распространен был в прошлом среди многих народов, живших в условиях изобилия древесного материала для своих поделок. Однако нигде резьба не достигала такого изящества и красоты, такого разнообразия и мастерства в использовании простейших приемов орнаментации деревянной поверхности, как в средней и северной полосах европейской части России.

Геометрическая резьба русского севера довольно резко отличается от резьбы центральных областей, а последняя — от новгородско-псковской резьбы. Великорусское крестьянское население этих областей в течение XVIII—XIX вв. дало непревзойденные образцы художественной обработки дерева и в строительстве и в быту, уже исчезающие из жизни, но составляющие гордость музейных собраний страны. Изумительными памятниками русского народного творчества являются и многие уцелевшие старые избы северной и средней полос России, богато украшенные чудесными узорами старинной резьбы.

РОСПИСЬ

Роспись крестьянского жилища снаружи и внутри встречается у всех групп восточнославянского населения. У великорусов и в меньшей степени у белорусов — это яркая цветистая живопись масляными красками по дереву; у украинцев — разнообразная (и мягкими тонами и яркими расцветками) роспись по глине, подцвеченной или побеленной.

---

[1] А. Скальковский. История Новой-Сечи, или последнего Коша Запорожского, ч. III. Одесса, 1886, стр. 251—254 — описание старых запорожских домов и тексты с трех сволоков; Д. И. Эварницкий. Запорожье в остатках старины и преданиях народа, ч. II. СПб., 1888, стр. 44—45 и 189—190 (даны тексты с шести сволоков и рисунок И. Е. Репина, снимок с которого приведен на рис. 103 настоящей работы); Н. Ф. Сумцов. Слобожане. Харьков, 1918, стр. 118 (текст сволока 1776 г. на хуторе проф. Сумцова; сволок перенесен был из старого дома).

[2] Каталог Екатеринославского областного музея им. Поля. Екатеринослав, 1905, стр. 79.

[3] Д. И. Эварницкий. Запорожье в остатках старины и преданиях народа стр. 189.

[4] П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 95.

Роспись украинского жилища

Настенная роспись особенно характерна для Украины, где она распространена почти повсюду, за исключением северных районов Волынского полесья, Черниговщины и Харьковщины, где основной формой жилья является сруб из бревен или деревянных плах. Роспись жилища для всего огромного района, простирающегося от Карпатских гор до р. Дона, глубоко традиционна и может быть прослежена далеко вглубь времен. Немало исторических, литературных и фольклорных источников свидетельствует о распространении настенной росписи на Украине, от Львова до Слободской Украины, в XIX, XVIII и даже в XVII, XVI вв. [1] Роспись применялась во дворцах крупных вельмож и в небольших помещичьих домах, в общественных зданиях и в средних казацких жилищах.

Имеются и более древние свидетельства о применении настенной росписи: к X в. относятся известные фрески в башнях Софийского собора в Киеве, составлявших когда-то часть княжеского дворца; в XII в. было составлено поучительное «Слово о богатом и убогом», обращающееся к богатому с такими словами: «Ты живешь в дому, исписав повалуши, а убогий не имеет, где главы подклонити» [2].

Старая привычка к традиционной росписи жилищ у украинского дворянства соблюдалась еще в XIX в.; известно, например, что художник В. А. Тропинин расписывал комнаты в помещичьей усадьбе на Подольщине, что заказ на роспись «в украинском духе» получил в свое время от одного местного магната Т. Г. Шевченко [3] и что Н. В. Гоголь, согласно местным обычаям, собственноручно расписал потолки и стены своего дома в Яновщине, использовав характерные узоры украинской настенной росписи. О росписи украинских хат не раз говорит Н. В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», ее вспоминает и художник И. Е. Репин в своих мемуарах [4].

В украинских народных песнях часто указываются конкретные объекты, которые расписываются, например:

В Станиславі на ратуші
Мальовані квіти.

В Заміщику на риночку
Мальований ганок.

По новых сінях, по будованих,
Та й по світлонці, по мальованій.

Коли його нові воротечка позатворені.
И мальовані віконечка повідчинені.

---

[1] Большой исторический материал о старинных настенных росписях на Украине см. К. Шероцкий. Очерки по истории декоративного искусства Украины, т. I. Художественное убранство дома в прошлом и настоящем. Киев, 1914. В то время, когда писалась эта книга, на Украине сохранялось еще значительное количество образцов росписи XVII—XIX вв., многие из которых затем безвозвратно погибли во время походов Антанты и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Небольшой материал по старинным росписям см. М. В. Бабенчиков. Народное декоративное искусство Украины и его мастера. [Б. м.], 1945.

[2] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стр. 993 (из «Сборника поучений XII в.», хранящегося в библиотеке Загорского гос. историко-художественного заповедника — б. Троице-Сергиевой лавры).

[3] Роспись эта выполнена не была, но эскизы Т. Г. Шевченко для нее сохранились.

[4] И. Е. Репин. Далекое близкое. М.— Л., 1944, стр. 74.

Приходь, брате, з діточками,
В мене хата з квіточками [1].

Известно также, что настенная роспись распространена и за пределами Украины, в смежных с нею областях: так, к востоку она встречается в Воронежской обл., где живет и русское и украинское население, к северо-западу — у словаков и поляков и к юго-западу обычна в Молдавии и имеется у болгар и сербов [2].

Украинская роспись, повидимому, гораздо древнее, чем это можно установить на основании исторических и фольклорных материалов. Археологические данные говорят о том, что на территории современной Украины роспись жилища применялась еще в III—II тысячелетиях до н. э. Из глиняных моделей трипольских жилищ, найденных в Киевской обл., две орнаментированы. На одной из них геометрический фриз идет внутри вокруг всего жилища, у другой орнамент обрамляет окно (или вход?); в раскопках находили и обломки настоящих печей, расписанные разноцветными глинами [3]. Если сопоставить с этим столь обильную в трипольских поселениях расписную керамику, нередко многоцветную, а также находимые там же разрисованные статуэтки, то станет ясно, что мы имеем право говорить о распространении уже в то время на этой территории навыков росписи и, далее, о существовании культуры росписи глиняного жилища. Конечно, исторически известные росписи и древние орнаменты, обнаруженные при раскопках, представляют совершенно разные явления, однако поставить вопрос о древности рассматриваемой традиции на определенной территории вполне уместно.

Современная украинская роспись имеет исключительно декоративное значение, но очень вероятно, что в глубокую старину роспись жилища была тесно связана с религиозными верованиями и представлениями народа. Самый факт, что украинки стирали свои рисунки со стен и писали их заново к большим праздникам (что происходило два-четыре раза в год, например к рождеству, пасхе, троице и покрову или к рождеству, пасхе и престольному празднику), особенно тщательно расписывая хату осенью, дает некоторые основания предполагать обрядовое значение этих росписей в прошлом. Очень возможно, что столетия назад каждое изображение имело свой магический или обрядовый смысл, а вся роспись в целом имела охранное значение. Символика эта, быть может, восходящая корнями своими вглубь тысячелетий, давно уже утрачена, и никто в современном украинском селе не связывает с обрядами и поверьями ни самого наличия росписей в хате, ни отдельных их элементов; нет сознания в их обязательной необходимости, нет и определенных требований к сюжету [4]. Встречаются лишь единичные указания, что если на стене внутри хаты против входа была нарисована ветка с цветком вроде розы, то это служило признаком присутствия в хате «дівчини ни виданні» [5] (невесты); то же значение в некоторых местностях имела обводка окон снаружи желтыми, синими или красными полосами [6].

---

[1] М. В. Бабенчиков. Указ. соч., стр. 9, 12.

[2] Роспись жилища внутри известна также в Эстонии, где можно было встретить расписной геометрический фриз светлым по темному фону наверху вдоль стен жилой риги (типичной для эстонцев в прошлом).

[3] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III — II тысячелетия до н. э.). МИА, № 10. М.— Л., 1949, рис. 50—4, 54, 55.

[4] А. Зарембский. Народное искусство подольских украинцев. Л., 1928, стр. 19.

[5] АГО, ф. XIII, Екатеринославская губ., рукопись 2, 1852 г.

[6] Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем». т II. Пг., 1916, стр. 528.

Из-за обычая несколько раз в году белить стены и обновлять роспись, образцов старой крестьянской настенной росписи не сохранилось, но и по дошедшим сведениям можно установить, что прежде, как и теперь, каждая отдельная область, район и даже село нередко имели свою характерную манеру.

Дореволюционные исследователи не обращали внимания на эту отрасль украинского искусства, обычно лишь вскользь упоминая о ней. Лишь в одной работе, посвященной в основном жилищу высших и средних классов Украины, росписи крестьянских хат уделено страниц семнадцать текста, снабженных образцами росписи из Правобережья [1]. Только после Октябрьской революции искусствоведы и этнографы стали изучать этот распространенный и своеобразный вид народного искусства, собирать его образцы, в результате чего появилось несколько собраний (в кальках и рисунках-оригиналах) в музеях Украины и Ленинграда и вышел ряд небольших статей. Исследования 1920—1930-х годов охватили главным образом Подолию, Днепропетровскую, Киевскую, Херсонскую и Николаевскую области, в меньшей степени — Полтавскую, Одесскую и Харьковскую. За последние годы по украинской росписи, насколько известно автору настоящей работы, опубликованы две небольшие статьи [2].

В отдельных районах это своеобразное искусство исчезает, так, например, в Харьковской обл., по воспоминаниям женщин, в 1914 г. почти каждая хата «была поквітчана», а уже в 1926 г. попадались села, в каждом из которых с трудом можно было разыскать не более четырех скудно расписанных хат.

Простейший вид наружной росписи украинской хаты — раскраска стен. Она не имеет большого распространения в северных лесистых районах Украины — на Волыни, в северной части Киевщины, на Черниговщине, но является старой традицией в южных районах лесостепной полосы: в Полтавщине, на юге Киевщины, в Подолии. Чаще всего обмазанные глиной стены побелены мелом, лишь призьба (завалинка) из практических соображений обмазана глиной темных цветов — коричневой, красноватой, желтой. Холодные тона (белая, голубая, синяя, голубовато-зеленая краски) употребляются для окрашивания фасадных стен, выходящих обычно на юг, а теплые тона (коричневая, желтая и оранжевая глины) — для тыловых стен хаты, выходящих на север, и для стен хозяйственных помещений. Иногда отдельные села и даже целые группы сел имеют свой, присущий только им цвет всего дома: в значительной части Винницкой обл. хаты окрашены в голубые и синеватые тона, в некоторых районах Хмельницкой обл.— в яркоголубые и синие с белым тона, в отдельных районах Киевщины стены хозяйственных помещений — в яркий кирпично-красный цвет (из пережженной желтой глины) и т. д.

Различная традиционная раскраска стен несет в себе рациональное зерно и обязана существованием многовековому народному опыту, основывающемуся на разнице в количестве тепла, поглощаемого и отражаемого различно окрашенными поверхностями. Советскими архитекторами производились испытания по определению нагрева поверхностей стен жилища в жаркое время года в зависимости от их цвета; установлено, что стены, интенсивно окрашенные в красный и зеленые цвета, под действием

---

[1] К. Шероцкий. Указ. соч., стр. 125—141 и рис. 43—45, 47—84.

[2] А. С. Бежкович. Настенная роспись украинской хаты. СЭ, № 2, 1954, стр. 121—128; І. О. Добрянська. Хатні розписи українців Західних Карпат. «Матеріали з етнографії та художнього промислу», вип. 1. Київ, 1954, стр. 46—55.

солнечной радиации нагреваются значительно сильнее стен, окрашенных в белый и вообще в светлые тона [1].

Иногда тыльная стена хаты окрашивается цветной глиной не целиком: наверху наподобие фриза оставляют белую полосу с уступами у угла или со светлой полосой по углу и возле окон. Совершенно необычное впечатление производят хаты, если для орнаментально-декоративной тоновой раскраски применяется черный цвет [2]. Несложного типа роспись представляет также «підведення», т. е. обводка цветной глиной оконных и дверных проемов, различных уступов, например призьбы, и выделение таким приемом различных архитектурных деталей. Обводка распространена по всей Украине. Можно сказать, что без нее не обходится ни одна хата, даже там, где совсем нет росписи или ее очень мало; применяется она и внутри хаты, например для выделения печи, грубы и т. п. Несложным видом украшения является брызгание при помощи кисти (или щетки) одной краской по фону другого цвета, штампование пальцем или тампоном из тряпки для получения округлых пятен расплывчатой формы, катание по стене обмокнутого в краску пучка связанного камыша, пучка колосьев или облущенного кукурузного початка.

Собственно роспись помещают на любом месте наружной стены. Она располагается под крышей в виде фриза, иногда спускается по углам хаты к призьбе, иногда идет в виде пояса вокруг хаты над призьбой. Окна и двери обрамляются гирляндами, а простенки между окон расписывают венками, букетами, кустами или ветками.

Обычно гораздо больше места, времени и внимания отдается росписи внутри хаты, чем снаружи. Центральное и любимое место для росписи до сих пор — варистая печь, особенно верхняя ее часть — комин; тщательно расписываются напільня, или полова, стена над местом для спанья (называемым «піл»); орнаментально обрамляются окна и двери; несколько реже делают полосы росписи в виде фриза под потолком и панели на нижней части стен, по свободной плоскости стен, еще реже — роспись на потолке в виде венка или букета около переднего угла и реже всего — несложную роспись по глиняному полу в виде пересекающихся линий. Расписывают, кроме того, сволоки, а также широкую стену сеней. Соотношение наружной и внутренней росписи хат может варьировать: в одних селах хаты расписаны и внутри и снаружи, в других — только снаружи, в третьих — совершенно нет наружной росписи, но внутри хата сплошь расписана. Расписывали иногда и хозяйственные постройки — клуни (стодоли), хлевы, конюшни, погреба, сараи, курники, ульи, но роспись эта обычно проще и беднее, чем на жилых строениях.

Росписью построек занимаются почти исключительно девушки и молодые женщины; каждая расписывает у себя, но особенно способные расписывают по дружбе хаты и у подруг или соседок. Изредка занимается этим и мужская молодежь не старше 18—20 лет. Традиционные краски — это разноцветные глины, охра, мел, сажа, синька, «соковые фарби», т. е. соки, настои и отвары из трав и ягод. Наиболее распространены растительные краски: синяя (приготовляется из лепестков «пролiскив», т. е. голубой пролески, или подснежника — Scilla bifolia), желтая (из сухой луковой шелухи), зеленая (из цветов «повной, або шолудывой рожи», т. е. махровой мальвы) и «жòвтогоря́ча», т. е. оранжевая (из

[1] С. М. Шафранский. Значение климатических факторов в архитектурном проектировании поселкового жилища южных районов Украинской ССР. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков, 1953, стр. 6.

[2] Образцы тоновой расколеровки хат см. М. В. Холостенко. Форма, колір і живописна декорація. «Архітектура Радянської України», 1938, № 6, стр. 26.

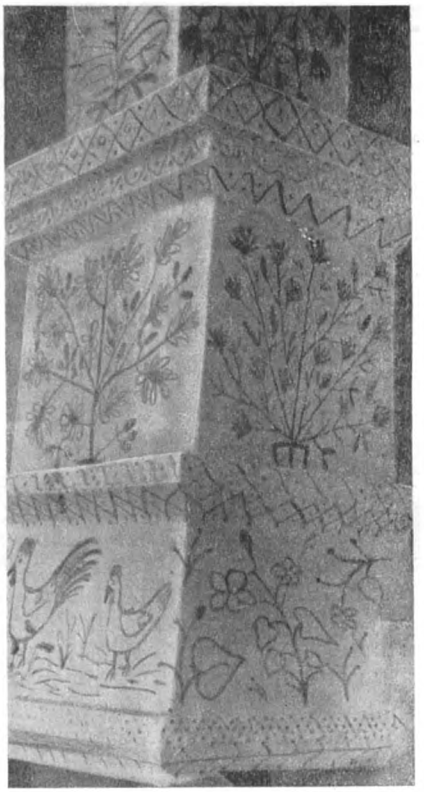
коры молодых яблоневых побегов). Для красных обводок употребляется жженая охра (или мумия), под названием «глинка», которую продавали готовой на базарах. В XX в. широко распространились покупные преимущественно анилиновые краски, во многих местах почти полностью вытеснившие прежние домашние краски. Основные тона традиционной росписи красно-коричневый, желтый, белый, черный и синий, иногда к ним добавлялся яркокрасный (киноварь). Зеленый цвет не очень любили из-за нестойкости, так как и соковая и анилиновая зеленая краска сильно выгорает на солнце; ею пользовались лишь для нанесения отдельных элементов росписи. Разводят краски на очень жидком мучном клейстере или на воде с молоком. Для нанесения рисунка служит перышко, цветок или самодельная кисточка, связанная из шерсти, срезанной с кошачьего хвоста; часто пишут пальцем. В качестве штампа пользуются разрезанной пополам картофелиной или свеклой, на срезе которой вырезают ножом несложные, но разнообразные звездочки, розетки и елочки. Рисуют не обязательно на белом фоне; иногда, чтобы стены не так быстро пачкались, подцвечивают стену цветными глинами, сажей (в светлосерый цвет), синькой (в голубой), зеленой (в зеленоватый) и выписывают рисунок на таком цветном фоне.

Любимые мотивы росписи берутся из мира растений. Это ветки с цветами и листьями и отдельные цветки, венки, букеты, гирлянды, особенно часто растение-букет, выходящее из горшка («вазон»). Часто эти растения вообще трактовались очень условно, но распространены и реалистические изображения, например, цветы мака, тюльпана, колокольчика, мальвы, огуречной травы («огирки»), гирлянды из листьев дуба, клена, хмеля, винограда. Встречаются, хотя гораздо реже, изображения птиц и животных, включаемые в основную композицию растительного порядка. Птицы изображаются и в традиционной манере, характерной для всех восточных славян,— попарно, обращенные друг к другу («павы»), и порознь, свободно, среди листьев и цветов. Изредка встречаются фигуры коней. Нередко и растения и животные стилизованы настолько, что, по выражению Н. В. Гоголя, «птицы похожи на цветы, и цветы похожи на птиц»[1] (рис. 104).

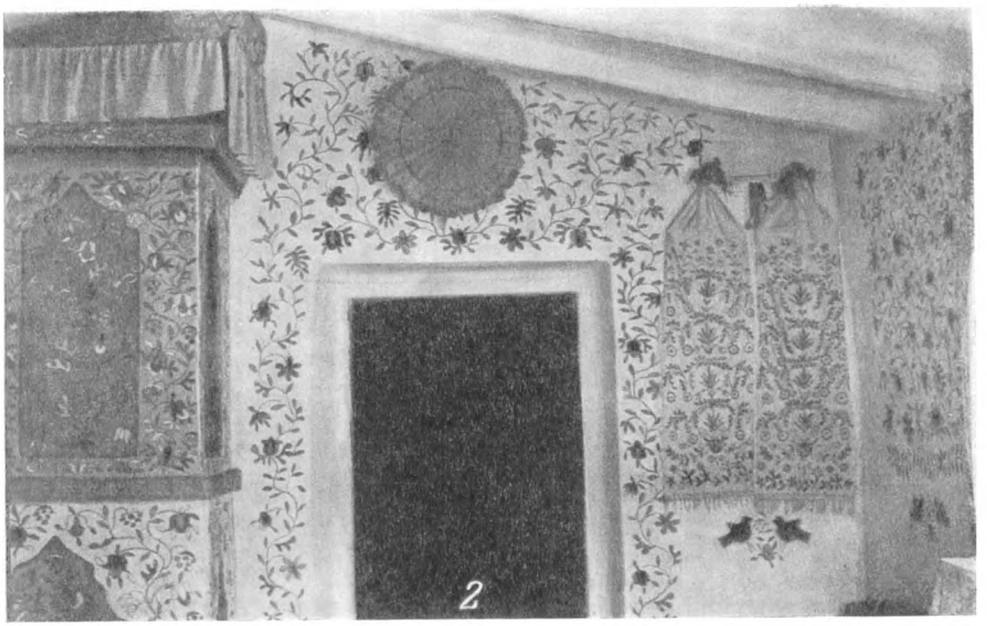
В украинской настенной живописи сохранились и древнейшие примитивные узоры, которые носят подсобный характер, служат для образования и отграничения одного сюжета растительного характера от другого. Это — зигзагообразные линии, точечный орнамент («горо́шок»), ряды углов, наложенных один на другой («косиці»), узор в виде веточек хвои («со́сонки»), изгибающиеся волнистые линии («криву́льки»). В отдельных случаях можно проследить, как преобразование примитивного геометрического орнамента приводит к полугеометрическим, полурастительным формам, постепенно принимающим реалистический характер. Так, кривулька, в соединении с листьями, дает изображение побега вьющегося растения — получается новый рисунок, например «хме́лик», или «повити́ця» (вьюнок), а сосонка, у которой хвойные иглы обводятся линией, превращается в «дубовый лист».

Бытовые сюжеты в современной украинской росписи не применяются, но в прежнее время они были широко распространены. В лестничных башнях киевского Софийского собора, сложная стенопись которых датируется XI в., изображены сцены из жизни княжеского двора: охота и травля зверей (медведя, волков, вепря, белки, диких лошадей; ловчие птицы и

[1] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 18 (в повести «Старосветские помещики»).



1



2

Рис. 104. Роспись в украинских хатах

1 — печь (Балтский уезд Подольской губ.); *2* — стена и печка — слева (с. Парутино Одесского уезда Херсонской губ.)

животные [1], охотничьи собаки), ряженые и скоморохи, акробаты и музыканты, играющие на различных инструментах, и т. д. [2] О росписи казацких хат и панских домов XV—XVII вв. известно, что постоянными сюжетами настенной живописи в них служили скачущие всадники, военные сцены, портреты, изображения разных аллегорических зверей и птиц, пейзажи. Так же украшались еще в середине XIX в. «мальовани» корчмы Правобережья, на стенах, ставнях и дверях которых для привлечения посетителей изображались сцены из военного и народного быта. У Н. В. Гоголя в повести «Ночь перед рождеством» мы читаем, что в новой хате кузнеца Вакулы на дверях везде были нарисованы казаки на лошадях с трубками в зубах [3]; в повести «Вий» — трехугольные стены двух погребов на дворе сотника также «размалеваны разными изображениями. На одной из них нарисован был сидящий на бочке козак, державший над головою кружку с надписью: Все выпью. На другом фляжки, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоявшая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: Вино козацкая потеха» [4]. Одним из любимейших изображений в украинской росписи, восходящим к XVI в., было изображение казака-запорожца, который сидит, скрестив ноги, и играет на бандуре; подле него пасется конь. Этот сюжет отражает черты жизни украинского народа в XVI—XVIII вв. «Козак Мамай», как называли это изображение на Украине, рисовался во множестве вариантов, его помещали даже на ульях и на внутренней стороне крышки сундуков. При других условиях, под тяжким гнетом крепостного права XVIII—XIX в., вместо казаков стали изображать гайдамаков, вожаков крестьянских восстаний, защитников народа от панщины. На рис. 105 представлен один из образцов этих изображений. Данное изображение является якобы портретом популярного народного героя Максима Зализняка — руководителя крупнейшего гайдамацкого восстания на Украине в 1760-х годах.

В украинской литературе первой половины XIX в. [5] есть описание малеванной корчмы близ Каменец-Подольска. На одной ее ставне нарисована была ветряная мельница, на другой — играющие музыканты, на третьей — коренастый усатый человек с ружьем — Кармалюк [6]. В XIX в. украинцы вместо лихого воина рисовали старика-кобзаря, слепца, как учителя правды в тяжелых условиях жизни. Так постепенно «Козак Мамай» был вытеснен слепцом — кобзарем или лирником, но он в свою очередь к концу XIX в. сошел со стен украинских жилищ. С этого периода известны только изображения из растительного мира [7].

---

[1] Изображена, например, охота с помощью прирученных пардусов (из семейства кошек). О них и об охоте с ними см. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 15, стр. 436—437; 44, стр. 790.

[2] А. Д. Радченко. Государственный архитектурно-исторический заповедник. Софийский музей. Изд. 3, Киев, 1954, стр. 49—53; см. также М. К. Каргер. Живопись. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, стр. 349—353; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I. М., 1953, стр. 117, 237, 247 и 249.

[3] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I. М.— Л., 1940, стр. 243.

[4] Там же, т. II, 1937, стр. 194.

[5] А. Свидницкий. Люборацкие (Семейная хроника). М., 1953, стр. 153.

[6] Устим Якимович Кармалюк — предводитель восстаний крепостных крестьян на Украине против помещиков в 1830-х годах. 10 октября 1955 г. на родине У. Я. Кармалюка (в Жмеринском районе Винницкой обл.) широко отмечалось 120 лет со дня его гибели. См. «Смена», 11 октября 1955.

[7] О бытовых сюжетах в украинском народном искусстве см. П. М. Жолтовський. Соціальні теми в народному мистецтві XVIII—XIX ст. «Матеріали з етнографії та художнього промислу», вип. 1. Київ, 1954, стр. 56—70; его же. Отражение социальной и национально-освободительной борьбы украинского народа в памятниках искусства XVI—XVIII веков. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1954.

Композиция современной росписи увязана со всей архитектурой хаты и построена соответственно частям ее.

На больших плоскостях сначала рисуют центральный узор — «букет», а потом уже более мелкие розетки — «рожи» или другие растительные элементы (рис. 106); при этом сначала наносят крупные цветы, а потом их соединяют стеблями и листьями; симметрия в рисунке большей частью

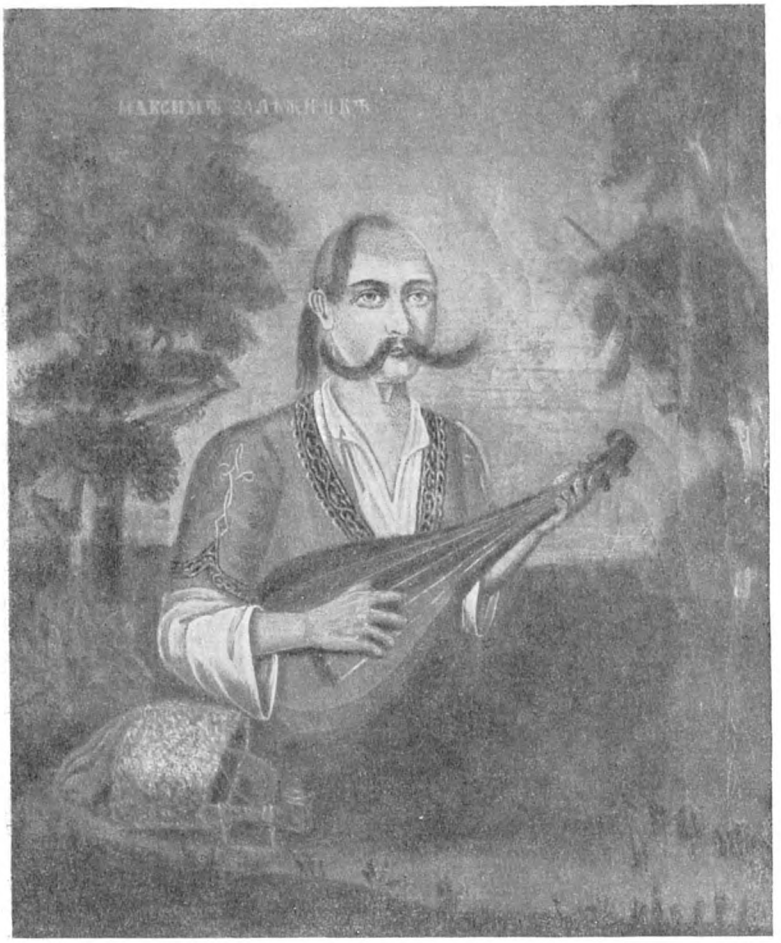


Рис. 105 Изображение, считающееся портретом Максима Зализняка. Писан масляными красками на холсте, размер 52×42 см. Подпись: «рисовал Флейшер, 1858 г. 29 июня в знак памяти» (г. Ново-Миргород Херсонской губ.)

отсутствует. Мастерица работает только одной краской одновременно; закончив, она переходит к другой, с тем, чтобы уже не возвращаться к первой. Поражает декоративное чутье и чувство красок у этих нигде не учившихся рисованию художниц. Единство манеры письма отсутствует: одни пишут тонкими линиями, почти миниатюрной техникой, другие — крупными мазками, характерными для монументальной живописи. Наряду с чисто плоскостными графическими изображениями декоративного характера отмечается и тенденция в крупных композициях давать объемные

изображения, в которых делается попытка передать светотени; для этого либо накладывают краску неравномерно, более густыми и более тонкими слоями, либо по основному тону кладут блики или мазки другого цвета. Многое зависит от индивидуального умения и вкуса художницы, многое подчиняется моде, господствующей в данной местности. Во всяком случае, характер всего рисунка и приемы его расположения, изогнутость линий, тип вазона, из которого выходит букет,— все это, наряду с чисто народными традициями, в известной степени связано с той орнаментикой, которая, пышно развиваясь на Украине в XVI—XVII вв. в период политического и культурного подъема украинского народа, создала яркий и выразительный украинский национальный стиль. Таким образом, настенная роспись украинских хат не стоит одиноко, ее элементы и композиции, весь ее стиль перекликаются с обычными на Украине узорами вышивки, ковров, с орнаментами на керамике и писанках (пасхальных яйцах); она особенно типична для тех районов, в которых развито гончарное производство.

Следует отметить, что этот вид народного искусства характерен для всех слоев украинского крестьянства. Он мало зависел от степени зажиточности хозяйства и был связан главным образом с народной традицией в данном месте и в данное время, от вкусов хозяев, от умения и старательности женской половины семьи.

Несколько особняком стоит наружная роспись жилищ на крайнем западе украинской территории — в Закарпатской обл. Здесь для старых домов обычна роспись белым по темному фону, в виде горизонтальных поясков несложного геометрического орнамента (зигзагообразная линия, кружки, крестики и т. п.), сплошь покрывающих преимущественно лицевую сторону дома. Эта орнаментация по типу своему очень близка к наружной росписи польских и словацких сельских домов [1].

Иногда роспись прямо подражает другим, более дорогостоящим способам украшения жилища. Например, часто роспись помещают на стене хаты над пилом или кроватью — лижком, где полагается висеть ковру, в этой «килимовой» (ковровой) росписи довольно точно воспроизводят ковер, стремясь достичь максимальной иллюзии, даже с деталями геометризованного тканого рисунка: при этом основной узор выводят на черном, зеленом или желтом фоне, а обязательную кайму с вьющейся гирляндой пишут каким-нибудь другим цветом.

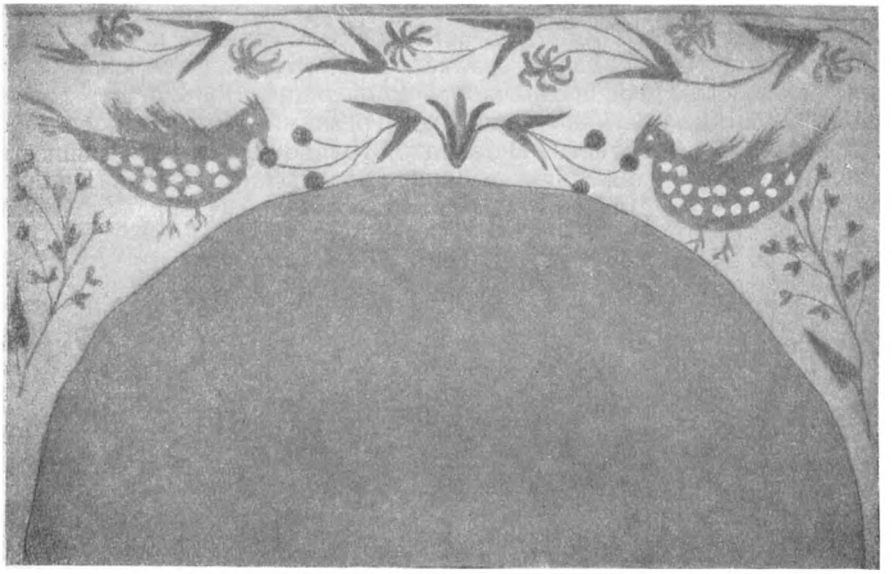
Нередко воспроизводят на печи рисунок изразцов кафельных печей, разбивая плоскость печи тонкими линиями на прямоугольники и заполняя последние узором. Как подражание бумажным городским обоям [2], известна роспись «шпалеры»: все поле стены разграфлено на ромбы, в них вписан повторяющийся узор; иногда для этого применяют бумажный трафарет. Роспись данного типа, как и обычные рисунки, но производимые при помощи бумажных трафаретов, характерна главным образом для селений, расположенных вблизи городов, и для рабочих поселков.

На основании имеющегося материала можно, исходя из характера исполнения, выделить две группы настенной украинской живописи —

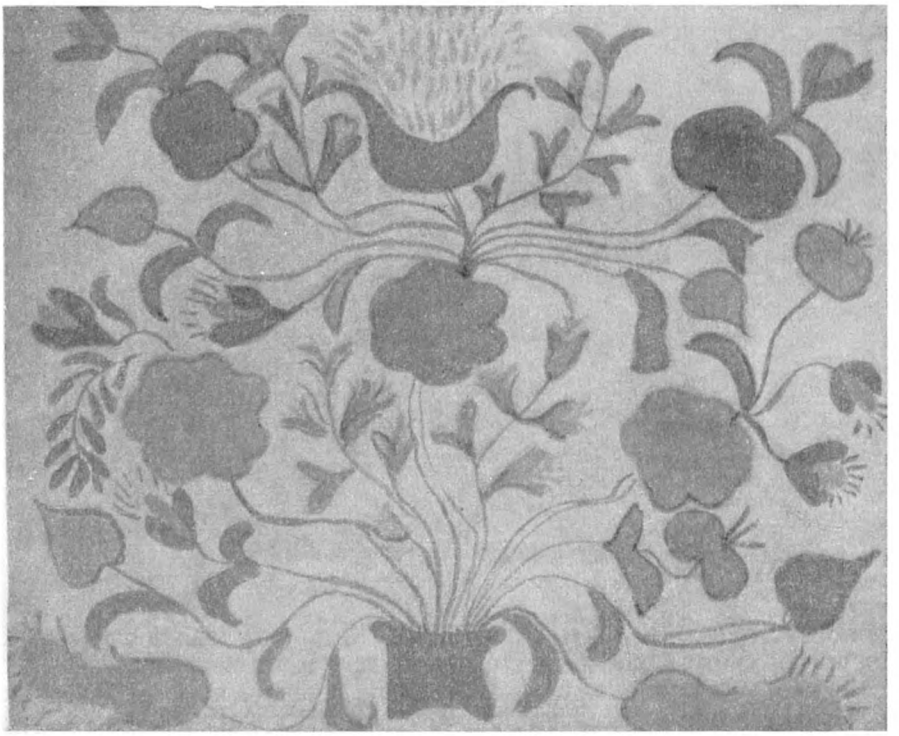
[1] См. G. Buschan. Illustrierte Völkerkunde. Bd. II. Europa. Stuttgart, 1926, рис. 24 (словацкий дом) и 18 (польский дом). Прекрасные образцы наружной и внутренней настенной росписи крестьянских домов XIX—XX вв. из разных районов Чехословакии см. «Uměni Československého Lidu». Praha, 1928, il. 60—70, 149—153; N. Melniková-Papoušková. Lidová malířská výzdoba zdí, podlah a oken. «Tvořivost Českého Lidu v tradiční umělecké výrobe». Praha, 1953, il. 9, 10—11, 13. «Slovenské L'udové Umenia». Bratislava, 1953, il. 17—19, 23—29, 61—68. «Словацкое народное искусство». Братислава, 1953, рис. 16—19, 24—29, 61—62, 64—68. Внутреннюю роспись словацких домов, «разрисованных до потолка буйным виноградом», упоминает писатель Олесь Гончар в книге «Злата Прага» (М., 1950, стр. 310, 318).

[2] Европейцы заимствовали обои из Китая и начали производить их в XVIII в.

Рис. 107. Роспись простенка в украинской хате, 1925 г. Подолия



1

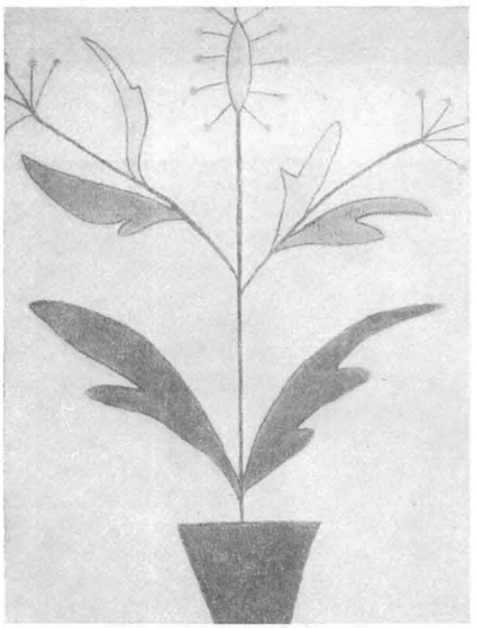


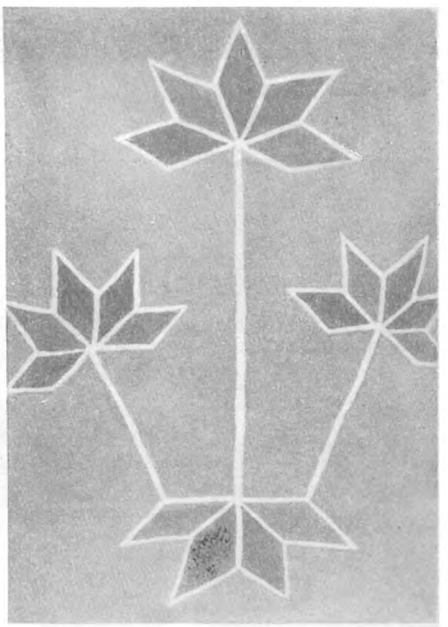
2

Рис. 106. Роспись на печах украинских хат (Подолия)

1 — над устьем печи; *2* — комин с вазоном (с. Сказинцы Могилевского уезда Подольской губ.)

западную и восточную. Западной присущи более тонкий и более мелкий графический рисунок, бóльшая реалистичность, тщательная многоцветная деталировка, легкость и прозрачность композиций. Восточная отличается более крупным декоративным рисунком, резкими контурами, более сгущенными цветовыми пятнами. В западной группе выделяются изяществом и бесконечным разнообразием рисунков подольские росписи Приднестровья (рис. 104, 106, 107, 108). Росписями восточной группы еще в XIX в.





2 3

Рис. 108. Наружная роспись хат (Подолия)

1—над окном; *2, 3*—в простенках между окнами

особенно прославилось с. Петриковка «на Катеринославщине» (в 50 км от Днепропетровска), создавшее свою манеру и технику росписи. Здесь пишут яркими анилиновыми красками, разведенными на яйце (так называемые яичные краски; желток придает краскам яркость, белок — блеск, заменяя лак). Петриковские художницы слегка касаются стены кистью и, оставив легкий мазок, моментально отрывают кисть. Этим достигается легкость рисунка и естественность в передаче растительных элементов затейливой петриковской росписи. В декабре 1953 г. «Правда» писала: «В свое время узорницы из Петриковки привлекались для росписи в Москве украинского павильона Всесоюзной сельскохозяйственной вы-

ставки. В Киеве петриковцы орнаментировали залы музеев, дворцов культуры, магазинов. Самобытные художники дали многие сотни оригиналов оформителям книг — для обложек, форзацев, вкладок, заставок, концовок и всяческих виньеток. Иные... расписывают салоны пароходов» [1]. В последнее время петриковская роспись была использована при декорировании стен Киевской станции Московского метрополитена им. В. И. Ленина [2].

В последних работах по украинскому искусству указывается, что «петриковская роспись — это так называемый «украинский Палех». Имеются данные, что в прошлом веке в Петриковке жили и работали русские мастера декоративной живописи. Занесенные ими традиции декоративной хохломской росписи и палехской иконописи получили богатейшую почву и развились в селе, известном издавна своими художественными традициями» [3].

В Киевщине и Полтавщине, где распространены рубленые хаты, роспись того же типа, что и в мазанках, производится по дереву. На восточной границе территории, заселенной украинцами, в Воронежской обл., настенная роспись встречается и в великорусских селениях. Здесь расписывают избы и снаружи и внутри по глине и по побелке, но композиция росписи много проще, чем у украинцев; главный ее мотив — елочка, состоящая большей частью из несложных завитков,— в простенках между окон; вокруг окон делают простенькие обрамления, на печи и кое-где по стенам внутри дома — примитивные розетки [4].

Особую разновидность настенной росписи на Украине составляют два вида украшения внутри хаты. Во-первых, яркий и сочный рисунок, выполненный анилиновыми красками на бумаге, вырезанный по внешнему контуру и наклеенный на побелку, преимущественно на печи; над окнами вешают расписные бумажные рушники. Этот прием типичен преимущественно для Петриковки. Во-вторых, род аппликаций: рисунок вырезают отдельными частями из цветной глянцевой бумаги и частями же наклеивают на стену или печь. Этим налепным узорам из бумаги аналогичны польские «налепянки» и «вычинанки» [5]. В XIX в. кое-где среди крестьянского населения Украины существовала оклейка стен жилища раскрашенными обоями своего изделия, но теперь она исчезла из быта; в Белоруссии же, особенно в ее южных и центральных районах, этот обычай распространен до сих пор.

В настоящее время вряд ли можно назвать украинские настенные росписи вымирающим видом искусства; наоборот, рост культуры в колхозной деревне, стремление колхозников покрасивее убрать свое жилище создают широчайшее поле деятельности для творчества мастеров этого дела.

[1] И. Волошин. О художественных промыслах. «Правда», 6 декабря 1953.

[2] О современном использовании петриковской росписи для художественного оформления см. Б. Бутник-Сиверский. Народное искусство Советской Украины.— «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 99.

[3] Н. Д. Манучарова. Декоративно-прикладне мистецтво Української РСР. Київ, 1952, стр. 24.

[4] Одно из последних исследований украинских архитекторов говорит о значительном влиянии приемов и мотивов народной орнаментальной росписи и деревянной резьбы на орнаментику крупного монументального строительства на Украине в XVII—XVIII вв. При этом в лепных орнаментах, украшавших свободные плоскости зданий, наряду с применением акантовой ветви широко привлекались мотивы из местной растительности, типичные для крестьянской настенной росписи: стилизованные цветы мальвы, подсолнечника, колокольчика, виноградные гроздья и пр., а также букеты, вазоны, гирлянды и т. д. (Д. Н. Яблонский. Порталы украинской архитектуры XVII—XVIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1953).

[5] Изображения последних см. «Polska sztuka ludova», 1949, № 6; 1954, № 1, стр. 55—61, и др.

И теперь мастерицы украшают не только свои хаты, но и общественные здания: расписывают избы-читальни, клубы, ясли и другие колхозные постройки; побелка и обновление росписей приурочиваются к 1 мая и 7 ноября.

С конца XIX в. гонимая с родных мест нуждой, голодом и малоземельем, мощная волна украинских переселенцев хлынула на восток, основывая поселения в степных районах Западной Сибири, современного Казахстана и распространяясь на восток до берегов Амура. Украинцы-переселенцы несли с собой и свою национальную культуру жилища. В современных украинско-русских селениях, например Южного Казахстана, можно видеть все виды украинской настенной росписи, от простой обводки и штампования тряпкой, разрезанной картофелиной или свеклой до типичных растительных мотивов, вроде букета, рожи (мальвы) и повитицы (вьюнка). Манеру обводить оконные проемы и фундамент цветной глиной заимствовали от украинцев-переселенцев казахи; они переработали этот способ на свой вкус и обрамляют окна причудливыми завитками в национальном стиле, вплетая иногда среди роговидных завитков верхней части надпись арабским шрифтом — имя хозяина дома или его детей. У казахов эту роспись выполняют не женщины, а подростки-школьники [1].

Живопись по дереву

Живописные украшения великорусской крестьянской избы встречаются во многих местах европейского Севера, центральных областей и Сибири, от Ленинградской обл. до Забайкалья. Однако характер росписи, ее происхождение, бытование и сами мастера — исполнители ее совсем не те, что на Украине. Там — это роспись по глине, здесь — живопись масляными красками по дереву. На Украине эта роспись — древнейшая традиция, в Великороссии она появилась сравнительно поздно и вряд ли ее возникновение может быть отнесено к более раннему времени, чем XVII в. На Украине это почти повсеместное явление, у великорусов (и частично белорусов) районы распространения живописного убранства жилищ расположены отдельными пятнами и почти всегда наличие живописи обусловлено экономическими, историческими и культурными связями района в недавнем прошлом. У украинцев расписывают хаты исключительно женщины, тогда как в великорусских районах роспись жилища выполняют только мужчины. Украинская роспись — искусство действительно всенародное, творцом его является каждая украинка, у великорусов роспись жилищ выполняется (вернее, выполнялась) исключительно мастерами-профессионалами.

Роспись великорусского крестьянского жилища изучена еще меньше, чем роспись украинской хаты; почти нет литературы по этому вопросу, кроме двух-трех статей советских авторов, крайне мало собрано изобразительного материала по этой богатейшей, но почти исчезнувшей области русского народного искусства.

Простейший и наиболее распространенный способ живописного убранства избы — это покрытие масляной краской, предохраняющей дерево от гниения. Раскрашивали яркими контрастными тонами отдельные части строения, например наличники, ставни, обшивку торцов, подчеркивая некоторые детали. Следующая ступень живописного мастерства — раскраска резных украшений, с выделением узора различными красками, на наличниках, причелинах, балконах. Эту цветистую нарядную раскраску можно встретить на избе любого типа и на резьбе любого

[1] Т. В. Станюкович. Жилище русских переселенцев в Средней Азии. Кандидатская диссертация. 1948, глава 4. Архив ИЭ АН СССР в Москве.

Рис. 109. Раскраска и роспись резного наличника со ставнями. 1850-е гг., Ленинградская обл., б. Кингисеппский уезд, Котельская вол., д. Третье Бабино

стиля в любом районе бытования деревянной избы от берегов Белого моря до Алтая и от Чудского озера до Забайкалья (рис. 109). Особенно эффектна раскраска поволжской барельефной резьбы, когда старались придать изображениям натуральную окраску: «репьи» (цветки) раскрашивали в розовый или красный цвет, завитки аканта — в зеленый, львов — в желтый, фараонок делали розоватыми с зелеными хвостами и т. п. [1] В Поволжье, как, впрочем, и в других местностях, часто можно наблюдать различные предпочитаемые варианты тех или иных комбинаций цветов для раскраски резьбы. Так, например, в северных лесистых районах Горьковской обл. любили сочетания белого, синего и зеленого цветов, а ниже г. Горького по Волге предпочитали красный, желтый и белый тона.

Собственно роспись на наружных частях избы — и у великорусов и у белорусов — применялась главным образом на двустворчатых ставнях окон, реже на самом наличнике (рис. 110). В тех районах, где распространены балконы, украшающие фасад избы (например, так называемые выходы в районах Северной Двины и Онежского озера), нередко росписью покрывали их части, защищенные от дождя (подшивку под балконом и опалубку, служащую его потолком, а также свесы кровли, нависающие над фасадом); расписные балконы характерны для западных районов европейского Севера и известны на Алтае. В Поволжье и на Севере встречается и роспись фронтона по сторонам слухового окна. Ставни окрашивали или одним цветом, преимущественно белым, или красили в разные цвета филенки, обвязку филенок и раму. На филенке располагали роспись геометрического или растительного характера; большей частью это цветущее растение, выходящее из цветочного горшка; иногда простенький цветок, иногда разветвленное и многоцветковое растение [2]. На балконах северо-западных районов можно встретить, наряду с геометрическими и растительными мотивами, и стилизованных животных, часто геральдического характера.

Очень нарядно было живописное убранство изб снаружи кое-где в районах распространения росписи так называемой нижегородской школы [3], главным образом в Горьковской и Костромской областях, особенно на правобережье Волги выше г. Горького (б. Балахнинский уезд Нижегородской губ. и южная часть Костромской губ.), в меньшей степени — в б. Владимирской губ., где пестрой росписью выделялись дома офеней (коробейников). Местом для применения росписи служил фронтон избы, ставни, ворота. Особенно пышно расписывался фронтон. Обычно на ярком фоне (синий, розовый, зеленый, белый) выписаны по бокам центрального слухового окна орнаментированные вазы, горшки или корзины с цветами, фараонки с букетами в руках, два огромных льва на задних лапах друг против друга. В Городце на Волге, старинном центре художественного судостроительного промысла, на фронтоне одного дома нарисована даже старинная расшива, стилизованная под сказочный

[1] Цветные иллюстрации раскраски поволжской резьбы см. Н. А. Ковальчук. Указ. соч., табл. 14 и 32.

[2] Типичные образцы яркой раскраски старинной рези и прорези на фронтонах северных изб, растительная и геометрическая роспись наличников барочного и ампирного типа, одностворчатых и двустворчатых ставней даны в цветных иллюстрациях к небольшой работе Ф. Н. Берга «Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае» (в кн. «Памятники древней письменности». СПб., 1882) (Важский край — по р. Ваге, притоку Северной Двины — Вельский уезд Вологодской губ. и Шенкурский уезд Архангельской губ.).

[3] О «нижегородской школе росписи» см. В. Воронов. Крестьянское искусство. М., [б. г.], стр. 78—80.

военный корабль [1]. На подзорах или на лобовой доске встречается роспись «под резьбу», т. е. имитирующая резьбу. На оконных ставнях наряду с общераспространенными вазами и букетами можно увидеть и маленького льва, окруженного растительным узором, и жанровые сцены из быта прошлого (например, «барин с барыней»). В Костромской обл. встречен жанровый сюжет на фронтоне — цыган на лошади.

Очень мало известно о росписи наличников и ставней у белорусов. Мы знаем только, что большим распространением в орнаменте пользуется изображение василька.

Значительно меньше, повидимому, чем роспись оконных ставней, распространено живописное убранство внутренности великорусского жилья. Росписью покрывали деревянный наряд избы (двери, опечек, стамик у печного столба, голбец, судницы, борт палатей) и подвижную мебель, особенно шкафы и столешницу стола [2]. Роспись внутреннего убранства избы бытовала преимущественно в б. Олонецкой губ., т. е. в современной Карелии, во многих районах областей Архангельской, Вологодской, Кировской и Молотовской (северных районов), Ярославской, Костромской и Горьковской (о чем можно судить по отрывочным указаниям в литературе, отдельным снимкам в художественных изданиях и музейных собраниях). Широко распространена крестьянская живопись к востоку от Урала, в великорусских селениях Сибири и Алтая.

Наличие этого вида народного искусства в том или ином районе объясняется сложившейся в каждом из них историко-культурной обстановкой. Так, в б. Олонецкой губ. издавна было много мелких центров, где работали мастера-иконописцы; здесь сильно было влияние старообрядчества и имелся большой спрос как на иконы определенного письма, так и на рукописные «лицевые» книги (богослужебные и другие старые книги, украшенные заставками и другими изображениями). Уже в XX в. один и тот же мастер писал иконы, переписывал книги с заставками, расписывал церкви и часовни, он же занимался в свободное время и малярным делом: раскрашивал старую и новую резьбу как у себя в доме, так и на заказ, расписывал оконные ставни и балконы снаружи жилища, а внутри покрывал живописью двери, голбцы, стенные шкафчики и различную мебель и утварь (столы и шкафы, сундуки и ушаты, прялки и вальки); получалось, что один и тот же человек сочетал различные, казалось бы, специальности. Так, занимались этим большей частью способные самоучки, «на все руки мастера». Кроме того, в те села и районы, где издавна была принята внутренняя роспись жилищ [3], уже в XIX в. за-

---

[1] Зарисовку ее см. Д. В. Прокопьев. Художественные промысла Горьковской области. Горький, 1939, стр. 49. Мы уже говорили, что в этих районах можно было встретить оригинальное украшение на избе или воротах — небольшую модель расшивы или парохода. Современную фотографию избы с резным изображением волжского речного парохода, укрепленным на фронтоне, см. И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, рис. 74.

[2] См. снимок «Внутренняя отделка росписью избы Архангельской обл.» (б. Сольвычегодский у. Вологодской губ.). Н. Н. Соболев. Указ. соч., рис. 61. Известный художник И. Я. Билибин, совершивший в начале XX в. три летние поездки по русскому Северу (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии), пишет: «Любовь к узору чувствуется и по сие время: я видал избы, где узорами, хотя и позднейшими, было размалевано буквально все: шкафчики, двери, полки, лежанка,— все, где только можно было красить» (И. Билибин. Остатки искусства в русской деревне. «Журнал для всех», 1904, № 10, стр. 617). Фотографические снимки из поездок И. Я. Билибина по русскому Северу с росписью изб см. А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. VII, табл. 94, № 2 и 3.

[3] Не лишено вероятия, что любовь к росписи жилых помещений на севере и северо-западе Европейской России также восходит к древним временам: в Московской Руси

Рис. 110. Раскраска и роспись двух резных наличников со ставнями; общий верхний подзор — с прорезью и городковой резьбой. 1860-е гг., Калининская обл., б. Весьегонский уезд, Щербовская вол., д. Песошня.

ходили кочующие артели мастеров, расписывавшие дома зажиточных крестьян. Повидимому, далеко расходились на заработки артели костромичей-красильщиков. Известно, что в конце XIX в. в Заонежье работала одна такая артель. Работали они и на территории современной Ленинградской обл. в селениях по рекам Ояти и Свири: «Из Костромской губ. шли красильщики, которые занимались раскрашиванием наличников, дверей, шкафов и пр. Любимыми мотивами были цветы и звери, главным образом лев. Образцом работы костромских красильщиков могут служить четыре раскрашенных наличника со ставнями на избе... на одном наличнике нарисована ваза с цветами, на втором — самовар, на третьем — дама с кавалером, а на четвертом — лев. По сообщению хозяина, над росписью работали три человека в продолжение двух дней, и за всю эту работу взяли 6 руб.» [1]. Роспись эта производилась в 1890-х годах. Есть указания, что в Соликамском районе избы расписывали вятские мастера. Прионежье, тесно связанное отходничеством с Петербургом, уже в XIX в. подвергалось влиянию столицы.

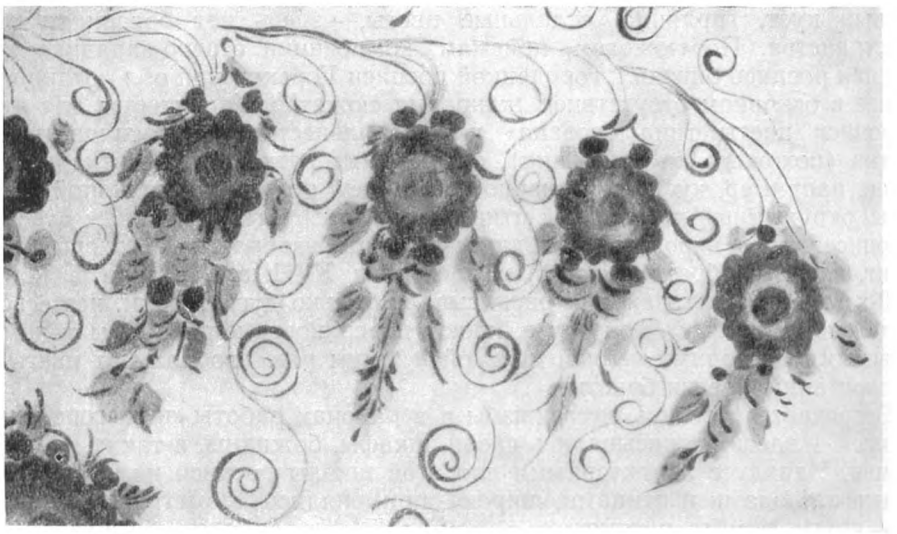
Таким образом, жилищная живопись северо-западных районов создавалась на базе древней иконописной традиции, переплетаясь с навыками поволжской живописи захожих мастеров, а позднее испытывала влияние декоративной живописи, развитой в городах в XIX в. Она резко отличается от севернодвинской и вологодской росписи, известной нам по прялкам, лукошкам и другим бытовым предметам из музейных собраний. Северная роспись графична, для нее характерно заполнение пространства узорами, тогда как северо-западная роспись не имеет контуров, выполняется чисто живописными приемами; в композиции последней преобладает пятно растительного характера: букет, растение в горшке, стилизованный куст, гирлянда, отдельные цветы,— здесь нет боязни пустого пространства. По сюжетам, приемам, композиции северо-западная жилищная роспись близка к городецкой росписи Горьковской обл., отличаясь от нее в основном отсутствием жанровых сюжетов. Характерны для этой живописи цветы типа «розана» или пятилепесткового распластанного цветка (похожего на шиповник), окруженные ветками и завитками. Типичен, например, куст, равномерно усаженный розанами различной величины, окруженный летающими птицами характерного для старых русских рукописей типа, нередки геральдические львы, изображение которых восходит, как и изображения многих цветов, к XVII в. Но уже в конце 1920-х годов в этих районах расписывали только дуги и сани, чаще всего по «деревянному» фону, т. е. кроют поверхность коричневым тоном с перистыми разводами черной краской и затем уже изображают цветы и распластанные ветки-букеты.

Встречается роспись внутри избы и в районах работы «нижегородской школы» — здесь расписывались двери, шкафы, божницы, а также столы и скамьи. Наряду с характерными для этой школы росписи цветами и букетами с плодами и птицами, широко применялись геометрические узоры — круги, ромбы, розетки.

распространены были настенные росписи боярских теремов и царских палат, что хорошо известно по сохранившимся памятникам и по свидетельству современников (роспись «травами» и «притчами» — картинами религиозного содержания). Палаты новгородских епископов были «подписаны» в первой половине XV в.; известно, что в XVI в. дьяк Висковатый осуждал Иоанна Грозного за роспись его палат; в XVII в. палаты Коломенского дворца расписывала целая артель мастеров, во главе которой стоял Симон Ушаков. Мы хорошо знаем, что в те времена носителями и создателями русского искусства были мастера — выходцы из крестьян.

[1] З. П. Малиновский. Из материалов по этнографии вепсов. «Труды КИПС АН СССР, 16. Западнофинский сборник». Л., 1930, стр. 194.

1



2

Рис. 111, *а*. Роспись в домах русских старожилов Южного Алтая (дер. Коробиха Бухтарминского уезда Семипалатинской губ.)

1 — потолок и роспись над дверью в горнице крестьянского дома; *2* — передний угол около окон в комнате крестовой связи (фон светлый)

На дверях изображались иногда и бытовые сюжеты: например, солдат с ружьем — часовой, женщина с коромыслом и ведрами, накрытый стол с самоваром и др.[1]

Область бытования живописи по дереву — почти вся Сибирь. Имеются сведения о применении росписи жилищ во многих районах Енисейской и Иркутской областей, Забайкалья, Северного и Южного Алтая. Снаружи обычно расписывались наличники и (на Алтае) балконы. Внутри «кра-

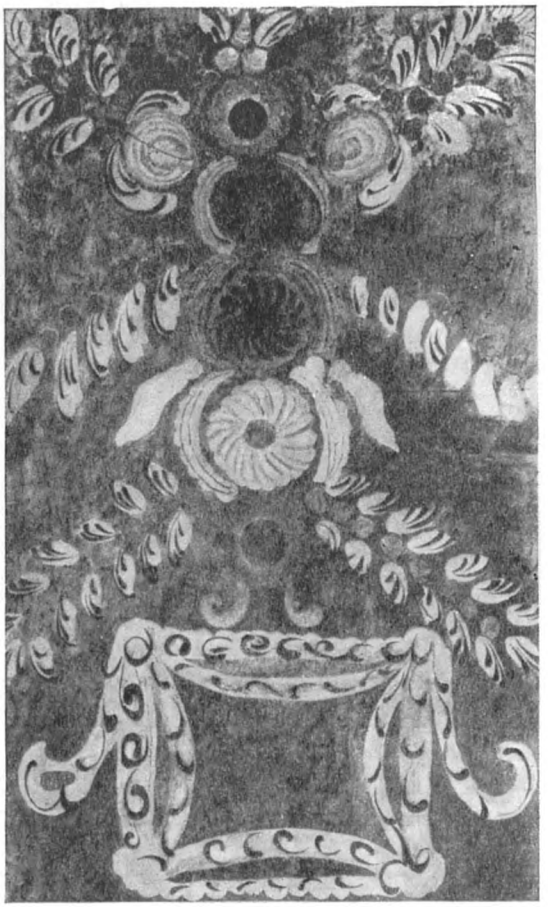


Рис. 111, *б*. Роспись на простенке в комнате крестовой связи (фон красный) в доме русских старожилов Южного Алтая

шеных» домов роспись покрывала стены, потолки, двери, деревянный опечек, мебель, деревянную посуду; особенно часто встречалась в Сибири роспись на кутных заборках (на переборках, отделяющих кухню — «куть» от горницы). Краски употреблялись малярные масляные, реже — глина с примесями; фон росписи мог быть светлый и темный (красный или синий).

Заметна некоторая разница в предпочтении той или иной расцветки росписей. Так, в росписи домов в Западной Сибири и на Алтае

[1] См. Д. В. Прокопьев. Живопись в крестьянском быту Городецкого уезда. «Нижегородский краеведческий сборник», т. 2. Нижний Новгород, 1929, стр. 226—245; его же. Художественные промысла Горьковской области, стр. 128—129.

преобладают красный, зеленый, синий цвета, а для Восточной Сибири характерны синий, зеленый, коричневый, серый.

Основные мотивы росписи — те же растительные элементы: многолепестковые цветы-розетки, распластанный куст-букет, с цветами и плодами, выходящий из вазы («сахарница», по сибирской терминологии), виноградные листья и грозди, гирлянды и завитки, изредка птицы, еще реже львы. Приемы живописи те же, что в городецкой и северо-западной

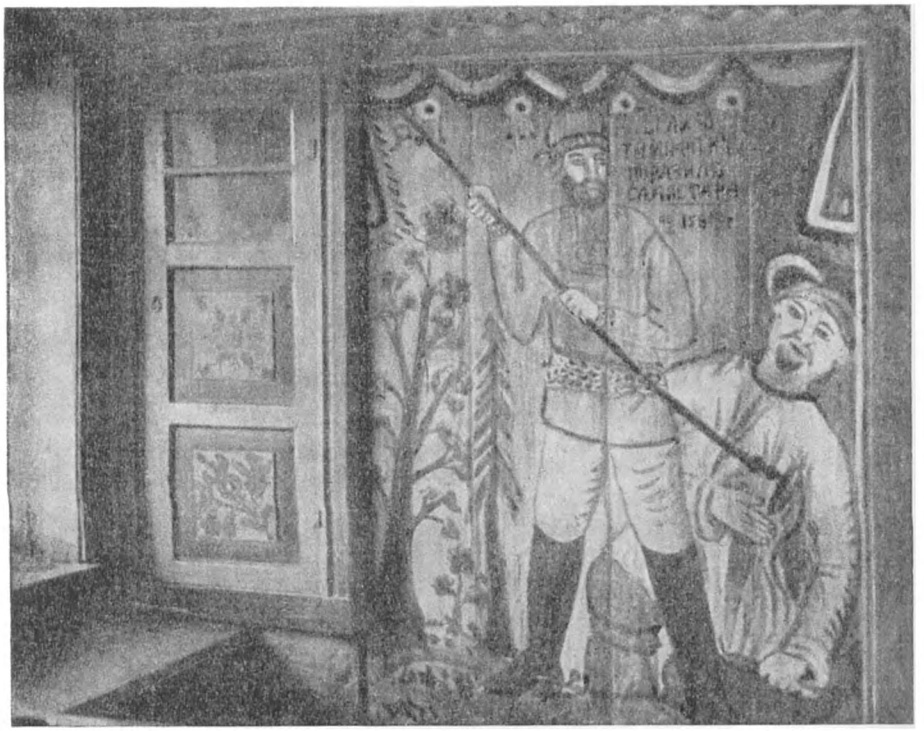


Рис. 112. Роспись на кутной заборке с изображением Ермака, поражающего врага (надпись: «Ермак Тимофеевич поразил Сакпстара в 1581 г.»); слева видна дверка шкафика с расписными филенками (с. Красновское Енисейской губ.)

росписи. Большинство образцов выработано еще во второй половине XIX в.; среди более поздних характерны: имитация обоев, роспись «под дерево», «под орех», «под мрамор», «под кирпичную кладку». На потолках элементы росписи расположены по большому кругу и в углах (рис. 111). В росписи заборок (на лицевой их стороне, выходящей в горницу) наряду с кустами, выходящими из «сахарниц», и цветочными гирляндами и букетами, встречались изредка и более сложные бытовые или исторические композиции: сцены чаепития, охоты, даже бой Ермака Тимофеевича с врагом (рис. 112). В литературе встречаются такие описания бытовых сюжетов росписи: «На темнокрасном или зеленом фоне хоровод, из которого выходит девушка навстречу казаку или солдату, подъезжающему к хороводу на санях...» [1]; «На дверях встречаются рукой доморощенного художника намалеванные львы и петухи, какой-нибудь госпо-

[1] М. Швецова. Поляки Змеиногорского округа. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXVI. Омск, 1899, стр. 26.

дин в котелке против румяной дамы, судя по надписи, собирающийся ее похитить, и пр.[1]» Верхнюю часть заборки украшал обычно узкий орнамент — растительное обрамление или роспись «под бордюр».

Мастера-профессионалы, выполнявшие эти росписи по заказу более или менее зажиточных хозяев, были выходцами из Тюмени, как это удается установить для многих сибирских районов. В Тюменском округе были сильно развиты кустарные промыслы, в том числе производство сундуков, саней и берестяных туесков, которые расписывались масляными красками. Возможно, что генетически эти промыслы связаны с аналогичными производствами по эту сторону Урала, в Вятско-Пермском крае, в свою очередь тяготевшими к районам кустарных промыслов Среднего Поволжья (преимущественно б. Нижегородской губ.). Кроме того, этнические связи Тюменского округа имели свои особенности, не оставшиеся без влияния на живописные навыки местных мастеров. Это, с одной стороны, сильное украинское влияние: дело в том, что в конце XVII и первой половине XVIII в. происходил большой наплыв в Сибирь украинцев, оставивших по себе след во многих областях жизни; в это время даже тобольскую архиепископскую, а затем митрополичью кафедру занимали иерархи-украинцы. Один из них, митрополит Филофей Лещинский, для росписи Тюменского монастыря и для писания икон в Тобольске выписал мастеров из Киева, которые впоследствии растворились в гуще сибирского населения, внеся в местное сибирское мастерство известную долю своих, веками выработанных навыков. С другой стороны, тюменская школа росписи не могла не испытывать воздействия бухарских выходцев, основавшихся в Западной Сибири еще до появления здесь русских (так называемая Бухарская волость Тюменского округа) и сыгравших большую роль в развитии в Сибири некоторых промыслов, в частности коврового и кожевенного. И действительно, анализ росписи сибирских и алтайских жилищ дает возможность выделить и проследить в ней и украинские мотивы, и традиции нижегородской школы, и приемы стилизации узбекского народного искусства; да и самая любовь к орнаментации жилья росписью характерна, как мы видели, гораздо больше для украинцев (а также и для оседлых народов Средней Азии), чем для великорусов.

Таким образом, в тюменской школе живописи получилось интереснейшее сочетание элементов великорусского, украинского и узбекского народного искусства, творчески переработанное в соответствии с местными потребностями и вкусами. Развившееся в XIX в. в Тюменском округе отходничество охватило великорусские селения на огромном пространстве: тюменские мастера расписывали дома, мебель и утварь у зажиточных старожилов в Западной Сибири, в Казахстане, в Иркутской губ. и Забайкалье. «Красильщик» (так называли этих странствующих мастеров на Алтае), явившись в деревню, подряжался расписать горницу за условленную плату и жил все время работы у хозяина избы, кормясь за его счет; затем переходил к другому хозяину, третьему и т. д.

В начале XX в. мода на «крашеные» дома начала исчезать и расписывание домов внутри прекратилось за несколько лет до начала первой мировой войны. В настоящее время роспись можно найти лишь в старых, не переделывавшихся с тех пор домах[2].

---

[1] Ф. Н. Белявский. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура. В кн. «Россия», т. XVI. Западная Сибирь. СПб., 1907, стр. 238.

[2] Материалы по росписи великорусских жилищ в Сибири (с иллюстрациями) см. Сибирская энциклопедия, т. I, 1929, стр. 939—940; Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев. В кн. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930; Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, стр. 126—134.

УЗОРЧАТАЯ КЛАДКА ИЗ ОКРАШЕННЫХ КИРПИЧЕЙ

Самым поздним видом красочного убранства жилища снаружи является роспись на кирпичных избах, развившаяся в середине XIX в., главным образом после 1860-х годов [1]. Хотя кирпичное строительство началось в деревне еще при крепостном праве, но помещики строили избы наподобие казарм, без всяких украшений. Лишь освободившись от крепостной зависимости, став самостоятельными строителями своих жилищ и работая на заказчика-крестьянина, мастера-кладчики стали применять орнаментацию нового материала, используя его технические возможности. К 1880—1890-м годам выработалась весьма оригинальная, простая по приемам и сложная по получаемым узорам система орнаментации наружных стен кирпичных построек. Узоры на стене не рисовались, а выкладывались из заранее обмакнутых в краску кирпичей. Так как узорная кладка была дороже простой, то не все могли позволить себе этот расход, и бедняцкие избы складывались без узоров. Но стремление к украшению проявлялось и здесь: делались примитивные разводы белой краской на готовой стене — в виде завитков, отходящих от верхних углов окон и дверей, и простеньких елочек в простенках. Автору часто приходилось видеть эту убогую орнаментацию на бедных кирпичных избах Воронежской обл. в 1920-х годах; можно ее встретить на старых кирпичных избах и в наши дни — в Тамбовской, Рязанской, Калужской областях.

В основе всех узоров лежит белый треугольник, получаемый опусканием углов кирпича в раствор белой краски. В зависимости от того, как опускаются углы в краску, получаются кирпичи с двумя белыми и одним большим красным треугольником (если обмакнуть в краску соседние углы на одной длинной стороне,— первый образец), с двумя белыми треугольниками и красным ромбом (если обмакнутые углы расположены по диагонали кирпича — второй образец), с небольшим красным треугольником (в краску опускают два соседних угла на короткой грани кирпича — третий образец) и некоторые другие комбинации — на длинных и на коротких гранях. Все получаемые узоры можно объединить в три группы: 1) узоры горизонтальные, выкладываемые вдоль стены по верху, вместо карниза, и по низу, под окнами; 2) узоры вертикальные, помещаемые по углам наподобие пилястр; 3) узоры в простенках между окнами и по бокам от них.

В горизонтальных рядах наиболее распространены три вида орнамента: 1) «вилю́шка», имеющая вид «виляющей» зигзагообразной линии, получается, когда два ряда кирпичей первого образца окраски складывают красными треугольниками один к другому; если выкладывают кирпичи длинными гранями, то вилюшка выходит пологая, если короткими, то крутая; если длинные грани чередуют с поперечными, то вилюшка получает ломаный и угловатый вид; 2) «опояска», похожая на крученый поясок, достигается укладкой одного ряда кирпичей, окрашенных по второму образцу; 3) «глазки́» — красные ромбики на белом фоне; для их получения ряд кирпичей, окрашенных по третьему образцу, выкладывают попарно стоймя, короткой гранью наружу, красными треугольниками один к другому. Вилюшку и опояску помещают и внизу и наверху, глазки же обычно — только наверху стены.

[1] Вряд ли правильно отнесение этого вида крестьянского искусства к XVIII в., как это сделано в статье Н. Кравченко «Архитектура кирпичных зданий» («Архитектура СССР», 1940, № 1, стр. 58, фото «Народный орнамент в кирпичной избе. Конец XVIII в.»). Пока единственной работой по орнаментации крестьянских кирпичных изб является кн.: М. Веневитинов. Расписные кирпичные избы. М., 1890 (четыре цветные таблицы орнаментации на избах с. Ново-Животинного Воронежской губ.).

Пилястры складываются по два кирпича в ширину, чередуются ряды в два продольно положенных кирпича, с одним продольным между двумя поперечными. Чередующиеся белые и красные треугольники нескольких размеров дают сложную и нарядную сетку.

Наиболее красивы крупные фигуры в простенках. Они выкладываются из кирпичей любого из трех образцов, из одного или двух, причем кирпичи кладут различными способами: только длинными гранями, только короткими, теми и другими. Обычная фасадная стена кирпичной избы в два окна имеет три простенка. Иногда фигуры на них делаются одинаково, а нередко центральная, между окнами, составляется сложнее и наряднее других. Эти фигуры, по общим их очертаниям, носят название «сосенки», «самовары», но зачастую особых названий не имеют, представляя собой удлиненные розетки и звезды.

Реже употребляют другие краски, и к основным — белым треугольникам на красном фоне — добавляют синюю, желтую и темнокоричневую. Разнообразное сочетание этих несложных приемов создает большое количество одностильных, но не повторяющихся мозаичных узоров [1].

Если постройка представляет связь из двух изб, то орнаментация обеих близка друг к другу, причем опояска, наклоненная на одной избе влево, на второй повторяется в обратном порядке, т. е. с наклоном полос вправо; этим достигается впечатление симметрии орнаментации обеих изб.

Орнаментированные таким образом кирпичные избы известны с последней четверти XIX в. в пределах областей Тульской, Калужской, Брянской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, но, несомненно, что они были распространены гораздо шире и, по всей вероятности характерны для всей черноземной безлесной полосы вплоть до Поволжья.

Возможно, что этот своеобразный вид народного изобразительного искусства связан традициями с кирпичным зодчеством Московской Руси XV—XVII вв.,: им никто еще не занимался, и он настоятельно требует подробного исследования.

ИЗРАЗЦЫ

Русские изразцы

Несколько особняком от остальных декоративных элементов в жилище восточных славян — великорусов и украинцев стоят печные изразцы (укр. «кафли», «кахли», от нем. Kachel).

Как элемент украшения изразцы с X в. были известны в Киевской Руси, где в течение X—XIII вв. их применяли в строительстве великокняжеских дворцов и храмов. Керамические облицовочные плитки для стен и пола найдены при раскопках в городах Киеве, Белгороде и Звенигородке Киевской обл., в Переяславе-Хмельницком и Чернигове. С начала XII в. наборы из цветных поливных плиток для полов проникли далеко за пределы Киевской земли; они характерны для зодчества земель Галицкой, Волынской, Смоленской, Полоцкой, Рязанской и особенно Владимиро-Суздальской, для Гродно и Новгорода в XII — начале XIII в.[2]

---

[1] Орнаментацию кирпичных изб изучает Лаборатория архитектурной керамики Академии строительства и архитектуры СССР в Москве.

[2] М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. «Труды Всероссийской Академии художеств», т. I. Л., 1947, стр. 15—50.

После перерыва, вызванного монгольским нашествием, изразцы вновь появились на Украине в XV в., в Московской Руси — в XIV в.; и там и здесь с этого времени они изготовлялись уже не только для облицовки зданий, но и для кладки печей: в XV—XVII вв.— в домах знати и зажиточных горожан, в церквях и монастырских кельях, а с XVIII в. «изразцатые печи» начали класть и в домах мещан и кое-где в избах более зажиточных крестьян. В XIV—XV вв. изразцовое производство, центром которого была Москва, существовало уже во многих городах — во Владимире, Суздале, Рязани, Твери, Угличе, Ярославле, затем в Пскове и др. Иностранные путешественники XVII в. в своих описаниях Московской Руси упоминают об изразцовых печах с трубами в домах более состоятельных горожан. Топка таких печей производилась из сеней. Так, например, Павел Алеппский, говоря о Патриаршем дворе в Москве и Крестовой палате в нем, писал о последней: «Она выстлана чудесными разноцветными изразцами... В ней подле двора сделан огромный каптур из превосходных изразцов» (каптур — печь, снизу отапливавшая все здание) [1].

Древние русские изразцы делались квадратными, из красной глины, без поливы, с выпуклыми изображениями и орнаментом. Сюжет рельефов на этих, как их принято называть, красных, или терракотовых, изразцах составляли розетка, скачущая лошадь, лев, разные фантастические звери, военные сцены (конные и пешие воины, стрельба из луков, ружей и пушек, осада крепостей с зубчатыми стенами, приступы с помощью лестниц и др.). Исследователь этого вида древнерусского искусства А. В. Филиппов очень метко называет тематику красных изразцов «сюжетным калейдоскопом» [2].

Высокий рельеф изразцов, равно как и самые изображения на них, несомненно, заимствованы из белокаменной резьбы на стенах древнерусских храмов, которой они пришли на смену. Любопытная деталь подтверждает эту преемственность: один из любимых сюжетов на древнерусских рельефных изразцах — изображение Александра Македонского — восходит своими корнями к аналогичному изображению в белокаменных рельефах владимирских храмов XII в. [3] В то же время изразцы органически связаны с резьбой по дереву, так как они оттискивались в деревянных формах и вся орнаментация их пассивно передает технику и фактуру деревянной резьбы. В этом отношении напрашивается сравнение древних деревянных матриц со старыми русскими пряничными досками — резными деревянными формами для изготовления «пряников печатных». Таким образом, изразцовое мастерство в России представляет проявление самобытного творчества, перенесшего на глину искусство каменной и деревянной резьбы. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи изразцового дела [4]. В силу этой связи древнерусские красные изразцы исключительно ценны, как сохранившие формы до нас не дошедшей древней резьбы по дереву.

Применение изразцов для облицовки печей — и в чисто техническом отношении большой шаг вперед по сравнению с существовавшими до тех пор глинобитными и кирпичными печами, так как изразцовые печи

[1] «Путешествие антиохийского патриарха в Россию...», вып. IV, стр. 104—105.

[2] А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. I. XV—XVII века. М., 1938, стр. 39 (см. в этой работе цветные таблицы изразцов).

[3] А. И. Иванов. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930, стр. 51.

[4] А. И. Иванов. Указ. соч.; А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, стр. 17—20; А. Л. Монгайт. Московские изразцы (По находкам на строительстве метрополитена I и II очереди). «Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 9. М., 1948, стр. 68.

скорее нагреваются, дольше держат тепло и, следовательно равномернее идет теплоотдача в отапливаемое помещение.

В середине XVI в. русские мастера научились покрывать изразцы одноцветной зеленой глазурью [1]. Долгое время «изращатые» (или «обращатые») печи облицовывали и красными терракотовыми изразцами (или «образцами») и зелеными поливными, пока к середине XVII в. зеленые «муравленые» (или «мурамленые») изразцы не вытеснили окончательно красных изразцов. Рельефные изразцы с зеленой поливой были известны в XVII в. не только во многих городах, но и в сельских местностях, например в районе Владимира.

К середине XVII в. в Московской Руси стали выделывать многоцветные поливные изразцы, также рельефные, преимущественно с растительными узорами; особенно любили реалистически изображать на них ягоды и плоды — малину, землянику, виноград, яблоки. Их называли «ценинные изразцы», а ремесленники, их делавшие, слыли как «ценинных дел мастера» [2]. Яркие красочные ценинные изразцы употреблялись преимущественно для архитектурного убранства церковных фасадов, меньше для печей (для которых предпочитали зеленые или синие изразцы). Распространению их в архитектуре много способствовал патриарх Никон, развивавший кипучую строительную деятельность в 1650-х годах [3].

Яркая и пестрая архитектурная керамика из Москвы перешла и в провинцию; особенно много облицовано было ею церквей в Ярославле. Многоцветные поливные изразцы до сих пор можно видеть в Москве на старинных храмах (например, на храме Василия Блаженного на Красной площади), на Крутицком тереме (уцелевшая часть покоев крутицких митрополитов); они широко представлены в разных музейных собраниях. Расцвет русской архитектурной керамики продолжался недолго. К концу XVII в. стала выходить из моды облицовка зданий изразцами, обозначилась перемена вкусов и по отношению к характеру печных изразцов. С начала XVIII в. выделка рельефных поливных (квадратных) изразцов начала постепенно сменяться производством гладких расписных (продолговатых) изразцов. Первоначально в промежутках между рельефами — в центре и по уголкам изразца — мастера набрасывали синей краской по белому фону веточки, цветочки и другие несложные рисуночки, потом постепенно рельефного узора делали все меньше, и, наконец, в первой половине XVIII в. тиснение изразца было совершенно откинуто и стали производить исключительно живописные изразцы. Несомненно, большую роль в этом сыграли пленные шведские мастера, которые по приказу Петра I ввели в существовавших тогда изразцовых мастерских Воскресенского монастыря (в Истре под Москвой) роспись изразцов «швецким манером» — на гладком белом фоне травы синей краской. По примеру «полоняников» и русские мастера перешли на эту работу. Большое влияние на это оказали также ввозившиеся в начале XVIII в. из Западной Европы голландские и французские изразцы с нарисованными пейзажами и сценками (см. печи в Летнем дворце Петра I в Ленинграде).

---

[1] А. В. Филиппов считает даже возможным, что в Москве, Твери и Пскове знали одноцветную глазурь уже в конце XV — начале XVI в. (А. В. Филиппов. Русские поливные изразцы XVI в. «Сборник Московского общества по исследованию памятников древности», вып. 1. М., 1915).

[2] Первоначально слово «ценинный» прилагалось только к изразцам, покрытым синей поливой, которые после зеленых сделались самыми распространенными; впоследствии оно стало обозначать всякую разноцветную поливную керамику.

[3] В новейшей литературе московским изразцам посвящена интереснейшая статья: Н. В. Воронов и Н. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. МИА, № 44, 1955, стр. 77—115.

Роспись изразцов вначале состояла из вариантов сложной рамки, окруженной сеткой, с букетом цветов или вазой с цветами в центральном медальоне. Затем рисунки усложнились по содержанию, на них стали изображать даже различные сцены из частной и общественной жизни и сопровождали их подписями («изразцы с притчами») [1], что давало пищу уму и воображению народа (каждый изразец представлял самостоятельный сюжет). Сложная и разнообразная тематика рисунков объясняется обилием источников, которыми пользовались гончары, расписывавшие изразцы. Этими источниками были и народный фольклор, и окружавшая реальная действительность, и иллюстрированные азбуки — буквари, и лубочные картинки, и популярные тогда сборники символов и эмблем, и произведения городского искусства (картины, гравюры, ковры) [2].

Известны и старинные церковные и монастырские печи, на которых изображения представляют законченное по теме произведение, например печь со сценами из жизни Христа и евангельскими изречениями [3], печи, на изразцах которых в рисунках излагалось житие какого-либо святого [4].

Рисунки на расписных изразцах выполнялись преимущественно желтой и зеленой красками, надписи — коричневой. Печи этого типа в большом количестве производились в среднерусской полосе, в Поволжье, а также, повидимому, и в некоторых уездных центрах Псковской губ. (г. Торопец), Вологодской губ. (Великий Устюг, Тотьма), откуда они проникли и в деревню — в дома деревенских богачей [5]. В середине XVIII в. стали выходить из моды пестрые расписные печи, и к концу XVIII в. в барских особняках в городах, в помещичьих усадьбах и дворцах стали воздвигать печи в классическом стиле в виде строгих белых архитектурных сооружений, с рельефными гирляндами и урнами на выступах и в ни-

[1] В качестве примеров можно привести надписи на изразцах из коллекций Гос. Музея этнографии СССР в Ленинграде: «Родное мое со мною находится», «Любезное мое пригуляное оно» (женщина с ребенком на руках); «Сижу на сухом пне расуждаю о себе» (человек сидит на пне под деревом); «Расуждаем о жизни своей» (мужчина и женщина жестикулирующие); «Мне старику трепица утираца пригодица» (старик, сидящий с тряпкой в руке); «Своя ноша мне не тяга будет» (идущий мужчина с мешком); «Всяк солнцу рад что огревает» (женщина на коленях, глаза и руки обращены к солнцу); «Поднес бы кому» (парень с кубком в руке); «Старость твою утешаю» (старик с посохом и юноша, играющий на дудке); «Друг мой со мною», «Вот собака моя она слушает меня» (человек, сидящий с собакой на руках); «Кота при себе держу никуда не спущу» (человек с котом на руках); «Вот дом прекрасно жить в нем» (здание под деревом); «Журавь ягоды щиплю тем питаюся» (птица, клюющая ягоды с куста); «Бегу в леса темьные места» (бегущий заяц); «Ищу своех зайцов косыех брацов» (заяц под деревом); «Бегу скоро до места своего» (скачущий конь с порванной подпругой); «Дух его сладок» (разнообразные комбинации: мужчина или женщина и цветок — в руке, растущий в горшке, свешивающийся с обрамления и пр.) и др.

Изображения таких изразцов в натуральную величину см. в книге «Печные поливные кафли XVIII и XIX вв. из собрания Ярославского древлехранилища». Ярославль, 1918 (с 15 раскрашенными от руки литографиями). Позднейшее видоизменение этого типа обнаружили этнографы в Московской обл. Здесь в избах старой постройки сохранились изразцы местной работы (дер. Сычевка под Истрой). В одной избе уцелела печь, представляющая целый набор изразцов с изображением (синей краской по белому полю) разносчиков-торговцев: «Митрий с блинами», «Антип с калачами», «а Антроп со святами», «а Яков с фонарями», «грушу продает» и в завершение «казак едит». Изразцы датированы: «1867 года июля 10 дня...» (Е. С. Радченко. «Село Бужарово» Воскресенского района Московского округа. М., 1929. стр. 77).

[2] Описание печей с такими рисунками и сопровождающими их подчас курьезными надписями см. в указанной работе А. И. Иванова (стр. 36—46).

[3] А. И. Иванов. Указ. соч., стр. 34.

[4] Коллекции Гос. Музея этнографии СССР.

[5] И. Евдокимов. Старинные красноборские печи. Вологда, 1916. Здесь говорится о печах в деревне Сольвычегодского уезда (в старой двухэтажной избе-двойне) и в г. Красноборске, приведены образцы рисунков и подписей к ним.

шах [1], напоминающие мраморные надгробия. Такие печи были дороги и широко не распространились; расписные же изразцы, соответственно вкусу массового потребителя, пережили длинную эволюцию с середины XVIII в.: сначала перестали делать надписи на изразцах, потом сюжетный рисунок постепенно упростился до несложного орнамента, выполненного синей краской и одинакового на всех изразцах печи, вроде простенького цветочка, вписанного в ромб, или с обводкой по краям изразца. Изразцы этого типа распространились в XIX в. чуть не по всей России, особенно среди мещанского и купеческого сословий. Тип изразца XIX в. с синей скупой расцветкой проник во многих местностях и в деревню, особенно в подгородных районах: он известен в селениях Калужской, Ярославской, Ленинградской областей. Из центров производства изразцов в первой половине XIX в. известен городок Балахна в б. Нижегородской губ., где ряд заводов (8 заводов в 1810 г., 20 заводов в 1845 г.) выделывал дешевые расписные изразцы, которые отправлялись для продажи на Макарьевскую ярмарку [2]. После перевода ярмарки в 1817 г. в Нижний-Новгород продажа изразцов стала производиться там. Здесь же продавались изразцы из Ярославской и Костромской губ., отсюда изразцы расходились вниз по всему Поволжью [3]. Балахнинское изразцовое производство, возникшее в конце XVI в., продержалось почти три столетия и окончательно угасло в 1880-х годах [4].

В литературе сохранилось описание продажи изразцов на Макарьевской ярмарке в 1805 г.: «На берегу видишь еще длинные ряды простых изразцовых печей, в числе коих есть даже весьма красивые. Они искусно сложены между толстыми тесинами, по наружности которых никак не догадаешься, что они содержат внутри себя большую печь и нужное количество соломы для перевозки и переноски столь ломкого вещества. Заметим, что изразец привозят из весьма дальных мест без малейшего изъяну. Одна печь развязывается на показ и служит образчиком другим того же разбора» [5].

Своеобразным вариантом изразцовых печей являлись еще в первой половине четверти XX в. широкие лежанки в избах Ростовского района Ярославской обл. (главным образом в селениях вокруг оз. Неро), сложенные из изразцов с простеньким синим ромбом [6]. К концу XIX в. исчез и этот скромный рисунок, стали выделывать исключительно белые или одноцветные изразцы современного городского типа.

---

[1] В начале XIX в. расписные печи уже казались глубокой стариной. Так, А. С. Пушкин, описывая старинную усадьбу дяди, куда приехал Онегин, говорит:

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.

(«Евгений Онегин», глава 2, строфа II).

[2] Старинная русская ярмарка, с 1524 г. существовавшая в г. Васильсурске, а с 1624 г. перешедшая в г. Макарьев, расположенный на Волге ниже устья р. Керженца, так как там был монастырь, привлекавший много богомольцев.

[3] Д. В. Прокопьев. Художественные промыслы Горьковской области, стр. 150 (изображение балахнинских изразцов с росписью — на стр. 151).

[4] Там же, стр. 149.

[5] Г. Реман. Макарьевская ярмонка. «Северный архив», 1822, май, № 9, стр. 202.

[6] Здесь, где издавна было развито торговое огородничество, на этих лежанках производилась сушка так называемого зеленого горошка.

Из всего сказанного выше ясно, что в хозяйстве Московской Руси изразцовое производство имело очень небольшой удельный вес и обслуживало только привилегированные классы и церковь, в деревню же изразцы совершенно не попадали. В XVIII в., когда было сильное увлечение изразцами со сценками и курьезными надписями, печи из них проникли в самые далекие захолустья Севера и средней полосы России, хотя и ставились они только в богатых домах. И лишь в XIX в., когда в деревне стала появляться топка по-белому и, в то же время, подешевели и изразцы, началось и более широкое использование их крестьянством. Ставились они преимущественно в горницах. При этом в деревне задержались давно уже исчезнувшие в городе изразцы с голубыми цветочками и ободками.

Украинские кафли

Иную картину мы имеем на Украине, где общий ход развития типов изразцов был тот же, но распространение печных изразцов было гораздо шире. Здесь уже в XVII—XVIII вв. изразцовые печи имелись не только в домах знати (упоминаются они в домах Богдана Хмельницкого, Василия Кочубея и др.), но и у киевских мещан, в куренях Сечи Запорожской, в домах рядовых казаков, главным образом в центральной и Левобережной Украине. Известно также, что богатые семьи часто выписывали для печей изразцы из Москвы и Калуги, тогда как менее зажиточные, а также мещане и крестьяне, обычно пользовались изразцами местного производства («селянские кафли»).

Изразцовое производство процветало по всей Украине, не исключая Галиции и Буковины. Особенно известны украинские живописные изразцы, применявшиеся с конца XVII в. Рисунки на них отражали всю тогдашнюю жизнь — военную и политическую жизнь казачества, бытовые сценки, изображения реальных животных и птиц. На старинных изразцах в украинских печах отразилась и борьба с татарами, на них можно было видеть и сцены из шведской войны с Карлом XII, и думу про козака Голоту. Не обошлось без влияния французских стилей XVIII в. с их «галантными» сценами, однако украинские гончары довольно быстро освободились от этой зависимости и перешли исключительно на свою, близкую им тематику. Украинские изразцы в этом отношении стоят гораздо ближе к крестьянской жизни, чем великорусские изразцы.

Дольше всего изразцы с богатой бытовой росписью и военными сценами задержались на Гуцульщине, где еще в начале XX в. можно было встретить у зажиточных крестьян хаты с характерными гуцульскими печами, сложенными из таких изразцов. Гуцульские печи были очень разнообразны и по своей форме, начиная от простых, гладких и кончая очень сложными — с карнизами, колонками, арочками, нишами, не говоря уже о резных ножках опечка и окружающих печь лавок-приступок. Это сохраняется отчасти и до настоящего времени: «Вы входите в хату гуцула — колхозника или лесоруба,— перед вами как бы открывается маленький музей: узоры вьются на резных полках, столах и скамейках, на печных изразцах и глиняных мисках, на коврах, рушниках и одежде» [1].

В 1880-х годах производство расписных сюжетных изразцов еще широко процветало в Галиции, центрами его были Коломыя и Косов (оба местечка находятся на юге Станиславской обл. УССР).

Изразцы работы лучших гончаров показывались на хозяйственно-промышленной выставке во Львове и на Этнографической выставке

[1] И. Волошин. Указ. соч. «Правда», 6 декабря 1953 г.

в Коломне и премировались медалями. Лучший мастер-кафельник пользовался всеобщим уважением и был главой гончарного «товарищества» (цеховой организации гончаров).

В центральной Украине в XVII—XVIII вв. основным районом кафельного производства была южная Черниговщина с двумя ее гончарными центрами — Нежином и Ичней, откуда изразцы развозились по всему Левобережью — по Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниям. В XVIII в. кафельное производство в Нежине играло настолько большую роль, что изображение печного изразца было одной из эмблем нежинского гончарного цеха, отлитой на цеховом свинцовом знаке. В начале XIX в. в Нежине бытовая роспись сошла с изразцов и заменилась, как и на великорусских изразцах того же времени, простеньким синим цветочком или букетиком (называемом фиалкой), большей частью заключенным в синюю же рамку в форме ромба. Этот легкий тонкий орнамент дополнялся центральным узором для печного зеркала, выполнявшимся на 6, 8 или 9 изразцах; он изображал одну или две шестиконечные звезды или двуглавого орла. Т. Г. Шевченко писал о внутреннем виде светлицы одного сельского дома в с. Будища на Киевщине: «На нескольких кафлях между цветами и птицами нарисованы двуглавые орлы» [1].

В другом гончарном центре Черниговщины, в местечке Ичне (расположенном к юго-востоку от Нежина) бытовая роспись в несколько упрощенном виде сохранялась дольше, до середины XIX в.; на каждом изразце был свой крупный рисунок, раскрашенный всеми обычными гончарными красками (желтой, зеленой, темнокрасной и черной). В течение второй половины XIX в. и здесь эта роспись сменилась рисунком вазы с цветами, одинаковым для каждого изразца [2]. Производство изразцов в Нежине прекратилось в самом начале XX в., а в Ичне продолжалось до начала первой империалистической войны.

Известно также несколько гончарных центров на Полтавщине, в которых издавна занимались выделкой «кахлей» — в б. Миргородском, Зеньковском и Лохвицком (северо-восточная часть Полтавской обл.) и Роменском уездах (юго-западная часть Сумской обл.). Из них особенно славилось качеством своих изделий местечко Опошня в Зеньковском уезде (старинное селение, известное с XII в., один из крупнейших гончарных центров на Украине). В 1890-х годах в первых двух уездах было 16 мастеров-«кахельников», для которых выделка изразцов была основным занятием; кроме того, многие горшечники и мисочники также делали изразцы. Весь процесс изготовления и обжига изразцов шел на основе семейного разделения труда; непосредственно изразцы делали двое: один заготовлял на круге «клубуки» — глиняное кольцо для задней стенки изразца, другой оттискивал изразец на форме, обрезал излишки по краям медной проволокой, для чего употреблялся «дрот» (кусок проволоки с надетыми на «концы» ее деревянными ручками) или «каблучка» (согнутая в виде каблука или дуги гибкая палочка, между концами которой натянута проволока); он же притачивал глиняное кольцо к левой стороне изразца, растягивая кольцо по ребрам изразца. Самое трудное было снять сырой изразец, не помяв его. Слегка, подсохшие изразцы ставили для просушки на ребро и, если они кривились, их «оправляли» при помощи деревянной «трепачки», имевшей форму трепала для льна.

Деревянная форма представляла собой четырехугольную липовую

[1] Т. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, стр. 459.

[2] Об изразцовом производстве на Черниговщине и снимки с изразцов Нежина и Ични см. М. А. Фриде. Гончарство на юге Черниговщины. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 55—57.

дощечку размером 20×29 см, толщиной до 4,5 см, с одной стороны гладкую, с другой — с вырезным легким узором. Любимыми узорами в конце XIX в. были «хрестатый», изображавший кресты с прямыми и расширенными концами, затем «решеткой», т. е. сетчатый узор, и другие несложные геометрические узоры. Форма была очень долговечна, передавалась по наследству от деда к внуку (одной форме, по расчету ее владельца, старого гончара, было не менее ста лет, так как еще дед его работал на ней). За год по всей губернии выжигалось 83 горна изразцов, в среднем 800 в одном горне [1]. Миргородские изразцы расходились только в пределах своей губернии, зеньковские — в северо-восточной части Полтавщины и в Харьковской и Екатеринославской губерниях; лохвицкие кафельники развозили свои изделия в западной части Полтавщины, а также в Черниговской и Курской губерниях. Но и на Полтавщине, как во многих других местах, к XX в. стала преобладать выделка изразцов белых, без всякой росписи. В Подолии распространены были вплоть до Октябрьской революции изразцы в форме круглых плоских тарелок с росписью («тафли»), которые просто вмазывали в глиняную стенку печи (что часто можно еще встретить и теперь в старых хатах). Иногда ими закрывали отверстие, через которое чистят печь, в таком случае их называли «душниками». Центром производства тафлей было с. Бубновка (Гайсинский район Винницкой обл. УССР), один из главных пунктов и современного гончарного промысла на Подольщине [2].

В старину все кафельники на Украине входили в состав гончарных цехов, имевших сложную организацию, с выработанными правами и обязанностями своих членов, со своими цеховыми знаками и пр. [3]

ЛЕПКА

Заканчивая раздел об украшениях восточнославянского крестьянского жилища, нельзя обойти молчанием малоизвестный и почти не исследованный до сих пор вид народного творчества, а именно, лепные украшения крестьянского жилища.

До недавнего времени крестьянская лепка была известна только у украинцев, причем в литературе она была отмечена лишь мимоходом в Воронежской обл.: «Лепка в виде головок, рельефных животных, орнамента — встречается на комине печи у украинцев» [4]. Еще более глухо упоминается о лепных украшениях на Подольщине [5]. Впервые вопросу о крестьянской лепке на Украине было посвящено несколько страниц в недавней работе украинского архитектора В. П. Самойловича о колхозном жилище лесостепной полосы УССР [6]; обследованная им крестьянская леп-

[1] На печь шло 200—300 изразцов, а на грубу около ста.

[2] В 1930-х годах колхозник П. Лавренюк-Полывъяный (с. Жерденовка Винницкой обл.) перенес орнамент круглых тафлей на облицовочные плитки, в настоящее время приобретающие широкое распространение в городской архитектуре малых и больших форм на Украине (см. «Украинское народное искусство». М.— Л., 1938, рис. 45).

[3] Устройство гончарного цеха в Глинске б. Роменского уезда (теперь в Сумской обл.) см. И. Зарецкий. Гончарный промысел в Полтавской губ. Полтава, 1894. стр. 118—119, примеч.

[4] Н. В. Валукинский. Народное искусство. В кн. «По нашему краю». Воронеж, 1929, стр. 24.

[5] П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, стр. 17.

[6] В. П. Самойлович. Жилий будинок колгоспника. Київ, 1951, стр. 73—74, 82—83, 88, рис. 31, 32, 42—46, 53, 54, 59, 65, 66. Следует отметить, что пластичная обработка наружных стен встречается и в румынском крестьянском жилище (повидимому, в виде резьбы по сырой штукатурке). См. «Architectura RPR», 1955, I, стр. 27—33 (с фото и рисунками).

ка на Подольщине (Каменец-Подольский район) представляет собой, повидимому, довольно позднее явление, развившееся под влиянием каменной городской архитектуры, но предпосылки для ее развития, несомненно, имелись с очень давних пор. В самом деле, исконная обмазка жилища густым слоем глины сама по себе давала возможность выявлять конструктивные детали хаты — легкое обрамление окон и дверей, подобие пилястр на стенах, небольшие карнизы. Большие возможности представляла глинобитная печь: в ее массивном теле вырезывались печурки, ниши и карнизы, ступеньки и уступы, дававшие разнообразные очертания, преимущественно в комбинации с различной формы грубами. Особенно сложную профилировку стали применять, когда начали складывать печи из кирпича: появились разнообразнейшие карнизы, пояски, западинки, целые арки, соединявшие варистую печь с грубой.

Пластичная обработка стен и печи, оживлявшая и украшавшая помещение, создавала привычку населения к разнообразному рельефу стены, к игре светотени на побеленной глиняной поверхности. Поэтому в южных районах Каменец-Подольской обл., где имеется много гипса, совершенно закономерно развилось широкое применение его для декоративного оформления жилища. Чаще всего это происходило вблизи местечек и городов Подольщины, для которых были характерны барочные здания — церкви и часовни, помещичьи особняки и крепостные сооружения. Основное назначение гипсовой лепки — подчеркивание конструктивных деталей здания: пилястры, фризы, наличники окон и дверей снаружи хаты, всевозможные карнизы, пояски и мелкие рельефные украшения внутри. Особенно развились угловые пилястры и фризы под свесом соломенной крыши в с. Кадиивке на Подольщине [1]. По профилированным углублениям пилястр, по обеим сторонам входа помещали рельефные украшения, отлитые в специальных формочках и затем «приомороженные» жидким гипсом. Высота рельефа невелика, редко больше 6—8 см. Наличники также отливали в особых формах и прибивали гвоздями сквозь заранее сделанные отверстия [2]. Сами украшения — это большей частью типичный украинский вазон со стеблем, заканчивающимся наверху 1—3 цветками, или длинный побег с цветком, отдельные ветки, несложные розетки, стилизованные листья [3]. Отливка отдельных деталей позволяла достигать разнообразия, используя небольшое количество форм. Для пилястр и вертикальных обрамлений употреблялась преимущественно одна вытянутая растительная фигура [4], горизонтальная тяга — фриз набирался большей частью из отдельных квадратных или слегка продолговатых деталей (розеток и стилизованных веточек) [5]. Нередко раскрашивали плоскость стены, оставляя все рельефные части белыми, так что они четко выступают на цветном фоне.

Мало еще изучена и крестьянская лепка у великорусов. Лепные украшения на бревенчатой крестьянской избе впервые обнаружены комплексной экспедицией Института истории искусств и Института этнографии Академии наук СССР в 1950 г. и опубликованы в 1952 г. [6] Этот вид архитектурных украшений с конца XIX в. применяется в Некрасовском районе

[1] П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 14 и 15.
[2] В. П. Самойлович. Указ. соч., рис. 31 и 32.
[3] Там же, рис. 54.
[4] Там же, рис. 42, 43, 45, 53.
[5] Там же, рис. 59.
[6] И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, стр. 4, 35—40 и рис. 18, 19, 108, 110—116; И. Гроздова и Л. Чижикова. Верхне-Волжская экспедиция по изучению русского народного зодчества. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 16, рис. 3—4.

Ярославской обл. (б. Даниловский уезд). Здесь в четырех сельсоветах почти в каждой деревне и каждой крестьянской избе живут потомственные штукатуры и лепщики. Даниловские лепщики издавна славятся своим высоким мастерством, их профессия передается из поколения в поколение с незапамятных времен. Уроженцы приволжских селений Некрасовского района, талантливые мастера-лепщики сейчас работают в Москве, Ленинграде, Ярославле и других городах Советского Союза, их руками выполнены лепные украшения в Центральном театре Советской Армии, реставрирована лепка Зимнего дворца; они участвуют в ответственнейших лепных работах большинства крупных строительств нашей страны. Их отцы, деды и прадеды выполняли лепные, мраморные и штукатурные работы в подмосковных дворцах и городских особняках дворян и купцов — богачей Москвы и Петербурга. Даниловские лепщики работали в XVIII—XIX вв. над прекрасными плафонами царских дворцов Царского Села (г. Пушкин) и Петергофа (г. Петродворец) (они были разрушены германскими фашистами во время Великой Отечественной войны). Возвращаясь на побывку к себе на родину, лепщики применяли свое мастерство и выработанные ими приемы для украшения своих изб, переделывая на свой вкус и лад классические образцы, выполнявшиеся ими по указаниям художников и архитекторов.

Наружная отделка оштукатуренных снаружи и внутри изб обычно ограничивается масками, помещаемыми в простенках между окнами, реже встречается лепное оформление всего фасада — карниз из лепных гирлянд, пилястры, наличники и простенки. Исследователи обращают внимание на женские головы, увенчивающие пилястры,— они отступают от классических образцов и явно обнаруживают портретное сходство.

Богато отделывается внутренность избы, главным образом лепные потолки и карнизы; встречаются также лепные подставки для ламп, кронштейны под зеркало, иногда лепные медальоны на стенах. В центре потолка помещена розетка, вокруг нее — переплетенный лентой венок из цветов, от венка к центру идут цветочные гирлянды; заполняются также и углы потолка. Иногда лепные украшения слегка подцвечены слабыми тонами краски. При этом оформлении «сама изба становится шире и светлее. При первом взгляде на нее теряется ощущение масштаба обычного народного жилища. Перед вошедшим в дом раскрываются необыкновенные помещения, иллюзорно превосходящие по размерам фактически существующие комнаты» [1].

Процесс производства лепнины заключался в том, что сначала из чистой глины лепили образец, потом снимали первую форму из алебастра и из нее выливали уже постоянную модель, с которой снимали рабочую форму; одна рабочая форма служила пять-шесть раз, потом ее приходилось заменять новой. Исследователи отмечают, что орнаментика лепных украшений довольно близка к мотивам глухой резьбы по дереву на лобовых досках в тех же районах. Этот факт перевода на наших глазах элементов резьбы по дереву в лепнину особенно интересен для уяснения аналогичных явлений, происходивших в народном зодчестве в давно прошедшие времена при переходе элементов деревянной резьбы в белокаменную и наоборот, о чем уже достаточно говорилось выше.

---

[1] И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, стр. 36.

XIV. ОБСТАНОВКА В ЖИЛИЩЕ

Основная обстановка — внутреннее убранство — восточнославянского жилища строилась и рубилась с ним одновременно и составляла с ним одно неразрывное целое: в нее входили неподвижные лавки, полки, полати, высокий «пол», казенки, голбец, посудники и весь остальной деревянный «наряд» избы. Вырабатываясь веками, а может быть, и тысячелетиями, неподвижная меблировка жилища была прекрасно к нему пригнана и вполне удовлетворяла потребностям быта в далеком прошлом [1].

В этом одном помещении, в котором жила, работала, питалась, спала семья, каждый член ее имел свое место для работы и для сна. Мужчины держали свои принадлежности в конике, женский угол находился у печки, люлька с младенцем была подвешена на гибком оцепе посредине избы. Ночью старики забирались на печь, взрослые стелили себе на лавках и на полу, ребятишки залезали на полати.

Каждая деталь неподвижного наряда, расположение входа, печи, стола, окон были проверены в быту опытом многих поколений. Положение печи направо или налево от входа определяло собой, как мы видели выше, избу «пряху» или «непряху». Трудясь около печи, стряпуха с детства привычными, выверенными движениями брала нужную посуду из залавка, с посудника, с полки, вдвигала в печь ухватами тяжелые корчаги и чугуны, сажала на под хлебы, вынимала из печи испеченные караваи, поднимала их на пирожный брус, ставила посуду на место, задвигала ухваты и кочергу вниз под опечек и т. д.

Прялка после работы засовывалась наверх на полавошник, постельные принадлежности на день закидывались на полати и пр.

При рождении ребенка, в свадебном обряде, в случае болезни или смерти использование каждого угла, каждой лавки в избе было строго регламентировано и освящено многовековой традицией. Все эти жизненные правила и обычаи обеспечивали наилучшее использование площади избы при очень несложном, но в высшей степени целесообразном ее оборудовании. Русский крестьянин веками приспосабливал свое жилье к условиям своей трудной жизни и умел с крайне ограниченными средствами обставить свой быт так, что он по среднему уровню не уступал быту народных масс в других странах Европы.

Отдельные части неподвижного наряда жилья заменяли, таким образом, ту передвижную мебель, без которой нам теперь трудно представить

[1] В одной из последних статей по архитектуре крестьянского жилища удачно применен к неподвижной обстановке избы термин «встроенная мебель» (Е. Белоусова. Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX века в Горьковской области. «Архитектурное наследство», № 5, М., 1955, стр. 56, 60).

себе возможность жить и работать. Поэтому-то видов мебели, в собственном смысле этого слова [1], т. е. неприкрепленных предметов, в старом восточнославянском жилище было немного: стол, скамья, реже *столец* (табурет), различные вместилища для хранения одежды и разных ценных вещей.

Стол

Одним из наиболее древних видов передвижной мебели является стол (укр. *стіл*), без которого не обходилось ни одно восточнославянское жилище. Правда, наиболее древние известные нам столы были также неподвижными — это глинобитный стол (с глинобитными лавками около него) в пронских жилищах XI—XIII вв. (в Рязанской обл.) и стол в киевской землянке XII в.: его четыре ножки представляли собой стойки, врытые в землю. Самые старинные передвижные столы, дошедшие до нас, относятся не ранее как к XVII—XVIII вв.; это большей частью экземпляры, принадлежавшие зажиточным хозяйствам Севера, старым церквям или из музейных собраний. Передвижной стол также имеет свое постоянное место в избе или хате, он всегда стоит в переднем (красном, святом) углу, под образами, что составляет особенность восточнославянской культуры; при этом в старой северновеликорусской деревне стол всегда стоял вдоль половиц, т. е. узкой стороной к фасадной стене избы.

У других народов не наблюдается такой неизменной постановки стола в определенном углу жилища. В Верхнем Поволжье существовал обычай — для большего простора в помещении стол после еды поднимать на полавошники, на которые его клали боком под самыми образами.

В лесной полосе России выработалась совершенно самобытная форма русского стола плотничной работы. Такой стол имеет массивное, забранное досками подстолье (раму, обвязывающую ножки стола) и толстые коротенькие ножки; массивная столешница делается всегда съемной и значительно выступает за подстолье, иначе неудобно было бы сидеть за столом (рис. 113). Этим он сильно отличается от стола западноевропейского типа, у которого ножки поставлены близко к ребру стола и крышка лишь немногим больше подстолья. Подстолье заключает в себе шкафчик с двустворчатыми дверцами [2]. Со времени Петра I в исконной форме крестьянского стола северо-западных районов произошли некоторые изменения: появились точеные или резные ножки, подстолье стали украшать несколькими прямоугольными углублениями с окаймляющими их калёвками [3]; позднее вместо прежней трехгранно-выемчатой резьбы появились классические мотивы в виде ромбов [4]. Плотничная работа сменилась столярной. В столах более поздней работы прежний шкафчик в подстолье сменился плоским выдвижным ящиком. В северо-западных районах среди русского и карельского населения распространен стол на длинных полозьях; население считает эту форму удобной для передвигания его по избе: стол из красного угла подвигают к печи, когда пекут хлебы; его двигают по всей избе во время мытья пола и стен. Этот вид стола харак-

[1] Напоминаем, что слово «мебель» происходит от франц. meuble (лат. mobilis — подвижный). О крестьянской мебели северных русских областей см. в упоминавшейся выше статье Р. Габе «Интерьер крестьянского жилища» («Архитектурное наследство», № 5. М., 1955, стр. 95—100 и рис. 15—24).

[2] Снимки со старинных русских столов см. А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. III, табл. 32; вып. IX, табл. 117; Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, рис. 62.

[3] Калёвка — фигурный профиль бруска или доски, получаемый строганием.

[4] Старинная форма русских столов со шкафчиками внизу сохраняется в городских, так называемых кухонных столиках.

терен, повидимому, больше для карел и финнов. В Прионежье среди русского населения известен также стол *кудка,* у которого низ забран деревянной решеткой, так как здесь зимой держат кур; он стоит в кухонной части избы [1]. Своеобразным вариантом древних русских столов является стол *ко́ник,* встречавшийся в зажиточных домах средней русской полосы; он представляет собой массивный стол с подстольным шкафчиком, задняя

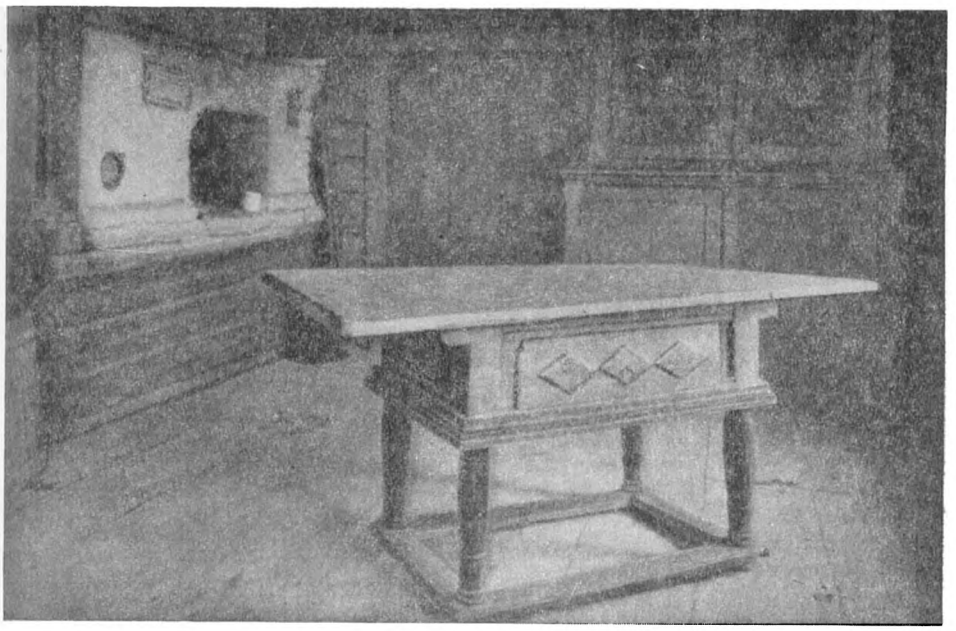


Рис. 113. Старинный стол с большой столешницей в крестьянской избе (дер. Невижи Лужского района Ленинградской обл.)

и боковые стенки которого выступают над столешницей; боковые стенки заканчиваются наверху конскими головами, как коник у лавки около входа.

У белорусов столы чаще всего делались на *козюлях,* т. е. на козлах — двух крестовинах, соединенных перекладиной. Стол имел ящик — *скрыньку,* который можно было выдвигать в обе стороны.

Особый интерес представляют распространенные преимущественно среди украинцев низенькие круглые столики высотой 25—35 см, диаметром до 90 см. Летом во дворе садятся на земле и на низеньких *стільчиках* вокруг такого столика обедать, есть арбузы и т. д. На нем также валяют тесто и приготовляют хлебы. Когда он не нужен, его вешают на стене хаты снаружи. До последнего времени круглые столики были во всеобщем употреблении на Кубани и на Дону. Украинские названия их — *стілéць, сирнó, зéмний* стол; донские казаки говорят — *земнóй, летний позёмный* стол, в Приазовье — *арбузный* стол. Круглые низкие столики известны также среди южных славян и, несомненно, связаны с Средиземно-

[1] Изображение кудки см. «Записки Историко-бытового отдела [Гос. Русского музея]», 2. Л., 1932, рис. 5.

морьем, а возможно, и с кочевыми культурами древности (аналогичные столики известны у крымских татар, у древних скифов) [1].

Повидимому, во многих районах Украины (например, на Полтавщине) в прошлом отсутствовал обыкновенный, на высоких ножках стол в хате; обычно обедали, сидя на полу, вокруг круглого «зе́много» столика [2]. В праздники высокий стол заменяла *скрыня* (см. ниже).

Рис. 114. Старинная русская переметная скамья

Древней формой мебели являются и переносные скамьи с четырьмя ножками или с заменяющими их глухими досками по концам, приставлявшиеся к столу. В деревенском быту скамьи не имели спинки; в монастырях и городских домах встречались скамьи и со спинками. Особенно своеобразны и удобны *перемётные скамьи* с перекидной спинкой — *перемётом* (рис. 114). Обычно эти спинки украшались прорезным орнаментом (это имело большое значение для уменьшения их веса), что̀ дает еще одно доказательство давнишнего знакомства русских плотников с прорезной техникой орнаментации дерева [3]. В дореволюционной деревне бытовали также приставные скамьи о двух ножках лишь на одном конце — другим

[1] Изображения столиков этого типа см. K. Moszyński. Kultura ludowa słowian Cz. I. Kultura materjalna. Kraków, 1929, il. 490; L. Niederle. Slovanské starožitnosti (Život starých slovanů), sv. 2. Praha, 1913, il. 147.

Об этих столиках в скифское время см. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952, стр. 40—42; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, стр. 82—86 и табл. XIX.

[2] На это можно встретить указания у авторов первой половины XIX в.; например, О. Гунн описывает посещение хаты в деревне близ Яготина (Полтавская обл.): «Некоторые из семейства сидели на земле, как турки, поджавши ноги, и ели пшенную кашу и борщ из капусты» (О. Гунн. Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию в октябре 1805 г., ч. III. М., 1806, стр. 6. См. также описание обеда в «Страшной мести» В. Н. Гоголя (Полн. собр. соч., т. I, 1940, стр. 254).

[3] Снимки со старинных переметных скамей см. А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. VIII, табл. 109; Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, рис. 63.

концом их клали на лавку; их часто изготовляли из ели, два соседних корня которой обрубались на определенной длине и служили ножками. Линию развития скамьи проследил украинский этнограф Ю. Павлович: от стесанного с одной стороны древесного ствола с обрубленными на другой стороне на определенной высоте сучьями-ножками до обычной скамьи современного типа [1].

Несложную мебель делали плотники, нередко одновременно с неподвижным нарядом самой избы.

Коробья

С глубокой старины дошли до нас различные вместилища для хранения праздничной одежды и наиболее ценных вещей — укладки, коробьи, сундуки, скрыни и пр. Повидимому, наиболее древними по происхождению из этого вида обстановки у великорусов (по крайней мере, у северных) можно считать укладки и коробьи. Широкое содержание имел термин «укладка»: его употребляли для обозначения почти всякого переносного вместилища для одежды и других вещей; это и лубяной короб, и деревянный сундучок, и кадка с крышкой и замком.

Совершенно четко установившуюся форму имеют коробьи северно- и средневеликорусов [2].

Коробья — гнутый из луба сундучок с четырьмя тупыми углами, с «напускной» (выступающей) лубяной крышкой и висячим, а иногда и внутренним замком (рис. 115). Часто коробьи оковывались железными полосами, а двойное дно снизу делалось решетчатым «для про́духу»; нередко снаружи и внутри коробья покрыта росписью, восходящей к XVII в. [3] В старых документах часто упоминаются коробьи, коробейники, коробки, находившиеся во владении и частных лиц и церковном, с описанием их содержимого [4]. Из старых писцовых книг видно, что в Новгороде коробья (задолго до XV в.) служила хлебной мерой [5]. Сейчас в Новгородской обл. известна *коробейка,* имеющая цилиндрическую форму, согнутая из тонких осиновых планок. Почти исчезнувшая из быта, за исключением дальных северных районов, коробья еще живет в языке старого

[1] Ю. Павлович. До питания про еволюцію ніжки стільці й столі, «Матеріяли до етнології», II. Київ, 1929, стр. 46—51. О скамьях у белорусов см. выше, стр. 226.

[2] Архангельское — ко́робья, новгородское — коро́бья, рязанское — коробья́. «Коробья» — старое русское слово, происходит от слова «кора», как «короб», «коробовые (т. е. лубяные) сани», «коробиться», «корыто», «коре́ц» и «ко́рчик» (название ковша у белорусов и южновеликорусов, также коряк; ко́роц в XIX в. у белорусов — хлебная мера, в Древней Руси — мера сыпучих тел и жидкостей). См. В. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 165, 168; Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.— Л., 1937, стр. 155. Впрочем, слово «корец» связывают также со словом корень, так как ковши вырезали и из корней деревьев.

[3] Роспись на старинных коробьях см. А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. XI, табл. 146 и 147; В. Воронов. Крестьянское искусство. М., [б. г.], рис. 65—68 и табл. I

[4] Интересен обнаруженный в архиве Холмогорской и Устюжской епархии документ 1595 г., содержащий жалобу на ограбление избы: «...да из шемнуши, господа, взяли коробью, а в коробье, господа, было живота моего: шапка бархатная женская. да ожерелье золотное с пугвицами, да 7 рубашек женских простынн 90 локоть простыни, да денег 3 рубля с полтиной. И всего, господа, живота моего тот Злоба с своими детми взяли грабежом на 8 рублей з гривной» (А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. XI, указатель).

[5] Коробья — мера для зернового хлеба, солода, репы, хмеля и т. п. Она вмещала 7 пулов (112 кг) ржи, т. е. то количество зерна, которое требовалось на обсеменение одной десятины пашни. Коробья делились на 4 четверки, или четки; каждая четка в свою очередь делилась на 4 четверника. Сообразно показателю высеянного хлеба и размер запашки выражался в коробье и ее частях (см. Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 157; Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. «Исторические записки», 19, 1946 стр. 314).

поколения, в свадебных песнях и причетах: «ко́робью копи́ть»,— говорят в Архангельской обл. вместо «готовить приданое» (так как прежде приданое невесты хранили в коробье); «ряди́ть ко́робью» — означает складывать в сундук приданое. О коробье поется и в сибирских свадебных песнях.

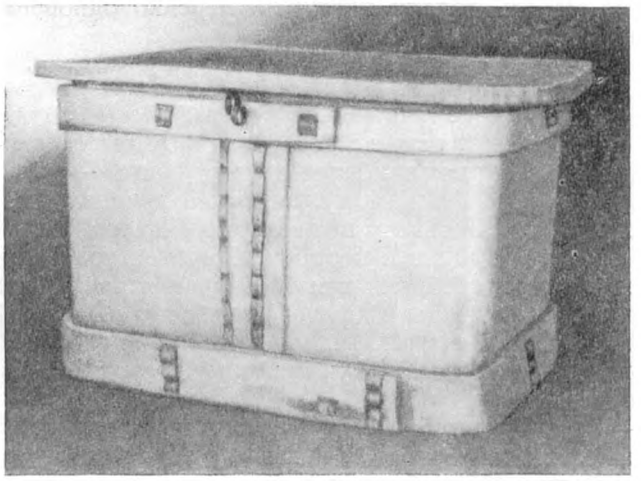


Рис. 115. Старинная лубяная коробья северновеликорусов (д. Кенозеро Ошивенского сельсовета Приозерного района Архангельской обл.)

Кубел

Не менее древним видом хранилища для одежды и других вещей на западе и юге восточнославянской территории была долбленая липовая кадка с крышкой. Это *ку́бел* [1], *куба́ль* — у великорусов Псковской, Великолукской, Смоленской и Калининской областей, *ку́бел* у белорусов,

[1] Слово «кубел» — одного корня со словами: «куб» — большой чан, «кубок» — стакан для вина, «кубышка» — пузатый кувшин, «кубари» — двойная долбленая лодка (во Владимирском крае) и т. д. Это слово в близком значении известно во всех славянских языках. В древнерусском языке — как хлебная мера кубел (а также полукубел) известен с XV в. (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 1356, 1387, 1388; там же, т. II. СПб., 1902, стр. 1140). О происхождении его существует несколько предположений: Миклошич считает его заимствованием из тюркского, Преображенский — из древне-верхненемецкого, а германский ученый Бернекер, приводя санскритские параллели, склонен считать его исконно славянским (см. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 6. М., 1912, стр. 403).

Закрывающиеся кадки-ушаты для приданого характерны и для старого литовского быта (фотоснимок с литовского *kubilis*, сделанного в 1835 г. и хранящегося в Вильнюсском этнографическом музее, см. КСИЭ, XV, 1952, рис. 1, на стр. 40) и для быта ижоры (Ямбургский и Петергофский уезды Петербургской губернии): «Богатые невесты имели по несколько кадок. Изготовлялись кадки в дер. Валговицы (б. Котельской вол.), где население и до сих пор занимается бондарством. Преимуществом кадки-сундука перед громоздким сундуком обычного типа является то, что в случае пожара ее легко может выкатить на улицу один человек» (Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води. «Труды КИПС АН СССР, 16. Западнофинский сборник». Л., 1930, стр. 338 и табл. II, рис. 7). Большие колоды, а также и бочки для хранения зерна известны и у эстонцев под названием *kubjas*: они широко распространены были в Эстонии в XIX в. и кое-где изредка встречаются и сейчас.

бóдня — у украинцев и у великорусов Воронежской обл. и на Дону [1] (рис. 116). Кое-где в Белоруссии можно еще найти наиболее древнюю разновидность кубла, сделанного из отрезка древесного ствола с дуплом и используемого в лежачем виде, с вставными днищами и боковой вырезкой — *веком,* или *вечком* (крышкой на ремешках) [2]. Более совершенная

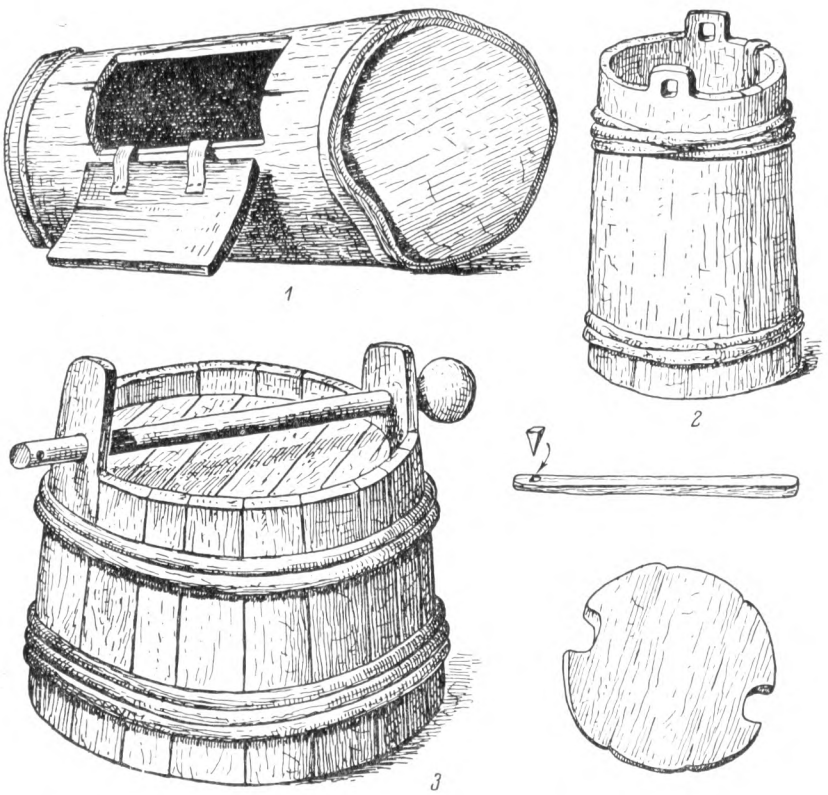


Рис. 116. Старинная восточнославянская утварь для хранения одежды и прочего имущества

1 — кубел из отрезка дуплистого древесного ствола; *2* — кубел, долбленая кадка с ушками, крышкой и накладкой с проушиной для заклинивания; *3* — бодня бондарной работы, запирается висячим замком (*1*, *2*-я — белор., *3* — укр.)

форма кубла — высокая (1 м и больше), узкая, почти цилиндрическая долбленая кадка с ушками, отдельной крышкой и накладкой с проушиной для заклинивания. Еще более поздняя форма кубла — широкая низкая кадка (около 60 см высотой и до 70 см шириной у основания), а иногда и высокая бондарной работы, из клепок, с накладкой и висячим замком.

[1] Слово «бодня» обозначает собственно кадка; бóденька — кадушечка у украинцев Левобережья, боденьчá — кадушка у лемков; бóднарь, бóднарство у гуцул = бондарь, бондарство. «Роман гукнув на жінку, щоб виймала з бодні гроші» (М. М. Коцюбинський. Цитировано по Украинско-русскому словарю И. Н. Кириченко, т. I. Киев, 1953, стр. 77).

[2] Автору настоящей работы во время этнографических странствий в 1920-х годах приходилось и в глухих великорусских углах видеть в кладовках при избе такие длинные дупляные кублы, используемые для хранения зерна и муки.

Повидимому, именно этот бондарный кубел (или бодня) был еще сравнительно широко распространен в средине XIX в.; во второй половине века он быстро стал выходить из употребления и заменяться сундуками у великорусов, скрынями у украинцев и *куфарами* у белорусов. К началу первой мировой войны, пожалуй, только в отдельных белорусских местностях еще сохранялись кублы как вместилища для одежды, а в горах у гуцулов уцелели бодни; во всех же остальных местностях этот вид утвари, повидимому, исчез даже из памяти населения [1].

Сундук

Наиболее характерной мебелью для старого русского быта XVIII—XIX вв. был сундук. В прежнее время вряд ли можно было найти семью в России, не имевшую сундука. У каждой девушки, у каждой невестки в семье был свой сундук с ее собственным добром. Семейные разделы, свадьба, накопление имущества — во всех случаях требовалось купить новый сундук. Он составлял почти неотъемлемую часть приданого невесты. Числом сундуков измерялось богатство хозяев. В сельских местностях и сейчас сундуки самых разнообразных форм и величин составляют распространеннейшую и необходимейшую мебель.

Древняя форма сундука — простой деревянный ящик с плоской крышкой, всегда с замком, часто окованный для прочности железом [2]; более поздняя форма — с выпуклой крышкой и рамной обвязкой («горбатые» сундуки). Внутри сундука в верхней части часто приделывали отделения для мелочей: узенький ящик сбоку во всю ширину сундука, иногда с крышкой, назывался *приголовок*. Часто делали съемные лотки (один или несколько) для мнущихся вещей.

Больше всего производилось простых крестьянских сундуков, в меньшем количестве — более высокого сорта. Простые сундуки окрашивали; более высокие сорта сундуков обивали полосками жести в прямую или косую клетку (применялась различная жесть — белая, желтая, золоченая, «морозовая», или «мороженая», черненая), оковывали железными полосами, вставляли внутренний замок, иногда «со звоном». Изготовлялись еще мелкие «солдатские» сундуки (длиной 14 и 12 вершков, или 62 и 53 см), которые покупались уезжающими на военную службу новобранцами.

Сундуки делали из различных пород дерева: в Нижегородской и Владимирской губерниях — преимущественно из ольхи, в Пермской — из сосны, в Воронежской и Курской — из липы и осины. Особенно ценились дубовые сундуки.

---

[1] В Гос. Музее этнографии СССР (Ленинград) хранятся приобретенные в 1906—1914 гг. три таких кубла: один у белорусов в Минской губ., два у мордвы — в Самарской губ. и в Саратовской губ.; один старинный кубел приобретен в 1940 г. у чувашей в Чувашской АССР.

[2] Оковку узорчатым прорезным железом сундучка XVI в. см. Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву, рис. 120. Сундуки с врезными замками имелись у восточных славян очень давно; тип небольшого врезного замка с пластинчатой пружиной был широко распространен в домонгольское время и встречен в раскопках многих древнерусских городов (Киева, Новгорода, Чернигова, Старой Рязани, Вщижа и др.). О русских замках домонгольского периода, и в том числе о врезных, появилось за последние годы несколько статей и небольших исследований с чертежами замков и ключей в следующих изданиях: КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 144—145; там же, XXXIX, 1951, стр. 140—141; там же, XLIX, 1953, стр. 32—38; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 218—223; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, М., 1953, стр. 152—162; его же. Техника обработки металла в древней Руси. М., 1953, стр. 126—137.

Сундуки всегда были покупными, так как изготовление их требовало совмещения, по крайней мере, двух специальностей — плотника и слесаря (а иногда еще и живописца).

Еще в эпоху Московской Руси отдельные города славились выделкой сундуков. Так, швед И. Ф. Кильбургер (1674 г.) хвалил сундуки, выделывавшиеся в Холмогорах. Их делали различной величины, обтягивали красной юфтью (кожей) или тюленьими шкурами; в них укладывали в Архангельске товары с иностранных кораблей и привозили в Москву, где эта тара также распродавалась; А. Олеарий (1636 г.) отмечает производство сундуков в г. Козмодемьянске [1].

В XIX — начале XX в. крупные центры сундучного промысла, где работали сотни кустарей, производивших в общей сложности несколько сот тысяч сундуков в год, находились в пределах губерний Нижегородской, Пермской, Владимирской, Вятской (Орловский и Вятский уезды), Воронежской (слобода Воронцовка) и Курской (Новооскольский уезд). Кроме того, сундучным промыслом занимались в Великом Устюге, обслуживавшем весь Северный край, и в Тюменском районе в Западной Сибири.

Сундуки изготовлялись различных размеров, с таким расчетом, чтобы они входили один в другой (для удобства перевозки). Простые сундуки шли в оптовую продажу чаще всего «тройками», т. е. по три сундука длиной $1\frac{3}{4}$, $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{4}$ аршина (1,24, 1,06, 0,89 м); кроме того, были еще «двойки», «четверки», «пятерки», «шестерки» (или «пятерики», «шестерики», «семерики»). Для пермского сундучного производства характерна «стая», или «осьмерик», из восьми простых, обитых жестью сундуков различных размеров, вставленных один в другой. В торговле всякий такой набор сундуков (тройка, пятерик и др.) носил общее название «места».

Из отдельных центров сундучного промысла, выработавших свой характерный тип сундука, с середины XVIII в. славился Нижний Тагил на Урале (прежде Пермской губ., ныне Свердловской обл.). Сундуки здесь выделывали из кедра, точнее из сибирского вида сосны [2]. Путешественник Г. Реман указывает, что они делались «из лиственичного дерева, известного под именем сибирского кедра; оно считается весьма прочным и безопасным от червей и других точащих насекомых» [3]. Сундуки обивали листовым железом, нередко расписывали яркими красками, покрывали прочным и красивым лаком; роспись представляла жанровые сцены, украшавшие верх, переднюю и боковые стенки. Тагильский сундук имел прочную оковку железными полосами. Яркие расписные сундуки производились также в селениях по берегам рек Керженца и Ветлуги, где сундучный промысел был развит уже в конце XVIII в. (Макарьевский уезд Нижегородской губ.), в самом Макарьеве и в Муромском уезде Владимирской губ. (в 13 селениях по правому берегу Оки, недалеко от известного с. Павлова Нижегородской губ., поэтому муромские сундуки больше известны под названием павловских). Промысел макарьевских сундуков (известных также под названием керженских) значительно более древний, чем павловский, обязан своим возникновением существованию ярмарки при Макарьевском монастыре [4].

---

[1] Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 114; Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства, стр. 259.

[2] См. примеч. на стр. 72.

[3] Г. Реман. Указ. соч., стр. 226.

[4] См. примеч. на стр. 13.

В Макарьеве выделывались сундуки десяти размеров — от 8 вершков (35,5 см) до $2^1/_2$ аршин (1,78 м) в длину. Независимо от размера, макарьевские и павловские сундуки были двух типов — *подносные* и *решётки*. В подносных сундуках украшена только передняя стенка: на нее набивалось два квадрата жести с яркой росписью, сделанной легкой и смелой манерой и изображавшей пучки цветов с плодами и птицами на них, вазы с букетами, венки, в центре которых иногда вписывали дату. Нанесение белых бликов давало впечатление рельефа. Свое название эти сундуки получили по сходству росписи на них с живописью на подносах. В сундуках-решетках главным украшением служили полосы жести, набивавшиеся в косую или прямую клетку на дерево, предварительно окрашенное красной, синей или зеленой краской. На жесть наносили печатные узоры и «мороз». Печатные узоры делались так: железные полосы, листы и косоугольники смазывали олифой, накладывали на нее сплошь листками покупное сусальное серебро, подсушивали над печью, затем накладывали прорезной бумажный трафарет и стирали все видное в прорези серебро, затем вновь покрывали олифой и прогревали в «вольном жару» русской печи, отчего серебро узора приобретало золотистый цвет. Разделка жести «под мороз», т. е. наведение на нее рисунков, подобных разводам инея на оконных стеклах зимой, производилась несколькими способами: самый простой «мороз» получался, когда раскаленную белую жесть обрызгивали из лейки водой; «синий мороз» выходил, когда на раскаленную жесть брызгали купоросным маслом с «крепкой водкой» (т. е. азотной кислотой) и нашатырем, золотистые оттенки «морозчатое» железо приобретало от прибавления к жидкости желтой или зеленой краски. Реже делали на жести насечку — рельефный узор.

В сундучном промысле наблюдалось несколько типов организации производства. Так, например, в Устюжском уезде Вологодской губ. оно распадалось на два промысла: плотничная работа выполнялась крестьянами подгородных волостей, слесарная — городскими мастерами, скупавшими у крестьян приготовленные к обивке сундуки. В другом случае их делали мастера-сундучники, с разделением труда внутри семьи или внутри небольшой артели. Местами сундучники, по 3—5 семей, работали на заказ, но большей частью продавали свои изделия на ярмарках в окрестных селениях или ближних городах.

В г. Макарьеве все производство в конце XIX в. находилось в руках восьми крупных хозяев-торговцев, которые снабжали мастеров сырьем и на которых работало около 150 человек: «деревщики» из получаемого от хозяина материала делали у себя на дому сундучные ящики, носившие названия — *гольё, бельё, рубашка;* затем голье поступало к «оковщикам», которые в мастерской хозяина красили, оковывали сундуки и вставляли в них замки.

Каждый мастер (из общего числа 90 деревщиков и 60 оковщиков) изготовлял в течение года 150—200 сундуков, общая годовая выделка колебалась по годам от 20 тыс. до 30 тыс. сундуков. Часть их шла на Нижегородскую ярмарку, а часть отправлялась весной вниз по Волге на баржах и дощаниках в Симбирск, Царицын и Астрахань.

Из Муромского уезда, наиболее крупного центра сундучного промысла, где в начале XX в. работало 350 кустарей, с годовой выработкой в 50 тыс. сундуков, павловскими скупщиками сундуки доставлялись водой по р. Оке на ярмарку в Нижний-Новгород. Известно также, что значительную часть макарьевских и павловских сундуков прямо с мест везли в Харьков, где были большие склады этого товара и где сундуки продавались на пяти ежегодных ярмарках (Успенской, Покровской и т. д.).

Так, например, на Крещенскую ярмарку 1854 г. было привезено 1600 мест, что в среднем составило около 10 тыс. сундуков [1].

В руках скупщиков находился сундучный промысел в Пермской губ., где было два центра — Невьянск и Нижний Тагил (в последнем в начале XX в. вырабатывалось лишь около 20% общего числа пермских сундуков). Здесь белье вязали кустари-крестьяне окружающих деревень, а оковывались сундуки в особых кустарных мастерских Невьянска и Нижнего Тагила, в которых насчитывалось значительное количество наемных рабочих. Владели мастерскими те же скупщики.

Пермский сундучный промысел В. И. Ленин считал «наиболее типичным образчиком капиталистической мануфактуры» в производствах по обработке дерева. Он писал:

«По данным, напр., пермских исследователей, «организация его такова: несколько крупных хозяев, имеющих мастерские с наемными рабочими, закупают материалы, изготовляют *отчасти* изделия у себя, но главным образом раздают материал мелким детальным мастерским, а в своих мастерских собирают части сундука и, по окончательной отделке, отправляют товар на рынок. Разделение труда... применяется в производстве в широких размерах: изготовление целого сундука делится на 10—12 операций, исполняемых каждая в отдельности детальщиками-кустарями. Организация промысла — объединение детальных рабочих... под командою *капитала*». Это — разносоставная мануфактура..., в которой различные рабочие исполняют не последовательные операции по переработке сырья в продукт, а изготовляют отдельные части продукта, собираемые потом вместе. Предпочтение капиталистами домашней работы «кустарей» объясняется отчасти указанным характером этой мануфактуры, отчасти (и главным образом) более дешевой оплатой труда домашних рабочих...

По всей вероятности, так же организован сундучный промысел во Владимирской губ. в Муромском уезде...» [2].

Аналогичная организация сундучного промысла наблюдалась в 1880-х годах и в Курском крае, где в то время вырабатывалось свыше 20 тыс. сундуков в год. Уже тогда промысел переживал переходный период от мелкого кустарничества к более крупной капиталистической организации. Здесь в промысле участвовали и женщины, занимавшиеся окраской сундуков («в гладь», или «под орех»,— одной краской) и расписыванием их («с розанами» — в несколько цветов).

Крупнейшими торговыми центрами, откуда через скупщиков сундуки расходились по всей России, были Макарьевская ярмарка (переведенная, как упоминалось выше, в 1817 г. из Макарьева в Нижний-Новгород), где продавались сундуки преимущественно тагильской, макарьевской и павловской работы, и ярмарка в г. Ирбите, учрежденная в 1845 г., на которой вплоть до 1923 г. торговали изделиями тюменских сундучников [3]. Путешественник Г. Реман видел в 1805 г. на Макарьевской ярмарке Сундучный ряд с полверсты длиной, за которым были обширные склады, где составлены были большие сундуки — шестерики, ста́и (место — с 6—8 меньшими сундуками внутри). Здесь велась только крупная оптовая торговля, сундуки покупались сотнями мест. В другом ряду, длиной около

---

[1] И. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, стр. 379.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 347—348; см. также т. 2, стр. 399—400. (Первое отточие в цитате поставлено В. И. Лениным).

[3] «Макарьевские сундучники снабжают товаром своим всю Русь и Закавказье, Хиву и Бухару» (В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 370).

четверти версты, производилась полуоптовая продажа сундуков отдельными местами. Продажа сундуков в розницу шла в балаганах, сколоченных из досок и покрытых рогожами; эти балаганы, числом (в разные годы) от 50 до 98, образовывали два длинных ряда [1].

«Ярмарочный сундучный ряд был похож на картинную галерею — таким разнообразием отличались собранные в нем сундуки, обитые железом с блестящей живописью. Самыми богатыми были сундуки Тагила, имевшие на стенках и крышке до восьми отдельных жанровых картинок, списанных с гравюр и литографий. Тут красовались романтические пейзажи, Наполеон с семейством, царские пиры, эпизоды из жизни Петра Первого, прогулки и танцы — словом, целая энциклопедия сюжетов лубочной графики» [2]. Общее число привозимых на ярмарку сундуков доходило до 200 тыс.[3]

Скрыня. Куфар. Подголовник

На Украине издавна уже бодни начали вытесняться скрынями. Украинская скрыня [4] — род высокого деревянного ящика с плоской крышкой в виде толстой доски, несколько выступающей за стенки скрыни (рис. 117). Внутри, в верхней части скрыни, на боковой стенке делали *прискрынок* — ящичек с крышкой и с замком, предназначенный для хранения монист, денег, документов и пр. Иногда скрыню также оковывали железом, ярко расписывали цветочным орнаментом (*квітчаста скриня*); она часто бывала поставлена на четыре небольших колесика для удобства передвигания. У большинства скрынь крышка плоская. Во многих районах Украины скрыню использовали в качестве стола, но преимущественно по праздникам; в будние дни обедали на «полу».

Центры производства скрынь известны на Черниговщине, Полтавщине (б. Золотоношский уезд) и Екатеринославщине; особенно славилось своими расписными скрынями с. Игрень Новомосковского уезда Екатеринославской губ. (ныне находится в Днепропетровской обл. УССР, километрах в 15 от Днепропетровска), где в начале XX в. «скрынниками» выделывалось около 6 тыс. скрынь ежегодно. Продавались готовые скрыни обычно на ярмарках.

У гуцулов есть два вида скрыни, оба на высоких ножках: плоский сверху, служащий столом, и с двускатной крышкой (саркофагообраз-

---

[1] См. Г. Реман. Указ. соч., стр. 224—226.

[2] Д. В. Прокопьев. Художественные промыслы Горьковской обл., стр. 87.

[3] Следует отметить, что арабское слово «сандук» попало к нам через тюркоязычные народности и вошло в повсеместное употребление, повидимому, не так давно. По крайней мере, русские старообрядцы на Алтае, бежавшие туда в XVII—XVIII вв., не употребляют этого слова и привозные тюменские сундуки называют ящиками. В Макарьеве на Волге мастера-сундучники называли сундуки укладками еще в конце XIX в. В языке свадебных песен фигурирует коробья, хотя ее давно уже в быту сменил сундук. В документах слово «сундук» известно с XVI в. на Севере и в центральных областях; оно упоминается и в Домострое. Не распространилось ли у нас слово «сундук» благодаря ярмаркам, на которых приезжие купцы (хивинские, бухарские, персидские, кавказские) массами закупали русские сундуки для своих стран?

[4] Скрыня, скриня, скрин, скринка — старинное название укладки, сундука, известное с XI в. Скрыней назывался и ящичек для хранения денег и драгоценностей. Скрыни были металлические (серебряные и медные) и деревянные. Повидимому, это — старое заимствование из немецкого, а там — раннее заимствование из латинского: scrinium — круглой формы ящик для хранения рукописей (см. В. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 214 и 370; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 13. М., 1916, стр. 312; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб. 1903, стр. 391).

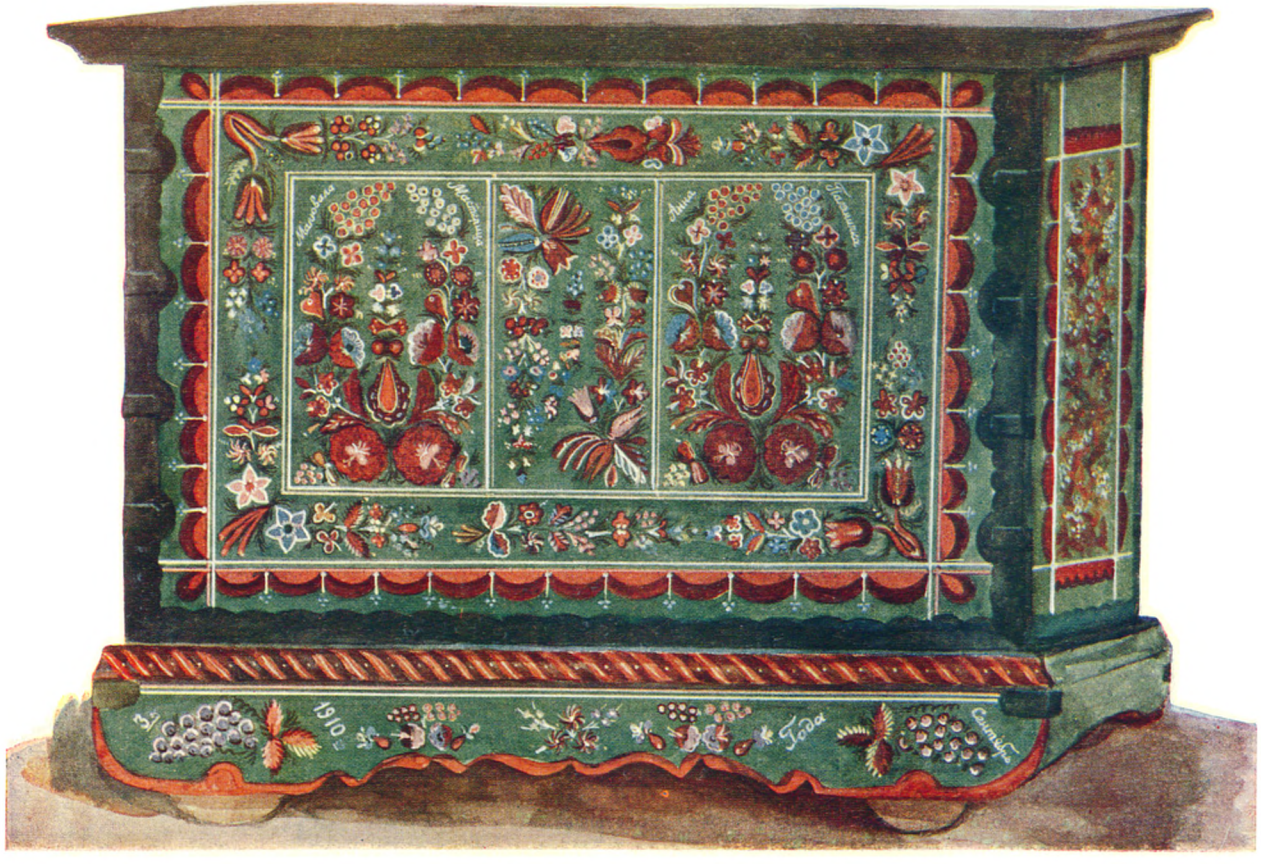


Рис. 117. Украинская скрыня, расписанная яркими масляными красками. Высота — 93 см, длина — 1 м, ширина — 66 см. 1910 г., Днепропетровская обл., б. Новомосковский уезд

ный) [1]. Гуцулы украшают скрыни своим характерным геометрическим орнаментом, выжигая его или покрывая резьбой предварительно окрашенные красной краской стенки (рис. 118).

Важнейшую принадлежность народной мебели составляет сундук и в Белоруссии. Здесь он носит название *ку́фар* [2], большей частью тщательно расписан. Его также изготовляют мастера-сундучники. Большого разнообразия достигают сундуки в западных районах Белоруссии. По форме здесь выделяются два типа: восточный, суженный книзу, со скошенными стенками, и западный, с вертикальными стенками. Резко различается орнаментация сундуков. Один ее тип близок к расписным украшениям на украинских скрынях (основной мотив — вазон), другой мало отличается от украшений литовских и латышских сундуков [3]: его передняя стенка украшена полосами, концентрическими кругами и крупными розетками из цепочек, составленных из мелких розеток и листьев. Эти узоры нанесены яркими красками по цветному фону при помощи штампов, вырезанных из сырой картофелины. Для Белоруссии эти типы сундуков — сравнительно поздняя форма. На протяжении столетий белорусская женщина хранила свое добро в кублах. Наряду с кублами в XVIII и XIX вв., до широкого распространения куфаров, в Белоруссии были распространены и скрыни, но уже с конца XIX в. они начали исчезать из обихода.

Повидимому, только в центральных областях и на Севере бытовал в старой Руси *изголовник (подголовник, подголо́вник, подголовашник)*. Он имел форму деревянного, окованного прорезными железными полосами сундучка с покатой скошенной крышкой, с замком и несколькими внутренними отделениями и ящичками для хранения денег, деловых документов и других ценностей. Он служил хозяину подголовником во время сна и сиденьем в дороге. Сундучки-изголовники, несомненно, покупали лишь богатые люди — торговцы и кулаки [4]. На Севере встречались и простые подголовники, представлявшие деревянную покатую плоскость на брусочках, которую на ночь ставили на лавку под голову [5]. Делались простые подголовники и из реек, в виде наклонной плоскости с решетчатой или сплошной спинкой, двуспальные (на две подушки) или односпальные. В б. Вятской губ. такой подголовник ставили на полати, придвигая его спинкой к перильцам по краю полатей; когда спали на полу, пользовались им реже [6].

В прошлом женщины из зажиточных слоев населения центра и Севера Руси хранили украшения и драгоценности в деревянном сундучке, обитом прорезным железом, с суживающейся пирамидообразной верхней частью *(теремок, ларец, ларчик)* [7].

[1] Совершенно тождественные саркофагообразные скрыни имеются у чехов и хорватов. Снимки с таких скрынь см. «Uměni Československého Lidu», il. 105 (в Моравии); M. Gavazzi. Der Aufbau der kroatischen Volkskultur. «Baessler-Archiv», 1937, Bd. XX, H. 3-4, S. 166.

[2] От нем. Koffer.

[3] Фотоснимок с литовского сундука XIX в., хранящегося в Вильнюсском этнографическом музее, см. М. Н. Глемжайте. Народное прядение и ткачество литовцев. КСИЭ, XV, 1952, рис. 2.

[4] По свидетельству иностранцев (XVII в.), в Москве всегда можно было найти в продаже холмогорские подголовки (Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 114 и 314).

[5] Автору приходилось видеть в 1920-х годах такие подголовники, уже заброшенные и валявшиеся на чердаках, в б. Мологском уезде Ярославской губ.

[6] Сообщено Т. В. Станюкович, работавшей в 1954 г. в составе Русской историко-этнографической экспедиции ИЭ АН СССР. Ею был найден такой вышедший из употребления подголовник в с. Красный Бор б. Елабужского уезда Вятской губ. Размеры его: спинка 115 см ширины и 52 см высоты; слабо покатая плоскость для подушек имеет 40 см по наклону.

[7] См. В. Воронов. Указ. соч., рис. 54.

Рис. 118. Гуцульские скрыни; стенки покрыты геометрической резьбой, окрашенной черной и коричневой краской

1 — стол со скрыней (форма, переходная между столом и скрыней) из букового дерева, столешница съемная; общая высота 81 см, длина 140 см, ширина 55 см; *2* — саркофагообразная скрыня с двускатной крышкой; общая высота 66 см, глубина 41 см, длина 92 см, ширина 46 см

Рабочие стульчики

К скудной подвижной мебели старого крестьянского жилища относятся и разнообразные стульчики, род низенькой табуретки, которыми пользовались мужчины при производстве разных работ в доме (сапожничанье, починка сбруи, мелкие деревянные поделки и т. п.); на таком

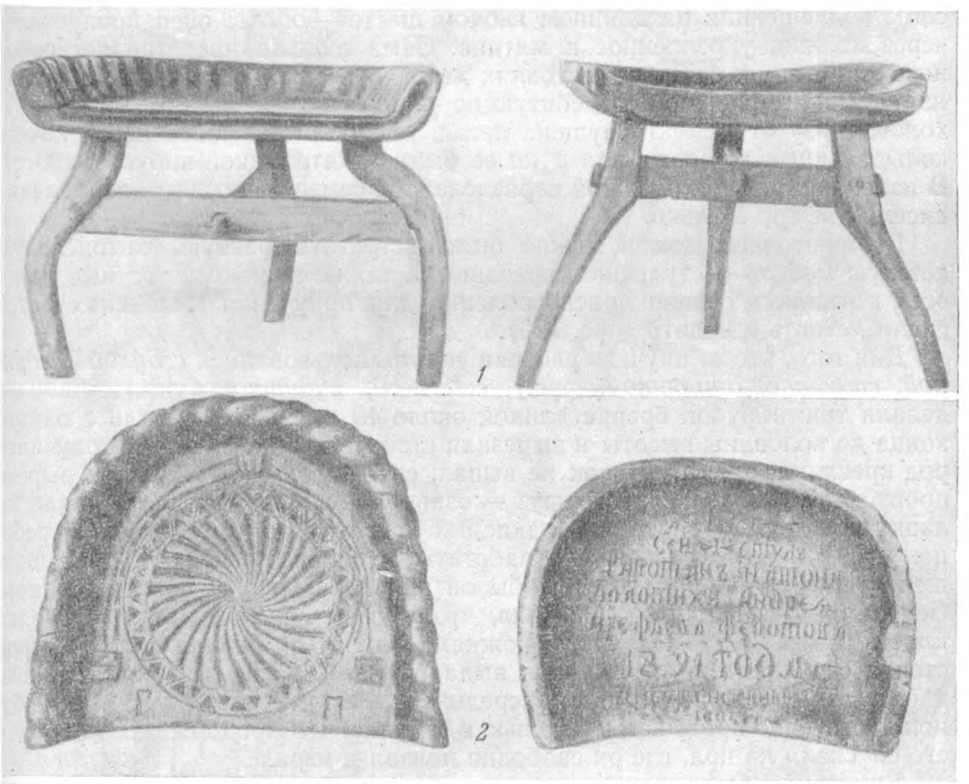


Рис. 119. Старинная самодельная мебель крестьян (Архангельская обл.)

1 — трехногие рабочие стульчики-табуретки с вогнутым сиденьем; *2* — те же стульчики (вид верху): сиденье украшено резьбой; на правом вырезана надпись «Сей стуль работанъ на тони Болотихи Андрея Арефьева Федотова 1891 года в неурожайный год»

стульчике (укр. *стільчик*) сидели лицом к свету, к окну, к горящей лучине (рис. 119). Широко были распространены стульчики на трех ножках, для которых использовался обрубок комля сосны с корнями; подобные стульчики известны и у других народов Европы. Делали и стульчики, гнутые из ивняка или черемухи, в форме пустого куба: согнутые ивовые ветви образовывали двенадцать ребер куба, в одну грань вставлялось деревянное сиденье; иногда же такие гнутые стулья имели и очень сложную форму. В Архангельской и Ленинградской областях, в Карелии известна *ли́пка* — сиденье для сапожников — отрезок дупла или выдолбленного ствола, обтянутый с верхней стороны кожей. (Аналогичные скамеечки и стульчики употреблялись женщинами при доении коров.)

Детская мебель

Частью подвижной обстановки, обычной и издавна присущей быту восточных славян, но вносимой в избу на время, в зависимости от потребности в ней, является детская люлька и иногда детская мебель. Стоячая качающаяся детская колыбель не характерна для русского и украинского крестьянского жилища в прошлом [1]. Типичной была висячая люлька, или *зы́бка* (у великорусов), *коли́ска* (у украинцев), *колы́бка* (у белорусов), подвешенная на длинном гибком шесте — *оцепе*; оцеп пропускался через кольцо, укрепленное в матице. Сама люлька представляет собой невысокий ящик без дна, из тонких деревянных планок, иногда согнутый из луба, или просто рамку, сбитую из четырех палок; вместо дна натянут холст; снизу от люльки спущена петля, так что мать могла ногой качать колыбельку, в то время как руки ее были заняты какой-нибудь работой. В избе, занимаемой большой неразделенной семьей, иногда одновременно висели две-три люльки.

В зажиточных домах можно было встретить разную самодельную детскую мебель — стульчики, креслица, а также широко известные среди всех восточных славян приспособления для приучения маленьких детей сидеть, стоять и ходить (рис. 120).

Для того, чтобы научить ребенка сидеть, пользовались *седу́хой (седу́лкой, сиде́лкой, дуплянкой*; рус.), *сидячкой, сидушкой* (укр.). *Седулку* делали так: обрубок бревна длиной около 40 см выдалбливали с одного конца до половины высоты и вырезали стенку с одной стороны; получался род кресли́ца; чтобы ребенок не выпал, сквозь углы стенок около выреза пропускали горизонтальный прут — «запор». Седулку обычно ставили на лавку, к запору привязывали какие-нибудь игрушки и побрякушки; ребенок играл и не мешал матери работать; за спинку ребенка клали подушечку или что-либо мягкое, чтобы он не ударился о седулку затылком. Седулку делали по росту ребенка, чтобы он, сидя в ней, мог свободно класть ручки на края дупла, а ножками опираться на лавку, на которой стояла седулка. Иногда обрубок выдалбливали весь, оставляли только дно, а для сиденья вставляли посредине дощечку — лавочку. Когда ребенок достаточно привыкал к сиденью в седулке, что продолжалось с месяц, его спускали на пол, где он свободно ползал и играл.

Еще шире были распространены *стояки, стояны, стоячки, стоялки, стоюшки, стоюнки, стойки* (белор.— *сади́бки*). Стою́нка представляла собой два обрезка доски, соединенных четырьмя стоечками, высотою по грудь маленького ребенка; в верхней доске прорезалось круглое отверстие, куда ставили ребенка; у верхней доски обрезали углы, тщательно сглаживали всю поверхность, чтобы ребенок не мог занозиться; отверстие обкладывали мягкими холщевыми пеленками. Иногда это приспособление являлось комбинацией сиделки и стоялки; брали дуплистый тяжелый обрубок дерева и на середине высоты в одной из сторон укрепляли дощатую лавочку, занимающую половину сечения: уставший стоять ребенок мог присесть отдохнуть и снова встать, хватаясь ручонками за верхние края дупла. Стоюнки употреблялись для детей не старше года, преимущественно в возрасте 7—8 месяцев. В старой деревне эти механические няньки были очень широко распространены и у великорусов, и у украинцев, и у белорусов. Е. А. Покровский в конце XIX в. писал: «Отправляясь на полевые работы, иногда на долгий срок, мать ставит в эту стоюнку ребенка и оставляет его одного дома. В целом селении иногда бывает

[1] Стоячая колыбель-качалка преобладает у большинства народов Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы, на Кавказе, в Средней Азии.

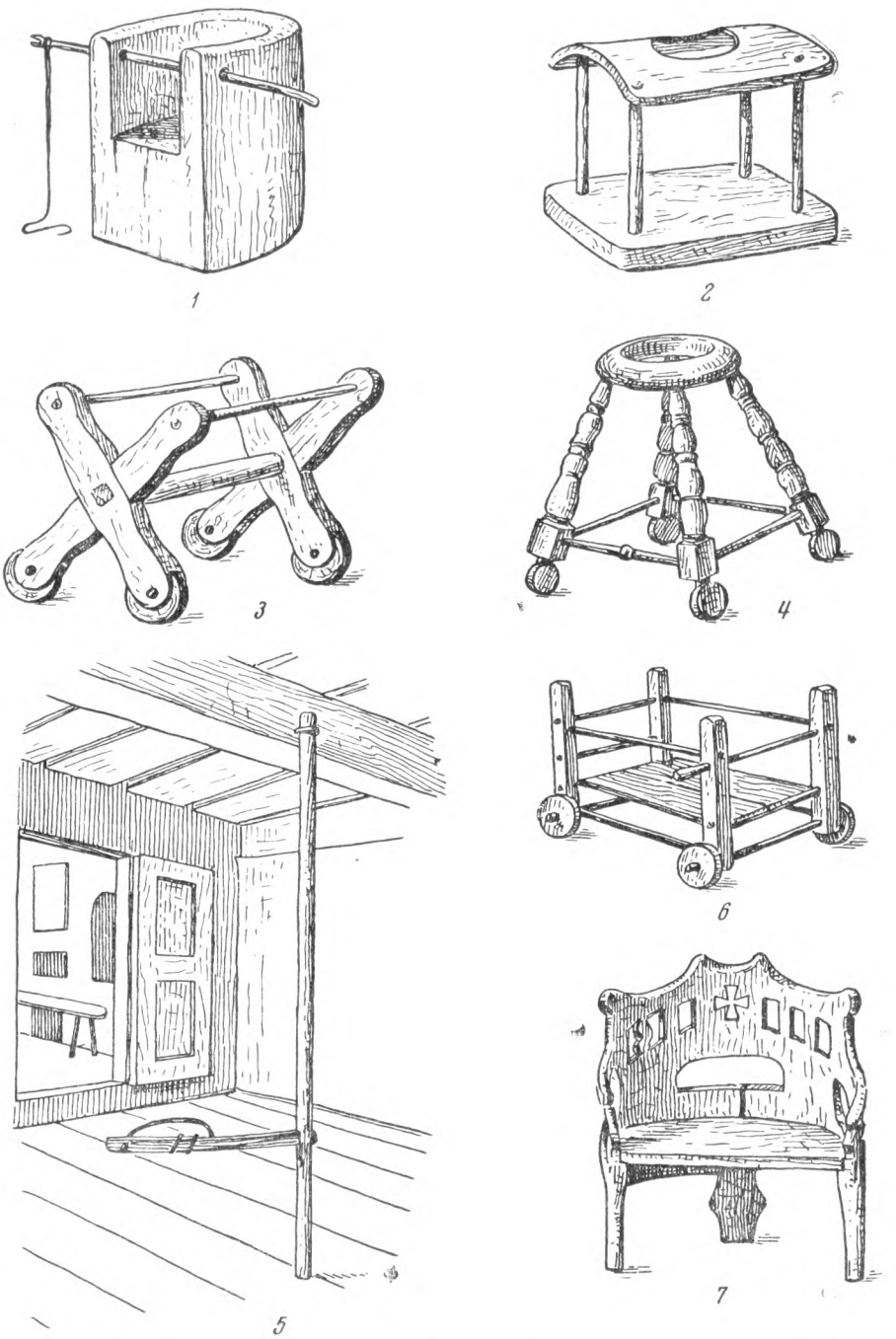


Рис. 120. Приспособления для обучения маленьких детей сидению, стоянию и ходьбе
1 — сиделка; *2* — стоялка; *3* — *4* — ходульки; *5* — бигунки; *6* — возочек; *7* — старинное детское креслице из Архангельской губ.

только один такой снаряд, которым обыватели в случае нужды и снабжают друг друга, иногда даже соблюдая очередь. Оставленный в этой стоюнке на большой срок ребенок, иногда наревевшись вдоволь, здесь же и засыпает в полусидячем неловком положении, в мокроте, нечистотах и т. п.» [1].

Сведения о широком распространении в прошлом всевозможных сиделок и стоялок имеются в литературе о великорусах (из б. губерний Архангельской, Нижегородской, Вятской, Пермской, Новгородской, Тобольской, Тульской), об украинцах и белорусах.

Значительно реже встречаются приспособления для обучения маленького ребенка ходьбе — *ходульки, ходячки, ходушки, бігу́шки.*

Наиболее распространенная форма ходулек у великорусов и белорусов — это табуреточка с колесиками на ножках, вместо сиденья — доска с круглым отверстием или просто большое кольцо. Ребенка ставили в это отверстие и манили к себе; в то время как он, упершись ручками, делал движение вперед, ходулька катилась в том же направлении и при этом ребенок переступал ножками. Делали ходульки и с вертикальными стойками, и с наклонными (например, в б. Иркутской губ.), так что ходульки значительно расширялись книзу, что увеличивало их устойчивость. Ходульки такого устройства были в большом употреблении в Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Нижегородской, Вятской и других губерниях, а также на Украине. В Пермской губ. ходулька имела вид двух козел, связанных между собой посредине прочной перекладиной, а вверху двумя тонкими палочками; ребенок держался за них и толкал перед собой ходульку, нижние концы которой были снабжены колесами.

Совершенно иной способ устройства этих ходушек, или бигунков, известен у украинцев: здесь основой *бигунков* служил вращающийся вокруг своей оси вертикальный шест: верхний конец его пропускался в петлю или скобу, приделанную сбоку к матице (или сволоку) потолка, нижний упирался в ямку — гнездо, сделанное в полу. В нижнюю часть шеста на высоте груди ребенка забивали поперечину с прилаженными к ней полукольцом из согнутого прута; в него ставили ребенка, который ходил вокруг шеста, держась за поперечину. Бигунки требуют больше места и поэтому менее распространены (но известны у многих народов, например у болгар, у сербов Герцеговины, у шведов, немцев и др.). Всеми этими ходульками и бигунками пользовались, когда ребенок уже достигал года. Дуплянки для сиденья и стоянья маленьких детей и простейшие ходульки были известны также и у других народов Советского Союза: у удмуртов и коми-пермяков, у карел и эстонцев.

Более совершенны простейшие четырехугольные на низеньких колесиках колясочки, которые ребенок толкает перед собой (рус.— также «ходульки», укр.— *возочки*). Кое-где они были предметом кустарного промысла, например в б. Нижегородской губ., и расходились на ярмарках; там же выделывались и сиделки в форме стульчика.

Все эти дуплянки, бигунки и прочие приспособления имели огромное значение в старой деревне, но теперь, когда в колхозах повсюду организованы детские ясли и очаги, они почти исчезли из быта.

Ткацкий стан

На зиму в избе устанавливался переносный ткацкий стан, на котором женщины ткали холст — простой и рядной — из льна (на Севере) или конопли (в черноземной полосе), пестрядь, различные ткани из овечьей шерсти и пр. В более отсталых районах южновеликорусской полосы

[1] Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. М., 1884, стр. 246.

вплоть до периода сплошной коллективизации сохранялся стан с одним передним навоем, не переносный, не имеющий станины, набилки которого подвешивались к потолку, а основа натягивалась на колышки, вбитые в земляной пол поземной избы или хаты.

В районах крестьянского ковроткачества (многие районы Украины, а также районы производства курских, воронежских, тюменских ковров) в жилье, при отсутствии дополнительного помещения, всю зиму, до пасхи, стоял стан для тканья ковров (килимов) — обычный горизонтальный *верста́т* или вертикальный станок — *кро́сна* (в центральной Украине), *разбо́и* (в Западной Украине). К началу весенних полевых работ (обычно перед пасхой) стан убирали из избы, храня его в разобранном виде до будущей зимы где-нибудь на повети или в сарае.

* * *

Новые виды мебели начали появляться в обстановке крестьянского восточнославянского жилища в связи с растущими потребностями населения и прежде всего по мере роста классового расслоения деревни. Усложнялся план жилища зажиточных крестьян — развивалась трехкамерность, появились горницы, возник пятистенок, выделилась чистая половина, единое жилое помещение заменилось летней избой и зимовкой — все эти дополнительные помещения требовали новой меблировки. Как правило, для многих местностей низенькая и тесная зимовка с небольшими оконцами сохраняла традиционный внутренний неподвижный деревянный наряд. В то же время в просторной светлой летней избе или в горнице пятистенка уже не устраивали деревянного наряда; он как бы отрывался от стен и превращался в движимую обстановку — мебель. Дополнительное помещение в кулацком доме обставлялось кроватями и сундуками, столами и стульями, здесь уже можно было иногда увидеть комод и деревянный диван.

Шкаф

Из всех видов подвижной городской мебели раньше других появился в северновеликорусской деревне шкаф. Нередко его ставят в основном жилом помещении избы. Но, заимствовав из города эту мебель, русский крестьянин приспособил ее к своим нуждам и создал в различных местностях Европейской части России и Сибири местные варианты, разнообразные по своему устройству и назначению, по обработке и внешней отделке. Иногда шкаф имеет две дверки во всю высоту, несколько полок для посуды; или он сделан в два яруса с двумя створками в верхнем и двумя в нижнем ярусе; или представляет собой сочетание буфета и комода, с полками в верхней части и ящиками в нижней (рис. 121). Шкафы бывали простой плотничной работы и столярной, с филенками. Часто их украшали резьбой или покрывали росписью.

Быстрое распространение передвижного шкафа обусловлено давней привычкой к мебели этого рода, так как разнообразные виды шкафчиков издавна составляли необходимую часть неподвижной обстановки избы: вспомним залавок, полавник, посудник, судник, судницу, блюдник, мисник, печной шкафик («столбушка»), «заборожный шкап», в переборке северной избы, поставник, ставец — шкаф в сенях, куда ставят молоко, масло (Псковская, Калининская области); наконец, постав (поставец, поставчик) [1]. Этими широко распространенными терминами обозначались разно-

[1] Поставник в сенях обычно очень прост, и, возможно, что он генетически восходит к ларю — ящику с крышкой, еще бытующему кое-где в качестве вместилища для сосудов с молочными продуктами (также называемому ставец).

образные виды шкафов для посуды и для разной мелочи — стенные, угольные шкафчики на специальном подстолье. Поставцом называли и кухонный шкаф с открытыми верхними полками (без стекла) для посуды и кухонный столик со шкафчиком внизу (поставцы бытовали, повидимому, преимущественно среди городского населения допетровской Руси).

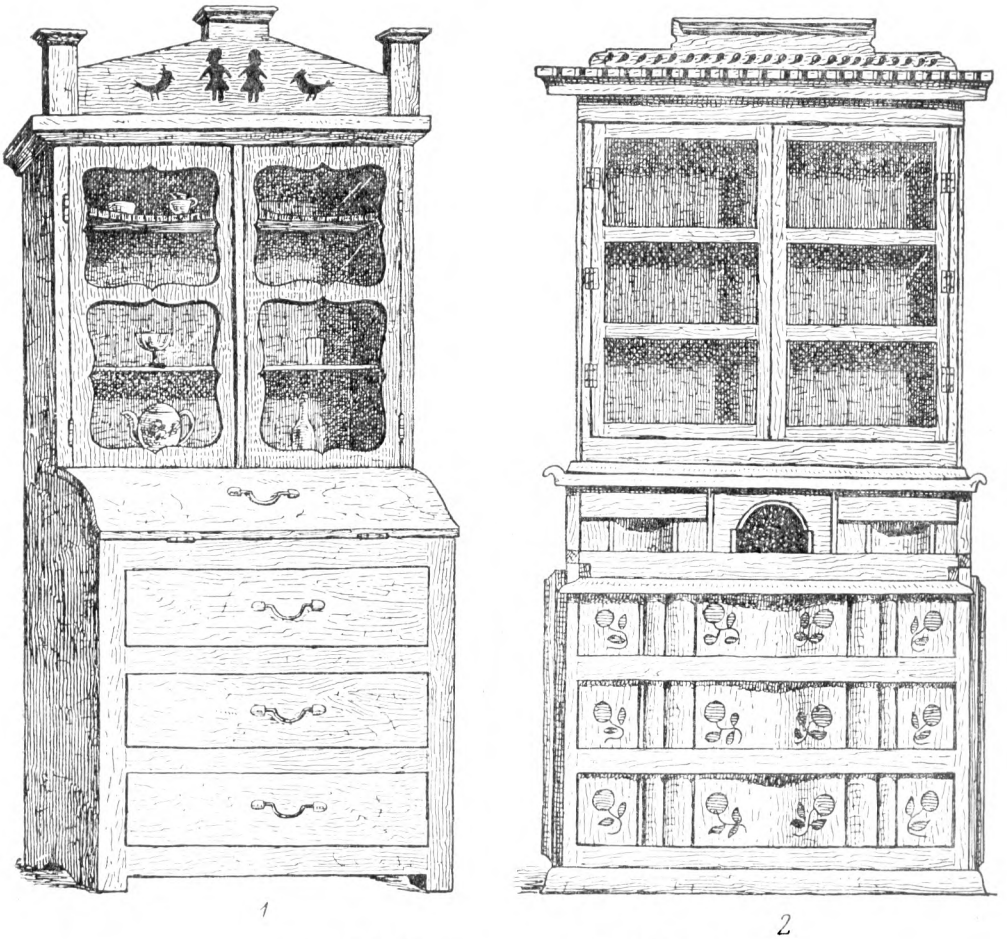


Рис. 121. Деревенские шкафы (XIX в.)

1 — с. Дединово Зарайского уезда Рязанской губ.; *2* — «камот» русских старожилов Южного Алтая (дер. Печи Бухтарминского уезда Семипалатинской губ.)

Таким образом, деревенский шкаф для посуды на Севере и в среднерусской полосе — это как бы отделившийся от стены залавок с судником над ним, привычная, но ставшая более удобной мебель. В музейных собраниях страны сохраняются прекрасные резные и расписные деревенские шкафы XVII—XIX вв. Еще совсем недавно научная экспедиция, работавшая в Костромской обл. [1], зафиксировала там в сенях избы, построенной не позднее середины XVIII в., старинные посудные шкафы, срублен-

[1] Комплексная экспедиция в Верхнее Поволжье 1950 года Института истории искусств и Института этнографии АН СССР и Гос. Исторического музея.

ные из массивных брусьев и украшенные по нижним створкам старинной резьбой типа XVII в. [1] Шкафы были так тяжелы, что сдвинуть их с места было почти невозможно. Весь облик этих шкафов является доказательством, что генетически они восходят к слившимся вместе суднику и залавку, а отнюдь не к какому-то западноевропейскому прототипу, лишь название которого, занесенное из города, пристало к этой вполне самобытной старой русской мебели.

Подтверждение мы находим и у Н. И. Костомарова, который, давая очерк русского быта XVI—XVII вв., говорит: «Посуду ставили в поставцах: это были столбы, уставленные со всех сторон полками; к низу их делали шире, к верху у́же, на нижних полках ставили более массивную посуду, на верхних мелкую» [2].

Аналогично развивался украинский мисник: от отдельных полок над лавкой, протянутых от коника до стены (на Черниговщине; см. стр. 355 и рис. 84), через типичный мисник с открытыми полками — висячий над лавкой, а затем и стоячий, включивший в себя лавку, и до полного шкафа с дверками (во многих местностях Украины).

Наряду с великорусским «шкап», в западнорусских районах, например в Смоленщине, затем у белорусов, в говорах привились слова «ша́фа», «ша́хва».

Кровать

В деревенском обиходе кровать [3] распространилась позднее шкафа. В великорусской избе дореволюционного времени кровать была редким явлением; обычно стлали постель на лавках и сундуках, на печи и на полу, сворачивая на день постельные принадлежности и закидывая их на полати. В московской деревне первые деревянные кровати (для новобрачных) появились в 1890-х годах; до того брачное ложе устраивалось всегда на полу клети [4]. Если кровать в доме имелась,— это было чаще в зажиточных домах,— то стояла она в горнице или в сенях, где летом спят «на холодке», спасаясь от духоты в избе. Иногда кровать в сенях была врублена в стены, как лавки [5]. В горнице ставили широкую деревянную кровать плотничной работы (нередко ее делал сам хозяин); такая самодельная кровать состояла из двух «грядок», поперечных «связей», «изголовья», «изножья» и «переплета» или настилки из досок. Изголовье и из-

[1] Зарисовку их см. И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, рис. 3.

[2] Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860, стр. 54.

[3] Кровать для спанья была известна на Руси среди высших классов общества очень давно: она упоминается уже в «Слове о полку Игореве» (XI в.) в том месте, где говорится, что киевский князь Святослав лежит на тисовой кровати; в крестьянском же быту на севере и на юге Руси кроватью издавна назывались различного назначения помосты, например охотничьи полати на дереве для стрельбы медведя, помость для валяния сукон, подставка для мельничных жерновов, сторожевая вышка на южной границе Русского государства в XVI—XVII вв. Пожалуй, ближе всего к современному значению понятие «кровать» в Воронежской и Рязанской областях, где в XIX—XX вв. оно означало летнее помещение для спанья: на вбитых в землю четырех кольях настилали помост (площадью 2 × 3 м), оплетенный плетнем до 1,5 м высотой и покрытый четырехскатной крышей; в тех районах, где было обыкновение ставить такую постройку, каждая замужняя женщина имела особую кровать, на которой она спала со всей своей семьей. Слово «кровать» (в говорах «корова́ть», «корва́ть», «крева́ть») — старое заимствование от греч. κραββατον.

[4] К. К. Дыский. Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда. М., 1923, стр. 121.

[5] И. М. Бибикова, Н. А. Ковальчук. Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья. М., 1954, рис. 62—63.

ножье (т. е. обе спинки кровати) часто выполнялись в той же технике, что и украшения самой избы [1]: обычно вырезались плавными изгибами верхние края и делалась несложная решетка из одного-двух рядов столбиков. Железные кровати в старой деревне распространения не имели.

Во многих местностях Украины, даже в основном жилом помещении, неподвижный «піл» (т. е. широкие нары) за печью был заменен подвижным лижком, т. е. деревянной самодельной кроватью. Отмечены своеобразные виды кровати у гуцулов, которые делают кровать на очень высоких ножках или ставят ее на два продольных бруска, одним концом вделанных в печь, другим — в стену [2].

Заменой неподвижных лавок («лава») на Украине явились кое-где топчаны, т. е. широкие скамьи со спинками и ручками, типа деревянных диванчиков. Деревянные самодельные диваны начали появляться с XIX в. и в великорусской деревне, например *канáпка* на Севере, *конопéль* на Южном Алтае, *канáпа* в Белоруссии [3].

Стулья

Стулья плотничной работы, начавшие широко распространяться в деревенском быту как часть обстановки чистой половины избы с конца XIX в., были известны и в древней Руси, но лишь в обиходе высших классов. Первое упоминание о стульях содержится в переписке Ивана Грозного. Известно также, что в XVII в. крестьяне боровских селений (северная часть Калужской обл.) выделывали обстановку для боярских хором — столы, стулья «с затылками» и скамьи «с застенками» (т. е. со спинками) [4]. В великорусской деревне лесной полосы слово «стул» издавна обозначало отрезок древесного ствола любого назначения (чурбан, кряж) в стоячем положении, служивший и для сиденья, и как опора деревянного сруба («стулья, врытые в землю под углы нижнего венца избы), и для других случаев (например, стул под наковальней, стул мясничный, на котором рубят говядину).

Обычно стулья, которыми обставляли деревенскую горницу («стул», «стуло», укр. стілéць), были довольно грубой, своей плотничной работы, окрашивались масляной краской в один цвет (черный, синий, зеленый, красный).

Встречались и покупные стулья, но иные, чем в городе; в XIX в. в кустарной промышленности России выделилось несколько центров по изготовлению ходовой крестьянской мебели, распространявшейся через базары и ярмарки. Производством мебели для крестьян особенно была известна Вятская губ., а также Пермская, Казанская, Ярославская и некоторые другие. В средней полосе и на севере России в конце XIX в. прочную и дешевую мебель для деревни выделывали во многих селениях разных губерний, но обычно изделия не выходили за пределы волости или уезда. Так, например, в Вологодской губ. в 1880—1890-х годах столярное

[1] И. М. Бибикова, Н. А. Ковальчук. Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья. М., 1954, рис. 60—61; Н. А. Ковальчук. Деревянное зодчество. Горьковская область. М., 1955, табл. 21—22.

[2] Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. В кн. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, рис. 13 и 14.

[3] Все эти названия произошли от франц. сапарé, заимствованного из городской речи; в XIX в. канапе — мягкий диван с приподнятым изголовьем.

[4] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. РАНИИОН. Институт истории. М.—Л., 1929, стр. 137. Дошедшие до нас стулья русской работы XVI—XVII вв. хранятся в Гос. Историческом музее и в его филиале — Доме боярина XVII в. в Москве.

ремесло давало во всех уездах крестьянам дополнительный доход. Не имея особых мастерских, они работали дома. Прочно сделанный крашеный стул продавался за 25—30 коп., такой же отделки диванчик за 50 коп., большой стол с выдвижным ящиком, на точеных ножках, за 50—60 коп.[1]

Во многих местностях, например в ряде южновеликорусских районов, стульев не было в обиходе вплоть до социалистического переустройства деревни.

* * *

Рано появилась мебель в просторных сибирских избах, как в селениях, связанных с сибирским трактом, так местами и в очень дальних углах, например в горных великорусских селениях Алтая. В 1826 г. ботаник К. Ф. Ледебур, совершивший большое путешествие по Алтаю, был поражен благоустройством русских алтайских изб: уже тогда крестьяне сами делали мебель. Известно также, что «камот» — почти неотъемлемая принадлежность горницы в доме алтайского старожила — был здесь в обиходе в середине XIX в.; в XX в. в богатых домах можно было видеть даже привозные венские стулья. Для обстановки горницы в доме сибирского крестьянина характерны были также небольшие угловые столики — *уголовички*[2].

Следует отметить, что везде и всюду обстановка жилья служит наиболее ярким показателем классовых различий. Почти определенно можно сказать, что жилища дореформенной деревни были поразительно единообразны не только по своему внешнему виду, но и по своему внутреннему убранству, обнаруживая лишь зональные и локальные различия. Это относится и к крепостной деревне и к селениям государственных крестьян различных категорий. Из городской обстановки не заимствовалось почти ничего или заимствовалось очень немногое.

В пореформенное же время, с проникновением капитализма в деревню и нарастанием классового расслоения крестьянства, началась все увеличивающаяся дифференциация типов жилья (о чем говорилось выше) и его внутренней обстановки. Чем больше было достатка в семье, чем больше накоплялось излишков, которые можно было реализовать на деньги, тем больше — при соответствующем влиянии города — крестьянин имел возможности приобретать городские вещи, городскую обстановку. Зажиточные крестьяне, подторговывавшие в городе, скупщики скота, птицы и разнообразной продукции крестьянского хозяйства, владельцы мельниц и толчей, лавок и кустарных мастерских — весь этот кулацкий элемент, как только заводились в мошне лишние деньжонки, стремился, в числе прочих приобретений, обставить также свою горницу на городской лад. Чем сильнее была классовая дифференциация деревни, чем больше накоплялось богатства на одном полюсе при одновременном обеднении второго, тем разительнее был контраст и в отношении внутреннего вида и обстановки жилья. И наоборот, в земледельческих районах, где классовое расслоение было слабее, единообразна была и обстановка жилья. В качестве примера убогой и однообразной деревенской обстановки, почти не испытавшей влияния города, можно привести многие села бывших

[1] Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губ. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете» т. LXI, 1889, стр. 50.

[2] О мебели см. в БСЭ, 2-е изд., т. 26, стр. 594; много аналогии русской народной мебели XVII—XIX вв. имеется в Скандинавии — см. работу: S. Erixon. Folklig möbelkultur i Svenska bygder. Stockholm, 1938.

государственных крестьян Воронежской губ., где большинство крестьян имело нищенские наделы. В огромном селе, состоявшем из нескольких сот дворов и растянувшемся на несколько километров, нельзя было найти ни одного самовара (не считая домов священника и учителя), ни одного стула, не говоря уже о всякой другой мебели городского типа; и это всего в нескольких десятках километров от губернского города и от железной дороги [1]. В то же время в селах Западной Сибири и Алтая [2] во многих сотнях километров от городов и железных дорог горницы в домах богатых крестьян были обставлены городской мебелью, включая зеркала, венские стулья и пр.

Для 1918—1920 гг. в меблировке жилища деревни можно отметить, что, во-первых, обстановка помещичьих усадеб в значительной своей части рассосалась по окрестным деревням и, во-вторых, из городов в сельские местности было вывезено, в обмен на продукты, много городской мебели [3]; это несколько изменило характер обстановки избы, особенно в подгородных районах.

За 35 лет, прошедших со времени окончания гражданской войны, особенно в 1930-е и послевоенные годы, в обстановке сельского жилища произошли разительные перемены. Благодаря улучшившимся материальным возможностям и возросшим культурным потребностям, традиционная обстановка жилища основной массы колхозников с каждым годом все дальше отходит от своего первоначального облика. Постепенно уходит в прошлое неподвижный наряд, сменяясь подвижной мебелью. Прежде всего исчезает голбец (и аналогичные сооружения около печи: каржина, казенки), заменяясь люком в полу («западней»), затем разбираются полати, а также возвышенный «пол» и коник, появляются деревянные кровати. Последними снимаются лавки. В разделенной перегородками на несколько помещений избе или в домике из трех-четырех комнат дольше всего старая неподвижная обстановка удерживается в «кухне» около русской печи — в виде лавок и судницы.

В доме появляются железные кровати, нередко никелированные (убранству кроватей уделяется много внимания — гора подушек, покрывало и пр.), детские кроватки, табуреты, стулья, столы и столики, иногда мягкий диван, гардероб, настенные часы, этажерка или полочка для книг. Выделяется уголок школьника. Вошли в быт электричество и радио. Вряд ли где-нибудь можно сейчас увидеть ткацкий стан в избе. Стены штукатурят или оклеивают обоями, на окна вешают занавески, обеденный стол застлан клеенкой, другие покрыты скатертью или салфетками. Весь внешний облик, особенно «передней», или чистой, комнаты все больше приближается к городскому. Таким образом, и в области обстановки жилища сказывается сглаживание граней между городом и деревней [4].

---

[1] По наблюдениям автора настоящей работы в 1925—1927 гг. в б. Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах Воронежской обл. См. также А. Шингарев. Указ. соч.

[2] По наблюдениям автора в 1927 г. в селечиях алтайских старожилов-мараловодов.

[3] К. К. Дыский. Указ. соч., стр. 120—122.

[4] В данной главе не рассматривается убранство старого жилища различными домотканными и вышитыми крестьянскими изделиями, как-то: полотенца (великорусские «накрючники», украинские «килковые рушники» и т. д.), ковры (украинские настенные «килимы», воронежские и курские безворсовые ковры, тюменские мохнатые петлевые «насундучники» и пр., узор и величина которых согласованы с размерами крестьянской хаты или избы), скатерти и другие крестьянские рукоделия. Это увело бы в сторону от вопроса о собственно обстановке или мебели и само по себе могло бы составить отдельную главу.

XV. ВОЗДЕЙСТВИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН НА ИХ СОСЕДЕЙ (В ПРОШЛОМ)

Восточнославянское зодчество в течение своего многовекового существования и развития неизбежно должно было находиться во взаимодействии с зодчеством соседних народностей. Особенно длительным это взаимодействие было на коренной территории восточных славян, на Восточно-Европейской равнине, где в близком соседстве с восточными славянами в течение многих столетий жили литовско-латышские, финские и тюркские народности.

Взаимодействие восточнославянской культуры с культурой соседних народов, несомненно, должно было происходить еще в эпоху существования древнерусской народности, начиная с конца I тысячелетия н. э., на окраинах огромной территории ее распространения от Карпат до Дона и от Ладоги до Русского (т. е. Черного) моря, где восточные славяне соприкасались с иноязычными племенами [1].

В период монгольского ига и вызванного им разобщения отдельных частей Руси, когда из состава единой древнерусской народности выделились русский, украинский и белорусский народы, взаимоотношения и связи этих трех групп с соседями сложились различно. Долгое пребывание белорусов и литовцев в составе Великого княжества Литовского (XIII—XVI вв.) определило взаимовлияние их во многих областях культуры, в том числе и в области строительства. В жилище украинцев и молдаван, вообще обнаруживающих много сходных черт, сказывается многовековое соседство этих народов, общность их исторических судеб в некоторые эпохи; сыграло роль и то, что в состав обоих народов входили одни и те же этнические компоненты.

Из трех восточнославянских народов, в силу исторических и географических условий, шире всего и глубже оказал влияние на своих соседей русский народ. Постепенное объединение мелких удельных княжеств в единое централизованное государство, постепенное создание общерусского рынка и быстрое развитие русской культуры все более и более усиливало и русское влияние на соседей.

Распространение русского жилища и хозяйственных построек, как и распространение технических приемов строительства, является лишь одной стороной воздействия многогранной культуры великого русского народа на другие народности. Можно проследить процесс усвоения ближайшими соседями русского народа русской культуры вообще и приемов русского

---

[1] См статью Б. А. Рыбакова в журнале «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 51 (карта распространения древнерусской народности).

зодчества в частности в течение целого тысячелетия. Небольшие финские племена Волго-Окского междуречья, жившие охотой и рыболовством,— такие, например, как меря, мурома, весь, упоминаемые в «Повести временных лет» как данники восточных славян,— уже в X—XII вв. восприняли более высокую земледельческую культуру русских племен, ассимилировались с ними и частично вошли в состав русского народа. Лишь часть потомков древней веси, известная под именем вепсов, живет ныне в пределах бывших уездов Тихвинского, Лодейнопольского и Петрозаводского (свыше 30 тыс. человек сельского населения). Вепсы сохраняют свой язык и некоторые национальные особенности (например, в орнаменте), но в области строительства они уже ничем больше не отличаются от окружающего их русского населения. Значительно позднее, чем меря, мурома, мещера, обрусели другие племена; так, одно из мордовских племен, терюхане, еще в XVIII в. сохраняло свою национальную самобытность; в настоящее же время ни тип их построек, ни внутреннее устройство жилища «ничем не отличается от устройства великорусской избы соответствующей этнографической зоны» [1].

Давние культурные и хозяйственные взаимоотношения связывают русский народ с народами Прибалтики. При сравнении жилищ русских и литовцев «устанавливается, что старый тип жилого дома у них в основном одинаков. Отличительные черты имеются только во внутреннем убранстве, в терминологии...» [2]

Несомненно, что бытование у литовцев славянского термина «клеть» (kletis) и у белорусов литовского термина «свирон», которыми именовался крестьянский амбар у тех и других, является весьма древним, хотя заимствование этих терминов очень разновременно.

«Большое влияние на развитие украшения изб (литовских. — *Е. Б.*) оказало русское народное зодчество. С начала XIX в. в Литве... широкой известностью стали пользоваться русские плотники. Они приходили в Литву из отдаленных мест России и приносили с собой элементы русского украшения. В юго-восточной части Литвы нередко можно встретить крестьянские избы, украшенные чисто русскими народными мотивами»[3].

Что касается Латвии, то для ее восточных районов издревле характерен двух- или трехкамерный дом с холодными сенями и печью (типа русской) в жилом помещении, в противоположность западнолатвийскому трехкамерному дому с камином в сенях [4]. Влияние русских плотников прослеживается в Латвии с первой половины XVIII в. Приводим выдержки из коллективного труда по истории и культуре латышей [5]: «Улучшения в устройстве латышского крестьянского жилища происходили под непосредственным влиянием русских мастеровых — плотников, выступавших в латышской деревне носителями более высокого строительного искусства. Прибалтийские помещики как в XVIII, так и в XIX в. во всех случаях, когда для строительных работ в имениях требовались опытные мастера, обычно нанимали русских плотников... Русские плотники приходили из

[1] М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. К истории терюханской народной культуры. «Этнография», 1928, № 2, стр. 112.

[2] Л. Терентьева, О. Ганцкая. О работе комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году. СЭ, 1953, № 1, стр. 187.

[3] К. К. Чербуленас. Развитие литовского народного деревянного зодчества и его основные черты. КСИЭ, XII, 1950, стр. 67.

[4] Л. Н. Терентьева. Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства. КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 93.

[5] «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 577—578.

Псковской, Новгородской, Тверской и других губерний. В качестве плотников работали также солдаты расквартированных в прибалтийских губерниях полков. В ряде случаев русские мастеровые были учителями латышских ремесленников и крестьян в строительном деле. Так, например, известно, что в 1741 г. русские плотники построили первую молельню для местной гернгутерской общины. По ее образцу латышские крестьяне строили потом многочисленные гернгутерские молельни в других приходах Лифляндской губернии.

Под непосредственным влиянием русских плотников выработался местный тип деревянных колонн, поддерживающих потолок в обширном помещении молельни или крышу над балконом, снаружи здания. Латышские плотники применяли эти же колонны при постройке навесов перед клетью (kletis) [1].

От русских плотников латышские мастера научились искусству украшения оконных наличников резным орнаментом. Общераспространенное название «русский сруб», в отличие от обыкновенного сруба, изготовляемого латышскими крестьянами, доказывает, что именно у русских мастеров латыши научились строить срубы с гладкими углами [имеется в виду способ рубки без остатка — «в лапу» — *Е. Б.*]. О том же свидетельствует бытовавшее в латышском народе название «русская крыша». Это особый способ покрытия тесом крестьянской избы или других построек [2].

В сборнике латышских народных песен, изданном в 1807 и 1808 гг., упоминаются русские плотники, а также русские мастера, строящие мельницы и изготовляющие мельничные жернова. В XIX в. латышские и эстонские крестьяне начали строить погреба для хранения овощей. Русское слово «погреб» перешло в латышский язык именно потому, что русские мастера научили латышских и эстонских крестьян их строить.

То же наблюдалось и в Эстонии. «Русские плотники, приходившие на сезонную строительную работу в Эстонию, принесли сюда строительную технику, как, например, рубку бревен «в угол», «в лапу». Это оставило свои следы и в эстонском языке... (русские слова «плотник», «русский угол», «венец» и др.)» [3]. Выше уже говорилось о продвижении риги из Эстонии на восток, в великорусские территории, с сохранением даже ее названия (рея, рей — на Псковщине).

Почти во всех работах по жилищу этих народностей можно найти обильный материал для установления как древних, возникших много веков назад, так и новых (при развитии отходничества в XIX в.) связей с русским жилищем. При этом на первом месте по количеству родственных элементов с культурой жилища русского народа следует поставить жилище литовцев, второе место занимают постройки латышей и дальше всех стоит эстонское жилище.

---

[1] Имеется в виду распространенный среди восточных славян и литовцев тип амбара (житницы, коморы) с предамбарьем, свес крыши над которым поддерживается двумя-четырьмя столбиками-колонками.

[2] Показанная на приводимом в цитируемой книге рисунке (на стр. 578, в свою очередь взятом из кн. A. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, 1 Teil. St.-Psb., 1907, Fig. 19) «русская» крыша представляет четырехскатную крышу на трехкамерной срубной постройке, с небольшими фронтонами по обоим концам, при конструкции на курицах, с охлупнем и четырьмя потоками, со сложной системой гнетов, перекрещивающихся поверх теса или луба. Такая техника покрытия в русском строительстве XIX—XX вв. не наблюдалась, но в XVII в. применялась даже в Москве (см. E. Palmquist. Указ соч.).

[3] Л. Терентьева. Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории. СЭ 1951, № 3, 174—175.

Отдельные древние племена севера и северо-востока Руси, например летописные «корела, перьмь, черемись, мрьдва», сохранили свой язык и культуру, и в настоящее время представляют, как известно, социалистические нации и народности. Все они в той или иной степени подверглись сильному воздействию русской культуры, но характер этого взаимодействия был весьма разнообразен. Карелы, не менее тысячи лет находящиеся в тесных культурных и исторических связях с северными восточнославянскими племенами, позднее — с великорусами, союзники новгородцев в их многочисленных войнах, не только заимствовали у русских приемы древнего северного деревянного зодчества, но и развили его дальше; можно с уверенностью сказать, что многие великолепные образцы старинных северных хором Прионежья, Приладожья, Поморья являются результатом строительного искусства столько же русских, сколько и карельских плотников.

Очень часто в перемежающихся и смешанных русско-карельских селениях восточных районов Карелии невозможно различить постройки русской и карельской работы.

То же явление общей с русскими соседями строительной культуры наблюдается и у верхневолжских карел, переселившихся в XVII в. на Волгу из мест, которые отошли к Швеции после Столбовского мира в 1617 г. [1]

Иначе складывалось взаимодействие строительных культур у северных великорусов с другой крупной северной финноязычной народностью — коми (коми-пермяками и коми-зырянами), с которыми русские вступили в тесный контакт, способствовавший обмену культурными навыками, много позднее, чем с карелами. При наличии множества общих строительных приемов и черт, многие из которых могут быть объяснены сходными природными и экономическими условиями, здесь можно четко выделить национальные особенности строительства коми. Наиболее яркими из них являются: тип усадьбы (двухрядная постройка, в которой поставленные рядом жилище и двор накрыты двумя отдельными односкатными крышами, соединенными вверху деревянными скрепами) [2], лесной амбар на одном или четырех столбах (для хранения пушнины и дичи) и др. В то же время многие черты имеют своим исходным пунктом северновеликорусское жилище, сохраняются даже русские термины («поветь», «звоз», «крыльце», «житница», «матица», «пӧлать», «залавка» и др.) [3].

Аналогичную картину мы видим у поволжских финноязычных народов — удмуртов, марийцев, мордвы. В типичном для данной этнографической зоны жилище (рис. 28 и 51) ясно выступают черты, заимствованные из русской строительной культуры и органически слившиеся с ним.

Заимствованные элементы строительства сохраняют в этих языках и свои русские названия. Любая работа, посвященная этим народам, любой словарь этих языков [4] дает яркое представление о влиянии русской строи-

---

[1] Г. С. Маслова. Материалы по этнографии карел Калининской области. СЭ, 1936, № 2, стр. 84—93.

[2] В. Н. Белицер. О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми. СЭ, 1952, № 1, стр. 65 и 71.

[3] См. отчетные статьи В. Н. Белицер об этнографической работе среди различных групп коми в КСИЭ, 1945—1952, II, III, XIV, XV и XIX. См. также авторефераты кандидатских диссертаций: Л. Н. Жеребцов. Современное жилище народа коми. М., 1952, стр. 8, 13; Д. И. Гусев. Коми-пермяки в период капитализма и в годы советской власти. М., 1955, стр. 6—7.

[4] Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, стр. 85—93, 95—96; М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка

тельной культуры. Это показано в таблице слов русской строительной культуры, вошедших в словарный состав языков финноязычных народов Поволжья (в скобках — русские эквиваленты или пояснения) (стр. 148—149).

Русские корни имеются также в строительной терминологии тюркских народностей, например у казанских татар: *урыс капка* (русские ворота), *ак келэт* (белая клеть) и т. д. Татары предпочитают даже для возведения сруба и крыши нанимать русских плотников, но отделывают дома сами татары, так как далеко не все русские плотники могут «работать на татарский вкус» [1]. У башкир отдельная постройка для хранения провизии и хозяйственной утвари носит название *келэт*, а в зависимости от материала, из которого она возведена, ее называют *саман клэть*, *таш клэть* («таш» — камень), *ситэн-кэлэт* («ситэн» — плетень) [2].

Все заимствования происходили постепенно, в течение столетий общения. Поэтому во многих случаях наблюдается любопытное явление: перенятый у русских какой-либо элемент жилища продолжает сохраняться и тогда, когда русские давно уже перешли к иному типу построек. Такие элементы считаются национальной особенностью данной народности, и лишь название и исследование этих деталей указывают, что они являются древним заимствованием от русских. Можно привести два примера. Для пермяцкого жилища характерна массивная двускатная крыша с охлупнем, конец которого обработан в виде конской или птичьей головы. Русские же в этих районах строят на своих домах более простую на вид, но более сложную по конструкции четырехскатную тесовую крышу [3]; крыша с охлупнем ими давно забыта; она встречается у русских значительно дальше к северу и северо-западу, и то только на очень старых избах.

У мордвы-мокши, живущей в Тамбовской обл., встречаются в избах коники с резными вертикальными досками — боранками (обработанными в виде конских голов и завитков) [4]. В то же время коники у русских крестьян давно уже лишены украшений, часто это обыкновенная лавка у двери.

То же явление наблюдается и у других народностей, населяющих русскую равнину, например у ижоры (на берегах Финского залива) [5].

Таким образом, ближайшие соседи великорусов, представлявшие в недавнем прошлом отсталые народности, были хранителями отдельных элементов старой русской культуры, великорусами уже забытой вследствие

«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1890, т. VIII, вып. I (глава II. Славянские, русские и литовские слова в финских наречиях, стр. 137—260, и глава IV. Указатель разобранных слов, русские слова, стр. II—V); A. O. Heikel. Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», IV. Helsingissä, 1888; Удмуртско-русский словарь. Сост. В. М. Вахрушев и др. М., 1948; И. Ф. Андреев, Д. И. Иванов, К. Ф. Смирнов. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1943; М. Е. Евсевьев. Мордовско-русский словарь. М., 1931; А. П. Рябов. Русско-мордовский словарь. М., 1931; М. Н. Коляденков и Н. Ф. Цыганов. Эрзянско-русский словарь. М., 1919. См. также авторефераты кандидатских диссертаций: Л. М. Назаренко. Вклад русского народа в развитие мордовской культуры. Л., 1950, стр. 10; Н. П. Макушин. Поселения и жилища мордвы-эрзи Мордовской АССР. М., 1954, стр. 11—13.

[1] Н. И. Воробьев. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТССР. «Рестник Научного общества татароведения» (Казань), 1926, № 4, стр. 28.

[2] С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 239 и рис. 205, 206, 208.

[3] Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов, стр. 95.

[4] Там же, стр. 92 и 95 и рис. 23; A. O. Heikel. Указ. соч., рис. 37—40.

[5] Р. М. Габе. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. «Труды КИПС, 16. Западнофинский сборник». Л., 1930 (зарисовки автора).

Таблица слов русской строительной культуры, вошедших в словарный состав языков финских народностей Поволжья

	Удмурты	Марийцы	Мордва		
			эрзя	мокша	без разделения на эрзю и мокшу
Тип селения, усадьба	Село, починка, город Ульча (улица) Усадьба, сад Ворота, тын Забор, забораны (загородить) Пожарник, пожарной (пожарный сарай)	Село, поселок Усадьба, двор Забор Частокол	Усадьба Ортат (ворота) Защолка (запор у калитки, ворот, дверей) Забор, частокол Гнезда (гнездо – пара, т. е. два смежных дома)		
Дом и его части	Гориньча (горница) Подвал, вышка́ Голбеч, гулбеч, губеч (голбец—подполье в разных диалектах) Сеник (сеновал) Патра (чердак) и петра (предамбарье)* Стропила́, свай (свая) Укно, косяк, стекло Укно оконча (оконное стекло) Пол, польча (полка), полать, лавка́ Кульчо (кольцо на двери)	Вышка, черепица Связь Подвал, чердак Чулан Потолы́к (потолок) Окна и косак Красна окна (расписные наличники) Подушка (подушка—нижняя часть окна) Полиця Угол, кутник Перила, скоба Колча (кольцо на двери)	Сруб, связь, пристройка, крильца Горниця Застрика (застреха), жолоп (на крыше) Драньця (дранница), черепица, стропила Жерьдя, горбуль (горбыль), слега, свай (свая). Потолок, подполья, поровт (порог) Стенась глухой (стена без окон) Ставнят (ставни), обоят (обои), простенка Полок-ланго (палати; «ланго» — поверхность) Угол	Гореньця Боранка (украшение в виде завитка или конской головы на конике у входа) Жесть (кровельное железо)	Канёк (на крыше) Коник Слега Пластина Матка Полаты Стокла
Печь и ее части	Пуд (под), турба и труба Юшка (вьюшка), заслонка, душник	Труба Спичка (спички)	Пецька Турба Юшка	Камыньця (каменка в бане)	Печка Пато́пка

Продолжение

	Удмурты	Марийцы	Мордва		
			эрзя	мокша	без разделения на эрзю и мокшу
Печь и ее части	Галанка́ (голландская печь) Плита	Кöршöк (горшок без дна, вставляемый над дымовым отверстием в качестве трубы) Юшка Подтопок, плита	Пецька Турба Юшка	Каменьця (каменка в бане)	Печка Пато́пка
Обстановка избы, утварь	Зыбка́ Занавес, занавеска́ Лар (ларь для муки) Коро́б, корчага́	Занавес, зеркыл Лар и ларь Чан, чашка, шайка Половик, простыня, утюг Помыла (помело)	Столь, стул, скамика Косэрь (косарь — нож для щепания лучины) Калабель (колыбель) Ларь Свечине	Касырь	
Хозяйственные постройки и пр.	Колодча и колдэч Сусек, воры (колосники)* Росода (рассада, рассадник) Зурод (зарод, стог), зуроданы (метать стог)	Авын Омшаник Сусек Постав (на мельнице)	Авня, авиня авыня, авуня Руз-авня (русский овин-ямник) Чуваж-авня (чувашский овин-шиш) Баня, паня Сусек Зорад (зарод, скирда) Ведь-мелиньця („ведь“—вода)	Овынь, авонь Варма-мельниця („варма“ — ветер) Ведь-мельниця Журав (у колодца)	
Техника строительства	Плотник Плотниканы (плотничать) Плот, плотина Струг, струганы (строгать) Подпилка. Замо́к, замоканы (замкнуть, запереть на замок)	Плотник Плотничатлат (плотничать) Пила Замо́к	Плотник Плотничамп (плотничать) Пила, подпилка Плоскогубцат		

* Воры, „заворы“=жерди в русских диалектах (см. стр. 285).

перехода их к новым формам жизни и быта. Это не следует забывать при изучении истории многих отраслей старой русской культуры.

Особенно заметно сказалось русское влияние на постройках других народностей нашей страны за последние полтора-два столетия в отношении резьбы и росписи: и в старинной общевосточнославянской геометрической резьбе, украшающей крыши, наличники окон (например, у мордвы [1]), и в старой резьбе барóчного (например, наличники в Карелии) и ампирного (например, наличники в Татарии [2]) типов, и в позднейшей выпильной резьбе, распространившейся повсюду с конца XIX в.

Иначе проходили эти заимствования у народов, с которыми восточные славяне не жили бок о бок в течение тысячелетий, как на Восточно-Европейской равнине, а встретились лишь в XVI—XVII вв. (Сибирь и Дальний Восток) и даже в XIX в. (Казахстан и Средняя Азия). Здесь во многих местах не заимствовали постепенно отдельные детали, целиком перенимали оседлое жилище русских переселенцев. Для сибирских народностей, ведших жизнь бродячих охотников, а особенно для кочевников-скотоводов, при постепенном их оседании в связи с появлением и дальнейшим развитием земледелия, неизбежным становился переход от легкого переносного жилища к прочной русской избе.

Яркими примерами могут служить два крупных сибирских народа — буряты (западные их группы) и якуты. Во многих районах Прибайкалья, где давно уже под влиянием русских буряты начали понемногу переходить на оседлость, у них, особенно у кудинских бурят (теперь Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ Иркутской обл.) уже с XVIII в. рядом с войлочными и деревянными юртами появляются постройки русского типа — избы, зимовья, амбары, скотные дворы с навесами.

Оседлые буряты заимствовали у русских устройство печей; они переняли слова «печь», видоизменив соответственно особенностям бурятского произношения в «пеэшен», и «плита».

Отдельные зимовья, подражавшие русскому жилищу, отмечены в 1790 г., а с 1820-х годов и по р. Уде в Забайкалье «стали строить русские дома и зимовья в большом количестве; они оказались пригодными для того, чтобы в зимнее холодное время оставаться самим в удобстве и тепле и защищать от холода новорожденных младенцев» [3]. В каждом бурятском зимнике имелся деревянный дом, а большей частью даже два дома: одна изба побольше и почище (в нее перебирались лишь на время праздников или для приема гостей), в другой скучивалось все семейство в обычное время. По внешнему виду эти избы не отличались от изб русских старожилов-сибиряков. Близ избы ставились амбары, за дворами — овины и риги. Русские заимствования проникали в бурятскую среду преимущественно через ее кулацкую прослойку.

Для постройки и отделки домов приглашались русские плотники. Внутренняя планировка жилища на русский образец прививалась туже: в дальних и глухих районах еще в конце XIX в. в бурятской избе деревянный пол настилали только в половине избы, нередко поднимая его над земляным до метра. Под таким полом держали молодой скот (возмож-

[1] О заимствовании резьбы на жилищах мордвы от русских см. A. O. Heikel. Указ. соч., стр. 40—45 (с илл.); Н. Харузин. Указ. соч., стр. 92.

[2] О русском происхождении резьбы на татарских домах см. Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 213 и рис. 34.

[3] «Летопись хоринских бурят». М.— Л., 1940, стр. 84.

но, что в этом сказывалось влияние переселенцев — украинцев, белорусов и южных великорусов с их традицией высокого пола).

В летниках [1] не строили русских изб; но с тех пор как западные буряты стали земледельческим народом и выучились выпекать для себя хлеб, стали появляться русские печи и в летниках: их сбивали из глины где-нибудь во дворе, одну на несколько хозяйств, с навесом от дождя. Заимки на дальних пашнях, водяные мельницы, черные и белые бани — все это строилось по русскому образцу у западных бурят уже в конце XIX в. Русское влияние сказывалось заметнее всего в тех местах, где бурятские улусы перемежались с селениями русских крестьян и казаков [2].

Глубокое усвоение русской строительной техники за два-три столетия наиболее детально прослежено у якутов [3]. В середине XVII в. якуты познакомились с образцами русского строительного искусства, и благодаря навыку к обработке дерева, многое восприняли и перенесли на свои жилые постройки. В XVIII в. якуты уже настолько освоились с плотничным делом, что многие из них приобрели славу хороших плотников и их начали нанимать для постройки зданий в Охотске, Аяне, Петропавловске, а позднее и в г. Ново-Архангельске, столице Русской Америки. Но для себя первое время, ознакомившись со способом вязки бревен в углах, якуты строили преимущественно многоугольные (шести- и восьмиугольные) срубы — юрты, бывшие, в сущности, лишь переходной формой, от конического жилища к четырехстенному срубу, отмеченному у якутов в XVIII в.

В XIX в., особенно в южных районах Якутии, где во второй половине XIX в. начало шире распространяться земледелие, в якутских улусах стали появляться избы и дома русского типа; наиболее широко русский тип срубных построек распространился в Олекминском округе, якуты которого первыми стали строить русские избы с русской печью, остекленными окнами, деревянным полом и лавками. В русской печи якутки научились печь хлеб.

Наряду с якутскими предметами домашнего обихода появилась и русская мебель: стол (остуол), стул (устуул), шкаф для посуды (искаап), кровать (кырабаат), зеркало (сиэкилэ). В усадьбах якуты стали возводить русские амбары (ампаар), в которых двери, запоры, деревянные замки устраивали по русскому образцу. В Олекминском округе раньше, чем где-либо в Якутии, жилище типа русской избы отделилось совершенно от хотона — помещения для скота. Чем ближе находились якутские селения к русским, тем заметнее сказывались изменения их бытовой обстановки, и наоборот, в глухих, далеких улусах, где не было русского населения, новое в быт проникало медленно. Это отмечалось уже в дореволюционной русской литературе: «В последнее время нельзя не заметить

[1] Летник — вид временных поселений, а также и летнее жилье у кочевых или полуоседлых, главным образом скотоводческих народностей. Живут в летниках до конца летних перекочевок, после чего возвращаются на зиму в зимники (см. Сибирская советская энциклопедия, т II, стр. 153—154 и т. III, стр. 142).

[2] И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896, стр. 114—127; П. Е. Кулаков. Буряты Иркутской губернии. Иркутск, 1896, стр. 35 и 39; Д. Кудрявцев. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII—XX вв. «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 85, 87, 88.

[3] О. В. Ионова. Жилые и хозяйственные постройки якутов. «Сибирский этнографический сборник». «Труды Института этнографии Академии наук», новая серия, т. XVIII. М.— Л., 1952, стр. 239—319; «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа» [Сборник]. Якутск, 1950, стр. 80—81 и 124.

некоторой перемены в обстановке жизни здешних (сунтарских.— *Е. Б.*) якутов вследствие влияния русских. Многие из них теперь живут в русских бревенчатых домах с большими стеклянными окнами. Внутри этих домов нередко можно встретить несколько комнат и меблировку на русский лад, а также русские печи и голландки» [1].

Аналогичный процесс происходил и среди народностей Алтая. «В северной части Шории преобладающим типом жилища к концу XIX и в начале XX в. стала русская четырехстенная изба, а богачи-шорцы строили сплошь и рядом двухэтажные просторные дома с железной крышей» [2].

В районах давнего и непосредственного общения алтайцев с русским народом, на севере Алтая «срубная четырехстенная изба с деревянным полом, окнами, русской печью, побеленными стенами, вытеснила первобытный шалаш и полуземлянку. Общий вид самого селения принял облик типичного русского селения с его различными хозяйственными постройками: амбарами, банями, скотными дворами. И только кое-где в таком селении иногда сохранялись жилища старой формы, служившие теперь в качестве хозяйственной постройки, реже в качестве летнего жилья» [3]. «Не насильственная руссификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии» [4].

Некоторые сибирские народности издавна заимствовали у русских и способ освещения жилья свечами, научились приготовлять их литьем на станочке с лейками.

В степной полосе азиатской части России, например в южной полосе Западной Сибири, в степях Казахстана, кое-где в Киргизии и Узбекистане, где массовое переселение из Европейской России происходило во второй половине XIX в., значительный процент переселенцев составляли украинцы. Украинцы и явились здесь главными проводниками земледельческой культуры среди коренного населения. В новых местах они возводили свои беленькие хатки, в которых наиболее полно использовались все строительные возможности степной зоны. Поэтому при переходе на оседлость казахи и киргизы свои постоянные жилища строили по образцу украинской хаты; техника постройки, внутренняя планировка, украшения (например, роспись по глине), хозяйственные строения украинского типа получили преобладание, таким образом, на огромных пространствах, занятых прежде чисто кочевым населением [5].

Русское влияние в области жилища отмечается в XIX в. и на Северном Кавказе, где с приходом русских постройки быстро начали терять большинство старых особенностей и признаков: и селения стали планировать по типу русских казачьих станиц, и дома на усадьбе стали строить по образцу русских жилищ. Окна, печи, ворота в усадьбе — все это

---

[1] Г. А. Попов. В Якутской глуши. Иркутск, 1910, стр. 98.

[2] Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, стр. 112 и рис. 23.

[3] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, стр. 228.

[4] Л. П. Потапов. Народы южной Сибири. Новосибирск, 1953, стр. 133; о роли русского народа в передаче строительной культуры этим народам — см. там же, стр. 131—132. См. также автореферат кандидатской диссертации: К. М. Патачаков. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.). М.— Л., 1955, стр. 13. (Глава III. Отражение русского народного влияния в домашнем быту и культуре хакасов.)

[5] См. М. Т. Айтбаев. Русско-киргизские исторические связи и их влияние на хозяйства и культуру киргизов (По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1955, стр. 9.

начали делать на русский лад. Русская мебель заняла в быту почетное место [1].

Аналогичные примеры можно было бы привести из истории быта не только любой народности Союза ССР, еще в дореволюционное время начавшей переходить от занятий охотой и рыболовством или кочевым скотоводством к земледелию и к оседлой жизни, но и многих других исконно земледельческих народностей нашей страны. Таким образом, восточнославянское жилище, основные особенности которого вырабатывались в течение веков на Восточно-Европейской равнине, распространилось до Тихого океана на востоке и до государственной границы на юге, заменяя собой менее совершенные формы жилищ охотничьих и скотоводческих народностей.

---

[1] Е. Р. Бинкевич. К истории черкесского жилища. КСИЭ, VI, 1949, стр. 79; А. А. Миллер. Черкесские постройки. В кн. «Материалы по этнографии России», т. II. Пг., 1914, стр. 57, 66, 70, 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделанный в настоящей работе обзор жилища восточнославянских народов показывает богатство и разнообразие его форм, созданных русскими, украинцами и белорусами в течение ряда столетий. При всем разнообразии жилищ и поселений отдельных групп восточных славян, очевидна исторически сложившаяся общность этой области их материальной культуры. Выше отмечались, например, органические связи украинского и южновеликорусского жилища, близость белорусского жилища жилищу русских из западных областей, многие переходные формы русского и украинского, украинского и белорусского жилища и т. п. Техника строительства, виды поселений, характер и тип жилого дома, разновидности хозяйственных построек, украшения жилища и многое другое говорит о единстве культуры восточных славян и о необычайном богатстве ее национального своеобразия. Генетически восходя к простейшим формам жилища (как землянки, так и наземного типа), постройки восточнославянских народов развились в сложные коплексы жилых и хозяйственных помещений, при сооружении которых неизменно учитываются географические (ландшафтные, климатические) условия жизни данной местности. Народ всегда выражает стремление и обнаруживает умение учесть и по возможности лучше использовать эти условия. Сказанное подтверждается приведенными в настоящей работе данными о типах восточнославянских поселений, о материале и способе построек, о внутренней планировке жилища и о многом другом.

Национальные традиции русского, украинского и белорусского жилища сложились в процессе правильного и рационального учета возможностей, предоставленных человеку окружающей действительностью. Эти общие национальные традиции приобрели многообразные локальные формы, порожденные местными особенностями жизни, что свидетельствует о способности восточных славян глубоко освоить особенности географических условий и примениться к ним.

Анализируя весь изложенный в данной работе материал, можно сделать следующие выводы:

1. Восточнославянское жилище в основных своих типах является автохтонным. Оно прошло длинную историю развития, которая может быть прослежена на территории расселения восточных славян далеко вглубь веков. Археологические данные и исторические источники, равно как и дошедшие до нас образцы старинного зодчества, дают возможность восстановить историю развития как жилища в целом, так и многих его деталей, например печи, окон, украшений и т. д.

Советская археология установила, что все восточнославянские племена, жившие в лесной полосе, уже в VII—VIII вв. н. э. великолепно владели техникой деревянного зодчества, техникой плотничного дела. Только давняя традиция деревянного строительства, сложившаяся в среде коренных обитателей леса, могла привести к выработке таких замечательных строительных приемов, к такому высокому мастерству деревянного зодчества, которые обнаружены в древних жилищах, хозяйственных строениях и настилах Старой Ладоги. Высокая степень строительного искусства в древней Руси X—XIII вв. лишний раз доказывает, что население их в своем культурном развитии ничуть не отставало от других народов Европы, а во многих областях шло впереди них. Это является еще одним аргументом для опровержения порочной теории зарубежных буржуазных ученых об извечной отсталости восточных славян.

2. Вырабатывавшееся и совершенствовавшееся в течение веков, впитавшее в себя опыт многих поколений зодчество восточных славян совершенно самобытно, всеми своими характерными особенностями обязано творчеству созидавшего его народа, а не заимствованиям и влияниям со стороны якобы «более культурных» соседей, как утверждают представители «норманской теории». История развития севернорусского жилища опрокидывает теории немецких исследователей — К. Рамма и других, приписывающих возникновение этого жилища германскому, готскому или норманскому влиянию. Сравнительное изучение терминологии, связанной с крестьянским жилищем, показывает, что значительная часть терминов известна всем славянским языкам. Отсюда можно предполагать, что эти термины входили в основной словарный фонд языка в период языковой общности славянских племен и, следовательно, являются весьма древними.

3. Результатом накопления многовекового опыта, передаваемого от поколения к поколению, явились разнообразные народные строительные приемы XIX—XX вв., основанные на глубоком знании свойств строительного материала; простота и остроумие многих конструктивных приемов говорят о высоком мастерстве деревенских мастеров-строителей. Практические и художественные задачи в восточнославянском народном зодчестве слиты в одно неразрывное целое. Развитое у строителей чувство пропорций и меры не дает декоративным элементам преобладать над конструктивными задачами; украшения всегда органически связаны с конструкцией постройки.

4. Вся история восточнославянской архитектуры дает множество примеров влияния традиций народного строительного искусства на церковное и гражданское зодчество (на последнее в самых разнообразных видах — от небольших рубленых домиков городской бедноты до огромных боярских хором, царских теремов и сложных крепостных сооружений). Это влияние, как в общих приемах строительства, так и в деталях техники и резьбы, прослеживается не только в деревянном зодчестве города, но и в архитектуре каменных строений древней Руси.

5. Великорусская и белорусская изба и северноукраинская рубленая хата распространены в пределах зоны срубного жилища, протянувшейся от Одера и Балтийского моря на восток, через всю северную половину Восточной Европы, за Урал. Территория распространения украинской хаты находится в пределах зоны каркасных (турлучных) построек, занимающей всю степную полосу Восточной Европы и переходящей через Северный Кавказ в степную зону Западной Сибири и Казахстана. Но каждому из типов восточнославянского жилища, характерному для той или

иной зоны, присущи свои особенности в конструкции, планировке, украшениях и пр., что отличает его от соседних типов той же зоны. Так, белорусское жилище отличается от литовского и польского, великорусское — от зырянского, удмуртского и др., украинское — от молдавского и черкесского.

6. Таким образом, ареалы распространения отдельных типов построек и явлений строительной культуры совпадают с областями распространения этнических групп. Так, например, баня, в своем устройстве сохраняющая план древнерусского жилища, характерна для всей территории распространения северно- и средневеликорусов;

севернорусский двухъярусный дом-двор с поветью характерен для северновеликорусов и распространен по всей области древней новгородской колонизации;

среднерусский план жилища с печью у входа, чело которой обращено к передней стене с окнами, характеризует районы переходных говоров и совпадает с областью московской колонизации;

восточный южновеликорусский план наблюдается в районах, заселенных в древности племенем вятичей;

глиняная обмазка стен с росписью их типична для украинцев и т. д.

7. Восточнославянские сельские постройки при всем их многообразии могут быть сведены к небольшому числу основных, большей частью зональных типов; при этом типовые планы, элементы архитектурных форм и конструктивно-декоративные приемы сравнительно немногочисленны и становятся своего рода стандартами. Талантливо применяя в различных сочетаниях выработанные веками формы и элементы, умело увязывая их с местными особенностями, безымянные народные мастера сумели добиться большого разнообразия типов построек и создали огромное количество великолепных образцов народного строительства.

8. Своеобразие и самобытность восточнославянской архитектуры, ее древние традиции проявились особенно ярко в деревянном зодчестве, которое дало непревзойденные образцы народного творчества в области строительства, такие образцы, каких нет ни в одной другой стране, ни у одного другого народа в мире. Изумительное искусство народных мастеров, их талантливая изобретательность и умение блестяще справляться со сложными комплексными заданиями, их способность организовать строительные работы сказались в замечательных памятниках сельской архитектуры прошлого, особенно в постройках русского Севера и Поволжья, Западной Сибири и Алтая. Многочисленные черты восточнославянского зодчества, идущие из глубокой древности, сохранились особенно устойчиво в хозяйственных постройках деревни, что во многих районах, особенно на Севере, отмечается вплоть до последнего времени.

9. Вместе с тем крестьянское строительство не является чем-то косным, застывшим. Наоборот, изучение его во времени выявляет постоянные поиски более совершенных форм, постоянное видоизменение и усовершенствование уже достигнутых результатов. Примером может служить история развития любой детали крестьянского жилища и всего жилищного комплекса в целом (например, история окна, печи, крыши, поиски наиболее удобного типа застройки усадьбы и планировки жилья и пр.).

10. Формы и элементы жилища зависят от классовой дифференциации деревни и общих исторических условий. Так, возникновение и распространение двора-крепости в Центральной черноземной полосе определяется неспокойным состоянием этой южной окраины Московского государства в XV—XVII вв. Число отдельных помещений в постройке непосредственно связано, с одной стороны, с размером семьи, с другой — с зажиточностью

хозяйства. И если для большой семьи прошлого характерна трехкамерная постройка — связь и соответствие числа клетей числу брачных пар, то для кулацких хозяйств эпохи капитализма типичны на европейском Севере избы с прирубом и двойни, в среднерусской полосе — пятистенки, в Сибири — крестовые дома. Аналогичным образом, разнообразные элементы жилища и его отделки свойственны тем или иным классовым прослойкам крестьянства.

11. Развитие крестьянских построек стоит в тесной связи с общественным развитием народа: большое влияние оказало крепостное право и еще большее — развитие капитализма в России.

В наши дни резкие изменения в типе жилища, в характере надворных и хозяйственных строений (их вид и форма, число и назначение) происходят в условиях советского строя и коренного изменения быта колхозного крестьянства.

12. Развиваясь и совершенствуясь в течение веков, восточнославянская архитектура не отмежевывалась от строительной культуры других народов, а находилась с ней в постоянном взаимодействии. При исследовании восточнославянского зодчества ясно проступают культурно-исторические связи восточных славян с соседними, например прибалтийскими, народами, выражающиеся в общности отдельных явлений в области строительной культуры. В качестве примеров можно указать «клетис» у литовцев и «свирон» у белорусов, «рига» в Прибалтике и у русских, «каржина-ленуха» у верхневолжских карел и у русских и т. д. Результатом взаимодействия в сравнительно недавнее время явилась также творческая переработка разнообразных образцов (шедшая главным образом по линии декоративного убранства построек) городских стилей XVIII—XIX вв. и приспособление их к крестьянскому зодчеству; при этом создавался свой особый стиль, в котором иногда с трудом можно было узнать его прообраз [1]. При этих процессах всегда огромную роль играли местные условия, поэтому одни и те же первоисточники, в результате творческой переработки их, давали ряд различных «стилей». Например, совершенно своеобразно так называемое «олонецкое барокко», его невозможно спутать с барóчным стилем Западной Сибири; тверские наличники, выполненные в стиле русского ампира, выглядят совершенно иначе, чем, например, амирные наличники Украины и т. д.

13. Большая строительная культура и разнообразие типов жилища восточных славян оказывали в течение ряда столетий значительное влияние на постройки других народов СССР, что сказалось не только в их следовании восточнославянским приемам строительной техники и планировки, не только в усвоении соответствующей терминологии, но и в полном переходе к жилищу и сельскохозяйственным строениям русского или украинского типа.

* * *

В данной статье охарактеризовано восточнославянское крестьянское жилище XIX — начала XX в. Однако оно в значительной мере составляет часть и современного жилого фонда деревни. Жилые дома, построенные до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые послереволюционные годы, продолжают существовать как основная форма

[1] Здесь уместно напомнить хотя несколько грубоватое, но образное высказывание М. П. Погодина на I Археологическом съезде в 1869 г.: «Откуда бы что ни приходило — русская печь все переваривала, и что из нее выходило, то было уже не иностранное, хотя и сходное кое с чем иностранным» (М. П. Погодин. Труды I Археологического съезда в Москве).

жилища и теперь, хотя в типы построек, выработанные столетиями, вносятся необходимые существенные коррективы.

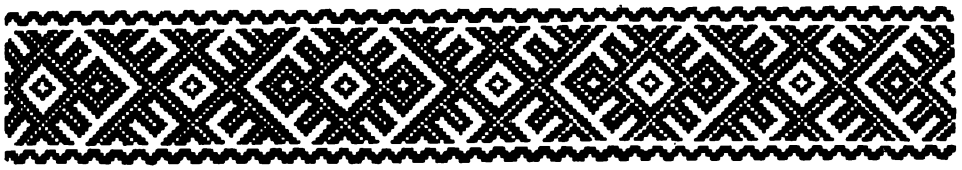
В жилище восточнославянских народов еще встречаются архаические, устаревшие черты, рожденные в свое время отсталыми формами общественного и семейного быта и примитивной техникой крестьянского хозяйства. Архаические черты не имеют почвы в современном быту и в развивающейся культуре трудящихся, поэтому они отмирают. Продолжают жить и прогрессируют лишь рациональные элементы народного жилища, присущие народному жилищу русских, украинцев и белорусов. Они и составляют основу национальной специфики, национальных традиций в этой области культуры, развиваемой и совершенствуемой народными массами в наши дни.

Долгом советских специалистов — архитекторов, этнографов, историков искусства, художников — является возможно полное изучение замечательного мастерства народных зодчих, их конструктивных и композиционных приемов, их блестящих достижений в области строительного искусства и, таким образом, сбережение великого художественного наследия народной строительной культуры. Изучение и собирание замечательных образцов народной архитектуры в виде фотографий, зарисовок и чертежей должно пополнять имеющиеся в музеях и научно-исследовательских учреждениях страны собрания, являющиеся неисчерпаемой сокровищницей памятников народного зодчества, чтобы в дальнейшем они могли быть использованы архитекторами при проектировании нового строительства.

Не менее важна и другая задача, стоящая перед советскими этнографами и другими специалистами, изучающими народное жилище: задача изучения тех новых форм жилья, которые рождаются в наши дни, в ходе огромной перестройки всего народного быта, рождаются частью стихийно, создаваемые прежде всего самими колхозниками, строящими себе новые, лучшие дома; частью — в плановом порядке, под руководством компетентных органов власти и научных учреждений. Но эта задача, лишь недавно поставленная и перед этнографами, требует особого специального исследования.

Н. И. ЛЕБЕДЕВА

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XIX — НАЧАЛЕ XX в.



ВВЕДЕНИЕ

Домашнее ткачество восточных славян, в том виде, как оно сложилось к концу XIX в. и продолжало бытовать вплоть до 1920-х годов, представляет собой сложный комплекс приемов работы и орудий производства различного происхождения, возникших в разные времена, отражающих долгую и сложную историю народного мастерства.

В данной работе описаны процессы, связанные с изготовлением тканей при домашнем прядении и ткачестве; рассмотрены орудия производства с разделением их на основные и дополнительные, на старые и новые формы, установлены их варианты. При этом прослежено географическое распространение приемов и орудий прядения и ткачества на территории восточных славян и в ряде случаев на территориях соседних с ними народов, с датировкой, насколько это было возможно, времени их появления.

Вместе с картографированием и хронологической датировкой других элементов материальной и духовной культуры (жилище, одежда, народные обряды и пр.), а также с данными славянской диалектологии, изучение прядения и ткачества может содействовать решению сложных вопросов этногенеза восточных славян.

Прядение и ткачество у восточных славян проделали длинный путь развития: домашнее ткачество для удовлетворения потребностей семьи, при помощи примитивных орудий; ремесленное и кустарное ткачество в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства; надомничество в условиях раннекапиталистического мануфактурного производства конца XVIII — начала XIX в.; капиталистические прядильные, ткацкие и суконные фабрики с машинным производством и паровыми двигателями с 1830—1840-х годов. Это развитие завершилось крупным электрифицированным ткацким производством, организованным в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Предметом настоящей работы является изучение домашнего ткачества конца XIX — начала XX в. «Домашней промышленностью мы называем,— говорит Ленин,— переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство» [1].

Домашнее крестьянское ткачество было неразрывно связано с земледельческим трудом и лучше всего сохранялось в черноземной полосе, где меньше были развиты кустарные и отхожие промыслы. Сырьем для

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

ткацкого производства служили лен, конопля, шерсть, получаемые в собственном хозяйстве. Хлопчатобумажная нитка для тканья проникла в это время лишь в пригородные районы, в районы, соседившие с прядильными фабриками, и в крестьянские хозяйства с развитым отходничеством. Весь процесс прядения и ткачества происходил в обычной крестьянской избе. Домотканину из льна, шерсти крестьянин продавал лишь в случаях крайней материальной нужды, а обычно она почти целиком шла на нужды семьи. Домашнее ткачество характеризовалось слабым разделением труда и нередко полным отсутствием этого разделения. Все основные процессы обработки льна и конопли при этом выполнялись исключительно женщинами; одна и та же работница проводила все стадии обработки.

Процесс приготовления пряжи и ткани — настолько длительная, кропотливая и трудоемкая работа, что нельзя не удивляться выдержке, терпению, работоспособности, которые проявили при этом русская женщина, украинка и белоруска. Работа начиналась с осени и продолжалась до весны. Сделанная за это время ткань шла на одежду для семьи; при первой возможности ткань откладывалась в запас. Чтобы соткать три холста (150 м), нужно было затратить около 240 рабочих дней при восьмичасовом рабочем дне. Но всю работу необходимо было сделать за 6 месяцев,— следовательно, приходилось работать по 12—15 часов в день. Кроме того, обязанностью женщины было приготовление пищи, уход за скотом и за детьми. Надо учесть также, что женщины изготовляли не только простые ткани, но и узорные, работа над которыми была еще более трудоемкой. При создании тканей женщина проявляла большой вкус, и нередко ткани являлись настоящими произведениями искусства.

Работая на продажу, ткачиха могла больше всего заработать, изготовляя ткань из кудели, но и это был мизерный заработок, не обеспечивающий даже прожиточного минимума. При обработке же очёсок заработок составлял только около 30% заработка, получаемого при обработке кудели, а при обработке отрепьев снижался до 24%. Однако и этот заработок мог быть получен лишь в случае применения улучшенных способов обработки — при наличии самопрялки, вертящейся сновалки. Если же ткачиха пользовалась более примитивными орудиями, ее заработок составлял только 18—20% заработной платы сельскохозяйственного рабочего. Ясно, что при такой нерентабельности домашнего ткачества оно могло существовать лишь в условиях мелкого крестьянского хозяйства.

Наиболее трудоемким процессом при изготовлении ткани было прядение. Чтобы перепрясть 16 кг кудели, нужно было затратить 955 часов. В конце XIX в., с появлением хлопчатобумажной нити, начали применять уток из хлопчатой бумаги, покупаемой на рынке, что значительно ускоряло процесс выработки ткани. Это способствовало развитию кустарного ткачества из готовых фабричных ниток.

До самой Октябрьской социалистической революции преобладающая часть сельского населения нашей страны обходилась преимущественно домотканиной, особенно южновеликорусы черноземной полосы и белорусы. В наши дни рост зажиточности колхозников, развитие легкой промышленности и торговли на селе дали возможность крестьянке покупать разнообразные ткани для одежды и других надобностей. Труд женщины-колхозницы используется в новых отраслях хозяйства, он стал несравненно более производительным.

Домашнее прядение и ткачество в колхозном хозяйстве сохраняются лишь в некоторых районах и имеют второстепенное значение. Они в основном ушли в прошлое, и поэтому представляет большой научный интерес тщательная фиксация их остатков.

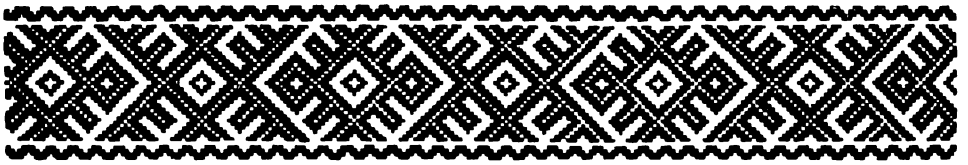
Изучение народного ткачества важно также и потому, что высокохудожественные произведения народного творчества используются в качестве образцов на социалистических ткацких фабриках и в кооперативных артелях. Так, например, на Украине (с. Дехтяри Черниговской обл.) изготовляются ткани по образцам старинных плахт, ткацкими артелями Рязанской обл. (в г. Сапожке), развивающими народные традиции, в настоящее время выпускаются прекрасные художественные ткани, удовлетворяющие высокие запросы советских людей.

Материалы для этой работы были собраны мною в 1921—1932 гг. в РСФСР: в Рязанской, Калужской, Брянской, Тульской, Смоленской, Новгородской, Псковской и Московской областях; в Белоруссии (Гомельщина, Мозырщина, Туровщина, Витебщина); на Украине Полтавщина; в 1950 г. в Рязанской обл. (Конобеевский и Сасовский районы), в 1951 г.— в Пензенской обл. (Земетчинский район), в 1953 г.— в Смоленской и Псковской областях, в 1954 г.— в Курской и Орловской областях.

Для изучения коллекций по прядению и ткачеству были использованы следующи ймузей: Музей народов СССР в Москве, б. Московский областной, Государственный этнографический музей народов СССР в Ленинграде, Рязанский, Смоленский, Витебский краеведческие музеи. Кроме полевых и музейных материалов, использована литература, освещающая в той или иной мере вопросы прядения и ткачества у восточных славян [1].

---

[1] Приношу благодарность В. Н. Белицер, давшей мне сравнительный материал по прядению и ткачеству тюрко-финских народностей Поволжья, и Д. В. Найдич — по прядению и ткачеству украинцев, а также Б. А. Васильеву за консультацию по ряду вопросов. Покойный Е. М. Шиллинг сообщил мне сведения о ткацких станках, бытующих на Кавказе.



I. МАТЕРИАЛ

Материалом для изготовления тканей у восточных славян издавна служили шерсть и растительные волокнистые вещества.

ШЕРСТЬ

В конце XIX — начале XX в. употреблялась в основном овечья шерсть, в небольшом количестве — козья и кроличья и лишь в особых случаях — верблюжья, коровья и собачья [1].

Где бы ни была родина дикой овцы,— в Южной Европе, Африке или в другом месте,— овца была, вероятнее всего, впервые одомашнена древнейшими культурными народами Передней Азии и Египта. В СССР древнейшие археологические находки костей овцы известны в Анау близ Ашхабада (IV—III тысячелетия до н. э.), в трипольской культуре, в курганах Триалети в Грузии (II тысячелетие до н. э.) и в фатьяновских погребениях лесной полосы, в междуречье Оки и Волги. Употребление овечьей шерсти на территории восточных славян было возможно, таким образом, с III тысячелетия до н. э., с эпохи энеолита. В так называемом Младшем Волосовском могильнике (на р. Оке близ г. Мурома), который датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э., найден в числе других предметов кусочек шерстяной коричневой ткани [2].

Коровья шерсть употреблялась в конце XIX в. в б. Каргопольском уезде Олонецкой губ., в Ошевенской и Нифантовской волостях, где при выделке кож оставалось много отходов шерсти. Из нее изготовляли кушаки, половики, одеяла для себя и на продажу [3]. Верблюжья шерсть шла на сукно — «армячину» (Урал), козья шерсть — на изготовление платков (знаменитые «оренбургские платки»).

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ВОЛОКНИСТЫЕ ВЕЩЕСТВА

Лен, конопля, крапива, липовое мочало издавна употребляются как прядильный материал.

---

[1] В народной медицине употреблялись до недавнего времени изделия из собачьей шерсти. В ряде мест (например, в Рязанской обл.) ревматикам рекомендовали носить чулки из немытой собачьей шерсти, что, согласно поверью, излечивает эту болезнь. Н. Я. Никифоровский сообщает, что в Белоруссии носили нитки и «поясные тесемки из собачьей шерсти» на руках, ногах и шее те, кто боится собак (дер. Софоненки б. Полоцкого уезда Витебской губ.). (Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Этнографические данные. Витебск, 1895, стр. 150).

[2] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 81.

[3] Н. Р. Левинсон и Н. Я. Маясова. Материальная культура русского Севера. Сб. «Историко-бытовые экспедиции 1949—50 гг.». М., 1953, стр. 130.

Лен

Родиной льна считают Персию, Кавказ, Малую Азию. Лен культивировался в шумерийских городах-государствах в начале III тысячелетия до н. э. В Египте в эпоху Древнего Царства лен разводился уже в большом количестве, и в это время изготовлялись льняные ткани. В саисскую и в эллинистическую эпохи льняные ткани из Египта вывозились в греческие полисы и в Рим. По свидетельству Плиния Старшего, лен был известен в его время (I в. н. э.) в Галлии и в Германии. О льняной полотняной одежде германцев упоминает Тацит; ее носили женщины и высокопоставленные люди [1]. О чрезвычайном разнообразии полотняных тканей свидетельствует известный эдикт императора Диоклетиана 301 г. н. э. «о продажных ценах».

В Восточной Европе лен был известен с глубокой древности. Древнейшей установленной пока датой для нашего Севера является начало II тысячелетия до н. э. На р. Модлоне (близ оз. Воже Вологодской обл.) «в свайном поселении в торфе были найдены не только семена культурного льна, но и часть деревянной прялки», описанные А. Я Брюсовым [2].

Кусочек полотняной ткани найден также в упомянутом выше Младшем Волосовском могильнике [3]. Однако А. Я. Брюсов не упоминает о результатах анализа волокна, который необходим для установления наличия именно льняной, а не конопляной или крапивной ткани. Бесспорно, в Восточной Европе в VII в. н. э. уже употребляли полотняную, именно льняную ткань (раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге).

В диком виде лен растет в южнорусских степях, где он мог быть использован как масляничное и волокнистое растение еще до начала земледелия. По мнению Б. А. Куфтина, предки восточных славян начали употреблять льняные ткани значительно раньше, чем население Западной Европы [4]. Он считает, что источником, откуда могла у них появиться льняная одежда, была «Средиземноморская область, находившаяся через черноморские колонии в близком общении с населением восточной Европы» [5]. Вполне возможно, что это был один из путей, по которому шел лен, но, вероятно, не единственный. Территория восточных славян настолько велика, что для отдельных ее частей могли существовать разные пути развития обработки льна.

Конопля

Предполагают, что родиной конопли являются Средняя Азия, юго-восточная Европа и, возможно, Китай.

В V в. до н. э. конопля была известна у скифов, которые из ее семян изготовляли опьяняющий напиток. Согласно Геродоту, конопля была единственным волокнистым растением у скифов. Она росла у них в диком виде, а также засевалась. Однако ничего не сообщая о тканье из конопли у скифов, Геродот прямо переходит к рассказу о фракийцах, которые из

[1] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 147.

[2] А Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика. СА, XIV, 1950, стр. 298; его же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 129.

[3] А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 302 и рис. 12, 5; его же. Очерки по истории племен..., стр. 81.

[4] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. «Труды Государственного музея ЦПО», вып. 3. М., 1926, стр. 20.

[5] Там же, стр. 22.

конопли ткали и приготовляли «платье, до такой степени похожее на льняное, что человек, недостаточно опытный, не сможет узнать, сделано ли платье из конопли, или из льна, а кто никогда не видел конопляной материи, тот примет такое платье за льняное» [1].

В раскопках Старой Ладоги VII—IX вв. конопля представлена зернами и изделиями — веревками, а лен «встречен в виде остатков чешуи зерен и тканей из льняного волокна» [2]. А. В. Збруева [3] сообщает, что в верхнем слое Пижемского городища (X в.) были обнаружены следы употребления конопли. Персидский географ Гардизи в X в. упоминает о «рубахах» славян [4]. О выращивании льна и конопли свидетельствует Устав Ярослава (XI в.) [5].

Такие сравнительно поздние сведения о конопле, конечно, еще не говорят о времени ее появления. Конопля могла обрабатываться на территории восточных славян и в очень древнее время, так как в Поволжье и на Украине она была известна в диком виде. (Местное население Западной Сибири и Средней Азии, где конопля также растет в диком виде, кое-где продолжало ею пользоваться для получения волокна и выделки конопляного масла в 1920-х годах.) Возможно, что ее употреблял еще до начала земледелия неолитический человек. На древность употребления конопли указывает применение конопляных ниток для плетения сетей даже в таких районах, в которых лен в настоящее время является преобладающей культурой. Например, рыбаки на оз. Ильмень и на Псковском озере уверяют, что рыба будто бы лучше идет на запах конопли. Это суждение рыбаков свидетельствует об исконности применения конопли для вязания сетей.

Ткани из конопли — *посконный холст* (Рязанская, Тульская области), *замашный холст* (Брянская обл.) — были еще в XIX в. очень широко распространены у белорусов, украинцев и у южновеликорусов (Рязанская, Калужская, Орловская, Курская и другие области). *Замашечные*, т. е. конопляные, рубахи носили во всем Брянском Полесье. В Тульской губ. в 1856 г. отмечалось наличие рубах посконных, так как лен сеялся мало [6].

Еще более широко употреблялись конопляные ткани у тюркских и финских народов Поволжья (мордва, мари, удмурты, чуваши, касимовские и казанские татары).

Посевы конопли были широко распространены у русского населения Сибири с самого появления его там. Крестьяне Илимского воеводства в XVII в. сеяли коноплю почти в каждом дворе (в 88 из 100), и не только на масло, но и на волокно. Они вносили в казну пеньку и холст «на парусы» [7] и, очевидно, изготовляли из холста и одежду.

---

[1] Геродот. История. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенка, т. I. М., 1885, стр. 330.
[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 39.
[3] «К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье». СА, III, стр. 47, 51.
[4] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893—1894). «Записки Академии наук», т. I. СПб., 1897, № 4, стр. 123.
[5] Д. Я. Самоквасов. Памятники древнего русского права, ч. 1. М., 1908. стр. 141.
[6] Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губ., сообщенные Соколовым (АГО, XII, стр. 27, 48).
[7] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства в XVII и начале XVIII в., т. I. Иркутск, стр. 331, 332, 335—337. Сообщая об этих фактах, автор неосновательно предполагает, что холст делали из льна. О посевах льна в то время нет никаких указаний в исторических источниках; речь идет, очевидно, о конопляном холсте. «Ни одного гектара» льна не сеяли, по сообщению самого Шерстобоева, на современной территории б. Илимского воеводства и во время издания им книги.

Вопрос о времени появления льна и конопли на территории восточных славян уже давно мог бы быть разрешен путем тщательного анализа тканей, изготовленных из растительных волокон, найденных в Волосовской стоянке близ Мурома, в Абашевских курганах, а также в грунтовых погребениях II—VII вв. Однако такой анализ до сих пор не произведен, а между тем археологи часто называют фрагменты, найденные в раскопках, льняными, упуская из виду широкое распространение тканей из конопли; кстати, они забывают еще об одном волокнистом растении — крапиве, которая широко применялась в древнее время и недавно еще использовалась некоторыми племенами Севера.

Крапива

Крапива растет повсеместно и является очень неплохим волокнистым растением. В торфянике близ Антреа на западном берегу Ладожского озера была найдена рыболовная сеть неолитической эпохи, предположительно из крапивы или лыка [1]. Косвенные данные позволяют считать, что в далеком прошлом крапива в какой-то степени могла использоваться славянами для выработки ткани. В памятниках XI—XII вв., правда, нет никаких упоминаний о ткани из крапивы, но в русских народных сказках рассказывается о рубашках из крапивного волокна. Кроме того, в конце прошлого века употребление крапивы для пряжи было известно в детских играх. В деревнях Рязанской губ. девочки пряли волокна крапивы для получения ниток, которыми шили из тряпочек платья для кукол,— готовых ниток матери не давали (Астромино Рязанского района и Городецкое Старожиловского района) [2].

Мочало

Мочало, получаемое из луба липы, употреблялось повсеместно для витья веревок и производства кульков, рогож, решет. В раскопках В. И. Равдоникаса на Ладожском озере, на неолитических стоянках были найдены веревки от рыболовных сетей, сплетенные из мочала [3]. Область распространения городищ с «рогожной» керамикой частично совпадает с распространением липы. Отпечатки рогож встречаются на черепках городищ дьякова и городецкого типа, что говорит о широком ее применении в древности. У древних германцев лыко употреблялось для изготовления плащей, поясков и пр. Ряд русских пословиц указывает на применение рогожи в старину в качестве одежды: «В рогожу одеться, от людей отречься»; «Всей одежи три рогожи да куль праздничный»; «Не к роже рогожа, не к лицу епанча» и др. [4]. В дер. Мосолово Шелуховского района бывшей Рязанской губ.— одном из центров изготовления рогож — рогожный кулек, свернутый двумя углами, воткнутыми один в другой, употреблялся в конце XIX в. как плащ от дождя, а в самой Рязани можно было видеть фонарщиков, накрытых таким же образом рогожей во время дождя.

[1] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 2. Л., 1947, стр. 276.

[2] Крапива как прядильный материал была известна у народов Крайнего Севера: ханты изготовляли из нее холст для одежды и сети; орочи в районе современной Советской гавани и ительмены Камчатки также плели из нее сети (Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края. «Записки Зап.-Сиб. отд. Геогр. об-ва», 1882, кн. 1, гл. V. Б. А. Васильев. Описание коллекции, приобретенной Тунгусской экспедицией Центрального музея народоведения в 1928 г. (рукопись); С. П. Крашенинников Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949, стр. 238).

[3] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 2, стр. 276.

[4] В. Даль. Толковый словарь великорусского языка.

Много раз поднимался вопрос о сравнительной древности употребления тканей из шерсти и тканей из растительных волокнистых веществ. Д. К. Зеленин категорически утверждает, что шерстяная ткань древнее, чем ткань из растительных волокнистых веществ [1]. Б. А. Куфтин также считает шерстяную одежду восточных славян древнее льняной: «рубашке из растительных волокон льна и конопли в Восточной Европе должна была предшествовать шерстяная одежда» [2]. Свою мысль он подтверждает, между прочим, указаниями на шерстяные вышивки по полотну, крашенные мареной, у русских и мордвы, на шерстяные подолы, пришиваемые к низу украинских рубах, объясняя это как пережиток ношения привычных шерстяных материалов. Куфтин указывает также на преобладание шерстяных тканей, при наличии небольшого количества льняных фрагментов, в греческих и скифских курганах [3], славянских курганах Средней России и финских могильниках XI—XII вв. Это подтверждается и этнографическими материалами Рязанской и Тульской областей. Там наблюдалось еще в XIX в. обилие шерстяных женских туникообразных по покрою одежд; таковы *шу́шки, ко́дманы, желтики́*, которые предшествовали, несомненно, рубахе с косыми поликами, известной уже в XVI в., хотя не исключено и более раннее бытование последней. Но все эти факты еще не могут считаться бесспорным доказательством того, что шерстяная одежда появилась раньше одежды из растительной ткани.

---

[1] D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, стр. 149.
[2] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 22.
[3] Там же, стр. 20, 21.

II. ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛА К ПРЯДЕНИЮ

Процессы, необходимые для подготовки материала к прядению, различны для шерсти и для растительных волокнистых веществ (см. схемы 1 и 2 на стр. 538).

ПОДГОТОВКА ШЕРСТИ

Получение шерсти от животного

В настоящее время для снятия шерсти с животного повсеместно применяется стрижка. Ножницы для стрижки овец состоят из железной упругой пластины, согнутой вдвое, концы которой заходят друг на друга и служат лезвиями (рис. 1).

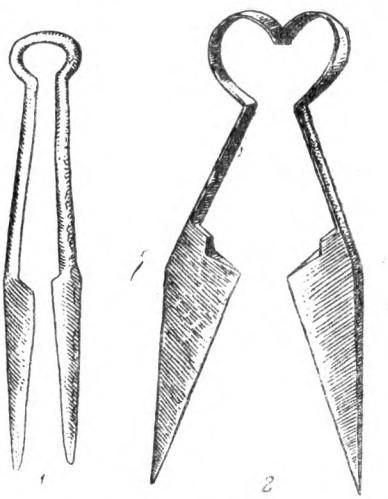


Рис. 1. Ножницы для стрижки овец
1 — из Старо-Рязанского городища XI—XIII вв.; *2* — современные

Древнейшие находки таких ножниц датируются началом III в. до н. э.[1]. На Западе этот тип ножниц известен в латенской культуре. В Восточной Европе они встречаются в большом количестве в славянских курганах XII—XIII вв. (владимирские курганы, Старая Рязань, Новгород), найдены также и в одном из мордовских могильников XI—XIII в.[2].

Ножницы обычного типа из двух половинок — лезвий с кольцами на концах, соединенных посередине, о которых говорит известная народная загадка, были распространены в русских городах уже в XI—XIII вв. Они найдены в большом количестве при археологических раскопках в Старой Рязани[3]. Возможно, что через арабов они попадали к волжским болгарам, откуда распространились по нашим городам. Однако в крестьянское хозяйство они проникали слабо, а для стрижки овец никогда не употреблялись; повсеместно применялись для этого ножницы первого типа. В XIX — начале XX в. они были в деревне основной

[1] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 110.
[2] А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 284.
[3] А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 152.

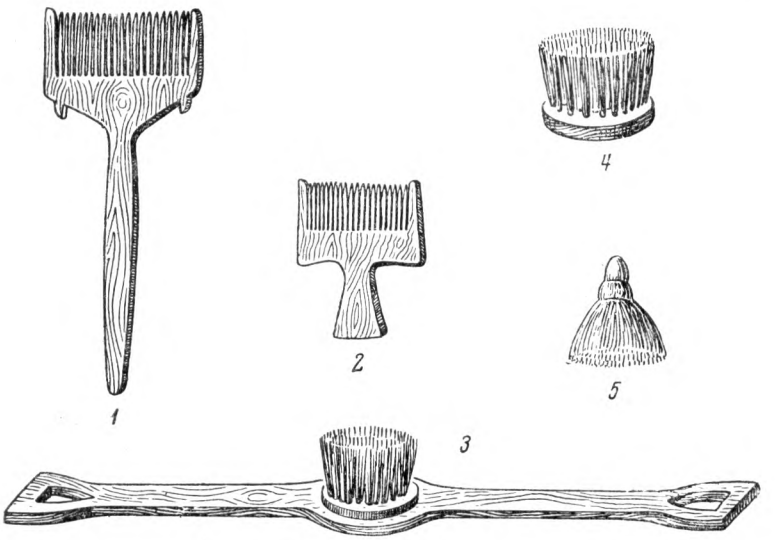


Рис. 2. Орудия для чесания льна, конопли и шерсти

1 — гребень; *2* — гребенка (с. Рождествено Тульской обл.); *3* — щетка с деревянными зубьями (с. Таль Минской обл.); *4* — щетка с железными зубьями (Полтавская обл.); *5* — щетка волосяная (дер. Толбица Псковской обл.)

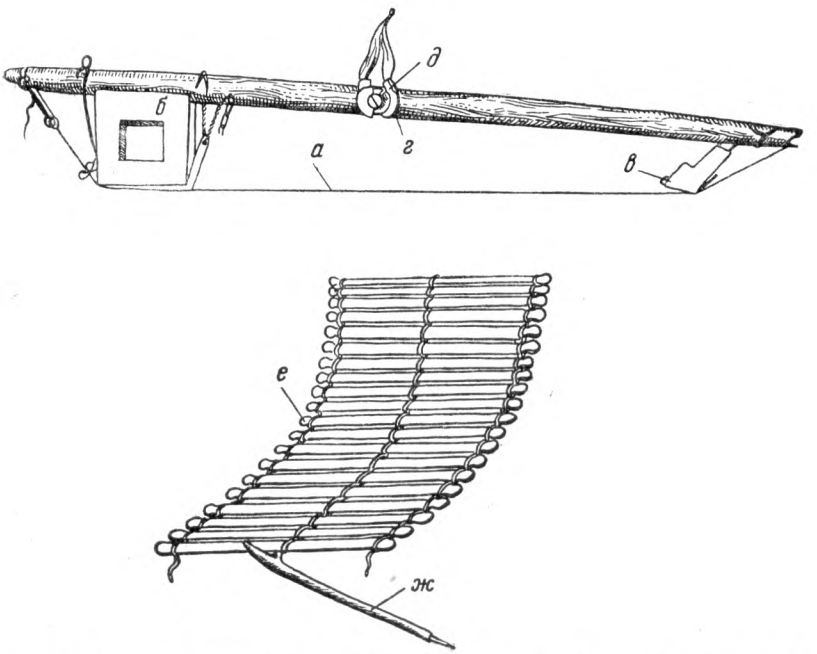


Рис. 3. Лучок со струной для разбивания шерсти (г. Почеп Брянской обл.)

а — струна; *б* — кобылки; *в* — натягович; *г* — кольцо; *д* — чапелка; *е* — решетка; *ж* — упорище

формой ножниц. Н. Я. Никифоровский пишет, что в Белоруссии они употреблялись для кройки и вместо шила, циркуля [1]. В русской деревне еще в начале XX в. можно было видеть полосатые головы ребят, выстриженные такими ножницами.

Если ножницы для стрижки овец появились сравнительно поздно, то невольно возникает вопрос, каким способом получали ранее шерсть от животных. На это могут указать бытующие до настоящего времени приемы ее получения: 1) собирание шерсти во время линьки (у коз ее собирают прямо руками); 2) вычесывáние при помощи гребенки; костяные гребенки с крупными зубьями, известные на городищах дьякова типа, возможно, употреблялись для этой цели; 3) срезание шерсти острым ножом; 4) соскабливание шерсти со шкуры животного ножом или бритвой. В неолите существовали многочисленные скребки; возможно, что ими счищали не только мездру, но и волос. Изогнутые кремневые пластинки очень близки по форме к железным скобелям, которые употребляют скорняки для соскабливания волос со шкуры. Известны железные бритвы, бритвы-скобели, применяемые до сих пор скорняками. Со шкурок кроликов в настоящее время сбривают шерсть при помощи обычных бритв, вплоть до безопасных.

Чесание и битье шерсти

Подготовка шерсти к прядению заключается или в разборке ее руками, или в чесании и битье. Иногда прядут шерсть, только разобранную руками; из полученной грубой нитки изготовляют чулки и перчатки. Шерсть для тканья обычно чешут или бьют.

Шерсть чешут для того, чтобы разрыхлить ее и придать волокнам одно направление. Существуют два способа чесания шерсти: чесание деревянным гребнем и битье лучком со струной (с «тетивой», как говорят в Новгородской обл.). Деревянные гребни встречаются двух типов: вертикальные (лопатообразные) и горизонтальные (рис. 2). Вертикальные гребни представляют собой лопату с длинной рукояткой; на лопасти нарезаны зубья, ручка гребня нижним концом вставляется в донце или в скамью (*1*). Гребенку (*2*) берут в руку и ею чешут. Горизонтальный гребень — *щетка* — узкая доска с расширением посередине в виде круга, в который перпендикулярно вставлены, как щетка, деревянные или железные зубья (*3*); гребень кладут при работе на лавку; иногда щетка делается без доски (*4*).

Вертикальные гребни известны у русских, белорусов и у большей части украинцев, горизонтальные гребни — у населения юго-западной Украины (Закарпатье и др.) и юго-западной Белоруссии. Те и другие известны также литовцам.

Лучек [2] (рис. 3) представляет собой круглую палку длиной от 1,8 до 1,87 м и толщиной 9 см. На расстоянии 20 см от одного края и 15 см от другого края к палке приделаны четырехугольные дощечки, называемые *кобылками* (*б*); через кобылки натянута *струна* из овечьих кишок (*а*). Струна натягивается при помощи *натяговича (в)*, т. е. короткой палочки, вставляемой между кобылкой и лучком в петлю, образованную струной. Натягович называют также *перо-зубец*. Струну натягивают путем

[1] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 172.

[2] Раздел об обработке шерсти при помощи «лучка» перенесен из ранней работы автора «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах)», ч. 1. М., 1927, стр. 122—123.

закручивания. Лук делается из березы самим мастером, струна покупается.

Лучок прицепляют при помощи *чапелки (д)* — петли из веревки — к кольцу *(г)*, ввернутому в стену. По струне бьют инструментом, называемым *катеринка* (Брянская обл.), *боек* (Московская обл.), *матренка* (Кировская обл.), *напалок* (Ярославская обл.). Это круглый брусок, длиной 20 см, диаметром 10 см, сделанный из березы; на одном его конце делают вырез-рубец,— задевая за него, струна сильнее бьет по шерсти. На другом конце катеринки прикреплена петля из ремня, которая надевается на руку работающего.

При разрыхлении шерсть кладется на *решетку (е)* из деревянных пластинок длиной 100 см, связанных в трех местах на расстоянии друг от друга 0,6 см, отчего образуются небольшие промежутки, в которые во время битья шерсти проваливаются на пол сор, грязь и отходы. Одним боком решетка прикрепляется к стене на высоте около 1,5 м, а под другим ставится *упорище (ж)* — палка с острием на конце, втыкаемая наискось в стену, чтобы поддержать решетку. С боковых сторон решетки подвязывается полоса холста, называемая *фартук,* на которую сваливается битая шерсть.

Процесс работы заключается в следующем: шерсть кладется на решетку, мастер левой рукой держит на весу лучок, подвешенный к чапелке так, что струна находится немного выше разложенной на решетке шерсти, а правой рукой при помощи катеринки ударяет по струне, которая начинает колебаться и разбивает верхние слои шерсти. Шерсть сваливается на фартук. При движении струна издает очень своеобразный звук, по чистоте которого можно узнать, насколько «ловок» мастер. Когда работают несколько мастеров, они стараются бить в такт, и получается своеобразный концерт.

Лучок известен у южных великорусов в Рязанской обл. (например, Польное-Ялтуново, Астромино, Верея и др.), Тульской обл. (Каменево, Гремячее, Шатово), Калужской, Брянской, Орловской и Курской областях; его знают и средние великорусы — в Московской обл. (Куликово б. Дмитриевского уезда), северные великорусы — в Калининской, Ярославской, Ивановской, Кировской, Новгородской, Псковской областях; у украинцев он известен на Полтавщине и Черниговщине [1]. Предположение, что струна на Украине заимствована у русских (как считает Д. К. Зеленин), очень мало вероятно.

Генезис этого инструмента следует искать в какой-либо древней скотоводческой культуре, типа фатьяновской или срубной. Большой ареал распространения у степных скотоводческих народов и древность струны делают предположение о позднем заимствовании ее украинцами у русских неуместным. Струна применяется для приготовления шерсти, предназначаемой для валяния сапог, шапок, изготовления войлока, для конской упряжи, а в Средней Азии — для изготовления кошм.

Струна, видимо, генетически больше связана с валяльным производством, чем с ткачеством. Она известна также у финнов Поволжья, у литовцев, в Крыму, в Средней Азии у киргизов, в Казахстане, а за рубежом — у болгар, в Иране и в Индии [2].

---

[1] Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916, стр. 494.

[2] У многих скотоводческих народов в степных и горных областях (например, у казахов, киргизов, алтайцев) сохранилось употребление более примитивного орудия для разбивания шерсти: это просто две палочки, которыми бьют по разостланной слоем на земле шерсти.

Новым способом разбивания шерсти явилось битье ее на шерстобитной машине. Машина, стоившая несколько сот рублей, была недоступна по цене одному хозяину, а по количеству обрабатываемого материала не была нужна для одного хозяйства. Находились два-три богатых крестьянина, которые заводили сообща шерстобитную машину и ею обслуживали довольно большую округу, принимая заказчиков у себя на дому или объезжая с машиной целый район; при этом они получали за пользование машиной известный процент или деньгами или натурой от количества битой шерсти. С 1918 г. сельская кооперация взяла все шерстобитные машины в свои руки. В настоящее время владельцами машин являются колхозы и промысловые артели.

ПОДГОТОВКА РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКНИСТЫХ ВЕЩЕСТВ

Выращивание льна и конопли

Для выращивания волокнистых растений необходимы соответствующая обработка земли и посев семян. Для этого употребляются те же сельскохозяйственные орудия и машины, как и для хлебных злаков.

Посев льна в крестьянском хозяйстве сопровождался в прежние времена многочисленными обрядами. Это свидетельствует о том, что лен был для крестьян особо ценным культурным растением. Что же касается посева конопли, то в связи с ним почти никаких обрядов не известно. При посеве льна соблюдались различные приметы: сеяли его в то время, «когда с осины пух летит» (Старое село на Витебщине) или «когда калина цветет» (Алексеевка Брянской обл.), и т. п.

Лен обычно сеяли до конца мая. Считалось, что хорошо сеять его по картофелю (Милашевичи на Мозырщине). В Новгородской обл. лен сеяли на нови. Землю под лен обычно удобряли особенно тщательно. Пахали под лен один раз, иногда два раза. Боронили один раз, а в северных областях — до трех раз. Если лето было дождливое, то лен пололи. С полки льна начинались женские работы, связанные с его обработкой; пахоту и сев обычно производили мужчины.

Дерганье

Лен дергают с корнем тогда, когда побуреют головки, т. е. когда поспеет семя. Коноплю *тягают, берут* в два приема. Когда конопля отцветает, *выбирают* мужские стебли, называемые *головни* (Тульская обл.), *пóскань* (Рязанская обл.), *плоскúнь* (Украина) или *синяя конопля* (Белоруссия). Женские стебли, называемые *моченец* (Рязанская обл.), *дерганцы* (Тульская обл.), *мыканка* (Новгородская обл.), *матiрка* (Украина), *белая конопля* (Белоруссия), оставляют дозревать и собирают в конце августа, когда созреет семя. Выдернутый лен называется *дерганец*. Количество льна, выдернутого за один раз рукой, называется *горстью* (Тульская обл., Брянское Полесье), *пястно* (Новгородская обл.), *горсты* (Украина), *жмен* (Белоруссия). Эта горсть служила единицей измерения собранного льна. Несколько горстей составляют сноп. Количество горстей в снопе очень неустойчиво — от двух до восьми. В Тульской обл. в Гремячем сноп состоит из двух-трех горстей, в Шатове — четырех-пяти, в Московской слободе — шести, в Новгородской обл. в Подберезье — трех-четырех, в Белоруссии в Тонеже — шести-семи, в Милашевичах — четырех-пяти. На Украине сноп *(мандль)* состоит из семи-восьми горстей. В б. Полтавской губ. четыре-пять жменей составляют снопик стеблей —

горстку, 30 горсток — *полукіпок*, два *полукіпка*, или 60 снопков,— *копу* [1]. В копне в Белоруссии содержится до 50 снопов, в Брянском Полесье — до 100 снопов. Характерно то, что все копны льна ставят в форме бабок; снопы ставят стоймя, кверху головками, также и в тех местах, где для хлеба употребляется складывание *крестцами* (южновеликорусы, Украина).

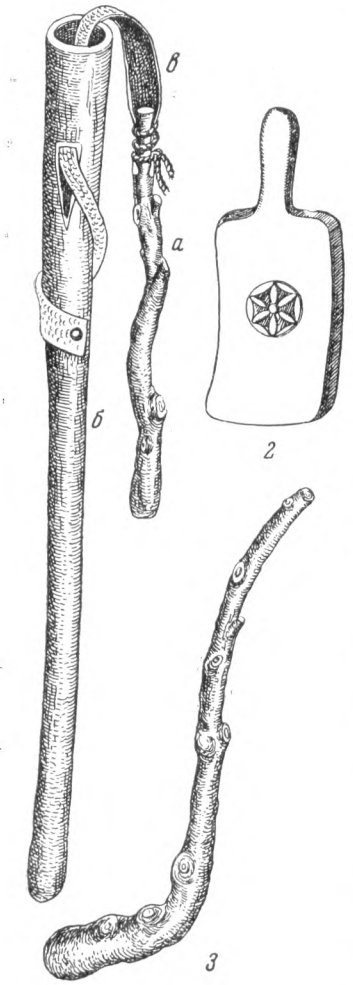


Рис. 4. Орудия молотьбы льна и конопли

1 — цеп: *а* — дубинка; *б* — кац; *в* — пуца (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.); *2* — валек (там же); *3* — лапа, топальная лапа (дер. Нижние Дегтяри Залучского района Новгородской обл.)

Обмолот и другие способы удаления семян

Удаление семян волокнистых растений производится или раздавливанием коробочки с семенами (обмолот), или срезыванием головок. При молотьбе ударами раздавливается верхняя часть стебля, при срезывании же головок верхняя часть стебля пропадает. В результате обмолота отделяются семена, идущие на посев и выделку растительного масла, и стебель, из которого вырабатывается волокно. Общая потеря волокна при обмолоте и срезывании головок достигает в среднем 10—15%. Еще в XIX — начале XX в. головки удаляли или без орудий, продергивая их между пальцами рук (например, Зиновьево в Заонежье), или топча ногами (например, Запесочье в Белоруссии), или же при помощи различных орудий: *цепами* молотили коноплю, *вальками* и *лапами* — лен. Южновеликорусы, белорусы и средневеликорусы употребляли для молотьбы конопли те же цепы, что и для молотьбы хлеба (рис. 4, *1*).

Вальком молотили лен южновеликорусы, украинцы, белорусы. Для молотьбы льна употребляли валек, применяемый и для мытья белья (рис. 4, *2*). В Белоруссии валек применяли при молотьбе проса; это заставляет предполагать, что он служил когда-то и орудием для молотьбы хлеба. У западных эстонцев известна молотьба хлеба колотушками. В некоторых местах валек употреблялся при молотьбе льна, но был неизвестен при мытье белья. Лапа, употреблявшаяся для молотьбы льна в Новгородской обл. (рис. 4, *3*), а также на Севере в местах бывшей новгородской колонизации, представляет собой сделанную из копани — ствола деревца, выкопанного с корнем,— загнутую палку, напоминающую ступню и голень человека. В этих местах она служила также и для молотьбы хлеба.

Таким образом, обмолот льна и конопли производился теми же орудиями, которые служили для молотьбы хлеба. Одно только орудие свя-

[1] Сообщение Д. В. Найдич.

зано исключительно с обмолотом льна — *бросальница*. Бросальница представляет собой лопатку с очень толстыми зубьями; продергивая через них стебли льна, отдирали головки (в том же с. Зиновьево в Заонежье, где удаляли головки и руками). Головки срезывали *косой, резалкой* и *драчком*. Коса — обычная литовка; резалка — обломок косы, вставленный в ручку. Драчок — железная двойная пластинка-вкладыш, в которую вставлено от трех до четырех зубьев в форме острия косы. Оч встречается в Платанове, Толбице, Обиже на Псковщине. Территория его распространения охватывает бассейн р. Великой и побережье Ильменя. Упрощенный драчок известен на Смоленщине, Витебщине и в Московской обл. Драчок характерен для Прибалтики, где он известен у литовцев и латышей. Близкий к драчку инструмент, сделанный из кости, известен по раскопкам в Эстонии и датируется I в. н. э. (по сообщению проф. Моора).

На прилагаемой карте нанесены три ареала применения различных орудий и приемов обмолота льна и конопли. Первый ареал (обмолот цепами и вальком) охватывает территорию расселения южно- и средневеликорусов, части белорусов и части украинцев; второй ареал (обмолот лапой) — Новгородскую обл. и области новгородской колонизации на северо-востоке; третий ареал (обмолот драчком и близкими к нему по типу орудиями) — Псковскую и Новгородскую области и восточную Прибалтику.

Так как в орудиях обмолота льна и конопли следует, несомненно, видеть очень древние типы орудий, то ареал их распространения может свидетельствовать о древних культурных связях между славянами, жившими по Ильменю и Чудскому озеру (Новгород, Псков), и населением Прибалтики, что подтверждается также и другими культурными параллелями.

Стлание и мочение льна и конопли

Эти процессы имеют целью разложить и удалить вещества, склеивающие волокна между собой и с древесиной стебля.

При первом способе расстилают на лугу обмолоченные стебли льна и конопли (*поскони*) тонким равномерным слоем. Разостланный лен или конопля лежат 15—20 дней. Делается это в сентябре — октябре. Обилие рос и тепла считается при этом благоприятным условием. Мочение заключается в погружении стеблей в пруд, болото или в специально вырытую в низине яму, которая быстро наполняется почвенной водой. Вылежавшиеся или вымоченные стебли сушат.

Стлание — очень широко распространенный прием, известный у южновеликорусов и украинцев; мочение же свойственно главным образом Псковской, Ярославской и Вологодской областям. У северных великорусов в районе Холма и Великих Лук сохранилось больше стлание льна, чем мочение. Преобладание того или иного приема, повидимому, отчасти связано с климатическими условиями; в районах с более суровым климатом лен хуже вылеживается, поэтому его мочат. В конце XIX в. 85% всего льна подвергалось стланию и 15% мочению. Коноплю мочат всегда.

Мочат лен и в тех районах, где имеет место промысловая переработка его.

В Новгородской обл. ранее практиковали стлание льна, а с тех пор, как начали вывозить лен-волокно на продажу, стали его мочить, потому что большое количество волокна немыслимо обработать стланием; так объясняли это, например, крестьяне в Порховском районе.

Мятье

Мятье — изламывание древесины с целью отколоть *кострику* от волокна. Волокно составляет 18—20%, а кострика — 80% всего веса снопа. Для мятья служили мялки: 1) наклонные или горизонтальные и 2) вращающиеся (терницы).

Старинные наклонные мялки (рис. 5, *1*) делались из *копани* — цельного небольшого дерева, вырытого с корнем. Корень служит ножками (*а*), а *било* (*б*) вырезано из ствола; оставшиеся боковые части ствола

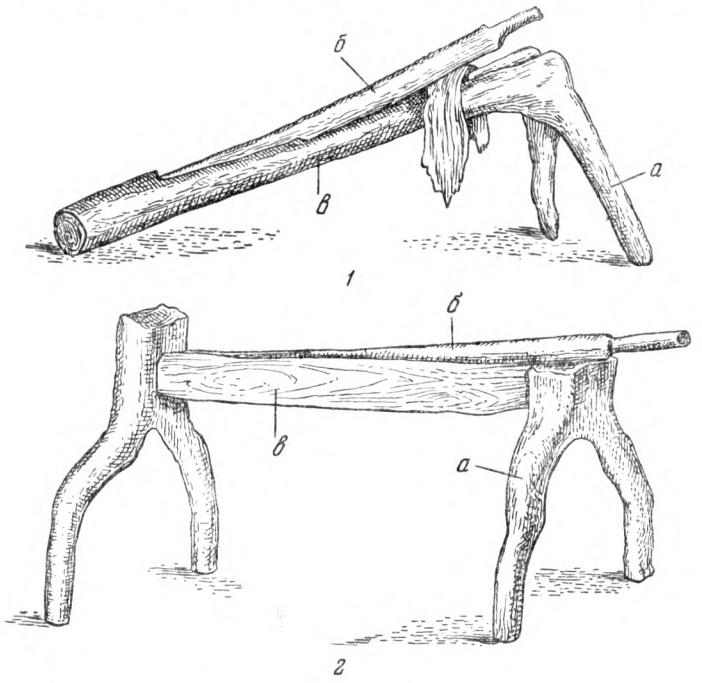


Рис. 5. Мялки

1 — мялка наклонная из копани: *а* — ножки; *б* — било; *в* — щечки (с. Бояничи Любанского района Минской обл.); *2* — мялка горизонтальная на ножках из корня дерева: *а* — ножки; *б* — язычок (било); *в* — щечки (с. Грабово Копаткевичского района Гомельской обл.)

называются *щечками* (*в*). Било — трехгранное в сечении, с острым углом, направленным вниз. В тех местностях, где волокно обрабатывалось в большом количестве на продажу, била бывали двойными, с двумя острыми параллельными ребрами на нижней поверхности.

Горизонтальные мялки (рис. 5, *2*) позднего типа делались из отдельных кусков дерева на двух или четырех ножках (*а*) с небольшим ножевидным билом (*б*). На Украине (Полтавщина) употреблялись для мятья две мялки: *битка* и *терница* (здесь термин «терница» перенесен на горизонтальную мялку). Обе они — с подставными ножками и щечками из досок. Разница между ними в размерах *меча* (била). У битки меч бо́льших размеров, нередко трехгранный, а у терницы — небольшой, ножевидный. При обработке льна употребляли и ту и другую. Битка разламывает *тресту* (кострику), а терница служит для удаления кострики. Переходной формой является мялка с приставными ножками из копани (см. рис. 5, *2*).

Горизонтальные и наклонные мялки были распространены у всех групп восточных славян.

Вертящаяся мялка — терница [1] — состоит из столба высотой 1,5 м, на который на высоте 60 см от земли, как на вертикальную ось, надет деревянный круг; в этот круг вставлено девять стоек — четырехгранных палочек высотой 0,5 м. Сверху она укреплена в кружке такого же диаметра, как нижний круг. К нижнему кругу наглухо прикреплена доска до 2 м длиной, служащая как бы рычагом. При помощи этой доски двое работающих вращают мялку вокруг средней оси, ходя вокруг мялки. Эти терницы по конструкции очень близки к кожемялкам, применявшимся у

Рис. 6. Мятье конопли (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.)

бурят. Можно предположить, что древний способ мятья кож (а обработка кож вообще древнее обработки волокнистых веществ) был перенесен на обработку льна.

Улучшенным орудием является вальцовая мялка, состоящая из двух вращающихся валов с узкой щелью между ними. Она была распространена в тех местах, где волокно льна шло на продажу (Смоленская, Витебская, Новгородская и Псковская губернии).

Коноплю-моченец везде толкли в ступе, без мялки. В некоторых местах (Витебская обл., Мозырщина) лен дополнительно также толкли в ступе. Ступы были ручные и ножные (рис. 7). Ручные ступы были распространены у восточных славян повсеместно, кроме юго-западной части Белоруссии, Волыни, Подолии и Карпат, где употребляли ножные. Ручные ступы употреблялись обычно и для «отолакивания» проса — отделения верхней твердой кожицы — «лузги» и для изготовления пшенной муки. Известна местами и двойная ступа: с одного конца она служит для толчения проса, а перевернутая — для толчения льна (Киселево Старожиловского района Рязанской обл.).

[1] Приобретена в дер. Липляны Лельчевского района Гомельской обл. для Центрального музея народоведения в 1929 г.

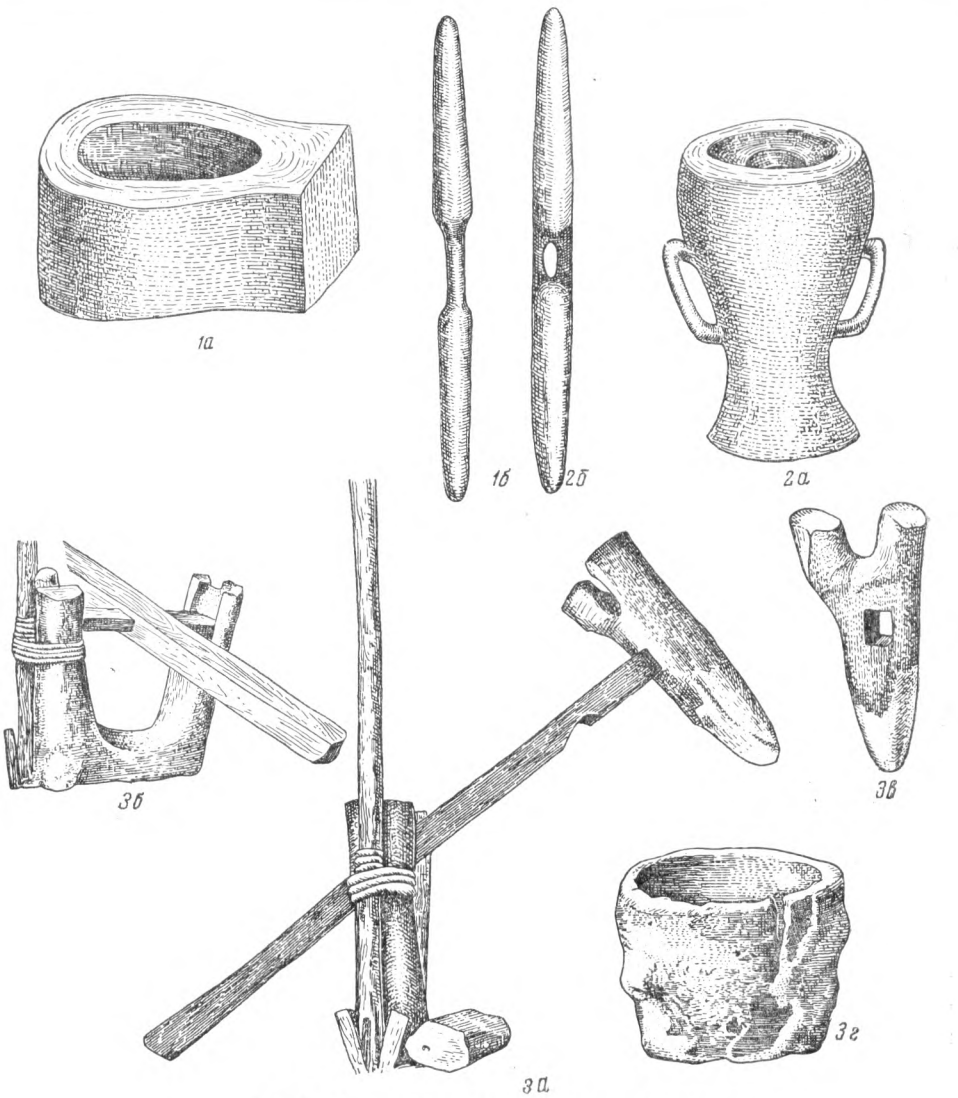


Рис. 7. Ступы для толчения льна и конопли

1 — ступа ручная: *а* — стулак; *б* — пиктиль (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.); *2* — ступа ручная: *а* — ступа; *б* — пехте́ль (с. Польное-Ялтуново Конобеевского района Рязанской обл.); *3* — ступа ножная: *а* — общий вид; *б* — подножка; *в* — товкач; *г* — ступа (с. Таль Любанского района Минской обл.)

Трепание

Трепание — отряхиванье костры и мелких грубых частиц волокна *(отрепья, смялов* — укр.), идущих на пряжу для мешков. Длинные волокна *(мычка)* идут в дальнейшую обработку. Из общего количества волокна в среднем получается мычки 83%, отрепья — 17%.

Основное орудие — *трепало* — известно с VII—IX вв. (раскопки Равдоникаса в Старой Ладоге). Различают трепала (рис. 8) лопатообразные (Московская обл.), мечевидные (Рязанская и Горьковская области, Мозырщина), ножевидные (Липляны, Белоруссия). На Севере трепала обычно покрыты долбленой трехгранной резьбой или росписью. На Полтав-

щине и в Курской обл. в прошлом коноплю и лен трепали («тіпали» — укр.), просто ударяя пучок льна и конопли о стойки битки или о столб [1].

Чесание

Чесание — дальнейший процесс сортировки волокна и растягивание отдельных волокон в одном направлении. При тщательной обработке ручным способом волокнистое вещество чесали до трех раз. Для чесания служили гребни того же типа, что и для чесания шерсти (см. рис. 2, *1—4*), и на той же территории. Большой костяной гребень для чесания льна был найден в Гродненском городище, в слое XII—XIII вв. [2]

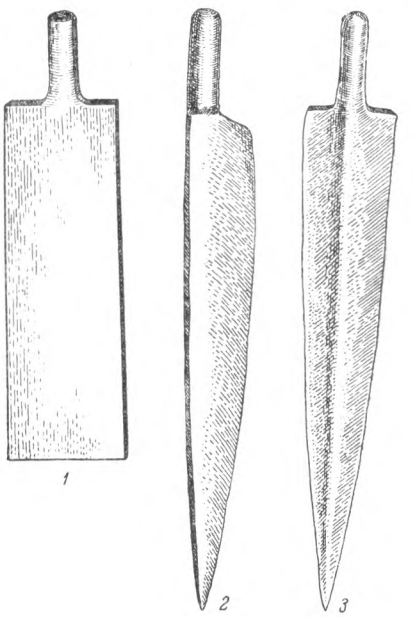


Рис. 8. Трепала

1 — лопатообразное (дер. Горшково Дмитровского района Московской обл.); *2* — ножевидное (с. Бояновичи Брянской обл.); *3* — мечевидное (с. Вяземка Пензенской обл.)

Щетка волосяная для чесания (рис. 2, *5*) делалась следующим образом: свиную щетину связывали в пучок наподобие большой кисти и один конец обмазывали растопленной еловой смолой: вынув из смолы, свободный конец щетки расставляли наподобие зонтика и между щетинами тоже наливали смолу и давали ей застыть. Женщины клали горсть чесаного льна (*намычку*) на колени и, придерживая лен левой рукой за конец, правой чесали щеткой. Как единственное орудие чесания льна щетка была известна в Новгородской и Псковской областях и в пределах новгородской колонизации на севере; в других местах она встречается вместе с гребнем (Тульская, Московская, Смоленская области, Белоруссия и Украина). Волокно накладывали маленькими пучками между зубьев деревянного гребня и чесали небольшой деревянной гребенкой, затем разглаживали щеткой, что называлось *мыкать мычки*. В результате чесания получали *кудель* —длинные, лучшего сорта волокна; *верхòвину, клочанки* — очёски, остающиеся на гребне после первого чесания; *пàчеси* (*пачосы*) — мягкое волокно, остающееся на щетке, на маленькой гребенке,— продукт второго чесания.

Процентное соотношение разных сортов волокна, вырабатываемого из одного снопа льна

(Старое село Витебской обл. и района; приняты термины этого села)

Кудель	36%
Переработанные волокна, отлетевшие при мятье	17%
Отрепья — волокна, оставшиеся от трепанья	11%
Волокна, оставшиеся от первого чесания	30%
Пачеси — волокна от второго чесания, оставшиеся на гребне	6%

Вес волокна составляет $^1/_5$ веса всего снопа; кострики — $^4/_5$.

[1] Сообщение Д. В. Найдич.

[2] Н. Н. Воронин. На берегах Клязьмы и Немана. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», 1953, стр. 281.

III. ПРЯДЕНИЕ

Прядение — способ получения нити из шерсти или из растительного волокна. В процессе прядения различают три момента: 1) дергание волокна или шерсти, т. е. получение длинной пряди; 2) сучение (кручение) пряди и 3) наматывание готовой пряди.

Некоторые исследователи склонны и чесание относить непосредственно к прядению. Например, Монтандон в процессе прядения отмечает три момента: чесание, дерганье и сучение [1]. Д. К. Зеленин в своей книге «Russische (Ostslavische) Volkskunde» совсем опускает процесс чесания, упоминая о гребне лишь при прядении. Некоторые энциклопедические словари, описывая прядение, относят к нему также и чесание, потому что в фабричном производстве этот процесс, как подготовительный к прядению, происходит на прядильных фабриках. Однако с этим положением едва ли можно согласиться. В народной среде как чесание льна и конопли, так и битье шерсти представляли процессы, отделенные обычно большим промежутком времени от прядения: заготовленные волокна лежали часто месяцами до того времени, как их пускали в переработку. Чесание и прядение разделены даже пространственно: чесание шерсти на шерстобитных машинах производилось часто в другом селе (шерстобитную машину точнее было бы назвать шерсточесальной машиной), а чесание льна и конопли — на гумне или на дворе задолго до начала прядения. Лишь при прядении с гребня нечесаной шерсти или нечесаного льна процесс *мыканья* соединяется с процессом прядения, но по существу он и здесь является лишь подготовительным. Возможно, что при старинном приеме прядения *в жилку,* когда производилось прядение нечесаной шерсти с гребня, мыканье непосредственно было связано с прядением. При наличии щеток и при многократном чесании этот процесс так обособился, что соединять его с прядением нет никаких оснований. Многие исследователи выделяют чесание в отдельный процесс от прядения. По их свидетельствам,— что особенно существенно, — чесание и в народном сознании мыслится как процесс, не связанный непосредственно с прядением.

Нельзя согласиться с Монтандоном и в вопросе об определении процесса прядения (помимо чесания) только как дерганья и сучения. При этом упускается из виду момент наматывания, необходимый при всех видах прядения.

ТРИ СПОСОБА ПРЯДЕНИЯ

Тремя основными способами домашнего прядения являются верчь, прядение на веретене и прядение на самопрялках.

[1] G. Montandon. L'ologénèse culturelle. Paris, 1934, p. 527.

Верчь

Верчь — дерганье и кручение ладонями остатков волокна от прядения (*хлопо́к*) или от чесания (*па́чеси*), лежащих в корзиночке или фартуке или привязанных к прялке (рис. 9), и наматывание готовой пряжи на руку или вокруг корзины. Полученная нить называется *верчь* или *сучанина* (Рождествено (Монастырщина) Тульской обл.; Можары Пензенской обл.). Сучанина служит утком при тканье подстилок и половиков [1].

Рис. 9. Прядение руками верчи (дер. Можары Пензенской обл.)

Рис. 10. Завязывание петли при прядении на веретене (с. Красная Дубрава Пензенской обл.)

Прядение на веретене

Веретено — простая палочка, обычно с утолщением посередине. Прядение на веретене у всех групп восточных славян, как у русских, так и у белорусов и украинцев, производится одинаковым образом. Левой рукой пряха дергает прядево; веретено, приводимое во вращение правой рукой, сучит, т. е. скручивает волокно в нитку; готовая нить наматывается на ладонь левой руки, с нее перематывается на веретено, поставленное на колено, после чего наверху веретена затягивается петлей (рис. 10); затем прядение продолжают.

В других областях Советского Союза известны и иные приемы прядения, например, дергают клочок кудели правой рукой, а крутят веретено левой (Кавказ, Средняя Азия).

[1] Изготовление верчи близко к получению ниток из крапивы у хантов, орочей и удэ: волокно сучат руками, на коленях, затем складывают в лукошко кругами.

Во время прядения пальцы левой руки приходится смачивать слюной, чтобы придать, как говорят, нитям пряжи бóльшую «крепость». Никифоровский отмечает, что «при продолжительной и усердной работе пряха расходует невероятное количество слюны, и нет ничего удивительного в том, если к концу работы голос ее хрипнет»; при этом она нередко во время работы берет по ягодке клюкву, калину, рябину, бруснику [1].

Есть три способа начала прядения нити: 1) тонкий клочок прядева надевают правой рукой (как бы шапочкой) на смоченную слюной оконечность веретена, а левой тянут прядево; 2) пряха без веретена выводит нитку длиной сантиметров 18, затем завертывает ее на тонкой оконечности веретена и начинает прясть; 3) иногда для начала прядения пользуются и готовой ниткой, припрядывая ее к кудели.

Способ прядения на веретене, характерный для всех славян, Монтандон называет «классическим», так как он был известен также в классической Греции и Риме [2].

«Классический» способ прядения на веретене охватывает довольно значительную территорию: славянские и тюрко-финские народы Восточной Европы и часть Западной Европы (южные и западные славяне) [3]. Дополнительной частью к веретену служит пряслице.

Пряслица известны под разными названиями: *пря́слице* (Рязанская обл.), *коте́лочка* (Бранская бол.), *пря́слен, кружа́ло* (Белоруссия). Пряслица бывают (рис. 11, *1—4*) бочкообразные, «ребристые» (в виде двух усеченных конусов, сложенных основаниями) или дающие в разрезе прямоугольник. Пряслица надеваются на верхнюю часть веретена или на нижнюю, поэтому их разделяют на «низовые» и «верховые». При «низовых» пряслицах веретена бывают без бородки, т. е. без утолщения на одном конце (рис. 11, *5*), так как пряслице как бы заменяет ее. Веретена без бородки были отмечены Б. А. Куфтиным у касимовских татар и автором данной работы в с. Ватранцы Елатомского района Рязанской обл.— у русских. «Верховые» пряслица употребляются с веретенами, имеющими бородку (рис. 11, *6*), главным образом при сучении спряденных ниток.

Глиняные пряслица были широко распространены в неолите, в культурах бронзы; их находят в городищах дьякова типа и в славянских городищах и селищах VII—XIII вв.

Пряслица XI—XII в. делались из розового шифера. Они имеют устойчивую «ребристую» форму (Киев, Овруч, Владимир, Новгород, Старая Рязань, Херсонес, Болгары).

Геолог Оссовский еще в 1876 г. доказал, что производство пряслиц из розового шифера должно было существовать возле Овруча б. Волынской губ., где сосредоточены залежи розового шифера (разновидность сланца). Вопрос о производстве овручских пряслиц и о путях их распространения разработан Б. А. Рыбаковым. Возле Овруча удалось открыть остатки древнерусских мастерских по изготовлению пряслиц. Их продукция была

---

[1] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 152.

[2] G. Montandon. Указ. соч., стр. 529.

[3] Своеобразные приемы прядения встречаются у живущих в СССР айсоров (потомки древних ассирийцев): у них веретена как бы сами наматывают полученные нити. В левой руке у пряхи рогулька с волокнами шерсти, веретено палкообразное с верховым деревянным пряслицем и металлическим крючком, пряха правой рукой дергает шерсть и правой же рукой вертит веретено; веретено сучит и само наматывает.

рассчитана на широкий рынок. Шиферные пряслица были распространены на обширном пространстве — от Одера и Варты до Средней Волги, от Ладоги до Роси и Ворксльі [1].

Пряслица в древней Руси, как видно, высоко ценились. На некоторых пряслицах обнаружены надписи, свидетельствующие о принадлежности их отдельным лицам: «Молодило» (Рязань), «Маврин» (Новгород), «Невесточь» (Вышгород под Киевом) и др.

С XIII в. пряслица стали опять делать из глины: овручские мастерские были, повидимому, разорены татарами [2].

Пряслица бытуют и до настоящего времени.

В с. Лесном-Ялтунове Конобеевского района Рязанской обл. иногда до сих пор употребляют для прядения и те пряслица, которые находят в земле на месте бывшего здесь селения XVI в. В Шацке на базаре в 1950 г. гончары из с. Демидова того же района продавали для местного населения глиняные пряслица, ничем не отличающиеся от пряслиц XVI в.

Употребляют также деревянные и каменные пряслица, а в случае нужды — горлышки от бутылок, половинки картофелины и т. п.

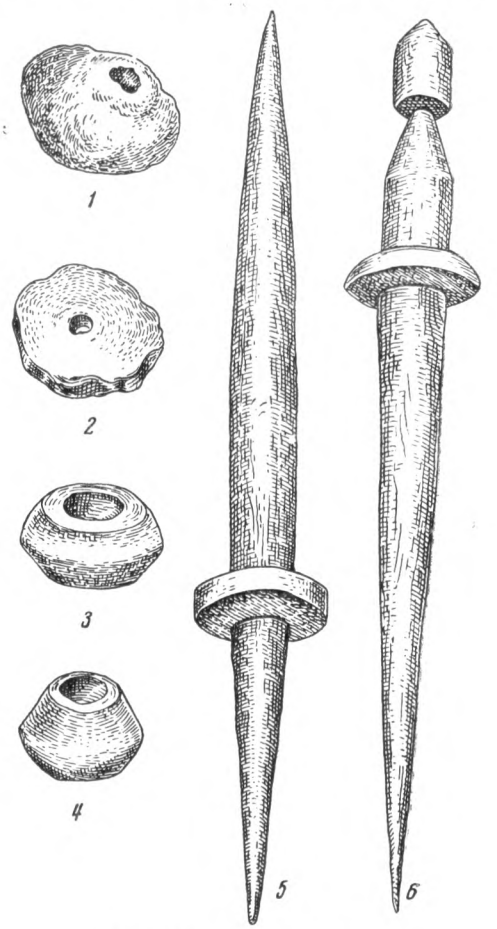


Рис. 11. Веретена и пряслица

1, 2 — пряслица из городищ дьякова типа *3, 4* — из славянских городищ XI—XIII вв.; *5* — веретено без бородки с низовым пряслицем (с. Ватранцы Елатомского района Рязанской обл.); *6* — веретено с бородкой и верховым пряслицем (с. Польное-Ялтуново Конобеевского района Рязанской обл.)

Прядение на самопрялке

При прядении на самопрялке (рис. 12) рука пряхи дергает шерсть или волокно, шпулька самопрялки, приводимая в движение подножкой и вращающимся колесом, сучит и наматывает нить.

Основные детали самопрялки — *веретено,* или *шпулька,* вложенная в *катушку* с *гребенкой* (*б*); *подножки* (*в*), приводимые в движение ногой при помощи шатуна — *махалки* (*г*) и дающие колесу (*а*) движение, которое передается через туго натянутую *струну* (*д*) веретену. Весь этот механизм укрепляется на *стояке* (*е*); наверху одного столбика стояка находится винт (*ж*), регулирующий ход веретена, другой столбик имеет *гоно́к* (*з*) — кусочек кожи с отверстием, в которое вставлено веретено.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 188—202.
[2] Там же, стр. 196.

Веретено самопрялки — металлический или деревянный стержень с крючком на одном конце и деревянным кругом на другом; на конец с кругом надевается катушка, на которую наматывается готовая

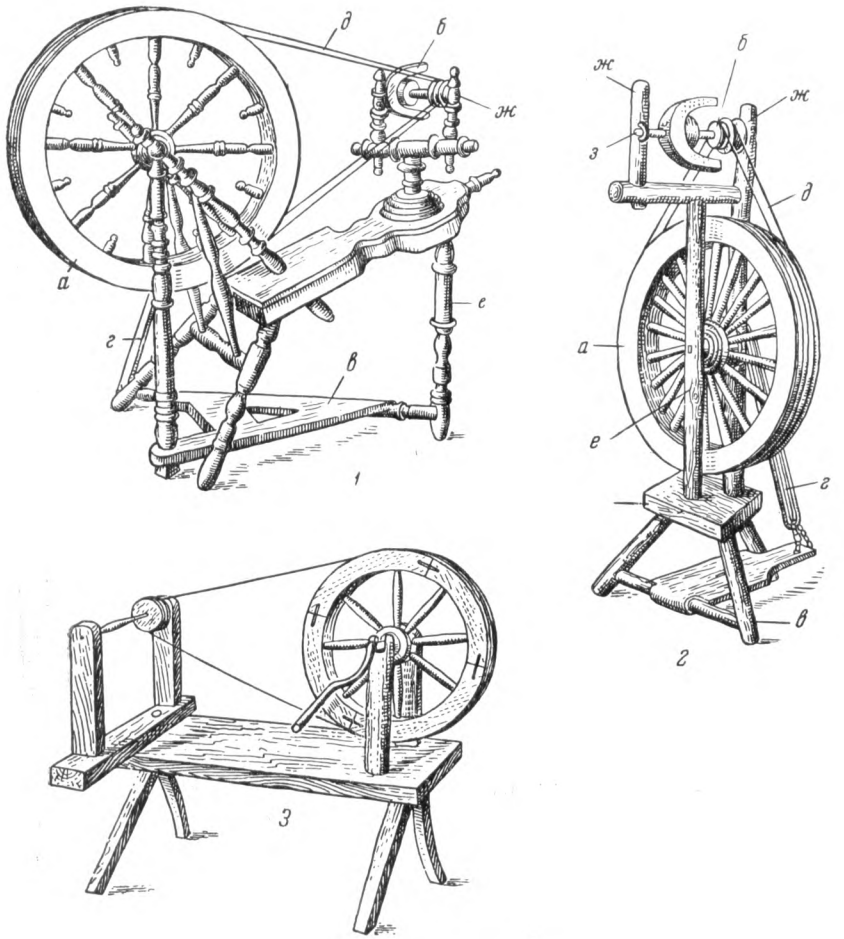


Рис. 12. Самопрялки

1 — самопрялка-лежак: *а* — колесо; *б* — веретено-шпулька; *в* — подножки; *г* — махалка; *д* — струна; *е* — стояк; *ж* — винт (с. Взвад Новгородской обл.); *2* — самопрялка-стояк: *а* — колесо; *б* — шпулька; *в* — подножки; *г* — подгонялка; *д* — струна; *е* — стояк; *ж* — винт; *з* — гонбк (Московская слобода Тульской обл.); *3* — ручная самопрялка-сукальня (Полтавщина)

нить; через деревянный круг, надетый на другой конец веретена, проходит струна от большого колеса самопрялки, приводимого в движение ножным приводом [1].

Все части самопрялки почти везде называются одинаково, за исключением лишь шатуна, который называют *маятником*, *шатуном* (Кировская

[1] Веретено самопрялки аналогично веретенам, употребляемым айсорами для ручного прядения на веретене, а также напоминает веретена хантов; последние прядут при горизонтальном положении веретена.

обл.), *скачком* (Новгородская обл.), *махалкой* (Ялтуново Рязанской обл.), *погонялкой* (Местковичи Брянской обл.).

Имеется два типа ножных самопрялок: *лежак* и *стояк*. Разница между ними заключается в положении колеса *(а)* и катушки с веретеном *(б)*. У самопрялки-лежака колесо и катушка расположены в горизонтальной плоскости, а у самопрялки-стояка — в вертикальной. Самопрялку-лежак обычно называют *русской*. Самопрялку-стояк местное население называет *голландкой* (район Бобруйска), *немкой* (Брянская обл.) и *чухонкой* (б. Вятская губ.). Это указывает, возможно, на иноземное происхождение самопрялки-стояка. Точная дата появления на Руси ножной самопрялки, известной на Западе с XV в., не установлена, но в конце XVII в. в развитой мануфактуре она уже существовала. Что же касается самопрялки-лежака, то наблюдения на местах повсеместно подтверждают, что она гораздо древнее «стояка». В тех местах, где встречаются самопрялки обоих типов, население указывает, что «стояк» вытесняет самопрялку-лежак (Брянская, Калужская, Тульская, Новгородская, Псковская области и др.).

Для древнего типа самопрялки-лежака характерно наличие цельного колеса без спиц, вырезанного из сплошного отрезка ствола дерева, т. е. древнейшего типа колеса. Такие самопрялки известны в Крапивинском р-не Тульской обл., в Псковской обл.— на Талабских островах и в дер. Гребневе Середковского района, в Новгородской обл. (с. Взвад).

Ручная самопрялка-лежак очень близка по устройству к *сукальне* — по-украински *шпу́леру* — прибору, приводимому в движение рукой и употребляемому для сучения ниток (рис. 12, *3*)[1].

Почти ничем от ручной сукальни не отличается *ска́льница,* на которую мотают цевки. Эта скальница — та же сукальня, но без ручки; в движение она приводится рукой, скользящей непосредственно по колесу. Ей предшествовала скальница (*скально́*), состоящая из веретена с *колесиком* (рис. 13). Вся система приборов для мотания, сучения и прядения, а также близость веретена самопрялки некоторым веретенам ручного прядения говорят о возможности развития самопрялки из веретена и появления самопрялки-лежака в Восточной Европе в ту эпоху, когда появились ножные приводы, которые были использованы для различных по назначению станков.

Таким образом, для самопрялки-лежака есть исходные формы на нашей территории, и она по своему происхождению действительно может быть названа «русской».

О том, какими путями в начале XIX в. распространялось прядение на самопрялке и о самом промысле их изготовления в б. Вятской губ., где были большие посевы льна и конопли, дает интересные сведения работа Ф. Г. Кучина[2].

Прядение на самопрялке идет значительно скорее, чем на веретене: на самопрялке в день прядут 400 г шерсти, а на веретене это же количество шерсти прядут 7 дней. Несмотря на бо́льшую производительность самопрялки, она все же целиком не вытесняла собой веретена ни в одной деревне. Обычно часть женщин пряла на самопрялке, часть — на вере-

[1] Ручная самопрялка типа «лежака» была известна еще в древнем Риме и в настоящее время употребляется в Средней Азии, на Кавказе и в Афганистане (см. А. И. Заремб ский. История и техника тканья украинских килимов. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 10, рис. 6. «Исследование коврового производства в Кубинском уезде», Сб. «Кустарная промышленность на Кавказе», вып. 1. Тифлис, 1902, стр. 42. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 211, рис. 174).

[2] «Материалы по описанию промыслов Вятской губернии», вып. 2, 1890, стр. 21—23.

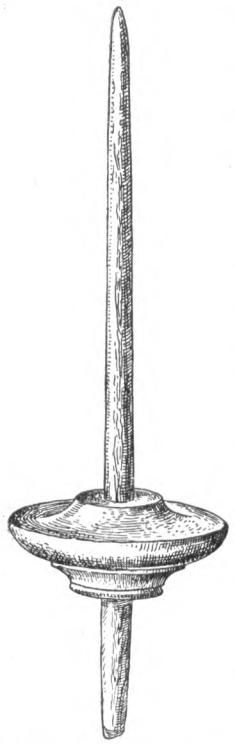


Рис. 13. Скально — прибор для моганья цевок (2/3 нат. вел.) (с. Астромино Рязанской обл.)

тене. Были места, где самопрялок не было совсем. Население объясняет это тем, что, прежде всего, самопрялка была дорога (в дореволюционное время она стоила 3—5 руб., а это были большие деньги для крестьянской семьи, которая вела чаще всего натуральное хозяйство). Кроме того, работа на самопрялке осваивалась с трудом; молодые выучивались, а для старых, привыкших прясть на веретене, было трудно координировать работу ног на подножке с работой левой руки, дергающей нитку, а также работать левой рукой с той быстротой, которой требовал ход самопрялки. И, наконец, жужжание самопрялки казалось слишком надоедливым; особенно оно мешало на посиделках. Возможно, самопрялку не любили также из-за того, что работа на ножных приводах вообще считалась для женщин вредной, прядение же на веретене — здоровым и благоприятно действующим на психику занятием.

Н. Я. Никифоровский отмечает, что на выводимой нитке отражается настроение и физическое состояние пряхи. Нитка молодой женщины тонка, ровна, круто скручена; нитка старухи выходит вялой, толстой, слабо скрученной. У людей неуравновешенных нередко нитка получается неровной: то толстой, то тонкой, то крутой, то слабой [1].

ПРЯЛКИ

Вспомогательным орудием для прядения являются прялки, служащие лишь подставками, к которым привязывается кудель. Для качества пряжи форма их значения не имеет. Формы прялок очень разнообразны (рис. 14, *1—4*) и могут быть разделены на две основные группы: прялки, на которых можно прясть или на ходу или сидя.

При прядении на ходу лопатообразная (*2*) или палкообразная (*3*) прялка затыкается за пояс, и когда женщина гонит коров или идет в поле, она может дорогою прясть. Дома прялка втыкается в скамейку (Полтавщина, с. Таль Минской обл.). Лопатообразные прялки такого рода зафиксированы в Брянском Полесье, палкообразные — на Карпатах [2].

Прялки, при помощи которых прядут сидя, могут быть разделены на два типа: цельные прялки из одного куска дерева — копани (*4*) и прялки «с пером» (*1*), легко вынимаемым из «донца».

Древнейшей формой цельной прялки является прялка из копани: у нее верхняя лопасть — *перо,* или *личина,* как говорят в Новгороде, — вырезана из древесного ствола, а место для сидения — *гузно*, *хвост* — из корня дерева. Они известны у средне- и северовеликорусов. Прялка из копани была найдена в свайном неолитическом поселении на р. Модлоне (Вологодская обл.), в торфяном слое начала II тысячелетия до н. э. (по датировке А. Я. Брюсова), вместе с семенами культурного льна [3].

---

[1] См. Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 147—148.

[2] Прядение на ходу широко распространено также у румын, молдаван, болгар и др.

[3] А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 294—298; его же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 129.

Прялки, вставленные в отдельные приспособления для сидения *(донце)*, бывают лопатообразные, гребнеобразные, вилкообразные и палкообразные.

Лопатообразные прялки известны в Карельской АССР, в Архангельской, Вологодской, Московской областях, в северной части Тульской и Рязанской областей, на Черниговщине, Могилевщине, Витебщине. Гребнеобразной прялкой является гребень, которым чешут шерсть.

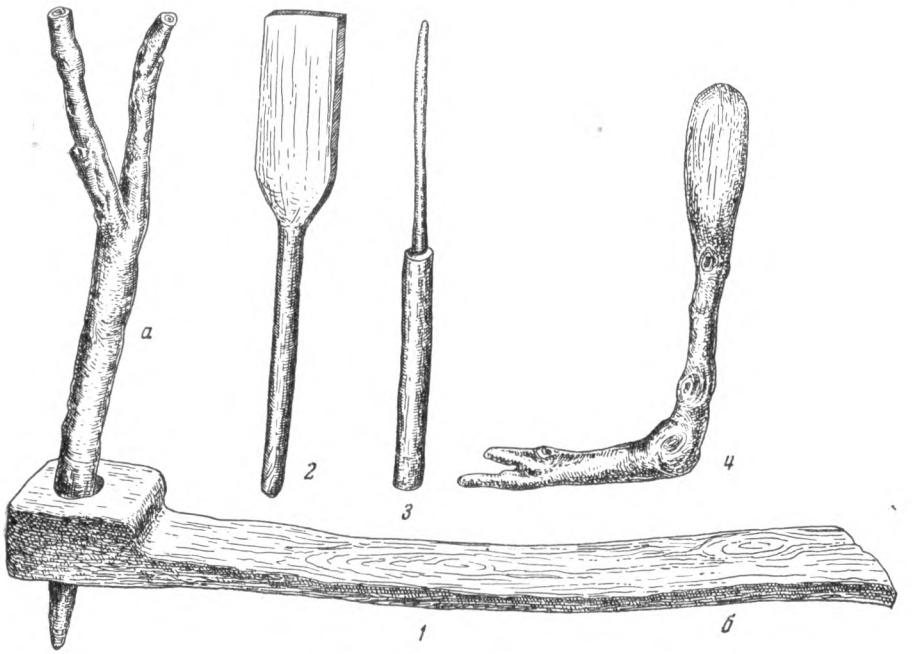


Рис. 14. Типы прялок

1 — прялка-рогулька: *а* — рогулька; *б* — донце (с. Федоровское Захаровского района Рязанской обл.); *2* — лопатообразная прялка (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.); *3* — палкообразная прялка (Киевская обл.); *4* — прялка из копани (с. Лесное-Ялтуново Конобеевского района Рязанской обл.)

Южновеликорусы (Тульская, Рязанская, Воронежская области), белорусы (Витебская, Гомельская области), украинцы, а также мордва и литовцы прядут с нее лен и коноплю, изредка шерсть. Прядение шерсти с гребня называется *тянуть жилку*.

Вилкообразная прялка *(рогулька)*, с которой прядут шерсть, вставляемая в донце (см. рис. 14, *1*), известна в Рязанской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской областях. В Рязанской обл. граница между двумя типами прялок — лопатообразной и вилкообразной — проходит приблизительно в меридиональном направлении по рекам Пра и Ранова.

Эта граница в основном совпадает с границей так называемого вятичского (московского) и мордовского типов плетения лаптя, а также с границей между славянской и неславянской топонимикой. Таким образом, этнографическая граница двух ареалов разных типов прялок приобретает реальный исторический смысл границы между двумя крупными племенными группами неолитического возраста.

Палкообразная прялка, вставленная в донце, известна на Киевщине, Подолии и Карпатах, в Болгарии, а также у удмуртов, мордвы и башкир.

Таким образом, все разновидности прялок, выделенные путем этнографического анализа, имеют строго определенное географическое распространение. Если мы всмотримся в археологическую карту Восточной Европы неолитической эпохи, то нетрудно будет убедиться, что

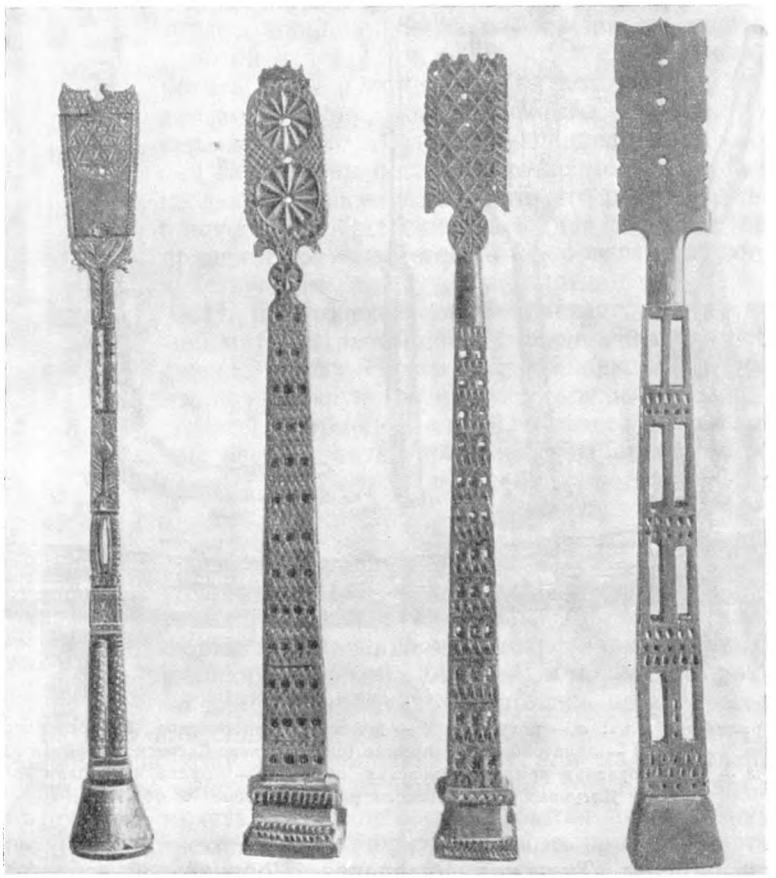


Рис. 15. Резные прялки середины XIX в. (Ярославская обл.)

ареалы распространения каждого типа прялки могут быть сопоставлены с территорией северных лесных племен, юго-западной территорией земледельческих племен и юго-восточной группой степных племен [1].

Лопатообразные прялки поражают своим разнообразием, в особенности по типу украшений. С полной силой при украшении прялок проявляется народное искусство резьбы по дереву; применяется в древний способ долбленой резьбы треугольником (вологодская, архангельская,

[1] См. П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М. — Л., 1948, стр. 14, карта «Три группы неолитических племен Восточной Европы».

костромская прялка) [1]. Эти прялки представляют собой поистине произведения искусства.

Прялку девушке обычно дарил жених, делая ее большей частью сам, и в ее изготовление вкладывал все свое мастерство.

В трехгранно-выемчатой резьбе (рис. 15) преобладает геометрический орнамент. Нередко встречаются круг и полоса из треугольников, известные также в резьбе, украшающей избы.

Некоторые прялки украшены росписью. В старину применяли для этого ту же технику письма и те же краски, что и в иконописи. Доска покрывалась тонким слоем грунта из мела и клея. Первоначальный рисунок делали тонкой линией, иногда его выцарапывали. Краску разводили на яичном желтке, разбавленном квасом (темпера). Заканчивали роспись вторичной обводкой контура. Роспись прялки покрывалась для блеска особым составом, в который входила олифа. Позднее стали расписывать прялки масляными красками на доске без грунта. Рисунок при этом наносился крупными мазками. В росписи прялок встречаются бытовые сцены (типа лубка), элементы растительного и животного орнамента.

Исходя из украшений прялок, последние можно разделить на ряд типов и дать им названия в соответствии с их распространением.

Прялка из копани лопатообразная с долбленым орнаментом — архангельская; покрытая краской и поверхю грубой росписью — архангельская и вологодская; прялка с овальным пером и росписью мелко выполненным орнаментом — мезенская. Из двух досок, соединенных вместе неподвижно, с долбленой резьбой и росписью — олонецкая; с длинным пером и росписью — поморская; с наклонным пером, покрытым долбленой резьбой,— ярославско-костромская; башнеобразная ажурная с миниатюрным пером, названная в литературе «готической» (см. рис. 15) [2],— ярославская. Тверская четырехгранная прялка с маленькой лопаткой наверху, вставленная в донце, и лопатообразная прялка, известная в прошлом на территории Московской, Смоленской, на севере Рязанской и Тульской областей, украшений не имели.

В некоторых местностях Новгородской и Псковской областей наблюдается соединение прялки с самопрялкой: *самопрялка с личиной*. Личина — вертикальная часть прялки — прикрепляется к стойке самопрялки, и тогда прялка как отдельное орудие производства исчезает (Талабские острова, дер. Толбицы, Платаново).

На личине делают отверстия; через одно из них продевается шнур, закрепляемый одним концом в этом отверстии. Шнуром обвертывают кудель и привязывают ее к спице, вместе с которой затыкают в другое отверстие личины. В Новгородчине этот шнур имеет разные названия: *мутоз* (Юрьева Слобода), *мутовец* (Морино). Спица называется *спицей кованой* (д. Подберезье), *куделиной* (Взвад). Бывает спица винтообразная с расплющенной головкой, через которую продеты трапециевидные подвески (с. Бор Новгородской обл.). Подвески эти технической роли не играют, а являются лишь украшением; подобные подвески характерны для грунтовых погребений II—V вв. на той же территории, так что можно предполагать непрерывность этой традиции.

Прядением обычно занимались в зимние месяцы; начинали не раньше октября (когда заканчивались все сельскохозяйственные полевые работы)

---

[1] Резные прялки с долбленым орнаментом известны также в Прибалтике, в частности в Литве.

[2] Georg Buschan. Illustrierte Völkerkunde, Bd. III, 1926, S. 5.

и кончали на масленице. Был обычай кататься на последний день масленицы с гор на прялках и сжигать отбросы от прядева (Новгородская обл.), причем пряхи выражали радость по поводу окончания длительного процесса прядения, требующего большого терпения и выдержки.

Во многих местах 1 октября девушки собирались под вечер и ходили подыскивать на тех или иных условиях избы, в которых в течение зимы можно было бы устраивать посиделки-беседы. На посиделки приходили и парни, нередко выбиравшие себе здесь невест. Посиделки были исключительно организацией молодежи. Хозяйками на них были девушки, а парни — гостями.

Б. А. Рыбаков объясняет многочисленные надписи на пряслицах теми условиями, в которых пряли на шумных посиделках. Эти надписи, возможно, действительно восходят к той далекой эпохе, когда все женщины родового поселка имели свой общий дом, где и занимались рукоделием, прерываемым играми и плясками. Чтобы не перепутать веретен, на них и делали надписи [1].

[1] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 201—221, рис. 39.

IV. ПОДГОТОВКА НИТОК К ТКАНЬЮ

МОТАНИЕ НИТОК

Напряденные нити перематываются с веретен или со шпулек в мотки, причем припрядывают конец нитки каждой шпульки или веретена друг к другу. Мотком называется достаточно длинная нить, свернутая концентрическими кругами. Учет напряденных ниток ведется мотками. Для учета длины мотка существует единица счета — *пáсма* (на Украине *пáсмо)*. Пасма делится на 10 *чисменок* (на Украине *числиця),* а чисменка на три круга. Следовательно, в пасме — 30 кругов, длина нитки в круге колеблется от одного до двух «локтей» (0,5—1 м). В некоторых местах у русских пасмой считают моток в 60 кругов, в других — в 40, а в селах Подхожем и Рождествено Тульской обл. пасмой называют моток с неопределенным количеством кругов. В некоторых местах у украинцев длина нитки, обведенной 4 раза по мотовилу, называется *нить* (единица меры). Помещики обычно увеличивали количество ниток в пасме, когда давали «уроки» крепостным пряхам (сообщение Д. В. Найдич). В мотках нитки белятся и красятся.

Самый распространенный и упрощенный способ мотания ниток — мотание через плоскость стола или скамьи. Имеются и специальные орудия для приготовления мотков (рис. 16) — *мотовила* и *барáны.*

Мотовило — стержень, на одном конце образующий вилку, а на другом имеющий палочку, прикрепленную к нему перпендикулярно своей серединой. Приспособление, имеющее перпендикулярные палочки на обоих концах, называется «талькой».

Впрочем, названия «талька» и «мотовило» очень неустойчивы: нередко тальку также называют «мотовило». Название и форма мотовила говорят о его более древнем происхождении. Моговило («вило для мотания») делают из естественного сука, а тальку сбивают из отдельных палочек. Тальки разделяются на две группы по своей длине: тальки и полутальки. Длина полутальки — локоть, т. е. расстояние от сжатого кулака до локтя. Талька равняется трем или двум полуталькам, т. е. двум или трем локтям.

При наматывании нитки с веретена на тальку или мотовило отсчитываются чисменки и перевязываются отдельно, обычно цветной ниткой для счета; чисменки соединяются в пасмы, и каждая пасма также вновь перевязывается.

Пасмы нужны, чтобы знать, во сколько «стен» сновать «кросна», т. е. основу для ткани. *Стена* — условная величина для измерения холста. У каждой ткачихи длина стены различна, в зависимости от размера ее избы. Бывали стены, равные 5, 6, 7 и 8 аршинам. Пасмы необходимы

также для того, чтобы нитки не перепутались при окрашивании. Вспоминая времена крепостного права, крестьяне говорили: «Пряли на барина, чтобы лучше учитывать было материал, господа вводили тальки». С барского двора тальки проникли и в деревню. У казенных крестьян нитки мотали чаще всего на стол, а не на тальки.

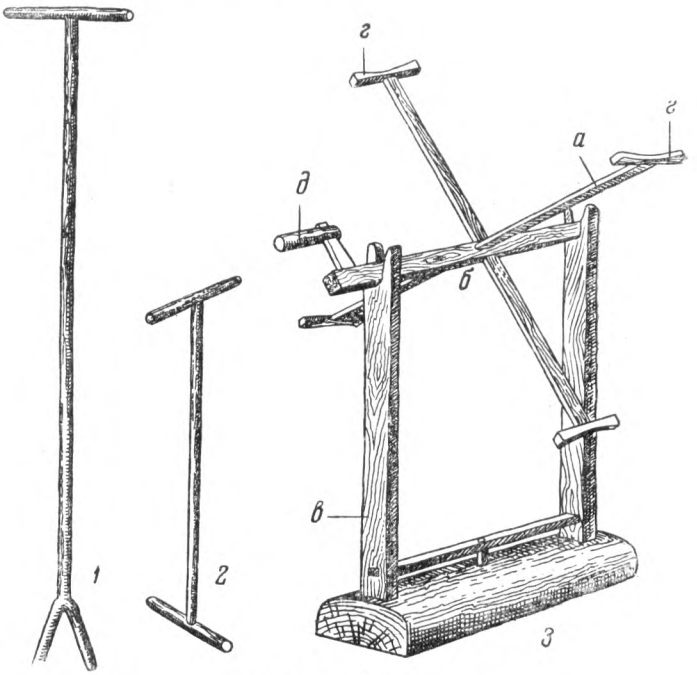


Рис. 16. Моталки

1 — талька (Новгородская обл.); *2* — полуталька-мотовило (дер. Шатово Тульской обл.); *3* — баран: *а* — планшетки; *б* — ось; *в* — ножки; *г* — рожки; *д* — ручка (с. Таль Минской обл.)

Баран (*3*) состоит из двух перекрещивающихся под прямым углом планшеток (*а*), скрепленных между собой наглухо и вращающихся на горизонтальной подвижной оси (*б*) между двумя стойками (*в*). На свободных концах планшеток барана укреплены *рожки* (*г*). Ось барана приводят в движение при помощи ручки (*д*). Планшетки с рожками крутятся в вертикальной плоскости. В Вологодской обл. баран называют *мотовилом*, в Белоруссии — *крыжами*, *костылями*. Баран бытует не повсеместно; кроме упомянутых выше местностей, он отмечен в Воскресенском районе Московской, в Псковской и Новгородской областях.

Бараном называют также другое приспособление для мотания, состоящее из двух рам, скрепленных перпендикулярно друг к другу, вращающихся в вертикальной плоскости вокруг стержня. Такой баран известен в Мозырщине и в районе Бобруйска.

РАЗМАТЫВАНИЕ МОТКОВ

Нитки перематывают на клубок или на *тюрики*, на *вьюшки* — деревянные или лубяные цилиндрики, с которых и снуют основу и наматывают нить на цевки для утка.

Разматывание ниток с мотков производится двумя лицами, *с рук*. Один человек надевает моток на две поднятые руки, другой сматывает их в клубок. Это повсюду известный и широко распространенный способ.

В некоторых местах для разматывания ниток применяются особые орудия (рис. 17). Самое распространенное из них — *кресты* (у южновеликорусов), *мотовила* (Вологодская обл. и район Бобруйска), *свіяжка* (Полтавщина), *воро́бы* (Ярославская обл.).

Кресты (*1*) — это деревянная стойка (*но́ги*) (*а*), нередко отрезок

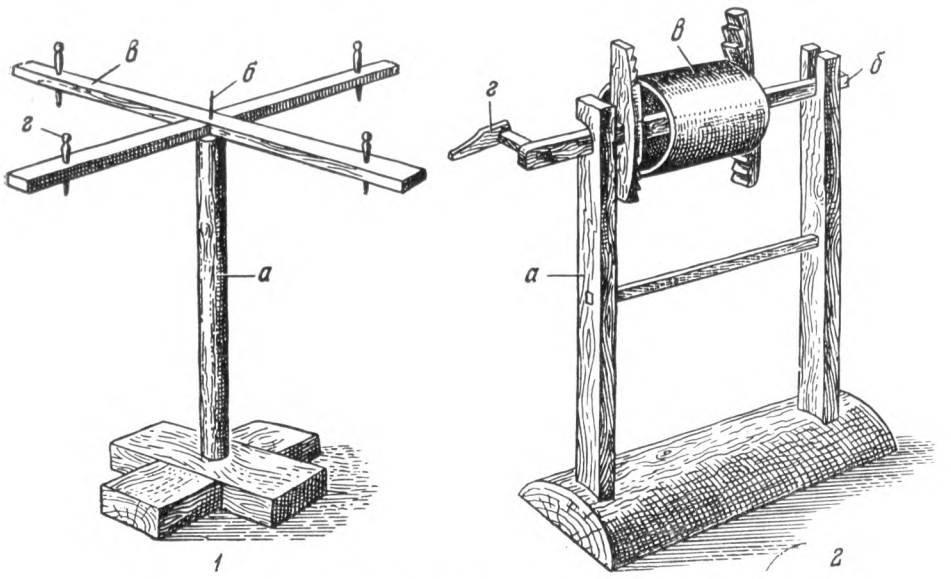


Рис. 17. Орудия для разматывания ниток

1 — воробы (кресты): *а* — стойка, «ноги»; *б* — шпиль; *в* — кресты; *г* — веретена (перья, поточки) с. Гремячее Тульской обл.); *2* — щемилка: *а* — стойка; *б* — ось; *в* — тюрик; *г* — ручка (Воскресенский район Московской обл.)

ствола дерева с двумя-тремя корнями, на котором сверху укреплен короткий шпиль *(б)* (обычно железный гвоздь без головки); на шпиль надеты две планшетки, пересекающиеся под прямым углом и скрепленные друг с другом неподвижно — *кресты* (*в*), также *пе́рья* (в разных селениях Новгородской обл.). В концы планшеток вставляются палочки *(г)*, также *пото́чки* (в селах Новгородской обл.) или веретена. На Украине к перьям приделываются *ро́жки*. На рожки (на веретена, на поточки) надевается моток. Во время процесса разматывания перья получают вращательное движение, и моток разматывается. Если нитки подготавливаются для снования на вертящейся сновалке (см. стр. 497—498), то их наматывают на вьюшки, или тюрики. Чтобы намотать на такое приспособление нитки, их надевают на *бабку*, т. е. ствол дерева с сучком, заменяющим ось, и рукой вращают вьюшку вокруг этого сучка (Вологодская обл.).

В районе Воскресенска Московской обл. существует для этого специальная *щеми́лка* (2), состоящая из двух стоек (*а*) с горизонтальной осью (*б*), на которую надевают наглухо тюрик (*в*); ось вместе с тюриком вращается при помощи ручки (*г*).

Новым приспособлением для размотки ниток являются *кро́ны*, на которых моток ниток располагается не горизонтально, как на других орудиях этого рода, а вертикально. Е. С. Радченко дает их описание: «в плахе или толстой доске, лежащей на полу, укрепляется вертикальная стойка высотою в 145 снтм; от этой стойки отходят в перпендикулярном направлении две планшетки, длиною в 48 снтм; к концам этих планочек прибиты поперечинки, выступающие у верхней планки вверх, а у нижней — вниз на 10 снтм; в середине этой поперечины вставлен железный шпинек «попруток» и такой же напротив него — в стойке; на этих шпиньках, как на оси, вращается катушка («кружок») (2 кружка) диаметром в 10 снтм, соединенных 6—8 спицами, длиной в 30 снтм. На эту катушку и одевается «мот», располагающийся, таким образом, в вертикальной плоскости, а не в горизонтальной, как на «воробах». Так как мот бывает разных размеров, нижняя планочка «крон» устроена подвижной (в нижней части стойки сделан сквозной желобок, в котором она и движется вверх и вниз, укрепляемая колышком), так что расстояние между ней и верхней планочкой можно менять, сообразно размерам мота. Сейчас можно встретить кроны и более простого устройства: на двух подпорках стоит деревянная рама из тонких планок; в них на всем протяжении проделаны дырочки, в которые вставлены два железных стержня. На этих стержнях вращаются катушки; расстояние между катушками может изменяться путем переставления стержней в другие дырочки. Кроны, несомненно, занесены в обиход домашнего ткачества фабрикой и являются, по существу, более поздним орудием» [1]. С последним утверждением Е. С. Радченко можно вполне согласиться.

СУЧЕНИЕ НИТОК

Сучением называется процесс соединения двух ниток в одну. Сученые нитки толще и прочнее несученых. Нитки, употребляемые для вязанья, шитья, а иногда и для тканья, сучатся.

Сучение производится или вручную, или при помощи веретена и других орудий.

При сучении руками два человека, стоя друг против друга, держат за концы натянутую нитку между ладонями и сучат (крутят) ее, один в одну, другой в другую сторону. Когда нитка достаточно скручена, оба конца соединяют вместе и еще раз их просучивают, после чего получается шнур, употребляемый для поясов, обор и пр. Отпечатки таких шнуров имеются на сосудах эпохи бронзы II тысячелетия до н. э., получивших по характерному для них орнаменту, нанесенному шнуром, название «шнуровой керамики» [2].

Сучение состоит из двух процессов. Первым является *тараще́ние* — перематывание двух ниток с разных клубков в один клубок. Чтобы нитки не перепутывались, раньше иногда применяли *юро́к* (о нем см. ниже), который содействовал более тугому натягиванию ниток. Второй процесс — это собственно сучение. Нитки сучили на веретене, на ручной сучильне, на самопрялке.

---

[1] Е. С. Радченко. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла. Ткачество. Рыболовство. «Труды Гос. художественно-исторического краевого музея в г. Воскресенске», вып. V. Воскресенск, 1928, стр. 13—15.

[2] Следует заметить, что племена эпохи «шнуровой керамики», расселенные от бассейнов Эльбы и Дуная на западе до верхнего и среднего Днепра на востоке, были, как убедительно показывают исследования советских археологов, предками славян, как и остальных индоевропейцев.

Сучение на веретене заключается в следующем: на веретено наматывают небольшое количество таращенных ниток, веретено ставят на колено и вращают между ладонями обеих рук. С веретена нитки наматываются на левую руку, причем они получаются уже скрученными. С руки их опять перематывают на веретено. Затем, выше клубка ниток на веретене, на него наматывают несученые нитки и проделывают тот же процесс.

Ручной сучильней является и *скально́* (см. рис. 13). Оно состоит из круглой палочки и деревянного колеса, надетого на один конец палочки; по середине последней подвязывается таращенная нить с клубка. Скально держат горизонтально в левой руке; правой рукой поддерживают нить. Скально вертят: нить ссучивается, ее наматывают на скально, разматывают опять часть клубка и начинают вращать скально.

На самопрялке нитки сучат, перематывая на шпульку самопрялки таращенные нитки; в процессе перематывания они ссучиваются.

Ручные сука́льни — это самопрялки-«лежаки» без ножного привода. Колесо сукальни вращают при помощи ручки (см. рис. 12, *3*).

Сучение ниток при помощи примитивного ветрового двигателя известно в с. Взвад Новгородской обл. Таким образом нитки сучили для изготовления сетей. По льду оз. Ильмень зимой расставляли ряд столбиков, наверху которых привязывали крестообразные вертушки с подветренной стороны. Таращенные нитки растягивались через ряд вертушек, которые приводились в движение ветром, и таким образом ссучивались.

СНОВАНИЕ

Снование — подготовительный процесс для тканья на горизонтальном ткацком стане. Оно подготавливает для навивки на стан *осно́ву*, т. е. длинные нити, расположенные параллельно друг другу, разделенные на две группы, которые при заправке на стан будут верхними и нижними нитями зева. Есть два способа получения основы: снование по колышкам на стене или на рамочной сновалке и снование на вертящихся рамах (рис. 18).

Снование на стене

Снование на стене (1) — старинный широко распространенный способ. В стену, немного отступя от угла, втыкают колышки *(1, 2, 3...)* на расстоянии 15—20 см друг от друга по вертикальной линии; у другого угла той же стены также располагают ряд колышков (*1а, 2а, 3а* ...), параллельно первому ряду.

Расстояние между первым и вторым вертикальным рядом колышков составляет 4—6,5 м, в зависимости от длины стены избы. Это расстояние служит единицей меры для длины основы и для будущей тканины и называется *стеной* (у белорусов— *гу́бкой*).

Между колышками *1* и *1а* вставляют добавочный колышек (*б*), который нужен, чтобы разъединить будущий зев.

Снуют по две нитки, сразу с двух клубков, которые лежат прямо на полу или в решете, или в корзиночке. Обе нити перекидывают через два деревянных крюка, воткнутых в потолок, или продевают в ушки ножниц, воткнутых в матицу. Каждая нитка раздельно продевается потом через сновальную лопатку с двумя дырочками или *юро́к* (на Украине — *ряды*), задача которых соединить обе нитки, но так, чтобы они ближе ложились друг к другу и не скрещивались.

Юрок (*2*) бывает двух видов: старинный — в виде полого цилиндрика из дерева или кости с двумя или тремя отверстиями сбоку (с. Борщевое Рязанской обл., Брянское Полесье) и длинный деревянный.

Юрок первого типа был известен в Киевской Руси XI—XIII вв. Б. А. Рыбаков называет его «костяным кольцом для ссучивания ниток» [1]. Вероятнее всего, найденный костяной юрок употреблялся для снования, и его наличие, повидимому, свидетельствует о существовании горизонтального ткацкого станка, так как для снования на вертикальном станке он не нужен. Наличие на одном юрке четырех дырочек, а на другом —

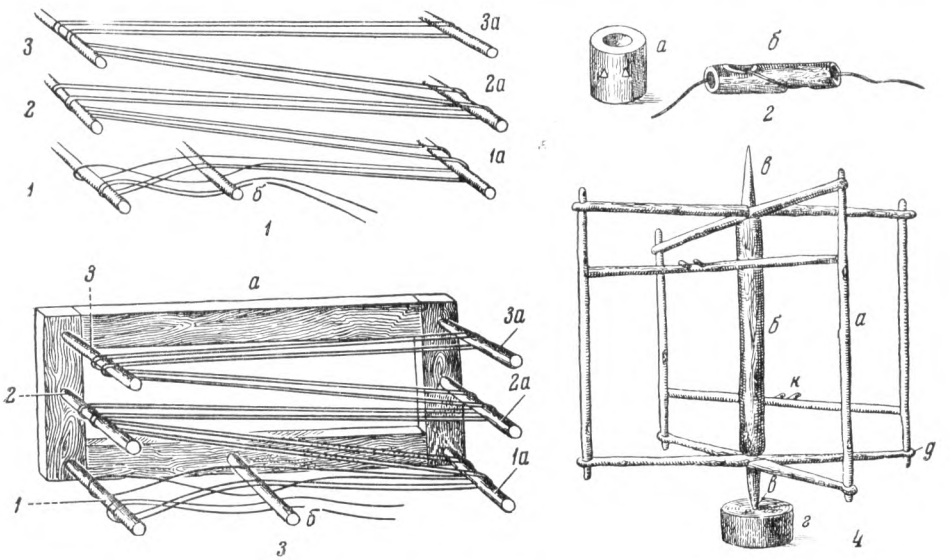


Рис. 18. Сновалки

1 — схема снованья по стене (Старое село Витебской обл. и района); *2*— *а* — юрок (Местковичи Брянской обл.); *б*—юрок (с. Астромино Рязанской обл.); *3* — рамочная сновалка (с. Польное; Ялтуново Рязанской обл.); *4* — вертящаяся сновалка: *а* — рама; *б* — ось; *в* — острие оси; *г* — брус; *д* — вилочка (дер. Каменево Тульской обл.)

шести говорит о существовании в это время тканья на четырех и более подножках, когда снуют не по две нитки, а по четыре-шесть сразу.

Юрок второго типа — цилиндрическая палочка длиной около 20 см, на которой на расстоянии примерно 2,5 см от концов делаются поперечные надрезы до половины толщины палочки, но на противоположных сторонах, навстречу друг другу. С обоих концов в палочке прокалываются тонким шилом отверстия, доходящие до надрезов; промежуток между надрезами остается непросверленным. Нитка пропускается сквозь отверстия и выходит на поверхность через надрезы. Такое устройство юрка усиливает трение и позволяет натягивать основу более туго. Этот тип юрка известен в Витебской, Вологодской, Новгородской, Московской и других областях.

Начинают сновать с колышка *1*; концы обеих ниток связаны вместе. Одна нитка идет над колышком, другая под ним. Обе нитки идут к колышку *1а* (получается первая «стена»), от колышка *1а* к колышку *2* (полу-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 110.

чается вторая «стена»), от колышка *2* к колышку *2а* (получается третья «стена») и т. д.

Таким образом, для холста «в одну стену» нужно три колышка, «в две стены» — четыре, «в три стены» — пять колышков. Дойдя до последнего колышка, обе нитки идут назад, причем, дойдя до колышка *б,* обе нитки один раз кладутся над ним, а другой раз — под ним.

Снимание основы с колышков производится с глухого конца, т. е. с того, где нет колышка *(б)*; основу складывают петлями *(косой)*. После этого, если основа льняная или конопляная, ее нередко обваривают кипятком и толкут в ступе, чтобы она была прочнее; высушив, основу навивают на стан.

Ширина ткани измеряется пасмами.

Тканина бывает в 9, 10, 12 пасм.

Снование по стене — процесс весьма медленный и утомительный, так как требует непрерывного перехода ткачихи от одного колышка к другому. Чтобы основать холст в 10 пасм (300 ниток) «в 12 стен», при длине стены в 3,2 м нужно совершить 3600 таких переходов («метаний»), т. е. пройти в общей сложности 16 км. Снование считают нужным закончить в один день; на ночь основу оставлять рискованно, так как она может перепутаться [1].

Рамочная сновалка

Рамочная сновалка (рис. 18, *3*), на Украине — *оснівниця*, представляет собой раму длиной 2—3,2 м и шириной 1,3 м. В боковые планки рамы втыкаются колышки, а колышек *б* для образования зева в нижнюю планку рамы — долевую. Крестьяне обычно говорили, что рамочные сновалки стали делать, «чтоб не портить избу дырами для кольев в стене». Но главное преимущество рамочной сновалки в том, что она переносная. На ней можно сновать и на улице, и в сарае, и, не окончив работы в один день, вынести на ночь в сарай.

В ряде мест рамочная сновалка заменила сноваңье на стене,— например Польное-Ялтуново, Мелехово Рязанской обл., Гремячее Тульской обл., Старое село (Витебщина), Тельпуны, Боровики (Мозырщина).

Принцип снования на раме и по стене один и тот же.

Вертящаяся сновалка

В основу работы на вертящейся сновалке положен другой принцип: сновалка вертится, а работница стоит на месте. Вертящаяся сновалка (*сновниця* — укр., *снувáльня* — белор.) (рис. 18, *4*) состоит из двух больших четырехугольных рам (2,5 × 1,5 м) (*а*), перпендикулярно вставленных одна в другую и вращающихся на проходящей через них вертикальной оси (*б*) (высотой до 2 м). Ось одним концом с острием (*в*) упирается в брусок (*г*), положенный на пол, а другим — в потолочную балку. Для образования зева на конце одной рамы делается деревянная вилочка (*д*) или две перекладины с двумя колышками; при снование нити описывают на них восьмерку, разделяя этим основу на верхние и нижние нити зева. Во время снования работница держит в левой руке нити, а правой вращает сновальню и следит, чтобы нити ложились правильными рядами, спиралью, из которых каждый называется *стеной.* Пасмы перевязываются так же, как и при мотании мотков.

[1] Существовало даже поверье, что «иначе в нее ночью заберутся черти и перепутают нитки» (Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 158).

Этот способ снования в 5 раз быстрее снования по стене и менее утомителен. Со снованием по стене он генетически не связан. Можно предполагать, что этот способ перешел в народную среду из фабричного ткачества через ткачей-кустарей.

Вертящаяся сновалка по принципу работы близка к барану для мотания ниток. Разница в том, что сновалка имеет вертикальное положение, а баран горизонтальное, а также в том, что на сновалке снуют по две нитки, вилкой разделяя их на две части — на верхние и нижние нити зева, а на баран, который вилки не имеет, мотают по одной нити.

Вертящаяся сновалка зафиксирована этнографическими экспедициями во многих местностях [1], но широкого распространения она, видимо, не получила.

[1] Петровский уезд Саратовской губ. (1923 г.), Зиновьево в Заонежье (1927 г.), Московская слобода, Каменево, Шатово, г. Крапивна Тульской обл. (1928 г.).

V. ПЛЕТЕНИЕ И ТКАНЬЕ

Тканьем называется такой способ получения материи или тесьмы, при котором имеются налицо два признака: 1) разделение ниток на две группы — основу и уток (утком называются нитки, пропускаемые под прямым углом к нитям основы); 2) механическое чередование зева — нитки основы разделяются на две группы, образуя зев, и при каждом чередовании зева нитки, находящиеся внизу, поднимаются кверху, а находящиеся вверху уходят вниз, что достигается применением *дощечек, бердечка, нита* и *нита с подножками* (см. ниже). К примитивному тканью следует отнести тканье *на дощечках, на бердечке, на нитц, «живой стан»;* к развитому — тканье на вертикальном и горизонтальном станах. Способы, в которых отсутствуют один или оба признака тканья, можно отнести к плетению и полутканью. Плетением обычно считают такой процесс, когда не имеется различия между основой и утком, а также отсутствует механическое чередование зева, а полутканьем — когда основа и уток различаются, но нет еще механического чередования зева. К плетению относятся *дерганье* обор и шнура, плетение на стене; к полутканью — плетение *на вилочке, на ноге, на колодочке.*

ПЛЕТЕНИЕ

Дерганье

В работе участвуют двое. Пальцы одного из них служат для надевания основы и переплетения ее; второй участник держит другой конец основы в левой руке и прибивает уток правой (рис. 19).

1-я стадия. На правой руке на трех средних пальцах надето по одной петле (петли *а, б, в*), на левой руке — на указательном пальце и на среднем — также по одной петле (петли *д* и *г*).

2-я стадия. Первый работник безымянным пальцем левой руки продергивает петлю *а* через петли *б* и *в*; второй — дергает всю основу к себе и правой рукой прибивает полученное плетение.

3-я стадия. Первый работник переносит петлю *б* со среднего на указательный палец правой руки, петлю *в* — с безымянного на средний.

4-я стадия. Первый работник безымянным пальцем правой руки продергивает петлю *д* через петли *а* и *г* левой руки; второй работник дергает к себе основу и прибивает полученное переплетение. Чтобы получить плоскую тесьму, нужно левую сторону петель *б* и *в* опускать книзу, а правую сторону петель *а* и *г* поднимать кверху.

Чтобы получить круглую тесьму, нужно при продергивании петли *а* брать ее за ее правую сторону, а при продергивании петли *д* брать ее за ее левую сторону.

В день можно надергать около 4,5 м тесьмы.

Таким образом, при дерганье нет резкого различия между основой и утком и однообразного чередования зева, почему его и нельзя отнести к ткачеству.

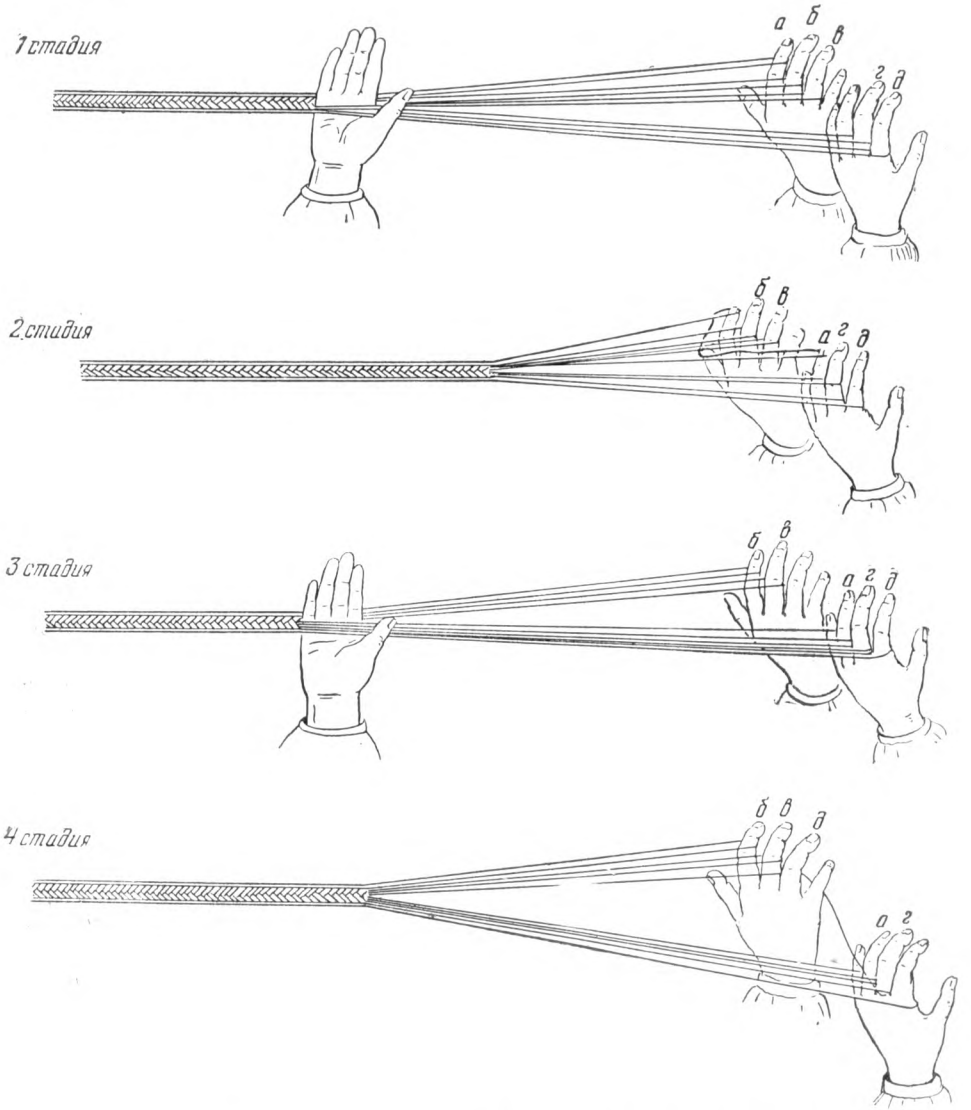


Рис. 19. Дерганье поясков и обор (с. Фролово Калужской обл.)

Эта техника известна у русских в Рязанской, Смоленской, Брянской, Липецкой областях: у белорусов — на Могилевщине и Витебщине.

Сирелиус описывает эту же технику тканья у финнов [1].

Шнур, полученный таким образом, употребляется на гашники и на окаймление панев (Зимницы, Новый Свет Брянской обл.), на оборы (Щигры, Ловать, Фролово, Местковичи, Турьевка, Моховая, Белый Ко-

[1] U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. Hels., 1926, т. II, стр. 118, рис. 134.

лодезь и многие другие селения той же области) и на петли к пуговицам рубах (Красная Дубрава Пензенской обл. и во многих селениях Рязанской обл.).

Территория распространения этой техники говорит о древней культурной общности предков южновеликорусов и белорусов, а наличие ее у финнов позволяет поставить вопрос о более широком ее распространении среди древних групп населения Восточной Европы, что может пролить свет на их взаимоотношения в прошлом.

Плетение на стене

Снуют основу между двумя колышками, воткнутыми в стену. Плести начинают, не снимая основы с колышков.

1-я стадия. Каждую верхнюю нитку, надевая ее на большой палец, переплетают с лежащей под ней нижней. Все нижние нити держат в руке.

2-я стадия. Нижнюю нить перевивают с верхней, надевая ее на большой палец и держа верхние нити в руке. Когда три раза повторят обе стадии, начинают плести с другого конца; при плетении на одном конце получается плетение и на другом.

Рассмотрение ареала такого способа плетения представляет значительный интерес.

Плетение поясов на стене характерно для украинцев [1] и белорусов [2], а у русских [3] наблюдается лишь в западных частях областей, соседствующих с белорусскими и украинскими, т. е. там, где проходила в прошлом этническая граница между древними восточнославянскими племенами, а может быть, и между их предками.

ПОЛУТКАНЬЕ

Плетение «на вилочке»

Основа надевается на вилочку, которая затыкается за пояс (рис. 20); отсюда способ и получил свое название. Нередко плетут, однако, и без вилочки (рис. 21). причем принцип работы по существу не меняется; основу привязывают при этом к палке, крюку и т. п. При этом способе крайние нити основы (1-я и 2-я стадии) выделяются, как уточные; нити основы разделяются на две группы — правую и левую: для правой будет утком нитка *а*, для левой — нитка *о*. Каждая группа в свою очередь разделяется на два слоя — верхний и нижний; нити *б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н* — верхние, нити *п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ* — нижние. Пропускаются уток *а* и уток *о* с боков до середины, где они и встречаются. Затем нити *б* и *щ* выделяются, как уточные: нити *в, г, д, е, ж, з, а, и, к, л, м, н* уходят вниз; нити *п, р, с, т, у, о, ф, х, ц, ч, ш* отбираются вверх; пропускаются с боков утки *б* и *щ*, до середины каждый, и т. д. При делении ниток на верхние и нижние они отсчитываются по две, при образовании нового зева половина ниток старого зева остается. Этот способ изготовления тесьмы целесообразно называть полутканьем, так как в разделении ниток на верхние и нижние заключается уже зачаток зева, другие же черты

[1] На Полтавщине — М. Хомутец, Вел. Сорочинцы; на Черниговщине — Случевск и во многих других местах.

[2] На Витебщине — Старое село; на Мозырщине — Грабово, Сарычи, Пуховичи, Лучники; на Туровщине — Запесочье, Тонеж; в б. Гомельской губ.— Песчанка.

[3] В Брянской обл.— Алексеевка, Бояновичи, Гуличи, Местковичи, Немеричи; в западных частях Орловской и Курской областей.

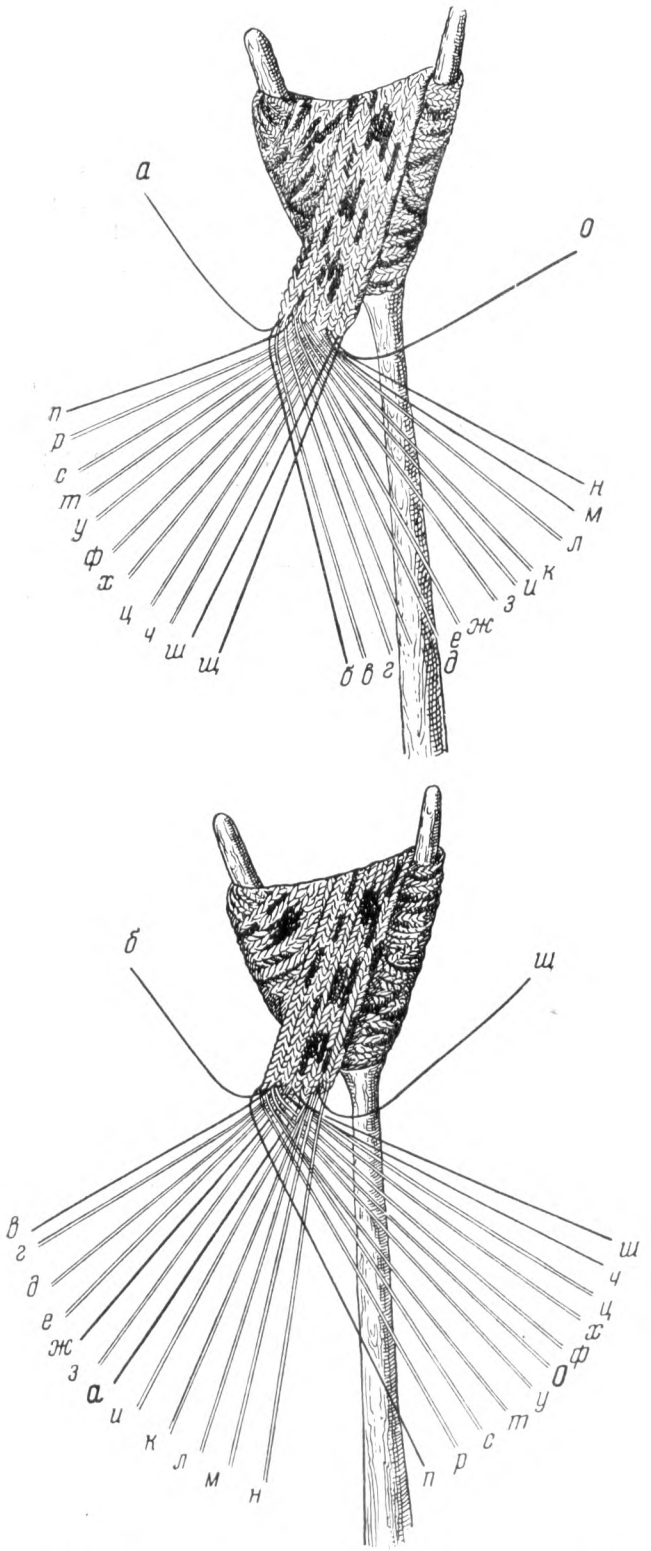


Рис. 20. Плетение на вилочке (Старое село Витебской обл.)

тканья отсутствуют. Узор достигается подбором цветных ниток в основе и получается в процессе работы механическим путем. Особых приемов для получения узора нет. Излюбленный узор, легко получаемый технически,— ромбы (в Старом селе на Витебщине называемый *копытца*).

Рис. 21. Плетение с гребня (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.)

Этот способ зафиксирован у белорусов [1], русских [2], литовцев [3] и финнов [4]. Плетение на вилочке в Киевской Руси засвидетельствовано славянскими материалами раскопок XII в. на Кубани (коллекции ГИМ).

Плетение на ноге

Примитивность этого способа тканья позволяет предполагать наличие его в еще большей древности, чем предыдущего способа.

В детских играх в Рязанской обл. и в Белоруссии, которые мне случилось наблюдать в 1927 г., применялся этот способ: девочка надевает по одной петле на каждый палец ноги, концы их соединяет вместе и привязывает к поясу, через каждую нить пропускает уток, прибивая его рукой. В Мелехове (Чучковский район Рязанской обл.) девочки таким способом ткали поневку для куклы. Основа была конопляная, уток — сученая черная и красная шерсть; получался клочок ткани, аналогичный поневной ткани, изготовляемой взрослыми на ткацком стане. В Белоруссии в с. Грабове (Копаткевичский район Гомельской обл.) девочки ткали таким же способом пояски. В Литве в Дзукии ткали «на ноге» пояса и взрослые.

Плетение на колодочке

При плетении на колодочке берут деревянную цилиндрическую колодочку или пробку с просверленной дырой в середине, или катушку; вокруг этого отверстия втыкают булавки или иголки. На каждую из них

---

[1] Старое село на Витебщине; Домантовичи, Беседки, Пуховичи, Грабово, Таль на Мозырщине.

[2] Гамаюнщина и Бокеевка Калужской обл.

[3] Историко-этнографический музей Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе.

[4] U. T. Sirelius. Указ. соч., стр. 118—119, рис. 135, 137.

петлями накидывают нити, которые пропускают через отверстие и на обратной стороне отверстия связывают узлом. Затем новой нитью по очереди на каждую булавку накидывают новую петлю, а первую петлю снимают с нее, перекидывая через вновь образованную петлю.

Когда пройден один круг, то нижним узлом готовый шнур оттягивают вниз сквозь отверстие и т. д. Полученная «плетенка» имеет петлю, аналогичную петле при вязанье чулок на спицах и кружева крючком. Нити основы разноцветны, и это дает узор.

Возможно, что некоторые «грузики» Санниковского городища на верхней Волге [1] служили колодочками для тканья круглых поясов.

Плетение на колодочке зафиксировано в Белоруссии (Ляховичи, Беседки на Мозырщине), кое-где у северных великорусов (например, в Горьковской обл.) и в Московской обл. (Савино Дмитровского района).

ПРИМИТИВНОЕ ТКАНЬЕ

Тканье на дощечках

Тканье на дощечках — своеобразный древний способ изготовления тканей, имевший широкое распространение в Европе и Азии. Ткали при помощи квадратных дощечек из дерева и кости с четырьмя дырочками [2]. В раскопках Кимрского городища XI—XIII вв. Н. П. Милоновым найдена костяная дощечка с четырьмя дырочками.

Ширина ткани определяется количеством взятых дощечек — от двух до 150. Изготовлялись этим способом главным образом тесьма для обор, пояса́, обшивка подола панев (до 40 см шириной) [3] и даже платки [4].

В каждую из дырочек дощечки вставляют по одной нити основы. Один конец основы привязывают к гвоздю, другой — к поясу ткачихи. Тканье состоит из четырех стадий (рис. 22). При каждом переворачивании дощечек образуется новый зев, через который пропускается уток.

1-я стадия. Нити, продернутые через первую и вторую дырочки дощечек, образуют верхние нити зева; нити, продернутые через третью и четвертую дырочки,— нижние нити зева. Пропускают уток.

2-я стадия. Дощечки переворачивают так, чтобы нити, продернутые через вторую и четвертую дырочки, были сверху, а нити, продернутые через первую и третью дырочки, были снизу; получается новый зев. Пропускается уток.

3-я стадия. Дощечки переворачивают; нити, продернутые через четвертую и третью дырочки зева, находятся сверху; нити, продернутые через вторую и первую дырочки, находятся снизу. Образован новый зев. Пропускается уток.

4-я стадия. Дощечки поворачивают; нити, проходящие через третью и первую дырочки, находятся наверху; нити, проходящие через четвертую и вторую дырочки,— внизу. Образован новый зев. Пропускается уток.

Таким образом, при каждом чередовании зева сменяется одна четвергая часть нитей основы. Уток прибивается правой рукой ткачихи особым деревянным ножичком (*кордиком*). Этот способ может быть уже назван

---

[1] МИА, № 13, 1950, рис. 19.

[2] На Кавказе у лезгин (О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 144) и в Средней Азии отмечено изготовление их из картона — склеенных игральных карт (коллекции ГМЭ).

[3] С. Рождествено (Монастырщина) Тульской обл.

[4] У эстов на островах Сарема и Хиума (коллекции Этнографического музея Академии наук Латвийской ССР в г. Тарту).

тканьем, так как имеются самостоятельные основа и уток, а также механическое чередование зева.

Узор получается чаще всего механически, благодаря сочетанию разных цветов нитей в основе, либо путем выборки отдельных нитей для узора во время тканья, чем нарушается механически получаемый зев.

Излюбленные узоры — *ёлочка, кругй, грёбни, ершй.* Нередко ткались целые фразы; например: «Кого люблю, тому дарю» (Ярославская, Костромская, Псковская области). Чтобы получить узор «елочку» при тканье

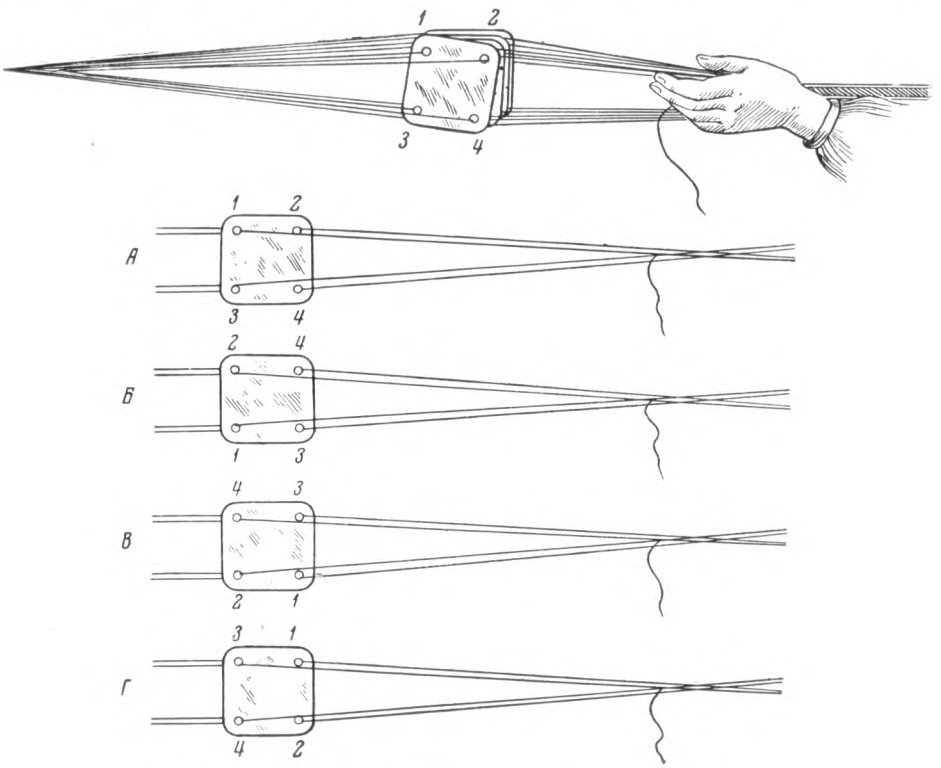


Рис. 22. Тканье на дощечках (с. Таль Минской обл.)

А — 1-я стадия; *Б* — 2-я стадия; *В* — 3-я стадия; *Г* — 4-я стадия

на четырех дощечках, в две средние дощечки через первую и вторую дырочки пропускают красную нить, а через третью и четвертую — желтую.

Для получения узора «круг» через первую дырочку средних дощечек пропускают черную нить, через вторую — белую, через третью — лиловую, через четвертую — красную и т. п.

Тканье на дощечках имеет очень широкое распространение. Оно сохранилось у русских (как северных великорусов [1], так и южных великорусов [2]), у белорусов оно известно на Витебщине (Старое село) и Мозырщине. Тканье на дощечках было распространено у так называемой

[1] Оно известно в Новгородской обл. (на р. Кунье и в верховьях Ловати), на Печоре, Мезени, Северной Двине, в Вологде, г. Вязовце, в Костромской обл. (Которово, Слободка, Болталово, Скорбелка, Солониково, Царево, Шихордино, Молоково, Окулово). См. В. И. Смирнов. Русское узорное тканье, СЭ, III, 1940, стр. 92.

[2] В Калужской, Тульской, Орловской, Курской и Рязанской областях.

русской мещеры и у всех народов Поволжья: мордвы, мари, чувашей, удмуртов, а также у карелов, ижорцев, эстонцев, литовцев, латышей, финнов-суоми [1] и у болгар.

Существование в прошлом в Западной и Северной Европе этого способа тканья подтверждается находками в неолитических свайных постройках на территории Швейцарии, в погребениях в Ютландии (II тысячелетие до н. э.) [2], в Норвегии и Швеции (X в. н. э.) и в Эстонии (XIII в. н. э.).

Ранее всего тканье на дощечках появилось, вероятно, в культуре древнего Двуречья [3].

На территории Европейской части СССР с эпохи позднего неолита (в городищах дьякова и городецкого типа) встречается в большом количестве «текстильная керамика» — с отпечатками тканей, сделанных на дощечках. Автором данной работы вместе с А. А. Мансуровым проведены опыты отпечатывания поясов, сделанных на дощечках, на пластах глины. При этом получались образцы, вполне аналогичные черепкам, найденным в раскопках городищ.

Тканье на дощечках охватывало, таким образом, громадный ареал Европы, Кавказа, Средней и Передней Азии. Оно дожило до наших дней в отдельных довольно многочисленных пунктах, в виде реликта древнего производственного процесса, и употребляется для изготовления поясов. Техника тканья на дощечках не имела прогрессивного развития, не дала в течение веков новых технических усовершенствований. Все данные приводят к выводу, что тканье на дощечках ни с какими позднейшими способами тканья не связано.

Тканье на бердечке

Бердéчко состоит из дощечки, разделенной на трóсти параллельными щелеобразными отверстиями. В середине тростей просверлены круглые дырочки. Часть нитей основы (нечетные) продевается через дырочки в тростях, другая же часть (четные) — между тростями берда (рис. 23). Один конец основы надевается на крюк, вбитый в стену, а другой привязывается к поясу ткачихи. Основа находится в немного наклонном положении от стены по направлению к ткачихе; ткут вдвоем: одна ткачиха поднимает и опускает бердечко то вверх, то вниз; другая пропускает уток и прибивает его или рукой, или деревянным ножом.

1-я стадия. Бердо поднято: нити, продетые между тростями, находятся внизу; пропускается уток.

2-я стадия. Бердо опущено: нити, продетые в круглые отверстия тростей, находятся внизу; нити, продетые между тростями,— наверху; пропускается уток. Узор достигается выборкой, подъемом вне очереди ряда нитей. Полученный узор ничем не отличается от узоров, получаемых при тканье на нить (см. ниже).

Способ тканья на бердечке является действительно тканьем, так как здесь есть самостоятельные основа и уток, располагаемые перпендикулярно друг другу. Здесь имеется и механическое чередование зева.

На территории СССР этот способ известен по материалам городищ дьякова и городецкого типа, где встречается в большом количестве штам-

[1] U. T. Sirelius. Указ. соч., стр. 120, рис. 138.

[2] А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 287.

[3] К. Ф. Леманн-Гаупт. Успехи изучения древней истории за последние 50 лет. «Вестник древней истории». М., 1937, № 1, стр. 45. В той же работе отмечено бытование указанного способа тканья за 40 лет до этого в Тифлисе, а во время написания статьи — в грузинских деревнях.

пованная «рогожная керамика», которая считается сосуществовавшей еще с более поздним комплексом «текстильной керамики» [1].

Наличие рогожной керамики заставляет предполагать существование бердечек для тканья рогож, потому что другие орудия для производства рогож и решет неизвестны.

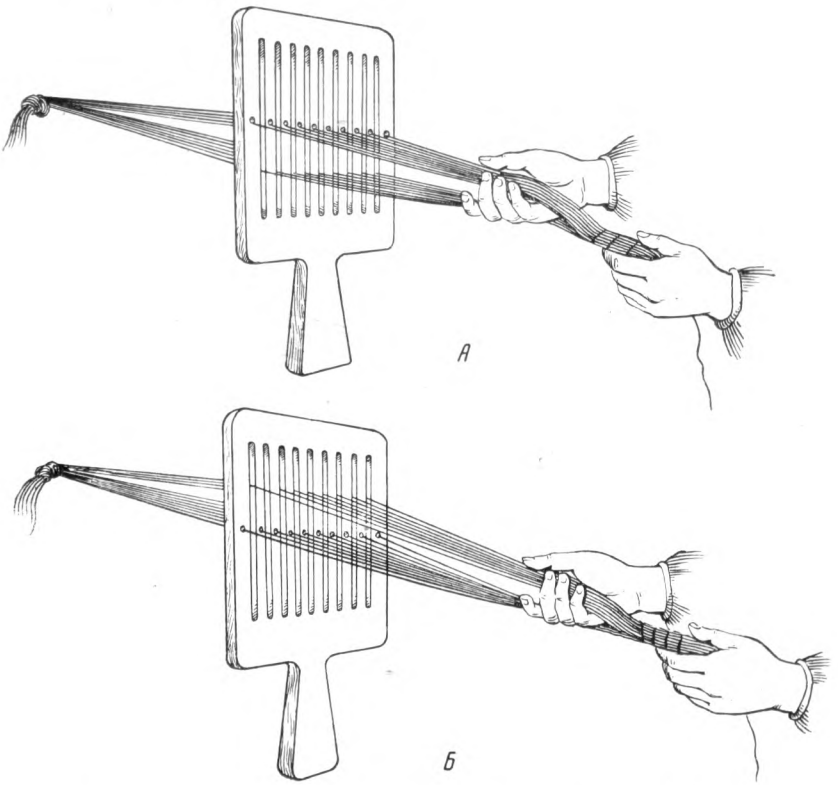


Рис. 23. Тканье на бердечке (дер. Беляевка Гомельской обл.)
А — 1-я стадия; *Б* — 2-я стадия

Бердечко распространено в рогожном и решетном производствах у всех групп восточных славян. В настоящее время тканье поясов на бердечке известно по всей Псковщине, в ильменском Поозерье, в низовьях Ловати, в Вологодской обл., на Смоленщине, Могилевщине. Кроме того, оно известно у пермяков, мордвы, а также в Сибири — у хантов. Описано оно и у западных финнов [2].

Тканье на бердечке имело очень широкое распространение во всей Европе, начиная со средних веков, а также в Америке с XVI в., куда, по всей вероятности, было занесено европейцами.

Некоторые ученые полагают, что бердечко было прототипом нитов и берда, употребляющихся в современных горизонтальных ткацких станках, причем его функция как бы разделилась впоследствии между ними. Но вернее считать, что современный ткацкий стан развился из другого примитива — тканья на ниту. Бердо, служащее в нем для прибивания

[1] О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, № 14, 1950, стр. 131.
[2] U. T. Sirelius. Указ. соч., рис. 141 и 143.

утка, ничего общего с бердечком для тканья поясов не имеет, кроме самого названия. Правильнее всего считать, что бердечко осталось только в решетном и рогожном производствах, не дав, как и тканье на дощечках, дальнейших более совершенных технических форм.

Тканье на нить

Тканье на нить является прототипом тканья на станке.

Тканье на нить, главным образом поясов, состоит в том, что нити основы прикрепляются одним концом к гвоздю на стене, а другим привязываются к поясу ткачихи. Длина основы колеблется от 1 до 2 м, в зависимости от предполагаемой длины пояса (рис. 24). Верхние (*а*) и нижние

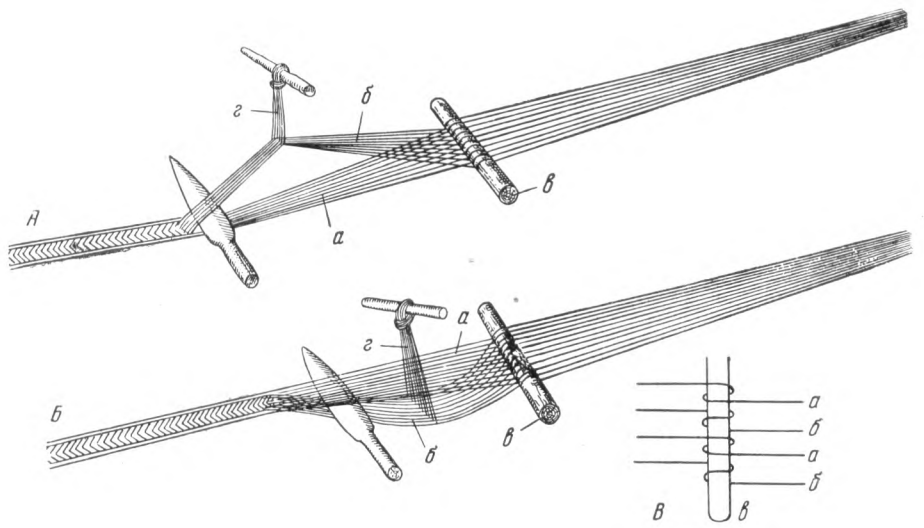


Рис. 24. Тканье на нить (дер. Местковичи Брянской обл.)

А — 1-я стадия — нит поднят; *Б* — 2-я стадия — нит опущен; *а* — нити верхнего зева; *б* —нити нижнего зева; *в* — качулка; *г* — нит; *В*—схема пропуска ниток через качулку

(*б*) нити разделяются на две группы при помощи деревянной палочки *(кáчýлки) (в)*, пропущенной между нитями. Нечетные нити *(б)* обвертываются вокруг палочки сверху, а четные (*а*) — снизу (см. схему прохождения нитей через палочку, рис. 24, *В*). Этим создается основное положение зева. Чтобы получить второе положение зева, нижние нити перевязываются петлями из суровых ниток, называемых *нитáми, нитóчками* (*г*), при помощи которых они подтягиваются кверху, отчего произошло и название этого способа тканья. При каждом чередовании зева пропускается уток.

1-я стадия. Нит поднят — подняты нечетные (*б*) нити. Пропускается уток.

2-я стадия. Нит опущен — четные (*а*) нити основы находятся сверху, нечетные (*б*) — внизу. Пропускается уток.

Уток прибивается рукой или кордиком (Брянская обл.), ножом и т. д.

Такой способ тканья известен у русских в Рязанской, Тульской, Орлов-

ской, Курской, Вологодской, Архангельской областях; у белорусов — на Мозырщине [1] и Витебщине, а также у литовцев.

У белорусов пояса, вытканные на нить, обычно узкие, с небольшим количеством красных или синих шерстяных нитей в основе; у русских — пояса широкие многоцветные, с большим разнообразием узоров.

В Брянском Полесье, например, излюбленными узорами являются *глазики, гречишка, гребенки, косячки, челноки, пальцы, клин и баран, улицами, крючки, гусиные лапочки, пряничкн, кривая лапка, дробинка.* Их получают путем выборки ниток из зева. Все эти узоры геометрические, хотя носят название частей человеческого тела, животных или растений, что определяется отчасти холщевым переплетением ткани; геометрические фигуры все угловатые,— например, круг изображается в виде шестиугольника.

«Живой стан»

К началу XX в. относится единичное сообщение о бытовавшем в это время в Пензенской губ. довольно сложном способе тканья на пальцах, названном местным краеведом Гвоздевым «живой стан» [2].

Этот способ представляет большой исторический интерес, так как возможно, что мы имеем здесь дело со случайно сохранившимся реликтом древней техники тканья. Поэтому нельзя считать удачным название, данное Гвоздевым, предполагающее подражание горизонтальному ткацкому стану.

Процесс тканья происходит следующим образом. Пять женщин становились рядом, пять других — против них; одиннадцатая женщина сновала основу через пальцы от одной группы женщин к другой. Она командовала одной группе женщин, когда основа была готова, поднять руки кверху, и пропускала уток; после этого, по ее команде, другая группа женщин поднимала руки, а первая опускала, и руководительница вновь пропускала уток. В результате тканья получалось полотняное переплетение. В основе было 100 нитей, и пояс получался довольно широким. При большем количестве женщин, участвующих в этой работе, можно было достичь большей ширины ткани. В этом способе тканья налицо основа, уток и механическое чередование зева при помощи пальцев.

Допустимо предположить, что этот способ тканья мог возникнуть в прошлом при наличии большой семьи или даже материнско-родовой группы, позволявшей организовать такой сложный процесс, требовавший участия большого количества женщин, идеальной дисциплины и слаженности в работе, руководимой «старшей».

РАЗВИТОЕ ТКАНЬЕ НА ВЕРТИКАЛЬНЫХ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ ТКАЦКИХ СТАНАХ

Станы, употребляемые в настоящее время для тканья у восточных славян, исследователи обычно делят на два типа: вертикальные и горизонтальные.

На вертикальном ткацком стане основа находится в вертикальном положении и длина ее определяется размером *рам;* зев образуется двумя

[1] Таль, Беседки, Сарычи, Домантовичи, Бобры, Пуховичи, Милашевичи.

[2] Гвоздев экспонировал в 1923 г. на Сельскохозяйственной выставке в Москве образцы поясов, вытканных этим способом; процесс тканья сообщен собирателем автору данной работы.

палочками; имеется или *нит* или *бердечко;* уток прибивается ножевидной пластинкой — *трепалом (веслом, билом)* или коротеньким *гребнем.* Вертикальный ткацкий стан сохранился в решетном, рогожном и ковровом производствах.

На горизонтальном ткацком стане зев образуется при помощи *бердечка* (в рогожном производстве) или *нитченок* и *подножек.* Горизонтальный ткацкий стан допускает неограниченную длину основы и, стало быть, ткани.

Различают два типа горизонтальных ткацких станов: рогожный стан со своеобразным бердом вместо ремизок, без подножек, с веслом для прибивания утка и стан для нитяного тканья — с нитами, подножками и бердом для прибивания утка.

Вертикальный стан для рогож

Вертикальный ткацкий стан для тканья рогож и «мелкого кулька» описан Н. А. Филипповым, изучавшим рогожный промысел в б. Нижегородской и Костромской губерниях: «Верхние концы основы привязаны шестью узлами к палочке..., лежащий на шестах..., укрепленных под потолком избы. Основные нити пропускаются через бердо..., висящее на 4 бичевках». Бердо состоит из тростей с дырочками. Одно лыко пропускается между тростями, другое — в дырочку трости. «Нижние концы основы перевязываются мочальной бичевой и привязываются веревкой к палке...; на эту последнюю для натяжения основы привешивается деревянная колода... Для образования зева бердо отклоняется левой рукою ткача, а правою он вкладывает челнок с утóчным мочалом» [1]. (Тип челнока тот же, который употребляется для вязания сетей.)

Работа состоит из двух стадий.

1-я стадия. Все лыки, находящиеся между тростями, образуют задние ряды основы, а лыки в отверстиях — передние. Между ними пропускается уток.

2-я стадия. Лыки, пропущенные в отверстия, уходят назад, а нити между тростями переходят вперед. Уток прибивается билом.

Такой же стан, но только с рамой вместо брусков, известен на Украине (коллекции ГМЭ) для тканья сит и решет (рис. 25, *1*).

Вертикальный стан для ковров

Типичный ковровый ткацкий стан описан А. И. Заремβским [2] (рис. 25, *2*). «Вертикальный станок для тканья ковров в восточной Украине называют «кросна», в западной Украине — «разбои». Он состоит из рамы — двух деревянных столбов... (собственно «кросна»), соединенных вверху и внизу двумя перекладинами... («бéрвинами»)... Размеры станка различные, иногда достигают 2,5 м длины и свыше 1,5 м высоты. Он устанавливается в хате в наклонном положении, упираясь верхней частью в стену.

На полученную таким образом раму стана натягивается вертикально через перекладины основа в два ряда, по обе стороны рамы. Для натягивания основы служит «глиця» *(в)* — тонкая цилиндрическая палочка

---

[1] Н. А. Филиппóв. Орудия рогожного промысла и способ производства работ. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. IV, 1897, стр. 98.

[2] А. Заремβский. История и техника тканья украинских килимов, стр. 11—12.

немного длиннее предполагаемой ширины ковра... Одна ковершица привязывает конец нити основы к концу «глици» и, сама оставаясь с клубком у нижней «бе́рвины», передает «глицю» своей помощнице, стоящей сбоку станка, а эта передает «глицю» третьей ковершице, которая

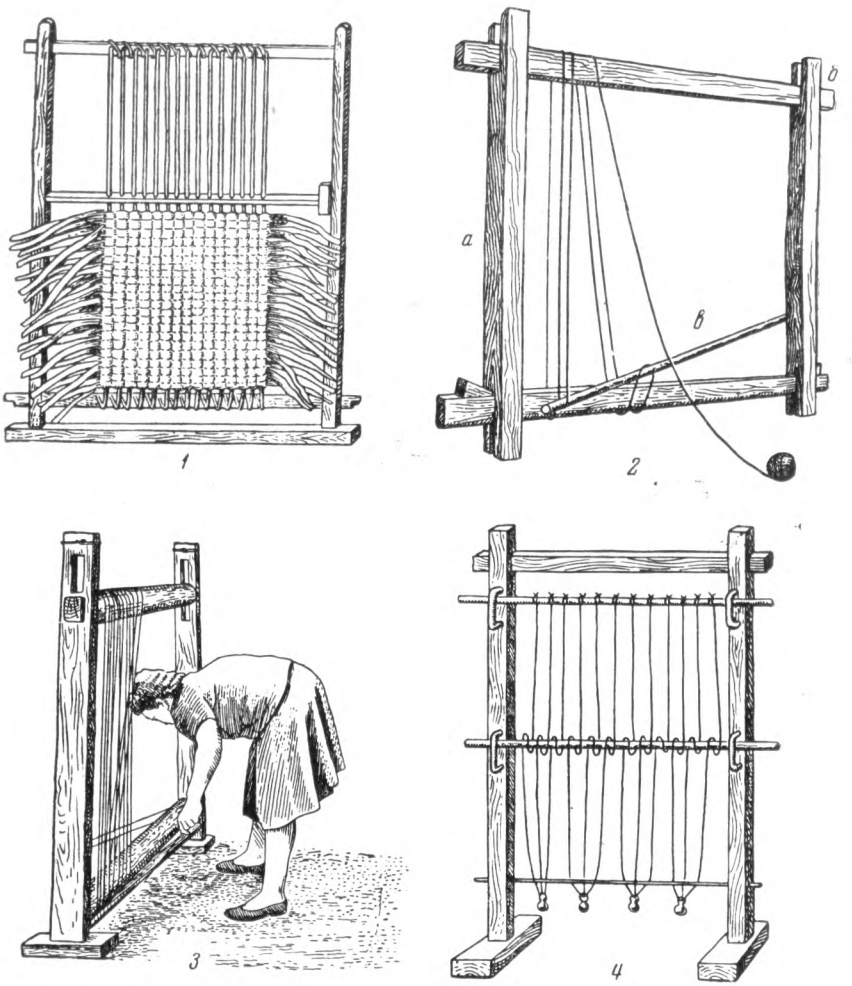


Рис. 25. Вертикальные ткацкие станы

1 — стан для тканья рогож (УССР); *2* — кросна для тканья ковров (Полтавщина): *а* — кросна; *б* — бервины; *в* — глиця; *3* — стан для тканья ковров (дер. Долженково Курской обл.); *4* — реконструкция ткацкого стана с грузиками

помещается на какой-нибудь подставке у верхней «бе́рвины»; последняя перебрасывает «глицю» через верхнюю «бе́рвину» на заднюю сторону станка; вторая ковершица тянет «глицю» вниз и передает первой ковершице, которая подводит ее под нижнюю «бе́рвину», выводит на переднюю сторону станка и прикладывает ее к наружной стороне нижней «бе́рвины» таким образом, чтобы конец «глици» с привязанной нитью находился с левой стороны. Затем эта же ковершица, придерживая «глицю» на «бе́рвине» в приданном ей направлении, проводит справа нитку

основы между «бе́рвиной» и «глицей», помещая нитку над первой задней нитью и, обогнув «глицю» нитью снизу, передает нить второй и третьей коверщицам. Нить таким образом идет вверх, перебрасывается петлей через верхнюю «бе́рвину» на заднюю сторону станка, проводится под нижней «бе́рвиной» на переднюю сторону станка, обвивает сверху «глицю», проходит далее между «глицей» и нижней «бервиной» и натягивается; получается первая пара нитей основы...» и т. д. «Таким образом навивается основа до конца. Она разделяется «глицею» на два ряда — передний и задний, последовательно нить за нитью. Конец основы привязывается к правому концу «глици». Основа после этого плотнее натягивается заколачиванием клиньев в отверстия в «кроснах», через которые проходят «бе́рвины». Чтобы не спутался порядок нитей, их обычно смазывают на верхней «бе́рвине» тестом.

Для образования перекрестия верхнего и нижнего рядов основы служит вторая «глиця», длиннее первой, и обычно не цилиндрическая, а в форме линейки. Она помещается на лицевой стороне основы на расстоянии около $^1/_2$ м от нижней «бервины», параллельно ей, и продевается... таким образом, чтобы передние нити, отведенные назад, и задние, притянутые вперед, образовали перекрестие. Для того, чтобы можно было менять... передний и задний ряды основы ниже «глици», разделяющей их, к каждой нити заднего ряда основы свободно (так, чтобы их можно было передвигать вверх и вниз) навязываются отдельные нитки длиной 10—15 см, которые в соответственных местах выводятся сквозь нити... переднего ряда основы наружу и здесь группами по 8—10 нитей связываются вместе узлом. Во время работы, по мере надобности, натягиванием одного из узлов нужная группа нитей заднего ряда основы выводится вперед».

Принцип образования зева тот же, что и при тканье на нить: «Первую нить утка проводят справа — налево между нитями» заднего и переднего «рядов основы... линейку ставят ребром; затем приводят линейку в прежнее плоское положение и, притягивая постепенно группы задних нитей за «ниты», и... меняя таким образом задний и передний ряды нитей основы,— постепенно проводят между ними вторую нить утка слева направо. Нити утка не натягиваются сильно и прибиваются одна к другой «гребінкою» — деревянным молотком, на узком конце которого укреплены железные зубья».

На таком вертикальном ткацком стане ткет одна ткачиха. Она начинает ткать снизу; когда выткана одна сторона, ткачиха готовую ткань передвигает на обратную сторону стана, а наперед сдвигает основу с задней части стана. Длина ткани равна двойному размеру стана.

На этих станах ткут и мешкообразные ткани[1]. Ткут их вдвоем — одна ткачиха с одной стороны, другая — с другой, причем они пользуются одним утком, перекидывая его друг другу при каждом чередовании зева.

Возможно, что таким способом изготовлялись у русского населения некоторые туникообразные одежды типа *кодмана*. Плащ-кодман, известный в Скопинском районе Рязанской обл., в Данковском — Липецкой обл. и в с. Рождествено (Монастырщина) Тульской обл., шьют из двойного

---

[1] Имеются данные об умении ткать мешки и одежду без швов в древнем Египте в эпоху 22-й династии (М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Казань, 1914, стр. 13). Письменные источники начала нашей эры также говорят о существовании таких одежд в Передней Азии.

полотнища шерстяной ткани, перегнутого пополам, вернее из мешка. Кодман накидывают на плечи и придерживают на груди двумя пришитыми к верхней его части узкими полотнищами, сделанными из той же ткани. Двойной слой ткани на кодмане, может быть, является пережитком описанной выше техники тканья, так как для большей толщины кодмана проще было бы сделать его из сукна.

К этому же типу изделий, возможно, относятся *постельки* — спальные мешки, сшитые из *ватол* (ткань с конопляной основой и утком из тряпок или верчи), которые в Брянской и Рязанской областях служили одновременно и подстилкой и одеялом.

Очень широко распространено изготовление ковров на вертикальных ткацких станах в юго-восточной части Орловской обл. и повсеместно в Курской и Белгородской областях. Геометрический и растительный орнамент выполняется закладной техникой, но нередко применяется и другой, очень своеобразный прием: каждый пучок ниток, предназначенных для утка, окрашивается обмакиванием отдельных участков его в краски нескольких цветов. Такой уток дает узор *стрелками.*

Более древние вертикальные станы, как можно предполагать по археологическим находкам, были с грузиками (рис. 25, *4*); зев в них образовывался двумя палочками, которые разделяли нити основы на четные и нечетные группы [1].

Изобретение в раннеметаллическом веке вертикального ткацкого стана наряду с железным оружием, парусными и весельными кораблями знаменовало собой культурную революцию.

Наличие вертикальных станов на территории России подтверждается многочисленными находками ткацких грузил на городищах дьякова и городецкого типа [2]. Л. Нидерле считает, что древним ткацким станом у славян был именно вертикальный.

Древние типы женской и поясной одежды восточных славян — запаска, плахта, распашные паневы, представляющие короткие полотнища, вытканные каждое отдельно, возможно, изготовлялись в древности на вертикальном стане.

О бытовании такого стана у русских в конце XIX в. свидетельствуют *бурболки* — грузила для оттягивания ниток, употреблявшиеся в дер. Сосновке близ Трубчевска Брянской обл. (коллекция ГМЭ).

Интересен в этом отношении пулагай так называемой «русской мещеры» (с. Мелехово Рязанской обл., дер. Ушинка Земетчинского района Пензенской обл.), представляющий собой затканную полоску с очень длинной красной шерстяной бахромой. Этот пояс легко изготовить, заткав часть основы сверху, остальную же часть ее оставив как бахрому. Территория обитания мещеры совпадает с поселениями городецкого типа, в которых бытовал вертикальный ткацкий стан [3].

Общим для всех типов вертикального ткацкого стана является ограниченность основы рамой и вертикальное ее положение; но имеется большое различие в способах получения зева. Нити основы могут разделяться палочками, нитяными петлями или бердом. Поэтому следует выделить

---

[1] Станы этого типа были известны в древней Греции, в средневековой Западной Европе и сохраняются в настоящее время у басков в Пиринеях и у норвежских лопарей.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 186; О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге, стр. 106. Там были найдены «грузики... отверстия которых протерты ниткой».

[3] Пулагай из Пензенской обл. имеется в коллекциях ГМЭ.

три вида вертикального ткацкого стана: 1) с грузиками; зев образуется палочкой, уток прибивается веслом или гребнем (городища дьякова типа [1]); 2) рамочный ковровый стан; зев образуется при помощи нита, основа прибивается гребнем (на Украине и у южновеликорусов [2]); 3) рамочный решетно-рогожный стан; основа прибивается веслом, зев образуется при помощи берда (вероятно, он бытовал одновременно со станом первого типа на городищах дьякова типа и известен до настоящего времени в кустарном рогожном производстве у русских).

Горизонтальный рогожный стан

Основным рабочим инструментом горизонтального рогожного стана (рис. 26) является бердо *(а)*, при помощи которого образуется зев. Оно относится к типу бердечка для тканья поясов. Одна часть основы проходит через *глазки* — круглые отверстия берда, а другая — в промежуток между тростями берда. Для прибивания утка служит веслообразное било *(б)*. Челнок *(в)* — деревянный, вилкообразный; нередко он отсутствует и отдельные отрезы мочала-утка пропускаются рукой. Заправленная в бердо основа прикрепляется одним концом к стене, другим концом — к перекладине стоек стана, в горизонтальном положении. Иногда основа прикрепляется обоими концами к стойкам. Тип стояков, образующих раму стана, очень неустойчив; это, в прошлом, 4 столба, вбитых в земляной пол, соединенных перекладинами (например, Добрицы Ельнинского района Смоленской обл.), или две вертикальные рамы, соединенные между собой перекладинами (Мосолово Шелуховского района Рязанской обл.). Бердо приводится в движение привязанной к нему веревкой, которая перекинута через блок, укрепленный на перекладине, соединяющей стойки, или в потолке.

Разница между горизонтальным и вертикальным рогожным и решетным станами лишь в положении основы и в ее размерах. Переход от вертикального стана к горизонтальному был естественен с увеличением длины основы.

Горизонтальный стан с бердом и подножками

Рассматривая все четыре стана, помещенные на рис. 27, следует отметить наличие общности их основных частей *(основа, нит, бердо, подножки, ниченки)*.

Способы укрепления основы и нита (*рама, ставы, крючья, блочки, поднёбник,* наличие *нитяного навоя* или *косы*) варьируют в зависимости от степени развития и сложности и от особенностей локальных форм.

Сущностью работы этого стана является механическое чередование зева при помощи системы нита и подножек и прибивание утка при помощи берда, не несущего в горизонтальном стане других функций (т. е. образования зева).

Прототипом горизонтального ткацкого стана является тканье «на нить». Появление подножек, благодаря чему ткач получил возможность работать не только руками, но и ногами, и применение берда для прибивания утка было революцией в ткацком деле [3]. Не установлено, по-

[1] Существовал также в древнем Риме.

[2] Близок по типу к ковровым ткацким станам Средней Азии.

[3] Так, в Египте в эпоху Нового царства ткацкий стан с подножками привел к развитию ремесленного ткачества; египетские ткани в большом количестве стали вывозить в Грецию и Рим.

явились ли обе эти части одновременно или нет; скорее можно предположить последнее [1].

Ткацкие станы у восточных славян известны под названиями *стан, кросна* (рус., укр., белор.), *нарад* (белор.), *верстат* (укр., белор.).

Слово «кросна» чаще относится к основе, чем к стану, и «кроснами» чаще называется стан с навитой основой. Так, в Тульской обл. говорили:

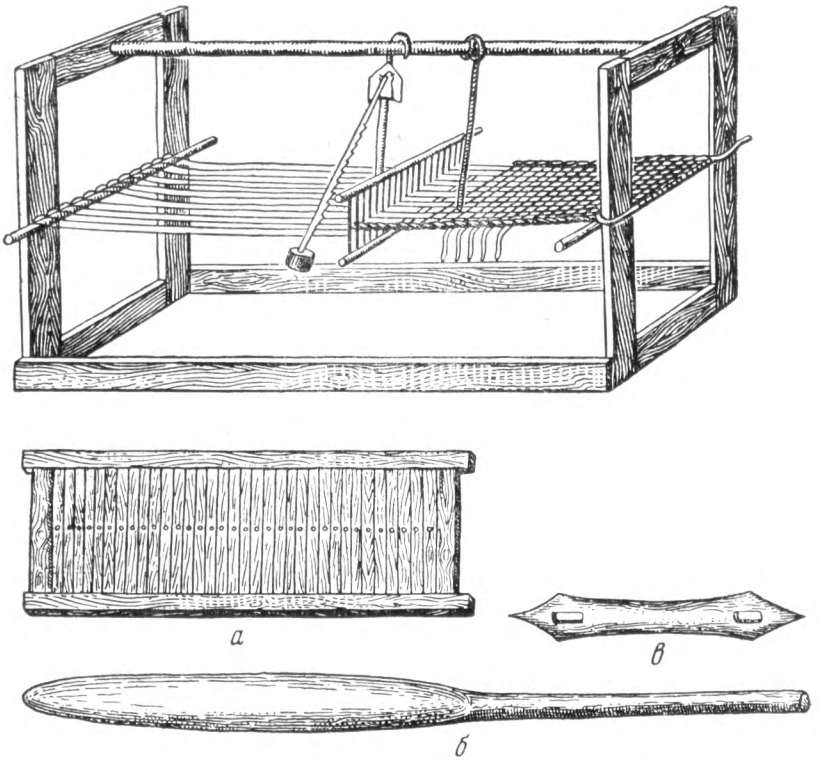


Рис. 26. Горизонтальный рогожный ткацкий стан (дер. Мосолово Рязанской обл.)
а — бердо; *б* — весло; *в* — челнок

«Сгорел стан с кроснами», т. е. навитой ткацкий стан, в Смоленской же обл. «кроснами» называли и ненавитой ткацкий стан (дер. Щипань Смоленской обл.). Слово «верстат» чаще всего применяется к улучшенным ткацким станам.

Названия «бердо», «нит», «подножка» Л. Нидерле, Д. К. Зеленин и Б. А. Рыбаков считают общими для всех славян и на основании этого делают вывод о наличии горизонтального ткацкого стана уже в глубокой древности.

Б. А. Рыбаков, ссылаясь на технику тканья в «елочку» (узорного тканья в несколько нитов), встречаемую в фрагментах тканей, находимых в курганах эпохи Киевской Руси, делает вывод о существовании в то время горизонтального ткацкого стана [2]. Он приводит даже рисунок «костяного гребня» с дырочками — бердечка [3]. Это бердечко не могло

[1] В Осетии бытует, например, ткацкий стан с подножками, но без берда.
[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 187.
[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», стр. 110.

служить для образования зева, так как у него нет прорезей между отверстиями. Оно могло служить только для прибивания утка.

Бердо в современном ткацком стане состоит из тростей, соединенных вверху и внизу тоненькими (около 2 см) пластинками. В зависимости от ширины изготовляемой ткани, берда делаются на различное количество

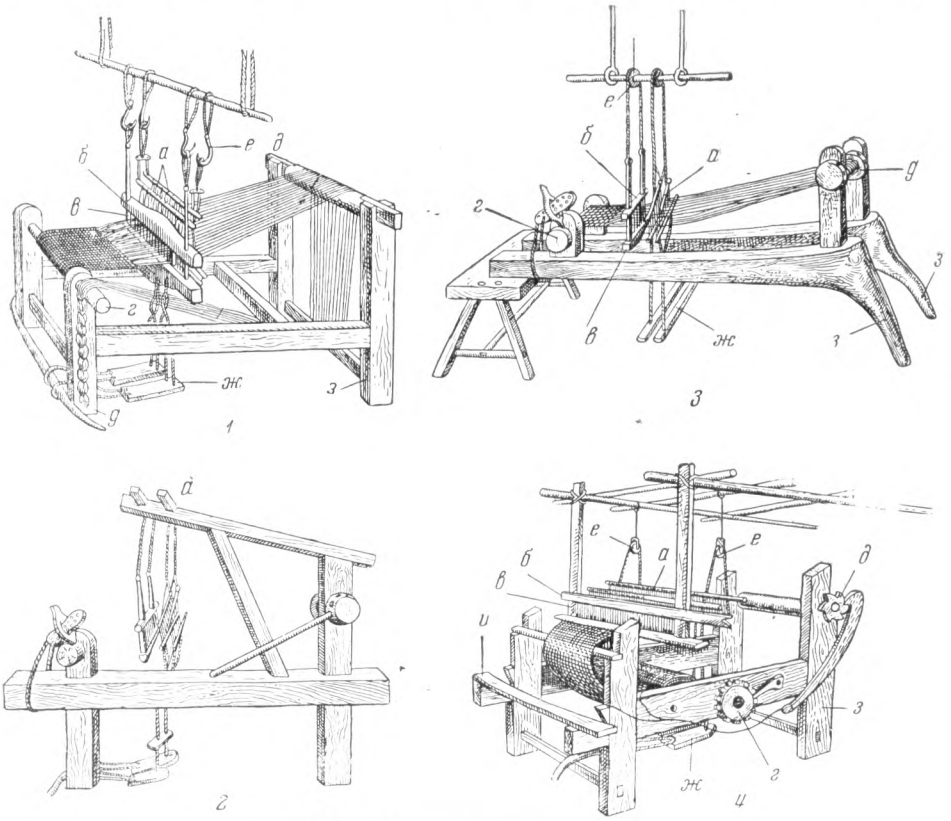


Рис. 27. Горизонтальные ткацкие станы

1 — стан без пряжного навоя (с. Польное-Ялтуново Конобеевского района Рязанской обл.): *а* — нит; *б*—набилки; *в* — бердо; *г* — навой полотняный; *д* — основа-коса; *е* — крючки; *ж* — подножки; *2* — стан передвижной с поднебником (с. Астромино Рязанской обл.); изображена половина стана; *3* — кросна на стативах (с. Пуховичи Гомельской обл.): *а* — нит; *б* — набилица; *в* — бердо; *г* — навойка полотняная с кием; *д* — навойка пражная; *е* — крючья и катюшки; *ж* — поножи; *з* — стативы; *4* — верстак (Великие Сорочинцы, Полтавщина): *а* — начиня; *б* — блят; *в* — бердо; *г* — навой; *д* — навой с трибой и усадкой; *е* — блок с котелками; *ж* — пиднижки; *з* — стан; *и* — сиданка

пасм: 8, 9, 10, 11, 12 и даже 20. Бердо вкладывается в *набúлки* — раму из двух горизонтальных планшеток с продольными желобками для него; верхняя планшетка свободно поднимается и опускается по боковым планшеткам, вставленным в нижнюю планшетку. Бердо служит для прибивания утка. При тканье понев уток, чтобы он ложился плотней, помимо берда прибивают деревянной гребенкой [1].

[1] С. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.

Отметим, что на западном побережье Кавказа уток прибивают железной гребенкой, так как там стан берда не имеет, хотя имеет нит и подножки. Возможно, что

Навой — вал с утолщением на одном конце в виде цилиндра, в середине имеющий желобок, в который вкладывается пруток *(затыкален)* с надетыми на него петлями основы. Чтобы на заправленном стане навой не вертелся, в утолщенную часть вала вставляется палочка (*притужальник*). В обычном стане имеется два навоя. Навой, на который наматывают основу, называется *пряжный,* а тот, на который наматывают ткань,— *полотняный,* или *пришва.*

Однако имеются и более примитивные ткацкие станы, с одним только навоем, или, как их называют, станы с *косой.* Последние не имеют пряжного навоя для основы, которая не навивается на вал, а сложенная петлями привязывается к колу, вбитому в пол, к лестнице, к стану и распускается постепенно в процессе тканья (рис. 27, *1*). Такие станы сохранились до нашего времени в селах Рязанской [1], Воронежской и Белгородской [2] областей. Имеются они и у народов Поволжья: мордвы, чувашей, мари, удмуртов [3]. Навои от ткацких станов и сбои, закрепляющие кросна, найдены в славянском Гродненском городище в слое XII — XIII вв. [4].

Подножки ткацкого стана в самом примитивном виде — это веревки с петлями, в которые вставляет ноги ткачиха (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.), или палки, к которым привязаны веревки, идущие от нитов (в дер. Пуховичи на Мозырщине). Обычный тип подножки — овальная дощечка, соединенная веревкой с нитом. У более совершенных ткацких станов система подножек состоит из досок, свободно вращающихся на перекладине, нередко железной. Подножки подвязываются к нитy; ткачиха, наступая по очереди на них, получает тем самым зев.

Ниты — часть ткацкого стана, служащая для образования зева. По своему устройству ниты разделяются на два вида — *русский нит* с одним *глазком* и нит *латышский* — с двумя глазками. («Глазком» называется отверстие одинарной или двойной петли нита, через которое пропускается нить основы.)

Русский нит представляет собой два параллельных прутика, соединенных двумя рядами нитяных петель, продетых попарно одна в другую (т. е. верхний ряд петель через нижний). Нит делается следующим образом: берется дощечка, на нее навязывают петли; когда вся дощечка заполнена петлями, ее выдергивают, а вместо нее вставляют прутик. Начинают делать второй ряд петель вокруг той же дощечки, зацепляя каждую петлю этого ряда за петлю первого ряда. Когда вся дощечка заполняется петлями, ее выдергивают и, так же как в первом ряду, заменяют прутиком. Таким образом, каждый нит представляет два ряда петель, попарно продетых одна в другую. При навивании основы на двух нитах одну нитку пропускают через верхнюю петлю первого нита и между петлями второго нита; вторую нитку пропускают между петлями второго нита и в нижнюю петлю первого нита.

При заправке основы в нит латышского типа нити верхнего зева идут через верхний глазок первого нита, проходят через второй глазок второго

прибивание гребенкой утка в Вяземке является пережитком того времени, когда стан имел подножки и нит, а берда не имел.

[1] Борщевое, Мелехово, Польное-Ялтуново, Лесное-Ялтуново.

[2] Роговатое Шаталовского района.

[3] Такие же станы имеются и у ряда кавказских народов (абхазы, осетины) и в Таджикистане; возможно, что это является подтверждением древних связей их со славянскими и финно-угорскими племенами Восточной Европы.

[4] Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 281.

нита; нити нижнего нита идут через нижний глазок первого нита и в верхний глазок второго нита. Русский нит известен у всех восточных славян, нит латышский — в северных и западных районах Белоруссии, в Новгородской и Смоленской областях.

Существуют различные способы соединения нитов между собой при помощи различных приспособлений: *косточки* гусиные (Рязанская, Брянская, Смоленская области), собачьи, волчьи, горностаевые, почему эти части стана называются *собачки, волчки, горностаечки* (Тульская обл., с. Пуховичи на Мозырщине[1]); *киёчки* — круглые цилиндрики, надеваемые на палку (например, Полтавщина, Старое село на Витебщине); круглые колесики, называемые *котелочки, колячки* (например, Рождествено Тульской обл., Брянское Полесье, с. Пуховичи на Мозырщине).

Иногда ниты вращаются на деревянных блочках (Рязанская, Московская, Вологодская области, Украина, Белоруссия). Ниты и набилки подвешиваются к потолку или к *поднебнику, сволочку* — верхней Г-образной части подставки стана при помощи деревянных крюков.

Ткацкие станки отличаются друг от друга и подставками, на которых укрепляются навои. В зависимости от этого различают станы *походные,* которые легко передвигаются с места на место, и *неподвижные.*

Походно́й стан (рис. 27, *2*) имеет хорошо оборудованные подставки — *стативы,* соединенные между собой досками, одна из которых служит сидением для ткачихи.

Стативы, поднебник и боковые столбы, вырезанные из копани, были присущи наиболее старинным станам; такие станы встречались в лесной полосе — в Вологодской и Пермской губерниях.

Станы неподвижные имеют разнообразные подставки для навоя и пришвы: *сохи, стативы, лестницы, станы. Сохи* (рис. 28, *1*) — две палки с рогулькой, втыкаемые в земляной пол, в дырки деревянного пола или в отверстия в лавке; на них кладется полотняный навой, а пряжный навой кладется на скамью и придерживается двумя воткнутыми в нее палками. *Стативы* (рис. 28, *2*) — два обрубка ствола сосны (длиной около 1 м, толщиной около 20 см) с сучками, из которых сделаны *ножки* (*а*) (высотой 40—50 см) и *рогульки* (*б*) на другой стороне. Ножки упираются в пол, а на рогульки кладут навои и пришву (Белоруссия).

Бывают также подставки-*станы,* представляющие собой две соединенные между собой перекладинами *(б)* рамы *(а),* на которые кладутся навои (рис. 28, *4*).

Лестницу (рис. 28, *3*) ставят на пол так, чтобы она упиралась в матицу; к ней привязывается коса основы; крюки вставляются в лавку, на них кладется полотняный навой. Распространена мало; по экспедиционным данным, известна только в Борщевом Чернавского района Рязанской обл., в Вяземке Земетчинского района Пензенской обл. и в Роговатом Шаталовского района Белгородской обл.

У всех неподвижных станов набилки и ниты привязываются к потолку.

Горизонтальные ткацкие станы, исходя из вышеизложенного, можно классифицировать различным образом: походные и неподвижные; с навоем и с косой; с собачками, киечками, блочками; на сохах, стативах, станах и с лестницей.

Неподвижные станы с косой распространены в Рязанской, Воронежской областях и Поволжье, станы на сохах — в Смоленской обл. и Брянском Полесье, на стативах — в Белоруссии.

---

[1] В. Н. Добровольский. Кросна Смоленской губернии. ЭО, 1902, № 1, стр. 78.

На Полтавщине неподвижный ткацкий стан с развитыми станинами не имеет поднебника и нити его укрепляются на двух палках, воткнутых в стену хаты.

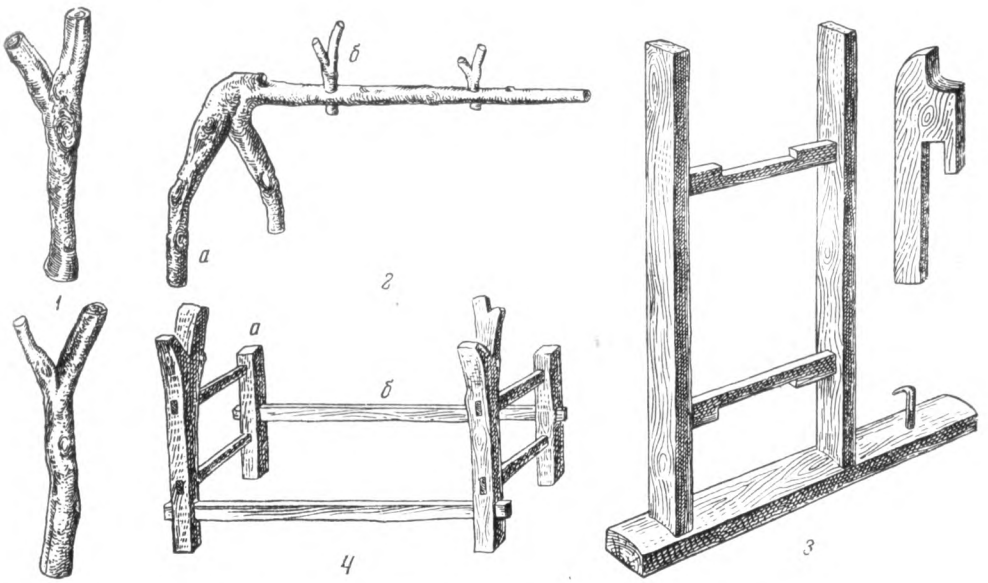


Рис. 28. Части неподвижных горизонтальных станов

1 — сохи (дер. Щербино Ельнинского района Смоленской обл.); *2* — стативы (с. Пуховичи Житковичского района Гомельской обл.): *а* — ножки; *б* — рогульки; *3* — лестница и крюки (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.); *4* — стан (с. Мелехово Чучковского района Рязанской обл.); *а* — рама; *б* — перекладина

Навивка на горизонтальный ткацкий стан

Навивка на стан проходит пять стадий.

1-я стадия — *бердо метать.* Для того чтобы проверить правильность выполненного снованья, вся основа по две нити протаскивается через трости берда с переднего ее конца, который уже разрезан, до *глухого* конца, где нити еще не разрезаны; после протаскивания «глухой» конец также разрезается. Во многих местах (Тульская, Рязанская области) обходятся и без протаскивания. На Украине вместо берда употребляются *ритки* — это то же бердо, но большего размера, с очень толстыми тростями.

2-я стадия — *в нитьі принимать.* Нити глухого конца основы берутся по две и продеваются через нити, причем одна нить проходит через глазок первого нита, а другая — через глазок второго нита.

3-я стадия называется так же, как и первая. Нити, продетые через нитьі, попарно продеваются через трости берда.

4-я стадия — *концы завязывать.* Концы основы попарно подвязываются к *пруточку,* который вкладывается в пришву (полотняный навой).

5-я стадия — *затыкать.* Пропускают уток сначала *редкими рядами,* не прибивая его туго, *затыкают* на протяжении 20 см; после этого заготовленную ткань наматывают на пришву или подшивают к готовой полосе

холста на пришве. Этим заканчивается навивка на стан, основа туго натягивается, и можно начинать ткать плотный холст. В Новгородской обл. при метании в ниты и в бердо употребляется деревянный крючок, которым принимаются нитки.

Челноки

Для пропускания утка при тканье употребляется челнок. Известны три типа челноков (рис. 29): вилкообразный, полый, ладьеобразный.

Вилкообразные челноки употребляются при вертикальном рогожном и ткацком стане, а при горизонтальном ткацком стане для тканья ватол;

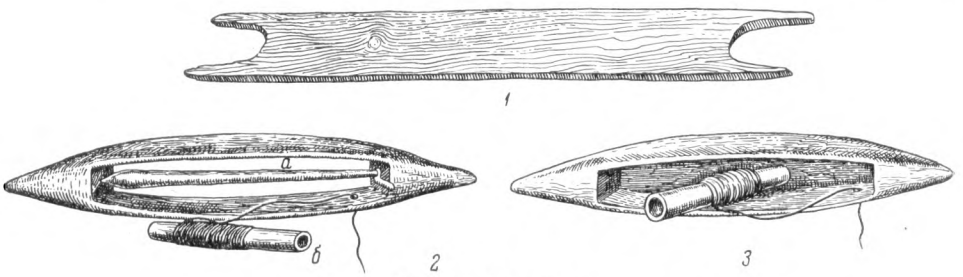


Рис. 29. Челноки

1 — челнок вилкообразный для тканья дерюг (с. Астромино Рязанской обл.); *2* — обычный полый челнок (с. Астромино Рязанской обл.): *а* — пруток, *б* — цевка; *3* — челнок ладьеобразный без прутка — старая форма (дер. Зиновьево, Заонежье)

верчь наматывается на вилку. Такие же челноки, только более узкие, употребляются для плетения рыболовных сетей. Так как рыболовство очень древнее занятие, можно считать, что этот тип челнока заимствован в ткацком деле из техники плетения сетей, ибо ткачество возникло значительно позднее рыболовства.

Полые челноки встречаются в двух разновидностях: старинный — резной (был встречен мною в Брянском Полесье) и новый — точеный, употребляемый повсеместно. В середине вдоль челнока вставляется деревянный или железный *пруток (а)*, на который надевается *цевка (б)* — деревянный или бумажный цилиндрик с намотанной нитью утка.

Ладьеобразные челноки отличаются от полых тем, что цевка в них не надевается на пруток, а свободно вращается, и нить проходит через отверстие в дне челнока. Ладьеобразные челноки были встречены мною в с. Таль Минской обл. и в дер. Зиновьево в Заонежье.

VI. ТЕХНИКА ТКАНЬЯ

Результат тканья — тканина, ткань. По технике изготовления различают: 1) тканье на подножках (двух, трех, четырех и более), 2) закладки, 3) браньё, 4) сложное тканье, где комбинируется техника тканья на подножках с браной или закладной техникой: тканье на четырех подножках с бральницами, тканье на куколках.

ТКАНЬЕ НА ПОДНОЖКАХ

На двух подножках

Самый простой и распространенный способ тканья в текстильной технике называется *полотняным переплетением.* При этом способе нити ткани располагаются крестообразно, нити утка —перпендикулярно нитям основы. Каждой нити основы соответствует одна нить утка. Эта техника известна уже со времен неолита [1]. Такое переплетение обнаружено на двух фрагментах тканей, найденных в Младшей Волосовской стоянке конца II тысячелетия до н. э., одна из которых шерстяная, другая — из еще не определенного растительного волокна [2].

Этой техникой тканья у нас изготовляются: *ватола, холст (полотно, точиво)* из льна или конопли (последнее время — с утком из хлопчатобумажной нити), *пониточная* шерстяная ткань.

Холст в большинстве случаев ткется белого цвета, только у северовеликорусов и средневеликорусов было широко распространено тканье клетчатых и полосатых тканей; частично они бытовали у южновеликорусов. Узор получался от сочетания цветных ниток основы и утка.

Шерстяная ткань, изготовленная этим способом, под названием пониточной, известна в Рязанской, Тульской, Калужской областях, а под названием *волосень* — в Курской и Воронежской. Она бывает одноцветной (черная, синяя, красная), клетчатой, кубиками.

Черная пониточная ткань употребляется для понев [3], для верхней одежды — понитков, для черных плащей — кодманов, известных в южновеликорусских областях среди той части населения, которая, по мнению

---

[1] Например, бо́льшая часть фрагментов тканей, найденных в Робенгаузенской стоянке в Швейцарии, имеет полотняное переплетение (А. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 288).

[2] Там же.

[3] Чучково, Папушево Рязанской обл.; Роговатое Белгородской обл.

некоторых исследователей, происходит от меланхленов-черноплащников, описанных Геродотом [1].

Эта же ткань шла на *нагрудники* — туникообразную женскую одежду (Данковский район Липецкой обл.), на онучи — *повилы* у «русской мещеры» [2].

Черные повилы известны также у мари, чувашей и мордвы-мокши.

Клетчатые пониточные ткани чрезвычайно разнообразны и варьируют по отдельным селам, а в поневах замечается разница по возрастным группам и в пределах одного и того же села: в выборе нитей, которые образуют клетку, и узора. В Пригородных слободах б. Сапожковского уезда Рязанской губ. в поневе-*белоглазке* (траурная и «старушечья») клетка характеризуется тремя белыми нитями в основе и в утке, окаймленными одной красной и двумя зелеными нитями на синем поле; в *желтоглазке* — тремя желтыми нитями в середине клетки; в *красноглазке* (понева молодых) — тремя красными и т. д. [3].

В Скопинском районе Рязанской обл. в селах Вослебы, Ильинское, Секирино и Чулково клетка образуется двумя красными, двумя белыми, двумя синими, тремя зелеными, двумя синими, двумя белыми и двумя красными нитями в основе и утке; в Петрушине клетка такая же, только зеленых нитей берется четыре, а в Полянах в середине пропускается пять зеленых нитей; в деревне Пупки клетка образуется теми же нитями, только белая заменяется голубой.

Черная клетчатая понева встречается довольно редко; она известна в западной части Орловской обл. (г. Льгов) и в Курской обл. (с. Кубань), в Данковском уезде Липецкой обл., а также в районе села Салтыково (Буты) Рязанской обл.— как одежда пожилых женщин; для молодых там была типична красная браная понева.

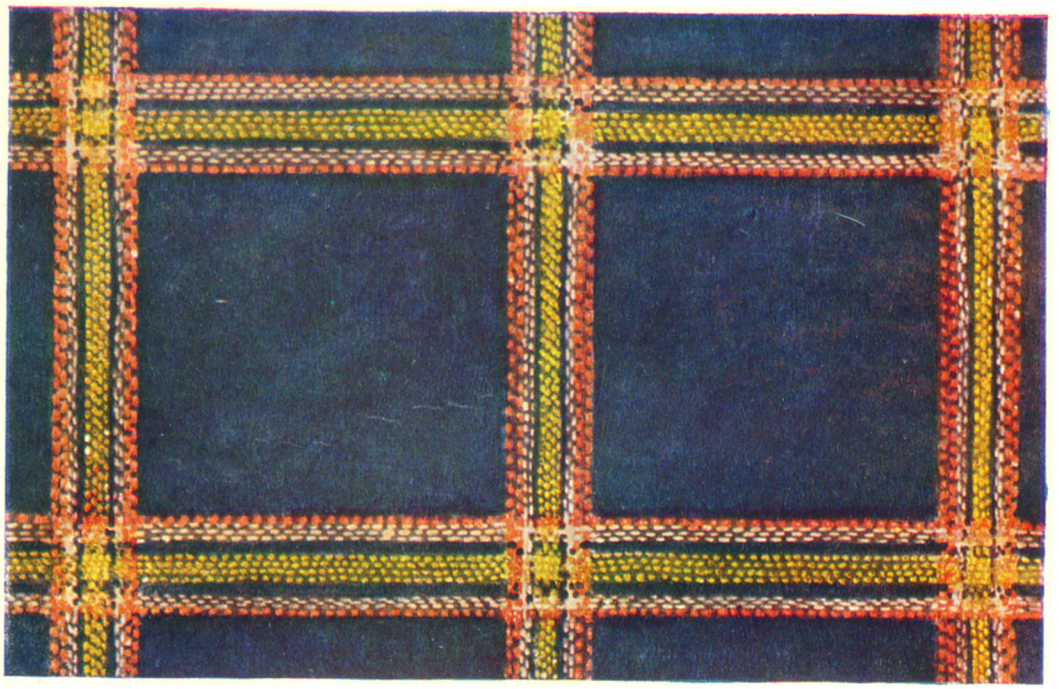
Синяя клетчатая понева (рис. 30, *1*) широко распространена у южновеликорусов (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Тамбовская, Курская области) и на западе до самой Десны. Известна она и в б. Духовщинском и Бельском уездах Смоленской губ. Иными словами, она зафиксирована в древней области вятичей и небольшом очаге расселения кривичей; отсюда она распространялась на юг и восток вместе с колонизацией южновеликорусов. По данным археологических раскопок, она существовала здесь уже с XII—XIII вв.; синяя краска, которая употреблялась для ее крашения,— индиго, была привозной из Индии.

В красный цвет клетчатая пониточная ткань для понев красилась мареной. Большое разнообразие красных понев дает с. Роговатое Шаталовского района Курской обл. Красная понева встречена в районе с. Рождествено и в некоторых других селах Тульской обл. Красные клетчатые ткани для понев иного покроя бытовали в 1925 г. в б. Трубчевском районе Брянской обл. (Орельск), где эти ткани изготовляли с двумя узорами: *цыганка* и *бро́вка*. Узор «цыганка» с клеткой 2 × 1 см образуется двумя белыми, двумя черными, двумя желтыми, двумя черными и двумя белыми нитями. Фон красный из шерсти, окрашенной мареной. Узор «бровка» имел клетку 3,5 × 2,5 см, образованную двумя белыми, двумя

[1] В. П. и П. П. Семеновы. Исторические судьбы среднерусской черноземной области и культурные ее успехи. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. II. СПб., 1902, стр. 117.

[2] Селения Рязанской обл. (Курша Касимовского района; Пригородная слобода Сапожковского района; Польное и Лесное-Ялтуново Конобеевского района; Мелехово Чучковского района); Ушинка Земетчинского района Пензенской обл. и б. Аткарский уезд Саратовской губ.

[3] Подробнее см. Н. И. Лебедева. Материалы по одежде южных уездов Рязанской губернии. Рязань, 1929.



1

2

Рис. 30. Шерстяная ткань для понев, сотканная на двух подножках, Рязанская обл.:
1— синяя клетчатая, *2*— «шашечница»

черными, двумя белыми нитями. Основная клетка разделена на четыре части двумя взаимноперпендикулярными полосами, образованными двумя желтыми, двумя черными и двумя желтыми нитями. Этот тип поневы известен на правом берегу Десны у тех групп населения, которые генетически связываются с северянами.

Шерстяная ткань кубиками (шашечница) (рис. 30, *2*) образуется из красных и синих полос в основе и таких же полос в утке. Когда красный уток попадает на синюю основу или синий уток попадает на красную основу, получаются полутоны. Этот тип понев известен в Рязанской обл. (Бусаево Спас-Клепиковского района).

Понева такого типа, как считают некоторые этнографы [1], заменила синюю браную поневу, тканную на четырех подножках.

К тканью на двух подножках относится тканье с портяной основой и шерстяным утком, сученным из двух толстых прядей. Этот тип ткани известен у «русской мещеры» (Рязанской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской областей). Расцветка тканей — синяя, чаще красная, с черными или синими поперечными полосами. Б. А. Куфтин относит этот тип тканья к упрощенному подтипу тяжелой браной поневы, основываясь на том, что ее носят там, где ранее носили браную поневу, причем в качестве реликта теперь у нее сохраняется шерстяной браный *подольник* [2] — нижний край ее, затканный узорами или иногда пришивной.

Думается, однако, что этот тип поневы является очень старым и что такая понева бытовала как будничная, при наличии парадной браной [3]. Для этой ткани характерен толстый уток, а переплетение достигается разными способами. Можно предположить, что мещерская понева ранее ткалась также на дощечках, которые существуют на территории расселения мещеры с эпохи неолита. К тому же тканье на дощечке с двумя отверстиями сохранялось и на территории восточных славян; такая дощечка с дырочками называется *вертлюг* (в Вятской губ. она употреблялась для тканья шлей). Характерным в этом тканье является толстый уток из мочала или пеньки, который пропускается пучками.

На трех подножках в три «цепка» (нита)

Этот тип тканья употребляется в основном при изготовлении *тяжины* — холщевой ткани с белыми и синими полосами в основе и с белым утком. Для тканья на трех подножках служило особое приспособление, называемое *коромыслом,* с двумя отверстиями (дер. Зайцы Псковской обл.). К одному отверстию коромысла подвязывалось два нита; при тканье опускались то два нита, то один. Эта ткань у русских шла на мужские штаны.

Шерстяные ткани для полосатых юбок ткали на трех подножках однодворцы, жившие на территории Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Курской областей.

Загадка говорит про полоски на этих юбках: «От поясницы до ног семьдесят семь дорог». Узор получается от применения различных нитей в основе. Уток всегда красный. Ткут эти ткани на трех подножках, причем две связываются вместе, а третья ходит одна. Замечается различие

---

[1] Неопубликованная работа (1940) М. Д. Малининой.

[2] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 71—72.

[3] Ткань этой поневы по технике производства близка к тем тканям, которые найдены в Робенгаузенской стоянке и которые А. Гетце считает тканными на дощечке с двумя отверстиями (А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 288).

между узорами ткани в сочетании полос по отдельным селам. В с. Ягодном (б. Сапожковский уезд Рязанской губ.) название узоров юбок зависит от того, какими полосами окаймляется основа: *узор, желчью основанный* (две желтые полосы по бокам); *узор, зеленью основанный* (две зеленые полосы по бокам); *бель* в *красе́ положена* (белая полоса между красными); *зелень с го́лубью* (зеленая полоса между голубыми) и т. д.

В с. Сурках Данковского района Липецкой обл. узоры: *в три краси* — три красные полосы в полотнище для праздничной юбки; *в одну крась* — одна полоса в сочетании с темными и желтыми полосами — для юбки траурной и «старушечьей»; *гулевкин узор* — в селе была повитуха Гулёвка, которая первая набрала этот узор, другие заимствовали у нее; *чили́кин узор* — впервые был подобран в семье Чиликиных.

Узор весь «подбирается в основе», т. е. при сновании берутся разноцветные нити, а «затыкают» всегда красными; для тканья идет пряжа, крученная в две нитки; красится она в мотках покупными анилиновыми красками.

Полосатая ткань для юбок употреблялась у русских в Рязанской обл. (Сараевский район между реками Вердой и Прой и Скопинский район), Тульской обл. (например, в с. Левенском) и Орловской обл., а также у белорусов (в окрестностях Минска и Гродна, на Могилевщине) и у украинцев (на Киевщине). Была она известна и у латышей, литовцев, поляков. У русских полосатой юбочной ткани во всех указанных местностях предшествовали другие местные типы тканей. У западных и южных славян и у народов Прибалтики полосатые юбки известны с XVI—XVII вв.; у южновеликорусов они связаны с однодворческим костюмом и, вероятно, существуют здесь также с XVI в. Ношение полосатых юбок у южновеликорусов отмечено мною именно в бывших однодворческих селениях.

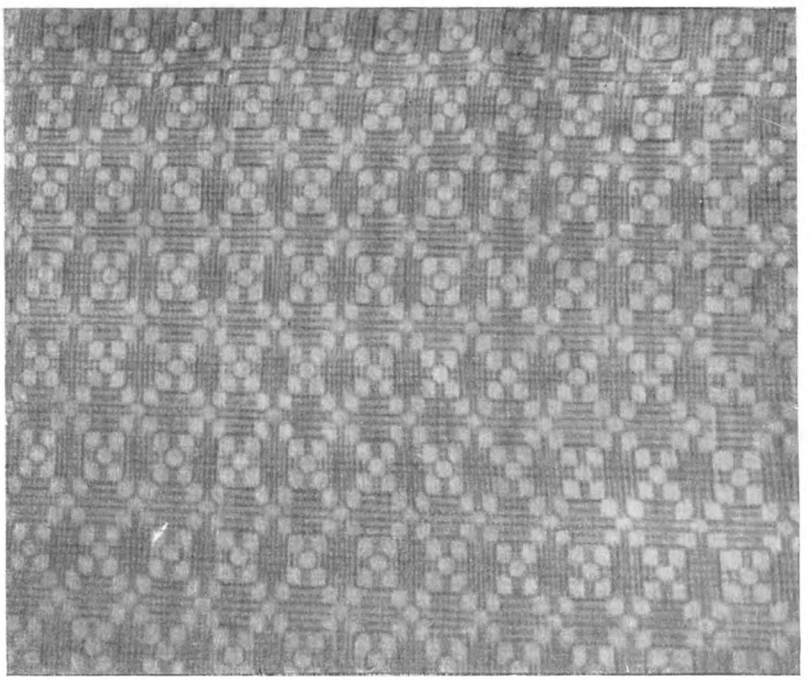
На четырех подножках

Шерстяные ткани, из которых хотят получить сукно, т. е. валяную ткань, ткут на четырех подножках, нажимая их подряд. Для узора «елочка» и «круги» (рис. 31) ход подножек: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 3-я, 2-я, 1-я, но разный порядок накидки основы в нити; для узора «доро́жки» — 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и т. д.

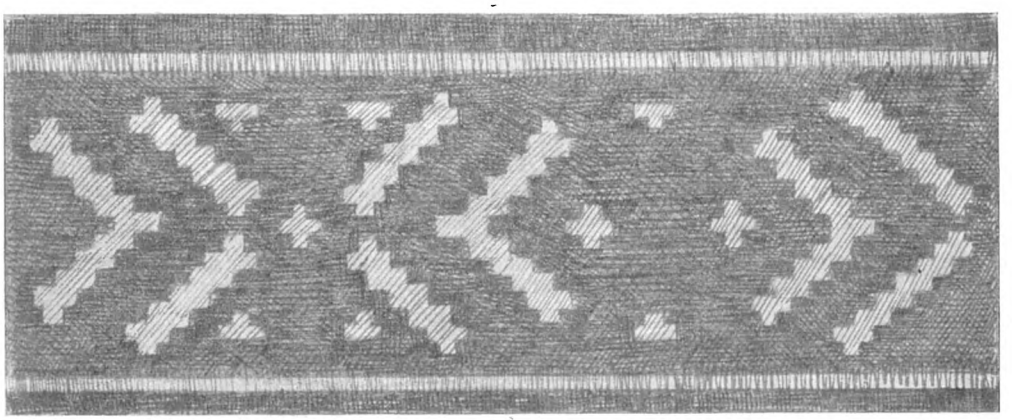
Тканье на четырех подножках широко распространено у русских и белорусов. Оно было известно уже в Киевской Руси. В Гродненском городище в слое XII—XIII вв. найдены «обрывки грубой шерстяной ткани — «сукна» коричневого цвета, вытканного в елочку»[1]. На четырех подножках ткут также одеяла и скатерти. Стан, заправленный *(навитой)* на узорное тканье (узор *хре́щик)* на четырех подножках, был приобретен мною для Центрального музея народоведения в 1927 г. в с. Пуховичи на Мозырщине (хранится в фондах ГМЭ). Основа накидана: пять пар на 1-й и 2-й нит (т. е. 1-я нить из пары в 1-й нит, 2-я нить из пары во 2-й нит) и пять пар на 3-й и 4-й ниты (т. е. 1-я нить из пары в 3-й нит и 2-я нить из пары в 4-й нит). Затем накидывание узора начинается сначала.

Подножки подвязаны попарно: 1-я и 3-я, 2-я и 4-я вместе. При тканье этого узора на стане из с. Пуховичи нужно нажимать на подножки в различной последовательности — в зависимости от того, ткут ли поле (фон), т. е. синие кубики, или узор — красные («червонные») и

[1] Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 281.



1



2

Рис. 31

1 — ткань, выполненная на четырех и более подножках, узор «круги» (с. Банищи Курской обл.); *2*—ткань, выполненная закладной техникой (с. Ягодное Сапожковского района Рязанской обл.)

желтые кубики; когда ткут поле, то нажимают вначале 1-ю и 4-ю, потом 2-ю и 3-ю подножки.

Когда ткут узор «червонный» кубик, нажимают 1-ю и 2-ю или 3-ю и 4-ю подножки; когда ткут желтый кубик — нажимают 3-ю и 4-ю подножки или 1-ю и 2-ю.

Употребляется два утка: синий ткет поле, красный или желтый ткет узор. Тканье поля и узора происходит одновременно в пределах куби-

ка — первый раз нажимается подножка для образования поля, второй раз — для образования узора. Когда крестьянка с. Пуховичи Евфросинья Ширневич ткала указанные узоры, мною было записано следующее чередование подножек:

	Подножки	Уток	
Желтый кубик	1-ая 4-ая	синий	Синие нити образуют поле, желтые — узор.
	1 „ 2 „	желтый	
	2 „ 3 „	синий	
	1 „ 2 „	желтый	
Красный кубик	1 „ 2 „	красный	Синие нити образуют поле, красные — узор.
	2 „ 3 „	синий	
	1 „ 2 „	красный	
	2 „ 3 „	синий	
	1 „ 2 „	красный	
	2 „ 3 „	синий	
	1 „ 2 „	красный	
Желтый кубик	3-я 4-я	желтый	Синие нити образуют поле, желтые — узор.
	1 „ 4 „	синий	
	3 „ 4 „	желтый	
	2 „ 3 „	синий	
	3 „ 4 „	желтый	
	1 „ 4 „	синий	
	3 „ 4 „	желтый	
Красный кубик	1 „ 4 „	синий	Синие нити образуют поле, красные — узор.
	1 „ 2 „	красный	
	2 „ 3 „	синий	
	1 „ 2 „	красный	

Набор основы в нитах для тканья на четырех подножках весьма сложен. Ткачихи пользуются схемами, которые составляют сами на бумаге карандашом.

Схема заправки основы нита для тканья одеяла в четыре нита (Домны Авдеевой из дер. Ермолово Пустошинского района Великолукской обл., 1953 г.)

Узор „картошный"

1 нит " " "

ткачества появился под влиянием фабричного тканья, а также специальных инструкторских школ для кустарного производства. Аналогичное явление наблюдалось у литовцев, латышей и эстонцев.

ЗАКЛАДКИ

Этот способ тканья заключается в том, что для утка берутся нитки разных цветов и уток пропускается не во всю ширину основы. Каждый цвет нитки ткет определенную часть узора. В тех местах, где нитки поворачивают назад, в ткани получается отверстие, вернее — узенькая щель.

Закладная техника тканья применяется как на горизонтальных, так и на вертикальных станах, но особенно удобно ее применять при работе на последних. Она была широко распространена при изготовлении ковров у южновеликорусов (Курской и Орловской областей) и у украинцев, а также при изготовлении *крас* для рубах и передников-«занавесок» у русских [1].

Большое распространение она получила у южновеликорусов (узоры *челноки, крюки, медведи, лягушки* и т. д.). В Рязанской области встречаются целые очаги бытования закладной техники: Курша, Пригородные слободы Сапожка, район Скопина (рис. 31, *2*); Рождествено Тульской обл., где отмечено большое количество изготовленных этой техникой крас — тканей с узорами *копьеца, барабанчики, крестцы, челноки* и др.; Алексеевка около ст. Навля Брянской обл.; отдельные районы Курской обл. и др. В западных областях Украины эта техника хорошо известна при тканье передников-«запасок».

В Белоруссии она мало распространена, однако в некоторых местах ее еще помнят [2]. Там, где не развилась широко закладная техника тканья, встречаются ее отдельные элементы, например, когда ткут с пропуском дополнительной уточной нити на определенных участках. Так именно делались поневы в Брянской обл. (с. Бояновичи), в западной части Орловской обл. (г. Льгов). Закладная техника широко применяется при изготовлении ковров в Курской и Орловской областях.

Фрагменты тканей, выполненных закладной техникой, обнаружены при раскопках курганов XI в. близ с. Ярцева Смоленской обл. (коллекция ГИМ).

БРАНЬЕ [3]

Название браная техника тканья происходит от «брать», «выбирать». Сзади за бердом отдельные нити основы выбирают, прокладывают прутком или подвязывают петлями из ниток. Выбранные нити поднимают сверх обычного получения зева, под них подкладывают дощечки или прутики, отчего нередко этот способ называется также тканьем *на дощечке,* тканьем *на прутиках.*

---

[1] Эта техника существует с давних времен. Она была известна еще в эпоху Нового царства в Египте; бытует в Индии, Китае; известна в Средней Азии, на Кавказе, у финнов Поволжья, болгар и других народов. Закладная техника аналогична «гобеленной» западноевропейской технике.

[2] Например, фартук из дер. Ремезы Ельского района Гомельской обл. с узором *пальцы* был приобретен мною для Центрального музея народоведения. Такие фартуки в XIX в. употреблялись также в Лельческом районе Белоруссии при жатве, причем один фартук надевался спереди, а другой сзади, и они привязывались красным поясом.

[3] Раздел «Браная техника» перенесен из ранней работы автора «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки», стр. 20—21.

Есть два способа тканья на дощечках — с одним и с двумя утками.

Браное тканье с одним утком заключается в следующем: при образовании очередного зева под группу выбранных ниток подкладывают доску, обычный зев при этом несколько нарушен; пропускается уток. Если выбрана одна группа ниток, то это называется тканьем *в доску,* если выбраны две группы — тканьем *в две доски* и т. д. Этот способ тканья применяется при производстве скатертей у всех групп восточных славян, но наибольшее развитие получил у северовеликорусов, средневеликорусов и белорусов.

Очень развита также браная техника у литовцев.

Раскопки курганов XII—XIII вв., произведенные Булычевым на р. Угре (коллекция ГИМ), обнаружили шерстяную ткань с клетками, выполненную браной техникой. Широко применялось «бранье» в Москве в царской мануфактуре XVI—XVII вв. В описаниях дворцового имущества постоянно упоминаются «браные» скатерти, «браные убрусцы».

При бранье с двумя утками идет собственно двойное тканье: полотна и узора. Когда образуют очередной зев и пропускают уток, вытыкается полотно; затем, не изменяя зева, поднимают выбранные нити и под них пропускают второй уток — вытыкается выпуклый узор. Заправленный для бранья с двумя утками стан из дер. Щербино б. Ельнинского уезда Смоленской губ. был приобретен мною для Центрального музея народоведения в 1926 г. Порядок набора узора «круги» на восьми досках на этом стане следующий [1]:

1-й ряд — три пары ниток вверх и одна пара вниз.

2-й ряд — три пары ниток вниз, три пары ниток вверх.

3-й ряд — пять пар по три вниз и одна пара по три вверх.

4-й ряд — три пары вверх, одна пара вниз.

5-й ряд — две пары вверх, три пары вниз.

6-й ряд — три пары вниз, пять пар вверх; три пары вниз, две пары вверх.

7-й ряд — одна пара вниз, три пары вверх.

8-й ряд — четыре нитки с конца вниз, потом три пары вверх, три пары вниз.

Все нитки, поднятые вверх, подвязываются в каждом ряду петлями.

Вторая половина узора начнется с подкладывания дощечки под группу нитей, выбранных в 8-м ряду, потом под группу нитей, выбранных в 7-м ряду, и так до первого ряда.

Набирание узора — процесс медленный. Для того чтобы набрать указанный узор для холста шириной в 5 пасм (250 нитей), ткачихе нужно затратить 6 часов. Но раз узор набран, можно наткать большое количество одинакового узора с небольшими промежутками между полосами. Эти полосы, отрезанные одна от другой, можно пришивать к разным вещам. Но это не всегда делается, так как для каждой вещи нужен свой узор. Если бы ткачиха наткала 200 одинаковых полос, то не смогла бы употребить их в течение многих лет; к тому же пришивные полосы считаются худшим украшением, чем непосредственно вытканные с полотнищем, предназначенным для той или другой вещи. Иногда эти полосы все же шли на продажу (например, на рынке в г. Скопине Рязанской обл. в 1930-х годах). Ткачиха обычно заранее высчитывает, какой длины будет, например, рубаха, сколько нужно *бранок* для полика, для рукава, чтобы через известное количество нитей утка пропустить узор. Готовый холст поэтому

[1] Количество подвязанных нитей при получении узора дается здесь со слов ткачихи.

1

2

Рис. 32. Узор ткани, выполненной браной техникой:

1 — конец запона (новый тип тканья „шленкой"), с. Ветчаны Касимовского района Рязанской обл.; *2* — ширинка (старый тип бранья), Рязанская обл.

представляет собой белое поле, прерываемое на разных расстояниях забранными, обычно красными полосами.

Сама техника бранья интересна тем, что здесь в станке с ремизками и подножками для получения добавочного зева применяются дощечки,— прием, который в истории развития ткацкого стана предшествовал развитию ремизки и берда [1] и который до сих пор известен у казахов и у черкесов [2].

Браная техника известна всем группам восточных славян. Слабее она выражена у украинцев, а наиболее широкое применение получила у южновеликорусов и у белорусов. Узоры, вытканные последними, очень близки по характеру к узорам, выполненным браной техникой у литовцев. Узоры выполнены красной бумагой и весьма разнообразны: *круги, репьи, кресты* (рис. 32).

Севернорусская экспедиция Института этнографии Академии наук в СССР в 1948 г. установила очаги многоцветного браного тканья в Вологодской (Велико-Устюжский район) и в Архангельской (Приморский и Каргопольский районы) областях. Узоры *забранных* подолов-юбок и утиральников выполнены красной бумагой, шерстью и разноцветным гарусом. Забиранье гарусом у северновеликорусов Г. С. Маслова относит ко второй половине XIX в. [3]; известно оно также южновеликорусам и литовцам и относится у них к тому же периоду. Узоры располагаются поперечными полосами с наиболее широкой центральной полосой. Элементы узора — геометрические фигуры (ромбы, кресты, меандры) и геометризированные фигуры животных (олени).

Браная техника тканья очень близка к браной технике при вышивании иглой. По готовым образцам трудно различить, сделана ли ткань на ткацком стане или «выбрана» иглой.

СЛОЖНОЕ ТКАНЬЕ

На четырех подножках при двух основах с бральницами

При этой технике тканья снуют двойную основу — две нитки белые «портяные» и две нитки «суконные», т. е. шерстяные. Эта техника описана Б. А. Куфтиным. Ткут на четырех подножках — «2 цапка белых и 2 цапка суконных» (красных и синих), т. е. двумя ремизками захвачены все белые нитки, каждой ремизкой через одну, а двумя остальными — суконные [4]. Работают три челнока — один с белой портяной ниткой, другой с шерстяной красной, третий с шерстяной синей. При первом нажиме подножек пропускают белый уток, при втором нажиме — красный или синий уток. Мастерица так объясняла собирателю этот способ тканья: «Сначала одну белую потоплю, ширяю белый уток внизу, потом одну красную подыму, пускаю красный уток наверху» [5].

Судя по готовой ткани, можно предположить, что при ходе подножек — 1-я, 3-я, 2-я, 4-я — получается двойная ткань: «портяная» подкладка и «суконный» верх. Цветной узор достигается путем вкладывания дополни-

[1] Б. А. Куфтин. Киргиз-казаки. М., 1925, стр. 41; его же. Материальная культура русской мещеры, стр. 59.

[2] Казахский и черкесский станы этого типа хранятся в коллекциях ГМЭ, фонд ЦМН.

[3] Г. С. Маслова. Узорное тканье на русском Севере. КСИЭ, XI, М.—Л., 1950. стр. 14.

[4] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 58.

[5] Там же.

тельных дощечек позади нита *(бральниц)*, которые образуют дополнительный зев, т. е. нарушают правильное чередование нитей основы, выполняемое ремизками.

Таким образом, этот тип тканья является своеобразным сочетанием тканья на подножках с браной техникой; поневы, тканные этой техникой, дают большое разнообразие орнамента. Наименование узоров отмечает не наиболее бросающиеся в глаза части узоров, а менее с первого взгляда заметный рисунок сетки тканья. Линия меандра называется *коситницей;* прерывающийся меандр — *полукоситницей;* меандр, расположенный четырехугольником,— *гребенкой, грабельницей.* Четырехугольник с зубчиками, тканный на шесть ниток, называется *репетница* или *конитница.* Меандрический орнамент ведет свое начало от эпохи ранней бронзы и известен и в восточнославянских культурах Оки и верхнего Днепра. Сейчас он встречается у касимовских и тамбовских татар. Одна группа их — древнее тюркоязычное население, другая — военно-служилые люди, поселенные в XVI в.; обе группы смешались здесь с мещерой и восприняли от нее местный орнамент, восходящий к эпохе бронзы [1].

В конце XIX в. тип понев, выполненных описанной техникой, был распространен в Рязанской губ.: в б. Парахинской волости Касимовского уезда, в Тумском районе по р. Нарме, в селах Палищи, Кузьмино; более древняя его разновидность известна в б. Прудковской и Палищинской волостях [2]. Соседние селения называют их поневами со *змеями* и *ястребами.*

Другой разновидностью этого типа тканья является понева со своеобразным орнаментом, ромбическая сетка которого называется *челноки* (рис. 33); основа у нее конопляная, заправлена на четыре ремизки, ход подножек — 1-я, 2-я, 3-я, 4-я; для получения узора применяются бральницы; уток у нее — сученая шерстяная нитка. Основной район ее бытования — семь селений по р. Курше (у «куршаков»), по тракту Касимов — Темников и к северу от Мокши [3].

Летом 1950 г. автором этой работы и Б. А. Васильевым был найден новый очаг бытования этого типа поневы в Рязанской обл. около ст. Салтыковка по линии Сасово — Вернадовка; здесь жительницы пяти селений — Салтыково, Шафторка, Каменец, Студенец, Ряньзя носят такие поневы до сих пор и умеют их ткать. У мастериц-ткачих имеются образцы узора поневы, *редко затканные,* по ним они и выбирают нити.

Поневы эти встречаются двух цветов — красные и синие. Делают их в упрощенном виде, с двумя ремизками «в три цапка», т. е. нита. В б. Касимовском уезде Рязанской губ. в селах Жданово, Телебукино, Шостье, Колесниково, Акулово узор называется *огнивцы*; в селах Ибердус, Волково-Марьино — *челночки, ушки*; в селах Колесниково, Акулово, Телебукино — *развилки;* в селах Чарус, Китово — *репьи* и т. д. [4].

Б. А. Куфтин считает, что такую поневу носили женщины у древних славян, представлявших «остатки того же самого населения, которое, некогда занимая обширную область вдоль берегов Оки, оказалось разорванным более новым потоком южной колонизации» [5], принесшим с собой окающий говор и клетчатую синюю поневу и оттесненным затем за Оку.

---

[1] Н. И. Лебедева. Отчет о летних работах 1924 г. по археологии в окрестностях г. Касимова. «Вестник рязанских краеведов», Рязань, 1925, № 1 (5), стр. 3. Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 63.

[2] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 55.

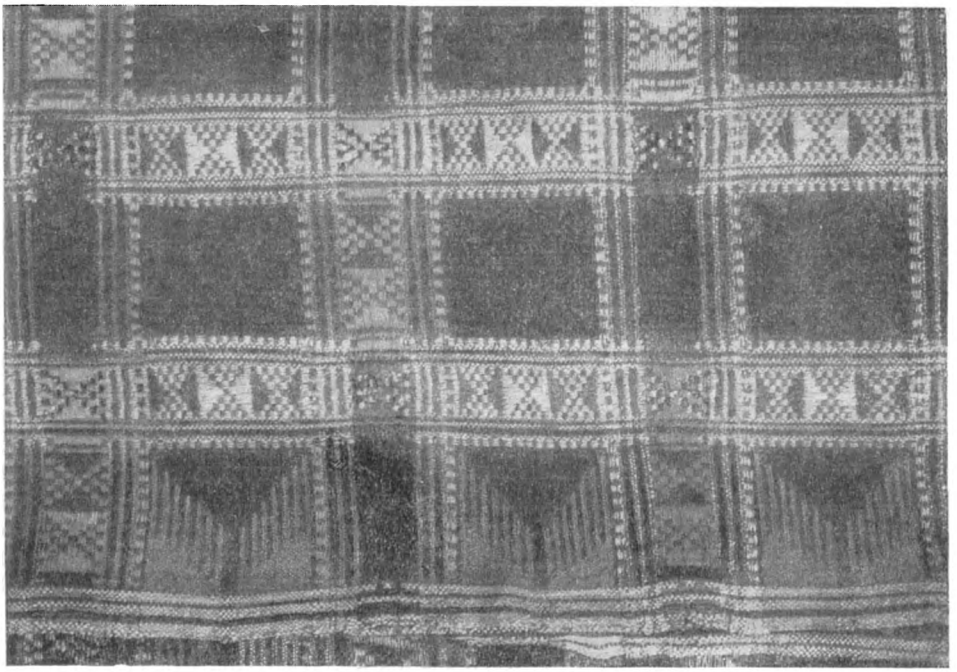
[3] Саватьево, Усково, Коротково б. Елатомского уезда; Курша, Колесниково, Ветчаны б. Касимовского уезда Рязанской губ., Токмаково б. Темниковского уезда Тамбовской губ. (Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 54—55).

[4] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 68—69.

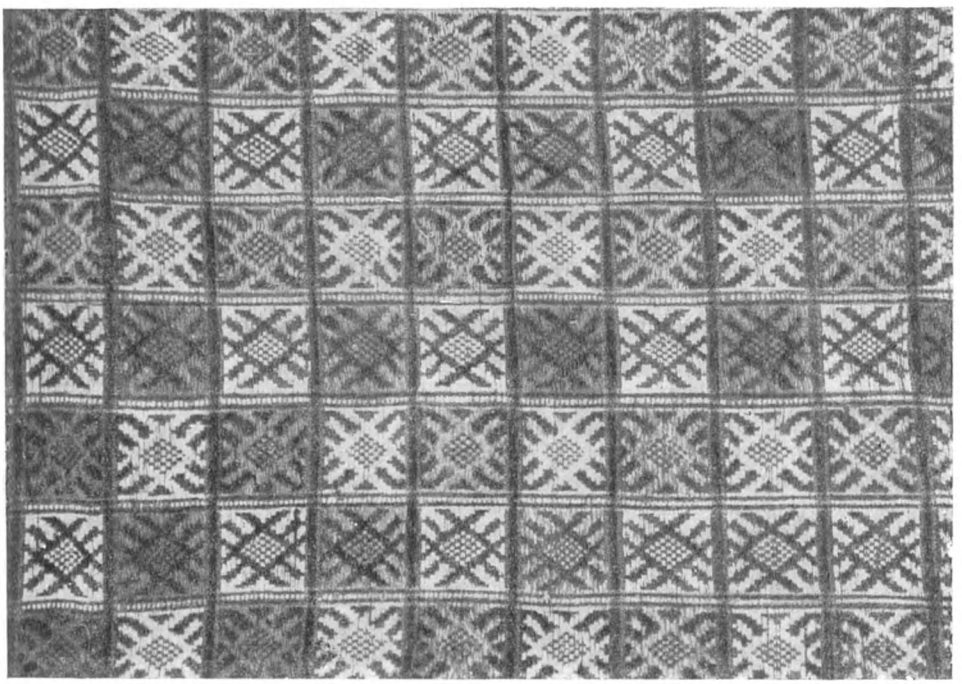
[5] Там же, стр. 73—74.

Рис. 33. Ткань для понев, выполненная браной техникой в сочетании с тканьем на четырех подножках (узор „челноки"), с. Култуки Касимовского района Рязанской обл.:

1 — с изнанки; *2* — с лица



1



2

Рис. 34

1 — украинская плахта, тканная на подножках (с. Головчинцы Жмеринского района Винницкой обл.); *2* — плахта, тканная на куколках (Полтавщина)

В другом месте он высказывает мысль, что обладателем этого типа поневы было «ядро туземного населения, лишь к XIII веку становившегося заметно русским» [1].

На четырех подножках при одной основе с бральницами

Этот тип тканья связан с изготовлением плахт на Украине, близким по технике к тканью понев в северных районах Рязанской обл. Разница в тканье заключается в том, что здесь имеется одна основа и один уток и двойной ткани не получается. Узор достигается движением подножек и получением второго зева от движения бральницы. Образцом может служить плахта из с. Великие Сорочинцы на Полтавщине (ГМЭ, фонд Музея народов СССР). Эта плахта сделана в 1860-х годах, крашена растительными красками, в ее основе лежат красные и синие нити, расположенные широкими полосами. Уток красный и синий. Сочетание основы и утка дает тип шашечного тканья. Белые нити основы, поднимаемые бральницами, образуют узор. Растительный узор называется *рожава* — это цветок «бабья рожа», который здесь передается в несколько стилизованном виде на одной плоскости. Подобным же образом выткана плахта из с. Головчинцы (хранящаяся там же) (рис. 34, *1*).

На куколках

Другой вид тканья украинских плахт — тканье *на куколках*. Оно называется так потому, что нити для узора наматываются на круглые бумажные трубочки — *куколки* (рис. 34, *2*). Здесь имеет место сочетание тканья на двух подножках с закладной техникой. Полотно ткется как простой холст, при помощи двух подножек; узор ткется вторым утком разноцветными нитями закладной техникой, т. е. узор как бы вышивается по готовой ткани.

Близко к этой технике бранье шлёнкой на ткани, идушей на изготовление фартуков, когда второй уток не пропускается насквозь, а укладывается на определенных участках. Оно известно у тех же «куршаков», у литовцев и удмуртов.

Происхождение способа тканья на куколках, повидимому, связано с вышиванием понев браной техникой, которое было известно, например, еще в XIX — начале XX в. в Орловской, Курской и Воронежской областях.

---

[1] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 85.

VII. ОБРАБОТКА ГОТОВЫХ ТКАНЕЙ

БЕЛЕНИЕ ХОЛСТА

Основной способ беления холста — беление на солнце. Окунув холст в воду, его кладут на камень и колотят *вальками* (*пральником, прачей*) (южновеликорусы, северновеликорусы, украинцы), а в некоторых местах Белоруссии, где валек неизвестен, холст топчут ногами (дер. Беляевка около Чечерска). Затем холст расстилают на лугу мокрым. С белением на солнце соединяется золение холста. Холст на ночь кладут в котлы и заливают щелоком — раствором березовой золы в воде. В южной Белоруссии, на Черниговщине, в западных частях Орловской и Курской областей применяется бучение холста. Существуют особые буки — *жлу́кто* — выдолбленные колоды без дна с двумя крестообразно положенными перекладинами в середине. Холст складывается в этот бук, его заливают горячей водой или щелоком; после этого холст расстилают на траве. Бучат иногда на берегу реки; в этих случаях разводят костер, греют воду и заливают холст в буке.

В Пензенской обл. (с. Вяземка Земетчинского района) холст при белении толкут в ступе или в *стула́ке* (небольшая колода, лежащая горизонтально, с круглой выемкой посередине).

ВАЛЯНИЕ СУКНА

У восточных славян известно три способа валяния сукна: 1) валяние ногами, 2) валяние по шероховатой поверхности, 3) толчение в ступе и толчеях с ветряными или водяными приводами.

Валяние ногами — древний способ. На кровать или на лавку стелили доски, на них раскладывали сукно и поливали его понемногу, но непрерывно горячей водой. Двое мужчин ложились друг к другу ногами и поочередно двигали сукно то к себе, то от себя.

Второй, более новый способ заключался в том, что сукно накатывали на скалки и, поливая водой, катали рубелем по валяльным решеткам или по столу с рубцами (дер. Китовишки, Подберезье Новгородской обл.), или по кадке, обмотанной веревками.

Валяние сукна по рубчатой поверхности однотипно с валянием войлоков, шапок и валенок и, вероятнее всего, с ним связано. При валянии на решетках в Верее Спас-Клепиковского района и в Лесном-Ялтунове Конобеевского района Рязанской обл. соседи обычно помогали друг другу. Двое мужчин становились по одну сторону решетки, а двое по другую. Сукно двигали друг к другу, женщины же поливали его горячей водой.

Помощь соседей была особенно необходима при тяжелом процессе выработки сукна.

Третий способ — толчение в ступе — известен у белорусов и у южных великорусов; возможно, этот способ был известен и в Новгородской обл. Для толчения сукна употреблялась та же ступа, что и для толчения льна и конопли. В юго-западной части Белоруссии и в западных областях Украины для толчения сукна употреблялись ножные ступы. Аналогичная ножная ступа была известна и в с. Подхожем Тульской обл.

Водяные и ветряные толчеи представляют собой систему ступ с *пехтелями* (т. е. пестами). Пехтель приводится в движение валом, который связан с водяным колесом мельницы (Московская слобода, г. Крапивна Тульской обл.) или с приводом ветряной мельницы (Подберезье Новгородской обл.). При валянии сукна на толчее оно также поливалось горячей водой.

ЛОЩЕНИЕ ШЕРСТЯНЫХ ТКАНЕЙ

Готовую ткань для юбок отдавали лощить под *жом*, т. е. под пресс.

Материю для юбок наматывали на картон и затем юбки (а их лощили сразу несколько) перестилались картоном. Сверху накладывались бруски горячего железа. Свернутые таким образом юбки клали в лощилку. Прибор этот состоит из двух столбов в 1,8 м высотой с перекладиной в 1,8 м длиной; в середине перекладины находится металлический винт, на нем дубовый круг с железным обручем, на котором четыре ручки; толщина круга 13,5 см; внизу под кругом две доски размером 1,8 кв. м, каждая толщиной 4,5 см. Между этими досками клали картон с материей и туго прижимали винтом. Материю оставляли в досках на сутки, потом вынимали. После лощения материя становилась блестящей и без волосков (Сурки Данковского района Липецкой обл.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В народном прядении и ткачестве восточных славян в дореволюционное время сохранялось в крестьянской среде много начальных форм производства — без применения орудий, например обмолот конопли руками, мятье льна ногами, топтание холста ногами при стирке его в реке, собирание руками шерсти с животного во время линьки, валяние сукна ногами, получение ниток без веретена (верчь), разматывание мотков с рук, «живой стан». Это еще раз подтверждает древность ткачества и ставит вопрос о существовании его, а также и прядения еще до появления пряслица и веретена. Следовательно, находки этих орудий, относящиеся к эпохе неолита, говорят лишь о переходе к механическим приспособлениям, а этому мог предшествовать большой промежуток времени, когда нитки и «плетенки» (пояса, оборы и т. п.) изготовлялись без помощи каких бы то ни было орудий.

2. Организация труда при «живом стане» с главенством руководительницы-женщины, возможно, является отголоском тех производственных отношений, которые существовали еще в родовом матриархальном обществе. На ту же мысль наводит и обычай посиделок, на которых хозяйками были девушки.

3. Ряд орудий производства возник в результате стремления людей создать приспособления, заменяющие работу человеческой руки или ноги. Бросальница, например, появилась как подражание сниманию головок конопли и льна растопыренными пальцами руки, как и гребень для чесания растительного волокна и шерсти; лапа как подражание способу обмолота ступней ноги.

4. Орудия производства, применяемые в домашнем прядении и ткачестве, во многих случаях служили и для других целей, например лучок-струна для разбивания шерсти и лук для стрельбы, лучок для добывания огня и для изготовления веретен (точильный лучок).

Орудия для молотьбы льна и конопли были одновременно орудиями для молотьбы хлеба; валек применялся и при мытье белья. Ножницы для стрижки овец были универсальными в крестьянском хозяйстве. Гребенкой для расчесывания волокна обычно расчесывали и волосы. Мялки для конопли и льна были ранее кожемялками. Ступа для толчения волокна служила также и для отолакивания проса и для толчения пшена на муку. Ножные приводы, когда они вошли в употребление, были применены к ткацкому станку и ручной самопрялке. Появление водяных мельниц на Руси (а они были известны уже в XII в.) дало возможность использовать их приводы на толчеях для льна и конопли и на сукновальнях;

появление ветряных мельниц в XVII в. в Московском государстве дало ветряные приводы к толчеям и сукновальням.

5. Можно установить следующее распределение элементов прядения и ткачества по времени их появления.

В неолите существовали прялки трех типов, с разными территориями распространения, два типа гребня с соответствующими территориями распространения и чесальная щетка, обнаруженная на одной из этих территорий, тканье на дощечках, тканье полотняного переплетения, пряслице и, следовательно, веретено. Пряли крапиву, культурный лен, шерсть. По материалам городищ дьякова и городецкого типа установлено наличие в тот период вертикального ткацкого стана, тканья на дощечках и на бердечке и, возможно, ножниц для стрижки овец.

У славян в VI в. применялось трепало; с IX—X вв. известен горизонтальный ткацкий стан, а с XI в.— браная и закладная техника и тканье на четырех и более подножках.

В эпоху феодальной раздробленности были созданы локальные типы ткацких станов, тканей, северных трепал, прялок. В позднейшее время на территории восточных славян вырабатывались различные типы тканей, которые становятся типичными для русских, украинцев и белорусов: 1) синяя клетчатая понева и тяжелая браная понева у южновеликорусов; 2) плахта у украинцев; 3) полосатые и клетчатые юбки у белорусов. Появление всех этих типов тканей относится к очень отдаленным временам, но характерные их особенности в расцветке и прочем, вероятно, выработались вместе с процессом образования национальных особенностей русских, украинцев и белорусов.

6. Исходя из территориального распространения орудий и технических приемов прядения и ткачества, можно выделить элементы, общие всем группам восточных славян. Общими для них являются мялки, трепала, прядение на веретене, моталки-«кресты», снование по стене, горизонтальный ткацкий стан с бердом и подножками, который имеет локальные вариации лишь во второстепенных своих частях, браная и закладная техника тканья и многоподножное тканье, имеющие, конечно, ряд локальных особенностей.

Древнейшие из этих элементов прядения и ткачества говорят об общности культуры восточных славян, восходящей к эпохе Киевской Руси и к более ранним временам. Общими для восточных славян являются также новые формы орудий, проникшие, повидимому, в крестьянское прядение и ткачество из русской мануфактуры: моталки-бараны, вертящиеся сновалки, самопрялки, некоторые детали ткацкого стана: блочки, рябушки, подножки, «станина с поднебником».

Капиталистическая мануфактура, развившись на базе крестьянских промыслов XVI—XVII вв., в свою очередь оказала сильное влияние на народное прядение и ткачество.

7. В способах и приемах прядения и ткачества, характерных для великорусского населения, выделяются локальные элементы:

1) Южновеликорусское прядение и ткачество

Для него характерны: цеп, валек, вертикальный гребень, вилкообразная прялка, горизонтальный ткацкий стан с косой, тканье на трех подножках, черная пониточная шерстяная ткань для онуч, закладная техника, принявшая весьма своеобразные формы и расцветку, распространенность тканей из конопли, употребление в шерстобитном деле струны. У южновеликорусов в элементах прядения и ткачества отмечаются общие черты

с финно-тюркскими народностями Поволжья и с древней мещерой. Мещера, по всей вероятности,— племенная угро-финская группа, с XIII в. обрусевшая, которая вошла в состав восточной части южновеликорусов и определила некоторые (второстепенные, локальные) особенности их культуры. Кроме того, в культуре южновеликорусов прощупывается как будто еще более древний «угорский» слой, общий с манси и хантами. Это проявляется в наличии тканья на бердечке, горизонтального стана с косой и некоторых очень характерных элементов орнамента и др.

2) Северновеликорусское прядение и ткачество

Северновеликорусы, как известно, по диалекту и по многим элементам культуры — одежде, жилищу, обрядам и прочему — имеют особые черты. Это сказывается и в прядении и ткачестве. В северновеликорусском ткачестве отмечается, во-первых, слой, общий с Прибалтикой: прядение на вилочке, драчки, карды, латышский нит; во-вторых, специфический «ильменский слой» (главным образом в Приильменье и областях новгородской колонизации на севере): лапа, щетка, «спица кована» для притыкания кудели; в-третьих, слой, общий со средневеликорусами и белорусами: лопатообразная прялка, горизонтальный ткацкий стан из копани, тканье на трех подножках, браная техника при одном утке.

3) Средневеликорусское прядение и ткачество

Смешанность северно- и южновеликорусских элементов прядения и ткачества на территории центральных областей связана с выделением особой, более поздней средневеликорусской группы, сложившейся на территории Московского государства и проникшей на север, на юг и на восток.

Этот вывод совпадает как с данными истории русского языка, так и с этнографическими данными, полученными на основании изучения других элементов средневеликорусской культуры — жилища, одежды, обрядов и др.

Отмеченные выше особенности северно- и южновеликорусского прядения и ткачества и особенности других сторон быта объясняются наличием в культуре северно- и южновеликорусов архаичных элементов, восходящих к эпохе существования древних племенных объединений. Что же касается средневеликорусов, то для их культуры характерно позднее соединение в органическое целое элементов культуры как северно-, так и южновеликорусов.

8. В ткачестве и прядении других двух восточнославянских народов — украинцев и белорусов — резко выделяются особенности, характерные для правобережной и юго-западной Украины, включая Прикарпатье, и юго-западной Белоруссии: палкообразные прялки, круглые гребни, закладная техника тканья. Этот культурный ареал некоторые исследователи связывают с расселением племенной группы волынян, вошедшей в состав белорусов и украинцев [1].

9. Таким образом, мы приходим к общему выводу, что все рассмотренные выше орудия и технические навыки прядения и ткачества составляют общее культурное достояние восточных славян. Ткани же являются одним из элементов культуры и быта, отличающих одну национальность от другой, причем специфика тканей выражается преимущественно в их орнаменте и расцветке, выработанных русским, украинским и белорусским народами.

[1] А. А. Спицын. Основные русские племена. Сб. «Культура и быт населения ЦПО». М., 1929, стр. 20—29.

Схема 1

Получение материала и его первичная обработка (XIX—начало XX в.)

Источники получения	Способ получения	Орудия обработки		Продукция
		основные	новые формы	
I. Домашние животные:				
овца	Стрижка	Ножницы	Ножницы с электрическим приводом	Шерсть-„волна" осенняя, весенняя, поярка
корова				
верблюд	Соскабливание	Скребок Бритва	—	Шерсть
кролик, коза	Вычесывание	Гребень	—	Шерсть
II. Волокнистые растения				
	Дерганье			Лен-дерганец Посконь Моченец

Схема 2

Последовательность процессов подготовки к домашнему прядению и ткачеству шерсти, льняного и конопляного волокна и орудия производства (XIX—начало XX в.)

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
I. Шерсть	Чесание	Гребень		Шерстобитка	„Жилка"
	Битье	Струна			Шерсть битая
II. Волокнистые растения:		Карды			
Лен	Молотьба	Валек Лапа	—	—	Лен-стебель и лен-семя
	Срезывание головок	Коса Нож	—	—	
Конопля-моченец	Молотьба	Цеп	—	—	Конопля-стебель и конопля-семя
		Околачивание о скамью			
Стебли льна, конопли-моченца и поскони	Мятье	Мялка	Ступа с пестом (ручная или ножная)	Мялка вальцовая Толчея	Волокно и кострика
Волокно льна, конопли-моченца и поскони	Трепанье	Трепало	—	—	Мычка, отрепья, кострика
Мычка льна, конопли-моченца и поскони	Чесание	Гребень и гребенка	—	—	Кудель
Кудель	Мыканье	Щетка			Кудель и пачеси

Схема 3

Последовательность процессов домашнего прядения и ткачества (шерсть и растительные волокнистые вещества) (XIX—начало XX в.)

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
I. Шерсть битая чесаная	„Жилку тянуть" (с гребня)				Пряжа
II. Лен и конопля	Прядение	Веретено	Гребень или прялка	Самопрялка	Пряжа
Кудель	То же				
Верховина	„ „				
Отрепья	„ „				
Пачеси	„ „				
Пряжа	Снование	Крюки, лопатки, колышки (при сновании на стене)	Юрок	Сновалка рамочная или вертящаяся	Основа
„	Подготовка утка	Цевка	Сукало	Самопрялка	„Цевки"
III. Основа	Навивка на стан:				
	1) протягивание пробы	Бердо	—	Ритки	„Кросна" (основа, заправленная на стан)
	2) навивка на навой	Навой пряжный	—		
	3) кидание в нит	Нит	—		
	4) проборка через берда	Бердо	—		
	5) навивка на полотняный навой	Навой полотняный и пруток	—		
IV. Кросна	Тканье	Стан ткацкий, челнок с цевкой	Правило	—	Холст или шерстяная ткань

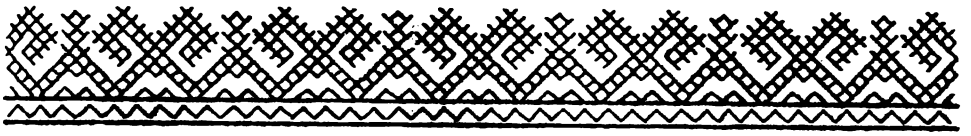
Схема 4

Обработка готовых тканей при домашнем производстве (XIX—начало XX в.)

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
Холст	Беленье	Валек Ступа с пестом	Бук	—	Беленый холст
Шерстяная ткань	Валянье	Рубель Решетка Ступа с пестом	—	Валюша Толчея	Сукно
Шерстяная ткань	Лощенье	Лощилка	—	—	Лощеная ткань

Г. С. МАСЛОВА

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В XIX—НАЧАЛЕ XX в.



ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей работы — обобщить данные о народной одежде русских, украинцев и белорусов в основном XIX — начала XX в.

Одежда — один из основных элементов материальной культуры народа. Помимо своего основного назначения — защиты тела, одежда является выразителем социальной, племенной, национальной принадлежности. Она теснейшим образом связана с историей народа и представляет ценный источник для изучения его культуры, его художественного вкуса.

Анализ восточнославянской одежды помогает осветить пути развития материальной культуры русских, украинцев и белорусов, выявить общие черты в одежде этих народов, связанных общностью происхождения и близостью исторических судеб, а также специфику одежды у каждого из них. Одежда позволяет проследить историко-культурные связи восточных славян также и с другими славянскими и неславянскими народами.

Основным объектом настоящего исследования является крестьянская одежда, так как тип национальной одежды сохранялся в рассматриваемый период преимущественно в деревне. Кроме того, такое сужение объекта исследования в значительной мере определяется характером этнографического материала, имеющегося в нашем распоряжении и дающего представление главным образом о крестьянской одежде.

Однако везде, где было возможно, привлечены сведения об одежде горожан: рабочих, ремесленников. В качестве сравнительного материала используются данные об одежде купечества, а для более древнего времени — боярско-дворянской среды и посадских людей.

Обобщая материалы XIX — начала XX в., автор считает необходимым по мере надобности делать экскурсы в более отдаленные исторические периоды с целью выяснения истории или генезиса явления.

Сведения, позволяющие судить об одежде древней Руси, довольно скудны. В славянских погребениях и кладах найдено множество украшений, но одежда, ткани, за немногими исключениями, в них отсутствуют. Ценные сведения дают письменные источники, особенно русские летописи и сообщения средневековых арабских писателей, однако об одежде в них упоминается лишь вскользь. Миниатюры, фрески, иконопись XI—XII вв. и более позднего времени также являются ценнейшим источником для изучения одежды, но в них изображаются преимущественно церемониальные княжеские костюмы, народная же одежда воспроизводится очень редко. Особенно мало данных об одежде на Руси периода феодальной раздробленности. Значительно больше сведений имеется об одежде периода формирования и развития Русского централизованного государства. Многочисленные описи имущества монастырей, соборов; описи царских одежд и утвари, сосредоточенные в то время

главным образом в Оружейной палате; немногие сохранившиеся описи имущества посадских людей и крестьян; миниатюры, иллюстрирующие рукописи XV—XVII вв.; описания и гравюры, сделанные иностранцами, посетившими Московию (Герберштейн, Флетчер, Мейерберг, Олеарий),— все это дает значительный материал о русском быте различных классов того времени, в частности о русской одежде. Однако и эти данные оставляют много неясного; так, например, краткость описания не дает возможности отчетливо представить покрой одежды; изображается преимущественно одежда царская и боярская, хотя и сохранявшая еще в какой-то степени черты, общие с одеждой народа, но в целом резко отличавшаяся от нее.

В XVIII в., с развитием этнографической науки, появились специальные труды, посвященные описанию быта народов России. Среди них выделяется известная сводная работа «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», содержащая также описание одежды русских, украинцев и белорусов (т. IV, изд. 2-е, СПб., 1799) и снабженная иллюстрациями. Книга Ригельмана «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, собрано и составлено чрез труды... Александра Ригельмана, 1785—86 года» (издана в Москве в 1847 г.) также содержит ценные зарисовки одежды различных сословий и классов Украины конца XVIII в. Ценными этнографическими источниками являются топографические описания, например «Генеральное соображение по Тверской губернии» конца XVIII в. (Тверь, 1873); «Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году» (Владимир, 1906), откуда мы узнаем, например, о бытовании в значительной части Владимирской губ. поневы, уже исчезнувшей в XIX в.

В XIX в. интересы развивающейся этнографической науки были обращены главным образом на изучение устного поэтического творчества, семейного и общественного быта народов. Лишь в конце XIX — начале XX в., с развитием музейного дела, внимание этнографов все более привлекала материальная культура, в частности народная одежда. Опытом описания одежды русских, украинцев и белорусов является «Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, составленное хранителем музея проф. В. Ф. Миллером» в 1890-х годах, главным образом на основании экспонатов этнографической выставки 1867 г. в Москве. Тогда же появился ряд этнографических работ, посвященных народному костюму русских [1], украинцев [2] и белорусов [3].

---

[1] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1. М., 1877; В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, вып. 2. М., 1893; Е. Елеонская. Женский костюм пригородных деревень г. Козельска. ЭО, кн. XXVIII. М., 1908, № 3, стр. 99—101; Д. О. Святский. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний. «Живая старина», СПб., 1910, вып. 1—2, стр. 3—17; Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. (Работа посвящена вопросам диалектологии, но содержит много данных о распространении основных типов русской одежды); В. В. Богданов. Из истории женского южновеликорусского костюма. ЭО, кн. CI—CII, М., 1914, № 1—2, стр. 127—154; Н. Ф. Яковлев. Материалы по одежде донских казаков. ЭО, кн. CIX—CX. М., 1916, № 1—2, стр. 99—101.

[2] Я. Ф. Головацкий. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб., 1877; Б. Познанский. Одежда малороссов. «Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове», III. М., 1902, стр. 178—210; Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916, стр. 455—647.

[3] Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные). Витебск,

В этнографических работах по народному костюму XIX — начала XX в. отразились черты методологии того времени. Некоторые авторы идеализированно изображали крестьянский быт, не замечая классового расслоения крестьян, отразившегося в их одежде. В некоторых работах проявились буржуазно-националистические тенденции, например у Ф. К. Волкова. Его труд «Этнографические особенности украинского народа» является первой и пока единственной сводкой по этнографии украинцев. Ценный фактический материал, сосредоточенный в этой работе, заставляет обращаться к ней; однако к выводам автора, в которых отразилась его концепция, следует отнестись сугубо критически. Ф. К. Волков искусственно изолирует явления народного быта украинцев от быта русских и белорусов (игнорируя культурную общность этих народов) и часто считает «особенностями украинцев» те явления, которые оказываются общими для всех восточнославянских народов.

Значительная часть дореволюционных работ носит чисто описательный характер; однако многие авторы глубоко понимали вопросы изучения народного костюма, пытались выявить связь его с социальной средой и подойти к вопросам этногенеза отдельных групп восточных славян [1].

После Великой Октябрьской социалистической революции с развитием этнографических исследований, получивших широкий размах, изучению материальной культуры и, в частности, народной одежды восточных славян стало уделяться большое внимание. В 1920—1930-х годах появился ряд трудов об одежде великорусов. Из них особенно важны исследования Б. А. Куфтина и Н. И. Лебедевой [2]. Эти работы ценны не только тем, что в них опубликован ранее неизвестный материал, собранный с учетом новейших требований этнографической науки, но и тем, что в них одежда рассматривается как один из источников, помогающих осветить вопросы этнической и культурной истории народа. Классификация одежды и методика ее изучения, связь одежды с конкретной культурно-исторической средой, выяснение этногенеза отдельных групп населения при помощи данных об одежде — вот те проблемы, которые интересуют исследователей. Однако недостаточный историзм, а в некоторых случаях односторонность в использовании источников являются недочетом многих из этих работ.

Внимание этнографов привлекали и вопросы происхождения отдельных элементов восточнославянской одежды, и их социальной роли; следует отметить, что здесь у некоторых авторов сказалось отрицательное влияние «нового учения о языке».

В целом этнографические исследования по народному костюму в послереволюционный период отражают новый этап в развитии этнографической науки — широкое накопление фактического материала и попытки его научной интерпретации.

Можно назвать немало работ об одежде отдельных этнографических групп или районов. Особое внимание этнографов привлекли южные великорусы [3]. Значительно менее подверглись изучению северные велико-

---

1895; «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном», т. III. СПб., 1902; Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 8. Вильна, 1912.

[1] В. В. Богданов. Указ. соч.; Д. К. Зеленин. Великорусские говоры...

[2] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. М., 1926; Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 годах), ч. 1. М., 1927, и др.

[3] М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925; ее же. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга,

русы, относительно одежды которых нет обобщающих монографий [1]. Несколько статей имеется об одежде населения средней полосы [2], а также русских Сибири. Наиболее значительный интерес представляет статья Н. П. Гринковой, помещенная в сборнике по этнографии русских переселенцев на Алтае [3].

Из работ об украинской одежде можно упомянуть небольшую статью В. Белецкой [4], а из работ последних лет — статьи М. Н. Шмелевой об одежде украинцев Закарпатья [5], основанные на материалах многолетней полевой работы автора. М. Н. Шмелева, указывая на общность черт одежды населения Закарпатья с общеукраинской одеждой, выявляет основные локальные типы («комплексы», по терминологии автора) и их варианты, характерные для украинцев Закарпатской области.

По белорусской одежде имеется статья А. К. Супинского [6]. На основной концепции ее сказалось то, что автор находился тогда под сильнейшим влиянием марризма.

Белорусской Академией наук в 1951 г. был издан альбом белорусского народного искусства, в котором народной одежде отведено значительное место. Однако одежда представлена в ряде красочных таблиц только как предмет художественного народного творчества и без подробного объяснительного текста [7].

Первые попытки сравнительного изучения одежды трех восточнославянских народов относятся к 1920-м годам.

Данные об одежде великорусов, украинцев и белорусов объединены в сводных трудах Д. К. Зеленина «Женские головные уборы восточных (русских) славян» [8] и «Russische (Ostslavische) Volkskunde». Berlin, 1927. Первая работа посвящена анализу женских головных уборов на

1929; А. Г. Данилин. Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии. «Труды Общества исследователей Рязанского края», вып. IX. Рязань, 1927; Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929; Н. П. Гринкова. Одежда западной части Калужской губернии. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2. Л., 1927; ее же. Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии. «Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», вып. 1. Л., 1928; ее же. Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области. СЭ, 1937, № 1, стр. 137—154; ее же. Русская понева юго-западных районов РСФСР. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XII. М.— Л., 1949.

[1] Можно назвать лишь отдельные статьи: М. Б. Едемский. Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 г. (Из путевых заметок). «Север», 1923, № 3—4, Вологда, стр. 203—205; С. К. Просвиркина. Новгородская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936 г. «Труды ГИМ», вып. XV. М., 1941, стр. 121—150; Г. С. Маслова. Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины. КСИЭ, вып. VI, М., 1949, стр. 3—8; ее же. Узорное тканье на русском Севере. КСИЭ, вып. XI, 1950, стр. 10—18.

[2] Н. П. Гринкова. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 83—96; М. П. Званцев. Жилище и костюмы Чернухинского района (Арзамасский уезд Нижегородской губернии). Сб. «Культура и быт населения Центрально-промышленной области». М., 1929, стр. 114—119.

[3] Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев. Сб. «Бухтарминские старообрядцы». «Материалы Комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР», вып. 17, серия казахстанская. Л., 1930, стр. 313—396.

[4] В. Білецька. Українски сорочкі, іх тіпи, еволюція и орнаментація. «Материали етнології и антропології», т. XXI—XXII, ч. 1, Львів, 1929.

[5] М. Н. Шмелева. Типы женской одежды украинского населения Закарпатской области. СЭ, 1948, № 2, стр. 130—146; ее же. Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области. КСИЭ, вып. XI, 1950, стр. 19—30.

[6] А. К. Супинский. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. СЭ, 1932, № 2, стр. 102—136.

[7] Беларускае народнае мастетцтва. АН БССР. Мэнск, 1951.

[8] «Slavia», вып. 2. Прага, 1926; там же, вып. 3, 1927.

основании обобщения огромного фактического материала. Вторая представляет пока единственную сводку по восточнославянской этнографии. Это один из основных источников по этнографии славян, но надо отметить, что некоторые методологические установки автора в настоящее время устарели. Одежде в этом труде посвящена лишь небольшая глава. Многочисленные ценные исследования последующих лет внесли много дополнений и изменений в вопросы истории восточнославянского народного костюма.

Статья того же автора «Общие элементы в древних финских и русских костюмах», опубликованная в 1948 г. [1], вызывает серьезные возражения с методологической стороны. Д. К. Зеленин пытается объяснить общность многих элементов одежды русских и финноязычных народов Поволжья движением моды; преувеличивая значение «мод», автор представляет движение их абстрактно, вне конкретно-исторических связей народов, и принижает этим самостоятельность и своеобразие культурного творчества народов.

Работа по изучению древнерусской одежды проводилась также историками и археологами, опубликовавшими за последние десятилетия описание отдельных находок или обобщившими новейшие данные археологической науки [2]. Среди них надо отметить статьи Л. И. Якуниной о древнерусской одежде, обуви и набивных тканях [3]. Сведения о русской, украинской и белорусской одежде позднего периода (XIX — начало XX в.) содержатся в сборнике ГИМ [4]. В серии статей этого сборника сделана попытка показать быт, в частности одежду, в связи с классовым расслоением крестьянства при капитализме, а также представить одежду рабочих.

Этот краткий перечень работ позволяет говорить о существенных успехах советских исследователей в области изучения одежды восточнославянских народов, но вместе с тем показывает, что у нас еще мало сводных трудов, обобщающих фактические данные на основе марксистско-ленинской методологии.

Настоящая работа является попыткой обобщения данных по одежде восточнославянских народов с учетом дореволюционных материалов и результатов этнографических исследований за 38 лет послеоктябрьского периода.

Изучение народной одежды представляет не только научный, исторический интерес, но имеет и практическое значение для современных художников-моделеров, работающих над созданием советского стиля в одежде. Они творчески используют традиции народной одежды многонационального Советского Союза [5]. Освоение культурного наследия в области народ-

[1] «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия востоковедческих наук, вып. 2. Л., 1948, стр. 81—90.

[2] А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв. «Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова», вып. 3. М., 1945, стр. 3—9; его же. Одежда. «История культуры древней Руси», т. 1. М.— Л., 1948, стр. 234—262; С. В. Киселев. Старинные одежды, найденные на метро. «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича». Л., 1936, стр. 157—159.

[3] Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV веков. КСИИМК, XVII. М.— Л., 1947, стр. 38—48; ее же. О трех курганных тканях. «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 147—158; ее же. Русские набивные ткани XVI — XVII вв. «Труды ГИМ», серия «Памятники культуры», вып. VII, 1954; ее же. Одежда Д. И. Пожарского (История русской рубахи). Рукопись, Архив Гос. исторического музея.

[4] «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг.». «Труды ГИМ», вып. XXIII, 1953.

[5] См. статью М. Н. Шмелевой и Е. В. Семеновой. Народные традиции в моделировании современной одежды. СЭ, 1952, № 1, стр. 172—174.

ного костюма русских, украинцев и белорусов составляет важную задачу художников-практиков, которые отнюдь не восстанавливают старый костюм, но претворяют лучшие традиции в части покроя, цветовой гаммы, орнаментировки в современном костюме.

Знакомство с подлинной народной одеждой необходимо также для работников сценического искусства, чтобы достигнуть наиболее правильной передачи типа народного костюма на театральной сцене, экранах кино, в хоровых и музыкальных коллективах.

Основными источниками для данной работы послужили полевые этнографические материалы автора и других исследователей, музейные собрания, архивные данные и этнографическая литература, преимущественно XIX — начала XX в. Дополнительно использованы сведения об одежде более ранних периодов: археологические и письменные исторические памятники, восходящие к временам Киевской Руси и формирования древнерусской народности, а также к периоду формирования великорусского, украинского и белорусского народов.

Одежду русского населения автор изучал в поездках и экспедициях:

1) От Музея ЦПО:

В 1925 г. в Тверскую губ. (Кашинский, Калязинский, Бежецкий уезды); в Тамбовскую губ. (Елатомский уезд); в Рязанскую губ. (Касимовский уезд). В 1926 г. в Ярославскую губ. (Пошехонский уезд); в Рязанскую губ. (Спас-Клепиковские озера).

В 1927 г. во Владимирскую губ. (Вязниковский, Муромский, Меленковский уезды).

В 1928 г. в Тульскую губ. (Ефремовский уезд).

В 1929 г. в Тверскую губ. (Весьегонский, Ново-Торжский, Вышне-Волоцкой и Осташковский уезды).

2) От Института этнографии АН СССР:

В 1947—1949 гг. в Архангельскую обл. (Онежский, Приозерный, Каргопольский районы); в Карело-Финскую ССР (Пудожский район).

В 1950 г. в Московскую область (Бронницкий, Раменский, Загорский, Луховицкий, Дмитровский районы).

В 1951 г. во Владимирскую, Горьковскую, Ульяновскую, Куйбышевскую области.

В 1954 г. в Кировскую и Молотовскую области.

Автор привлек также свой полевой сравнительный материал, собранный в экспедициях от Музея ЦПО к верхневолжским карелам (1925, 1928, 1929, 1930, 1931 гг.), к мордве-терюханам Горьковской обл. (1928 г.), к татарам Рязанской обл. (1925 г.); от Музея народов СССР к карелам Олонецкого и Пряжинского районов Карело-Финской ССР (1941 г.); от Института этнографии АН СССР к карелам Калининской обл. (1945 г.) и к вепсам Шелтозерского района Карело-Финской ССР (1949 г.).

Привлечены материалы экспедиций 1947—1949 гг. Института этнографии Академии наук СССР, собранные И. Ф. Симоненко и М. Н. Шмелевой по одежде Закарпатской обл. УССР, Д. В. Найдич-Москаленко в Переяславль-Хмельницком районе Киевской обл. и материалы Н. И. Лебедевой и О. А. Ганцкой в Псковской, Смоленской и других западных областях в 1953 г.

Мною также были использованы с любезного разрешения авторов неопубликованные труды: С. П. Толстова «Элементы материальной культуры русского населения Ветлужско-Керженского края» (архив автора), Н. И.

Лебедевой «Этнологические материалы по Новгородскому, Псковскому, Великолуцкому округам 1928—1929 гг.» (архив ГЛМ) и «Этнологические материалы по Мозырскому округу Белорусской ССР в 1930 г.» (там же), Н. П. Горбачевой «Из истории распашной одежды» (архив ИЭ). Использованы также и некоторые рукописи архива Русского географического общества.

Изучались коллекции по восточнославянской одежде следующих музеев: Музей этнографии народов СССР (Ленинград, главным образом фонд б. Музея народов СССР); Государственный исторический музей (Москва); Музей этнографии и антропологии АН СССР (Ленинград); Музей Института художественной промышленности (Москва); Историко-художественный музей-заповедник (Загорск); Архангельский областной музей, Вологодский областной музей; районный музей Каргополя; Историко-этнографический музей Академии наук Литовской ССР (Вильнюс); Государственный Украинский музей этнографии и художественного промысла Академии наук Украинской ССР (Львов).

Сотрудникам этих музеев, оказавшим мне содействие в работе над коллекциями, а также всем исследователям, предоставившим мне свои полевые материалы и неопубликованные рукописи, приношу глубокую благодарность.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДЕЖДЫ РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ И ЕЕ ТИПОЛОГИЯ

В народной одежде XIX в. отразились особенности периода ломки феодально-крепостнической системы и усиленного развития капиталистических отношений в России.

С развитием капитализма уже в первой половине XIX в. из города в деревню начинали проникать новые виды одежды, но все же традиционная одежда в большинстве мест преобладала примерно до середины столетия. В пореформенный период одежда нового покроя из фабричной ткани начала интенсивно вытеснять традиционный костюм из домотканины. Последний сохранялся в областях, где были особенно сильны феодально-крепостнические пережитки, в наиболее отдаленных, глухих, преимущественно земледельческих районах; во многих же других районах традиционная одежда хотя и не исчезла полностью, но подверглась значительным изменениям, иногда сохраняясь у старшего поколения, а также в качестве обрядовой одежды.

Р у с с к а я крестьянская о д е ж д а середины — третьей четверти XIX в. не была однородной, как не было однородно само крестьянство, переживавшее процесс классового расслоения, издавна разделенное на группы помещичьих, удельных, казенных и прочих крестьян, различавшееся по характеру преобладающих занятий (села пригородные, фабричные, с развитым отходничеством и чисто земледельческие районы).

Не было оно однородно и этнографически. Одежда в северновеликорусской деревне отличалась от одежды в южновеликорусской деревне. Однако при всем том многие основные части ее были общими у всех русских крестьян.

М у ж с к а я о д е ж д а (более однотипная, чем женская) состояла из белой холщевой рубахи-*косоворотки* с кумачевыми ластовицами под рукавами. Рубаху носили «навыпуск» — поверх холщевых же белых или синих *портов*, перехватывая ее узким поясом, тканным или плетенным из льняных или шерстяных ниток. Штанины закладывались в сапоги или в онучи, которые носили с лаптями.

На голову, подстриженную в кружок, надевали валяную из овечьей шерсти коричневую шляпу — *грéшневик*, похожую на цилиндр, у молодых украшенную в праздник или на свадьбе лентой, павлиньим пером и т. п.; зимой носили меховые шапки разных фасонов. Наиболее распространенной верхней одеждой были: *кафтан, зипун, сермяга*, сшитые из домотканного сукна, а зимой — овчинные *тулуп* и *полушубок*, подпоясанные широким кушаком. В праздник молодежь из сравнительно состоятельной части населения деревни надевала рубашку из яркой ткани, плисовые

шаровары, заправленные в сапоги с голенищами, собранными «гармоникой». Деревенские щеголи носили серебряную серьгу в одном ухе.

В женской одежде наиболее ярко выделялись два типа костюма — северно- и южновеликорусский. Одежда крестьянки северных губерний (Новгородской, Архангельской, Вологодской), а также центральных губерний (Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской и др.) состояла из широкой холщевой *рубахи*, собранной у ворота, а иногда и у запястья, и *сарафана*, который надевали поверх рубахи.

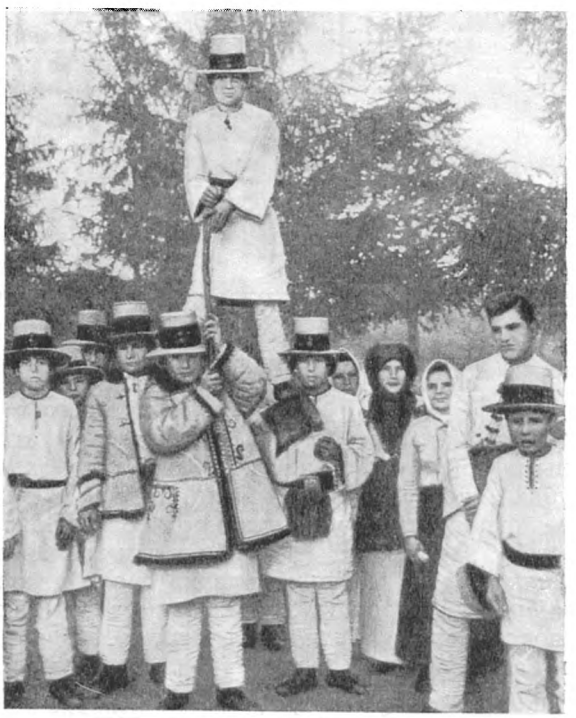
Рис. 1. Одежда крестьянок Воронежской губ. и уезда. 1860-е годы

Сарафан шили из сукна или крашенины, с рядом оловянных или медных пуговиц, пришитых спереди сверху до подола. Носили также кумачевые набойчатые сарафаны без пуговиц на лямках. Сарафан обязательно подпоясывали узким тканым поясом, высоко — под грудью или низко — под животом.

Рукава, плечи и ворот рубахи, которые не закрывались сарафаном, украшали вышивкой или тканым узором и кумачом (особенно у молодых). Часто украшали и подол рубахи, который можно было видеть, так как переднюю полу сарафана нередко поднимали и подтыкали у пояса. Волосы замужние женщины полностью закрывали кичкообразным головным убором — *сорокой* или *повойником*, а в праздник или на свадьбу более состоятельные надевали парадный *кокошник*. Девушки на севере (как и на юге) не закрывали волос, повязывая на лбу *ленту, перевязку*, свернутый платок или надевая убор в виде обруча. На шее носили ожерелья — *пёрла* (жемчуг), *восковые пёрла* (янтарь) и различные стеклянные бусы.

Одежда южновеликорусской женщины (рис. 1) состояла также из широкой холщевой рубахи, перехваченной поясом, которая подтягивалась до колен, отчего у пояса образовывался напуск. Поверх нее носили поневу —

1



2

Рис. 2

1 — одежда украинцев Полтавской губ. 1894 г.;
2 одежда украинцев Тернопольской обл. Начало XX в.

своеобразную поясную одежду из клетчатой, большей частью синей, ткани, собранную у пояса на вздержке. Спереди повязывали вышитый холщевый фартук (*занавеску*), который укрепляли выше груди или надевали через голову.

В некоторых областях поверх рубахи и поневы надевали *навершник* (*шушпан, косталан* и пр.) — короткую одежду из домотканной холщевой или легкой шерстяной материи.

Голову замужние покрывали *кичкой* разнообразной формы, нередко в виде рогов.

Праздничный наряд молодой женщины дополняли бисерные нагрудные украшения. К ушам прикреплялись шарики из гусиного пуха —*пушки* и т. д.

Женский костюм южновеликорусской деревни в целом более красочен, чем северновеликорусской, который более сдержан по своей цветовой гамме.

Верхняя женская одежда и обувь во многом сходны с мужской. Как на севере, так и на юге женщины одевались в сермяжные кафтаны, зипуны, овчинные полушубки, тулупы и т. п.

Лапти, чуни, ступни и другая плетеная обувь была будничной (на юге часто и праздничной); кроме того (в праздник), носили кожаные туфли с чулками (*коты*) и сапоги.

Народная традиционная украинская одежда довольно существенно отличалась от русской и от белорусской народной одежды.

Мужскую одежду составляла холщевая *сорочка* с прямым разрезом ворота (который нередко, в праздничной одежде, украшали широкой прямоугольной вышивкой), заправленная в широкие *шаровары*, холщевые белые или набойчатые, и перетянутая широким шерстяным поясом. Шаровары вправляли в сапоги — *чоботы* (рис. 2, *1*). На севере Украины в будни, на работу, а наиболее бедные крестьяне и в праздничные дни, носили *личаки* — обувь, плетенную из древесной коры, а чаще — *постолы*, сделанные из кожи, подвязывая их к ноге *волоками* — оборами веревочными или ременными. Носили барашковую шапку, летом в жару — соломенную шляпу (*бриль*).

Поверх рубахи в холод надевали *свитку* — суконный кафтан белого, серого или коричневого цвета. Более парадную одежду составляли так называемая *юпка*, напоминающая русскую поддевку, и *чемара, чумарка* — одежда из фабричной материи. Зимой же надевали овчинные кожухи и тулупы, подпоясываясь кушаком. В непогоду в дорогу надевали *кирею* или *опону* — длинную суконную одежду с *каптуром* — капюшоном.

Мужская одежда русинов — украинцев западной части Украины (Галиции, Буковины и Угорской Руси) отличалась от одежды центральных и восточных областей Украины. По покрою узких штанов (*портяниці*) и способу ношения сорочки навыпуск мужской наряд близок к русскому и белорусскому (рис. 2, *2*). В горных областях носили, кроме того, овчинную безрукавку (*кожух, китар, кіптарь*), украшенную вышивкой.

Женский украинский традиционный костюм составляла длинная холщевая с рукавами *сорочка*, поверх которой у талии при помощи пояса укреплялись один, два или несколько кусков шерстяной ткани (*дерга, плахта, запаска* и др.). В будни носили дергу — кусок большей частью черной домотканной материи, которой обертывали нижнюю часть корпуса. В праздник носили нарядную узорчатую плахту (рис. 3), которая закрывала нижнюю часть корпуса сзади и с боков, а спереди подвязывали тяжелую шерстяную узорную запаску — род передника. Дополнением к наряду была так называемая *кірсетка* — матерчатая безрукавка. Голову замужние женщины покрывали тонким полотнищем холста (*намітка*) или же носили *очіпок* — род чепца из ткани, иногда вышитый цветным гарусом, а у наиболее состоятельных — золотой мишурной нитью.

Девушки выделялись головным убором, повязывая особым способом намитку или *хустку* — платок. В праздничные дни надевали венки из бумажных, а иногда живых цветов.

Косы украшали цветные ленты — *кісники*, а на шею надевали нитки бус — *намисто*.

На ногах носили, смотря по зажиточности, черевики, постолы или чоботы. Очень ценились сапоги из цветного сафьяна на каблучках с медными подковками — «червоні чоботи»; бедные крестьянки их не имели.

Верхняя женская одежда, как и мужская, состояла из домотканной свитки, чемарки или юпки из покупной ткани, а также зимнего овчинного кожуха.

В западных областях гуцулы носили красные суконные *сердаки* — род прямого кафтана, в Закарпатье — плащевидную шерстяную *гуню*.

Украинский костюм очень красочен, особенно в юго-западных областях Украины.

Белорусская народная одежда, имея много общего с великорусской и украинской, отличалась существенными особенностями.

Мужскую традиционную одежду белорусов составляла холщевая сорочка (*кошуля, кошульца*), покрой которой варьировался по областям (чаще с отложным воротником); холщевые *порты*, как и у русских,

нешироκие; поверх них выпускалась рубаха, стянутая узким тканым поясом с кистями (*кутасами*) или кожаным поясом. На поясе укреплялись *калита* — кожаная сумочка для денег и ножик в кожаном футляре, нередко тут же был подвязан на ремешке медный *гребенец*. Курильщики носили на поясе *пипку* — трубку и *капшук* — кисет для табака.

Основным видом обуви в Белоруссии, особенно в дореформенное время, были лапти из лозы, бересты. Сапоги (*боты*) имели в селении только немногие «заможние» — зажиточные люди.

Рис. 3. Украинки в праздничной одежде — в плахтах, кирсетках, венках и платках (с. Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губ. Начало XX в.)

В качестве верхней одежды летом белорусы носили холщевый белый *балахон* или *носов,* в осеннее время — кафтан из серого или белого домашнего сукна — *свитку.* Зимой носили овчинные *кожухи.* Белая валяная шапка *маргелка* являлась типичной для белорусов. Мужской «прибор», т. е. украшение, составлял шейный платок из домашней или покупной ткани — *хустка.*

Женская («жаноцкая») одежда состояла из холщевой *сорочки,* поверх которой надевали холщевую белую юбку — *спадницу* или шерстяную одноцветную или с цветными полосами юбку — *андарак, саян.* Грудь поверх сорочки обтягивал лиф из яркой ткани — *китлик, гарсэт, кабат, шнуроўка,* а по талии подвязывался *хвартук* (рис. 4). Холщевые части одежды украшали тканым или вышитым узором красного цвета. Замужние женщины голову повязывали холщевой *наметкой;* девушки, как и у русских и украинцев, оставляли часть волос открытыми. Праздничным убором был *вянок* — обруч из луба, украшенный цветами.

Для женщин украшениями служили яркие ленты (*истужки*) или обрезки цветной ткани (*похи́стки*); ими стягивали ворот сорочки, вплетали их в косу и т. д. На шею надевали нитки бус — *кра́ли*.

Верхняя одежда и обувь женщин мало отличались от мужской. *Свитку, сермягу, жупан, жупицу* — кафтан из белого или серого домашнего сукна, овчинный *кожух*, холщевый *балахон* или *носовку* носили не только мужчины, но и женщины.

Для одежды белорусов характерны строгая сдержанность в расцветке и преобладание белого цвета.

Рис. 4. Праздничная одежда белорусских крестьян (дер. Мосток Могилевской губ. и уезда, 1902 г.)

Одежда отражала не только этнографические особенности; она подчеркивала семейные и возрастные отличия.

Значительно различалась одежда девушки и замужней женщины. У старшего поколения дольше сохранялись старинные, вышедшие из общего употребления части костюма. Одежда у крестьян разных возрастов отличалась также количеством украшений (вышивок, кумачных вставок и пр.) и яркостью расцветки. Наиболее нарядно и ярко одевались молодые женщины до появления первого ребенка. С возрастом количество украшений заметно уменьшалось.

Детская одежда была того же покроя, что и одежда взрослых, но имела некоторые особенности. Основной частью одежды была холщевая рубаха или длинное ситцевое платье, напоминавшее рубаху. Как описывает П. В. Шейн, у белорусов в середине и второй половине XIX в. одежду детей обоего пола до десятилетнего возраста составляла холщевая сорочка, перехваченная пояском. Одежду девочки отличало от одежды мальчика только наличие снизки бус. В конце XIX — начале XX в. одежду мальчика (начиная лет с трех-четырех) большей частью дополняли штанами своеобразного покроя: из двух штанин, не соединенных

вставкой («без потолка»), прикрепленных к пояску. По музейным собраниям, где хранятся образцы детской крестьянской одежды, можно видеть, с какой любовью и тщательностью изготовляли одежду для детей заботливые матери. В коллекциях ГИМ имеется дореволюционная праздничная одежда крестьянского мальчика трех-четырех лет (из Маршанского уезда Тамбовской губ.). Эта одежда представляет в миниатюре одежду взрослого крестьянина и состоит из синих набойчатых портов, белой косоворотки из тонкого холста, затканного по краям красной бумагой, шерстяного пояса с кисточкой из бисера и маленьких лаптей, плетенных из липового лыка. Скудные крестьянские доходы не всегда позволяли снабдить ребенка необходимой теплой одеждой и обувью. Большей частью крестьянские дети (особенно в дореформенный период) в зимнее время были вынуждены сидеть по избам, а в случае необходимости, выходя на улицу, надевали не по росту большую отцовскую или материнскую одежду.

Одежда по своему назначению разделялась на праздничную, будничную и рабочую.

Праздничная одежда, как правило, была новой, из более дорогой, часто фабричной ткани; нередко для праздника приобретали более модную, нового покроя одежду. Однако в иных случаях старинный наряд надевали именно в праздники.

Праздничная одежда и обувь больше украшались. Лучшая праздничная одежда обозначалась словом «добрая»: *добра плахта, добрая понева* и т. д. Праздничная одежда подразделялась на такую, которую надевали в самые большие, «годовые» праздники,— ее называли *годовой* или *большой наряд,* и ту, которую носили в обычные праздники,— воскресные дни и пр. В южных центрально-черноземных областях надевали в праздники особые *писаные* лапти, т. е. с головкой, украшенной более мелким узорным плетением; у украинцев-гуцулов — *червоні писані онучі,* т. е. красные шерстяные, украшенные узором. Сапоги во многих местах носили только по праздникам.

М. И. Семевский, описывая одежду горожанок г. Торопца в 60-х годах XIX в., упоминает о том, что «наряд торопчанки разделяется на доброе, поддоброе, третье и т. д.... вся разница в ценности платья и головного убора, а не в общем его характере» [1].

Для будней шили одежду из грубой ткани, большей частью домашнего изготовления, и очень часто старого покроя, которая называлась *обыденная*; использовалась и поношенная одежда (понева-*подно́сок* и др.). Имелась и специальная рабочая одежда — холщевый *балахон, кабат, верхо́вица* из холста,— носимая поверх рубахи, кафтана, а зимой — поверх шубы, полушубка, для предохранения их от порчи.

Для отдельных видов работы и на промыслах надевали специальный костюм. В северных областях для рыбного промысла и морской охоты одевались по-особому. Костюм для этих целей должен был быть теплым, предохраняющим от сырости и не стесняющим движений. Его составными частями, кроме обычной рубахи, портов, пояса, были меховая одежда, иногда *малица* из оленьего меха, непромокаемые сапоги с высокими голенищами — *бахилы, ловчаги,* достигавшие пояса, к которому их привязывали ремешками. Малицу прикрывала холщевая одежда, перехваченная поясом из кожи, на котором укреплялись топор, ножи, пороховница, табакерка и т. п. Голову покрывали капюшоном малицы или

[1] М. И. Семевский. Торопец, уездный город Псковской губ. 1016—1864 гг. СПб., 1864, стр. 47.

теплой шапкой с длинными ушами, которые обматывали вокруг шеи как шарф, или шапкой-*ушанкой*. Рыбаки нередко носили специальные непромокаемые кожаные фартуки и одежду типа комбинезона из кожи или просмоленной ткани (рис. 5).

Характерным головным убором рыбаков в Поморье была *зюйдвестка* — шляпа норвежского образца из кожи или проолифенной ткани с полями и клапанами, защищающими уши от воды.

Промышленник-зверолов в Восточной Сибири, кроме обычной нательной одежды и зипуна (а иногда эвенкийского кафтана из оленьего меха), надевал особые *лесовые* штаны, меховую шапку с наушниками и куском холста, пришитым к ней сзади. На шею для тепла повязывали *ошейник* — род горжетки из беличьих хвостов [1]. Обувь состояла из меховых *унтов*; носили особые рукавицы с прорезью для вынимания руки.

В северо-восточной части Европейской России характерную часть одежды охотника составлял *луз* или *лузан* — белая суконная мешкообразная, подпоясанная кожаным поясом одежда, иногда с поперечными полосами, надеваемая через голову (повидимому, заимствованная от коми-зырян), причем в лузане за пазухой и на спине носили не только дневной запас продовольствия, но и добытую пушнину. Лесорубы псковщины носили особые кожаные штаны, у лесорубов Закарпатья необходимую принадлежность одежды составлял широкий (иногда до 30 и более сантиметров шириной) [2] кожаный пояс, предохранявший, повидимому, от растяжения мышцы живота.

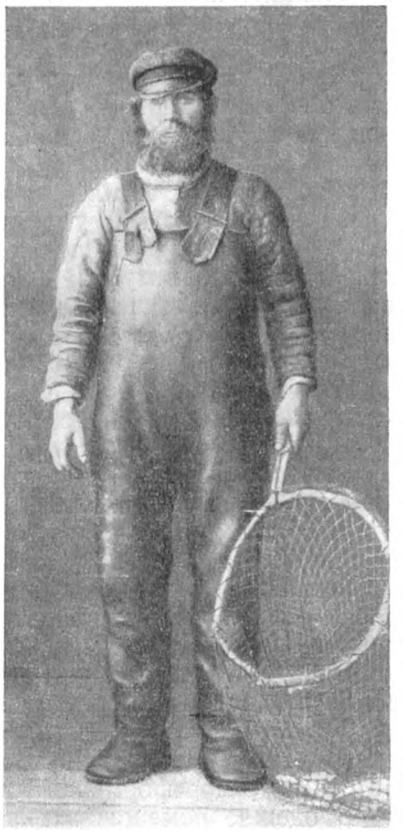


Рис. 5. Помор в кожаной одежде для рыбной ловли (Архангельская губ. 1913 г.)

Особенность женской промысловой одежды (на Севере и в Сибири, где женщины принимали значительное участие в рыболовном, а частично и в лесном промысле) составляла толстая полушерстяная или шерстяная юбка, которую надевали под сарафан или платье, а иногда штаны (в повседневном быту они никогда не применялись), а также холщевый длинный балахон — *бродецкое платье* (на озерах Поморья).

Одежда пастуха была приспособлена к условиям его труда и быта. В Закарпатской области пастух пользовался плащевидной шерстяной с длинным ворсом одеждой, удобной в условиях горного скотоводства; она могла использоваться, кроме того, как одеяло и постель.

[1] Такие же «ошейники» (из лисьих хвостов) носили охотники на архангельском Севере.

[2] Такие массивные пояса имеются в коллекциях Государственного Украинского музея этнографии и художественного промысла в г. Львове.

У пастухов сохранялся местами древний тип ременных обор, которые меньше портились от сырости, чем веревочные; шляпу (войлочную или плетеную) часто носили с полями, защищающими от дождя и солнца.

Одежду, которую употребляли при выполнении обрядов, на традиционных семейных празднествах и так далее, можно назвать обрядовой. В обрядовом костюме сохранялись иногда древние, давно исчезнувшие из быта части одежды, прически. На свадьбу нередко надевали старинный головной убор или полный наряд, который затем «молодая» прятала в сундук и никогда больше не надевала. Некоторые части одежды бытовали только как свадебные (например, *епончи́ца* — накидка у северных великорусов, *гу́гля* — у гуцулов).

Костюм «молодых» у русских нередко состоял из двух видов одежды: одну — *горевы́ю* — без украшений надевали в первой — «печальной» части свадебного ритуала, другую — наиболее нарядную, праздничную — надевали по возвращении из церкви от венца, когда начиналось свадебное веселье.

Старинную одежду пожилые люди часто берегли, надевая ее только в церковь и на праздник. У старообрядцев была особая *моленная* одежда: женщины надевали «русский» сарафан (косоклинный, с пуговицами), рубаху с длинными рукавами, повязывались особым способом платком; мужчины имели особые «моленные» кафтаны.

Старые типы рубах, поясной одежды, сарафанов, обуви сохранились в *смертной* одежде, которую обычно заготовляли при жизни. Шили ее особым способом, обязательно на руках, предпочитая домотканину, преимущественно белый холст. Траурная одежда также обычно отличалась своим белым цветом. «По горю», «по печали» шили белые холщевые сороки, белые рубахи, вшивали белую прошву в поневу, носили белые холщевые платки. Носили «по горю» одежду и темного цвета — черные, темносиние сарафаны, избегая обильных и ярких украшений.

Одежда отражала деление крестьян на различные группы (государственных, бывших помещичьих и др.). Это резче было выражено в дореформенный период, но сохранялось и позднее.

В одежде помещичьих крестьян в дореформенный период различия наблюдались у занятых сельским хозяйством и дворовых. В южных областях, где преобладала понева, дворовые носили сарафан и платье из фабричной ткани, что вводилось помещиками [1]. Этот факт, вероятно, оказал известное влияние на одежду окружающего населения. Различия в одежде бывших дворовых и крестьян существовали очень долго.

Разницу в одежде помещичьих и казенных крестьян отмечают многие наблюдатели того времени. Разница в покрое особенно сказывалась в тех случаях, когда одни крестьяне были местными, а другие — переселенцами из иной губернии. Помимо этого, различия определялись общим экономическим состоянием. Помещичьи крестьяне жили, как правило, гораздо беднее, что отражалось на одежде. Как пишет А. Тарачков, одежда у казенных крестьян была щеголеватей, чем одежда помещичьих крестьян, и отличалась более яркой расцветкой. «Шелковые платки,— отмечает он,— и накидки (душегрейки), покрытые шелковой материей, иногда с узорами из мишурного золота, очень часто можно видеть у государственных крестьян и очень редко у помещичьих» [2]. То же наблюдалось в дру-

[1] См. материалы Русской экспедиции Института этнографии АН СССР в Тамбовскую обл. в 1952—1953 гг.; в Орловскую, Курскую области в 1954 г. Архив ИЭ.

[2] А. Тарачков. Путевые заметки по Орловской и соседним губерниям. Орел, 1861, стр. 33.

гих местах: на Смоленщине «панские» крестьяне носили андараки преимущественно из льняной ткани, а казенные, которые были состоятельнее,— из шерстяной [1].

Одежда бывших однодворцев (потомков военно-служилых людей низшего разряда — пушкарей, стрельцов и т. п., живших в южновеликорусских губерниях, в местах, где проходила когда-то государственная граница), одежда казачества (военно-служилого сословия) довольно значительно отличалась от крестьянской. Нередко она имела иной покрой (в связи с особенностями формирования этих групп) [2] и вместе с тем отражала бóльшую экономическую обеспеченность, хотя нельзя не отметить, что и среди этих групп населения в XIX в. было сильное классовое расслоение.

В XIX в., преимущественно во второй половине, когда капиталистический способ производства стал преобладающим в России, изменилась экономическая и социальная жизнь страны.

Это повело к изменению всего бытового уклада города и деревни, в частности отразилось и на одежде. С дальнейшим ростом и концентрацией крупной промышленности, развитием так называемых кустарных промыслов, отходничества росло население городов, пригородов, фабричных сел. Появился новый тип — рабочего («мастерового», «фабричного») с более высокими требованиями и культурными запросами по сравнению с чисто земледельческим крестьянским населением, сохранявшим еще черты патриархального быта. Но и среди самого крестьянства постепенно разрушались старые традиции.

Пореформенная эпоха характеризуется интенсивным развитием торгового земледелия, товарно-денежных отношений в деревне и усилением классового расслоения крестьянства. Процесс «раскрестьянивания» «означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения» [3],— писал В. И. Ленин. Крестьянство расслаивалось на класс предпринимателей и класс сельских пролетариев; промежуточное звено между ними составляло среднее крестьянство.

Традиционная русская одежда сохранялась у разных классов и сословий в различной степени; ее носили еще в городах в первой половине и середине XIX в.

Дворянство, уже начиная с реформ Петра I, перешло к одежде, общепринятой у привилегированных классов Западной Европы. Одежда дворян наиболее резко отличалась от одежды других сословий. Купечество в значительной степени также перешло к ношению так называемого «немецкого» платья, стало носить сюртуки, салопы, чепцы, шляпки и пр. Однако среди многих купеческих семей, особенно старообрядческих, придерживавшихся старины, женщины продолжали носить «русский наряд». На портретах конца XVIII— начала XIX в. провинциальные купчихи нередко изображены в сарафанах и кокошниках. Богатство этого наряда отличало его от крестьянской одежды того же типа. Менее зажиточные слои городского населения — мещане дольше придерживались традиционной одежды и носили сарафаны, душегреи, шушуны, кокошники, повойники, а на Украине — спидницы, шнуровки, очипки и пр. Однако одежда этих городских слоев все же отличалась от крестьянской: здесь больше употребляли покупные бумажные ткани, в качестве верхней одежды носили нанковые халаты, в праздник — поддевки из покупного сукна, в то время как крестьяне шили кафтаны и зипуны из «свойского»

[1] См. Материалы Русской экспедиции Института этнографии АН СССР в 1953 г.
[2] На этом подробнее мы останавливаемся в главе XI.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 141.

сукна. Интенсивность процесса вытеснения в городах традиционной одежды не была повсюду равномерной. Так, например, в г. Дмитрове Московской губ., как сообщает современник, уже в 1840-х годах старинное платье — сарафан, юбки с затканным золотом узором, телогреи, кокошники с фатою — было совершенно оставлено [1], а в ряде других городов оно еще было в употреблении. Этот процесс усилился повсеместно со второй половины XIX в. Как сообщал корреспондент Русского географического общества Лунин из г. Василя Нижегородской губ., в 60-х годах немного уже оставалось приверженцев сарафанов, длиннополых сюртуков, охабней, чепанов, шубеек, холодников [2], которые еще в середине XIX в. были распространены.

Развитие различных промыслов и отходничества вносило все больше отличий в одежду ремесленников от одежды крестьян-земледельцев.

У населения растущих центров «кустарной промышленности», таких, например, как Кимры, Гжель, Павлово, Ворсма и другие, уже в 1840-х годах женщины начали носить платья из ситца, мужчины в праздники носили щегольскую рубашку *александрийку* из модной в то время бумажной, преимущественно красной в полосочку ткани и нанковые штаны. В некоторых местностях особенность мужской одежды составляли штаны из яркой пунцовой, малиновой, оранжевой бумажной ткани, о чем имеются сведения в 1840—1850-х годах из ряда мест Нижегородской губ.[3] и в 1860-х годах из Московской губ. [4]

Молодежь все более предпочитала *поддевку* и *картуз* сермяжному зипуну и войлочной шляпе.

Некоторые данные нами собраны об одежде рабочих крупных заводов первой половины — середины XIX в., являвшихся в то время крепостными, посессионными рабочими, прикрепленными крестьянами и, в меньшей степени, вольнонаемными рабочими. Данные об одежде населения старых заводских центров Пермской, Вятской и других губерний показывают, что, при наличии новых черт в одежде рабочего населения, в ней еще сохранялось много общего с крестьянской одеждой. Женщины, например, носили рубахи с коленкоровыми рукавами, юбки и кофты из ситца, но вместе с тем имели сарафан, шамшуру и кокошник. Мужчины носили в праздник ситцевые рубахи, нанковые или суконные штаны, сапоги, нанковые кафтаны и *чуйки,* суконную или плисовую фуражку, но крестьянская одежда все же сохранялась, особенно часто ее носили на работе. На Лысвенском заводе (Пермская губ.) в качестве рабочей одежды и обуви употребляли зипун и лапти [5].

Со второй половины XIX в. традиционный костюм у населения старых заводских центров заметно вытесняется из быта; а с ростом новых крупных предприятий и формированием рабочего класса складывается и становится основным иной вид одежды. Все более входит в употребление костюм, состоящий из *тройки*: пиджака, жилетки и брюк из фабричной материи [6]. Но некоторые черты придавали известный национальный коло-

---

[1] «Описание этнографическое г. Дмитрова Московской губернии», 1848. АГО, XXII-19, л. 1.

[2] АГО, XXIII-103, л. 28.

[3] АГО, XXIII-64, л. 3; XXIII-66, л. 6; XXIII-124, л. 3.

[4] А. Нентцель. Очерки Гжели. «Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губ.», вып. 1. М., 1864, стр. 83—84.

[5] Шалаев. Описание Лысвенского завода. «Ученые записки Казанского университета». Казань, 1858, кн. 4, стр. 140—141.

[6] При изучении материалов архива Русского географического общества по крестьянской одежде первой половины — середины XIX в. мне не пришлось встретить

рит и этому костюму: под пиджаком — рубаха-косоворотка, иногда вышитая, навыпуск, с поясом из шнура с кистями; русские сапоги, в которые заправлялись брюки. Обычным становится и ношение нижнего белья. Верхнюю одежду составляли пальто городского покроя или поддевка. В начале XX в. распространилась в качестве верхней прямая короткая одежда на вате, покроя пиджака. Таким образом, типичный костюм мастерового, рабочего отличался от одежды сельских жителей по материалу и покрою, и ношение его считалось известным щегольством.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, вскрывая прогрессивную роль капитализма, особенно интенсивно развивавшегося в России со второй половины XIX в., указывает на его положительное значение в изменении быта населения промышленных центров и сложении среди него типа «фабричного», «мастерового». В. И. Ленин, приводя данные о развитии павловских металлообрабатывающих промыслов, писал: «Жизнь таких центров, как Павлово, сложилась совершенно по-городскому, выработав несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных «серых» земледельцев» [1].

Эту характеристику изменения быта можно применить ко многим районам и селениям России.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными об одежде украинских и белорусских рабочих того времени. Быстрое развитие крупнейших капиталистических промышленных предприятий в Донецком бассейне, а также интенсивный рост промыслов и промышленности в других областях Украины и в Белоруссии обусловили и там рост рабочего класса и формирование особенностей его быта.

В одежде также широко применялся фабричный материал, изменился характер вышивки (распространилась вышивка, выполняемая крестиком по канве); появились брюки, жилет, пиджак, новые типы обуви, фуражка-картуз и пр. Однако при этом сохранялись известные национальные особенности. Так, например, украинцы нередко шили широкие шаровары, заправляя в них рубаху, белорусы — узкие *майтки,* поверх которых выпускали рубаху, и носили жилет, иногда из домотканной пестрой материи.

В одежде женщин, особенно тех, которые не работали на фабрике, сохранялось больше традиционных черт.

Одежда рабочих разных групп в конце XIX — начале XX в. имела свои отличия. На нее накладывала отпечаток бóльшая или меньшая связь рабочих с деревней, с сельским хозяйством; в той или иной степени сказывались местные областные особенности одежды; наконец, влияние имела профессия, условия производства и квалификация, а в связи с этим и уровень заработка рабочего, его бытовых и культурных потребностей и т. д. У кадровых рабочих предприятий Москвы, Петербурга и других крупных индустриальных центров (особенно таких профессий, как, например, металлисты, печатники) одежда была чисто городской.

Сезонность работы в ряде отраслей промышленности, не требовавших особенно квалифицированной рабочей силы, и постоянный приток земледельческого населения обусловили здесь бóльшую связь рабочих с деревней, что сказывалось на всем быте, в том числе и на одежде. Многие

упоминаний о пиджаке. Пиджак, повидимому, входит в быт только во второй половине, может быть, в конце XIX в. Встречаются упоминания о сюртуке — одежде с разрезом сзади, более длиннополой, чем пиджак,— который составлял одежду главным образом горожан.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 363.

текстильные фабрики сохраняли еще черты капиталистической мануфактуры, в особенности те, на которых работали жители окрестных деревень.

М. Н. Левинсон-Нечаева, исследовавшая быт рабочих одного из крупных текстильных центров России — Орехово-Зуева (Московская обл.), сообщает любопытные данные об одежде текстильщиков конца XIX — начала XX в.

Рис. 6. Женщина в старинном праздничном наряде. Усть-Котовский завод (Уфимская губ. и уезд. Начало XX в.)

Рабочая одежда состояла из пестрядинной или ситцевой рубахи и нанковых штанов, а в прядильном цехе работали в одних штанах. «Повседневная одежда рабочего состояла из длинных брюк, ситцевой цветной рубашки, одевавшейся «навыпуск» поверх брюк, жилетки и пиджака. Праздничная одежда, особенно у мастеров, получавших более высокую плату, значительно отличалась от рабочей одежды рядовых рабочих». Они надевали «сорочку» с заложенной в складки «грудью», иногда — галстук.

Текстильщицы в праздник носили ситцевые и более дорогие, например, кашемировые, платья (но шелковые были им недоступны). Шили их сами или «портнихи по журналам того времени». «Молодые девушки-работницы, если могли, заводили зонты, а для вечеринок с танцами — недорогие веера и нитяные перчатки... Сделать себе новую одежду при низком заработке... было трудно. Только самые квалифицированные из них, или если в семье все работали, могли позволить себе «лишнее» в костюме». Вместе с тем среди текстильщиц Орехово-Зуева бытовала и чисто крестьянская одежда. «Вновь прибывавшие на фабрику крестьяне, из отдаленных губерний, приносили с собой свое крестьянское платье, которое быстро меняли на костюм городского типа, принятый в рабочей среде» [1].

Степень пролетаризации, освобождения рабочих от сельского хозяйства имела большое значение для формирования быта рабочих.

Полукрестьянский характер хозяйства уральских рабочих (наличие у них усадьбы, огорода, покоса, домашнего скота и пр.) в значительной мере определял и их бытовой уклад.

Еще в конце XIX в. у уральских рабочих наряду с новыми явлениями, характеризовавшими культуру рабочего класса, сохранялись черты крестьянского быта. В среде старожильческого кержацкого населения бытовал традиционный праздничный женский костюм: косоклинный сарафан с пуговицами и парчевый кокошник [2] (рис. 6).

[1] М. Н. Левинсон-Нечаева. Положение и быт рабочих текстильной промышленности Московской губернии. Сб. «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950», в серии «Труды ГИМ», вып. XXIII, 1953, стр. 164—166.

[2] В. Ю. Крупянская. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века. СЭ, 1953, № 1, стр. 80—83.

Будничная и производственная одежда шилась из домотканины. Рабочие горячих цехов носили льняные рубаху и порты.

У приисковых рабочих Восточной Сибири, кроме обычных брюк, косоворотки, фуражки, сапог, довольно большое распространение имели эвенкийский кафтан из оленьих шкур, меховая обувь и рукавицы — *кокольды*, удобные в условиях работы. Часто по договору хозяин даже снабжал русских рабочих такой одеждой [1].

Связь с крестьянской одеждой в той или иной мере сказывалась в одежде рабочих, однако в целом это была одежда другого типа; влияние же ее на одежду сельских жителей было гораздо сильнее.

Одежда нового городского типа прежде всего стала распространяться во всех селах, связанных с кустарными промыслами или городом. В Подмосковье, например, в районе Гжели (центра фарфорово-фаянсового производства), уже в 1860-х годах все носили «платья так называемые «немецкие», кроме старух, да чересчур бедных» [2]. Наибольшим щегольством отличались люди, пожившие в Москве и Петербурге (последних называли «питерщиками», «петербурами»).

Старый традиционный костюм все более видоизменялся или же заменялся иным и у земледельческого крестьянского населения, которое с развитием товарно-денежных отношений и ростом классового расслоения, вступало во все более тесную связь с городом.

Нередко отдельные части традиционной одежды переносили в новый костюм или, наоборот, в традиционную одежду добавлялось новое: обувь, головной убор, верхняя одежда и т. д. Укажем, например, на женский северновеликорусский костюм. Старинная *пáрочка* состояла из сарафана (косоклинного или прямого), надетого поверх холщевой рубахи, и *коротéньки* — безрукавки на лямках; то и другое было сшито из одинаковой ткани. В конце XIX в. ее заменяет «парочка» другого типа. Рубаху с рукавами из коленкора или кисеи носили с прямым сарафаном — *кашемирником* или *атласником*, а сверху надевали кофту с отрезной баской (*казачек*) (мода 1890-х годов), сшитый из той же ткани, что и сарафан. При этом с «парочкой» нового типа надевали и кокошник, сверху покрывая его платком, а девушки, собираясь на праздничное гулянье, надевали высокие парчевые головные *перевязки* (рис. 7).

Видоизменением старого комплекса одежды была и наиболее поздняя форма сарафана с лифом или платье из ситца на кокетке, без рукавов (*полуплатье*).

Изменениям подвергся также украинский женский костюм: появилась сорочка с рукавами, доходившими иногда только до локтя; ситцевая или сатиновая *спідниця* — юбка постепенно вытесняла плахту и дергу; запаска в виде легкого передника из фабричной материи заменила старинную тяжелую шерстяную запаску; *кірсетка* или безрукавка какого-либо другого типа стали изготовляться из покупной ткани, как и очипок или хустка — платок.

В белорусском женском костюме *крáмная сподница*, т. е. из покупной ткани, вытесняла домотканный андарак; наметку заменила ситцевая хустка, нередко повязанная тем же способом, как раньше наметка.

У сельского населения распространилась новая городская одежда — юбка с кофтой (сшитой в талию или носимой свободно поверх юбки) или платье, воспроизводившие моды того времени. Рубаха при этом превра-

[1] Н. С. Попов. Приисковый быт. «Сибирская живая старина», кн. VIII—IX Иркутск, 1929, стр. 88; М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, стр. 179.

[2] А. Нентцель. Указ. соч., стр. 83.

а

б

Рис. 7. Девушки-поморки в перевязках и сарафанах

Слева — в «парочке» — сарафане и кофте, надетой поверх рубахи; справа — в безрукавке на лямках: *а* — спереди; *б* — сзади (Архангельская губ. и уезд. Начало XX в.)

щалась в бельевую часть одежды и ее шили без рукавов. В мужском костюме у крестьян, как и у рабочих, косоворотка из фабричной ткани вытеснила белую холстинную или пестрядинную рубаху, появилась жилетка, начала распространяться привычка ношения нижнего белья,— поверх холщевых портов и рубахи надевали рубаху и штаны из фабричной бумажной или шерстяной ткани. Распространялась верхняя одежда нового покроя из фабричного материала. Молодежь в праздники надевала поддевку, чуйку, бекешу и картуз; последний все более и более вытеснял все другие головные уборы.

Отмечая прогрессивность процесса изменения одежды в конце XIX — начале XX в. в связи с изменением социально-экономических условий и повышением культурных потребностей народа (одежда становится более удобной и опрятной), нельзя забывать и об отрицательной стороне влияния капиталистического города, проникновении мещанских вкусов, что особенно сказалось в орнаменте. Таковы известные антихудожественные «мыльные» брокаровские и им подобные образцы вышивок, сыгравшие отрицательную роль в развитии народного орнаментального искусства русских, украинцев и белорусов.

Особенности в одежде различных по зажиточности групп крестьянства в середине XIX в. выражались не столько в покрое и типе одежды, сколько в качестве тканей, употреблении ценных украшений из металла, камней. Характерным признаком зажиточности была степень обеспеченности обувью, одеждой (особенно верхней).

Так, женские сарафаны на русском Севере в 60-х годах XIX в. сильно различались в зависимости от зажиточности крестьянской семьи; в бедной семье будничные сарафаны шили из домашней крашенины, праздничные — из китайки, ситца, кумача (и употребляли в самых торжественных случаях, например на свадьбе); в богатой — праздничные сарафаны шили из шелковой материи: штофа, парчи, тафты [1], обшивая их широким золотым позументом или бахромой; у менее зажиточных позумент был узкий и дешевый. Отделка головных уборов состояла из золотого или серебряного галуна, жемчуга или же из простого бисера.

Повседневной обувью богатых крестьян были сапоги и полусапожки с резинкой; остальные же крестьяне чаще обувались в *коты́*, *чирки́*, имея иногда сапоги или полусапожки в качестве праздничной обуви. Лапти (за исключением некоторых областей) служили обувью преимущественно беднейшей части крестьян.

Социальное расслоение резко выявлялось в верхней одежде. Обычно ее шили из домашнего сукна для осени, из овчин для зимы, и если крыли, то холстом, крашениной. В бедной семье не все ее члены были обеспечены верхней одеждой (чаще всего не имели ее дети).

В богатых семьях, имевших разнообразную верхнюю одежду, ее шили из покупного сукна, овчинную шубу покрывали сукном, часто подбивали и отделывали мехом. Наиболее богатые нередко шили енотовые и беличьи шубы, кроме того, женские шубейки шили из штофа на лисьем, беличьем и песцовом меху с широким собольим воротником [2]. Социальное расслоение деревни в конце XIX в. сказывалось и в организации праздничных гуляний. Я. И. Руднев приводит сообщение одной собирательницы, сделанное в 1880-х годах, об одежде Балахнинского уезда Нижегородской губ.: «...девушка, явившаяся на гулянье в ситцевом сарафане, не смеет стать в хоровод... в хороводе принято ходить в шерстяных сарафанах, платьях и шелковых платках; также и молодые парни, не имеющие щегольского наряда — сюртука из тонкого сукна, хороших сапогов и жилета, остаются только зрителями чужого веселья» [3].

Богато одетых девушек в Новгородской губ. называли «славутницами». «Чтобы заслужить это почетное прозвище,— писал М. К. Герасимов в 1894 г.,— девушке нужно иметь «платно» с казаком, т. е. шелковый сарафан или — «бархатник», в дополнение к ним шелковый платок и тюлевый фартук с кружевами... Некоторые девушки, чтобы нажить «платно», нанимаются нарочно в работницы, и отходят с места, как только скопят нужную сумму на покупку материи. Славутницы... подбирают из себя (в большие праздники.— *Г. М.*) и отдельный хоровод «бархатниц»; другой же хоровод составляется из девушек, одетых в «гарусники» (сарафан из шерстяной материи) и «ситцевики»» [4].

В богатых украинских семьях носили нарядные узорчатые плахты, спидницы из добротной ткани, суконные «юпки», поверх рубахи — сатиновую кирсетку и *лехку* (одежду с рукавами, украшенную бархатом) и фартук, богато расшитые узором тулупы, дорогие намиста и серьги, щегольские черевики и чоботы из сафьяна (*сапьянці*), шелковые хустки; в бедных семьях носили обычно более дешевую спидницу, дергу, холщевую

---

[1] «Архангельский сборник, или материалы для подробного описания Архангельской губернии», ч. I, кн. 1. Архангельск, 1863, стр. 63.

[2] Там же, стр. 247.

[3] В многотомнике «Русская земля», т. VIII, Центральная промышленная область, 1899, стр. 72—76.

[4] М. К. Герасимов. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии. ЭО, кн. XX, 1894, № 1, стр. 121.

или ситцевую хустку [1], сермяжную свитку, самодельную кожаную или плетеную обувь и т. п. Плахту надевали только по праздникам.

В белорусской деревне лишь «заможные» крестьяне имели кожух из хороших овчин, украшенный тесьмою; *китлик* из дорогой ткани, иногда расшитый золотой нитью. «Боты» также были достоянием «заможных людей», а в дореформенный период «приобретение ботов составляло событие» [2].

В конце XIX — начале XX в. у сельской буржуазии проявилось сильное стремление подражать модам буржуазии города. Мужчины стали носить шляпы городского типа (например, котелок), рубахи с крахмальным воротничком и манжетами, щегольскую «тройку» (фасоны которой менялись в зависимости от моды), резиновые калоши с кожаной обувью; непременную принадлежность составляли часы с одной или несколькими золотыми цепочками — показатель богатства. Женщины шили себе платья с турнюрами, корсеты, приобретали шляпы, зонтики, длинные до локтей перчатки без пальцев, местами называвшиеся «накулачники» (вязаные из тонких ниток или лайковые), модные ботинки и др. Несколько ранее были попытки устройства самодельного кринолина (при помощи проволоки, прутьев) [3], но среди сельской буржуазии широкого распространения он не получил.

Одежда наиболее бедной части крестьянства выделялась худшим качеством материала, поношенностью и т. д. Но и в одежду этой группы крестьян тоже интенсивно проникал городской тип одежды (в связи с отходничеством в города, работой на фабриках). В более глухих земледельческих районах, со слабо развитыми товарно-денежными отношениями, еще сохранялись понева, лапти, старого покроя холщевые сарафаны, навершники; сохранился кое-где и обычай ношения девушками одной рубахи, без поневы (тогда как девушки из более зажиточных семей стали шить сарафаны).

Крестьяне-середняки, повидимому, дольше сохраняли традиционную одежду, однако и здесь влияние города становилось значительным.

Необходимо отметить, что вопросу изучения одежды в связи с классовым расслоением крестьянства в период капитализма до сих пор уделялось мало внимания в этнографической литературе не только дореволюционной, но и советской. Проблема эта, имеющая большой научный интерес, заслуживает специального исследования.

Прежде чем приступить к анализу, а затем обобщению данных об одежде русских, украинцев и белорусов, следует остановиться на вопросе классификации одежды. Мужская и женская одежда рассматривается в данной работе в отдельных главах, когда она значительно различается; в остальных случаях — вместе.

В особые главы выделены головные уборы (женские), пояс, обувь и рукавицы, а также украшения.

По основному назначению выделены три большие группы одежды:

1. Надеваемая непосредственно на тело; представляет основную, иногда даже единственную одежду (рубаха мужская и женская, порты).

[1] А. А. Лебедева, М. Н. Левинсон-Нечаева. Положение крестьянства Полтавщины в конце XIX — начале XX века. «Труды ГИМ», вып. XXIII, 1953, стр. 67—69.

[2] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 45.

[3] Такие попытки были в Тверской и Нижегородской губерниях (экспедиционные материалы автора, а также фото Музея народов СССР); в Московской губ. (А. Нентцель. Указ. соч., стр. 83—84).

2. Дополняющая нательную одежду (понева, сарафан, душегрейка, передник и др.). Ее носят в доме, избе, горнице [1], а также на улице.

3. Верхняя, надеваемая в холодное время года лишь при выходе из дома (кафтан, свита, армяк, полушубок, тулуп и др.).

Одежда может быть также подразделена на плечевую (рубаха, сарафан и пр.) и поясную (понева, плахта, юбка, штаны и пр.), в зависимости от того, где она укреплена.

В старой этнографической литературе характеристика одежды нередко сводилась к описанию главным образом ее внешних признаков и часто упускался из виду наиболее существенный ее признак — покрой. Для типологии одежды имеют значение также материал, расцветка, техника изготовления ткани, орнаментика, способ ношения, терминология и другие признаки.

Типы одежды восточных славян складывались в определенной этнической и социальной среде и изучение их следует связывать с определенными периодами исторического развития народа.

В последней главе сделана попытка охарактеризовать основные комплексы (с их вариантами) традиционной одежды русских, украинцев и белорусов, преимущественно XIX— начала XX в., сложившиеся в связи с различием исторических судеб, особенностями этнической истории этих народов.

В заключении даны некоторые выводы об историко-культурных связях восточных славян, как они выявляются по данным народной одежды.

---

[1] Отсюда и одно из названий ее, принятое в этнографической литературе — «горничная» в отличие от верхней.

II. МАТЕРИАЛ ОДЕЖДЫ

Приступая к анализу восточнославянской одежды, необходимо рассмотреть виды материалов, употреблявшихся для ее изготовления.

Термины *ткань, полотно, сукно, волна* (шерсть) являются древними общеславянскими. Шерстяная ткань имела, видимо, широкое распространение у древних восточнославянских племен; она применялась для изготовления не только верхней, но и нательной одежды (в частности, рубах). Доказательством этому является преобладание шерстяных тканей (нередко окрашенных в красный цвет) среди фрагментов тканей, находимых в курганных погребениях восточных славян. Однако там же встречаются обрывки льняного белёного холста. Б. А. Куфтин [1] по археологическим и историческим данным установил, что славяне в XI—XII вв. пользовались уже льняной тканью и носили льняную рубаху под верхней шерстяной одеждой. Конопля тоже издавна была известна славянам. Она, как полагает Л. Нидерле, «была рано заимствована славянами у иранцев (под последними он, повидимому, подразумевает скифов.— *Г. М.*), которые употребляли ее как одурманивающее средство, а также знали, что ее волокна пригодны для изготовления тканей» [2].

В русских письменных источниках XI в. говорится, что для изготовления тканей употребляли наряду с овечьей шерстью также и растительные волокна. В XII—XIII вв. князья и бояре брали оброк с крестьян льном, пенькой и изделиями из них. Производство тканей достигло в те времена значительного развития. Холст, как видно из письменных источников, ткался различных сортов: *ярг,* или грубая ряднина, *толстина, частина, тончица* [3]. В славянских курганах найдены образцы материй, выполненных сложным узорным тканьем на четырех подножках [4], или с тканым, вышитым и набивным узором [5]. Еще в X в. сукна вырабатывались в Киеве, Новгороде и даже вывозились за границу.

Кроме распространенных на Руси простых — шерстяных и холщевых — материй, известны были привозные, часто дорогие ткани. Шелка привозились с Востока, в особенности из Византии. Находки фрагментов узорчатых шелковых тканей в киевских, черниговских и других курганах, как и письменные свидетельства X—XII вв., указывают, что для одежды князей и дружинников использовались привозные ткани. В рассказе Ибн-

---

[1] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 20.

[2] Л. Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага, 1924, стр. 142.

[3] Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 135.

[4] Н. И. Лебедева. Очередные вопросы изучения прядения и ткачества. М., 1929, стр. 14.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 152.

Фадлана (X в.) о похоронах знатного руса упоминается кафтан из *дибаджа* — византийской парчи. Во времена Олега русские покупали греческие ткани, получали их в виде подарков, а также добывали на войне. На миниатюрах XI в. (Трирская Псалтирь и другие), фресках Спас-Нередицкой церкви в Новгороде и других иконографических памятниках изображена узорчатая ткань (на корзнах, кафтанах и шапках, составляющих части княжеской одежды). Шелковые ткани обозначались термином *паволока*. С XII в. наряду с паволокой в письменных источниках встречается название ткани *аксамит* (или *гексамит*, что по-гречески означает «шестиниточный» [1]) — золотая или серебряная узорчатая ткань византийского происхождения. Паволока и «дорогие аксамиты» упоминаются в «Слове о полку Игореве». Находки шерстяной набойчатой узорной ткани XI—XII вв. из земли северян (территория современных Черниговской и Орловской областей) позволяют, по мнению Л. И. Якуниной, установить существование набоечного мастерства на Руси приблизительно в то же время, что и на Западе, где известны образцы приблизительно тысячелетней давности [2].

В качестве материала для одежды применялся древними славянами и мех. Охота на пушного зверя имела большое значение в хозяйстве восточнославянских племен. Добывание куньих, беличьих, собольих мехов составляло важный источник дохода в Киевской Руси. Мех занимал главное место среди товаров, вывозимых на Восток, в Грецию и Болгарию. В XI—XII вв. шкурка пушного зверя стала денежной единицей в торговле и при собирании дани. Из мехов изготовлялась верхняя одежда — мужская и женская; меха шли на подбивку и оторочку головных уборов. В летописи и других источниках упоминаются куньи одежды, бобровые шубки, беличьи, горностаевые меха, употреблявшиеся богатыми людьми. В былине о Волхе Всеславиче так описывается одежда его дружинников:

Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то, барсовые [3].

Однако вряд ли дорогие меха и шелк использовались в народной одежде. Об этом прямо говорится в Слове Даниила Заточника (XII в.)): «Ты облачишися и ходиши в поволоце и в кунах, а убогый руба не имать на телеси» [4]. Народу были более доступны овчины, но и они представляли для него ценность,— на это указывает упоминание об овчинах в духовных грамотах и других документах того времени. Использовались также шкуры диких животных: носили медвежьи шубы и пр.

В XV—XVII вв. народную одежду шили главным образом из домотканного холста и сукна; кроме того, употребляли привозные бумажные ткани. Бумажный миткаль, окрашенный в красный цвет, называли *кумач*. Миткаль, крашенный в кубовую, «рудо-желтую» или другую краску, назывался *киндяком,* узорчатый киндяк — *выбойкой*. Такие ткани употребляли ремесленники, торговцы, а отчасти и крестьяне. По свидетельству современника, «русские, особенно простонародие, не могут обходиться без... киндяков, потому что одеваются в них» [5]. В описи крестьянского

[1] Есть предположение, что свое название эта ткань получила от техники выработки. (Н. А. Аристов. Указ. соч., стр. 155.)

[2] Л. И. Якунина. О трех курганных тканях, стр. 147.

[3] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1878, стр. 32.

[4] Цит. по Н. Аристову. Указ. соч., стр. 147.

[5] Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 361.

имущества XVII в. перечисляется домотканная одежда: «портки робячьи пестрединные», «шуба овчинная крыта крашениной», «кафтан сукна одинцовово — подложен холстом». Наряду с этим упоминается «шубка кумашная холодная, подложена холстом, пугвицы оловянные»[1]. Отсюда можно заключить, что бумажные покупные ткани употреблялись и крестьянами, хотя они шили одежду преимущественно из домотканины и она резко отличалась от одежды богатых горожан и бояр, которые широко использовали привозные шелковые (бархат, атлас, камку и др.) и шерстяные ткани.

В этот период оживленных торговых связей Московского государства с Востоком дорогие ткани привозились из Персии, Средней Азии, Турции, Китая[2]. Атлас, бархат и камка (с мелким узором — *травами, кругами, кружчатый, мелкотравчатый),* золотой аксамит и другие ткани упоминаются в русских былинах. В одной из них рассказывается, как Соловей Будимирович привез из-за синего моря в подарок для княжеского двора заморские товары:

Княгине поднес камку бело-хрущатую,
Недорога камочка — узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусалима...[3]

В песне поется:

Камочка, камочка моя
Мелкотравчатая, узорчатая,
Не давайся развертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни тому что аксамиту на золоте[4].

В XV—XVII вв. производство набойки — узорчатой холщевой крашеной ткани — достигло высокого уровня развития. В Москве мастера, занимавшиеся *пестрением* холста, т. е. нанесением узоров на ткань, назывались *пестрядильниками.* Красильщики были и в других русских городах, а также на Украине и в Белоруссии. Так, например, в Могилеве в 1647 г. крашением холста занимались мещане *крашанинікі.* Слово *выбойка* упоминается в белорусских документах XVI—XVII вв., *крашаніна* — XVII в.[5] Набойка шла на знамена, шатры, церковное облачение и больше всего на повседневную одежду.

Существовало производство полотна и сукна для продажи. Простое, некрашеное сукно — *сермяга* — отличалось прочностью. Из него шили

---

[1] «Известия Археологического об-ва», т. III. СПб., 1861, стр. 62—63.

[2] Наряду с восточными и западными алтабасами и бархатами кизильбашскими, китайскими, турскими в описях царского и княжеского имущества упоминаются бархаты виницейские, флоренские, немецкие и др., сукна английские, брабантские, фряжские, что свидетельствует о ввозе тканей и с Запада. Для верхней одежды — кафтана, ферязи, опашня — употреблялась объярь — ткань восточного происхождения, но в XVII в. (как и многие другие) ввозившаяся уже с Запада. Впервые она упоминается в 1328 г. в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты: в ней он завещает сыну «кожух обирь». Упоминание об «алтабасе» — золотой или серебряной узорчатой ткани — появляется не ранее XVI в., а о «зарбафе» — персидской парче — говорится в документах XVII в. (В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. «Сборник Оружейной палаты», М., 1925, стр. 22, 27, 29, 50).

[3] Древние российские стихотворения, стр. 3.

[4] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 155—157.

[5] Зм. Даўгала. Крашаніна, набойка і выбойка. «Наш край», Менск, 1926, № 6—7. стр. 48—50.

верхнюю одежду люди различных сословий. О сукнодельнях и суконниках в Москве в XIV в. упоминается в различных документах. В XVII в. суконная промышленность существовала во многих русских областях.

Попытки создать в Москве собственное производство шелковых изделий из привозного сырья относятся еще к XVII в., но основные шелкоткацкие фабрики возникают позднее, XVIII в.[1] Постепенно изготовление шелковых тканей, особенно парчи, достигло в России большого совершенства.

С XVIII в. развивается текстильная и в том числе хлопчатобумажная промышленность. Продукция отечественных фабрик проникает и в деревню, однако в первой половине XIX в. в крестьянской одежде многих губерний, как уже упоминалось, домотканина еще преобладала.

Для изготовления нательной и другой одежды употреблялся преимущественно льняной и конопляный холст, известный всем восточным славянам. У северных и средних великорусов, а также у части белорусов и у украинцев северных областей преобладала культура льна; у южных великорусов и украинцев центральных и южных областей, так же как и у народов Поволжья, большое значение имела культура конопли. Домашняя льняная или пеньковая ткань называлась *холст, холсти́на, по́ртно, то́ча, то́чиво, новина́, кро́сно. Поско́нный* холст (из *по́скони*, или *зама́шки,*— мужских стеблей конопли) считался наиболее прочной тканью для рубах.

Качество ткани в значительной степени зависит от обработки волокна. Тонкий холст получался в результате тщательной обработки льна, конопли и неоднократного расчесывания кудели. Такой холст, хорошо выбеленный, употреблялся на праздничную одежду. В народной украинской песне говорится о праздничной рубахе из тонкого холста:

На нем кошуля як бель беленька,
Як бель беленька, як лист тоненька[2].

Очески от льняной или пеньковой кудели шли на изготовление грубой ткани, из которой шили подставы к женским рубахам и различные части будничной, рабочей одежды. Шерстяная (в основном из шерсти овец) или полушерстяная (с льняной или пеньковой основой) толстая домашняя ткань называлась *сукно́, сукмани́на, пони́точина, пони́ток, серма́жина, однони́ток* и употреблялась преимущественно для верхней одежды. На Севере «понитком» называли толстую ткань с льняной основой, с чередованием в утке́ льняной и шерстяной нитки (отсюда и ее название). На юге (Рязанская, Пензенская области) пониточной тканью называли чисто шерстяную тонкую ткань простого переплетения (например, поневную), изготовленную из тонких сученых ниток.

Известно применение коровьей, а также верблюжьей шерсти (последнюю привозили из прикаспийских степей). Полушерстяное сукно из верблюжьей шерсти называлось *армячиной* и шло на верхнюю одежду — армяки, азямы. Коровья шерсть применялась на севере (в Олонецкой и

[1] С этого времени в быт господствующих классов начинают входить шелковые ткани, сделанные в России. Елизавета Петровна указом 1742 г. запрещала шить платья из иностранной шелковой парчи, причем исключение предоставлялось высокопоставленным лицам, «обретающимся в классах», «а женам шелковое платье носить по рангам мужей их». Однако в том же указе говорилось «о смотрении, чтобы в Российских мануфактурах деланы были шелковые парчи добротою против иностранных», но не золотые и серебряные (цит. по статье Е. Матвеевой. Материалы к вопросу о вятских костюмах XVIII в. «Вятская жизнь», 1923, № 1, стр. 42—43).

[2] Я. Ф. Головацкий. Указ. соч., стр. 13.

Архангельской губерниях) для изготовления кушаков, а иногда ткани для сарафанов.

Особую шерстяную ткань приготовляли из длинной овечьей шерсти — *волосѐни* (для получения которой овцу целый год не стригли); пряжа и ткань из нее получались очень тонкие. Ткань из волосени употреблялась для юбок, поясов, сарафанов в Курской и других южновеликорусских губерниях [1], а также на Украине [2]. По другим данным волосенью называлась ткань, приготовленная для поневы [3].

Кроме распространенного способа тканья — на двух подножках,— ткали при помощи четырех, шести, восьми и более подножек. Сукно, тканное на четырех подножках, называлось *рядно́е* в отличие от *простого,* тканного на двух подножках. Многоремизная техника применялась при тканье узорного холста для праздничных рубах, рушников, столешников, а также при тканье тяжелой узорчатой поневной ткани в северо-восточной части Рязанской обл.

Необходимо отметить еще два способа узорного тканья у восточнославянских народов: браную и закладную технику тканья узоров [4]. Браная, или переборная, техника тканья широко распространена у русских (особенно у северновеликорусов), белорусов и украинцев (у последних — при тканье плахт). Закладная техника наиболее распространена у южных великорусов — в Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Брянской областях, встречается она и у северных великорусов — в Калининской и Ярославской областях (т. е. преимущественно в бассейне Оки и Волги), а также кое-где в Архангельской обл.; на Украине и в Белоруссии этой техникой ткали узорные запаски, хвартуки, а также украинские ковры-*килимы.* Подобная техника широко применяется в ковроткачестве Средней Азии и у различных, преимущественно тюркоязычных, народов Восточной Европы (казанских и касимовских татар, башкир и чувашей) и известна у южных славян (особенно у болгар).

Узорные ткани вырабатывались из крашеной пряжи. Значительное применение в деревне XIX в., особенно для рабочей одежды, имела *пестрядь, пестредь* — узорная пеньковая или льняная ткань, известная издавна (упоминается в документах XVII в.).

Узор пестряди чаще всего состоял из клеточек, что достигалось путем включения крашеных нитей и в основу и в уток. Мужские рубахи из пестряди, вытеснившие более старинные белые льняные или пеньковые рубахи, назывались *пеструхи,* а женские сарафаны из пестряди — *пестрядильники.* Пестрядь изготовлялась самими крестьянками. Были производства мануфактурного типа, изготовлявшие полубумажную пеструю ткань и бумажную, называвшуюся *сарпи́нка,* с узорами в клетку или полоску. Производство пестряди и сарпинки было сосредоточено в центральных (нечерноземных) губерниях; крупным центром производства сарпинки была также Саратовская губ., откуда она и развозилась по всей России.

В XVIII — начале XIX в. применялась в быту узорная крашеная холщевая ткань — *набойка, крашенина, выбойка, печатник* (рус.); *краша́ніна, выбойка, набойка* (белор.); *вибійка, димка* (укр.), которую изго-

[1] В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, вып. III, стр. 113—114; Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества, вып. 1. Пг., 1914, стр. 302.

[2] Волосінь — длинная шерсть, из которой ткали тонкую пряжу. См. В. К. Василенко. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. «Сб. Харьковского историко-филологического общества», № 13, стр. 202.

[3] Н. П. Гринкова. Русская понева юго-западных районов РСФСР, стр. 25.

[4] См. работу Н. И. Лебедевой в настоящем издании.

товляли путем наложения резных досок на холст. Красильные заведения имелись в селах и небольших городах (из крупных городских центров в этот период они переместились на периферию). Были бродячие красильщики, занимавшиеся набивкой тканей на ярмарках. Набойка шла не только на одежду, но и на наволоки для подушек, занавеси и пр.

С середины XIX в. фабричные ткани все более вытесняют набойку из домашнего обихода сельского населения, и набоечное красильное ремесло к началу XX в. постепенно приходит в упадок.

Преобладающим типом набоечной ткани, употреблявшейся для одежды в XIX в., особенно у русских и белорусов, была синяя (кубовая) ткань с белым узором; для украинцев характерна, кроме того, черная ткань с белым узором (рис. 8, *3*), а также ткань с темным узором по белому фону. В XIX в. русские набойщики (а также белорусы) более всего применяли *вапу* — состав, не дающий краске осаждаться на ткань в местах узора; иногда же — вытравку, сравнительно редко употребляя более старый способ нанесения узоров масляной краской. Украинцы, напротив, сохраняли этот старинный способ и связанный с этой техникой термин *вибійка* [1]. Основу орнаментики восточнославянских набойчатых тканей, изготовлявшихся для одежды, составляли разнообразные растительные, частью геометрические мотивы. Наиболее разнообразные по узорам, иногда многоцветные набойки шли для женских сподниц, подстав к рубахам, платков и сарафанов (рис. 8, *1—3*). Сарафанные ткани делались особенно нарядными — в три, четыре цвета: к синему и белому добавлялся желтый, а иногда и оранжевый цвет (последний — с помощью добавочной набивки масляной краской). Для мужской одежды (штанов, рубах) изготовляли ткани с менее сложными геометрическими узорами, для портов — чаще всего в полоску или *городками* — зубчиками, для рубах — *в горошек*.

В фабричных, пригородных селениях, в районе развития кустарных производств или отхожих промыслов одежду еще в первой половине XIX в. шили главным образом из покупной материи.

Так, например, в Корчевском уезде Тверской губ. близ с. Кимры, где население занималось почти исключительно сапожным ремеслом (на месте или отправляясь в Москву, Петербург), уже в 40-х годах XIX в. оно одевалось в покупные ткани, особенно в праздник. Как сообщает корреспондент Русского географического общества [2], мужчины в праздничные дни наряжались в ситцевую красную рубаху-александрийку, синий армяк или темную поддевку из покупного сукна, суконный картуз или поярковую шляпу; женщины и девушки в праздник надевали ситцевые рубахи, кумачные ферязи с пуговицами спереди или ситцевые круглые ферязи и фартуки.

Со второй половины XIX в., когда капитализм развивался особенно интенсивно, на деревенские базары, ярмарки, в лавки все более проникали фабричные ткани: ситец, сатин, коленкор, шерстяная ткань, дешевые сорта парчи, штофа, плиса (бумажный бархат), позумент, ленты, платки. Применение фабричных материалов в быту отражают слова украинской песни:

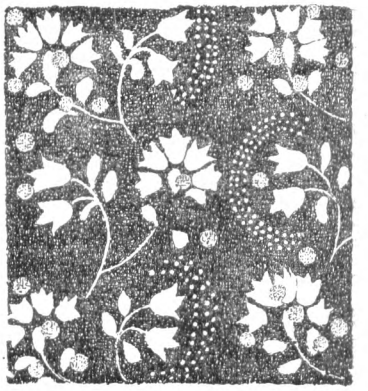
Коленкору на рубашку,
Ой, дерезету на керсету,
Ситцю на спідницю [3].

[1] «Орнамент української вибійки». Академія архітектури Української РСР (Інститут художньої промисловості). Київ, 1950, стр. 8.

[2] АГО, 1848 г., разряд 41, № 10, л. 4.

[3] П. А. Гнедич. Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд, вып. 2, ч. 1. Полтава, 1915, стр. 35.

1а



1б

2

3

Рис. 8. Русская и украинская набойка

1а — сарафан из набойки — троекрасочник; *1б* — фрагмент этой же набойки (дер. Большие Халуи Каргопольского уезда Олонецкой губ., XX в.); *2* — ткань для сарафана (Архангельская губ.); *3* — халузаня — холщевая набойчатая юбка с узором «халузи» (район г. Турка Дрогобычской обл., XIX в.)

Покупные ткани значительно больше употреблялись населением нечерноземной полосы, на промысловом Севере, а также в южных степных областях и значительно меньше в южновеликорусских центрально-черноземных областях и Белоруссии, где сильнее проявлялись феодально-крепостнические пережитки и хозяйство носило, видимо, в большей степени натуральный характер.

Из сообщений корреспондентов Русского географического общества того времени видно, что домотканина преобладала в Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и других южновеликорусских губерниях.

В песнях русского Севера XIX в. перечисляются шелковые ткани в качестве ценных подарков:

Я носил девке подарочки,
Я тафты, камки на юбочку,
Гранитуру на шубеечку...[1]

Часто упоминаются в песнях *плис, гранитур* (искаженное *гродетур* — род шелковой материи) и другие ткани с эпитетом «дорогие»:

Привезу я душе Маше
Дорогих подарков
Дорогой парчи на юбку
Гризету на шубку...[2]

или:

Братцу бархатцу на шапочку,
Сестрице доброй купи штоф дорогой...[3]

Парча была наиболее употребительна в женском праздничном костюме поморов и других групп северных великорусов, но в какой-то степени использовалась для частей праздничной одежды у всех восточных славян. Шелковую парчу с золототканным узором приобретали только самые богатые из крестьян; в ходу были большей частью сравнительно дешевые сорта бумажной парчи, затканной узором из мишуры. И эта ткань была не всем доступна; наиболее бедные крестьяне ее не покупали. Если и шили шелковый парчевый сарафан или шубку, а у белорусов — китлик, лейбик, то такую вещь берегли, передавали по наследству из поколения в поколение. Бедные девушки нанимались в «казачихи», чтобы заработать на сарафан, душегрейку и другие предметы своего приданого (Архангельская и Олонецкая губернии). Более доступными были бумажные фабричные ткани — такие, как ситец, коленкор, сатин. Они преобладали в одежде горожан, рабочих.

До начала XX в. и эти ткани для части деревни являлись дорогими, праздничными; в будни носили одежду из домотканины, нередко пестряди и набойки, с узорами, большей частью выполненными в духе своеобразной народной орнаментировки, но нередко являвшимися подражанием рисункам фабричных ситцев.

Прядение и ткачество, производство обуви, овчинной одежды, красильное дело, художественные текстильные ремесла достигли высокого развития у восточнославянских народов и оказывали значительное влияние на костюм соседних народов. Лен стал основным сырьем для изготовления одежды у коми, верхневолжских карелов и др., живших в север-

[1] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии Архангельской губернии, вып. 2. М., 1877, стр. 21.
[2] Там же, стр. 115.
[3] Там же, стр. 118

ных губерниях с высоко развитым там у русского населения льноводством. Сукно, холст, пестрядь, хлопчатобумажные ткани русского производства широко распространялись по всей России. У некоторых народностей Севера и Сибири под влиянием русских, украинских и белорусских переселенцев возникло ткачество, которого они ранее не знали. Так, например, оседлые алтайки стали носить более удобную и опрятную одежду, перенятую у русских крестьян, и научились изготовлять ее сами [1], кочевые же алтайки умели изготовлять лишь один войлок. Многие из народов Севера и Сибири стали носить одежду из покупных русских тканей. Большое значение восточнославянское ткачество и завоз тканей имели для народов со слабо развитым ткачеством, употреблявших преимущественно волокна крапивы (например, ханты, манси). Уже в XVII в. в Сибирь завозились сермяжное сукно, ярославское полотно, шубы, кафтаны и рубахи, кожаные сапоги, пояса и другие изделия. Завоз русского сукна и бисера в Северную Азию способствовал, по мнению исследователя народов Севера Б. О. Долгих, развитию своеобразных украшений на одежде ненцев, эвенков, эвенов и других народов Севера и Сибири, оторачивавших ее цветным сукном, украшавших аппликацией из сукна и великолепным орнаментом из бисера. Широкий сбыт находили русские ткани на Кавказе и в Средней Азии. Знаменитые «прохоровские ситцы», павловские платки и многие другие изделия русской фабричной промышленности распространялись повсеместно. Находили сбыт и парчевые ткани (шелковые, но большей частью бумажные). Из парчи женщины-коми изготовляли праздничные головные уборы — *сборники* (северновеликорусского типа). У коми-ижемцев парча применялась в одежде еще чаще, наряду с другими тканями фабричного производства. Ижемцы, будучи оленеводами, не знали ткачества и носили одежду из русских покупных тканей.

Немалое значение имели такие ремесла, как вышивальное (вышивка очелий головных уборов и пр.) и кружевное, изготовление поясов, вязание чулок, портняжное, красильное производство. Далеко на север проникали тверские, новгородские ремесленники. Костромские и вятские набойщики работали среди коми (зырян и пермяков).

Русские коробейники, продавцы разных изделий, в том числе и бумажной пряжи — *кумака,* ездили в Прибалтику, как это отмечено для Эстонии, еще в XIX — начале XX в. [2]

Большого развития достигли производства по выделке кожи и овчины, пошивке обуви, изготовлению валяных сапог, сосредоточенные главным образом в центральных нечерноземных губерниях и распространявшиеся оттуда по всей России. Русские валяльщики оказали большое влияние на развитие производства валяной обуви у украинцев, белорусов, а также у коми, карелов, народов Поволжья и др. Далеко заходили русские овчинники; большое значение имело производство шуб, пошивка овчинных тулупов, полушубков, сбывавшихся, кроме русских губерний, в Белоруссии, на Украине, в Литве и Польше [3].

---

[1] Л. П. Потапов. Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 441.

[2] А. Х. Моора. Эстонско-русские отношения в XVIII — XX вв. по данным этнографии. КСИЭ, вып. XII, 1950, стр. 50.

[3] И. Лядов и И. Прусаков. Кустарная промышленность Владимирской губернии. «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», X, отд. 2, СПб., 1883, стр. 2842—2849.

III. ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

РУБАХА

Древнейшие данные о восточнославянской мужской рубахе довольно скудны. Термины *руб, срачица*, упоминаемые в летописи, являются общеславянскими. Древнейшие письменные и археологические источники позволяют заключить, что рубаха составляла важнейшую часть славянской мужской одежды. Сообщения Прокопия (VI в.), а позднее Ибн-Фадлана

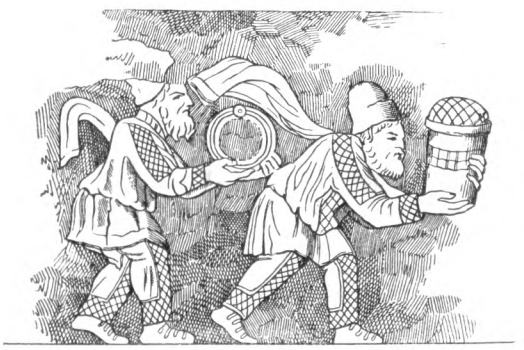


Рис. 9. Деталь резного диптиха из кости (IV в. н. э.)

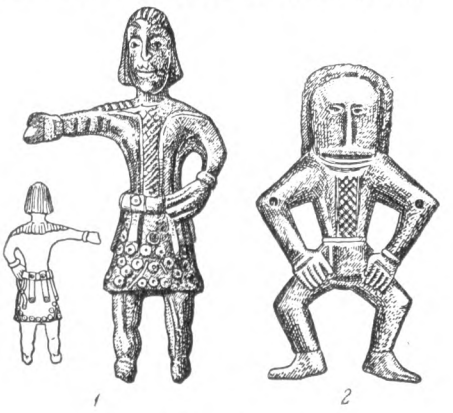


Рис. 10.

1 — бронзовая мужская фигурка из кургана Полтавщины; *2* — серебряная мужская фигурка VI в. н. э. из Киевщины

(X в.) о том, что славяне ходили в одних штанах, прикрывая верхнюю часть тела лишь плащом, не противоречат вышесказанному; указанная в этих сообщениях одежда, видимо, была одеянием воинов, а не обычным повседневным костюмом. Л. Нидерле полагает, что в древности славяне носили длинные *рубахи (рубища)* из грубой ткани, подобные тем, в которые одеты варвары, изображенные на Траяновой колонне, но к концу I тысячелетия н. э. у славян уже имелась более легкая и короткая одежда — *срачица* [1]. Сравнительно короткие рубахи изображены на резном диптихе из слоновой кости (IV в. н. э.), где воспроизведены фигуры иноземцев, приносящих дары императору Констанцию (рис. 9). Вполне вероятно, что здесь изображены славяне или их предки: физический облик

[1] Л. Нидерле. Культура и быт древних славян, стр. 158—161.

людей, их одежда, способ ее ношения живо напоминают русских. Рубаха подпоясана и выпущена поверх узких штанов.

Тип этой одежды резко отличается от древней одежды скифов-кочевников. На вазах из Чертомлыцкого и Куль-обского курганов (V—IV вв. до н. э.) мужчины-скифы изображены в коротких запахивающихся и подпоясанных куртках, являвшихся у них нательной и одновременно верхней одеждой. Судя по славянским памятникам I тысячелетия н. э., мужская рубаха была глухой, а не распашной. Это — рубаха на бронзовой фигурке из Полтавщины (рис. 10, *1*), на литой фигурке из серебра из Киевщины (рис. 10, *2*) [1]. В подобную одежду одеты скоморохи на фресках Киевского Софийского собора XI в., смерд на миниатюре Псковского Устава XI—XII вв. (рис. 11). Здесь изображена одежда трудового народа, а не княжеская. В Псковском Уставе показан отдыхающий смерд —

Рис. 11. Миниатюра из Псковского Устава (XI—XII в.)

«делатель», в сравнительно длинной, доходящей до колен рубахе; на фресках Киевского Софийского собора и более поздних миниатюрах (XIV—XV вв.) изображаются более короткие рубахи.

Вместе с тем традиция ношения длинных мужских рубах долго существовала в народе. Обычай, согласно которому юноши не носили портов до женитьбы и ходили в одних длинных, спускающихся ниже колен, подпоясанных рубахах, отмечался у восточнославянских народов в некоторых местностях еще в XIX в. На новгородской иконе 1478 г. среди молящихся новгородцев изображены юноши в одних длинных белых рубахах, перехваченных поясом с кисточками [2]. Гравюры Адама Олеария, выполненные в XVII в., изображают московских крестьян в длинных подпоясанных рубахах, под которыми штаны скрыты почти полностью, а юноша изображен просто в одной рубахе (рис. 12).

Древняя восточнославянская рубаха имела туникообразный покрой, прямые рукава (иногда очень длинные, спускающиеся ниже кисти) и прямой разрез ворота. Дошедшие до нас из глубокой древности изображения позволяют считать, что рубаху делали обычно с прямым разрезом, т. е. посередине груди. Такова рубаха на упомянутых выше серебряной литой фигурке VI в., на бронзовой мужской фигурке (см. рис. 10) и на рисунке киевского браслета XII в. Наличие вышивки спереди подчеркивает место разреза. Ни фрески Киевского Софийского собора, ни миниатюры Кенигсбергской летописи (XV в.), ни изображения одежд

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1848, стр. 82.

[2] Фрагменты этой иконы даны в работе Н. Гиляровской «Русский исторический костюм для сцены». М.— Л., 1945, стр. 11.

1

2

Рис. 12. Московская одежда по гравюрам XVII в.

1 — московские крестьяне; *2* — одежда женщин и мужчин

в заглавных буквах рукописей XIV—XVI вв. не дают сведений о наличии бокового разреза ворота в древнерусской рубахе. В известной рукописи псковского происхождения (Псковский Устав, см. рис. 11) смерд изображен, по мнению А. В. Арциховского, в косоворотке, и на основании этого он полагает, что косоворотка являлась в то время общерусской одеждой [1]. Однако, если действительно в псковской миниатюре изображена косоворотка (что, впрочем, очень спорно), то для того времени она

Рис. 13. Русская мужская рубаха XVII в.

не была общерусской одеждой. Этнографические данные свидетельствуют, что у большинства белорусов и украинцев этот тип рубахи появился лишь под сравнительно поздним русским влиянием. У самих великорусов долго бытовал старый тип общей для восточных славян рубахи с прямым разрезом ворота, без воротника — *голошейки*.

К этому же типу относятся рубахи XVII в., хранящиеся в Государственном Историческом музее (рис. 13), рубаха Д. И. Пожарского [2] и рубахи, изображенные на гравюрах того времени (см. рис. 12). Косоворотка, составляющая характерную черту великорусской мужской национальной одежды, распространилась, как считает Д. К. Зеленин, не ранее XV в. [3] Местами еще в XIX в. косоворотка была лишь праздничной и «модной» одеждой, бытовавшей наряду с рубахой с прямым разрезом. Предположение некоторых авторов о восточном, в частности татарском, происхождении косоворотки не имеет никаких оснований, так как ни для татар, ни для других близких к ним народов не характерны рубахи с боковым или,

[1] А. В. Арциховский. Одежда. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 235, 239.

[2] Л. И. Якунина. Одежда Д. И. Пожарского (История русской рубахи). Рукопись. Архив ГИМ.

[3] D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde, S. 199—200.

как принято говорить, косым разрезом, что отмечает и Н. И. Воробьев, говоря, что косоворотку татары называли «русской рубахой» [1]. Для многих в прошлом кочевых народов Восточной Европы, Северной и Средней Азии была более типична не рубаха, а распашная одежда. У оседлых земледельческих народов Средней Азии, например таджиков [2], известна была рубаха архаической формы — с горизонтальным разрезом для головы (грудной разрез, преимущественно прямой, у них явление сравнительно по́зднее). Рубаха с косым разрезом ворота отмечена у персов и индусов, но разрез помещается не на левой стороне груди, как у русских, а на правой [3]. На территории Восточной Европы такой тип рубахи встречается у мари, удмуртов, коми-пермяков; у русских он — редкое явление и если встречается, то преимущественно в областях Урало-Поволжья и частью в Сибири (рис. 14, *2* и 15). Таким образом, можно считать, что косоворотка с разрезом на левой стороне специфична для великорусов. Распространение косоворотки, видимо, шло параллельно с распространением двубортной верхней одежды с застежкой на левой стороне [4] (см. стр. 702 настоящего издания).

Термины, обозначающие рубаху,— общеславянские: *руба́ха, соро́чка, испо́дка* — у великорусов, *соро́чка, кошу́ля* — у украинцев и белорусов [5]. Термин *кошуля* имеется и у северных великорусов (Архангельская и Вологодская области), но применяется для обозначения не рубахи, а зимней меховой одежды, крытой тканью. У сербов и хорватов рубаха также называется *кошуља*, у чехов — *rubaš*, *košila*, у поляков — *koszula*.

Пользуясь этнографическими данными XVIII—XX вв., можно выделить четыре основных типа мужской восточнославянской рубахи: 1) туникообразная, 2) с прямыми поликами, 3) с узкими нашивками на плечах, 4) на кокетке.

Туникообразная рубаха

«Туникообразным» ее покрой назван Б. А. Куфтиным [6] по сходству с покроем позднеантичной туники. Мошиньский [7] называет этот покрой — «пончо», так как в основе его лежит перегнутое полотнище ткани с вырезом для головы, как у примитивного плаща «пончо».

Туникообразные рубахи можно подразделить на рубахи с бочками и без бочков. Рубаху с бочками шьют из полотнища льняной или конопляной, преимущественно некрашеной, ткани, перегнутого по утку (на месте сгиба прорезается ворот); к центральному или среднему полотнищу пришиваются прямые полотнища (образующие бочка) и рукава прямого покроя.

Туникообразная мужская рубаха с бочками имеет несколько вариантов.

1. С прямыми цельными бочками; была наиболее распространена у великорусов, но известна и украинцам, а также встречается у белорусов (см. рис. 14, *1* и 16, *1* и *2*).

---

[1] Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1950, стр. 310—313.

[2] С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области. М., 1952. (Кандидатская диссертация). Архив ИЭ.

[3] Max Tilke. Studien zu der Entwicklungs-Geschichte der orientalischen Kostüms B., 1923, S. 70.

[4] Мысль о параллельном развитии рубахи с косым разрезом и двубортной верхней одежды была подсказана автору Н. П. Горбачевой.

[5] Б. А. Куфтин. Материальная культура мещеры, стр. 23.

[6] Там же.

[7] K. Moszyński. Kultura ludova słowian, т. 1. Kraków, 1929, стр. 425—426.

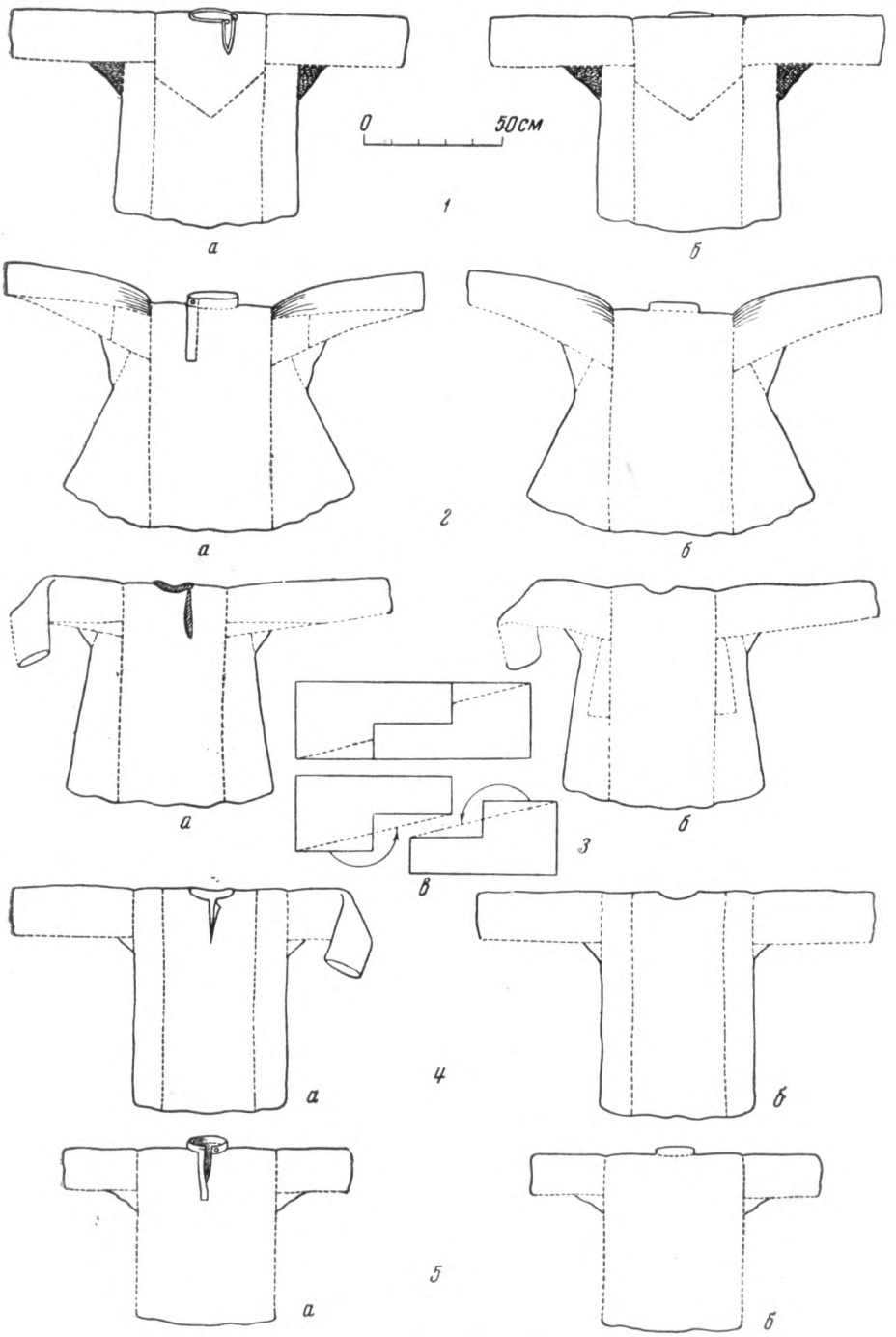


Рис. 14. Покрой русских и белорусских мужских рубах XIX—XX вв.

1 — косоворотка из холста: *а* — спереди; *б* — сзади (Тульская губ.); *2* — рубаха с косыми бочками из пестряди: *а*—спереди; *б*—сзади (Пермская губ.); *3* — рубаха с бочками, кроеными «по-топорному»: *а*—спереди; *б* — сзади; *в* — крой бочков «по-топорному», «в замок» (Великолуцкий уезд Псковской губ.); *4* — белорусская сорочка «колошкой», без уставок и ковнера: *а* — спереди; *б* — сзади (дер. Беседки Мозырского уезда Минской губ. 1860-е годы); *5* — сорочка мальчика из фабричной ткани: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Мятевичи Бобруйского уезда Минской губ.)

2. С бочками, кроенными *по-топорному* или *в замок* (см. рис. 14, *3*), имела в прошлом локальное распространение в Псковской и Новгородской областях [1]. Способ такого кроя известен там и для женских рубах.

3. Со скошенными боковыми полотнищами (см. рис. 14, *2*), часто из пестряди, ситца, кумача; распространилась у великорусов как более позд-

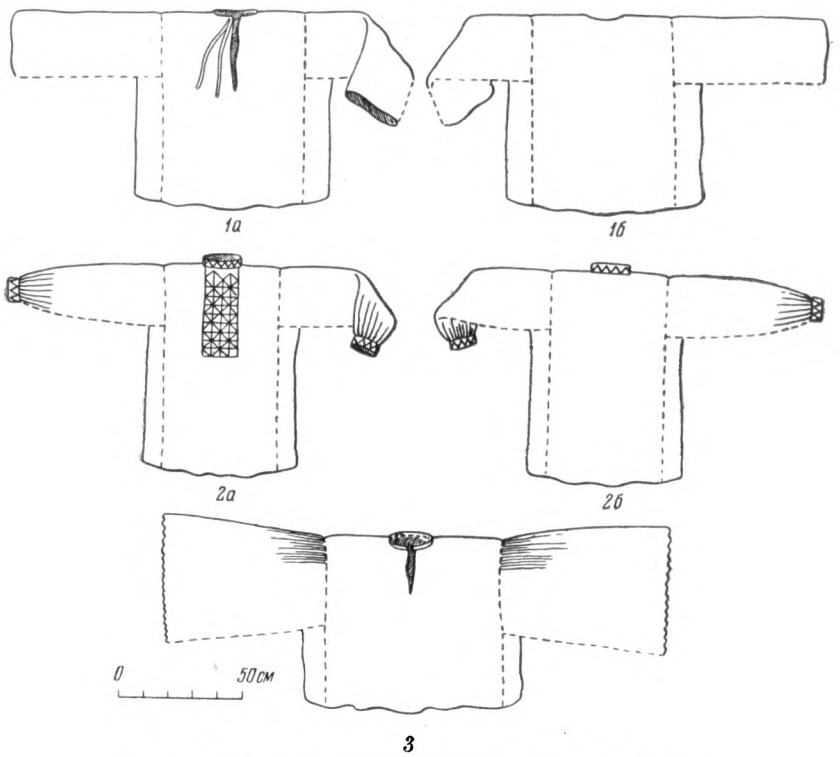


Рис. 16. Покрой мужских сорочек XIX — XX вв.

1 — сорочка холщевая: *а* — спереди; *б* — сзади (Бердичевский уезд Киевской губ., 1867 г.); *2* — сорочка из холста с нагрудной вышивкой и косым разрезом ворота: *а* — спереди; *б*—сзади (дер. Сосновка Переяславльского уезда Полтавской губ.); *3* — украинская сорочка (Свелявский округ Закарпатской обл. XX в.)

няя форма, вытеснив рубаху с прямыми бочками. Так, например, в районе г. Трубчевска отмечено появление такой рубахи лишь в 60-х годах прошлого столетия [2].

4. С боковыми клиньями, вставленными с каждой стороны сзади между средним и боковыми полотнищами; при этом прямые бочка, расширенные вставкой клиньев, пришиваются в сборку; известна была в начале XX в. у кержаков — русского старообрядческого населения Алтая, в бассейне р. Бухтармы [3].

5. *Колошкой* — у белорусов (отмечена Н. И. Лебедевой на Мозырщине). Особенность ее покроя состоит в том, что боковые полотнища перегибаются на плечах так же, как и центральное. Она имеет прямые рукава и прямой разрез ворота, без *ковнера* — воротника (см. рис. 14, *4*).

[1] Н. И. Лебедева. Этнологические материалы по Новгородскому, Псковскому, Великолуцкому округам 1928—29 гг. Архив ГЛМ.

[2] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 119.

[3] Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев, стр. 364—367.

6. Туникообразная рубаха без бочков из одного перегнутого широкого полотнища. У украинцев ее шьют с прямым разрезом ворота и стоячим воротником, а рукава нередко снабжают обшлагами [1]; у русских и белорусов ее шьют косовороткой (см. рис. 14, *5*). Пошивка рубахи без бочков стала возможной при употреблении ткани преимущественно фабричного или кустарного производства, в то время как рубаху с бочками шили из узкого крестьянского холста. Обычная ширина холста у русских — 38—39 см; у украинцев и белорусов изготовляли холст шириной 47—49 см, а иногда и более. В связи с этим у украинцев встречаются рубахи, сшитые из одного широкого полотнища домотканного холста, перегнутого вдвое, без пришивки бочков; у белорусов туникообразная рубаха вообще редко встречается.

7. Короткие сорочки населения Закарпатья (рис. 16, *3*) шились также из одного перегнутого полотнища холста, но имели особенный покрой широких коротких рукавов, пришитых у плеча в сборку. Такая рубаха не достигала даже широкого кожаного пояса и *гачей* (штанов), с которыми ее носили, и из-под рубахи виднелось тело. Эта рубаха (как и широкие холщевые гачи) напоминает соответствующие части народного венгерского костюма [2].

Рубахи туникообразного покроя бывают с прямым или косым разрезом ворота; *голошейка* (без воротника) или со стоячим воротничком (см. рис. 14 и 16). Разрез ворота называют *пазухой, прорехой.* Голошейку, с прямым разрезом ворота, общую для всех восточных славян, надо, повидимому, считать наиболее древней. Стоячий воротник — *ошейник* (преимущественно у великорусов, частично у украинцев и белорусов) или отложной воротник — *ковнер, ковнір* (у белорусов и украинцев) появился, повидимому, в более позднее время.

В мужских рубахах XVI—XVII вв. воротник назывался *ожерельем, сорочкой*; обычно он украшался и пристегивался [3].

По покрою рукавов рубахи бывают: с прямыми рукавами без сбор и с рукавами, пришитыми в сборку у плеча, а иногда собранными у обшлага, что встречается гораздо реже (см. рис. 14 и 16). Более древний тип рубахи — с прямыми рукавами, без сбор у плеча и у кисти — до настоящего времени остается характерным для украинцев и великорусов. Рукава могут быть с *ла́стовицами* — прямоугольными вставками подмышками, чаще из другой ткани, главным образом из кумача (см. рис. 14), и без них (см. рис. 16). Характерной особенностью мужской рубахи является подшивка в верхней ее части подкладки из холста, называемой *подоплекой,* которая спускается спереди и сзади чаще всего треугольным выступом.

Туникообразный покрой восточнославянской мужской рубахи наиболее древний из известных нам и вместе с тем наиболее распространенный покрой и до настоящего времени. Он редко встречается в женской восточнославянской рубахе, но является общим с покроем женской великорусской плечевой одежды типа *навершника, шушпана.* Этот покрой мужской рубахи с косым разрезом ворота документально зафиксирован в XVIII в. Автор, описывая одежду русских, говорит, что рубахи у них имеют «боковую пазуху» [4]. У великорусов этот покрой (косоворотка) в XIX —

[1] Мужская рубаха такого покроя из с. Квасы Раховского округа Закарпатской обл. (из экспедиции 1946 г.) находится в фондах ГМЭ.

[2] M. Tilke. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin, 1925, S. 14.

[3] И. Е. Забелин. Быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. II. М., 1915, стр. 436

[4] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», т. IV, СПб., 1799, стр. 128.

начале XX в. господствовал. На Украине туникообразная рубаха была распространена в наиболее древней форме — с прямым разрезом ворота (Полтавская и другие области Левобережной Украины, Киевская, Херсонская, Подольская, Черниговская, Закарпатская области и др.). В Полтавской области такие рубахи (*без уставок*) назывались *чумацкими,* а на Днепропетровщине — *лоцманьскими.* Она была также отмечена местами и в Белоруссии. Б. С. Познанский [1] и Ф. К. Волков [2] ошибочно, по нашему мнению, считали этот тип рубахи восточным или татарским; они полагали, что он был занесен кочевыми тюркоязычными племенами и воспринят днепровским казачеством так же, как и способ ношения ее — забирание в широкие *очкурные* штаны. Но хотя способ ношения рубахи и представляет традицию степных кочевых племен, покрой ее является характерным для всех восточных славян, у которых он был известен еще в глубокой древности.

Рубаха с прямыми поликами

Рубаха с прямыми поликами имеет вставки на плечах (полики) из прямоугольных кусков ткани. Полотнища в такой рубахе чаще располагаются несимметрично, обычно их не четыре или два, как в рубахе первого типа, а три (см. рис. 17, *1* и *2*). Вокруг ворота (с прямым разрезом) ткань собирается в мелкую сборку, пришивается воротник, чаще всего отложной, значительно реже — невысокий стоячий.

Рукава шьются с ластовицами (см. рис. 17) или без них; они чаще всего собираются у кисти и имеют обшлага (*чохли* — укр., *каўнерцы* — белор.), а иногда собираются у плеча. Рубаха этого покроя наиболее характерна для белорусов. Называется она *кывняровка* (от названия воротника *каўнер*), или *кошуля*, в то время как туникообразная рубаха называется *сорочкой.* Последняя является более старой в Турово-Мозырском крае и других восточных областях Белоруссии, чем рубаха с поликами. Мужская рубаха с поликами известна на севере Украины. Покрой этой рубахи также следует считать общевосточнославянским. Хотя в мужских рубахах у великорусов он, как правило, не встречается и отмечен лишь в пограничных с Украиной районах, например в Воронежской обл. (рис. 18, *1*), но в женских рубахах он широко известен и у них. Волков считает именно этот тип рубахи *(з уставками)* наиболее древним общеславянским. Однако приведенные выше данные указывают на бо́льшую древность туникообразной рубахи. Н. И. Лебедева справедливо считает, что рубаха с прямыми поликами для украинцев и белорусов «по отношению к замене их ...рубахой «косовороткой» великорусского образца... является старой формой,— но наличие ее не исключает возможности более древних слоев. Некоторые группы украинцев и в старое время не знают рубах с поликами» [3]. Мужская рубаха с поликами, пришитыми по утку, с собранным воротом и отложным воротником — общий элемент одежды восточных и западных славян; она известна, например, у поляков и чехов.

Особую разновидность представляют старинные мужские рубахи населения горных районов Украины (лемки): разрез и застежка на них делались или сбоку на груди или же на спине; вокруг ворота — сборки, воротника нет. Фотография мужчины-лемка в такой рубахе помещена

[1] Б. Познанский. Указ. соч., стр. 194.
[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 589.
[3] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 119.

в работе Ф. К. Волкова[1], но описания покроя рубахи в ней не дано. В. Белецкая[2] относит эту рубаху к типу «з уставками» и сборами.

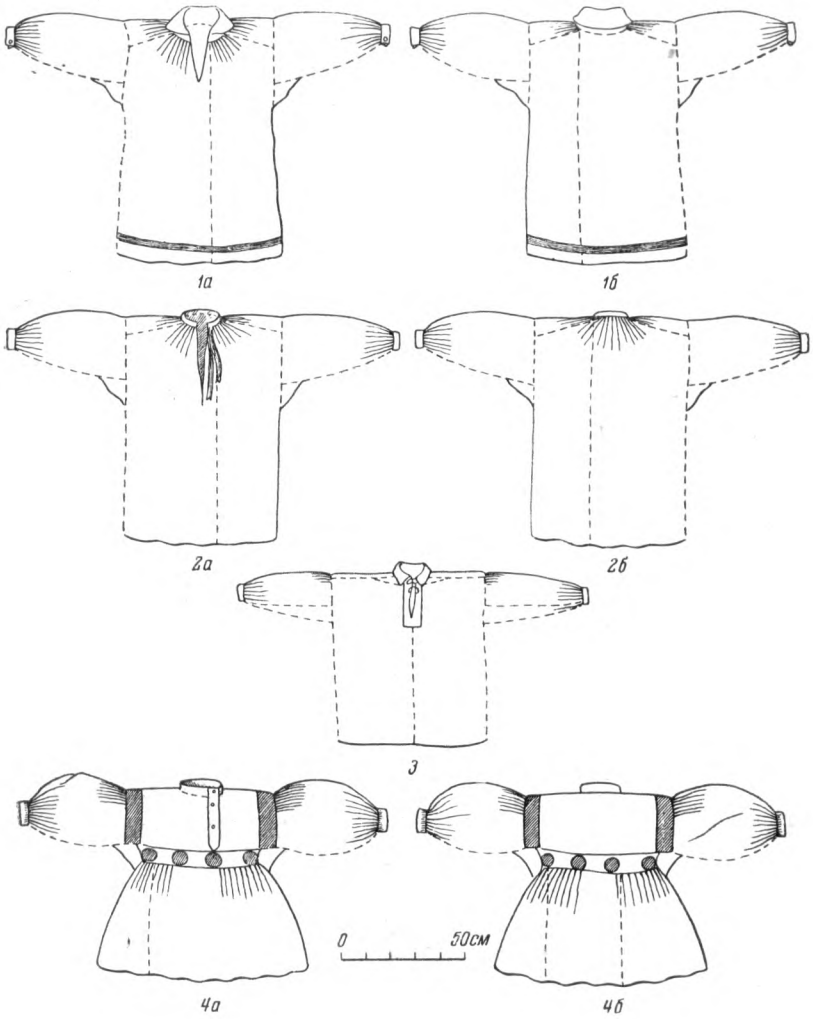


Рис. 17. Покрой мужских сорочек XIX — начала XX в.

1 — белорусская сорочка с уставками и кавнером: *а* — спереди; *б* — сзади (Могилевская губ. 1867 г.); *2* — украинская сорочка с уставками: *а* — спереди; *б* — сзади (Новгород-Северский уезд Черниговской губ. Начало XX в.); *3* — украинская сорочка с узкими плечевыми нашивками и отложным воротником (Изюмский уезд Харьковской губ. 1867 г.); *4* — рубаха с кокеткой из фабричной шерстяной ткани, с вышивкой: *а* —спереди; *б*— сзади (южный Алтай. Начало XX в.)

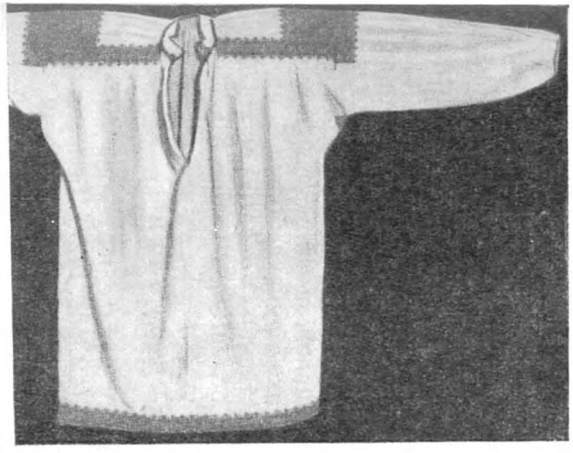
Во всяком случае это не туникообразная рубаха, которая обычно гладко облегает грудь. Наличие сборок приближает ее к типу рубах «з уставками».

---

[1] Ф. К. Волков. Указ. соч., табл. XIII, «д».
[2] В. Білецька. Указ. соч., стр. 93—109.

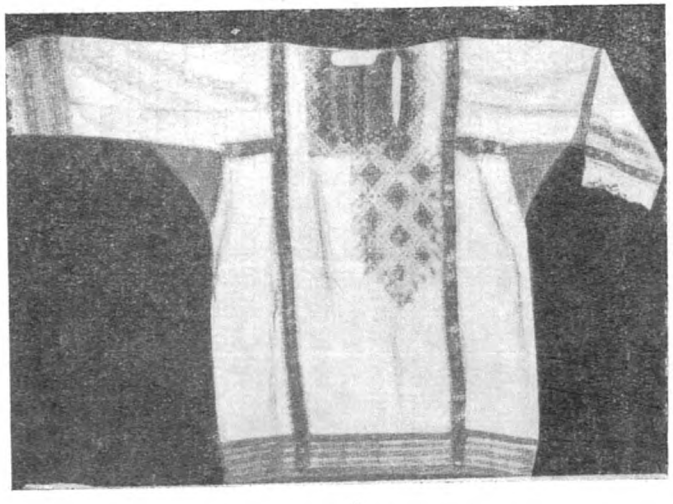
Рис. 18. Мужские рубахи

1 — русская рубаха с прямыми поликами из холста, вышитая черной бумагой (Воронежская обл.); *2* — белорусская сорочка-косоворотка с вышитой грудью и обшлагами (дер. Новый Двор Логинского района Пинской обл.); *3* — русская мужская рубаха: *а* — спереди, *б* — сзади (Крутоберезовская волость Горно-Алтайского округа Томской губ. 1867 г.)

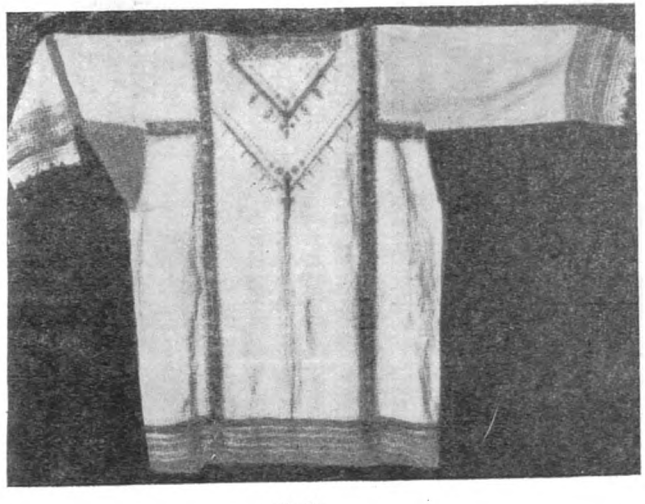


1

2



3 а



3 б

Сорочка с нашивками на плечах

Особый тип представляет мужская сорочка с нашивками на плечах в виде узких полос, напоминающих погоны. По Н. Я. Никифоровскому, такие сорочки с нашивками (*наплеччи*) носили на Витебщине [1]. Известны они и у украинцев (см. рис. 17, *3*). По данным В. Белецкой, такая сорочка называется *стрілкова* и полоски прикрывают плечевые швы рубахи [2]; материалы же ГМЭ свидетельствуют, что эти полоски иногда нашивались на плечах тогда, когда шва и не было. Практическая роль нашивок несколько иная, чем роль поликов (расширявших плечевую часть рубахи); повидимому, они служили для укрепления шва на плечах и предохранения ткани в этих местах от быстрого протирания. Рубаха этого типа имела очень ограниченное распространение у восточных славян, встречалась у украинцев и белорусов; более характерна она для поляков и народов Прибалтики (латышей, эстонцев, литовцев). Так, например, по материалам Этнографического музея Академии наук Литовской ССР (в г. Вильнюсе), собранным в конце XIX — начале XX в., видно, что покрой этот широко применялся в восточнолитовском народном костюме не только для мужских, но и для женских рубах.

Рубаха на кокетке

Рубаха на кокетке — поздняя форма; она распространяется в деревне во второй половине XIX в. под влиянием города. К кокетке пришивались в сборку полотнища и пышные рукава, также собранные в сборку у плеча и у обшлагов. Косой ворот снабжался небольшим стоячим воротником (рис. 17, *4*). Шили такую рубаху главным образом из покупной, часто шерстяной, фабричной материи яркой расцветки — розового, малинового, алого и других цветов, и нередко украшали вышивкой, выполнявшейся разноцветной бумагой или шерстью по канве. Такая рубаха большей частью служила праздничной одеждой, преимущественно молодых мужчин, и известна была у великорусов центральных областей, а также в Сибири.

Застежка и украшения рубахи

Русская рубаха обычно имела застежку в виде пуговицы (медной, оловянной или стеклянной) и нитяной петли (см. рис. 14, *1*). Более старым способом застежки нужно считать скрепление ворота при помощи завязок, который в великорусской мужской рубахе в XIX — начале XX в. применялся сравнительно редко. Для украинских и белорусских рубах (см. рис. 16 и 17) типичны две прометанные у ворота петли, которые стягиваются тесьмой, полоской ткани или лентой, называющейся *стрічка, застіжка, жичка, гарасівка* (укр.); *остýжка, похúстка* (белор.). В западных областях Украины и у белорусов для скрепления этих петель употребляются также металлические запонки — *шпонки, шпоньки*. У гуцулов по обе стороны разреза рубахи пришиваются иногда два ряда пуговиц и переплетаются шнурком крест-накрест, подобно шнуровке на ботинках [3].

Рубаху у всех восточнославянских народов шили преимущественно из некрашеного холста, и если она предназначалась для ношения в будни на работу, то ничем не украшали. Свадебные и погребальные рубахи ши-

[1] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 103.
[2] В. Білецька. Указ. соч.
[3] Коллекции ГМЭ, собранные А. А. Лебедевой в Закарпатье в 1947 г.

ли преимущественно из белого материала и часто без всякой *лишвы,* т. е. украшений. Однако, по многим другим сведениям, свадебные рубахи делали особенно нарядными и богато украшали. Эти данные не противоречат друг другу,— известно, что свадьба (особенно великорусская) как бы распадается на две части: печальную и веселую. В первой части жених и невеста одеваются «по-печальному» — в «беленькое» и в «черненькое» и лишь по приезде от венца переодеваются в нарядное платье (такой обычай записан нами, например, в Калининской обл., существовал он и в других местах, см. стр. 558).

Наиболее украшали праздничные рубахи молодых мужчин. Характерное украшение белорусской рубахи составляли полосы узора, вытканного красной бумагой, окаймляющие подол, иногда рукава, воротник. Были также рубахи, вышитые бумагой, а иногда и шелком — об этом упоминается в народной песне:

На дружку кошуля
Черным шовком шита[1].

Мужские сорочки населения центральных и восточных областей Украины украшались вышивкой черной и красной бумагой, выполненной техникой *низь, крестом* или *гладью* на груди (*манишка* или *пазушник*), вороте и рукавах; был распространен геометрический орнамент и более поздний— растительный. Местами преобладала вышивка белой ниткой, выполненная техникой *мережки.*

Сорочки украинцев западных областей, в частности гуцулов, имеют полихромную вышивку, преимущественно — в виде прямоугольника; узоры — геометрические, а с конца XIX — начала XX в. также цветочные, причем все больше входят в употребление бисер и цветные бумажные нитки[2]. У украинцев вышитая манишка (пазушник) связана преимущественно с прямым разрезом ворота (лишь в северной части Украины и у части белорусов южных областей Белоруссии — с косым) (см. рис. 18, *2*). Традиция вышивания нагрудной части рубахи у украинцев и белорусов, видимо, очень древняя: она отражена в славянских археологических находках IV, VI вв. (см. рис. 9 и 10). У великорусов вышитая манишка обычна на косоворотке, преимущественно из фабричной ткани.

Русская холщевая рубаха украшалась красными тканными полосами или вышивкой по подолу и рукавам, реже — по вороту и разрезу, которые обычно обшивались шнурком. В праздничных старинных рубахах небольшой стоячий воротник нередко украшался бисером, нашивкой пуговиц, а иногда блестками, позументом (последнее характерно только для великорусов, как и вставки из кумача). На косоворотках из фабричной ткани ворот и стоячий воротник, рукава, а иногда и подол вышивали бумагой крестиком по канве. В старинных рубахах вышивкой окаймлялись края подоплеки. Так вышита русская рубаха XVII в. (см. рис. 13) и русская рубаха с южного Алтая (см. рис 18, *3*). По богатству украшений, как можно видеть, мужская праздничная рубаха иногда не уступала женской. Рубаха с южного Алтая украшена вставками полос кумача, богатой вышивкой, а рукава ее отделаны кружевом.

Рубахи шили также из крашеного или узорчатого холста — набойчатые и пестрядинные. В конце XIX — начале XX в. их носили преимущественно на работе.

---

[1] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 417.

[2] Г. С. Маслова. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народного костюма. СЭ, 1954, № 2, рис. 8а.

Косоворотка из фабричной ткани — ситца, сатина, кумача — была модной в городе в XIX в., в частности среди рабочих. Отсюда она и проникала в деревню, постепенно вытесняя холщевую рубаху. Бóльшая ширина фабричной ткани, чем домотканины, вызвала изменение традиционного расположения полотнищ.

Способ ношения

Особый интерес представляет вопрос о способе ношения рубахи. Ношение рубахи навыпуск, поверх штанов, и перехватывание ее поясом — характерно для великорусов, белорусов и части украинцев (на севере и западе Украины) (рис. 19). Такой способ ношения рубахи существовал и в древней Руси (см. памятники IV и VI вв. на рис. 9 и 10 и более древние изображения на Траяновой колонне, упомянутые выше). Способ этот связан с ношением нешироких штанов (см. рис. 15).

Рис. 19. Гуцулы в национальной одежде (с. Ферескул Косовского района Станиславской обл. Начало XX в.)

Рубаху носили также заправленной в штаны, обычно широкие. Этот способ известен в основном у населения Левобережной Украины и в б. Киевской, Херсонской, отчасти Подольской и Волынской губерниях [1] (см. рис. 2, *I*). Ф. К. Волков называет его «восточным» и считает более новым по сравнению с первым, названным им «общеславянским». Однако «новым» этот способ можно назвать лишь относительно, так как ношение широких штанов отмечено еще древними арабскими авторами. Известен он был среди украинского казачества, а также крестьянского населения в XVIII в. (рис. 20). На территории Киевщины этот способ ношения рубахи зафиксирован археологическими памятниками VI и XII вв. [2]

ШТАНЫ

Штаны, как одна из основных частей мужской одежды, характерны для восточных славян с глубокой древности. У великорусов и белорусов штаны называются также *порты́*, *портки*; у украинцев — *портяни́ці*,

[1] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 589.
[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 10 и 61.

гачі, гаті, сподні, ногавиці, холóшні, гановци. Слово «порты» упоминается еще в летописях и других ранних письменных памятниках для обозначения как полотна, так и мужской одежды [1]. «Гачи» и «ноговицы» — также древние общеславянские термины, у восточных славян они наиболее известны у украинцев. Название «шаровары» также давно было известно всем славянам (хотя и не получило широкого распространения). Как

1 *2*

Рис. 20.

1 — крестьянин-украинец XVIII в.; *2* — «литовский мужик» XVIII в. (по Ригельману)

предполагает Л. Нидерле [2], оно заимствовано из иранских языков. Им обозначались штаны широкого покроя.

Уже в древнее время покрой штанов у славян, возможно, не был однородным. Ибн-Даста (около 30-х годов X в.) упоминает о широких шароварах у русов [3]. Но древнейшие памятники (см. рис. 9 и 10) изображают мужчин в нешироких штанах того же типа, какой известен нам у русских по этнографическим данным XIX в. Эта традиция в Восточной Европе восходит к началу I тысячелетия н. э. и к еще большей древности — к скифской культуре середины I тысячелетия до н. э. [4] В рисунках

[1] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 134, 136.
[2] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 158.
[3] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских СПб., 1870, стр. 269.
[4] П. К. Степанов. История русской одежды, вып. 1. Пг., 1916, рис. 2 и др.

на скифских вазах и других предметах встречаются изображения людей в неширо́ких штанах, являющиеся первыми известными нам изображениями одежды подобного типа. Штаны не характерны ни для древнего населения Передней Азии, ни для античного Запада, где они появились очень поздно; на Востоке же штаны — широкого покроя — совсем другого типа, чем у славян. Таким образом, неширо́кие штаны являются общим элементом одежды для древних славян и скифов.

«П о р т ы» в XVIII—XIX вв. в сельском быту — неширо́кие штаны, сшитые из домотканной белой, а иногда синей пестрядинной или набойчатой ткани. Порты состояли из двух так называемых *колдш* (рус.) или *калдш* (укр., белор.), образовывавших неширо́кий шаг. Каждая «колдша» состояла из перегнутого по основе прямого полотнища ткани; эти полотнища соединялись вставкой — *огузком* или *ширинкой* (рус.), *крéслом, сáдкой* (белор.). У великорусов порты имеют обычно две трапециевидные вставки (рис. 21, *1*); у белорусов, кроме того,— вставки в виде ромба, вшитые углами вверх (рис. 21, *2*).

Близки к покрою белорусских портов западноукраинские (на территории Черновицкой, Станиславской и других областей еще в XIX и начале XX в.) портяницы из белого холста, но их шили с длинными штанинами, скроенными значительно длиннее ноги и собранными на ноге во множество мелких горизонтальных сборок.

Еще в конце XIX в. порты делали кое-где на вздержке — на шнуре или веревочке из пеньки или льна,— так называемый *гашник* (рус.), *матуз* (белор.); у украинцев чаще продевали ремень — *очкур (до очкура)*.

Нижнюю часть портов убирали в сапоги или закрывали онучами до колен, или прятали в невысокие *капчури* — чулки (укр.). Ношение портов поверх обуви (причем нижние края их украшали вышивкой) отмечено в XIX в. в Олонецкой губ. в качестве старого обычая, исчезнувшего только в конце XIX в., и у украинцев западных областей,— т. е. только на периферии территории, населенной восточными славянами. Это обычай, видимо, очень древний, так как на диптихе еще IV в. изображены мужчины в таких штанах.

Узкие суконные штаны без центральной соединительной вставки (рис. 21, *6*) больше распространены у западных и южных славян, чем у славян восточных; такие *ногавиці* или *холошні* еще носят в некоторых местностях Закарпатья и других западных областях Украины. В восточной и центральной частях Украины преобладал другой тип штанов — широкие шаровары; такого покроя были и казацкие штаны. В шароварах вставка между двумя штанинами делается большей частью прямоугольной (см. рис. 21, *3*) и образует широкую, иногда низко спускающуюся *матню*. У русских этот тип штанов встречается лишь у тех групп населения, которые находились в непосредственной близости с кочевыми в прошлом народами Восточной Европы, а также с народами Азии и Кавказа, у которых этот покрой преобладает. Шаровары, например, известны у казачества Дона, Приуралья, у части населения Сибири (где они называются *шановары, чембары*). У русских на Алтае в XIX в. шили широкие штаны, матерчатые или замшевые, с вышивкой тамбуром «по-кыргызски» [1]; у уральских казаков — из холста или шелка (рис. 21, *4*).

Гачи из белого холста (рис. 21, *5*), имевшие локальное распространение в Закарпатье, отличаются шириною штанин; прямые штанины собираются у пояса на ремне или шнуре, спускаясь крупными вертикальными

[1] Коллекция ГМЭ (б. Томская губ., с этнографической выставки 1867 г.).

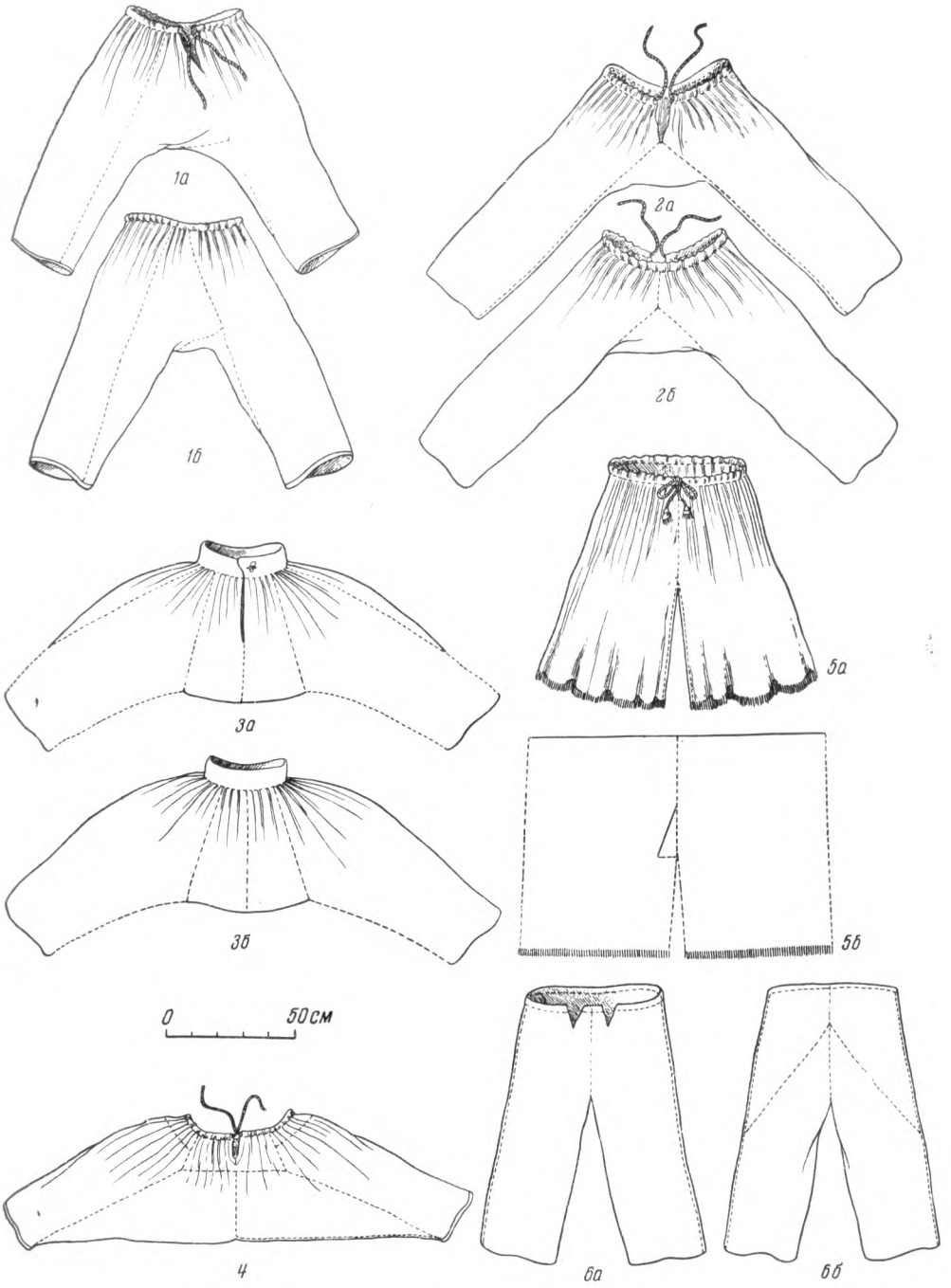


Рис. 2. Покрой мужских штанов XIX — начала XX в.

1 — русские порты из холста на гашнике: *а* — спереди; *б* — сзади (Тульская губ. 1867 г.); *2* — порты белорусов холщевые: *а* — спереди; *б* — сзади (Могилевская губ. 1867 г.); *3* — украинские шаровары из холста, вместо пуговицы — кусочек дерева: *а* — спереди; *б* — сзади (дер. Вербни Затонского района Винницкой обл.); *4* — праздничные шаровары уральских казаков из красного шелка, верх надставлен ситцем (первая половина XIX в.); *5* — украинские гати белые холщевые: *а* — спереди; *б* — покрой (с. Дубово Тячевского округа Закарпатской обл.); *6* — украинские холошни из сукна: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Буштино Тячевского округа Закарпатской обл.)

сборками, и очень напоминают юбку. Штанины в верхней части сшиваются непосредственно одна с другой и лишь внизу дополняются небольшой прямоугольной вставкой, перегнутой по диагонали.

Гати и сорочка с широкими собранными у плеча рукавами характерны и для некоторых групп словаков, румын, особенно — венгров.

Порты на гашнике в середине XIX в. чаще надевали при работе или их носили старики; постепенно порты превращались в бельевую часть одежды. Их стали заменять штанами с пришитым поясом: *до пàска* (укр.); *майтки*, или *ковнерóвые*,— в отличие от *бесковнерóвых* (белор.), с застежкой из пуговицы и петли, прорезанной в ткани (рис. 21, *3*); по бокам часто вшивали карманы. Для лета штаны с пришивным поясом делали из холста и бумажной материи, а для зимы — из шерстяной и полушерстяной домотканной и покупной материи. Их носили поверх собственно портов из холста.

БЕЗРУКАВКИ

Поверх рубахи нередко носили безрукавку. Овчинные безрукавки, глухие, а большей частью распашные, распространенные у украинцев горных областей, повидимому, имеют очень древнее происхождение. Древность подобной одежды подтверждается наличием у пастухов киптарей, сделанных из цельной шкуры одной овцы и не сшитых, что является большим архаизмом. Называли такие безрукавки у украинцев *бунда, камізоля, киптар, кіптарь, кептарь, кожушок.*

Бунда — безрукавка из овчин, доходящая только до пояса глухая одежда, надеваемая через голову, сшитая на одном левом боку, а с правого завязываемая ремешком — одна из простейших форм одежды у восточных славян. Ее носили и женщины и мужчины в Черновицкой и других западных областях Украины. Близка к бунде меховая *камізоля* закарпатских украинцев (рис. 22, *1*). Украинский киптарь, сшитый из овчины, мехом внутрь (рис. 22, *2*), делали распашным.

В XIX в. киптари изготовлялись мастерами-ремесленниками. Их шили со стоячим воротником — ковниром и украшали в большей или меньшей степени, в зависимости от зажиточности заказчика, аппликацией из сафьяна, металлическими *кáпелями,* иногда вышивкой, кисточками и помпонами из шерсти (*китúці*); сзади от воротника спускался *дармовіс* — шнурок с нанизанными на него наперстками с провернутым в донышке отверстием и кожаной кисточкой на конце и т. п.

В условиях горного климата (ветры и резкие перемены температуры) киптарь — удобная одежда и летом и зимой. Развитие скотоводства у населения Карпат обусловило там широкое распространение этой одежды из овечьих шкур. Известен он также и у горного скотоводческого населения Румынии, Венгрии, Югославии.

У других групп крестьянского населения (украинцев и белорусов) безрукавка чаще шилась из ткани.

У белорусов в XIX в. довольно широко была распространена жилетка — *кымызелька* из холщевого или шерстяного домотканного материала. Застежка состояла из металлических блестящих (солдатских) пуговиц, которые служили также и украшением.

Жилетка из фабричной ткани, носимая поверх ситцевой или холщевой рубахи, довольно широко вошла в быт деревни, вытеснив бытовавшие местами безрукавки более старого типа.

Суконные брюки с жилетом и сюртуком или пиджаком («тройка») являлись костюмом рабочих и мастеровых в городе, фабричных селах и

селениях с развитыми кустарными промыслами. «Тройка» стала проникать и в чисто сельские местности во второй половине XIX в.

Мужской передник в одежде восточнославянских народов имел значение только как часть производственной одежды. Исключение представляли немногие селения Закарпатской обл. (на границе с Венгрией), где мужчины носили широкий белый холщевый передник, укреплявшийся у пояса завязками, что является, повидимому, заимствованием из венгерского народного костюма. Передник из холста с завязками сзади и тесе-

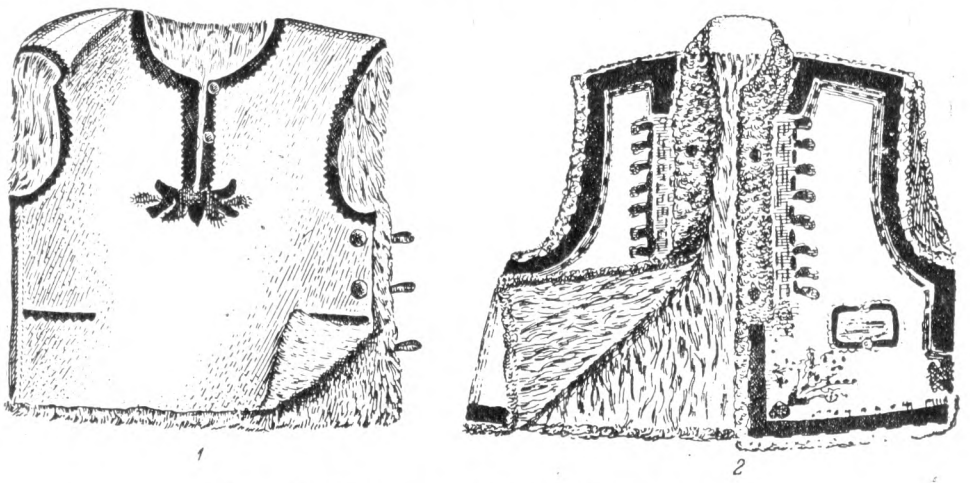


Рис. 22. Украинские мужские безрукавки

1 — камизоля (Березовский округ Закарпатской обл. XX в.); *2* — киптарь, или кожух (Раховский округ Закарпатской обл.)

мочной петлей, надеваемой через голову, носили ремесленники, рабочие, а также дворники, носильщики, мясники, артельщики, приказчики и др.

ПРИЧЕСКА И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Прически

Ношение волос и бороды было почитаемо в Киевской Руси; в Судной Грамоте Ярослава говорится: «Аще постригжет голову или бороду — епископу 12 гривен, а князь казнить» [1]. На древних миниатюрах и фресках Киева и Новгорода мужчины изображены с довольно длинными волосами и бородой. Однако стрижка и бритье, видимо, существовали у славян и в древние времена. Арабский писатель X в. аль-Балхи, говоря о русах и отмечая их длинные бороды, указывает, что некоторые из них бреются [2]. По известному описанию Льва Диакона, князь Святослав брил бороду, но носил усы. Голова у него была также обрита; только на одной стороне висел локон, означавший знатность рода [3]. Возможно, что эта прическа, как считают некоторые исследователи, имеет восточное происхождение [4]: она отмечена Рубруком в Золотой Орде (XIII в.) и Георгио Интериано

[1] ПСРЛ, т. V, вып. 1, стр. 122.
[2] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 276.
[3] «История Льва Диакона Каносского». СПб., 1820, стр. 97.
[4] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 579; D. Zelenin. Указ. соч., стр. 245.

у черкесов (XV в.). Подобная прическа была распространена в XVI—XVIII вв. у днепровских казаков и еще в XIX в.— у части сельского украинского населения на Левобережье. Волосы на голове сбривались, и только на макушке оставлялась прядь *(оселедець,* или *чуб),* которая иногда была настолько длинна, что, спущенная на лоб, она закидывалась затем за правое или левое ухо. Казачество, повидимому, сыграло большую роль в распространении оселедца. Отмечена эта прическа на Руси очень рано (прическа Святослава), но возможно, что XVI—XVIII вв. были тем периодом, когда она наиболее распространилась.

Обычай стричь или даже брить волосы «по восточной манере» известен был на Руси в XVI—XVII вв. Как пишет Н. И. Костомаров, «только те, которые теряли родных или попадали в царскую немилость, отращивали на голове волосы в знак печали» [1]. Возможно, что этот обычай брить волосы на голове существовал среди бояр, но не был характерен для всего народа.

Ношение бороды в то время считалось обязательным для всех сословий. «Если у кого,— пишет Костомаров,— от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело» [2]. Духовенство вело борьбу — при великом князе Василии Ивановиче и позднее — с попытками ввести в быт бритье бороды. Такое положение существовало вплоть до времен Петра I, который, как известно, узаконил «брадобритие».

В условиях XVIII в. борода стала символом противников культуры, прогресса. Это нашло отражение в знаменитой сатире М. В. Ломоносова —«Гимн бороде».

В XVIII—XIX вв. обычай ношения бороды и усов продолжал существовать у русских повсеместно в крестьянской и купеческой среде, особенно среди старообрядцев. Белорусы также не брили бороду и усы [3]. Среди украинцев, по имеющимся данным, бороду носили только старики, и лишь местами (в Полесье) — молодые (усы они оставляли). В начале XX в. обычай носить бороду распространился в восточных областях Украины, видимо под русским влиянием. Наиболее западные группы украинцев в горных областях брили усы и бороду.

Общая восточнославянская мужская прическа, которая еще преобладала в первой половине — середине XIX в.,— стрижка в *кружáло, в кружóк, по-русски, в скóбочку, под горшóк* (рус.), *під макúтру* (укр.). В XIX в. эта прическа вытеснила в центральной и восточной Украине обычай бритья головы и ношения оселедца. Видоизменение прически с оселедцем можно видеть в сохранявшемся в XIX в. обычае *підголювать чуприну,* т. е. подбривать высоко волосы, оставляя более длинными волосы вокруг макушки. В восточной части Украины была прическа *під ворота,* или *у скобки,* с вырезом надо лбом, причем оставленные волосы подстригались в кружок [4].

Ношение мужчинами настолько длинных волос, чтобы можно было заплетать их в косы, не характерно для восточнославянских народов, за исключением группы карпатских горцев на Украине, имевших обычай отращивать волосы и заплетать их в несколько кос, чего придерживались старики еще в конце XIX в. Такая прическа известна была также у чехов и болгар.

У некоторой части великорусов (в Нижегородской, Тверской, Архан-

[1] Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 101.
[2] Там же.
[3] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 8.
[4] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 580.

гельской, Костромской, Курской и других губерниях) еще во второй половине XIX в. встречался обычай выщипывать или выбривать на макушке волосы в виде круга, называвшегося *венѐц* (древнерусское *гумѐнце*) [1], за что остальные насмешливо называли их «суховершниками».

С середины XIX в. молодые стали причесываться на прямой пробор, хотя стриглись попрежнему в кружок. Прическа с разделением волос на косой пробор на левой стороне головы распространилась позднее. При этом сзади волосы подстригали выше, чем спереди, а нижнюю часть головы и шею брили. Такая прическа называлась *по-польски, под польку*. Появление этой моды в деревне у молодежи вызывало неодобрение старшего поколения, но затем эта прическа довольно широко распространилась и в деревенском быту.

Головные уборы

Основным головным убором мужчин была шапка. В славянских курганах Киевской обл. найдены остатки мужских войлочных и кожаных шапок [2]. На диптихе из кости (см. рис. 9) на мужских фигурах изображены шапки полусферической формы. Шапка — *валёнка* у великорусов и *маргѐлка* у белорусов — по форме и материалу справедливо считается древним типом головного убора. На фресках XI—XII вв. изображены преимущественно княжеские шапки, полусферической или конусовидной формы с меховым околышем. На Руси в X в. великокняжеской шапке было придано значение короны — позднее ею являлась так называемая шапка Мономаха.

В XI—XII вв. носили шапки с наушниками, как можно судить по изображению головного убора на Святославе на миниатюре Изборника Святослава. Термин *клобук*, или *колпак*, обозначал мужские головные уборы. Клобук (тюркское *калабак*) [3] упоминается в летописи (1153 г.) как головной убор князя Ярослава Галицкого, сидевшего «на отни месте въ черне мятли и в клобуце» [4]; так же называли плетеные шляпы или шапки, которые изготовляли для продажи монахи Киево-Печерской лавры: «копытца плетоущи» и «клобуки» [5]. Позднее клобуком назывался головной убор монахов.

Данные XVI—XVII вв. позволяют судить о разнообразии мужских головных уборов в Московском государстве. Головной убор более, чем вся остальная одежда, отражал социальное положение человека. Крестьяне носили валяные шапки, подобные тем, которые сохранились до конца XIX — начала XX в. в виде колпака (суконного или войлочного); носили и более низкие круглые шапки с меховым околышем (см. рис. 12, *2*). Крестьяне носили и *треух*, подбитый мехом; он упоминается в описи крестьянского имущества XVII в. [6]

Богатые люди шили колпаки из атласа, большей частью белого, иногда с околышем, украшенным драгоценными камнями, и с собольей опушкой (зимой колпак подбивался дорогим мехом).

---

[1] D. Zelenin. Указ. соч., стр. 246.

[2] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1902, вып. V, стр. II.

[3] «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное Павлом Савваитовым». СПб., 1896, стр. 57.

[4] ПСРЛ, т. V, Л., 1925, стр. 146.

[5] «Житие Феодосия» (рукопись XII в.). «Памятники русской литературы XII и XIII веков, изданные Владимиром Яковлевым». СПб., 1872, стр. 72.

[6] «Известия Археологического об-ва», III, 1861, стр. 61.

Только князья и бояре имели право носить высокие шапки, так называемые *горлатные* [1] — расширяющийся кверху цилиндр из дорогого меха. По высоте шапки определялось происхождение, знатность, сан, пишет Н. И. Костомаров, добавляя: «Вероятно оттуда возникла пословица: по Сеньке шапка» [2]. В торжественных случаях боярский головной убор состоял из трех частей: *тафьи* [3], *колпака* и *горлатной шапки,* надевавшихся одна на другую. Нередко этот тяжелый головной убор не снимался в горнице, в нем сидели и за столом.

По этнографическим данным XVIII — первой половины XIX в. одним из основных народных головных уборов в это время являлась валяная шапка, служившая праздничным и будничным, осенним и часто зимним головным убором. У белорусов — *маргéлка, колпак*; у украинцев — *магúрка, магéрка, шоломóк*; у великорусов — *шолóм, яломóк, валёнка.* Изготовлялась она из белого или серого войлока и имела форму полусферическую или усеченного конуса, без полей или с высоко загнутыми полями. Подобная шапка изображена на «литовском мужике» — повидимому, белорусском крестьянине XVIII в. (см. рис. 20, *2*) [4]. Головные уборы этого типа бытовали еще в XIX в., а кое-где и в XX в., особенно в Белоруссии, в некоторых местах Украины и у великорусов (в Брянской, Калужской, Орловской областях) (рис. 23, *1*).

Шлык в виде полусферической обтягивающей голову шапочки, сшитой из куска холста прямоугольной формы, собранного вверху, носили старики еще в начале XX в. в Рязанской, Пензенской и других областях.

Для великорусов, кроме того, была очень типична коричневая валяная шапка цилиндрической формы с небольшими полями, называемая *черепéнник, грéшневик, гречýшник* (последние названия, возможно, связаны с формой печения из гречневой муки) (рис. 23, *3*). Судя по гравюрам, лубкам или литографиям XVIII — первой половины XIX в., грешневик носили небогатые горожане и крестьяне. Отсутствие этого убора на гравюрах XVII в., изображающих крестьян, заставляет предполагать, что он распространился позднее. Изготовлялись грешневики ремесленниками, которые продавали их на торжках и ярмарках. В первой половине и середине XIX в. грешневики повсеместно носили в русской деревне.

Известна была всем восточнославянским народам шапка с четырехугольным верхом (из сукна с меховым или матерчатым околышем), хотя широкого распространения у них она не получила — *рогулька, рогатка.* Ее носили на Волыни, в некоторых местах Белоруссии, а также в б. Смоленской, Тверской, Ярославской, Архангельской губ., где иногда ее называли *шапка на четыре уголышка.*

В западных областях она сходна и по форме и по названию с польской *рогативкой.* В других областях она стала принадлежностью костюма ямщиков и извозчиков и возможно от них и была перенята крестьянами. Для зимы шили меховые, преимущественно овчинные, шапки или суконные с меховой оторочкой. Шапку с наушниками до настоящего времени носят русские, украинцы и белорусы; называется она *треýх, долгýша, ушáнка, чебáк* (рус.); *капелюха, клепáня* (укр.); *обловýха* (белор.)

[1] Эти шапки изготовляли из лучшей части меха животного — с горла.

[2] Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 100; D. Zelenin. Указ. соч., стр. 224.

[3] В боярско-дворянской среде носили по восточному обычаю тафью — тюбетейку, расшитую шелком и нередко украшенную жемчугом. Ее не снимали в доме; известно, что царь Иван Васильевич ходил в ней в церковь. Крестьяне, видимо, не носили тафьи.

[4] Следует учитывать, что часть севера Черниговщины населяли белорусы; в настоящее время северные ее районы входят в Белорусскую ССР и РСФСР. Эту часть Черниговщины — по правобережью Десны — в прошлом называли «Литвою». Из этих мест, видимо, и происходит «литовский мужик» Ригельмана.

(рис. 23, *6*). Известна эта шапка и под названием *малахай* (термин тюркского происхождения).

Получили распространение, особенно на Украине, высокие цилиндрические, реже — полусферические или конические шапки из овчины или из другого меха: *ку́чма, крисáтка* (рис. 23, *4* и *5*) (укр.); *капуза* (белор.).

Казаки носили *папахи* — цилиндрические высокие или более низкие шапки с длинным мехом. Старинным головным убором казаков был колпак с околышем (рис. 23, *2*).

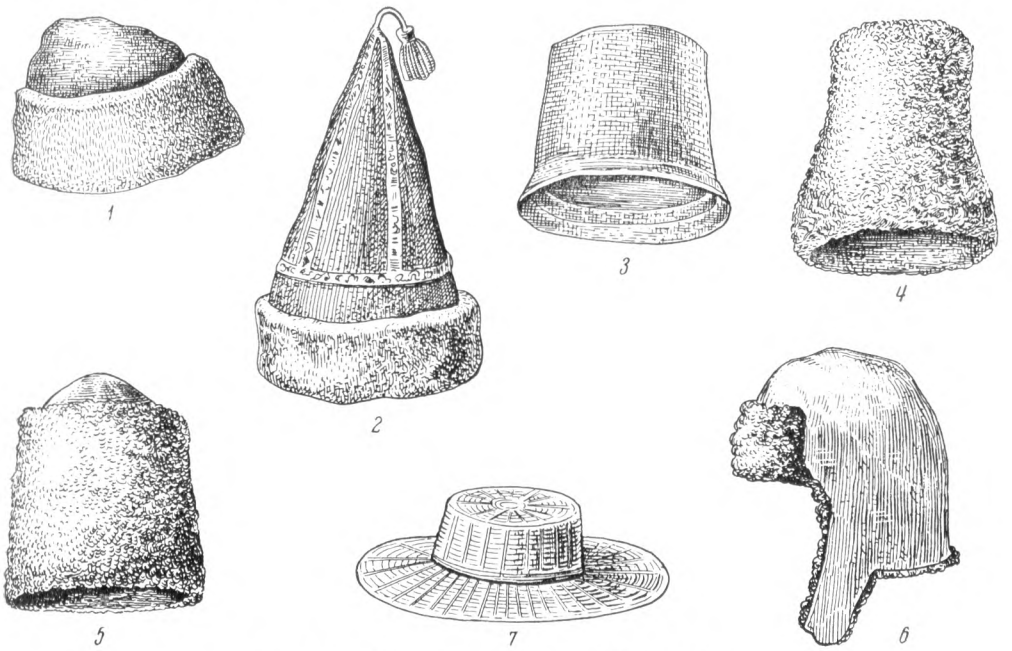


Рис. 23. Мужские головные уборы XIX в.

1 — маргелка белорусская белая валяная (Чириковский уезд Могилевской губ. 1867 г.); *2* — суконная шапка с бархатным околышем уральских казаков (первая половина XIX в.); *3* — грешневик — коричневая валяная шапка великорусов (Меленковский уезд Владимирской губ.); головные уборы украинцев: *4, 5* — шапки из овчин .; *6* — малахай; *7* — бриль, плетенный из соломы

Шляпы с большими полями и тульей в виде усеченного конуса, плетенные из соломы или волоса, под названием *бриль, брыль, капелюхи* или *капелюши* до настоящего времени известны на Украине и во многих областях Белоруссии (рис. 23, *7*). Их делали также из распластанной лозы, речного камыша и войлока.

К праздничному головному убору, особенно жениховскому, добавляли ленту с пряжкой, павлинье перо, искусственные или живые цветы (например, у украинцев венок из барвинок), а иногда — у гуцулов — металлическую полосу со сквозным узором — *бляху*.

В XIX в. у русских, украинцев и белорусов получил распространение картуз из фабричной ткани, с козырьком, близкий по форме к военной фуражке. Его носили уже в первой половине XIX в. в городах рабочие и мещане; частично — в сельских ремесленных районах, наиболее связанных с городом. Во второй половине XIX в. картуз стал общераспространенным головным убором. С начала XX в. его постепенно вытесняет кепка.

IV. ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ

РУБАХА

Женская рубаха — *руба́ха, соро́чка, испо́дка, подно́ска* (рус.); *сорочка, кошуля* (укр. и белор.) — из холста характерна для славян в качестве основной исподней и одновременно выходной одежды. Иногда рубаха служила единственной одеждой еще в XIX в., главным образом у девушек.

Восточнославянская женская рубаха характеризуется наличием рукавов и плечевых вставок. Рубаха безрукавная распространилась в восточнославянской народной среде лишь в середине XIX в. под влиянием города. У западных славян рубаха на одной или двух бретелях, без рукавов, известна была гораздо раньше: такая одежда изображена на чешской миниатюре XIV в.; местами ее носили также словачки *(ру́бач)* и польки *(цяснóха)*.

Наличие поликов — плечевых вставок — и собранный плотно облегающий шею ворот отличают восточнославянскую рубаху от рубах мари, чувашей, мордвы и других поволжских народов. Этому типу рубахи, видимо, предшествовали другие формы. У восточнославянских народов кое-где отмечены в качестве старой формы рубахи туникообразного покроя. Археологические находки в славянских странах в первые века нашей эры — мелкие римские фибулы позволяют заключить, по мнению Б. А. Куфтина, о распространении «одежды из легкой ткани льняной или шерстяной с разрезом, скалываемым на плече или на шее» [1].

Известные нам изображения древнерусской женской рубахи, начиная со II тысячелетия, очень скудны. Фрески и миниатюры конца I и начала II тысячелетия не позволяют судить о нательной одежде изображаемых на них женщин, большей частью знатного рода, ибо они представлены в торжественной парадной одежде, иногда типа византийской «далматики», под которой скрыто нижнее платье.

На браслете XII в. из Киевщины изображена плясунья в длинной перехваченной поясом рубахе со своеобразными распущенными рукавами [2]. Рисунки Кенигсбергской летописи (XV в.) при всей своей условности дают представление о рубахе, как основной части женской одежды, с присущей ей особенностью в виде длинных рукавов, спущенных ниже кисти (рис. 24).

Рубаха составляла основную часть женского костюма всех сословий и классов в Московском государстве. Женщины из великокняжеской и боярской среды в XVI—XVII вв. носили два рода сорочек: нижнюю —

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 21.
[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 269.

из белого холста с рукавами и верхнюю — *красную* [1] с длинными рукавами, которые собирали складочками на руке, обычно из шелковой легкой ткани, нередко по швам украшенную жемчугом. В народной среде ношение поверх холщевой рубахи второй — нарядной — было и в XIX в. явлением сравнительно редким.

В XIX в., а кое-где даже и в начале XX в. у южных великорусов деревенские девушки до свадьбы ходили в одних рубахах, подпоясанные пояском; замужние женщины поверх рубахи надевали поневу. Северные

Рис. 24. Игрища славян-вятичей. Миниатюра Кенигсбергской летописи (XV в.)

великоруски сверху рубахи носили сарафан, причем рукава, грудь и ворот рубахи, а иногда и подол были видны и их наиболее украшали. Бывали случаи, когда и замужние женщины ходили в одних рубахах с поясом (например, во время сенокоса и жатвы, а также при выполнении обрядов — «опахивания» и др.).

То, что рубаха являлась исконной частью восточнославянской одежды, подтверждается множеством поверий, связанных с нею: свою рубаху нельзя было продать,— продажа ее считалась за «грех»; это значило также «продать свое счастье, удачу». При помощи колдовства над рубахой, как считали, можно было «испортить» бывшую ее владелицу.

Цельные и составные рубахи

Женские рубахи шили цельными или составными из двух частей — верхней и нижней.

Цельные рубахи шили (и шьют) из полотнищ, идущих от ворота до подола (рис. 25, *1*); у великорусов такая рубаха называется *проходница* (Вологодская обл.) [2], *скразна́я, дадо́льная* (Воронежская обл.),

[1] И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст., т. II, М., 1915, стр. 513—514.

[2] Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 2. М., 1890, стр. 16.

исцельница (Архангельская обл.), *суцéльная*, *односте́нная*, *чéхлик* (Калужская и Брянская области); у украинцев — *додільня*; у белорусов — *суцэльная*.

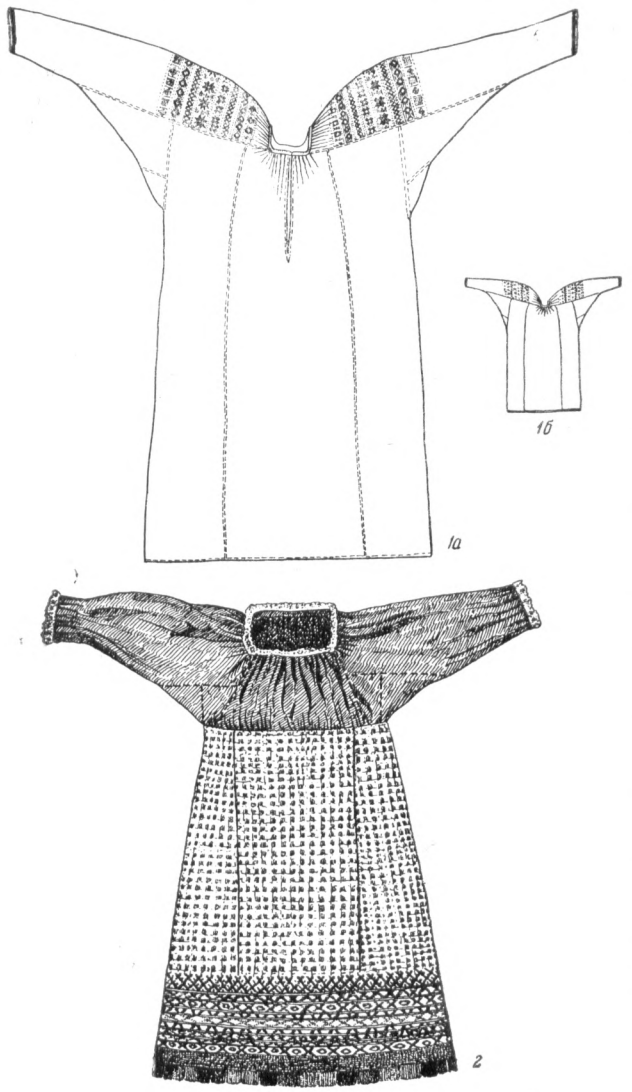


Рис. 25. Русские женские рубахи

1 — из холста, с рукавами, выкроенными вместе с плечевыми вставками, пришитыми по утку, с вышивкой красной бумагой: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Дмитриевы Горы Меленковского уезда Владимирской губ. Конец XIX в.); *2* — рубаха, которую носили преимущественно во время покоса и жатвы; рукава — из кумача, подстава — из пестряди, с узором из гаруса (дер. Михеево Каргопольского уезда Олонецкой губ. XX в.)

Для цельных рубах употребляли преимущественно домотканный материал, более состоятельные женщины шили их из полотнищ тонкого холста. В XIX в. цельные рубахи отмечены большей частью, как обрядовые — свадебные, «смертные», праздничные; иногда в них косили и жали. Праздничная цельная рубаха в Рязанской обл. называлась *посвя́ток*. В одежде центральной полосы и юга цельная рубаха встречалась чаще, чем в одежде населения северных областей.

Рубахи, составленные из двух частей, чаще шили из разных тканей: верхнюю часть, до пояса,— из более тонкой, иногда покупной материи; нижнюю — из более грубой, домотканной.

У великорусов такая рубаха называется *полуста́нок*. У южных великорусов «станом», «станушкой» обычно называется верхняя часть, а нижняя — «подставкой»; у северных великорусов, наоборот, «станом» чаще называется нижняя часть, а верхняя — «рукавами», «воротушкой». Другие названия верхней части — *поворо́тье*, *ворото́к*, *грудка*. У украинцев составные рубахи называются *до підточки*: верхняя часть их — *стан*, *стано́к*, *оплічча*, нижняя — *підто́чка*; у белорусов верхняя часть — *чахлик*, нижняя — *подта́чка*, *подста́вка*, *подстава*. В ряде областей, особенно северновеликорусских, в рубахе резко различа-

ются две части — и по материалу и по расцветке. Верхнюю часть шили из фабричной ткани, белой или красной, иногда из полотна; нижнюю — из более грубого холста белого или набойчатого. Рубахи-*покóсницы* Вологодской, Архангельской, Ярославской областей, надевавшиеся на покос или жатву, шили из яркой ткани и подолы богато украшали браным узором, отчего их иногда и называли *наподóльницы*. Верхняя кумачевая и нижняя пестрядинная части резко отличались друг от друга (рис. 25, *2*).

1 *2*

Рис. 26

1 — юбка холщевая с вышитым подолом (Архангельская губ.); *2* — подол — холщевая юбка, затканная браным узором и расшитая разноцветным гарусом с бахромой—морхами (дер. Михеево Каргопольского уезда Олонецкой губ. Начало XX в.)

Иногда не пришитая к рубахе подстава составляла как бы самостоятельную часть — род юбки — *подол*, собранный наверху, где пришивался поясок; «подол» надевали поверх рубахи. Нижний край сарафана при этом подтыкали спереди за пояс, чтобы виден был узорный подол юбки или рубахи.

Юбки-«подолы», белые холщевые (рис. 26) с вышивкой или сплошь затканные браным узором и расшитые разноцветным гарусом, надевали, кроме покоса и жатвы, еще и на «сгон» — во время первого выгона скота в поле весною. Особенно нарядны были в этот день молодухи и девушки, надевая по нескольку «подолов» на рубаху — наподольницу (б. Олонецкая губ.). Ношение девушками (не носившими понев) холщевых юбок-подолов, собранных на вздержке, отмечено также на юго-востоке — в Рязанской и Тамбовской областях. Иногда шили отдельно и верхнюю часть рубахи.

Известно ношение шелковых *рукавов* поверх холщевой рубахи вместе с парчевым или шелковым сарафаном среди богатых крестьянок б. Вологодской губ. У однодворческого населения б. Воронежской губ. отмечено ношение нарядной короткой верхней рубахи из атласа, сатина или

кумача в качестве праздничной одежды, надеваемой поверх нижней рубахи с рукавами [1].

Таким образом, наряду с цельной рубахой у восточных славян наблюдается бытование составной рубахи. Такое разделение на две половины, видимо,— вторичное явление; однако в этом можно видеть иногда и древнюю традицию. В некоторых местах Карпат и Закарпатья, очевидно, совсем не знали цельной или сшитой из двух частей женской рубахи. Короткая сорочка, которую носят с холщевой белой сподницей, состоит там из двух отдельных частей: верхней части — *опліччя* и нижней части — *підши́вка* (иначе — *подолок, спідник*) (рис. 27). Опличчя надшивается снизу неширокой полосой более грубой ткани, чтобы рубаха, которая носится с напуском, не вылезала из-за пояса пидшивки.

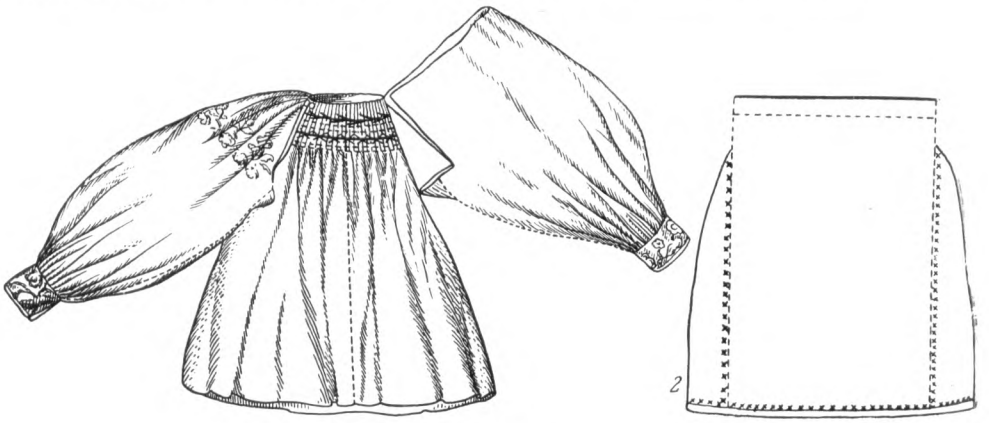


Рис. 27

1 — сорочка с разрезом сбоку (с. Вербяш Валявского округа Закарпатской обл.); *2*— «пидшивка» из холста (с. Ясень Раховского округа Закарпатской обл. XX в.)

В западно-карпатской рубахе, у которой верхняя и нижняя части не сшиты друг с другом, большинство исследователей видят очень архаическую форму. Мошиньский [2] связывает ее с древним прототипом двухчастной одежды, к которой он относит и женскую рубаху западных славян, сшитую из двух частей (с одной или двумя лямками), а нераздельную цельную рубаху — восходящей к форме плаща-пончо.

Предположение о различном происхождении разных типов восточнославянской рубахи было высказано С. П. Толстовым. Он считает, что южновеликорусская, большей частью цельная, рубаха восходит к типу туникообразной, а рубаха северных великорусов с прямыми поликами, чаще составленная из двух частей,— к рубахе на лямках. По его мнению, последняя была прототипом северновеликорусской рубахи, состоящей как бы из юбки с широким лифом на двух широких лямках — оплечьях и пришитых к ним рукавов [3].

Вопрос о самостоятельных путях развития этих двух типов восточнославянской рубахи требует дальнейшего исследования. В частности, следует учесть, не связано ли ношение цельной или составной из двух

---

[1] Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда Коротоякского у., стр. 153.

[2] K. Moszyński. Указ. соч., стр. 446—448.

[3] С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 74.

частей рубахи иногда с большей или меньшей зажиточностью их владелиц. Для разрешения этого вопроса много может дать картографирование типов и вариантов рубах, с учетом даже таких деталей, как расположение полотнищ, наличие или отсутствие горизонтального шва посередине (соединяющего верхнюю часть с подставой) и т. д. [1]

Существует несколько основных типов женских рубах у восточных славян.

Туникообразная рубаха

Туникообразная женская рубаха (см. рис. 28 и рис. 29) в XIX в. у восточных славян являлась реликтовой формой. Покрой рубахи с центральным полотнищем, перегнутым по утку (ср. описание мужской рубахи на стр. 581), сохранялся в Калужской губ. в одежде старух; у старообрядок Сычевского уезда Смоленской губ. и в Олонецкой губ.— в «смертных» рубахах (рис. 29, *1*). Своеобразна старинная холщевая рубаха донских казачек (рис. 29, *2*). Полотнища в ней расположены несимметрично. Рукава с помощью вставленных клиньев расширяются книзу (в калужской рубахе, упомянутой выше, рукава суживаются, так как клинья вставлены острием к запястью). Донская рубаха имеет прямой разрез ворота и низкий стоячий воротник. Грудь, подол и рукава ее украшены пестрой тканью, возможно заменившей прежнюю вышивку [2], что часто наблюдается в одежде конца XIX — начала XX вв. [3]

Можно отметить, что многие черты донской рубахи являются сходными с рубахами болгар и македонцев.

Туникообразные рубахи носили на Украине — в Закарпатской и Черновицкой областях (рис. 29, *3*) и местами у белорусов (рис. 29, *4*).

Рубаха с поликами

Типична для восточных славян женская рубаха с поликами — плечевыми вставками, расширяющими плечевую часть рубахи, дающими возможность собрать в сборки ворот и часть рукава, что придает ширину и пышность всей рубахе.

Вопрос о генезисе поликов в восточнославянской рубахе представляет несомненный интерес. Те из авторов этнографических работ о славянах, которые касаются этого вопроса (Куфтин, Мошиньский), рассматривают полики, как замену плечевых пряжек-аграфов, скреплявших некогда одежду; однако вопрос этот также требует дальнейшего исследования.

Различают рубахи с прямыми и косыми поликами.

1. Рубаха с прямыми поликами — прямоугольными плечевыми вставками, соединяющими передние и задние полотнища (также *поликú*, *лáстовки*, *мы́шки*, *намы́шники* (рус.); *уставки*, *паликú* (укр.); *вустаўки*, *пыликú* (белор.),— известна также у южных (сербы, хорваты) и у западных славян (поляки, чехи).

Прямые полики могут быть пришиты параллельно утку или основе полотнищ стана рубахи.

---

[1] Работу по картографированию одежды проводит Сектор славяно-русской этнографии Института этнографии АН СССР, приступивший к составлению Русского этнографического атласа.

[2] Н. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 49.

[3] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 13, 14.

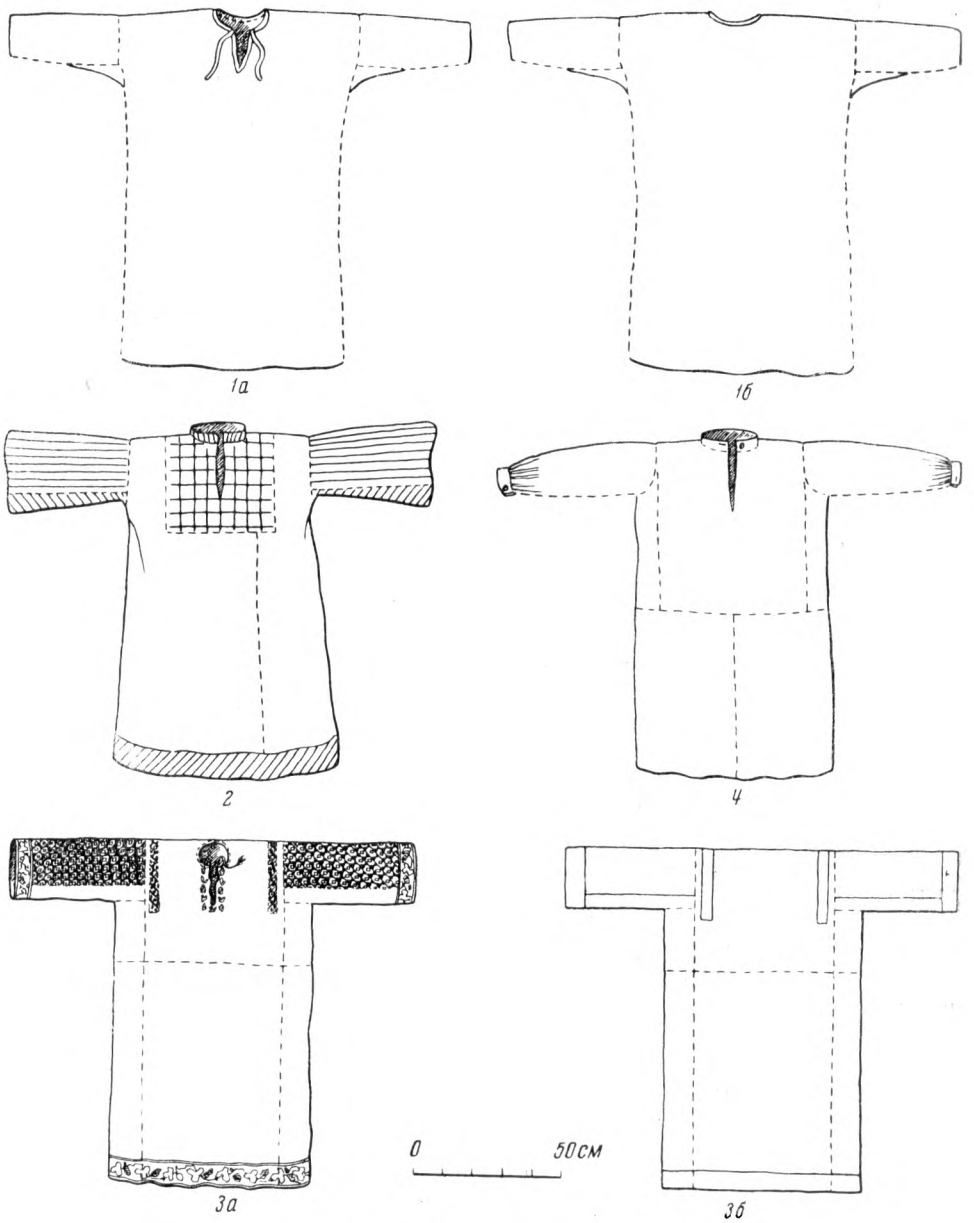


Рис. 29. Женские туникообразные рубахи

1 —«смертная» рубаха старообрядки: *а* — спереди; *б* — сзади (дер. Большие Халуи Каргопольского уезда Олонецкой губ. Начало XX в.); *2* — рубаха донских казачек (конец XIX в.); *3* — украинская праздничная сорочка: *а* — спереди; *б* — сзади (Черновицкая обл. XX в.); *4* — белорусская сорочка; ее носили с гарсетом и андараком (дер. Метевичи Бобруйского уезда Минской губ. Конец XIX в.)

По утку пришивают полики северные великорусы, белорусы и часть украинцев; у южных великорусов эта рубаха бытовала у бывших однодворцев, а у остального населения она встречалась большей частью как новый тип. У северных и средних великорусов рубаху шьют с плотно облегающим шею воротом, собранным и пришитым к узкой обшивке, с прямыми собранными у кисти или со скошенными к кисти рукавами без сборок. (Последнюю Б. А. Куфтин называет «московской».) У белорусов и в северных областях Украины, прилегающих к Белоруссии (рис. 30, *2—3*), рубаху с прямыми поликами шьют из трех, а не из четырех полотнищ, с отложным воротником и собранными у кисти рукавами с обшлагом.

Разновидность рубахи с пришитыми по утку прямыми поликами — рубаха, у которой плечевые вставки и рукав выкраиваются вместе и пришиваются непосредственно к вороту, собранному на обшивке [1]. Нередко ворот бывает настолько широк, что рубаху можно надевать через голову, не расстегивая прореху; рукава большей частью пышные, собранные у кисти, а иногда доходят только до локтя (см. рис. 25, *2*). Б. А. Куфтин называет ее «новгородской» по распространению ее главным образом на территории Новгородчины и в областях новгородской колонизации. Ее носили преимущественно с прямым сарафаном на лямках. Однако такая же рубаха, но с узким воротом и со скошенными (при помощи вставки клиньев) рукавами, иногда затканными узорами (см. рис. 25, *1*), распространена и во Владимирской обл. и в Поволжье (т. е. районах преобладания владимиро-суздальской или московской колонизации). Область распространения «бесполиковой» рубахи в основном совпадает с областью распространения рубахи с прямыми поликами и по отношению к последней представляет позднюю форму; ее шили с «рукавами» из фабричной ткани и носили с косоклинным сарафаном (см. ниже). Однако имелся и более старый покрой бесполиковой рубахи. На территории Новгородской и Псковской областей Н. И. Лебедевой изучена рубаха со слитым поликом (*оплечьем*), кроенная «по-топорному» или «в замок» (рис. 31, *1*), которая является, по свидетельству населения, более древней, чем рубаха с прямыми поликами и «бесполиковая» — «новгородская». Кроят такую рубаху следующим образом: берется полотнище холста, перегибается вдоль и складывается втрое поперек. В местах сгиба делаются надрезы по вертикали до середины полотнища: один от кромки, другой с противоположной стороны; затем по горизонтали ткань разрезается, причем надрезы соединяются. Клинья, срезанные с конца рукава, пришиваются снизу, к той части рукава, которая приходится подмышками, рукав получается несколько скошенным. Кройка рубахи «по-топорному» отмечена также в отдельных местностях Калужской обл. (б. Калужский уезд) и Смоленской обл. (б. Сычевский уезд) [2].

По основе полотнищ стана пришивают полики на Украине (б. Галиция, Подолия, Буковина; реже — в Закарпатье, Киевщине, на левобережье Днепра), а также в Смоленской, Калужской и Рязанской областях. Отмечена она и в старинном костюме Верейского района Московской обл., где ее шили с узкими рукавами с клиньями, а не с пышными, как в украинских рубахах (рис. 31, *2*).

Как и рубаха с поликами, пришитыми по утку, рубаха с поликами, пришитыми по основе, имеет свою разновидность — «бесполиковую»

---

[1] Часто такую рубаху называют в литературе «бесполиковой». Мы также пользуемся условно этим термином.

[2] Н. И. Лебедева. Народный быт., стр. 16 и 56—57.

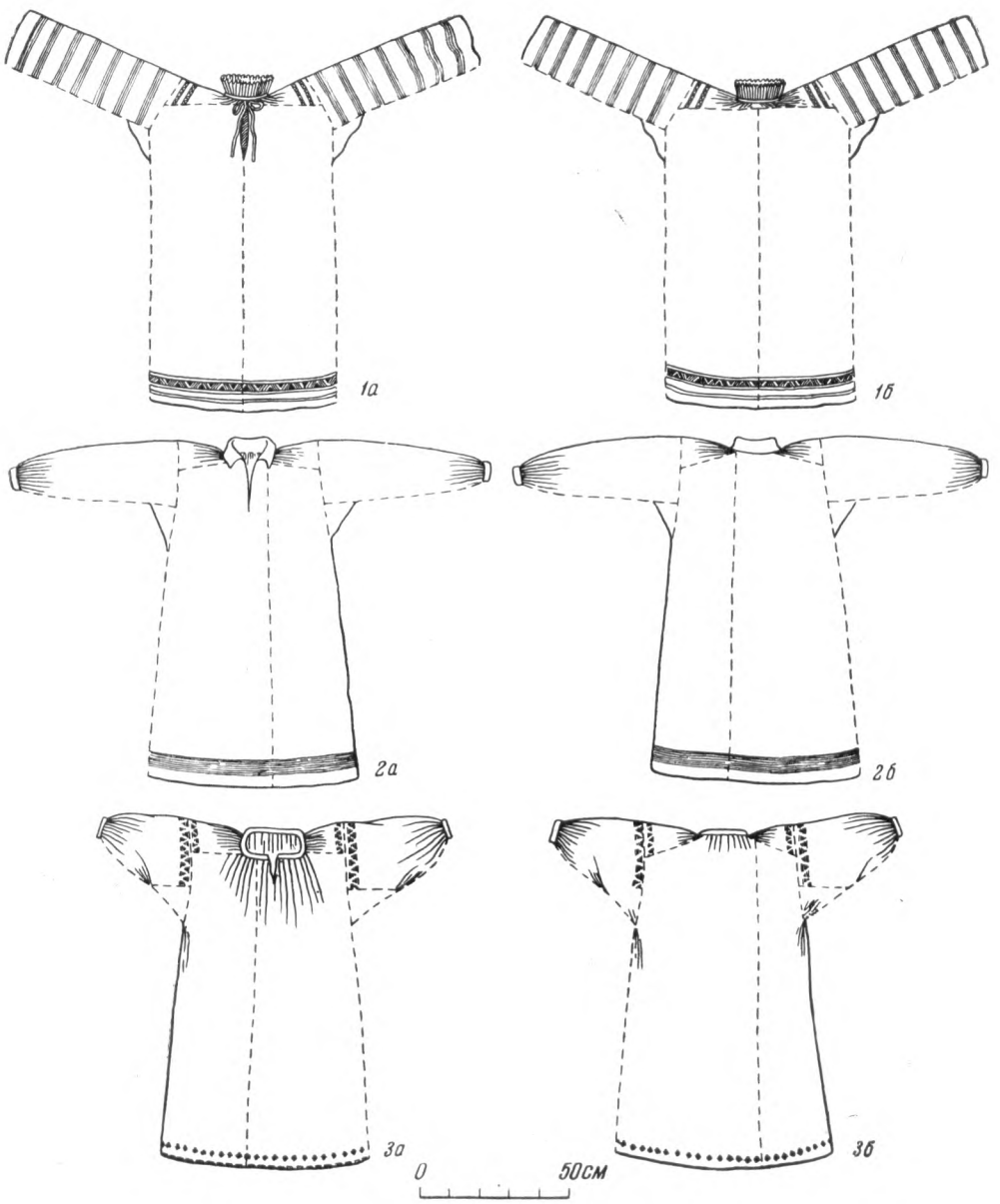


Рис. 30. Женские рубахи с прямыми поликами; вторая половина XIX в.

1 — сорочка из холста, затканная красной бумагой: *а* — спереди; *б* — сзади (дер. Холодильники Мозырского уезда Минской губ.); *2* — белорусская сорочка с прямыми поликами и ковнером: *а* — спереди; *б* — сзади (Чаусский уезд Могилевской губ. 1867 г.); *3* — украинская сорочка с уставками: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Куликовка Черниговской губ. и уезда)

рубаху, у которой рукав слит с плечевой вставкой и пришивается вдоль основы полотнища, а верхняя часть его, вместе с передними и задними полотнищами рубахи, собирается вокруг шеи, образуя ворот (рис. 31, *4*). Эта сорочка с цельным (*суцільним*) рукавом характерна для Украины,

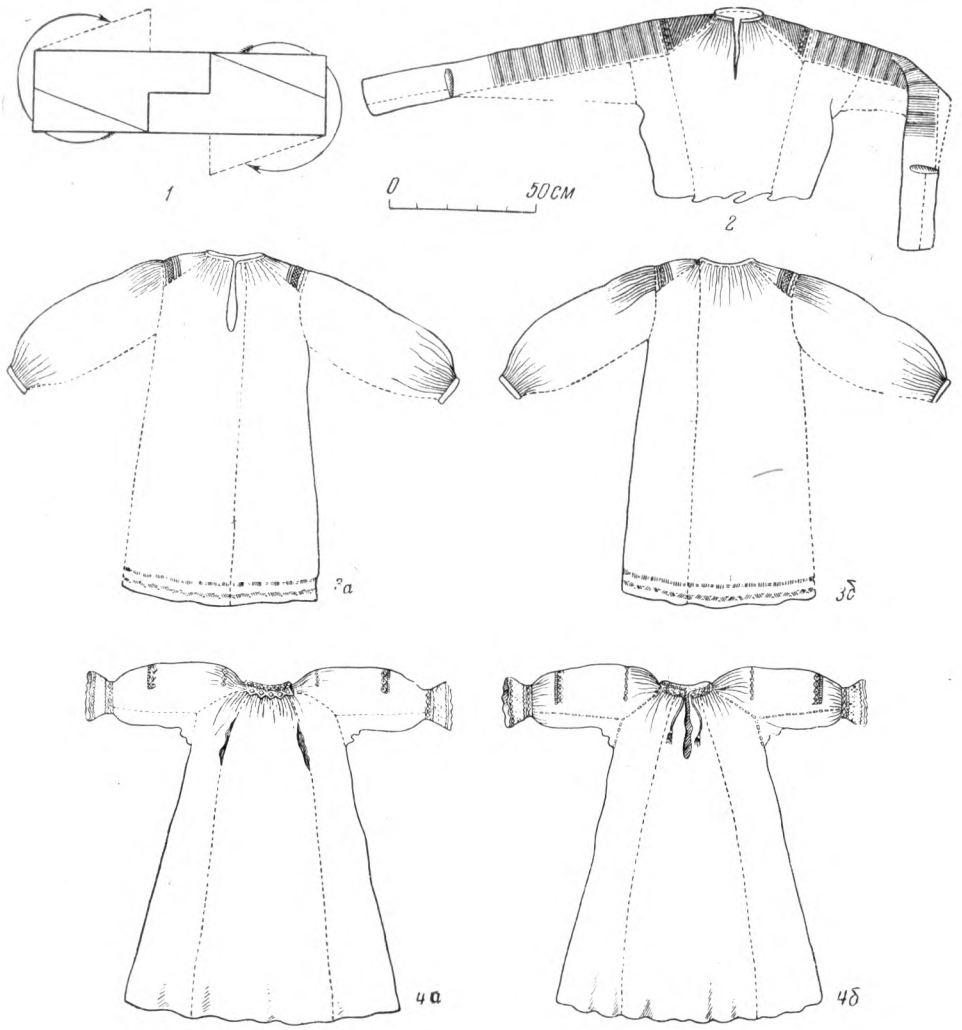


Рис. 31. Женские рубахи конца XIX — начала XX в.

1 — кройка рукавов с поликами «по-топорному» (с. Перелино Старорусского уезда Новгородской губ.); *2* — рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе (Верейский уезд Московской губ., 1860-е годы); *3* — сорочка с уставками, пришитыми по основе: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Сосновка Переяславльского уезда Полтавской губ.); *4* — сорочка из холста с суцильными рукавами, с вышивкой по швам (Закарпатская обл.)

особенно для карпатских горцев и населения Закарпатья; она названа проф. С. А. Токаревым (в неопубликованных работах) «карпатской». Она бытовала также в близких к Украине областях — Смоленщине и Пинской обл. В качестве реликта она отмечена на севере территории расселения восточных славян — в б. Олонецкой губ. Каргопольская старинная рубаха, однако, отличается формой рукава, устройством ворота и своеобраз-

ными украшениями (см. ниже стр. 615). К. Мошиньский [1] выделяет эту рубаху с рукавом, доходящим до ворота, в особый тип «бесполиковый — сборчатый», считая его результатом скрещения двух типов рубах — с собранными поликами и с гладкими поликами; однако вопрос о генезисе бесполиковой рубахи требует еще дальнейшего изучения. «Новгородская» рубаха и рубаха, кроенная «по-топорному», по покрою и по территории рас-

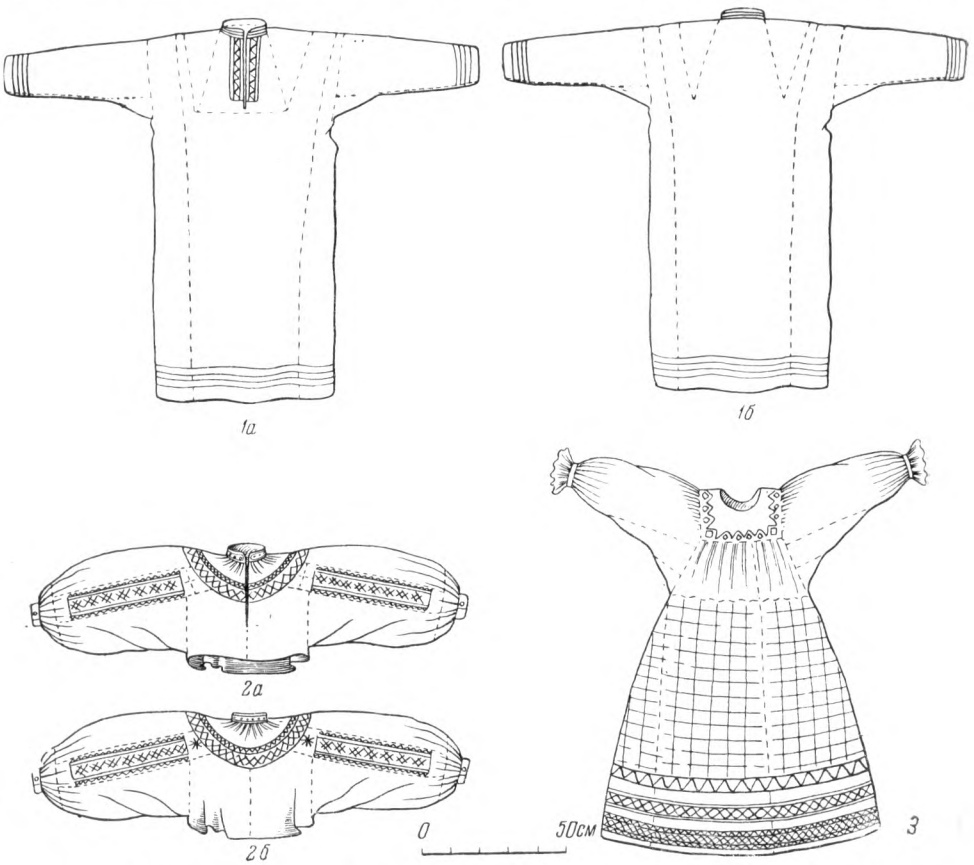


Рис. 32. Русские праздничные рубахи молодых женщин конца XIX—начала XX в.

1 — рубаха из холста с косыми поликами и нашивкой кумача на груди: *а* — спереди; *б* — сзади (Касимовский уезд Рязанской губ.); *2* — рубаха с воротушкой из красной шерстяной ткани; вдоль рукавов полосы браного узора, украшенные блестками: *а* — спереди; *б* — сзади (Бежецкий уезд Тверской губ.); *3* — рубаха на кокетке, верх — из кумача, стан — из пестряди с браным узором (Пошехонский уезд Ярославской губ.)

пространения связаны с рубахой с прямыми поликами, пришитыми по утку, а рубаха «карпатская» — с рубахой с прямыми поликами, пришитыми по основе. Рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе, является как бы промежуточной формой между рубахой с прямыми поликами, пришитыми по утку, и с косыми поликами. В то время как по покрою плечевых вставок ее следует отнести к типу рубахи с прямыми поликами, по общей конструкции она ближе к рубахе с косыми поликами. Прямой полик, пришитый к полотнищу по основе, так же как и косой полик, образует спа-

[1] K. **Moszyński**. Указ. соч., стр. 441—443.

дение плечевой части рубахи, близкое к современному покрою «реглан». При этом вся рубаха становится широкой и ее собирают у ворота, а широкие рукава собирают у кисти. Б. А. Куфтин справедливо называет этот вид рубахи «украинским», считая его очень древним для украинцев [1]. Распространение такой рубахи также в верховьях Днепра объясняется древними культурными взаимосвязями населения среднего и верхнего Поднепровья. Наличие ее в отдельных местах б. Московской и даже Олонецкой губ. указывает, вероятно, на проникновение южных групп населения на север.

2. Рубаха с косыми поликами имеет плечевые вставки трапециевидной формы. Полики вшиваются между двумя полотнищами или в середину полотнища стана (рис. 32, *1*), вклиниваясь острыми углами в стан на груди и спине [2]. Рукав пришивается: а) к полотнищу ткани, в которое вшит полик,— рубаха *со спуском*; б) к прямоугольным кускам ткани *(ташкам)*, вшитым между поликом и рукавом; в) непосредственно *к полику*.

Первый вариант, встречающийся чаще в рубахах женщин старшего поколения, видимо, является наиболее древним. *Спуск* — одна из характерных черт рубах с косыми поликами; ворот собирают, и рубаха ниспадает широкими сборками. Покрой этот типичен для костюма с поневой, в котором верхняя часть корпуса остается незакрытой. Ворот и суживающиеся к кисти рукава без сбор сближают данный вид рубахи с северновеликорусской рубахой с прямыми поликами.

Область распространения рубахи с косыми поликами позволяет назвать ее южновеликорусской. По данным XIX и начала XX в., она была известна в Брянской, Калужской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Воронежской и Рязанской губерниях (на севере последней — у «русской мещеры», на юге — в Ряжском, Сапожковском, и нескольких других уездах) и у «русской мещеры» Пензенской и Саратовской губерний. Это свидетельствует о древних культурных связях населения этой территории. Область бытования этой рубахи в основном совпадает с областью расселения вятичей и с путями продвижения великорусов на юг в XVI—XVII вв. Наличие ее у мещеры б. Пензенской и Саратовской губерний, о которой известно, что она выселилась из Рязанского края в XVI в., указывает на бытование этой рубахи в то время [3]. Это позволяет предполагать, что рубаха с косыми поликами существовала там ранее, до переселения мещеры.

С. П. Толстов связывает генезис южновеликорусской рубахи с рубахами туникообразного покроя, распространенными у поволжских финноязычных народов и чувашей [4]. Однако эта рубаха, нередко имея одинаковое с туникообразной рубахой расположение полотнищ (рис. 32, *1*), отличается от нее наличием косых поликов, собранного ворота и узких рукавов с клиньями.

Рубаха с воротушкой, с кокеткой и др.

Рубаха с *воротýшкой* — круглой вставкой у ворота, без поликов, имела локальное распространение в XIX в. в Тверской губ. (Бежецкий и

---

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 45.

[2] В Калужской и Тульской губерниях в начале XX в. иногда косые полики заменяли прямыми, но пришивали их по основе так, что они как бы врезались углами в полотнища рубахи на груди и спине, подобно косым поликам.

[3] Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губ. Рязань, 1929, стр. 29.

[4] С. П. Толстов. К проблеме аккультурации, стр. 74.

Весьегонский уезды) и кое-где на территории западной части современной Московской области.

Воротушку делали из кумача или шерстяной фабричной яркой материи и обшивали браной узорчатой полосой (рис. 32, *2*). Пышные рукава имели *простáвки* — продольные полосы узора, что довольно редко встречается в восточнославянских рубахах, но типично для одежды мордвы и других народов Поволжья и — в меньшей степени — верхневолжских карел [1]. В русских рубахах встречается лишь изредка вставка продольных кумачовых или узорных полос на рукавах; это отмечено в Новгородской области (б. Белозерском уезде) и Архангельской обл. (Поморье). Возможно, что в б. Тверской губ. рубаха с воротушкой явилась более поздней, чем рубаха с прямыми поликами и долгими узкими рукавами, которую еще носили здесь старухи. Рубаха с воротушкой имелась также у группы карел Ржевского уезда той же губернии, что доказывает культурную общность населения этого края.

Можно выделить еще несколько типов рубах, которые появились как позднейшие формы, проникшие в деревню из города в период развития капитализма.

Верхняя часть рубахи с *блузкой* (рус.), с *гéсткой* (белор.) шьется на кокетке, большей частью из покупного материала, а низ — из домотканной материи. На этой рубахе отразилось влияние покроя городских платьев. Такова, например, нарядная рубаха *покосница* конца XIX — начала XX в. в Ярославской губ. (Пошехонский уезд), которую надевали с поясом без сарафана в покос или на жатву. Верхнюю часть шили из кумача или сатина (преимущественно красного), низ — из тонкой полубумажной красной клетчатой домотканины с широким браным узором из разноцветной шерсти (рис. 32, *3*).

Рубаха из двух полотнищ, сшитых на плечах и боках, представляет модификацию покроя старинных рубах в связи с употреблением покупных тканей [2]. В начале XX в. в южновеликорусских областях ее носили с прямым сарафаном, юбкой.

Рубаха без рукавов в этнографической литературе получила название западнославянской, или западноевропейской. В России стала распространяться главным образом в деревнях во второй половине XIX в. под влиянием города и служила только бельем. В чисто сельские поселения этот тип рубахи проникал из фабричных, пригородных и промысловых сел вместе с новыми формами одежды городского типа из покупной ткани, все более распространявшимися в деревне в период развития капитализма.

Наиболее широко рубаха без рукавов вошла в быт уже в послереволюционный период, в связи с массовым переходом крестьян к новым видам одежды и распространением привычки носить белье.

Значительное разнообразие рубахам одного и того же покроя придает ряд деталей.

Расположение полотнищ

Великорусские рубахи чаще шьют из четырех полотнищ (*точь*). Для рубах Калужской и Брянской областей характерно расположение полотнищ, аналогичное расположению их в мордовском *нанге* и *покае:* швы приходятся спереди и сзади (в центре) и по бокам (см. рис. 30, *1*). Это

[1] Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951, табл. III рис. 1.

[2] См. покрой в работе Н. И. Лебедевой «Народный быт...», стр. 18, рис. 8.

встречается также в рубахах Тульской и Рязанской областей, однако в последней наблюдается большое разнообразие (нередко асимметричное расположение). В Тульской, Смоленской и Владимирской областях, а также у части украинцев и белорусов встречается расположение полотнищ, аналогичное расположению их в русской мужской рубахе (см. рис. 31, *4*). Белорусские, а иногда и украинские сорочки шьются, кроме того, из трех полотнищ, расположенных несимметрично (рис. 30, *2* и *3*); при этом женские белорусские рубахи отличаются от мужских только большей длиной.

Ворот

По устройству ворота можно выделить несколько групп рубах:

1. Рубахи без воротника, имеющие лишь прорез для головы. Ткань гладко облегает шею, как в старинных туникообразных рубахах (см. рис. 29, *1*), или же собирается на нитке вокруг ворота (нитка завязывается как в украинской рубахе; см. рис. 31, *4*).

2. Рубахи с воротом, собранным в сборку, имеют низенький воротник в виде узкой полоски ткани, иногда вышитой или затканной. Наиболее распространены у великорусов и украинцев: *остёбка, остёбенье, ажерёлок* (рус.); *вобшивка, обшивка* (укр.) (см. рис. 31, *2, 3*). Застегивается такой ворот обычно на медную или стеклянную пуговицу и нитяную петлю; иногда же стягивается лентами, продернутыми в две петли.

3. Рубахи со стоячим воротником встречаются редко (см. описанные выше рубахи донских казачек, рис. 29, *2*).

4. Рубахи с отложным воротником типичны для Белоруссии (*каўнерные*) (см. рис. 30, *2*), встречаются и на Украине, преимущественно в северных ее областях. Воротник стягивается при помощи завязок (*стужки, похистки*), продетых в петли. У великорусов рубаха с отложным воротником называлась *польской,* в отличие от рубахи без отложного воротника (*русской*); встречалась лишь местами, главным образом в одежде бывшего однодворческого населения южновеликорусских областей (где их носили с шерстяной полосатой юбкой, с прямым сарафаном), а также в Сибири.

Рукава

По покрою рукавов восточнославянские рубахи можно подразделить на ряд групп:

1. Рубаха с прямыми рукавами, с ластовицами или без них (рис. 30, *1*).

2. Рубаха со скошенными рукавами, суживающимися к кисти, без сбор и с клиньями (иногда без ластовиц) (рис. 31, *2*); это старинный тип рукава великорусов: он обычен для рубах с прямыми поликами, а частично встречается в рубахах без поликов (см. рис. 25, *1*).

3. Рубаха с пышными рукавами наиболее характерна для Украины, где такой покрой рукавов, видимо, является старым; имеется он и у белорусов, но там преимущественно с обшлагом, что представляет сравнительно новое явление. У великорусов пышный рукав, собранный в сборку, более характерен для «новгородской» рубахи и отмечается в качестве более поздней формы по сравнению с рукавом с клиньями. Узкая обшивка собранного у кисти рукава у великорусов называется *запя́стье, подрука́вник, зарука́вник*; если имеется обшлаг, то — *шлаг, шагол, манже́та.* У белорусов и украинцев чаще применяется широкая обшивка рукава, составляющая обшлаг: *чóхла* (укр.), *каўне́рцы, каўне́рики* (белор.). Иногда рукава вместо обшлага собирают оборкой — *моршóты, моршетцы,*

грыбáтки, брыжжи. Они известны всем восточнославянским народам, но не получили у них широкого распространения. В Воронежской обл. такие запястья из оборки — *нарýчники, брызжи* шили отдельно и надевали на рукава рубахи. Они состояли из полосы ткани, украшенной позументом, лентами, иногда бисером, собранной у одного края на обшивке, и укреплялись у кисти руки при помощи завязок или пуговиц и петли.

Рукава с клиньями, без сбор, в старинных рубахах (первая половина — середина XIX в.) нередко шили длиннее рук. Они собирались на руке горизонтальными сборками или же имели специальные прорезы (см. рис. 31, *2)* для продевания кисти руки; остальная часть рукава свободно свисала. Рубахи-*долгорукавки* в XIX в. зафиксированы в Рязанской, Тульской, Калужской, Московской, Тверской, Нижегородской, Архангельской губерниях. Такие рукава известны и у ряда народов, находившихся в тесных взаимоотношениях с русскими (например, у карел, эстонцев-сету и др.). В древней Руси эта мода была распространена довольно широко; в XV—XVII вв. длинные рукава известны в народной одежде, а также и в боярской. Рубаха с длинными рукавами изображена на миниатюрах того времени (см. рис. 24).

Долгорукавки, сохранившиеся до конца XIX в., служили главным образом праздничной и свадебной одеждой; однако из данных архива Географического общества середины XIX в. видно, что долгорукавки из белого холста с длинными рукавами, с «прорехами под пазухой» употреблялись и дома при работе; для этого рука вынималась из рукава, продевалась в прореху, а рукав «по окончании дела и очищения руки снова надевался» [1].

Откидными и фальшивыми рукавами, кроме рубах, снабжались и сарафаны [2]. В старину, как пишет Н. И. Костомаров, длинные рукава заменяли бедному люду перчатки или рукавицы.

Способ ношения

Общим для всех восточных славян являлся способ подпоясывания женской рубахи. Характерно для них ношение рубахи с напуском, особенно русскими и украинками. У южных великорусок длина рубахи нередко доходила до 1,70—1,80 м; носили ее с *пазухой* — с большим напуском, выдернутым из-за пояса или поневы и спускавшимся ниже талии, причем подол рубахи поднимался до колен. Пазуха служила своеобразным мешком для ношения каких-либо предметов.

Украшения рубахи

Характерные украшения женской восточнославянской рубахи — вышивка, тканый узор. Вставки кумача в виде поликов, ластовиц, нашивок на груди и вороте особенно характерны для рубах великорусов (рис. 33, *1*).

---

[1] АГО, XXIII-138, л. 10.

[2] В восточнославянской народной верхней одежде откидные рукава сравнительно редко применялись (можно назвать украинский жупан и кунтыш, которые, однако, не имели широкого распространения в крестьянской среде. В средневековой боярской, а также в польской шляхетской одежде откидные рукава были довольно распространенным явлением, воспринятым, видимо, с Востока (на Кавказе, в Передней Азии верхняя одежда с откидными рукавами была в большом употреблении). Однако родиной одежды такого типа надо считать Восточную Европу. Древнейшее известное нам изображение одежды с подобными рукавами имеется на пластинке от головного убора, найденной в скифском кургане (III—II вв. до н. э.).

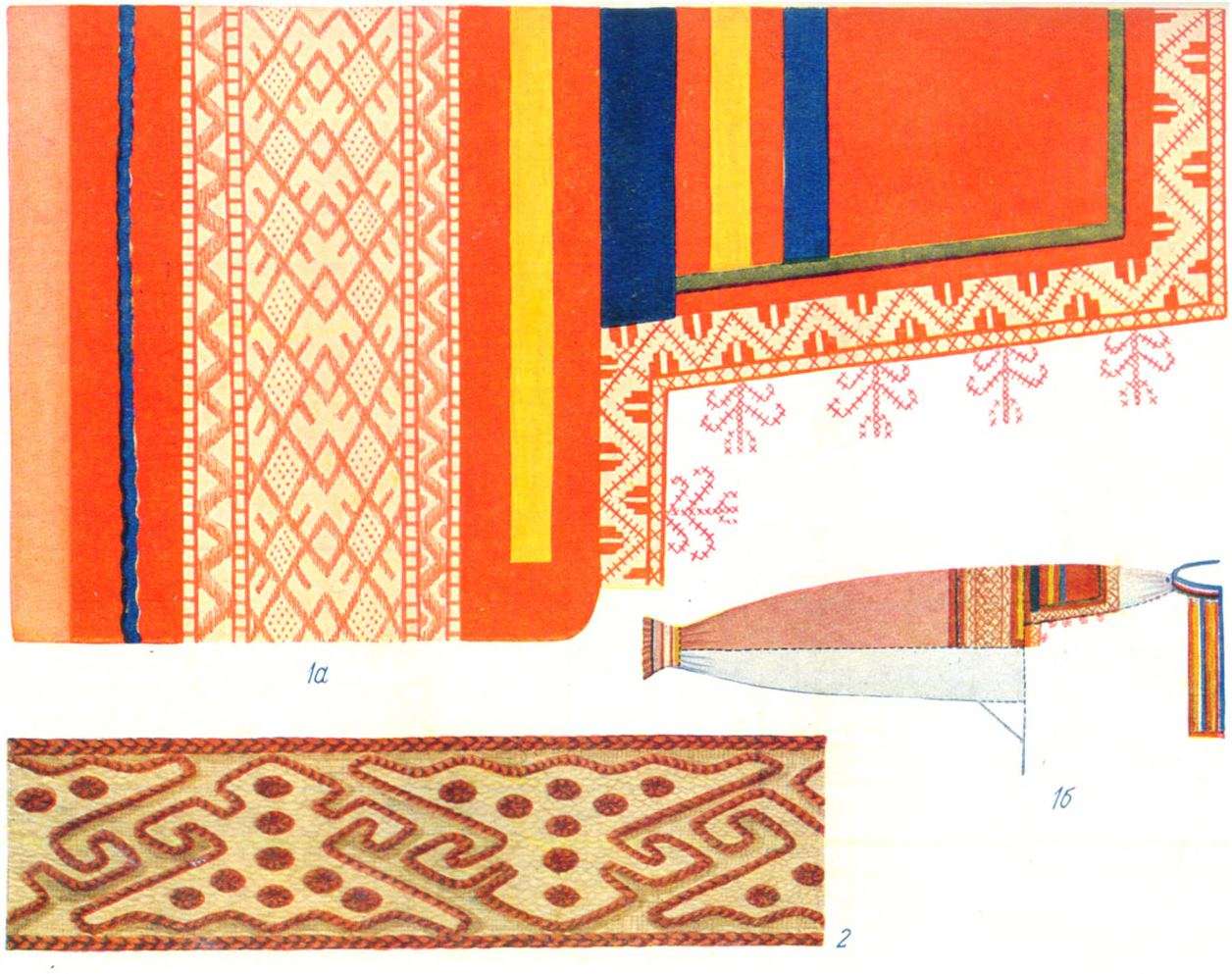


Рис. 33. Рукава женских рубах: *1а* и *б* — рукав и детали его украшений (вышивка, вставленные и нашитые куски кумача, полосы синей ткани и тесьмы, желтой шелковой ленты), б. Михайловский уезд Рязанской губ.; *2* — вышивка рукава, с. Моршень б. Кирсановского уезда Тамбовской губ.

В рубахах южно- и частью средневеликорусских областей вышивки сочетаются с узорным тканьем и нашивкой полос разнообразных тканей, лент, шнура, иногда блесток, пуговиц, позумента. Для украинских и северновеликорусских рубах типична вышивка, а для белорусских — тканые и вышитые узоры. Украшения чаще всего располагаются на плечевой части рукава рубахи, у ворота и на груди, на обшивке рукава, а также по подолу.

Русское население Севера часто украшало нижнюю часть рубах, которые надевали на покос и жатву, почти полностью заполняя ее вышивкой, а иногда тяжелым разноцветным браным узором; края таких рубах обшивали *морха́ми* из разноцветного гаруса (см. рис. 25). У белорусов были *подби́ранные* сорочки, т. е. затканные до колен красными нитками.

Ластовка, ластовица из квадратного куска белой холщевой ткани на старинных рубахах северновеликорусов иногда имела узор, вышитый красной бумагой. Однако чаще ластовицу делали из другой ткани, главным образом из кумача, который, как неоднократно отмечалось исследователями, часто заменял в одежде вышивку. Ластовицы из другой ткани, более темной, чем рубаха, известны еще в XVII в. (см. рис. 13).

Орнамент восточнославянской женской рубахи разнообразен и может быть подразделен на несколько групп:

1. Общие для восточных славян геометрические узоры, в которых преобладают мотивы ромба, розетки, восьмиконечной звезды, а также сильно геометризованной человеческой фигурки (рис. 33, *2*) или растения. Эти узоры восходят к глубокой древности [1].

2. Изобразительные узоры — мотив дерева с конями или птицами по сторонам; или с женской фигурой в центре и со всадниками по бокам и т. д.[2] В своей основе многие из этих мотивов восходят к языческому времени и в значительной степени являются общевосточнославянскими. Наиболее яркое отражение они нашли в орнаменте рубах северных великорусов. Так, вышивка на подоле и рукавах каргопольской рубахи (рис. 34) изображает сложные композиции с фигурами людей, животных и птиц.

3. Преимущественно растительные мотивы, выполненные в криволинейных очертаниях, в отличие от прямолинейно-геометрического стиля первых двух групп. Этот тип орнамента получил развитие также в конце XVI— начале XVII в. в других видах русского народного искусства — набойка, золотошвейные работы, резьба по дереву, чеканка и чернение узоров. В вышивках женских рубах он распространен у украинцев, местами — у великорусов и менее всего — у белорусов.

Узоры на восточнославянских рубахах, как правило, сочетаются с просветами холщевого фона. Лишь в Закарпатской обл. встречается плотная, как бы ковровая вышивка, украшающая рукава женских рубах; она есть также и в Архангельской области, где сплошной тканый и вышитый узор украшает подолы женских рубах (см. рис. 25).

Общими для всех восточных славян являются приемы вышивки — *набо́р, брань* (рус.), *низь* (укр.), напоминающие тканую браную технику (с характерным негативным отражением узора на изнанке); *стро́чка,*

[1] См. В. Я. Яковлева. Архангельская народная вышивка. М., 1954.

[2] О значении их имеется ряд предположений. См. В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Труды ГИМ», вып. 1, 1926, стр. 7—36; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве, СЭ, 1948, № 1, стр. 90—106; Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. СЭ, V, 1941, стр. 25—58.

вы́резь, пе́ревить (рус.), *мережка, ажу́ра, вирізува́нне* (укр.), *вы́резы* (белор.), выполняемая по ткани с выдернутыми нитями, иногда с вырезанными отверстиями; *гладь* (рус.), *настілуванне* (укр.), *насцілува́нне* (белор.); двусторонний шов — *досю́льный, по́спись* (рус.). Последний прием заключается в том, что стежки кладутся по утку, основе, а иногда и по диагонали переплетения нитей ткани; *крест* и многие другие.

Для вышивки употреблялись преимущественно бумажные, льняные нити и шерсть (*гарус, шлёнка*), реже шелк и бисер, а на Севере для особенно нарядных праздничных одежд — золотая и серебряная пряденая нить.

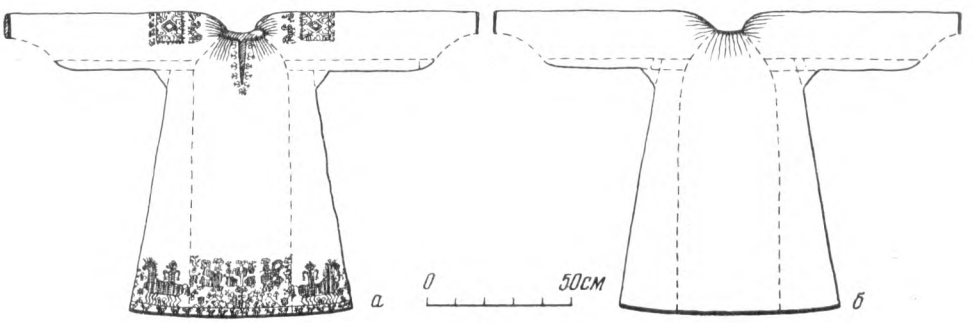


Рис. 34. Женская рубаха из холста, вышитая бумагой:

а — спереди; *б* — сзади, схема покроя (Каргопольский уезд Олонецкой губ. Середина XIX в.)

Расшивка шерстью характерна главным образом для женских рубах юго-западных областей Украины (рис. 35, *3*) [1].

В узорах женских рубах преобладает красный цвет, особенно в великорусских и белорусских; местами, однако, он сочетается с черным, синим, а в средней и частью южной полосе нашей страны также с желтым и зеленым, при преобладании красного цвета. Черный и красный цвета господствуют в вышивке восточных и некоторых западных областей Украины; многоцветные вышивки распространены в Закарпатской, Станиславской, Черновицкой, Подольской и некоторых других западных областях Украины. На Полтавщине и Черниговщине было распространено украшение рукавов женских рубах белой гладевой вышивкой.

Композиция и распределение узоров на восточнославянских рубахах имеет свои особенности. Характерно поперечное расположение узора на плечах (см. рис. 35, *1* и *2;* 36). В наиболее нарядных праздничных рубахах молодых женщин весь или почти весь рукав покрыт узором. Иногда вся рубаха шилась из узорчатой ткани (рис. 37,*2*). Расположение орнамента на рукавах в виде продольных полос, типичное для народов Поволжья, о чем упоминалось выше (см. стр. 612), для восточных славян в целом не характерно, хотя и известно местами,— например, у северных великорусов (рис. 37, *1*), в Белорусии и на Украине — в Подолии и на Волыни (см. рис. 35, *2*). Узор в виде прямоугольника или медальона с мотивом розетки, расположенный не на плече, а на верхней части рукава, характерен для женских рубах Закарпатья. Нередко швы, соединяющие полотнища с рукавами рубахи,

[1] Можно указать на единичный факт, когда в Смоленщине (б. Сычевский уезд) старухи-старообрядки вышивали свои «смертные» рубахи человеческим волосом.

1

2 *3*

Рис. 35. Узоры женских украинских сорочек

1 — Винницкая обл.; *2* — Волынская обл.; *3* — Подолье

и места вшивки поликов обшиваются цветной нитью, главным образом на Украине (где такая вышивка по швам на груди называлась *погрудкой*). Иногда вышивкой как бы намечаются разрезы на месте швов у подола рубахи, но это было больше распространено в туникообразных рубахах народов Поволжья.

Рис. 36. Девушки в праздничной одежде: сорочках, сподницах, фартуках, украшенных браными узорами, из с. Олтуш Брестского уезда Гродненской губ. Начало XX в.

Украшения женской рубахи, имея эстетическое значение, в то же время подчеркивали возраст женщины, ее семейное и социальное положение. Наиболее украшались рубахи молодых замужних женщин; с переходом женщины в другую возрастную группу количество украшений на рубахе уменьшалось. Рубахи старух делались преимущественно белыми и почти без украшений. Обилие кумача составляло характерную черту рубах молодых женщин. Так, например, в б. Коротоякском уезде Воронежской губ. отличительной чертой рубахи молодых женщин были кумачевые *пѐльки* — вставки на груди. Эта рубаха имела косые полики, но ее переднее полотнище было составным; верхнюю — нагрудную — часть надшивали кумачом. «В прежнее время выражение — «перестала красные пельки носить» означало — «состарилась» [1].

Рубахи также различались — у богатых и бедных крестьянок — по тонкости домотканины и ценности покупного материала, по богатству и качеству украшений и т. п. Особенно велико было различие в степени обеспеченности рубахами их владелиц. Богатые невесты заготовляли в приданое несколько десятков рубах, что не всегда могли сделать беднячки, нередко вынужденные применять свое мастерство (в тканье, вышивке) не для себя, а для более богатых односельчанок.

ПОЯСНАЯ ОДЕЖДА

К женской поясной одежде у восточных славян относятся *понёва, плáхта, гóрбатка, дерга, запаска* из одного или нескольких узорчатых кусков ткани, преимущественно шерстяных, укрепленных при помощи пояса, которые носят поверх рубахи. Поясной одеждой также являются передник и юбка.

Вопросу происхождения поневы в этнографической литературе уделялось значительно больше внимания, чем происхождению других видов одежды восточных славян. Однако большая часть попыток раскрытия

[1] Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда Коротоякского у., стр. 152.

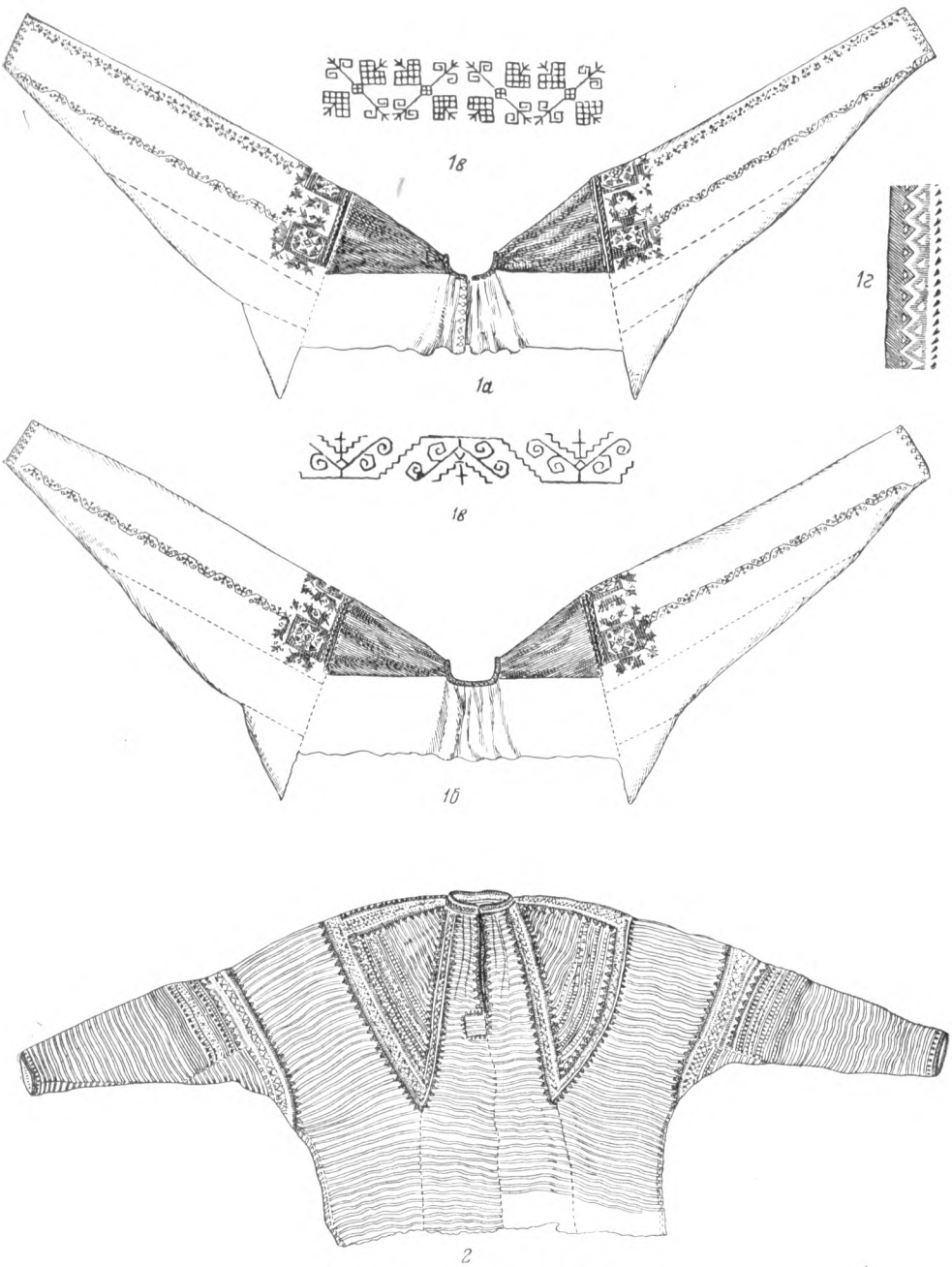


Рис. 37. Женские рубахи

1 — рукава: *а* — спереди; *б* — сзади; *в* — вышивка рукавов; *г* — вышивка ворота (с. Ворзогоры Онежского уезда Архангельской губ. Вторая половина XIX в.); *2* — южновеликорусская рубаха с косыми поликами из холста, затканная полосами красной бумаги; швы окаймлены вышивкой черной бумагой (Тульская губ. Конец XIX в.)

генезиса поневы была основана на ошибочных поисках «магических» корней возникновения одежды [1].

Набедренник из куска ткани явился тем прототипом, из которого развились различные виды поясной одежды. Для славян и некоторых соседних с ними народов (литовцев, западных финнов-ижор, эстонцев и других) характерна поясная одежда типа поневы, плахты, в отличие от кочевых народов Востока, у которых женщины носили шаровары. Понева не только соответствует климатическим условиям Восточной Европы, так как плотная шерстяная ткань облегает нижнюю часть корпуса, но удобна по своему распашному покрою и длине, большей частью доходящей только до колен, что позволяет свободно наклонять корпус и не стесняет шаг при работе, главным образом земледельческой. Ведь и рубаха, которая шьется длинной у южных великорусов, при ношении подтягивается до колен.

Понева

По этнографическим данным XIX—XX вв. понева являлась повсеместно отличительным элементом одежды замужних женщин, хотя первоначально надевание поневы было связано с наступлением половой зрелости у девушек.

В позднем обряде надевания поневы отразился переход женщины в подневольное положение в семье мужа. Слова причетов при обряде надевания поневы на невесту характеризуют поневу, как «вечный хомут», «бабью сухоту», «бабью кабалу» и т. д. Так, например, в причитаниях невесты при надевании поневы в день свадьбы имеется обращение к брату:

Родненький братец,
На что девичью красоту снимаешь,
А бабью сухоту надеваешь?
Девья красота часовая,
А бабья сухота вековая [2].

Был и такой момент в обряде надевания поневы: мать говорила дочери-невесте, бегавшей по лавке: «Прынь, прынь, моя дитятко, в вечный хомут». —«Хочу прыну, хочу нет»,— отвечала невеста [3]. Те же мотивы звучат в обрядах, связанных с надеванием на невесту головного убора замужней женщины. Следует отметить, что головной убор обычно надевался после венца, надевание же поневы и обряд, приуроченный к этому, совершались до венца.

Но, например, в Богородицком уезде Тульской губ. в первой половине XIX в. поневу надевали на девушку 15—16 лет в день ее именин; до этого она ходила в одной рубахе с поясом. После того, как на девушку надели поневу, разрешалось к ней свататься. Если девушка при прыжке не смогла попасть в поневу, то сватовство откладывалось до следующего года [4]. В других местах обряд надевания поневы совершали в «великий день»— на пасху (в год совершеннолетия девушки). Повидимому, только

---

[1] А. К. Супинский. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде, стр. 102—136; Н. П. Гринкова. Очерки по истории развития русской одежды. СЭ, 1934, № 1—2, стр. 66—94.

[2] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 47.

[3] Там же.

[4] Д. К. Зеленин. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. «Живая старина», 1911, вып. 2, стр. 238—239.

позднее обряд надевания поневы был приурочен к свадьбе. Высказанное предположение подтверждается тем фактом, что в редких случаях поневы носили девушки, например в с. Красная Дуброва Салтыковского района Пензенской обл. Вместе с тем, хотя обычно поневу носили до конца жизни, старухи иногда ходили без поневы, в рубахе и шушпане.

О том, что понева отражала когда-то, видимо, родоплеменную принадлежность, косвенно свидетельствуют данные XIX— начала XX в. Понева по расцветке, размеру узора-клетки, характеру украшений, наличию прошвы, способу ношения отличалась по группам деревень или отдельным селениям, и по этим признакам безошибочно можно было узнать, из какого селения происходит данная женщина.

Понёва, понява, пóнька, в XIX—XX вв., распространенная у южных великорусов, восходит к древнему типу женской одежды восточных славян. Термин «понява» встречается в ранних русских письменных памятниках, начиная с XI в., и употребляется он в смысле полотнища ткани [1]. В Уставе Ярослава поневы упоминаются наряду с белыми портами или полотнами, что указывает на различия между ними [2]. Термин «понева» можно считать общеславянским: он известен у чехов — понва, в смысле покрова для телеги; у черногорцев — *понявица, понява* — одеяло, клетчатая шерстяная ткань.

Как отмечает Б. А. Куфтин, «понева, архаичная по существу, в отличие от сарафана была чисто народным костюмом и, повидимому, никогда не играла заметной роли в костюме высшего городского класса уже с первых шагов русской государственной жизни» [3]. Наиболее раннее изображение поневы относится к XVII в.: одна из гравюр альбома Мейерберга изображает московскую крестьянку в распашной узорчатой поневе.

В своей типичной форме понева представляет три сшитые полотнища шерстяной или полушерстяной ткани, сверху собранные на шнуре (гашнике), при помощи которого понева укрепляется на талии или под животом. Это понева распашная, так называемая *разнопóлка,* или *растопóлка,* открытая спереди или сбоку (полы крайних полотнищ не сшиты друг с другом и не сходятся) (рис. 38, *1* и *2*). Понева закрытая, или глухая, имеет дополнительное четвертое полотнище ткани — *прошву,* все полотнища сшиты полностью; такая понева близка к обычной юбке (рис. 38, *3* и *4*). Полотнища поневы (как и плахты) располагаются вертикально, в отличие от поясной одежды украинок Подольской обл. (*обгóртка, фота*), состоящей из одного горизонтального полотнища, и восточно-болгарской *футы,* представляющей собой как бы несшитую юбку, в которой два полотнища расположены горизонтально одно над другим. (К этому же типу относится румынская и молдавская *катринта.*) Суконная клетчатая поясная одежда черногорских женщин — *ирам,* надевавшаяся подобно распашной поневе, щелью на правый бок, близка к типу южновеликорусской поневы.

Нередко полотнища распашной поневы слабо скреплялись одно с другим, были неполностью сшиты.

Можно выделить несколько вариантов распашной поневы по способу соединения ее полотнищ между собой; каждый из них отражает различные стадии развития поневы, начиная от отдельных, несшитых, укрепленных на поясе полотнищ,— повидимому, первоначальной формы поневы.

---

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 48.
[2] ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 122.
[3] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 47.

Такого типа была описанная В. Ф. Миллером[1] белорусская понева из Вылевской волости Гомельского уезда Могилевской губ., которую носили там до распространения в этих местах андарака; она состояла из четырех прямоугольных полотнищ домотканной грубой шерстяной материи, не сшитых между собой и лишь укрепленных на поясе.

Рис. 38. Русские поневы XIX — начала XX в.

1 — понева распашная с браным подольником; ткань из пеньковой сученой основы и шерстяного красного и черного утка (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.); *2* — понева распашная синяя клетчатая с вышивкой разноцветным гарусом и позументом по лицевой стороне и с изнанки (Орловская губ.); *3* — понева синяя клетчатая с прошвой из китайки (Михайловский уезд Рязанской губ.); *4* — понева с узором, выполненным аппликацией и с прошвой из фабричной материи (с. Коробково Старооскольского уезда Курской губ.)

Своеобразную поневу из несшитых полотнищ шерстяной клетчатой ткани носили в Бельском уезде Смоленской губ.; она состояла из двух задних сшитых и одного переднего полотнища, соединенного с задними лишь шерстяным пояском (рис. 39, *1*).

Распашная понева была наиболее распространена в юго-западных областях РСФСР (Орловская, Калужская, Брянская области) и лишь частью на востоке (на севере Рязанской обл. и у группы мещеры Пензенской обл.). Понева закрытая, глухая более характерна для юго-во-

[1] В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций..., вып. 1, стр. 140—141.

сточных областей (Тульская, юг Рязанской, Тамбовская, Воронежская и другие области) (рис. 38, *3*). Понева с прошвой из легкой фабричной или домашней льняной ткани представляет как бы дальнейшее развитие

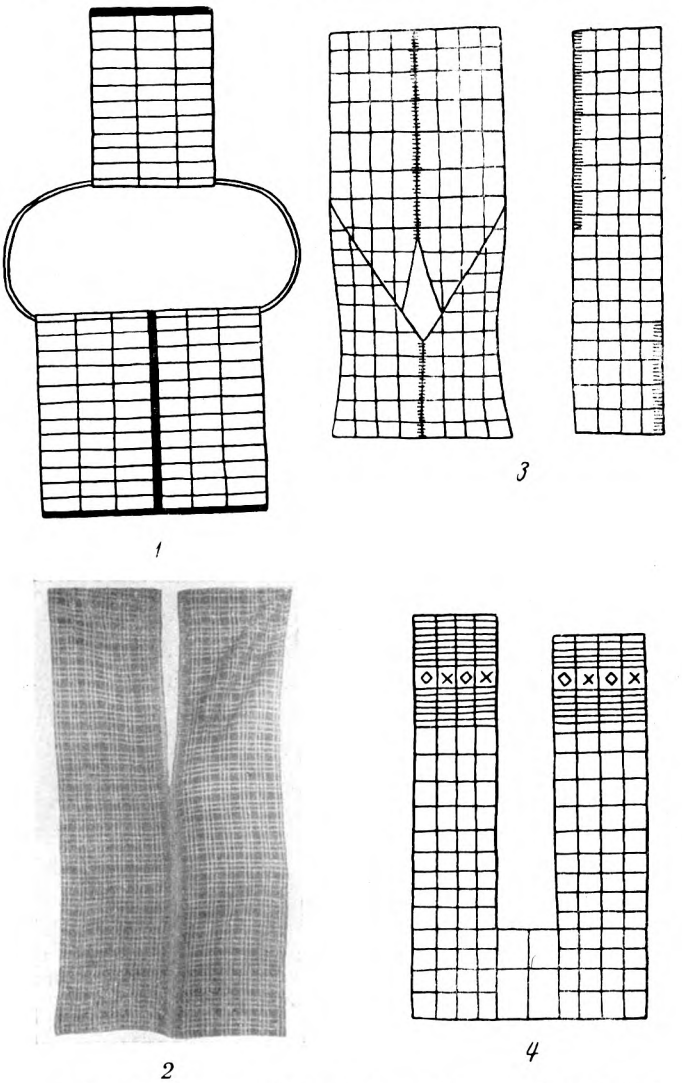


Рис. 39. Поневы Орловской и Смоленской губерний

1 — понева русская (дер. Печатники Бельского уезда Смоленской губ.); *2* — понева русская (Орловская губ.); *3* — понева белорусская (Поречский уезд Смоленской губ.); *4* — снованка русская (дер. Тюховицы Духовщинского уезда Смоленской губ.)

распашной поневы. Время появления прошвы установить трудно, но, по-видимому, в ряде мест в XVIII в. она уже существовала.

У всех трех восточнославянских народов наблюдается большая устойчивость в наличии в поясной одежде дополнительного четвертого полотнища (*прошва, вставка, притычка*) из другой ткани или имевшего особые украшения. Вряд ли наличие полотнища из другой ткани может быть

объяснено только стремлением к экономии материи, как считает Я. Ф. Головацкий, говоря о «притычке» в юбке мещанского населения Галиции [1]. Вставка из другой ткани в юбках является пережитком, свидетельствующим о происхождении их из более древнего типа поясной одежды.

Прошву поневы шили преимущественно из синей китайки, иногда из кумача, а местами из белой льняной ткани (на севере Рязанской обл.).

1 *2*

Рис. 40. Способы ношения поневы

1 — слева — замужняя женщина в поневе «кульком»; справа — девушка без поневы (Дмитровский уезд Орловской губ. 1902 г.); *2* — русская крестьянка в поневе-плахте (Севский уезд Орловской губ. Начало XX в.)

Внизу прошва имела *подподольник* — полосу из домотканной толстой узорчатой материи, сходной со всей тканью поневы. Молодые женщины вышивали белую прошву разноцветной шерстью (Рязанская обл.), и эта вышивка отличалась от вышивки прошвы у понев старух. Особые прошвы — белые, с белой же вышивкой — делали к «горемычной» поневе, носимой в знак траура вдовами [2].

Замена прошвы из особой ткани полотнищем клетчатой шерстяной ткани, из которой сшита вся понева,— у русских явление очень позднее

[1] Я. Ф. Головацкий. Указ. соч., стр. 21.

[2] Как описывает Б. А. Куфтин, в Мещерском крае «невеста одевается к венцу в „горемычную" поневу, которую вообще носят „по печали", в случае смерти кого-либо из родных», а «в доме мужа молодая облачается в праздничный костюм», большей частью синюю тяжелую поневу, которую надевала затем только на праздники в течение 5-ти лет (Указ. соч., стр. 55).

(XIX—XX вв.); оно не получило широкого распространения (встречается преимущественно в Тамбовской и Воронежской областях). Такая понева представляет клетчатую шерстяную юбку из четырех и более полотнищ на вздержке.

Носили поневу либо «распустивши», т. е. просто повязав вокруг талии, либо «подтыкавши» [1] — с подоткнутыми полами. Последний способ связан более с распашной поневой,— нижний угол правой полы или обе полы поднимали к поясу и сзади образовывался угол; это называлось носить поневу «кульком» (рис. 40, *1*). Носили подоткнутой под пояс и «глухую» закрытую поневу с прошвой [2]. Царские чиновники преследовали этот старинный обычай, называя его «безнравственным». По сведениям из с. Ивлево Богородицкого уезда Тульской губ. (1902 г.), «понева старинного завету» с прошвой из синей фабричной материи подтыкалась с подола у прошвы, поднималась выше колен. Но боясь исправника, женщины ходили «врастычку», когда появлялись в городе или церкви [3].

Классификацию понев по характеру ткани и технике изготовления дает Б. А. Куфтин [4], пользуясь данными севера Рязанской губ. Эта классификация применима к поневе вообще:

1. Понева из легкой шерстяной ткани (тканная при помощи двух ремизок), черного или темносинего цвета, с клетками из белых или цветных нитей, пропущенных в утке и в основе, широко распространена у южных великорусов (см. рис. 38, *2* и *3*). Местами встречается красная расцветка фона, по которому пропущены белые, черные и другие нити, образующие клетки или шашки (Тульская, Рязанская области).

2. Понева (тканная на 4 подножках) состоит из двойной ткани, сверху шерстяной, снизу портяной; оба эти слоя соединяются в процессе тканья один с другим сложным геометрическим узором (из портяных нитей), выступающим на лицевой (шерстяной) стороне ткани. Фон красный, с синими полосами в основе и утке, составляющими при пересечении шашки (встречается в б. Касимовском уезде Рязанской губ.).

3. Понева из тяжелой толстой ординарной ткани с портяной основой (белой посконной ссученой вдвое нити) и шерстяным утком. Уток прибивается так плотно, что нити основы не видны.

Имеются три разновидности поневы этого типа:

а) тяжелая браная с узором из портяных нитей по плотной красной с синими полосами ткани;

б) тяжелая красная с синими поперечными полосами, без браного узора; ткань этой поневы Б. А. Куфтин считает упрощением тяжелой браной ткани (см. рис. 38, *1*);

в) однотонная синяя с красной каймой на подоле, так называемая *синятка* (кроме Рязанской, отмечена еще и в Калужской обл.).

Наряду с браной поневой, которую надевали как праздничную преимущественно молодые женщины, носили и легкую шерстяную поневу с шашечным узором красного цвета из ткани простого переплетения — «простушку». Женщина, достигшая 40—45 лет, обычно меняла тяжелую поневу на клетчатую «простушку».

---

[1] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 41.

[2] В Воронежской и других южновеликорусских областях полосатые юбки носили также с подоткнутым подолом; на Севере часто поднимают и подтыкают за пояс передний нижний край сарафана.

[3] Опись коллекций ГМЭ, 150—157.

[4] Б. А. Куфтин. Указ соч., стр. 52—53. Давая классификацию Б. А. Кунфтина, нужно указать, что она требует уточнения. См. статью Н. И. Лебедевой в настоящем издании.

По характеру ткани поневы южных великорусов объединяются общими чертами; особо выделялись «мещерские» поневы населения северо-восточной части Рязанской обл. и некоторых соседних областей. Возможно, что одним из условий выработки этих своеобразных форм являлась сравнительная изолированность края, а также особенности его экономики и этнической истории.

Узорность составляет характерную черту поневы. Клетчатый рисунок ткани поневы наиболее типичен, хотя имелись, сравнительно в немногих местах, как отмечено выше, и однотонные синятки, черные и полосатые поневы. Клетки поневы были разнообразны по сочетанию нитей, их образующих, и по своим размерам. Кроме того, они дополнялись и тканными узорами. Браные поневы северной части Рязанской обл. имели сложную орнаментику геометрического характера: в виде ромбов, меандра, креста и других узоров [1]. Клетчатые синие (или красные) поневы первого типа в юго-восточных областях большей частью украшались нашивками или вышивками, а не тканьем. Поневы западных областей вышивали (рис. 38, *2*), края окаймлялись тканой узорной тесьмой. Швы у поневы (как и у плахты) нередко расшивались разноцветным гарусом. Иногда вышивка широкими полосами окаймляла каждое полотнище поневы, как бы подчеркивая ее конструкцию. Нередко вышивка заменялась аппликацией из ткани — обычно кумачевой, а у более зажиточных — шелковой с блестками, пуговицами и т. п.

Поневу, которую носили подоткнутой, украшали с изнанки на загнутых углах или частях (рис. 40). В глухой поневе (Тульская обл., юг Рязанской обл., Тамбовская и Пензенская области) по подолу широкой каймой располагали тканый шерстяной шнур, полосы кумача или красной шерстяной ткани с нашитыми на них блестками, тесьмой, позументом и шелковыми лентами (см. рис. 38, *3*). На праздничной — «доброй», «годовой» (т. е. надеваемой по «годовым» праздникам) — поневе молодой женщины клетчатая ткань иногда до половины покрывалась подобными нашивками. В Орловской и Тамбовской областях (см. рис. 38, *4*) все полотнища клетчатой ткани заполнялись меандрическими узорами, выполненными аппликацией. Местами в Воронежской обл. поневу сплошь расшивали гарусом яркого, часто оранжевого цвета, а в старину — шелком-сырцом, окрашенным мареной (коллекции ГМЭ).

В некоторых районах западных областей на поневу нашивали сзади у пояса парные прямоугольники, представляющие собой как бы слияние поясных подвесок типа «подмахóрников» (см. ниже, стр. 639) с поневой [2]. Население Калужской и Брянской областей еще помнит, что в старину на поневу нашивали бубенчики. Так называемые новосильские казаки (группа населения б. Новосильского уезда Тульской губ.) нашивали на поневу медные бубенчики еще в XIX—начале XX в. Медные бубенчики встречаются в погребениях вятичей, что свидетельствует о глубокой древности этого типа украшений. Возможно, что в то время они имели и обрядовое значение. Больше украшений имела понева замужней женщины, которую она носила обычно до появления первого ребенка. Соответственно с увеличением возраста количество украшений поневы уменьшалось: «старушечьи» поневы нередко были только обшиты по краю красным шерстяным *мутóвизом* (шнуром).

Особенность понев в некоторых районах составляла гофрировка, т. е. складывание материи в продольные складочки — *грáнки*. Черную гофри-

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 59—60.
[2] Н. П. Гринкова. Русская понева юго-западных районов РСФСР, рис. 4.

рованную поневу носили местами в Рязанской и Тамбовской областях. Гофрировка юбок (*рясува́ння*, от «ряса» — сборка, складка) была обычна у населения западных частей Украины и Белоруссии. Она была широко распространена и у западных и южных славян, а также у литовцев, латышей и эстонцев (у последних еще в XVI в., как можно судить по гравюрам того времени). Островное распространение гофрированной поневы у великорусов Б. А. Куфтин рассматривает как остаток каких-то древних форм костюма, занесенных сюда пришлыми группами населения [1].

Поневу — этот древний тип одежды — носили еще в XIX в., а местами в XX в., но она подверглась общему процессу изменения одежды в период развития капитализма. Оставаясь домотканной, понева получила, как упоминалось выше, прошву из фабричной ткани, а украшать ее стали покупными лентами, галуном, тесьмой, пуговицами и т. п. В одной из рукописей начала XIX в., в которой описана одежда крестьянок Тульской губ., говорится: «Ныне начали поневы выкладывать позументом золотым и рубашки носить с тонкими рукавами, расшивают шелками и украшают позументом» [2]. По своему покрою, как уже отмечено, понева в этот период стала приближаться к юбке (кое-где в восточных областях). Каждая девушка с раннего возраста заготовляла поневы для своего приданого; количество их зависело от зажиточности девушки, отчасти и от ее усидчивости и мастерства. В богатых семьях поневы украшали дорогими сортами ткани (напр., парчой), большим количеством гаруса, позумента и пр.

Понева составляла часть одежды южных великорусов; в своем типичном покрое она была распространена в Рязанской, Тульской, Калужской, Брянской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и прилегающих к ним областях. Известна она была и в средневеликорусских областях. Под Москвой ее носили в XVII в., как видно из гравюры Мейерберга, и еще в XIX в. в Верейском, Подольском, Бронницком и других уездах [3]. В Горьковской обл. она встречалась в б. Лукояновском и Ардатовском уездах, во Владимирской обл.— в б. Судогодском и Владимирском уездах. Севернее понева не бытовала (рис. 41).

Существует предположение, что в северновеликорусских областях некогда была известна какая-то одежда под названием «понева». В Новгородской, Архангельской, Вологодской, Кировской областях «поневой» называют длинную, не по росту одежду; в Калининской и Псковской областях «поневой» называют также женщину, одетую в платье не по фигуре [4]. Воспоминания об обряде надевания поневы в Псковской и Кировской областях дают возможность предполагать, что понева в этих местах бытовала в прошлом. На территории первой это может восходить к древней кривичской основе, а на территории второй может быть связано со сравнительно поздней московской колонизацией, принесшей некоторые древние вятичские элементы.

Наиболее северная группа восточнославянских племен если и имела когда-либо поневу, то рано ее утратила и уже во времена освоения

---

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 57.

[2] ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 285. Рукопись найдена Д. В. Найдич и копия передана ею автору этой работы.

[3] В. И. Чернышев. Несколько сведений о быте и говоре «шуваликов» Верейского у. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. X, кн. 2, 1905, стр. 365.

[4] Любопытно своеобразное применение термина «понева» к холщевой белой наплечной одежде, надеваемой через голову (как это отмечено Н. И. Лебедевой во время ее поездки в 1926 г. в б. Белевский уезд Смоленской губ.), и к такой же женской одежде в Сурожском уезде Витебской губ. (о последнем имеются два упоминания в материалах АГО).

Севера, повидимому, несла с собой элементы другого комплекса одежды. В областях преобладания новгородской колонизации следов бытования поневы как таковой (кроме наличия термина) не обнаружено, а вместе с тем здесь распространены были наиболее старые формы сарафана.

В западных районах бытования поневы (Орловская, Брянская, Смоленская, Витебская области) — приблизительно на границе расселения русских, белорусов и украинцев — носили поневу (иначе *колы́шка, снова́нка*), близкую по покрою к плахте (см. ниже).

Понева этого типа состоит, как и плахта, из двух полотнищ, около 2 м длиной, сшитых одно с другим до половины; перегнутая поперек, она укрепляется при помощи подвязывания ее поясом (рис. 40, *2*). В орловских поневах этого типа[1] или оба полотнища имеют равную длину (см. рис. 39, *2*) (б. Севский уезд), или одно полотнище длиннее другого (бытовала в середине XIX в. в Трубчевском уезде, но в конце XIX века уже исчезла). Смоленские поневы (или снованки) из Духовщинского и Бельского уездов, изученные Н. И. Лебедевой по коллекциям Тенишевского музея в г. Смоленске, состоят из двух равных, а иногда и не равных по длине вертикальных полотнищ, соединенных вшитой между ними вставкой из другой ткани (см. рис. 39, *4*). Размеры полотнищ — 145 × 30 см и 139×30 см, вставка — 20×30 см; или оба полотнища — 122×25 см, вставка — 37×37 см.

Ткань орловской поневы-плахты иногда представляет переходной тип к ткани плахты. Поневу-колы́шку (Брянская обл.), снованку, белорусскую поневу (Витебская обл.) делали из типичной поневной синей клетчатой ткани.

Способ ношения поневы имеет местные отличия. Так, например, в б. Севском узде Орловской губ. свободные концы поневы-плахты не перегибаются сзади, а идут вдоль пояса и перекрещиваются спереди[2], иногда углы несшитых полотнищ закладываются наперед за пояс, а сзади нижний правый угол поднимается к поясу[3]. Смоленские поневы-снованки носили так, что среднее короткое полотнище приходилось внизу с правого бока; левый бок и верхняя часть правого бока оставались открытыми, а углы переднего и заднего полотнищ нередко поднимались к поясу. В Поречском уезде Смоленской губ. два полотнища клетчатой шерстяной ткани сшивали до половины; с другого конца полотнища также сшивали, но не теми краями, которые примыкают друг к другу, а противоположными; понева же в перегнутом виде укреплялась поясом на талии (см. рис. 39, *3*).

Любопытна колы́шка белорусских девушек в Гомельщине, состоявшая из квадратного куска шерстяной ткани, укрепляемого на талии поясом. Носили ее девочки, начиная с 6—7 лет, и взрослые девушки. Термин «колышка» совпадает с названием поневы-плахты великорусов (Брянское Полесье) и отдельных полотнищ украинской плахты. Белорусская колы́шка, видимо, представляет рудиментарную форму поясной одежды, нечто среднее между запаской и поневой-колышкой.

Дерга

Де́рга (*дже́рга*, *же́рга*) — одна из наиболее простых форм поясной одежды украинок — была распространена в XIX— начале XX в. в Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и других губерниях, а также у украинок Воронежской губ. (Бирючский уезд). Она

[1] Н. Н. Гринко́ва. Русская понева юго-западных районов РСФСР, стр. 30.
[2] Там же, стр. 41
[3] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 45.

близка по своему покрою к распашной поневе (также состоит из трех вертикальных полотнищ красной или черной домотканной материи), но обычно повязывалась поясом, а не стягивалась вздержкой. Местами дерга состояла из одного несшитого горизонтального шерстяного полотнища. Дергу носили в будни, большей частью с фартуком из легкой ткани (запаской).

Плахта

Плахта — типичная для украинцев поясная одежда — была распространена в Киевщине, Днепровщине и по всему левобережью Днепра (см. рис. 41). Термин «плахта» — общий для восточных и западных славян

1 *2* *3*

Рис. 42. Украинская женская одежда конца XVIII в. (по Ригельману)
1 — крестьянской девушки; *2* — замужней крестьянки; *3* — мещанки

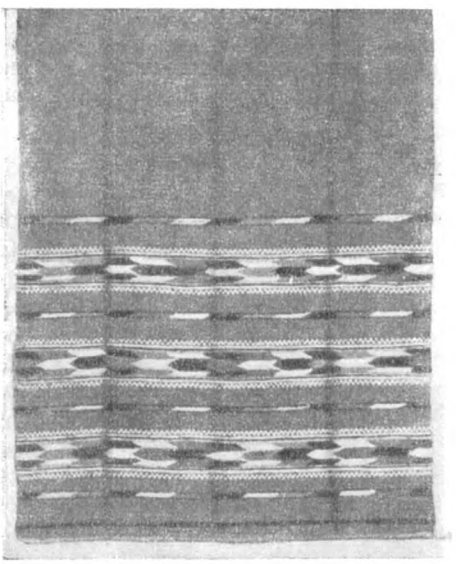
в значении куска ткани; у русских то же, что — *плат, платно* [1], в б. Тверской губ.— головной золототканный платок; в некоторых местах Закарпатья — полотнище холста для накидывания на голову; у поляков, лужицких сербов, словаков — покрывало, плащ.

Первое известное нам изображение украинской плахты дано в рисунках у Ригельмана (1785—1786 г.). В то же время ее носили, кроме крестьянок (рис. 42, *1* и *2*), и дворянки; в книге Ригельмана имеется изображение «танцующей госпожи», одетой в плахту.

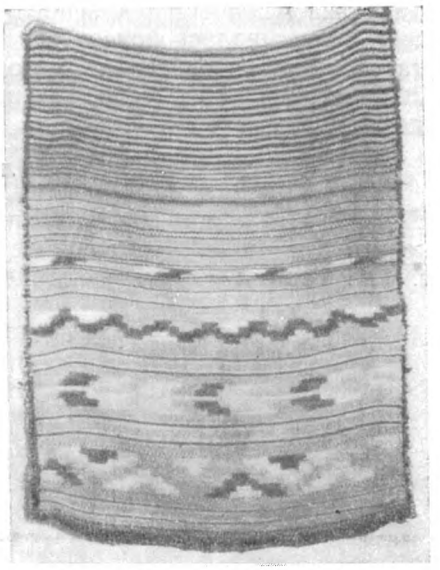
В городской мещанской среде на Украине в то время была модной полосатая юбка (рис. 42, *3*). По данным XIX в., плахта составляла часть только крестьянской, преимущественно праздничной одежды, девичьей и замужних женщин.

Плахту шьют из двух, а не из трех, как поневу, полотнищ; длина полотнищ плахты — 1,5—2 м; плахта перекидывается через пояс и таким образом укрепляется на талии. Полотнища *(гривки)* сшиваются лишь до половины (рис. 43, *3*) и обтягивают заднюю часть корпуса, а несшитые части полотнища (*крйли, крйси, колйшки*) опускаются свободно, а иногда

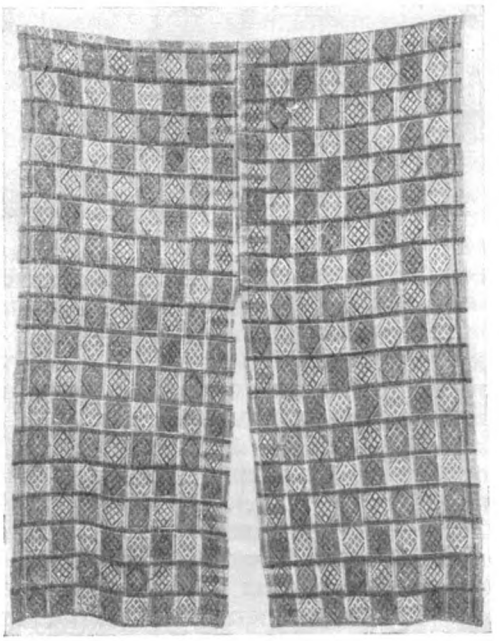
[1] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.



1



2



3

Рис. 43. Женская поясная одежда

1 — запаска украинская (Харьковская губ.); *2* — хвартук белорусский шерстяной (Мозырщина); *3* — украинская плахта (Полтавская губ.)

углами подтыкаются под пояс (рис. 42, *1*). Более бедные крестьянки нередко носили только половину плахты (без крилей) — *станóк* из двух сшитых полотнищ. (Станок близок к запаскам белорусов и снованкам Смоленщины.)

Ткань плахты шерстяная, обязательно в шашку или в клетку и богато орнаментирована тканными узорами. Основные орнаментальные мотивы — ромб или розетка (с различными вариантами), включенные в шашечный узор. По характеру узора плахту называли *хрещáтка, рогáтка, картáта.* Место сшива полотнищ выделяли вышивкой разноцветным гарусом и тканым узором в виде горизонтальных полос *(зáпіли).* Расцветка плахт варьируется по областям, но преобладает красный и синий цвет: *червона* плахта и плахта-*синя́тка.* Плахту-*черня́тку* — из черной шерсти — носили старухи. Плахта чаще служила праздничной одеждой вместе с передником — *попере́дницей,* или *запаской* (рис. 43, *1*). В конце XIX— начале XX в. во многих местах плахту вытеснила *спідни́ця* — юбка из фабричной ткани.

Обгортка

Обго́ртка, го́рбатка, о́пинка, фóта, гунька представляет собой полотнище шириной около 1 м шерстяной, большей частью однотонной красной или черной ткани (иногда с узором из продольных полос), которым обертывалась нижняя часть корпуса. Ее носили на Украине в Подольской, Черновицкой областях и части прилегающих западных областей. Укрепляется обгортка при помощи широкого пояса (см. рис. 35, *3*); полы заходят одна на другую на правом боку, угол левой полы поднимается к поясу. По горизонтальному расположению полотнища обгортка близка к некоторым типам дерги.

Запаска

Запаска — одно или два продольных полотнища шерстяной полосатой или узорчатой ткани с завязками, пришитыми к углам верхней части, при помощи которых она укрепляется на талии. Запаску носят в качестве основной поясной одежды украинки-гуцулки (рис. 44); в прошлом она была распространена на Украине гораздо шире (в Львовской, Ровенской и других западных областях и на левобережье и правобережье Днепра). Обычно принято было носить две запаски: одну, покрывающую корпус сзади (*позáдниця*); другую, повязанную спереди (*попере́дниця*). С боков остаются щели, через которые видна рубаха. Гуцулы ткут праздничные запаски очень нарядными: в узор из поперечных полосок по утку пропускаются шелковые и тонкие металлические нити. В ряде областей Украины носили только одну шерстяную запаску с узором (см. рис. 43, *2*), надевая ее спереди с плахтой или дергой.

Этнографические исследования последних десятилетий позволили установить по воспоминаниям населения, что белорусы (в Туровщине и Мозырщине) до распространения юбки повсеместно носили *запаску,* или *хвартук,* которые можно подразделить на следующие основные группы: а) два сшитых холщевых полотнища на вздержке, надеваемые сзади, с узором внизу; б) два полушерстяных полосатых полотнища, носимые одно спереди, другое сзади; такие же полотнища из белого или набивного узорного холста назывались *криски*; в) *трехдолка* из двух шерстяных полотнищ ткани, перегнутых пополам, надеваемых на заднюю часть корпуса, причем спереди носили фартук из легкой ткани.

Любопытный образец белорусской запаски — «хвартука» из Мозырщины имеется в коллекциях ГМЭ (см. рис. 43, *2*). В легенде указано: «Носится зимой, как теплый фартук. Недавно его надевали во время жнива вместо юбки, повязывая сзади». Ткань «хвартука» — толстая шерстяная, коврового типа, с разноцветными узорами, расположенными поперечными полосами, выполненными закладной техникой [1].

Рис. 44. Девушка в запаске, киптаре и уплитках (Станиславская обл.)

Одежда типа запаски имеется в костюме южных славян (болгар, сербов), выполненная также закладной техникой тканья с поперечным расположением полос узора.

В придунайской (северной) Болгарии женщины носили две *прести́лки* — одну спереди, другую сзади, аналогично украинским запаскам.

В конце XIX — начале XX в. «запаской» на Украине часто стали называть обычный передник из фабричной ткани с завязками на талии, который носили с дергой, плахтой или спидницей. В Белоруссии распространен был передник, сшитый большей частью из двух продольных полотнищ льняной домотканной материи (см. рис. 36). Для великорусов этот тип передника-фартука известен лишь как очень поздняя форма (см. ниже).

Юбка

Юбка из нескольких полностью сшитых друг с другом полотнищ ткани, собранных вверху и пришитых к поясу — полосе ткани с застежками или завязками, более характерна для народного костюма украинцев и белорусов, чем для великорусов, и распространилась у них значительно раньше. На Украине и в Белоруссии юбка имеет много обозначений: *спідниця, ди́мка, літник, андарак, каба́т, фа́рбан* [2] (укр.); *летни́к, сподни́ца, домотка́н, беля́к, раба́н, бу́рка, сая́н, андара́к, дры́лих* (белор.). На Украине спидница заменила плахту, дергу, запаску и пр. «Замена эта началась с запада и постепенно продвигалась... на восток» [3],— как пишет Ф. К. Волков. Спидница из холщевой набойчатой ткани называлась *димка;* в зависимости от узора набойки она получала особое название: *халуза́ня* — если узор изображал «халузи» — ветки (см. рис. 8, *3*); *кита́ня* — узор из цветов; *каличка́ня* — узор кругами, от «коло» — круг. Набойчатые спидницы встречаются до настоящего времени у горных украинцев. Их шили также из белого холста или из покупных тканей.

В Белоруссии в конце XIX в. *сподница* была распространена повсеместно; в ряде селений и районов иной поясной одежды и не помнят.

---

[1] Н. И. Лебедева. Этнологические материалы по Мозырскому округу 1930 г., стр. 195—197. Рукопись находится в архиве ГЛМ.

[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 574.

[3] Там же.

Носили холщевую белую юбку с узорным краем подола (*сподница, беля́к, партя́к, рабушка*); из набивной ткани (*набойка*); из домотканной шерстяной многоцветной полосатой ткани, сшитой из нескольких (четырех-пяти) вертикальных или одного широкого горизонтального полотнища, иногда с пришитым лифом,— *андарак*. Местами андараком называли лётнюю домотканную холщевую полосатую или клетчатую юбку, а *дры́лихом* юбку из шерстяной ткани для зимы.

Иногда полосатую юбку называли также *саяном*. Н. Я. Никифоровский приводит слова народной припевки: «у Лявóнихи сыя́н с пылысам», а также упоминает, что саян ткется с узорами «у мачи́нки, у клягу́шки, у куку́шки, у ялу́шки» [1].

По другим данным, *саян* — юбка с лифом из одноцветной шерстяной или полушерстяной ткани. (На Украине местами носили полосатую юбку, но все же для украинского костюма она гораздо менее характерна, чем для белорусского).

Бурка (Брестская обл.) и *літник* (Волынская обл.) шьются из трех вертикальных полотнищ ткани, к которым добавляется четвертое, напоминающее прошву поневы,— *вставка, пелена, прытолка* (белор.), *притичка* (укр.). Это полотнище всегда отличается узором от остальных трех; если же основные полотнища юбки гофрируются, то его оставляют гладким (рис. 45). Эти юбки шили из шерстяной одноцветной тяжелой красной или оранжевой ткани с широкой полосой по подолу браного узора зеленого или другого цвета (рис. 45, *1*), из белой шерстяной ткани с браными полосами красного узора или же из клетчатого холста с красным браным узором по подолу (рис. 45, *3*) с пришитым поясом, снабженным завязками. Реже встречался андарак со вставкой из другой ткани.

Подводя итог, можно сказать, что многие виды юбок у белорусов и украинцев обнаруживают генетическую связь с древней восточнославянской поясной одеждой, несшитой полностью или типа запаски. Такова бурка, близкая к русской глухой поневе; холщевая юбка белорусов (беляк, рабан, сподница), близкая к холщевой белорусской же запаске; холщевая спидница в горных областях Украины (у лемков и бойков), сделанная из одного горизонтального полотнища, с вставкой спереди, близкая к обгортке, фоте. Следует отметить, что большинство терминов, обозначающих эту одежду,— славянские, местного происхождения.

В особую группу можно выделить шерстяные юбки белорусов, отчасти украинцев, из типичной полосатой ткани. Термин «андарак» большинство исследователей производит от Unterrock [2]. Покрой его, а также характер ткани, из которой его шьют, известны и в крестьянском костюме западных славян (особенно у поляков), а также у литовцев, латышей, эстонцев, финнов. До конца XVIII в. [3] они бытовали в крестьянском костюме Германии, Дании, Скандинавии (местами сохраняясь там и в конце XIX — начале XX в.).

Слово «саян» встречается в западнорусских актах XVI—XVII вв., из которых видно, что эта одежда была распространена в те времена в Литве и Белоруссии. В «Актах Упитского городского суда», изданных Виленской комиссией для разбора древних актов в 1899 г., упоминается

---

[1] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 116—117.

[2] Е. Ф. Карский предполагает, что этот термин происходит от тюркского слова antéri, åntare, но это не убедительно; кроме того, полосатой юбки на Востоке нет (Е. Ф. Карский. Белорусы, т. 1. Варшава, 1903, стр. 175).

[3] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 116.

саян как одежда мещан, шляхты, сшитая, видимо, из одноцветной материи: зеленого, черного, синего сукна. В актах XVI в. Гродненского земского суда и Минского Гродского суда упоминаются «саяны» из зеленого, черного и синего сукна, а также белой, зеленой, синей, красной,

Рис. 45. Женская поясная одежда

1— бурка — белорусская шерстяная юбка с браным орнаментом (Брестская обл.); *2*— литник украинский (Волынская обл.); *3* — холщевая сподница (Брестская обл.)

пурпурной камки и аксамита [1]. Возможно, что саян носили уже тогда и крестьянки, делая его, вероятно, из домотканины, как и в позднейшее время (шерстяной в клетках или полосатой).

[1] Э. А. Вольтер. К вопросу о «саянах». Из истории литовско-русского костюма. «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXII, кн. 1, 1917, стр. 117—126.

У русских юбка (почти всегда сделанная из фабричной ткани) в крестьянском костюме распространялась под влиянием города со второй половины XIX в., частично заменив сарафан или поневу. Нижние юбки (исподницы), которые, особенно на Севере, надевали для тепла под сарафан во время работы, делали из толстой домотканной материи, иногда на вате.

Как традиционная часть одежды шерстяная полосатая юбка типа андарака была известна, как уже упоминалось, у некоторых групп великорусов — бывших однодворцев южных областей России. В отдельных селениях Архангельской и Вологодской губерний носили полосатую шерстяную юбку вместе с рубахой с отложным воротником. Возможно, что это связано с перемещением групп населения из западных областей. Известно, например, что белорусские селения имелись в Вологодской губ. в середине XIX в. Интересно отметить, что в Вельском уезде Вологодской губ. шерстяная полосатая юбка превратилась в сарафан на лямках.

К более старым, не связанным с городской модой, типам юбки у русских относятся и упомянутые выше девичьи «подолы» южных областей и нарядные узорные «подолы» Севера.

Следует считать одежду типа поневы — плахты — запаски общевосточнославянской (см. рис. 41). Для южновеликорусского костюма характерна понева и частично понева-плáхта; для украинцев — плахта, запаска, дерга, обгортка-фота; для белорусов — понева типа бельской снованки, понева-плахта, запаска. Понева была известна в прошлом в Могилевской, Минской и Смоленской губерниях; запаска — на Мозырщине, где она была,— как, повидимому, и в других местах БССР,— вытеснена юбкой. Доказательством более широкого бытования у белорусов общей для славян неполностью сшитой поясной одежды могут служить близкие к ней генетически различного рода сподницы и особенно бурки.

У украинцев повсеместно распространен древний тип: дерга, обгортка, запаска. Плахта, сложная по технике выработки узорчатой ткани, имела меньшее распространение (восточные и центральные области) и часто употреблялась наряду с дергой и запаской в качестве праздничной одежды. Это заставляет предполагать ее относительно более позднее, по сравнению с последними, если не возникновение, то распространение. Возможно, что плахта, будучи сначала локальным типом женской одежды, в усложненном виде затем распространилась на территории Киевщины и левобережья Днепра и стала одной из составных частей женского национального костюма украинского народа, пока ее не заменила юбка из фабричной ткани.

Русская понева, восходящая к типу нешитой поясной одежды в XIX в., не была действительно нешитой, но еще сохранила особенности, отличавшие ее от обычной юбки. Местами она была вытеснена общерусским сарафаном, а в конце XIX — начале XX в.— платьем городского покроя.

Древность общеславянских названий поясной одежды восточнославянских народов и общность покроя позволяют считать ее одной из исконных форм одежды славян, хотя у каждого народа она развивалась своеобразными путями и создалась специфика в покрое, характере ткани и способах ношения.

Одежда, близкая к славянской поясной одежде, была известна и у многих соседних со славянами народов: литовцев, латышей, валахов и молдаван, у группы западных финнов — ижор, повидимому и у эстонцев, что указывает на древние исторические взаимосвязи славян с этими народами. У некоторых поволжских народов носили чаще небольшие поясные подвески. Принято сближать с поневой назадник мордвы-эрзи —

пулагай, однако он существенно от нее отличается. Для Запада эта одежда не характерна. На Востоке сходная одежда известна у киргизов (*бельдемчи*) [1] и у других народов Азии. Но вряд ли эта одежда имеет какую-либо связь с поневой.

Штаны в качестве обычной женской одежды не характерны для восточных славян. Они имелись только у некоторых групп донских казачек в XVIII—XIX вв., местами — у крестьянок в Сибири в XIX в. и были, видимо, заимствованы ими от восточных соседей. *Підколінниці* украинок западных, особенно горных, областей отличаются от обычных штанов тем, что белые суконные штанины не соединены друг с другом и укрепляются завязками. Штаны (рабочие) женщины носили на лесных и рыбных промыслах на Севере Европейской России, в Нижнем Поволжье и в Сибири. Штаны — как рабочая и бельевая часть одежды — в деревне широко входят в быт лишь в настоящее время.

САРАФАН

Сарафан — высокая юбка с лямками или цельное платье без рукавов, надеваемое поверх рубахи. Кроме термина «сарафан», ставшего нарицательным, существует множество других названий для этого типа одежды.

Большая часть их — чисто русская и характеризует: покрой сарафана (*клинник, косоклинный, семиклинный, сорококлин, круглый, лямошник, костыч* — от «костыли» — клинья и др.); материал, из которого он сшит (*сукман, кумашник, китаешник, атласник, шелковик, штофник, кашемирник, гарнетурник, ситцевик, пестрядильник, клетовник, достольник* — от «до́столь» — бумага, *самотканнцк* и др.); окраску ткани (*матурник, маренник, дубасник, сандальник, набивник, троекрасочник* и др.). Термин *сукня, сукман, шушун, шушпан* (рус.) связывают сарафан, преимущественно северновеликорусскую одежду, с южновеликорусской одеждой того же названия, которую носили поверх рубахи и поневы (см. стр. 644).

Термин «сарафан» впервые появляется в русских письменных источниках XIV в. (Никоновская летопись, 1376 г.). «Сарафаном», «сарафанцем» называлась не только женская, но и мужская одежда кафтанного покроя, известная в княжеском и боярском быту в XIV—XVII вв. В числе одежд царя Михаила Федоровича упоминаются: «сарафан объярь червчета... сарафанец теплой тафта лазорева» и др. П. Савваитов придерживается мнения, что слово «сарафан» происходит от иранского «сарапа», что значит — «с ног до головы». Сарапа была на Востоке почетной одеждой [2].

Восточное происхождение имеет также термин *ферязь*, обозначавший (как и сарафанец) в XVII в. верхнюю одежду и затем примененный к женскому сарафану. Термин *кунтыш* в применении к сарафану распространяется лишь местами в Архангельской, Вологодской, Кировской областях. Кунтыш (*kuntusz* — название польской верхней одежды, известное с конца XVI в.), вероятно, был заимствован у поляков; сарафан-кунтыш также имеет откидные рукава. Термин «саян» применяется к косоклинному сарафану сравнительно редко. Он более связан с прямой юбкой с лифом, бытовавшей у белорусов и литовцев (см. стр. 633) и отмечен лишь в Дмитровском районе Московской обл. и юго-восточных районах Калининской обл., а также в Курской обл.

[1] Устное сообщение Е. И. Маховой, изучавшей этот тип одежды в экспедициях в Киргизскую ССР.

[2] П. Савваитов. Указ. соч., стр. 124.

Применение термина «саян» к сарафану в указанных русских областях, повидимому, является следствием непосредственных связей русского населения с населением западных областей, а возможно, и передвижений отдельных его групп.

Исследователи [1] выделяют следующие основные типы сарафана: косоклинный с неразрезанным передним полотнищем, косоклинный распашной, прямой на лямках, прямой сарафан с лифом.

Косоклинный глухой

Косоклинный глухой сарафан без шва спереди, большей частью с широкими проймами, иногда — с откидными рукавами, часто назывался *шушун*, *сушпан*, *сукман*. Центральное полотнище, перегнутое на плечах, дополняется боковыми скошенными полотнищами или клиньями. Шушуны шили преимущественно из шерстяной домотканины.

Шушун был зафиксирован в прошлом в Новгородской, Псковской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и Тверской губерниях.

Важно отметить, что (по данным рукописи РГО) красные шушуны носили в самом Новгороде еще в первой половине XIX в., где они сохранялись в одежде старух. Большой интерес представляет шушун из б. Псковской губ., в коллекциях этнографической выставки 1867 г. (ГМЭ). Он сшит из полушерстяной домотканной материи, окрашенной корнем подмаренника в красный цвет, с фальшивыми рукавами в виде длинных полос (рис. 46, *1*). Шушун из полушерстяной, большей частью красной домотканной материи был известен как старинная одежда и в Олонецкой губ. (в ГИМ хранится образец такого красного шерстяного шушуна из Олонецкой губ., но более простого покроя, чем псковский шушун: без откидных рукавов, с продольными клиньями по бокам, аналогичный по покрою холщевому *широколямошнику;* см. рис. 46, *2*). Дошедшие до нас образцы шушунов из Пермской и Вятской губерний сильно модернизированы под влиянием распашного клинника.

Уже в конце XVIII в. в ряде мест (например, Тверская, Владимирская губернии) он составлял главным образом одежду старух и выходил из общего употребления.

Одежда типа шушуна имела некоторые общие черты с древнерусским *летником*, который, по описям и рисункам XVI—XVII вв., был глухой одеждой, надеваемой через голову, поверх рубахи.

Сарафаны с прямым неразрезанным спереди полотнищем и с продольными клиньями по бокам шили из холста, синего (*глухарь* в Устюжинском уезде Новгородской губ., в Весьегонском уезде Тверской губ.) или белого (*костолан* в Ржевском уезде Тверской губ., *носов* в Великолуцком уезде Псковской губ., *широколямошник* в Каргопольском уезде Олонецкой губ., который являлся «смертной» одеждой старообрядок,— обычно там носили синие сарафаны). Русские, жившие на Алтае, шили такой сарафан из дабы (*дабинник*) [2].

В южновеликорусских областях глухие сарафаны были известны в отдельных районах Рязанской, Тульской, Курской, Воронежской областей, но только в качестве девичьей одежды (женщины носили поневу).

---

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч. (Впервые дал классификацию типов сарафана); Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев; Л. В. Тазихина. Русский сарафан. КСИЭ, 1954, вып. XXII.

[2] Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев, стр. 332.

Южные черные шерстяные сарафаны — более старое явление, чем, например, *шубка* — прямой сарафан, распространившийся в девичьем

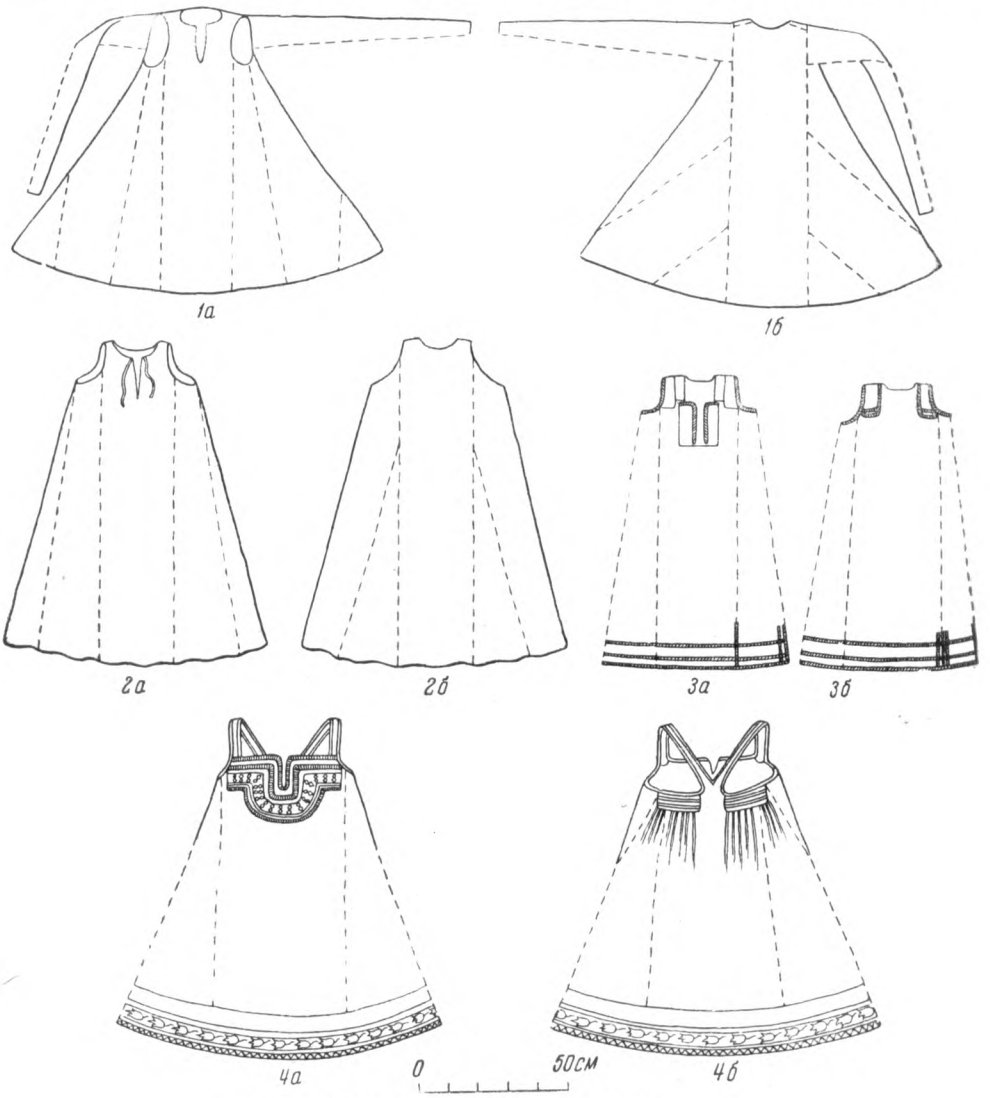


Рис. 46. Покрой русских сарафанов

1 — шушун; *а* — спереди; *б* — сзади (Псковская губ. 1867 г.); *2* — сарафан широколямошник из белого холста: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Большие Халуи Каргопольского уезда Олонецкой губ.); *3* — сарафан «саянский» из черной шерстяной ткани с вышивкой красной шерстью по швам и нашивкой красной материи на груди и плечах: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Виногробль Курского уезда и губ. 1904 г.); *4* — сарафан из синего сукна с вышивкой разноцветным гарусом: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Липцы Харьковского уезда и губ. 1909 г.)

костюме в XIX в., и связаны по происхождению, повидимому, с черными сукманами-нагрудниками (см. стр. 644—645). Их шили а) с широкими проймами,— например, сарафан в Курской (саянский) и Тульской областях (см. рис. 46, *3* и 47, *1*) или белый шерстяной — в б. Касимовском уезде

1а *1б*

2а *2б*

Рис. 47.

1 — девушка в черном шерстяном сарафане, в головной повязке, с косником: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Березовец Новосильского уезда Тульской губ.); *2* — замужняя крестьянка в поневе: *а* — спереди, *б* — сзади, видны парные подвески с бубенцами (с. Вяжи Новосильского уезда Тульской губ.). (Рисунки из архива Русского географического общества. 1850-е годы)

Рязанской губ. [1]; б) с узкими лямками и расшитый гарусом (в Курской обл. и у великорусов-переселенцев в Харьковской обл.) (см. рис. 46, *4*).

Однако у южновеликорусов сарафан не стал основной частью костюма и не получил такого развития, как на северо-западе.

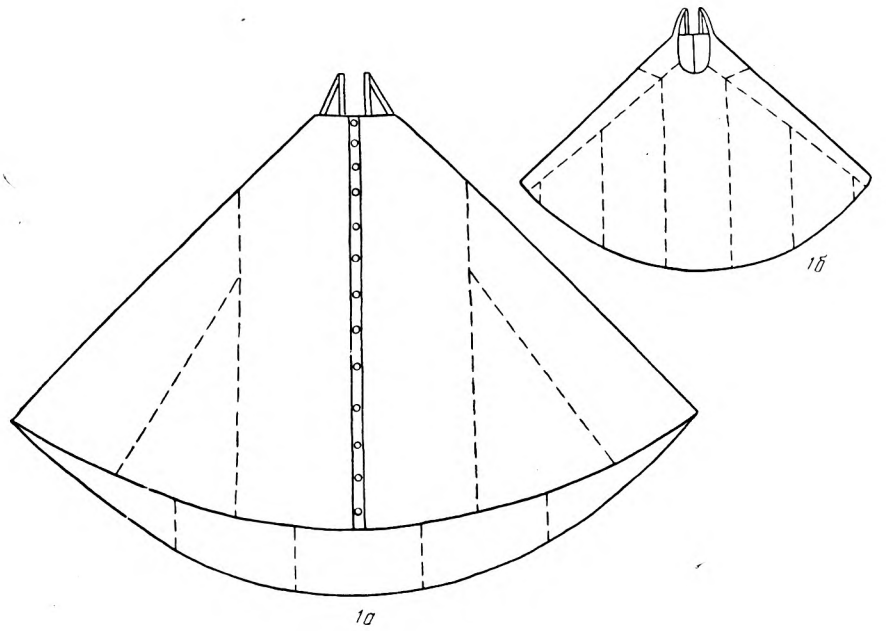
Глухие шушуны, под влиянием более поздних типов распашной и лямочной одежды, приобретали новые черты: при сохранении широких пройм и характерной красной шерстяной ткани их делали со швом или разрезом спереди и нашивали ряд пуговиц. О таком варианте шушуна упоминается уже в XVII в. в описи 1672 г. имущества богатого вологжанина, посадского человека Ивана Скрябина; у него имелся «шушун — суконной черчатой, нашивка шелковая з золотом, круживо мишурное с пухом, у нево ж десять пугвиц серебряные» [2]. Еще в XIX в. такие красные шерстяные сушуны, матурники, маренники с оловянными пуговицами спереди, как уже упоминалось, носили в Олонецкой губ. и других местах Севера.

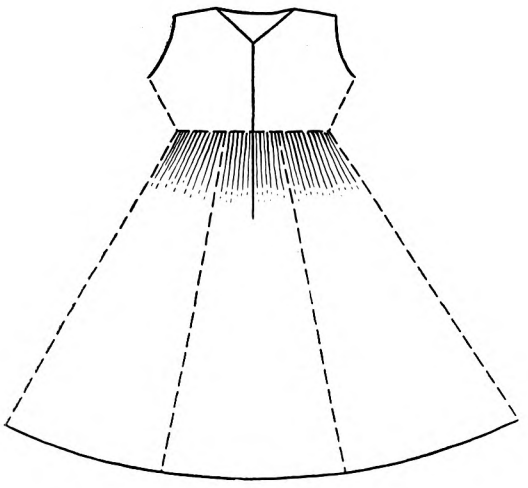
Косоклинный распашной

Косоклинный сарафан (*клинник, китаешник, кумашник,* из китайки, кумача; реже *ферязь, саян* и др.) — с разрезом спереди, вдоль которого расположен ряд пуговиц и петель; часто этот разрез зашит, а по шву нашиты петли и пуговицы, имитирующие застежку (рис. 48, *1*). Наиболее распространен был у северных и средних великорусов. Полотнища косоклинного сарафана сходятся елочкой по бокам или располагаются параллельными рядами, тогда как у глухого сарафана имеются большей частью продольные клинья. Большое количество клиньев сильно расширяет сарафан в подоле; если разложить сарафан на плоскости, то форма его приблизится к полукругу (см. рис. 48, *1*). Такие сарафаны делали иногда с широкими проймами и откидными рукавами (как глухие сарафаны), но чаще — без рукавов с узкими проймами (*лямки, мышки, помочи, накапки*). Шили сарафан-клинник из одноцветной холщевой или шерстяной ткани, крашенной в черный или синий цвет, или из китайки — синей бумажной материи или кумача (причем кумашник был праздничной и даже свадебной одеждой молодых женщин), значительно реже — из набойки (главным образом в Архангельской обл.) или какой-либо другой пестрой ткани. Богатые парчевые сарафаны носили женщины из наиболее зажиточных слоев крестьянства, преимущественно на Севере, и из купеческой среды. Косоклинный сарафан из китайки и кумача украшали спереди вдоль разреза или шва и на подоле (см. рис. 48, *3*) нашивками из красного шнура, позумента или особой широкой лентой с узором. Сарафаны праздничные, особенно молодых женщин, имели больше украшений, чем «старушечьи» сарафаны. Принадлежность к различным возрастным группам и семейное положение женщин не отражались, однако, в особенностях сарафана настолько заметно, как в поневе.

На гравюрах и миниатюрах XVII в. изображена одежда московских боярынь и горожанок, весьма близкая к описываемому типу сарафана: это распашная широкая внизу одежда, с пуговицами спереди, иногда снабженная откидными рукавами. Сарафан вместе с кокошником был господствующим типом женского костюма горожанок допетровской Руси. Распространение сарафана на территории северных великорусов относят к XV — началу XVII в. [3] Основным центром, откуда распространялся

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 102, рис. 31.
[2] «Известия Археологического общества», т. III, вып. I, СПб., 1861, стр. 59.
[3] D Zelenin. Указ. соч., стр. 215.





2 3

Рис. 48. Сарафаны XIX в.

1 — клинник из китайки: *а* — спереди; *б* — сзади (Пошехонский уезд Ярославской губ. Конец XIX в.); *2* — сарафан Орловской губ. (1860-е годы); *3* — крестьянка в «китайке» — косоклинном сарафане, рогатой кичке и сороке (Теблешская вол. Бежецкого уезда Тверской губ. Вторая половина XIX в.)

сарафан-клинник, являлась, повидимому, северо-восточная Русь и особенно Москва во времена сложения и развития централизованного государства; затем клинник стал общевеликорусской одеждой. В Поволжье, Приуралье он получил название *русского* сарафана. Глухой сукманшушун сохранился в XIX в. преимущественно на территории древней Новгородской земли и в местах значительного новгородского влияния на северо-востоке (см. рис. 41). По всей видимости, он был раньше принесен на Север первыми новгородскими переселенцами. Являясь наиболее архаичным (по материалу, окраске, покрою), он, по всем данным, предшествовал у русских клиннику и был генетически связан с южновеликорусским шушуном, сукманом, представляющим один из древнейших видов славянской народной одежды.

Прямой сарафан на лямках

Прямой сарафан — из пяти-шести и более прямых полотнищ, собранных вверху на узкой обшивке, с узкими лямками (см. рис. 8, *1*) — назывался *круглый, раздувай, продуванка, московский, москвич, подмосковник, шубка.* Шили его обычно из узорчатой ткани — пестряди или набойки, но гораздо чаще — из покупной ткани, откуда и произошли названия *пестрядильник, набивник, ситцевик, штофник, атласник, рытник* (из «рытого» бархата) и т. д. Прямой сарафан, несомненно, является более поздним, чем косоклинный сарафан. Бытовал он, повидимому, уже в XVII в., однако еще в первой половине XIX в. носили его главным образом молодые женщины в районах с развитыми промыслами, и лишь как праздничный костюм. В конце XIX в. он вытеснял сарафан-клинник. Косоклинный сарафан носили обычно с рубахой-долгорукавкой, с сорокой или кокошником, круглый сарафан — с «русской» рубахой и с кокошником, повойником или сборником.

Локальное распространение этих видов сарафана на юге связано главным образом с поселением военно-служилых людей в XVI—XVII вв. на южных окраинах Московского государства, а частично — с поздними крестьянскими переселениями в степь. Более широкое распространение сарафан получил здесь только в XIX в., сначала в девичьей одежде, а затем местами вытеснил поневу в костюме замужних женщин (чаще всего это был прямой сарафан из покупной ткани — *шубка, московская шубка*). С колонизацией XVI—XVII вв. сарафан распространился в Сибири, в Поволжье и в Приуралье. Он распространялся и позднее, в XVIII в., с переселением заводских рабочих на пермские, уфимские и другие заводы из разных местностей России, преимущественно из северных и центральных областей. Разные типы сарафанов в этот же период были перенесены русскими старообрядцами в разные местности России, в том числе на Украину и в Белоруссию. У украинцев сарафанов описанных типов не было; термином *шарахван* иногда обозначалась юбка. У белорусов сарафаны встречаются в районах, пограничных с великорусскими.

Прямой сарафан с лифом

Сарафан в виде юбки с лифом — наиболее поздняя форма этого вида одежды, бытовавшая в западных русских областях в середине XIX в. и распространившаяся шире в конце XIX — начале XX в. По существу он меньше связан с косоклинными типами сарафана, чем с белорусским и отчасти украинским андараком и саяном. Слияние юбки с лифом (Украина и Белоруссия) происходило в ряде мест еще во второй половине XIX в.

сначала — в пригородных селениях, откуда эта одежда распространилась шире. Сарафаном эта одежда называлась только у русских. Шили его чаще из фабричной ткани. В. В. Богданов считал, что сарафан как форма одежды связан с западнорусской, западнославянской средой и с Литвой [1]; с ним можно согласиться в отношении последнего рассмотренного нами типа сарафана — саяна.

Современные этнографические данные позволяют внести уточнение в вопрос генезиса русского сарафана. Различные типы его, видимо, восходят к разным типам одежды.

Шушун-сукман связан преимущественно с западнорусской средой, где он рано стал основной частью одежды, и генетически восходит к древнеславянской глухой одежде. Клинник связан по покрою и названиям с верхней распашной одеждой, широко распространившейся в Московском государстве с XIV в. (более всего близок к верхней одежде вариант распашного сарафана с широкими проймами и откидными рукавами). Затем сарафан стали шить на лямках. Последние появились, возможно, под влиянием более позднего типа сарафана — прямого. Прямой сарафан на лямках и сарафан с лифом имеют другие исходные формы и аналогии: в западнославянской и белорусской одежде, а также в литовском, эстонском и шведском народных костюмах XIX в.[2]

Разнообразие терминологии сарафана подтверждает сложность его происхождения и развития: в ней прослеживаются связи с древнеславянской глухой одеждой (сукман, шушун, косталан); с верхней распашной одеждой русских в XVI в. (сарафан, ферязь, шубка, кунтыш), а также с белорусско-литовской одеждой (саян); кроме того, имеется множество других терминов, указывающих на местные особенности в покрое, материале и т. п.

НАГРУДНАЯ ОДЕЖДА

Нагрудник, нарукавники, душегрейка, безрукавка, корсетка (рус.); *кожушок, китлик* (белор. и укр.) — короткая плечевая женская одежда восточных славян, покрывающая верхнюю часть корпуса.

Нагрудник[3]

По этнографическим данным XIX — начала XX в. нагрудная одежда из домашней ткани туникообразного покроя, напоминающая рубаху, была распространена преимущественно у южных великорусов, составляя там часть поневного комплекса, и лишь частично — у средних и северных великорусов.

Различают два варианта этой одежды туникообразного покроя: а) с центральным полотнищем, перегнутым по утку, на сгибе которого прорезан ворот, с пришитыми бочками; б) из двух перегнутых на плечах полотнищ со швами в центре и по бокам, аналогичная эрзянскому *панар*.

Нагрудник наиболее простого покроя без рукавов очень напоминает четырехугольный мешок с отверстиями для головы и рук. Боковые полотнища — прямые. Иногда их несколько скашивают или же вставляют

[1] В. В. Богданов. Из истории женского южновеликорусского костюма, стр. 150—151.

[2] О. А. Heikel. Die Volkstrachten in den Ostseeprovinzien und Setukesien. Hels., 1909, табл. IV, рис. 1, 4, 8.

[3] Название «нагрудник» для туникообразной женской одежды — одно из распространенных народных названий; дальше употребляется условно для обозначения данного типа одежды.

клинья по бокам, большей частью кумачовые. Вставку клиньев следует рассматривать как усложнение первоначального прямого покроя этой одежды. Так, например, в Елатомском уезде Тамбовской губ. в конце XIX в. носили навершник с клиньями, а более старый покрой — без клиньев — сохранялся только у старух (рис. 50).

Одежда эта, единообразная по основному покрою, различается по наличию или отсутствию рукавов, форме выреза ворота, длине, материалу,

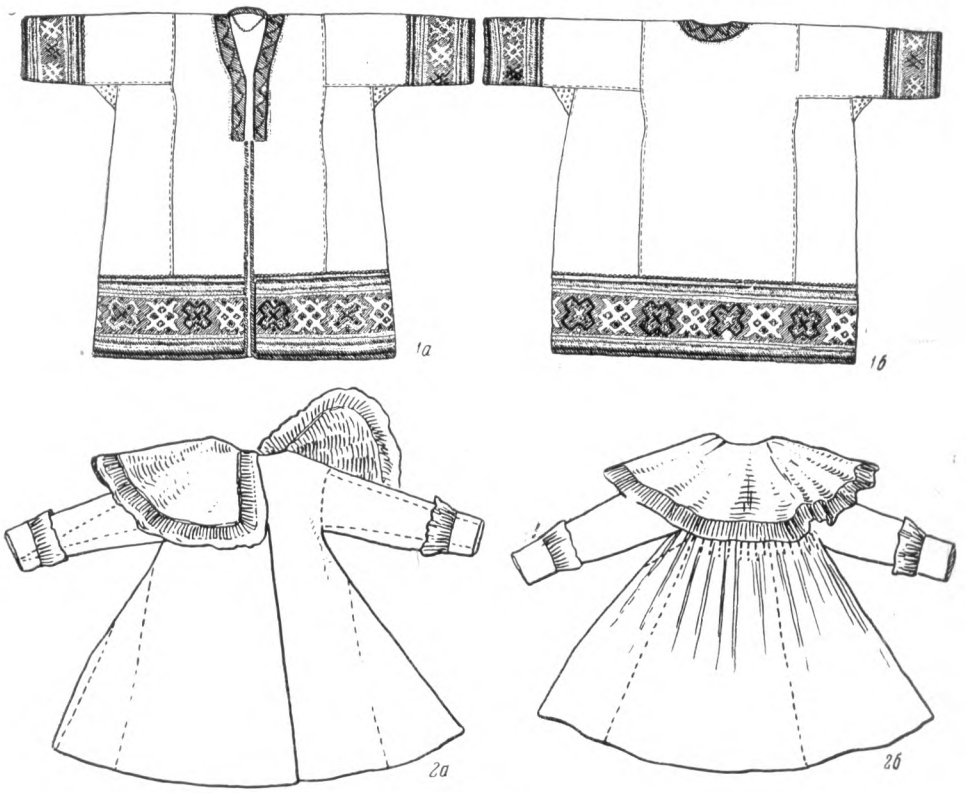


Рис. 49

1—шушпан с тканым узором: *а* — спереди; *б* — сзади (Сапожковский уезд Рязанской губернии); *2* — шушун украинский: *а* — спереди; *б*— сзади (г. Прилуки Полтавской губ.)

расцветке и украшениям. Кроме термина «нагрудник», для этого типа одежды имеется ряд названий: *шушпан, шушун, шушка* (Тульская, Рязанская, Калужская, Псковская области); *косталан* (Калужская, Смоленская, Калининская области); *чупрун* (Тульская, Рязанская, Калужская, Пензенская области); *сукма́н* (Тульская обл. и ниже по Дону); *су́кня* (Калужская обл.); *сарахва́н, короткий сарахва́н, навершник, корота́й, синю́шка, желти́к, ю́почка* (Рязанская обл.); *насо́ў, носы́вка* (Псковщина, Смоленщина и Витебщина); *че́хлик, балахо́н* (Брянская обл.); *серя́к, ката́нка* (Тульская обл.). Термин «*су́кня*», «*сукма́н*» — общеславянский. Л. Нидерле [1] указывает на «сукню», как на древнейшую общеславянскую одежду из домашнего сукна, которую надевали поверх рубахи. Сукман

[1] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 161—162.

Рис. 50. Навершники:

1 — из холста, с вышивкой и тканым узором, с клиньями из кумача (носили молодые женщины); *2* — из холста с вышивкой шерстью, тканными красными полосами, черным шнуром и кружевами (носили старухи). Конец XIX в. д. Жуково б. Елатомского у. Тамбовской губ.

донских казачек — туникообразная одежда с короткими рукавами,— как справедливо отметил Б. А. Куфтин, как бы объединяет «признаки двух различных морфологических групп, носящих одно название, северных сущпанов (шушунов) и южных шушунов с рукавами» [1].

Название («насоў», «насоўка» (Калининская, Смоленская, Витебская и Псковская области) П. В. Шейн связывает с глаголом «носить» [2], а Н. И. Лебедева — с глаголом «насовывать» в смысле натягивать, надевать поверх чего-нибудь, что более убедительно. Ряд названий определяется длиной нагрудника (коротай), способом ношения сверху рубахи (навершник), цветом (желтик, серяк, синюшка), техникой изготовления ткани (катàнка).

Нагрудники можно подразделить на безрукавные и с рукавами, короткими и сравнительно длинными; на глухие и распашные (см. рис. 49, *1*, 50). Глухой нагрудник, надеваемый через голову, нужно считать, повидимому, более старым типом, чем распашной. Распашной по покрою одинаков с глухим, но разрезан спереди посередине от ворота до подола; застежки нет (см. рис. 49, *1*).

К этому типу относятся шушпаны Рязанской и Тульской областей, юпочка из «Богословщины» Рязанской обл., серяк и катанка Тульской обл. [3]

Повсеместно преобладает нагрудник с прямым разрезом ворота; разрез на левой стороне груди, возможно, стали делать в подражание покрою мужских рубах (известен в Калужской и Рязанской областях). Вырез ворота круглый, треугольный и четырехугольный. Чаще всего нагрудник спускается несколько ниже талии (как, например, навершник Рязанской обл.), иногда доходит до колен и даже ниже (например, сукман донских казачек, серяк Тульской обл., юпочка Рязанской обл.). Нагрудники в Липецкой обл. в Данковском, Чаплыгинском (б. Раненбургском) районах едва достигали талии: их шили из шерстяной черной или красной ткани, со скошенными бочками и клиньями и со сравнительно широкими проймами или с лямками. Последний вариант, возможно, обусловлен влиянием одежды типа душегрейки на лямках, известной в Рязанской обл. под названием *бастрóг*.

Нагрудник составлял принадлежность костюма преимущественно замужних женщин и был у них более коротким. Девушки, не носившие поневу, кое-где надевали такую же по покрою, но длиной до колен холщевую одежду — «сарахваны» (Рязанская обл.).

Нагрудник с разрезом спереди чаще не подпоясывали и не застегивали, а носили нараспашку; нагрудник же без разреза подпоясывали (например, желтик Рязанской обл. или косталан Калужской обл.), но не всегда (например, навершник Рязанской обл.). Шушпан из шерстяной ткани нередко надевали не только поверх рубахи и поневы, но и поверх «занавески» — фартука, и он служил главным образом верхней выходной летней одеждой.

Нагрудники шили обычно из домашней ткани: сукню, шушун, шушпан, серяк, катанку, нагрудник южной части Рязанской обл., юпочку желтик — из шерстяной или полушерстяной легкой тонкой материи; навершник севера Рязанской обл., носов на Смоленщине — из льняной ткани. В Калужской обл. косталан шили обычно также из льняной ткани,

---

[1] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 113.
[2] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 42.
[3] А. Н. Нечаева. Костюмы Тульского округа в районе рек Непрядва и Дон. «Тульский Край». Тула, 1929, № 2—3, стр. 54 и рис. 1 на стр. 48.

а такого же покроя одежду на зиму — из шерстяной, и тогда она получала название «сукня» [1].

Портяную одежду шили обычно из белёного холста, реже — из набойки или подсиненного холста (синюшка Рязанской обл.). Иногда пришивали рукава из цветного ситца, что нужно считать поздним явлением.

Шерстяные и полушерстяные шушпаны были цвета овечьей шерсти — белого или серого. Наличие черных шушпанов, одного из старейших элементов народной одежды, у населения верховий Дона (Тульская обл. и юг Рязанской обл.) и у донских казаков свидетельствует о древних взаимных связях населения бассейна Дона [2]. Локальное распространение имели нагрудники из тонкой шерстяной ткани, обработанной желтой растительной краской (желтик Михайловского, Пронского районов Рязанской обл.) и из красной тонкой шерстяной домотканной материи (Рязанская, Тульская и Тамбовская области).

Ворот, полы и края рукавов шушпана часто обшивали красной тканой шерстяной тесьмой — *мутóвизом*. Бывали нарядные шушпаны, украшенные на рукавах, а иногда и по подолу широкой полосой многоцветного узора, выполненного закладной техникой (Сапожковский (см. рис. 49, *1*) и Скопинский районы Рязанской обл. и Тульская обл.).

Будничные, рабочие нагрудники обычно совсем не имели украшений. Наиболее обильно украшались нагрудники молодых женщин, особенно праздничные: подол имел тканые красные узоры, нашивки из полос кумача, к краю его пришивали самодельные кружева или бахрому из цветной шлёнки. На рис. 50 изображены навершники молодой женщины и старухи из дер. Жуково Рязанской обл. (б. Елатомского уезда Тамбовской губ.). Первый имеет кумачевые клинья, широкую многоцветную вышивку шерстью у ворота и на рукавах, тканые узоры (*затканка*) и т. д.; второй украшен тканными узорами, узкой вышивкой шерстью, черным шнуром и белыми кружевами.

Обилием аппликации отличаются желтик и юпочка из района «Богословщины» Рязанской обл.

Нагрудник, связанный в основном с южновеликорусской народной средой, отмечен и на северо-западе — в Смоленщине, Псковщине.

У белорусов, видимо, также была известна подобная одежда. «Носовом» у них назывался как кафтан [3], так и рабочая женская и мужская одежда из холста туникообразного покроя, близкая к носывке соседней Смоленщины, которую носили поверх кожуха или свиты.

У украинцев подобная одежда бытовала в местах соприкосновения с великорусами (например, в Воронежской обл.).

Очень любопытны данные о наличии у украинцев названия «шушун» для длинной ситцевой распашной кофты, отделанной оборкой. В коллекции МАЭ хранится подобный «шушун» из г. Прилуки. Это — «старушечья» одежда 1880-х годов, которую сберегали «на смерть»; как указано в легенде, такие «шушуны» были также и неотъемлемой частью наряда невесты в Киевской губ., по Днепру, и изредка в Полтавской и Херсонской губерниях (см. рис. 49, *2*). Возможно, что ношение шушана на Украине связано с русским влиянием, но не исключено и то, что он со-

[1] Н. П. Гринкова. Одежда западной части Калужской губ., стр. 22.

[2] Н. И. Лебедева. Материалы по народной одежде Рязанской губернии, стр. 31—32.

[3] Носов белорусов был в XIX в. основной выходной одеждой летом: он шился из белой холщевой ткани («ослепительной белизны») и, как описывает П. В. Шейн, нередко представлял собой одежду кафтанного покроя (П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 42).

ставлял (конечно, в ином виде) древнюю одежду у некоторых групп украинцев, на что, может быть, указывает его обрядовое назначение.

По покрою южновеликорусский нагрудник примыкает к типу туникообразной мужской восточнославянской рубахи, с одной стороны, и к покрою рубах, а также нагрудной женской одежды мордвы, мари, с другой стороны. Одежда из легкой льняной или шерстяной ткани туникообразного покроя с украшениями получила распространение в славянских странах в начале нашей эры не только как нижняя, но и как верхняя [1].

В некоторых областях эта одежда испытала влияние сарафана (что прослежено Н. П. Гринковой по материалам Ржевского уезда Тверской губ. [2]) или же верхней одежды — свитки (что, видимо, произошло с носовом белорусов в некоторых местах Витебщины). Со второй половины XIX в. нагрудники, как и другие виды одежды, стали украшать фабричными материалами и аппликацией из покупной ткани.

Нарукавники

У северных великорусов (Вологодская, Архангельская и другие области) была известна одежда под названием *нарука́вники*, *обжи́мка*, *кобату́ха*, *кобату́шка* — короткая прямого покроя кофта с рукавами, чаще с разрезом посредине или же застегивающаяся на левой стороне. Ее шили больше из домотканины, иногда подбивали ватой или льняными очесами и делали на подкладке. Образец одежды такого рода имеется в коллекции ГМЭ: короткая, не доходящая до талии кофта с разрезом посредине спереди сшита из домотканной материи, сплошь украшенной браным узором красной шерстью (рис. 51, *1*).

Безрукавка

Разнообразные безрукавки в виде лифа наиболее распространены у белорусок и украинок.

О характерных украинских овчинных безрукавках — киптарях, кожушках упоминалось выше.

Овчинный киптарь — распашную безрукавку — носили, а кое-где носят и теперь, женщины в горных областях Украины. Лицевая сторона киптаря орнаментируется аппликацией из сафьяна, вышивкой цветной шерстью и шелком, расположенной по борту, вороту и низу. В прошлом у наиболее богатых крестьянок нередко вышитым орнаментом покрывался сплошь весь киптарь.

В предгорных и равнинных областях западной части Украины женщины носят безрукавку из фабричного сукна или другой материи — *бруслик*, или *лейбик*, *катанку*.

Такая же безрукавка в виде лифа была широко распространена и у белорусов (*лейбик*, *китлик*, *кабат*, *шнуроўка*, *карсэт*, *гарсэцік*) (рис. 52, *1* и *2*).

Носили безрукавку поверх рубахи с юбкой. Ее шили обычно из цветной, чаще всего фабричной ткани, на подкладке; у бедных — из сукна или ситца, у наиболее зажиточных — из дешевых сортов парчи и бархата и вышивали золотой нитью. Иногда к безрукавке пришивали валик или жгут из той же ткани вокруг талии. Безрукавка обтягивала верхнюю

[1] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 161—162.
[2] Н. П. Гринкова. Одежда «тудовлян», стр. 86—90.

часть корпуса и застегивалась спереди на крючки — *гаплюки* или пуговицы — *гафтыки.*

В прошлом лейбик, китлик шили девушке обычно один раз в жизни и он донашивался ею в замужестве. Название «шнуроўка» (Витебщина, Смоленщина) заставляет предполагать связь этого рода лифа с зашнурованным корсажем, который в XVIII в. носили в городах мещанки (см. рис. 42, *3*).

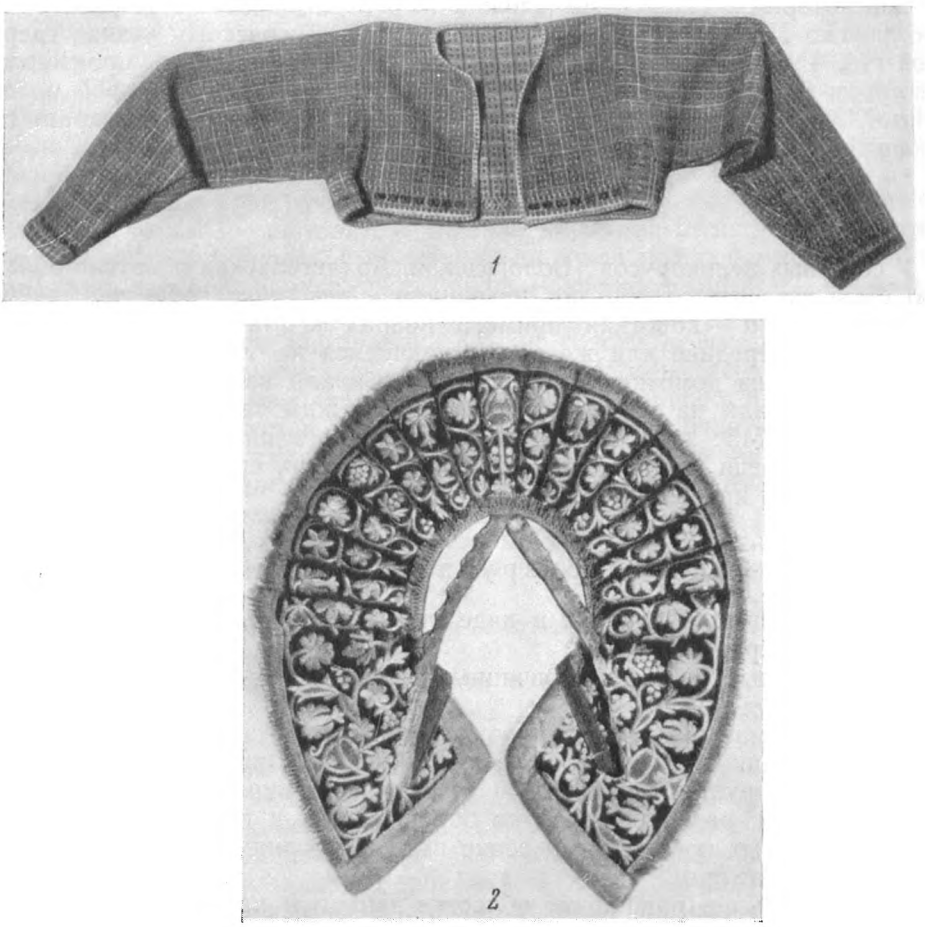


Рис. 51

1 — «нарукавники» из холста с браным узором красной шерстью (Пинежский уезд Архангельской губ.); *2* — душегрейка из бархата, вышитая золотой нитью

Украинская *кірсетка* состоит из лифа и идущей от талии широкой нижней части с клиньями — *вусиками* или прямой, собранной в сборку. Застегивается кирсетка обычно на левой стороне. Ее шили чаще из фабричной темной, иногда и из яркой ткани; темную кирсетку носили пожилые женщины, а яркую — девушки и молодые женщины, надевая ее поверх рубахи и плахты или спидницы. Кирсетка стала непременной принадлежностью украинского женского костюма в центральной и восточной частях Украины, где она распространилась с начала XIX в. (рис. 52, *3*).

У великорусов также известна подобная одежда — *корсетка,* не имевшая, однако, такого значительного распространения, как на Украине. С начала XIX в., особенно же со второй его половины, она стала входить в моду. Корсетки шили большей частью из бумажной ткани, иногда плиса, с клиньями и со сборами. Богатые девушки часто делали опушку из меха или гусиного пуха. Носили корсетки главным образом в южных

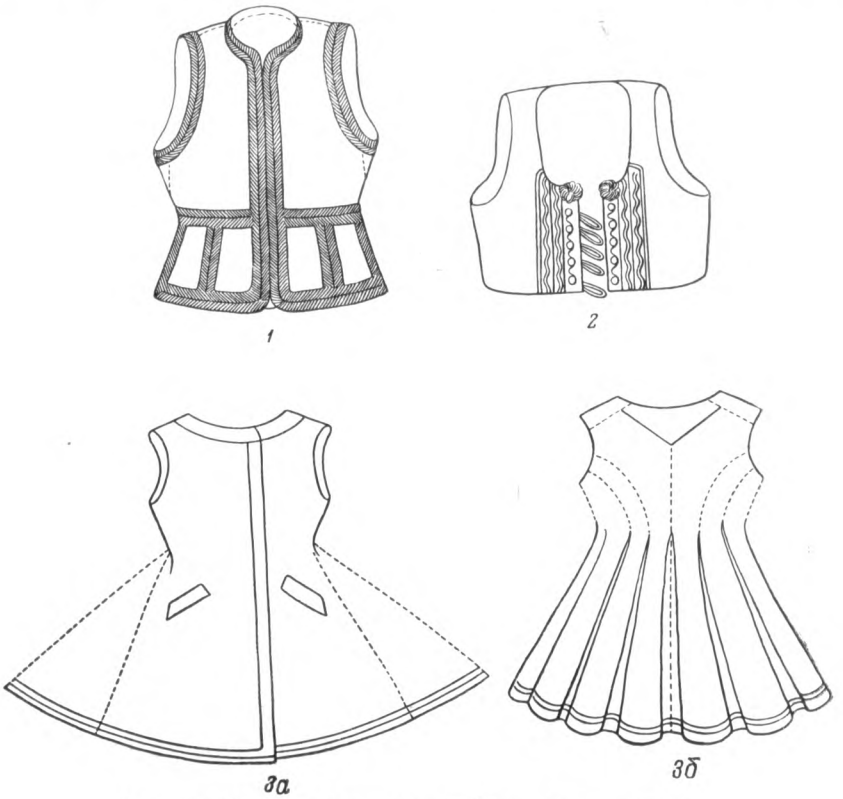


Рис. 52. Женские безрукавки XIX — начала XX в.

1 — карсэт (белор.); *2* — шнуровка (белор., Минская губ.); *3* — кирсетка (укр.) из красной шерстяной ткани: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Сосновка Переяславского уезда Полтавской губ.)

великорусских областях, но местами и севернее: так, например, желтые нанковые безрукавки подобного покроя из бумажной ткани были модными во второй половине XIX в. во Владимирской и Нижегородской губерниях.

Душегрейка на лямках

Более старым типом безрукавки у русских была душегрейка на узких лямках — *коротёнька, коротёна, перо́, пе́рышко, бастро́г, бастро́к,* в Архангельской обл. — *полушубок.*

Коротенька охватывала спину и грудь и застегивалась спереди на крючок, а сзади собиралась крупными складками (см. рис. 51, *2*). Шили ее из парчи или шелка, на подкладке, обкладывали золотым позументом, иногда подбивали льняными или пеньковыми очесами (вместо ваты). В допетровской Руси «коротенька» с сарафаном и кокошником входила

в комплекс боярской одежды. В XIX в. ее носили в купеческой и мещанской среде, а в качестве праздничной девичьей одежды, поверх сарафана, и в великорусской, преимущественно северной, деревне. Лишь наиболее состоятельные женщины, принадлежавшие к городской и сельской буржуазии, шили ее из шелковой парчи, бархата и иногда вышивали золотом (рис. 51, *2*), обычно же — из дешевых сортов бумажной парчи. Душегрейка передавалась по наследству вместе с кокошником и другими наиболее дорогими частями женского костюма.

ПЕРЕДНИК

Передники известны нескольких типов:

1. Надеваемый через голову (*занавеска, запан, запон, шушман*). Передник такого типа был распространен главным образом у южновеликорусов, частично — во Владимирской и Московской губерниях, где прежде носили также поневу, местами в Вятской и Новгородской губерниях. Наиболее прост по покрою шушман Брянской губ., состоящий из полотнища ткани, перегнутого пополам, с круглым прорезом для головы на сгибе; боковые полотнища лишь скреплены друг с другом в одном месте. Более растространен был передник, прочно сшитый на боках (рис. 53, *1*), с разрезным задним полотнищем, нередко с прямыми рукавами с ластовицами. Носили его главным образом там, где не был известен нагрудник, с которым он связан морфологически, а иногда имеет то же название — «шушман». В костюме девочек и взрослых девушек он был единственным дополнением к рубахе; замужние носили его поверх поневы.

2. С отрезной верхней частью — *грудинкой*, или *колодочкой*, к которой пришиты в сборку два полотнища; иногда также имеет рукава (рис. 53, *2*).

3. Состоящий из грудинки в виде небольшого прямоугольника с петлей из тесьмы, надеваемой через голову на шею, и пришитых к грудинке полотнищ ткани, снабженных у талии завязками.

4. Из двух полотнищ ткани, собранных вверху; подвязывается выше груди.

5. *Фартук,* укрепленный при помощи завязок на талии. На Украине и в Белоруссии — единственно известная форма передника; у великорусов его появление связано с городским влиянием.

Праздничные запоны или «занавески» девушек и молодых женщин обильно украшались, в отличие от рабочих передников. Нередко бóльшая часть занавески состояла из *строк, вырезей* — вышивок по выдерганному холсту, чередующихся с полосами ткани — китайки, кумача с нашивками из шнура, блестками, кружевом и т. д. На севере праздничные передники сплошь покрывались многоцветным браным узором. Так, например, передники устюжские (Вологодская обл.) имеют богатейший тканый браный орнамент, иногда с добавлением вышивки гарусом; нередко узоры изображают людей и животных,— например, мужчину, ведущего под уздцы лошадь (рис. 53, *4*). Позднее появились передники из пестрого многокрасочного ситца, иногда из кумача, с оборкой по подолу, украшенные вышивкой тамбуром. Их повязывали выше груди или по талии.

Передник, укрепленный на плечах, по происхождению связан с туникообразной одеждой и распространен главным образом у южных великорусов; передник, повязанный по талии, связан с поясной одеждой типа запаски и является типичным для украинцев и белорусов, у русских же — явление позднее.

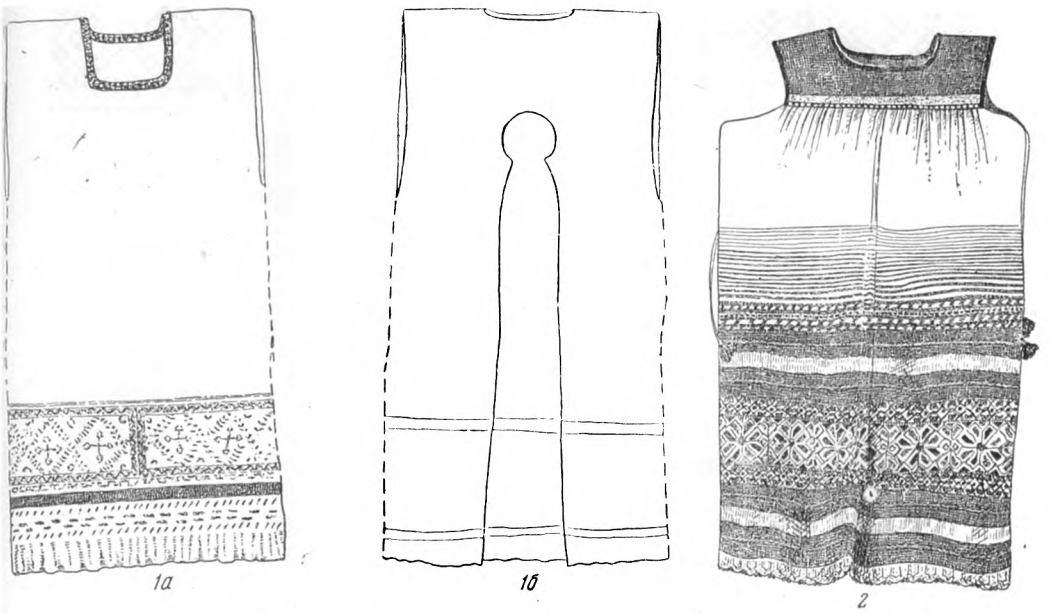


Рис. 53. Женские передники конца XIX — начала XX в.

1 — «занавеска»: *а*—спереди; *б*—сзади (Козельский уезд Калужской губ.); *2* — «занавеска» (Рязанская губ.); *3* — передник с рукавами (русского населения Крутоберезовской вол. Томской губ. 1867 г.); *4* — фартук из пестряди с вышивкой гарусом и отделкой из фабричной ткани (Великоустюжский уезд Вологодской губ.)

V. ЖЕНСКИЕ ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

ДЕВИЧЬИ ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

У восточных славян прически и головные уборы девичьи и замужних женщин значительно разнились между собой. Девушки не закрывали волос головным убором, замужние же тщательно их прятали.

Древнейшей девичьей прической у восточных славян были, видимо, распущенные волосы, о чем свидетельствует ряд данных. Рисунок заглавной буквы Евангелия XIII в. изображает девушку с распущенными волосами и в *чёлке* — девичьем венце. Гравюры Мейерберга XVII в. представляют с той же прической московских девушек, а рисунок Ригельмана 1786 г.— украинскую крестьянскую девушку (см. рис. 42, *1*). П. С. Ефименко отмечает, что девушки в Архангельской губ. в 1880-х годах ходили обычно с одной косой, спущенной по спине, с вплетенными в нее яркими лентами, но когда в праздник надевали *повязку* или *чёлку*, то, по старинному обычаю, волосы не заплетали в косу, а распускали.

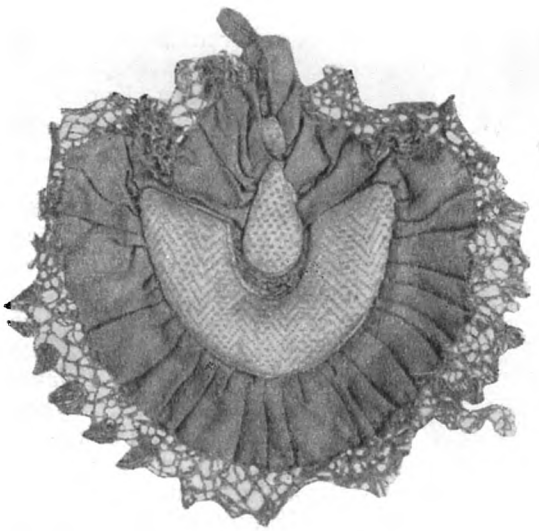
Венчали и хоронили девушек также с распущенными волосами. Во время траура, а также при выполнении некоторых обрядов, например опахивания, девушки распускали волосы.

С этим связан особый тип девичьего головного убора в виде перевязки из ткани, обруча из луба или из другого материала, венка, венца и тому подобного, как бы сдерживающего распущенные волосы. Верхняя часть головы оставалась открытой (что у украинок называлось *до лисіни*). Заплетание волос в одну или две косы — видимо, более поздняя восточнославянская прическа. У русских преобладала девичья прическа в одну косу (поэтому девушка называлась «однокоской»); украинки чаще носили две косы. Кое-где на Украине (в западной ее части) отмечен обычай заплетания волос в несколько кос (в *дрібници*, *дрібушки*). Обычно косы плетут в три пряди. Плетение косы в четыре-семь прядок (*писаная коса, бесчисленница*) было в обычае у южных великорусок. В косу вплетали *косники* (рус.), *кісники* (укр.) в виде ленты, шнура, полоски ткани (часто кумача, иногда укрепленного на колечке) или кисточки — гарусной, мишурной, а у южных великорусок чаще из бисера (рис. 54, *2*). Русские косники, хранящиеся в музейных коллекциях, представляют собой украшения разнообразной формы из ткани, иногда на твердой основе, плоские в виде сердечка, розетки (рис. 54, *1, 3, 4*), с золотым шитьем, а иногда дешевыми камнями и бусами.

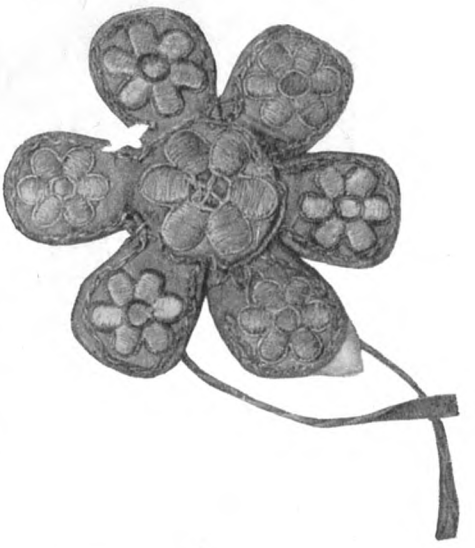
Древние девичьи головные повязки, найденные в славянских курганах Поднепровья, сделаны из ткани или шнура с нанизанными стеклянными, металлическими бусинами или пластинками. В Киеве найдены

1

2



3



4

Рис. 54. Русские девичьи косники

1, 3, 4 — косники матерчатые вышитые; *2* — косник, украшенный бисером (Рязанская губ.)

Рис. 55. Русские девичьи головные уборы

1 — венок (Скопинский уезд Рязанской губ.); *2* — девичий головной убор (Вологодская губ.)

были богатые девичьи диадемы XII—XIII вв. из золотых и серебряных пластин, иногда покрытых эмалью. Верх такого металлического девичьего венца имел замысловатые фигуры в виде «зубцов», «теремов» и другие, а по нижнему краю шли низаная жемчугом «поднизь» (спереди), «рясы» (у ушей), «косник» (сзади). Такой «венец с городы», «венец теремчат о десяти верхехъ» завещал князь Михаил Андреевич Верейский своей дочери в 1486 г.[1]

Общеславянское название девичьего венца — *чело, чёлка.* В русских памятниках чело впервые упоминается в духовном завещании Ивана Даниловича Калиты в 1328 г.; *«перевязка», «перевязь», «венец»* встречаются в документах XV—XVII вв.

Девичий убор в народном быту в XVIII—XX вв., как известно по этнографическим данным, имел ту же основную форму, что и в древности. Кроме сохранившихся у всех восточных славян общеславянских терминов — *вено́к (вінóк, вяно́к), перевязка, чело, чільце, почёлок,* есть и другие названия: у северных великорусов его называют *голово́дец, коро́на, грибки́, голоши́нка, рефе́ть, рефи́ль, кра́сная кра́сота* и другие; у южных великорусов также — *тка́нка,* а у всех великорусов (повидимому, более позднее) — *лента;* у украинцев также — *лубо́к, намітка* (последний термин есть и у белорусов). Старинный девичий головной убор в виде венца или ленты со второй половины XIX в. стали

[1] П. Савваитов. Указ. соч., стр. 26.

заменять платком. Однако как праздничный (на гулянье, в хоровод) и свадебный головной убор он сохранялся местами еще в начале XX в.) Можно выделить несколько групп такого рода девичьих головных уборов:

1. Полоса ткани, идущая по лбу и завязанная сзади или спереди:

а) Полотнище холста с узорными концами у украинцев и белорусов (намитка, или намётка), сложенное в 4—6 раз; у русских сохранялось в XX в. только в Брянской и Орловской областях.

Рис. 56. Девушка в «лентке с ковылем», в поневе и шушпане (с. Красная Дубрава Салтыковского района Пензенской обл.)

Рис. 57. Белорусская невеста в венке и свитке (Могилевская губ. Начало XX в.)

б) *Перевязка, тканка, почёлок, лента* — полоса ткани, иногда вышитая золотом, большей частью широкий позумент, парча с бисерной и жемчужной поднизью,— например почелок Архангельской и Вологодской областей. Эту полосу ткани делали на подкладке и с широкими шелковыми завязками (рис. 55, *2*).

Сюда же следует отнести девичьи повязки из платка, например *подпластик* у южных великорусов: из платка и поднизей — бисерной бахромы с селезневыми «кудрями» [1]. В Архангельской обл. в конце XIX в. девушки повязывали платок таким образом, что концы его торчали надо лбом, напоминая рога, а верх головы оставался открытым.

[1] Н. И. Лебедева. Народный быт..., рис. 58.

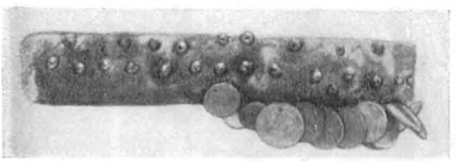
2. Обруч с твердой основой из луба, коры, картона. У южных великорусов:

а) *налóбень* из луба, обтянутый тканью, с нашитым бисером и бусами;

б) *венок* — с лубяным остовом, обернутым шелковым платком с нашитым стеклярусом и бусинами;

в) *лентка с ковылем* (Пензенская обл.) в виде маленького обруча, который носили на темени с пучком ковыля спереди и лентами сзади (рис. 56) и т. д.;

1



2

3

Рис. 58. Девичьи головные уборы

1 — капилюшня — свадебный головной убор украинок с цветами и узором, низанным из бисера (Черновицкая обл.); *2* — винок с монетами (Закарпатская обл.); *3* — венец (Сольвычегодский район Вологодской обл.)

г) у северных великорусов *перевязка* (Архангельская область) — плоский обруч из бересты или картона, обтянутый кумачом или шелком и спереди украшенный жемчугом или бисером;

д) у белорусов *вянок* — обруч из луба или бересты, обернутый тканью; в праздники и как убор невесты этот обруч украшали живыми или искусственными цветами (рис. 57);

е) у украинок *лубок, корабуля* (Подольская обл.), *капілюшня* (Черновицкая обл.) — высокий картонный обруч, обтянутый тканью и украшенный полосками узора из бисера и искусственных цветов (рис. 58);

ж) девичий убор в виде узкого обруча, украшенный монетами, в Закарпатье (рис. 58, *2*).

3. Венец, коруна, чёлка — покрытый тканью полукруг из картона — праздничный и свадебный головной убор девушек в Архангельской, Вологодской и Новгородской губерниях (рис. 58, *3*); он напоминает по своей форме старинный венец «с городы» с узорной прорезью. Концы венца не смыкались друг с другом — к ним были пришиты ленты для завязывания сзади. Венец украшали жемчугом, цветными стеклышками, под сквозные узоры подкладывали фольгу и пр.

У девушек из богатых крестьянских семей жемчуг на венце был настоящий, у остальных же — обычно поддельный. В песнях и причитаниях невесты Архангельской обл. упоминается «бусова́я перевязочка», украшенная бусинами.

Головной убор с *поднизью, рясной* или *рясами* из жемчуга и разноцветных камушков называли *рефетка, рефиль* [1].

Термин «коруна» (от латинского corona) был известен в боярском быту XVI—XVII вв. [2], так же как и рясы, рефедь, рефидь (или рафиль), обозначавшие низаные из жемчуга сетки [3]. Однако форма девичьего венца, бытовавшего в среде господствующих классов того времени, являлась народной общеславянской.

4. Венки из искусственных или живых цветов и листьев; особенным богатством и разнообразием отличались такие венки украинцев и лишь частично были известны у южных великорусов и у белорусов. Свадебные венки украинок составляют из листьев барвинка с добавлением восковых или бумажных цветов, бисера, стекляруса, павлиньих перьев, украшений из сусального золота; сзади спускаются разноцветные ленты.

5. Искусственные косы — *уплітки* из длинных волокон конопляной кудели, обмотанные красным гарусом, гуцулки укладывали вокруг головы, иногда спуская их концы сзади (см. рис. 44). Уплитки носили с венком или без него.

6. Налобники с металлическими подвесками — архаичная форма головного убора. Гуцульское *чільце* — налобник из проволоки с подвешенными к ней узкими пластинками, имеющими форму маленьких стручков или лепестков цветка, или из ремешка или шнурка с нанизанными на него пластинками из желтой меди, также в виде лепестка или трилистников. Подобные украшения находят в славянских курганах Поднепровья; известны они и у южных славян, где частично заменялись налобниками из монет [4].

Обычай украшать головные уборы окрашенными в яркие цвета птичьими перьями — петушиными, гусиными, индюшиными или натуральными селезневыми и павлиньими — был распространен среди украинок и южных великорусок. В Подолии делали венки из птичьих перьев, окрашенных в зеленый, синий, желтый и красный цвета. Южновеликорусский убор, состоявший из полосы ткани или твердой лубяной основы в виде обруча, украшали разноцветными перьями (см. венок из Рязанской обл. на рис. 55, *1*). Праздничный убор девушек и молодаек (в Новосильском уезде Тульской губ.), сделанный из перьев, назывался *крашоные перья* [5]. Перья укрепляли на головном уборе или подтыкали и подклеивали под платок. В южновеликорусских областях девушки, кроме того, носили *пушки* — шарики из гусиного пуха. Иногда втыкали в головную повязку, платок или укрепляли на обруче пучки ковыля (см. рис. 56).

[1] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных славян. «Slavia», вып. 3, 1927, стр. 309.
[2] П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 26.
[3] Там же, стр. 114.
[4] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 549.
[5] Опись коллекции ГМЭ, 160-16-22.

В девичьих головных уборах верх головы закрывался только в особых случаях: так, просватанная девушка в Архангельской обл. носила *перевязку с натемником* — кружком, прикрепленным к повязке и прикрывавшим волосы сверху; в Вологодской обл. еще в начале XX в. по праздникам просватанная девушка носила белый вязаный *честный колпак* [1].

Девушки, не вышедшие замуж, до старости ходили с косой и не меняли головного убора. Женщин, родивших внебрачного ребенка, нередко заставляли менять прическу и головной убор: у белорусов в Гродненской губ., например, в середине XIX в. им запрещали носить косу [2], а украинцы называли их «покритками», так как они должны были закрывать свои волосы головным убором, как замужние женщины [3].

Замужние и девушки иногда носили один и тот же головной убор, но разными способами (например, намитку, полотенце, лубяной обруч). Иногда девичий головной убор оставался частью более сложного, закрывающего волосы головного убора замужних, — особенно как свадебный и в первые годы замужества.

Так, в Ветлужском крае повойник с твердым дном — самшуру — носили в первые годы замужества с девичьей лентой, повязанной по околышу [4]; в Олонецкой губ. молодые женщины носили чёлку с бисерной или жемчужной поднизью вместе с бархатным вышитым повойником, закрывающим волосы. Головной убор замужней женщины в Подолье составляли *чіпець* и *бавниця* — обруч из красиво вышитой ткани.

ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН

Прически

Обычай закрывать волосы замужней женщины отмечен у славян в глубокой древности. Девушка ходила с непокрытой головой, но при избрании ее в жены ей накидывали на голову покрывало [5]. Обычной прической восточнославянских замужних женщин (особенно русских) еще в XIX в., а местами и в начале XX в., были две косы, заплетенные по бокам и уложенные на голове, причем нередко при этом спереди получалось возвышение — *рога*. Среди белорусов и украинцев часто встречался обычай укладывать волосы, наматывая их на обруч, а не заплетая. В некоторых местах, например в б. Подольской губ. (Гайсинский уезд), плести косу женщине считалось большим грехом [6]. Обычай этот известен и у русских. Так, например, П. С. Ефименко отметил, что в некоторых местах Архангельской губ. «женщины редко плетут косы» [7]. Собирание волос в пучок, который закручивали надо лбом, отмечено местами в Брянской области, а также у «тудовлян» — группы населения б. Ржевского уезда и жителей б. Осташковского уезда Тверской губ. и у белорусов Мозырщины. Этой прическе соответствовала особая форма головного убора. Обычай не плести косы замужним нужно считать очень древним, повиди-

[1] Опись коллекции ГМЭ, 622-21 и 51.

[2] Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1. Пг., 1914, стр. 437; вып. 2, стр. 702.

[3] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы, стр. 305.

[4] С. П. Толстов. Элементы материальной культуры русского населения Ветлужско-Керженского края. Архив автора.

[5] Русские исторические одежды от X до XIII века. Составлены и рисованы С. Стрекаловым, вып. 1, СПб., 1877, стр. 4.

[6] Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 3, Пг., 1916, стр. 1065.

[7] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 61.

мому восходящим к той же эпохе, когда славянские девушки не плели кос, а ходили с распущенными волосами и, выходя замуж, просто подбирали их.

У восточных славян был обычай подстригания и даже бритья волос у замужней женщины. Последнее практиковалось в древнем Новгороде, но не одобрялось церковью. Бритье и подстригание волос замужним женщинам были издавна известны также соседним с новгородцами ижорам и води. В западных областях Украины, от Волыни до Карпат, существовал обычай подрезать волосы замужних женщин до уровня ушного отверстия [1]; сверху надевали очипок. Обрядовое подстригание волос у невесты отражено в восточнославянских свадебных обычаях. У украинцев подстригание волос у новобрачной сохранялось в XIX—XX вв. Очень ярко этот обряд выражен в гуцульской свадьбе: жених своим «топорцем» отрубает конец невестиной косы. Замужние всегда тщательно прятали волосы под головной убор; исключение составляют некоторые группы карпатских украинцев, у которых еще в XIX в. имелся обычай выпускать из-под головного убора два локона, иногда висевших до пояса. В Побуке (бойки) в праздник женщины распускали волосы, однако скрывали их под покрывалом (*півка*) [2].

Расплетание девичьей косы, причесывание «молодой», надевание женского головного убора — все это считалось существенными моментами восточнославянской свадьбы. Прощание невесты с косой — с «вольной волей» составляло особый обряд. Подруги, собравшиеся у нее вечером накануне свадьбы, расплетали ей косу, ленты из косы отдавались подругам; невеста причитала о своей «русой косе — девьей красоте», с которой ей жаль было расставаться:

Што не трубонька ли рано
Трубит по заре —
Красна девица плачет
По русóй косе:
«Сы́змала тя, косынька,
Матушка плела,
На́ возрасте, косынька,
Сама я плела,
За́утра тя, косынька,
Свашеньке плести.
Заплетут тя, косыньку,
На две косы,
Обовьют тя, косынька,
Вокруг головы,
Наденут те, косынька,
Бабью красу.
Девичья кра́сота до́ венца,
Бабья-то кра́сота до́ века! [3]

Невеста ложилась спать с распущенными волосами, а утром, не заплетая волос, ехала к венцу. Заплетание двух кос и надевание женского головного убора совершалось после венчания, в церковной сторожке или в доме жениха. При заплетании кос сваха приговаривала: «Прощай, коса — девичья краса, довольно тебе по плечам мотаться, пора под кичку убираться!» [4].

Ходить с непокрытой головой и даже «засветить волосом» — т. е. выставить наружу волосы — считалось для замужней женщины позором, грехом у всех восточных славян; «окосматить» же ее, т. е. сорвать насильно повойник или очипок,— обидой и даже преступлением еще во второй половине XIX в.

[1] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 554.
[2] Там же.
[3] Причитание записано автором в Максатихинском районе Калининской обл. в 1945 г.
[4] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 105.

Как сообщает П. С. Ефименко [1], женщина могла в таком случае обратиться в суд, требуя денежного возмещения за «бесчестие». Местами еще в XIX в. существовало поверье, по которому простоволосая женщина считалась колдуньей [2]. У русских (Тверская губ.) женщине запрещалось выходить простоволосой во двор, к скотине, так как существовало поверье, что «дворовой рассердится» и скотина якобы «водиться не будет». «Если свекор увидит, что молодуха без сборника вышла,— вспоминая прошлое, рассказывают старухи,— то кнутом отхлещет» [3]. У украинцев в прошлом также имелось поверье, что если замужняя женщина выйдет в сени, не покрыв голову платком, то домовой «потянет ее на чердак». По старым народным представлениям простоволосая замужняя женщина вызывала «гнев божий»: неурожаи хлеба, болезни людей и скота [4]. Таким образом, закрывание волос замужней женщины, возможно, имело в прошлом какую-то связь с религиозными представлениями, связанными с семейной обрядностью («дворовой» — также покровитель дома, семьи).

Вместе с тем женский головной убор стали связывать с представлением об ограничении воли женщины в замужестве, и он стал символом подчиненного ее положения в патриархальной семье. Об этом свидетельствуют слова, которые говорила сваха при обряде надевания кички:

Скачум, скачум
В вечный хомут [5].

Головные уборы замужних женщин можно подразделить на: полотенчатые, кичкообразные, кокошники, повойники, чепцы, колпаки и шапки.

Полотенчатые головные уборы

Полотенчатый головной убор, в котором полотнище ткани является основой,— один из древнейших известных у восточных славян; упоминается он в ранних письменных памятниках под названием *убрус*. Термин этот сохраняется местами до настоящего времени у великорусов и некоторых групп украинцев для обозначения полотенца. Головной убор, обвивающий голову, проходящий под подбородком, со спущенным над правым плечом концом, изображен на древних миниатюрах и иконах. Убрусом повязана княгиня Ирина на миниатюре Трирской Псалтири (XI в.) [6]. Убрус делался преимущественно из белой ткани, как и современная наметка. В белом убрусе изображена княгиня Ольга на другой миниатюре, представляющей ее во время приема византийским императором [7]. Но были убрусы и из цветной ткани. Покрывало из легкой цветной материи изображено на голове княгини Гертруды — матери Ярополка — на миниатюре Трирской Псалтири. «Полосатые восточные чадры стали очень рано, т. е. со времен арабской торговли, обычными в Византии, древней Руси... и также на Германском Западе» [8],— пишет Н. П. Кондаков. Следует полагать, что убрус, убрусец в то время был и народным головным убором.

[1] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 62.
[2] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 71.
[3] Запись автора в деревне Никониха Сандовского района Калининской обл. в 1945 г.
[4] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 315.
[5] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 106. Слова приговорки, видимо, искажены.
[6] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, табл. III—IV.
[7] Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, СПб., 1896, рис. 1.
[8] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи..., стр. 113; см. табл. I и VI.

Наметку или убрус можно видеть на изображениях женщин на иконах XVII в. (экспонаты Музея народного искусства в г. Львове), на украинской поселянке XVIII в. (рисунки в книге А. Ригельмана (см. рис. 42, *2*).

Белый полотенчатый головной убор имел распространение не только у восточных, но и у южных и западных славян. Одно из названий этого убора является общеславянским: украинское — *намітка, перемітка, намітец*; белорусское — *на́метка, намётка, обмётка*; польское — *namiotek, namiotka;* болгарское — *обметка.*

Имеются и другие названия: у украинцев — *серпанок, обрус, рантух, нахрам, півка, пелена* и др.; у белорусов — *повóйник;* у русских — *ширúнка, подши́рье, сарпáнка, гомы́лька, фата, убрус.*

Головное полотенце восточных славян изготовлялось из обычной холщевой ткани с вышитыми и затканными концами или из кисеи, льняной материи редкого тканья с затканными красной бумагой концами (главным образом у украинцев и белорусов), редко — из полосатой ткани (например, сарпанка у русских Брянской обл.). Вопрос о распространении термина «сарпанка», «серпанок» нуждается в изучении [1].

У русских убрус (полотенце, ширинка) составлял обычно лишь дополнительную, верхнюю часть сложного убора. В описи крестьянского имущества XVII в. перечисляются убрус, «очелья убрусные» и «сороки убрусные», «ширинки... накищены красным шелком» наряду с кокошником [2].

В описании венчания царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой говорится о том, что ей «голову зачесали и на государыню кику и покров положили и покрыли убрусом; а убрус был унизан жемчугом с дробницами золотыми» [3].

Полотенце составляло основную часть сложного головного убора лишь у немногих групп великорусов (Брянская, Орловская, Смоленская области, а местами — у старух Калининской и Тульской областей) (рис. 59, *4*).

По этнографическим данным XIX—XX вв., в Белоруссии наметка была почти единственным типом старинного головного убора (рис. 59, *1—3* и 60). Способы повязывания ее там очень разнообразны. Иногда оба конца завязываются сзади, иногда — надо лбом или по бокам или один конец проходит под подбородком (последний способ встречается и на Украине, а также у поляков и в восточной Литве).

Наметку носили большей частью с твердой основой в виде лубяного обруча, на который надевали чепец из нитяной сетки или легкой материи. Твердая основа называлась: у украинцев — *кибалка, гибалка, хомóвка, хóмля;* у белорусов — *кибáлка, лямец, тканица, кáпица;* у русских — *кúчка, рогá, колотóвка, котелка, кибóла.*

Иногда обруч делали из других материалов: например, у белорусов — из жгута льняной кудели, который обтягивали тканью (откуда название — *тканица*). Тканицу спереди украшали позументом; носили ее с чепцом и наметкой, позднее — под платком. Нередко обруч и чепец скрепляли между собой при изготовлении. Белорусский лямец (рис. 61, *1*) из лубяного обруча сверху обтягивали сеткой или редкой тканью.

У украинцев западных областей «чепци», по наименованию примыкающие к другому типу головных уборов, по форме являются разновидностью кибалки. «Чепець» западных областей Украины состоит из небольшого обруча из луба, обтянутого тканью, а сверху покрытого сеткой; сзади

[1] Некоторые исследователи связывают его с польским термином *serpienka* — кисея, якобы заимствованным с Востока. Известно это название и в Поволжье для полотенчатых головных уборов мари и чувашей (сарпан, шарпан).

[2] «Известия Археологического общества», т. III, СПб., 1861, стр. 61—63.

[3] П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 153.

1

2

3

4

Рис. 59. Способы повязывания полотенчатого головного убора XIX — начала XX в.

1 — белоруска в наметке (Лошинский район Пинской обл.); *2* — белоруска в наметке (Пинский район и область); *3* — белоруска в наметке, поневе, курте и переднике (Порочский уезд Смоленской губ.); *4* — русская крестьянка в полотенчатом головном уборе, поневе, шушпане (Веневский уезд Тульской губ.). **Рис. *3* и *4*— манекены с этнографической выставки 1867 г.**

спускаются ленты (рис. 61, *2—4*). Иногда обруч делали значительно меньше окружности головы, к нему кругом пришивали ткань, которая облегала голову в виде чепца и спускалась сзади длинными концами.

Платок также может быть отнесен к древнему типу полотенчатых головных уборов. Его носили отдельно, или же он входил составной частью в некоторые сложные головные уборы.

В XIX — начале XX в. платок, обычно из фабричной ткани, реже — из домотканной, постепенно вытеснял все остальные головные уборы.

У великорусов прямоугольный *платок, плат* называется также *гумýлька,* а разрезанный по диагонали — *косынка, косок, косячéк;* у украинцев — *хýстка, фýстка, пиримітка*; у белорусов — также *хустка.* Особенно распространены были белые платки, но носили также и яркие или темных цветов, в зависимости от возраста женщины. Красные платки носили обычно молодые. В одной украинской песне молодая женщина сетует на те ограничения, которых требует ее положение замужней, что для нее отождествляется с ношением чепца и красной хустки:

Каби мене не чепец, не червона хустка,
Я бы собе погуляла, як на воле гуска[1].

Хустка у белорусок нередко была сшита из холста, заткана красной нитью, или окаймлена полосой вышивки (рис. 62, *1*), а иногда бахромой.

У русских платки и косынки были очень разнообразны. Так, например, в Великоустюжском районе Вологодской обл. косынки изготовляли из холста, домотканной пестряди; края косынки украшали тканым узором и кумачовой оборкой. В Верхнем Поволжье (Костромская, Горьковская и другие области) были распространены шелковые платки или косынки — *головки* (красного, голубого, но чаще темного — черного или коричневого цвета), расшитые золотой или серебряной нитью, с орнаментом в виде листьев, веток, бутонов и цветов. Носили их в деревне и в городе (мещанки) (рис. 62, *2*) в праздники и дни семейных торжеств. Своеобразный «золотой плат» носили в конце XIX в. в Каргопольском уезде Олонецкой губ. (рис. 62, *3*); шили его из белой бумажной ткани и один из углов расшивали золотом и серебром (битью, канителью и пр.) довольно крупным растительным узором, по краю нередко вышивали имя, отчество и фамилию владелицы. Изготовляли их особые мастерицы из местных жительниц. Носили «золотой плат» преимущественно молодые женщины, надевая его сверху кокошника только в большие праздники или на свадьбу. Чем богаче была владелица, тем обильнее был расшит «плат»; бедные часто его совсем не имели. Больше же всего носили фабричные платки из ситца, шерсти, шелка, но нередко украшали их дополнительно бахромой из каруса по углам или по всему краю или кистями (*кищёнки*).

Способы ношения платка разнообразны. Один из древних способов — набрасывание платка на голову, не повязывая его, в накидку,— долго сохранялся в свадебной и похоронной обрядности. На гравюре Олеария, изображающей похороны в Московской Руси, женщины, сопровождающие покойника, представлены в платках, наброшенных на голову. В Архангельской губ. перед венцом, после благословения, жених набрасывал невесте на голову платок (гумульку) так, что закрывал ей лицо. Женщины пели:

Пала гумулька
На буйную голову.
Ее дождичком не смочит
И ветерком не сдует:

[1] Я. Ф. Головацкий, Указ. соч., стр. 50.

В гумульке невеста стояла под венцом. После венца ей заплетали две косы и надевали повойник с косынкой [1]. Внакидку носят обычно тяжелую шерстяную шаль, перегнутую пополам или по диагонали, и в настоящее время, отправляясь в дорогу в зимнее или ненастное время, но поверх повязанного обычным способом легкого ситцевого или вязаного платка.

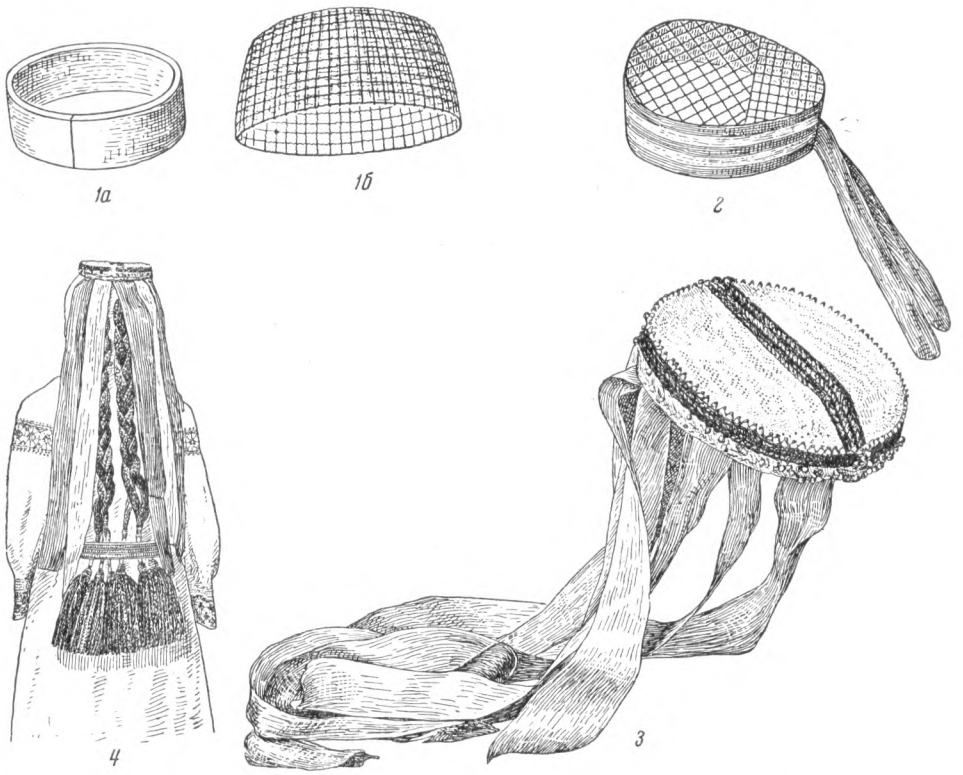


Рис. 61. Женские белорусские и украинские головные уборы конца XIX — начала XX в.
1: *а* — лямец; *б* — чапец (с. Беседки Мозырского уезда Минской губ.); *2, 3* — чепцы из западных областей Украины; *4* — чепец с лентами и искусственными косами (с. Славско Дрогобычской обл.)

Платок повязывали на голову *на покромку,* т. е. в развернутом виде (рис. 63, *1*), или *косяком* — сложенным по диагонали. Концы скрепляли при помощи булавки — *на притычку* или завязывали — *на узелок.*

Существует три способа завязывания платка концами назад: а) платок складывается треугольником и обрамляет лицо, проходит под подбородком и вокруг шеи и концами завязывается сзади; б) обвивая голову, завязывается концами сзади, сверху заднего косячка или же под ним; в) платок, свернутый жгутом, повязывается по очелью головного убора (повойника) и завязывается концами сзади.

При завязывании платка концами вперед: а) платок, сложенный треугольником, или косынка обвивает голову и завязывается спереди надо лбом; б) или завязывается под подбородком (рис. 63, *2*); в) надевается в развернутом виде на голову и скалывается под подбородком.

[1] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 390.

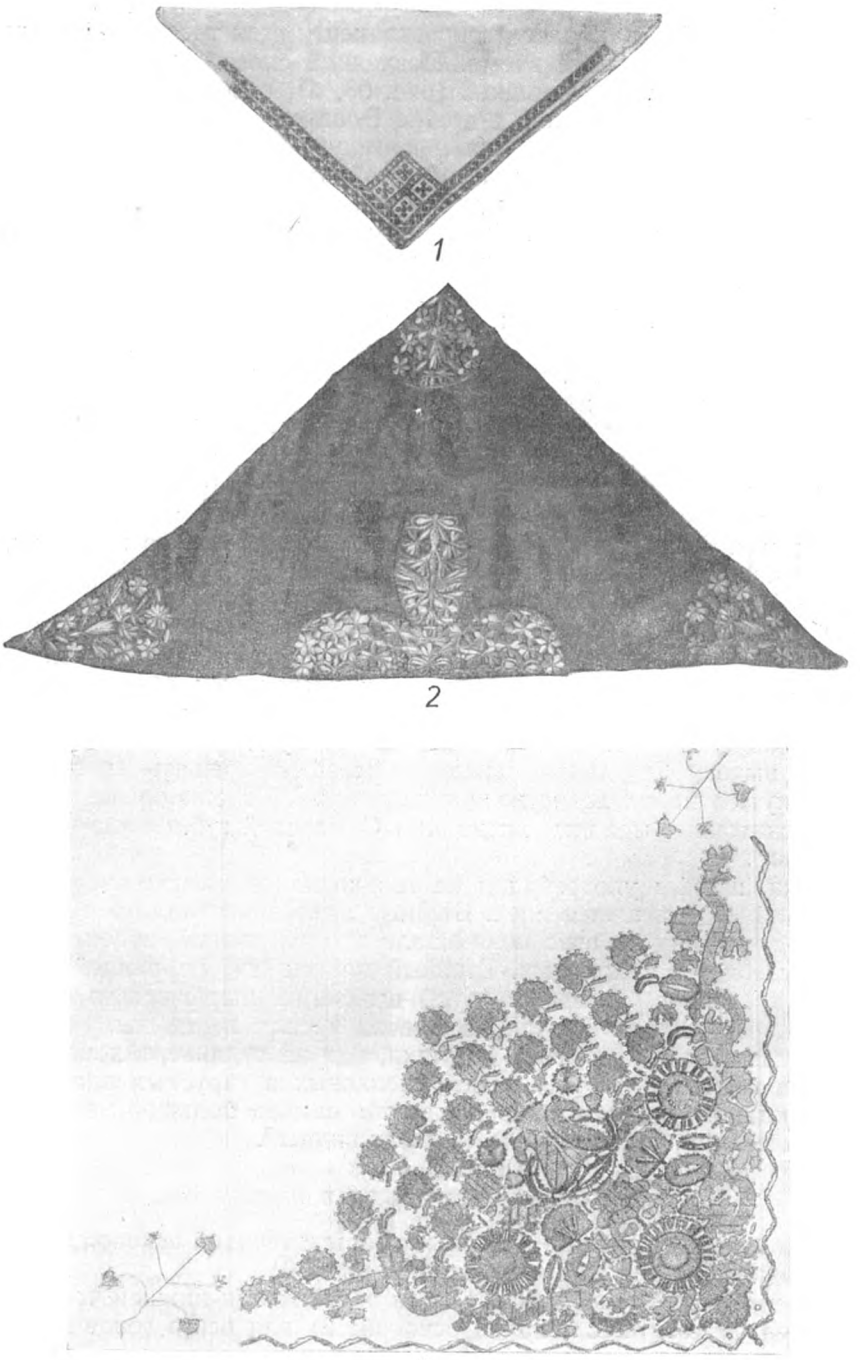


Рис. 62. Платки и косынки

1 — белая холщевая хустка с вышивкой красной бумагой (Могилевская губ.); *2* — поволжская косынка — «головка» из шелка, вышитая золотой нитью; *3* — золотой плат (Каргопольский уезд Олонецкой губ.)

Второй способ — наиболее распространен у всех трех восточнославянских народов в настоящее время. Последний способ был наиболее распространен до XX в. в Поволжье (рис. 63, *1*), особенно у старообрядок Нижегородской, Костромской, а также Владимирской губернии, под названием «по-богородицкому», «на покромку».

У всех восточнославянских народов, в особенности у белорусов, известен способ повязывать голову двумя платками, близкий к способу ношения намётки или намитки. Второй платок, сложенный узкой полосой, проходит под подбородком, вдоль щек кверху и завязывается на макушке поверх основного платка. Донские казачки, например, поверх шали повязывали *знúздалку* [1]. У русских Алтая дополнительный платок называли *подвязáльником*, в Воронежской обл.— *подбородником*, а в Тульской обл.— *пушáм платок*, т. е. по ушам. В последних двух областях его носили поверх кокошника или кички.

Из платка развился особый головной убор — *повя́зка, нако́лка, ско́лка,*— появившийся в мещанских городских слоях населения в XIX в. и проникший местами в деревню. Наколка состояла из платка или косынки, обернутой вокруг головы, с концами, завязанными спереди и сколотыми или сшитыми. Сколка, или наколка, в ряде мест заменила повойник, очипок: в отличие от последних ее носили без платка [2].

Обычай закрывать лицо не характерен для народного быта восточных славян и имел место лишь в свадебном обряде (накрытую платком невесту везли под венец; снимали его по возвращении из церкви в доме мужа). О закрывании лица, близком к восточному обычаю, имеются лишь единичные сведения, относящиеся, примерно, к середине XIX в. А. Степанов в 1835 г. писал о Енисейской губ., что «мещанки и крестьянки, выходя со двора, имеют обычай закрывать лицо фатою, или накинутым на голову мужским халатом» [3]. Горожанки Сольвычегодска и «зажиточные молодые женщины» Самарской губ. фатою закрывали часть лица [4].

Платки, шарфы употребляли не только как головное покрывало, но и для прикрывания шеи и плеч. Шейные платки носили мужчины; в Белоруссии в старину на шею повязывали продолговатый кусок холщевой ткани с узорчатыми концами. Шейный платок из фабричной ткани — *хустка* (укр., белор.), *косынка* (рус.) и вязаный шарф вошли в употребление в начале XX в. Платки на плечах носили женщины. На Пинеге, чтобы показать свой достаток, девушки, идя́ на гулянье, в хороводы, надевали на плечи от трех до десяти шелковых и гарусных платков, сложенных клином, причем вниз надевали самый большой, а поверх — самый маленький, чтобы все платки были видны [5].

Кичкообразные головные уборы

Кичкообразные сложные головные уборы с твердой основой были наиболее характерны для великорусов (см. рис. 60).

Термин *кичка* употреблялся: 1) для обозначения нижней части головного убора из холста, с твердой основой; 2) для всего головного убора в целом, который состоял нередко «из большого количества, от 8 до 14,

---

[1] Н. Ф. Яковлев. Материалы по одежде донских казаков. ЭО, № 1—2, 1916, рис. 1, стр. 46—47.
[2] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 553.
[3] А. Степанов. Енисейская губерния, ч. II, СПб., 1835, стр. 108.
[4] АГО, XXXIV, 22, стр. 9.
[5] В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 4.

отдельных частей», достигая более чем 7 кг весом [1]. Название *сорока* обозначало: 1) верхнюю нарядную часть, надетую на кичку; 2) весь головной убор в целом.

Основные части этого сложного убора:

а) собственно кичка, или *волосник* (надетый непосредственно на волосы), состоящая из передней твердой части — луба, бересты, простеганной или проклеенной ткани и из куска холста, облегающего голову и стянутого шнурком (рис. 64, *1а*).

1 *2*

Рис. 63. Способы повязывания платка

1 — богатая крестьянка из с. Кузьминки Ельнинской вол. Нижегородской губ. (вторая половина XIX в.); *2* — крестьянка Богородицкого уезда Тульской губ. (начало XX в.)

б) *Позаты́льник, позаты́лень* из ткани, который повязывается на кичку и закрывает волосы сзади. В нем различаются две части: основная часть — *колодочка* и боковые лопасти — *заушники,* к которым пришивается тесьма для привязывания позатыльника к голове. Южновеликорусские позатыльники обильно украшены бисером (рис. 64, *1 в*). К колодочке прикрепляется узорная поднизь из разноцветного бисера (длиной до 15—30 см), спускающаяся на плечи и спину. Северновеликорусский позатыльник чаще представляет собой кусок ткани, вышитый золотой нитью, иногда с короткой поднизью из бисера (длиной 2—10 см) (рис. 64, *2*).

[1] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 331.

в) *Сорока* — верхняя часть убора, обычно из холста, большей частью покрытого кумачом. Покрой сороки более или менее точно соответствует форме кички, иногда представляя как бы чехол для рогов (рис. 65, *1*); обычно сорока сшивалась из двух кусков ткани — прямоугольного или с закругленными углами, составляющего заднюю часть, и продолговатого, составляющего перед и боковые части, к которым пришиты завязки. Перед сороки, обычно вышитый, называется *очелье,* боковые части — *крылья*, задняя часть — *хвост*, *озáдок*. Изредка встречались сороки, состоящие из двух несшитых кусков ткани.

В с. Мелихове Касимовского у. Рязанской губ. «старушечья» «горевая» холщевая сорока состояла из квадрата белого холста, накладываемого на верхнюю часть головы, и продолговатого куска такого же холста, который повязывали по очелью и завязывáли концами сзади. Можно предположить, что эта сорока является наиболее старым типом. Дальнейшее развитие сороки представляет различное соединение этих кусков. Архаического типа сороки — *ширинки,* в виде куска холста с пришитыми по бокам завязками, найдены Н. И. Лебедевой в Рязанской обл. (рис. 65, *2*). Иногда сорока, в которой крылья слились с донышком, называлась *кокошником* (рис. 65, *3*). Из слияния сороки с кичкой, т. е. с твердой основой, мог произойти собственно кокошник — не составной головной убор; однако не все типы русских кокошников генетически связаны с сорокой.

Сорока, как и понева, была признаком принадлежности женщины к той или другой группе селений или даже отдельному селению (что в прошлом могло быть связано и с родоплеменными отличиями). Сороки молодых замужних женщин, вдов, старух различались по количеству и характеру украшений и по расцветке.

В XIX — начале XX в. у русских Тверской губ. свадебная сорока — *золотолóмка* имела на очелье золотошвейный узор, в промежутках которого нашивались блестки, а кругом — золотой позумент; верх сороки покрывали красным шелком. Такие сороки после свадьбы носили очень молодые женщины в самые большие праздники. Менее нарядная сорока молодой женщины также имела золотую вышивку и блестки, но покрывалась шерстяной фабричной тканью (*кашемúр новомодный*), ситцем (*францýз*) или сатином (*лáстик*). Будничные сороки молодых женщин не имели сплошной золотой вышивки, хотя их отделывали золотой нитью и блестками. Особую сороку носили после родов и в великий пост; вдовья сорока — «по горю» — обычно была белой. Пожилые женщины носили сороки менее яркие, менее украшенные, чем сороки молодых, а на сороках старух очелье только вышивалось сплошь шерстью; вышивка эта называлась *плотнушкой*; в ней не оставалось просветов фона, где обычно нашивали блестки [1].

Название «сорóка» пока не нашло еще полного объяснения, и вопрос требует дальнейшего изучения. В этнографической литературе высказывалось предположение о вероятной связи его с названием птицы — сороки, считавшейся оберегом. Некоторые черты этого головного убора, по мнению исследователей, отражают какую-то связь с птицей: название частей — «крылья», «хвост», иногда ношение с сорокой перьев различных птиц. Есть также предположение о связи термина «сорока» с пристегивающимся воротником рубахи, имевшим то же название, которое якобы потом и было перенесено на головной убор [2]. Термин является

[1] Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел, стр. 126, табл. VI, рис. 1 и 2.

[2] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 337.

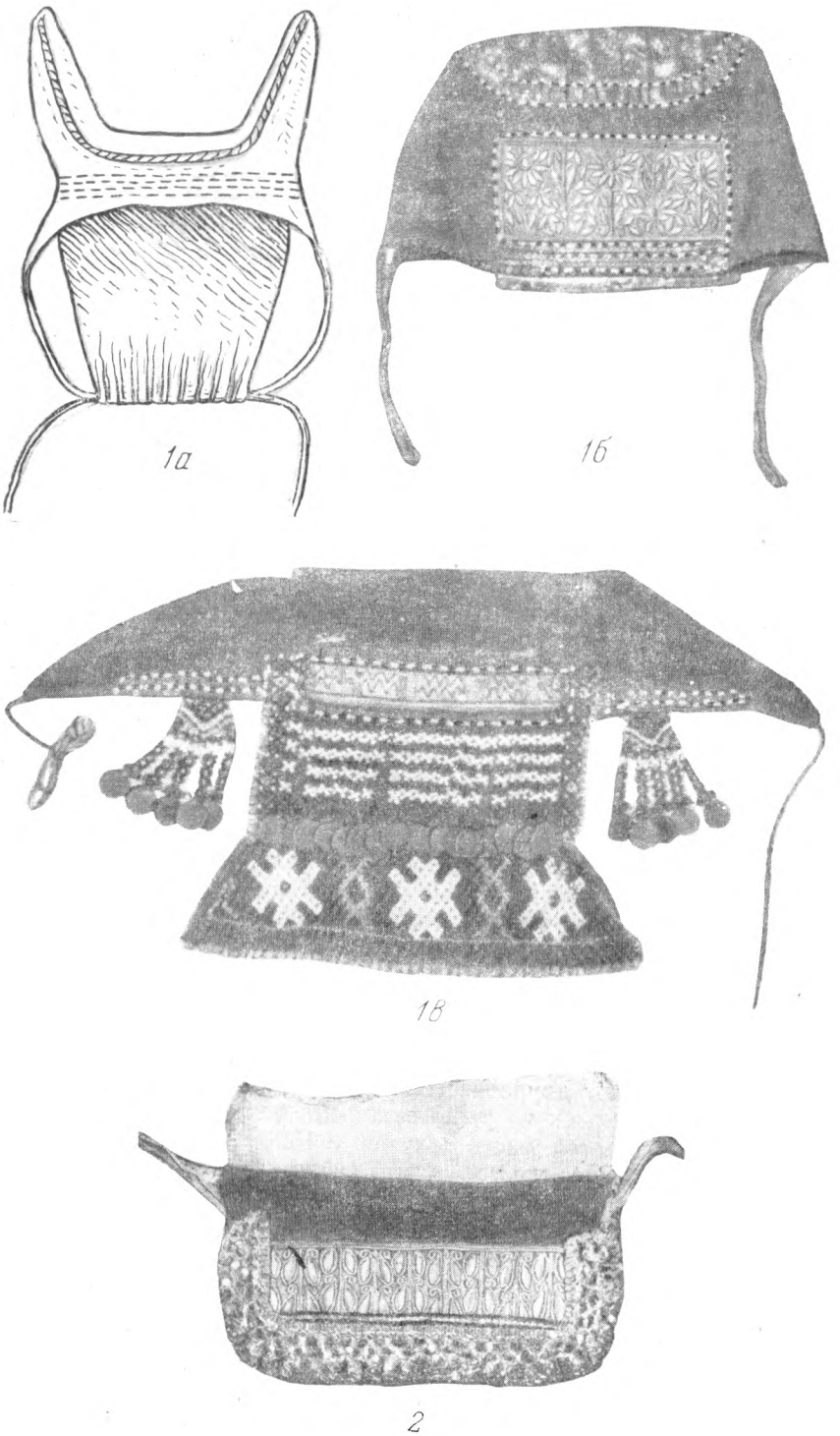


Рис. 64. Кичкообразные уборы

1 : *а* — кичка; *б* — сорока, вышитая золотом; *в*— бисерный позатыльник (Тульская губ. 1860-е годы); *2* — позатыльник (Бежецкий уезд Тверской губ. Начало XX в.)

славянским, так как упоминается в древнейших славянских письменных памятниках для обозначения рубахи (сорочка, срачица). Возможно, что сорока, являясь покровом кички, подобно тому, как рубаха являлась покровом для тела, поэтому и имела общее с последней название.

Кичкообразный головной убор, кроме трех основных частей, имеет много добавочных. В разных местностях носили: *налóбник* — украшенную узкую полосу ткани с прикрепленными сзади завязками; височные украшения — бисерные снизки — *вислюги* (рис. 66, *1*); украшения из птичьих перьев (павлиньих, селезневых и пр.); *крылышки* (рис. 66, *2*) по бокам, сшитые из ткани и разукрашенные тесьмой, бисером и т. п.; *наýшники* — прямоугольники на твердой основе, обшитые тканью с позументом и бахромой из гаруса (рис. 66, *3*); шарики из гусиного пуха — *пушки́*; кисти из шелковых нитей красного цвета, укрепленные на рогах (рис. 66, *4*); черные шнуры — *гайтаны,* прикрепленные к головному убору и спущенные по спине. Поверх сороки повязывали покрывало — полотенце, ширинку, платок.

По форме твердой части различают кички: рогатые, лопатообразные, копытообразные, котелкообразные.

Рогатые головные уборы (см. рис. 64, *1*) (*рога, рожки, кичка, сорока*) наиболее широко распространены у южных великорусов. У белорусов назывались рогами пучки льна, которые подкладывали под намётку, а у украинцев — два конца полотенца (намитки), торчащие спереди. Рогатый головной убор — *галава,* обнаруженный Н. И. Лебедевой, на Мозырщине, состоит из трех частей: 1) «галавы с рогами» — волосника из холста с твердой простеганной верхней частью; спереди возвышается плоскость, иногда с приподнятыми углами, образующими как бы рога (рис. 67, *1*); 2) «налобника и чехла на рога» — верхней части убора из ткани и 3) «намётки» — полотнища из домотканной редкой материи.

Рогатые головные уборы, видимо, были связаны с какими-то очень древними представлениями и, возможно, являлись подражанием рогам животных. Эти головные уборы у восточных славян, несомненно, очень древнего происхождения, но, к сожалению, о них ничего не говорится в наших ранних письменных памятниках.

В летопись попадало мало сведений о народной одежде. Наличие двурогих головных уборов у древних славян подтверждается археологическими находками на территории б. Киевской губ.: некоторые глиняные женские фигурки имеют двурогие головные уборы (рис. 68). Памятники московского средневековья не указывают на рогатые головные уборы, хотя слово «кика» имеется уже в документе 1328 г.— в духовной грамоте князя Ивана Даниловича, где упомянуто «чело кичное». По «Домострою» по старинному свадебному «чину» полагалось на одном из блюд свадебного стола «положити кика; да положити под кикой подзатыльник, да подобрусник, да волосник, да покрывало...» [1]. Однако какова форма этих «кик», остается неясным; можно лишь предполагать, что среди них были и рогатые.

В XIX в. местами духовенство и помещики вели борьбу против ношения рогатых головных уборов русскими крестьянками. Известны случаи, когда священник не пускал крестьянок в таких головных уборах в церковь, что заставляло тех заменять их безрогими кичками и платками [2]. И. С. Тургенев в одном из своих рассказов упоминает, как один помещик

[1] П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 55.
[2] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 322.

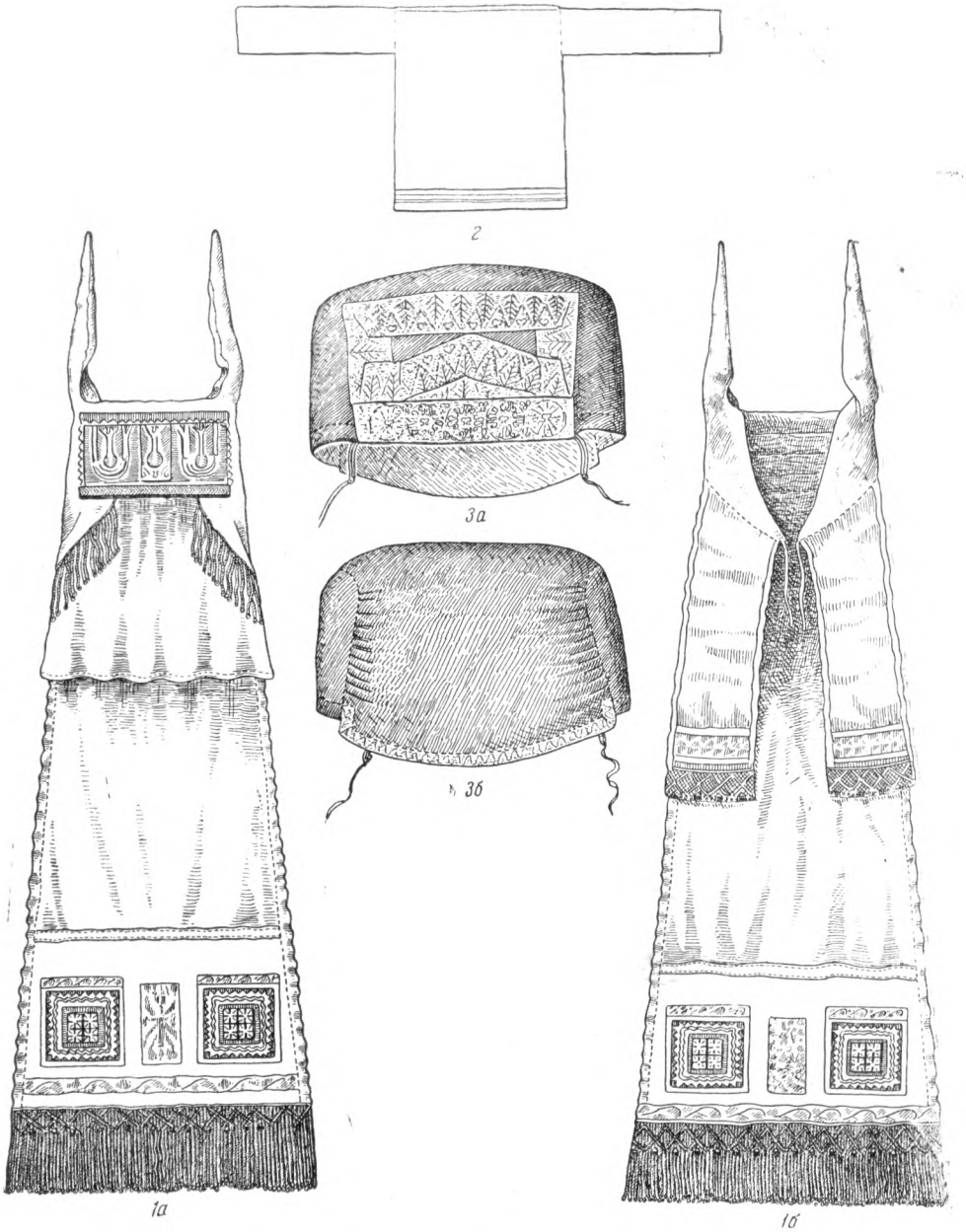


Рис. 65. Типы русских сорок

1 — сорока из Спасского уезда Тамбовской губ.: *а* — спереди; *б* — сзади; *2* — «ширинка» — сорока из холста (Скопинский уезд Рязанской губ.); *3* — «сорока» с крыльями, слившимися с хвостом: *а* — спереди; *б* — сзади (Рязанская губ.)

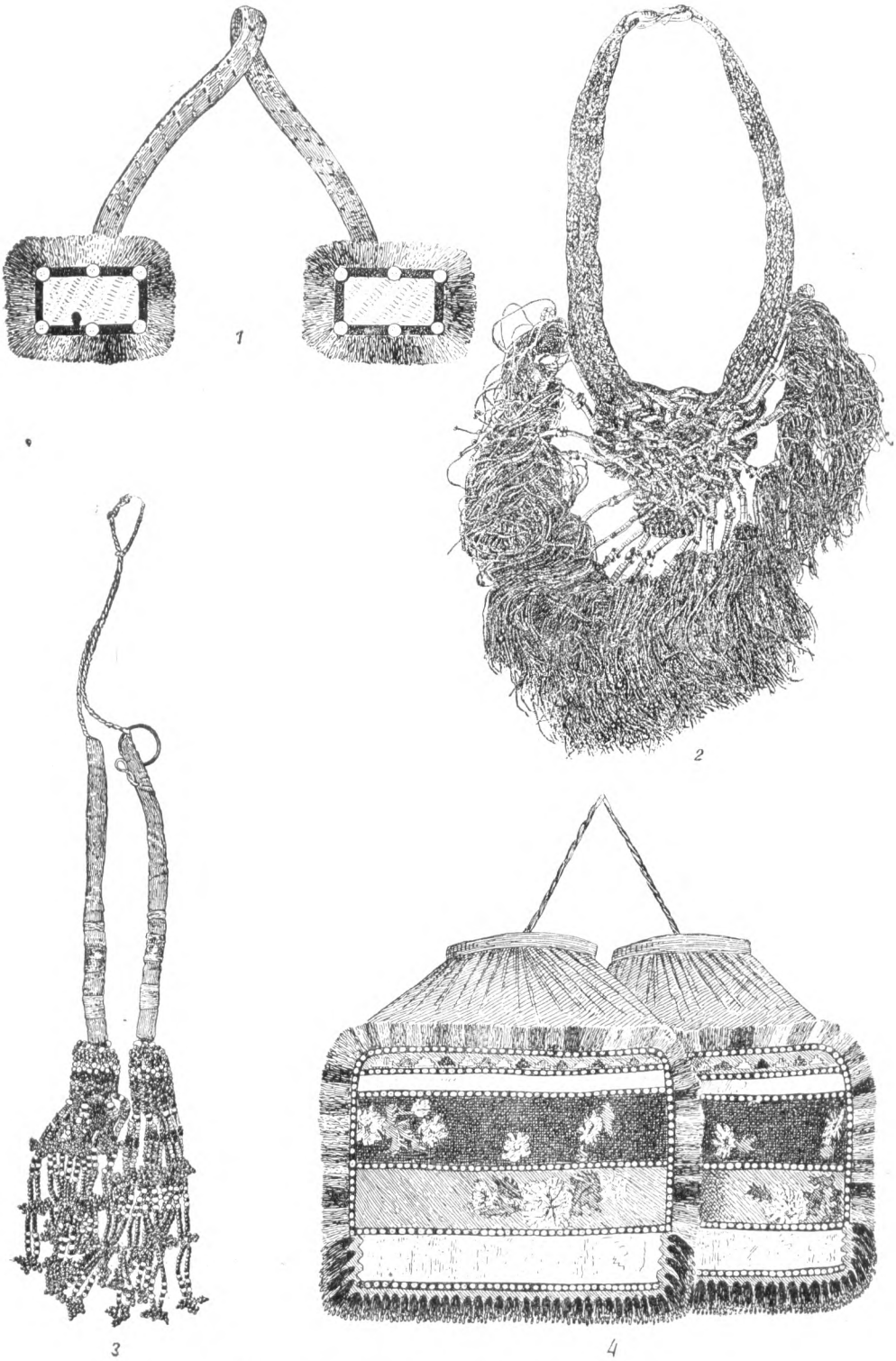


Рис. 66. Части кичкообразного убора

1 —наушники (Воронежская губ.); *2*—кисти из красного шелка (Спасский уезд Тамбовской губ.); *3* — кисти из бисера (Михайловский уезд Рязанской губ.); *4* — крылышки (Дмитровский уезд Орловской губ.)

запретил носить своим крепостным «безобразные и тяжелые» кички, велев заменить их кокошниками, но крестьянки носили последние все же сверх своих кичек [1].

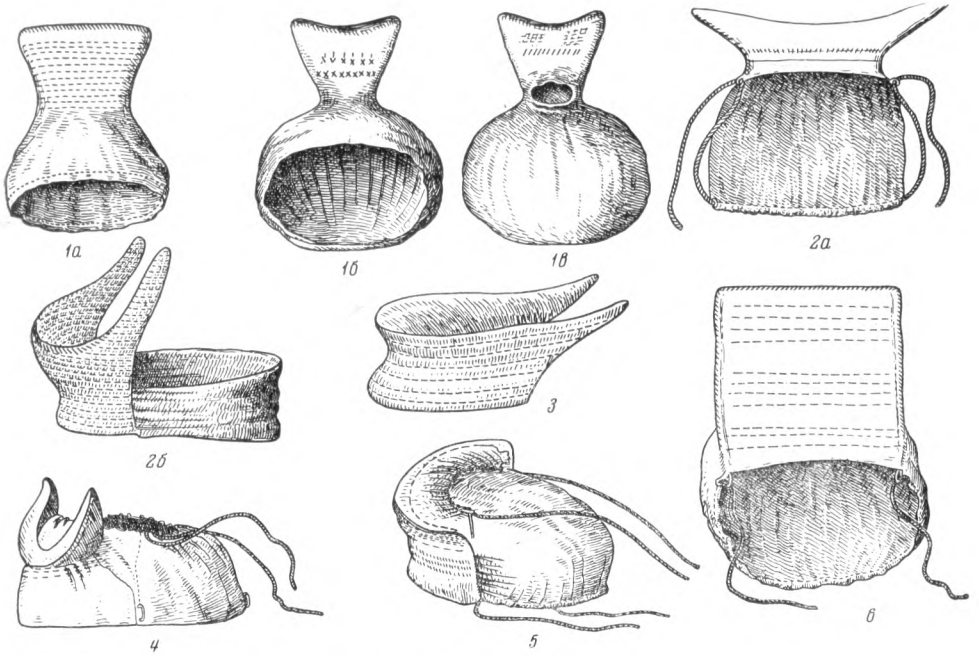


Рис. 67. Женские головные уборы

1 — «галава»: *а, б* — спереди; *в* — сзади, два варианта (дер. Запесочное Мозырского уезда Минской губ. Конец XIX в.); *2* — рогатые кички (*а* — Сапожковский и *б* — Михайловский уезды Рязанской губ.); *3* — рогатая кичка (дер. Слобода Жиздринского уезда Калужской губ. 1903 г.); *4* — рогатый шлык (Старицкий уезд Тверской губ., 1904 г.); *5* — копытообразная кичка у русского населения Харьковской губ.; *6* — лопатообразная кичка (Тульская губ. Начало XX в.)

Приверженность женщин к старинным головным уборам иронически изображается в рязанской частушке б. Михайловского уезда Рязанской губ.

Рязанские рога
Не кину никогда:
Буду есть одну мякину,
А рога свои не кину [2].

Рога делали высокими или низенькими; они лежали горизонтально или возвышались надо лбом вертикально (рис. 67, *1—4*).

Двурогие головные уборы были распространены преимущественно у южных великорусов в Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Калужской, Орловской, Воронежской и лишь частично в Тверской, Владимирской и других губерниях. Донские казачки в середине XIX в. носили ярко выраженные двурогие головные уборы.

[1] И. С. Тургенев. Два помещика. Собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 243.
[2] А. Г. Данилин. Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губ., стр. 1.

Рогатые головные уборы имеют глубокие корни в славянской народной среде Восточной Европы, что подтверждается как терминологией, так и ареалом их бытования. Здесь же обнаружен древнейший прототип сороки, состоящей из двух кусков ткани.

Рис. 68. Женские глиняные фигурки из археологических раскопок в Киеве (по Ханенко)

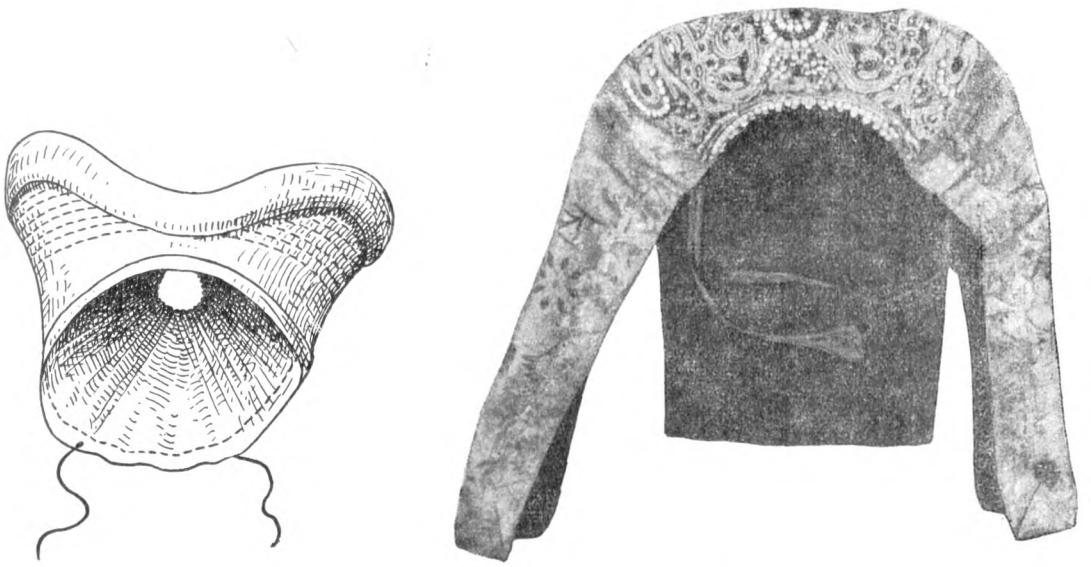
У лопатообразных кичек твердая передняя часть представляет вертикальный прямоугольник (см. рис. 67, *6*), у копытообразных она сделана в форме копыта (рис. 67, *5*). Н. И. Лебедева указывает, что на обследованной ею территории верховьев Оки и Десны лопатообразные и копытообразные кички нередко представляли позднейшую модификацию рогатых кичек [1]. Однако во многих местах никаких других кичек не знали. Копытообразная кичка в Олонецкой и Архангельской губерниях называлась *копыто, сдериха;* этот термин был перенесен и на весь головной убор в целом, вместе с сорокой.

Котелкообразные кички имеют в качестве твердой основы: а) обруч из коры — «котелку», аналогичный кибáлке, хóмле, хомóвке (см.

[1] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 74—75.

выше), или б) валик из льняной кудели, обшитый тканью. Этот обруч или валик представляет собой овал или полуовал; концы последнего иногда несколько приподняты и напоминают рога.

Котелкообразная твердая основа связана с сорокой лишь у великорусов, а у белорусов и украинцев — с полотенчатым головным убором. Кичка в виде полукруглой *котелки,* которую обшивали фабричной тканью, а



1 *2*

Рис. 69. Головной убор уральских казачек
1 — кичка; *2* — сорока (1867 г.)

поверх надевали полотенце (см. рис. 59, *4*), отмечена в Тульской губ. Подобный головной убор известен был в Брянской губ. под названием *котелка.* Его составляют следующие части: а) *котелка* — лубяной обруч, б) *верховка* — вязаная сетка в виде колпочка, в) *позатыльник* из бисера, г) *стеганец* — прямоугольник из простеганного холста, привязываемый спереди котелки, что представляет своеобразное соединение лопатообразной кички с лубяным обручем, д) сорока, называемая *привязкой.* Части этого убора — котелка и верховка — общи с частями убора белорусов — *лямцем и чепцом* (см. рис. 61, *1*).

Основой других котелкообразных кичек является круглый или полукруглый валик. Своеобразный головной убор уральских казачек (рис. 69, *1* и *2*) имеет в основе толстый жгут, горизонтально лежащий на голове и вшитый в ткань, обтягивающую голову. Стороны этого овала из жгута несколько изогнуты. Сверху этой кички надевалась сорока, а затем покрывало из легкой вышитой ткани [1].

Комплекс кичкообразного головного убора исчезал из быта не сразу, а постепенно. Иногда прежде всего исчезал позатыльник,— так было, например, в Архангельской, Тверской и Владимирской губерниях. Кичка чаще исчезала раньше сороки. В Брянской губ. имелся обычай у старух

[1] В. Ф. Миллер эти части убора называет «подкокошник» и «кокошник» (Указ. соч., вып. 3, стр. 123).

носить одну сороку без кички. В Тверской губ. местами еще в начале XX в. носили сороки, но без кичек. Наблюдалось и обратное явление, когда кичку, сшитую из кумача, носили без сороки[1].

Кокошники

Кокошники — головные уборы, в которых твердая основа и нарядный верх соединены в одно целое. Название происходит от древнего славянского слова «кокош», означавшего курицу-наседку и петуха. Наличие гребня в кокошнике считается одной из основных его черт. Другие названия этого головного убора — *кокóшка, кокýй, златоглáв, голóвка, наклóнник, наклóнка* (от наклонного положения гребня), *капóк, шеломóк, рáска.* Древность термина «кокошник», находка женского головного убора типа кокошника в погребении VII в. на территории Тамбовской обл.[2], головные уборы, напоминающие кокошник (см. рис. 68) на древних глиняных статуэтках, найденных на территории Киевщины,— все это говорит о большой древности кокошника в Восточной Европе. Л. Нидерле высказал предположение о византийском или татарском происхождении русских кокошников[3]; однако факты, отмеченные выше, явно местное происхождение кокошников из кичкообразного головного убора и отсутствие подобных головных уборов у татар говорят, наоборот, в пользу возникновения кокошников на славянской почве.

В период расцвета Владимиро-Суздальской Руси, а затем образования Московского княжества и Российского централизованного государства кокошник вместе с другими частями одежды (сарафаном, шугаем) распространился среди северных и отчасти южных великорусов. К последним он проник главным образом в результате колонизации московских служилых людей в XVI—XVII вв., а частично как московская мода, преимущественно в городах. Однако и на периферии были центры, где создавались своеобразные формы кокошников: преимущественно города севера и частично юга (см. рис. 60). Кокошник в качестве женского головного убора упоминается в документах XVI—XVII вв. Из кратких описей («четыре кокошника золотых», «кокошник низаной, пять кокошников шитых с галунами и с канетелью по камкам и по атласу», «кокошник жемчюжный со ставками») и других документов[4] видно распространение кокошника в боярском быту и богатство его украшений. Есть сведения о наличии кокошника и у крестьянок в XVII в.; он упоминается в описях крестьянского имущества наряду с сорокой в качестве праздничного головного убора; в одной из них описываются «два очелья новые кокошников, шиты по перевити нитми, местами шито золотом... кокошник дирчатой»[5].

Известные нам кокошники XVIII—XX вв. (которые носили в купеческой, мещанской и крестьянской среде) весьма разнообразны по форме и не могут быть сведены к какому-либо одному прототипу. Можно выделить основные группы кокошников: гребенчатые, сорокообразные, с высокой лопастью надо лбом и повойникообразные.

---

[1] Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда Коротоякского у., стр. 155—156.

[2] «Древности бассейнов рек Оки и Камы». В обработке А. А. Спицына, вып. 1. «Материалы по археологии России, издаваемые Археологической Комиссиею», № 25, СПб., 1901, рис. 19 на стр. 58. А. А. Спицын называет его «сорокой».

[3] Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 193.

[4] П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 59—60.

[5] «Известия Археологического общества», т. III, в. 1. 1861, стр. 62—63

Гребенчатые кокошники имеют один или два гребня в виде поперечного возвышения. Д. К. Зеленин [1] считает, что одногребенчатый кокошник происходит из рогатой кички, рога которой соединены поперечной пластиной — *князьком*. Такие кички были известны у южных великорусов. Одногребенчатым типом кокошника является «златоглав» из Курской обл. (б. Грайворонский уезд).

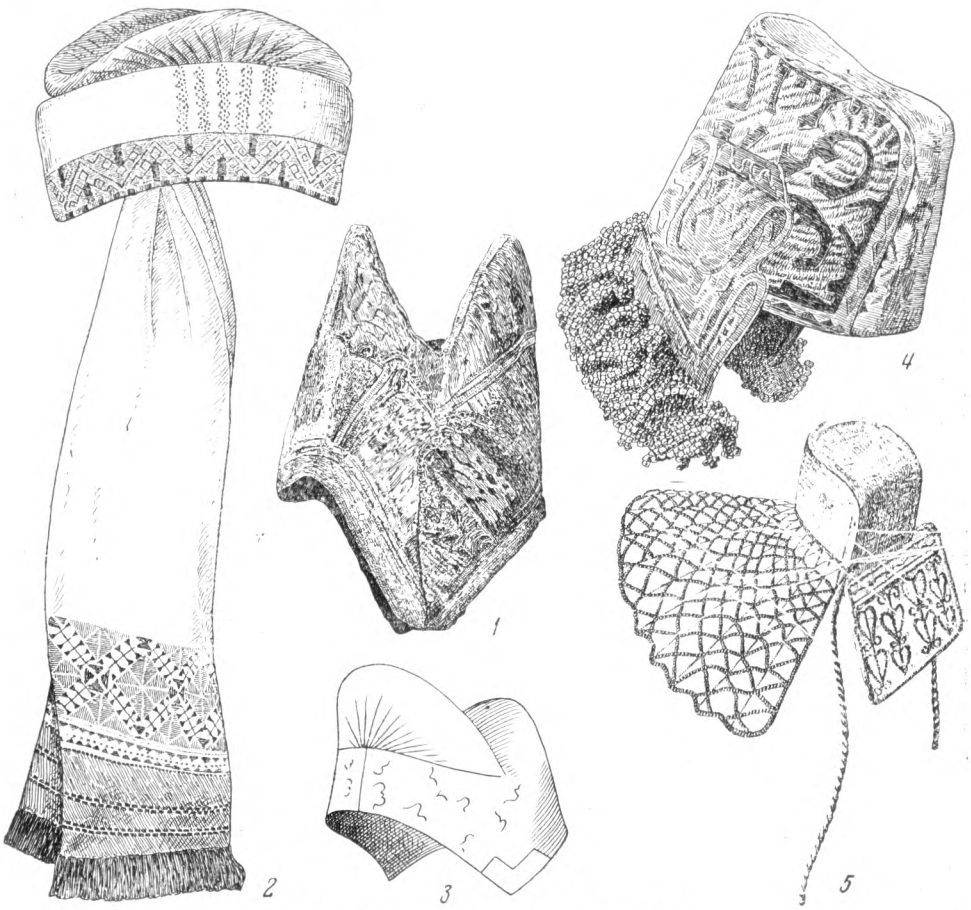


Рис. 70. Женские головные уборы XIX в.

1 — двухгребенчатый или седлообразный кокошник (Курская губ.); *2* — шеломок из красного шелка, верх стеганый (Трубчевский уезд Орловской губ.); *3* — очипок седлом (Харьковская губ.); *4* — головка (Осташковский уезд Тверской губ.); *5* — ряска (Ржевский уезд Тверской губ.)

При наличии двух гребней, спереди и сзади, передний имеет округленный верх, а задний — прямоугольный. Кокошник этого типа носили в Курской обл. и в некоторых местах Орловской обл.; здесь он был известен под названием «шеломок» (рис. 70, *1* и *2*). Встречался он также у южновеликорусских переселенцев в Харьковской и Днепропетровской областях. Эта разновидность кокошника связана морфологически с украинским седлообразным очипком (рис. 70, *3*), который известен только на востоке Украины, по соседству с территорией бытования русского двух-

[1] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы, стр. 536—537.

гребенчатого кокошника. Следует отметить, что такой кокошник изображен на одной из женских глиняных фигур, найденных при раскопках в Киевщине (рис. 68). Видимо, древний двухгребенчатый головной убор и явился прототипом русского двухгребенчатого кокошника и украинского очипка.

Кокошники сорокообразные, генетически связанные с сорокой, представляют собой высокую твердую шапку, расшитую жемчугом или украшенную позументом. К ним относятся новгородская кика, которую носили также в северо-западной части Тверской губ., в г. Осташкове и его окрестностях под названием «головка». Верх и задняя часть этой головки представляют одно целое, крылья же плотно соединены с задней частью. С боков имеются лопасти, закрывающие уши; передний край украшает *ряска* — бисерная или жемчужная поднизь (рис. 70, *4*). Кокошник-«ряска», известный в южной части Осташковского уезда Тверской губ., имеет тулью той же формы, что и «головка», но уменьшенную так, что она покрывает лишь пучок, в который свернуты волосы на темени; более длинная ряска закрывает всю переднюю часть головы; сзади пришит позатыльник того же типа, который обычно носили с сорокой (рис. 70, *5*).

Кроме юга Осташковского уезда, он был распространен в Ржевском, Старицком, Зубцовском уездах Тверской губ.[1], а также в городах Твери и Торжке, как свидетельствуют фотография Н. Л. Шабельской [2] и рисунки Ф. Г. Солнцева [3], изображающие подобный головной убор на горожанках. В середине XIX в. его носили горожанки; у крестьянок он был только свадебным убором. В 1880-х годах в городах он встречается уже редко. Кокошники с жемчужной ряской стоили до 10 тыс. руб.— значит носить его могли только очень богатые горожанки. Ряска из «полужемчуга» была значительно дешевле и ее носили крестьянки.[4] В Осташковском уезде крестьянские свадебные кокошники XIX в. имели ряску из дешевого стекляруса. Кокошник Каргопольского уезда Олонецкой губ. генетически связан с местным головным убором — *сдерихой-сорокой*. Слияние копытообразной сдерихи с нарядной верхней частью — сорокой и составляет каргопольский кокошник. Перёд имеет характерный выступ, задняя и боковые части сороки слились с позатыльником и образовали как бы шапочку, облегающую голову [5]. У каргопольского кокошника боковые лопасти называются *уши*; они имеются также на «головке» (рис. 70, *4*) и головных уборах, бытовавших в прошлом в Вологодской, Курской и Харьковской областях (рис. 70, *1* и *3*). Уши (лопасти) характерны для женских меховых шапок XVI—XVII вв.

Кокошники южных губерний (Тамбовской, Воронежской, юга Рязанской и других) представляют собой твердый головной убор, сверху обшитый парчой и золотым позументом, близкий к «головке», но без ряс и без ушей. Они также, видимо, восходят к сороке и были принесены в южные области с переселением служилых людей.

Кокошники с вертикальной лопастью надо лбом, наверху заостренной или закругленной (рис. 71 и 72, *1*), несколько напоминающей нимб, были известны в б. Владимирской, Нижегородской, Яро-

---

[1] А. Н. Вершинский. Материалы по истории древнерусских одежд. Старинные наряды и головные уборы Тверской губ. Старица, 1913, стр. 2.

[2] Peasant art in Russia L.— P.— New-York, 1912, рис. 40 и 42.

[3] Ф. Г. Солнцев. Древности Российского государства. Отделение I—IV, 1849—1853; отд. IV, альбом, рис. 32.

[4] А. Н. Вершинский. Указ. соч., стр. 3.

[5] См. статью автора «Старинная одежда и гончарное производство «Каргопольщины», КСИЭ, стр. 5—6, рис. 2 и 3.

славской, Костромской, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Пензенской, Симбирской губерниях и кое-где в городах на юг и запад от Москвы (например, у калужских горожанок в XVIII в.[1]). Видимо, этот тип кокошников имеется в виду в «Топографическом описании Владимирской губернии» (составленном в XVIII в.), в котором говорится, что «женщины носят ужасной величины кокошники в виде рога»[2].

Этот головной убор был распространен на территории Владимиро-Суздальской Руси, в местностях, прилегающих к Москве, преимущественно в городах (хотя в самой Москве он давно исчез), в Приуралье и в Поволжье, т. е. в районах преобладания владимиро-суздальской и московской колонизации (см. рис. 60).

В Верхнем Поволжье местами этот кокошник был островерхим. Так, например, узкие и высокие, с заостренным верхом кокошники конца XVIII — начала XIX в., которые носили в среде костромского и ярославского купечества и мещанства, напоминают однорогие головные уборы (см. рис. 71); иногда же это были широкие кокошники, но также заостренные кверху, поражающие своими размерами, покрытые узорами из жемчуга, бисера, цветных камней и стекол, с бархатной (иногда расшитой золотом) задней частью. С кокошником надевались бисерные поднизи или налобники, которые закрывали лоб. Более низкие кокошники с закругленным верхом были распространены в прошлом во Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, Пензенской, Симбирской губерниях[3].

Рис. 71. Горожанка в островерхом кокошнике (г. Ярославль, 1867 г.)

К группе однорогих головных уборов примыкает своеобразный псковский кокошник (известный в прошлом в городах Псков, Торопец, Великие Луки и их окрестностях) (рис. 72, *3*). Очелье такого кокошника украшено шишками, по форме напоминающими сосновые, усаженными жемчугом (у богатых) или бисером (у бедных), что представляет большой архаизм. Они сходны с шишками на свадебном каравае; возможно, они имели то же значение, являясь символом плодородия[4].

Кокошник, близкий к повойнику или сборнику, но с твердой основой из бересты, картона или другого материала, был рас-

[1] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», т. IV, рисунок между стр. 130 и 131.

[2] «Топографическое описание Владимирской губ.», стр. 10.

[3] А. Теплоухов. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения. «Иллюстрированный сборник — ежегодник Пермского губернского земства». Пермь, 1916, стр. 131.

[4] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 541.

пространен на Севере. Кокошник-повойник представлял собой высокую твердую шапку, у которой передняя часть была несколько выше, чем задняя, с круглым дном, как и у повойника; шили его нередко из бархата и украшали вышивкой золотой нитью. С кокошником надевали жемчужную или бисерную ряску — *боры*.

Кокошник-*мо́ршень, моршенёк,* бытовавший на территории преобладания новгородского влияния (Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии),— не что иное, как нарядный сборник с твердой основой и возвышающейся верхней частью в виде рога.

Кокошники не были, как правило, составными головными уборами, но и они иногда имели добавочные части — налобник, закрывавший лоб, а иногда и позатыльник из ткани, часто из парчевой, закрывавший волосы сзади. Были, впрочем, и составные кокошники.

В коллекции ГМЭ есть любопытные образцы старинных кокошников, заставляющие предполагать, что они происходят из сложных составных головных уборов. Среди них имеются редкие экземпляры псковского и костромского кокошников типа однорогого головного убора, являющихся составными: нарядный верх, сшитый из мягкой ткани, служит чехлом для своеобразной плоской, в виде усеченного треугольника, кички с твердой основой (рис. 72, *3*).

Крестьянский кокошник из Весьегонского уезда Тверской губ. также состоит из верхней мягкой матерчатой части — собственно «кокошника», холщевого волосника с твердой основой — «кички» и «позатыльника», украшенного бисером (рис. 72, *4*). Каргопольский кокошник образовался в результате слияния сдерихи, сороки и позатыльника. Сольвычегодский кокошник (рис. 72, *2*) очень сходен по форме с мягким кокошником, входящим в комплекс самшуры-кички. Наличие кокошников — составных головных уборов — заставляет предполагать, что нарядный твердый собственно кокошник возник из местных народных кичкообразных головных уборов. Поэтому нет основания искать далекую «прародину» русских кокошников, как это делает А. Габерланд, рассматривающий женские рогатые головные уборы Восточной Европы как прямых потомков «фригийской шапки» и головных уборов древних троянок (упоминаемых у Гомера) [1].

В отличие от сороки, которую шили преимущественно из домотканной материи и вышивали сами крестьянки, кокошник, обычно из покупной дорогой ткани — парчи, бархата, украшенный позументом, жемчугом или бусинами — имитацией жемчуга (*бусово́й кокошник*), изготовляли мастерицы-профессионалки, жившие в городах, крупных селах, иногда при монастырях. Так, например, крестьянки Севского уезда Орловской губ. покупали свои «златоглавы» (шитьем которых занимались монахини) на ярмарке под Курском [2].

Нарядный кокошник в крестьянском быту служил свадебным головным убором, который «молодая» продолжала носить в первые дни после свадьбы, а затем в первые годы замужества лишь в самые большие праздники (например, в Муромском уезде Владимирской губ., где в обычное время носили сороку; в Осташковском уезде Тверской губ. и в Каргопольском уезде Олонецкой губ. [3]). Наиболее бедные невесты, не имевшие

[1] A. Haberland. Der Hornputz. Eine altertumliche Kopftracht der Frauen in Osteuropa. «Slavia», Прага, 1924, № 4, стр. 680—717. По Д. К. Зеленину. Женские головные уборы..., стр. 303.

[2] Д. О. Святский. Указ. соч., стр. 7.

[3] По материалам экспедиции автора. Этим отличались крестьянки от богатых горожанок, купчих, у которых кокошник, видимо, был повседневным убором. М. И. Семевский пишет: «В старые годы торопчанки [жительницы г. Торопца, Псковской губ.]

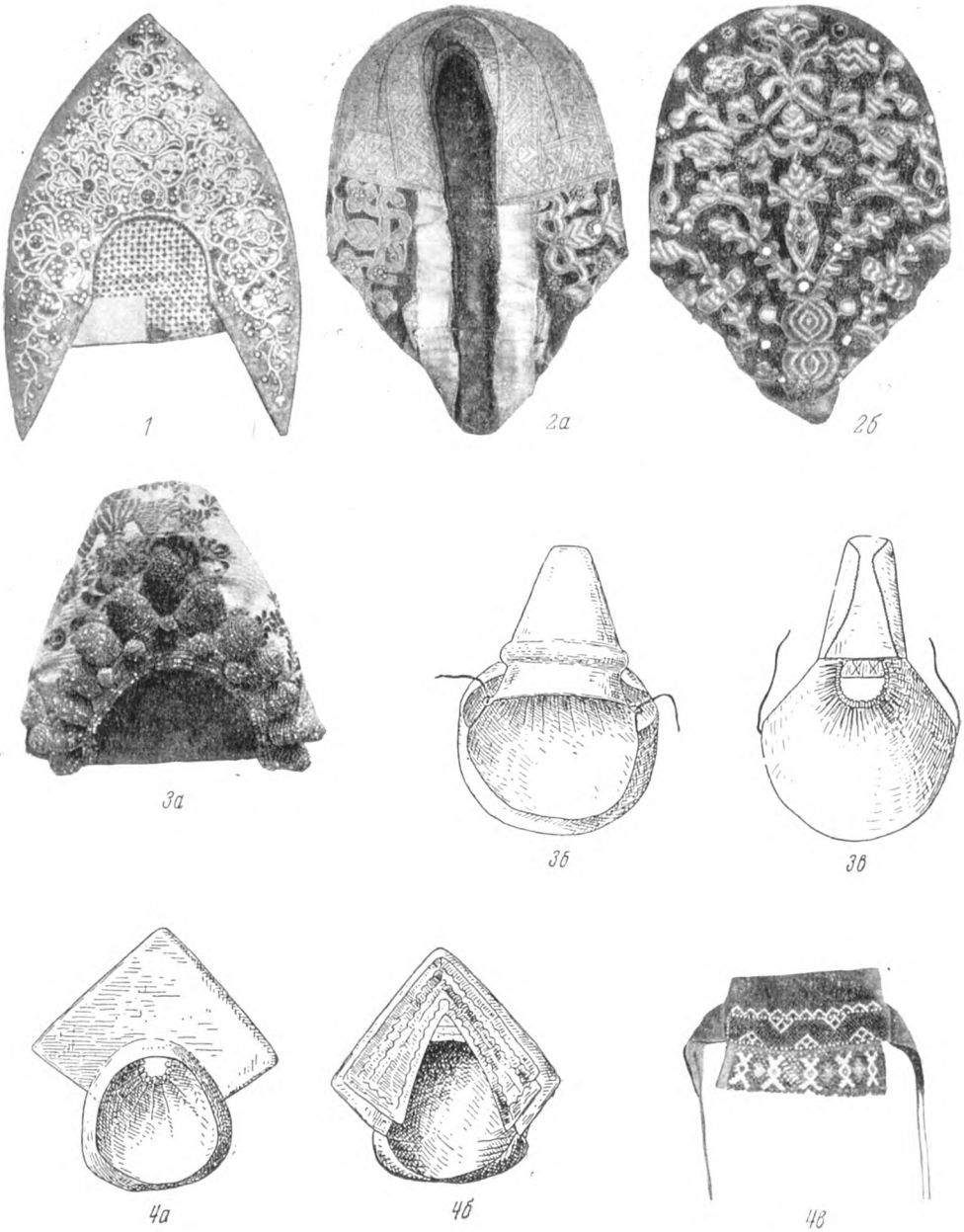


Рис. 72. Русские кокошники конца XVIII — середины XIX в.

1 — купеческий (г. Ярославль. Конец XVIII в.); *2* — из Сольвычегодского уезда Вологодской губ. (XIX в.): *а* — спереди; *б* — сзади; *3* — псковский: *а* — верхняя часть; *б* — нижняя часть из холста со вставленной дощечкой; *в* — она же сзади; *4* — состоящий из: *а* — кички холщевой с твердой частью; *б* — кокошника из ткани; *в* — бисерного позатыльника (Щербаковская вол. Весьегонского уезда Тверской губ.)

кокошника, принуждены были занимать его на время свадьбы; иногда только одна-две женщины в селе имели кокошник и давали его напрокат.

Любопытно отметить ношение парчевого кокошника в качестве свадебного и праздничного головного убора вместе с холщевой рубахой с прямыми поликами и сарафаном в среде рабочих нижне-тагильских заводов на Урале, еще в конце XIX в. сохранявших некоторые черты крестьянского быта.

Самшуры

Самшура, шамшура, или *сашмура, шашмура* — головной убор, известный в XIX — начале XX в. только в северо-восточной части Европейской России — в Вятской, Пермской, Екатеринбургской, Вологодской, Архангельской губерниях; на севере Нижегородской и местами в Сибири. Основу самшуры составляет подковообразная или в виде круга твердая часть, что дает Д. К. Зеленину повод сближать ее с котелкообразными кичками, несмотря на ряд существенных различий [1].

Упоминание о «шамшуре» имеется в одном из документов начала XVII в.— в «Переписном списке рухляди» Никиты Строганова (1620 г.) — одного из крупных бояр, промышленника-колонизатора Приуралья. «Шамшура шита золотом по белой земле, очелье шито золотом и серебром» [2].

Шамширом называется головной убор саамов; *шамшурой* — два вида головных уборов у коми-пермяков; *самсури* — кичка, носимая под сорокой у верхневолжских карел, переселившихся в Верхнее Поволжье в XVI—XVII вв. с северо-запада. Область распространения термина «самшура», а также неславянское происхождение этого слова (попытка произвести это название от глагола «морщить» не кажется убедительной) [3], заставляют предполагать связь этого термина с названием головного убора у народов севера Восточной Европы.

Следует различать два вида самшуры у русских: с твердой затылочной частью и с твердой лобной частью. Первый вид, который был в Поветлужье изучен С. П. Толстовым, назван им «собственно самшурой» [4]. Там самшура представляет род шапочки с круглым твердым дном и мягким околышем, облегающим лоб и виски и имеющим завязки сзади. В месте соединения околыша со дном подложен жгут, согнутый подковообразно (рис. 73, *1*). По околышу самшуру повязывали платком или девичьей лентой. К типу самшуры с твердым дном примыкает старинный убор женщин-старообрядок Верхотурского уезда Пермской губ. (рис. 73, *2*). А. Теплоухов [5] описывает подобную же самшуру у русских Соликамского, Пермского, Оханского, Кунгурского уездов Пермской губ. Близость этих уборов к «шамшуре» соликамских коми-пермяков довольно велика (см. рис. у Теплоухова). Вместе с тем этот вид самшуры близок к русскому повойнику; в некоторых местах его называют «чепцом», если он вышит золотом. Второй вид самшуры с твердой лобной частью на-

---

не расставались со своими тяжелыми жемчужными кокошниками; в них они являлись на гульбищах, в церкви, в них занимались дома и на кухне» (М. И. Семевский. Указ. соч., стр. 49).

[1] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 328.

[2] И. Забелин. Домашний быт русских цариц, стр. 486.

[3] Д. К. Зеленин. Женские головные уборы..., стр. 328.

[4] С. П. Толстов. Элементы материальной культуры русского населения Ветлужско-Керженского края, 1926—1927. Архив автора, стр. 366, 367.

[5] А. Теплоухов. Указ. соч., стр. 122—137.

зван С. П. Толстовым «самшура-кичка» [1] и представляет собой большей частью составной головной убор, в который входят: «шамшура» — волосник с твердой лобной частью (стеганой или с подложенной берестой); верхняя нарядная матерчатая часть, сшитая по форме кички — «кокошник», «кокошка»; «позатыльник» с бисерной поднизью. Такого же рода головной убор в Сольвычегодском уезде шили из кумача и носили в будни под платком. В праздник на него надевали нарядную верхнюю часть — кокошник из шелка, вышитый спереди золотом (рис. 73, *3*).

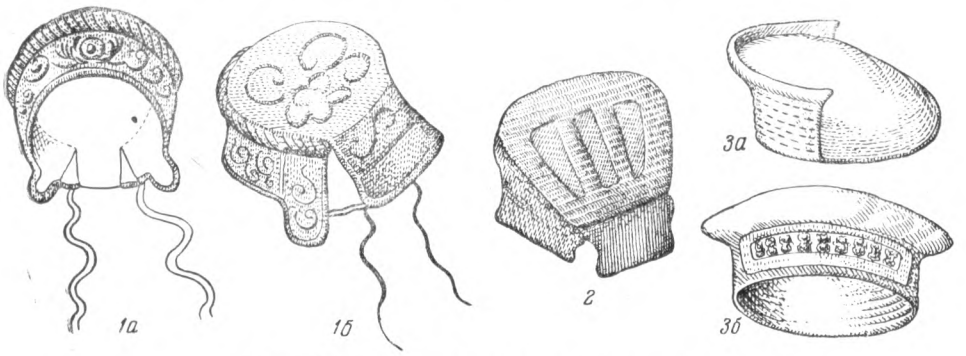


Рис. 73. Разновидности русской самшуры

1 — из Вологодской губ.: *а* — спереди; *б* — сбоку; *2* — из Верхотурского уезда Пермской губ. (1867 г.); *3* — из Сольвычегодского уезда Вологодской губ.: *а* — нижняя часть, сбоку; *б* — верхняя часть из кумача, вышитая золотой нитью (1867 г.)

Общей чертой для всех разновидностей самшуры является наличие твердой части в виде круга или полукруга; в самшуре-кичке этот полукруг располагается вертикально или наклонно. Последнее, а также название частей — кичка, позатыльник — сближают русскую самшуру-кичку с сорокой-кичкой. Сороке соответствует мягкий кокошник, у которого боковые части сшиты с задней частью.

Самшура-кичка с позатыльником и кокошником перенесена переселенцами с северо-востока России в Сибирь, где она встречается у некоторых групп старожильческого населения. Выселение некоторых групп старообрядцев происходило в XVII в. в западные области, а в XVIII в.— в Сибирь; отсюда можно заключить, что к этому времени комплекс убора самшуры-кички уже сложился на северо-востоке России.

Таким образом, одни виды самшуры сближаются с женскими головными уборами коми-пермяков и саамов, а другие — с русскими кичкообразными головными уборами, кокошниками и повойниками.

Кроме того, можно отметить обозначение термином «самшура», «шамшура» различных других типов головных уборов. Так, например, в Онежском уезде Архангельской губ. *сдериха, сдеришка,* того же покроя, что в Каргопольщине, носила название «шамшура», а в ряде мест Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской губерний «шашмурой», или «шамшурой», называли повойник-кокошник, который обычно имел другое название — *моршень.* Надо полагать, что местами головной убор самшура был вытеснен другими головными уборами, типично русскими, на которые и был перенесен этот термин.

---

[1] С. П. Толстов. Элементы материальной культуры русского населения Ветлужско-Керженского края, стр. 366—367.

Повойники, сборники, чепцы

Повойник-сборник — мягкий головной убор, сшитый в виде чепца или шапочки, облегающей голову, известен всем восточным славянам под различными названиями: *повóй, повóец, повóйник, волосни́к, сбóрник, чéпчик, чепéц, чехóл, чéхлик, чехлýшка, шлы́к, шлычёк, колпáк, чупúрник, полетýшка* (рус.); *очіпок, чіпець, чепець* (укр.); *чап, чапец, каптýр* (белор.). Термин «чепец» является общеславянским [1].

В русских письменных памятниках чепец впервые упоминается в XV в. Славянский термин «повой» встречается в Ипатьевской летописи (1158 г.), где рассказывается, как супруга князя Глеба раздала по монастырям золото «и все да и до повоя» [2].

У великорусов различались две разновидности этого убора — повойник и сборник.

Повойник состоял из круглого или овального дна и околыша, концы которого не сшиты друг с другом, и к ним прикреплены завязки. Шили его из покупной, нередко тяжелой ткани (бархата и др.). На Севере, у поморов, овальное дно повойника украшали золотой вышивкой. Платок в свернутом виде повязывали по околышу так, что нарядная задняя часть этого головного убора оставалась открытой.

Сборник шили из более легкой материи — из ситца или другой хлопчатобумажной ткани, иногда из шелка. Характерная черта его — сборки спереди, идущие от очелья, и сзади, где он собран на вздержке.

Повойник и сборник вытеснили сороку и кокошник. Повойник появился раньше, чем сборник: последний в ряде селений стали носить лишь в конце XIX— начале XX в. Носили их обычно под платком.

Очипки украинок, кроме рассмотренных выше, приближающихся к кибалкообразным головным уборам и двухгребенчатому кокошнику «седлом», имеют много разновидностей, среди которых есть близкие к русскому повойнику и сборнику. Очипок был основным головным убором замужних женщин в восточной и центральной частях Украины, где являлся, видимо, сравнительно старым головным убором, вошедшим в состав украинского национального костюма. Праздничные очипки шили из парчи или по ткани вышивали золотой нитью. Поверх очипка повязывали намитку, называемую иногда *склендячкою,* или платок.

Такого же типа головной убор — чапец, чап, каптур, сшитый из домотканной или фабричной ткани и собранный на вздержке, носили и белоруски.

Колпаки

Следует упомянуть здесь о колпаках — большей частью вязаных, конической формы, известных в очень немногих местах.

В. Броневский пишет, что донские казачки из небогатых семей носили «разноцветные колпачки», повязывая сверху *торкачем* (платком) [3]. Колпак казачек близко напоминает по форме (как и по названию) головной убор татарских женщин, от которых, повидимому, он был заимствован. Вязаный колпак носили украинские крестьянки в Черниговщине; в качестве девичьего убора — в Вологодской, Вятской и Воронежской губерниях.

---

[1] Д. К. Зеленин, Женские головные уборы..., стр. 545.
[2] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 159, примечание 493.
[3] Вл. Броневский. Описание донской земли, нравов и обычаев жителей, ч. III, СПб., 1834, стр. 174 и 176.

Нами рассмотрены основные группы женских головных уборов у восточнославянских народов. Дальнейшая работа в этой области поможет учесть все их многообразие. Различные головные уборы, созданные народом в течение веков,— одни раньше, другие позднее,— в дальнейшем нередко соединялись, отдельные черты одних головных уборов переносились на другие. Так, например, мягкие головные уборы — повойник и сборник, приобретая твердую основу, сближались с кокошником; в самшуре имеются элементы рогатой кички, сороки или повойника; сборник (иногда под названием повойника) заменяет сороку — верхнюю часть в сложном головном уборе южных великорусок, и его носят с кичкой и позатыльником; повойник соединяется с бисерным позатыльником, характерным для сороки, и т. д.

Женские восточнославянские головные уборы — сороки, кокошники, очипки и другие — обильно украшались. Характерное украшение восточнославянской наметки, ширинки, хустки составляют прямолинейно-геометрические узоры, тканные или вышитые преимущественно красной нитью — бумажной, в некоторых случаях шерстяной и шелковой, иногда с дополнением ниток других цветов, выполненные разнообразными швами по счету нитей холста. Орнамент этого типа был известен славянам с глубокой древности. Кроме геометрических узоров, встречаются сложные фигурные изображения — например, на великоустюжских косынках. Один из основных мотивов браных узоров этих косынок — фигура всадника или всадницы на коне или на двухголовом животном — восходит, видимо, еще к языческой древности, как и узоры на других головных уборах. Узоры на сороках, кроме геометрических фигур, изображают птиц и животных, иногда и человека; встречаются мотивы лебедей, обращенных друг к другу, коньков или птиц, расположенных по бокам дерева, и др. Наибольшее развитие этот орнамент получил у великорусов.

Вышивка кокошников, очипков, бумажных и шелковых головных платков имеет много общих черт как по технике, так и по характеру растительного орнамента (выполненного преимущественно гладью мишурной золотой ниткой, канителью и т. п.). Этот орнамент менее древен, чем описанный выше.

Шапки

Шапка в женском народном костюме восточных славян не имела такого значения, как в мужском, даже для защиты от холода. Из названий «шапка», «каптур», «колпак», «чебак», «малахай» — последние три восточного происхождения. Сравнивая их с чисто славянскими названиями других женских головных уборов, можно прийти к заключению о сравнительно меньшей древности шапок в качестве женских уборов.

Путешественники, посетившие Московию в XVI—XVII вв., все же рассказывают о шапках, которые носили девушки и замужние женщины, и изображают на гравюрах девушек из «простого» народа в низких широких меховых шапках и боярышень в горлатных высоких шапках, подобных мужским. На боярынях изображен каптур — шапка с наушниками и лопастью, закрывавшей шею. Верх такой шапки обычно покрывался дорогой тканью, низ подбивался собольим мехом, и вся она нередко украшалась жемчугом. На миниатюрах XVII в., которыми иллюстрированы рукописи библейского содержания, изображены костюмы того времени, в частности горлатые шапки; имеется изображение шапки с наушниками и меховой опушкой (рис. 74).

Женские шапки, по этнографическим данным XIX в., имели распространение главным образом на Севере в качестве зимних головных уборов. Это *чебак* — шапка из оленьего меха с наушниками и *хвостом*, спущенным сзади; верх и боковые части шапки покрывали материей.

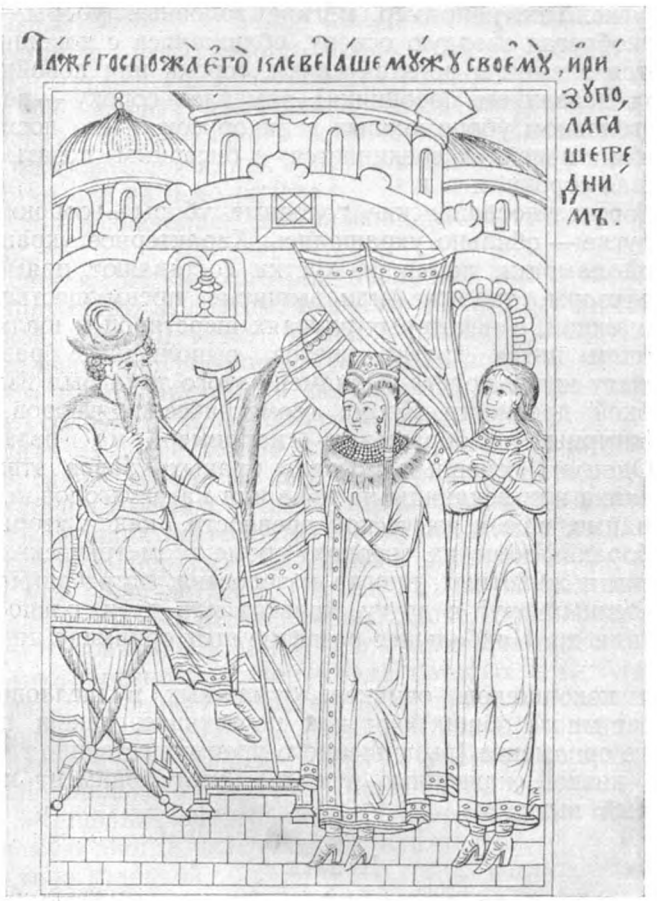


Рис. 74. Женщина в убрусе, шапке и сарафане (миниатюра из рукописи XVII в.)

Близок к ней треух, сшитый из материи и опушенный мехом, который носили поверх сороки и платка. Он упомянут в народной песне Архангельской обл.:

Сестрице добро́й купи штоф дорого́й,
Бабке треух соболий пух [1].

Была известна своеобразная женская шапка с меховой отделкой — *кораблик*. По рисункам Ригельмана кораблик — головной убор дворянок и мещанок на Украине в XVIII в. (см. рис. 42, *3*). В литературе имеются упоминания о «корабликах»,которые носили также бога-

[1] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 118.

тые крестьянки Архангельской губ. в середине XIX века [1]. Кораблики из сукна с бархатными отворотами носили в Харьковской и Воронежской губерниях еще в конце XIX — начале XX в.

Рассмотренные девичьи и женские головные уборы позволяют представить себе лишь в общих чертах все их многообразие у восточных славян и те особенности, которыми отличаются головные уборы русских, украинок и белорусок. Нельзя не отметить славянское происхождение богатой терминологии большинства головных уборов, значительная часть которой уводит в глубокую древность.

Девичьи головные уборы довольно однотипны у всех восточнославянских народов (состоят из обруча или мягкой перевязки), но различаются множеством черт, составляющих специфику отдельных групп.

Так, например, венки из цветов наибольшее развитие получили у украинок, затем у белорусок; узорчатые венцы с прорезью — коруна, рефедь и другие — у северных великорусок; венки с украшениями из крашеных перьев характерны для южных великорусок, а металлическое чильце, имевшее в XIX в. локальное распространение,— для некоторых групп украинцев.

Среди головных уборов замужних женщин, которые более разнообразны по своему устройству, чем девичьи, выделяется как древний и общеславянский головной убор — наметка, убрус с основой из обруча (кибалки, хомовки). По данным XIX в., он составлял типичный убор белорусок, украинок и лишь частично имелся у русских.

У русских были созданы другие уборы, ставшие наиболее для них типичными,— кичкообразные и кокошники.

Элементы этих уборов могли зародиться в глубокой древности, но получили развитие и распространение в период формирования великорусской народности; кичкообразные уборы были наиболее распространены на юге, а кокошники на севере.

Среди кокошников выделяются две группы: собственно кокошник — цельный головной убор на твердой основе и кокошник, являющийся мягкой частью составного убора, как и сорока.

Собственно-кокошник в виде богато украшенного, нарядного убора на твердой основе в XV—XVII вв. был связан с бытом горожан. Возник он из древних составных кичкообразных головных уборов в их местных народных формах.

Самшура имела локальное распространение на северо-востоке Европейской России, и одна из разновидностей ее, собственно самшура с твердым дном, близка к убору коми-пермяков и коми-зырян. Самшура-кичка более напоминает русские кичкообразные головные уборы, составляя комплекс: кичка (самшура), кокошник, позатыльник.

Мягкие головные уборы — типа чепца, повойника, сборника, — видимо, распространились позднее, чем полотенчатые и кичкообразные, и затем в свою очередь были вытеснены платком.

Шапка как женский головной убор для восточных славян не характерна.

---

[1] «Архангельский сборник», ч. 1. Архангельск, 1863, стр. 62

VI. ПОЯС МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ

У восточных славян пояс издавна составлял необходимую часть как мужской, так и женской одежды. Нательную (рубаху), горничную (сарафан, а иногда и нагрудник) и верхнюю одежду носили подпоясанной. Подпоясанная одежда значительно теплее, так как плотнее прилегает к телу, и вместе с тем облегчает движения во время работы. Кроме того, пояс служил для укрепления поясной одежды, для ношения оружия (меч, сабля), орудий труда (нож, топор) и необходимых предметов обихода (денежной сумочки, кисета, гребня, ключей и т. п.). При помощи пояса в длинной женской рубахе делали напуск, служивший мешком. У кочевых народов пояс играл значительную роль в одежде, однако не у всех; у некоторых из них пояс не являлся обязательной частью одежды. Известно, например, у татар и башкир ношение нараспашку широкого длинного халата; нательная одежда типа рубахи у них не подпоясывалась [1].

Упоминания в летописях, миниатюры и фрески XI—XII вв. дают некоторые сведения о ношении пояса в древней Руси. Золотым поясом стянута княжеская одежда, изображенная на миниатюрах Трирской Псалтири и Изборника Святослава. Дорогие золотые и серебряные пояса перечисляются в княжеских духовных завещаниях. Пояса жертвовали в церковь, о чем говорится в Киево-Печерском Патерике.

Богатые шили пояса из дорогих тканей или делали из кожи, с металлическими бляшками. В славянских курганах X—XIII вв., принадлежащих сельскому населению — «смердам», в мужских погребениях находят узкие кожаные пояса с медной пряжкой. На этом основании нельзя считать, что подпоясывались только мужчины, как полагают некоторые исследователи [2]. Этому противоречат этнографические данные, показывающие, что древнейшие виды мужской и женской одежды носили с поясом. Древние способы изготовления восточнославянских поясов, тканных без помощи ткацкого стана, указывают на исконность этой части мужской и женской одежды, как и обилие связанных с ними поверий. Малое количество находок поясов из кожи с пряжками объясняется тем, что типичными поясами для восточных славян были плетеные и тканые пояса из шерсти, льна, конопли, а может быть, как полагает Л. Нидерле, и из лыка, т. е. материалов, которые в земле не сохраняются.

---

[1] Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 310; С. И. Руденко. Башкиры, ч. 2, Л., 1925, стр. 123.

[2] А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова». М., 1945, стр. 4.

Археологические материалы, начиная с середины I тысячелетия н. э., указывают на наличие у восточных славян пояса, как необходимой части одежды. Пояс в комплексе женской одежды изображен на браслете XII в., а также на миниатюре Кенигсбергской летописи XV в. (см. рис. 24).

По данным этнографии XVIII—XIX вв., пояс остается существенной частью как мужской, так и женской одежды, в особенности нательной. Пояс — общевосточнославянский термин; имеются и другие названия: *опоя́ска, куша́к, се́тка, покро́мка, реме́нь (рус.); пыя́с, дя́га, ремень* (белор.); *кра́йка, черес, баю́р* (укр.).

Кожаный пояс составлял, как правило, принадлежность мужской одежды: его надевали на рубаху и на верхнюю одежду. Ремень в 5—9 см шириной снабжали медными бляхами, пряжкой, иногда железной скобкой для ношения топора. Широкий замшевый пояс (черес), в виде длинного мешка с пряжкой, носили чумаки на Украине. Кожаный пояс шириной до 20—30 см носят до настоящего времени карпатские горцы; он имеет пять-шесть застежек в виде ремешков с пряжками, небольшие карманы; нередко украшается тисненым узором (рис. 75, *1* и *2*).

Значительно более были распространены как у мужчин, так и у женщин плетеные и тканые пояса. Беднейшая часть населения употребляла часто в качестве пояса лыко или веревочку.

Ширина тканых или плетеных поясов различна. Можно выделить два типа поясов у восточнославянских народов: 1) узкий поясок в виде шнура или тесьмы (витой, плетеный — «дерганый» или тканый), который наиболее типичен для русских и белорусов, особенно для ношения с нательной или горничной одеждой (рис. 75, *4, 5* и *7*); 2) широкий матерчатый пояс — кушак, который носят обычно с верхней одеждой, а у украинцев — также с горничной, нательной. Домотканные пояса украинцев значительно шире русских и белорусских и достигают 10—20 см ширины (рис. 75, *3*). В литературе есть упоминания об употреблении холщевых полотняных широких поясов — *рушников*. У русских и белорусов широкими делали кушаки для подпоясывания полушубков и другой верхней одежды (рис. 75, *6*). Остальные пояса делали узкими, от 1 до 3 см, реже от 4 до 10 см ширины. Техника изготовления этих поясов очень разнообразна: их плели, ткали, вязали.

У великорусов известно так называемое *дерганье* поясов — древний способ плетения *на пальцах*, плетение *на вилочке* из шелковых или шерстяных ниток: пояса, плетенные на вилочке, имели характерный орнамент — ромбами или «елочкой». Изготовляли такие пояса крестьянки (например, в Калужской губ.) [1], местами (Владимирская, Тверская губернии) — ремесленники на продажу. У уральских казачек такие праздничные пояса делали из шелковых нитей, вплетая серебряные или золотые.

Тканые пояса изготовляли преимущественно без помощи ткацкого стана — *на дощечках, на ниту, на бердечке* [2].

Для тканых поясов у русских и белорусов обычен прямолинейно-геометрический орнамент. Часто встречаются мотивы ромба, усложненные гребенчатым орнаментом, узор из двух перекрещивающихся линий, косых крестов, иногда розеток (рис. 75, 7). Распространенные названия узоров на русских поясах: *кружки́* (ромбы), *копы́тца, репьи́* и другие или названия, указывающие на количество нитей, взятых для образования добавочного зева, когда ткут браный узор,— *за тринадцать, за двадцать* и т. д. На широких поясах — кушаках — у всех восточнославянских народов

[1] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 125.

[2] О способах изготовления поясов см. подробнее в настоящем издании работу Н. И. Лебедевой «Прядение и ткачество».

особенно часто встречаются узоры из продольных полос, выполненные разноцветными нитями, проходящими в основе (рис. 75, *б*). Широкие пояса, напоминающие рушники, с узорами из поперечных полос, выполненных цветными нитями, проходящими в утке, были известны на Украине.

Преобладание вытканных геометрических узоров на поясах обусловлено, вероятно, самой техникой тканья и формой пояса в виде узкой полосы. Более сложные изображения фигур и растений чаще выполнялись вышивкой. Так, например, великоустюжские пояса, тканные на нить из разноцветной шерсти, с узором в виде поперечных полос, на концах имеют вышитые изображения женских фигурок. Пояса из ткани часто вышивали узорами из цветов, веток (например, в Нижнем Поволжье). Кроме самодельных поясов, изготовлявшихся самими крестьянками, получили распространение пояса, сделанные городскими ремесленниками [1] или в монастырях, где производство их получило значительное развитие в XIX в.

В г. Череповце Вологодской губ. изготовлялись пояса, получившие довольно значительное распространение в русских северных губерниях; их выполняли закладной техникой: разноцветный уток пропускали не полностью, а лишь через часть основы, и поворачивали нить обратно. На фоне этих цветных полос нередко выступают слова, указывающие на год и место производства (например, «Череповец, 1898 год»), а также на имя и фамилию владельца пояса. Узоры из слов характерны для поясов второй половины XIX и начала XX в.: «Кого люблю, того дарю»; «Милый мой, носи не забывай, дарю, не теряй». Отсюда видно, что пояски служили подарком, имевшим особое значение. Иногда на поясе были вытканы слова молитвы; нередко их ткали в монастырях или старообрядки. Вытканный на поясе текст нередко включал, кроме обычной даты и имени хозяйки, отрывок народной лирической песни или частушку. Такие пояски наиболее распространены были в Вологодской и Костромской губерниях, где их, видимо, и изготовляли [2].

Матерчатые пояса (из куска ткани) известны еще в XVI—XVII вв. в московском костюме. Их носили также запорожские казаки, у которых, кроме повседневных дешевых самодельных поясов, были для праздничного костюма пояса турецкой, персидской и китайской работы, шерстяные или шелковые, иногда затканные серебряной и золотой пряденой нитью, до одного метра шириной [3].

В связи со спросом на широкие восточные пояса в г. Слуцке в XVIII в. возникло местное производство таких поясов. Слуцкие пояса широко прославились и по богатству и красоте не уступали восточным. Их раскупало казачество. Слуцкая фабрика просуществовала до конца XVIII в. Было много и других, менее значительных фабрик, изготовлявших роскошные шелковые пояса. Слуцкие пояса (творчество белорусских ткачих Слутчины) представляют собой тонкую шелковую ткань с двухсторонней расцветкой и орнаментацией растительного характера (рис. 75, *8*). Во второй половине XIX в. на Украине и в Белоруссии, а частично и у русских, были распространены пояса, вытканные из хлопчатобумажной пряжи в подражание слуцким поясам.

Широкие пояса, плетенные особым способом «по стене», из шерсти красного, а отчасти зеленого и синего цвета, получили широкое распространение на Украине и у русских в Курской и Орловской губерниях.

---

[1] Например, в городах Кролевце, Слуцке, Красноборске, Череповце и др.

[2] В. И. Смирнов. Русское узорное тканье (костромские пояски). СЭ, III, 1940, стр. 92—106.

[3] «Один из предметов старинного малороссийского щегольства». «Киевская старина», т. XXXIV, Киев, 1891, стр. 484—486.

У русских и белорусов пояс преимущественно завязывали, а не подтыкали, поэтому концы пояса отделывали бахромой, кистями, помпонами из

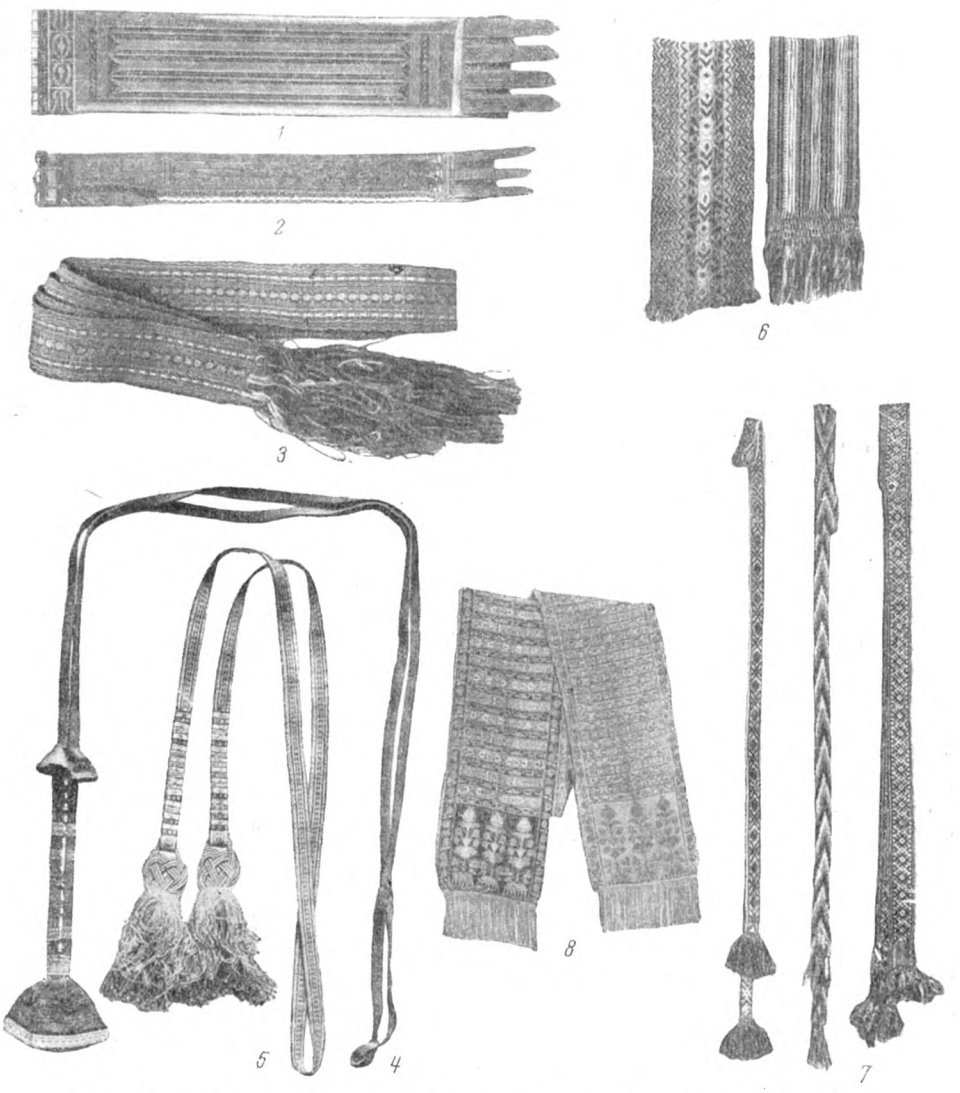


Рис. 75. Русские, украинские и белорусские пояса XIX — начала XX в.

1, 2 — пояса кожаные мужские с тисненым узором (западные области Украины); *3* — баюр — пояс женский шерстяной (Черновицкая обл.); *4* — пояс женский, тканный из красной шерсти (Рязанская обл.); *5* — пояс женский праздничный, тканный из серебряной пряденой нити (Тамбовская обл.); *6* — кушаки из южновеликорусских областей; *7* — пояса из Минской области; *8* — слуцкий пояс

шерсти и т. д. Нашивка из разноцветных лент, позумента, блесток, пуговиц характерна для *покро́мок* — поясов бывшего однодворческого населения южной части Рязанской, Тульской и других областей. Не только женские, но и мужские старинные пояса украшались иногда кистями из шерсти и бисера. Своеобразный пояс с пришитыми длинными

разноцветными шерстяными нитями отмечен у группы «русской мещеры» Пензенской обл.: его надевали поверх красной полосатой распашной поневы таким образом, что длинная бахрома спускалась сзади до колен, напоминая пулагай мордвы.

Существуют два способа повязывания пояса: высоко — под грудью и низко — под животом (см. рис. 48, *3*). Пояс, обернутый вокруг корпуса, завязывался чаще сбоку, иногда спереди или сзади, нарядными концами вниз. Женские пояса, которые обычно были длиннее мужских (до 5 м), нередко обертывались несколько раз вокруг талии. У украинцев, кроме завязывания поясов, широко применялась закладка концов под пояс; у русских и белорусов концы закладывали только у кушаков, главным образом при ношении их с верхней одеждой.

На мужском поясе укреплялся мешочек из кожи для денег и принадлежностей для высекания огня — *калита́* (рус. и белор.), *кали́тка* (укр.); кроме того, *мошо́нка, гама́н, гама́нец* (преимущественно укр. и белор.). Остатки калиты находят в славянских курганных погребениях, а термин этот известен в ранних письменных источниках. К поясу прикрепляли нож [1], при помощи особой скобки — топор, а на цепочке — *гребене́ц* (рус.), *грибене́ц* (белор.) — деревянный, костяной или металлический гребень для расчесывания волос. Были орнаментированные гребни с парными конскими головками; такие медные гребни из Архангельской, Вологодской, Костромской губерний хранятся во многих музеях (рис. 76, *1*). Мужчины носили на поясе принадлежности для высекания огня и для курения; у гуцул на цепочке к поясу подвешивали «протічку до люлькі» (металлическое острие для прочистки трубки) (рис. 76, *2*).

Нельзя не упомянуть о *капо́ушках,* или *уховёртках* (по-белорусски — *коло́пках*) — оловянных или медных ложечках для выскабливания серы из ушей; чаще их носили на шейном шнуре или цепочке для креста.

У русских девушек в ряде областей было в обычае прикреплять к поясу матерчатый карман — *лакомку* для гостинцев; у замужних женщин — для разных мелких предметов и денег. Шили их из ткани и вышивали, а иногда составляли из различных кусочков ситца (рис. 76, *3*). В Самарской губернии в конце XIX в. девушка обычно заготовляла несколько таких карманов для одаривания родни жениха на свадьбе.

Некоторые виды подвесок к поясу связаны были с поверьями. Известно подвязывание нескольких куриных косточек к поясу «молодухи» для того, «чтобы молодая рано вставала» (б. Касимовский уезд Рязанской губ.); в б. Землянском уезде Воронежской губ. косточку от куриного крыла, так называемую *встава́нку,* привязывали к шейному гайтану, на котором висел крест. В Касимовском уезде Рязанской губ. в прошлом практиковалось подвязывание к поясу «молодой» лесных орехов-двояшек (являвшихся, видимо, символом плодородия). Орех с двумя ядрами вообще считался «счастливым». В Архангельской обл. орех-двойчатку носили в кармане или на шнуре вместе с крестом [2].

По русским поверьям, ходить без пояса было так же «грешно», как и без креста. В русском фольклоре «без креста, без пояса» появляются отрицательные герои. Характерно, что при обрядах, связанных якобы с общением с «нечистой силой», снимали одновременно с крестом и пояс,— например, при добывании «цвета папоротника» в Иванову ночь, «неразменного рубля» и т. п. У населения Ивановской обл. демоны

[1] Древний обычай ношения ножа у пояса женщинами — крайне редкое явление; оно зарегистрировано Н. И. Лебедевой в некоторых селениях Рязанской обл.

[2] П. С. Ефименко. Указ. соч., ч. 1, стр. 172.

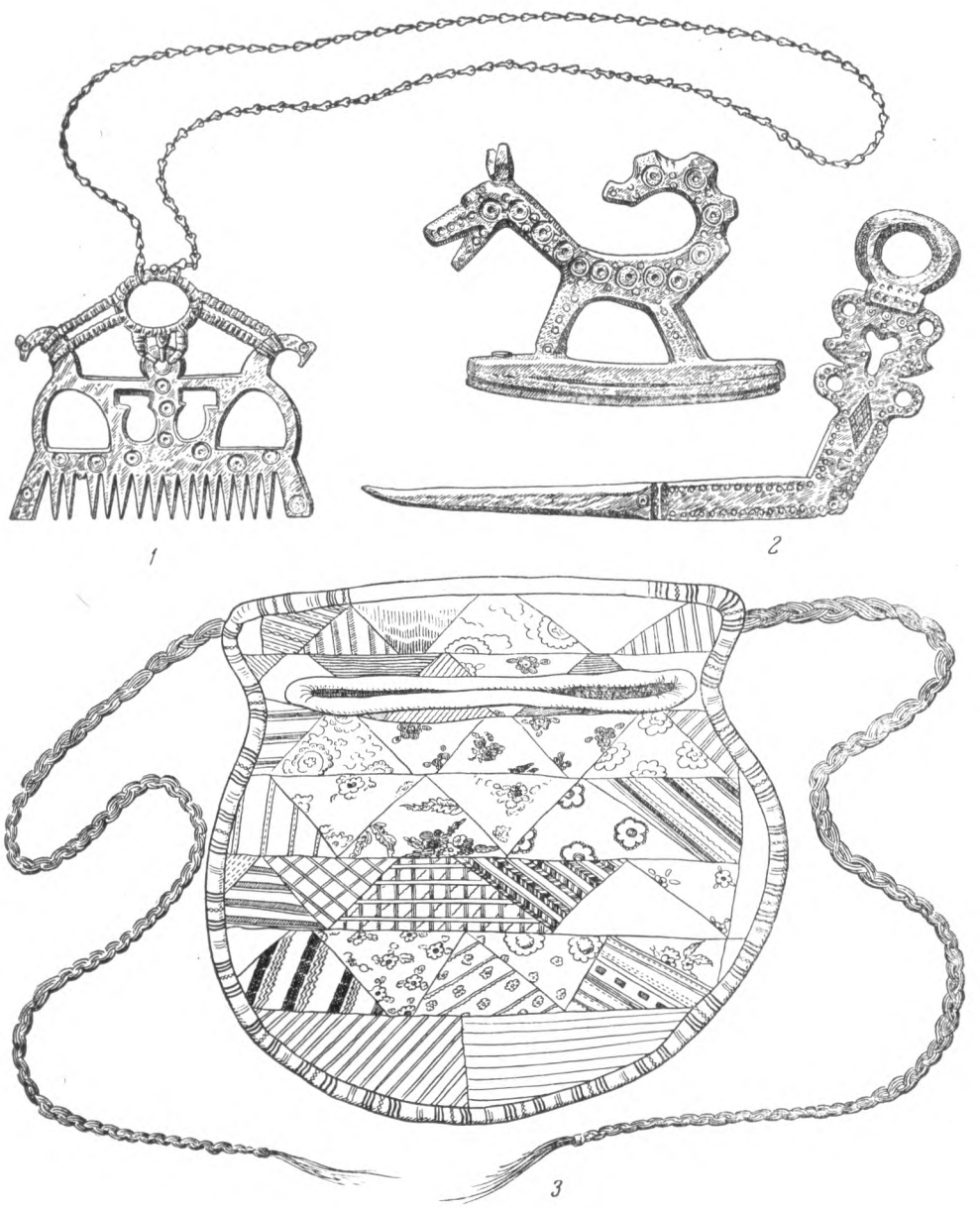


Рис. 76. Подвески к поясам

1 — русский медный гребень; *2* — «протічка до люльки» (прочищалка для трубки) и фигурное кресало (гуцулы Косовского района Станиславской обл.); *3* — карман из лоскутов ситца, укрепленный на поясе (Владимирская обл.)

болезни — 12 лихорадок (по местному «кумохи») изображаются в старинных заговорах «бескрёсными, беспоясными» [1].

И. Е. Забелин пишет о быте XVI—XVII вв.: «Появляться в каких-либо случаях без пояса на сорочке значило обнаруживать свой разврат. Так могла поступить только одна Марина Игнатьевна, призывая в свой терем Змея Горыныча» [2]. В былине о Добрыне говорится:

А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса [3].

В былине Марина изображена колдуньей, называется «еретицей» и «безбожницей».

У восточных славян существовало представление о том, что пояс служит талисманом, охраняющим от нечистой силы, особенно от лесных и домашних духов, а также, что пояс увеличивает силу мужчины [4].

Значительна роль пояса в обрядах. У великорусов имелся обычай при выходе из избы свата, идущего сватать невесту, ударять его поясом, со словами: «Не я бью,— удача бьет!» [5]. Во время свадьбы невеста дарила пояса родне мужа, многочисленным сватам. Иногда пояс привязывали на дугу первой лошади свадебного поезда. Существовал такой обычай (повидимому, пережиток жертвоприношения домовому и водяному): «молодая» бросала пояс на печь, а при первом набирании воды — в речку. Пояс употребляли в обрядах, связанных с первым выгоном скота в поле. По поясу гадали о суженом и т. д. У белорусов в прошлом пояски служили в качестве *офяры*, т. е. предмета, жертвуемого в церковь по обету [6]. В этнографической литературе имеются попытки объяснить значение пояса как оберега у восточных славян и их соседей тем, что завязанный пояс напоминает как бы очерченный замкнутый круг (по народным верованиям имевший охранительное значение) [7].

---

[1] Записи автора, сделанные в Пучежском районе Ивановской обл. в 1942—1943 гг.
[2] И. Забелин. Быт русских цариц. М., 1901, стр. 475.
[3] «Древние российские стихотворения», стр. 44.
[4] D. Zelenin. Указ. соч., стр. 224.
[5] Г. Орехов. Свадебные обряды, обычаи и песни в Холмском уезде Псковской губ. «Живая старина», вып. III—IV, 1913, стр. 305.
[6] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 108.
[7] А. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народов Коми. Л., 1928, стр. 146—149.

VII. ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ

Верхняя одежда надевается при выходе из дома, поверх горничной (сарафана, навершника, платья и т. п.). Часто разграничить ее с горничной одеждой бывает трудно.

Мужская и женская верхняя одежда восточных славян отличалась друг от друга не столько покроем, сколько деталями, главным образом длиной, отделкой и украшениями. Нередко поэтому в будни женщины надевали мужскую одежду, и наоборот.

У восточнославянских народов, особенно у северных великорусов, верхняя одежда очень разнообразна. П. С. Ефименко, описывая быт великорусов Архангельской губ. в 1880-х годах, насчитывал, например, более 30 разновидностей верхней мужской и женской одежды [1].

Изучение верхней одежды может дать много ценных данных для исследования истории восточнославянской одежды и историко-культурных связей восточных славян с другими народами, но до настоящего времени этому вопросу уделялось мало внимания.

По способу ношения можно выделить два типа верхней одежды восточнославянских народов: 1) наброшенная на плечи (плащ, накидка) и 2) с рукавами, облегающая корпус, из которых вторая для славян наиболее характерна.

П л а щ у славян является одной из древних форм одежды. Еще Ибн-Фадлан писал о славянах: «Они не носят ни курток, ни хафтанов (но носит) какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее» [2]. Плащ, закрывающий левое плечо и скрепленный застежкой на правом плече (причем правая рука остается свободной), изображен на фигурах варваров Траяновой колонны. В летописи упоминаются *корзно, коц, кочь, епанча, мятл, метл,* служившие, видимо, в качестве верхнего накидного платья, плаща. Плащи были двух типов: «собственно плаща воинского» из теплой шерстяной ткани и «декоративной мантии», по определению Н. П. Кондакова [3]. Последняя имела полукруглую форму, а в верхней части — вырез для шеи, аналогичный тому, который имела византийская хламида. Это была парадная одежда, ставшая княжеской уже в X в. и известная по изображениям XI—XII вв.: на миниатюре Изборника Святослава, на фреске

---

[1] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 50—55.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под ред. академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 78.

[3] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи..., стр. 48.

Спас-Нередицкой церкви в Новгороде, на финифти оклада Мстиславова Евангелия и др.[1]

О существовании военных плащей можно заключить из «Слова о полку Игореве», где говорится: «Орьтъмами, и япончицами, и кожухы,— начашя

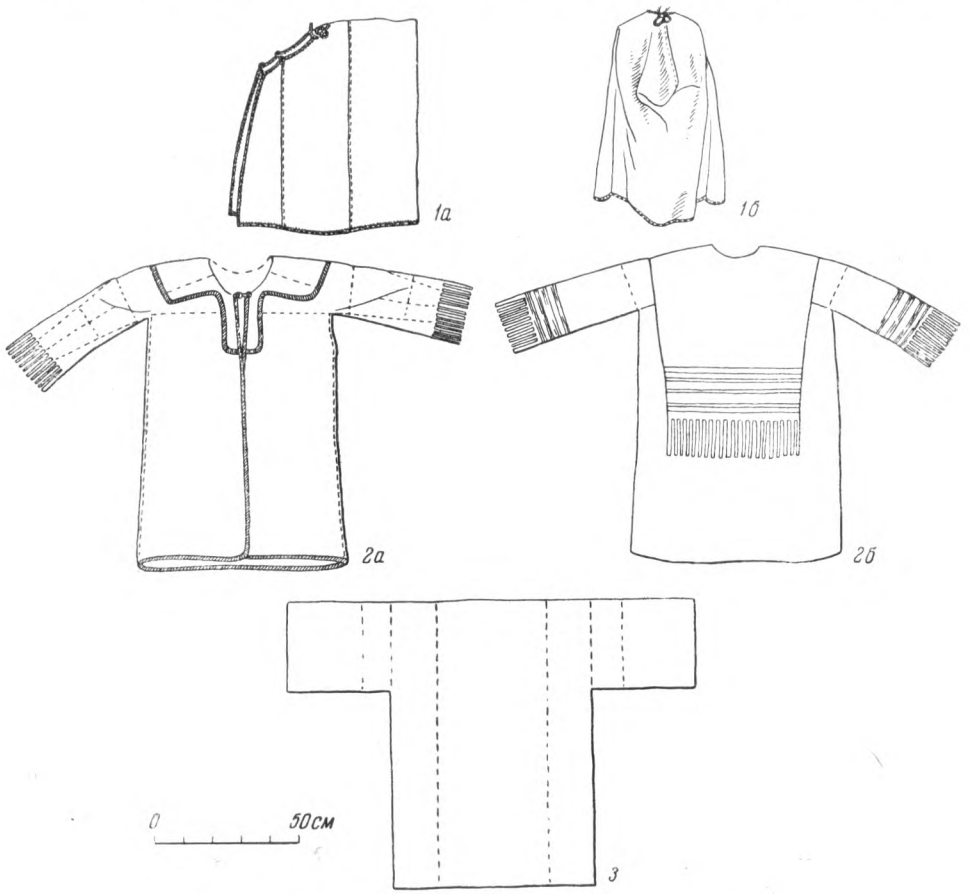


Рис. 77. Верхняя одежда украинцев и русских

1 — гугля из белого сукна: *а* — сбоку, в распластанном виде; *б* — сзади (с. Головы Косовского района Станиславской обл.); *2* — чуга горных украинцев, из серого сукна; *а* — спереди; *б* — сзади; *3* — кодман, из черной шерстяной ткани (Скопинской район Рязанской обл.)

мосты мостити по болотом и грязивым местом»[2]. Тот факт, что фибулы для скрепления плаща найдены лишь в княжеских и дружинных погребениях X в., не является доказательством ношения корзна лишь в княжеско-боярской среде, как считает А. В. Арциховский[3]. Не следует забывать, что существовали другие способы скрепления одежды, которые не сохраняются

[1] Позднее торжественная княжеская мантия под названием «епанча», «приволока» неоднократно упоминается в различных документах. О великом князе Дмитрии Ивановиче говорится: «Сседе с коня своего и совлече с себя приволоку свою царскую» (П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 110). На портретах украинских гетманов мы видим ту же парадную мантию, скрепленную на плече или на груди.

[2] «Слово о полку Игореве», М., 1945, перевод и комментарии Алексея Югова, стр. 60.

[3] А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв., стр. 3.

в погребениях, в частности завязки. Вполне вероятно, что теплый плащ с завязками носило и сельское население. Имеются указания на то, что в XVI—XVII вв. носили дорожные плащи из верблюжьей шерсти или грубого сукна. В описи имущества посадского человека упоминается «япанча белая валяная» [1].

По этнографическим данным XIX—XX вв., плащевидная одежда у восточнославянских народов не имела такого значения, как у западных славян (например, в польском женском народном костюме). Однако местами она употреблялась, а ряд данных позволяет предполагать ее более широкое распространение в прошлом. Наиболее долго сохранялась подобная одежда у украинцев (в некоторых местах — до настоящего времени).

Накидной одеждой являлась *гугля,* или *ма́нта,* гуцулов, представляющая собой как бы мешок из белого или серого сукна, не сшитый с одного бока и накидываемый на голову (рис. 77, *1*). В начале XIX в. гуглю надевали только невеста во время свадьбы и иногда жених. В западных областях Украины в стужу накидывают *коц* — полотнище шерстяной ткани.

Женскую и мужскую одежду в виде полукруглого плаща (*чуга́, чуга́ня* или *гу́ня*) описал Ф. К. Волков [2]. Гуню шили из шерстяной ткани с длинным ворсом, напоминающей овчину и сходной с материалом кавказской бурки. «Гуня» — древний общеславянский термин. В настоящее время в западных областях Украины ее шьют с рукавами, но носят как плащ (рис. 78). Чуга [3] у карпатских горцев (лемков) — плащевидная одежда из серого (без ворса) сукна прямого покроя с ложными рукавами и большим воротником (спускающимся по спине в виде прямоугольника), украшенными бахромой (рис. 77, *2*). Зашитые рукава служат своеобразными карманами. Чугу, накинув на плечи, укрепляют спереди при помощи пряжки и ремешка. Аналогичная одежда имеется у словаков и венгров.

Теплая и широкая, эта одежда надежно защищает от холода и может служить одновременно постелью, что удобно в условиях горного скотоводства. Любопытно, что подобный род одежды сохранился до XX в. у той именно группы восточных славян, у которой горное скотоводство составляет основное занятие,— у населения горных областей Украины.

Ношение таких же плащей из шерстяной ткани с ворсом имеет большое распространение у пастухов на Кавказе и в Венгрии. У остальных групп восточных славян, у которых ведущую роль издавна играло земледелие, эта одежда давно исчезла. Слабые следы бытования ее в прошлом можно отыскать в терминологии: название «гуня» известно северным и южным великорусам в применении к верхней одежде, а также в значении худой, ветхой одежды.

У белорусов известен термин *мятлок* в применении к одежде новорожденных, состоящей из куска мягкой материи с разрезом для головы. У великорусов Архангельской губ. еще в конце XIX в. употреблялась *епанчица* — свадебная нарядная накидка; ее набрасывали на плечи невесте и завязывали у шеи. Епанча — накидная одежда известна местами и в Сибири. Древним термином *опонча* или *опона* обозначается у украинцев широкая суконная одежда с капюшоном (*відлога*).

Следы бытования плащевидной одежды долго сохранялись у восточных славян в способе ношения внакидку верхнего платья с рукавами.

[1] «Известия Археологического общества», т. III. М., 1861, стр. 59.

[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 567.

[3] Слова «чюга», «чюга Турская» встречаются в описях имущества московских царей в XVII в. и в «кроильных книгах», обозначая одежду в виде узкого кафтана с рукавами, доходящими обычно только до локтя, приспособленную к верховой езде (П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 168).

Русской одеждой, сочетающей черты рукавной одежды с плащевидной, является *поniток* из шерстяной домотканной материи в Михайловском уезде Рязанской губ., который уже в 1890-х годах выходил там из употребления, но еще в 1917 г. бытовал в других уездах Рязанской губ.: Скопинском (под названием *халат*), в Ряжском и Сапожковском (под названием *тайник*). В распластанном виде он «представляет почти

Рис. 78. Девушки в гунях, накинутых на плечи (Хустский округ Закапартской обл.)

правильный полукруг» и имеет рукава, которые свисают вдоль спины при накидывании понитка на голову [1]. Ношение понитка или чекменя с длинными рукавами, доходящими до подола, надеваемого женщинами внакидку на голову (в ненастье, при похоронах и пр.), отмечено в некоторых районах Рязанской обл. в 1920-х годах.

Кодман из той же области (Скопинский район) напоминает тунико-образную рубаху, сшитую из черной шерстяной ткани, но в ней нет разреза для ворота и рукава остаются нешитыми (рис. 77, *3*). В конце XIX — начале XX вв. такой кодман носили старухи, накидывая его на голову, когда отправлялись в церковь; поношенный кодман носили на работу во время ненастья. В середине XIX в. одежда подобного типа известна была шире,— например, в Задонском уезде Воронежской губ. женский и девичий празд-

[1] А. Г. Данилин. Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губ., стр. 6—7.

ничный *сукман* (из темносиней шерстяной материи) и *белик* из холста, которые накидывали как плащ и придерживали за рукава спереди [1].

Ношение кафтана или свитки внакидку, иногда на одном плече, было распространено у русских и белорусов. Украинцы также носили сердак и киптарь с рукавами внакидку, укрепляя его у шеи [2].

Основные виды одежды с рукавами, облегающей корпус, были известны восточным славянам с древности. Термины «свита», «сукня» — общеславянские. Уже ранние письменные памятники древней Руси упоминают о «свите» — верхней одежде (Лаврентьевская летопись, 1074 г.). *Орьтъмы* (шубы), *кожухи* упоминаются в «Слове о полку Игореве». Судить о покрое этих одежд трудно. Их названия часто указывают на материал, но не на покрой. Однако этнографические данные более позднего времени позволяют утверждать, что эти названия связаны с рукавной одеждой. Возможно, что первоначально она не была распашной.

На ранних русских миниатюрах, иконах и других памятниках изображается глухая одежда, но распашная не встречается. Так, например, кафтан на миниатюре Изборника Святослава XI в.— широкая одежда, без разреза. В иллюстрациях новгородских рукописей XIV в. (где дано много бытовых сценок из народной жизни) преобладает одежда глухая, надеваемая через голову, длиною до колен или ниже колен, с короткими рукавами, из-под которых видны рукава рубахи (рис. 79, *1*). Но уже встречаются, хотя и редко, не совсем ясные изображения распашной одежды (рис. 79, *2*), которые можно считать первыми известными нам изображениями русского распашного кафтана. Вопрос о времени появления распашной одежды у восточных славян недостаточно изучен. Несомненно только, что глухая одежда у них очень древняя. Многие исследователи склонны связывать появление распашной одежды (кафтана) у восточных славян с эпохой татарско-монгольского завоевания, когда эта одежда входит в употребление [3]. Распашная одежда наиболее типична для кочевых в прошлом народов Азии. Среди некоторых народов Средней Азии до настоящего времени встречается ношение халата в качестве нательной и верхней одежды. В Северной и Центральной Азии (у монголов, маньчжур) распашной халат также является основным типом одежды. У восточнославянских же народов и ряда других соседних с ними (например, поволжских финнов, чувашей, народов Прибалтики и др.) основной издавна была нераспашная одежда типа рубахи.

Вместе с тем традиции распашной одежды в Восточной Европе очень древни. На куль-обской вазе середины I тысячелетия до н. э. изображены скифы, одетые в распашную одежду: куртки или кафтаны, подпоясанные или заправленные в штаны [4]. Возможно, что распашная одежда была известна славянам уже в раннее время. В XV—XVI вв. эта одежда стала обычной, о чем можно судить по многим документам того времени, особенно по миниатюрам Кенигсбергской летописи (XV в.) [5] и заставкам рукописей, в частности рязанским XVI в., в которых изображения этого типа одежды преобладают (рис. 79, *3*).

---

[1] АГО, IX-70, 1854, л. 10.

[2] См. В. Шухевич. Гуцульщина. Материяли до украïнсько-руськоï етнольогиï, т. II, Львів, 1899. На стр. 71 помещено изображение гуцула в сердаке; на стр. 75— паробка из Коцманского округа (современная Черновицкая обл.) в киптаре, укрепленном на шее, но не надетом в рукава.

[3] Например, Н. П. Горбачева. К истории распашной одежды, стр. 22—23. Рукопись. Архив ИЭ.

[4] П. К. Степанов. Указ. соч., табл. V, VI.

[5] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, рис. 4, 9 и др.

Верхняя распашная одежда в Московском государстве была многообразна. Термин «сермяга» для обычной верхней одежды впервые упоминается в 1464 г. Зипун, название которого П. Савваитов производит от

Рис. 79. Древнерусская одежда

а, б — заставки новгородских рукописей XIV в.; *в* — заставка рязанской рукописи XVI в.

татарского «зубун» [1], у крестьян и рядовых горожан шили летом из крашенины, а для зимы — из сермяжного сукна. У богатых его шили из шелка, и он часто служил домашней одеждой; стеганый на подкладке и даже на меху, он служил верхней одеждой. Зипун едва доходил до колен. Близкой к нему домашней одеждой, но более длинной, в XVI—XVII вв. был *сарафанец* [2]. На зипун или сарафанец надевали длинный, достигавший сапог, кафтан с длинными рукавами, собранными в складки [3]. Кафтаны носили

[1] П. Савваитов. Указ. соч., стр. 41.
[2] Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 90.
[3] Там же.

мужчины и женщины различных классов и сословий: бояре, духовные лица, посадские люди и крестьяне. Их шили, в зависимости от имущественного положения, из крашеной холстины, сукна, атласа, бархата и т. д.; несомненно, были различия и в покрое. Носили также *ферязь* [1] — распашную рукавную одежду с пуговицами или завязками. Этот термин упоминается в документах с XVI—XVII вв. Ферязь из армячины — верблюжьего сукна называлась *ормяк* или *армяк*. Верхней распашной одеждой были *тегилей, терлик* [2]. *Опашень,* или *охабень* (слово в письменных источниках появляется с конца XV в.) и *однорядка* были одеждой служилых людей и бояр; носили их и посадские люди: в описи имущества посадского человека Ивана Скрябина (1672 г.) упоминается «однорятка женская ж вишневая, пугвицы оловянные». Охабень — мужская и женская верхняя длинная распашная одежда с пуговицами спереди и длинными, нередко откидными, рукавами (их закидывали за спину, а руки продевали в отверстие у пройм). Его надевали сверху кафтана и носили неподпоясанным, а иногда накидывали на плечи. Для лета охабень шили из шелка, парчи или сукна, а для зимы его подбивали мехом (собольим, лисьим, горностаевым), и тогда он назывался *шубою*. Охабнем С. В. Киселев считает одежду XVII в., найденную в китайгородской стене при постройке Московского метрополитена. Сшита она из китайской камки на подкладке, состоит из целой прямой спины, передних пол, с боковыми клиньями и двумя декоративными рукавами; спереди сохранились остатки застежки из шелковых шнуровых петель и пуговиц-узелков [3]. Это — косоклинная одежда; близкие аналогии ей имеются в крестьянских сарафанах XIX в. (сарафан б. Пермской губ. в коллекциях ГМЭ) [4], также в покрое крестьянского понитка, армяка, тулупа. Опашни, охабни были также выходной верхней одеждой цариц и отличались у них богатством украшений: полы и подол оторачивались золотым, жемчужным «круживом», застегивались они спереди серебряными пуговицами величиной с грецкий орех, украшались финифтью и драгоценными каменьями [5].

«Шубы были самым нарядным платьем для русского...— пишет Н. И. Костомаров.— Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство» [6].

В зависимости от социального и имущественного положения шили шубы собольи, куньи, беличьи, лисьи; в крестьянской среде — преимущественно овчинные (нагольные или крытые), иногда — из заячьего меха. Шуба, крытая тканью, называлась *кошулей* [7].

Распашная одежда, начиная с XIV в., изображается однобортной, с разрезом спереди — посередине, с едва сходящимися полами, с

---

[1] Н. И. Костомаров считает, что термин «ферязь» — персидского происхождения (Указ. соч., стр. 93).

[2] Слово «ормяк», или «армяк», по П. Савваитову, происходят от персидского слова «урмяк», означающего платье из грубой шерстяной ткани, а в Бухаре — материю из верблюжьего волоса (Указ. соч., стр. 5); слово «терлик» — от татарского «терлик» — нижняя одежда; у монголов «тэрлик» — халат, верхняя одежда; у персов «тирлûк» или «дирлик» — платье с короткими рукавами, спереди открытое (Указ. соч., стр. 145). «Известия Археологического общества», т. III, 1861, стр. 59.

[3] С. В. Киселев. Старинные одежды, найденные на метро, стр. 157—158 и рис. 97.

[4] Косоклинный сарафан из Пермской губ. имеет застежку спереди, широкие проймы и откидные рукава; сшит он из китайки на холщевой подкладке.

[5] И. Забелин. Указ. соч., стр. 526.

[6] Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 94.

[7] «Известия Археологического общества», т. III, стр. 58.

застежкой из пуговиц и нашитых шнуровых петель. Такова суконная свита XVII в., найденная среди остатков жилища и одежды русских полярных мореходов на острове Фаддея (залив Симса). Этот замечательный памятник русской народной одежды, изученный Л. И. Якуниной [1], хранится в ГИМ (рис. 80).

Установить время появления двубортной одежды, ставшей типичной для восточнославянских народов, особенно для великорусов, пока трудно, но, видимо, в XVI—XVII вв. она уже бытовала.

а *б*

Рис. 80. Свита XVII в. из серого сукна
а — спереди; *б* — сзади

Ранее нами указывалось (см. стр. 581), что распространение двубортной одежды и русской косоворотки (с застежкой на левой стороне) связано друг с другом и происходило, повидимому, одновременно. В иллюстрациях рязанских рукописей XVI в. изображена распашная одежда с запáхом на левую сторону; неглубокий запáх на левую сторону имеется также у мужских кафтанов, изображенных на порсунах конца XVII в. (Государственный Русский музей).

Глубокий запáх и застежка на левой стороне отличают русскую одежду от однобортной одежды соседних народов Востока, а также от одежды западных соседей, например поляков, у которых она оставалась однобортной до XIX — начала XX в. Преимущественно однобортной была верхняя народная одежда эстонцев, латышей и шведов [2]; если у последних и имелись двубортные куртки, то с застежкой на правой стороне [3].

Таким образом, в Московском государстве были созданы своеобразные виды распашной верхней одежды, получившие затем повсеместное распространение. К сожалению, данных о народной одежде этого периода у нас пока еще недостаточно.

Более полные сведения о верхней одежде дают этнографические материалы XVIII—XIX вв. В XVIII и до середины XIX в. в крестьянской среде

[1] Л. И. Якунина. Фрагменты одежды и обуви, «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», Л.—М., 1951, стр. 181—183.
[2] A. Heikel. Указ. соч., табл. IX—XI.
[3] Там же, табл. XI, рис. 8, 10.

оставалась обычной одежда домашнего изготовления (суконная или холщевая для осени, весны и лета и овчинная для зимы). С развитием капитализма, особенно после реформы 1861 г., фабричное сукно и другие ткани постепенно заменяют домотканину, сначала лишь в наиболее зажиточных слоях деревни. Изменяется также, под влиянием города, и покрой одежды.

Одновременное надевание двух, а иногда и более видов верхней одежды, отмеченное для XVI—XVII вв., наблюдается и в крестьянской среде XIX — начала XX в.

У великорусов, сверх полушубка, отправляясь в дорогу, надевали *тулуп* или *халат*, а уходя на работу сверх шубы или полушубка — холщевую одежду (*кабáт* или *балахóн, верхóвицу, рядóвку* и т. п.). У белорусов Витебщины зимой поверх носова надевали шубу, а на нее сермя́гу с *пыясóм* [1]. На Украине сверху *свиты* — верхней одежды носили *кобеня́к;* сверху киптаря, надетого на рубаху,— *сердáк.*

По покрою и способу ношения верхней одежды, надеваемой в рукава, а не накидываемой на плечи, можно выделить две группы: основная одежда, которую носят поверх горничной, и дополнительная, в большей части халатообразная, которую носят поверх основной верхней одежды в непогоду, в дороге, на работе и т. д.

1. Основная одежда: свита, кафтан, сердак, сермяга, зипун и другие бывает прямого и раскошенного покроя (имеется несколько вариантов).

Прямой покрой верхней одежды, видимо, следует считать наиболее древним, хотя есть одежда этого покроя и позднего происхождения. Короткая одежда типа пиджака в крестьянском быту появилась в конце XIX — начале XX в. (*спинжáк, пинжáк, сибирка*); ее шили из фабричного сукна или другой ткани (иногда на вате) или же из овчины.

Старый тип прямого покроя редко сохранялся в верхней одежде XIX в. Он прослеживается в некоторых видах украинского сердака. Сердак (женская и мужская короткая одежда; см. рис. 81, *1*), распространенный преимущественно в западных областях УССР (в том числе и в Закарпатской обл.), шьют из белого, черного и красного сукна. Красный сердак был характерен для гуцулов, которые издавна окрашивали домотканное сукно «мареной» или местной кошенилью («червец») [2].

Сердак кроят прямым и очень широким; вследствие этого он сидит несколько мешковато: центральное полотнище шире плеч и спускается на руки; швы, соединяющие рукава с полотнищем, приходятся ниже плеч. Сердак снабжен застежкой из пуговиц (иногда узелковых) и шнуровых петель, но чаще носится нараспашку. Сердак представляет собой скорее однобортный тип одежды: настоящего глубокого запаха, как в двубортной одежде, в нем нет.

Вставка боковых клиньев в украинском сердаке при сохранении прямой спинки является некоторым усложнением его покроя; подобный покрой имеет свита XVII в., найденная на острове Фаддея.

В верхней одежде XIX в. прослеживается постепенный переход от прямого покроя одежды к раскошенному: а) с двумя клиньями по бокам, которые почти не нарушают прямого покроя спины; б) с неотрезанной спинкой, но суживающейся в талии, и с увеличенным количеством клиньев с боков, а иногда и сзади (рис. 81, *4*); в) с отрезной спинкой, в талию и с клинообразными вставками, которые бывают не только по бокам, но

[1] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 43.
[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 585.

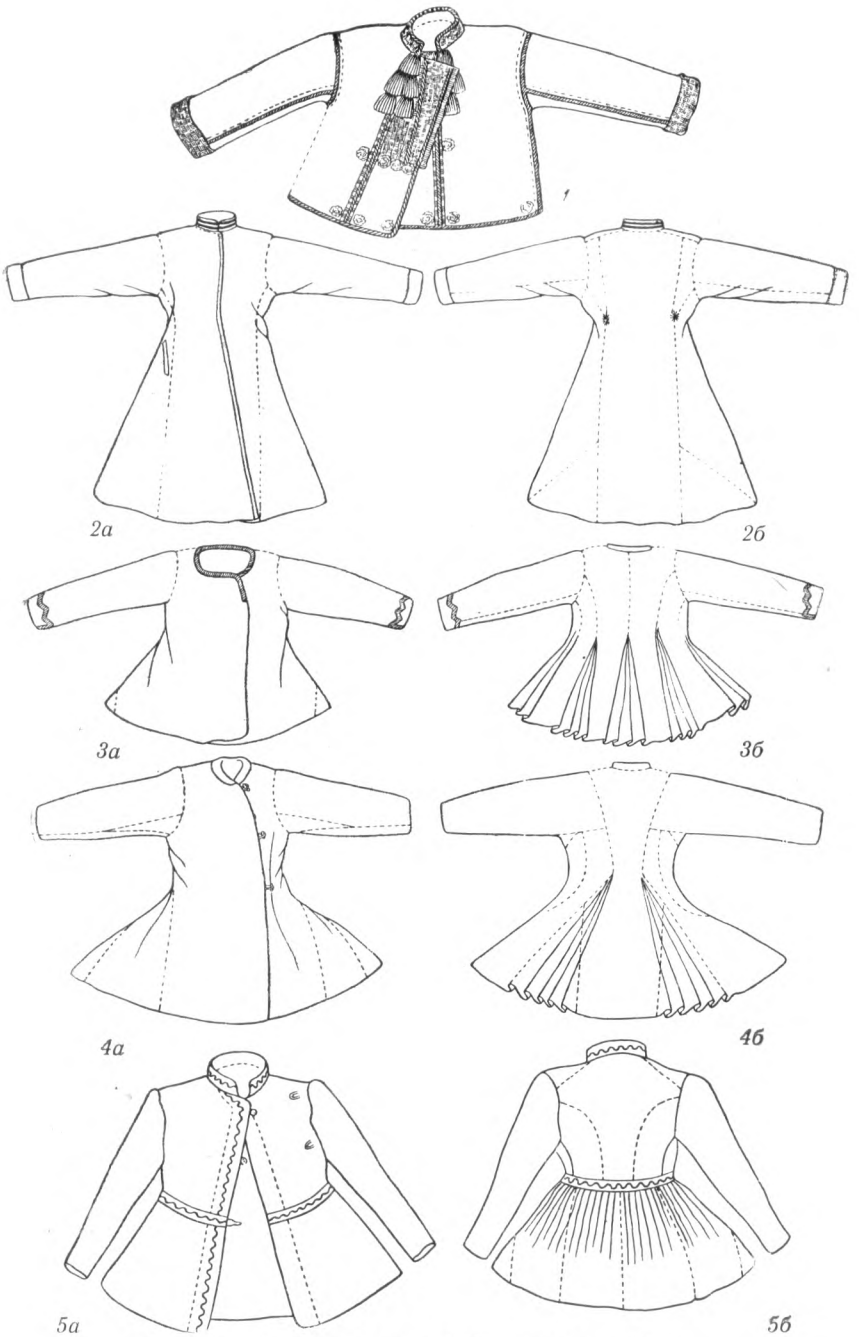


Рис. 81. Верхняя одежда XIX — начала XX в.

1 — сердак из черного сукна, гуцульский (Закарпатская область): *2* — белорусская свита из белого сукна, отделанная синим шнуром: *а*— спереди; *б* — сзади (Могилевская губ.); *3* — украинская женская юпочка из белого сукна: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Каменки Херсонской губ. и уезда); *4* — пониток «чекменем»— женская одежда из домотканной полушерстяной синей материи (чекменем называются складки по бокам): *а* — спереди, *б* — сзади (с. Мишнево Ковровского уезда Владимирской губ.); *5* — кафтан женский из домотканного коричневого сукна: *а* — спереди; *б* — сзади (с. Дмитриевы Горы Меленковского уезда Владимирской губ.)

составляют всю нижнюю часть одежды сзади; г) с сборчатым низом, заменяющим клинообразные вставки.

Одежда раскошенного покроя, сшитая большей частью в талию, оказалась наиболее удобной и получила у восточнославянских народов в XVIII—XIX вв. широкое распространение. Она плотно обтягивает корпус и застегивается; вместе с тем, расширяясь книзу и будучи относительно короткой, она не стесняет движений при работе, верховой езде и т. п. В одной из свадебных песен Архангельской обл. описывается, каким должен быть кафтан:

Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтан,
Чтоб ему не долог был,
Чтоб ему не короток был,
По подолу был раструбистый,
По середке пережимистый,
По подпазушкам перехватистый,
Чтобы он легко на коничке скакал,
Хорошеничко разъезживал [1].

Одежда такого покроя из сукна или полушерстяной толстой ткани, в качестве осенней, весенней или летней имела очень много названий: у русских — *зипу́н, сви́та, кафта́н, серма́га, пони́ток, сукма́н, са́ржа* (последняя из домотканной ткани саржевого переплетения), *тайни́к, халя́т, однора́дка* (в Сибири); у украинцев — *свита, свитка, сіря́к, серма́га, гу́ня, куцинка*; у белорусов — *свита,* кроме того — *серма́га, насоў, капо́та, жупа́н, жупица, курта.* Специфической особенностью белорусской свиты (рис. 81, *2*) было то, что ее шили почти повсеместно из белого или серого сукна. Только у группы белорусов, называемых «Черная Русь», свиты шили из коричневого домашнего сукна [2]. У украинцев свиту делали, кроме белого, из серого, коричневого, а иногда и красного сукна. У русских суконная одежда была обычно коричневого или — реже — серого цвета; белая суконная одежда встречалась в Псковской, Вологодской, Новгородской, Горьковской областях, а также в Брянской и на юге Рязанской обл. Она встречалась также у литовцев, латышей, поляков, словаков, сербов, болгар и у народов Поволжья. Н. И. Лебедева считает, что в то время как белый зипун Псковской и Новгородской областей может быть связан с типичной для белорусов белой свитой, а в Вологодской обл. ее наличие может быть объяснено новгородской колонизацией, в Горьковской обл. этот вид одежды, возможно, связан с белыми кафтанами марийцев.

Покрой с цельной спинкой и клиньями повсеместно является более старым покроем, чем с отрезной спинкой и сборами сзади, а иногда и вокруг всего корпуса. Клинья, вставленные с боков, у русских называются *фа́нты, кли́нья, щипки́, сги́бы*; у белорусов — *у́сы, хва́нды, вилочки*; у украинцев — *у́си,* или *ву́си.*

К этому же типу одежды относится украинский жупан, сшитый с двумя клиньями (вусами), из серого или голубого [3] сукна, отделанный

[1] П. С. Ефименко. Указ. соч., вып. 2, стр. 86.
[2] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 130.
[3] К. Moszynski (Указ. соч., стр. 431—434) говорит о распространенности синей суконной одежды среди поляков, которая, однако, является у них более поздней, характерной первоначально для польской шляхты; более старая народная суконная одежда была белого и серого цвета.

позументом, с отложным воротником из цветного бархата, узорного штофа или меха. Исследователями отмечалось ближайшее родство жупана с бешметом кавказских народов и высказывалось предположение о заимствовании поляками этой одежды с Востока. В Польше жупан был частью шляхетского костюма. На Украине его носили в XVI—XVII вв. в среде казачества, а по данным XIX в.— в мещанской среде; значительного распространения среди крестьянства жупан не имел. Косвенно это подтверждает народная поговорка: «Убрався в жупан, та гадае, що пан» [1]. Жупан носили и мужчины и женщины, со свитой или под «кунтушем», по польской моде [2].

Особенностью покроя украинской верхней одежды является вшивание не двух (как у жупана), а нескольких вусей по бокам и сзади, без отрезания нижней части одежды, благодаря чему последняя приобретает большую ширину и пышность. Вдоль спины идут швы (см. рис. 52, *3* и 81, *3*).

Разновидностью верхней одежды является одежда, сшитая в талию, с отрезной спинкой или отрезная вокруг всей талии, с нижней пришивной частью. Уральские казаки, например, носили в первой половине XIX в. бешмет с отрезной спинкой и с пришивными клиньями, сверху накидывая суконный чекмень на подкладке. Своеобразной одеждой, появившейся в великорусской деревне в конце XIX в., является *пятишовка* или *семишовка* из домотканины, названная так по количеству швов от вставленных клиньев.

Распространение одежды с отрезной спинкой и с пришивными клиньями или сборами (реже со складками) — явление сравнительно позднее, хотя определить точно время ее появления довольно трудно. Видимо, такой покрой имелся еще в московской одежде XVI—XVII вв., в частности в женской (шугай, душегрейка) и в мужской (сокольничьи кафтаны) [3]; однако широкого распространения он, повидимому, в то время не имел, как можно судить по гравюрам и описаниям. Более обычным этот покрой стал в XVIII в. В описании одежды «россиян» второй половины XVIII в. отмечается ношение мещанами и купцами кафтана с частыми «борами», подпоясанного кушаком, а крестьянами — длинных зипунов с «борами», из сермяжного сукна. Следует, однако, отметить, что и в XVIII в. во многих местах России бытовали также более старые виды верхней одежды. Так, например, в Лукояновском уезде Нижегородской губ., как описывает В. Ф. Миллер [4], даже в начале XIX в. мужчины носили одежду прямого покроя, в которой талия обозначалась только при опоясывании кушаком. В 1820-х и 1830-х годах появились там кафтаны в талию, но без сбор, с застежкой на медные пуговицы; кафтаны со сборами распространились лишь во второй половине XIX в. [5] Сборки такой одежды бывают мелкими или крупными. У великорусов называются они *фáлды, трýбы,* у украинцев — *ряси.* Такой покрой был более распространен у русских, менее — у украинцев и белорусов. Шили эту одежду и из домотканины, но предпочтительно из фабричной ткани; для зимы ее делали из овчин. У великору-

[1] Я. Ф. Головацкий. Указ соч., стр. 16.

[2] Кунтуш составлял дополнительную одежду. Он был также принадлежностью костюма шляхты и, как и жупан, имел черты восточного происхождения. На Украине шили эту одежду из дорогой шелковой или парчевой ткани, отделывали галуном. Характерной чертой ее были рукава, свободно свисавшие,— руки продевались в разрезы у пройм.

[3] Ф. Г. Солнцев. Указ. соч., отд. IV, альбом, рис. 20.

[4] В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, вып. III, стр. 64—65.

[5] Н. И. Лебедева отмечает появление такой одежды среди других групп великорусов лишь в 60-х годах XIX в. См. «Народный быт...», стр. 129.

сов это — *кафта́н* (рис. 81, *5*), *зипу́н* (большей частью из домотканины), *казаки́н, поддёвка* (преимущественно из фабричной ткани), *полушубок* (из овчин) (рис. 82, *1*), у украинцев — *кожуши́на* (из овчины) и *ю́пка, чемéра, чемáрка* (преимущественно из покупной ткани); у белорусов — *кожу́х* (из овчины).

К типу одежды с отрезной спинкой и сборами относится женская короткая одежда (*шугáй* [1], *шу́бка, душегрéйка, телогрéйка*), известная уже в XVI—XVII вв. В крестьянской среде она была распространена главным образом среди северных великорусов; кроме того, в купеческой и городской среде XVIII—XIX вв. ее носили поверх сарафана. Шили ее из штофа или парчи на подкладке, для зимы подбивали ватой или льняной куделью. Летнюю одежду такого типа — *холодни́к* — шили с круглым большим воротником.

Овчинный полушубок со сборами является типичной русской одеждой и распространен до настоящего времени. Заслуженной славой пользуется «романовский полушубок» из шкур овец особой романовской породы [2].

Есть ряд названий полушубка: *дублёнка* — полушубок из мягко выделанных и продубленных шкур; *белая шуба* — из набело отделанных, но не дубленых сыромятных овчин (Архангельская обл.); *нагольный полушубок* — из дубленых овчин, большей частью оранжевого и красного цвета, не покрытый тканью. Бывают полушубки черной дубки. Полушубок, покрытый тканью, чаще всего называют *шубой,* а в Архангельской обл.— *кошулей.* Шуба отличалась обычно большей длиной; ее шили нередко со сборами, но были и прямые халатообразные шубы.

Характерной чертой, отличающей русскую и в целом восточнославянскую одежду от одежды кочевых в прошлом народов Азии и Восточной Европы, является запах правой полы на левую сторону, тогда как на Востоке, вплоть до Маньчжурии и Китая, распашная одежда или имеет прямой разрез, являясь однобортной одеждой, или запахивается на правую сторону (у монголов, бурят, маньчжуров, алтайцев и др.). У русских настолько установился обычай застегивать верхнюю одежду на левой стороне, что перенос застежки на правую сторону считался грехом (как отмечает, например, П. С. Ефименко относительно русского населения Архангельской губ. в конце XIX в.). Двубортность ярко выражена в верхней одежде XIX в. у великорусов, особенно центральных областей (откуда, видимо, она и распространилась), у белорусов и у значительной части украинцев. Слабо выраженная двубортность или однобортность одежды кафтанного типа с застежкой посредине отмечается лишь у населения западных областей Украины (рис. 82, *3*) и Белоруссии и наиболее редко — у русских (например, в б. Воронежской губ. и в Сибири).

Необходимую часть верхней одежды, особенно двубортной, составляет застежка. В XIX — начале XX в. застежка, помещаемая на левой стороне груди, большей частью состояла из металлических крючков, пуговиц; значительно реже встречались в это время более старые виды застежек (известные в XVI—XVII вв.) — шнуровые или кожаные узелковые пуговицы или деревянные пуговицы-брусочки — *кляпыши* и шнуровые петли.

---

[1] В Костромской обл., кроме шугая с рукавами, отмечена такая же одежда, но безрукавная — *бугай.* Этот термин упоминается еще в духовной грамоте князя Ивана Даниловича Калиты, который завещал сыну «бугай соболий с наплечки с великим женчугом с каменьем» (П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 17).

[2] Выведена в б. Романовском уезде Ярославской губ., отличается высоким качеством меха.

2. Группа верхней одежды, которая выше выделена как дополнительная к основной верхней одежде, характеризуется однобортностью, хотя и запахивается обычно на левую сторону. К ней относится одежда в виде широкого длинного халата, обычно с большим отложным воротником, который поднимают в непогоду, надеваемая в дорогу поверх шубы, полушубка. Это овчинный *тулуп*, а также изготовленный из домашнего сукна *халáт, свита с шиворотом, армя́к, чапáн, чекмéнь, азя́м, дохá*. Носят их или подпоясанными кушаком или нараспашку (застежки обычно не имеется). У украинцев подобная одежда из сукна называется *опóна, кобеня́к* [1], *киреї́, сіря́к, свита з кобенякóм*. Особенностью первых трех является капюшон (*відлóга, кóбка, каптýр, бородúця*), который откидывается на спину, а во время непогоды надвигается на голову и лицо; капюшон снабжен отверстиями для глаз.

Украинский *халат* аналогичен по покрою русскому, а также русской свите с шиворотом, армяку, а *халатик* отличается широким воротником — пелериной. Чекмень, армяк с кóвниром — широким воротником известны у украинцев Черниговщины и у белорусов Гомельщины. Различаются два покроя халатов: прямой и косоклинный. Первый — чекмень — близок к среднеазиатским халатам и их разнообразным вариантам у башкир и татар; его носили русские в Поволжье, южновеликорусских областях, а также в Сибири; под названием *азям* (из сукна, выделанного из верблюжьей шерсти) — в Пермской и Вологодской губерниях (рис. 83, *1*).

В Сибири азям был распространен в качестве мужской рабочей одежды у русских, а также у нерусского населения.

Косоклинная верхняя одежда бывает: со вставленными по бокам вертикальными клиньями и колоколообразная, в распластанном виде представляющая полукруг, близкая по покрою к русскому косоклинному сарафану (швы на боках сходятся елочкой). Сшитая из сукна, она называется *свита с шиворотом, пониток, армяк, халат*; из овчины — *тулуп* (рис. 83, *2* и 84, *1*).

Верхняя одежда из овчины, расширяющаяся книзу, у украинцев называется *кожýх нагольный тулýбом* (рис. 84, *2*), *кожух тулубовый*; есть *кожух* и у белорусов [2]. Овчины употреблялись дубленые, красные — «вохренные», черные. Тулупы, шубы, кожухи из белых недубленых овчин употреблялись у всех восточных славян, но в XIX в. сохранялись главным образом у украинцев и белорусов. Широкое распространение одежды из овчин обусловлено климатическими и особенно хозяйственными условиями (развитие овцеводства). Овчинная шуба занимала большое место в восточнославянской обрядности. Это было основано, видимо, на древних представлениях славян о плодородии, а вместе с тем и о богатстве и счастье. Особенно часто использовали овчинную шубу в свадебных обрядах. Шубу расстилали на лавке в красном углу и сажали на нее «молодых», говоря: «Шуба тепла и мохната, жить вам тепло и богато!» (Те же слова говорили, завертывая новорожденного младенца в шубу). На овчинной шубе, разостланной на полу, благословляли жениха и невесту; шубу расстилали на санях при отправке «молодых» под венец. Часто даже венчались в шубе, несмотря на теплое время года; в вывороченных шубах (мехом наружу) встречали «молодых» свекор и свекровь в

[1] «Кебеняк», «кибеняк» был известен еще в XVII в. При описании хождения царя Михаила Федоровича в Алексеевский монастырь указывается: «...да для ненастья был на государе, на шубе, кебеняк скарлат червчат».

[2] Однако этот термин («кожух», «кожушóк», «кóжанка») как у тех, так и у других служит для обозначения разнообразной одежды из овчин (типа тулупа, полушубка, кафтана, безрукавки и др.).

Рис. 82. Верхняя женская одежда русских и украинцев

1 — полушубок из овчины: *а* — спереди; *б* — сзади (Курская губ. Начало XX в.); *2* — шугай из штофа: *а* — спереди; *б* — сзади (XVIII—XIX вв.); *3* — верхняя одежда из серого сукна: *а* — спереди; *б* — сзади (западные области Украины)

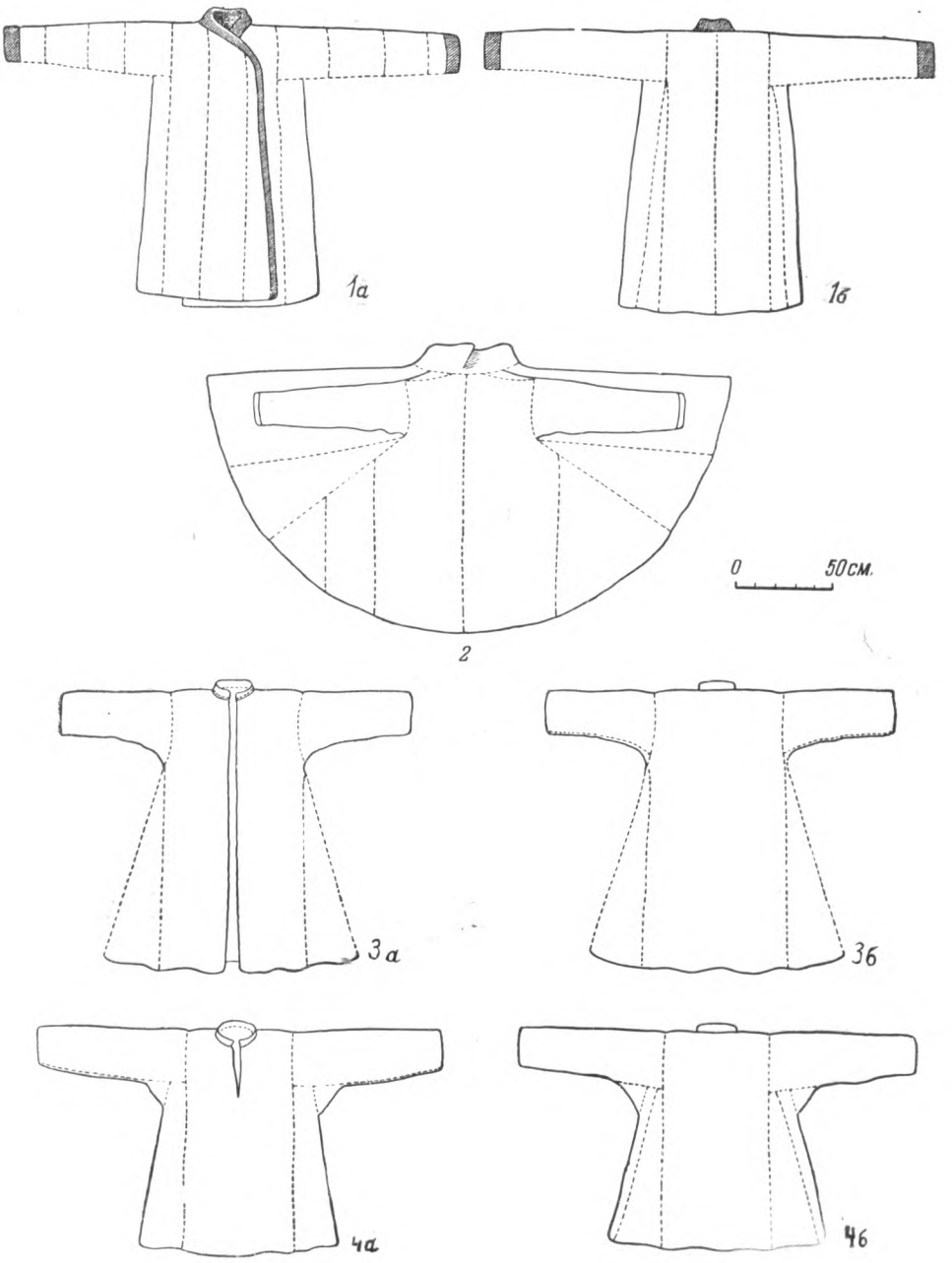


Рис. 83. Верхняя мужская одежда русских и белорусов

1 — азям из белого сукна: *а* — спереди; *б* — сзади (Сольвычегодский уезд Вологодской губ. 1903 г.); *2* — русская свита с шиворотом из коричневого сукна, рукава обшиты кожей (дер. Логаревка Севского уезда Орловской губ.); *3* — рабочий балахон белорусской девушки из белого холста: *а* — спереди; *б* — сзади (Оршанский уезд Смоленской губ.); *4* — кабат — рабочая одежда из набойчатой ткани (Архангельская губ.): *а* — спереди; *б* — сзади

доме жениха, когда обсыпали их хлебными зернами или хмелем. Овчинная шуба имела также большое значение в обрядах, связанных с постройкой дома. В прошлом был распространен обычай при поднятии матицы (балки) привязывать к ней хлеб и бутылку с вином, завернутые в овчинную шубу [1].

1 *2*

Рис. 84. Верхняя мужская меховая одежда

1 — плотник из Ярославля в тулупе, подпоясанном кушаком; *2* — украинский праздничный кожух, кроенный «тулубом» (Харьковская губ. Манекен ГМЭ)

Однако овчина была не единственным материалом, используемым для изготовления верхней зимней одежды; ее шили из самых разнообразных мехов, особенно в северной лесной полосе Восточной Европы, а также у русских в Сибири, где издавна охота имела большое значение. Зажиточные крестьяне шили тулупы из меха лисицы, енота, хорька; оторачивали заячьим, беличьим и кошачьим мехом. *Сибирскую доху*, или *ягу* (распашная одежда, надеваемая поверх обычной зимней одежды) шьют мехом вверх из собачьих, козьих, оленьих или маральих шкур.

[1] По экспедиционным материалам автора из б. Тверской губ.

Следует упомянуть о ношении *ма́лицы* и *совика́* из оленьих шкур, а также меховой оленьей *кухлянки* и *ровдужной парки* поморами и другими группами русского населения европейского Севера и Сибири. Это они заимствовали от соседей — ненцев, саамов и других, и носили в качестве рабочей и дорожной одежды на приисках, охоте, рыбных промыслах и пр. Дополнительную верхнюю одежду — глухую и распашную — шили также из грубого холста, белого или крашеного, двух типов:

а) В виде мужской туникообразной рубахи, в которой сохранялись ее старые черты: прямой разрез спереди (см. рис. 83, *4*) или же без разреза, с круглым отверстием для головы (*кабат, рядо́вка* Архангельской обл.; *верхо́вица* Вологодской обл.; *кома́рник, хобату́ха* в Сибири; у белорусов — *насо̀в*). И. И. Носович так описывает насов: «Нечто в роде рубахи из холста, которую крестьяне надевают поверх одежи для предохранения ее летом от дождя, а зимою от снега. Насов в употреблении особенно в Минской губернии» [1].

б) В виде распашной одежды кафтанного покроя (у русских и белорусов — *белый балахон,* у украинцев — *полотнянка*). Белый балахон в летнее время в конце XIX — местами в начале XX в. надевали на рубаху, большей частью в ненастье или во время работы, зимой — поверх шубы. Он был распространен у белорусов (по всей Мозырщине, у русских в Холмском уезде Псковской губ., в Тверской губ., на Смоленщине, в Олонецкой, Архангельской губерниях, а также у некоторых других народов, живущих среди русского населения, например — верхневолжских карел и вепсов. Балахон, служивший рабочей одеждой, украшений не имел.

Верхняя одежда восточных славян весьма разнообразна по покрою, способу ношения и материалу, а еще более — по терминологии. Нередко одно и то же название в разных местностях применяется к одежде разного покроя; так, например, названия «армяк» и «азям» обычно означают широкую дорожную одежду типа халата, но изредка — кафтан. Нередко термин сохраняется, хотя покрой изменился. Например, название «свита» означает кафтан прямого или косоклинного покроя, но нередко и кафтан со сборами; «полушубком» называют не только овчинную одежду со сборами, но и более старый тип одежды с цельной спинкой и клиньями по бокам и т. д.

Особый характер придают тому или иному виду одежды длина, устройство ворота, наличие или отсутствие карманов и лацканов и, наконец, украшения.

Наиболее длинными шьют тулупы и халаты, которые делают «до пят». Кафтан, свитка спускаются до колен или ниже, но иногда и не достигают их. Многие виды одежды, особенно женской, шьют лишь немного ниже талии (*коротáй, коротýшка, кафтанýшко, полукафтáн, полукафтáнье* и др.).

Верхнюю народную одежду нередко кроят без воротника, что, видимо, является старой традицией (рис. 81, *3*); однако уже в XI в., судя по кафтанам семейства Святослава, воротники имелись,— по крайней мере в княжеской одежде. В XIX в. воротник делали: 1) невысоким стоячим (рис. 81, *5*); 2) очень большим отложным (у тулупа, армяка, халата) (рис. 84); 3) круглым, напоминающим пелерину.

Край полы и рукава у кафтанов и зипунов обшивали для прочности полосками кожи. Суконную одежду часто оторачивали тесьмой, обши-

[1] Словарь белорусского наречия, составленный И. И. Носовичем, СПб., 1870, стр. 319.

вали черным или цветным (синим, иногда красным и зеленым) шнуром или полосками цветного сафьяна.

Наиболее украшали правую полу (рис. 82, *1*); кроме того, украшали швы в местах пришивки клиньев, рукава, вертикальные разрезы внутренних карманов или накладные карманы. В западных областях Украины украшают одинаково обе стороны прямого разреза одежды, так как она является однобортной (рис. 82, *3*), причем вышивка или аппликация располагается на груди в виде двух прямоугольников по обе стороны борта. Белорусы особенно украшали праздничные белые свиты, отделывая их шнуром и расшивая разноцветным гарусом. Как пишет Е. Р. Романов, по узорам обшивки свиты можно было угадать, из какой местности происходит белорус [1].

У украинцев западных областей на суконной верхней одежде встречаются узоры из цветов, вышитые шерстью.

Воротник нередко обшивали материей — плисом и др. В женской праздничной одежде у южных великорусов некоторых областей сукно обильно украшали нашивками красного кашемира с блестками, белыми пуговицами, позументом. Не меньше заботились об украшении зимней меховой одежды. Овчинные шубы и полушубки более зажиточных крестьян, как уже упоминалось, нередко имели лисью, беличью оторочку. Украинские праздничные кожухи иногда расшивались многоцветными узорами из цветочных мотивов, выполненных гладью (рис. 84, *2*).

Полушубки, как и суконную одежду, по краю правой полы и особенно на груди, украшали узорами ручной или машинной вышивки, в виде прямоугольника, выполняя ее на отдельном куске кожи и затем пришивая к полушубку, и оторачивали сафьяном. Узоры такой вышивки, многоцветные или двуцветные, очень разнообразны, особенно в Ярославской и Костромской губерниях. В узорах на полушубках XIX — начала XX в. преобладают разнообразные растительные мотивы, но встречается и геометрический орнамент (более древний). Исследователи орнамента костромских полушубков указывают на близость вышиваемых на них растительных мотивов к узорам золотошвейных работ и чеканки XVI и XVII вв. [2]

---

[1] Е. Р. Романов. Указ. соч., стр. 25.

[2] В. Смирнов. Предисловие к работе Н. Калиткина «Орнамент шитья костромского полушубка». Кострома, 1923, стр. 5.

VIII. ОБУВЬ МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ

Название обуви является общим для восточных славян: *о̀бувь, обу́вка, обу́тка* (рус.); *взу́ття* (укр.); *обу́тьте* (белор.).

Основными материалами для изготовления обуви у восточнославянских народов служили кожа (реже мех), древесная кора, пеньковые и льняные веревки, войлок. Дерево почти не употреблялось, в противоположность народам Западной Европы, у которых было распространено ношение деревянных башмаков.

Находки в раскопках неолитического периода кочедыка указывают на древность производства обуви из древесной коры. О такой обуви имеются упоминания и в летописи. Под 985 г. помещены слова: «Рече Добрыня Володимеру: сглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти; пойдем искат лапотников» [1].

Лапти были обувью преимущественно крестьян-землепашцев. Из приведенных летописцем слов Добрыни можно заключить о бытовании в X в. и сапог. Кожаная обувь имела значительное распространение в городах того времени; однако встречаются остатки кожаной обуви — поршней и высоких сапог — в курганах, оставленных сельским населением того времени [2].

Раскопки в древнем Новгороде, результаты которых суммированы Л. И. Якуниной, дают ценный материал для характеристики кожаной обуви различных слоев населения в XII—XIV вв. Найдена обувь типа поршня, сшитого из одного куска кожи, нередко двуслойного и собранного вокруг ноги на ремешке. (Такого же типа были и смоленские поршни XII в.).

При раскопках в Новгороде обнаружены и сапоги разных фасонов: с тупым закругленным носком и с острым слегка загнутым вверх носком, обычно на многослойной подошве. Уже в те времена на Руси мастерство изготовления кожаной обуви достигло довольно высокого уровня; сапоги шили нередко с различием для правой и левой ноги, делали высокий кожаный каблук.

Автор отмечает, что в былинах обрисованы фасоны древнерусского щегольского сапога:

Премладый Чурило сын Пленкович
Обул сапожки-ты зелен сафьян,
Носы — шило, а пята́ — востра,
Под пяту хотя соловей лети,
А кругом пяты хоть яйцо кати [3].

---

[1] ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись, вып. 1, Повесть временных лет. Л., 1925, стр. 87.

[2] А. В Арциховский. Русская одежда, стр. 4.

[3] Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв., стр. 38—48.

Иконографические источники XI—XIV вв. (миниатюры, иконы, фрески) дополняют сведения о старинной русской обуви. В них имеются изображения обуви типа поршня, большей же частью сапог из цветной кожи. Княжеской обувью служили сафьяновые сапоги, расшитые золотом (как упоминается в Ипатьевской летописи под 1252 г.).

В Московском государстве обувь была довольно разнообразна. Судя по гравюрам того времени, одним из основных видов крестьянской обуви оставалась плетеная — лапти (см. рис. 12, *1*).

В городах употреблялась и кожаная обувь: при раскопках в Москве, в Зарядье найден кожаный поршень XVI—XVII в. Носили также сапоги и низкую кожаную обувь в виде башмаков. Кожевенное производство в XV—XVII вв. было развито в Москве и северо-восточных областях. Юфть — особый сорт кожи (бычьей, коровьей) — выделывалась в большом количестве на продажу и составляла один из основных предметов вывоза из России. Благодаря особой выработке русская юфть отличалась большой прочностью [1]. Цветной сафьян, из которого шилась обувь преимущественно привилегированных классов, частью был привозным, но в XVII в. имелись и свои центры его производства (Муром, Казань). Среди названий кожаной обуви в документах того времени упоминаются *ичеготы*, *ичитыги* — мягкие сафьяновые сапоги, которые носили с кожаными калошами [2]. *Ичеги* с калошами — типичная обувь казанских татар и народов Средней Азии; в народной русской, украинской и белорусской среде она не получила широкого распространения.

О наличии в то время валяной обуви с высоким голенищем пока нет данных. Зимняя обувь XVII в. найдена на острове Фаддея среди других остатков одежды русских полярных мореходов; это — «большой широкий башмак из кожи, который, вероятно, надевали на мягкий кожаный или меховой чулок»; остатки такого чулка найдены здесь же [3].

Этнографические данные XVIII—XIX вв. дают богатейший материал, позволяющий судить об основных видах обуви восточных славян. Древнейший тип обуви, сохранявшийся у сельского населения, состоял из трех частей: 1) обертки, 2) привязки, 3) собственно обуви.

ОБЕРТКИ И ЧУЛКИ

Обертки имеют много названий: *онýчи, портя́нки, наголе́нники, коло́шки, завóи, на́берцы* (рус.); *ганýчи, онýчи, пыртя́нки, суко́нки* (белор.); *обгóртки, гонýчи* (укр.). Существует немало и чисто местных терминов. Так, в одном Брянском Полесье Н. И. Лебедева отмечает 14 различных названий [4].

Онучи — два полотнища белого холста от 60 см до 2 м длины каждое, употреблявшиеся женщинами и мужчинами для обертывания ног вместе со ступней. Зимние обертки делались из сукна — *суконки*. У южновеликорусск в недавнем прошлом существовала мода навивать на ногу по три-четыре онучи, чтобы ноги казались толще. Это являлось признаком

[1] М. В. Фармаковский. Изделия из волокнистых материалов. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.», М.— Л., 1951, стр. 176—177.

[2] Так, например, у царицы Евдокии Лукьяновны были «башмаки с чедыги, Крымское дело, шиты по отласу по червчатому золотом да серебром волоченым» (П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 12).

[3] Л. И. Якунина. Фрагменты одежды и обуви, стр. 179. (Нужно, однако, заметить, что в тундре валенки неприменимы; в настоящее время там также употребляется меховая обувь.)

[4] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 110.

щегольства и практиковалось в некоторых местах еще в начале XX в.[1] Кое-где онучи делали из домотканного черного сукна или шерстяной ткани; такие онучи (*повилы*) известны в восточной части Рязанской обл.

У гуцулов употреблялись красные суконные обертки в форме треугольника с закругленным углом и вышитым цветной шерстью краем.

Обертка ног до щиколотки кусками холста при хождении босиком применялась белорусскими женщинами, а также южновеликорусскими, у которых эти куски холста назывались *бѐрцы*. Особая разновидность такой обертки — *колоши*, наголенники, сшитые из полотнища белого холста, перегнутого пополам; их носили с обувью (и без нее) преимущественно русские северо-запада (например, в Калининской обл.). Этот тип наголенников известен у карел (под названием *кàлжут*) и существовал когда-то у эстонцев (*kalsut*). В Архангельской обл. известны *прикопýтки*, вязанные в виде паголенок.

Украинские *завьязки, повòї, завòї* — прямоугольный кусок холста, которым обертывают ногу от нижней части бедра (немного выше колена) до нижней части голени (щиколотки) и прикрепляют каким-нибудь шнурком или тесемочкой вверху или внизу[2]. Близки к ним *поколінниці*, или *доколінниці*, из белого сукна у горных украинок, которыми прикрывали верхнюю часть ноги, оставляя ступню открытой.

Обертывание ног куском холста связано преимущественно с обувью, плетенной из древесной коры или простейшей кожаной, но практикуется и до настоящего времени при ношении сапог, главным образом мужчинами. С распространением в XIX в. более сложной кожаной обуви вместо оберток стали носить чулки, особенно женщины.

Чулки различают двух видов: сшитые из сукна и вязаные.

а) Сшитые чулки — например, *капчури* гуцулов — из красного или белого сукна (короткие, не доходящие до колен, с узорчатым краем), белорусские и украинские суконные *панчòхи*, сибирские *чулки* из сукна.

б) Вязанные из шерсти, без пятки и с пяткой. Чулки без пятки — *русские*, более старинные, распространенные еще в середине XIX в., вязали вкруговую при помощи одной (часто костяной) иглы. Чулки с пяткой — *немецкие* вязали при помощи нескольких спиц.

В праздник деревенские франтихи надевали до шести пар вязаных шерстяных чулок, собирая их гармоникой; бедные девушки обертывали ноги онучами и сверху надевали чулки. Толщина ноги являлась признаком не только красоты, но и зажиточности[3].

Местами вязанье чулок было очень развито. Занимались вязаньем чулок для продажи особенно в городах, например, в г. Павловске Воронежской губ.[4] В Великом Устюге чулки являлись предметом торговли с соседними губерниями, в особенности же с Архангельской и Вятской[5].

Чулки вязали преимущественно из овечьей и козьей (белой или серой) шерсти, а частью из бумажных ниток. Бывают многоцветные узорные, чаще полосатые чулки, а также со сложным геометрическим узором. Последние известны на русском Севере — их носят с кожаными котами мужчины. По орнаментике они имеют много общего с узорчатыми чулками коми-пермяков; сам обычай ношения мужчинами узорных чулок с низкой кожаной обувью распространен у народов коми.

[1] Н. П. Гринкова. Одежда западной части Калужской губернии, стр. 30.

[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 574.

[3] Опись коллекций ГМЭ № 160—83 из Тульской губ. (с. Вышняя Залегощь Новосильского уезда).

[4] АГО, IX—18, стр. 1—10.

[5] И. Пушкарев. Общее географическо-статистическое описание Вологодской губернии. СПб., 1846, стр. 77.

ПРИВЯЗКИ

Шнуры для привязывания примитивной кожаной или плетеной обуви также имеют различные названия: *обóры, дóрганцы* (рус.); *волóки, обмóтки* (укр.); *волóки, абóрки, обóры* (белор.). Оборы, достигающие иногда до 3 м длины, делали ременные, из растительных волокон и шерсти. Ременные оборы снабжались маленьким колечком на одном конце для продержки через него другого конца оборы и укрепления ее на ноге. Находки металлических колечек в славянских погребениях свидетельствуют о большой древности обор.

По данным XIX — начала XX в., ременные оборы носили большей частью мужчины, преимущественно в будни и на работе (сплавщики леса, пастухи). Распространены они были у белорусов, украинцев, местами у южных великорусов (Калужская, Брянская, Рязанская губернии), у северных великорусов (Тверская, Нижегородская губернии). Вместе с тем они являются общеславянским элементом обуви — известны у болгар, сербов, чехов. Они встречались, кроме того, у латышей и у верхневолжских карел.

Очень древними являются оборы, витые из лыка, употреблявшиеся у белорусов и северных великорусов еще в конце XIX — начале XX в. Льняные или пеньковые, а также шерстяные оборы были сученными или витыми и ткаными. Льняные и пеньковые оборы, распространенные повсеместно, сучили из нескольких ниток; оборы шерстяные «дергали» (древний способ плетения на пальцах, применявшийся также при изготовлении гашника для понев) или ткали (на дощечках, на нить, на бердечке, т. е. без ткацкого стана). Праздничные льняные и пеньковые оборы белили, а шерстяные оборы в ряде мест вообще являлись принадлежностью праздничной обуви, особенно у белорусов. В Витебщине в конце XIX в. с наиболее парадной обувью носили красные и черные шерстяные оборы.

Черные оборы упоминаются в белорусской поговорке: «Забиць цяцёрку у черных оборках» [1]. Известны они были, кроме того, в западных и северных областях Украины, у южных великорусов (Брянская, Калужская, Рязанская губернии) и в средней полосе (Псковская, Тверская, Смоленская губернии) (рис. 48, *3*). Кроме того, черные шерстяные оборы имелись у литовцев и латышей.

СОБСТВЕННО ОБУВЬ

Плетеная обувь

Одним из наиболее древних видов обуви, как уже указывалось, является обувь, плетенная из древесной коры. Это — лапти, привязываемые к ноге: *лáпти, кóверзни, рáчки* (рус.); *личакú* (укр.); *кáвярзни, щербачнú, пыхряснú, пыхлопнú* (белор.) и *ступни*, надевавшиеся без привязки. Их плели преимущественно из липового или вязового лыка и из бересты. Различается несколько типов лаптей (рис. 85 и 86).

1. Белорусские лапти — из вязовой, лозовой или тальниковой коры, а также из липовых лык и реже из бересты; подошва у них прямого плетения; бока и верхнюю часть ступни огибают петли, которые собираются на веревочку или лыко и стягиваются вокруг ноги (рис. 86, *1*). Наиболее легкие из них — *покосные* — состоят почти только из одной

[1] Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 123.

подошвы. Кроме них, имеются и другие, более прочно сделанные. Близки к этому типу, распространенному у белорусов, личаки украинцев и лапти некоторых мест в западнорусских областях (в б. Псковской, Новгородской, Смоленской и Орловской губерниях), а также лапти литовцев и латышей.

2. Московские, или вятичские, лапти — с круглой головкой и толстыми бортами, выполненные техникой косого плетения — преимущественно из липовых лык (рис. 86, *2*). Праздничные лапти — *писаные* —

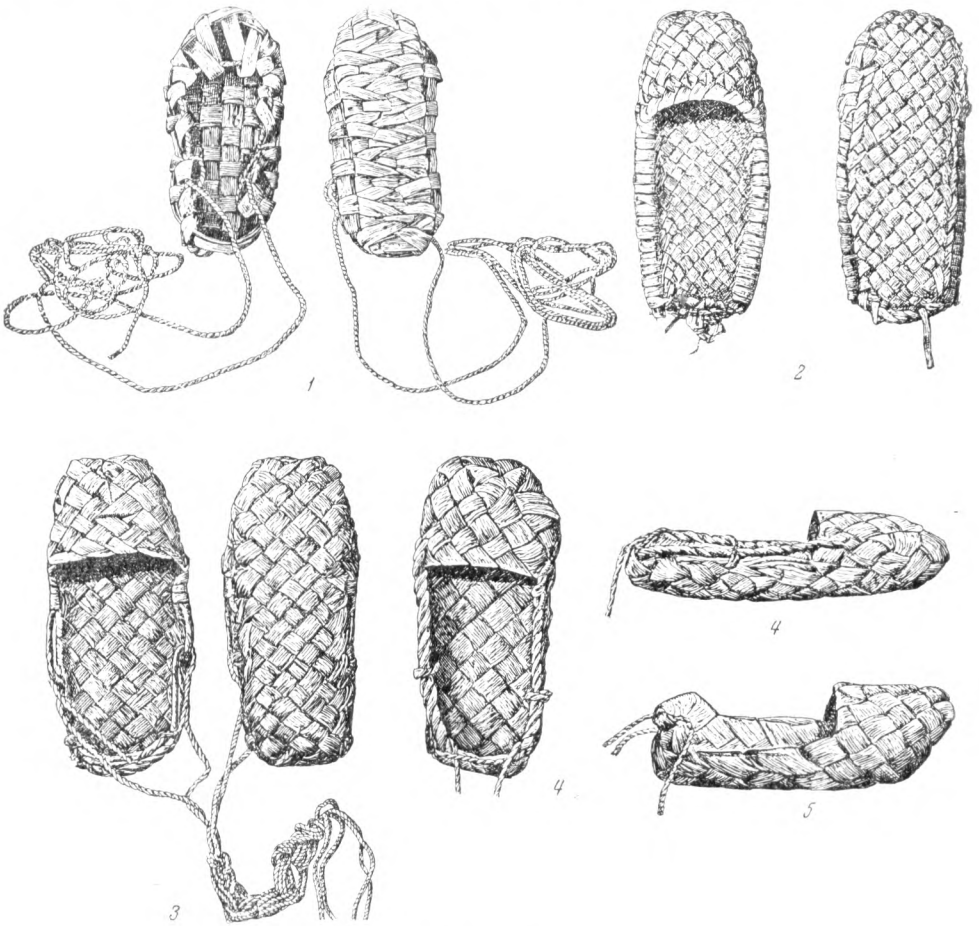


Рис. 86. Типы плетеной обуви

1 — «белорусские» лапти; *2* — лапти «московские» из липового лыка (Рязанская губ.); *3* — «мордовские» лапти (Рязанская губ.); *4, 5* — северные берестяные лапти (Весьегонский уезд Тверской губ.; Шенкурский уезд Архангельской губ.)

по головке покрывали вторым слоем более мелкого плетения. От количества полос лыка, употребляемых для плетения, лапти назывались *пятерики́, шестерики́* и пр. Зимние лапти *подковыривали* — проплетали по подошве веревкой для прочности и тепла. Лапоть московского типа в прошлом был распространен в Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, части Воронежской, Курской губерниях; на севере

от Москвы встречался в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Вологодской губерниях. Область его распространения в основном совпадает с территорией, населенной в прошлом вятичами; к северу и к югу от нее данный тип обуви, как полагает Н. И. Лебедева, появился в связи с московской колонизацией и московским влиянием, вытесняя другие типы (как, например, «рачки» одного типа с белорусским) [1]. Этот тип лаптя называется в Поволжье «русским», в отличие от чувашского, татарского, мордовского и других типов.

3. Лапоть мордовского типа — преимущественно из вязовых лык, косого плетения с головкой трапециевидной формы и специальными петлями из лыка (с боков и сзади) для обор (рис. 86, *3*). Такой лапоть был распространен в восточной части Рязанской губ. (Касимовский, Егорьевский, Сапожковский уезды), но более всего — у мордвы, почему и известен у русских под названием «мордовского»; отмечен также в Нижегородской, Пензенской, Владимирской губерниях (в Муромском и Меленковском уездах) и севернее вплоть до Суздали, где, видимо, являлся древним типом.

4. Северный тип лаптя, иногда на северо-западе называвшийся *ко̀верзень* (аналогично белорусскому типу лаптя), а на архангельском Севере — *верзень* — из бересты, косого плетения, с низкими бортами (рис. 86, *4* и *5*).

В качестве летней обуви, главным образом на покосе, его носили в Новгородской, Псковской, на севере Тверской и Ярославской, а также в Архангельской и Вологодской губерниях, т. е. преимущественно на территории, где преобладало новгородское влияние.

Мы различаем два варианта берестяных северных лаптей: с оборниками — петлями для обор по бокам (Ярославская, Тверская и другие губернии) и без оборников (олонецкие, архангельские ве́рзни).

К лаптям прямого плетения относятся чувашский, марийский, татарский типы. У русских они имели узко локальное распространение в некоторых поволжских селениях, где они жили по соседству с татарами, чувашами и марийцами.

Плетеная обувь из лыка или бересты, которую носили без привязывания к ноге и чаще всего на босую ногу, в качестве будничной, рабочей, домашней обуви, особенно при уходе за скотом, имела форму туфель или башмаков (*сту́пни, бахи́лы*; были и другие названия).

В северных губерниях местами плели берестяные или лыковые сапоги с высокими голенищами для хождения в лесу, по болотам.

Кроме древесной коры, для плетения использовались в некоторых местах веревки, полоски ткани. Плетенные из веревок *чу́ни, чу́шки, шоптуны́, шо́птанники* были рабочей, большей частью домашней обувью. Носок чуней отличался квадратной или закругленной формой; плетение было прямым, как у татарских или марийских лаптей.

В литературе есть указания на употребление рабочей обуви, плетенной из конского волоса — *волосников* [2].

Обувь из дерева, как указывалось выше, не была типичной для восточнославянских народов, но употребление ее для хождения по болотам отмечено кое-где на Волыни и в смежных с нею областях Украины и Белоруссии, а также в Закарпатье. Это — род деревянных выдолбленных из цельного куска дерева калош (*кайдани, деревьянці, деревя́нники*).

[1] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 114.

[2] П. Р. О сбережении и размножении лесов. «Труды Вольного экономического об-ва», ч. VI, 1767, стр. 111.

Кожаная обувь

Кожаную обувь можно подразделить на: 1) сделанную из одного куска кожи, собранного вокруг ноги на ремешке, продетом в прорези, или двух кусков кожи, сшитых один с другим, которую привязывали оборами, и 2) с пришитой подошвой и с каблуком, которую носили чаще не

Рис. 87. Виды кожаной и валяной обуви

1 — постолы: *а* — общий вид; *б* — крой (с. Билин Раховского округа Закарпатской обл.); *2* — ходаки: *а* — общий вид; *б* — крой (с. Верховино-Быстра Верхне-Березовского округа Закарпатской обл.); *3* — праздничный сапог уральских казаков (XIX в.); *4* — бродни — рабочие сапоги из Восточной Сибири; *5* — русский валяный орнаментированный сапог XIX в.

привязывая. К первой группе относят *по́ршни*, *мо́ршни* (рус.); *постоли́*, *моршенці*, *ходаки́*, *хвилінки* (укр.); *пастылы*, *ходаки́*, *моршонки*, *хвилянки* (белор.).

Прототипом обуви типа поршня из одного куска кожи Д. К. Зеленин считает обувь из шкуры мелкого животного [1]. Наиболее распространена

[1] D. Zelenin. Указ. соч., стр. 239.

эта обувь была в западных областях Украины, где ее носили во все времена года, особенно летом. У гуцулов постолы носят до настоящего времени. Делают их и с острыми носками, которые образуются из двух передних несрезанных углов четырехугольного куска кожи (рис. 87, *1*). Шьют их чаще из коровьей или свиной сыромятной кожи; последние считаются лучшими.

Название «моршни», по мнению Ф. К. Волкова, указывает на способ их изготовления [1]. Моршни, поршни отмечены у великорусов б. Вологодской губ. [2]; обувь того же типа — *калúшки*, но сшитая из двух кусков кожи,— в б. Тверской губ. По археологическим данным, поршни были известны, как уже упоминалось выше, в древнем Новгороде, Смоленске и Москве. Это опровергает утверждение Ф. К. Волкова [3], что у великорусов такой вид обуви не встречался. Он распространен также у болгар, сербов (*опинци, опанки*). Кроме того, он известен у румын (*обушта, опанки*) [4] и у других соседей восточных славян: например, у эстонцев, латышей, карел.

Крайняя бедность большей части крестьянства обусловила сохранение примитивной обуви из коры и из кожи в деревне в XIX в. и даже в начале XX в., кое-где вплоть до Октябрьской революции. Однако распространение различных видов примитивной обуви было неравномерно: плетеная обувь — в основном у белорусов и южных великорусов; простейшая обувь из кожи — у украинцев, у которых плетеная обувь исчезла значительно раньше, чем у остальных восточнославянских народов. Наличие липы, березы было, конечно, важным условием употребления плетеной обуви, но решающим — экономическое положение крестьянства. Области бытования обуви из лыка и бересты совпадают с областями, где сильнее всего был помещичье-крепостнический гнет: это — южновеликорусские центральные, преимущественно черноземные области и Белоруссия. Не знало лаптей население наших южных степных областей и Сибири и ряда мест Крайнего Севера.

В других местах лапти являлись только рабочей обувью и обувью бедноты. Так, например, на Севере лапти в XIX в. употреблялись сравнительно мало, большей частью только для работы. У южных же великорусов, особенно центрально-черноземной полосы и прилегающих к ней областей, эту обувь носили и в будни и в праздники еще в конце XIX в.; носили зимой и летом, в ней венчали и хоронили.

По данным XIX в., употреблялось несколько видов более сложной кожаной обуви с толстой пришивной подошвой и каблуком: *коты* — низкая, довольно грубая обувь, преимущественно женская, с каблуком, иногда снабженным медной подковкой; башмаки — *полсапòжки, щиблèты* с резинкой; ботинки — на пуговицах, шнурках и обувь с высоким голенищем — *сапогú* (рус.), *чòботи* (укр.), *чòботы, бòты* (белор.).

Коты в XIX в. являлись праздничной обувью; их носили с чулками, иногда привязывая к ноге оборами. Женщины из зажиточных семей праздничные коты украшали красным сукном с блестками. Были коты, выложенные цветным сафьяном и выстроченные мишурой. Один из корреспондентов Русского географического общества в 1856 г. упоминает о своеобразном украшении праздничной кожаной обуви женщин Новосильского уезда Тульской губ. (теперь Орловской обл.), тех, «кто позажиточней»:

[1] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 575.
[2] Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии, вып. 2, стр. 19.
[3] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 575
[4] Там же.

«к каблукам котов у крестьянок... прикрепляются бубенчики и колокольчики, которые, соединяясь с бубенцами на поневах, производят ужасную трескотню» [1]. Другие названия котов: *ча́ры, чиркú, виркú, улéди, тюрикú, ходакú, вы́ступки, хло́панцы, босовикú, ту́хли* (т. е. туфли) (рус.); *черевúки* (укр.), *черавúки* (белор.).

Сапоги — преимущественно мужская обувь, но их носили и носят также женщины (особенно на Украине). Женские украинские праздничные сапоги шили из разноцветной кожи со слегка загнутым вверх носком, с невысокими голенищами (*халявами*) и с каблуками выше мужских. У великорусов женские сапоги шили большей частью из черной кожи и верх отделывали полосками из цветного сафьяна. Длинное голенище «набирали» в сборку — «гармоникой», так что сапоги становились невысокими.

Еще в середине XIX в. мужские сапоги нередко были выворотными. Их шили домашним способом, из мягкой кожи при помощи дратвы, на прямую колодку, т. е. не различая, на какую ногу шьют; но затем повсеместно вошли в употребление сапоги, сшитые на «косую» колодку (с различием для правой и левой ноги), с подошвой на деревянных гвоздях.

У уральских казаков старинная обувь в виде мягких сапогов из цветного сафьяна, вышитых золотом, употреблялась в качестве праздничной, парадной еще в первой половине XIX в. Эти сапоги напоминали обувь, которую носили в XVI—XVII вв. (рис. 87, *3*).

Русские сапоги из яловочной кожи, юфти, делались с пришивным голенищем или *цельные, вытяжные* (последние стоили дороже), с набойками или более высоким каблуком, к которому прибивалась медная подковка. Сапоги *гармошкой* с осадкой голенища в сборку, или сапоги *с бураками,* бытовали у всех трех восточнославянских народов. В XIX в. (особенно во второй половине) кожаная обувь все более распространялась в деревне, но у большинства крестьян она была лишь праздничной. П. В. Шейн рассказывает, что у белорусов сапоги — боты «тщательно береглись и передавались по наследству» [2].

Резиновые калоши, которые надевали на сапоги, стали появляться в деревне со второй половины XIX в.,— сначала в среде сельской буржуазии и наиболее зажиточных крестьян. Их носили даже в сухое время года, больше из щегольства (в праздники на вечеринках калоши не снимали и во время танцев).

В ряде мест сапоги имели большое значение и в качестве рабочей обуви, особенно на промысловом Севере.

Характерны для Севера промысловые (у охотников и рыбаков) *бахи́лы, ловча́ги* — непромокаемые (иногда с головкой из тюленьей кожи) сапоги, чаще выворотные, сшитые обычно домашним способом, с высокими голенищами, которые часто на ременных петлях или ремешках подвязывались к поясу; кроме того, иногда ремешками подвязывали их под коленом, а широкие раструбы голенищ отворачивали. (Бахилами называют иногда и обычные сапоги с пришивной головкой.) Того же типа у русских сибиряков *бро́дни,*— состоящие из чирков с пришитыми просторными длинными голенищами, стягивающиеся на ноге ремешком (рис. 87, *4*).

Крупным центром изготовления сапог для рыбного промысла, выворотных, а также на гвоздях, с голенищами выше колена, был г. Осташков Тверской губ.; эти сапоги были известны далеко за пределами губернии под названием *осташи.*

---

[1] АГО, р. 42, № 48, стр. 32—33.
[2] П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 45.

Валяная обувь

В XIX — начале XX в. широкое распространение получила валяная обувь с высоким голенищем — валяные сапоги, называемые у русских *вàленки, кàтанки, кàтанцы,* или *пимы́* (сибирск.); у белорусов — *валинцы*; у украинцев — *валюшки* и *валінци*. Они изготовляются преимущественно из овечьей шерсти коричневого, белого и серого цвета. Валенки светлой расцветки иногда украшались орнаментом из красных точек (рис. 87, *5*) и ценились дороже.

Валенки, повидимому, сравнительно позднее изобретение великорусов. Валяную обувь с высоким голенищем стали изготовлять впервые в начале XIX в. в Семеновском уезде Нижегородской губ. [1], но низкая валяная обувь, без голенища или с суконными голенищами, существовала издавна (*коты, чуни, валенки, кеньги*). Сведений об употреблении валяной обуви с голенищами в более раннее время ни в исторических документах, ни по этнографическим данным пока не обнаружено, что может служить до известной степени подтверждением их позднего происхождения; однако вопрос о времени появления валенок требует еще дальнейшего уточнения. Изготовляя валяные сапоги, семеновские валяльщики сначала делали низкие валенки, а затем к ним пришивали голенища, но вскоре перешли к изготовлению цельного валяного сапога. Производство валенок быстро распространилось по всей России.

Валенки — твердая обувь, сделанная на колодке; в этом ее отличие от мягкой войлочной обуви в виде чулка, известной на Кавказе, у татар Поволжья и у других народов. Твердую валяную обувь носят зимою, а *чо́санки* [2] и в осеннее и весеннее время, но непременно с калошами. Потребность в теплой зимней обуви, а также развитие овцеводства содействовали широкому употреблению валенок не только русскими, украинцами и белорусами, но и всеми другими соседними народами.

---

[1] «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. VI, СПб., 1880, стр. 588—589.

[2] Кроме твердых и гладких валенок, натертых пемзой, еще в первой половине XIX в. стали делать *чосанки*, более мягкие и с начесом.

IX. РУКАВИЦЫ, ПЕРЧАТКИ, НАРУКАВНИКИ

У всех восточнославянских народов употреблялись *рукавицы,* или *вàреги, вàрежки,* с одним пальцем, вязаные, кожаные, матерчатые (иначе — *рукавки, верхòньки, кòжанки, шýбницы, дèльницы, делёнки, мохнàтки, гòлки, вàчуги*). Большей частью их носили в два слоя. Еще в XVIII в. отмечалось, что русские всех сословий «рукавицы имеют длинные кожаные, досягающие почти до локтей, в которые вложены, для зимы, валишки, или шерстяные валяные рукавицы, которые покороче кожаных» [1]. У белорусов в холодное время под рукавицы также надевали *исподки.* Варежки, вязёнки, исподки вяжут из овечьей или коровьей шерсти, иногда с узором. Рукавицы, надеваемые поверх исподок, шьют большей частью из сукна, кожи или меха (овечьего или козьего), а на Севере, кроме того, из оленьего, собачьего, волчьего, медвежьего, мехом наверх. Варежки со своеобразным геометрическим многоцветным узором изготовляют на Севере (Поморье, Пинега, Печора, Мезень), в Псковской обл., а также у белорусов. Орнаментация вязаных изделий характерна особенно для народов коми, для эстонцев и других народов Прибалтики. Черты сходства геометрических узоров в этих изделиях позволяют говорить об общности элементов культуры народов коми, Прибалтики и соседнего русского населения.

Упоминания о «перщатых рукавицах» (от славянского «перст» — палец с пятью пальцами, т. е. о перчатках, встречаются в документах XVII в. В русской деревне XIX в. они назывались *персчатки, перчанки, перстанницы.* У белорусов (в наиболее западных районах) перчатки назывались «*скарпéтки*». Перчатки преимущественно вязали из овечьей, козьей и другой шерсти, или же шили кожаные на меху. Иногда праздничные вязаные перчатки так же, как и варежки, делали узорными. В Вологодской обл., в б. Сольвычегодском уезде женщины шили перчатки из сукна (или сафьяна, смотря по зажиточности), расшивали сверху серебряной или золотой нитью; их надевали в особые дни, на пасху в них ходили звонить на колокольню.

Повидимому под влиянием городской моды, к концу XIX в. деревенские франтихи стали одевать в праздники вязаные нитяные перчатки особого вида без пальцев, длиной до локтя. На Севере (б. Олонецкая губерния) такие перчатки получили своеобразное местное название «*накулачники*».

Варежки, рукавицы, перчатки крестьянки изготовляли сами или покупали на базарах и ярмарках. Производство их было сосредоточено преимущественно в нечерноземных губерниях (в городах и селах). Шитьем кожаных рукавиц на продажу занимались в б. Вятской, Владимирской губер-

---

[1] «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», стр. 128.

ниях, в Западной Сибири; вязанием варежек на продажу — в Нижегородской, Владимирской, а вязанием перчаток — в Петербургской губерниях.

Нарукавники [1], *рукавички, рукава* — холщевые рукава с завязками при помощи которых они укрепляются ниже плеча. Один или два таких рукава надевали жнеи для предохранения рук и одежды от повреждений.

Следует сказать о нарукавниках другого рода — о *«нара́квицах»*. Нараквицы — это поручи (в виде широкого браслета) из ткани или же вязаные, а иногда (для зимы) из овчины, сшитые мехом внутрь, с застежкой из пуговиц и петель. Ношение их не характерно для восточнославянских народов. Носят их в Закарпатской и Черновицкой областях и кое-где у белорусов мужчины и женщины, поверх рукавов или под широкими рукавами рубахи. Тканые нарукавники украшают вышивкой шерстью (например, красные суконные нарукавники у гуцулов); праздничные овчинные — также орнаментируются. Вязаные из разноцветной шерсти узорные нарукавники (*ро̀квици*) девушки изготовляют как подарок молодым людям [2].

---

[1] Не надо смешивать с наплечной женской одеждой.

[2] А. А. Лебедева. Социалистическое переустройство хозяйства и быта населения Закарпатской области УССР. М., 1952, кандидатская диссертация. Архив ИЭ

X. УКРАШЕНИЯ

Украшения восточных славян разделяются на носимые на руках, на голове (висках и ушах), на груди, спине и у пояса.

Некоторые украшения имели одновременно и утилитарное назначение — для скрепления одежды, застегивания пояса (например, фибулы, запонки, чапраги); другие являлись только украшающими предметами (например, серьги, ожерелье и др.).

Обильный и разнообразный материал о древних восточнославянских украшениях дают археологические раскопки и ряд письменных свидетельств, а об украшениях XIX—XX вв.— этнографические данные.

РУЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

З а п я с т ь я — браслеты металлические (медные, серебряные и др.) и стеклянные встречаются в женских и мужских погребениях восточных славян, однако в первых — значительно чаще. Металлические браслеты делались пластинчатыми, литыми и из проволоки. Браслеты из витой проволоки известны у всех восточных славян, особенно у ильменских словен, кривичей и вятичей [1]. Браслеты, по мнению археологов, украшали предплечья обеих рук. В каждом из женских вятичских погребений обнаружено по нескольку браслетов. Стеклянные браслеты, в изобилии встречаемые на территории от Ладоги до Тьмутаракани, как полагают, первоначально были привозными, а затем их производство развилось в Киевской Руси. Стеклянные браслеты были, повидимому, украшением горожанок, так как они встречаются преимущественно в городищах [2].

По этнографическим данным XIX — начала XX в. в этот период браслеты не принадлежали к числу распространенных народных украшений у восточнославянских народов. Они появились в крестьянском быту в это время под влиянием сравнительно поздней городской моды, большей частью среди сельской буржуазии.

П е р с т н и и к о л ь ц а из меди, а иногда серебряные и золотые в изобилии представлены в курганных находках. По документам XV—XVII вв. *пѐрстни, кòльца, напа̀лки, жуковѝны, жуковѝцы* являлись мужскими и женскими украшениями. Напа̀лком назывался массивный перстень, носимый на указательном пальце; жуковиною — перстень с резною вставкою [3]. Кольца и перстни [4] изготовлялись из золота и серебра,

[1] А. В. А р ц и х о в с к и й. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 10.

[2] Там же, стр. 26.

[3] П. С а в в а и т о в. Указ. соч., стр. 99; термин «жуковина» в Поморье в XIX в. также обозначал камень в перстне.

[4] По В. Далю, перестнем называется кольцо со щитком или камнем.

меди, железа, олова и нередко украшались финифтью, резьбой и драгоценными или поддельными камнями; их делали иногда с именной печатью. Дорогие перстни упоминаются в духовных завещаниях того времени — они передавались как родовое наследство. Перстни, кольца носили во всех слоях народа; на это указывает и роль перстня в обрядах и значение его в народной лирике. По данным XIX — начала XX в., перстни и кольца в деревне были преимущественно женским украшением. В крестьянской среде носили серебряные, медные и оловянные кольца.

О «казачихах», как называли девушек-батрачек в Архангельской обл., была сложена частушка:

Казачихи бедные,
У них кольца медные,
Серьги оловянные,
Хозяйки окаянные [1].

Со второй половины XIX в. получили распространение фабричные кольца, в частности обычные обручальные кольца из белого или желтого сплава (на Украине называвшиеся *каблу́чки*). Были оригинальные перстни и кольца местного изготовления: у гуцулов — мужские перстни из меди с тремя пирамидальными шишками и женские — с орнаментированными щитками, усаженными врезанными в медь бусинами, или с инкрустацией из цветной пасты — имитации эмали [2], а у русских Сибири и у украинцев — перстни-*печатки*.

ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Височные кольца были широко распространены у славян и, как считают археологи, составляли одну из наиболее характерных черт, которая позволяет выяснить расселение древних восточнославянских племен.

Для вятичей характерны были так называемые семилопастные подвески — с семью расширяющимися книзу лопастями; для радимичей — семилучевые подвески — с семью сужающимися книзу лучами; для ильменских словен — проволочные кольца с ромбическими расширениями и многобусинные кольца: для северян — спиральные кольца; для кривичей — большие проволочные кольца, отличающиеся по размеру от колец всех остальных славянских племен [3].

Металлические височные украшения в XVIII — начале XX в., судя по этнографическим данным, не бытовали. Однако девушки и замужние женщины носили некоторые другие виды височных украшений, в большинстве перечисленные выше при описании женских головных уборов (из бисера и стекляруса, из перьев и из искусственных цветов):

1. Подвески в виде спускающихся от висков бисерных или стеклярусных нитей или кистей, которые нередко прикреплялись к полосе ткани, повязанной на голове.

2. Украшения из перьев (у южных великорусок и украинок): селезневые перышки — *коси́цы*, *ку́дри*; павлиньи и крашеные петушиные перья,

---

[1] «Рыбацкие песни и сказы. Запись текстов, статья, указатели Р. Липец». М., 1950, стр. 112.

[2] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 552, 553, 579.

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 44—45.

которые подтыкались или подклеивались под сложный головной убор или платок, повязанный вокруг головы.

3. Пучки из искусственных цветов, также называемые косицами, которые носили девушки в Закарпатье вместе с венком [1].

УШНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Ушными украшениями у восточных славян являются серьги (*чýсы, чýски, ушники, кóлтуши, кóлтки*). В деревне XIX — начала XX в. серьги медные или серебряные, а у более богатых и золотые служили в основном женским украшением. В древней же Руси серьги составляли украшение как женщин, так и мужчин. Князь Святослав, как известно по описанию современников, носил серьгу в одном ухе. Традиция ношения мужчинами одной серьги сохранялась у русских и у запорожских казаков в XVI—XVII вв.; даже в XIX — начале XX в. местами ношение серьги молодыми крестьянами считалось признаком щегольства.

Восточнославянские украшения вообще и серьги в частности недостаточно изучены этнографически. Среди коллекций старинных русских серег большой интерес представляет коллекция ГМЭ, собранная Н. Л. Шабельской. В ней наиболее многочисленны серьги с подвижными подвесками.

а) Длинные, довольно разнообразной формы литые серебряные серьги, иногда с орнаментом, выполненным насечкой, или филигранные, с четырьмя или пятью подвесками из металлических пластин со вставками из камня, стекла, бусин (рис. 88, *1—5*).

б) Серьги из двух длинных неподвижных подвесок-стержней с мелкими бусинами, пластинами и крупными бусинами в центре (рис. 88, *6*).

в) Серьги грушевидные (рис. 88, *7*) или в виде винограда из граненого стекла или самоцветов. В Новгородской и Псковской губерниях их носили с кокошником. Металлические серьги с длинными подвесками по всему Северу назывались *чýски, кóлтуши, кóлтки*. Там же носили серьги, низанные из жемчуга; короткие жемчужные серьги назывались *пя́сы*, а длинные — *петли* [2].

В южновеликорусских областях, кроме серег новейшего фабричного или кустарного производства, носили самодельные серьги — *двойчатки* из мелкой проволоки и бусин, которые делали особые деревенские мастерицы — «сережницы». Наиболее ценились серьги с перламутровыми бусинами; кроме них, использовали хрустальные бусины и костяные шарики, а в начале XX в.— дутые стеклянные бусины. Серьги из бусин носили также белоруски и украинки; более состоятельные — из кораллов.

У гуцулов изготовлялись разнообразные металлические серьги, среди которых были и грушевидной формы (рис. 88, *8*); серьги с подвесками, так же как у русских, назывались *ковтки*. Гуцульские серьги, а также и другие украшения гуцулов из металла заслуживают специального изучения, представляя большой интерес для этнографа и искусствоведа.

У южных великорусок еще в XIX — начале XX в. ушным украшением были *пушки* — шарики из белого (редко из черного) гусиного пуха или заячьих шкурок; как бы их имитацией были шарики или розетки из разноцветной шерсти. Девушки надевали их с лентой, замужние женщины — с сорокой, а изредка с кокошником. Пушки прикреплялись к серьгам или к небольшим колечкам, продетым в ухо; иногда их надевали на ушную раковину при помощи ремешка.

[1] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 548, рис. 13, *е*. Отметим, что «косица» — синоним «виска».

[2] П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 59—60.

Рис. 88. Украшения из металла

Русские серьги: *1—5* — литые серебряные, с подвесками; *6* — с бусинами на стержнях; *7* — грушевидные серебряные с самоцветами; *8* — грушевидные металлические украинские (гуцульские); *9* — чапраги — застежка от пояса (гуцульская)

Пушки, представляющие характерное южновеликорусское украшение, распространены также у всех групп мордвы (эрзя, мокша, терюхане) и горных марийцев. Наиболее северные места бытования пушков находились в Тверской и Псковской губерниях [1], переходных от средне- к северновеликорусскому диалекту, а кроме того, случаи бытования подобного же украшения отмечены в Вологодской обл. [2]

НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Бляхи и фибулы, служившие застежкой для одежды (особенно плаща-корзна), встречаются сравнительно редко в славянских древностях (находки в дружинных курганах X в., изображения XI—XII вв.). В летописи (под 945 г.) упоминается термин *сустуг,* который в дальнейшем не удержался в народной восточнославянской терминологии, но у мордвы в XIX — начале XX в. служил для обозначения нагрудных фибул.

Как можно судить по этнографическим материалам XIX — XX вв., фибулы не характерны для восточнославянского костюма, в противоположность костюму финнов Поволжья и чувашей, у которых они употребляются до настоящего времени для скалывания глубокого разреза ворота рубахи, а также эстонцев, суоми и латышей (у последних они используются для скалывания плащевидной женской одежды). Большое значение фибулы имели, таким образом, повидимому, у народов, носивших туникообразную рубаху и плащевидную одежду.

Скрепление одежды как мужской, так и женской при помощи запонки особенно распространено на Украине и в Белоруссии (*шпóнька, спінка* — укр.; *шпóнка* — белор.). Это два металлических кружка, один большего, другой меньшего диаметра, соединенных стержнем. В верхний больший кружок для украшения часто вставляли кусочек зеркальца или стеклышко с подложенной фольгой и т. п.

ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Шейными украшениями восточных славян издревле являлись *гривны, ожерелья, бусы, цепочки* и др.

Гривны — металлические обручи из меди, серебра или золота — встречаются и в мужских и в женских славянских погребениях X—XIII вв., а также в богатых киевских и владимирских кладах. Гривна имела двоякое значение: украшения у женщин и знака отличия у мужчин. В Ипатьевской летописи под 1015 г. упоминается, что князь Борис в знак отличия возложил на своего любимого отрока большую золотую гривну [3].

Гривны, как полагают, служили в древней Руси не только украшением, но и деньгами; затем они были заменены слитками, на которые и было перенесено это название. Свидетельством более позднего бытования грив-

---

[1] Н. И. Лебедева. Этнологические материалы..., стр. 109. Рукопись находится в архиве ГЛМ.

[2] Как описал Г. Н. Потанин, путешествуя по Вологодской губ., крестьянки «в серьги вставляют жировые железы, вырезанные у диких уток; высохнув они сильно раздушаются; это украшение называется пушками; здешняя поговорка «пушки — золотые ушки» («Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы». «Живая старина», 1899, вып. II, стр. 209—210).

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стр. 58.

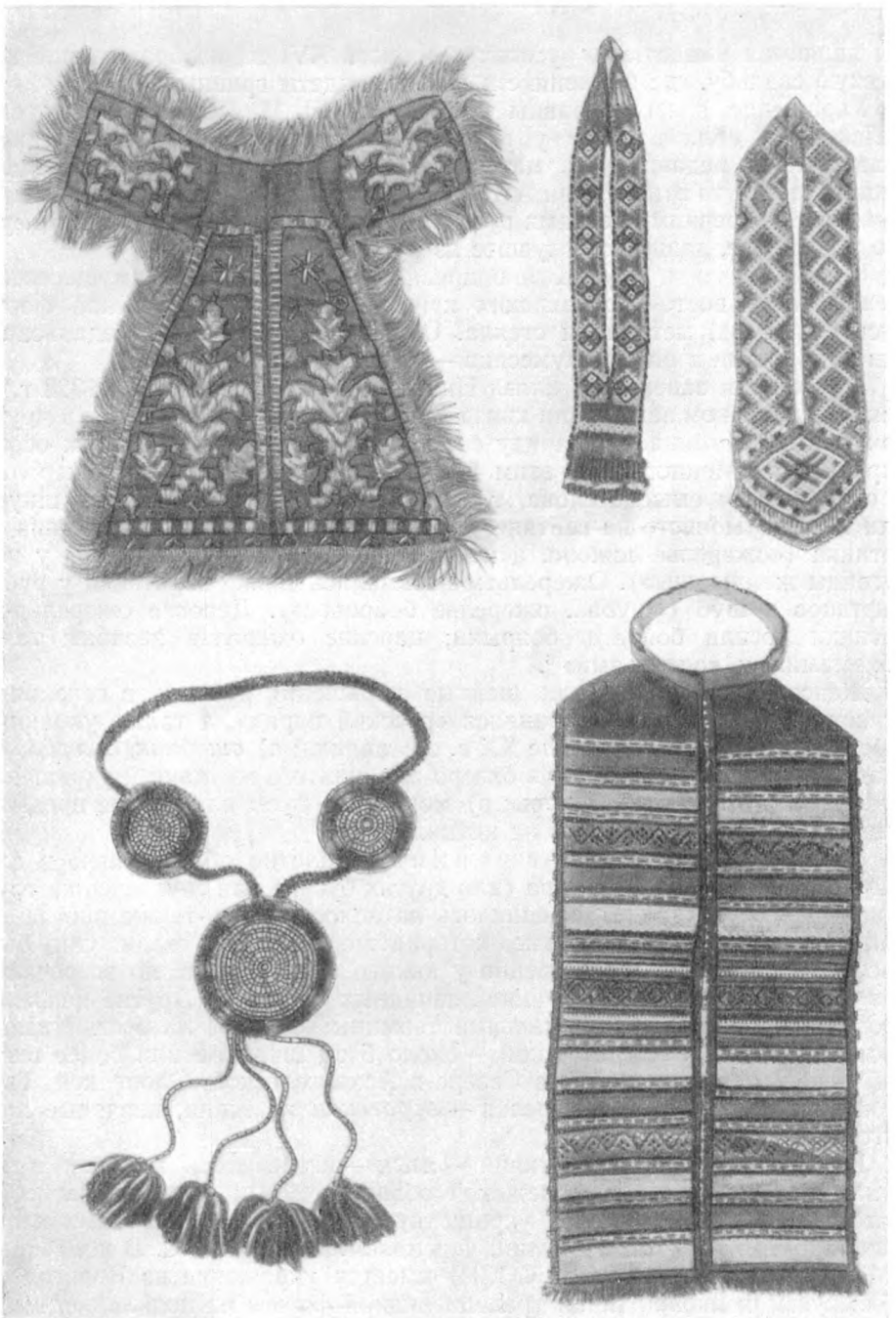


Рис. 89. Женские шейные и наспинные украшения

Шейное украшение из шелковой ткани, вышитой золотом, с бахромой из золотой нити (слева вверху); бисерные украшения Рязанской и Воронежской губ. (справа вверху); «заметка» из стекляруса и гарусного шнура — наспинное украшение молодой женщины (Воронежская губ.) (внизу слева); крылышки (Рязанская губ.) (внизу справа)

ны являются миниатюры русских летописей XVI в., изображающие княжескую свадьбу, где на женихе и невесте надеты гривны [1].

Украшение в виде гривны обнаружено Н. И. Лебедевой у русских в Псковской обл., а также у группы эстонцев-сету, где оно бытовало сравнительно недавно (см. материалы Русской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1953 г.). [2] Сету наряду с некоторыми очень древними чертами русской одежды сохранили, повидимому, и это украшение, давно исчезнувшее из русского быта.

Ожерелья и бусы и в древней Руси носили преимущественно женщины. В восточнославянских курганах найдены различной формы бусы из камня, металла и стекла. Ожерелья снабжались медальонами или подвесками в виде полумесяца — «лунницами».

В духовном завещании князя Ивана Даниловича Калиты (1328 г.), а также в духовном завещании князя Верейского (около 1486 г.) и в других документах упоминается наряду с «монистом» и «ожерелье», как особое украшение. «Монисто», по этим документам, представляется ожерельем в современном смысле слова, т. е. бусинами, нанизанными на шнурке или нитке («монисто на гайтане»), а «ожерелье» — украшением типа воротника («ожерелье сожоно, а исподней ряд снизон, да четыре у него пугвицы жемчюжны»). Ожерельем назывались также воротники у рубах, кафтанов и шуб («шуба... ожерелье бобровое»). Дорогие ожерелья-воротники носили бояре и боярыни; царские ожерелья названы также «бармами» и «оплечьями» [3].

Женские нагрудные или шейные украшения русских, в селениях и отчасти в городах, где сохранялся «русский наряд», а также украинцев и белорусов в XVIII — начале XX в. составляли: а) *ошейник, ожерёлок,* в виде воротника, плетенного из бисера или сшитого из ткани и украшенного бисером; б) цепочки, шнуры; в) монисто — бусы или другие предметы (монеты и пр.), нанизанные на нитки.

Украшение типа «ошейника», плотно облегая шею в виде ажурного воротника из бисера (или других бусин) или спускаясь на грудь в виде прямоугольника, укреплялось на полосе ткани, также иногда вышитой бисером, или на нитке, которая завязывалась сзади. Оно было распространено преимущественно у южных великорусов, но встречалось и в средней полосе, и у украинок западных областей. Другие названия: *поджерёлок, нашèйник*; локальные термины: *борода, манжет.* Низаная часть поджерёлка бывает узкой — около 5 см шириной или более широкой — до 15 см шириной. На Севере в Архангельской, Олонецкой, Тверской губерниях носили ожерелья — *воротники* из ткани, низанные жемчугом *(набóрушники).*

Шейное украшение из ткани — *язык* — встречалось местами в Калужской, Брянской и Воронежской областях. Язык представляет собой полосу примерно 3 × 10 см, украшенную шнурками, пуговицами и пришитую к такой же полосе ткани, укрепляемой вокруг шеи. В коллекциях ГМЭ (фонд Музея народов СССР) имеется украшение из Вологодской обл.: кусок шелковой ткани трапециевидной формы на подкладке, вышитый золотой нитью, обшитый мишурной бахромой и укрепленный на полосе такой же ткани, снабженной пуговицей и петлей; такое же украшение дано у Н. Л. Шабельской [4]; близко к нему украшение на рис. 89, *1.*

[1] В. П. Прохоров. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881, стр. 46; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, стр. 103, рис. 31.

[2] Архив ИЭ.

[3] П. Саввaитов. Указ. соч., стр. 78 и 90.

[4] Указ. соч., рис. 20 на стр. 47.

Одни исследователи сближают язык с нагрудным украшением удмуртов, у которых имелся нагрудник, близкий к северновеликорусскому [1], или мари [2]; другие склонны считать его поздней заменой бисерного южновеликорусского украшения — *бороды* [3].

Цепочки из разноцветного бисера, плоские или в виде жгута, металлические и из других материалов были очень распространены в XIX — начале XX в.

Длинные плоские цепочки из бисера (до 1,5 м) надевались на шею и петлей спускались спереди до пояса или ниже у южных великорусов *(гайтàн, итàн, чèпка, чàпка, цепòчка, чàпочка, почèпка, решèтка)* (рис. 89, *2*).

К цепочке приделывали подвески — *висюлечки*; иногда к ней прикрепляли медный крест, и тогда она называлась *хрестовка, иконка.* Бисерная цепочка могла иметь и вторую половину, спускающуюся по спине. Имеются данные о том, что бисерные гайтаны служили и мужским праздничным украшением, например, у русских Алтая еще в XIX в.[4]

Короткие, плотно облегающие шею бисерные цепочки у украинок (как и другие украшения из бисера) назывались — *силя́нки* (название «силянки» происходит от глагола «сили́ти», «насилюва̀ти» — низать). Их плели в виде ленты 2—3 см шириной, с геометрическим орнаментом, на волосяной или нитяной основе, с завязками сзади. Другие названия бисерных украшений — *гирда̀н, гирдяни́к, ла̀нка, до̀чко, дроби́нка, лучка, га̀лочка, згà рдочка* и пр. (рис. 90).

Силянки распространены у населения горной части Украины, в Подолии, на Волыни, в Закарпатье; в прошлом они были, повидимому, известны и в восточных областях Украины.

Бисерная цепочка в виде жгута — *витòк* встречается не только у южных великорусок, но и севернее (например, в Калининской обл.).

Разновидность бисерной цепочки представлял черный шнур (гайтан, чепка), отделанный бисером, с прикрепленным внизу крестом или медальоном в виде застекленной иконки, или с кисточкой. При работе чепку перекидывали через правое плечо так, чтобы концы, соединенные вместе (обычно располагающиеся спереди), попадали под левую руку.

Бисерные украшения известны в Восточной Европе еще по курганным находкам. Этнографические данные свидетельствуют о распространенности этих украшений у восточнославянских народов, особенно у южных великорусов и украинцев. Широкое применение бисер имеет и в болгарском костюме. Характерны бисерные украшения и для народов Поволжья (мордвы, мари, чувашей).

Металлические женские цепочки из колец (*кольчужные*) и из пластинок *(лапчатые)* носили великоруски. Металлические цепи — *ре́тязі* с крестом носили мужчины-гуцулы еще в конце XIX в.

Широкого распространения металлические цепочки, однако, у восточных славян в XIX—XX вв. не имели.

Женское украшение — монисто, бусы называется также *камешки́, пе́рлицо, пёрлышко, грана́тки, янтари́, сни́зки, пру́тики, бузы́* (рус.); *кара́ли, нами́сто* (укр.); *мани́ста, кра́ли, пацю́рки, зёмчуг, гранаты, бруштын, янта́рь* (белор.). Ожерелья бывают весьма разнообразными по форме и по материалу нанизанных предметов: металл, стекло, натураль-

[1] В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. М., 1951, стр. 47, рис. 20.
[2] М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины, стр. 29.
[3] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 108.
[4] Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев, стр. 357—358.

ные ягоды, плодовые коробочки [1] и пр. В коллекциях ГМЭ имеются ожерелья русского населения Смоленской обл., искусно сделанные из соломы и низанные из речных раковин. Использование раковины-ужовки для ожерелий отмечено у группы «русской мещеры» (Пензенской обл.).

Наиболее богатые из крестьянок употребляли для ожерелий настоящие янтарь, жемчуг, кораллы, гранаты. Жемчужное ожерелье — *пёрла* носили преимущественно северные великоруски, употребляя, кроме привозного, и русский жемчуг, который добывался в наших северных реках. Больше всего ценился русский чистый и крупный жемчуг, он редко встречался в качестве украшения народной одежды; дешевые сорта жемчуга шли на украшение кокошников, девичьих перевязок, из него низали ожерелья. Нередко жемчуг заменяли имитациями — перламутром или белым бисером и пр.

Янтарь издавна добывали на Балтийском побережье; украшения из него характерны для прибалтийских народов. У восточных славян янтари, как украшение, носили белорусы, северные великорусы и часть украинцев; в южновеликорусских областях янтари встречаются лишь в костюме бывших однодворок. У русских ношение янтарей связывалось с особыми поверьями. На Севере считалось, что янтари — *перл янтарашный, восковые пёрла* — приносят здоровье и счастье, их надевали на невесту перед венцом, в качестве оберега от порчи [2]; ношение с той же целью одной янтаринки на цепочке вместе с крестом имело место среди разных групп восточнославянского населения [3].

Ожерелья из кораллов были известны у белорусов и у украинцев. В старину (XVI—XVII вв.) они ценились очень высоко и коралловое ожерелье (*доброе намисто*) было доступно наиболее богатым. Название «корали», «карали», «крали» позднее стало применяться к имитациям настоящих кораллов у украинок и белорусок и ко всякого рода бусам; нередко их делали из глины или крашеного гороха.

Металлические ожерелья представляли, несомненно, большой архаизм; в конце XIX в. они встречались только у гуцулов; например *згарди* — ожерелье из медных литых крестиков, нанизанных на ремешок, шнурок или проволоку, между которыми помещались трубочки из латуни или свернутая спиралью медная проволока. Аналогия такому ожерелью имеется в славянских древностях: ожерелья из серебра и из бронзы, снимки с которых см. в работе Б. И. и В. И. Ханенко [4]. Пережитком древнего вида украшений из металла считают *дукачі*, или *лі́чмани* (монеты или их имитации), известные в XIX в. главным образом в западных областях Украины (б. Галиции) в костюме зажиточных мещанок. Иногда один дукач носили на цепочке или шнуре. Использовались австрийские дукаты, а позднее русские рубли и местные подражания рублю — изделия с какими-либо изображениями [5].

Ожерелья из стеклянных бусин делаются: а) из бисера (несколько нитей, соединенных концами вместе и снабженных завязками); б) из

---

[1] Например, ожерелья из плодовых коробочек растения, называемого у гуцулов «клокічки». На архаичность этого украшения указывает обычай ношения его не только женщинами, но и мужчинами.

[2] См. описание свадебного обряда в сборнике «Сказки и песни Белозерского края». М., 1915, стр. 350.

[3] Записи автора в Ивановской и Калининской областях.

[4] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережий Черного моря, вып. VI. Киев, 1907, рис. на стр. 39 и табл. XXXII, № 539.

[5] Ф. К. Волков. Указ. соч., стр. 550—551.

Рис. 90. Силянки, низанные из бисера. Закарпатская область.

более крупных разноцветных литых и в) дутых бус, иногда типа елочных, которые распространились в самом конце XIX и начале XX в., так же как и стеклярус, явившийся заменой бисера.

НАСПИННЫЕ УКРАШЕНИЯ

Наспинные женские украшения — *гайтан* и *крылышки* [1]. Гайтан из шелкового или гарусного шнура надевали на шею и спускали на спину; на концах его, соединенных вместе, имелась кисточка; носили его молодые женщины в южновеликорусских областях, причем по нескольку гайтанов сразу, в зависимости от зажиточности (иногда до 20 штук) [2]. *Замётка* Воронежской обл. состояла из такого же гайтана — черного шнура, концы которого соединены вместе нашитым на них кругом, украшенным шерстью и стеклярусом (см. рис. 89, *3*); носили ее замужние женщины только до рождения первого ребенка.

Крылышки состояли из двух полос ткани (кумача, украшенного аппликацией), пришитых к узкой полоске ткани — *ошейнику* (см. рис. 84, *4*). Носили их молодые женщины в Михайловском уезде Рязанской губ. еще в конце XIX в. и в Скопинском уезде той же губернии, а под названием *апушки* — у так называемых «новосильских казаков».

Гайтан и крылышки некоторые исследователи склонны связывать с головными уборами. Гайтаны напоминают *хвосты* из шелковой тесьмы на старинных головных уборах мещеры и населения «Богословщины» Михайловского района Рязанской обл., а также — чувашек. Предположение о связи гайтанов с «хвостами» подтверждается обычаем носить гайтан на головном уборе в Брянской обл. (с. Бояновичи в б. Жиздренском уезде) [3]. Крылышки отдаленно напоминают полотенчатый марийско-чувашский головной убор — *шарпан* [4].

ПОЯСНЫЕ УКРАШЕНИЯ

К поясным украшениям относятся пряжки и подвески к поясу, кроме подвесок чисто утилитарного назначения, рассмотренных выше.

Металлические, чаще медные, пряжки — *чапра́ги*, *кля́мры* (укр.), служили застежкой кожаных мужских поясов, а у гуцулов — для укрепления на шее киптаря; их нередко художественно обрабатывали. Чапраги и клямры состоят из двух сцепляющихся друг с другом половин, иногда фигурных или украшенных геометрическим орнаментом (рис. 88, *9*).

К поясу прикреплялись также металлические фигурные крючки для цепочки, на которой подвешивали необходимые предметы.

Поясные подвески в качестве украшений известны в женском восточнославянском костюме, в частности — в южновеликорусском поневном комплексе. Это так называемые *махры, подмахо́рники, наза́дни*, бытование которых отмечено в Рязанской и Воронежской губерниях еще в начале XX в. (см. рис. 47, *2*), парные или одиночные. Первоначальное назначение таких подвесок пока неясно; возможно, что они являлись особой

---

[1] Сюда не включены украшения, укреплявшиеся на головном уборе и на волосах,— косники, ленты и пр.

[2] Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 108.

[3] Там же, стр. 108—109.

[4] С. П. Толстов. К проблеме аккультурации, стр. 76.

отметкой (племенной, родовой и т. д.). Парные матерчатые привески к поясу делали из прямоугольных кусков ткани (размером 48 × 8 см или 38 × 7 см каждая) на твердой основе; лицевую сторону их украшали вышивкой, позументом, лентой, блестками, иногда пуговицами; носили их у пояса — сзади, по бокам. Одиночная подвеска состояла из одной лопасти с длинной петлей из ленты, в которую продевали пояс; подвеску спускали от талии сзади.

Подвески такого рода имеют аналогии в костюме народов Поволжья (мордвы, мари и чувашей; у последних они называются *сарá*).

XI. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ

Рассмотренные в предыдущих главах части одежды в определенных сочетаниях друг с другом составляли устойчивые типы народного костюма русских, украинцев и белорусов, а также более мелких этнографических подразделений и групп этих народов.

В традиционном костюме, сложившемся в основном в докапиталистический период, можно различить наследие разных исторических эпох.

Подводя итоги тем немногим сведениям, которыми мы располагаем об одежде древнерусской народности, можно сделать выводы о сложении уже в это время некоторых из тех элементов одежды, которые в значительно измененном виде еще сохранялись в XIX в. Это относится к комплексу: поясная нешитая одежда (понева, две запаски, дерга, плахта, горбатка) в сочетании с рубахой с рукавами, с головным убором в виде покрывала — убруса с твердой основой, обручем или с кичкообразным головным убором. Мужская одежда того времени состояла из туникообразной рубахи с прямым разрезом ворота и нешироких штанов (возможно, что и широкие штаны имели локальное распространение).

В верхней одежде, как следует полагать, первоначально преобладали формы нераспашной глухой и плащевидной одежды.

Упоминание большинства этих частей одежды и изображение их в ранних исторических памятниках, а также сопоставление их с этнографическими данными XIX — начала XX в. позволяют говорить об их бытовании в период образования древнерусской народности.

Многие из составных частей этой одежды восходят в своей основе ко времени, может быть, еще племенного быта восточных славян,— как, например, плетеная обувь (орудия для ее изготовления были известны в неолите) или нешитая поясная одежда (названия «понева», «плахта» означают также полотнище ткани, покрывало, накидку, платок, что позволяет возводить этот тип одежды к тому времени, когда простейшее одеяние из куска ткани имело различное назначение).

Комплекс русской одежды с сарафаном надо считать возникшим в более поздний период феодальной эпохи. Весьма вероятно, что древняя форма сарафана — глухого, с широкими проймами (шушун, сукман), наиболее рано стала основной одеждой на северо-западе. Что касается собственно сарафана — косоклинной одежды со швом спереди, то его возникновение вряд ли может восходить ко времени ранее XIV в. и связано с формированием культуры северо-восточной Руси. В этот период широко вошла в обиход распашная одежда (с которой связан этот тип сарафана); сам термин «сарафан» появляется в наших источниках лишь с XIV в. В комплекс одежды с сарафаном входили душегрейка и кокошник.

В мужском костюме косоворотка вытеснила рубаху с прямым воротом. Значительные изменения произошли в верхней одежде: широко стала применяться распашная одежда, в которой наметилась двубортность. Период с XIV по XVII в., видимо, был тем временем, когда складывались и получали распространение эти виды русской национальной одежды.

Одновременно происходило формирование украинской и белорусской национальной одежды.

Женский украинский комплекс костюма с плахтой и мужской — с широкими шароварами и сорочкой, заправленной в них, стали украинской национальной одеждой.

Складывалась белорусская национальная одежда, состоявшая из рубахи, которую носили с андараком, саяном, с китликом или гарсэтом. Достоверные данные о наличии этого типа белорусской национальной одежды относятся к XVI—XVII вв., но следует предполагать, что сложился он раньше.

Видоизменявшийся в течение веков традиционный костюм в той или иной степени продолжал существовать в деревне в XIX в., являясь даже преобладающей одеждой до середины XIX в., т. е. до периода усиленного развития капитализма.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Русский народ, расселившийся на огромной территории, не был в XIX—начале XX в. полностью единообразным в этнографическом отношении. Выделяются более крупные этнические подразделения и мелкие культурно-исторические группы русского народа.

Наиболее различается по характеру хозяйственной жизни, по языку (северновеликорусский и южновеликорусский диалекты), по этнографическим признакам (жилище, одежда и пр.) население северных и южных областей.

Звеном, как бы соединяющим эти группы, являются средние великорусы (примерно на территории Псков — Калинин — Москва — Рязань — Пенза — Саратов).

Подразделение на группы южных, северных и средних великорусов по диалектам соответствует делению по этнографическим данным: однако полного соответствия в распространении этнографических и диалектных признаков нет, что вполне закономерно. Еще меньше совпадают они в областях более позднего расселения (например, в Среднем и Нижнем Поволжье).

Особенности хозяйственной жизни и исторических условий определили бытовое своеобразие этих групп русского народа; в частности, в одежде имеются два типа русского женского традиционного костюма: северно- и южновеликорусский.

Костюм средних великорусов в основном представляет как бы разновидность северновеликорусского; он развивался здесь и получил наиболее широкое распространение в период формирования великорусской народности, образования Российского государства, центром которого стала Москва. Однако в ряде мест средневеликорусской полосы преобладает костюм с поневой (север Рязанской, Пензенской и других областей).

Кратко напомним здесь признаки северновеликорусского комплекса женского костюма.

1. Рубаха с прямыми поликами и рукавами с клиньями, рубаха со слитными поликами, с цельными рукавами; широкопройменный

сарафан — шушун, сукман без разреза, надеваемый через голову, бытовавший как более старая форма, или вытеснивший его косоклинный сарафан, испытавший влияние распашной одежды, с широкими или узкими проймами; пояс как необходимая часть одежды; душегрейка — коротёна, шугай; головной убор — сорока-сдериха, самшура, в качестве праздничного головного убора замужних женщин — кокошник, а девичьего — повязка; обувь кожаная и только частично (главным образом для работы) плетеная, преимущественно берестяная, реже липовая.

2. Рубаха без поликов с цельными пышными рукавами, собранными у кисти или доходящими только до локтя; сарафан прямой, на узких лямках — круглый, шубка, а в качестве праздничного — атласник, кашемирник, штофник; пояс; душегрейка — коротёна, повойник или сборник, а в качестве праздничного или свадебного головного убора — кокошник (с платком), для девушек — повязка, коруна, рефедь и др.

Первый вариант, как уже упоминалось выше, наиболее старый из известных у северных великорусов. Второй сформировался не позднее XVII в. (он бытовал большей частью там же, где и первый, вытесняя его).

В северновеликорусском комплексе костюма выделяются также локальные варианты.

На с е в е р о - з а п а д е — в исконной области ильменских словен и в районах древней новгородской колонизации (Обонежье, район озера Лаче, Поморье и др.) ярко выражены характерные северновеликорусские черты как в жилище, так и в одежде.

Здесь сохранились значительные следы древней формы сарафана — без шва спереди (сушун, шушун, сукман). Особенность женской одежды составляли старые типы рубахи, кроенной «по-топорному»; для некоторых районов — яркие, богато орнаментированные рубахи-покосницы, узорные «подолы», а также короткая распашная кофта-нарукавники. Головными уборами были кокошник-головка, повойник с «борами» с жемчужной или бисерной поднизью, высокий моршень, девичья «челка» в виде венца. Известны были кожаные поршни и берестяной лапоть северного типа. Для верхней одежды были характерны белый холщевый балахон, кабат и др.

С е в е р о - в о с т о к — бассейн Сухоны, Северной Двины, Камы и Вятки (главным образом Вологодская, Кировская, Молотовская и другие прилегающие области) представляет ту территорию, где ярко выражен стык древней новгородской и так называемой низовской колонизации — ростово-суздальской, а позднее — московской. Связи с нерусским населением северо-востока Европы, а также населением Сибири (так как здесь пролегали пути в Сибирь) имели известное значение при формировании комплекса одежды этой части русского населения.

Кроме отдельных частей северновеликорусского костюма и терминологии, характерных и для северо-запада (принесенных из Новгородской земли), имеются своеобразные головные уборы: собственно самшура и самшура-кичка (которую носили с добавлением позатыльника и мягкого кокошника); кокошники, по форме примыкающие к типу однорогого головного убора, распространенного в центральных областях. Локальную особенность составляет девичий головной убор в виде колпака, ношение местами узорчатых мужских чулок, а в качестве верхней одежды — азяма из сукна верблюжьей шерсти и меховой дохи — яги.

Характерны лапти северного типа, но местами южного — вятичского или московского. Первые плели обычно из бересты, вторые — из липового лыка.

Центральный район — волго-окское междуречье (стык древних племен кривичей и вятичей) представляет ту территорию, где формировалось основное ядро великорусской народности. Эта полоса преобладания главным образом средних великорусов (однако на севере территории господствует северновеликорусский диалект, а на юге — южновеликорусский) характеризуется явлениями смешанного, переходного типа, хотя и здесь есть свои особенности.

Основной комплекс женской одежды составляли косоклинный сарафан, большей частью с узкими проймами и распашной, рубаха с длинными суживающимися рукавами и кичкообразный головной убор или кокошник (преимущественно носили в праздники). Последний имел форму однорогого головного убора — островерхого (Ярославская, Костромская губернии) или закругленного (Владимирская, Нижегородская, а также Казанская и другие губернии). Характерно наличие в ряде мест некоторых особенностей, присущих главным образом костюму южных великорусов: туникообразный женский нагрудник, рубаха с прямыми поликами, пришитыми параллельно основе, бисерные украшения, пушки́, рогатая кичка, повсеместное распространение, кроме кожаной обуви, липового лаптя вятичского типа и т. д.

Так, например, в Тверской губ. с ширококройным сарафаном-горбуном и рубахой с прямыми поликами или с круглой воротушкой носили поверх кички, иногда рогатой, сороку с бисерным позатыльником, употребляли бисер в качестве материала для нагрудных украшений, пушки́ из гусиного пуха, а на ногах — холщевые «калоши», кожаные калишки и черные шерстяные оборы.

Во многих местах понева была вытеснена сарафаном (Московская, Владимирская губернии, южная часть Нижегородской губ., северная часть Рязанской губ.); некоторые части первого исчезли полностью (понева), другие остались в сочетании с новым типом костюма (лапти вятичского типа, рубаха с поликами, пришитыми по основе, бисерные украшения и др.).

Сарафанный комплекс костюма в его средневеликорусском варианте характерен для областей ростово-суздальской и московской колонизации— Верхнего и Среднего Поволжья, частью Приуралья.

Западный район, представляя переходную полосу не только между разными группами великорусов, но и между великорусами и белорусами, имеет свою специфику. Северная часть его — Псковщина, тесно связанная с Новгородчиной, в одежде имела много общих с ней черт. Кроме северновеликорусского сарафана — шушуна и сарафана-клинника, а также рубахи, кроенной «по-топорному», местной формой был кокошник с шишками; прослеживались такие черты, которых севернее, в Новгородчине, не знали: пушки́, туникообразный женский нагрудник — желтик, шушка, носывка. Последняя сближает псковскую одежду не только с южновеликорусской, но и с белорусской; общим с белорусами является тип плетеной обуви, ношение черных шерстяных обор, а также белого балахона.

В одежде Смоленщины общность с белорусской и южнорусской одеждой выражена еще более ярко. Своеобразный древний комплекс составляют рубаха с несшитой поневой (бельского типа), или же с поневой-снованкой, похожей на плахту. Кроме того, местами встречается более поздний комплекс, в который входит андарак — полосатая шерстяная юбка, а местами — сарафан с кокошником, что указывает на связи с населением средневеликорусской полосы. Кроме кокошника и сороки, особенно широко была распространена наметка.

Второй комплекс женского традиционного костюма — южновеликорусский. И здесь можно выделить более старый и более новый варианты.

1. Рубаха с косыми поликами и рукавами с клиньями; пояс; понева — распашная или глухая (с прошвой); нагрудник (шушпан, навершник); кичка (чаще двурогая, иногда лопатообразная или копытообразная), а местами — полотенчатый головной убор; занавеска — передник, иногда с рукавами; обертывание ног толстым слоем ткани; лапти липовые, преимущественно вятичского типа; украшения из птичьих перьев, шарики из гусиного пуха; бисер на головном уборе и в качестве нагрудного украшения.

2. Рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе или утку; понева; сорока или повойник, сборник; занавеска; лапти или кожаная обувь — коты, которые носили с чулками, сапоги. (Тип рубахи с прямыми поликами обычно являлся более поздним; однако нужно отметить, что есть селения, где другого типа рубахи не знали.) Эта одежда была характерна для центрально-черноземных областей, включая, кроме того, Калужскую, Тульскую и Рязанскую области.

Бассейны рек Десны, Оки, Сейма и верхнего Дона являлись областью расселения древних славянских племен (вятичей, северов). Эти области вошли в состав Московского государства несколько позднее северных, в которых уже сложился тип костюма с сарафаном. В период капитализма здесь, более чем в других местах, сохранились феодально-крепостнические пережитки, тормозившие его развитие. Эти области, по преимуществу черноземные, характеризуются преобладанием земледелия с зерновым направлением и развитием в XIX в. главным образом земледельческого отхода в еще более южные области, а не отхода в крупные промышленные центры.

Эти условия имели большое значение для сохранения многих сторон традиционного быта (в частности, в одежде, постройках, обрядах, обычаях), доживших в ряде мест до Великой Октябрьской социалистической революции.

Ярким выразителем этнографической специфики этих областей является народный костюм.

Однако при наличии общих черт в культуре и быте южновеликорусских областей, народный костюм отличается здесь гораздо бóльшим разнообразием, чем на Севере, что объясняется историей края и этническим составом населения. Среди основного южновеликорусского населения вкраплены мелкие группы переселенцев из других мест. Так называемое запустение степной окраины в XIV—XVI вв. под напором кочевых племен выразилось в отливе населения (впоследствии частично возвращавшегося обратно) на север — за Оку и на запад — в лесные и болотистые места.

Приток населения из центральных областей — вольное крестьянское переселение в степь, колонизация военно-служилых людей XVI—XVII вв., а также более поздние перемещения помещиками своих крестьян — содействовал созданию этнического разнообразия на великорусском юге, что отразилось и на костюме. Имели значение и различия в исторических судьбах отдельных групп. В связи с этим выделяются несколько локальных вариантов южновеликорусского типа одежды.

Некоторое своеобразие имеет костюм населения заокской части Рязанской и Тамбовской областей — «русской мещеры» — одной из древних групп южновеликорусского населения. Часть мещеры передвинулась на юго-восток: в XVI в.— на территорию Пензенской губернии, а в XVIII в.— Саратовской, сохранив особенности своей одежды.

Кроме имеющихся в этом костюме общих для всех южных великорусов черт — таких, как наличие поневы, рубахи с косыми поликами, нагрудника, занавески и рогатой кички, имеются и особенности, которые заключаются в ношении своеобразных тяжелых браных узорчатых понев (распашных и глухих), шерстяных черных повил — толстых оберток, наличии лаптя мордовского типа. Местами отмечаются пояс с длинной спускающейся сзади бахромой, близкий по типу к мордовскому пулагаю, шелковые кисти на женском головном уборе и раковины-ужовки в качестве украшения. Здесь сохранились очень старые черты, восходящие, может быть, еще к вятичской одежде (понева, тип головных уборов и др.), и черты, которые сближают одежду русского населения с одеждой народов Поволжья, особенно — мордовской (мордовский тип лаптя, черные повилы, раковины-ужовки, пояс с бахромой и т. д.). Это свидетельствует о сложности происхождения этой группы русского населения и возможности ассимиляции славянами некогда жившей здесь мещеры [1].

Для юга Рязанской области, для Тульской, Тамбовской, Воронежской и других областей был характерен в недавнем прошлом женский костюм с легкой клетчатой, большей частью синей, но иногда черной и красной глухой поневой с прошвой и украшениями, нашитыми по подолу. Локальной особенностью являлись черные шерстяные кодманы и понитки.

Для западных южновеликорусских областей (Калужской, Орловской, Брянской) типичны были распашные поневы, украшенные по швам и подолу, которые часто носили подоткнутыми «кульком»; кроме того, встречалась и понева-плахта.

Выделяется одежда «полехов» — населения лесной части Брянской, Орловской, Курской областей [2]: кроме общих для южновеликорусского костюма черт, здесь отмечены были в 1920-х годах в качестве реликта туникообразная женская рубаха, полотенчатые и котелкообразные женские головные уборы, плетеная обувь типа белорусского коверзня, черные и красные шерстяные оборы, мужская белая шапка — валёнка, белый или серый зипун, а также ношение на поясе калиты. Н. И. Лебедева, изучавшая быт «полехов», отметила в их одежде черты, общие с одеждой южновеликорусов, белорусов, а отчасти литовцев. Она высказала также предположение, что это — потомки одной из древних славянских групп, часть которой вошла в состав великорусов, а часть — в состав белорусов [3].

Русский мужской костюм был более единообразным, чем женский: рубаха-косоворотка, пояс, неширокие порты, плетеная или кожаная обувь, шапка валяная или меховая и т. д. Локальные отличия

---

[1] В этнографической литературе существуют две точки зрения по вопросу о значении термина «мещера», упоминаемого в исторических памятниках. Б. А. Куфтин рассматривает это название как географическое. С. П. Толстов высказал предположение об обрусении части некогда обитавшего здесь финского племени — мещеры (см. сб. «Культура и быт ЦПО». М., 1929, стр. 214—215). Второй точки зрения придерживается и В. А. Васильев, собравший дополнительно исторический и этнографический материал по этому вопросу, пока не опубликованный.

[2] «Полехами» называли жителей Полесья, но в более узком значении этого слова, как указывает Н. И. Лебедева («Народный быт...», стр. 135), «полехами» называют жителей старых поселений области от левого берега р. Витебети (на востоке) до Десны (западная граница), от р. Ревны (на юге) до р. Неручи и верховьев р. Болвы (на севере).

[3] «Можно предположить по отношению к «полехам», что это была группа населения, часть которой, будучи покрыта великорусскими наслоениями, образовала группу наших полехов, другая же ее часть вошла в состав современных белорусов» (Н. И. Лебедева. Народный быт..., стр. 136).

заключаются в деталях: типе плетеной обуви, шапки, той или иной разновидности верхней одежды и т. п. Если и встречаются иные особенности, не характерные для русского костюма, то они имеют распространение на периферии расселения русских (например, широкие штаны у некоторых групп казачества и русского населения Сибири).

Своеобразные культурно-исторические группы русского населения, отличные и по своей одежде, представляли однодворцы, казачество и русские сибиряки.

Однодворцы позже стали числиться казенными крестьянами, но отличали себя от остальных крестьян, сохраняя сословную кичливость. Жили однодворцы и другие группы потомков военно-служилых людей (например, «крестьяне четвертного права») в Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Тульской губерниях. Их селения расположены по линиям бывших «засечных черт». Однодворцы не представляли этнографического единства, так как являлись переселенцами из разных мест [1], что сказалось и в комплексах женской одежды:

1. Рубаха с прямыми поликами или цельными рукавами, выкроенными вместе с плечевой вставкой, сарафан, пояс, кокошник. Этот костюм был принесен из центральных областей Московского государства.

2. Рубаха с прямыми поликами и отложным воротником, шерстяная полосатая юбка, иногда с названием «андарак», пояс-покромка, кокошник. Этот комплекс имеет много общего с одеждой населения западнорусских областей и белорусов, откуда частично вербовалось военно-служилое население.

3. Понева и кичкообразный головной убор характерны для коренного южновеликорусского населения.

Казачество, формировавшееся на южных степных окраинах Московского государства в XVI в., также составлялось из разных этнических компонентов: русских — выходцев из различных областей, украинцев и других народностей. Ранее других возникло донское казачество; из его выходцев возникло казачество на Волге, Яике; позднее образовались группы сибирских казаков и т. д.

Казаки — особая социальная группа, этнографически (и по диалектам) не однородная. Отличается не только одна группа казаков от другой, но иногда и в пределах одной группы имеются различия. Так, например, часть кубанских казаков — русские, часть — украинцы. Среди донских казаков значительно выделяются по диалекту, физическому типу, а также быту «верховые» и «низовые» казаки.

Особенности одежды казачества в значительной степени определяются историей формирования его отдельных групп.

В старинном костюме донских казачек можно выделить два типа:

1. Туникообразная рубаха, сукман из черной шерстяной ткани.

2. Рубаха с прямыми поликами, косоклинный сарафан, кокошник. Особенность этого женского костюма составляли штаны (изображенные в костюме донской казачки XVIII в. [2]). Здесь в типичный средне- или северновеликорусский костюм вошла часть женской восточной одежды (штаны). Восточной чертой, может быть взятой из костюма татарок, является и головной убор молодушек в виде колпака, распространенный еще в середине XIX в. и не характерный для русских. Известна также была рогатая кичка, которая, наряду с черным сукманом, сближает костюм донских казачек с южновеликорусским.

[1] См. Д. К. Зеленин. Великорусские говоры..., стр. 54—61.

[2] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...», т. IV, рис. между стр. 210—211.

Мужской костюм донских казаков имеет сходство с украинским; у них рано была введена военная форма; особенностью костюма являлись кавказская черкеска, бурка и папаха с длинным мехом.

Наиболее значительное сходство с одеждой кавказских народов обнаруживается как в мужской, так и в женской одежде у северокавказских казаков (терских и гребенских).

В одежде уральских (яицких) казачек ярко выражен северновеликорусский тип костюма (рубаха с прямыми поликами, сарафан и пр.). В мужской одежде вплоть до середины XIX в. было немало черт одежды московских служилых слоев XVI—XVII вв. (мягкие сапоги без каблуков с вышивкой золотом и островерхая шапка с бархатным околышем). Вместе с тем в одежде уральских казаков прослеживаются черты, общие с одеждой тюркоязычных народов Восточной Европы и народов Кавказа. Это бешмет и чекмень, штаны с широким шагом и обычай заправки в них рубахи.

Особенности одежды русского казачества отражают сложность его этнического состава, в котором преобладают русские выходцы из различных областей, но, кроме того, имеются украинцы и разнородные неславянские компоненты.

Немаловажное значение имели и браки казаков с полоненными татарками, турчанками и длительные соседские связи с кавказскими и другими народами.

Русское население Сибири разнообразно по составу, так как отдельные группы его выходили из различных мест России.

В Западной Сибири русское старожильческое население происходило главным образом из северновеликорусских областей Европейской России. В женской одежде старожилов Сибири поэтому преобладал сарафан.

Чем далее к востоку, тем более в составе населения Сибири увеличивалось количество выходцев из южновеликорусских областей. Это сказалось и в одежде. Так, например, в некоторых местах Восточной Сибири было известно ношение туникообразного нагрудника, пушков — в сочетании с сарафаном. На Дальнем Востоке среди «новоселов», заселивших край в конце XIX в. — начале XX в., преобладали южные великорусы, жившие там вперемежку с украинцами и белорусами; к сожалению, быт и одежда их изучены слабо.

Передвижения населения в пределах Сибири, большая пестрота этнического состава русского населения не содействовали сохранению там традиционных форм русской одежды. Исключение представляли группы старообрядцев, которые в силу своих религиозных воззрений отличались замкнутостью быта, приверженностью к старине, а в связи с этим очень стойко придерживались традиционной одежды. Они сохраняли иногда архаические формы, исчезнувшие уже в это время на их первоначальном местожительстве: например, «каменщики» и «поляки» — на Алтае, «семейские» — в Забайкалье.

Экономический уровень жизни крестьянства в Сибири, несмотря на сильное классовое расслоение, в среднем был выше, чем в центральных областях России, что отразилось и на одежде — добротность материала и пр. Нельзя не отметить, что в Сибири не было лаптей. Русские сибиряки употребляли характерные типы рабочей обуви (бродни, ичеги), верхней одежды, особенно меховой (яга-доха и др.).

Оказав большое влияние на развитие одежды народов Севера и Сибири, русские в свою очередь многое заимствовали от них. Так, например, охотники и старатели носили легкую, удобную и вместе с тем теплую одежду эвенков. Большое значение местная одежда имела для русского

населения, живущего на Анадыре, Индигирке, по Колыме; в покрое и материале одежды из оленьего меха у русских было много сходства с одеждой чукчей, юкагиров, эвенков, якутов. Такая одежда, выработанная тысячелетиями, была приспособлена к условиям полярной природы и промыслового хозяйства.

УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Среднее Поднепровье — древнейшая область восточного славянства, колыбель первого русского государства, основной центр древнерусской народности и территория, где происходило формирование украинской нации. Здесь сложился и тот тип костюма, который принято называть украинским национальным костюмом. Он преобладал в Черниговщине, части Полтавщины, Киевщины, а также в южной части Украины, население которой тесно связано с населением среднего Днепра. Исторические судьбы Украины, усиленная борьба ее населения против иноземных захватчиков, раннее вхождение в состав Московского государства имели большое значение для формирования культуры и быта украинского народа. Левобережье Днепра издавна являлось пограничным с кочевым степным миром и называлось «оплечьем Киева».

Заселение юга связано с созданием оборонительных укреплений, с возникновением казачества, а затем и с вольным переселением крестьян. Приток населения на юго-восток увеличился особенно после Польско-Литовской Унии, с усилением притязаний панской Польши на украинские земли. Панская колонизация в западных областях сопровождалась раздачей земель крупным магнатам, закрепощением украинского и белорусского крестьянства, которое спасалось бегством, переходя с Правобережья на Левобережье, пополняя ряды казачества. В XVI в. в связи с передвижением населения на юго-восток возникла так называемая Слободская Украина (с городами Сумы, Лебедин, Ахтырка, Белополье, Харьков и др.). Здесь украинцы встретились с русскими переселенцами из южновеликорусских областей, заселявшими восточную часть будущей Харьковской губернии.

Западная часть Украины имела несколько другую историческую судьбу. Являясь также древнейшей областью расселения восточнославянских племен, она с XI в. становится крупным центром древней Руси — здесь возникает и возвышается Галицко-Волынское княжество. Однако в XIV в. эта область была захвачена Польшей, а с XVIII в., после раздела Польши, Волынь и Подолье отошли к России; Галиция, Угорская Русь и Буковина — к Австрии, позже Австро-Венгрии, Венгрии. После 1918 г. эти области вошли в состав Чехословакии, Польши, Румынии.

Сельское население юго-западных областей Украины, несмотря на многовековой отрыв от всего украинского народа, классовый и национальный гнет, стойко сохраняло свой язык, обычаи, костюм, что являлось выражением национального самосознания. Лишь в советское время (1939—1945 гг.) население этих областей было освобождено и воссоединилось со всем украинским народом.

Различие исторических судеб разных групп украинского народа не могло не отразиться на быте населения. Все же, при наличии областных особенностей, выделяется общеукраинский тип костюма.

Женский традиционный костюм однотипен. Сорочка с прямыми уставками или с суцильными рукавами, пришитыми по основе, пояс, поясная «нешитая» одежда (запаска, дерга, плахта и др.), намитка или чепец — все это составляет основные элементы одежды украинки любой области.

Однако ряд особенностей позволяет, хотя бы предварительно, выделить несколько вариантов, характеризующих различные группы украинцев.

Киевщина и левобережье Днепра, включая часть Новороссии: сорочка с прямыми уставками, пришитыми по основе или утку, или с суцильными рукавами, плахта, а в будни дерга (местами запаска), запаска-передник, кирсетка-безрукавка, намитка или очипок (повойникообразный или «седлом»), постолы, личаки или чоботы из цветного сафьяна. Для девушек был характерен винок — головной убор из цветов.

Подолия: поясная одежда (обгортка, опинка, горбатка, фота, гунька), широкий тканый шерстяной пояс; сорочка, отличающаяся не столько покроем, сколько характером обильной плотной шерстяной черной или красной (а также оранжевой, зеленой) вышивки, расположенной на плечах и полосами вдоль рукавов и швов; общеукраинская намітка, кожаные постолы. Такой костюм носили и в Черновицкой обл., но нередко с туникообразной сорочкой с полихромной вышивкой. Этот комплекс имеет сходство с одеждой молдаванок и румынок.

Северные районы Украины — север Черниговщины и Волыни: женская сорочка с прямыми поликами, пришитыми по утку, с отложным воротником и обшлагами и с геометрическим строго прямолинейным орнаментом, выполненным красной бумагой; намитка, передник, матерчатая безрукавка-лиф, личаки или кожаная обувь. Домотканная (часто полосатая) шерстяная юбка — литник, иногда гофрированная, обнаруживает связь с запасками, которые в прошлом носили здесь местами, как и во многих восточных областях Украины, и которые до настоящего времени типичны для гуцулов. Этот комплекс близок к одежде южной части Белоруссии, с которой граничат и исторически тесно связаны Черниговщина и Волынь.

Западная равнинная часть Украины (часть б. Галиции): сорочка с прямыми поликами, пришитыми по основе, с полихромной вышивкой, иногда в виде «квітков», спидница, которая обнаруживает свое происхождение из нешитой поясной одежды, имея спереди особое, отличное от других полотнище (в прошлом известно здесь было ношение двух запасок); лейбик-безрукавка, передник-запаска, намитка или чипец (часто замененные хусткой); постолы или кожаная обувь на каблуках. Трансформация старинной одежды сказалась в изготовлении ее преимущественно из фабричной ткани.

Карпаты и прилегающие предгорные районы. Своеобразный хозяйственный быт, в котором большое значение имело горное скотоводство, значительная изолированность горных областей, слабое развитие товарно-денежных отношений наложили отпечаток на весь бытовой уклад сельского населения, обусловив сохранение старых форм одежды и украшений, исчезнувших в других местах уже в давние времена. Местами традиционная одежда бытует здесь и в настоящее время.

Особенно красочна одежда гуцулок.

Сорочка с прямыми уставками, пришитыми по основе (иногда из двух отдельных частей — сорочка с пидшивкой), с полихромной плотной вышивкой; поверх сорочки укрепленные на талии две тяжелые шерстяные запаски (спереди и сзади); киптарь — меховая орнаментированная овчинная безрукавка; намитка, красные шерстяные вышитые онучи или капчуры, постолы с красными шерстяными или черными оборами, накидываемый на плечи широкий суконный сердак; в качестве нагрудных украшений — металлические згардки, намисто, бисерные силянки и пр.

Часть гуцулок носит вместо запаски одежду типа обгортки, горбатки. Своеобразны девичьи гуцульские головные уборы — уплитки из гаруса, чильце — металлический налобник.

В наиболее западной части Карпат (Дрогобычской и Закарпатской областях) женский костюм составляют: сорочка «карпатская» (с цельным рукавом), иногда короткая и с разрезом сбоку; спидница из белого холста, обнаруживающая связь со старинной горбаткой, опинкой, так как ее шили из одного горизонтального полотнища с вшитым спереди дополнительным полотнищем; запаска — широкий фартук из фабричной ткани; чипец с основой в виде обруча, обтянутого сверху сеткой, с добавлением искусственных кос из гаруса, а местами белое покрывало на голове, в подвязанном виде напоминающее веер; постолы; бисерные шейные украшения — силянки.

На юго-западе Украины (Закарпатская обл.) костюм составляет «карпатская» сорочка, иногда с разрезом ворота сзади, единственным дополнением к которой местами служит запаска — широкий фартук из фабричной ткани; иногда лейбик — безрукавка из ткани; старинный головной убор в виде белого покрывала и более новый — хустка; постолы; бисерные шейные украшения. Своеобразна верхняя меховая одежда — бунда и комизоля, а также гуня — плащ из ткани с длинным ворсом.

В мужской украинской одежде выделяются несколько комплексов.

Левобережье Днепра (за исключением наиболее северных уездов б. Черниговской губ.), Киевщина и Днепропетровщина: туникообразная сорочка с прямым разрезом ворота, нередко окаймленным широкой вышивкой; иногда сорочка со вставками или нашивками на плечах и отложным воротником. Эти сорочки носили заправленными в широкие шаровары, перехваченные по талии широким матерчатым или плетеным из шерсти поясом.

Большую роль в сложении и распространении этого типа костюма, видимо, играло украинское казачество, особенно в левобережной части Украины.

Покрой широких штанов удобен для верховой езды и в походном быту. Он связан также с обычаем сидения на полу на скрещенных ногах — «по-турецки», распространенным преимущественно у кочевых народов Востока, нередко — перед низким столиком, сходным со столиками народов Средней Азии. Подобный обычай имелся у запорожских казаков еще в XVIII в. (как видно из рисунков в книге Ригельмана), а также сохранялся у украинского крестьянства на Левобережной Украине в XIX — начале XX в. Ни у русских, ни у белорусов этого обычая нет.

Все это заставляет предполагать связь с юго-восточными соседями. Уже в древние времена некоторые из кочевых групп оседали в южных пределах Киевского государства, частично входя в состав оборонительных войск, и в дальнейшем были ассимилированы славянами, так же как и другие группы (имеются упоминания об аланских (с I—II вв. н. э., последнее упоминание — в XIII в.) и хозарских (VII—IX вв.) селениях в южной России).

Черниговщина (наиболее северная ее часть), Волынь: косоворотка с вышитой манишкой; косоворотку не всегда заправляли в штаны, а чаще носили навыпуск; сорочка с поликами и отложным воротником, отмечаемая главным образом на Волыни, где ее носили также навыпуск с неширокими гачами. Костюм с косоворотkой близок к русскому, а с поликовой сорочкой — к белорусскому мужскому костюму;

последнее, как и наличие в женском костюме саяна, объясняется тесными украинско-белорусскими связями.

Близкое соседство с русскими, раннее вхождение в состав Российского государства сильно отразились и на одежде Левобережья (Полтавщины, всей Черниговщины и других областей), а также и Киевщины: здесь распространилась двубортная верхняя одежда, в то время как на периферии одежда осталась однобортной. Некоторые части одежды украинцев (чекмень, шушун, седлообразный головной убор и др.) свидетельствуют о постоянном взаимном влиянии населения соседних русских и украинских областей.

Юго-западные и западные области: здесь обнаруживается сохранение древних восточнославянских черт, а также большое сходство с русским и белорусским костюмом — неширокие штаны, сорочка навыпуск.

Имеется несколько вариантов мужского костюма:

1. Станиславская и другие области: гуцульская сорочка туникообразного покроя с прямым разрезом ворота, которую носят навыпуск, с кожаным поясом; неширокие гачи или ногавицы, низко заправленные в капчуры или выпущенные вышитым краем поверх обуви; киптарь — кожаная или меховая орнаментированная безрукавка, надетая поверх сорочки; шляпа с полями, войлочная или плетеная; сердак, гугля — накидная одежда (принадлежность свадебного наряда). Расцветка ногавиц, капчур, верхней суконной одежды из домашней шерсти в старину была преимущественно красная.

В Черновицкой обл. носили туникообразную сорочку, длинные холщевые портяницы со множеством мелких горизонтальных сборок, поверх которых выпускалась сорочка, перехваченная ремнем.

Остальные варианты украинского мужского костюма не имели широкого распространения.

2. Украинцы Закарпатья, горцы, в частности, лемки: сорочка, большей частью заправленная в узкие суконные ногавицы или холошни; лемки носят сердак и плащевидную чугу.

3. В некоторых селениях Закарпатской обл. бытовал следующий комплекс костюма: сорочка, не доходящая до пояса, с широкими короткими рукавами; белые холщевые гачи, напоминающие по ширине штанин юбку; широкий кожаный пояс — черес; кожаная обувь; небольшая фетровая шапочка с пером. Длительное соседство украинского населения пограничных областей с другими народами — словаками, отчасти поляками, венграми и румынами — наложили известный отпечаток на народный костюм.

Костюм украинцев, расселявшихся за пределами Украины, обычно в значительной степени соответствовал одежде, которую они носили до переселения. Так, например, в Нижнем Поволжье в 1850—1860-х годах украинки сохраняли дергу, плахту или спидницу. Украинская одежда была принесена переселенцами в Сибирь, на Дальний Восток, преимущественно в конце XIX в. Вопрос о бытовании ее там и о возможности сложения там новых вариантов одежды пока еще не исследован.

Своеобразен был костюм украинцев, поселившихся в Острогожском уезде (Воронежская губ.). У женщин: сорочка с рукавами, пришитыми по основе; полосатая шерстяная юбка; широкий в полоску кушак; очипок; прямая распашная одежда типа шушпана; чулки и кожаные коты. У мужчин: туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, которую носили поверх штанов, и кожаные сапоги.

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Белорусская традиционная одежда, как женская, так и мужская, имеет меньше вариантов, чем русская и украинская, так как белорусы этнографически более однородны.

Белоруссия, одна из древнейших областей расселения восточнославянских племен, в дальнейшем стала основной территорией формирования белорусского народа. С XIV в. Белоруссия входила в состав Литовско-Русского государства, позднее — Польско-Литовского государства, а с XVIII в.— Российской империи.

Несмотря на вековой классовый и национальный гнет, язык, обычаи, одежда белорусов сохранили свой национальный характер. Близкое соседство и культурные связи с украинцами, русскими, а также с западными соседями нашли отражение и в белорусской одежде.

В женской одежде можно выделить два комплекса, различных и хронологически и территориально.

Северо-западная часть Белоруссии, где в XIX в. преобладали: кошуля — сорочка с прямыми поликами, пришитыми по утку, с собранным воротом, имеющим большей частью отложной воротник; сподница, андарак, саян; шнуровка, гарсэт; передник; наметка с основой в виде обруча — лямец или тканка; лапти белорусского типа из вязовых лык, а в качестве праздничной обуви — боты (сапоги) или черевики; белая или серая свитка.

Восточная и южная области, для которых характерно сохранение поневы-плахты и запаски, хотя в ряде мест их заменили сподница, андарак, саян. Эта одежда бытовала, вероятно, и в северо-западных областях, но гораздо раньше была заменена юбкой.

По имеющимся неполным данным можно наметить пока несколько вариантов этого комплекса женского костюма в XIX — начале XX в.:

1. Витебская обл. (в прошлом Поречский уезд Смоленской губ.): синяя клетчатая понева типа плахты; узорный холщевый передник; курта — белая шерстяная распашная безрукавка; наметка, повязанная вперед концами, снабженными кистями из цветной шерсти; жупан, жупица из серого сукна, близкие к свитке. Для Витебщины и Смоленщины характерен белый холщевый балахон — насов.

2. Туровщина-Мозырщина: во второй половине XIX в. поверх рубах с прямыми поликами носили две запаски (хвартук) или же холщевую белую или набойчатую поясную одежду (криски) и рогатый головной убор — «галаву».

3. Западная часть Полесья: тяжелая браная бурка или холщевая одежда того же покроя, восходящие к типу поневы с прошвой. Поясная одежда часто была гофрированной, а холщевые сорочки, передники и сподницы — богато орнаментированными. Характерны были также сорочка с прямыми поликами и отложным воротником; передник, наметка или хустка. Верхнюю одежду шили большей частью из коричневого, а не из белого или серого сукна, как в других районах Белоруссии.

Общераспространенный комплекс мужской одежды: рубаха — кошуля с прямыми поликами и отложным воротником, которую носили навыпуск, поверх нешироких портов, или суконников; пояс узкий тканый или ременный; маргелка — белая валяная шапка или плетеный бриль; белая суконная свитка; лапти «белорусского» типа с черными шерстяными оборами или кожаная обувь. Существовали и локальные варианты, которые отличались преимущественно типом рубахи: туникообразная сорочка *колошкой* (Мозырщина); сорочка с узкими нашивками на

плечах (преимущественно в западных областях); рубаха-косоворотка с вышитой манишкой (преимущественно в юго-восточных областях Белоруссии).

Одежда белорусов за пределами БССР изучена очень слабо; имеются лишь отрывочные сведения о том, что некоторые комплексы или отдельные черты ее принесены были переселенцами в разные места Сибири, а также на Дальний Восток.

В женском и мужском белорусском костюме имеются некоторые черты, сближающие его с костюмом русских (особенно Смоленщины) и украинцев (особенно северных областей Украины).

В одежде населения белорусского Полесья, Волыни и севера Черниговщины много общего. Этнографическая близость его проявилась не только в одежде, но и в других сторонах быта, а также в языке, что, видимо, объясняется общностью исторических судеб. Более древние типы одежды — понева, запаска — типичны для восточных славян; сравнительно более поздние типы — андарак, саян, шнуровка, а также кошуля с отложным воротником (ковнером) и ковнерцами, возможно, связаны с усилением белорусско-польско-литовских связей в период существования Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в состав которых входила значительная часть территории, населенной белорусами.

Не только в типах одежды — определенных сочетаниях отдельных частей, но и в общем характере костюма, его колорите проявляется специфика культуры народа.

Украшения также ярко подчеркивают национальный характер одежды великорусов, украинцев и белорусов, что сказывается в расположении орнамента на одежде и в его мотивах, колорите, материале и технике выполнения.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ДАННЫМ ОДЕЖДЫ

В заключение возможно наметить некоторые предварительные итоги изучения восточнославянской одежды по этнографическим данным XIX — начала XX в. и остановиться на историко-культурных связях восточнославянских народов между собой и с другими народами, как они выявляются по данным одежды. В одной работе трудно охватить все стороны этих связей у таких народов, как русский, украинский, белорусский, каждый из которых имеет свою сложную историю.

Можно остановиться лишь на основных выводах, к которым нас привело изучение материала.

В одежде русских, украинцев и белорусов проявляется общность, которая восходит к раннему периоду их истории. Это — мужская туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, без воротника (голошейка); нешироκие штаны, женская рубаха с рукавами (в качестве основной части костюма); пояс — как необходимая принадлежность одежды мужчин и женщин; женская неполностью сшитая поясная одежда; типы девичьих головных уборов (венец, обруч из луба, перевязка); женские полотенчатые головные уборы, мужская войлочная шапка — полусферическая, в виде усеченного конуса или другой формы; плетеная обувь из древесной коры, кожаная обувь — типа моршней и обувь с высоким голенищем; плащевидная одежда, свита, сукня, кожух и многое другое.

Некоторые части одежды и украшения являются общими не для всех трех восточнославянских народов. Для украинцев и великорусов это нагрудные и шейные бисерные украшения — чепки, гайтаны, силянки;

височные и головные украшения из птичьих перьев; полихромная вышивка с преобладанием геометрических узоров; седлообразный головной убор и др.

Для украинцев и белорусов общими являются мужская и женская рубаха с прямыми поликами и с отложным воротником; поясная одежда типа запаски, а частью плахты, сподницы; типы плетеной обуви (коверзни, личаки); девичьи венки из искусственных или живых цветов и др. У белорусов и великорусов в мужском костюме общим является ношение рубахи навыпуск, белого балахона, черных шерстяных обор, узких витых поясов, тканых с геометрическим орнаментом и др.

Общность древних элементов восточнославянской одежды обусловлена единством происхождения русских, украинцев и белорусов и наличием между этими народами глубоких историко-культурных связей, которые не прекращались даже в период их разъединения, когда значительная часть белорусских и украинских земель входила в состав Польско-Литовского государства. Присоединение в XVII в. Украины и в XVIII в. Белоруссии к России имело большое значение для дальнейшего укрепления и развития культурных связей между русскими, украинцами и белорусами.

Из более поздних элементов костюма этих народов общими являются чепец-повойник из легкой ткани, низкая обувь из кожи (коты, черевики) и высокая (сапоги с гармоникой и др.), валяная обувь с высоким голенищем, женские безрукавки типа корсетки, мужская косоворотка, двубортная одежда с запáхом на левую сторону, верхняя одежда с отрезной спинкой и сборами, овчинный тулуп, или кожух, суконный армяк и др.

Восточнославянская одежда, особенно русская, оказала значительное влияние на одежду соседних народов; вместе с тем она испытывала влияние одежды народов, как славянских, так и неславянских, с которыми восточные славяне были связаны исторически.

Часть древних элементов этой одежды можно назвать общеславянскими, так как они имеются и у части западных и южных славян, что указывает на общность происхождения и культурную близость славян на ранних этапах их истории. Общеславянскими являются названия основных частей одежды: «рубаха», «сорочка», «кошуля», «гачи», «ногавицы», «порты», «завой», «убрус», «постолы», «плахта», «понева», «сукня» «гуня», «кожух» и многие другие, как и названия основных материалов, из которых изготовлялась одежда: «полотно», «сукно», «волна» (шерсть).

Некоторые элементы восточнославянской одежды наиболее сближают ее с одеждой южных, а другие — с одеждой западных славян. С южными славянами являются общими: женский сукман великорусов и болгар; обилие бисерных украшений в южновеликорусском и болгарском костюме [1]; виды поясной одежды типа запаски и обгортки; двурогие головные уборы южных великорусов, болгар и хорватов.

Рубаха с суцильными рукавами, пришитыми по основе ткани («карпатская»), распространенная в области Карпат [2] у украинцев, кроме того известна части словаков, поляков (группа гуралей), а также южным славянам (в частности — сербам). Белорусская (а частью украинская) женская и мужская кошуля с прямыми поликами и с отложным воротником сходна с рубахой польской (известной частично также в Литве и Прибалтике).

---

[1] В. В. Богданов. Указ. соч., стр. 144.

[2] Л. Нидерле отмечает, что женщины варварских народов, изображенные на Траяновой колонне (памятнике в Адамклиссе), одеты в такие рубахи, собранные у ворота в массу мелких складок, «которыми еще и поныне набирают свои оплечья словачки в Карпатах». (Указ. соч., стр. 177).

Общими у восточных славян (белорусов и отчасти украинцев) с западными являются «белорусский» тип лаптей, белый головной убор из полотенца с основой в виде лубяного обруча или валика — хомли, узкие суконные ногавицы (последние известны также некоторым группам украинцев, словакам и венграм).

Многие элементы одежды восточных и западных славян и летто-литовцев являются общими, что заставляет предполагать наличие тесных связей древних славян с предками современных латышей и литовцев еще в I тысячелетии н. э. Сюда следует отнести черные шерстяные оборы, «белорусский» тип лаптей, не менее характерный в прошлом для литовцев и части латышей, узкие узорчатые тканые пояса. О глубоких белорусско-летто-литовских связях свидетельствует наличие женской поясной нешитой одежды из клетчатой ткани, которую носили литовцы еще в XVII в., и распространение головного убора *nuometas* в восточной Литве, а частью в восточной Латвии *(numets)*, аналогичного белорусской наметке (по названию и способу ношения).

В одежде нашли отражение также более поздние взаимоотношения восточнославянских народов с их западными соседями (поляками, литовцами). Таково ношение кунтыша у казацких старшин, зажиточного мещанства и мелкого дворянства на Украине и применение термина «кунтыш» к сарафану у северных великорусов; шапки с четырехугольным дном (польская рогативка, конфедератка), которую носили местами белорусы, а также русские, преимущественно северных областей. Связи с литовским костюмом сказались в распространении саяна (термин отмечен в литовских документах XVI в.) [1], в наличии у белорусов мужской рубахи с узкими нашивками на плечах, подобной литовской, однако не получившей у первых значительного распространения.

Андарак (полосатая юбка, иногда сшитая с лифом-шнуровкой) имел аналогии в народной западноевропейской одежде, широко распространенной там с XV в. и проникшей в восточнославянскую среду преимущественно через польско-литовскую. Некоторые черты в одежде у русских, украинцев и белорусов, общие с западноевропейской одеждой, связаны с нивелировкой национального костюма в период капитализма. Это — рубаха без рукавов, рубаха на кокетке и другие, проникавшие в деревню в конце XIX в. из города наряду с использованием фабричной ткани.

В народном костюме украинцев (в селениях пограничных областей), как указывалось выше, отразились тесные связи украинского населения с соседями: двухчастная женская рубаха, кроме украинцев горной части Карпат, отмечается у словаков и поляков (группа гуралей); чуга — общая одежда для некоторой части лемков, словаков и венгров; широкие холщевые гачи с короткой рубахой, кроме украинцев Закарпатья, носили венгры, румыны и часть словаков. Как и в венгерском народном костюме, в некоторых селениях Закарпатской обл. передник являлся частью праздничной одежды мужчин. В народную венгерскую одежду, видимо, с давних времен вошли некоторые общие со славянами названия одежды: gatua — гати, ködmön — кодман (верхняя одежда из овчины), suba — шуба [2] и др. Народный костюм румын и молдаван областей, пограничных с Украиной, обнаруживает еще больше общего с древними типами одежды населения южной части Подольской и Черновицкой областей: обгорткой, поддерживаемой широким поясом; рубахой с прямыми поликами,

[1] Э. А. Вольтер. Указ. соч., стр. 121—123.
[2] L'art populaire hongrois, т. 29, 38. Будапешт, 1928, стр. XVI.

пришитыми по утку, и с богатой, расположенной продольными полосами вышивкой; безрукавной меховой одеждой; кожаной обувью, сохранившейся и у румын (славянское название «опонки»); широким кожаным мужским поясом и многими другими чертами мужской одежды.

Взаимовлияния украинцев с соседями отмечаются и в более позднее время — в конце XIX — начале XX в.

Так, например, короткая куртка — *уйош,* которую стали носить украинцы в некоторых селениях Закарпатья в начале XX в., была, видимо, заимствована из венгерского костюма.

Нельзя не указать здесь на влияние головных уборов украинок в виде венка из цветов на головные уборы полячек. Венки, подобные украинским, получили распространение в Люблинском воеводстве в Польше в конце XIX в., как и близкая к украинской богатая вышивка крестиком на женских сорочках в Варшавском воеводстве в конце XIX — начале XX в. [1].

В одежде южных великорусов (в особенности «русской мещеры») прослеживаются черты, общие с одеждой финноязычных народов Поволжья и чувашей: обилие бисерных украшений, обертывание ног черными шерстяными онучами толстым слоем, сходство плетеной обуви, украшения из гусиного пуха — пушки, лопатообразные головные уборы, туникообразная нагрудная одежда, поясные украшения типа подмахорников и другие, указывающие, видимо, на очень древние исторические связи этих народов.

Многое говорит о влиянии русской народной одежды на мордовскую в более поздний период. У мордвы-мокши части составного головного убора в XIX в. носят измененные русские названия: *лосник* (волосник), *затилка* (позатыльник), *сорка* (сорока) [2]. Женщины носили безрукавку — *жилетку,* типа украинско-русской корсетки, *панитку* — верхнюю женскую одежду [3], *борчатку* — одежду со сборами от талии и др. Сукман — двубортная одежда со сборками — имелся у удмуртов [4]. Косоворотка, типы русской верхней одежды и кожаной обуви распространялись и среди других поволжских народов.

В одежде северных великорусов сказалось длительное соседство их с народами коми, карелами, саамами и другими; это проявляется в названии, а иногда и форме головного убора — самшуры, в наличии пояса с особым геометрическим орнаментом, вязаных мужских чулок с характерным многоцветным узором, холщевых наголенников — «колошей». С другой стороны, русское влияние уже в ранний период русской истории сильно сказалось в одежде карел, коми, вепсов, ижор, води, а также группы эстонцев-сету Псковской губ. В женском костюме это — русская рубаха с прямыми поликами и с широкими пышными рукавами, иногда с поперечной вышивкой на плечах; сарафаны, сохраняющие не только форму, но и местные русские названия, шерстяной сарафан с фальшивыми рукавами, типа псковского шушуна (у эстонок-сету), косоклинный матурник из красного сукна и китайчатый широкопройменный сарафан у карелок, китайка, шушун — у коми-зырян, дубас и пестрядильник — у коми-пермяков, «земчуг» с жемчужной поднизью и бархатным

[1] О. В. Пчелина. Польская народная одежда второй половины XIX в.— первой половины XX в. (Кандидатская диссертация, 1952 г.), стр. 50, 181. Архив ИЭ.

[2] Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1929, стр. 28, 38.

[3] Там же, стр. 21, 33.

[4] В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 54.

повойником у олонецких карел — старинный новгородский головной убор; у коми — сборник вологодского типа — с твердым верхом, повойник, волосник из легкой ткани [1], а также кокошник [2]; у карел и у части коми — сорока.

В некоторых узорах на тканях карел, вепсов, части финнов обнаруживаются мотивы женской фигуры с предстоящими всадниками, птиц и деревьев, которые имеются в орнаменте русской одежды Севера и известны в Восточной Европе с древнейших времен.

Общие черты с одеждой тюркоязычных народов Восточной Европы и народов Азии объясняются как наличием древних исторических связей с ними восточных славян, так и более поздних связей в тот период, когда эти народы вошли в состав России.

Под влиянием русских в обиход некоторых народов (народы Севера, алтайцы и др.) вошла одежда из ткани; они впервые стали употреблять тканую рубаху в качестве нательной одежды под меховой. Татары носили русские кожаные и валяные сапоги и заимствованные от русских вязаные чулки, которые большей частью сами не умели изготовлять и покупали у русских [3].

Русская кожаная обувь с голенищем вытесняла в городах Средней Азии местные виды обуви из мягкой кожи [4]; русские ситцы, платки широко распространились в Средней Азии и на Кавказе; до известной степени была воспринята орнаментика русской и украинской одежды (от переселенцев) казахами и др.

В одежде восточных славян отразилась их древняя связь со степными племенами и народами: мужские шаровары с широким шагом и способ ношения рубахи заправленною в них, прическа с оселедцом, термины «клобук» для головного убора и «епанча» для верхней одежды, встречаемые еще в ранних письменных источниках. Значительно сильнее эта связь стала проявляться со времени татаро-монгольского нашествия на Русь, а затем в период роста централизованного государства и развития оживленной торговли с Востоком. Об этом говорит покрой верхней распашной одежды и ряд определяющих ее терминов: «армяк», «сарафан», «кафтан», «ферязь», «терлик», «тегеляй», а также головной убор — «тафья», обувь — «ичеги» и пр.

Творчески используя отдельные черты из одежды соседей, восточнославянские народы нередко создавали различные собственные формы одежды. Так, например, сарафан — своеобразная русская национальная одежда только по названию связывается с персидским *сарапа*. Поэтому объяснение явлений народной культуры только заимствованием, влиянием, распространением моды — крайне односторонне и умаляет фактически значение национального творчества. Теория заимствования в определенный период имела сильное влияние в этнографии, оказывая воздействие и на передовых, прогрессивных ученых старого времени. Так, В. В. Стасов пришел к положению, что «собственно русских одежд вовсе не существует» и рассматривал русскую одежду как копию восточных одежд. Определив русскую рубаху-косоворотку как «персидскую».

---

[1] В. Н. Белицер. Работа этнографического отряда экспедиции в Коми АССР. КСИЭ, II, 1947, стр. 61—62; ее же. Рукописные материалы экспедиции к коми-пермякам Института этнографии в 1950—1951 гг. Архив ИЭ.

[2] А. Теплоухов. Женские головные уборы пермяков..., стр. 124.

[3] Н. А. Воробьев. Материальная культура казанских татар, стр. 350, 352, 356.

[4] В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 96.

он сделал заключение: «Когда, через какое посредство, принята великорусами от которого-нибудь иранского племени рубашка с косым воротом, покуда определить теперь еще невозможно» [1]. Отчасти В. В. Стасова привела к некоторым ошибочным выводам слабая изученность в его время народной одежды (изучена была главным образом княжеско-боярская одежда).

Традиция поисков иноземных истоков в происхождении чисто местных явлений в славянской одежде прослеживается и в зарубежной этнографической литературе, особенно дореволюционной.

Теория заимствования еще оказывает влияние и на некоторых современных зарубежных этнографов, считающих русскую одежду заимствованной с Востока. Резко выражена эта концепция, например, у Г. Мютцеля [2].

Располагая огромными этнографическими, а также археологическими и историческими материалами, советские этнографы могут с полным основанием утверждать, что народная одежда славян обнаруживает глубокие корни в древней этнической среде Восточной Европы, хотя и содержит черты, связывающие ее с одеждой других народов, в том числе и Востока.

Однако не эти черты определили линию развития одежды восточных славян.

Нельзя согласиться и с той точкой зрения, что общность элементов в одежде русских и соседних с ними народов определялась движением мод, даже в древности якобы имевших широкое распространение [3]. Древние элементы в русских и финских костюмах, по мнению Д. К. Зеленина, «могли оказываться сходными не в силу заимствования их финнами от русских, а в силу широкого движения мод или в силу конвергенции» [4]. Однако неясно, в чем различие между восприятием моды и заимствованием и почему они противопоставляются.

Преувеличив значение мод, Д. К. Зеленин таким образом затушевал вопрос о действительных исторически сложившихся связях финноязычных народов с русским, проявляющихся, в частности, и в костюме.

Не отрицая возможности влияния одного народа на другой, нельзя придавать этому первенствующего значения. Общность элементов одежды может быть обусловлена вхождением одних и тех же этнических групп в состав различных народов (т. е. процессом ассимиляции одних этнических групп другими) и, кроме того, культурными, экономическими и политическими связями народов на определенных этапах исторического развития. Общие черты в одежде соседних народов могут быть результатом их совместного творчества в процессе длительного общения. Национальную культуру определяет творческая деятельность трудового народа, которая выявляет его национальный характер, его неповторимое историческое своеобразие. Кроме того, любое заимствование было не только «заимствованием», но творчески осваивалось народом и приобретало специфические, присущие данному народу черты. Нельзя также отрицать самостоятельное возникновение и развитие общих явлений, определенных одинаковыми общественно-историческими условиями.

---

[1] В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. I, СПб., 1894, стр. 197—198.

[2] Hans Mützel. Vom Lendenschurz zur Modetracht. Berlin, 1925, S. 144.

[3] Д. К. Зеленин. Общие элементы в древних финских и русских костюмах, стр. 82.

[4] Там же, стр. 90.

* * *

Одежда русских, украинцев и белорусов представляет многообразный и ценный источник для изучения истории материальной культуры и вместе с привлечением данных лингвистики, археологии, истории и антропологии дает возможность глубже осветить сложные вопросы этногенеза и истории материальной культуры восточных славян.

В задачу дальнейшего изучения одежды входит и сбор дополнительных полевых материалов и выявление границ распространения отдельных типов с их вариантами. Особое внимание при этом необходимо уделить картографированию одежды, наряду с другими элементами культуры, что позволит уточнить и обобщить наши знания о восточнославянской народной одежде. Картографирование русской народной одежды осуществляется Институтом этнографии АН СССР, подготовляющим к изданию «Русский историко-этнографический атлас». Подготовка подобных же атласов по материальной культуре украинцев, белорусов и народов, соседящих с восточными славянами, совершенно необходима. Это позволит с большей полнотой осветить их историко-культурные связи.

Большая часть традиционной одежды у русских, украинцев и белорусов исчезла из быта деревни. Мужской костюм везде, как правило, раньше женского костюма подвергся решительным изменениям. В настоящее время женский старинный костюм у русских сохранился в немногих местах,— например, в некоторых селениях Калужской, Брянской, Рязанской областей, но и здесь в нем произошли значительные изменения. Совершенно исчезли сложные тяжелые головные уборы (в том числе и рогатые) с большим количеством подвесок. Они заменены более легким и удобным «сборником», а чаще — платком. При сохранении домотканной поневы, все остальное (рубаху, «занавеску») стали шить из фабричной ткани, преимущественно очень яркой, что отчасти заменило старинную вышивку. Подбор расцветки и узоров фабричной ткани соответствует издавна сложившимся вкусам народа.

В западных областях Украины и Белоруссии еще бытуют многие традиционные формы одежды, в том числе и мужской. У гуцулов женщины носят запаски, расшитый киптарь, постолы и так далее, но ситцевый или шелковый платок вытеснил старые виды головного убора; женскую сорочку нередко шьют из белой шелковой материи, сохраняя типичное расположение вышивок, а вышивки, выполненные по холсту, вшивают в нее и т. д. Мужчины-гуцулы носят туникообразную рубаху, иногда с нагрудной вышивкой бисером, овчинный киптарь, но нередко вместе с брюками городского покроя.

В одежде населения левобережья Днепра, Киевщины дерга и плахта в большинстве областей уже совсем исчезли; сорочку, спидницу, фартук, кирсетку делают из покупной ткани [1].

Иногда в современных костюмах можно наблюдать сохранение отдельных деталей традиционной одежды. Так, например, повойник или даже сороку без кички носят с городским платьем, сверх сарафана надевают кофточку и т. д.

Изучение современного костюма показывает, что традиционные элементы в нем имеют теперь лишь локальное бытование, в значительно измененном виде. Платья, юбки, блузки, брюки, пиджаки, пальто, жакеты, фуфайки различных современных фасонов «городского» покроя из фабричной ткани вошли в быт колхозной деревни.

[1] Д. В. Найдич. Работа этнографического отряда комплексной Переяславль-Хмельницкой экспедиции. КСИЭ, II, 1947, стр. 40—41.

В условиях высоко развитой социалистической промышленности в колхозную деревню в изобилии поступают не только фабричные ткани, но и готовая одежда. Вошли в быт новые сорта ткани — разнообразные натуральные и вискозные шелка, штапель и другие; для обуви — лучшие сорта кожи и другие материалы (но для зимнего времени попрежнему имеет большое значение валяная обувь).

Нередко одежда городского типа получает отпечаток определенного национального стиля. Городские формы костюма, распространяясь в деревне, часто приобретают локальные особенности в способе ношения, в материале, расцветке.

Многие образцы народной одежды в измененном виде вошли в свою очередь в современный обиход не только деревни, но и города.

Современная мужская рубашка-«украинка» из фабричного полотна с вышитым отложным воротником, вышивкой по краю разреза на груди и на рукавах представляет переработку традиционной украинской и белорусской сорочки и имеет значительное распространение у русских, а также у многих других народов Советского Союза. Распространенная в настоящее время в городах Советского Союза «гуцулка» представляет собой видоизменение западно-украинской мужской сорочки с многоцветной прямоугольной вышивкой, расположенной по бокам прямого разреза, и небольшим стоячим воротником. Переработкой традиционных форм является также современная мужская вышитая косоворотка и женская «украинка» — сорочка с пышными рукавами и собранным воротом.

Черты русского национального костюма проявляются в современной одежде типа сарафана, распространенной как в городе, так и в деревне, в ношении цветных платочков, завязанных под подбородком, вязаных шарфов и узорных рукавиц и во многом другом.

Следует отметить в современной одежде русских, украинцев и белорусов использование образцов одежды и головных уборов народов братских республик Союза ССР: например, тюбетейка, которая является теперь часто как мужским, так и женским головным убором в деревне и в городе, кубанка — род кавказской папахи, верхняя меховая одежда по образцам одежды народов Севера, узорное многоцветное вязанье, характерное для народов Прибалтики, и др.

В многочисленных вышивальных артелях, созданных в РСФСР, на Украине и в Белоруссии, работают талантливые мастерицы, применяя и развивая традиционную орнаментику и технику.

В настоящее время в одежде исчезли те резкие социальные различия, которые были присущи старой дореволюционной деревне; одновременно и в этой области наблюдается процесс стирания резкой грани между городом и деревней, хотя многие особенности в одежде современных горожан и колхозного крестьянства все же сохраняются.

Все это связано с изменением быта русской, украинской и белорусской деревни, происшедшим на основе коренной перестройки экономики и ломки классовых отношений в нашей стране. Новые требования к одежде определяются возросшими культурными потребностями колхозного крестьянства и ростом его зажиточности. Дальнейшее развитие одежды обусловлено еще бóльшим ростом благосостояния и культуры трудящихся в СССР.

В связи с дальнейшими перспективами развития одежды народов Советского Союза, изучение культурного наследия в области народного костюма и использование народного опыта для создания новых форм приобретают большую актуальность.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. Издания и учреждения

АГО — Архив Географического общества (г. Ленинград)
АКМ — Архангельский краеведческий музей (г. Архангельск)
ВАА — Всесоюзная Академия архитектуры (г. Москва)
ГИМ — Государственный Исторический музей (г. Москва)
ГЛМ — Государственный литературный музей (г. Москва)
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР (включая фонды б. Центрального музея народоведения, позднее — Музея народов СССР) (г. Ленинград)
ИИБАН — Институт истории Академии наук Белорусской ССР (г. Минск)
ИХМЗ — Историко-художественный музей-заповедник (г. Загорск)
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва)
ИЭМЛАН — Историко-этнографический музей Академии наук Литовской ССР (г. Вильнюс)
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран
КСИИМК — «Краткие сообщения Института материальной культуры Академии наук СССР»
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР»
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (г. Ленинград)
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
МНИИХП — Музей научно-исследовательского института художественной промышленности (г. Москва)
МОМ — Московский областной музей (г. Москва)
Музей ЦПО — Музей Центрально-промышленной области
НИИХП — Научно-исследовательский институт художественной промышленности (г. Москва)
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете
РКМ — Рязанский краеведческий музей (г. Рязань)
СА — «Советская археология»
СЭ — «Советская этнография»
УГМЭХП — Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР (г. Львов)
ЦМН — Центральный музей народоведения (г. Москва)
ЭВ — Этнографическая выставка 1867 г., экспонаты которой хранятся в ГМЭ
ЭО — «Этнографическое обозрение»

Б. Названия языков

башк.— башкирский
болг.— болгарский
бур.— бурятский
венг.— венгерский
иранс.— иранский
каз.— казахский
карел.— карельский
кирг.— киргизский
латв.— латвийский
лит.— литовский
мар.— марийский
молд.— молдавский
морд.— мордовский
нем.— немецкий
польск.— польский
рум.— румынский
саам.— саамский
серб.— сербский
слов.— словенский
татар.— татарский
удм.— удмуртский
укр.— украинский
хант.— хантский
хорв.— хорватский
чешск.— чешский
чув.— чувашский
эст.— эстонский
якут.— якутский

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Е. Э. Бломквист

«КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСТРОЙКИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН»

1. Палатное письмо XVIII в. С. Забелло и др. Русское деревянное зодчество. М., 1942, рис. 134 25
2. Расположение поселений в зависимости от физико-географических условий. В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1920, рис. 2—6 . . . . . между стр. 30—31
3. Распределение типов поселений в европейской части СССР в начале XX в. Там же, в конце книги . . . . . между стр. 32—33
4. Деревенская улица. ГМЭ: *1* — 1911 г.; *2* — 1904 г. 51
5. Схематические планы селений. 1—3 — В. П. Семенов. Россия, т. 2. Среднерусская Черноземная область. СПб., 1902, стр. 174; *4*—архив автора, 1922; *5—9* — М. А. Русов. Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии. «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. XIII, ч. 2, 1902, таблица в конце статьи . . между стр. 52—53
6. Улицы украинских селений. *1* — ГМЭ, 1908 г.; *2* — МАЭ, 1947 г. . . . 55
7. Способы рубки углов и соединения бревен. *1 а — г* — М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, рис. 1; *2д* — П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины. М., 1941, рис. 45; *3е—з* — М. Драган. Українскі деревляні церкви, ч. II. Львів, 1937 стр. 4 69
8. Распространение крестьянских хат на Украине по технике и материалу. Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в прошлом и настоящем», т. II. Пг., 1916, карта против стр. 520 83
9. Столбовое жилище. *1* — П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 49; *2* — МАЭ, 1947 г. 85
10. Крестьянские постройки из камня и мела. ГМЭ: *1* — 1902 г.; *2* — 1926 г. 91
11. Светелки на крестьянских домах. Архив автора, 1924 101
12. Поздние формы крыш в крестьянском строительстве. *1* — МАЭ, 1925 г.; *2* — ГМЭ, 1914 г. 103
13. Старая двускатная крыша на самцах. 1 — М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России, вып. I—II. «Живая старина», 1913, рис. 28; *2, 4* — Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, рис. 61, 62; *3, 5* — Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. (Б. м.), 1950, рис. 104, 105; *6, 7* — архив автора, 1922 г. 105
14 а. Виды старинной соломенной кровли у великорусов ГМЭ. *1* — 1902 г.; *2* — 1919 г. 110
14 б. Виды старинной кровли у белоруссов. ГМЭ: *1* — 1905 г.; *2* — 1910 г. . 111
15 а. Виды кровли на украинских хатах. *1* — ГМЭ, 1908 г.; *2* — МАЭ, 1924 г. 114
15 б. Виды кровли на украинских хатах. *1* — МАЭ, 1947 г.; *2* — J. B. Heislera. J. E. Mellon. Under the Carpathians. London, 1946, стр. 20 . . 115
16. Старинные окна великорусских изб. *1* — по рис. А. Л. Колобаева, 1926 г.; *2* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.); *3* — ГМЭ, 1926 г.; 121
17. Крыльца в севернорусском жилище. ГМЭ: *1*—1927 г.; *2*—1911 г.; *3* — 1911 г. 127
18. Двухэтажная связь с балконом и обводной галереей. ГМЭ, 1912 г. . . 129

19. Старый тип однокамерных изб и хат. *1* — ГМЭ, 1927 г.; *2* — J. B. Heisler a. J. E. Mellon. Указ соч., стр. 64 137
20. Связь у великорусов. *1* — ГМЭ, 1908 г.; *2* — архив автора, 1927 г. . . 139
21. Северная изба-двойня. *1* — ГМЭ, 1911 г.; *2* — Р. М. Габе. Указ. соч., рис. 14 147
22. Изба с прирубом. *1* — ГМЭ, 1911 г.; *2* — Л. И. Пересслеп. Постройки Бежецкого уезда. «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926, рис. 86 149
23. Пятистенок. *1* — ГМЭ, 1922 г.: *2* — Л. И. Пересслеп. Указ. соч., рис. 87 151
24. Крестовый дом у русских сибиряков. 1927 г. *1* — ГМЭ; *2* — архив автора 152
25. Крестовая связь у русских сибиряков. 1927 г. *1* — ГМЭ; *2* — архив автора 153
26. Усложнение горизонтального плана украинской хаты. П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, стр. 33—34, рис. 31—33, 36, 38—40 . . . 157
27. Свайные постройки русского Севера. Архив автора. 1900-е годы . . . 159
28. Схема распространения типов крестьянской застройки. Составлена автором 165
29. Севернорусский дом-двор. 1925 г. *1* — ГМЭ; *2* — МАЭ 167
30. Вариант севернорусского дома-двора. По рис. А. Л. Колобаева, 1923 г. 168
31. Надворные постройки севернорусского дома-двора. ГМЭ: *1*—1912 г.: *2* — 1923 г. 169
32а. Типы двухрядной застройки. *1* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой. 1951 г.); *2* — ГМЭ, 1913 г. 174
32б. Старая крестьянская усадьба с двором на отставе. МАЭ, 1953 г. . . 175
33. Внутренность одноэтажного крытого двора среднерусского типа. *1* — по рис. А. Л. Келобаева, 1925 г.; *2* — архив автора, 1924 г. 179
34. Покоеобразный тип усадьбы. *1* — К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930, рис. 73; *2, 3* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1951 г.) 181
35. Южновеликорусский тип застройки, северная разновидность. *1* — ГМЭ, 1904 г.; *2* — архив автора, 1924 г. 187
36. Южновеликорусский тип застройки, северная разновидность. ГМЭ, 1910 189
37. Южновеликорусский тип застройки, южная разновидность. ГМЭ, *1, 2* — 1927 г.; *3* — 1925 г. 190
38. План южновеликорусской крестьянской усадьбы. Архив автора, 1927 г. 191
39. Гуцульский оседок в Карпатских горах. *1* — П. Г. Юрченко. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1949, рис. 1 (второй серии, на стр. 66); *2* — В. Шухевич. Гуцульщина. «Матеріали до українсько-руської этнології», т. II, Львів, 1899, рис. 50 194
40. Застройка усадьбы у украинцев. 1 — ГМЭ, 1907 г. *2* — МАЭ, 1947 г. . 196
41. Украинские надворные постройки. ГМЭ, 1925 г. 197
42. Застройки усадьбы у белорусов. *1* — ГМЭ, 1904 г.; *2* — МАЭ, 1940 г. . 199
43. Белорусские надворные постройки. ГМЭ: *1, 2* — 1940 г.; *3* — 1925 г. . 201
44. Замкнутые дворы в Сибири. *1* — Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, рис. 30; *2* — его же. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 36 205
45. Сибирские варианты двухрядной связи. Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, рис. 78 и 86 207
46. Внутренняя планировка русского и украинского жилища. *1, 3* — архив автора, 1923—1924 гг.; *2* — ГМЭ, 1902 г.; *4* — П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, стр. 31, рис. 26 215
47. Внутреннее устройство русского жилища. *1* — рис. по фото ГМЭ, 1911 г.; *2* — по рис. А. Л. Колобаева, 1922 г.; *3* — архив автора, 1924 г. 217
48. Зимнее утро в украинской хате (с картины худ. И. Г. Ришевского). Киевский гос. музей украинского искусства 229
49. Лжичник в украинской хате. Архив ИЭ (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.) 231
50. Внутреннее устройство старинной гуцульской хаты. Рис. Е. Л. Кульчицкой 232
51. Обзор основных типов планировки восточнославянского жилища. Составлено автором 235
52. Древние печи на территории Восточной Европы. *1* — КСИЭ, VIII. М.—Л., 1949, рис. *1*; *2* — А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII веков. СЭ, 1948, № 4, рис. 3 253
53. Виды старой русской (духовой) печи. ГМЭ, 1910 г. 259
54. Поздняя форма русской печи. МАЭ, 1925 г. 262

55. Летние печи для выпечки хлеба. ГМЭ: *1* — 1910 г.; *2* — 1928 г. . . . 264
56. Приспособления для держания лучины: *а* — с фотографии ГМЭ, 1907 г.; *б* — Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929, рис. 8—10; *в* — «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 394; *г* — МАЭ, XIX в.; *д* — ГИМ 273
57. Ворота великорусских дворов. *1* — ГМЭ, 1912 г.; *2* — ГМЭ, 1927 г.; *3* — Гос. музей русской архитектуры им. Щусева, Москва. Постройка конца XIX в. 281
58. Виды русских деревень XVII в. А. Мейерберг. Виды и бытовые картины России XVII века. Альбом. СПб., 1903, рис. 10, 13 285
59. Колодцы. МАЭ: *1* — 1953 г.; *2* — 1925 г. 289
60. Основные типы великорусских снопосушилен. *1* — по рис. А. Л. Колобаева, 1923 г.; *2* — рис. по фото ГМЭ, 1910 г. 297
61. Различные виды овинов у украинцев и белорусов. ГМЭ: *1* — 1904 г.; *2* — 1900 г. 301
62. Печь в крестьянской риге. МАЭ, 1925 г. 302
63. Крытые великорусские гумна. ГМЭ: *1* — 1923 г.; *2*—1910 г.; *3*—1912 г. . 304
64. Крытые гумна белорусов. ГМЭ: *1* — 1905 г.; *2* — 1926 г. 305
65. Украинская шестисошная клуня, ГМЭ, 1910 г. 306
66. Севернорусские амбары. ГМЭ, 1911 г. 310
67. Сусеки (закрома) для зерна. *1* — по рис. А Л. Колобаева, 1923 г.; *2* — архив ИЭ (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1947 г.) 311
68. Личины старинных замков на житницах. Архив автора, 1923 г. . . . 312
69. Южновеликорусские амбары. ГМЭ: *1* — 1927 г.; *2* — 1926 г. 313
70. Приспособления для хранения и сушки сена и снопов на Севере. *1* — по рис. А. Л. Колобаева, 1927 г.; *2*—ГМЭ, 1926 г.; *3* — А. Мейерберг. Указ соч., рис. 24 317
71. Мельница-столбовка XVIII в. [В. Зуев]. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Питербурга до Херсона в 1751 и 1782 г. СПб., 1787, в конце книги 319
72. Ветряная мельница-столбовка. ГМЭ, 1910 г. 320
73. Шатровые ветряные мельницы. ГМЭ: *1* — 1916 г.; *2* — 1925 г.; *3* — 1902 г. 323
74. Толчея-крупорушка. По рис. Р. М. Габе, 1938 г. 325
75. Деревенские бани великорусов и белорусов. *1* — МАЭ, 1925 г.; *2* — ГМЭ, 1905 г. 341
76. Внутренний вид черней бани в Карелии. По рис. А. Л. Колобаева, 1926 г. 343
77. Резные дымники. Архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) . . 349
78. Охлупни на старых двускатных крышах. *1, 2* — по рис. Р. М. Габе; *3* — с экспоната МАЭ 350
79. Охлупень со стамиком на крыльце и «курицы». По рис. Р. М. Габе, 1938 350
80. Резные потоки, или водотечники, на северных избах. *1, 2, 5* — по рис. Р. М. Габе; *3, 4* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) . . 351
81. Помочи, выпуски, пропуски — кронштейны для поддержки двускатной крыши. *1* — по рис. Р. М. Габе, *2, 3* — ГМЭ, 1911 г. 352
82. Коньки на двускатных крышах крестьянских построек и шпили, развившиеся из коньков. *1* — архив автора, 1924 г.; *2, 3* — Н. М. Никольскі. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераньнях беларускага сялянства (Беларуская Акадэмія навук, Інстытут гісторыі, Працы сэкцыі этнографіі, вып. III.). Менск, 1933, рис. 2 и 7; *4* — П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 96 353
83. Коник — лавка у двери в старинной избе. По рис. Р. М. Габе, 1938 г. 355
84. Коники на севере Украины. Л. Шульгина. «Коник». Прикраса на форму кіньскої голови та занепад її орнаментальної форми. «Матеріяли по етнології и антропології», т. XXI—XXII, ч. 1. Львів, 1929, стр. 128—130 (фиг. 1, 7, 15, 19, 22) 356
85. Резные полки с изображением конских голов. П. Г. Юрченко. Народное жилище Украины, рис. 103—105 356
86. Опушенные лавки в старинной избе великорусов. Архив Академии художеств в Ленинграде, 1936 г. 357
87. Верх старинного дома. По рис. Р. М. Габе, 1938 г. 357
88. Причелины с городковой резьбой и отверстиями. По рис. Л. И. Песселеп, 1922 г 359

89. Причелины со сквозной резьбой на северных избах. Р. М. Габе. Указ. соч., рис. 112—114 359
90. Старинные наличники с долбленой резьбой. *1* — архив автора, 1924 г.; *2—4* — по рис. Л. И. Песселеп, 1920-е годы 361
91. Старинные резные подзоры под крышей и над окнами. По рис. Л. И. Песселеп, 1920-е годы 363
92. Старинный наличник с прорезью раннего типа. По рис. А. Л. Колобаева, 1922 г. 364
93. Старинная сквозная прорезь на наличниках (XVIII в.) *1—6* — А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. IV. М., 1910, табл. 55, *1, 2, 13, 15*; *7, 8* — с рис. Д. В. Милеева 365
94. Простейшие формы выпильных украшений очелий наличников. По рис. Г. Лесовика, 1922 г. 366
95. Наличники, покрытые кружевной пропильной резьбой. По рис. Л. И. Песселеп, 1920-е годы 367
96. Выпильные накладные украшения изб. Архив автора, 1922 г. 368
97. Изба, обильно покрытая пропильными украшениями. Архив ИЭ (экспедиция Л. Н. Чижиковой, 1951 г.) 369
98. Старинные резные наличники северновеликорусов. ГМЭ, 1912 г. . . . 371
99а. Глухая резьба Среднего Поволжья. Архив ВАА 374
99б. Глухая резьба Среднего Поволжья. *1* — Архив ВАА; *2* — ГМЭ . . . 375
100. Появление пропиловки в глухой резьбе Среднего Поволжья. *1, 4* — архив ИЭ (экспедиция Л. Н. Чижиковой, 1951 г.); *2, 3*, — М. П. Званцев. Домовая резьба. [Б. м.], 1935, рис. 98, 99 382
101. Резьба на жилищах русских сибиряков. *1* — Е. Ащепков. Русское народное зодчество Западной Сибири, рис. 184; *2* — его же. Русское народное зодчество Восточной Сибири, рис. 156 383
102. Резьба на воротах сибирских жилищ. ГМЭ, 1906 г. 384
103. Резьба на сволоках украинских хат. *1* — П. Г. Юрченко. Дерев'яне зодчество України, рис. 69 (второй серии, на стр. 119); *2—4* — В. Шухевич. Гуцульщина. «Матеріали до українськo-русскої этнології», т. IV. Львів, 1901, рис. 215; *5* — Д. И. Эварницкий. Запорожье в остатках старины и преданиях народа, ч. II. СПб., 1888, рис. 10 . . . 386
104. Роспись в украинских хатах. ГМЭ, 1909 г. 393
105 Изображение, считающееся портретом Максима Зализняка. С экспоната ГМЭ, приобретенного в 1912 г. 395
106. Роспись на печах украинских хат. ГМЭ: *1* — 1915 г.; *2* — 1925 г. . . . 397
107. Роспись простенка. ГМЭ, 1925 г. . . . . между стр. 396 и 397
108. Наружная роспись хат. ГМЭ, 1925 г. 398
109. Раскраска и роспись резного наличника. По рис. Р. М. Габе 1927 г. . . . . между стр. 400—401
110. Раскраска и роспись на наличниках двух окон. Рис. А. Л. Колобаева, 1922 г. . . . . между стр. 402—403
111а. Роспись в домах русских старожилов Южного Алтая. *1* — ГМЭ, 1927 г.; *2* — архив автора, 1927 г. 404
111б. Роспись на простенке в комнате крестовой связи. Архив автора . . 405
112. Роспись на кутной заборке с изображением Ермака. ГМЭ, 1906 г. . . 406
113. Старинный стол с большой столешницей в крестьянской избе. Архив Академии художеств в Ленинграде, 1936 г. 421
114. Старинная русская переметная скамья. А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. VIII. М., 1912, табл. 109, *5* . . 422
115. Старинная лубяная коробья северновеликорусов. Архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) 424
116. Старинная восточнославянская утварь для хранения одежды и прочего имущества. *1, 2* — W. Dynowski. Barwne kufry chlopske z okolic Wileńszczyzny i Polesia. Wilno, 1934, фиг. 1 и 2; *3* — В. Шухевич. Гуцульщина, т. IV, рис. 169, *12* 425
117. Украинская скрыня. ГМЭ . . . . . между стр. 430 и 431
118. Гуцульские скрыни. ГМЭ (приобретены в 1914 г.). 433
119. Старинная самодельная мебель крестьян. ГМЭ. 433
120. Приспособления для обучения маленьких детей сидению, стоянию и ходьбе. *1, 2, 5, 6* — Л. Шульгина. Фізичне виховання немовлят. «Записки Етнографічного товариства». Киев, 1925, рис. III—VI; *3, 4* — Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. М., 1884, фиг. 176 и 177; *7* — ГМЭ 435
121. Деревенские шкафы. *1* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.); *2* — архив автора, 1927 г. 438

Н. И. Лебедева

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН *

1. Ножницы для стрижки овец. РКМ 469
2. Орудия для чесания льна, конопли и шерсти. *1, 2* — Музей ЦПО, 1927 г.; *3, 4* — ГМЭ, 1925—1927 гг.; *5* — архив ОЛЕАЭ, 1929 г. 470
3. Лучок со струной для разбивания шерсти. ГМЭ, 1926 г. 470
4. Орудия молотьбы льна и конопли. *1, 2* — РКМ, 1951 г.; *3* — архив ОЛЕАЭ, 1929 г. 474
5. Мялки. ГМЭ, 1927 г. 476
6. Мятье конопли. РКМ, 1951 г. 477
7. Ступы для точения льна и конопли. *1* — РКМ, 1951 г., *2* — архив Рязанского пед. ин-та, 1950 г., *3* — ГМЭ, 1927 г. 478
8. Трепала. *1* — Музей ЦПО, 1925 г.; *2* — ГМЭ, 1925 г.; *3* — РКМ, 1951 г. 479
9. Прядение руками верчи. РКМ, 1951 г. 481
10. Завязывание петли при прядении на веретене. РКМ, 1951 г. 481
11. Веретена и пряслица. *1—4* — РКМ, 1951; *5* — Музей ЦПО, 1924 г.; *6* — архив Рязанского пед. ин-та, 1950 г. 483
12. Самопрялки. *1* — архив ОЛЕАЭ, 1929 г.; *2* — Музей ЦПО, 1927 г.; *3* — ГМЭ, 1925 г. 484
13. Скально — прибор для мотания цевок. РКМ, 1951 г. 486
14. Типы прялок. *1* — РКМ, 1932 г.; *2* и *4* — архив Рязанского пед. ин-та, 1950 г.; *3* — ГМЭ 487
15. Резные прялки середины XIX в. Московский музей кустарной промышленности 488
16. Моталки. *1* — Музей ЦПО, 1927 г.; *2* — ГМЭ, 1927 г.; *3* — ГЛМ . . . 492
17. Орудия для разматывания ниток. *1* — Музей ЦПО, 1927 г., *2* — Е. С. Радченко. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла. Воскресенск, 1948 . . . 493
18. Сновалки. *1, 2* — ГМЭ, 1927 г.; *3* — архив Рязанского пед. ин-та, 1950 г.; *4* — Музей ЦПО, 1927 г. 496
19. Дерганье поясков и обор. ГМЭ, 1926 г. 500
20. Плетение на вилочке. ГМЭ, 1927 г. 502
21. Плетение с гребня. РКМ, 1951 г. 503
22. Тканье на дощечках. ГМЭ, 1927 г. 505
23. Тканье на бердечке. ГМЭ, 1926 г. 507
24. Тканье на нить. ГМЭ, 1927 г. 508
25. Вертикальные ткацкие станы. *1* — ГМЭ; *2* — А. Зарембский. История и техника тканья украинских килимов. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1946 ; *3* — архив ИЭ, 1954 г.; *4* — реконструкция автора 511
26. Горизонтальный рогожный ткацкий стан. РКМ 515
27. Горизонтальные ткацкие станы. *1* — архив Рязанского пед. ин-та, 1951 г.; *2* — РКМ, 1951 г.; *3, 4* — ГМЭ, 1926—1927 гг. 516
28. Части неподвижных горизонтальных ткацких станов. *1, 2, 4* — ГМЭ, 1925—1927 гг.; *3* — РКМ, 1951 г. 519
29. Челноки. *1, 2* — РКМ, 1951 г.; *3* — ГМЭ, 1924 г. 520
30. Ткани, сотканные на двух подножках. РКМ . . . . . между стр. 522—523
31. Ткань *1* — выполненная на четырех и более подножках. Архив ИЭ, 1954 г.; *2* — выполнение закладной техникой. РКМ, 1923 г. 525
32. Узор ткани, выполненной браной техникой. РКМ . . . . между стр. 528—529
33. Поневная ткань, сотканная браной техникой, соединенной с тканьем на четырех подножках. РКМ . . . . . между стр. 530—531
34. Украинские плахты. УГМЭХП 531
35. Распространение типов тканей и орудий обработки прядильных материалов. Карта составлена автором 537

---

* Рисунки и цветные иллюстрации к работе Н. И. Лебедевой выполнены М. А. Твердовой.

Г. С. Маслова

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ И БЕЛОРУСОВ

1. Одежда крестьянок Воронежской губ. и уезда. ГМЭ, из альбома Павлова и Второва 551
2. Одежда украинцев. *1* — МАЭ; *2* — УГМЭХП 552
3. Украинки в праздничной одежде — в плахтах, кирсетках, винках и платках. ГМЭ 554
4. Праздничная одежда белорусских крестьян. ГМЭ 555
5. Помор в кожаной одежде для рыбной ловли. ГМЭ 557
6. Женщина в старинном праздничном наряде. ГМЭ 562
7. Девушки поморки в перевязках и сарафанах. ГМЭ 564
8. Русская и украинская набойка. *1, 2* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.); *3* — УГМЭХП 574
9. Деталь резного диптиха из кости. В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд, СПб., 1881, стр. 56 577
10. *1* — бронзовая мужская фигурка из кургана Полтавской обл. В. Прохоров. Указ. соч., табл. II; *2* — серебряная мужская фигурка VI в. из Киевщины. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, рис. 10. 577
11. Миниатюра из Псковского Устава (XI—XII в.) 578
12. Московская одежда XVII в. по гравюрам А. Олеария. По кн. В. Прохорова «Русские древности», СПб., 1866, между стр. 16—17. 579
13. Русская мужская рубаха XVII в. ГИМ 580
14. Покрой русских и белорусских мужских рубах XIX—XX вв. *1, 2* — ГМЭ; *3, 4* — ГЛМ; *5* — архив ИЭ (экспедиция О. А. Ганцкой, 1949 г.) . . . 582
15. Распространение типов мужских рубах и штанов в середине XIX в. Карта составлена автором . . . . . между стр. 582—583
16. Покрой мужских сорочек XIX — начала XX в. *1* — ГМЭ; *2* — архив ИЭ (экспедиция Д. В. Найдич, 1945 г.); *3* — архив ИЭ, по рис. М. Н. Шмелевой (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.) 583
17. Покрой мужских сорочек XIX — начала XX в. *1—3* — ГМЭ; *4* — Сб. «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, фиг. 31 586
18. Мужские рубахи. ГМЭ 587
19. Гуцулы в национальной одежде. УГМЭХП 590
20. *1* — крестьянин-украинец XVIII в.; *2*—«литовский мужик». А. Ригельман. Повествование о Малой России. М., 1847, рис. 9, 11 591
21. Покрой мужских штанов XIX — начала XX в. *1, 2, 4* — ГМЭ; *3* — ГИМ; *5, 6* — архив ИЭ (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.) 593
22. Украинские мужские безрукавки. Архив ИЭ, по рис. М. Н. Шмелевой (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.) 595
23. Мужские головные уборы XIX в. *1, 2* — ГМЭ; *3* — Музей ЦПО (экпедиция Г. С. Масловой, 1928 г.); *4—6* — «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Пг., 1916, табл. XII; *7* — архив ИЭ 599
24. Игрища славян-вятичей. Миниатюра Кенигсбергской летописи (XV в.) . 601
25. Русские женские рубахи. *1* — ГМЭ, рис. В. Н. Лазаревской; *2* — архив ИЭ, рис. В. С. Масловой (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) . . . 602
26. *1* — юбка холщевая с вышитым подолом. АКМ; *2* — «подол» — холщевая юбка. Архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) 603
27. *1* — сорочка с разрезом сбоку. Архив ИЭ, рис. М. Н. Шмелевой (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.); *2* — «пидшивка» из холста. Архив ИЭ (экспедиция Д. В. Найдич, 1945 г.) 604
28. Распространение типов женской рубахи у русских, украинцев и белорусов... Карта составлена автором . . . . . между стр. 604—605
29. Женские туникообразные рубахи. *1* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.); *2* — Н. Ф. Яковлев. Материалы по одежде донских казаков. ЭО, 1916, № 1—2, рис. 1, *2*; *3* — ГИМ (экспедиция А. А. Лебедевой, 1951 г.); *4* — архив ИЭ (экспедиция О. А. Ганцкой, 1949 г.) . . 606
30. Женские рубахи с прямыми поликами. *1* — ГЛМ; *2* — ГМЭ; *3* — МАЭ 608
31. Женские рубахи конца XIX — начала XX в. *1* — ГЛМ; *2, 4* — ГМЭ; *3* — архив ИЭ (экспедиция Д. В. Найдич, 1945) 609
32. Русские праздничные рубахи молодых женщин конца XIX — начала XX в. *1, 2* — ГМЭ; *3* — Музей ЦПО (экспедиция Г. С. Масловой, 1926 г.) 610
33. 1 — рукав женской рубахи. Рязанская губ. Рис. В. Я. Яковлевой, 1953 г.; *2* — вышивка рукава. Тамбовская губ. ГМЭ . . . . . между стр. 614—615

34. Женская рубаха из холста, вышитая бумагой. ГИМ, рис. Н. А. Юсова 616
35. Узоры женских украинских сорочек. УГМЭХП 617
36. Девушки в праздничной одежде: сорочках, сподницах, фартуках, украшенных браными узорами. Гродненская губ. ГМЭ 618
37. Женские рубахи. *1* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.); *2* — ИХМЗ, рис. О. П. Преображенской 619
38. Русские поневы XIX — начала XX в. *1* — архив Рязанского пед. ин-та, 1951; *2—4* — ГМЭ, фото А. А. Гречкина 622
39. Поневы Орловской и Смоленской губ. *1, 2, 4* — архив ИЭ (экспедиция Н. И. Лебедевой, 1926 г.); *3* — ГМЭ 623
40. Способы ношения поневы. ГМЭ 624
41. Распространение типов поясной женской одежды и сарафана. Карта составлена автором . . . . . между стр. 623—624
42. Украинская женская одежда конца XVIII в. А. Ригельман. Указ. соч., табл. 19, 20, 21 629
43. Женская поясная одежда. ГМЭ 630
44. Девушка в запаске, киптаре и уплитках. УГМЭХП 632
45. Женская поясная одежда. *1, 2* — ИЭМЛАН; *3* — УГМЭХП 634
46. Покрой русских сарафанов. *1, 3, 4* — ГМЭ; *2* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1948 г.) 638
47. *1* — девушка в черном шерстяном сарафане; *2* — замужняя крестьянка в поневе. АГО 639
48. Сарафаны XIX в. *1* — музей ЦПО (экспедиция Г. С. Масловой, 1926 г.); *2* — АГО; *3* — ГМЭ 641
49. *1* — шушпан с тканым узором. ИХМЗ; *2* — шушун украинский. МАЭ, рис. Е. Е. Григорьевой 644
50. Навершники. Музей ЦПО, рис. Н. А. Юсова (экспедиция Г. С. Масловой, 1925 г.) . . . . . между стр. 644—645
51. *1* — «нарукавники» из холста. ГМЭ; *2* — душегрейка из бархата. ГМЭ . 648
52. Женские безрукавки XIX — начала XX в. *1, 2* — ГМЭ; *3* — архив ИЭ (экспедиция Д. В. Найдич, 1945 г.) 649
53. Женские передники конца XIX — начала XX в. *1* — МАЭ; *2—4* — ГМЭ 651
54. Русские девичьи косники. *1* — ГМЭ; *2—4* — МНИИХП 653
55. Русские девичьи головные уборы. ГМЭ, рис. В. Н. Лазаревской . . . 654
56. Девушка в «лентке с ковылем», в поневе и шушпане. Архив Рязанского пед. ин-та (экспедиция Б. А. Васильева и Н. И. Лебедевой, 1951 г.) . 655
57. Белорусская невеста в венке и свитке. ГМЭ 655
58. Девичьи головные уборы. *1, 2* — ГИМ; *3* — ГМЭ 656
59. Способы повязывания полотенчатого головного убора XIX — начала XX в. ГМЭ 662
60. Распространение типов женских головных уборов у русских, украинцев и белорусов в середине XIX в. Карта составлена автором . между стр. 662—663
61. Женские белорусские и украинские головные уборы. *1* — ГЛМ; *2* — УГМЭХП 664
62. Платки и косынки. *1, 2* — ГМЭ; *3* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1951 г.) 665
63. Способы повязывания платка. ГМЭ 667
64. Кичкообразные уборы. *1* — ГМЭ; *2* — МОМ (экспедиция Г. С. Масловой, 1929 г.) 669
65. Типы русских сорок. *1* — ГИМ, рис. Н. А. Юсова; *2* — архив ИЭ (экспедиция Н. И. Лебедевой, 1923 г.); *3* — ГМЭ 671
66. Части кичкообразного убора. *1, 4* — ГИМ; *2, 3* — ГМЭ 672
67. Женские головные уборы (кичкообразные). 1 — ГЛМ; *2* — МНИИХП; *3—6* — ГМЭ 673
68. Женские глиняные фигурки из археологических раскопок в Киеве. Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XXXVIII 674
69. Головной убор уральских казачек. ГМЭ 675
70. Женские головные уборы XIX в. (кокошники). *1, 4* — ГИМ; *2, 5* — ГМЭ; *3* — Д. К. Зеленин. Женские головные уборы ... «Slavia», вып. 3. Прага, 1927, рис. 31 677
71. Горожанка в островерхом кокошнике. ГМЭ 679
72. Русские кокошники конца XVIII — середины XIX в. ГМЭ 681
73. Разновидности русской самшуры. ГМЭ 683
74. Женщина в убрусе, шапке и сарафане. В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд, табл. VI 686

75. Русские, украинские и белорусские пояса XIX — начала XX в. *1, 2, 6—8* — ГМЭ; *3—5* — ГИМ 691
76. Подвески к поясам. *1* — ГМЭ; *2* — УГМЭХП; *3* — Музей ЦПО (экспедиция Г. С. Масловой, 1928 г.) 693
77. Верхняя одежда украинцев и русских. *1* — УГМЭХП; *2, 3* — ГМЭ . . . 696
78. Девушки в гунях, накинутых на плечи. Архив ИЭ (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.) 698
79. Древнерусская одежда (Заставки новгородских и рязанских рукописей). В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884, табл. LIX и LXXXV 700
80. Свита XVII в. из серого сукна. ГИМ 702
81. Верхняя одежда XIX — начала XX в. *1* — архив ИЭ, по рис. М. Н. Шмелевой (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.); *2—4* — ГМЭ; *5* — архив ИЭ (экспедиция Г. С. Масловой, 1951 г.) 704
82. Верхняя одежда русских и украинцев. *1* — ГМЭ; *2* — ГИМ; *3* — УГМЭХП 709
83. Верхняя мужская одежды русских и белорусов. *1—3* — ГМЭ; *4* — АКМ 710
84. Верхняя мужская меховая одежда. ГМЭ (*2* — фото. А. А. Гречкина) . . 711
85. Распространение типов плетеной и самодельной кожаной обуви в середине XIX в. Карта составлена автором . . . . . между стр. 716—717
86. Типы плетеной обуви. *1* — МАЭ; *2—5* — ГМЭ 718
87. Виды кожаной и валяной обуви. *1, 2* — архив ИЭ, рис. М. Н. Шмелевой (экспедиция И. Ф. Симоненко, 1948 г.); *3—5* — ГМЭ 720
88. Украшения из металла. ГМЭ 729
89. Женские нагрудные и наспинные украшения. *1* — МНИИХП; *2, 3* — ГМЭ; *4* — ГИМ 731
90. «Силянки», низанные из бисера. ГМЭ, рис. худ. В. Н. Лазаревской . . . . . между стр. 732—733

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Э. Бломквист

Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов
(поселения, жилища и хозяйственные строения)

Введение 3
I. Историческая справка 5

II. Поселения восточных славян 27
Древние поселения восточных славян 27
Тип заселения (расположение поселений на местности) 30
Типы сельских поселений 33
Деревня. Весь. Погост. Слобода. Посад. Село. Станица. Околица. Застенок. Место. Торг. Однодворные поселения. Заимка. Починок. Хутор
Типы планировки поселений 41
Кучевая,или гнездовая, деревня. Круговая, или кольцевая, деревня. Радиальная, или лучевая, деревня. Линейная, или рядовая, деревня. Уличная деревня. Планировка сибирских поселений. Поскотина
Ориентировка жилищ по странам света . 58

III. Общая характеристика основных комплексов крестьянских жилищ и дворов (усадеб) 60
Усадьба с крытым двором, вплотную примыкающим к жилью 63
Усадьба с открытым сверху, замкнутым в плане двором 64
Усадьба с открытым сверху и незамкнутым в плане двором 65

IV. Техника крестьянского строительства и конструктивные приемы 67
Срубная техника 67
Традиционные приемы постройки срубного жилища 75
Столбовая техника 83
Другие материалы и способы возведения стен 87
Кирпичные дома. Дома из мела, песчаника и известняка. Постройки из глины
Крыша 96
Конструкция крыши. Материалы и техника покрытия
Оконные и дверные проемы 119
Крыльца, галереи, балконы 126
Обряды при постройке дома 131

V. Развитие типов крестьянского дома 135
Однокамерная постройка 135
Двухкамерная постройка 136
Трехкамерная постройка — связь 138
Усложнение планировки крестьянского жилища 145

VI. Основные типы крестьянских усадеб и надворные постройки (способ застройки усадебного места) 161
Севернорусский двухъярусный дом-двор 161
Среднерусский дом с крытым одноярусным двором 172
Покоеобразная застройка 180
Южновеликорусский замкнутый, открытый сверху двор 186
Украинский двор с несомкнутыми, несвязанными надворными постройками 195
Белорусская усадьба 200
Крестьянские усадьбы в Сибири и у русских поселенцев Средней Азии . 204
Общие соображения 210

VII. Внутренняя планировки жилища 212
Северно- и среднерусский план 213
Восточный южновеликорусский план 220
Западный южновеликорусский план 222
Западнорусский, белорусский и украинский план . . 224
Общие соображения 233
Жилище русских крестьян Сибири и Средней Азии 239

VIII. Печь 252
Происхождение русской печи. Беструбная русская печь. Переходные типы печи. Возведение печи. Назначение русской печи. Другие виды печей. Летние печи. Обряды, связанные с печью

IX. Отопительные и осветительные материалы 267
Топливо 267
Освещение 270

X. Отдельные детали крестьянского строительства 279
Ворота 279
Изгороди 282

XI. Водоснабжение старой деревни 287
Колодцы 287
Проруби 291
Снежинки 293

XII. Хозяйственные строения, большей частью с жильем не связанные . . . 295
Снопосушильни 295
Сноповые и молотильные сараи 303
Амбары 308
Помещения и приспособления для хранения различных продуктов сельского хозяйства 314
Мельницы и толчеи 318
Хозяйственные постройки некоторых промысловых (охотничье-рыболовных) районов Сибири 336
Баня 337

XIII. Украшения на крестьянских постройках . . 348
Резьба 348
Скульптурная обработка дерева. Виды резьбы на причелинах и наличниках. Архитектурная резьба Поволжья. Глухая резьба в Сибири на Европейском севере. Геометрическая резьба
Роспись 387
Роспись украинского жилища. Живопись по дереву
Узорчатая кладка из окрашенных кирпичей 408
Изразцы 409
Русские изразцы. Украинские кафли
Лепка 416

XIV. Обстановка в жилище 419
Стол. Коробья. Кубел. Сундук. Скрыня. Куфар. Подголовник. Рабочие стульчики. Детская мебель. Ткацкий стан. Шкаф. Кровать. Стулья

XV. Воздействие строительной культуры восточных славян на их соседей (в прошлом) 443
Заключение 454

Н. И. Лебедева

Прядение и ткачество восточных славян

Введение 461
I. Материал 464
Шерсть 464
Растительные волокнистые вещества 464
Лен. Конопля. Крапива. Мочало
II. Подготовка материала к прядению 469
Подготовка шерсти 469
Получение шерсти от животного. Чесание и битье шерсти
Подготовка растительных волокнистых веществ 473
Выращивание льна и конопли. Дерганье. Обмолот и другие способы удаления семян. Стлание и мочение льна и конопли. Мятье. Трепание. Чесание
III. Прядение 480
Три способа прядения 480
Верчь. Прядение на веретене. Прядение на самопрялке
Прялки 486
IV. Подготовка ниток к тканью 491
Мотание ниток 491
Разматывание мотков 492
Сучение ниток 494
Снование 495
Снование на стене. Рамочная сновалка. Вертящаяся сновалка
V. Плетение и тканье 499
Плетение 499
Дерганье. Плетение на стене
Полутканье 501
Плетение „на вилочке". Плетение на ноге. Плетение на колодочке
Примитивное тканье 504
Тканье на дощечках. Тканье на бердечке. Тканье на ниту. „Живой стан"
Развитое тканье на вертикальных и горизонтальных ткацких станах . . 509
Вертикальный стан для рогож. Вертикальный стан для ковров. Горизонтальный рогожный стан. Горизонтальный стан с бердом и подножками. Навивка на горизонтальный ткацкий стан. Челноки
VI. Техника тканья 521
Тканье на подножках 521
На двух подножках. На трех подножках в три „цепка" (нита). На четырех подножках.

Закладки 527
Бранье 527
Сложные тканье . 529

На четырех подножках при двух основах с бральницами. На четырех подножках при одной основе с бральницами. На куколках

VII. Обработка готовых тканей 533
Беление холста 533

Валяние сукна 533
Лощение шерстяных тканей 534
Заключение 535

Г. С. Маслова

Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв.

Введение 543
I. Общая характеристика одежды русских, украинцев и белорусов и ее типология 550
II. Материал одежды 568
III. Основные части мужской одежды и головные уборы 577
Рубаха 577
Туникообразная рубаха. Рубаха с прямыми поликами. Сорочка с нашивками на плечах. Рубаха на кокетке. Застежка и украшения рубахи. Способ ношения
Штаны 590
Безрукавки 594
Прическа и головные уборы 595
Прически. Головные уборы
IV. Основные части женской одежды 600
Рубаха 600
Цельные и составные рубахи. Туникообразная рубаха. Рубаха с поликами. Рубаха с воротушкой, с кокеткой и др. Расположение полотнищ. Ворот. Рукава. Способ ношения. Украшения рубахи
Поясная одежда 618
Понева. Дерга. Плахта. Обгортка. Запаска. Юбка
Сарафан 636
Косоклинный глухой. Косоклинный распашной. Прямой сарафан на лямках. Прямой сарафан с лифом
Нагрудная одежда 643
Нагрудник. Нарукавники. Безрукавка. Душегрейка на лямках
Передник 650
V. Женские прически и головные уборы 652
Девичьи прически и головные уборы 652
Прически и головные уборы замужних женщин 658
Прически. Полотенчатые головные уборы. Кичкообразные головные уборы. Кокошники. Самшуры. Повойники, сборники, чепцы. Колпаки. Шапки
VI. Пояс мужской и женский 688
VII. Верхняя одежда мужская и женская 695
VIII. Обувь мужская и женская 714
Обертки и чулки 715
Привязки 717
Собственно обувь 717
Плетеная обувь. Кожаная обувь. Валяная обувь
IX. Рукавицы, перчатки, нарукавники 724
X. Украшения 726
Ручные украшения 726
Височные украшения 727
Ушные украшения 728
Нагрудные украшения 730
Шейные украшения 730

Наспинные украшения 735
Поясные украшения 735
XI. Основные типы традиционной одежды русских, украинцев и белорусов . 737
Русская народная одежда 738
Украинская народная одежда 745
Белорусская народная одежда 749
Историко-культурные связи восточных славян по данным одежды . . . 750
Принятые сокращения 758
Перечень иллюстраций 759
Указатель предметно-терминологический 767

Восточнославянский этнографический сборник

*

Утверждено к печати Институтом этнографии Академии наук СССР

*

Редакторы издательства *Ю. В. Иванова* (работа Е. Э. Бломквист), *Р. С. Липец* (работы Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой)

Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

РИСО АН СССР № 131-84 В. Сдано в набор 5/III 1956 г.
Подп. в печать 28/IX 1956 г. Формат бум. 70×108$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 50,5=69,19+17 вклеек. Уч.-изд. лист. 71,7. Т-09430.
Тираж 2000. Изд. № 1277. Тип. зак. 293

Цена 47 руб.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	8 св.	остатки	останки
32—33	Рис. 3	(по Селинову	(по Семенову
98	2 св.	*строха*	*стреха*
102	29—30 св.	близкая к предыдущей и даже называемая	близкие к предыдущей и даже называемые
103	4 сн.	луианковая	лучинковая
141	4 сн.	*Moszyńki*	*Moszyński*
229	18 сн.	полиция	по́лиця
248	19 сн.	*уруса*	*ураса*
309	26 св.	*паккс*	*пакои*
457	18 сн.	амирные	ампирные
513	25 сн.	женской и поясной	женской поясной
600	10 св.	в середине	с середины
629	10 св.	Днепровщине	Днепропетровщине
647	24 св.	спереди сшита	спереди, сшита
654	6—7 св.	такого металлического	старинного
698	Подпись под рисунком	Закапартской	Закарпатской
724	20 сн.	палец с пятью	палец) с пятью
754	21 сн.	„тегеляй“	„тегилей“
759	16 св.	в конце статьи между стр.	стр.
791	левый столбец 6 сн.	Гафлик	Гаплюк
792	левый столбец 31 сн.	Застилка	Затилка
793	правый столбец 31 св.	Куртка 705, 749	Курта 705, 749